

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

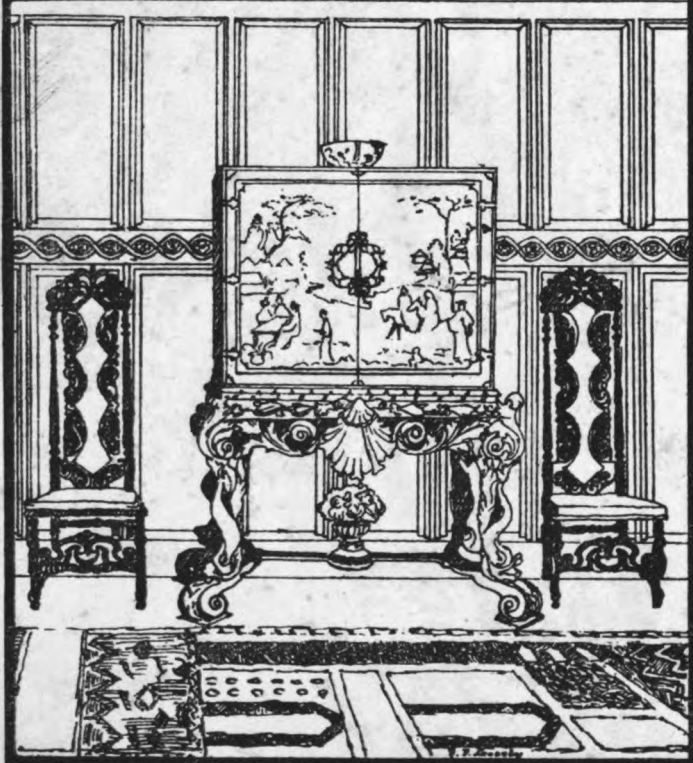
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

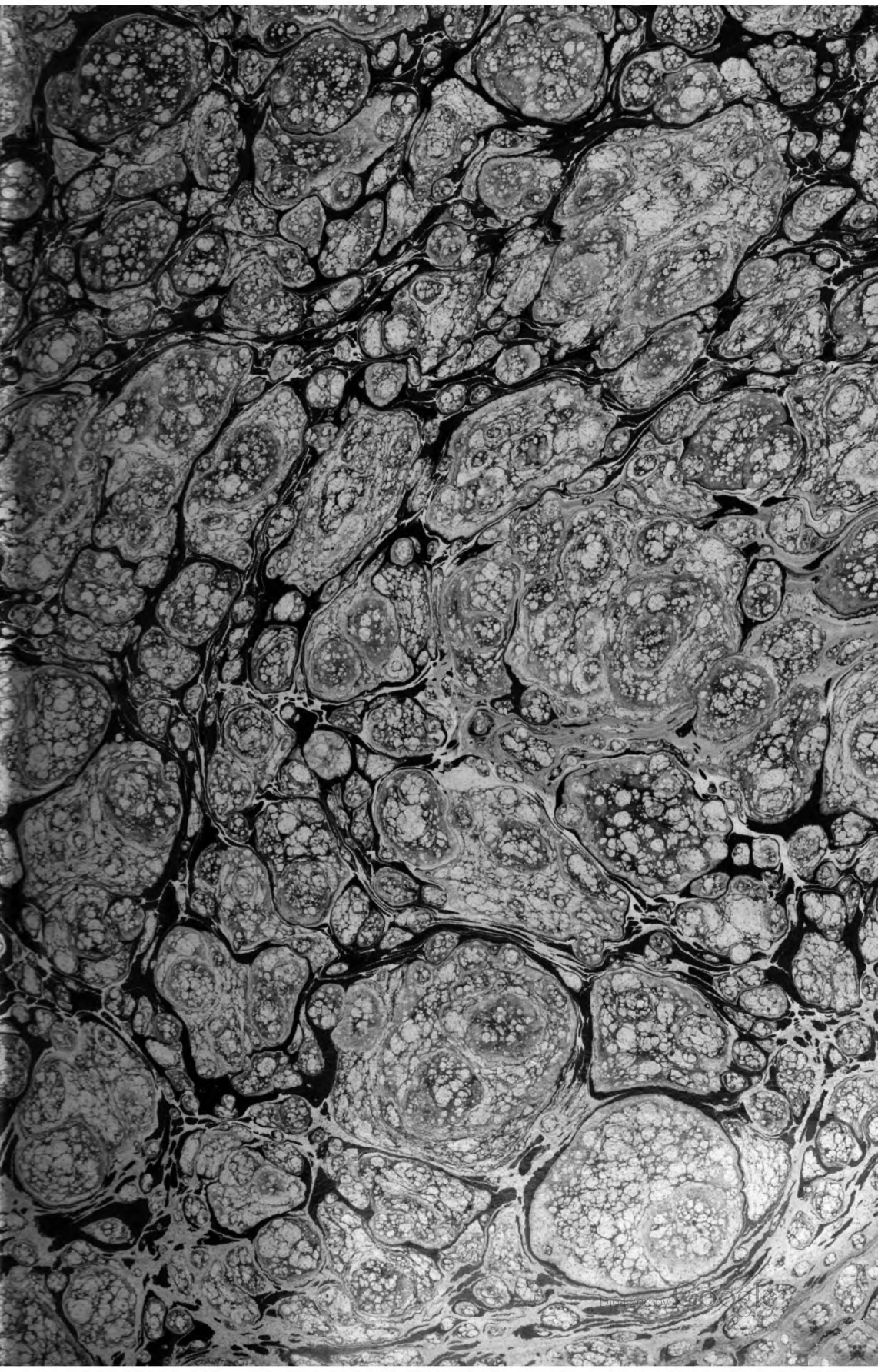

Exc Libris

W.E.D. Allen

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIV-й.

ОКТАВРЬ.

1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ. В. А. Бильба-сова.....	1— 37	VI. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. (1725 — 1794). Варона Н. В. Дризень. 117—143
II. Изъ историческихъ записокъ Іоанна - Альберта Эренстрема. Сообщ. и перевела Н. С. Иванина	38— 62	VII. Записки Д. И. Ростиславова, профес. СПб. дух. акад. Гл. XXXV.....
III. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. X. Поступленіе мое въ институтъ путей сообщенія. — Характеристика хозяйственнаго и фронтоннаго начальства. — XI. Характеристика института путей сообщенія и система преподаванія въ этомъ заведеніи въ началѣ 40-хъ годовъ. — XII. Учебный персоналъ института. — Знаменитый геометръ Остроградскій.....	68— 89	VIII. Дѣло осамовольномъ пріѣздѣ въ Москву тобольскаго архіепископа Симеона, въ 1661 г. (Очеркъ изъ жизни XVII в.). Н. Н. Оглоблина. 162—184
IV. Изъ медицинскаго быта въ прошлую турецкую войну 1877—1878 гг. В. Д. Подгаецкаго.....	90—112	IX. Дневникъ русскаго солдата, взятаго въ плѣвъ при Бомарзундѣ, въ 1854 году, И. Загородникова. Сообщилъ П. С. Лебедевъ.....
V. Письма нязя П. М. Волконскаго къ жемѣ изъ Таганрога въ 1825 г. Сообщилъ Н. О. Зденкауеръ.....	113—116	X. Волынское церковно-археологическое древлехранилище. В. О. Бодяновскаго.....
		XI. Божія милость (къ годовщинѣ 17-го октября 1888 года). Стихотв. С. Бердяева.....
		XII. Графъ А. Ф. Мишо-де-Боретуръ и императоръ Александръ. Н. К. Шилдера.....
		XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа А. Ф. Мишо-де-Боретуръ. Грав. И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Вольная Подъяческая, 39.

1893.

Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1893 г. 4^о. 612+IV+LXX. Ц. 4 руб.

Г-нъ Сапуновъ не новичекъ въ нашей историко-географической литературѣ; его имя уже давно извѣстно читающей публикѣ по большому числу сочиненій, касающихся преимущественно Витебской и Полоцкой губерний. Книга, заглавіе которой выписано нами выше, представляетъ собою первое обстоятельное и всестороннее описание Западной Двины, — рѣки, игравшей, какъ извѣстно, весьма важную роль въ исторіи Русскаго государства. До сихъ поръ объ этой рѣкѣ существовало только нѣсколько небольшихъ брошюръ на польскомъ языкѣ, на нѣмецкомъ тоже есть нѣсколько изслѣдованій, но они носятъ спеціальнѣйшій характеръ, такъ какъ почти всѣ касаются, главнымъ образомъ, нижняго теченія Двины; на русскомъ же языкѣ имѣется всего два, три сочиненія о Западной Двинѣ, но они помѣщены въ спеціальныхъ изданіяхъ и потому недоступны для большинства читающихъ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Сапуновъ скромно заявляетъ, что на его трудъ „слѣдуетъ смотрѣть только какъ на первый шагъ, на первую попытку къ всестороннему описанію Двины“. Понятно, что, поставивъ себѣ такую обширную задачу, авторъ долженъ былъ имѣть подъ рукою массу различныхъ пособій, наводить множество справокъ, рыться въ архивныхъ документахъ и обращаться съ запросами къ специалистамъ. Также понятно, что, при скудости литературы о данномъ предметѣ, трудъ г. Сапунова не лишенъ нѣкоторыхъ неточностей, какъ и самъ онъ сознаетъ въ томъ же предисловіи. Но все же не можемъ не замѣтить, что авторъ вполнѣ добросовѣстно и умѣло выполнилъ принятую на себя задачу.

Постараемся въ краткихъ словахъ познакомить читателей съ содержаніемъ этой интересной книги. Начинаетъ авторъ свое изложеніе съ древнихъ вѣковъ, перечисляя различныя названія, какія Западная Двина носила въ древности и въ послѣдующее время (1-я глава). Между прочимъ, мы узнаемъ что впервые имя Двины (Двины) встрѣчается у неизвѣстнаго равеннскаго географа (Анонимі *Ravennatis libri quinque*), жившаго въ VII (по Шафарьку — въ концѣ IX-го) вѣкѣ, который приводитъ слова готскаго философа Марко-Мира: „Данія рождаетъ мужей весьма умныхъ и храбрыхъ, но не настолько, однако, предприимчивыхъ, какъ тѣ же Даны, которые находятся на берегахъ Двины“. Затѣмъ въ русской литера-

турѣ названіе Двины записано впервые Несторомъ въ его лѣтописи, а именно онъ говоритъ: „Днѣпръ бо потече изъ Волковыскаго лѣса, и потечеть на полднѣ, а Двина ис того же лѣса потечеть на подношье и ввидеть в море Варяжское“ (Лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку, стр. 6-я). Во второй и третьей главахъ авторъ перечисляетъ истоки, притоки и каналы Западной Двины, также приводитъ нѣсколько проектовъ соединенія ея каналами съ другими рѣками; къ этому отдѣлу книги приложены карты Россіи Дженкинсона (1562 г.), карта, составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу Федора Борисовича Годунова, „чертежъ и описаніе, учиненное стольникомъ Максимомъ Цызыревичемъ“ (1701 года декабря 11-го) и др. Геологическій очеркъ береговъ Западной Двины составляетъ предметъ 4-й главы; въ 5-й перечислены пороги, мели, острова и камни въ устьѣ ея; въ 6-й говорится о ширинѣ, глубинѣ, паденіи и быстротѣ теченія Двины, о времени вскрытія и замерзанія. Говоря въ 7-й главѣ о рыбахъ, водящихся въ Западной Двинѣ, и ихъ ловлѣ, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ хроникахъ упоминается, что въ нижнемъ теченіи Двины ловился такъ много лососей, что слуги и рабочіе, заключая условіе о службѣ, оговаривали, чтобы ихъ не кормили этою рыбой болѣе двухъ разъ въ недѣлю; въ настоящее же время, съ обмелѣніемъ рѣки, количество рыбы значительно уменьшилось. Восьмая глава трактуетъ о торговлѣ по Двинѣ съ древнѣйшихъ временъ. При главѣ этой приложены снимки съ грамотъ: литовскаго князя Гердена ливонскому гермейстеру (1265 г.), Изяслава полоцкаго (1265 г.) и др. Въ 9-й главѣ описаны замѣчательнѣйшія мѣстности по Двинѣ. Этотъ отдѣлъ книги особенно богатъ различными рисунками: тутъ мы находимъ виды городовъ, мѣстечекъ, замковъ, планы нѣкоторыхъ городовъ, фотографическіе снимки церкви, монастырей и т. п. Десятая глава, самая малая по объему, носитъ заглавіе: „Двина въ поэзіи“. Въ ней проводится нѣсколько стихотвореній и пѣсенъ — оригинальныхъ и переводныхъ. Обиліе примѣчаній (70 стр.), помѣщенныхъ въ концѣ книги, еще болѣе возвышаетъ цѣнность труда г. Сапунова. Жаль, что при книгѣ нѣтъ алфавитнаго указателя собственныхъ именъ и даже оглавленія. Въ типографскомъ отношеніи книга издана изящно, на хорошей бумагѣ, большинство рисунковъ воспроизведены прекрасно.

Вообщемъ же, трудъ г. Сапунова представляетъ собою солидный вкладъ въ нашу историко-географическую литературу.

Н. К-ш-ъ.

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1893 г.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1893.

DK
1
.R89
v. 80

812

2-11-76

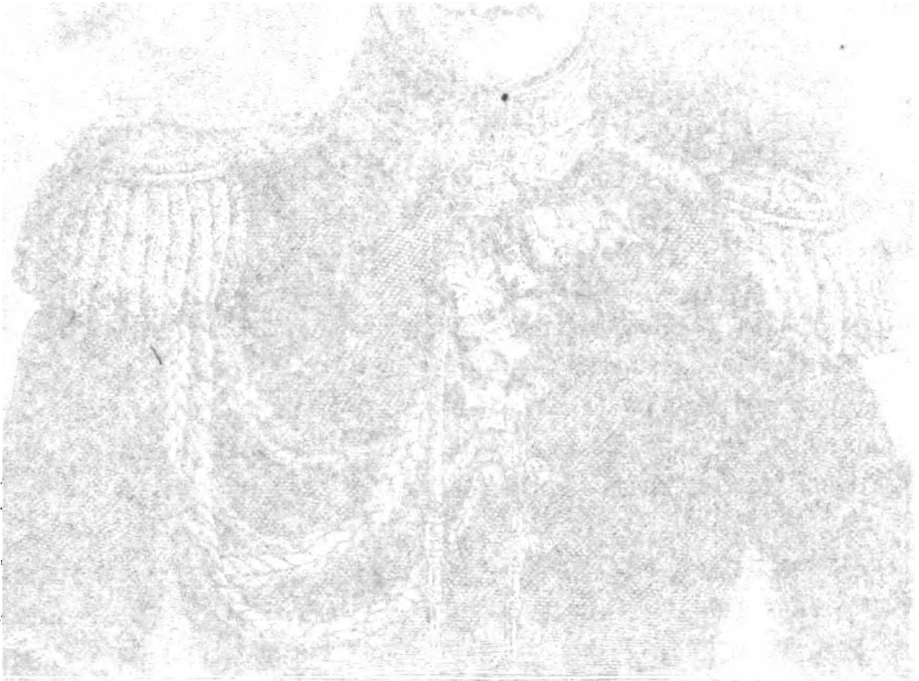
ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОМ. СЕНЬ, 21 СЕНТЯБРЯ 1893 г

ТИП. ТОВА. «БЕШ. ПОЛІЗА». В. ПОДІЛЧ. 39.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ ГРАФЪ
АЛЕКСАНДРЪ ФРАНЦОВИЧЪ МИШО-ДЕ-БОРЕТУРЪ.

р. 1771 † 1841.

Hand-knitted wool sweater
with cable and rib patterns
by [unreadable]

Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Англія всего менѣе извѣстна русскому обществу. Въ нашей культурной исторіи можно указать слѣды польскаго, нѣмецкаго, французскаго, даже голландскаго, пожалуй, шведскаго вліянія, но не англійскаго, имѣвшаго большое значеніе для всѣхъ безъ исключенія европейскихъ государствъ. Объяснять такое «изолированное» положеніе Россіи относительно Англіи географическимъ отдаленіемъ обѣихъ странъ можно лишь отчасти; къ тому же, такое объясненіе было бы справедливымъ только для прошлаго времени, не для настоящаго, когда оба государства, Россія и Англія, стали почти сосѣдями. Во всякомъ случаѣ, можно только пожалѣть, что и до настоящаго времени въ русской печати встрѣчаются самыя противорѣчивыя взгляды на взаимныя русско-англійскія отношенія. Если подобныя противорѣчія происходятъ, какъ обычно, отъ незнанія, отъ незнакомства съ вопросомъ, то послѣдній трудъ проф. Э. Э. Мартенса можетъ оказать въ этомъ отношеніи большую услугу и русской наукѣ, и русскому обществу.

Двадцать лѣтъ назадъ, по предложенію проф. Мартенса, министерство иностранныхъ дѣлъ предприняло изданіе всѣхъ «трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Это не справочный сборникъ, удовлетворяющій только требованіямъ практики, но ученый трудъ, въ которомъ каждому международному акту предшествуетъ «историческое введеніе», объясняющее какъ фактическія обстоятельства, при которыхъ этотъ актъ былъ заключенъ, такъ и дипломатическіе переговоры, его вызвавшіе. Эти введенія, между которыми сохранена историче-

ская связь, составлены на основаніи агентскихъ реляцій и министерскихъ инструкцій, извлеченныхъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, преимущественно изъ московскаго главнаго архива. Такимъ образомъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій» — не сырой, необработанный матерьялъ, пользование которымъ потребовало бы серьезной подготовки, но научно обслѣдованное представленіе международныхъ сношеній Россіи, изложенное, по большей части, подлинными словами современныхъ событію актовъ. Изданные уже договоры Россіи съ Австріею и Германіею заняли девять большихъ томовъ, и въ нихъ, для освѣщенія 376-ти международныхъ актовъ, сдѣланы выписки изъ нѣсколькихъ тысячъ бумагъ, хранящихся въ архивахъ. По этой же системѣ обработанъ проф. Мартенсомъ и послѣдній вышедшій десятый томъ, представляющій «Трактаты съ Англіею» за время съ 1710 по 1801 годъ, т. е. всецѣло посвященный XVIII вѣку.

Правильныя международныя сношенія Россіи съ Англіею начаты только Петромъ Великимъ; до него сношенія русскихъ людей съ Англіею имѣли исключительно торговый характеръ, причеиъ «политическія конъюнктуры» не играли никакой роли. Англія едва ли не позже всѣхъ европейскихъ державъ услышала о Россіи. Между тѣмъ какъ Григорій Истома жилъ уже въ 1496 году при датскомъ дворѣ, Власій посѣтилъ Испанію, а Трусовъ и Ладыгинъ ѣздили въ 1526 году къ папѣ Клименту VII, только въ 1553 году частная англійская компанія ¹⁾, совершенно случайно, благодаря бурѣ, прибившей англійскій корабль къ устью Двины въ Студеномъ морѣ, открыла Московское государство, существованія котораго англичане даже и не подозрѣвали. Первое англійское сочиненіе о Россіи, Адамса, такъ и озаглавлено: «Открытіе Московскаго Королевства ²⁾».

¹⁾ Полное названіе этого товарищества англійскихъ торговыхъ людей: *Mystery, company and fellowship of merchants adventurers of England for the discovery of lands, territories, iles, dominions and seigniores unknowen and not before that late adventure or enterpise by sea and navigation commonly frequented.*

²⁾ *The newe navigation and discoverie of the Kingdome of Moscovia by the Northeast, in the yare 1553, enterprise by sir Hugh Willoughbie Knight and perfourmed by Richard Chanselor filot maior of the voyage, written in Latin by Clement Adams.* О трудѣ Адамса, равно какъ и

Изъ трехъ кораблей, отправленныхъ компанією «къ дальнимъ поморьямъ на открытіе пути для привоза и вывоза товаровъ», два погибли у Мурманскаго берега, причеъ весь экипажъ замерзъ, и только «Эдуардъ Бонавентуръ» съ главнымъ штурманомъ экспедиціи, капитаномъ Ричардомъ Ченслеромъ, «открылъ» Россію. Московскій царь Иванъ IV Васильевичъ обласкалъ смѣлаго мореплавателя, пожаловалъ англійской торговой компаніи право на безошплинный торгъ всякими товарами по всей Россіи и, въ 1556 году, отправилъ вологодскаго намѣстника Осипа Ивановича Непѣя царскимъ посланцемъ въ Лондонъ. Такъ начались сношенія Московской Руси съ Англією и въ теченіе полтора ста лѣтъ, до Петра Великаго, ограничивались чисто торговыми интересами.

Умный Иванъ IV очень желалъ заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Елизаветою англійскою, но парламентъ и слышать не хотѣлъ о подобномъ союзѣ: англичане признавали «неудобнымъ» обязываться союзомъ съ Россією и отклонили всѣ его предложенія. Иванъ разгнѣвался и написалъ Елизаветѣ: «Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государственной чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла и хотѣли съ тобою дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ, и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица». Хотѣлъ Иванъ IV и породниться съ англійскимъ королѣвскимъ домомъ, но это желаніе «обратилось невъего пользу»¹⁾.

Не только при Иванѣ IV, даже во время Петра Великаго и позже «торговые мужики» упорно отклоняли русскія предложенія о союзномъ договорѣ²⁾ и всѣми силами добивались связать Россію

Ченслера (The booke of the Emperour of Russia and Duke of Moscovia) см. Ю. В. Толстаго, Первые сношенія Англии съ Россією, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1873, июнь, 489.

¹⁾ „Извѣстія о бракахъ царя Іоанна Васильевича“, см. „Мѣсяцесловъ историческій и географическій на 1779 годъ“, стр. 105.

²⁾ При Петрѣ В. они вступили даже въ союзъ съ врагами Россіи. „Пожеже нынѣ англичане въ союзъ со шведами вступили, того ради надлежитъ вамъ всемирно гишпанской стороны искать“, писалъ Петръ кн. Б. А. Куряину отъ 20 сентября 1719 г. Арх. кн. Курякина, I, 11.

коммерческимъ трактатомъ. Англійскіе купцы доказывали, что они своею торговлею обогащаютъ Россію: «Торговля англичанъ превосходить, по словамъ инструкціи отъ 31 августа 1731 года, торговлю прочихъ націй, такъ какъ сумма оборотовъ англійскихъ купцовъ не только равняется суммѣ оборотовъ всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ, но даже превышаетъ ее. Ежегодно вывозится изъ Россіи англичанами товару, по крайней мѣрѣ, на 300.000 фун. стерл. Три четверти этого товара покупается на серебро, слѣдовательно ежегодный доходъ Имперіи Россійской съ этой статьи достигаетъ 225.000 фун. стерл. ¹⁾». Русскіе же торговые люди, напротивъ, твердо стояли на убыточности для нихъ англійской торговли: «Русскимъ людямъ сообща съ англичанами торговать нельзя; англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется». Англичане хотѣли монополизировать всю русскую торговлю въ пользу частной своей компаніи; русскіе отвѣчали, что «это дѣло нестаточное и въ никакихъ государствахъ этого не водится». Царь Оедоръ Ивановичъ писалъ королевѣ Елизаветѣ: «Бьютъ намъ челомъ многіе нѣмцы разныхъ земель, англичане (не изъ компаніи), французы, нидерланды и другихъ земель, на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ, а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это отъ твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ выгоняютъ? Божію дорогу, Океанъ-море какъ можно перенять, унять и затворить?» Вообще, въ торгово-промышленныхъ сношеніяхъ съ англичанами русскіе люди выказали много практическаго смысла: англичане просили о дозволеніи разрабатывать желѣзную руду въ Россіи — имъ охотно дозволили это, потому что «если англичане будутъ находить руду и выдѣлывать желѣзо, то никому убытка не будетъ, а только прибыль»; англичане пожелали добывать алебастръ — и это имъ разрѣшили, потому что «если они станутъ его брать отъ берега, то судамъ легче ходить будетъ»; русскіе люди здраво смотрѣли на

¹⁾ При Екатеринѣ II, доходъ этотъ возросъ до 600.000 фунтовъ стерлинговъ. Деспеша Макартнея, отъ 1 марта 1765 года: It is proved that Russia receives six hundred thousand pounds sterling per annum, being the balance of trade in her favour, in her commerce with England. С б о р н и к ѣ, XII, 201.

вещи и справедливо полагали, что «какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промыслять». Англичане давились русскимъ лопарямъ; въ недавно пріобрѣтенной англичанами Гренландіи много оленей, предвидится большой бой китовъ, моржей, но нѣтъ людей, знающихъ ловить и утилизовать оленей; англичане просили дать имъ въ учителя лопарей двадцать,—имъ дали.

И тогда уже, въ самомъ началѣ англо-русскихъ сношеній, шелъ вопросъ объ Индіи, но въ иной формѣ, чѣмъ въ наши дни. Въ 1614 году, посланникъ короля Якова I, Джонъ Мерикъ, хорошо извѣстный русскимъ людямъ англійскій купецъ Иванъ Ульяновичъ, добивался получить разрѣшеніе для англійскихъ купцовъ торговать, чрезъ Россію, съ Персією и искать «путь въ восточную Индію рѣками Обью и Леною». Спросили мѣстные по этому поводу русскихъ торговыхъ людей, и они отвѣчали: «Англичанамъ нужна не Персія, а проискываютъ они дорогу въ индѣйское государство, куда они ходятъ моремъ, тогда какъ путь этотъ очень тяжелъ, а государевою землею имъ ходить будетъ легче, только отъ того государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлины не берутъ и товаровъ ихъ не пересматриваютъ, а русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ». Въ чемъ и какой изъянъ — не объяснено. Англичане твердо шли къ намѣченной цѣли, и иными путями, но проникли въ восточную Индію и утвердились въ ней.

Столь же твердо стояли англичане и въ вопросѣ о выдачѣ эмигрантовъ. При Борисѣ Годуновѣ были отправлены въ Англію, «для науки», пять русскихъ; поживъ въ Англіи, они не пожелали уже возвратиться въ Россію. Михаилъ Ѳедоровичъ приказалъ своему посланцу Алексѣю Ивановичу Зюзину потребовать ихъ выдачи—англійское правительство въ выдачѣ отказало на томъ основаніи, что «русскіе сами выѣхать не желаютъ», причемъ одинъ изъ «робятъ», именно Никифоръ, «за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молить, что вывезли его изъ Руси»¹⁾.

¹⁾ Ровно сто лѣтъ спустя, Петръ В. тоже опасался потерять посланныхъ къ англичанамъ въ науку русскихъ людей, но по инымъ уже мотивамъ. Онъ писалъ кв. Куракину, отъ 18 сентября 1719 г.: „Понеже самъ вѣдаешь,

Въ первое время, пока не установились еще правильныя дипломатическія сношенія, какъ русскіе представители въ Англіи, такъ и англійскіе въ Россіи подвергались всевозможнымъ случайностямъ, причеиъ довольно неопредѣленный въ служебномъ отношеиіи характеръ не ограждалъ ихъ даже отъ серьезныхъ неприяітностей. Еще при Иванѣ IV, думный дякъ Щелкаловъ грозился въ сѣчь англійскаго посланника Бауса; королева Елизавета находила, что присланнаго отъ Ѳедора Ивановича русскаго «легкаго гончика» лифляндца Бекмана «побить пригоже». Позже, при Петрѣ Великомъ, перешли отъ словъ къ дѣлу. Русскій посланникъ въ Гагѣ, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, прожил нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ для переговоровъ о шведскихъ дѣлахъ; за нѣсколько дней до отъѣзда, вечеромъ, на дорогѣ въ Сомерстъ-гаузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные дипломаты, на его карету напали трое неизвѣстныхъ ему людей, били Матвѣева, отнимали у него шляпу, трость, шпагу¹⁾— это были полицейскіе агенты, получившіе отъ шерифа предписаніе задержать русскаго посла за ничтожный долгъ въ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ!

что какую противность ииѣ Англія начинаетъ, того ради опасаясь, чтобы нашихъ учениковъ тамъ не задержали, которыя разнымъ художествамъ учатца, или бы деньгами не прельстили на смѣхъ. Того для старайся, чтобы ихъ оттолъ сяды достать“. Такъ какъ это не были эмигранты, то ихъ легко достали. А р х . к в . К у р а к и н а , I, 10, 12, 13; С о л о в е в ъ , Исторія Россіи, IX, 87, 90, 118, 121—124.

¹⁾ Этотъ „дипломатическій скандалъ“ возбудилъ цѣлую переписку. По поводу „чувственной скрухи“ королева Анна писала Петру В.: „мы ни малой склонности не имѣли къ пощадѣ виновныхъ, ни къ защищенію отъ суда; но необходимыя трудности находятся въ древнихъ и основательныхъ правахъ правительства нашихъ народовъ, которымъ мы опасаемся не дозволить такжѣ жестокаго осужденія, котораго ваше величество ожидало“ Позже приѣзжалъ въ Москву чрезвычайнымъ посломъ Витвортъ, извинялся отъ имени королевы и просилъ „все сіе обыкновенною братскою склонностію воспріяти“. Петръ отвѣчалъ послу: „Надлежало было ея королевскому величеству намъ дать сатисфакцію и по желанію нашему тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать. Однакожъ, понеже ея величество чрезъ васъ, посла своего чрезвычайнаго, извиненіе намъ приноситъ повелѣла, что того, за оскуднѣиємъ прежнихъ правъ государственныхъ, учинить не могла, и для того общимъ согласіемъ парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила; того ради приеилемъ мы то за знакъ ея пріязи и награжденіе и повелѣли министрамъ своимъ съ вами въ конференціи то дѣло ко окончанію привести“. А р х . к в . К у р а к и н а , II, 17, 29, 235, 273.

Скоро, однако, не только Англія, но и другія европейскія державы убѣдились, что Россія не Московія, что къ ней нельзя обращаться «въ напыщенномъ стилѣ, съ разрисованными грамотами, какъ къ Марокко и къ восточнымъ владѣтелямъ»¹⁾. Англія почувствовала эту перемену, произведенную Петромъ В., не менѣе, чѣмъ другія державы. Рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи явился Полтавскій бой. До разгрома шведовъ подъ Полтавою, въ Европѣ были убѣждены, что «Россія никогда не станетъ европейскою державою и царь Петръ не получитъ вліянія на европейскія дѣла, такъ какъ шведскій король не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока не отниметъ у Россіи Балтійскихъ провинцій и не лишитъ ея войско всѣхъ нѣмецкихъ офицеровъ; къ тому же польскій король и морскія державы, Англія и Голландія, никогда не допустятъ русскихъ до господства на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ это окончателно убьетъ прибыльную для англійскаго и голландскаго флотовъ торговлю русскими продуктами»²⁾. Вслѣдъ за полтавскою побѣдою картина мѣняется до неузнаваемости: рѣчь уже идетъ не объ отобраніи балтійскаго побережья у Россіи, а о томъ, чтобы «на предбудущее обуздать шведское величество и содержать его въ прежнихъ его терминахъ» (границахъ); по сознанію Польши, Саксоніи и др. державъ, «ничто безъ царскаго величества учиниться не можетъ»; русскіе послы, графъ Матвѣевъ и князь Куракинъ, говорятъ въ Гагѣ, Ганноверѣ и Лондонѣ языкомъ болѣе твердымъ и увѣреннымъ, чѣмъ прежде; ганноверскій курфюрстъ, будущій король Англіи, дружбу съ Россіею предпочитаетъ союзу со Швеціей³⁾.

¹⁾ In a pompons style and on embellished letters, as the method is to Morocco and the eastern nations. Лордъ Гарринтонъ Клавдій Рондо, въ С б о р н и к ѣ, LXVI, 367.

²⁾ Gutachten des Herrn von Schleinitz, v. J. 1707. Guerrier, Die Kronprinzessin Charlotte von Russland, Bonn, 1875, S. 12. Этотъ же Шлейницъ былъ позже представителемъ русскихъ интересовъ при вельфскихъ дворахъ. Въ письмѣ отъ 23 сентября 1701 года, Лейбницъ писалъ шведскому резиденту въ Берлинѣ Стоппену: Pour moi je voudrais voir régner votre jeune Roy jusque dans Moscou et jusqu'au fleuve Amur, qui sépare l'Empire des Moscovites et celui de la Chine. Герье, Письма и мемуары Лейбница, Спб. 1873. № 45, стр. 49.

³⁾ Протоколы посольства кн. Б. И. Куракина о бытности его при европейскихъ дворахъ. Арх. кн. Куракина, 186, 192, 195, 198, 208, 224—232, 242.

Отношенія Англіи къ Россіи, сперва исключительно торговыя, получаютъ съ начала XVIII вѣка политическій характеръ, причемъ прежде всего принимаютъ враждебный оттѣнокъ. Вступленіе Россіи въ число европейскихъ державъ значительно нарушало не только коммерческіе интересы морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, но и все европейское равновѣсіе, установленное вестфальскимъ миромъ и, въ частности, угрожало ганноверскимъ интересамъ англійскаго королевскаго дома. Въ продолженіе всей Сѣверной войны Англія недовѣрчиво относилась къ Россіи, опасаясь ея усиленія. Утвержденіе Россіи на Балтійскомъ побережьи, завоеваніе Нарвы, основаніе Петербурга, заведеніе флота—все раздражало англичанъ. Лордъ Страффордъ, англійскій посланникъ въ Голландію, говорилъ представителю Россіи кн. Куракину: «Натурально, что Англія никогда не хочетъ видѣть въ разореніи и безсиліи корону шведскую; намѣреніе Англіи—содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ завладѣніи; Ливонію нельзя отнять у Швеціи, Нарва нужна Швеціи». Голландію, находившуюся подъ сильнымъ вліяніемъ Англіи, лордъ Страффордъ пугалъ будущимъ русскимъ флотомъ ¹⁾. Начальникъ англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, адмиралъ Норрисъ, получилъ приказъ овладѣть русскими кораблями, самимъ русскимъ царемъ и не отпускать Петра до тѣхъ поръ, пока русское войско не очиститъ Даніи и Германіи ²⁾.

Въ этомъ случаѣ, какъ въ началѣ XVIII стол., такъ и позже, въ концѣ прошлаго вѣка, противъ Россіи былъ король, не страна—парламентъ, напротивъ, не одобрилъ ни враждебности къ Россіи, ни насильственныхъ мѣръ противъ ея государя. Король Англіи опасался, въ случаѣ усиленія русскаго вліянія на Германію, за ихъ ганноверскія владѣнія; англійскій же парламентъ смотрѣлъ довольно трезво на континентальное усиленіе Россіи. Парламентъ, казалось, держался взгляда, ясно высказаннаго Лейбницемъ: «Я увѣренъ, что Россія будетъ имѣть на сѣверѣ то самое значеніе, какое прежде имѣла Швеція, и что она пойдетъ даже гораздо дальше. Такъ какъ русскій государь весьма могущественъ, то, кажется,

¹⁾ Арх. кн. Куракина, II, 374, 377, 379, 380, 383.

²⁾ Соловьевъ, XVII, 27, 64.

очень важно заручиться его довѣріемъ » ¹⁾). Говоря объ отношеніяхъ Россіи къ Англій, необходимо всегда имѣть въ виду эту разность взглядовъ между королевской властью и народнымъ представителствомъ Англій.

Первые дипломатическіе акты, заключенные между Россіей и Англійей, имѣли въ виду интересы Ганновера, вотчины англійскаго королевскаго дома, а не Англій. Главный, существенный интересъ Великобританіи сосредоточивался въ то время на «оборонѣ владѣній его великобританскаго величества въ Америкѣ», а между тѣмъ въ союзныхъ договорахъ съ Россіей именно опредѣлялось, что русская помощь пѣхотою и конницею не должна касаться американской войны. Не для американскихъ же интересовъ Англій заключена была, 12-го іюня 1747 года, англо-русская конвенція, по которой Россія обязалась «содержать на лифляндскихъ къ Литвѣ границахъ корпусъ 30.000 человекъ пѣхоты въ такой готовности, чтобъ оныя дѣйствовать могли въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нужда потребуеть»; нѣсколько мѣсяцевъ спустя новою конвенціею, отъ 19-го ноября, опредѣлялось, что этотъ вспомогательный корпусъ двинется въ Европу, «направляясь къ Рейну для службы или на Мозель или въ Нидерландахъ, согласно военнымъ требованіямъ » ²⁾), т. е. русская военная помощь, оплачиваемая англійскими деньгами, требовалась въ интересахъ Ганновера, не Англій.

Первый англо-русскій союзный договоръ, заключенный Георгомъ II съ малолѣтнимъ «Іоанномъ III императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ», не былъ приведенъ въ исполненіе, хотя и былъ ратификованъ. Уже и въ этомъ договорѣ, какъ и въ послѣдующихъ, Англія тщательно исключала «случай союза» (*casus foederis*) наиболѣе важный для Россіи — войну съ Турціею ³⁾). Ан-

¹⁾ Guerrier, Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter den Grossen, S. 37.

²⁾ Мартенсъ, X, 146, 151.

³⁾ Въ договорахъ 1741 и 1742 г., съ Іоанномъ III и съ Елизаветою Петровою, это условіе повторено буквально: „Соглашенось, что случай сего союзаго трактата распространяться не будетъ до тѣхъ войнъ, которыя проивойти могутъ между его (ея) императорскимъ величествомъ всероссійскимъ и Оттоманскою Портою, или персіянами, или татарами, или же другими восточными народами. Его великобританскому величеству надлежитъ свободнымъ быть отъ того, чтобы въ каждомъ изъ сихъ случаевъ постановленные симъ трактатомъ суевурсы ставить“. *Ibid.*, 103, 126.

глія никогда не соглашалась на это условіе, охраняя «все свое левантское купечество», т. е. торговлю съ Турціею. Этимъ соображеніемъ англичане могли руководствоваться при переговорахъ съ Іоанномъ III, даже съ Елизаветою Петровною, но не съ Екатериною II. Въ 1763-мъ году, Екатерина просто вычеркнула изъ проекта союзнаго договора «исключеніе относительно Турціи»¹⁾, не допуская даже и мысли о возможности подобнаго вопроса. «Возобновленное затрудненіе касательно включенія Порты Оттоманской въ случай союза—пишетъ Н. И. Панинъ русскому представителю въ Лондонѣ, Гроссу—не удивляетъ меня лично. Извѣстна уже давно англійская привычка, чтобъ въ негоціяхъ, какъ лавочникамъ, торговаться, пока есть время, и выторговать сколько можно болѣе. Но нѣтъ намъ нужды слѣдовать ихъ примѣру, и для того сказавъ однажды то, въ чемъ мы поставляемъ пользу свою и что единое замѣняетъ обѣщанныя съ нашей стороны великія выгоды, должно теперь оставаться непремѣнно при требованіи 500.000 рублевъ для случая войны между нами и Портою. Я прошу васъ сдѣлать при случаѣ примѣчаніе графу Сандвичу, что турецкая война полагается съ нашей стороны кондиціей *sine qua non*, ибо безпристрастно сказать, вся почти польза союза нашего въ ней одной ограничивается. Еслибъ онъ вновь говорить сталъ, что націи англійской и парламенту дико покажется, когда въ новомъ трактатѣ Россіи большія предъ прежнимъ выгоды дозволены будутъ, можно будетъ съ пристойностію дать ему примѣтить, что натурально и Россійской Имперіи дико покажется, еслибъ при такомъ о пользѣ и славѣ отечества попечительномъ царствованіи здѣшній дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими выгодами заключалъ союзы свои».

Ясно и просто. Вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ заявлялъ англійскому посланнику сэру Джорджу Макартнею свое недоумѣніе по поводу опасеній англійскаго правительства, «чтобъ Англія какой-либо ущербъ своей левантской торговлѣ чрезъ такое съ здѣшнею имперіею о Портѣ Оттоманской соглашеніе причинить могла. Въ томъ столько же мало опасенія для нея предвидится,

¹⁾ Сборникъ, XII, 118.

сколько и Франція въ подобномъ случаѣ было, потому что оная корона, заключа съ вѣнскимъ дворомъ послѣдній предъ минувшею войною союзный трактатъ, ни мало изъ случая союза Порту не выключила, однакоже не меньше того турки въ добромъ согласіи съ французскою націею пребывали и французская въ Левантѣ коммерція въ цвѣтущемъ состояніи находилась и нынѣ находится».

Такимъ образомъ, на основаніи государственныхъ соображеній и практики иностранныхъ державъ, русское министерство требовало отъ Англіи категорическаго заявленія, согласна ли она на союзъ съ Россіей, искренній, безъ всякой задней мысли, безъ тайнаго противодѣйствія русскимъ интересамъ въ Константинополь. Стокгольмъ, Варшавѣ, или же Англія имѣеть въ виду одиѣ свои коммерческія выгоды и вопросъ о союзѣ является только дипломатическими ширмами. Когда Макартней заявилъ, что скорѣйшимъ подписаніемъ коммерческаго трактата устраняетъ всѣ препятствія къ заключенію трактата союзнаго, Панинъ остановилъ его словами: «если вы говорите это отъ себя лично—вы хотите обмануть насъ; если вы говорите это отъ имени своихъ властей—они хотятъ обмануть васъ» ¹⁾.

Эти замѣчанія Панина и кн. Голицына, основательныя и неопровержимыя, взбѣсили англійскаго посланника. Сэръ Джорджъ Макартней писалъ графу Графтону, отъ 11-го февраля 1766 года: «Я долженъ замѣтить, что обѣ державы, Англія и Россія, взаимно заблуждаются относительно другъ друга. Въ Петербургѣ воображаютъ, что лондонскій дворъ можетъ заставить британскую націю принять свои взгляды такъ же легко, какъ русская императрица можетъ принудить своихъ подданныхъ повиноваться указу или исполнить повелѣніе. Наша ошибка относительно русскихъ состоитъ въ томъ, что мы считаемъ ихъ народомъ образованнымъ и сообразно этому обходились съ ними. Между тѣмъ они нисколько не заслуживаютъ подобнаго названія; каково ни было бы мнѣніе людей, незнакомыхъ съ русскими, я осмѣливаюсь утверждать,

¹⁾ Ibid., 242.

что Тибетъ или Эіопія ¹⁾ въ такой же мѣрѣ могутъ быть почетены названіемъ странъ образованныхъ. Ни одинъ изъ русскихъ министровъ не понимаетъ латинскаго языка и очень немногіе обладаютъ элементарными свѣдѣніями по литературѣ. Въ разговорѣ съ русскими министрами упоминать о Гуго Гроціѣ или Пуффендорфѣ было бы все равно, что толковать о Кларкѣ или Тиллотсонѣ съ константинопольскимъ диваномъ. Я вовсе не преувеличиваю. Мнѣ говорили, что только со времени нынѣшняго царствованія здѣсь введены обычныя формы дѣлопроизводства, употребляемыя при другихъ дворахъ. Вы поймете, что международное право не могло привиться съ успѣхомъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на университетъ».

Такъ изъ-за вопроса о Портѣ Оттоманской и не состоялся союзный договоръ. Между тѣмъ, кромѣ Турціи, Россія желала столковаться съ Англіей и относительно Швеціи.

Отношенія Россіи къ Швеціи въ прошломъ вѣкѣ еще не изслѣдованы; они весьма любопытны и очень характерны. Швеція первая изъ европейскихъ державъ объявила войну Россіи, и можно сказать, что мы вступили въ Европу, преслѣдуя отступавшія шведскія войска. Въ шведскомъ вопросѣ, подобно турецкому, Англія никогда не могла столковаться ни съ Петромъ Великимъ, ни съ его преемниками, и поступала довольно безцеремонно. Едва былъ ратификованъ союзный русско-англійскій договоръ 1741 года, какъ началась война со Швеціею; Анна Леопольдовна потребовала, согласно договору, присылки вспомогательной англійской эскадры въ Балтійское море—англійское правительство отказало, на томъ, между прочимъ, основаніи, что «англійскимъ коммерческимъ судамъ нечего бояться шведовъ, которые не думаютъ ихъ беспокоить». Годъ спустя, въ этомъ было отказано и Елизаветѣ Петровнѣ, причемъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ ²⁾ говорилъ русскому по-

¹⁾ The Kingdom of Tibet or the Dominions of Prester John. Это не „владѣнія Джона Престера“ (Сборникъ, XII, 248), а Regnum presbyteri Ioannis, т. е. христіанская Абиссинія или Эіопія, владѣтели которой присвоили себѣ еще въ XIV вѣкѣ титулъ «архипресвитера Іоанна». O p p e r t, Der Priester Iohannes in Sage und Geschichte, Berlin, 1864.

²⁾ Статсъ-секретарь по сѣвернымъ дѣламъ.

сланнику: «Наши купцы того не требуютъ, потому что довольны письменнымъ объявленіемъ, даннымъ мнѣ шведскимъ министромъ отъ имени короля, что наши торговые корабли могутъ смѣло идти во всѣ гавани русскія; такъ какъ Швеція дорожить Англіею, то можно положиться на обѣщаніе шведскаго короля; если же наша торговля потерпитъ хотя малое стѣсненіе, то сдумѣемъ отомстить эскадрою». Екатерина II учредила самую возможность подобныхъ заявленій. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Екатерина приказала включить въ проектъ союзнаго договора съ Англіею особую относительно Швеціи статью и сама изложила мотивъ этой статьи: «Искусство многихъ лѣтъ оказало, что нѣкоторыя постороннія державы стараются содержать въ Швеціи такую партію, которая бы безпрестанно раздувала въ націи охоту и желанія къ сѣвернымъ безпокойствамъ, употребляя всякія разныя къ тому средства. Такъ надо стараться постановить особый секретный артикуль, чтобъ аглинскіе министры при шведскомъ дворѣ обще съ нашими дѣйствовали въ сокращеніи той партіи и въ содержаніи равновѣсія между ею и ей противною. Изъ сего Англія увидитъ, какъ мы почитаемъ согласными ея интересы съ нашими, и сколько мы ищемъ во всѣхъ пунктахъ ихъ соединить» ¹⁾).

Ни относительно Турціи, ни относительно Швеціи Екатерина II не допускала двухъ мнѣній и предпочитала лучше отказаться отъ союзнаго договора съ Англіею, чѣмъ измѣнить свою политическую систему. Но для этой-то именно политической системы ей нужна была Англія; если ее нельзя имѣть союзникомъ, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ заинтересовать Англію настолько, чтобъ она была не противъ Россіи, и, 20 іюня 1766 года, былъ заключенъ русско-англійскій торговый договоръ. Екатерина II надѣялась, что коммерческій трактатъ сыиграетъ, при нуждѣ, роль союзнаго договора, и не ошиблась.

Во время первой турецкой войны Англія относилась къ Россіи, какъ къ державѣ дружественной. Въ русскомъ флотѣ служили англійскіе моряки; Элъфинстонъ командовалъ одной изъ эскадръ архипелагской экспедиціи; русскій флотъ, отправлявшійся

¹⁾ Сборникъ, XLVIII, 569.

въ Средиземное море, находилъ въ англійскихъ портахъ дружескія для себя стоянки. Англія даже объявила Франціи и Испаніи, что если они воспрепятствуютъ вступленію русскаго флота въ Средиземное море, она увидитъ въ этомъ дѣйствіе враждебное Англійи ¹⁾. Англійское правительство не завидовало, даже сочувствовало успѣхамъ русскаго оружія, хотя хорошо понимало, что предложеніе объ образованіи изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ отъ Турціи владѣній равносильно присоединенію ихъ къ Россіи ²⁾, но не противодействовала подобнымъ намѣреніямъ; Англія, ревниво оберегавшая Дарданеллы отъ русскихъ кораблей, теперь соглашалась на свободный проходъ ихъ изъ Чернаго въ Средиземное море ³⁾. «Я такъ привыкла къ дружбѣ англичанъ—пешеть Екатерина г-жѣ Біельке въ 1772 году—что привыкла смотрѣть на каждого англичанина, какъ на человѣка, желающаго мнѣ добра» ⁴⁾. Въ 1774 году, когда былъ заключенъ столь выгодный для Россіи кучукъ-кайнарджійскій миръ, «каковаго никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ», какъ писала Екатерина гр. Румянцову; онъ обрадовалъ, конечно, только друзей Россіи, и болѣе всего англичанъ ⁵⁾.

Еще до заключенія мира, когда, слѣдовательно, Россія нуждалась въ дружескомъ расположеніи англійскаго правительства, Екатерина не скрывала отъ себя, что Англія—союзникъ ненадежный. Она писала русскому послу, гр. И. Г. Чернышеву, въ Лондонъ: «Твои англичане ужъ ужестъ, радость, какъ не важны, и, я чаю, таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока французы съ гишпанцами на нихъ не нападуть, чего дай Боже хотя на завтра полученія сего письма» ⁶⁾. Пожеланія Екатерины скоро исполнились. Въ 1773 же году вспыхнуло возстаніе въ Бостонѣ; въ 1775 г., англичане были разбиты при Бекерсгиллѣ; въ 1776 г., тринадцать американскихъ колоній объявили себя независимыми; въ 1777 г., амери-

¹⁾ Vassif-efendi, Précis historique de la guerre de 1769—1774, p. 88; Уляницкій, Дарданеллы, стр. 244.

²⁾ Сборникъ, XII, 461.

³⁾ Ibid., XIX, 128, 265.

⁴⁾ Ibid., XIII, 209.

⁵⁾ Ibid., I, 100; XIII, 428, 429; Русскій Архивъ, 1879, III, 154.

⁶⁾ Русск. Архивъ, 1871, 1326.

канцы одержали знаменитую побѣду при Саратогѣ; въ 1778 г., Франція объявила войну Англіи.

Теперь декораціи перемѣнились: не Россія, а уже Англія нуждается въ помощи. Англійскому посланнику въ Петербургѣ, сэру Роберту Гэннину, было поручено заключить союзный договоръ съ Россіею, по которому Россія обязалась бы послать немедленно въ Америку корпусъ войскъ въ 20.000 человекъ. Объ этомъ же король Георгъ III писалъ императрицѣ Екатеринѣ II. Англійскому посланнику Панинъ отвѣчалъ, «что императрица весьма тронута искренними чувствами, выраженными ей королемъ, и что собственная ея дружба къ нему не менѣе горяча, но что она весьма нерасположена употреблять свои войска въ Америкѣ, гдѣ они были бы лишены всякихъ сношеній съ родиною, и что требуемое число пѣхоты такъ велико, что она не полагаетъ возможнымъ удовлетворить подобному требованію при настоящемъ положеніи ея арміи, ослабленной продолжительностью польской войны и въ виду неопредѣленности польскихъ и неизвѣстности шведскихъ дѣлъ» ¹⁾. Екатерина отвѣчала королю еще категоричнѣе: «Не могу скрыть отъ Вашего Величества, что подобный размѣръ помощи и мѣсто ея назначенія превосходятъ тѣ средства, которыми я могу располагать для оказанія услуги Вашему Величеству. Я едва только начинаю наслаждаться миромъ и Вашему Величеству извѣстно, что моя имперія нуждается въ спокойствіи. Вамъ также извѣстно, въ какомъ состояніи выходитъ армія, хотя и побѣдоносная, изъ долгой и упорной войны въ убійственномъ климатѣ... Затѣмъ, не говоря уже о неудобствахъ, которыя возникли бы при употребленіи столь значительнаго корпуса въ другомъ полушаріи, гдѣ они находились бы подъ властью, почти неизвѣстной ему, и были бы лишены почти всякихъ сношеній съ своимъ государемъ, собственная моя неувѣренность въ мирѣ, стоившемъ мнѣ столькихъ усилій, положительно воспрещаетъ мнѣ въ столь непродолжительномъ времени лишить себя значительной части своихъ войскъ» ²⁾.

¹⁾ Сборникъ, XIX, 492.

²⁾ Письмо это, подобно многимъ другимъ документамъ, впервые обнаружено проф. Мартенсомъ, X, 288--289.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны съ Франціею, англійское правительство еще болѣе нуждалось въ помощи Россіи. Положеніе Англіи, по донесеніямъ русскаго посланника, было довольно затруднительное уже въ 1777 году: «Рыбная ловля пропала почти со всѣмъ, потому что американскіе арматоры безчинствовали близъ самыхъ англійскихъ береговъ. Торговля вообще очень уменьшилась; перехвачено кораблей почти на 3 милліона фунтовъ стерлинговъ цѣною; ежегодныя пошлины убавились на 2 милліона слишкомъ; національный долгъ приумножился; людей потеряно 25.000 человекъ; флотъ ослабленъ числомъ кораблей и матросовъ». Къ этому присоединилась теперь война съ Франціею и, тѣмъ не менѣе, Англія, представляя новый проектъ союзнаго договора съ Россіею, опять заявила, что «исключительно коммерческія соображенія заставляютъ короля не согласиться на *casus foederis* въ случаѣ войны Россіи съ турками». Екатерина повторила свой прежній отказъ вести переговоры при такомъ исключеніи. Въ концѣ 1779 года, англійское правительство, тѣснимое въ Европѣ и въ Америкѣ, предложило заключить союзный договоръ уже «безъ всякихъ ограниченій». Англійскій посланникъ имѣлъ по этому поводу совершенно интимную аудіенцію. «Какое право имѣю я—сказала Екатерина Гаррису — вмѣшиваться въ распрю, которая меня не касается, въ дѣла мнѣ непонятныя и въ отношенія дворовъ весьма отъ меня отдаленныхъ?» Русскому представителю въ Лондонѣ, И. М. Симолину, рескриптомъ отъ 12 іюля 1779 года, было предписано «держаться однихъ неопредѣлительныхъ генеральностей, изъяслять только желаніе о скорѣйшемъ окончаніи между Англіею, Франціею и Гиппаніею войны» и твердо помнить, что «теперь самый вопросъ о союзномъ договорѣ существовать не можетъ». Симолинъ долженъ былъ уклоняться отъ какого-либо рѣшительнаго заявленія «доколѣ время и обстоятельства не произведутъ новыхъ идей, кои впредь могутъ востребовать начертанія частной и ближайшей стези».

«Обстоятельства» давно уже представлялись, и въ умѣ Екатерины зарождались уже «новыя идеи», но лишь въ 1780 году была опредѣлена «ближайшая стезя» для осуществленія этихъ идей—вооруженный нейтралитетъ.

Екатерина не любила «народныхъ волненій» и борьба за независимость Сѣверо - американскихъ штатовъ не интересовала ее ¹⁾, хотя она удивительно вѣрно предсказала исходъ этой борьбы англійскихъ колоній съ метрополіею ²⁾. Русскую императрицу гораздо болѣе интересовалъ Архангельскъ. Еще въ 1778 году она писала Гриму: «Знаете ли, какой вредъ наносятъ мнѣ американскіе каперы? Они захватываютъ торговые суда, выходящія изъ Архангельска; они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюль и августѣ; но даю вамъ слово, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, здорово поплатится за это—я, вѣдь, не братецъ Георгъ: меня нельзя безнаказанно водить за носъ. Они могутъ поступать какъ имъ угодно съ братцемъ Георгомъ, не со мною — тутъ они обрѣжутся. Я сердита, и очень сердита» ³⁾. Къ американскимъ каперамъ ⁴⁾ присоединились, конечно, и англійскіе арматоры. Въ 1778 году Мусинъ - Пушкинъ доносилъ изъ Лондона: «Всѣ здѣшнія новости состояли на сіе время въ однихъ только ежедневныхъ призахъ. Алчность, съ которою отважные промышленники насыщаютъ свое корыстолюбіе, составляетъ теперь главнѣйшую пользу всей нынѣшней англійской войны... Съ какою наглостью англійскіе арматоры бросаются на всѣ встрѣчающіеся имъ корабли и съ какимъ насильственнымъ самовольствомъ оные перехватываютъ, разграбливаютъ во время глубокаго въ Европѣ покоя, безъ всякаго почтенія къ разнымъ флагамъ, безъ всякаго предувѣдомленія объ англійскомъ съ Франціею разрывѣ, о томъ имѣлъ я честь увѣдомлять неоднократно». Съ весны 1779 г., русская эскадра стала крейсировать въ Сѣверномъ морѣ и ограждать его торговлю отъ корсаровъ; а другія мѣры? Русскій корабль «Святой Петръ» былъ захваченъ англійскимъ корсаромъ между Бордо и С. Доминго, два русскихъ суда съ досками—въ Ламаншскомъ каналѣ. Особенно часто захватывались англійскими каперами торговые суда изъ Выборга и Риги. Началась безконеч-

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 78, 141, 182.

²⁾ Ibid., XXVII, 28, 44, 119, 154.

³⁾ Ibid., XXIII, 96. Дважды упоминаемый въ текстѣ frère G., очевидно, Георгъ III, король англійскій, а не „Густавъ III, король шведскій“.

⁴⁾ Ibid., 97, 164.

ная переписка; Екатерина сердилась. Она говорила английскому посланнику Гаррису: «Вы притѣсняете мою торговлю: вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе: моя торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобы я сердилась?» Отъ корсаровъ терпѣла не одна Россія — всѣ нейтральныя державы страдали, особенно же Данія, Швеція и Португалія. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ январѣ 1780 года, было получено извѣстіе, что испанскіе корсары задержали русское судно, конфисковали весь грузъ и распродали его въ Кадиксѣ. Чаша терпѣнія была переполнена, и 28-го февраля 1780 года Екатерина подписала знаменитую «декларацию воюющимъ державамъ», т. е. дворямъ мадридскому, версальскому и лондонскому, въ которой изложила «правила морскаго нейтралитета», для «охраненія свободы морской торговли» ¹⁾. Насколько декларация отвѣчала общей потребности, видно изъ того, что всѣ нейтральныя державы присоединились къ ней: Данія и Швеція въ томъ же 1780 г., Пруссія и Австрія въ 1781 г., Португалія въ 1782 г., королевство Обѣихъ Сицилій въ 1783 году. Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ по поводу этой декларации: «Среди столькихъ чудесъ, которыми ознаменовано царствованіе Вашего Императорскаго Величества, немаловажнымъ чудомъ представляется провозглашеніе морскаго устава, защищающаго торговлю отъ всякаго морскаго разбойничества. Только та, которая дала столь мудрые законы обширнѣйшей монархіи въ Европѣ, съ тѣмъ же правомъ могла предписать ихъ царству морей. Свидѣтель и почитатель столь славныхъ предпріятій, я счелъ долгомъ воспользоваться для незначительной торговли моей страны тѣмъ покровительствомъ, которое Ваше Императорское Величество столь великодушно соблагволили пожаловать ей. Позвольте мнѣ поблагодарить васъ и засвидѣтельствовать вамъ мою полную признательность за то, что вы согласились на мое присоединеніе къ этому договору» ²⁾. Конечно,

¹⁾ П. С. З. 15014, 15134, 15261.

²⁾ Elle me permettra de La remercier et de Lui témoigner toute l'étendue de ma reconnaissance de ce qu' Elle a consenti à mon occasion à ce traité (Сборникъ, XX, 393). Переведено тамъ же: „Вы позволите мнѣ благодарить васъ и засвидѣтельствовать вамъ всю необытность моей признатель-

Англія не признала началъ вооруженнаго нейтралитета ¹⁾, не соединилась открыто къ деклараціи, но должна была уступить, и тайныя инструкціи, данныя ею своимъ крейсерамъ и каперамъ, были согласованы съ этимъ «чудомъ» Екатерины, такъ что «къ концу войны каперы почти совершенно исчезли и торговля нейтральныхъ процвѣтала въ самомъ разгарѣ войны, какъ бы среди глубочайшаго мира» ²⁾.

Проф. Мартенсу принадлежитъ честь перваго, категорически опровергнувшаго «историческую сказку», будто знаменитая декларация о вооруженномъ нейтралитетѣ задумана и составлена не Екатериною, а гр. Н. И. Панинымъ. Эта сказка была впервые напечатана въ «Запискахъ о вооруженномъ нейтралитетѣ» нѣмецкаго графа Гёрца и въ наши дни особенно пропагандирована въ трудѣ нѣмецкаго ученаго Бергбома ³⁾. Э. Э. Мартенсъ опровергъ эту сказку и, на основаніи архивныхъ источниковъ, объяснилъ происхожденіе и развитіе плана императрицы.

Великое значеніе вооруженнаго нейтралитета признавалось всѣми, даже англичанами. Фридрихъ II, какъ мы видѣли, признавалъ его однимъ изъ чудесъ Екатерины, и ему-то прежде всего, еще при жизни Екатерины, была приписана честь этого международнаго акта. Въ краткой біографіи Фридриха II, вышедшей въ 1788 г. черезъ два года по его смерти, было, между прочимъ, напечатано, что по свидѣтельству лицъ вполне авторитетныхъ, «пер-

ности за то, что вы покровительствовали моимъ интересамъ въ этомъ договорѣ». Переводъ невѣренъ вслѣдствіе невѣрнаго текста: *occasion* вмѣсто *appexion*.

¹⁾ Десять лѣтъ спустя, 10 апрѣля 1790 г., гр. Воронцовъ доносилъ: „Министерство, оппозиція, всѣ морскіе офицеры, однимъ словомъ, вся сія земля попрекаетъ за сіе Россію и безъ совершенной злобы и невѣроятнаго негодованія не говорятъ о семъ дѣлѣ“. Не раньше какъ въ 1856 году, на парижскомъ мирномъ конгрессѣ, Англія торжественно признала законную силу начала вооруженнаго нейтралитета 1780 года.

²⁾ *Dehm, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, II, 104.*

³⁾ *Mémoires sur la neutralité armée par le comte de Goertz. Vale, 1801. Bergbohm, Die bewaffnete Neutralität. Berlin, 1884.* Брикнеръ, Иллюстрированная исторія Екатерины II, ч. III, стр. 470, основывается на изысканіяхъ Бергбома; очень жаль, что ему не было известно изслѣдованіе „О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ“, составленное по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. (*Москвой Сборникъ, 1859, № 9—12.*)

*

вая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ» принадлежитъ Фридриху II и что еще въ 1744 г. онъ измыслилъ подобную лигу. Екатерина категорически опровергла это показаніе: «Это неправда—вооруженный нейтралитетъ вышелъ изъ головы Екатерины II и ни изъ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей совершенно неожиданно. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, такъ какъ мысль эта не принадлежала ему и стоило большаго труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затѣмъ уже Панинъ приложилъ свое стараніе»¹⁾).

Самая «сказка», приписывающая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ Панину, едва-ли не исходитъ отъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ — онъ не сочинилъ ее, но такъ *bona fide* объяснилъ себѣ происхожденіе деклараціи; по крайней мѣрѣ, первое подробное изложеніе этой сказки встрѣчается въ донесеніи сардинскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, маркиза де-Парело. Вотъ какъ маркизъ объяснялъ своему двору происхожденіе деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ:

«Вліяніе министра иностранныхъ дѣлъ графа Панина, несмотря на извѣстную его честность, клонилось къ упадку. Князь Потемкинъ, болѣе чѣмъ когда-либо утвердившійся въ силѣ, обольщенный или убѣжденный англійскимъ посланникомъ Гаррисомъ, такъ усердно ему благопріятствовалъ, что исходатайствовалъ ему частныя и тайныя аудіенція у государыни, чему, какъ утверждаютъ, никогда не было примѣровъ. Наконецъ, остался въ сторонѣ обычный путь, чрезъ графа Панина, и, опираясь единственно на князя Потемкина, г. Гаррисъ довелъ здѣсь свои происки до того, что вооружался уже флотъ и ежедневно ожидалось обнародованіе деклараціи здѣшняго двора въ пользу Англій; Гаррисомъ былъ уже отправленъ въ Лондонъ, съ паспортомъ, полученнымъ отъ Потемкина, курьеръ для сообщенія этой радостной вѣсти. Г. Нормандесъ, тотъ самый, который состоитъ теперь здѣсь испанскимъ министромъ, а тогда былъ только повѣрен-

¹⁾ Храповицкій, 485.

нымъ въ дѣлахъ, развѣдалъ о замыслахъ, направленныхъ противъ бурбонскихъ дворовъ, и открылъ все графу Панину. Почтенный старецъ былъ уже въ халатѣ и готовился лечь въ постель, когда пришли объявить ему, что англійскій министръ, пренебрегая имъ, отправилъ курьера по дѣлу, ему еще не сообщенному, и съ паспортомъ, выданнымъ отъ кн. Потемкина. При этомъ извѣстіи, Панинъ оживился. Онъ схватилъ свой ночной колпакъ, бросилъ его на полъ и, весь въ гнѣвъ, поклялся, что выйдетъ въ отставку, если не успѣетъ разстроить эту интригу. Дѣйствительно, онъ, съ своимъ любимцемъ г. Бакунинымъ, запирается въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, соглашая, такъ сказать, общее состояніе дѣлъ въ Европѣ съ извѣстною страстью Екатерины II къ славѣ и блестящимъ предпріятіямъ, составляетъ планъ вооруженнаго нейтралитета, основанный на шести главныхъ началахъ, которыя до такой степени понравились уму царицы, что, спустя менѣе недѣли, появилась по этому поводу знаменитая декларация 1780 года. Нейтральныя державы были приглашены присоединиться къ этой деклараціи, а люди, посвященные въ интриги здѣшняго двора, еще болѣе убѣдились, что великія событія происходятъ отъ малыхъ причинъ¹⁾.

Сказка какъ сказка, и нужно совершенно не понимать Екатерины или умышленно принижать великіе акты ея царствованія, чтобы придавать какое-либо значеніе подобнымъ сказкамъ. Послѣдующія событія доказали, что вооруженный нейтралитетъ могъ быть созданъ только Екатериною. Она не только создала его, она его осуществила; въ концѣ-концовъ, даже англійскій король соглашался подписать декларацію. При преемникѣ же Екатерины, когда Россія предложила Швеціи, Даніи и Пруссіи вновь составить, особою конвенціею, вооруженный нейтралитетъ, Англія отвѣчала небывалыми репрессаліями: 14-го января 1801 года она наложила арестъ на всѣ датскія суда, находившіяся въ ея гаваняхъ, и вслѣдъ за-

¹⁾ Relation et tableau caractéristique des personnes qui jouent les premiers et principaux rôles à la cour de Pétersbourg, XX, 331. Графъ Воронцовъ иначе объяснял происхождение вооруженнаго нейтралитета: Vous savez que les principes de neutralité armée ont été enfantés à Paris, produits chez nous par les Prussiens et couchés sur le papier par le défunt Bacouline. А р. к н. Воронцова, IX, 133.

тѣмъ, среди полнаго мира, уничтожила весь датскій флотъ въ самой копенгагенской гавани. Ничего подобнаго при Екатеринѣ не бывало.

Напротивъ, Екатерина отказалась возобновить союзный договоръ съ Англіею, даже и получивъ формальное согласіе англійскаго правительства включить Турцію въ *casus foederis*. Это была уже крупная ошибка, дорого стоившая Россіи и лично Екатеринѣ. Даже не будучи въ союзѣ съ Англіею, Екатерина пользовалась и цѣнила услуги англійскаго правительства: въ 1784 году она выражала свою признательность англійскому королю «за употребленныя имъ дружескія пособія къ воздержанію турковъ отъ войны». Россія, отказываясь заключить англо-русскій союзъ, сама толкала Англію въ «берлинскую лигу»: въ 1785 году Англія вступила въ союзъ съ Пруссіею, Саксоніею и Гессенъ-Касселемъ. Этотъ союзъ былъ направленъ, прежде всего, противъ императора австрійскаго, союзника Россіи; потомъ, при случаѣ, онъ могъ угрожать и Россіи, что и случилось.

Когда берлинскій договоръ англо-прусскаго союза былъ уже подписанъ и ратификованъ, Екатерина сознала свою ошибку и хотѣла исправить ее. Это трудное дѣло было поручено новому чрезвычайному посланнику и полномочному министру, графу С. Р. Воронцову. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ, и выборъ этотъ дѣлаетъ тѣмъ болѣе большую честь Екатеринѣ, что для пользы государственной она не задумалась призвать челоуѣка изъ противнаго ей лагеря.

Родъ Воронцовыхъ не древняго происхожденія. Только въ концѣ XVII столѣтія впервые встрѣчаются Воронцовы въ чинѣ сотниковъ и полковниковъ стрѣleckаго войска. Семень Романовичъ Воронцовъ родился простымъ дворяниномъ, и графское достоинство перешло къ его отцу случайно: его дядя, Михаилъ Илларионовичъ, былъ сдѣланъ графомъ за услуги, оказанныя имъ при восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ; не имѣя мужскаго потомства, графъ Михаилъ Илларионовичъ исходатайствовалъ графское достоинство для своихъ двухъ братьевъ, Ивана и Романа, отца Семена. Всѣмъ своимъ состояніемъ Воронцовы обязаны успѣху переворота 25-го ноября 1741 г. Илларионъ Гавриловичъ Воронцовъ

владѣлъ только 200 душъ крестьянъ, и лишь за услуги, оказанныя въ день переворота сыномъ его Михаиломъ, былъ пожалованъ богатымъ помѣстьемъ; еще болѣе обширныя помѣстья были пожалованы Михаилу Илларионовичу.

Не по роду и воспитанію, а по складу мыслей и по характеру графъ Семень Воронцовъ былъ не только противникъ всякаго насильственнаго переворота, но и сторонникъ преобладающей власти. Въ Петербургѣ, во время переворота 28-го іюня 1762 года, первою его мыслью было увѣдомить Петра III о предстоявшей ему опасности. Въ высшей степени справедливый и прямой, онъ говорилъ своимъ государямъ, Екатеринѣ II и Александру I, горькія истины, не скрывая ни мнѣній, ни чувствъ своихъ; но въ Россіи того времени не было вѣрноподданнаго болѣе преданнаго власти, чѣмъ графъ Семень Воронцовъ. Узнавъ о раздѣлѣ Польши, онъ осуждалъ этотъ актъ «величайшей несправедливости». Ссылка Радичева возмущала его: «Десять лѣтъ Сибири — это, вѣдь, хуже смерти. И это за вѣтренность! Къ чему же будутъ приговаривать за преступленія и формальныя возмущенія?» Усмотрѣвъ изъ дипломатической переписки, что Александръ I, довѣряясь министру Панину, кладетъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра, графъ Семень Воронцовъ писалъ императору: «Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глазу на глазъ съ министрами. Какимъ образомъ Ваше Величество можете удостовѣриться, что они не введутъ васъ въ ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министры представляютъ вамъ все, что должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Какимъ образомъ Ваше Величество можете удостовѣриться, что ваши приказанія были исполнены въ точности? Въ природѣ челоуѣка стремиться къ вліянію, въ власти; отсюда образуется деспотизмъ министровъ, и Ваше Величество создадите деспотизмъ невыносимый, уклоняясь отъ обсужденія дѣлъ въ совѣтѣ, въ своемъ присутствіи, и вершая ихъ съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ»¹⁾).

Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ обязанъ лично себѣ тѣмъ

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 6; IX, 181, 212, 231, 241, 302; X, 394; XV, 158.

высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ на государственной службѣ и тѣмъ уваженіемъ, какое онъ заслужилъ у современниковъ и потомства. Онъ не былъ «куртизаномъ», тѣмъ менѣе «фаворитомъ»; онъ былъ скорѣе опальный. Камеръ-пажъ Елизаветы Петровны, онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ Петра III, и вскорѣ, по собственному желанію, назначенъ поручикомъ въ гренадерскую роту Преображенскаго полка. Въ своей автобіографіи онъ подробно рассказываетъ, какъ, не желая слѣдовать примѣру графа Михаила Илларионовича, своего дяди и воспитателя, онъ, будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, противился перевороту 28-го іюня 1762 года, былъ арестованъ въ Зимнемъ дворцѣ и рѣшилъ навсегда оставить службу въ гвардіи, «измѣнившей своему долгу». Ему, противнику Екатерины въ день переворота, не улыбнулась и служба въ арміи—графа Семена Воронцова все обходили наградами, даже чинопроизводствомъ, такъ что, несмотря на страсть къ военной службѣ, онъ бросилъ «кокарду и мундиръ». Семь лѣтъ оставался онъ не у дѣлъ, путешествовалъ; возвратясь въ Россію, жилъ частнымъ человѣкомъ, и только въ 1783 году, по желанію императрицы, отправился посланникомъ въ Венецію и оттуда, въ 1785 году, былъ переведенъ въ Лондонъ, гдѣ вскорѣ же заслужилъ общее уваженіе и приобрѣлъ друзей среди лучшихъ англійскихъ фамилій. Служба въ Венеціи избавляла графа Семена Воронцова отъ жизни въ Россіи, «въ странѣ деспотической»; служба же въ Лондонѣ вполне совпадала съ его взглядами на Англію, какъ на страну «наиболѣе свободную во всемъ мірѣ»¹⁾.

Задача, возложенная на графа Воронцова, какъ русскаго представителя въ Лондонѣ, была, конечно, невозможна — разрушить англо-прусскій союзъ, когда «не высохли еще чернила, которыми онъ былъ написанъ». Графъ Воронцовъ хорошо понималъ это и, какъ человѣкъ умный, рѣшилъ «обезвредить» этотъ союзъ. Главное зло союза крылось, впрочемъ, не въ Лондонѣ, а въ Берлинѣ. Правда, «старая связь между Россією и Англією разорвана была ненавидимыми нѣмецкою нацією правилами вооруженнаго нейтралитета»; эти правила «поссорили насъ, такъ что не одинъ дворъ, но вся

¹⁾ Ibid., VIII, 1—36; IX, 62, 104.

англійская нація съ прискорбіемъ чувствовала сію обиду»; но не менѣе правда и то, что торговля съ Россією предоставляла Англій такія существенныя выгоды, которыя значительно превосходили ущербъ, наносимый вооруженнымъ нейтралитетомъ, тѣмъ болѣе, что англійская торговля, благодаря именно этому нейтралитету, могла производиться постоянно, между тѣмъ какъ ущербъ отъ нейтралитета чувствовался лишь въ случаѣ войны Англій съ какою-либо державою. Англій нѣтъ ни выгоды, ни разсчета разрывать свои связи съ Россією, хотя бы и не скрѣпленные формальнымъ договоромъ. Не то Пруссія. Уже лига германскихъ князей, пресловутый Fürstenbund ясно указывалъ, что Пруссія сознаётъ возможность непосредственнаго столкновенія съ Россією. Сближеніе же Екатерины II съ императоромъ имѣло въ виду, конечно, только Турцію, но косвенно служило предостереженіемъ и для Пруссіи. Вторая турецкая война казалась въ Берлинѣ наилучшимъ моментомъ для безкровнаго присоединенія Данцига и Торна; шведская же война совершенно отуманила берлинское министерство, полагавшее, что оно можетъ диктовать свои условія Россіи, занятой войною на два фронта: на югѣ съ Турціею, на сѣверѣ со Швеціею. Пруссія заключила уже наступательныя и оборонительныя союзы съ Турціею и Швеціею, что давало ей значительный перевѣсъ на сухомъ пути; союзъ съ Англіею обезпечивалъ, какъ ей казалось, превосходство на морѣ, и Пруссія предъявляла Россіи невѣроятныя требованія. Между прочимъ, прусское министерство требовало, чтобы Россія заключила миръ съ Турціею безъ всякаго земельнаго пріобрѣтенія или инаго вознагражденія. Прусскій министръ, графъ Гердбергъ, открыто заявилъ, что «только при посредничествѣ Пруссіи Россія можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе Очакова». На донесенія объ этомъ Екатерина написала: «Намѣстникъ Божій вселенной распоряжающійся! Зазнались совершенно». Конечно, не Очаковъ интересовалъ Пруссію, а Данцигъ и Торнъ, которыхъ безъ согласія Екатерины захватить нельзя. Но Пруссія, даже въ союзѣ съ Турціей и Швеціей, можетъ только угрожать; привести угрозу въ исполненіе можетъ она только при содѣйствіи Англій. Англо-пруссійскій союзъ уже заключенъ, и прусское вліяніе господствовало при лондонскомъ дворѣ, когда графъ Воронцовъ прибылъ въ Лондонъ.

Это особенно ярко обнаружилось въ самомъ началѣ второй русско-турецкой войны. Графъ Воронцовъ скоро убѣдился, что представитель Англїи при Портѣ самымъ энергическимъ образомъ интриговалъ противъ Россїи и значительно содѣйствовалъ возникновенію самой войны. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ если не открыто враждебныхъ, то вполнѣ непрїязненныхъ къ Россїи мѣръ: англійское правительство запретило вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ военной контрабанды, купленныхъ за счетъ русскаго правительства, запретило наемъ транспортныхъ судовъ, запретило даже перевозку на англійскихъ судахъ провизїи для русскаго флота, наконецъ, запретило англійскимъ лоцманамъ провожать русскїя военныя суда за предѣлы англійскихъ территориальныхъ водъ. Несмотря на всѣ усилїя графа Воронцова, ему не удалось убѣдить англійскаго министра П и т т а въ несправедливости подобныхъ мѣръ. Онъ признавалъ образъ дѣйствїй лондонскаго двора «неблагопрїстойнымъ» и справедливо утѣшался тѣмъ, что «публика оглашаетъ сіе, яко самое подлое лукавство, неприличное и безчестное для большой державы: въ націи, ненавидящей лукавство, умножается неудовольствїе противъ кабинета». Графъ Воронцовъ объяснялъ все это вліяніемъ Пруссїи. Уже въ началѣ 1789 года онъ писалъ графу Остерману: «Пока г. Питтъ, ослѣпленный Пруссїею, пребудеть здѣсь министромъ и пока король останется въ опекѣ своей супруги, преданной совершенно двору берлинскому, Россїи ничего полезнаго отъ Англїи ожидать нельзя; зная мнѣніе берлинскаго двора, вы знаете и мысли здѣшняго».

Графъ Воронцовъ оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи и дѣйствительно обезвредилъ англо-прусскїй союзъ. У него не было средствъ бороться съ прусскимъ вліяніемъ на лондонскїй дворъ; не могъ противодѣйствовать онъ и англійскому министерству. Онъ оставилъ, поэтому, дворъ и министерство въ покоѣ, и рѣшилъ апеллировать къ англійскому народу, предоставить ему рѣшенїе важнаго вопроса для самой Англїи, не только для одной Россїи.

Съ конца 1790 года на всѣхъ верфяхъ Англїи начались усиленныя работы. По предложенію Питта, было вооружено 36 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и до 50 бриговъ и катеровъ. Ни для кого не было секретомъ, что эта эскадра предназначалась для

отправки въ Балтійское море, специально для крейсированія у русскихъ береговъ. Изъ бесѣды съ Питтомъ графъ Воронцовъ убѣдился, что разрывъ съ Россіею рѣшенъ и что весною будетъ объявлена война. Тогда графъ Воронцовъ потребовалъ у статсъ-секретаря, герцога Лидса, оффиціального свиданія, чтобы, въ случаѣ нужды, объявить англійскому министерству свое знаменитое «иду на вы». Замѣтивъ, послѣ недолгихъ переговоровъ, что и статсъ-секретарь вполне раздѣляетъ рѣшимость перваго министра, графъ Воронцовъ обратился къ нему съ слѣдующею краткою рѣчью: «Такъ какъ очевидно, что здѣшнее министерство настолько ослѣплено, что упорствуетъ (ради сохраненія туркамъ Очакова, что для Англїи совершенно безразлично) въ рѣшимости начать несправедливую и для обѣихъ странъ, для Россїи и Англїи, убыточную войну, то я считаю своимъ долгомъ противодѣйствовать этому злу. Не сомнѣваюсь, что вы будете имѣть большинство въ обѣихъ палатахъ; но я хорошо уже знаю эту страну. Я знаю, что не только министерство, но и самый парламентъ имѣетъ власть лишь настолько, насколько онъ опирается на сочувствіе графствъ, богатыхъ собственниковъ и независимыхъ личностей, которые собственно и управляютъ страной. Поэтому, имѣю честь объявить вамъ, господинъ герцогъ, что я употреблю всѣ усилія для того, чтобъ англійскій народъ узналъ всю правду о вашихъ намѣреніяхъ, столь противныхъ интересамъ страны. Зная здравый смыслъ англійскаго народа, я вполне надѣюсь, что общій голосъ націи заставитъ васъ отказаться отъ столь несправедливаго предпрїятія»¹⁾. Сообщая этотъ эпизодъ, графъ Воронцовъ прибавляетъ, что «герцогъ Лидсъ былъ пораженъ смѣлостью и прямою моихъ словъ; онъ не зналъ, что отвѣчать мнѣ».

Началась отчаянная борьба — борьба изъ-за общественнаго мнѣнія Англїи. Министерство употребляло всѣ средства, дозволенные и недозволенные, чтобы возбудить народъ противъ Россїи и сдѣлать войну съ нею популярною. Въ печати и на митингахъ вновь зашла рѣчь о вредѣ для Англїи «вооруженнаго нейтралитета», причемъ всячески возбуждалась «злоба и негодованіе» противъ Россїи; вновь заговорили о политикѣ Россїи, причемъ стали «порочить Рос-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 20.

сію за поведеніе ея въ Польшѣ»; наконецъ, министерская партія стала распространять подъ рукою, будто Россія, вмѣстѣ съ Австріею, сдѣлала Франціи и Испаніи предложеніе вступить съ ними въ союзъ, который направленъ только противъ Англійи и Пруссіи ¹⁾. Не дремалъ и графъ Воронцовъ. Онъ посѣтилъ вождей оппозиціи, побывалъ у вліятельныхъ членовъ палаты общинъ и представилъ имъ всѣ данныя для удостовѣренія, что война съ Россіею нужна и выгодна только Пруссіи, что эта война потребуетъ отъ англійскаго народа громадныхъ издержекъ и въ результатѣ можетъ привести только къ потерѣ Англіею всей ея торговли съ Россіею. Русское посольство работало день и ночь. Оно составляло цѣлыя брошюры, наполненныя неопровержимыми цифрами, доказывавшими, что война съ Россіею можетъ быть только разорительна для Англійи и что она предпринимается изъ-за Очакова и степи, его окружающей, вовсе неизвѣстной и ненужной англійскому народу. Эти брошюры переводились на англійскій языкъ, печатались и рассылались въ тысячахъ экземпляровъ по всему королевству. Ежедневно въ русскомъ посольствѣ писались *leading articles* для 20-ти лондонскихъ газетъ, причемъ всякій невѣрный слухъ, пущенный министерствомъ, немедленно опровергался. Тревога охватила всю Англію и, прежде всего, тогдашніе промышленные и торговые центры. Въ Норвигѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ составлялись митинги, резолюціи которыхъ, печатавшіяся въ газетахъ, всѣ были противъ войны съ Россіею. Въ парламентъ присылались покрытыя тысячами подписей петиціи, высказывавшіяся противъ министерскихъ мѣръ относительно Россіи. Наконецъ, многіе избиратели стали присылать своимъ депутатамъ особыя мандаты съ требованіемъ отречься отъ антирусской политики Питта и вотировать противъ него.

Борьба была въ самомъ разгарѣ, когда, въ мартѣ 1791 года, король обратился къ парламенту съ посланіемъ, въ которомъ онъ требовалъ ассигнованія значительной суммы для усиленія англійскаго флота, чтобы «придать больше вѣса представленіямъ Англійи насчетъ умиротворенія и поддержанія равновѣсія въ Европѣ». Въ

¹⁾ *Ibid.*, XVI, 232. Письмо графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородко, отъ 24-го мая 1791 года.

посланіи не упомянуто ни слова о Россіи; но Питтъ, во время дебатовъ, открыто заявилъ, что «вооружаемый флотъ предназначенъ для дѣйствія противъ Россіи, безмѣрное честолюбіе которой необходимо ограничить, какъ равнымъ образомъ необходимо воспрепятствовать окончательному разрушенію Оттоманской имперіи». По первому же голосованію въ палатѣ депутатовъ, Питтъ, правда, получилъ большинство, но былъ крайне пораженъ, замѣтивъ, что «его большинство» уменьшилось въ данномъ случаѣ на сто голосовъ, и услышавъ со стороны оппозиціи рѣчи, отличающіяся необылавою смѣлостью, доходившею иногда до дерзости. Многіе друзья Питта не подали голоса, не желая вотировать за его предложеніе. Это первое голосованіе было первымъ предостереженіемъ Питту. На другой день раздалась громовая рѣчь Фокса, который со всею силою ораторскаго искусства напалъ на политику Питта, «дабы камора и вся нація знали, въ какую пагубу и безчестіе ее вовлекаютъ»¹⁾. И въ этотъ день Питтъ получилъ большинство голосовъ, но столь ничтожное, что побѣда напоминала уже о пораженіи. Полное пораженіе и послѣдовало, но внѣ парламента: «здѣсь народъ началъ уже—доносить графъ Воронцовъ отъ 28 марта 1791 года—писать по стѣнамъ большими словами: не надобно войны съ Россіею!»

Графъ Воронцовъ одержалъ блистательную побѣду: онъ апеллировалъ къ здравому смыслу англійскаго народа, и народъ подалъ свой властный голосъ за него. Вотъ какъ графъ Воронцовъ, въ рядѣ донесеній, извѣщалъ объ этомъ императрицу Екатерину: Отъ 2-го апрѣля: «Всего удивительнѣе есть то, что, несмотря, что вооруженный нашъ нейтралитетъ огорчилъ вообще всю Англію, послѣ того уже нѣсколько лѣтъ сряду, что прусскій и шведскій дворы непрестанно старались разными параграфами въ публичныхъ бумагахъ и книгахъ, какъ-то о сѣверномъ равновѣсіи, раздражить и огорчить англичанъ противъ Россіи, лишь только показали сему доброму народу, что его ведутъ противъ Россіи умышленно въ угожденіе двора берлинскаго и что дѣло идетъ до разрыва съ нею, вся злоба

¹⁾ Отрывокъ изъ рѣчи Фокса, присланный графомъ Воронцовымъ, помѣщенъ въ Русск. Архивѣ, 1879 г., I, 207; Арх. кн. Воронцова, IX, 190: *Monsieur Fox a parlé comme un ange.*

его исчезла, и онъ ничего теперь такъ не желалъ, какъ сохранить съ нею прежнюю и взаимно полезную дружбу». Отъ 11-го апрѣля: «Министерство теперь знаетъ, что за Очаковъ и его окрѣпость ему войны пачать нація не дозволить. Оборотъ для нашихъ интересовъ весьма счастливый совершился, облича всему свѣту, какъ здѣшняя нація привязана къ Россіи. Вся трудность для Питта состоитъ, какъ уступить безъ стыда, ибо нація сей стыдъ дѣлать съ нимъ не будетъ». Отъ 30-го мая: «Поистинѣ невозможно объяснить съ достаточною силою, какъ вся нація громогласно негодуетъ противу министерства за непростительной онаго поступокъ противу Россіи и какъ она доказываетъ свою любовь къ оной. Министръ ни подъ какимъ видомъ не посмѣетъ ничего начать противу насъ»¹⁾.

И не посмѣлъ. вмѣсто отправки въ Петербургъ составленнаго сообща съ графомъ Герцбергомъ объявленія войны съ Россіей, Питтъ долженъ былъ послать въ Портсмуть приказъ о разоруженіи эскадры, предназначавшейся для Балтійскаго моря.

Графъ Воронцовъ вполнѣ воспользовался одержанною имъ побѣдою. Въ самый разгаръ политической борьбы, 24-го мая 1791 года, онъ писалъ графу Безбородко: «Изъ отзыва дюка Лидса о торговой нашей конвенціи кажется, что здѣсь не слѣдуетъ заключить оную или желаютъ вмѣсто того сдѣлать трактатъ формальной. Если же трактатъ сей не можетъ быть скоро довершенъ, а однакожь его заключить у насъ желаютъ, въ такомъ случаѣ, давши вѣскія увѣренія о желаніи онаго, можно будетъ предложить, чтобы между тѣмъ заключить конвенцію, для которой есть уже полная мочь въ Лондонѣ. Трактатъ, конечно, лучше всего привяжетъ къ намъ Англію, но если нельзя будетъ скоро его заключить, то на время и сія конвенція будетъ полезна»²⁾. Такъ и случилось: 14-го марта 1793 года графъ Воронцовъ и лордъ Гренвилль подписали проектъ предварительныхъ условій коммерческой конвенціи. Въ этотъ же день, быть можетъ, тѣмъ же перомъ, графъ Воронцовъ, «безъ всякихъ полномочій», подписалъ предложенный ему лордомъ Гренвиллемъ

¹⁾ Подробное разъясненіе см. въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, отъ 2-го іюля 1791 года, въ Арх. кн. Воронцова, IX, 201.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XVI, 234.

проектъ конвенціи относительно общихъ дѣйствій противъ Франціи. Почему?

Графъ Семень Воронцовъ не любилъ ни Франціи, ни французъ только изъ патриотизма. Еще въ 1784 году, когда онъ желалъ покинуть свой дипломатическій постъ въ Венеціи, гдѣ «императрица только теряетъ деньги, расходуемая на него», и ему было предложено на выборъ посольство въ Парижъ или Лондонъ, онъ предпочелъ Лондонъ, потому что «Франція никогда не проститъ Россіи, которая менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе уничтожила ея вліяніе въ трехъ державахъ: въ Турціи и Швеціи, которыми Франція пользовалась, чтобы тревожить своихъ враговъ, и въ Польшѣ, въ которой Франція вліяла прежде даже на выборъ королей, теперь избираемыхъ по нашей волѣ; присоединеніе же Крыма должно еще болѣе увеличить ненависть къ намъ Франціи». Онъ совѣтуетъ учредить генеральное консульство въ Мореѣ потому, между прочимъ, что оттуда легко будетъ «слѣдить за каждымъ шагомъ французовъ» ¹⁾. Какъ человѣкъ умный и дипломатъ проницательный, графъ Воронцовъ не только не считалъ возможнымъ для Франціи избѣжать революціи, но одинъ изъ первыхъ русскихъ предвидѣлъ ея необходимость и еще въ 1787 году предсказалъ, что «потрясеніе будетъ жестокое» ²⁾. Когда же потрясеніе разразилось, онъ распространилъ свою ненависть на всю «проклятую Францію», la France maudite: на парижскую чернь и сельское населеніе, на демократовъ и аристократовъ, на эмигрантовъ и принцевъ крови, на короля и королеву. Онъ не могъ выносить ни одного француза, онъ чернитъ ихъ всѣхъ. Въ его письмахъ, французскій народъ — подлый (lâche), безчестный (infâme), укушенный бѣшеною собакою; эмигранты — развратны и мерзки; принцы крови — презрѣнны и мелки, мечтающіе лишь о томъ, чтобы вѣшать и колесовать своихъ противниковъ; у него М и р а б о — злодѣй, стремящійся низвергнуть всякій порядокъ во Франціи; Н е к к е р ь — главный виновникъ низложенія Л ю д о в и к а XVI и уничтоженія королевской власти; графъ П р о в а н с к і й — ничтожество, всѣми презираемое; Д и м у р ь е — негодай, заботящійся

¹⁾ Ibid., IX, 3, 4, 10, 136, 437.

²⁾ Ibid., IX, 104, 153.

только о личномъ благѣ ¹⁾), и т. п. Въ письмѣ отъ 31-го августа 1788 года: «Король—глупъ, королева—интриганка, безъ таланта и безъ твердости, столь же всѣми ненавидимая, какъ король презираемъ» ²⁾). Иногда только ненавистью графа Воронцова ко всему французскому и можно объяснить тѣ несообразности, которыя встрѣчаются въ его письмахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 2-го сентября 1791 года онъ испрашиваетъ инструкцій относительно вновь назначеннаго французскаго посла въ Лондонѣ, Шовелэна—онъ недоумѣваетъ, какъ вести себя относительно его, такъ какъ «французскій посолъ будетъ представлять не Людовика XVI, находящагося въ заточеніи, а господъ Робеспьера, Петіона и Грегуара»; между тѣмъ въ то время Людовикъ XVI вовсе не былъ арестованъ, и кредитивныя грамоты Шовелэна были подписаны королемъ.

Графъ Воронцовъ не раздѣлялъ взгляда Екатерины: императрица полагала, что Францію должно спасти французское дворянство съ принцами во главѣ; ея лондонскій посланникъ находилъ, что только сильная коалиція иностранныхъ дворовъ можетъ задушить «безразсудную французскую революцію» ³⁾). Онъ давно уже проповѣдывалъ, что «спасеніе только въ коалици», и былъ, конечно, очень радъ, что могъ подписать проектъ англо-русской коалиціи.

Екатерина II не менѣе Георга III сознавала необходимость «создать оплотъ противъ развитія зла», но потребовалось не менѣе двухъ лѣтъ, чтобъ согласиться въ средствахъ для созданія оплота. Опять начались переговоры о заключеніи союзнаго договора, который могъ представить въ будущемъ большія выгоды Россіи и который въ данную минуту былъ крайне необходимъ для Англій. Опять явились различныя мнѣнія, столкнулись противныя намѣренія; то Англія не желаетъ платить субсидіи за русскія вспомогательныя войска—въ усмиреніи французскихъ анархистовъ заинтересована вся монархическая Европа, и русскія войска вызываются не для специально англійскихъ выгодъ, то Россія

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, IX, 133, 153, 182, 193, 211, 259, 261, 266, 282, 294, 300, 309, 310, 314, 339; X, 23.

²⁾ Ibid., IX, 133.

³⁾ Ibid., 501, XXVIII, 122.

отказываетъ въ помощи сухопутными войсками — въ виду «всякихъ событій, которыя могутъ случиться не только въ Польшѣ, но также со стороны Порты Оттоманской». Переговоры затягивались. «Въ продолженіе царствованіе императрицы» и короля Великобританскаго — писалъ графъ Остерманъ графу Воронцову, въ октябрѣ 1794 года — «это уже въ третій разъ, что дѣлается попытка завязать узы союза и дружбы; и если теперь это не удастся, то какая тому причина? Развѣ не окажется, что мы одни были того мнѣнія, что наши отношенія къ Англіи должны покоиться на постоянныхъ, неизмѣнныхъ и вполнѣ взаимныхъ для обоихъ государствъ интересахъ, между тѣмъ какъ Англія, напротивъ, полагаетъ, что эти отношенія должны быть только преходящія и зависящія отъ времени и обстоятельствъ? Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, вы объявите въ концѣ концовъ англійскому министерству, что Ея Императорское Величество, оставаясь вѣрною своему заявленному Франціи желанію заключить союзный трактатъ съ Его Величествомъ королемъ Великобританскимъ, согласится доставить вспомогательныя войска, опредѣленныя проектомъ трактата, съ того момента, когда возстаніе въ Польшѣ окажется усмиренымъ и когда не будетъ явной опасности разрыва съ Оттоманскою имперіей или съ другою какою-либо державою, склонною къ тому проискамъ или золотомъ французскихъ злодѣевъ». Этотъ русскій «ультиматумъ» подѣйствовалъ, тѣмъ болѣе, что въ это именно время и Голландія объявила войну своей прежней союзницѣ. Англія уступила, и 7-го февраля 1795 года былъ подписанъ русско-англійскій союзный оборонительный трактатъ. Отдѣльною секретною статьею, Россія обязалась, въ виду «настоящей войны съ такъ называемымъ Національно-Французскимъ Конвентомъ», послать въ Англію «эскадру, состоящую изъ 12 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ, для соединенія съ англійскимъ флотомъ и совмѣстнаго съ нимъ крейсерства и военныхъ дѣйствій противъ общаго врага въ Ламаншѣ или въ океанѣ».

Не успѣла еще русская эскадра вице-адмирала Ханыкова усилить коалицію, какъ ее еще въ большей степени ослабила Пруссія заключеніемъ базельскаго мирнаго договора съ «французскими царубійцами». Русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Берли-

лицѣ былъ Максимъ Алопеусъ, «пруссакъ отъ головы до ногъ», какъ его аттестовала Екатерина II. Этому-то «пруссаку» прусскій министръ Гаугвицъ такъ оправдывалъ базельскій договоръ: «Мой дворъ оставилъ коалицію только въ одномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что прекратилъ войну, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько ее не покинулъ, потому что онъ продолжаетъ держаться тѣхъ началъ, которыми движется коалиція. Честнымъ моимъ словомъ я вамъ подтверждаю, что мы не имѣемъ никакого союза съ Франціею». Это была совершенно ненужная и напрасная ложь, не обманувшая даже Алопеуса. Уже давно прусскіе министры говорили «русскому дипломату», что король готовъ послѣдовать «прекрасному и великому примѣру императрицы»¹⁾. Дѣйствительно, Екатерина неотступно совѣтовала Пруссіи сражаться противъ «общаго врага Европы», не принимая сама никакого участія въ этой исполинской борьбѣ. Когда Пруссія просила оказать ей союзную помощь хотя бы только 2.000 казаковъ²⁾, Екатерина отказала. Это невмѣшательство императрицы представляло ей большія выгоды, которыя Екатерина хорошо сознавала³⁾ и которыми она отчасти даже воспользовалась при сведеніи своихъ счетовъ съ Польшею и Турціею.

Коалиція не клеилась. «Нѣтъ болѣе единства принциповъ и не можетъ быть единства дѣйствій», писала Екатерина графу Воронцову. Вѣроломство Турціи, какъ тогда объясняли базельскій договоръ съ Франціею, ускорило сближеніе Англій не только съ Россіею, но и съ Франціею. Въ Лондонѣ не могли слышать о «берлинской измѣнѣ». Графъ Воронцовъ писалъ: «При произнесеніи

¹⁾ Мартенсъ, VI, 165.

²⁾ Пруссіе министры утверждали, что „страхъ, который наводитъ одно ихъ имя, ихъ храбрость и вѣрность испытанныя, ихъ одѣяніе и вооруженіе—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ ихъ присутствіе въ прусской арміи полезнымъ“. Деша Алопеуса отъ 22 марта 1793 г.

³⁾ Екатерина писала англійскому королю: *Séparée de la France par des barrières immenses, j'aurais pu, à l'aide de quelques mesures de précaution, attendre tranquillement le sort des événements. Peut-être même l'épuisement presque général qu'auraient infailliblement produit les efforts des uns pour renverser ces barrières et ceux des autres pour les défendre aurait-il présenté des chances séduisantes pour une politique plus exclusive que ne l'a jamais été la mienne.* Арх. кн. Воронцова, XXVIII, 121.

слова Берлинъ я замѣтилъ измѣненіе въ лицѣ лорда Гренвилля, и онъ мнѣ сказалъ, что король прусскій выпилъ всю чашу стыда, что онъ похитилъ у Англіи милліонъ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ и предаль ее самымъ вѣроломнымъ образомъ». Сближеніе трехъ дворовъ — петербургскаго, лондонскаго и вѣнскаго — выразилось въ лондонской деклараціи 17-го сентября 1795 года о присоединеніи Австріи къ англо-русскому союзному договору. Такъ возникла «система тройственнаго союза», которой лондонскій дворъ давно уже добивался именно для борьбы съ французскимъ правительствомъ.

Графъ Воронцовъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить Екатерину къ болѣе энергичной поддержкѣ Англіи въ ея борьбѣ съ Французской республикой. По поводу пребыванія эскадры Ханыкова въ англійскихъ водахъ, онъ писалъ императрицѣ: «Не могу также не донести, что удивительно и пріятно смотрѣть на великое согласіе, которое пребываетъ между командирами, офицерами и матросами обѣихъ націевъ, кажется, аки бы они были одного племени и закона, и вообще вся англійская нація теперь привязана къ Россіи. Здѣсь бывали союзныя эскадры голландскія и португальскія, по ни съ которою изъ нихъ такъ дружески не обходились, какъ съ сею, что Ваше Императорское Величество прислать сюда изволили. Всѣ члены правленія и частные люди независимые отъ онаго наперекоръ нашихъ ласкаютъ, и что всего удивительнѣе то, что между простыми матросами обѣихъ націевъ въ гуляньяхъ и трактирахъ по сіе время еще ни малѣйшей ссоры ни случилось». Казалось, старанія гр. Воронцова готовы увѣнчаться успѣхомъ. Въ сентябрѣ 1796 года, въ Лондонѣ съ восторгомъ узнали, что императрица, въ виду пораженій, нанесенныхъ австрійцамъ, рѣшилась помочь союзникамъ 60.000-мъ корпусомъ войскъ, а въ ноябрѣ пришла вѣсть о скоропостижной смерти Екатерины.

Екатерину II смѣнилъ Павелъ I. Въ апрѣлѣ 1797 г. эскадрѣ Ханыкова приказано возвратиться въ Россію; въ октябрѣ же рѣшено отправить въ Германію русскій вспомогательный корпусъ. 18-го декабря 1798 года подписанъ новый англо-русскій трактатъ; въ юнѣ 1799 г. — опять новый трактатъ; кромѣ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ уже въ Швейцаріи, посланъ новый корпусъ для дес-

санта въ Голландію, а въ 1800 году произошел полный разрывъ между Россіей и Англіей: англійскій посланникъ Витвортъ поспѣшно покидаетъ Петербургъ, уплата русскихъ долговъ англичанамъ приостанавливается, англійскія суда секвеструются, на англійскіе товары налагается запрещеніе...

Коалиція не клеилась. По словамъ Екатерины, коалиція должна была «предохранить народы отъ опасностей и увлеченія доктриною, поджигательною и ниспровергающею всякій общественный порядокъ, отомстить монархіи за кровныя оскорбленія, нанесенныя ей ненавистною и развратною шайкою и, наконецъ, возстановленіемъ королевской власти укрѣпить общую систему Европы». Екатерина была въ этомъ случаѣ вполнѣ искренна, и ее нельзя винить за недостижимую цѣль, начертанную ею коалиціи. Не для одной Екатерины, для всѣхъ государей того времени представлялось неразрѣшимымъ вопросомъ, почему революціонное движеніе обнаружилось сильнѣе и прежде всего во Франціи, хотя въ Англіи и Германіи, въ Италіи и Испаніи господствовалъ тотъ же феодальный строй? Для рѣшенія этого вопроса необходимо уяснить вліяніе папства и реформація на развитіе Италіи и Германіи, опредѣлить причины, по которымъ англійская аристократія не поддавалась соблазнамъ Стюартовъ, между тѣмъ какъ французская подчинялась королевской власти, опредѣлить, какимъ образомъ прусская монархія еще при Фридрихѣ I отказалась отъ того пути, которымъ шло французское королевство, и предоставила дворянству гражданскую и военную службу, вмѣсто исключительно придворной, и какъ Австрія, Тоскана, Неаполь, Швеція и Данія послѣдовали позже примѣру Пруссіи, тогда какъ средняя и южная Германія представляла въ этомъ отношеніи больше сходства съ Франціей, наконецъ, указать, какъ церковь въ Испаніи взяла монархію въ свою опеку и, герметически оградивъ страну отъ вліянія новыхъ идей, сохраняла безжизненную мумію, пока иностранныя войска не проникли въ страну и не внесли съ собою лучъ свѣта, который сразу повергъ во прахъ этотъ фантомъ, созданный католическимъ духовенствомъ. Въ то время, въ концѣ XVIII вѣка, не могла быть оцѣнена заслуга Франціи въ дѣлѣ воспріятія и распространенія новыхъ идей, какъ, равнымъ образомъ, не могла быть создана другая, не менѣе важная заслуга, заключа-

шлася въ созданіи новыхъ государственныхъ учрежденій, тѣхъ формъ, въ которыхъ развивались потомъ континентальныя государства Европы, въ отличіе отъ англійскихъ и американскихъ, и въ которыхъ наиболѣе полно выражаются и удовлетворяются потребности и идеи новаго времени.

Это чувствовалъ, если не сознавалъ, воспитанникъ Лагарпа, императоръ Александръ I. Со вступленіемъ его на престолъ, возобновляются мало-по-малу прежнія дружескія и союзныя отношенія между Россією и Англією, но уже для достиженія иныхъ цѣлей.

В. Вильбасовъ.

Изъ историческихъ записокъ Іоанна-Альберта Эренстрема ¹⁾.

Нападеніе англичанъ на Копенгагенъ.—Нерасположеніе короля Густава IV къ Стокгольму.—Открытіе памятника Густаву III.—Эренстремъ предлагаетъ королю свиданіе съ императоромъ Александромъ.

Послѣ того какъ, по заключеніи Тильзитскаго мира, находившіяся въ распоряженіи короля англійскія войска были отозваны правительствомъ съ Рюгена, ихъ употребили для нападенія на Зеландію. Это нападеніе, безъ предварительнаго объявленія войны, и уводъ датскаго флота въ Англію возбудили всеобщее неудовольствіе противъ англійскаго кабинета. Кабинетъ этотъ полагалъ, что имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что въ планы Бонапарта входило употребить этотъ флотъ для нападенія на Великобританію, а потому хотѣлъ предупредить это. Такая же участь, по всей вѣроятности, постигла бы и шведскій флотъ въ Карлскронѣ, еслибы Швеція въ это время подала Англіи поводъ къ такого же рода подозрѣніямъ. Данія упрекала теперь короля за то, что онъ не только съ равнодушіемъ, но даже съ радостью, отнесся къ несчастію, постигнутому ее чрезъ насиліе Англіи, и отношенія между обоими сосѣдними государствами стали еще натянутѣе и недружелюбнѣе. Отношенія между Швеціей и Россіей вдругъ тоже изъ дружественныхъ, короткихъ и согласующихся съ трактатомъ, измѣнились въ отношенія противоположнаго свойства. Императоръ Александръ I, измѣнившій, въ бытность въ Тильзитѣ, свою политическую систему и сдѣлавшійся теперь искреннимъ союзникомъ Бонапарта, а слѣдовательно врагомъ Англіи, старался склонить шведскаго короля послѣдовать его

¹⁾ См. „Русскую Старину“ т. LXXIX, августъ.

примѣру и закрыть свои порты для англійской торговли. Для собственной пользы и пользы своего государства, король поступилъ бы благоразумнѣе, уступивъ настоятельной необходимости. Но политическія требованія не дѣйствовали на его непреклонное упорство. Онъ отвергъ всѣ предложенія Россіи; но неоспоримо, что всѣ ноты, вышедшія изъ его кабинета во время этого несогласія, были, благодаря выдающимся способностямъ и знанію дѣла правителя канцеляріи короля—Эренгейма, написаны въ достойномъ тонѣ и не лишены силы логической убѣдительности. Однако письменные эти аргументы не повели къ достиженію желаемой цѣли; для этого были потребны совсѣмъ другія орудія.

Послѣ продолжительнаго отсутствія и пребыванія частью въ Швераніи, частью въ Сканиі, король наконецъ рѣшился возвратиться въ Стокгольмъ, буржуазія котораго, въ честь его возвращенія, устроила блистательную иллюминацію въ столицѣ въ тотъ вечеръ, въ который онъ намѣревался туда прибыть. Но, извѣщенный объ этомъ, король счелъ за удовольствіе сдѣлать бесполезнымъ ихъ доброе намѣреніе, перемѣнивъ день своего прибытія на другой. Однако, несмотря на неудовольствіе за неудачу первой попытки выразить свою преданность, буржуазія Стокгольма все же устроила вторую иллюминацію въ тотъ день, въ который король, согласно вторичному извѣщенію, долженъ былъ прибыть; но, точно желая намѣренно выразить свое пренебреженіе къ заявленію ея преданности, король въ тотъ же день уѣхалъ въ Гринсгольмъ, и ихъ двойные значительные расходы на устройство торжественнаго приема пропали даромъ. Такимъ образомъ Густавъ-Адольфъ умышленно уничтожалъ остатки приверженности къ нему его подданныхъ; онъ очевидно негодовалъ на столицу и ея жителей, но простая осторожность должна бы была внушить ему не такъ явно выказывать это чувство, какъ онъ то дѣлалъ. Большую часть времени король жилъ въ Гринсгольмѣ, но все же пріѣхалъ въ Стокгольмъ, чтобы присутствовать при празднествахъ, предстоявшихъ по случаю открытія статуи Густава III, которое назначено было на 24-е января 1808 года, день рожденія этого короля. Говорили, что король только потому въ дурномъ расположеніи духа по поводу этой церемоніи, что онъ завидуетъ той чести, которую народонаселеніе Стокгольма оказало Густаву III, воз-

двинувъ этому королю памятникъ. Между тѣмъ онъ далъ свое согласіе на предложеніе оберъ-штатгальтера, графа фонъ-Угласа, относительно церемоній, долженствующихъ быть по этому случаю. И торжество произошло въ наилучшемъ порядкѣ, съ необычальнымъ въ Швеціи блескомъ, и вновь оживило энтузіазмъ народонаселенія къ памяти Густава III, уже шестнадцать лѣтъ предъ тѣмъ усопшаго. Въ Стокгольмѣ врядъ-ли когда-либо была такая великолѣпная иллюминація, какъ въ этотъ день, и такое множество изящныхъ транспарантовъ, украшавшихъ казенныя, какъ равно и частныя зданія. Прекрасная погода очень благопріятствовала празднеству, такъ что даже старые и бользненные люди могли безъ шубъ и шинелей, въ парадныхъ мундирахъ, въ орденскомъ или національномъ одѣяніи, присутствовать при церемоніи открытія статуи. И такъ какъ во многихъ частныхъ домахъ, вмѣсто транспарантовъ, удовольствовались въ открытыхъ окнахъ поставить бюсты почившаго короля, окруженные сіяніемъ разноцвѣтныхъ лампочекъ, съ подходящими свѣтящимися надписями, то можно было замѣтить, что народъ особенно толпился передъ окнами такихъ домовъ и, глядя на бюстъ незабвеннаго своего короля, съ глубокою грустью выражалъ свое сожалѣніе о его кончинѣ. Во многихъ такихъ мѣстахъ мнѣ привелось видѣть слезы горести, а также слышать проклятія противъ виновниковъ преждевременной смѣрти короля Густава III. Монархъ, способный внушить къ себѣ такую любовь, что память о немъ, столь долго послѣ его кончины, была еще такъ дорога знавшимъ его, не могъ быть обыкновенною личностью. При этой иллюминаціи, распространенной по всему городу и предмѣстьямъ, до самыхъ окраинъ, и во время которой королевскій дворецъ въ первый разъ послѣ его постройки тоже былъ освѣщенъ, площадь Риддаргусторгетъ обращала на себя особое вниманіе тѣмъ, что въ то время, какъ домъ дворянскаго собранія, ратуша и окружающіе площадь частныя дома были богато иллюминированы, а ратуша украшена изящными транспарантами, церковь на Риддаргольмѣ выдвигалась темною массою, и только склепъ Густава III свѣтился синимъ блескомъ отъ зажженной тамъ одинокой лампы. Все народонаселеніе Стокгольма было въ движеніи въ этотъ день. Улицы были полны народа далеко за полночь, такъ что король и его свита съ трудомъ могли верхами

проѣхать по улицамъ, чтобы видѣть иллюминацію. На слѣдующій день буржуазія давала въ зданіи биржи большой балъ и ужинъ, на который приглашены были король и королева и члены королевскаго семейства. Меня тоже почтили приглашеніемъ на этотъ балъ. Когда король съ супругою своею пріѣхалъ на балъ, то былъ въ особенно дурномъ расположеніи духа. Королевскую чету проводили на устроенное для нихъ мѣсто, на возвышеніи противъ входной двери, и затѣмъ Карлстеномъ съ аккомпаниментомъ пропѣта была кантата въ честь дня. Въ продолженіе пѣнія король сохранилъ свою неприятную и суровую величавость. По окончаніи же пѣнія, онъ разрѣшилъ начать танцы. Посмотрѣвъ на нихъ нѣкоторое время, онъ всталъ и началъ ходить по залѣ, здороваясь и разговаривая со многими изъ мужчинъ и дамъ, и по мѣрѣ того, какъ эта прогулка по залѣ продолжалась, расположеніе его духа все улучшалось, и онъ становился все общительнѣе и любезнѣе. Ъдучи на балъ, король приказалъ, чтобы карета его пріѣхала за нимъ въ двѣнадцать часовъ, тотчасъ по окончаніи ужина, съ особенною роскошью приготовленнаго для него, членовъ его семейства и высшихъ сановниковъ съ ихъ супругами. Когда же королю доложили, что экипажи для отъѣзда прибыли, то онъ отвѣчалъ: «Пусть уѣдутъ, мнѣ здѣсь такъ пріятно, что я желаю еще дольше остаться». Оберъ-шталмейстеръ спросилъ, въ которомъ часу Его Величеству угодно, чтобы экипажи опять пріѣхали.—«Въ три часа»,—отвѣтилъ король. Когда этотъ отвѣтъ сталъ извѣстенъ, то возбудилъ общее удовольствіе, и оно увеличилось чрезъ ласковое и любезное обращеніе короля съ присутствовавшими, во время прогулокъ его по бальной залѣ послѣ ужина. При отъѣздѣ король выразилъ обществу и распорядителямъ свое полное удовольствіе и благоволеніе. Его съ криками: «ура!» и «да здравствуетъ король!» сопровождали до экипажа. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ благомыслящіе граждане обнимали другъ друга отъ радости, что король доволенъ ихъ праздникомъ, и повторяли его милостивыя выраженія, а также слышались, какъ нѣкоторые говорили: «О, еслибы онъ всегда былъ такой! кто бы съ радостью не пожертвовалъ жизнью за такого короля!» Изъ этого видно, какъ мало требуется отъ шведскаго короля, чтобы ему заслужить любовь своихъ подданныхъ, особенно

этого сословія. Но, къ несчастію для Густава-Адольфа, было не въ его натурѣ и не въ его правилахъ дорожить этою преданностью, или употреблять какія бы то ни было усилія для ея приобрѣтенія. Его поведеніе въ этотъ вечеръ было чистой случайностью.

Въ мартѣ 1807 г. я совершенно неожиданно получилъ иностранный орденъ. Я былъ тогда въ Стокгольмѣ и, возвратившись вечеромъ домой, нашель у себя пакетъ за печатью короля, адресованный на мое имя. Распечатавъ его, я нашель въ немъ письмо ко мнѣ короля, посланное изъ Мальме 7-го марта, которымъ мнѣ разрѣшалось носить малый орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, и патентъ на этотъ орденъ на латинскомъ языкѣ, выданный орденскимъ капитуломъ въ Катаніи, 15-го октября 1806 г. Мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы меня могло ожидать такое отличіе; теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что обязанъ имъ кредиту генерала Армфельта у Неаполитанской королевы, хотя генеральъ никогда даже и не намекнулъ мнѣ о своемъ ходатайствѣ относительно этого. Такъ какъ я не сдѣлалъ ничего такого, чтò давало бы мнѣ право на полученіе этого ордена, то полученіе его не принесло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, напротивъ, я опасался, что чрезъ ношеніе его сдѣлаюсь смѣшенъ. Но такъ какъ патентъ на него былъ присланъ мнѣ королемъ, то я счелъ свою обязанностью принести королю мою всеподданнѣйшую благодарность, тѣмъ болѣе, что самъ онъ придавалъ особенное значеніе этому ордену. Поэтому я 13-го марта, т. е. именно въ то же число, въ которое онъ, два года спустя, пересталъ царствовать, письменно благодарилъ короля. Несмотря на принесенную мною такимъ образомъ всеподданнѣйшую благодарность, я все же въ теченіе всего 1807 года не одѣвалъ этого ордена, такъ какъ во все это время не имѣлъ случая представиться королю. Во время вышеупомянутаго бала, даннаго въ биржевой залѣ буржуазіей Стокгольма, 25-го января 1808 г., когда мнѣ предстояло встрѣтиться съ королемъ, я не могъ долѣе откладывать одѣть орденъ. Разговаривая въ залѣ съ двумя генералами, король увидѣлъ меня, въ новомъ моемъ орденѣ, по другую сторону комнаты. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, ласково поздравилъ меня съ полученіемъ этого отличія и прибавилъ, что орденъ этотъ очень красивъ. Я повторилъ, что главная его цѣна въ моихъ глазахъ есть то,

что онъ передашь мнѣ Его Величествомъ, и что я ношу орденъ съ его разрѣшенія.

По случаю открытія прекрасной статуи короля Густава III, причѣмъ такъ сильно выразилось, какъ жива еще память о немъ въ народѣ, я предложилъ генералу Армфельту, для празднованія памяти усопшаго короля, устроить въ Мон Вѣjou обѣдъ въ тѣсномъ кругу, составленномъ изъ такихъ только лицъ, которыя по смерти короля неизмѣнно сохранили преданность къ усопшему и во время регентства не приносили своекорыстныхъ жертвъ Ваалу — Рейтергольму. Генераль съ присущею ему воспримчивостью принялъ мое предложеніе, и мы вмѣстѣ составили списокъ этимъ лицамъ; число ихъ оказалось около 30-ти человекъ. Три лица были умышленно исключены нами, а именно генераль-адъютантъ баронъ Клингспорръ, предсѣдатель военной коллегіи, баронъ Седерстремъ и канцелярскій совѣтникъ фонъ-Розенштейнъ. Послѣдній между тѣмъ такъ плакался на это исключеніе, что былъ наконецъ принятъ въ число участниковъ. Во время обѣда на верхнемъ концѣ стола стоялъ бюстъ Густава III, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, и на пьедесталѣ его была надпись въ стихахъ, выражавшихъ любовь къ королю, горе о его утратѣ и надежду, что потомство отдастъ ему должную справедливость.

Было рѣшено, что пить будутъ только нѣсколько тостовъ. Первый предложенъ былъ въ память усопшаго короля; но прежде чѣмъ пить его, канцелярскій совѣтникъ Леопольдъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ бюсту короля и прочиталъ прекрасную свою поэмю, незадолго предъ тѣмъ написанную имъ, по случаю торжества въ память Густава III.

Стихотвореніе было прочитано съ умиленіемъ, которое съ глубокимъ участіемъ раздѣлено было присутствовавшими, проводившими втихомолку безотрадное сравненіе настоящаго съ прошлымъ. Остальные тосты были: за царствующаго короля, королевское семейство, гражданъ Стокгольма и за Сергеля. Этотъ обѣдъ, пріятный для его участниковъ, послужилъ поводомъ къ большому неудовольствію тѣхъ лицъ, которыя не были допущены участвовать на немъ. Кто-то спросилъ генерала Клингспорра, былъ ли онъ въ числѣ лицъ, собравшихся въ Мон Вѣjou?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я не принадлежу къ этому ордену.

Баронъ Седерстремъ, бывшій въ большой милости у короля, горько жаловался ему на исключеніе его изъ числа участниковъ, считая это глубокимъ для себя оскорбленіемъ. Король принялъ участіе въ его неудовольствіи и имѣлъ по поводу этого объясненіе съ генераломъ Армфельтомъ, который съ полною откровенностью разъяснилъ королю, какъ мало этотъ баронъ, вслѣдствіе поведенія своего во время регентства, былъ достоинъ занять мѣсто въ числѣ вѣрныхъ слугъ покойнаго короля. Узнавъ это, Розенштейнъ былъ въ восторгѣ, что ему удалось быть включену въ число таковыхъ; но когда Лагербринъ, явившись на обѣдъ, встрѣтился съ нимъ, то съ изумленіемъ спросилъ меня: «Какъ это Розенштейнъ попалъ сюда?» И тогда я сообщилъ ему, какъ это произошло.

Это время было для короля послѣднимъ отраднымъ временемъ въ его царствованіе. Мрачныя грозовыя тучи уже собирались надъ его головою, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойствію государства. Россія, уступая требованію своего новаго союзника Бонапарта, настаивала на закрытіи шведскихъ гаваней для торговли Англіи и на вооруженіи Швеціи, для дѣйствій противъ этой державы; стали опасаться, чтобы сопротивленіе короля — подчиниться требованіямъ Россіи не повлекло къ войнѣ съ этой державой. Эти опасенія усилились чрезъ слухи, что Россія стягиваетъ свою армію на границахъ Финляндіи. Можно было предвидѣть, что, въ случаѣ войны съ этимъ государствомъ, Данія непремипетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ напасть на Швецію со стороны Норвегіи. Тревожиться этимъ было тѣмъ болѣе причинъ, что вполнѣ было извѣстно, какъ мало связности и энергіи въ мѣрахъ къ дѣятельному отпору непріятели; въ нихъ скорѣе обнаруживалось слѣпое представленіе всего случайному ходу событій и пассивное ожиданіе развитія ихъ. Относительно оборонительныхъ мѣръ, долженствовавшихъ быть принятыми, король исключительное свое довѣріе возлагалъ только на двухъ человѣкъ, изъ числа которыхъ одинъ, президентъ баронъ Броръ Седерстремъ, былъ, какъ баронъ Армфельтъ не безосновательно называлъ его: «уменьшительное человѣческаго разума»; а о другомъ говорили, что онъ страстный почитатель Бонапарта, поэтому невозможно было объяснить, какъ онъ, несмотря на

этотъ свой общеизвѣстный образъ мыслей, все же могъ оставаться въ милости у короля, всѣ дѣйствія котораго были основаны и происходили изъ его непримиримой вражды къ повелителю Франціи. Выводили заключеніе, что это странное отношеніе служило доказательствомъ двуличія со стороны генерала, могущаго быть источникомъ великихъ несчастій. Въ то время, когда начали поговаривать о возможности войны съ Россіей, прежде бывшая немилость короля къ барону Армфельту начала ослабѣвать, и онъ однажды получилъ приказаніе явиться къ королю въ 6 часовъ вечера. Когда Армфельтъ явился во дворець, то былъ особенно милостиво принятъ королемъ, который, пригласивъ его сѣсть на диванъ, самъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. Это была безпримѣрная честь. Затѣмъ король сказалъ Армфельту, что очень можетъ случиться, что война съ Россіей станетъ неизбѣжною; что тогда онъ долженъ будетъ стянуть финскую армію къ границѣ, и что онъ не можетъ вѣрить командованію этой арміей Клигсפורру, такъ какъ тотъ сейчасъ же вступить въ переговоры съ неприятелемъ о капитуляціи; и что поэтому онъ намѣренъ возложить командованіе этой арміей на Армфельта. Теперь онъ желаетъ только знать мысли Армфельта относительно этого предложенія, а впоследствии ближе поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Генеральъ выразилъ свою благодарность за такое довѣріе, но просилъ дать ему время обдумать предложеніе короля. Я былъ у графа, когда онъ поѣхалъ во дворець, и обождалъ у него, пока онъ вернулся съ этой продолжительной аудіенціи, окончившейся только въ 9 часовъ. Онъ сообщилъ мнѣ о происшедшемъ на ней. Я тотчасъ же сказалъ ему, что подобное назначеніе было бы величайшимъ для него несчастіемъ, и что ему всячески должно стараться отклонить его, потому что, по всей вѣроятности, чрезъ ошибочныя распоряженія правительства произойдутъ большія несчастія для государства, а за нихъ его враги непременно сдѣлаютъ его лично отвѣтственнымъ передъ націей; воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Армфельтъ крупный землевладѣлецъ въ Финляндіи, что онъ, въ теченіе гоненій на него, пользовался покровительствомъ Россіи, что онъ кавалеръ высшихъ русскихъ орденовъ, враги его, въ случаѣ потеряннаго сраженія или отступленія, постараются набросить на него тѣнь измѣ-

ны и сдѣлать его предметомъ гнусныхъ подозрѣній у шведскаго народа, который, особенно во время войны, такъ легко поддается подобнаго рода навѣтамъ. Генераль Армфельтъ согласился съ справедливостью моихъ доводовъ и рѣшился просить о назначеніи его на этотъ постъ; но ему ничего не пришлось дѣлать ради этого, потому что когда нѣсколько дней спустя онъ опять былъ позванъ къ королю, тотъ сообщилъ ему, что уже объщаль этотъ постъ генералу Клингспорру. «Онъ явился ко мнѣ,—сказаль король,—и со слезами на глазахъ говорилъ, что послѣ того, что онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ генераль-аншефъ, въ мирное время командоваль войсками въ Финляндіи, для него будетъ позоромъ, если, при предположеніи возможности войны, его уволятъ отъ этого командованія и назначатъ другаго на его мѣсто. Онъ былъ такъ жалокъ, и его слезы такъ растрогали меня, что я былъ вынужденъ согласиться на его просьбу, хотя я знаю впередъ, какъ все теперь пойдетъ». Эта готовность—дѣйствовать противъ собственнаго убѣжденія и доводовъ разума не была счастливымъ предзнаменованіемъ. Лично для себя генераль Армфельтъ былъ очень доволенъ этой перемѣной рѣшенія. Когда король вслѣдъ затѣмъ предложилъ ему принять командованіе арміей, назначенной для дѣйствій противъ Норвегіи, то Армфельтъ для принятія этого назначенія поставиль условіемъ, чтобы старшимъ адъютантомъ къ нему назначенъ былъ отставной ротмистръ—Георгій Адлерспарре, хорошо ему извѣстный и очень имъ уважаемый. Это желаніе Армфельта встрѣтило много препятствій, въ виду того, что поведеніе Адлерспарре во время сейма 1800 года вызвало большое неудовольствіе короля какъ противъ него лично, такъ равно и противъ брата его Акселя. Армфельту однако удалось смягчить предубѣжденіе короля противъ Адлерспарре и исходатайствовать, чтобы онъ былъ назначенъ къ нему старшимъ адъютантомъ, съ производствомъ въ подполковники. Но король поставиль непрѣмѣннымъ условіемъ, чтобы Адлерспарре предварительно представился ему и лично засвидѣтельствовалъ свои вѣрноподданническія чувства, чтò и было сдѣлано Адлерспарре. Мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ Адлерспарре, съ меньшимъ братомъ котораго, Карломъ, я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Я находилъ въ немъ свѣтлый умъ, большія познанія и блестящія авторскія способности; но матеріальныя его средства были довольно плохи, поэтому онъ съ благодарностью принялъ предложеніе Армфельта, дающее ему возможность ихъ улучшить. Могъ ли онъ тогда думать, что, поступая опять на службу, черезъ какой-нибудь годъ займетъ одну изъ высшихъ должностей въ государствѣ. Имѣя самыя выгодныя понятія о его военныхъ способностяхъ, что впрочемъ было и общимъ убѣжденіемъ, я радовался его назначенію. Но я былъ тѣмъ болѣе огорченъ неразумнымъ рѣшеніемъ поручить командованіе арміей въ Финляндіи генералу барону Клингспорру, трусость котораго была такъ хорошо извѣстна, и который не пользовался ни уваженіемъ, ни довѣріемъ арміи. Въ разговорѣ объ этомъ съ генераломъ Армфельтомъ, я выразилъ мнѣніе, что безусловно необходимо назначить къ Клингспорру, въ качествѣ старшаго адъютанта, надежнаго человѣка, снабженнаго достаточною властью, полномочіями и секретными предписаніями, чтобы при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ могъ употребить ихъ для удержанія командующаго войсками генерала отъ позорнаго отступленія, капитуляціи и обезщеченія арміи; почему на этотъ постъ предложилъ назначить графа Густава Левенгельма. Мое предложеніе было одобрено Армфельтомъ, представлено на воззрѣніе короля и принято имъ. Но я очень ошибся въ моихъ ожиданіяхъ. Молодой графъ съ неудовольствіемъ былъ принять финской арміей; финскіе офицеры ставили ему въ упрекъ его рѣзкій тонъ, а генералъ былъ недоволенъ этимъ соглядатаемъ его дѣйствій, и всѣ были очень довольны, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Мѣсто его занялъ полковникъ Адлеркрейцъ, финляндскій уроженецъ, оправдавшій это назначеніе своимъ мужествомъ и распорядительностью. При бездарности главнокомандующаго, собственно онъ-то и руководилъ всѣми операціями арміи, не уклоняясь ни при какомъ случаѣ принимать личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому онъ во всѣхъ отношеніяхъ выполнилъ цѣль, связанную съ его назначеніемъ въ финскую армію.

Многія лица, а въ томъ числѣ и я, не могли придти къ полному убѣжденію, что императоръ Александръ I дѣйствительно

намѣренъ начать войну противъ Швеціи. Конечно, не безызвѣстно было, что Бонапартъ усиленно настаиваетъ на этомъ; но полагали, что императору крайне противно было бы напасть на союзника, честно и вѣрно исполнявшаго свои обязательства относительно Россіи, которой, во время общей борьбы съ императоромъ французомъ, оказывалъ дѣятельное содѣйствіе для поддержки русскаго оружія и отказался отъ обѣщавшаго ему большія выгоды союза съ Франціей, цѣлью котораго были совмѣстныя военныя дѣйствія противъ Россіи. Думали, что императоръ съ радостью воспользуется какимъ бы то ни было предлогомъ; дающимъ ему возможность, не раздражая Бонапарта, избѣжать разрыва съ Швеціей. Въ этомъ предположеніи и съ двойною цѣлью: доставить, во-первыхъ, русскому царю подобный уважительный предлогъ, а также чтобы выиграть время и тѣмъ устранить опасность вторженія въ теченіе зимы русскихъ войскъ въ Финляндію, лишенную въ это время года возможности привести въ надлежащее состояніе свои оборонительныя средства, и чтобы затянуть враждебныя дѣйствія до весны, когда страна эта, при взаимномъ содѣйствіи шведскаго и англійскаго флотовъ и присылкѣ изъ Швеціи всякаго рода вспомогательныхъ средствъ, могла бы быть защищена, — я предложилъ мѣру, которая, если бы она была принята, вѣроятно отстранила бы войну и спасла бы Финляндію. Я сообщилъ объ этой мѣрѣ графу Угласу и генералу Армфельту, которые вполне ее одобрили, рѣшивъ сообщить о ней королю такъ, чтобы это, при своеобразности его нрава, не раздражило его; поэтому предложили, чтобы я, въ частномъ письмѣ къ графу, изложилъ мои мысли о ней, а графъ сообщитъ ихъ королю, какъ *le gêve d'un bon citoyen* ¹⁾. Въ этомъ случаѣ для меня очень выгодно было то, что я не состоялъ на службѣ, и что поэтому мое предложеніе не носило печати оффиціальнаго дѣйствія, которое могло бы быть истолковано какъ дерзость, тогда какъ теперь оно представляло только выраженіе глубокаго усердія для пользы короля и отечества. Я началъ письмо свое съ изложенія опасности, грозившей Финляндіи, предоставленной защитѣ собственными силами въ случаѣ, если-

¹⁾ Мечту добраго гражданина.

бы страна эта въ зимнее время подверглась нападенію на нее сильнаго врага; я выразилъ убѣжденіе, что потеря Финляндіи, если ее нельзя будетъ предотвратить, будетъ незамѣнимою потерею для Швеціи, которая чрезъ это потеряетъ около трети своей территоріи и своего народонаселенія и лишится вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, а также сильнаго и важнаго оплота противъ Россіи. Я осмѣлился прибавить, что эта потеря, если она произойдетъ, можетъ также подвергнуть большимъ опасностямъ самого короля, его корону и его семейство; настаивалъ на томъ, что такъ какъ опасность была самая большая въ теченіе наступающей зимы, то настоятельно необходимою являлось изыскать средство для замедленія нападенія до весны, когда оно, по всей вѣроятности, станетъ уже невозможнымъ. И такъ какъ король не согласенъ отказать отъ союза съ Англіей и искать мира съ Франціей, то отклонить опасность представляется одно только средство, къ которому король, изъ любви къ своему народу и заботясь о благѣ своего государства, безъ сомнѣнія, рѣшится прибѣгнуть. По крайнему моему разумѣнію, средство это состоитъ въ томъ, чтобы король собственноручно написалъ письмо своему свояку, императору Александру I, въ которомъ бы выразилъ свое сожалѣніе о возникшихъ неудовольствіяхъ, свое желаніе предотвратить бѣдствія войны, уладивъ ихъ безъ пролитія крови, для достиженія же этого, предложилъ бы личное свиданіе обоихъ монарховъ въ какомъ-нибудь пограничномъ мѣстѣ Финляндіи, присовокупивъ, что онъ такъ увѣренъ въ согласіи императора на его предложеніе, что, не ожидая возвращенія посланнаго имъ курьера, и чтобы доказать искреннее свое желаніе сохранить миръ между обоими государствами, онъ безотлагательно выѣдетъ въ Финляндію. Но такъ какъ въ это время года переправа на Аландъ очень затруднительна, то его Королевское Величество намѣренъ отправиться черезъ Торнео къ тому мѣсту, которое будетъ избрано императоромъ для свиданія. Основываясь на вышеупомянутомъ предположеніи, что императоръ неохотно и только вслѣдствіе давленія на его волю готовъ былъ начать войну противъ короля, можно было надѣяться, что онъ съ удовольствіемъ прерветъ свои вооруженія, имѣя возможность предъ Бонапартомъ оправдать ихъ перерывъ тѣмъ, что надѣется, при предстоящемъ

свиданіи, миролюбивымъ путемъ склонить шведскаго короля къ уступчивости. Король могъ между тѣмъ ѣхать медленно и подъ предлогомъ неожиданнаго нездоровья гдѣ-нибудь по пути остановиться на болѣе продолжительный срокъ, чрезъ что выигрывалось время; а бездорожье, наступающее въ мартѣ и апрѣлѣ, приближалось, чѣмъ опасность начатія военныхъ дѣйствій въ теченіе зимы уменьшалась или и совсѣмъ устранилась. Въ заключеніе я выразилъ, что если бы даже чрезъ это дѣйствіе и не была достигнута вполне главная его цѣль, то король все же пріобрѣталъ имъ немалую для себя выгоду чрезъ убѣжденіе въ народѣ, что имъ, для предотвращения войны, сдѣлано все отъ него зависящее. Всѣ эти доводы подробно были развиты мною въ письмѣ моемъ къ графу Угласу. Оно было показано королю, который прочелъ его и оставилъ у себя. Если бы оно написано было кѣмъ-нибудь изъ его чиновниковъ, то оно было бы очень немилостиво принято королемъ, теперь же онъ видѣлъ въ письмѣ только доказательство безкорыстнаго усердія, заслуживающее особаго его вниманія. Чрезъ нѣсколько дней генераль Армфельтъ былъ приглашенъ во дворецъ и король сказалъ ему: «Армфельтъ, извѣстно ли тебѣ сдѣланное мнѣ предложеніе?» Генераль, условившійся со мною не подавать вида, что знаетъ о моемъ письмѣ, чтобы отклонить такимъ образомъ подозрѣніе объ интригѣ или уговорѣ, отвѣчалъ: «Какое, Ваше Величество?» — «О личномъ свиданіи между мною и императоромъ Александромъ, которое должно быть мною предложено». Когда генераль сказалъ, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно, что, повидимому, очень понравилось королю, то онъ подробно разсказалъ о свойствѣ предложенія и просилъ генерала сказать ему свое мнѣніе о немъ. Тотъ отвѣчалъ, что на первый взглядъ оно показалось ему страннымъ, но что, ближе обсудивъ его, онъ понялъ всѣ выгоды, mogućия произойти отъ его исполненія; почему и считаетъ долгомъ посоветовать принять это предложеніе. При дальнѣйшемъ разговорѣ и обсужденіи дѣла, король, повидимому, тоже началъ склоняться къ исполненію предложеннаго; но, вспомнивъ объ отсылкѣ имъ ордена св. Андрея Первозваннаго, сказалъ: «Странное это будетъ свиданіе: императоръ въ своей лентѣ, а я въ своей». Генераль Армфельтъ ушелъ отъ короля съ полнымъ убѣжденіемъ, что письмо къ

императору объ этомъ свиданіи на слѣдующій же день будетъ написано и отправлено, что очень порадовало меня; но радость моя была непродолжительна. Мы забыли сообщить о нашемъ проектѣ начальнику канцеляріи—Эренгейму. Этотъ почтенный человекъ, который тогда быть можетъ еще надѣялся, что Россія пока только для вида дѣлаетъ военныя демонстраціи, и который, хорошо зная нравъ короля, вѣроятно опасался, что личная встрѣча двухъ монарховъ скорѣе поведетъ къ ухудшенію, чѣмъ къ улучшенію отношеній между ними, что только ускоритъ войну, которая чрезъ переговоры можетъ еще быть отклонена. Эренгеймъ старался самымъ положительнымъ образомъ отговаривать короля отъ такого, въ высшей мѣрѣ опаснаго, по его мнѣнію, дѣйствія. Во время конференціи, бывшей у него въ этотъ же день съ англійскимъ министромъ Торнтономъ, начальникъ канцеляріи упомянулъ о томъ, что сказано было королемъ относительно этого проекта, а также о причинахъ, побуждавшихъ его стараться противодѣйствовать его исполненію. Послѣ этой конференціи Торнтонъ пришелъ къ генералу Армфельту и рассказалъ ему о томъ, что сообщилъ ему начальникъ канцеляріи по поводу этого дѣла. Тогда генералъ разъяснилъ Торнтону побудительныя причины предложенія и представилъ ему вѣроятныя послѣдствія отъ его исполненія, и такъ какъ англійскому министру дѣло тогда представилось въ иномъ и настоящемъ его свѣтѣ, то онъ во всѣхъ отношеніяхъ одобрилъ предложеніе, очень сожалѣя о томъ, что исполненіе его встрѣтило препятствія, и выразилъ свое желаніе, чтобы предложеніе было возобновлено; но это теперь уже было поздно. Не было ни малѣйшей надежды поколебать позднѣйшее рѣшеніе короля, возникшее вслѣдствіе представленій начальника канцеляріи. Къ тому же, событія съ ужасающею быстротою слѣдовали одно за однимъ. Въ книгѣ судебъ было написано, чтобы король, чрезъ упущеніе всего того, что онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать для своего спасенія, и чрезъ всѣ свои дѣйствія въ это столь обильное опасностями время, точно умышленно подготовлялъ и ускорялъ свое паденіе.

Начало русской и датской войны.—Адмиралъ Кронштедтъ и сдача Свеаборга.—Неизбѣжность внутренняго переворота въ Швеціи.

Уже 21-го февраля 1808 года, русскія войска перешли границу Финляндіи съ непріязненною цѣлью. Такъ какъ это сдѣлано было безъ предварительнаго объявленія войны, то король нашель нужнымъ арестовать, въ его домѣ въ Стокгольмѣ, русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, Алопеуса, — дѣйствіе, послужившее лишь къ тому, чтобы еще больше раздражить и ожесточить враговъ короля. Объявленіе войны со стороны Даніи не замедлило воспослѣдовать. По соображеніямъ и волѣ Бонапарта, Швеція должна была подвергнуться нападенію и съ этой стороны. Для этой цѣли корпусъ иностранныхъ войскъ вступилъ въ Голштинію и на Фюенъ; онъ состоялъ большею частью изъ ядра испанской арміи, которую Бонапартъ, для облегченія своихъ завоевательныхъ цѣлей въ Испаніи, двинулъ къ сѣверу для покоренія Швеціи. Носился слухъ, что государство это будетъ раздѣлено между Россіей и Даніей, и что послѣдней державѣ отдана будетъ южная часть Швеціи до р. Моталы. Однако нѣсколько англійскихъ судовъ, вошедшихъ въ Большой Бельтъ, помѣшали иностраннымъ войскамъ принять участіе въ исполненіи этого замысла, который безъ ихъ содѣйствія не могъ быть осуществленъ. Маркизь Ла Романа, командовавшій испанскими войсками, нашель возможность сѣсть съ большею частью своихъ войскъ на англійскія суда и отплыть въ Испанію, гдѣ онъ соединился съ своими возставшими противъ Бонапарта соотечественниками. Французскій генералъ Бернадотъ, (принцъ Понте Корво), который долженъ былъ вести нападеніе противъ Швеціи, былъ вынужденъ оставить Копенгагенъ, и ему едва удалось на небольшомъ суднѣ перебраться черезъ Бельты на континентъ. Швеція увидала себя окруженною многочисленными врагами, и всѣ эти замыслы къ ея покоренію въ большинствѣ ея гражданъ возбудили сильное патріотическое чувство и твердое намѣреніе пожертвовать всѣмъ для сохраненія самостоятельности своего отечества. Забывали свои неудовольствія противъ короля, своимъ упрямствомъ доведшаго государство до этого критическаго

положенія, чтобы думать и заботиться лишь о защитѣ отечества противъ враговъ, на вѣроломство которыхъ горько жаловались. Если бы король умѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, то къ матеріальнымъ своимъ средствамъ защиты онъ могъ бы еще прибавить значительныя нравственныя силы; но, вслѣдствіе своего несчастнаго права, онъ не извлекъ изъ нихъ пользы и утратилъ ихъ, а потомъ не сдумѣлъ съ расчетомъ распорядиться и матеріальными силами. Доказательство его невниманія къ истинному гражданскому усердію, когда оно не подходило къ желаемой имъ формѣ, представляетъ его разговоръ съ графомъ Филиппомъ Шверинномъ, за долго предъ тѣмъ вышедшимъ въ отставку. Этотъ генераль, пользовавшійся значительнымъ богатствомъ, надѣленный выдающимися военными способностями, просилъ аудіенціи у короля, чтобы сказать ему, что при настоящихъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозитъ опасность и когда обязанность всякаго честнаго шведа жертвовать всѣмъ для его спасенія, онъ желаетъ тоже принять участіе въ его защитѣ, даже если бы для этого ему пришлось стать въ ряды простымъ рядовымъ, съ ранцемъ на спинѣ. Надо было ожидать, что король благосклонно и съ признательностью приметъ предложеніе, которое, столь благородное само по себѣ, могло такъ выгодно повліять на общественное мнѣніе и послужить примѣромъ къ подражанію. Но такъ какъ генераль Шверинъ, излагая свою просьбу, говорилъ только объ отечествѣ, о своей любви къ нему и о своемъ усердіи на пользу государства, то предложеніе его было встрѣчено холодно, и его спросили, отчего онъ отдѣляетъ короля отъ государства, и развѣ король не имѣетъ столько же права на преданность, какъ и отечество. Графъ Шверинъ отвѣчалъ, что они, конечно, тѣсно связаны, но что въ этомъ случаѣ всѣ чувства добраго гражданина сливаются въ одно, господствующее надъ всѣми прочими, а именно—желаніе благоденствія и спасенія всему неразлучно. Этотъ отвѣтъ, показавшійся уклончивымъ, не понравился королю, и бесполезное, а равно и нелѣпное преніе объ этомъ предметѣ лишило короля знающаго и опытнаго начальника, пользовавшагося общимъ довѣріемъ въ войскахъ и государствѣ.

Хотя чрезъ нападеніе русскихъ и явилось не мало мрачныхъ опасеній, особенно когда стало извѣстно, что мѣры для защиты

Финляндіи были частью слишкомъ поздно приняты, а многія и совсѣмъ не приняты, что шхерной эскадрѣ въ Або, которая, съ открытіемъ навигаціи, могла быть переправлена въ Швецію, дали замерзнуть въ гавани; что всѣ запасы, потребные для этой эскадры, подвергались опасности: или достаться въ руки непріятеля, или же быть сожженными и т. д. И когда можно было уже предвидѣть, что стянутая финская армія была слишкомъ слаба, чтобы въ теченіе продолжительнаго времени давать отпоръ многочисленной непріятельской арміи, то все еще упорно держались надежды, что Свеаборгская крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ человекъ испытаннаго мужества, выдающихся способностей и пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ гарнизона, не можетъ быть взята; а черезъ это станетъ возможнымъ весною высадить войска изъ Швеціи и Англии на южный берегъ, чрезъ что непріятель, если бы ему даже и удалось въ теченіе зимы вторгнуться до Або и Вазы, обойденный съ тыла и отрѣзанный отъ сообщенія съ Россіей, будетъ вынужденъ поспѣшно ретироваться къ своимъ границамъ и покинуть сдѣланныя имъ завоеванія. Храбрость и рѣшительность адмирала Кронштедта были слишкомъ извѣстны, чтобы на этотъ счетъ могли возникнуть какія-либо сомнѣнія. Незадолго до вторженія непріятеля въ Финляндію, я однажды утромъ пришелъ къ статсъ-секретарю Лагербрину и спросилъ его, не получено ли какихъ-нибудь извѣстій изъ Финляндіи? Онъ сообщилъ мнѣ, что въ прошлую ночь отъ Кронштедта прибылъ курьеръ съ рапортомъ и частнымъ письмомъ къ нему. Письмо это онъ мнѣ прочиталъ. Въ немъ комендантъ писалъ, что онъ чрезъ своихъ лазутчиковъ узналъ, что русскій генералитетъ въ Фридрихсгамѣ говоритъ, что имъ отъ императора получено строгое повелѣніе взять Свеаборгъ *coute que coute*¹⁾; но Кронштедтъ прибавлялъ: «Послѣ того какъ я успѣлъ привести въ надлежащій порядокъ мои оборонительныя средства, я постараюсь какъ можно долѣе не допустить ихъ взять крѣпость». Затѣмъ Кронштедтъ сообщалъ, какъ онъ, благодаря усердію жителей, былъ на долго снабженъ продовольственными средствами и другими необхо-

¹⁾ Во что бы то ни стало.

димыми принадлежностями. Я спросилъ, есть ли у него достаточный запасъ пороху; мнѣ отвѣчали, что избытка нѣтъ, но все же есть достаточный запасъ. Тогда мы стали разсуждать о счастья для государства отъ храброй защиты этого оплота Швеціи и Финляндіи, а также о славѣ, которую пожнетъ ея защитникъ. Мы радовались теперь той интригѣ, которая послужила къ удаленію Кронштедта изъ совѣта короля и къ посылкѣ его въ Финляндію, гдѣ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, станетъ орудіемъ къ спасенію Швеціи. Мы полагали, что вполнѣ можемъ быть увѣрены въ томъ, что онъ, побѣдивъ внѣшнихъ враговъ и отечественныхъ недоброжелателей, щедро награжденный за храбрые свои подвиги, покрытый лаврами, снова займетъ свое мѣсто въ совѣтѣ и т. д. Но эти воздушные замки скоро должны были разсѣяться, какъ дымъ, и уступить мѣсто неопровержимой истинѣ, что ни одинъ комендантъ на этомъ мѣстѣ, откуда бы его ни взяли, не могъ бы менѣе отвѣчать своему назначенію, чѣмъ адмираль Кронштедтъ, на котораго мы, какъ и большинство въ Швеціи и Финляндіи, возлагали столь большія надежды, и что именно глубокое уваженіе и преданность, которыми Кронштедтъ пользовался у своихъ подчиненныхъ и которыя граничили съ обожаніемъ, — были главною причиною потери Свеаборга, а съ нимъ и Финляндіи. Уѣзжая на этотъ разъ въ свою усадьбу на островѣ Вермдэ, я былъ сильно озабоченъ положеніемъ государства. Наступало время открытія навигаціи, и я, въ теченіе 10-ти или 12-ти дней, не получалъ никакихъ извѣстій изъ Стокгольма. Со стороны взморья льда уже не было, но къ сторонѣ города ледъ еще лежалъ, хотя и былъ очень слабъ и опасенъ для ѣзды. Однажды утромъ, когда я шелъ гулять, я увидѣлъ лодку съ незнакомыми людьми, приставшую къ мосту у пастората. Полагая, что люди эти пріѣхали изъ Стокгольма, я послалъ освѣдомиться, кто прибывшіе, и не имѣютъ ли они вѣрныхъ извѣстій изъ Финляндіи. Оказалось, что пріѣхавшіе были капитаны торговыхъ судовъ, отправляющіеся на свои суда, зимовавшія у Сандгама; они обязательно прислали мнѣ для прочтенія вышедшій наканунѣ номеръ почтовой газеты, гдѣ напечатано было донесеніе Кронштедта о заключенной имъ съ инженеръ-генераломъ фонъ Сухтеленемъ конвенціи о сдачѣ непріятелю Свеаборга 3-го мая, буде, для поданія помощи крѣпости, раньше не удастся войти

въ гавань части шведскаго флота. Прочитавъ это неожиданное извѣстіе, я тотчасъ же почувствовалъ сильное нездоровье; но все же на слѣдующій день поѣхалъ въ Вермдэскій пасторатъ, чтобы увидѣться съ лансгервдингомъ Грегори, который долженъ былъ туда прибыть, чтобы присутствовать при составленіи списковъ юношей этого округа, годныхъ для военной службы и желавшихъ поступить въ формировавшійся тогда ландверъ, къ которому впоследствии такъ небрежно отнеслись. Возвратясь съ этой поѣздки, я такъ сильно захворалъ нервною горячкою, что сталъ готовиться къ смерти: продиктовалъ и подписалъ свою духовную, и послѣ шестнадцатидневной горячки даже сдѣлалъ всѣ распоряженія для своихъ похоронъ. Однако, благодаря попеченіямъ искуснаго врача, жизнь моя была спасена; но во время выздоровленія меня до того измучила лихорадка, что я окончательно лишился силъ, и только къ августу мѣсяцу здоровье мое настолько поправилось, что я могъ поѣхать въ Стокгольмъ. Вначалѣ я полагалъ, что заключенная съ Сухтеленемъ конвенція была не что иное, какъ военная хитрость со стороны адмирала Кронштедта съ цѣлю сберечь военные снаряды и выиграть время для того, чтобы весною при благоприятныхъ обстоятельствахъ, нарушивъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ условіе, съ помощью сосредоточенныхъ въ извѣстныхъ пунктахъ военныхъ силъ, отгѣснить непріятеля съ тѣхъ внѣшнихъ укрѣпленій, которыми онъ владѣлъ вслѣдствіе конвенціи. Но когда крѣпость дѣйствительно въ назначенный день была сдана непріятелю, то я съ сокрушеніемъ убѣдился, что и эта моя надежда оказалась ложною, и болѣзнь моя снова усилилась.

Сдача Свеаборга останется надолго, а быть можетъ и навсегда, необъяснимой загадкой. Самымъ достовѣрнымъ образомъ извѣстно, что въ началѣ осады адмиралъ Кронштедтъ выказалъ большое усердіе къ защитѣ крѣпости и своимъ примѣромъ и увѣщаніями воодушевлялъ какъ начальство, такъ и гарнизонъ къ такому же усердію, которое проявлялось особенно сильно въ дѣйствіяхъ молодыхъ офицеровъ. Нельзя тоже упрекнуть его въ томъ, чтобы онъ при заключеніи конвенціи выговорилъ себѣ какія-нибудь матеріальныя выгоды, хотя ему, при поѣздкѣ его въ Петербургъ года три спустя, т. е. въ зиму съ 1811 на 1812 годъ, и дано было импера-

торомъ въ подарокъ 100.000 рублей. Принятое имъ несчастное рѣшеніе—сдать Свеаборгъ старались приписать вліянію его жены и его родственника, Фредерика Егергорна. Къ этому вѣроятно присоединилась и хитрость, употребленная лицомъ, ведшимъ съ нимъ переговоры со стороны Россіи, состоявшая въ томъ, чтобы чрезъ извѣстіе, нарочно съ этою цѣлю напечатанное въ иностранныхъ газетахъ, убѣдить его въ томъ, что состоящая изъ французскихъ и датскихъ войскъ армія уже вторглась въ Швецію, что, вслѣдствіе вспыхнувшей тамъ революціи, король низверженъ съ престола, и что поэтому не стоитъ бесполезно проливать крови изъ-за проиграннаго дѣла. Что касается меня, то я имѣю основаніе быть того мнѣнія, что однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Кроншtedта такъ дѣйствовать, было убѣжденіе его въ невозможности противодѣйствія волѣ всесильнаго Бонапарта и возникшая отъ этого увѣренность, что разъ Финляндія, при Тильзитскомъ мирѣ, была подарена Россіи императоромъ французовъ, то приведеніе въ исполненіе этого декрета не могло быть остановлено никакою человѣческою силою, и что слѣдовательно упорная защита Свеаборга была бесполезна и могла, при дальнѣйшемъ ея продолженіи, навлечь неисчислимыя несчастія на страну: пожары, грабежъ и полное разореніе Финляндіи. Но при этомъ онъ забылъ, что во время войны коменданту нѣтъ ни до чего инаго дѣла, кромѣ защиты вѣрренной ему крѣпости, и что все, происходящее внѣ ея стѣнъ, и ходъ политическихъ событій не должны быть принимаемы имъ въ расчетъ. Дѣйствуя совершенно противоположно этому, а также чрезъ непростительный и строго запрещенный военнымъ уставомъ поступокъ, лично и одному отправляться изъ крѣпости на конференціи съ генералами непріятельской арміи, — онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ умысленныхъ, измѣнническихъ намѣреніяхъ, и эти подозрѣнія вѣчно будутъ лежать пятномъ на его памяти.

Но потеря Свеаборга была въ это время для Швеціи не единственнымъ, хотя и самымъ большимъ ея несчастіемъ. Продолжительный и почти непрерывный рядъ несчастій послѣдовалъ затѣмъ; большинство ихъ было подготовлено и причинено собственнымъ неблагоразуміемъ короля, его упрямствомъ, вспыльчивостью и необдуманнми дѣйствіями. Единственнымъ его союзникомъ осталась

теперь Англія, и надо было предполагать, что король пойметъ необходимость поддерживать самыя дружескія отношенія съ этой державой; но вмѣсто того онъ дѣлалъ все, чтобы нарушить ихъ. Англійскій генераль Моръ, прибылъ въ Готенбургъ съ корпусомъ отъ 11 до 12.000 человекъ, для подкрѣпленія шведской арміи; но англійскимъ войскамъ не было дозволено высадиться. Имъ два мѣсяца пришлось оставаться на своихъ судахъ, между тѣмъ какъ составлялись разные проекты, куда ихъ послать. Сперва хотѣли употребить ихъ для нападенія на Зеландію, потомъ для десанта въ Финляндію и наконецъ для дѣйствій противъ Норвегіи. Когда обнаружались затрудненія для исполненія этихъ наскоро составленныхъ проектовъ, и когда генераль Моръ, пріѣхавшій въ Стокгольмъ, словесно разъяснилъ эти затрудненія, то его подвергли нѣкотораго рода домашнему аресту, долженствовавшему продлиться до возвращенія изъ Англіи курьера, котораго намѣревались туда послать. Но генераль Моръ успѣшилъ подъ чужимъ именемъ уѣхать къ своему флоту, и чтобы положить конецъ всѣмъ неприятымъ переговоровамъ, снялся съ якоря и отплылъ въ Англію, послѣ чего онъ былъ посланъ въ Испанію, гдѣ въ сраженіи при Коруньѣ, противъ французовъ, былъ убитъ.

Чтобы руководить военными дѣйствіями для взятія обратно Финляндіи, король отправился на Аландскіе острова; но такъ какъ всѣ планы военныхъ дѣйствій были дурно составлены, то всѣ они и не удались. Планы эти не имѣли между собою связи и подвергались постояннымъ измѣненіямъ. Только и слышно было объ приказаніяхъ и контръ-приказаніяхъ, о безпрестанныхъ маршахъ и контръ-маршахъ находящихся въ Швеціи войскъ, которыя этимъ бесполезно изнурялись. Англійскій посланникъ Торнтонъ, выказавшій свою преданность интересамъ Швеціи, возбудилъ въ это время неудовольствіе короля, и тотъ потребовалъ его отозванія. Это требованіе было исполнено, и преемникомъ Торнтонна назначенъ былъ Мерри. Англійское правительство до крайнихъ предѣловъ довело свое долготерпѣніе.

Послѣ неудавшейся попытки — произвести десантъ въ окрестностяхъ Або, причемъ находилась часть шведской гвардіи, король такъ разгнѣвался на этотъ корпусъ, что позорнымъ образомъ упразд-

нилъ его, отнялъ въ немъ старшинство чиновъ, отобралъ его знамена и повелѣлъ, чтобы онъ считался ниже всѣхъ пѣхотныхъ войскъ, а по заключеніи мира, былъ бы посланъ для службы въ провинціальныя гарнизоны. Съ этого времени я счелъ короля погибшимъ, потому что этимъ неосторожнымъ и несправедливымъ дѣйствіемъ онъ нанесъ глубочайшую обиду знатнѣйшимъ фамиліямъ государства, сыновья и родственники которыхъ служили въ гвардіи. Совершивъ это разжалованіе, не подозрѣвая даже, какія гибельныя послѣдствія это дѣйствіе будетъ имѣть для него самого, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ съ Аланда въ Стокгольмъ. Новый англійскій посланникъ Мерри, человѣкъ кроткій, тотчасъ навлекъ на себя его неудовольствіе тѣмъ, что отъ имени своего правительства передалъ ему совѣтъ искать примиренія съ своими врагами, не ставя въ этомъ дѣлѣ препятствіемъ свой союзъ съ Англійей. Держава эта слишкомъ хорошо понимала, что при настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ ожидать отъ Швеціи какой-либо пользы для себя, по крайней мѣрѣ такой пользы, которая соотвѣтствовала бы значительной субсидіи, выдаваемой ею этому государству. Между королемъ и посланникомъ произошли горячія словесныя объясненія, и послѣдній наконецъ объявилъ начальнику канцеляріи, что онъ больше не желаетъ подвергать себя непріятности словесныхъ объясненій съ Его Величествомъ и этимъ компрометтировать себя. Ожесточеніе короля противъ Англійи однажды дошло до того, что онъ, не сообщивъ ничего министру иностранныхъ дѣлъ, послалъ комендантскому управленію въ Готенбургъ повелѣніе — наложить запрещеніе на всѣ англійскія суда, находящіяся въ гавани, и стрѣлять боевыми зарядами по англійскимъ военнымъ судамъ, хотящимъ выйти изъ этой гавани. Къ счастью, посредствомъ серьезныхъ представлений, удалось склонить короля отмѣнить это нелѣпое повелѣніе раньше, чѣмъ оно было приведено въ исполненіе.

Генералъ Армфельтъ, назначенный командовать арміей, которая должна была дѣйствовать противъ Норвегіи, принявъ армію, нашелъ ее столь дурно снабженною всѣмъ необходимымъ, и даже боевыми снарядами, что былъ вынужденъ въ городахъ Вермландіи забирать поль росписки весь имѣвшійся тамъ запасъ пороха и свинца. Онъ донесъ объ этомъ, но ему отвѣтили, что донесеніе его невѣрно, что по

смѣтамъ армія снабжена всѣмъ въ достаточномъ количествѣ, и чтобы онъ, не теряя времени, началъ кампанію. Когда же затѣмъ, послѣ большихъ усилій и благодаря стараніямъ и усердію жителей, Армфельту наконецъ возможно было начать наступленіе, и онъ, завладѣвъ дефилеями и пограничными возвышенностями, сталъ готовиться къ наступательному движенію, чтобы въ окрестностяхъ Христианіи, куда норвежская армія отступила, дать сраженіе, то дѣйствія его были остановлены полученнымъ имъ предписаніемъ — оставаться на мѣстѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ части войскъ его отряда велѣно было идти обратно, такъ какъ, вслѣдствіе новаго проекта, ихъ хотѣли употребить для нападенія на Зеландію. Генераль Армфельтъ осмѣлился отложить исполненіе этого приказанія до получения отвѣта на посланное имъ всеподданнѣйшее представленіе, въ которомъ, ссылаясь на убѣжденіе всѣхъ командировъ своего отряда, завѣрялъ, что благопріятный исходъ предполагаемаго нападенія несомнѣненъ, если его произвести немедленно и не отзывать части войскъ; но крутой отвѣтъ былъ: немедленно исполнить полученное приказаніе, и что, такъ какъ западная армія напрасно потеряла такъ много времени, теперъ уже бесполезно что-либо предпринимать. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и наказаніе за смѣлость входить съ представленіями; генераль впалъ въ немилость. Онъ былъ отставленъ отъ должности, ему приказано было отправиться въ свое имѣніе Нюнесъ и запрещено проѣздомъ туда быть въ Стокгольмѣ. На мѣсто Армфельта главнокомандующимъ этою арміею назначенъ былъ баронъ Броръ Седерстрѣмъ. Черезъ эту перемѣну король лишился генерала, въ высшей степени пріобрѣвшаго любовь войска, и личная храбрость котораго была вполне доказана, и замѣнилъ его челоукомъ бездарнымъ, не пользовавшимся любовію арміи, бывшимъ въ кругу военныхъ постояннымъ предметомъ нерасположенія и насмѣшекъ, вслѣдствіе своей страсти къ нововведеніямъ, перемѣнамъ формы и своей мелочности, и ненавидимый націей за вредное свое вліяніе на образъ мыслей короля, дѣйствовавшаго, какъ преимущественно полагали, по его совѣтамъ.

Положеніе дѣлъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ все ухудшалось и становилось все грознѣе и грознѣе; неудовольствіе правленіемъ короля возростало въ ужасающихъ размѣрахъ, и заботы должност-

ныхъ лицъ, еще продолжавшихъ быть лично преданными королю и желавшихъ поддержать его на тронѣ, становились чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе. Искренніе и благонамѣренныя совѣты и почтительныя представленія оставались безъ дѣйствія или отвергались съ гнѣвомъ. Но однажды разговаривая съ графомъ фонъ-Угласомъ, король, повидимому, самъ убѣдился въ опасности своего положенія, такъ какъ графъ съ полною откровенностью разъяснилъ ему настоящее положеніе дѣлъ, и спросилъ графа: «Что же мнѣ дѣлать, чтобы положить всему этому конецъ?» И когда графъ сказалъ: отречься отъ престола, видя въ этомъ единственное средство спасенія, то король покраснѣлъ, но ничего не отвѣтилъ ему; а затѣмъ заговорилъ о другомъ

Все происходившее въ это время убѣждало меня, что приближается катастрофа, и въ ней я не хотѣлъ не только быть участникомъ, но даже свидѣтелемъ. Поэтому я рѣшилъ въ послѣднихъ числахъ ноября или въ началѣ декабря уѣхать въ мою усадьбу и тамъ въ тиши обождать развитіе приближающагося кризиса, который теперь могъ быть отстраненъ только развѣ чудомъ. Когда я передъ отъѣздомъ пошелъ проститься съ графомъ фонъ-Угласомъ, то онъ старался уговорить меня остаться въ городѣ; не будучи въ состояніи поколебать моего рѣшенія, онъ спросилъ меня, когда же я возвращусь. Я отвѣчалъ ему: «Не ранѣе пяти или шести мѣсяцевъ, потому что до окончанія этого времени безъ сомнѣнія произойдутъ большія событія, и въ нихъ я не хочу ни малѣйшимъ образомъ быть замѣшаннымъ. Желаю, чтобы вы, господинъ графъ, избѣгли несчастія быть впутаннымъ въ нихъ, и чтобы чрезъ то не послѣдовало непріятностей лично для васъ или для вашего семейства». Графъ, однако, полагалъ, что опасность еще не столь близка, настаивалъ на моемъ возвращеніи въ столицу и притворялся, что имѣетъ еще надежду, хотя этого и не было на самомъ дѣлѣ. Къ Рождеству ко мнѣ пріѣхалъ старый мой пріятель, совѣтникъ канцеляріи, Адлерспарре, чтобы провести вмѣстѣ со мною праздники. Извѣстія, привезенныя имъ изъ столицы, утвердили во мнѣ увѣренность, что существующій порядокъ не можетъ долго продолжаться, и что революція, которую самъ король ускоряетъ, приближается. Такъ какъ Адлерспарре въ дѣтствѣ былъ друженъ съ на-

чальникомъ канцеляріи Эренгеймомъ, то у него не было недостатка въ важныхъ свѣдѣніяхъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ одна дама, къ несчастію своему, проходя по внутреннему двору королевскаго дворца, нашла тамъ запечатанное письмо, адресованное на имя короля, подняла его и отнесла въ кабинетъ иностранной корреспонденціи, откуда оно было отнесено королю, который, подозрѣвая, что авторъ письма ей извѣстенъ, приказалъ ее арестовать и подвергнуть строжайшему допросу, который между тѣмъ, по истеченіи довольно продолжительнаго времени, обнаружилъ полную ея невиновность. Много времени спустя мнѣ привелось прочесть это письмо, начинавшееся эпитетомъ: «Прохвость!» и содержаніе его вполнѣ отвѣчало заглавію. По слогу видно было, что авторъ не изъ черни, и до какой уже степени дошло озлобленіе противъ короля.

Такъ какъ самовластныя дѣйствія короля все возрастали, то онъ въ первыхъ числахъ января 1809 года издалъ указъ объ усиленномъ налогѣ для военныхъ потребностей, вопреки всѣмъ представленіямъ высшихъ сановниковъ, хотя и было вполнѣ очевидно, что невозможно будетъ привести въ исполненіе это требованіе, и что оно поведетъ лишь къ окончательной потерѣ преданности къ королю, сохранившейся еще въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ въ средѣ податнаго сословія. Народъ уже сильно жаловался на тяжесть повинностей, которыми онъ былъ обремененъ, а также былъ очень раздраженъ неразумнымъ употребленіемъ ландвера, тѣмъ болѣе, что всѣ эти пожертвованія не вознаграждались побѣдами, а напротивъ, государство понесло не мало непоправимыхъ потерь.

Сообщила и перевела съ шведскаго **Н. С. Иванина.**

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА.

X¹⁾.

Поступленіе мое въ институтъ путей сообщенія.—Характеристика хозяйственнаго и фронтоваго начальства.

Теперь перейду къ моему пребыванію въ институтъ путей сообщенія, въ теченіе года и восьми мѣсяцевъ, со времени вступленія по день выпуска въ офицеры.

Начну съ того, что сдѣлаю очеркъ характеристики этого заведенія.

Институтъ путей сообщенія заключалъ всего 6-ть классовъ: четыре класса составляли строго-закрытое заведеніе, такъ что никогда никто и ни подъ какимъ предлогомъ не могъ проводить ночь внѣ заведенія. Затѣмъ слѣдовали два класса офицерскихъ. Офицеры, понятно, жили на вольныхъ квартирахъ, слушали два года академическій курсъ, переходили изъ класса въ классъ по экзамену, съ производствомъ въ слѣдующій чинъ, и, наконецъ, по экзамену же, выпускались уже поручиками на дѣйствительную службу. Не выдержавшіе экзамена не получали званія инженера и отчислялись въ такъ называвшійся строительный отрядъ.

Хотя, въ мое время, институтъ имѣлъ внѣшній обликъ военно-учебнаго заведенія, а именно: воспитанники имѣли кадетскую форму, обучались фронту и ходили въ разводы и парады, но внутренній, данный первоначально французскими инженерами и профессорами, характеръ заведенія, совершенно подобный уставу Парижской политехнической школы, сохранялся еще вполнѣ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1893 г., т. LXXIX, июль, августъ и сентябрь.

Въ заведеніе принимались юноши не моложе 16-ти лѣтъ, безъ ограниченія наибольшаго предѣла лѣтъ, такъ что поступали кандидаты университетовъ, кончившіе тамъ курсъ съ золотыми медалями, учителя математики изъ гимназій, служившіе уже два, три года чиновники и т. п. Несмотря на это, для нихъ не дѣлалось никакого исключенія, и они должны были подчиняться вполнѣ режиму строго закрытаго заведенія.

По уставу, значившемуся тогда въ сводѣ законовъ, всѣ воспитанники института были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, т. е. пользовались исключительнымъ правомъ предъ прочими учебными заведеніями. Это-то преимущество и было единственной причиной моего поступленія въ институтъ.

Когда, въ 1836 году, матушка привезла троихъ сыновей въ Петербургъ, въ томъ числѣ и меня, она достала уставы и программы рѣшительно всѣхъ учебныхъ заведеній, и военныхъ, и гражданскихъ. Нынѣ я не вижу чего-либо подобнаго по своей детальности и подробности. Помню, что въ этихъ программахъ были обозначены, по каждому предмету, для каждого класса, всѣ вопросы, могущіе быть заданными на экзаменахъ, категорически сформулированные подъ нумерами. Конечно, составленіе такихъ программъ, особенно при отсутствіи нынѣ обще-принятыхъ руководствъ, представляетъ большой трудъ; но вѣдь это не резонъ для открытія полнаго простора произволу. Для поступленія въ заведеніе категоричность требованія необходима; другое дѣло для воспитанниковъ, находящихся уже въ заведеніи; этихъ нужно пытаться на всѣ лады, такъ какъ они имѣли уже возможность освоиться съ характеромъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій.

Хотя мнѣ было тогда всего 11¹/₂ лѣтъ, но матушка предоставила мнѣ прочесть всѣ уставы и программы и высказать свое желаніе. Когда я, перечитывая уставы, встрѣтилъ только въ одномъ уставѣ для института путей сообщенія, что воспитанники не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, я, не сказавъ никому ни слова, объявилъ матушкѣ, что ни въ какое другое заведеніе не пойду, какъ только въ институтъ путей сообщенія. Надо сказать, что при воспитаніи у насъ въ домѣ, — что представляло въ то время необычайную рѣдкость, — тѣлесное наказаніе абсолютно не практи-

ковалось, чѣмъ мы гордились предъ нашими сверстниками. Слышавъ безпрестанно рассказы, какъ вообще въ учебныхъ заведеніяхъ были въ широкомъ ходу тѣлесныя наказанія, отъ которыхъ нельзя было вернуться при всевозможномъ стараніи — и вести себя и учиться хорошо — и что можно попасть подъ это наказаніе по случайности или по капризу начальства, я, гордый сознаниемъ, что мы дома не знали тѣлеснаго наказанія, гордый сознаниемъ своего дѣтскаго достоинства, чувствовалъ, что еслибы случилась со мною въ заведеніи означенная бѣда, то я не могъ бы отвѣчать ни за себя, ни за виновниковъ этой бѣды, и это чувство глубоко коренилось въ моей отроческой душѣ. Вслѣдствіе моего категорически-выраженнаго намѣренія поступить въ институтъ путей сообщенія, меня записали туда кандидатомъ и увезли домой въ Казанскую губернію для подготовленія, а чрезъ четыре года я и поступилъ въ институтъ.

Начальство въ институтѣ раздѣлялось тогда на двѣ независимыя отрасли: часть учебная и часть фронтовая въ совокупности съ хозяйственной. Хотя и былъ одинъ директоръ, инженеръ генераль-лейтенантъ Г о т м а н ъ (перваго выпуска, первый воспитанникъ института), который долженъ бы былъ сосредоточивать управление, но онъ не жилъ въ заведеніи, игралъ роль лишь наблюдателя, самъ ни во что не входилъ и пріѣзжалъ въ институтъ разъ въ недѣлю. Онъ имѣлъ двухъ помощниковъ: по учебной части — инженеръ генераль-маіора С е в а с т ь я н о в а, а по фронтовой и хозяйственной — генераль-маіора Л е р — в а. Это были два враждебные лагеря, — что не мало облегчало нашу участь.

Въ одномъ начальствѣ, въ учебномъ, мы встрѣчали полнѣйшую справедливость, усерднѣйшее стараніе дать намъ наилучшее образованіе и радушнѣйшее поощреніе всему хорошему, при неумолимой строгости въ оцѣнкѣ познаній. Это начальство мы глубоко уважали и очень любили. Не будь этого сильнаго стимула, институтъ былъ бы свидѣтелемъ многихъ непріятныхъ исторій.

Другое начальство смотрѣло на всѣхъ воспитанниковъ съ какою-то предвзятою злобою. Эта злоба проявлялась на каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ. Въ теченіе дня мы попадались подъ власть этого начальства утромъ отъ 7-ми до 8-ми, среди дня отъ 2-хъ до 5-ти и вечеромъ отъ 8-ми до 9-ти часовъ. Это начальство словно радо-

валось тому, что получало въ это время власть сдѣлать кому-нибудь какую-либо непріятность; его очень злило то, что, по принятому съ самаго основанія заведенія правилу, надо было говорить воспитанникамъ на «вы», а не на «ты».

Насъ кормили отвратительно и голодно: гнилой картофель, горькое, вонючее масло, говядина вся въ жилахъ, и т. д., и это несмотря на то, что сумма довольства, отпускавшаяся на каждаго воспитанника, была выше той, какая отпускалась въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Одѣвали насъ внутри заведенія тоже скверно. Все это совершалось отъ того, что директоръ Готманъ не входилъ вовсе въ хозяйственную часть; главноуправляющій, графъ Толь, былъ боленъ и пересталъ бывать въ институтѣ, великій князь Михайлъ Павловичъ, которому мы не были подчинены, вовсе не посѣщалъ насъ, а государь не былъ многіе годы; но когда случилось, что онъ посѣтилъ институтъ въ мою тамъ бытность, предъ самымъ нашимъ выпускомъ, то сдѣлалъ внушительное замѣчаніе о дурной одеждѣ, и тогда намъ тотчасъ же сшили, по мѣркамъ для каждаго, новое одѣяніе.

Чтобы характеризовать нашу обмундировку внутри заведенія, я расскажу фактъ, бывший со мною. Всего болѣе одѣляли, конечно, новичковъ, которые, само собою разумѣется, не могли еще имѣть смѣлости заявлять протесты. Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія въ институтъ, насъ, новичковъ, позвали въ цейхгаузъ, отобрали собственные наши сапоги и приказали надѣть казенные, которые надо было выбирать изъ старыхъ сапогъ, лежавшихъ въ грудѣ, аршина полтора вышиною, не попарно, а въ одиночку. Трудно описать, на чтѣ походили эти сапоги; рѣдкій сапогъ былъ безъ заплатокъ, прошитыхъ толстѣйшей дратвой; подошвы были въ родѣ досокъ, толщиною около полудюйма, съ безконечнымъ числомъ подметокъ, прошитыхъ насквозь дратвой въ родѣ бичевки, которая очень сильно ощущалась ногою; форма подошвы изображала поверхность сильно вогнутую внутрь, при выпрямленіи которой происходилъ трескъ. Долго я возился, чтобы подобрать сапоги по ногамъ, но могъ подобрать лишь на одну ногу, а на другую не могъ; длиною и шириною сапогъ былъ сношень, но, вслѣдствіе неоднород-

кратныхъ починокъ и ушиванія краевъ сапога, недоставало мѣста въ вышину для большаго пальца.

— Долго ли вы будете еще возиться? закричало начальство.

— Не могу подобрать сапога на одну ногу, отвѣтилъ я.

— Чего вамъ? Надѣли и ладно.

— Нестерпимо жметъ большой палецъ.

— Вотъ еще какія нѣжности, разносите, идите на мѣсто.

Дѣлать было нечего, я пошелъ. Походивъ два дня, я увидаль, что разносить сапоги не было возможности потому, что кожа была заскорузлая, въ родѣ лубка; я пошелъ сказать ротному командиру, чтобы онъ велѣлъ перемѣнить мнѣ сапоги.

Ротный командиръ былъ финляндецъ, плохо говорившій и плохо понимавшій по-русски.

— Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ съ такими пустяками? идите къ каптенармусу! закричалъ онъ.

Я пошелъ къ каптенармусу и получилъ грубой, насмѣшливый отказъ подъ предлогомъ, что у него нѣтъ болѣе сапогъ. Въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что помощью полтинника можно было все устроить. Такъ я и остался съ своимъ ужаснымъ сапогомъ, и у меня сейчасъ же сдѣлалась ноготѣда, а между тѣмъ на этой недѣлѣ пріѣхала матушка изъ Казани, за 1.600 верстъ, всего на двѣ недѣли. Съ ноготѣдой на пальцѣ ноги надо было ходить каждый день на маршировку въ три приѣма и проч. Еслибы я, по причинѣ невыносимой боли, отказался отъ фронтובהа ученья хотя одинъ разъ, то лишился бы права отпуска въ первое же воскресенье. Точно также лишились права отпуска и тѣ, которые въ теченіе недѣли обращались за чѣмъ-нибудь въ лазаретъ. Какія муки я вытерпѣвалъ, ходя на фронтובהа ученья, чтобы не быть лишеннымъ права отпуска, того описать нельзя. Чѣмъ дальше, тѣмъ боль становилась невыносимѣе, и достигла своего предѣла такъ, что я, маршируя въ три приѣма, рѣшилъ шлепнуть ногой только еще одинъ разъ—«три» и затѣмъ объявить, что я не могу долѣе маршировать. Но случилось, что, хлопнувши этотъ разъ съ отчаяніемъ во всю силу—«три», я вдругъ почувствовалъ прекращеніе боли и теплоту во всей ступнѣ. Придя съ ученья и снявъ сапогъ, я увидаль въ немъ цѣлую лужу крови. Я позвалъ каптенармуса, показалъ ему сапогъ

*

и на этотъ разъ, наученный товарищами, далъ ему полтинникъ, получилъ прекрасные сапоги и могъ въ воскресенье идти въ отпускъ, — что и составляло мою неотложную цѣль. Приведенный мною фактъ достаточно обрисовываетъ характеръ нашего обмундирования внутри заведенія.

Новичковъ занимали фронтомъ ежедневно 2¹/₂ часа. Необходимо было обучить ихъ вполнѣ въ теченіе 7 мѣсяцевъ, т. е. къ майскому параду, который бывалъ ежегодно, почти всегда, 1-го мая. На этотъ парадъ выводили до 150 воспитанниковъ института. Въ то время обученіе фронту было гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Требовалось пройти всю школу трехъ учебныхъ шаговъ, затѣмъ — тихій, обыкновенный и бѣглый шаги.

Тихимъ и бѣглымъ шагами нерѣдко заставляли проходить на парадахъ и еженедѣльныхъ разводахъ, съ строжайшимъ равненіемъ въ струнку. Ружье носилось въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ, причемъ требовалось, чтобы оно отнюдь не опиралось на плечо, а незначительно отклонялось впередъ. Приемовъ ружейныхъ было безконечное множество; одно заряджаніе на 12 темповъ представляло большую трудность, ибо требовалось, чтобы каждое движеніе совершалось всѣми въ одинъ и тотъ же моментъ.

При означенномъ выше ношеніи ружья, выступать въ полной аммуниціи, въ тяжеломъ киверѣ, учебными шагами, безъ всякаго шевеленія корпусомъ, — было для многихъ неодолимо. Это была не гимнастика, а въ полномъ смыслѣ слова эквилибристика, требующая и силы и ловкости. На многихъ юношей эта эквилибристика, при требованіи быстрого обученія, отразилась на всю жизнь увѣчиемъ. Солдаты-рекруты попадали въ то время окончательно во фронтъ не ранѣе трехъ лѣтъ, а мы должны были быть готовы въ 7 мѣсяцевъ.

Мнѣ, впрочемъ, по фронтистикѣ скоро посчастливилось. Новый ротный командиръ, назначенный въ ту роту, гдѣ я находился, тотчасъ же зачислилъ меня въ число ординарцевъ, долженствовавшихъ подходить къ государю на разводахъ и парадахъ. Фронтное начальство, обыкновенно, баловало нѣсколько ординарцевъ потому, что каждый изъ насъ могъ, еслибы пожелалъ, нагадить своему начальству, не подвергаясь иной отвѣтственности, какъ только

исключенію изъ числа ординарцевъ, ибо всякая ошибка или неисправность могла быть случайностью и не могла быть отнесена къ умыслу.

Однажды я долженъ былъ подходить къ государю, въ Пасху, на Дворцовой площади, гдѣ онъ бывалъ пѣшкомъ, а потому могъ ближе видѣть ординарцевъ. Меня и запаснаго ординарца одѣли въ мундиръ очень рано. Перекрестные ремни, шириною $4\frac{1}{2}$ д., весьма толстые, намазанные мѣловымъ клеемъ и отшлифованные, какъ зеркало, были, по обыкновенію, тверже лубка, и ихъ было два яруса, для тесака съ сумкой и для ранца. Ремни эти были худо пригнаны и страшно давили мнѣ плечи и шею. Киверъ былъ тоже совсѣмъ новый и давилъ мнѣ виски. Хотя я былъ выносливъ и слабостью нервовъ не страдалъ, но, простоявъ часа полтора при этихъ условіяхъ въ караульной комнатѣ, такъ какъ въ означенной аммуниціи не было возможности садиться, не сдѣлавъ трещинъ на отшлифованныхъ ремняхъ, — у меня позеленѣло въ глазахъ, голова закружилась и меня стошнило. Надо было видѣть переполохъ Лер — ова и ротнаго командира. Они принялись дѣлать репетицію съ запаснымъ ординарцемъ, но онъ, утомленный такъ же, какъ и я, оказался такъ плохъ, что выпустить его было немислимо. Я попросилъ снять съ меня аммуницію, дать отдохнуть, выпить воды и надѣть вновь аммуницію минутъ лишь за 10-ть, и что тогда я надѣюсь подойти. Все было немедленно исполнено и кромѣ воды дали еще рюмку вина. Я оправился и подошелъ благополучно. Я могъ, отнюдь не притворяясь, отказаться подойти, и тогда начальство получило бы здоровую нахлобучку или за отсутствіе ординарца или за плохо подошедшаго запаснаго ординарца.

На второй годъ, новички, сходявшіе на майскій парадъ и попавшіе въ очередной караулъ для хожденія въ разводы, выводились на фронтовое ученіе лишь разъ въ недѣлю на короткое время, за исключеніемъ очередной недѣли передъ разводомъ, чтѣ бывало разъ въ мѣсяць; но и въ эту недѣлю выводили караулы раза три и то на полчаса. Такимъ образомъ, $2\frac{1}{2}$ часа въ день, поглощавшіеся въ первый годъ фронтовыми ученіями, могли въ слѣдующій годъ быть посвящаемы наукамъ.

XI.

Характеристика института путей сообщенія и система преподаванія въ этомъ заведеніи въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Оставивъ въ сторонѣ невзгоды, вытекавшія отъ хозяйственнаго и фронтнаго начальства, которыя обусловливались не принципами, а характеромъ личностей, справедливость требуетъ сказать что, въ общемъ, режимъ заведенія былъ образцовымъ. Закрытое заведеніе, до извѣстныхъ лѣтъ, имѣеть, вообще, огромное преимущество передъ открытымъ. Въ закрытомъ заведеніи юноша занять цѣлый день, онъ не теряетъ время на хожденіе въ заведеніе и обратно; онъ не имѣеть тѣхъ развлеченій и отвлеченій, которыхъ нѣтъ никакой возможности устранить при открытомъ заведеніи; онъ окруженъ товарищами, которые неминуемо помогаютъ другъ другу въ ученіи, и лучше ученики незамѣтнымъ образомъ вліяютъ на худшихъ. При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, обученіе въ закрытомъ заведеніи можетъ, безъ всякаго преувеличенія, идти втрое скорѣе и съ болѣе прочными и болѣе серьезными результатами ¹⁾.

¹⁾ Чтобы такой взглядъ не казался голословнымъ, я перечислю всѣ предметы, которые самымъ основательнымъ образомъ пришлось мнѣ пройти въ теченіе 4-хъ лѣтъ и по которымъ многіе получали на экзаменахъ и репетиціяхъ почти всегда полные баллы, — что доказываетъ, что мы серьезно знакомились съ предметами.

Собственно говоря, мое настоящее ученіе началось у Полонскаго и началось съ ариметики.

Вотъ всѣ предметы, пройденные въ 4 года:

Ариметика, элементарная алгебра, геометрія, тригонометрія, высшая алгебра, аналитика, дифференціальное и интегральное исчисленія, статика, аналитическая механика, практическая механика, гидравлика, начертательная геометрія со всѣми ея отраслями: теоріями перспективы, тѣней, свѣтящихся точекъ, разръзкою камней, проекціею картъ и проч., геодезія, физика, химія, астрономія, громадный курсъ строительнаго искусства, включающій строительную механику, построеніе желѣзныхъ дорогъ, шоссе, мостовъ, водныхъ сообщенія, гидротехническія сооруженія и проч., архитектура, геогнозія, минералогія, гидрографія, тактика, артиллерія, фортификація и стратегія. Къ этому надо добавить предметы общаго образованія, которые и не могли не отнимать извѣстнаго времени: Законъ Божій, географія, исторія, русская и французская словесности, статистика и законовѣдѣніе. При всемъ этомъ множество времени употреблялось на составленіе проектовъ по предметамъ инженернаго искусства и архитектуры и на чертежи для фортификаціи, ситуационныхъ плановъ и эюръ начертательной геометріи.

Въ довершеніе всего, закрытое заведеніе облагороживаетъ юношу духомъ товарищества и создаетъ самыхъ прочныхъ друзей на всю жизнь.

Институтъ путей сообщенія, будучи закрытымъ заведеніемъ до академическаго курса, т. е., извлекая всю пользу изъ этого режима, имѣлъ еще нѣкоторыя немаловажныя особенности.

1) Никто, никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не могъ ночевать внѣ заведенія.

2) Воспитанники закономъ были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, — что сильно возвышало въ нихъ духъ человѣческаго достоинства и тѣмъ неминуемо способствовало развитію серьезности въ характерѣ.

3) Обязательное обращеніе къ воспитанникамъ на «вы», а не на «ты».

4) Преобладаніе начальства учебнаго, а не полицейскаго, что обуславливалось не только характеромъ заведенія, но выражалось и формальнымъ образомъ. Старшіе дежурные по институту, т. е., главные непосредственные начальники и наблюдатели надъ всѣмъ назначались всегда профессора изъ инженерныхъ офицеровъ болѣе высшихъ чиновъ, которыхъ воспитанники глубоко уважали, а потому и были строгій порядокъ.

5) Чрезвычайно разумное въ педагогическомъ смыслѣ распределеніе занятій, строгая послѣдовательность въ программѣ и самое строгое педагогическое побужденіе къ неотложности занятій.

Время распредѣлялось слѣдующимъ порядкомъ:

Въ 7 ч. мы вставали, а въ 8 ч. уходили изъ дортуаровъ ¹⁾ пить

При современныхъ порядкахъ, для подобнаго, обширнаго образованія, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, т. е. если учащійся не будетъ ни разу сидѣть по два года въ классѣ, надо употребить не менѣе 15 лѣтъ, и все-таки не будетъ выполнена вся программа. Такъ, напримѣръ, нынѣ въ институтѣ путей сообщенія не читаются военныя науки, астрономія, геогнозія и нѣкоторые другіе предметы.

¹⁾ По поводу дортуаровъ, считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ вообще о зданіи института, замѣчательно хорошо устроеннаго и приспособленнаго къ гигиеническимъ требованіямъ. Дортуары были довольно обширны и цѣлый день были свободны, т. е., никто не могъ тамъ находиться; классныя залы очень велики и при этомъ освѣжались во время нашего пребыванія на лекціяхъ въ аудиторіяхъ; отопленіе было амосовское, но не то

сбитень. Сбитень былъ отвратителенъ, приготовлялся изъ патоки и зачастую отзывался дегтемъ или кожей; многіе не могли привыкнуть къ этому отвратительному запаху; къ сбитню давали полторы булки и кусокъ чернаго хлѣба, и затѣмъ до 2 ч., т. е., до обѣда, ничего не давали.

Послѣ сбитня, мы шли въ классныя залы, и съ этой минуты поступали подъ вѣдѣніе учебнаго начальства. Классныя залы были очень большія; каждый воспитанникъ имѣлъ особый большой столъ съ огромнымъ ящикомъ для книгъ, тетрадей и проч., подъ столомъ было приспособленіе для храненія нѣсколькихъ чертежныхъ досокъ. Я упоминаю объ этихъ, повидимому, мелочахъ для того, чтобы показать, что учебное начальство давало всѣ средства къ удобству занятій для каждаго, даже вечеромъ ставилась на столъ каждому особая свѣча.

Въ 8^{1/2} часовъ начиналась первая лекція. Для всѣхъ лекцій назначалось полтора часа, и онѣ читались въ особыхъ аудиторіяхъ, устроенныхъ лѣстницей, такъ какъ классы заключали до 100 человекъ и болѣе, дабы каждый могъ видѣть то, что пишетъ или чертитъ профессоръ. Время съ 10 до 11^{1/2} предназначалось ежедневно для черченія проектовъ, плановъ, эюръ и проч., и это дѣлалось въ классныхъ залахъ. Съ 11^{1/2} до 12^{1/2} ч. была рекреація, а съ 12^{1/2} до 2 ч. вторая лекція. Въ 2 часа шли къ обѣду, а потомъ на фронтонное ученіе до 5 ч., коимъ, какъ сказано выше, занимали новичковъ, а остальные могли заниматься науками въ классахъ. Время отъ 5 до 8 ч. было занято или лекціями изъ второстепенныхъ предметовъ, или, по преимуществу, репетиціями. Въ 8 часовъ ужинъ, а въ 9 ложились спать.

Обращу вниманіе на разумное распредѣленіе занятій. Никогда

изуродованное, какое встрѣчается кое-гдѣ въ петербургскихъ домахъ. Зданіе института было первое, гдѣ изобрѣтатель самъ устроилъ свою систему и самъ слѣдилъ за правильностью операціи отопленія. Никакой сухости воздуха мы не ощущали; управлять температурой можно было съ математическою точностью; вентиляція, необыкновенно сильная, дѣйствовала непрерывно и днемъ и ночью. Доказательствомъ отличныхъ гигиеническихъ условій института можетъ быть тотъ фактъ, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ моего тамъ пребыванія не было не только ни одного смертнаго случая, но и никакой серьезной съ кѣмъ-нибудь болѣзни, въ родѣ тифозной горячки или чего-либо подобнаго, изъ числа безъ малаго 300 человекъ.

не было, чтобы лекціи чередовались безъ значительнаго промежутка. Серьезныхъ лекцій, которыя читались обыкновенно до обѣда, было всего двѣ въ день, съ промежуткомъ въ $2\frac{1}{2}$ часа. Такимъ образомъ воспитанникъ, выслушавшій первую лекцію, имѣлъ возможность немедленно обдумать, при свѣжей памяти, только-что выслушанную лекцію, пересмотрѣть свою записъ, сличить ее съ записью товарищей, пополнить пропущенное и сдѣлать свои отмѣтки. На повѣрку выходило, что воспитанникъ, серьезно занимавшійся, могъ, въ большей части случаевъ, отвѣчать вечеромъ по вопросу, выслушанному имъ утромъ того же дня.

Строгое педагогическое побужденіе къ неотложнымъ занятіямъ обусловливалось, главнымъ образомъ, системою репетицій. Вслѣдствіе большаго числа воспитанниковъ въ классахъ, по каждому главному предмету, было по 4 или 5 репетиторовъ или помощниковъ профессоровъ. Каждый репетиторъ имѣлъ партію до 20 чело-вѣкъ и приходилъ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю для проэкзаменовки воспитанниковъ своей партіи, назначая къ отвѣту тѣхъ, которыхъ ему вздумается. Дабы тотъ или другой воспитанникъ не думалъ, что, отвѣтивъ, положимъ, сегодня, онъ не будетъ назначенъ къ отвѣту въ слѣдующій разъ, — репетиторы часто назначали того или другаго воспитанника къ отвѣту нѣсколько разъ сряду; словомъ сказать, не было никакой возможности ориентироваться относительно дня, въ который придется отвѣчать, и потому серьезно занимающіеся воспитанники должны были быть всегда готовы къ отвѣту.

Каждый воспитанникъ подвергался, такимъ образомъ, частнымъ экзаменамъ не менѣе 10 или 12 разъ въ сезонъ, а если прибавить случайные вызовы къ отвѣту самими профессорами, то эта цифра достигала не рѣдко 15 разъ. Къ этому надо добавить, что на репетиціяхъ могли присутствовать всѣ другіе воспитанники, и, такимъ образомъ, слушая отвѣты, научиться безъ особаго труда. Затѣмъ, каждый, хорошо занимающійся воспитанникъ былъ, абсолютно, нравственно обязанъ, по просьбѣ товарищей, дѣлать разъясненія, т.-е., лучше сказать, читать имъ лекціи, — и это дѣлалось тоже публично и было полезно не только слушателямъ, но и самому лектору, приучая его къ умѣнью передавать свое знаніе ясно.

За отвѣты на репетиціяхъ выставялись баллы. Передъ праздникомъ Рождества производился общій полугодовой экзаменъ и, наконецъ, по окончаніи сезона, переводный или выпускной экзаменъ. Каждый изъ экзаменаторовъ задавалъ особые вопросы, но всѣ выставяли баллы по всѣмъ вопросамъ независимо одинъ отъ другаго; изъ этихъ отмѣтокъ выводилась средняя цифра.

Была принята слѣдующая система оцѣнки: высшимъ балломъ считалась цифра 10; средняя цифра годовыхъ балловъ, получаемыхъ на репетиціяхъ, множилась на 4, средній баллъ полугодоваго экзамена множился на 2, а средній баллъ годоваго экзамена—на 4 и затѣмъ сумма дѣлилась на 10. Крайнимъ удовлетворительнымъ балломъ изъ главныхъ предметовъ считалась цифра 6,66, то-есть— $6\frac{2}{3}$.

Объяснять здѣсь всѣ соображенія, послужившія основою для такой системы, было бы неумѣстно; но скажу, что она чрезвычайно рациональна, строго обдуманна и вполне справедлива. При этой системѣ, случайная неудача на годовомъ или полугодовомъ экзаменѣ—отъ конфузливости, или отъ другихъ причинъ, возможныхъ, въ особенности, при той торжественной обстановкѣ, съ какою производились у насъ экзамены, въ присутствіи трехъ экзаменаторовъ, лицъ экзаменаціонной комиссіи и массы товарищей—не губили юношу и въ то же время исключали произволъ въ оцѣнкѣ. Самая цифра 10, принятая высшимъ балломъ, представляется несравненно болѣе практичной, чѣмъ 5 или 12, въ особенности при вышеупомянутой формулѣ. Неудовлетворительность 5-балльной системы не могутъ не сознавать сами профессиональные педагоги, почему-то, однако, защищающіе ее. Еслибы она была удовлетворительна, то зачѣмъ же выставять ту же самую цифру въ трехъ видахъ: безъ знака, со знакомъ плюса, или со знакомъ минуса. На повѣрку выходитъ, что эта система не 5-ти-балльная, а 15-ти-балльная, не представляющая однако опредѣленности. 12-ти-балльная система составляетъ лишній баластъ. Иные говорятъ, что—«не все ли равно, какую цифру принять за высшій баллъ?» Если бы это было безразлично, то почему не взять 20 или 40? Очевидно, слѣдовательно, что, во всякомъ дѣлѣ, должна быть мѣра. Въ данномъ случаѣ цифра 5 мала, а цифра 12 нѣсколько велика, цифра же 10 оказывалась на практикѣ наиболѣе удобной.

Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, скажу, что принятый въ то время у насъ способъ оцѣнки не возбудилъ, въ теченіе всего моего пребыванія въ институтѣ, ни разу въ комъ-либо неудовольствія на несправедливость оцѣнки, могущей вытекать отъ личнаго произвола или отъ самой системы.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ о господствовавшей у насъ строгой послѣдовательности программы. Эмпиризмъ, какъ недостойный приѣмъ для высокой, абсолютной науки математики съ ея развѣтвленіями и приложеніями, былъ совершенно исключенъ.

Какъ бы просто ни было рѣшеніе вопроса, его не касались преждевременно, пока это рѣшеніе или извѣстное понятіе не могло быть строго доказано изъ предшествующаго знанія. И это соблюдалось какъ по каждому предмету въ отдѣльности, такъ и въ общемъ ходѣ наукъ. Программа эта была плодомъ труда великихъ ученыхъ и профессоровъ математики Парижской политехнической школы и перенесена на нашу почву основателями института, европейскими знаменитыми профессорами той же школы ¹⁾, и вполнѣдствіи получила санкцію нашихъ европейскихъ знаменитостей: Остроградскаго, Буняковскаго и другихъ.

Приведу одинъ образчикъ строгой послѣдовательности программы. Напримѣръ, у насъ преподаваніе физики начиналось только въ первомъ офицерскомъ классѣ, послѣ того, какъ мы прослушали уже курсъ дифференціального и интегрального исчисленій. Понятна должна быть для свѣдущаго человѣка причина такого поздняго, повидимому, преподаванія физики. Вступая въ область этой науки, первымъ вопросомъ, на который мы наталкиваемся, есть законъ тяготѣнія, какъ основа всей науки. Можно ли доказать формулу, хотя и очень простую, выражающую этотъ законъ, т. е. явленіе тяготѣнія, безъ помощи дифференціального и интегрального исчисленій? Этотъ одинъ примѣръ доказываетъ, до какой стро-

¹⁾ Этими профессорами были: Потье, Ламе, Базень, Бетанкуръ, Клапейронъ, Фабръ, Дестремъ и другія, менѣе громкія, имена. Самое преподаваніе наукъ долгое время производилось на французскомъ языкѣ. Еще я засталъ, въ 1843 году, преподаваніе на этомъ языкѣ „физики“ академикомъ Кушферомъ. Впрочемъ, были тоже вначалѣ и русскіе профессора, въ числѣ ихъ: Висковатовъ и извѣстный академикъ Гурьевъ.

гости доходила у насъ послѣдовательность въ программѣ преподаванія предметовъ.

Такой послѣдовательности теперь не существуетъ. Не говоря уже о программахъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, эмпиризмъ вторгнулся, кажется, и въ университетское преподаваніе. Напримѣръ, лѣтъ 10 тому назадъ, мнѣ случилось видѣть литографированный курсъ «Введенія въ анализъ». Предметъ этотъ читается въ университетѣ ранѣе «Высшей алгебры» и дифференціального исчисления. Я замѣтилъ въ означенномъ курсѣ преобладаніе эмпирическихъ пріемовъ.

Означенный предметъ по существу своему не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія, а можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ экзерсисъ для выкладокъ, — и мы, пожалуй, ничего не имѣли бы сказать противъ этихъ экзерсисовъ, если бы они, отправляясь отъ эмпиризма, не подрывали тѣмъ довѣрія начинающаго учиться серьезно математикѣ въ абсолютную строгость этой науки, и не охлаждали потому учащагося съ самаго начала.

Здѣсь, кстати, не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу современныхъ руководствъ къ элементарной математикѣ. Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, когда всѣ, отъ «мала до велика», заразились болѣзью охуждать и ломать безъ разбора все прежнее, эта болѣзнь охватила и сферу преподавателей. «Элементарная математика-де устарѣла, надо-де ее перестроить». И вотъ пошли разныя новыя руководства; что ни заведеніе, то и особое руководство, составленное самимъ преподавателемъ или проводимое имъ по собственнымъ соображеніямъ... И расплодилось ихъ многое множество. Тѣ лица, которыя должны бы были остановить эту горячку, сами были заражены тою же болѣзью и не только не противились означенному вредному стремленію, но, напротивъ, покровительствовали ему, полагая, по причинѣ своей некомпетентности въ вопросѣ, что это стремленіе обнаруживаетъ движеніе мысли, сдерживавшейся, будто бы, до тѣхъ поръ во всемъ прежнемъ режимѣ. Составители же новыхъ руководствъ, хотя отчасти и двигались самолюбіемъ и желаніемъ отличиться, но не малую роль играла охота наживы, путемъ исходатайствованія начальственнаго постановленія о принятіи въ руко-

водство, по большому числу заведеній, ихъ компиляціи на новыи манерь. Эти составители руководствъ по элементарной математикѣ, не будучи собственно математиками, а просто учителями математики, упустили изъ виду, что прежнія руководства были составлены великими геометрами и мыслителями, которые строго обдумали порядокъ изложенія и доказательствъ, и, несмотря на то, что занимались высшими вопросами математики и законовъ природы, снизили до составленія элементарныхъ курсовъ, зная, какъ важно дать твердую основу для высшаго анализа.

Плавая лишь въ низшихъ слояхъ математической науки, эти составители новыхъ руководствъ не поняли даже и того, что элементарная математика не можетъ подлежать измѣненіямъ, какъ не должны подлежать измѣненіямъ формы буквъ азбуки. Чтобы отличить чѣмъ-нибудь свое руководство отъ другаго, эти новаторы стали перескакивать чрезъ преграды и потому необходимо должны были прибѣгать къ эмпирическимъ приѣмамъ. Не мѣшало бы вновь обратиться къ прежнимъ столпамъ элементарной математики, поставленнымъ великими двигателями науки, и придерживаться ихъ. Вѣдь нынѣшній методъ, направляемый будто бы для развитія соображеній, не многимъ отличается отъ загадокъ и афоризмовъ «Пруткова».

ХІІ.

Учебный персоналъ института путей сообщенія въ началѣ сороковыхъ годовъ.—
Знаменитый геометръ Остроградскій.

Обращусь теперь къ учебному персоналу. Севастьяновъ, какъ было упомянуто выше, былъ главнымъ непосредственнымъ начальникомъ учебной части. Онъ отлично велъ свою часть. Самъ онъ былъ ученый и весьма талантливый человекъ, пропагандировавшій первый въ нашемъ отечествѣ науку начертательную геометрію со всевозможными ея отраслями, какъ-то: теорію перспективы, теорію тѣней и свѣтящихся точекъ, разрѣзкою камней, проекцію картъ и проч. Но главной его заслугой было—совокупить въ инсти-

тутъ самыя наилучшія учебныя силы, и, по счастью, изъ математики, наилучшія силы въ Европѣ. Профессорами изъ предметовъ высшей математики были академики: гениальный Остроградскій и талантливѣйшій, съ безпримѣрною эрудиціею, знаменитый Буяковскій; затѣмъ шли: академики — Купферъ, Гессъ и Чижевъ, а изъ инженеровъ: Мельниковъ, Кербедзь, Янушевскій, Волковъ, Добронравовъ, Полонскій, Соболевскій, Языковъ, Глуховъ, Собко, Евреиновъ, Ястржебскій, Липинъ, Зуевъ, Пероттъ, Комаровъ, Баландинъ, Красовскій и другіе, которые оставили неизгладимые слѣды своей научной профессорской дѣятельности.

Окруженные такой плеядой, среди которой блистали такія два солнца, какъ Остроградскій и Буяковскій, можно ли было не питать самага глубокаго уваженія къ тогдашнему нашему учебному персоналу и не относиться серьезно къ своему ученію? Не было и тѣни шалостей и школьничества, какія совершались на каждомъ шагу въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на то, что у насъ все-таки огромное большинство воспитанниковъ состояло изъ юношей отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ. Всякій воспитанникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ счастья и достиженія великой чести — слушать лекціи Остроградскаго.

Остроградскій читалъ въ первомъ офицерскомъ классѣ и экзаменовалъ всегда выпускной классъ, долженствующій въ слѣдующій сезонъ слушать его. Когда, въ дни посѣщенія имъ института, кто-нибудь крикнетъ бывало — «Остроградскій идетъ», то воспитанники другихъ классовъ бросались въ корридоръ взглянуть на этого человѣка; хотя появленіе въ корридорахъ строго воспрещалось, но дежурные офицеры въ этотъ моментъ смолкали. Вся виѣшность Остроградскаго выражала могущество, невольно поражавшее всякаго. Глядя на его благородное, возвышенное чело, на его лицо, пріятное и выражающее глубокій умъ и твердость, чувствовалось, что вы видите предъ собою могучаго мыслителя, невольно дѣйствующаго на зрителя импонирующимъ образомъ.

Остроградскій читалъ у насъ аналитическую механику, то-есть любимую имъ науку, которая обязана ему рѣшеніемъ главной ея задачи — общаго движенія, надъ которымъ трудились всѣ великіе

геометры прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, но не успѣшно. Ему первому принадлежитъ честь и слава обнять общій вопросъ движенія, рѣшить его и короновать тѣмъ зданіе этой міровой науки; дальше идти некуда.

Любилъ онъ, конечно, эту науку и потому, что она, въ совокупности съ основными законами физики, трактуеть объ основныхъ началахъ мірозданія. Безъ глубокаго уразумѣнія этихъ наукъ, всякія философіи являются пустословіемъ. Только эти науки могутъ дать нить для сознанія безконечно-разумнаго и всемогущественнаго, а слѣдовательно и нить къ уразумѣнію отношенія этого безконечно-разумнаго и всемогущественнаго къ человѣку, какъ частицѣ безконечно-разумнаго.

Всѣ серьезно занимавшіеся молодые люди ждали всегда лекціи Остроградскаго съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ манны небесной. Слушать его лекціи было истиннымъ наслажденіемъ, точно читались намъ высоко-поэтическія произведенія. Онъ былъ не только великій математикъ, но, если можно такъ выразиться, и философъ-геометръ, умѣвшій поднимать духъ слушателя. Ясность и краткость его изложеній были поразительны; онъ не мучилъ выкладками, а постоянно держалъ мысль слушателя въ напряженномъ состояніи относительно сущности вопроса. Всѣми мѣрами онъ старался, чтобы слушатели слѣдили за нимъ и могли понимать его; для этого, когда какой-нибудь вопросъ обнималъ нѣсколько лекцій, онъ начиналъ всегда съ резюме всего уже высказаннаго о вопросѣ въ прежнихъ лекціяхъ, и затѣмъ уже шель далѣе; поэтому нерѣдко случалось, что для дальнѣйшаго изложенія вопроса оставалось менѣе получаса времени.

Читалъ онъ съ большою горячностью; писалъ огромными буквами и потому быстро наполнялъ доску, и затѣмъ бросался къ большому столу, покрытому черной клеенкой, продолжалъ писать на ней и, поднявъ ее, показывалъ написанное слушателямъ. При его горячемъ чтеніи, онъ скоро уставалъ, садился на нѣсколько минутъ отдохнуть и много пилъ воды.

Въ тотъ годъ, когда мнѣ пришлось слушать его, онъ читалъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ, вѣроятно потому, что въ нашемъ классѣ, состоявшемъ изъ 100 человѣкъ, было по крайней мѣрѣ человѣкъ 15,

которые не только могли вполне понимать его, но и оцѣнить то богатство, которымъ онъ дѣлился съ нами. Впослѣдствіи, когда институтъ былъ преобразованъ и стали принимать туда мальчиковъ 11-ти и 12-ти лѣтъ, слѣдовательно безъ всякаго соображенія о степени способности ребенка къ математическимъ наукамъ, и когда водворилась мысль объ ограниченіи широкаго математическаго образованія, и на оцѣнку успѣховъ воспитанниковъ, дѣлаемую Остроградскимъ, не стали обращать вниманія, онъ, весьма натурально, охлаждѣлъ къ институту, сжалъ свой курсъ и сталъ относиться къ слушателямъ, какъ къ дѣтямъ, а потому слушавшіе его въ послѣдніе годы не получили никакого понятія о настоящемъ Остроградскомъ.

Остроградскій любилъ возбуждать въ учащихся соревнованіе и тѣмъ напрягать ихъ мысль, и умѣлъ иногда поощрять ихъ однимъ словомъ, которымъ, конечно, страшно дорожили, — что служило сильнымъ подстрекательствомъ для занятій.

Разскажу эпизодъ, случившійся со мною.

Я уже сказалъ, что Остроградскій, по обыкновенію, всегда экзаменовалъ выпускной классъ, который долженъ былъ поступить на его курсъ. Эти его экзамены висѣли цѣлый годъ, какъ Домокловъ мечъ, надъ головами выпускныхъ. Характеръ его экзаменовъ наводилъ панической страхъ потому, что онъ пыталъ главнымъ образомъ способность и сообразительность ученика и не придавалъ большаго значенія тѣмъ вопросамъ, гдѣ могли играть большую роль память, т. е. тому, что можно было задолбить. Самъ онъ, обыкновенно, задавалъ рѣшать каждому, болѣе или менѣе, курьезные интегралы и поэтому судилъ о степени сообразительности экзаменующагося, а ассистенты его задавали теоретическіе вопросы.

Въ тотъ годъ, когда мнѣ пришлось экзаменоваться у Остроградскаго, нашъ выпускной классъ имѣлъ 110 человекъ, и я стоялъ первымъ по списку. Замѣчу здѣсь кстати, что во все время пребыванія въ институтѣ, я и братъ мой Ипполитъ, постоянно, при переходѣ изъ класса въ классъ, чередовались первыми мѣстами. Остроградскій же имѣлъ обыкновеніе особенно сильно пытаться учениковъ, высоко стоящихъ по списку.

Когда я подошелъ для экзамена къ Остроградскому, онъ ска-

заль: — «посмотримъ, посмотримъ,—первый!» Надо сказать, что въ рѣчи Остроградскаго рѣзко слышался малороссійскій выговоръ, на примѣръ, вмѣсто *и* отчасти звукъ *ы*, букву *е* онъ произносилъ твердо, какъ *э* обратное, въ звукѣ *я* отзывалось *а*, а въ звукѣ *ю* слышалось *у*.

Остроградскій задалъ мнѣ рѣшить не очень курьезный интеграль. Задавалъ онъ обыкновенно на грифельной доскѣ, указывалъ сѣсть гдѣ-нибудь отдѣльно и давалъ время для обдумыванія. Такъ какъ заданный мнѣ интеграль былъ не особенно труденъ, то я очень скоро рѣшилъ его и подалъ грифельную доску Остроградскому. Задаваемые имъ интегралы значились у него на длинномъ списокѣ съ окончательными выводами. Онъ слѣдилъ мой выводъ съ своимъ спискомъ и сказалъ:

— Не то!

Я отошелъ, пересмотрѣлъ рѣшеніе и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Я рѣшилъ вѣрно.

— Вотъ окончательный выводъ, сказалъ Остроградскій и показалъ мнѣ свой списокъ.

Дѣло было въ томъ, что я, рѣшивъ интеграль и подставивъ предѣлы, не сдѣлалъ сокращенія, т. е. чисто механической операціи, не относящейся собственно къ интегральному исчисленію.

— Я рѣшилъ интеграль, профессоръ, сказалъ я; — это суть дѣла, операція же сокращенія есть пустякъ, а я занимался не пустяками.

— А чѣмъ вы занимались?

— Вамъ извѣстна въ нашемъ курсѣ задача, рѣшаемая помощью двойнаго интегрированія, а я рѣшилъ ее однимъ интегрированіемъ, сказалъ я.

— Вотъ какъ? — покажите!

Въ теченіе учебнаго сезона, послѣ долгаго лomanія головы, мнѣ посчастливилось найти приемъ замѣнить въ упомянутой задачѣ двойное интегрированіе однимъ, о чемъ я сообщилъ моему товарищу Кусакову, съ которымъ постоянно занимался, и записалъ это рѣшеніе въ его тетради; такимъ образомъ Кусаковъ отлично зналъ это рѣшеніе.

Опасаясь, чтобы Остроградскій, если я покажу ему одно голое

рѣшеніе, не подумалъ, что я вычиталъ гдѣ-нибудь это рѣшеніе, я вздумалъ объяснить ему, какимъ путемъ я достигъ мысли о рѣшеніи двойнаго интегрированія однимъ интегрированіемъ, т. е. я вздумалъ разсказать всю исторію моего головоломанія, пока я не достигъ рѣшенія. Такъ какъ постепенное изложеніе этого моего головоломанія требовало не мало времени, то Остроградскому надоѣло это слушать, и онъ, не выдавши еще моего оригинальнаго рѣшенія, поставилъ мнѣ только 7 балловъ (эта цифра для перваго ученика была убійственна) и сказалъ: «Пустяки, идите къ доскѣ». Отвѣтамъ изъ теоретическихъ вопросовъ, какъ я упомянулъ выше, онъ не придавалъ значенія. Хотя ассистенты поставили мнѣ полные баллы, какъ и Остроградскій, изъ теоретическихъ вопросовъ, но у него фигурировала семерка за рѣшеніе интеграла, и моя пѣсенка, какъ перваго ученика, была спѣта, т. е. я, не получивъ полныхъ балловъ, терялъ свое мѣсто. Но главнымъ образомъ меня мучило то обстоятельство, что Остроградскій получилъ невыгодное впечатлѣніе о моихъ познаніяхъ, и что мнѣ не удалось доказать ему противнаго. Но въ то время, когда я отвѣчалъ теоретическіе вопросы у доски, мой товарищъ Кусаковъ стоялъ подлѣ Остроградскаго, ожидая своей очереди экзамена. Онъ имѣлъ уже болѣе 21-го года и обладалъ смѣлымъ и благороднымъ характеромъ. Увидавъ, что Остроградскій выставилъ мнѣ семерку, онъ вспыхнулъ и сказалъ ему:

— Профессоръ, вы обидѣли Панаева, я знаю рѣшеніе того интеграла, о которомъ онъ началъ вамъ говорить; не угодно ли, — я вамъ покажу.

Не пройдя чрезъ ту головоломку, чрезъ которую я прошелъ, и зная лишь голое рѣшеніе задачи, онъ быстро показалъ ее Остроградскому. Когда я отошелъ отъ доски, Остроградскій подозвалъ меня и сказалъ:

— Я поставлю вамъ теперь вмѣсто семерки девять.

Но все-таки мнѣ было обидно, ибо пять воспитанниковъ, менѣе меня знакомыхъ съ предметомъ, получили полные 10 балловъ. Дѣлать было нечего, надо было мириться съ обстоятельствомъ, которое, однако, грызло меня.

Въ послѣдній день экзамена Остроградскій былъ въ веселомъ расположеніи духа, шутилъ съ окружавшими его воспитанниками и сказалъ:

— Я доволенъ, классъ хорошъ, но все-таки никто изъ васъ не рѣшитъ одного интеграла,—развѣ Лебедевъ?

Это былъ мой конкуррентъ, обладавшій баснословною памятью, чтѣ и обнаружилось впоследствии, именно во время курса Остроградскаго, когда въ особенности надо было брать соображеніемъ, а не памятью.

Многіе записали объявленный имъ интеграль, а именно:

$$\int_0^{\infty} \frac{\text{Sin}x dx}{x}$$

Дѣло было въ послѣдній день передъ страстной недѣлей; въ эту недѣлю никакихъ занятій, конечно, не было, и мы ходили въ церковь по три раза въ день. Съ той минуты, какъ Остроградскій объявилъ упомянутый интеграль, я ни о чемъ другомъ не мыслилъ, какъ о томъ, чтобы найти способъ его рѣшенія. Думалъ объ этомъ сидя въ классѣ и перебирая сотни различныхъ приемовъ, думалъ объ этомъ ложась спать, думалъ стоя въ церкви, думалъ, думалъ, но все было неудачно. Наконецъ, какъ теперь помню, во время чтенія 12-ти евангелій, вдругъ нарисовался въ моей мысли крайне оригинальный приемъ для рѣшенія задачи. Совершивъ въ умѣ всю операцію, мнѣ показалось, что дѣло рѣшено, но я не совсѣмъ еще довѣрялъ себѣ, такъ какъ нужна была извѣстная выкладка. Изъ церкви я побѣжалъ въ классъ, сейчасъ же попробовалъ изложить рѣшеніе на бумагѣ и убѣдился, что задача рѣшена ¹⁾. И я не помню

¹⁾ $\int_0^{\infty} \frac{\text{Sin}x}{x} dx$. Мнѣ пришла мысль замѣнить $\text{Sin}x$ мнимымъ его выраженіемъ.

$$\int_0^{\infty} \frac{\text{Sin}x}{x} dx = \int_0^{\infty} \frac{x\sqrt{-1} - x\sqrt{-1}}{x^2\sqrt{-1}} e^{-ax} dx = \int_0^{\infty} \frac{e^{-ax} - e^{-ax}}{2ax} dx, \text{ гдѣ } a = \sqrt{-1}.$$

Можно себѣ представить, что подынтегральная величина произошла отъ интегрированія извѣстной функціи b , даваемаго шагомъ результатъ: $\frac{e^{-ax} - e^{-bx}}{x}$, между предѣлами отъ $+a$ до $-a$.

*

во всей моей жизни момента, когда бы я былъ въ большемъ восторгѣ.

Мнѣ было тогда 17 $\frac{1}{2}$ лѣтъ. Я привожу въ выноскѣ мое рѣшеніе этого интеграла. Специалистъ-математикъ съумѣеть взвѣсить, что для рѣшенія даннаго интеграла и рѣшенія его изложеннымъ здѣсь путемъ нужно было, кромѣ сообразительности, имѣть не малую дозу знанія. Такимъ образомъ, приведенный здѣсь фактъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ быстро и серьезно велось, въ оныя времена, образованіе въ институтѣ. Нынѣ юноша въ 17 $\frac{1}{2}$ лѣтъ едва достигаетъ только половины элементарной алгебры и возится еще съ уравненіемъ 2-й степени, т. е. находится, въ отношеніи курса математики, въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, когда дитя едва начинаетъ ползать.

Остроградскій долженъ былъ придти въ четвергъ на Пасхѣ, чтобы дать нѣкоторымъ переэкзаменовку. Надо было ждать шесть дней, и я сгоралъ отъ нетерпѣнія. Когда Остроградскій пришелъ и я подаль ему мое рѣшеніе, онъ обратился къ окружающимъ и спросилъ:—«не рѣшилъ ли еще кто-нибудь?»—послѣдовало молчаніе. Тогда онъ подошелъ къ столу, взялъ экзаменный списокъ и, вмѣсто стоявшихъ тамъ 9-ти, поставилъ мнѣ 10-ть въ квадратѣ. Этого

$$\frac{1}{2a} \int_0^{\infty} dx \left(\frac{e^{-bx}}{x} \right)_{+a}^{-a} \quad \text{Дифференцируя и интегрируя по } b, \text{ получимъ:}$$

$$\frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} \int_0^{\infty} -dx (e^{-bx}) db = \frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} db \int_0^{\infty} e^{-bx} \cdot -dx =$$

$$= \frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} db \left(\frac{e^{-bx}}{b} \right)_0^{\infty} = -\frac{1}{2a} \int_{+a}^{-a} \frac{db}{b} = \frac{1}{2a} \int_{-a}^{+a} \frac{db}{b} =$$

$$= \frac{1}{2a} (\log b)_{-a}^{+a} = \frac{\log(-1)}{2\sqrt{-1}} = \frac{\pi}{2}. \quad \text{Слѣдовательно: } \int_0^{\infty} \frac{\sin x}{x} dx = \frac{\pi}{2}.$$

квадратъ собственно никакого значенія имѣть не могъ; но Остроградскій, конечно, хотѣлъ выразить этимъ свое удовольствіе.

Съ этой минуты Остроградскій запомнилъ меня, и въ слѣдующій сезонъ, когда я, офицеромъ, слушалъ его курсъ, онъ относился ко мнѣ оригинальнымъ образомъ. Послѣ одной изъ своихъ лекцій, онъ впервые вызвалъ меня для отвѣта; я подошелъ къ доскѣ и едва началъ говорить и писать, какъ Остроградскій сказалъ:

— Садитесь!

Я рѣшительно пришелъ въ педоумѣніе, — что это значить? и сказалъ:

— Позвольте же мнѣ, профессоръ, отвѣтить.

— Не надо, сказалъ онъ, — помню интеграль и ставлю вамъ теперь полный баллъ.

Это слово было сказано въ присутствіи 100 товарищей, сидѣвшихъ въ аудиторіи, и онъ повторилъ со мною то же самое не менѣе пяти разъ въ сезонъ, и всякій разъ говорилъ: — «помню интеграль». Изъ этого можно заключить, какъ умѣлъ онъ возбуждать сильное рвеніе въ своихъ слушателяхъ.

По окончаніи сезона Остроградскій назначилъ меня на публичный экзамень. Эти экзамены не имѣли для учащихъ никакого значенія, ибо дѣлались послѣ настоящихъ экзаменовъ, когда было уже объявлено о результатахъ ихъ. На публичный экзамень назначались лучшіе ученики; это была честь для нихъ. На эти экзамены приглашался весь ученый міръ Петербурга, и многіе являлись съ дамами. Сѣзжалось человекъ до 300 и болѣе. Эти экзамены приучали людей къ находчивости, къ умѣнью хорошо говорить и къ тому, чтобы не конфузиться.

Передъ означеннымъ экзаменомъ Остроградскій пришелъ осведомиться — хорошо ли я приготовился къ вопросамъ, которые значились въ билетахъ? Придя, онъ подаль мнѣ кучу билетовъ и сказалъ: «берите!»

— Незачѣмъ, отвѣтилъ я, — какой бы билетъ ни попался, я буду отвѣчать одно и то же.

— Какъ такъ? и, посмотрѣвъ на меня съ неудовольствіемъ, продолжалъ: — значить, вы не готовы на всѣ билеты?

— Нѣтъ, готовъ вполнѣ, но на публичномъ экзаменѣ мучить

слушателей длинными выкладками, которыхъ, за исключеніемъ самаго малаго числа лицъ, никто не понимаетъ, будетъ скучно для остальныхъ. Вашъ курсъ такъ систематиченъ, что я, прежде отвѣта по какому-нибудь частному вопросу, всегда могу приступить къ изложенію общаго вопроса о движеніи, что для публики будетъ интереснѣе; это изложеніе можно сдѣлать нѣсколько понятнымъ для большинства и говорить о немъ хотя цѣлый часъ, а насъ болѣе четверти часа не держать.

Остроградскій захохоталъ и сказалъ: «ну, будь по-вашему» и — ушелъ, увѣрившись изъ моихъ словъ, что дѣло пройдетъ гладко — и оно такъ и прошло.

По мѣрѣ возможности, я далъ краткіи очеркъ о значеніи Остроградскаго; но, вѣдь, онъ, въ сущности, необъятная величина въ области математики; а между тѣмъ, я встрѣчалъ не мало студентовъ математическаго факультета, которые игнорировали не только то, что онъ свершилъ въ математикѣ, но и громкое имя Остроградскаго, составляющее гордость Россіи и самой науки.

Вѣдь Остроградскій явился творцомъ не въ одной наукѣ о движеніи, онъ былъ великимъ созидателемъ и въ области чистаго анализа. Какъ геометръ-философъ, онъ не выносилъ частныхъ рѣшеній вопросовъ: его гений влекъ его къ рѣшеніямъ общимъ, абсолютнымъ. Публичныя лекціи, читанныя имъ въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, открыли необъятный, новый горизонтъ и безконечное поле для математическаго анализа. Лекціи эти были составлены и изданы весьма извѣстными учеными — Бурачкомъ и Зеленымъ. Вотъ что говорятъ, между прочимъ, въ своемъ предисловіи эти весьма извѣстные и вполнѣ компетентные ученые люди: «Многіе являются неумолимыми, всегда, впрочемъ, неправыми судьями, представляющими высшій анализъ или бесполезнымъ, или ужаснымъ, доступнымъ только для избраннѣйшихъ, требующимъ головы, по крайней мѣрѣ — не человѣческой. Ничего не бывало! Ни одна наука такъ не нужна, такъ не проста, такъ не обща, какъ анализъ, потому что въ немъ неразрывная цѣпь чистыхъ истинъ, нѣтъ мѣста произволу, гипотезамъ, больше или меньше наводняющимъ и затемняющимъ всѣ другія науки, — только бы мастеръ взялся выстроить аналити-

ческую лѣстницу. Самая высшая ступенька ея отличается отъ самой нижней только тѣмъ, что до нея, какъ на всякой лѣстницѣ, надо перейти сперва промежуточные ступеньки. Бесѣды Остроградскаго и есть точно такая лѣстница. Такой недоставало, нѣтъ еще ни на одномъ языкѣ, тѣмъ болѣе у насъ. Какъ не пожелать, чтобы она была кончена, какъ начата, въ Россіи».

Грустно, однако, прочесть теперь все предисловіе означенныхъ ученыхъ къ изданіямъ лекцій Остроградскаго. Эти ученые, соболѣзнуя о слабомъ развитіи у насъ математическаго образованія и перечисливъ всѣ главныя причины такого факта, выражали полную надежду, что въ скоромъ будущемъ это образованіе должно распространиться, въ особенности послѣ изложенія анализа, упрощеннаго и яснаго, Остроградскимъ, анализа, имъ самимъ созданнаго, который, по ихъ мнѣнію, не только вообще можетъ, но — «долженъ войти въ сферу общаго образованія, какъ основной, послѣ религін, элементъ воспитанія, какъ зодчій, долженствующій быть неотлучнымъ спутникомъ, руководителемъ и совѣтникомъ каждаго и довести мысль до той вышины, гдѣ вѣчный свѣтъ и нѣтъ тумановъ».

Не сбылись, друзья, пророчества,
Вашей юности—мечты;
Жалокъ жребій его творчества:
Мракъ царить отъ слѣпоты.

Большаго упадка математическаго образованія, какъ теперь, нельзя себѣ и представить. Много горькихъ послѣдствій мы уже испытываемъ и будемъ впредь испытывать отъ этого паденія, если будемъ продолжать идти въ образованіи юношей настоящимъ путемъ. Пора намъ опомниться, пора понять, что въ такъ именуемомъ классическомъ образованіи главную роль должна играть наука всѣхъ наукъ—математика; пора перестать преклоняться предъ лжемудрствованіемъ чловѣка¹⁾, безусловно обусловившаго принятую нынѣ систему образованія, двигаясь, въ сущности, однимъ непомѣрнымъ, личнымъ самолюбіемъ и неодолимымъ желаніемъ, во что бы то ни стало, вліять, вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ для него обстоятельствъ, на всѣ вопросы государственной жизни, и принеся тѣмъ неисчислимый вредъ цѣлому поколѣнію, способствуя, всею силою

¹⁾ Авторъ разумѣетъ здѣсь Каткова.

огромнаго своего вліянія, размноженію безполезныхъ паріевъ. Вѣдь означенное лжемудрствованіе привело къ результату прямо противоположному тому, какого намѣревались достигнуть системою нынѣшняго образованія; а именно, оно привело не къ дисциплинѣ разума, а къ анархіи его; ибо лучшей дисциплины для разума юноши не можетъ быть, какъ образованіе математическое.

Не говоря о томъ, что всѣ науки, примѣненіе которыхъ нужно на каждомъ шагѣ въ жизни общества и каждаго отдѣльнаго лица, т. е. всѣ существенныя науки не могутъ обойтись безъ математики и безъ непосредственнаго пользованія ею, но математическое образованіе нужно и внѣ этой потребности: оно обладаетъ свойствомъ вооружать людей строгостью мышленія, послѣдовательностью въ сужденіяхъ, возможностью понимать сложные, запутанные вопросы и умѣнемъ выражать свои мысли, по возможности, кратко и ясно. Между тѣмъ, при нынѣшней системѣ образованія, математика не только находится «*de facto*» въ полной опалѣ, но допускается даже предавать ее оффиціально глумленію. Напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ не математическаго факультета, въ премудрости своей, ради издѣвательства надъ математикой, провозгласилъ однажды съ кафедръ:— «Господа! можете вполне убѣдиться, что математика есть наука самая точная; это слѣдуетъ ясно изъ того, что она трактуеть о точкѣ». За это свое изреченіе онъ заслужилъ отъ слушателей громъ неистовыхъ рукоплесканій. Какова серьезность образователя юношества? Что же касается до слушателей, то ихъ винить нельзя. Конечно, имъ было пріятно услышать съ кафедръ издѣвательство надъ тою наукою, которой они не учатся и которая имъ не далась потому, что требовала труда серьезнаго; другими словами, имъ было пріятно услышать оффиціальное одобреніе своему невѣжеству по части математки.

При подобномъ отношеніи вообще къ математикѣ, водворившаяся нынѣ система образованія, въ результатѣ, тупитъ умъ юношей, убиваетъ ихъ способности и даже темнитъ ихъ здравый смыслъ. Поэтому нынѣ нерѣдко приходится встрѣчать молодыхъ людей, которые не въ состояніи обнимать предметовъ въ цѣломъ, связывать вопросы между собою, размѣщать ихъ на подлежащія мѣста, отличать послѣдовательность отъ непослѣдовательности и

понимать иногда самыя простыя вещи, между тѣмъ, людей отъ природы не глухихъ и имѣющихъ всѣ признаки внѣшняго образованія. И все это происходитъ отъ того, что въ отроческіе и юношескіе годы, когда долженъ развиваться умъ, человѣкъ приучается только къ долбленію, а не къ строгому, послѣдовательному мышленію. При такихъ условіяхъ и при отсутствіи какихъ-либо положительныхъ знаній, съ одними воспоминаніями о когда-то читанныхъ, при помощи учителя, рѣчахъ Цицерона и проч., если такіе люди и находятся при дѣлѣ, то могутъ не дѣло дѣлать, а лишь состоять при дѣлѣ или путать его; а между тѣмъ ихъ наплодилось уже не мало, и большинство изъ нихъ составляетъ хорошій контингентъ для всякихъ лжеученій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ МЕДИЦИНСКАГО БЫТА

въ

ВЪ ПРОШЛУЮ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ.

1877—1878 гг.

Авторъ настоящей статьи - старшій врачъ 103-го пѣхотнаго Петрозаводскаго полка, Венедиктъ Дмитріевичъ Подгаецкій, род. 7-го марта 1839 года, въ Слудкѣ. Біографію свою Подгаецкій напечаталъ подъ заглавіемъ: „Замѣтки о себѣ и своемъ прошломъ“ въ юбилейномъ сборникѣ врачей мед.-хирургич. академіи, выпуска 1865 г. (Сборникъ носитъ заглавіе: „XXV-лѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ импер. мед.-хирург. акад. въ 1865 г. Сост. Н. Воронихинъ. 1890“).

Автобіографія Подгаецкаго обратила вниманіе критики на автора статьи, и Подгаецкій рѣшилъ продолжать литературную дѣятельность. Но судьба рѣшила иначе—не дала возможности осуществить Подгаецкому исполнѣ его предположенія: В. Д. Подгаецкій успѣлъ только написать, и то карандашемъ, одну предлагаемую здѣсь читателямъ статью, какъ въ началѣ декабря 1891 г. умеръ, переживъ юбилей своей врачебной дѣятельности не исполнѣ на годъ.

Настоящая статья Подгаецкаго, уже послѣ его смерти, была отправлена близкимъ ему лицомъ, А. В. Никольскимъ на имя доктора Н. Воронихина, который и передалъ ее въ ред. „Русской Старины“. При статьѣ было приложено письмо автора, безъ помѣтки числа, слѣдующаго содержания:

„Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: послѣ приключившейся инфлюэнцы, разыгрался у меня ракъ желудка, какъ я и предполагалъ, чего прежде не думали врачи, которые теперь и сами убѣдились въ этомъ. Переписывать не въ силахъ, посылаю вамъ чернякъ карандашемъ, кромѣ начала, которое брался переписывать два раза. Если докопаетесь въ немъ чего-нибудь, то дѣлайте что хотите. Можетъ быть, Господь Богъ нарочно устроилъ такъ, чтобы я не писалъ больше того, что написалъ, такъ какъ это было бы изложеніемъ однѣхъ мерзостей. Не рассчитываю теперь долго жить, съ каждымъ днемъ слабѣю и,

кажется, за объдомъ ¹⁾ вы будете меня только поминать. Чернякъ получите посылкою, а не пакетомъ. Прощайте. Скоро совѣтъ не въ силахъ буду писать. Подгаецкій*.

Марта 5-го 1891 года скоропостижно скончался въ городѣ Гроднѣ отставной дивизионный врачъ 26-й пѣх. дивизіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ К. О. Ильницкій. До войны 1877—1878 гг. онъ былъ старшимъ врачомъ въ одномъ изъ полковъ 27-й пѣх. дивизіи въ г. Вильнѣ, а мой товарищъ, Ѳед. Григ. Голубевъ, о которомъ я только вскользь упомянулъ въ своихъ «Замѣткахъ о себѣ и своемъ прошломъ», былъ когда-то въ этомъ же полку младшимъ врачомъ. На военное время К. О. Ильницкій былъ назначенъ главнымъ врачомъ 13-го военно-временнаго госпиталя, Голубевъ же, бывший тогда младшимъ ординаторомъ виленскаго госпиталя—старшимъ ординаторомъ и туда же изъ гродненскаго госпиталя старшимъ же ординаторомъ попалъ и я. Случайная смерть К. О. Ильницкаго, этого дѣльнаго администратора и добраго товарища, вызвала у меня непреодолимое желаніе набросать по возможности подробныя воспоминанія о нашемъ бытѣ на войнѣ въ 13-мъ госпиталѣ, гдѣ Ѳ. Г. Голубевъ, дѣльный и добрый товарищъ, составлялъ крупную высоко нравственную единицу, сплотившую почти весь госпитальный штатъ въ одну дружную семью, и, можетъ быть, у читателя вырвется изъ груди вздохъ сожалѣнія о ранней гибели этого человѣка отъ брюшнаго тифа въ С.-Стефано, гдѣ его по достоинству оцѣнили, съ нимъ великодушно поступили и съ честью похоронили. Такіе люди и такіе факты не должны быть забываемы.

Госпиталь формировался осенью 1877 г. въ г. Динабургѣ, ординаторы и аптекаря были назначены изъ варшавскаго, виленскаго, гродненскаго, бобруйскаго и брестскаго госпиталей; хозяйственная часть больше изъ полковыхъ, но было двое штатныхъ, и слѣдовательно опытныхъ служака изъ ковенскаго госпиталя, такъ что подборъ былъ весьма порядочный, если къ этому прибавить, что большинство состояло изъ семейныхъ людей.

Двинулись мы, кажется, 6-го октября и ровно 8 дней двигались воинскимъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ 14-мъ госпиталемъ, только до границы, такъ что думали, что въ вагонѣ и службу кончимъ и, наконецъ, на время застряли въ Яссахъ. Тутъ на другой день К. О. Ильницкій насъ поздравилъ, что, кажется, будемъ въ Бырлатъ—пре-

¹⁾ Подгаецкій говоритъ здѣсь о годичномъ товарищескомъ объдѣ врачей выпуска академіи 1865 г. Этотъ объдъ состоялся 2-го января 1892 года.

лестной мѣстности, куда на лѣто собирается на дачу чуть не вся аристократія Румыніи. Но не тутъ-то было, не 13-му госпиталю тамъ быть—цифра не хорошая. Черезъ недѣлю комендантъ города намъ объявилъ, что требуются госпитали въ Галацъ и во Фратешти, и кто скорѣе соберется, тотъ и отправится въ Галацъ. Пока нашъ смотритель копался, да собиралъ свою команду, 14-й госпиталь живо былъ готовъ, уложился и усѣлся въ вагоны и, подтрунивая надъ нами, на нашихъ же глазахъ отправился на югъ, а мы только на другой день двинулись на западъ, во Фратешти. И начались наши странствія то во Фратешти, то въ Зимницу, то въ С.-Стефано, т. е. по самымъ загаженнымъ войною мѣстностямъ, гдѣ, ложась спать, нельзя было ручаться, что на другой день будешь здоровъ, а на третій, четвертый—живъ, гдѣ научились мы молиться и страдать. А 14-й госпиталь до самаго конца войны проблаженствовалъ въ Галацѣ.

Притащили насъ во Фратешти на разсвѣтъ—холодно, туманъ; высадили и выгрузили на подмости платформы и, на спросъ о помѣщеніи, указали на голое поле за шатрами раскинутого вдоль дороги госпиталя № 46-го. Не сладко! Къ счастью, тутъ же была эвакуаціонная коммиссія, начальникомъ которой оказался товарищъ нашего главнаго врача, дѣйств. статск. совѣтникъ Г. Помѣщался онъ въ баракѣ изъ циновокъ, гдѣ отгородилъ для себя клѣтушку, отапливаемую чугуною печкою, остальные же клѣтушки безъ отопленія, принадлежавшія врачамъ, ѣздившимъ на санитарныхъ поѣздахъ, и, слѣдовательно, отсутствовавшимъ, предложилъ намъ. Жутко показалось, на слѣдующую ночь, въ первый разъ лечь въ холодѣ, доходившемъ уже тогда до—2 R., но каково же было мое удивленіе, когда я, страдающій хроническимъ катарромъ дыхательныхъ вѣтвей, проспавъ крѣпко въ полушубкѣ и валенкахъ всю ночь напролетъ, ни разу не кашлянулъ¹⁾. Намъ сказали, что строившіеся во Фратештахъ поляковскіе бараки предназначаются именно для 13-го госпиталя, а конецъ постройки предвидѣлся еще далеко—надобно было подумать о болѣе удобномъ помѣщеніи и питаніи. Виленскій отдѣлъ госпиталя и гродненскій направились въ ближайшую деревню Турбаты (двѣ версты) и наняли двѣ

¹⁾ Здѣсь къ слову скажу, что все время на войнѣ въ теплѣ жить не приходилось и, несмотря на это, только это тѣ годъ я совсѣмъ не кашлялъ со временъ студенчества. Были такіе морозы, что въ шатрѣ вскипяченный на ночь самоваръ и поставленный на истопленную чугуною печку, на другой день оказывался наполненнымъ льдомъ, и все-таки для моей груди было хорошо. Значитъ, не въ одномъ только Герберсдорфѣ и проч. можно лѣчить грудныя болѣзни низкой температурою.

румынскія мазанки, остальной же штатъ догадался откупить какъ для себя, такъ и для команды, отъ резервнаго какого-то баталіона, ухажившаго за Дунай, хорошо устроенныя лѣтомъ землянки въ самыхъ Фратештахъ, что было выгодно и на зиму оказалось лучше. Мазанка, съ тонкою печкою, приуроченною для отопленія изъ сѣней кукурузною соломой и стеблями, на которыхъ одновременно варилась и пеклась вѣчная мамалыга, быстро нагрѣвалась и также быстро остывала. Для нашей пищи требовались дрова, а достать ихъ негдѣ, поэтому поневолѣ приходилось на первыхъ порахъ ходить за двѣ версты обѣдать во Фратешти, гдѣ въ балаганахъ, биткомъ всегда набитыхъ проѣзжавшими офицерами, подъ громкими именами французскаго и нѣмецкаго рестораноувъ, кормили отвратительно. Денщикъ моего сожителя зналъ нѣсколько кулинарное искусство; условился платить я ему по 15 к. звонкихъ, но не за это, а за искусство добывать обрубки и щепу подлѣ поляковскихъ построекъ, что не всегда было легко, и варили мы обѣдъ дома. А госпиталь все не открывается и скорый конецъ постройкамъ не предвидится.

До конца ноября стояла прелестная осенняя погода: любо было, вставши рано утромъ и напившись чаю, выйти на дворъ и послушать сердитую канонаду изъ Журжева и такую же отвѣтную изъ Рушукъ. Приятно было каждый день ходить во Фратешти по твердой, черной и блестящей, какъ застывшій деготь, дорогѣ для свиданія съ сослуживцами и, кстати, за провизіею. Но вотъ начало моросить, пошли мелкіе дожди, почву сильно намочило, вышла какая-то густая замазка, и сколько ни пропитывай сапоги жиромъ, пристааетъ, такъ что на ногахъ несешь, бывало, добрый пудъ грязи. Наконецъ, съ первыхъ чиселъ декабря начались легкіе морозцы, и въ русскій Николинъ день повалилъ настоящій русскій снѣгъ, а на другой день вьюга и морозъ. Тутъ нашъ денщикъ съ своимъ искусствомъ—насъ: дровишки и щепу замело — и мы здорово мерзнемъ и голодаемъ. Но вышла случайно для меня хорошая комбинація обстоятельствъ: моего сожителя командировали на санитарный пунктъ въ Путенеи, но въ это же время одного изъ товарищей, жившаго съ двумя другими въ обширной и сухой землянкѣ, которую я самъ посовѣтовалъ прожечь кукурузною соломой при устройствѣ ея, — на одинъ изъ 9-ти санитарныхъ побѣдовъ: я обрадовался открывшейся вакансіи въ землянкѣ и тотчасъ же туда переехалъ. Какая прелесть постлѣ сырой и холодной румынской мазанки! Тепло и сухо, и тамъ встрѣтили мы новый 1878-й годъ, когда было —28°R., не чувствуя холода. Румыны испытали тогда настоящую русскую зиму.

Что же, спрашивается, дѣлали мы? Да переливали, просто, изъ пустаго въ порожнее: собирались въ госпитальный комитетъ по време-

намъ, рѣшали кой-какіе хозяйственные и нехозяйственные вопросы, слѣдили за доброкачественностью пищи команды, которую вздумалъ было обижать плутоватый и жадный смотритель; пришлось разобрать мнѣ дѣло о проворовавшемся старшемъ фельдшерѣ; остальное время все баклушничали, собирались больше поболтать и поговорить о прошломъ и настоящемъ. Дружба завязалась тѣсная, и душою общества былъ Ѳ. Г. Голубевъ. Вдругъ, кажется, въ первыхъ числахъ января, въ отдѣленные уже поляковскіе бараки, но по приказанію свыше перебирается 75-й госпиталь, а о 13-мъ нѣтъ никакихъ распоряженій; велѣно только ординаторамъ, остающимся безъ дѣла, помогать эвакуационной комиссіи сортировать больныхъ турокъ, которыхъ тогда массами гнали изъ-подъ Плевны и изъ-за Балканъ. Сколько сценъ и картинъ гибели рода человѣческаго пришлось тогда видѣть! Замѣчательная у турокъ покорность судьбѣ; идетъ, бывало, партія плѣнныхъ турокъ человѣкъ въ 500 въ трескучій морозъ; народъ все рослый и породистый, плохо одѣты, мерзнуть, но передовые все-таки, хоть заунывно, но поютъ; сбоку трясется плюгавенькій румынишка, съ ружьемъ; кажется, всѣ здоровы и бодры. Но вотъ партія остановилась на привалѣ, два-три человѣка тутъ же на мѣстѣ умираютъ, а 15—20 нужно отправить въ госпиталь. Тамъ всѣ шатры биткомъ были набиты: вмѣсто 30-ти помѣщали въ одинъ шатеръ 50, и прямо на соломѣ. Обязанность наша состояла въ томъ, чтобы выбирать больныхъ, годныхъ для дальнѣйшаго слѣдованія на санитарныхъ поѣздахъ, безнадежныхъ же оставлять на мѣстѣ; конечно, и тѣмъ и другимъ должна была быть подана медицинская помощь. Обыкновенно мы являлись утромъ въ эвакуационную комиссію, гдѣ намъ назначили № шатра, давали записную книжку и прикомандировывали фельдшера и сестру милосердія, снабженныхъ необходимыми средствами. Первый разъ я заблудился между шатрами и, вмѣсто 11-го, попалъ въ 10 №. Боже мой! цѣлая груда мертвыхъ и мерзлыхъ турокъ подъ самый конекъ, въ различныхъ исковерканныхъ позахъ и съ исковерканными фізіономіями. Фельдшеръ мнѣ объяснилъ, что это мертвецкая и что столько набралось только за одну ночь, что каждый день высылаются цѣлый баталіонъ рыть общую могилу, въ которую вся эта груда вечеромъ и сваливается. Непривлекательна, конечно, была картина и въ шатрѣ больныхъ: лежали и сидѣли какъ попало; головы умирающихъ и слабыхъ лежали, вмѣсто подушекъ, на туловищахъ или бедрахъ сосѣдей, кругомъ стонъ, но какой-то сдержанный и тихій; съ трудомъ можно было пробираться среди этого стонущаго табора, чтобы напоить слабыхъ и записать болѣе или менѣе крѣпкихъ.

Послѣдніе, наконецъ, вывели меня изъ терпѣнія, дергая за полы полушубка, со словами: «капитанъ, капитанъ», и требуя большей пор-

цім вина, такъ что я начиналъ на нихъ покрикивать. Возился часа полтора въ этой юдоли плача и страданій, и вздохнулъ широкою грудью, выльзши изъ шатра. На другой, на третій день присмотрѣлся къ этимъ картинамъ, и—мало равнодушіе, а какое-то ожесточеніе явилось въ душѣ, а къ кому и за что—самъ не могъ дать себѣ отчета.

За это время нашъ главный врачъ получилъ телеграмму отъ леваго военно-медицинскаго инспектора, тайн. сов. Василія Ивановича Приселкова, съ предложеніемъ занять мѣсто главнаго врача въ какомъ-то госпиталѣ, не помню, подѣ Балканами, на чтѣ К. О. Ильницкій, посовѣтовавшись только съ Голубевымъ, отвѣчалъ, что старь, походовъ не перенесетъ и желалъ бы остаться. На это инспекторъ телеграфировалъ въ медицинское управленіе въ тылу арміи, чтобы прислали изъ Яссъ А. Θ. Семенова, который былъ тамъ при одномъ изъ госпиталей, въ качествѣ хирурга, и все это совершилось въ одинъ день. На другой день рассказала Ильницкій всю эту исторію своему товарищу, вышеупомянутому начальнику эвакуаціи. «Чудакъ ты, говорить послѣдній,—я тамъ былъ, тамъ прелестная и здоровая мѣстность; ты сдѣлалъ большую глупость: вѣдь, здѣсь ты не останешься, войска двинутся дальше и госпиталь передвинутъ, а тамъ войска и ты были бы на мѣстѣ. Посылай сейчасъ телеграммы въ оба управленія, что ѣдешь». — «Да не ловко, откажутъ». — «Дѣлай по-моему, тебѣ говорятъ, и завтра же уѣзжай, вѣдь здѣсь ты сгниешь въ этой грязи». Жаль было намъ разставаться съ нашимъ добрымъ и умнымъ начальникомъ-товарищемъ, да что жъ дѣлать. Вскорѣ я утѣшился хоть тѣмъ, что командировали меня на санитарный поѣздъ № 9-й, гдѣ давались суточные и квартирныя, а кормили даромъ, да еще поили царскимъ виномъ изъ Ливадіи, а дѣла почти никакого: при пяти сестрахъ и одномъ фельдшерѣ—только наблюдай, подавай совѣтъ, да веди отчетность. Сдѣлалъ я одинъ курсъ до Яссъ, воротился во Фратешти. Нашъ госпиталь во главѣ съ Голубевымъ собирается, по назначенію свыше, въ Зимницу. На санитарный мой поѣздъ предназначается другой ординаторъ изъ нашего же госпиталя, но меня не откомандировываютъ, а предлагаютъ ѣхать съ больными въ Яссы вмѣстѣ поруководить вновь назначеннаго; но товарища я привезъ въ Яссы больнаго и сдалъ въ эвакуаціонный баракъ; попотчивали его турки тифомъ. Пока я воротился во Фратешти, получена была телеграмма, что онъ лежитъ въ госпиталѣ и плохъ; зная его какъ семейнаго человѣка, я попросилъ меня не откомандировывать и позволить сдѣлать третій курсъ провѣдать больнаго. Въ Яссахъ засталъ больнаго почти въ безсознательномъ состояніи, еле досталъ ему винограду (какъ ни странно это для страны виноградной, но этотъ фруктъ такъ пріѣлся, что на зиму не сохраняютъ), зная, что онъ мнѣ былъ очень полезенъ въ сыпномъ тифѣ, и

сѣлъ на поѣздъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что больше съ нимъ не увижусь.

Въ Букарестѣ долгая остановка; зашелъ въ гостиницу пообѣдать; встрѣчаю комиссара своего госпиталя, который пріѣхалъ за жалованьемъ изъ Зимницы. «Ну, говоритъ, какой же у насъ бѣдовый главный врачъ теперь, да какой злой—всѣхъ загонялъ. О л е н е в ѣ (изъ уяздовскихъ ординаторовъ, слабогрудый, былъ въ 13-мъ госпиталѣ секретаремъ) уже слегъ, замучилъ». — «Какъ фамилія?» — «Семеновъ, Александръ Ѳедоровичъ». Какой, думаю себѣ, Семеновъ. «Какого онъ роста, опишите мнѣ его». — «Высокаго роста, съ завязаннымъ слѣпымъ правымъ глазомъ». — «А, знаю; ну, отъ этого добра ждать нечего. Жаль, жаль Ильницкаго». Взгрустнулъ я крѣпко потому, что зналъ Семенова еще въ студенчествѣ, а затѣмъ когда держалъ докторскій экзаменъ, встрѣчалъ его въ клиникѣ Юнге, гдѣ онъ лѣчился отъ трахомы праваго глаза; взгрустнулъ потому, что мнѣ предстояло быть бѣльмомъ на его глазу. Но прежде чѣмъ отзываться о человѣкѣ дурно, особенно о покойникѣ, нужно войти и въ его положеніе. Вѣдь, въ концѣ концовъ, я былъ съ Семеновымъ на службѣ друженъ и искренно вѣрилъ его дружбѣ, послѣ того, какъ однажды онъ, въ припадкѣ откровенности, мнѣ сказалъ: «больше всѣхъ на свѣтѣ ненавидитъ и презираетъ А. Ѳ. Семенова за его мерзкую и злую натуру одинъ человѣкъ—это самъ А. Ѳ. Семеновъ».

Чѣмъ виноватъ человѣкъ, если зло и безнравственность могутъ быть унаслѣдованы, если въ семьѣ его былъ какой-нибудь нравственный неладъ, а Богъ далъ способности, живую натуру и жажду дѣятельности? Такого человѣка образованіе не упорядочитъ, такой человѣкъ, если вамъ не напакаститъ, то извѣстъ, изгрызетъ вашу душу, такой человѣкъ, къ сожалѣнію, не остановится ни предъ какимъ безнравственнымъ поступкомъ.

Спросять, можетъ быть, какъ Семеновъ попалъ къ намъ въ госпиталь? Ильницкій поѣхалъ, куда направилъ его товарищъ Г., и засталъ тамъ полеваго военно-медицинскаго инспектора В. И. Приселкова, который однакоже послѣдней телеграммы не получилъ, и является ему. «Да вы же отказались, говорить; зачѣмъ же пріѣхали? Я назначилъ уже другаго». — «А развѣ ваше превосходительство моею второй телеграммы не получили?» — «Нѣтъ, не получалъ». — «Я телеграфировалъ, что ѣду». — «А теперь, пожалуй, придется ѣхать назадъ. Во всякомъ случаѣ, посидите, поговоримъ». Слово за словомъ, бесѣда продолжается больше часу и оканчивается слѣдующими словами начальника, умѣющаго различать и цѣнить людей. «А знаете, оставайтесь вы главнымъ врачомъ здѣсь, а Семеновъ если и пріѣдетъ, то пусть ѣдетъ назадъ въ 13-ый госпиталь. Я вамъ дамъ сейчасъ предписаніе, а ему пошлю те

леграмму». Семеновъ былъ уже въ дорогѣ, и потому прѣхалъ, куда ѣхалъ, такъ что сошлись два главныхъ врача, но долженъ былъ воротиться въ Зимницу, а Ильницкій остался и за свою полезную дѣятельность заслужилъ дѣйствительнаго и Владимира на шею. Прѣхалъ я во Фратешти и узналъ, что N. умеръ. Тогда я испросилъ отъ завѣдывающаго эвакуаціонной комиссіей врача Виноградова свидѣтельство о томъ, что покойникъ заразился тифомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, для представленія главному врачу своего госпиталя, и потянулся съ какимъ-то обратнымъ интендантскимъ транспортомъ въ Зимницу.

Прѣхалъ я 19-го февраля, въ тихій вечеръ, какъ разъ въ то время, когда на другомъ берегу Дуная въ Систовѣ зажжена была иллюминація и раздавались выстрѣлы изъ орудій по случаю заключенія перемирія. На другой день явился къ главному врачу; обхожденіе какъ будто мягкое, но я постарался быть сдержаннымъ. Помѣститься пришлось въ заднемъ отдѣленіи аптечнаго шатра, который былъ разгороженъ пополамъ поставленными торчмя укупорочными ящиками, со вдѣланными въ нихъ полками для медикаментовъ. Въ первый же день, сидя за импровизованными шкафами, я имѣлъ удовольствіе послушаться всласть дерзкихъ придирокъ главнаго врача къ управляющему аптекой, который былъ рѣчистъ и спуску не давалъ, на самомъ же дѣлѣ былъ чувствительной души, и всякія подозрѣнія въ недобросовѣстномъ отпускѣ или приготовленіи средствъ его сильно волновали. Помощники его—рецептаріусъ и бухгалтеръ были вновь испеченные аптекаря, запутывали только дѣло и отчетность, приходилось дѣлать все самому, работы по уши, а тутъ постоянныя придирки. Какъ ни старался избѣгать столкновеній съ принципаломъ, но дружба ли съ управляющимъ или старое знакомство сдѣлало то, что и я сталъ мишенью для его насмѣшекъ и придирокъ: и то не такъ, и другое безсмыслица, и третье не имѣетъ резона. Съ Голубевымъ онъ постоянно былъ въ компаніи. солидный умъ и развитость, знаніе дѣла послѣдняго были принципалу даже нужны, потому что у самого было начитанности много, но какая-то шумиха въ головѣ. Не мало также имѣло значеніе и то, что Голубевъ имѣлъ внушительную фізіономію и держалъ себя безупречно, нашъ же братъ любилъ иногда отъ тоски и подурачиться — народъ уже такой. Хотя работы было много: утромъ уже на службѣ часовъ по крайней мѣрѣ въ 7, до 12 едва управишься, надо же выпить, поѣсть и отдохнуть, а тутъ иногда и этого не давали. А я привыкъ всю мою жизнь пить голый чай въ прикуску и безъ булокъ, не ѣсть ничего до обѣда и, разумѣется, ѣлъ поэтому не мало, такъ что отдыхъ послѣобѣденный мнѣ былъ нуженъ.

Всѣми мѣрами я старался защищать свои привычки и потому куда-

нибудь изъ госпиталя забирался спать, что, разумѣется, не нравилось, когда меня нигдѣ нельзя было найти, хотя въ 6 ч. я аккуратно приходилъ на службу. Тогда уже въ полномъ разгарѣ были страданія человѣческія послѣ зимы,—сыпные тифы, послѣ всевозможныхъ осложненій маляріей и при истощеніи, послѣ зимы оканчивались зачастую смертвѣніемъ ноги, такъ что разныя ампутаціи по способу Лисфранка или Шопара можно было производить не ножомъ, а ножницами. Дизентеріи были неудержимыя, но къ счастью почему-то катарральныя, а не дифтеритическія. Больныхъ была масса, научныя наблюденія могли быть только насчетъ слезъ и стоновъ людскихъ, а углубляться было некогда.

Не желая долго видѣть меня подлѣ себя, главный врачъ послалъ меня съ транспортомъ больныхъ въ эвакуацію во Фратешти; повезъ я человекъ 200 съ однимъ фельдшеромъ, который былъ снабженъ клочкомъ ваты, да аршиномъ, двумя марли. Дорогой остановки никакой до самаго перваго санитарнаго пункта Альтернаца; полюбовался я въ сласть по топкой и грязной дорогѣ, какъ мучились лошади, какъ падали онѣ тутъ или ломали ноги, какъ ихъ просто отводили въ сторону и истинные и усердные румынскіе санитары-собаки, изглодавшія уже давно павшую лошадь, терпѣливо дожидались, оббѣвъ кругомъ, пока еще и живая не упадетъ отъ холоду и голоду.

Первая станція была въ Альтернацѣ, гдѣ было 7 сестеръ, которыя, встрѣтивъ транспортъ, тотчасъ, подъ предводительствомъ врача и съ санитарями-носильщиками, принялись выгружать изъ каруцъ моихъ больныхъ и перевязывать. А мнѣ что дѣлать? Зашелъ я въ длинный и узкій баракъ, поглядѣлъ, что тамъ и безъ меня дѣло будетъ сдѣлано, и ушелъ въ помещеніе Краснаго Креста отдохнуть, такъ какъ былъ истомленъ и разбитъ дорогою. Тамъ уже былъ приготовленъ завтракъ для жданныхъ гостей, которымъ я и занялся въ ожиданіи трудящихся. Долго я ждалъ, вдругъ вбѣгаетъ сестра и приглашаетъ полюбоваться, какъ у одного турка полусубокъ шевелится. Что-за диво. Дѣйствительно, на нарахъ въ сторонѣ отъ больнаго лежитъ шерстью вверхъ подушубокъ, а на больномъ уже надѣтъ выданный Крестомъ новый; каждая же волосинка стараго приводится въ движеніе бѣлыми плотными насѣкомыми, которыхъ сестры остроумно называли блондинками. На туркѣ блондинки были вездѣ, даже въ бровяхъ, такъ что противно было глядѣть. Но съ ними знакома была во время войны вся армія наша, не исключая даже генераловъ, и я объясняю это недостаткомъ бань; чистое бѣлье не спасало, по крайней мѣрѣ, меня отъ нихъ, и это, по-моему, потому, что отъ истощенія кожа всегда суха, шелушится—не гладкая и тамъ они кладутъ свои яички, если она не смывается въ чистой банѣ. Лѣтомъ они пропадали.

Переночевавъ въ Альтернацѣ, послѣ чаю началась нагрузка больныхъ въ каруцы, при которой моя обязанность была осмотрѣть каждого и принять только годныхъ къ дальнѣйшему слѣдованію; приняты пока были всѣ. Дальнѣйшая дорога была до Путиinei — станція еще хуже и тяжелѣе первой; пріѣхали къ санитарному пункту вечеромъ. Тянулись на встрѣчу молодые солдаты, на пополненіе рядовъ арміи, въ безпорядкѣ, измученные, усталые и утоляли жажду навозною жижею изъ лужъ по дорогѣ. Избави, Господь, видѣть доброму человѣку ужасы войны! Въ Путинеяхъ тоже отдыхъ, и ужинъ былъ приличный съ царскимъ виномъ, которое сестры не пѣнили и проквасили. На другой день—сортировка больныхъ, которыхъ санитары подносили на носилкахъ къ каруцамъ. Несутъ, послѣ десятка здоровыхъ, одного—зѣваетъ въ агоніи—«этого—вонъ», черезъ нѣсколько времени еще такого же, и «этого прочь». Затѣмъ еще и еще, и такихъ нашлось изъ всѣхъ партій послѣ двухъ станцій дороги—человѣкъ пять. Сидѣвшій тутъ на лошади, партіонный начальникъ, молодой кавалеристъ, видя, какъ я хладнокровно распоряжаюсь замѣтилъ шутя: «Ну, что; если бы тутъ былъ какой-нибудь корреспондентъ газеты? вотъ бы отпечаталъ». «Ничего, отвѣчаю, на всѣ нѣжности души не разорвать, приглядѣлись, остервенѣли, à la guerre comme à la guerre». Во Фратештахъ слава Богу; всѣхъ сдать живыхъ, но привезъ нѣсколько отставшихъ и валявшихся по дорогѣ молодыхъ солдатиковъ, не зная распоряженія по арміи—подвозить впередъ, а не назадъ, за чтó меня распекли.

Воротился назадъ въ Зимницу,—тѣ же дразги, тѣ же ежедневные попреки и остроты. А тутъ работы по уши: изъ-за Дуная везутъ намъ тяжелыхъ раненыхъ, а ближайшія войска повально захварываютъ злымъ сыпнымъ тифомъ и дизентеріею—на ординатора приходится больныхъ минимумъ человѣкъ 200. Ко всему этому для моего катаррального испорченнаго еще въ студенчествѣ желудка и ѣсть нечего; при недостаткѣ даже хорошаго обонянія, я все-таки чувствую порченный продуктъ въ лицѣ, и мой вкусъ меня никогда не обманываетъ. Зайдешь бывало въ одну землянку-ресторанъ, заплатишь 3 франка—дрянь, пойдешь въ другую—то же, нечего дѣлать — достанешь гдѣ-нибудь пять, шесть свѣжихъ яицъ или солдатскихъ щей, да тѣмъ и удовлетворишься.

Хорошихъ помощниковъ и помощницъ не было: первая партія сестеръ была изъ какой-то Московской общины—подборъ мало интеллигентный,—хорошо, что скоро ихъ у насъ главноуправляющій Краснымъ Крестомъ въ тылу арміи куда-то убралъ. Для насъ готовились поляковскіе бараки въ полѣ, поодаль отъ Зимницы, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія работы, такъ какъ сильные морозы и вѣтры намъ уже надоѣли. Главный врачъ для себя строилъ,—конечно, не на свой счетъ,—отдѣль-

*

ный баракъ съ канцеляріею; для сестеръ въ 3 келіи строился по близости другой. Въ началѣ марта стало какъ будто теплѣе, но вѣтры не прекращались, такъ какъ восточная часть Румыніи, гдѣ стояли русскія войска, не защищена горами ни съ сѣвера, ни съ юга и по ней преспокойно гуляютъ и русскій Борей, и черноморскій Эоль. Последній въ одну изъ ночей сильно насъ напугалъ: съ вечера былъ вѣтеръ, но довольно сносный, съ полночи уже поднялся такой ураганъ, что затрещали всѣ шатры, темень страшная, на дворъ носу не высунешь, Богъ тамъ знаетъ что дѣлается съ больными, но благодареніе Ему, что нашъ аптечный шатеръ выдерживаетъ. Не смыкая глазъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ разсвѣта. Подъ утро стало тихо, выползаемъ изъ шатра и, о, ужась! госпиталя не существуетъ, уплѣлъ только аптечный шатеръ, да еще одинъ; малыя палатки тоже остались цѣлы; изъ остальныхъ же 18 шатровъ—5 повалило на землю, прочіе же превратились въ флюгера, т. е. по причинѣ гнилости холста—ураганомъ вырваны полосы между натянутыми веревками; повѣрить ли этому читатель? Слабые больные остались или подъ открытымъ небомъ, или подъ полотнищами, а кто только могъ—удралъ въ близъ стоящую деревню Зимница. Вскорѣ налетѣло начальство,—что дѣлать? Сейчасъ за подводами, везти больныхъ хоть и въ не совсѣмъ оконченные бараки. Ордinatoры съ прислугою принялись отыскивать своихъ пациентовъ. «Живы ли вы тутъ? Отзывайся». «Живы, ваше высокоблагородіе, только ослобоните!», кричитъ нѣсколько голосовъ изъ-подъ полотнища. И дѣйствительно, слава Богу, что еще никого подпорами не придавило.

Въ баракахъ началась новая жизнь и сценки. По приказу главнаго врача, мнѣ предназначалось помѣщеніе въ баракъ съ сестрами; всѣ остальные размѣстились въ Зимницѣ. Я понялъ, что ему захотѣлось имѣть надъ мною постоянный надзоръ: мнѣ, кромѣ того, поставлено въ обязанность быть постояннымъ помощникомъ дежурнаго, и тѣмъ имѣлось въ виду препятствовать моимъ послѣобѣденнымъ отлучкамъ. Но нѣтъ худа безъ добра, и не быть бы счастью, да несчастье помогло. Слегъ и другой секретарь отъ трудовъ и хлопотъ въ возвратной горячкѣ, младшій ординаторъ тоже; прикомандировали чужаго, котораго главный врачъ приблизилъ къ себѣ по пословицѣ: «рыбакъ рыбака видитъ изъ далека». Присмотрѣвшись къ нему и однажды у него вкусно пообѣдавъ, конечно, не даромъ, я нашелъ въ немъ все, что мнѣ было нужно: умѣнье достать свѣжій продуктъ, распорядиться хорошо хозяйствомъ, маленькую жадность, умѣнье обойти начальство, да, пожалуй, и незлобивое сердце. Его-то я упросилъ взять меня къ себѣ на столъ, такъ какъ онъ жилъ ближе всѣхъ отъ бараконъ въ Зимницѣ, за условленную плату. Поставивъ, такимъ образомъ, себя подъ контроль пріятеля, я былъ, по крайней

мѣрѣ, и сытъ и не тревожимъ послѣ обѣда, такъ какъ тутъ же у него и спалъ на носилкахъ, и, напившись чаю, даже съ хорошимъ морсомъ, отправлялся на вечернія занятія. Жутко только было въ дни дежурствъ, но тогда, бывало, съѣшь пробную порцію или накормятъ сестры. Кстати о нихъ, какъ ближайшихъ сосѣдкахъ: это были изъ Сабининской общины, совсѣмъ другаго покроя и подбора. Всѣ ординаторы относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и съ удовольствіемъ проводили съ ними свободное время. Послѣ прекрасныхъ майскихъ дней, такъ что появились уже цвѣты на полѣ, подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, а на другой день такой снѣгъ и метель, что сугробы были выше роста человѣческаго. Кухню, вырытую въ землѣ подъ навѣсомъ,—замело, пища сварить нельзя, воды изъ Дуная, который всего въ полуверстѣ, не подвезти — саней нѣтъ, а румыны не дадутъ и за деньги; значить, ни пить, ни ѣсть 700 тифознымъ больнымъ нечего. Кто посильнѣе, тотъ спустится съ лѣсенки, скатаетъ комочекъ снѣгу, самъ полижетъ, да и товарища попотчуетъ. Сестры съ утра до ночи ставили самовары и растаивали въ нихъ снѣгъ и, затѣмъ, кипятили воду для чаю. Но таскать самовары въ палаты было некому, такъ какъ на бѣду на лицо тогда было всего пять служителей, остальные—въ тифѣ, да и кто былъ на ногахъ—едва держался. Приходилось самимъ сестрамъ, въ большихъ сапогахъ и поднявши подолъ, пробираться попарно черезъ сугробы снѣгу, держа за ручки самоваръ. Три дня продолжалась для нихъ такая каторга, помогалъ и я имъ ставить самовары и таскать кипятокъ, но едва-ли много помогъ. Одна польза была отъ этого снѣга: одинъ изъ врачей догадался вырыть большую квадратную яму, собственными руками набить ее утоптаннымъ снѣгомъ и покрыть цыновками для защиты отъ знойныхъ солнечныхъ лучей, которые не замедлили снова показаться. Пригодился импровизованный ледникъ, потому что сестры черезъ недѣлю всѣ до одной слегли въ тифѣ, ледъ, успѣвшій образоваться, можетъ быть, спасъ всѣхъ ихъ отъ смерти. Поправились сестры, благодаря уходу Голубева и вышеупомянутаго врача, скоро, кромѣ одной, которая лежала, какъ пласть, и ее надо было кормить и поить, и поворачивать въ кровати, не говоря о всемъ прочемъ.

Я по-прежнему остаюсь въ опалѣ больше другихъ, даютъ мнѣ, напр., тяжелое порученіе привести въ порядокъ аптеку, которая, по случаю болѣзни аптекарей, страшно была запущена. Нужно было провѣрить расходъ всѣхъ медикаментовъ: извольте перебирать всѣ рецепты, которыхъ были тысячи, и дѣлать выборку. Хорошо, что новый управляющій былъ трудолюбивый и, сидя съ нимъ безвыходно въ аптекѣ, въ теченіе двухъ недѣль, мы кончили дѣло; или, напр., было такое порученіе: получена была телеграмма изъ-за Дуная, чтобы ожидать большую

партію турокъ для эвакуаціи. Помѣщенія въ госпиталь нѣтъ, Семеновъ мнѣ и смотрителю даетъ предписаніе—разбить шатры. Служителей нѣтъ—больные; бери людей, гдѣ хочешь. Отнеслись къ коменданту съ просьбою прислать 40 человекъ рабочихъ—прислали 8, потому что и тамъ люди болѣютъ и мрутъ, какъ мухи. Принялись мы за дѣло съ 6-ти часовъ утра и успѣли поставить всего два шатра, а надо 10 къ 12 часамъ, когда ожидались турки. Наѣзжаетъ изъ Зимницы Семеновъ, такъ какъ онъ еще жилъ тамъ, потому что баракъ его былъ еще не достроенъ,—разноситъ чуть не послѣдними словами, несмотря на то, что указываешь на количество людей. Приѣзжаютъ и турки, которыхъ мы и помѣстили сколько возможно въ поставленныхъ двухъ шатрахъ. Продолжаемъ работу дальше, но Господь Богъ разрѣшилъ наши препирательства. Вижу я, что на югѣ надъ Дунаемъ поднимается и быстро растетъ какъ будто столбъ пыли, а у насъ совсѣмъ тихо, указываю это ругающемуся Семенову, спрашиваю кучера-венгерца, который умѣлъ говорить по-польски, и не успѣли мы переговориться, какъ вдругъ налетаетъ на насъ сильнѣйшій ураганъ съ дождемъ. «Держи, держи», кричитъ Семеновъ. Мимо проходило 8—10 человекъ артиллеристовъ, получившихъ въ ближайшей деревушкѣ хлѣбъ—и тѣхъ попросили; держимся всѣ за веревки; не тутъ-то было, еще одинъ быстрый и сильнѣйшій порывъ урагана—подставки всѣ пополамъ, и шатры на землѣ. Хорошо еще, что турки, знакомые съ подобными явленіями природы, успѣли повывскакивать. «Ну, теперь вопросъ о шатрахъ ковчегъ», заключилъ принципалъ. Ураганъ продолжался не болѣе 2—3 минутъ, послѣ этого опять стало тихо; турками биткомъ набили одинъ изъ бараконъ; выведши отсюда своихъ больныхъ, успокоенный Семеновъ отправился домой. Такъ въ постоянныхъ дрязгахъ и непріятностяхъ прошло мѣсяца два слишкомъ, но я, въ надеждѣ на милость Божію, да на молитвы моей жены и дѣтей, переносилъ все терпѣливо. По госпитальному уставу, членомъ госпитальнаго комитета долженъ былъ быть каждый изъ старшихъ ординаторовъ помѣсячно, но Семеновъ меня не назначаетъ, а мнѣ-то и на руку—меньше столкновеній. Но вдругъ вѣтеръ перемѣняется, кажется, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, и съ этого времени начинается вторая половина моего разсказа. Однажды утромъ зоветъ меня Семеновъ къ себѣ,—сначала сдержанъ, затѣмъ становится все мягче и мягче и, наконецъ, необыкновенно любезенъ со мною,—что-за диво? Поговоривъ довольно долго о какихъ-то дѣлахъ, на прощанье объявляетъ, что завтра будетъ отданъ приказъ, чтобы не Голубевъ, а я былъ членомъ госпитальнаго комитета и, не выдержавъ себя, начинаетъ въ общихъ, непонятныхъ для меня, выраженіяхъ рѣзко бранить Голубева. Опять задача. Вѣроятно, послѣдній задѣлъ его самолюбіе и растревожилъ подозрительную душу принципала. Прихожу въ свой баракъ; Голубевъ, ничего не подозрѣ-

вая, весело болтаетъ съ сестрами послѣ визитаціи; вызываю его въ свою комнату: «чѣмъ это вы, Ѳ. Г., разобидѣли нашего-то главнога, что онъ на васъ изливаетъ весь свой гнѣвъ? Вѣдь вѣтеръ рѣзко перемѣнился, и завтра не вы, а я—уже членъ комитета». — «Право, не знаю... можетъ быть, лишнее что-нибудь и сказали!» — «Да припомните, не было ли чего въ засѣданіи комитета?» — «Кажется, ничего... Ахъ, да! онъ предложилъ подписать бумагу, а дѣло по-моему не совѣмъ чистое; конечно, я вамъ не скажу, потому что сплетничать не умѣю; говорю ему, что я не согласенъ и подписать не могу». — «Вы должны подписать, я приказываю». — «Приказывать вы не можете, говорю, потому что я здѣсь такой же членъ, какъ и вы». — «Вы забываете, что я предсѣдатель и главный врачъ». — «Что же изъ этого? Вы главный врачъ сегодня, а я, можетъ быть, завтра». — «Такъ!—говорю я,—ну, такъ теперь знайте, что вы нажили себѣ злѣйшаго врага; такихъ словъ подобнымъ людямъ не говорятъ; онъ теперь въ полномъ убѣжденіи, что вы его соперникъ и подъ него рѣшились подкапываться». — «Но онъ, кажется, считаетъ меня простячкомъ и думаетъ, что я соблажусь его любезностями, «дудки, братъ!» постараемся съ тобой ладить, сумѣемъ тебя обойти, а отъ компаніи не отстанемъ». Повѣсилъ носъ Голубевъ, пропала всякая веселость, загрустила вся наша компанія, когда начались ежедневныя несправедливыя придирки и преслѣдованія.

На счастье Голубева и прочихъ моихъ коллегъ, дѣятельность 13-го госпиталя продолжалась не долго: всѣ войска ушли за Дунай, а въ Зимницѣ, гдѣ оставался одинъ резервный баталіонъ, госпиталей было два; въ ротахъ, вмѣсто двухсотъ, уцѣлѣло только по 14-ти человекъ; остальное количество или перемерло или эвакуировано. Нашъ госпиталь закрываютъ. Голубева съ прочею компаніею откомандировываютъ къ сосѣднему 46-му госпиталю; остаемся только два пріятели: главный врачъ, да я. Не помню сколько, но не долго продолжалось и наше неопредѣленное положеніе: получена телеграмма, что нашъ госпиталь назначается въ Галацъ. Главный врачъ въ восторгѣ, не долго думая сдаетъ мнѣ должность и летитъ въ Галацъ нанимать себѣ квартиру и разбивать шатры, а намъ велитъ собираться ѣхать безъ него. Конечно, онъ завернулъ и въ Букарестъ и, конечно, напѣлъ про Голубева кому слѣдуетъ, но было уже поздно. За это время съ послѣднимъ случилась такая исторія: получаетъ онъ отъ знакомыхъ изъ Вильны телеграмму, что жена при смерти; грустный приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что, несмотря на высочайшій приказъ никого не увольнять въ отпускъ изъ арміи, онъ все-таки поѣдетъ пристроить дѣтей,—благо черезъ границу пропускали и туда и обратно. Во всякомъ случаѣ, взялъ у своего новаго главнога отпускъ въ Букарестъ—не удастся ли отпроситься.

При сей вѣрной оказіи виленскіе сослуживцы надавали ему полу-

имперіаловъ свезти жевамъ, и таковыхъ, вмѣстѣ со своими, набралось полный саквоаяжикъ. Пріѣхалъ онъ въ Букарестъ; окружной инспекторъ былъ боленъ; просится у помощника его въ отпускъ.

— Не только я, отвѣчаетъ ему добрѣйшій Искерскій, но даже главнокомандующій не въ правѣ васъ отпустить.

— Что же мнѣ дѣлать? Я долженъ уѣхать хотя попрощаться съ женою, да пристроить дѣтей.

— А что дѣлать? Знаю я васъ, какъ человѣка честнаго и порядочнаго, слѣдовательно, имѣю право посовѣтовать вамъ ѣхать безъ спросу. Вѣдь черезъ границу пропускаютъ безъ билета, не захотите же вы быть дезертиромъ изъ арміи? похороните жену, пристройте дѣтей или, можетъ быть, жена поправится, пріѣзжайте назадъ туда, гдѣ раскроется вашъ госпиталь; знаю я, что у васъ въ госпиталь товарищество дружное: не преминуть, конечно, товарищи вамъ телеграфировать.

— Эхъ, не хотѣлось бы, ваше пр—ство, назадъ въ госпиталь.

— И это знаю, да что прикажете дѣлать? все на законной почвѣ.

Голубевъ телеграфировалъ намъ, что уѣхалъ, но тутъ исторія вышла съ дорогимъ саквоаяжикомъ. Чудакъ такой, покойникъ. держалъ его при боку, ну и отрѣзали въ Яссахъ, кажется. Онъ къ энергичному коменданту—полетѣли телеграммы по всѣмъ направленіямъ; саквоаяжикъ нашелся у кондуктора въ Галацѣ, только восьми полумперіаловъ не доставало. Долженъ былъ Голубевъ за нимъ ѣхать получить, да имѣлъ неосторожность зайти къ своему сослуживцу по Вильно д-ру Радущневичу. Конечно, слухи распространились между врачами, что былъ Голубевъ, и дошли до Семенова. «Чего ему отъ меня надобно, подумалъ послѣдній, вѣроятно, пріѣзжалъ слѣдить за моими дѣйствіями».

Между тѣмъ, мы помаленьку собрались и еще болѣе помаленьку тянемся воинскимъ поѣздомъ и дотянулись до Букареста. Тутъ намъ сюрпризъ: получаю бумагу изъ управленія, что не въ Галацѣ намъ слѣдуетъ ѣхать, а въ С.-Стефано. Нельзя сказать, чтобы намъ это не понравилось, все-таки на глазахъ у начальства,—меньше ходу главному, хотя и очень жаль Галаца. Тотчасъ телеграфировали Голубеву: «Держи путь въ С.-Стефано и телеграфируй, когда выѣдешь. въ Галацѣ», чрезъ который все-таки намъ приходилось проѣзжать, чтобы быть въ Одессѣ. Въ Галацѣ главный встрѣчаетъ насъ съ радостною вѣстью, что онъ уже разбилъ шатры (а разбилъ онъ ихъ на низменномъ правомъ берегу Дуная, куда ни одинъ человѣкъ носу не показываетъ, чтобы не схватить злой лихорадки), а мы ему въ отвѣтъ показываемъ предписаніе. «Пустяки, говорить, я съѣзжу въ Букарестъ, вы, вѣроятно, еще долго здѣсь простоице, и все передѣлаю. Какъ можно? я столько здѣсь хлопоталъ и квартиру себѣ хорошую здѣсь нанялъ, не жить же намъ все

въ шатрахъ, да въ шатрахъ. Сегодня же вечеромъ ѣду. Но вотъ что, скажите мнѣ, милѣйшій Венедиктъ Дмитріевичъ, спрашиваетъ меня главный, отходя въ сторону, зачѣмъ Голубевъ былъ въ Галацѣ?»

— Нѣтъ, А. Ѡ., онъ въ Зимницѣ; уѣзжая, мы его тамъ оставили; главный врачъ 46-го госпиталя хлопочетъ его оставить у себя.

— Такъ зачѣмъ ему нужно было ѣхать въ Галацѣ?

— Да право же, А. Ѡ., онъ въ Зимницѣ.

— Нѣтъ, онъ былъ здѣсь, повторяетъ главный, стиснувъ кулаки и зубы, онъ, вѣроятно, пріѣзжалъ слѣдить за мною, я ему этого не прошу.

Значить, совѣсть все-таки не чиста.

Быстро черезъ Рени мы пролетѣли по струсберговской новой дорогѣ вдоль Дуная и, о счастье! увидѣли Россію. Поездъ мчался, какъ стрѣла, потому что ѣхалъ съ нами управляющій дорогою, шатало насъ во всѣ стороны, такъ что было страшно; я первый разъ испыталъ скорую американскую ѣзду на поѣздахъ.

Какъ только съѣли на одесскую дорогу, опять поползли черепашинымъ шагомъ. Скучно стало: сдать я свою должность одному, согласившемуся остаться, прикомандированному ординатору (теперь профессору акушерства въ Казани Ф е н о м е н о в у), а самъ, забравши остальныхъ, почтывымъ поѣздомъ полетѣлъ въ Одессу помыться въ банѣ и закупить, что нужно. Но не долго я блаженствовалъ: воинскій поѣздъ прибавилъ ходу и черезъ день былъ уже въ Одессѣ; на пристани уже давно дожидалъ насъ пароходъ. Успѣлъ я только помыться и, оставивъ товарищей въ Одессѣ, поручивъ закупки имъ, въ качествѣ главнаго врача и представителя всего штата врачей, отправился въ море. На рейдъ въ С.-Стефано пришли мы черезъ день, 29-го мая, послѣ сильной качки въ морѣ, утромъ на разсвѣтѣ, въ дождливую погоду, которая помѣшала намъ насладиться прелестями Босфора. Но тутъ бѣда — снимаютъ съ парохода по очереди на плоты, такъ какъ берегъ мелководный. Слѣдовало бы, переѣхавши въ лодкѣ, явиться полевому военно-медицинскому инспектору, да впопыхахъ въ Одессѣ забылъ вынуть изъ чемодана свой мундиръ и шпагу, а чемоданъ заваленъ вещами въ трюмѣ, со мною же только старый сюртукъ и полушубокъ. Повѣрить ли читатель, что 29-го мая подъ Константинополемъ, скучая на палубѣ, я его не снималъ и даже промерзъ. Но сию день, другой—не выгружаютъ. Наконецъ, на третій подъ вечеръ въ сумеркахъ перевезли. «Ну, думаю себѣ, теперь беспокоить начальство поздно, явлюсь завтра; такъ рѣшено было мною съ смотрителемъ въ номерѣ гостиницы, за который заплатили 14 франковъ за сутки. Отъ скуки иду на пристань полюбоваться на Мраморное море и, о радость! встрѣчаю своего сослуживца по гродненскому госпиталю и друга Антона Ивановича Ш м и д т а, котораго теперь проф. Тауберъ въ своихъ «Современ-

ныхъ школахъ хирургіи называетъ талантливымъ хирургомъ и дѣятельность котораго на войнѣ печатно похвалили и Пироговъ. Обрадовался я ему, какъ ангелу-спасителю, особенно узнавши, что онъ состоитъ въ эвакуаціонной комиссіи и постоянно съ инспекторомъ ѣздитъ и ужинаетъ.

— Коли такъ, говорю, то къ вамъ есть покорнѣйшая просьба: заведите сегодня за ужиномъ рѣчь о 13-мъ военномъ госпиталѣ. Обо мнѣ, конечно, вы дурно не отзоветесь, но не знаете ли вы ординатора виленскаго госпиталя Голубева?

— Какъ не знать, его пациенты мнѣ попались въ Гроднѣ и, судя по отзывамъ и рецептамъ, я вывелъ заключеніе, что это дѣльный врачъ. (Къ несчастью, уже покойный, Ант. Ив. Шмидтъ до того былъ популяренъ въ Гродно, что къ нему пациенты ѣздили и изъ Вильны, онъ зарабатывалъ до 9-ти тысячъ практикою въ годъ, но отъ этой практики онъ, обезпечивъ себя имѣньищемъ на родинѣ въ Лифлянді, просто бѣжалъ, чувствуя, что не выдержитъ, и принялся за научныя занятія).

— Мало того, что дѣльный, но это, кромѣ того, высоконравственная личность, а будутъ докладывать про него совершенно другое, такъ пожалуйста предупредите. Еще бѣда въ томъ, что онъ дома въ Вильнѣ, по случаю болѣзни жены, удралъ тайкомъ, но получена мною телеграмма, что онъ уже сюда ѣдетъ, а его самовольную отлучку мы держимъ въ тайнѣ, такъ и вы пока про это молчокъ.

Разсказавъ про наше житье-бытье въ Зимницѣ, я расстался съ Шмидтомъ: пора было ужинать. Переночевавъ въ дурной гостиницѣ, на другой день, помывшись и нарядившись, разузналъ, гдѣ полевой инспекторъ. Со страхомъ и трепетомъ отправляюсь, потому что узналъ въ управленіи, что онъ уже сердится, не видя три дня представителя врачей. Но только подхожу къ подъѣзду, выскакиваетъ оттуда въ шюртукъ Семеновъ.

— Венедиктъ Дмитріевичъ, что это вы надѣлали, какъ это вы до сихъ поръ не являлись?

— Да помилуйте, А. О., мои вещи были въ трюмѣ, три дня насъ не снимали, мундиръ въ чемоданѣ, а я считалъ обязательнымъ явиться въ мундирѣ.

— Какой мундиръ на войнѣ! видите, я въ шюртукъ тутъ, прямо съ парохода. Впрочемъ, не безпокойтесь, я отрекомендовалъ васъ съ отличной стороны, что вы дѣльный врачъ и старательный ординаторъ, что это должно быть какое-нибудь недоразумѣніе и проч. Ну, ужъ что касается... то я про этого пріятеля напѣлъ-съ... ужъ я напѣлъ... будетъ онъ помнить. Да кстати спросить, пріѣхалъ ли онъ и гдѣ онъ?

— Нѣтъ, еще не пріѣхалъ, но я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ, что мы оставили его въ Зимницѣ.

— Вотъ завтра въ 8 часовъ велѣно всѣмъ явиться, а его нѣтъ; что я скажу?

— Да, такъ и скажите, что не знаете, гдѣ онъ.

— Я вполне увѣренъ, что его въ Зимницѣ нѣтъ, такъ и скажу, что его мѣстопробываніе неизвѣстно.

Довольный пріемомъ начальника и тѣмъ, что успѣлъ напѣть про своего подчиненнаго, Семеновъ пригласилъ меня позавтракать въ ресторанъ подѣ липы, гдѣ я постарался отклонить разговоръ о Голубевѣ и казался увлеченнымъ разсказомъ о морскомъ путешествіи, между прочимъ съ жаромъ сообщалъ свое наблюденіе надъ собою, что морская качка у меня вызываетъ не рвоту, а непреодолимый аппетитъ. На самомъ же дѣлѣ, у меня на сердцѣ кошки скребли. «Ты, братъ, напѣлъ на Голубева, а пѣлъ ли что-нибудь А. И. Шмидтъ, думаю себѣ; квартиру его забылъ спросить».

Вечеромъ отъ нечего дѣлать пошелъ въ сосѣдній госпиталь № 71, не помню къ кому-то изъ знакомыхъ, и тамъ, къ своей радости, случайно узнаю, что изъ Адрианополя привезъ офицеровъ въ эвакуацію врачъ Боровковъ и что онъ въ С.-Стефано, гдѣ останавливается у какого-то, не помню, служащаго при штабѣ подполковника. А Боровковъ ни больше, ни меньше—родной братъ жены Голубева, да кромѣ того, 7 лѣтъ служилъ секретаремъ въ Одессѣ у полеваго инспектора. Съ нимъ я держалъ докторскій экзаменъ, сдружился на ты, и такъ онъ мнѣ понравился, что проѣздомъ черезъ Вильну, будучи отпущенъ изъ Петербурга на Пасху въ отпускъ, побывалъ въ семействѣ Голубевыхъ и познакомился съ милою, веселою и симпатичною его женою, которую и моя жена, кромѣ того, знала въ Вильнѣ. Я бросилъ госпиталь и знакомаго, опрометью лечу въ С.-Стефано къ подполковнику, — нѣтъ Боровкова; рыскаю по всему С.-Стефано—нѣтъ, наконецъ-то поймалъ въ балаганчикѣ-ресторанѣ подлѣ итальянской оперы, гдѣ стояло нѣсколько отдѣльных столиковъ. Подхожу, беру за рукавъ накинутого на китель пальто.

— Боровковъ, поди сюда, говорю.

— А, здравствуй!

Разговоръ короткий: «ты, братъ, здѣсь весьма кстати, послѣ разговора, а теперь дѣло вотъ въ чемъ». И разсказываю ему весь ходъ дѣла, заключивъ: «иди сейчасъ къ Приселкову и говори всю правду. Завтра намъ являться, и все можетъ быть потеряно».

Пошли мы, повѣся носъ и распространяясь въ подробностяхъ, къ квартирѣ инспектора.

Долго я ходилъ подлѣ дома, дожидаясь результата и, наконецъ, вижу сияющаго Боровкова.

— Ну, братъ, спасибо тебѣ, все какъ нельзя лучше.

— Ну, такъ разсказывай, какъ было дѣло.

— Вхожу я пасмурный, выходитъ Василій Ивановичъ. «Чѣмъ я обязанъ вашему посѣщенію, говорить ласково,—вѣдь вы уже третій разъ здѣсь, какъ я слыхалъ, а меня, вашего стараго сослуживца, не хотѣли навѣстить; кажется, мы съ вами не ссорились».—«Маленькое семейное дѣло, ваше превосходительство». — «Какое же такое дѣло?»—«Сюда пришелъ 13-й военно-временный госпиталь, въ которомъ старшимъ ординаторомъ служить Голубевъ».—«Ну?» (лицо начальника принимаетъ серьезный и почти грозный видъ).—«Онъ мой шуринь, получилъ въ Зимницѣ телеграмму, что жена опасно больна; проспился въ Букарестѣ въ отпускъ; конечно, не пустили и посовѣтовали съѣздить тайкомъ. Товарищи уже получили телеграмму отъ него, что онъ въ дорогѣ; если ваше превосходительство по закону взглянете на этотъ поступокъ, то дѣти его останутся сиротами и будутъ на моей шеѣ. Я пришелъ просить у васъ милости».

Просіялъ добрѣйшій Василій Ивановичъ.

— Вотъ это мило, вотъ за это вамъ великое спасибо, за это я вамъ очень и очень благодаренъ, а то представьте вы себѣ: съ одной стороны мнѣ говорятъ, что Голубевъ милѣйшая личность и дѣльный врачъ, съ другой же докладываютъ, что онъ пьяница, развратникъ и уѣхалъ въ Россію пьянствовать! Каково мое положеніе!

— Какъ, Ѳ. Голубевъ пьянствуетъ? да помилуйте, я его дразнилъ именовъ красной дѣвушки за то, что въ ротъ хмѣльнаго не беретъ. Развѣ, можетъ быть, теперь служебныя непріятности заставили его топить горе въ винѣ.

— Ну, вотъ видите, какіе разнорѣчивые толки, опять-таки повторяю, что я вамъ очень благодаренъ за то, что вывели меня изъ ложнаго положенія. Не безпокойтесь, будьте увѣрены, что все будетъ хорошо.

Выслушавъ результатъ разговора Боровкова съ инспекторомъ, я опрометью побѣжалъ къ товарищамъ, чтобы сообщить имъ, что дѣльце обдѣлано. Каково-то будетъ завтра представленіе начальству? ночью почти не спится, а вставать надо рано. На другой день выстроились мы въ мундирахъ, кажется, въ количествѣ шести человекъ съ главнымъ на правомъ флангѣ; выходитъ съ милою улыбкою В. И. Приселковъ, поговорилъ сначала съ Семеновымъ, затѣмъ спросилъ меня, по какой причинѣ я не являлся, затѣмъ также разспросилъ остальныхъ, откуда и гдѣ учились, и, наконецъ, становится передъ главнымъ съ вопросительною и испытующею улыбкою и спрашиваетъ его: «Ну, а гдѣ Голубевъ?» Не ожидая такого вопроса послѣ вчерашняго милаго доклада, главный дрожить, сопить и молчить.

— Ну, а гдѣ же Голубевъ? повторяется вопросъ.

— Не знаю, ваше превосходительство, не знаю.

— Не беспокойтесь, А. Э., онъ, должно быть, дорогою захворалъ; онъ скоро будетъ, до свиданія.

Выходитъ нашъ главный впереди всѣхъ, сопить, стыдно въ глаза глядѣть, молчить шаговъ 30 на улицѣ, а мы держимся за животы и рты, чтобы не расхотаться. Наконецъ, разрѣшается: «Что вы со мною дѣлаете, господа?»—«Ничего, А. Э.»—«Что вы меня подводите? Гдѣ Голубевъ?»—«Да, право, не знаемъ, вѣроятно, его превосходительству извѣстно, если онъ такъ увѣренно говорилъ, что онъ будетъ, а мы не знаемъ». И такъ продолжали его мучить до самыхъ шатровъ на полѣ, версты полторы, и только въ шатрѣ разразились смѣхомъ.

Главный не вытерпѣлъ, зоветъ меня и прикомандированнаго врача Маркевича (моршанскій уѣздный врачъ).—«Ну, что, господа, зачѣмъ вы меня мучаете, перестанемъ ссориться, не подводите вы меня такъ, какъ сегодня, молится главный. Гдѣ Голубевъ?». Я былъ такъ нравственно измученъ, что не отвѣчалъ ничего, предоставляя держать рѣчь Маркевичу.—А. Э., намъ дѣлать нечего съ вами, слѣдовательно, и ссоры быть не должно, но если вы будете съ нами такъ поступать, какъ поступали, то мы въ правѣ защищаться. Зачѣмъ вамъ знать, гдѣ Голубевъ, все равно, и если бы его совсѣмъ не было, то, можетъ быть, вы были бы и рады этому. Голубевъ въ Россіи, телеграмма получена нами, что онъ ѣдетъ».—«Такъ отчего же вы мнѣ этого раньше не сказали?»—«Потому что не слѣдовало, вы его сильно преслѣдуете».—«Ну, такъ будемте друзьями, дайте вашу руку, даю слово, что впередъ ничего между нами не будетъ». Только-что мы возвратились въ свой шатеръ, пріѣзжаетъ секретарь В. И. Приеелкова и передаетъ приказаніе, чтобы Голубевъ, какъ только пріѣдетъ, въ чемъ будетъ, сейчасъ же явился къ Василию Ивановичу, не являясь главному. На другой, кажется, день, является и Голубевъ, я ему не далъ и присѣсть, успѣлъ только сказать, что дѣльце обдѣлано въ его пользу, и прямо вытолкалъ его изъ шатра къ Василию Ивановичу. Военный начальникъ его принялъ какъ нельзя лучше, убѣдился, что это дѣйствительно достойный человѣкъ, такъ что у Голубева гора съ плечъ свалилась. Вечеромъ, прохаживаясь по дорогѣ вдвоемъ, главный и Голубевъ болѣе часу заключали мировую, но, увы, не искреннюю. Служили мы главному вѣрно и до того вѣрно, что генераль-адъютантъ Тотлебенъ, обревизовавши госпиталь, пожалъ ему, благодаря, руку. А онъ что дѣлалъ? При каждомъ докладѣ, какъ мнѣ передавали (доклады были часты), все-таки клеветалъ на Голубева, — хорошо, что безъ успѣха. А кто былъ Голубевъ—достаточно привести заключительныя слова изъ рѣчи, сказанной надъ могилою его, вскорѣ умершаго отъ тифа: «Прощай, нашъ милый товарищъ и примѣрный семьянинъ».

Служба наша въ Санъ-Стефано была непродолжительна—отъ начала іюня по начало іюля; трое врачей умерли, остальные больны, не было кому дѣйствовать, только я одинъ держался на ногахъ. Но и этотъ короткий періодъ имѣлъ свою исторію. Задача наша состояла не только въ приемѣ вновь поступающихъ больныхъ, а въ приемѣ перевозимыхъ издалека, назначенныхъ въ эвакуацію, и сортировкѣ ихъ; слабыхъ оставляли лѣчиться или умирать, а могущихъ перенести морскую качку—на пароходъ.

Похоронивъ Голубева, остались мы какъ-будто сиротами. В. И. Приселковъ приказалъ отыскать другое мѣсто для шатровъ, такъ какъ мы стояли на бывшей стоянкѣ гвардейской кавалеріи, и даже лошадиныя кости торчали изъ земли. Поѣхалъ я со смотрителемъ искать этой болѣе здоровой мѣстности; вездѣ загажено. Съ грустью возвращаемся домой, вдоль желѣзной дороги, толкая, что, можетъ быть, и самимъ придется лечь костями.

Только замѣчаю я, подлѣ самаго Санъ-Стефано, сзади дома главнокомандующаго, на берегу Мраморнаго моря, какую-то высокую и жесткую траву, въ ростъ человѣка, какъ она удѣлѣла,—тутъ, должно быть, нога человѣческая не была, и дѣйствительно, на пространствѣ, можетъ быть четверти квадратной версты—часто, кое-гдѣ только пометъ заблудившейся лошади.

Слава тебѣ, Господи, тутъ-то и раскинемся, и видъ на море прелестный. Скосили траву, разбили шатры и зажили на новосельи. Но весь госпитальный штатъ болѣлъ или дизентеріею, или запорами. Уговариваю я завести свою кухню, благо поваръ свободенъ, и жить своимъ хозяйствомъ, такъ какъ обѣды по ресторанамъ, повидимому, вкусныя, навѣрное, обуславливаютъ нашу общую болѣзнь. Блеснула мнѣ счастливая мысль воспользоваться твердою, почти каменною почвою подлѣ Санъ-Стефано и устроить печь. Поѣхали въ Константинополь и купили большую плиту за 30 руб. звонкихъ. Велѣлъ я вырыть четырехугольный ровъ по поясъ человѣку; въ остающемся въ серединѣ кубикѣ земли выдолблена была четырехугольная яма, величиною въ плиту; изъ рва продѣланы были двѣ дыры—спереди для топки и сзади вверхъ для трубы. Огородили досками—великолѣпная печка. За масло, привозимое изъ Одессы въ трюмѣ съ его душкомъ, правда, сливочное, платили 3 франка, картофель тоже по фунтамъ, баснословно дорогой, дрова по пудамъ тоже кусались, говядина черкасская тоже не дешева, свѣжая капуста уже была—денегъ не жалѣли. Зато какъ сваримъ лѣвивыя ши на 8 человѣкъ, полагая на каждого человѣка по фунту мяса—просто объяденіе. Врачъ Маркевичъ оказался зналокомъ кулинарнаго искусства, самъ приготавливалъ зразы съ кашею и разнообразилъ намъ пищу. За ужинъ безъ бутылки портеру не сажались; однимъ словомъ,

угощались на славу, и въ концѣ концовъ, при расчетѣ за мѣсяцъ, на каждый ротъ пришлось по 20 руб., а въ ресторанахъ выходило по 50 руб. Между тѣмъ мы поздоровѣли, скучно только было ничего не дѣлать и дожидаться посадки на пароходъ—ѣхать въ Россію. Сидимъ до конца августа, любуемся на проходящія суда подъ парусами, да на красивый противоположный берегъ Мраморнаго моря.

Кажется, удовольствіе, но какъ проѣдетъ пароходъ, нагруженный солдатками, ѣдущими въ Россію, съ крикомъ «ура!» передъ Санъ-Стефано, такъ сердце и заболитъ. Когда-то мы будемъ кричать «ура!»? Наконецъ, 30-го августа дождались. За ужиномъ пришло приказаніе быть завтра въ 6 часовъ на пристани. Не кончивъ ужина, бросились собираться и собирались всю ночь напролетъ. Только подъ утро, выпивъ изрядное количество, являясь попроститься къ инспектору, я замѣтилъ, что немножко я выпивши. Что значитъ волненіе, хмѣль не беретъ! Направили насъ на Севастополь, гдѣ мы простояли 20 дней, и въ концѣ сентября двинулись дальше. На одной изъ станцій, не помню гдѣ, кажется, въ Курской губерніи, воинскій вагонъ поѣздъ встрѣтился съ пассажирскимъ. Выглядываю изъ окна,—Семеновъ выскакиваетъ изъ вагона и летитъ къ намъ. Выскочилъ и я. «Куда вы, А. Ѳ.» — «Въ Одессу; а вы куда?» — «Ѣдемъ въ Динабургъ расформировываться». — «Я скоро буду». Послѣ мнѣ рассказывали, зачѣмъ онъ ѣздилъ. Приѣзжаетъ онъ въ Одессу, является къ помощнику инспектора Шахтингеру просить протекціи у инспектора оккупаци Ливова, но, на свою бѣду, засталъ у него главноуполномоченнаго Краснаго Креста Юзефовича, которому онъ сильно надоѣлъ своими домогательствами въ Зимницѣ (Юзефовичъ былъ главноуполномоченнымъ на чумѣ, куда и я попалъ послѣ кампаніи). «Какоевъ этотъ человекъ?» спрашиваетъ Шахтингеръ. — «Не похваляю», отвѣчаетъ Юзефовичъ. — «Ну, хорошо, что сказали, такая будетъ и протекція». Телеграмму, однакожь (конечно, на счетъ Семенова), послалъ, но получилъ отвѣтъ: «Передайте Семенову, что климатъ Болгаріи ему вреденъ». Ну, развѣ это не несчастіе быть всѣмъ извѣстнымъ съ такой милой стороны. Какъ разъ, возвращаясь въ Динабургъ, садится Семеновъ въ одинъ вагонъ съ Ильницкимъ, который изъ оккупаци ѣхалъ съ какимъ-то полковникомъ въ отпускъ въ Вильну. Не долго пришлось дожидать. Рѣчь зашла объ idée fixe — о Голубевѣ. Какъ началъ онъ его кастить, какъ началъ онъ его въ грязь мѣшать, такъ сосѣдямъ даже страшно стало. «Да кому вы говорите? вѣдь я былъ старшимъ врачомъ Голубева въ полку, вѣдь я его лучше васъ знаю». — «Что вы знаете, вы ничего не знаете, вы его не раскусили». — «Да пощадили бы вы хоть покойника». — «Что мнѣ за дѣло, что онъ покойникъ, онъ былъ мой врагъ и злодѣй—я это знаю». Слушалъ, слушалъ сосѣдъ-полковникъ, наконецъ

шепчетъ Ильницкому: «Это какой-то чортъ, а не человѣкъ! Сядемъ лучше въ другой вагонъ», и пересѣли на слѣдующей станціи. Ну, скажите, ради Бога, читатель, развѣ это не болѣзнь, развѣ это не психозъ! Не сладка была и дальнѣйшая жизнь Семенова, хотя онъ кончилъ ее въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Какъ вы себѣ хотите, психическая сторона у Семенова была не въ порядкѣ, и, оканчивая свой разсказъ, считаю долгомъ перекреститься и за его грѣшную душу...

В. Д. Подгаецкій.

П И С Ь М А

КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО.

къ

женѣ изѣ Таганрога въ 1825 году.

1.

Таганрогъ, 6-го ноября 1825 г.

(Переводъ съ французскаго). Императоръ прибылъ вчера вечеромъ въ 6 часовъ, вскорѣ послѣ того, какъ я отправилъ мое письмо на почту. Онъ остался весьма доволенъ всѣмъ видѣннымъ и прекрасной погодой, стоявшей все время его поѣздки. Въ послѣдній день, когда государь объѣзжалъ верхомъ южный берегъ, ему пришлось совершить слишкомъ большой переѣздъ и онъ прибылъ на ночлегъ довольно поздно, схвативъ простуду вслѣдствіе свѣжести ночнаго воздуха; такимъ образомъ онъ заболѣлъ лихорадкою, которая и теперь еще не совсѣмъ прошла; поэтому можно судить, что въ тамошнемъ климатѣ весьма легко схватить лихорадку и что климатъ здѣшней мѣстности слѣдуетъ предпочесть въ особенности для императрицы.

Погода стоитъ до сихъ поръ довольно теплая, термометръ показываетъ 10 градусовъ тепла, но послѣдніе дни солнце показывается весьма рѣдко и дуетъ сильный вѣтеръ. Здоровье императрицы вполне удовлетворительно. Она дѣйствительно поправляется. Что же касается лихорадки, которою страдаетъ императоръ, то я полагаю, что она вскорѣ пройдетъ, въ особенности, если онъ побережется первые дни поѣздки.

2.

Отъ 9-го ноября.

Лихорадка, захваченная императоромъ въ Крыму, заставила его провести безвыходно нѣсколько дней въ своей комнатѣ; лѣкарства, данныя ему Вилье, значительно уменьшили припадки, и я надѣюсь, что дня черезъ два или три онъ будетъ въ состояніи выйдти подышать воздухомъ; погода до сихъ поръ стоитъ теплая, недостаетъ только солнца, чтобы было жарко, а у васъ навѣрно уже морозить.

3.

Отъ 12-го ноября.

Завтра будетъ восьмой день, какъ императоръ не выходитъ изъ своей комнаты, по причинѣ лихорадки, захваченной имъ во время путешествія. Такъ какъ онъ не любитъ лѣчиться, то намъ съ трудомъ удается уговорить его принять необходимое лѣкарство. Вилъе просилъ Штофрегена пользоваться больнаго вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ императоръ менѣе споритъ съ Штофрегенемъ. Хотя болѣзнь не представляетъ ничего серьезнаго, тѣмъ не менѣе вы легко поймете, что она не можетъ насъ не тревожить. Я оставляю его какъ можно рѣже и, какъ мнѣ кажется, помогаю врачамъ, такъ какъ онъ слушается меня болѣе остальныхъ и позволяетъ дѣлать все необходимое. Прошлую ночь императоръ спалъ не особенно хорошо, такъ какъ съ нимъ былъ снова небольшой припадокъ лихорадки. Доктора надѣются, что онъ вспотѣетъ, это сейчасъ же облегчило бы его, какъ и въ предыдущіе дни. Такъ какъ ему ничего не даютъ кромѣ бульона, то онъ порядочно ослабъ, но вспотѣвши чувствуетъ всякій разъ новый приливъ силъ, благодарить меня за уходъ и соглашается съ тѣмъ, что лѣкарства помогаютъ ему, но въ сущности всѣ они сводятся на успокоительныя и потогонныя средства.

Здоровье императрицы, благодаря Бога, не дурно, несмотря на тревоженіе, причиненное ей болѣзнію императора. Погода все еще стоитъ теплая, иногда даже показывается солнце, и даже ночи бываютъ довольно теплы. Въ тотъ же день, къ 5 часамъ по полудни, жаръ уменьшился, императоръ заснулъ, вслѣдствіе чего силы его нѣсколько возстановились, но онъ не потѣлъ, а это было бы для него еще болѣе полезно.

4.

Отъ 15-го ноября.

Я не имѣю ни силъ, ни достаточна присутствія духа, чтобы передать вамъ то, что происходитъ во мнѣ. Болѣзнь императора, сдѣлавшаяся послѣдніе дни весьма серьезною и даже опасною, угрожаетъ всѣмъ намъ страшнымъ несчастіемъ. Лихорадка, которую онъ схватилъ во время своей поѣздки въ Крымъ, перешла въ желчную горячку (*fièvre bilieuse inflammatoire*). Въ довершеніе несчастія, онъ сталъ отказываться отъ всякой медицинской помощи послѣ одного приѣма ревеня, показавшагося ему особенно противнымъ. Такъ какъ болѣзнь ухудшилась, то врачи не знали, что предпринять. Я рѣшился посоветовать имъ, какъ христіанинъ, предложить государю причаститься и попросить духовника, чтобы онъ убѣдилъ его не отказываться отъ лѣкарствъ. Я сдѣлалъ имъ это предложеніе въ присутствіи императрицы,

которая сама передала его императору; на что онъ изъявилъ согласіе и приобщился Св. Тайнъ.

Священникъ говорилъ съ нимъ серьезно, послѣ чего императоръ позволилъ поставить себѣ пивки и принялъ всѣ остальные необходимыя лѣкарства, которыя сильно на него подѣйствовали и уменьшили жаръ на нѣсколько часовъ; но затѣмъ жаръ снова возобновился и держится упорно, несмотря на прикладываемые горчичники. Вы хорошо знаете мою привязанность къ императору, поэтому можете судить, въ какомъ состояніи я нахожусь. Я не отхожу отъ него ни днемъ, ни ночью, поэтому я совершенно выбился изъ силъ; да сохранить насъ Господь отъ грозящаго намъ ужаснаго несчастія, ибо Онъ одинъ въ состояніи сдѣлать это! Боже мой! какую тревогу мы испытываемъ!!! Бѣдная императрица, несмотря на свое слабое здоровье, не отходитъ отъ больнаго. Дай Богъ, чтобы у нея хватило силъ перенести грозящее намъ бѣдствіе...

Какія извѣстія придется сообщить вамъ со слѣдующей почтою!..

5.

Отъ 16-го ноября.

Императору становится все хуже и хуже; всѣ необходимыя лѣкарства были прописаны, но они не облегчили болѣзни, которая перешла сегодня по утру въ нервную горячку. Вотъ уже съ часъ, какъ онъ ничего не говоритъ, послѣднія лѣкарства, принятыя имъ, не оказываютъ никакого дѣйствія; поэтому онъ находится въ величайшей опасности. Одно чудо могло бы спасти его, мы даже не смѣемъ болѣе рассчитывать на это. Я нахожусь въ ужасномъ состояніи и до того ослабъ, что съ трудомъ держу въ рукахъ перо; вотъ уже нѣсколько дней, какъ я ничего не ѣмъ и почти не сплю, вслѣдствіе этого, отъ усталости, со мною сдѣлалась лихорадка, совершенно меня изнурившая. Я уповаю на Господа, который дастъ мнѣ, надѣюсь, достаточно силъ перенести страшный ударъ судьбы, ожидающій насъ. Бѣдная императрица, несмотря на свое плохое здоровье, достойна удивленія, да поддержать и сохранить ее Господь.

6.

Отъ 17-го ноября.

Въ 6 часовъ утра императору поставили на спину шпанскую мушку, которая оживила его, и ему стало замѣтно лучше. Мы надѣемся, что онъ проведетъ ночь спокойно. Сегодня по утру императоръ узнавалъ всѣхъ, каждому милостиво улыбался, даже разговаривалъ довольно твердымъ голосомъ съ императрицей, которая не покидаетъ его; благодаря Бога, силы еще не оставляютъ ее. Успокоительныя лѣкарства, принятыя мною, придали мнѣ новыя силы, чтобы ухаживать по-прежнему за мопнъ

дорогимъ больнымъ: да услышитъ Господь наши мольбы и да сохранитъ онъ драгоценную жизнь нашего возлюбленнаго монарха... Надѣюсь съ завтрашнимъ курьеромъ сообщить вамъ болѣе радостныя вѣсти.

7.

Отъ 18-го ноября.

Лучъ надежды, блеснувшій вчера, относительно выздоровленія императора, разсѣялся какъ мимолетное облако. Къ вечеру лихорадка усилилась въ такой степени, что онъ нѣсколько разъ едва не испустилъ духъ. Прошедшая ночь была ужасна для больнаго, сегодня по утру ему также было очень худо, но къ полдню силы нѣсколько возвратились, и это поддерживаетъ его до сихъ поръ. Я ожидаю ночь съ невыразимымъ страхомъ. Дай Богъ, чтобы у него хватило силъ пережить ее, такъ какъ опасность очень велика. Я до того утомленъ, что вынужденъ тотчасъ лечь, хотя бы на часокъ, чтобы собраться съ силами и дежурить еще эту ночь. Бѣдная императрица почти не отходитъ отъ постели императора; я также весьма опасаясь за нее, въ особенности, если несчастіе насъ постигнетъ и мы лишимся императора.

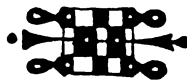
8.

Отъ 19-го ноября.

Увы, любезный другъ, роковой ударъ поразилъ императора Александра, сегодня, по утру, въ 11 часовъ 50 минутъ; онъ скончался послѣ долгой агоніи, длившейся одиннадцать часовъ. Императрица не отходила отъ него ни на минуту; что же касается меня, то о себѣ я уже не говорю. Она сама закрыла ему глаза и ротъ. Да пошлетъ ей Господь силы перенести это великое горе. Я изнуренъ физически, а душевныя страданія мои, по случаю понесенной утраты, никогда не изгладятся; онъ былъ для меня не только государемъ, но, смѣю сказать, другомъ, котораго трудно замѣнить...

Увы! сбылось страшное предчувствіе о грозящемъ несчастіи, которое я имѣлъ при мысли о Таганрогѣ.

Сообщилъ Н. Ѳ. Здекауеръ.

ИВАНЪ ПЕРФИЛЬЕВИЧЪ ЕЛАГИНЪ

(1725—1794).

Въ будущемъ девяносто четвертомъ году минеть сто лѣтъ, какъ умеръ нѣкогда популярный, всего за нѣсколько лѣтъ до своей смерти сошедшій съ исторической сцены дѣятель, «одинъ изъ стая славной Екатерининскихъ орловъ», Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Насколько намъ извѣстно, только покойный М. Лонгиновъ дольше другихъ остановился на характеристикѣ этой личности въ краткой біографіи русскихъ писателей XVIII столѣтія¹⁾; да еще сравнительно недавно помянулъ мимоходомъ елагинскую гипотезу о началѣ русскаго театра—отряхнувшій съ нея пыль вѣковъ, А. Н. Веселовскій, однако, признавшій ее оригинальной, съ «забавной смѣлостью» предложенной читателю²⁾. Остальные писатели-историки, когда вопросъ касался даннаго лица, ограничивались болѣе или менѣе краткими на его счетъ выносками, объяснявшими или дополнявшими текстъ и свидѣтельствовавшими въ то же время, что литературный и общественный дѣятель, въ лицѣ Елагина, потерялъ всякое значеніе для современнаго намъ общества, напрасно бы искавшаго въ немъ служителя искусства и выразителя общественныхъ интересовъ той эпохи. Очевидно, цѣль настоящаго очерка измѣнить установившееся мнѣніе (или, скорѣе, возстановить существовавшее когда-то) съ помощью не шаткихъ основаній, а всестороннимъ обсужденіемъ фактовъ. Человѣкъ жилъ, творилъ, послѣ него остались не только справедливая оцѣнка его дѣятельности въ

¹⁾ М. Лонгиновъ. „Русскіе писатели XVIII в.“: Ив. П. Елагинъ („Рус. Старина“ 1870 г., т. II).

²⁾ А. Веселовскій. „Старинный театръ въ Европѣ“. М. 1870 г., стр. 314.

устахъ современниковъ, но и результаты такой дѣятельности, словомъ сказать, забвеніе потомства обязано какому-то недоразумѣнію, какъ обязаны послѣдному князь В. Ѡ. Одоевскій, филантропъ докторъ Гаазъ, вызванные изъ мрака и тѣни энергіей А. Ѡ. Кони. Ошибка, наконецъ, не намѣренно содѣянная, объясняется иногда переходнымъ состояніемъ, поворотомъ на новый путь, наплывомъ идей совершенно отличнаго отъ существовавшаго до сихъ норъ порядка или политическими вѣяніями, временно обезличивающими то, что въ данный моментъ не соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Этого, если можно такъ выразиться, закона не избѣгъ и Пушкинъ въ эпоху конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ ¹⁾. Меньшая величина сравнительно съ другими, другъ Екатерины, графа Понятовскаго, удержавшій за послѣднимъ вмѣстѣ съ кружкомъ преданныхъ ему лицъ польскую корону, имѣвшій, какъ мы увидимъ дальше, влияние на фонъ-Визина, Елагинъ не требуетъ, однако, непосредственнаго участія въ гладиаторскихъ играхъ историческаго коллизея; скромный въ памяти людей, какъ въ своей жизни, онъ только ихъ постоянный зритель (*habitué*), иногда измѣняющій своему положенію, чтобы сдѣлаться принадлежностью общаго движенія, изъ довольной публики перейти на роль равнодушнаго актера, какъ та песчинка, которая попала и кружится въ водоворотѣ, откуда слѣдуетъ, что если разсматривать водоворотъ, то нѣтъ основаній пренебрегать и песчинкой.

Биографы рожденіе Елагина относятъ къ 1725 году, но фамилія его, съ 1738 года попадающая въ списки сухопутнаго кадетскаго корпуса, выпустившаго его въ 1743 году съ чиномъ прапорщика ²⁾, только значительно позже дѣлается замѣтной, примкнувъ къ громкому имени графа Разумовскаго, котораго онъ былъ адъютантомъ ³⁾. Будучи одновременно женатъ на камеръ-юнгферѣ импера-

¹⁾ См. Соч. Писарева, ч. 3, 1871 г., ст. „Пушкинъ и Бѣлинскій“. Отчасти Чернышевскаго „Критич. статьи“, „Соврем.“ 1855 г., № 2, 27 и 8. Также журналы того времени.

²⁾ „Именной списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ ваходящимся въ сухопутн. шлях. кадетскомъ корпусѣ штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ“. Спб. 1761 г. за № 593.

³⁾ „Елагинъ (заграницные издатели передѣляли это имя въ Телегина) былъ старинный адъютантъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго“ (*Mémoires de l'Imp. Catherine 2-de, éd. 1859. 311, 312*).

триды Елизаветы, Елагинъ съ 1750 года дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ неразлучнымъ другомъ и менторомъ товарища своего по службѣ, Никиты Аѳанасьевича Бекетова. «Оба они, — говоритъ Лонгиновъ ¹⁾, — занимались стихотворствомъ, писали пѣсенки, клали ихъ на музыку и заставляли придворныхъ пѣвчихъ пѣть свои произведенія; изъ этого выведена была гнусная сплетня съ цѣлью погубить Бекетова, который въ 1751 году былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ армію». Продолжая служить одинъ, Елагинъ, однако, не избѣгаетъ общей участи людей, стоящихъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, двухъ теченій, дѣлаясь хотя косвенно, но жертвой придворной интриги; послѣдняя въ противоположность его другу служить ему даже въ пользу, вводя его въ довѣріе и дружбу будущей императрицы, въ тотъ моментъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Сосланный въ Казанскую губернію по пустому въ дѣйствительности, но раздутому дѣлу графа Бестужева-Рюмина, Иванъ Перфильевичъ вызываетъ естественное сочувствіе въ обществѣ и въ частности малаго двора, наиболѣе яркими выразителями котораго въ то время были сама Екатерина и преданный ей Станиславъ Понятовскій. Трогательно, съ материнскою нѣжностью утѣшаетъ она изгнанника въ его ссылкѣ: «По теперешней перемѣнѣ инаго предмета не имѣю, — пишетъ Екатерина, — какъ наискорѣе васъ свободить отъ тяжкаго вашего соединенья (т. е. уединенья), а покамѣстъ къ вамъ посылаю для перваго случая 300 чер. Будь здоровъ и увѣренъ, что невинность и усердіе твои вѣкъ изъ ума не выйдутъ ²⁾» Понятовскій, въ свою очередь замѣшанный въ «оскорбленіи величества» и высланный за границу, «со слезами» отвѣчалъ на его призывъ, называя «честнѣйшимъ и болѣе всѣхъ твердымъ другомъ» (ehrliehster und standhaftester aller Freunde), «передъ Богомъ клянусь я тебѣ именемъ моимъ и отъ имени М. М. (подъ этими буквами скрывалась великая княгиня), что твое имя, твоя вѣрность, твои заслуги запечатлѣны въ нашихъ сердцахъ и никогда не изгладятся, и тѣмъ точно крѣпче тамъ останутся, чѣмъ несчастливѣе ты ради насъ... Сколько слезъ моихъ и М. М. пролито о твоей участи!» ³⁾.

¹⁾ „Рус. писатели XVIII в.“, стр. 196 („Рус. Старина“ 1870 г., т. II).

²⁾ Сборникъ ист. об., т. VII, стр. 75—76.

³⁾ Ibid., стр. 76—77, прим.

Само собой разумѣется, что, съ воцареніемъ Екатерины, положеніе «опальнаго боярина» сразу мѣняется. Его возвращаютъ изъ ссылки и указомъ Сенату отъ 27-го іюля 1762 года все милости-вѣйше жалуютъ изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, «съ тѣмъ,—какъ сказано въ указѣ,—чтобы ему быть для вспоможенія у кабинетныхъ нашихъ дѣлъ»¹⁾. Одновременно онъ дѣлается и приближеннымъ цесаревича и вмѣстѣ съ Сумароковымъ его постояннымъ гостемъ²⁾. Положеніе это столь прочно, что молва, удаляющая въ 1773 году воспитателя великаго князя, графа Панина, отъ цесаревича, назначаетъ Елагина кандидатомъ на эту должность³⁾. Впрочемъ, до тѣхъ поръ онъ успѣваетъ, оставаясь по-прежнему у кабинета, быть пожалованнымъ (въ 1768 г.) тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ 1-го департамента, а нѣсколько ранѣе (1766 г.) главнымъ директоромъ надъ спектаклями и музыкаю придворной. Это черезчуръ быстрое повышеніе по службѣ тѣмъ замѣчательно, что рисуетъ прямой характеръ императрицы, когда-то говорившей Елагину: «будь увѣренъ, пока мѣсть жива, не оставлю»⁴⁾, и теперь сдумавшей своею признательностью стать выше происковъ Орловыхъ, только вполнѣдствіи благоволившихъ къ Елагину⁵⁾,

¹⁾ „А также членомъ дворцовой канцеляріи и комиссіи о винѣ и соли, въ каковыхъ занятіяхъ находимъ его еще въ 1767 г.“ (Адресъ-кал. 1767 г.—Лонгиновъ, стр. 196—197.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей рус. земли. Спб. 1847 г., ч. II, стр. 10—11; Кобекко. Цес. Пав. Петров., Спб. 1887 г., стр. 35.

³⁾ Кобекко, стр. 72 (со словъ письма фонъ-Визина).

⁴⁾ Сборн. ист. об., т. VII, стр. 75—76, въ запискѣ № 3; тоже въ 4, 5, 6 и 9.

⁵⁾ См. Кобекко, стр. 72—73. Къ этому времени (1773 г.) относится письмо Екатерины князю Григорію Орлову, писанное рукою Елагина и съ похвалами послѣднему: „Князь Григ. Григ., ваше письмо отъ 7-го числа сего мѣсяца (января) я изъ рукъ Ив. Перф. Елагина вчерашній день получила, изъ котораго усмотрѣла я съ удовольствіемъ описанія, кои ваша свѣтлость дѣлаетъ о честномъ и добромъ поведеніи съ вами И. П. Елагина. Ваша свѣтлость лучше кого въ свѣтѣ знаете, koliko я презираю подлецовъ и ласкателей, коихъ безконечное множество около Двора, и какъ много я почитаю всѣ поступки, основанныя на честности, великодушій и чистосердечіи. Сожалѣтельно мнѣ, что изъ всего многолюдства не много И. П. Елагиныхъ, но часто ошибаются въ моемъ образѣ мыслить: я вижу, что толпа отнюдь меня еще не знаетъ; мой образъ мысли ни вѣсть выше ихъ понятія, ни вѣсть не сходствененъ обыкновенному. Я конечно не оставлю отличить его, господина Елагина, поведеніе: къ нему умножается мое доброжелательство и почитаніе

въ данную же минуту старавшихся помѣшать ему своимъ вліяніемъ при дворѣ въ такихъ вещахъ, какъ пожалованіе ему ленты Бѣлаго Орла, присланной кородемъ польскимъ съ надписью на пакетѣ: «A mon ami Monsieur de Yélaguin»¹⁾. Мы говорили, что 1766 годъ знаменуется въ служебной карьерѣ Елагина назначеніемъ его въ «главную спектаклей дирекцію». Указъ, данный по этому поводу, весьма характеренъ: «До свѣдѣнія нашего дошло, — сказано въ высочайшемъ повелѣніи, — что по причинѣ конфирмованнаго нами Стата, для оркестра и театра многія почитаютъ себя быть обиженными изъ принадлежащихъ къ театру и музыкѣ: того ради чрезъ сіе повелѣваемъ господину Елагину самому, такъ какъ сочинителю того штата, привести по оному все въ прямое дѣйствіе, дабы онъ тѣмъ самымъ могъ доказать совершенство онаго учрежденія передъ нами»²⁾. Препровождая копію съ сего указа, придворная контора, за подписомъ графа Сиверса и князя Голицына³⁾, поручала Елагину увѣдомить, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, потребно (отъ нея) будетъ⁴⁾. «До этого времени, — говорить Танѣевъ (т. е. до назначенія Елагина директоромъ), — театры хотя и управлялись, были начальники, руководители и даже дирекція, но дѣло шло безъ всякаго «положенія» или «инструкціи», словомъ — велось какъ Богъ на душу положить»⁵⁾. Напротивъ, вновь «апробованный» штатъ долженъ былъ ввести извѣстный порядокъ въ денежныя дѣла театральной администраціи, ассигновать ей опредѣленныя суммы, раздѣлить всѣхъ лицъ, къ театру принадлежащихъ, на группы, нако-

свидѣтельствомъ вашей свѣтлости. Я сей день къ нему писала, чтобъ онъ пріискалъ себѣ двѣ тысячи душъ, на покупаніе коихъ я ему денегъ велю выдать... (Сб. ист. об., т. XIII, стр. 298).

¹⁾ Посылая ленту (das rothe Orsenband), король (прежде гр. Понятовскій) писалъ: „Я далъ вамъ ее отъ души, мой любезный старый другъ; носите ее на воспоминаніе во всю жизнь добраго времени, когда мы были вмѣстѣ и когда я былъ счастливѣе, такъ какъ я менѣе значилъ, чѣмъ теперь (wo ich glücklich war, da ich weniger war als ich bin).—Сб. истор. общ., т. VII, стр. 78, прим.

²⁾ Архивъ дпр. Имп. т., отд. I.

³⁾ Сиверсъ бар. (графъ) оберъ-гофмаршалъ, генер.-адъют., служащій въ придв. конт.; Голицыны кн, Ник. Мих., гофмаршалъ.

⁴⁾ Госуд. архивъ м. и. д., отд. XVII, д. № 322.

⁵⁾ Танѣевъ С. В. „Изъ прошлаго Императ. театровъ“. Вып. I Спб. 1883 г., стр. 3.

нець, разрѣшить вопросъ о пенсіяхъ. Несомнѣнно, что дѣятельность Елагина на этомъ поприщѣ могла быть названа благотворной. По словамъ того же Лонгинова, при немъ учрежденъ въ 1774 году русскій публичный театръ, основано въ 1779 году по плану помощника его, Василя Ильича Бибикова, театральное училище, командированъ за-границу набирать французскую труппу актеръ Д м и т р е в с к і й, наконецъ открытъ въ 1783 году заложенный въ его дирекцію и отстроенный Т и ш б е й н о м ъ Большой театръ въ Коломнѣ¹⁾. Что касается обстановки пьесъ той эпохи, то декоративная часть достигла при немъ неслыханной до тѣхъпоръ роскоши. Оперы: «Ахиллъ въ Сцирѣ», сочин. Метастазія (музыка Паизиелло), «Армидо», сочин. Марка Колтеллини, давались съ особеннымъ великолѣпиемъ. За первую изъ нихъ, данную въ 1777 году по случаю празднованія дня рожденія великаго князя А л е к с а н д р а П а в л о в и ч а, Елагинъ удостоился благоволенія императрицы Екатерины за постановку²⁾. Въстѣ съ тѣмъ, едва-ли справедливъ упрекъ, брошенный г. Танѣевымъ, что «несмотря на созданный штатъ и даже общій успѣшный ходъ театральнаго дѣла, хозяйственная часть стояла неудовлетворительно»³⁾. «Честный, правдивый, лишняго ничего не говорящій», Елагинъ, испрашивая у императрицы, какъ мы увидимъ далѣе, всемилостивѣйшую отставку, не могъ въ эту минуту иначе освѣщать факты, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Сама отставка Ивана Перфильевича, до сихъ поръ истолкованная совершенно своеобразно, благодаря вновь добытымъ свѣдѣніямъ, получаетъ другую окраску. Извѣстно, изъ свидѣтельства Б а н т ы ш ъ - К а м е н с к а г о , перепечатаннаго затѣмъ А р а п о в ы м ъ и другими, что Елагинъ, будучи человѣкомъ умнымъ и благонамѣреннымъ, при всемъ томъ считался большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. Не секретъ также, что въ числѣ его слабостей, болѣе или менѣе официально признанныхъ, была оперная звѣзда того времени Г а б р і э л ь или Г а б р і э л ь ш а. Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ хранитъ любопытный документъ (рапортъ Елагина импера-

¹⁾ Лонгиновъ, стр. 196.

²⁾ Араповъ. „Лѣтопись рус. т.“, стр. 87—88.

³⁾ Танѣевъ, стр. 6.

трицѣ), рисующій эту пѣвицу не столько знаменитую своимъ талантомъ, сколько капризами. Настоящее донесеніе Елагина было вызвано краткой запиской къ нему Екатерины: «Иванъ Перфильевичъ (письмо помѣчено 19-мъ мая 1775 года), Габріэльша желаетъ возобновить свой контрактъ *in statu quo*. Возобновите его»¹⁾. Елагинъ отвѣчалъ на это 21-го того же мѣсяца: «Всемиловѣйшая Государыня! Третьяго дня имѣлъ я счастье получить всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы возобновить *in statu quo* съ Габріэльшею контрактъ. Я не преминулъ вчерашняго числа съ моей стороны то исполнить; но къ крайнему удивленію моему получилъ отъ нѣе письмо, что она сего непросила и нежелаетъ: ибо контрактъ ее съ Англією здѣланъ; что она предпочтительно осталась бы въ службѣ Вашего Императорскаго Величества, естълибъ удовлетворены ей были всѣ тѣ выгоды, кои ей со стороны аглицкихъ антрепренеровъ обѣщаны. Слова нерѣшительныя, которыя я годъ цѣлой отъ нѣе слышу. На сіе просилъ я ее что бѣ покрайней мѣрѣ объявила она мнѣ, какимъ удовлетвореніемъ или какою по жалованью прибавкою, довольна бы она была? Но она ничего болѣ на сіе отвѣчать не хотѣла, какъ только, что она въ етомъ со мною уговариваться не хочетъ, а предается въ волю Вашего Императорскаго Величества. Превжнія ея требованія, какъ я слышалъ были, чтобъ дать ей то самое, что въ Лондонѣ ей обѣщано, то есть тысячу восемьсотъ ей, да сестрѣ ее триста гинѣй, а всего на наши денги, десять тысячъ пять сотъ рублей: а обѣщанной тамо бенефисъ, двухъ на счетъ ея представленій, предавала на щедрость Вашего Императорскаго Величества. А какъ и на всю Италіанскую оперу по стату на пѣвицъ и пѣвцовъ положено только четырнадцать тысячъ пять сотъ рублей, то для ей одной такую страшную сумму ни можно ни какъ остальными четырьмя тысячами содержать прочихъ оперистовъ. Я теперь ожидаю Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшаго указа, что соблаговолитѣ повелѣть мнѣ съ нѣю здѣлать, ибо она отъѣздомъ угрожаетъ. Пребываю съ раболѣпнымъ благоговеніемъ и проч.»²⁾

¹⁾ Сб. ист. об., т. XXVII, стр. 39.

²⁾ Госуд. архивъ м. и. д., отд. XVII, д. № 322. Можетъ быть, въ связи съ этимъ рапортомъ находится и анекдотъ, рассказанный С. Н. Шубинымъ.

Какъ лицо, завѣдывающее труппой, Елагинъ, конечно, бывалъ у Габріэля, она даже пѣла у него ¹⁾, и вотъ однажды, желая будто бы подурачиться, пѣвица пристала къ нему, чтобъ онъ протанцовалъ съ нею вальсъ. Толстый, неуклюжій Иванъ Перфильевичъ сталъ было отговариваться, но пѣвица не хотѣла ничего слушать и, схвативъ его, начала вертѣть по залѣ; Елагинъ неосторожно спотыкнулся, упалъ и зашибъ себѣ ногу. Императрица, узнавъ объ этомъ, разрѣшила ему имѣть при себѣ трость и даже, когда онъ пріѣзжалъ во дворецъ, позволяла ему садиться въ ея присутствіи. Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ въ Петербургъ, съ театра войны, раненый, неустрашимый графъ Суворовъ. Всѣ готовились встрѣтить знаменитаго героя, и назначенъ былъ парадный выходъ во дворцѣ. Всѣ высшіе сановники ожидали Суворова, чтобъ отдать ему должную честь, и сама императрица вышла его встрѣтить; въ это время Елагинъ остался спокойно сидящимъ въ той же залѣ, на креслахъ, и не тронулся съ мѣста; Суворовъ, проходя мимо, окинулъ его взглядомъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и государыня, замѣтивъ это, сказала Суворову: «Извините, графъ Александръ Васильевичъ, Ивана Перфильевича, онъ также получилъ рану, но не въ сраженіи, а выдѣлывая па». Тотъ же случай, рассказанный П. Араповымъ со словъ Бантышъ-Каменскаго, въ свою очередь слышавшаго его отъ князя А. Н. Голицына, приписывается уже не Габріэлю, а одной танцовщицѣ, причемъ инициатива танца относится къ самому Елагину, вслѣдствіе этого будто-бы

с к и м ъ о смѣлой выходѣ Габріэли относительно императрицы; будто на требованіе десяти тысячъ за оперный сезонъ Екатерина замѣтила ей съ улыбкой:

— Подобное жалованье у меня получаютъ только фельдмаршалы.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала артистка, — Ваше Величество можете заставить пѣть своихъ фельдмаршаловъ.

Къ счастью Габріэли, замѣчаетъ Шубинскій, императрица была въ хорошемъ расположеніи духа и потому оставила эту дерзость безъ вниманія. Она предоставила пѣвицѣ на выборъ: или получать семь тысячъ или ѣхать обратно въ Италію. Подумавъ, Габріэль весьма благоразумно предпочла первое. („Историч очерки и рассказы“. Изд. 3-е. Спб. 1893 г., стр. 329).

¹⁾ См. письмо имп. Екатерины къ Гримму отъ 7 мая 1779 г. (Сб. ист. об., т. XXIII, стр. 136).

«оставившему управленіе театрами»¹⁾. Охотно желая вѣрить правдоподобію разсказа, мы, однако, не придаемъ значенія достовѣрности его послѣдствіямъ, если на комъ и отразившимся съ дурной стороны, то скорѣе на виновницѣ паденія, въ первомъ случаѣ, Габріэльшѣ. По словамъ г. Шубинскаго, императрица приказала выселить ее за-границу, выдавъ ей сполна все жалованье по условію²⁾. Напротивъ, мы видимъ, что, душею преданный своему дѣлу, Елагинъ нуждался въ серьезныхъ основаніяхъ, чтобы, десять лѣтъ спустя по назначеніи его директоромъ, настойчиво просить о своемъ увольненіи:

«Всемиловѣйшая государыня,—обращается онъ къ императрицѣ въ прошеніи отъ 5-го декабря 1777 года,—въ прошломъ 1766 году декабря 26-го дня, имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ всевысочайше повелѣно мнѣ доказать совершенство учрежденія о оркестрѣ и театрахъ, которымъ статьи мною сочинены были; и для того единственно препоручена мнѣ надъ театрами и музыкою дирекція. Сіе всемиловѣйшее Вашего Величества повелѣніе исполнилъ я въ точности, доказывая черезъ десять лѣтъ, хотя цѣны, какъ людямъ съ талантами, такъ и всѣмъ вѣщамъ, несказанно противъ того времени увеличились, не только возможность статнаго положенія, и достатокъ казнѣ на то употребляемой, но и возможность давать зрѣлища съ небывалымъ никогда въ Россіи великолѣпіемъ; имѣтъ людей такихъ, которыхъ по ихъ великимъ талантамъ въ трое и четверо противъ статнаго положенія плотится. Чрезъ все сіе время, составляя праздники и зрѣлища, какъ при двухъ высочайшихъ бракахъ, такъ и въ пріѣздъ его величества короля шведскаго и его высочества принца Генриха, не требовалъ я

¹⁾ Араповъ, стр. 88, 89.

²⁾ Шубинскій, стр. 330. Въ связи съ паденіемъ Елагина можно поставить письмо къ нему императрицы отъ неизвѣстнаго числа: „Иванъ Перфильевичъ,—пишетъ Екатерина, я рада буду васъ видѣть, но—воля твоя—боюсь, что ты съ костыльками не управишься по здѣшнимъ высокимъ лѣстницамъ, и такъ васъ прошу слегка не предиринимать сей тягостный походъ для больной ноги, а лучше ко мнѣ написать завтра, нежели какъ-нибудь снова повредить ногу; пожалуй, не ѣзди безъ лѣкарскихъ на то точныхъ дозволеній“. (Сб. ист. об., т. XLII, стр. 312). Но гдѣ же, если это письмо написано дѣйствительно по поводу даннаго происшествія, гдѣ же недовольство правительницы и отсюда немилостивая отставка?

въ прибавку ни единыя сверхъ стата копейки. Но какъ, всемилостивѣйшая государыня, сія должность съ великими сопряжена хлопотами, а возложенныя на меня другія дѣла занимають у меня время, которое на сію часть употребить бы надлежало ¹⁾, то всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу отъ сей должности всемилостивѣйше меня уволить, препоруча оную, кому за благо Ваше Величество разсудить соизволите. Театры теперь не обремѣнены долгомъ ни единыя рубля: гардеробъ превеликой: магазинъ декорацій преисполненъ, словомъ часть сія во всемъ достаточна, и не такъ какъ мнѣ она досталась, что по книгамъ принятія моего видно: а сверхъ сего еще театральнoй суммой мною въ долгу на тѣхъ людяхъ, кои выписываны съ задатками. Всемилостивѣйшая государыня! я всеподданнѣйше повторяю мое прошеніе съ раболѣпнымъ благоговѣніемъ пребуду и проч. Подписано: Иванъ Елагинъ ²⁾.

Къ сожалѣнію, между разсмотрѣнными нами бумагами не встрѣчается резолюціи Екатерины на прошеніе Елагина. Нужно полагать, что императрица не приняла сразу отставки «рыцарски преданнаго ей» еще до воцаренія слуги ³⁾, такъ какъ спустя годъ Елагинъ съ тою же просьбою, но уже косвеннымъ путемъ и на этотъ разъ болѣе откровенно, обращается къ свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому:

«Свѣтлѣйшій князь! Милостивый государь мой Григорій Александровичъ! — пишетъ онъ уже собственноручно, — если счастье было когда-нибудь столь мнѣ благосклонно, чтобъ пріобрѣсть къ себѣ ваше благоволеніе, и найти въ случавшихся мнѣ нуждахъ покровительство вашей свѣтлости: то нынѣ настoитъ время, въ которое удобно вамъ явить мнѣ и ваше великодушіе и милость вашу ко мнѣ. Назадъ тому болѣе года, просилъ я всеподданнѣйше Ея Императорское Величество, о всемилостивѣйшемъ, отъ директорства театральнаго, меня увольненіи. Старость и слабость здоровья моего, не могуція сносить сія, хотя неважныя, но затруднительныя

¹⁾ См. раньше ссылку на ст. Лонгинова.

²⁾ Госуд. архивъ м. и. д., отд. XVII, д. № 322.

³⁾ Билъбасовъ В. „Исторія Екатерины Второй“, стр. 344, т. I.

должности, были тому прошенію моему притчиною. Но не бывъ тогда отставленъ, далъ я токмо нѣкоторымъ недоброжелателямъ моимъ, поводъ къ насмѣшкѣ, неправѣдной однакоже, будто бы я никогда искреннѣ увольненія сего не желалъ. Ваша свѣтлость болѣе всѣхъ вѣдать сіе изволитѣ, чистосердечно ли я отъ ига сего избавиться хотѣлъ? И какая полза можетъ меня удерживать у сея безпокойныя и развратныя въ нравахъ и повѣденіи команды? Однакожъ остался я еще нѣкоторое время; увѣренъ въ совѣсти моей будучи, что рѣдкой мсжетъ исправить съ положенною по статусу суммою, которую я, моимъ стараніемъ, и примѣрнымъ смотрѣніемъ, исправлялъ сълишкомъ одиннатцать лѣтъ, не малѣйшія не требуя прибавки. Но оставаясь при сей должности, никакъ не уповалъ быть въ таковомъ отъ подчиненныхъ презреніи, въ каковомъ я теперь (признатся съ горестію долженъ) нахожусь. Всѣмъ извѣстно, въ коликую сія, ничѣмъ кромѣ корыстолюбія, необузданная команда пришла нынѣ дерзость, разстройку и непослушаніе? Театральныя люди тогда только повинуются и почитаютъ нѣтолько директора, но и антрепренера, когда они увѣрены, что часть ихъ отъ него одного зависить, что чрезъ него одного и честолюбію и корыстолюбію ихъ удовлетвореніе быть можетъ; что онъ и дать абшидь и прибавить срока съ умноженіемъ жалованья имъ можетъ. Тогда только они съ крайнѣю прилѣжностію, къ удовольствію публики употребляютъ съ повиновеніемъ свои таланты. Но тогда жъ и выходятъ изъ предѣловъ и должности и почтенія и повиновенія, когда хоть мало примѣтятъ, что съ меньшимъ трудомъ, а съ большимъ награжденіемъ могутъ другими потемя ¹⁾ доходить до предмета лакомства ихъ. Тутъ нѣтъ уже толь сильнаго оклѣветанія и лжи, которую бы, будучи не дураки, на директора и дирекцію своимъ покровитѣльмъ, оболыщеннымъ ихъ притворнымъ видомъ кротости и бѣдности, не приносили.

«Въ таковомъ положеніи, къ несчастію и къ лютomu повсѣчасно моему огорченію, нахожусь я нынѣ. Сами ваша свѣтлость свидѣтели были стыду моему, когда и мелкія музыканты не повиновались моему повелѣнію, и къ вамъ самимъ не пошли на балъ. Сколь часто

¹⁾ Очевидно, „путями“.

такое уничтоженіе терплю я уже съ нѣкотораго времени? Но сносилъ его молчаливо, единственно въ удовольствіе честолюбію своему. Есть ли таковы дерзки мелкія и безъзащитныя музыканты, то каковы суть знатныя и покровительствомъ знатныхъ гордящіяся таланты? Панзелли, Анжелини, Лоли и имъ подобныя, нѣтолько повелѣній моихъ, въ силу контрактовъ ихъ даваемыхъ неприемлютъ; но и съ презрѣніемъ (ъ) и дерзостію принимать ихъ не хотятъ, находя всегда какой-нибудь крючокъ изъ своего контракта? Крючокъ не дѣльной, однакожъ по ихъ важной: наприм.: было у Панзелли въ контрактѣ, сочинять всякую музыку, какъ и Буронелло дѣлалъ, но не написано оперы Колінкъ; онъ до возобновленія своего контракта дѣлать сего не хотѣлъ: а когда пришла нужда, и хотѣлось здѣсь остатся, на все согласился и въ контрактъ внесъ. У Анжелини въ контрактѣ дѣлать балетъ по его и подаваемымъ программамъ, онъ съ начала согласовался дѣлать свои и музыки не требовалъ: а когда по обстоятельствамъ отъ повиновенія отложился, то изъ 12 Новеровыхъ программъ и съ музыкою ни одного не захотѣлъ дѣлать: а наконецъ об(ъ)явилъ, что ему для театра Большаго ничего и дѣлать недосужно. Они заняты можетъ быть; я того не знаю: понеже никакого мнѣ о томъ не сказываетъ, и не сказывалъ: а знаю только то, что никогда столько, на одновременныя и маленькія балѣтцы, издержекъ и расходовъ небывало, какъ то было нынѣ. Отказывать ни въ чемъ я не могъ; ибо повелѣно мнѣ было писмомъ гоф-маршальскимъ исполнять все по предложеніямъ балетъ-мейстера генераль-порутчику, который въ разныя канторы и канцелярію по волѣ монаршей предложенія посылаетъ!

«Сверхъ сего, милостивый государь, требуются отъ меня спектакели; какой способъ удовлетворить требованію, когда подъ-командующія повиновеніемъ не соотвѣтствуютъ? Театральныя жъ таланты никогда сами между собою великаго ничего не здѣлаютъ; ибо духа согласія въ нихъ никогда не бываетъ: малое что-нибудь изъ общей корысти здѣлаютъ: но большаго спектакеля безъ управляющаго ими составить не могутъ; ибо зависть къ прибытку и къ почестямъ и къ похваламъ, отнимаетъ у нихъ всегда чувствованіе дружества и единомыслія: а потому за неудачной спектакель отвѣтствуетъ директоръ, хотя сія неудача отъ несогласія и непослу-

шанія составляющихъ его произошла. Я одиннадцать лѣтъ выбиралъ къ представленію оперы, и не было неудачнаго выбора: а нынѣ дошло до того, что оперъ не хотятъ дѣлать, для того, что я выбралъ безъ благоволенія капель-мѣйстера. Не дѣлалъ сіе и при Галу-піи и при всѣхъ, неспрашиваясь; а болѣе взирая на время и на расходы, такожь и тѣхъ, кто представлять ее долженъ. Несносно Пейзелли ¹⁾, что я недалъ ему воспользоваться, просимыми имъ тридцатью восьми тысячами рублевъ, на выписку италіанской оперы-комикъ. Я ее выписалъ на ту же сумму, въ которой и досихъ поръ безъ прибавки обращался. Но какъ еще двухъ не получилъ сюжетовъ, которыя однакоже скоро будутъ, то желая въ прошедшей карнавалъ дать сей спектакель, просилъ одного только буфона съ вольнаго италіанскаго театра, давая немалыя денги; но мнѣ отказано: а вмѣсто того съ находящимся у меня въ дирекціи буфономъ представлена опера: тотъ же самый капель-мѣйстеръ ее давалъ, единственно для того, чтобы получить особенное награжденіе, за исполненіе точнаго своего по контракту обязательства.

«Сіе Вашей Свѣтлости объясняя, нижайше прошу войти съ природною Вамъ прозорливостію въ уничиженное мое состояніе, и вообразить себѣ, каково бы сносно было, каждому командиру, когда бы со стороны кто, подъ-командующихъ ему ласкалъ, награжденіи выхаживалъ, отъ повиновенія отвращалъ, и тѣмъ въ расстройку приводилъ команду, а самого командира въ презреніе? Никто сего не стерпѣтъ, что я терплю, хотя и бѣшеннымъ меня многія величаютъ изволятъ. Но сами они по кротости своей конечно сего не вытерпятъ. Сего ради, М. Г., принужденнымъ я нашелся прибѣгнуть къ Вашей Свѣтлости: и утрудить толь длиннымъ прошеніемъ. Покажите мнѣ знакъ Вашей ко мнѣ милости, и исходатайствуйте у Ея Имп. В. отъ должности мнѣ увольненіе. Всемилостивѣйшая Государыня, столь милосерда, что не можетъ терпѣтъ страданія человѣческаго: а я стражду, и терзаніе сердѣчное не даетъ мнѣ покоя ни на минуту. Но чтобы сіе

¹⁾ П а и з і е л л о (Paisiello), знаменитый итал. композиторъ, вызванный въ Петербургъ (1776 г.). Онъ провель здѣсь 9 лѣтъ. Оперы его „Le philosophe ridicule,“ „Demetrius“ и др. О немъ хлопоталъ у Екатерины Гримъ (Сб вст. об., т. XXIII).

милосердіе даровалось мнѣ безъ гнѣва, а въ указѣ бы написано было, что по желанію моему я отъ должности сія увольняюсь. Чемъ скорѣя сію мнѣ милость окажитѣ, тѣмъ болѣе умножите ту искреннѣю преданность и высокопочитаніе съ которыми я былъ есмь и навсегда буду¹⁾.

На этотъ разъ голосъ «терзавшагося сердечно» услышанъ былъ свыше. Оффиціальная замѣна Елагина В. И. Бибиковымъ состоялась 21 мая 1779 года. «Въ удовлетвореніе желанію Вашему, сказано въ высочайшемъ указѣ отъ этого числа, я увольняю васъ отъ управленія театрами и музыкою придворными, препоручаю оное тайному совѣтнику Бибикову. Подтверждаю и при семъ случаѣ о моемъ благоволительномъ признаніи къ Вашему усердію въ службѣ, пребывая навсегда вамъ доброжелательная». Подлинный подписанъ собственною Ея И. Велич. рукою такъ: Екатерина²⁾. Съ тою же датою совпадаетъ и послѣднее письмо И. П. Елагина, адресованное А. А. Безбородко (въ то время бригадиру и состоящему въ кабинетѣ Е. И. В. у принятіи челобитенъ)³⁾, находящееся въ связи съ отчетомъ, даннымъ имъ по случаю увольненія отъ занимаемой должности⁴⁾. Но доброжелательная оффиціально, Екатерина была, однако, не довольна уходомъ Елагина. Въ перепискѣ съ Гриммомъ по этому поводу скорѣе звучитъ нотка раздраженія противъ поступка бывшаго директора, чѣмъ дѣйствительное, основанное на вѣскихъ данныхъ доказательство его неспособности занимать этотъ постъ. Потоккомъ остроумныхъ фразъ, Екатерина какъ будто хочетъ выкупить, скрыть или только замаскировать свою дѣйствительную горечь: «Елагинъ, — пишетъ она, — услыхавъ или не услыхавъ, что онъ сдумѣетъ быть лучше

¹⁾ Госуд. архивъ м. и. д., отл. XVII д. № 322.

²⁾ Архивъ дирекціи Имп. театровъ, отд. II, изд. 1892 года.

³⁾ Григоровичъ. „Канцлеръ вн. А. А. Безбородко“. Спб. 1881 г. т. II, стр. 322.

⁴⁾ Письмо это, хранящееся въ Госуд. арх. м. и. д. въ от. XVII, д. № 322, не представляетъ особаго интереса. чтобы быть приведеннымъ. Елагинъ препровождаетъ съ нимъ, по требованію Безбородко, копіи съ указовъ, касающихся спектаклей.

Тондю ¹⁾, а Тондю — лучше его, внезапно потребовалъ отставку отъ должности директора и тотчасъ г. Бибиковъ замѣнилъ его съ именнымъ запрещеніемъ сочинять и поставлять разнаго рода смѣсь (*salmi-gondis*) въ видѣ программъ балетовъ, оперъ, комедій и прологовъ, съ запрещеніемъ, кромѣ того, злоупотреблять аллегоріями, заставляя танцовать гнилую лихорадку (*fièvre putride*), ставить ночники вмѣсто солнца, а партеру представлять больше одного раза то, что ему не нравится, даже если вопросъ идетъ о любезной господина директора. *C'est l'opéra secret*, говорить она дальше, *qui a été de si dure digestion au seigneur Yélaguine, car il n'a pu ni disputer, ni faire des difficultés sur une chose qu'il ignorait aussi bien que tout le monde, et cela est très dur à gens de talents que d'être ainsi furtivement privé de ce qu'on aime le mieux à étaler. Savez-vous bien que j'aimerais mieux avoir la colique que d'avoir la charge de vous envoyer des opéras ou la musique des opéras: où voulez-vous que je prenne cela? Gott muss mir helfen, sonst verzage ich, dieses aus dem Leibe des Herrn Jelagin heraus zu ziehen; moi je m'en défais et vous me mettez aux prises avec lui» ²⁾. Но отставкой отъ должности директора театровъ не заключается, однако, вся служебная карьера Елагина. Спустя годъ, состоя по-прежнему въ кабинетѣ Ея Величества, онъ участвуетъ въ Холмогорской комиссіи, учрежденной для рѣшенія судьбы Брауншвейгской фамиліи. Очевидно, императрица помнить, что тотъ, кого она называла «хорошъ безъ пристрастія», не измѣнить своей репутаціи въ дѣлѣ государственной важности, обеспечивающемъ покой царствующей династіи. И хотя въ тонѣ ея обращенія съ Елагинымъ не звучитъ больше отеческой нѣжности, вѣрнѣе сказать, мальчишеской шаловливой дружбы, характеризующей ея раннюю переписку съ И. П., тѣмъ не менѣе она не забываетъ въ-время доказать ему свое благоволеніе, жалованьемъ оберъ-гофмейстерскаго званія, сопровождающимъ старика въ могилу, или дѣлая въ 1783 г. его членомъ вновь*

¹⁾ Тондю, или Herr Tondu,—лицо, которымъ Гриммъ предлагалъ замѣнить Елагина въ должности директора театровъ. (См. Сборн. ист. общ. щества, т. XXXIII, XLIV и др.).

²⁾ Сб. ист. общ., т. XXIII, стр. 142.

учрежденной Россійской Академіи ¹⁾). Любопытны и своеобразны вообще отношенія Екатерины къ Елагину. Нѣтъ сомнѣнія, что причиной ихъ дружбы не могли быть исключительно одни политическія событія, выдвинувшія И. П. въ число довѣренныхъ совѣтниковъ будущей императрицы. Необходимо было нѣчто большее, чѣмъ временныя отношенія и чувства признательности и дружбы, ими вызванныя. Екатерина умѣла быть благодарной, но полезность лица, которому она чувствовала себя обязанной, должна была быть непремѣннымъ условіемъ ихъ дальнѣйшихъ хорошихъ отношеній. Литературѣ, любезной сердцу обоихъ, судьба предоставила случай ихъ сблизить. Въ этомъ смыслѣ существуетъ мнѣніе, что Елагинъ, подобно Храповицкому ²⁾, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ императрицы по нѣкоторымъ ея литературнымъ произведеніямъ, преимущественно драматическимъ. Доказательствъ тому, впрочемъ, не приводится. Тѣмъ не менѣе, мы находимъ намекъ на нихъ въ краткихъ записочкахъ Екатерины, адресованныхъ Елагину: «Иванъ Перфильевичъ, пишетъ она, напр., пришлите ко мнѣ двѣ новыя комедіи, а именно «Невѣста невидимка» и «Передняя знатнаго барина» ³⁾, я къ вамъ ихъ скоро возвращу» ⁴⁾. Быть можетъ, дѣло идетъ также о комедіи, когда императрица говоритъ: «Перепиши помаленьку набѣло, ловко идетъ; я пришлю по мѣрѣ, какъ поспѣвать будутъ» ⁵⁾. Наконецъ, Екатерина, скажемъ проще, имѣла всѣ основанія обращаться за совѣтомъ къ Елагину, если даже въ дѣйствительности она къ нему и не обращалась. Кромѣ переводовъ: Мольеровскаго «Мизантропа», трагедіи «Безбожный», французской комедіи «Jean d'Grance», игранной въ 1765 г. и заслужившей похвалу императрицы ⁶⁾, стиль Елагина вообще считался многими за образ-

¹⁾ Кромѣ того, Лейцигскаго уч. общества. (Лонгиновъ, стр. 197).

²⁾ А. В. Храповицкій, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II. (См. его „Памятныя записки“. — Чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1862 г., кн. II и III).

³⁾ Обѣ эти комедіи соч. императрицы относятся къ 1772 г. (Лонгиновъ, „Драм. соч. Екатерины“. М. 1857 г., стр. 89.—Приведено въ Сб. и. об., т. XLII, стр. 308).

⁴⁾ Сб. ист. об., т. XLII, стр. 308.

⁵⁾ Ibid., стр. 311.

⁶⁾ Записки Порошина, стр. 465. Кромѣ драм. переводовъ, Елагину принадлежитъ переводъ 1-й и 4-й главъ Мармонтелева „Велизарія“, который

цовый и ставился ими выше прозы Ломоносова ¹⁾. Въ этомъ отношеніи, фонъ-Визинъ, съ 1763 по 1769 г. служившій при немъ секретаремъ, придавалъ литературному мнѣнію Елагина большое значеніе: «Я конечно увѣренъ, писалъ онъ ему изъ Москвы въ 1769 г., что если она вамъ не понравится (дѣло идетъ о комедіи «Недоросль»), то вы не припишите сіе моему нерачѣнію, а положите вину на слабость силъ моихъ. Нынѣ же, видно, не такъ легко избѣжать критики, какъ прежде. Я читалъ, не знаю, на какого-то Александра Васильевича преужасную сатиру. Комедія мнѣ неизвѣстна, и я не знаю, кто авторъ, но опасаясь подверженъ быть его горестной участи, и для того, милостивый государь, не хочу видѣть мою комедію представленною прежде, нежели вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, то-есть, прикажете выключить то, что вамъ нравится, и прибавить то, что вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима; да вы же сами изволите видѣть, что нѣтъ во мнѣ смѣшной гордости тѣхъ, кои, сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или, на худой конецъ, съ Дешамъ» ²⁾. Несомнѣнно, авторитету Елагина вѣрили, распространяя его даже на такія свѣтила драматической литературы, какимъ былъ въ Екатерининскій вѣкъ А. П. Сумароковъ. Для послѣдняго иногда необходимо было заступничество самой Екатерины, чтобы произведенія его уважались Елагинимъ и ставились имъ на сценѣ: «Съ сегодняшнимъ днемъ васъ поздравляю, пишетъ она Ивану Перфильевичу 22-го сентября 1768 г., и при семъ посылаю къ вамъ комедію, которую мнѣ Алекс. П. Сумароковъ отдалъ, и въ ней, Богъ видитъ, ни еди-

переводился Екатериной и ея приближеннымъ во время плаванія по Волгѣ въ 1767 году (Дворъ и замѣч. люди, ч. I, стр. 67); „Приключенія Маркиза Z. или жизнь благороднаго человѣка. оставившаго свѣтъ“, соч. Аббата Прево (9 частей); наконецъ у Лонгинова, по его словамъ (стр. 197), была, между прочимъ, оставшаяся, кажется, въ рукахъ С. Д. Полторацкаго старинная рукопись, заключающая въ себѣ знаменитую оду Пирона „Ode à Priape“ съ стихотв. переводомъ оной И. П. Елагина и Баркова „texte en regard“. Елагину же приписывается переводъ всѣхъ комедій Дешама (Мат. Ефремова, стр. 136).

¹⁾ Лонгиновъ, стр. 197.

²⁾ Первое полн. собр. соч. Фонъ-Визина. М. 1888 г. (стр. 915). Фонъ-Визинъ въ началѣ подражалъ даже Елагину, употребляя много славянскихъ словъ и „кадансированную прозу“. (Лонгиновъ, стр. 197).

наго сумнительнаго слова нѣту. Прикажете ее отдать въ театръ, дабы играна была; я сама ее прочла отъ начала до конца» ¹⁾. Впрочемъ, лишь сравнительно въ позднѣйшую эпоху, значеніе Сумарокова, какъ писателя, поколебалось въ глазахъ Елагина, въ то время, о которомъ писалъ Лонгиновъ, что «споры И. П. съ Сумароковымъ... доходили до того, что за столомъ у наслѣдника, воспитателю его, графу Н. И. Панину, приходилось не шутя разнимать ихъ» ²⁾. Изъ дальнѣйшихъ словъ біографа Елагина, главнымъ образомъ, намекъ на славянофильскія убѣжденія И. П., можно отчасти понять его рознь съ «установителемъ Россійскаго театра», по направленію западника, поклонника Вольтера и энциклопедистовъ. Пятидесятые же года, эпоха, къ которой обыкновенно относятъ главные стихотворные опыты Елагина, не напечатанные, но, по словамъ того же Лонгинова, высоко цѣнившіеся современниками, были, напротивъ, ареной борьбы И. П. за Сумарокова, откуда та страстная рукописная полемика, возникшая между нимъ (Елагинымъ) и представителями другаго лагеря, Ломоносовымъ, Сукинымъ и проч. Дѣло началось съ того, что И. П. пустилъ въ обращеніе сатиру подъ названіемъ «На петиметра и кокетокъ», начинавшуюся словами:

Открытие таинства любовныя намъ лиры,
Творецъ преславныя и пышныя Семиры,
Изъ мозгу рожденная богини мудрый сынъ,
Наперсникъ Боаловъ, Россійскій нашъ Расинъ.
Защитникъ истины, гонитель злыхъ царей,
Благій учитель мой, скажи, о Сумароковъ!
Гдѣ рифмы ты берешь? ты мнѣ не объявиль,
Хоть къ стихотворству мнѣ охоту въ сердце влилъ.

и кончавшуюся:

О муза! коль тебѣ позволить Сумароковъ,
Ты дай мнѣ, дай хоть часть Гораціевыхъ силъ,
Чѣмъ ³⁾.... гордаго онъ въ Римѣ побѣдилъ,
Чтобъ мной отечеству то стало откровенно,
Чѣмъ онъ прославился во вѣки несравненно ⁴⁾.

¹⁾ Сб. ист. общ., т. XIII, стр. 13.

²⁾ Лонгиновъ, стр. 197.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ „Образцы литерат. полемики прошлаго столѣтія“ („Библиограф. Зап.“ 1859 года № 15).

«Сатира Елагина, рассказываетъ г. Афанасьевъ ¹⁾, появленіемъ своимъ возбудила въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ самую жаркую полемику. Похвала Сумарокову, выраженная въ начальныхъ и конечныхъ ея стихахъ, задѣла за живое всѣ авторскія самолюбія, которыя въ тотъ вѣкъ были слишкомъ щекотливы и требовательны до смѣшнаго. Споръ о томъ, кого слѣдуетъ признать первымъ изъ современныхъ русскихъ писателей, сильно занималъ этихъ послѣднихъ; занималъ ихъ несравненно болѣе, чѣмъ самую публику, не отличавшуюся особеннымъ пристрастіемъ къ литературѣ. Прошедшее столѣтіе оставило намъ довольно анекдотическихкихъ рассказовъ о распряхъ между Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Третьяковскимъ и Барковымъ, въ которыхъ ихъ легко оскорбляющіяся авторскія самолюбія играли едва-ли не самую видную роль... На Елагина, за его похвалы Сумарокову со всѣхъ сторонъ посыпались самыя ожесточенныя эпиграммы и разнаго рода бранчивыя посланія». Въ полемикѣ участвовали: Ломоносовъ, отозвавшійся извѣстнымъ остроумнымъ письмомъ (напечатаннымъ въ смирдинскомъ изданіи его сочиненій въ т. I, на стр. 708), въ которомъ подъ видомъ защиты Сумарокова отъ мнимыхъ нареканій Елагина, онъ зло насмѣхается надъ ними обоими; нѣкто Ф. Сукинъ и другіе безыменные авторы, подписывавшіеся литерами Л и В. Т.; послѣднее — намекъ на Третьяковскаго, который писалъ также эпиграммы на Елагина и потому «едва-ли могъ въ то же время явиться его защитникомъ» ²⁾. Пуристъ въ языкѣ ³⁾, писавшій иногда «почти по-славянски» ⁴⁾ (едва-ли онъ не былъ первымъ славянофиломъ и, слѣдовательно, родоначальникомъ этого направ-

¹⁾ Ibid., стр. 454—455.

²⁾ „Образцы лит. полемики прошлаго столѣтія“, стр. 457.

³⁾ Пекарскій рассказываетъ (Матеріалы для ист. журнал. и литер. дѣятельности Екат. II — прилож. къ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. № 6. Сиб., 1863 г.), что во второмъ засѣданіи Россійской Академіи (28 окт. 1783 г.) И. П. Елагинъ предложилъ, чтобы члены Росс. Акад., прежде изданія въ свѣтъ своихъ трудовъ, представляли ихъ на судъ ея, „дабы тѣмъ предохранить честь и славу Академіи“. Это предложеніе было отвергнуто княгиней Дашковой, которая съ своей стороны предложила, „чтобы всякій членъ Академіи обяванъ былъ мимо ея тѣхъ токмо сочиненій не печатать, кои составляютъ общій трудъ Академіи, равноѣрно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія языка руссійскаго принадлежать могутъ“ (стр. 22).

⁴⁾ Лонгиновъ, стр. 197.

вленія), И. П., на склонѣ лѣтъ очевидно хотѣлъ завершить свою литературную дѣятельность произведеніемъ, вполне соответствующимъ духу его славянофильскихъ воззрѣній. Этимъ можно объяснить появленіе въ 1790 г. «Опыта повѣствованія о Россіи», доведеннаго до 1389 г. и какъ сочиненія, не имѣющаго въ сущности ничего общаго съ болѣе ранними произведеніями этого автора. Мы уже упоминали въ началѣ извлеченную, благодаря А. Н. Веселовскому, на свѣтъ Божій, елагинскую гипотезу о началѣ русскаго театра. Последняя, едва-ли основательная по существу, однако, не лишена извѣстной доли оригинальности. «Историкъ-дилетантъ», Елагинъ считалъ начало духовнаго театра современнымъ введенію у насъ христіанства ¹⁾, а рассказъ лѣтописца о колебаніяхъ Владиміра между различными религіями, лишь передачею большой мистеріи, цѣлью которой было нагляднымъ обзоромъ сущности различныхъ исповѣданій склонить Владиміра къ принятію православія ²⁾. Бантышъ-Каменскій, говоря объ «Опытѣ повѣствованія о Россіи», находилъ, «что сочинитель во всемъ держался Татищева, вымышлялъ самъ невѣроятныя толкованія, утверждалъ, что славяне обитали на мѣстѣ Трои до построенія оной» ³⁾. Самый слогъ «этого творенія», по его мнѣнію, «слишкомъ высокомѣренъ» ⁴⁾. Наконецъ, любопытно на этотъ счетъ сужденіе собственно Екатерины, высказанное ею въ перепискѣ съ Гриммомъ. «Елагинъ, писала императрица, обратившій русскую исторію въ витіеватую рѣчь (*style declamatoire*), такъ какъ послѣдняя краснорѣчива и скучна, нынѣ занять исправленіемъ своей исторіи, согласно нашей родословной. Что до меня касается, то я нахожу въ этой родословной все, что можетъ имѣть отношеніе къ исторіи, какъ Вестрисъ ⁵⁾ читалъ настоящее благосостояніе Франціи въ минуэтѣ дофина той эпохи» ⁶⁾. Отвѣчая на

¹⁾ «Хитрой гречанкѣ матери Святополка, въ монастырѣ бывшей, были извѣстны зрѣлища „Опытъ повѣств. о Рос.“ изд. 1803 г., упомянуто у Веселовскаго (стр. 314. „Старин. т. въ Европѣ“).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Словарь достопамят. людей рус. земли, стр. 11.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Вестрисъ—знаменитый танцоръ парижской оперы (1729—1830).

⁶⁾ Сб. ист. об., т. XXIII, стр. 586.

это, «краснорѣчивый сумасбродъ» удивлялся, «почему Елагинъ, столь щедро пользующійся генеалогіей, чтобы на старости лѣтъ заново исправлять все, что сдѣлано въ юности, не подумалъ удержать въ Россіи своего сотрудника господина де Мелана». «Послѣдній, язвительно замѣчаетъ Гриммъ, обладая, я думаю, тѣми же талантами по-французски, что г. Елагинъ по-русски, въ столь же высокой степени, готовъ бы былъ исправить его Исторію Россіи, раньше чѣмъ ее написать, что было бы въ своемъ родѣ чудесно»¹⁾. Не нужно забывать при этомъ, что «важный Гриммъ» здѣсь далеко не безпристрастенъ: потерпѣвъ однажды поражение съ тѣмъ же Негг Тондю, онъ мститъ Елагину злой насмѣшкой, на этотъ разъ въ руку своей царственной корреспонденткѣ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что послѣднему дѣтищу Елагина суждено было явиться на свѣтъ мертворожденнымъ, плодомъ старческаго ума, его лебединою и въ историческомъ отношеніи неудачной пѣснью. Доведенная, какъ мы сказали, до 1389 г., т. е. до царствованія Дмитрія Донскаго, оставшаяся неоконченной, исторія при всѣхъ своихъ недостаткахъ, тѣмъ не менѣе изобличаетъ въ авторѣ недюжинную энергію и попытки на самобытность, въ своемъ родѣ гражданскій подвигъ въ концѣ XVIII вѣка: «Что касается Елагина,—писала 12-го января 1794 г. Екатерина тому же Гримму,--то онъ умеръ и его Исторія останется вѣроятно незавершенной; онъ оставилъ послѣ себя неслыханную громаду (un fatras inoui) сочиненій, касающихся массонства, что доказываетъ, что онъ сошелъ съ ума»¹⁾. Приговоръ нѣсколько строгій и едва-ли искренній въ глазахъ императрицы, умѣвшей выбирать людей и судить о нихъ, соображаясь съ обстоятельствами времени, мѣста и дѣятельности. Другой вопросъ о массонствѣ. Мистицизмъ, какъ извѣстно, былъ въ большомъ развитіи среди русскаго общества половины прошлаго столѣтія. Требовался самостоятельный, независимый, свѣтлый умъ русской государыни, чтобы, не подчиняясь духу времени, противорѣчить массѣ, слѣпо вѣрившей въ философскій камень, возможность дѣлать золото и т. д. Массонскія ложи процвѣтали, и въ одной изъ нихъ, открытой 22 го мая 1770 г., И. П. Елагинъ первый

¹⁾ Сб. ист. об., т. XLIV, стр. 480

²⁾ Сбор. ист. об., т. XXIII, стр. 589.

получилъ званіе великаго мастера, съ подчиненіемъ Лондонской ложѣ-матери ¹⁾. Къ этому времени обыкновенно относятъ и знакомства его съ Калиостро. Послѣдній, пріѣхавъ, говорятъ, въ Петербургъ, нашель здѣсь прекрасно воздѣланную почву и на первыхъ же порахъ встрѣтилъ радушный пріемъ въ домѣ И. П. Елагина. «Познакомившись съ Елагинымъ, — рассказываетъ Е. Карновичъ ²⁾, со словъ весьма рѣдкой книжки «*Anecdotes secretes de la Russie*», — Калиостро сообщилъ ему о возможности дѣлать золото. Несмотря на то, что Елагинъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей того времени, онъ повѣрилъ выдумкѣ Калиостро, но одинъ изъ его секретарей — фамилія его не упоминается — человѣкъ чрезвычайно умный и свѣдущій, обнаружилъ плутни алхимика. «Достаточно разъ побесѣдовать съ графомъ Фениксомъ, говорилъ секретарь Елагина, для полнаго убѣжденія въ томъ, что онъ наглый шарлатанъ». Елагинъ продолжалъ, однако, довѣряться Калиостро, который, пользуясь этимъ, успѣлъ уже обобрать его на нѣсколько тысячъ рублей. Однажды Калиостро пріѣхалъ обѣдать къ Елагину; послѣдняго не было дома, и потому онъ, въ ожиданіи Елагина, принялся болтать съ бывшимъ въ столовой секретаремъ. Разговоръ Калиостро былъ очень занимателенъ, но съ явными ошибками и по исторіи и по географіи. Собесѣдникъ Калиостро, замѣтивъ это, просилъ прекратить вздорную болтовню; но расходившійся разскащикъ не унимался. Тогда секретарь, взбѣшенный тѣмъ, что его такъ нагло дурачатъ, далъ Калиостро пощечину и вышелъ изъ столовой. Дождавшись пріѣзда Елагина, Калиостро пожаловался ему, и, вслѣдствіе этого, начальникъ сдѣлалъ строгій выговоръ своему подчиненному. Тогда этотъ послѣдній сталъ пускать въ ходъ по Петербургу рассказы о шарлатанскихъ продѣлкахъ Калиостро въ разныхъ мѣстахъ и тѣмъ самымъ сильно подорвалъ его кредитъ въ петербургскомъ обществѣ, въ которомъ Калиостро нашель, кромѣ Елагина, и другихъ легковѣрныхъ людей, а въ числѣ ихъ былъ и графъ Александръ Сергѣевичъ Стрoгановъ, одинъ изъ самыхъ

¹⁾ „Новиковъ и мартинисты“, стр. 94 (приведено у Лонгинова, стр. 197).

²⁾ „Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX ст.“ Спб. 1884, стр. 131—132.

видныхъ вельможъ екатерининскаго двора». О случаѣ съ секретаремъ, какъ причинѣ отъѣзда Калиостро, упоминаетъ императрица въ перепискѣ съ Гриммомъ ¹⁾. По ея словамъ, отягощенный долгами, Калиостро скрылся dans la cave de monsieur Yélaguine maître en chaire déposé ou dépossédé, гдѣ онъ пилъ англійское пиво и шампанскаго сколько могъ; случилось такъ, что однажды, хвативъ черезъ край, онъ послѣ обѣда зацѣпилъ за тупей секретаря дома, который далъ ему пощечину; отъ пощечины къ пощечинѣ, въ дѣло вмѣшались кулаки, г. Елагинъ, наскучившись «du frère rat de cave» и слишкомъ крупнымъ расходомъ вина и пива, а также жалобами секретаря, вѣжливо уговорилъ его (Калиостро) уѣхать, но не съ помощью воздуха, какъ онъ грозился, а просто въ кибиткѣ; для того же чтобы кредиторы не помѣшали въ пути этому «скромному» экипажу (cet équipage leste) онъ ему далъ стараго инвалида сопровождать его вмѣстѣ съ графиней до Митавы.— Вотъ, заканчиваетъ императрица, исторія Калиостро, гдѣ можно найти все, исключая чудеснаго ²⁾. Въ всякаго сомнѣнія, Екатеринѣ не могло нравиться участие Елагина въ той дѣятельности, которой она безусловно не сочувствовала и которую осмѣяла въ своей комедии «Обманщикъ» ³⁾. Этимъ можно объяснить, почему вторая половина жизни И. П. рѣзко отличается отъ первой, носить на себѣ отпечатокъ холодныхъ отношеній къ нему монархини, когда то шутя подписывавшейся: «канцлеръ господина Елагина» ⁴⁾. Съ конца семидесятыхъ годовъ онъ уже не состоитъ больше посредникомъ ея домашнихъ дѣлъ, хотя официально и числится такимъ, состоя по кабинету. Императрица уже не спрашиваетъ его, какъ прежде, можно ли напр., «безъ Маруццїа ⁵⁾ достать, открывать и смотрѣть привезенныя картины?» «Мы еще вчера съ любопытствовали», сознается она. Не поручаетъ навести справки, въ

¹⁾ Гриммъ, какъ мы видѣли, не сочувствовавшій Елагину, называлъ его въ извѣстныхъ письмахъ Екатеринѣ: „Monsieur le françois“ (Сб. ист. об., т. XXXIII, стр. 145).

²⁾ Сб. ист. об. т. XXIII, стр. 213.

³⁾ Стат. Зотова „Калиостро“ („Рус. Ст.“. 1875 г.).

⁴⁾ См. письмо къ гр. Панину (Сб. Ист. об. т. X, стр. 244).

⁵⁾ Маркизь Маруцци, заграничный агентъ русскаго двора по прїобрѣтенію картинъ для Имп. Эрмитажа.—Письмо помѣщено въ Сб. ист. об., т. X, стр. 255.

данномъ случаѣ, о знаменитомъ Беккаріа, «который судя по книгѣ, его ¹⁾, говоритъ императрица, достоинъ моего о немъ вниманія»; не называетъ попросту «Перфильевичемъ», или, приказывая купить для прощенной графини Воронцовой домъ въ Москвѣ, не приписываетъ больше: «Можешь еще писать, чтобы тебѣ на Москвѣ домъ сыскали купить, а я деньги заплачу» ²⁾, или «которые у васъ хранились, моихъ вещей отъ 1762 г. золотыхъ съ алмазами, вамъ извѣстныя, возми себѣ» ³⁾; сами шутки ея относительно И. П. уже не тѣ. Мы видѣли, какъ она шутила съ Гриммомъ насчетъ Елагина. Посмотримъ, что она пишетъ ему въ 1764 году: «Слушай, Перфильевичъ, есть-ли въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій о губернаторской должности ⁴⁾; манифестъ противъ кожедирателей ⁵⁾ да дѣла Бекетьева со всѣмъ отдѣланная, то скажу, что тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да что никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочить, какъ ты» ⁶⁾. Даже его страсть къ театру и его знанія въ этой области не подлежатъ въ это время никакому сомнѣнію въ глазахъ императрицы, только потому измѣняющей своему мнѣнію. Раньше она только добродушно смѣялась, и въ своемъ шутовскомъ описаніи смертей, ожидающихъ ея приближенныхъ, Елагину уготовила кончину отъ «садины барабанной перепонки, которую вызоветъ въ немъ гармонія въ театральномъ искусствѣ». «Yélaguin mourra d'une esogchire de tymral que lui donnera l'harmonie théâtrale» ⁷⁾. Елагинъ-человѣкъ, очевидно, пережилъ Елагина дѣтеля, а съ этой стороны (т. е. со стороны личности) намъ остается еще сказать нѣсколько словъ. Бантышъ-Каменскій, касаясь характера И. П., го-

¹⁾ Беккаріа (1738—1794) авторъ „Traité des delits et des peines“.

²⁾ Сб. в. об., стр. 158, т. VII.

³⁾ Ibid., т. X, стр. 361.

⁴⁾ Наставленіе губернаторамъ издано 21 апрѣля 1764 г. П. С. З. т. XVI № 12137. (Прим. издателя.)

⁵⁾ Здѣсь, кажется, Екатерина II разумѣла манифестъ противъ ростовщиковъ, опубликованный 3 апрѣля 1764 г. П. С. З. т. XVI, № 12124. Здѣсь замѣтимъ, что Елагинъ, хотя съ 1 апрѣля 1764 г. и былъ назначенъ присутствовать въ дворцовой канцеляріи, однако, тогда же было сѣязано въ повелѣніи „не отъема его Е. И. В. кабинета и отъ прежней его при Ея В. должности. у принятія челобитенъ“.—„Спб. Вѣд.“ 1764 г. № 31. (Прим. издателя.)

⁶⁾ Сб. ист. об., т. VI, стр. 351.

⁷⁾ Ibid., т. X, стр. 321

вориль, что рядомъ «съ пламенной любовью къ отечеству» и «лаской просвѣщеннымъ иноземцамъ», «онъ былъ чуждъ придворныхъ интригъ»¹⁾. Екатерина, въ мемуарахъ своихъ, опредѣляла его, какъ человѣка «довѣреннаго и честнаго», по ея словамъ, «если кто пользовался его привязанностью, то не скоро терялъ ее у него»²⁾. Черта эта, какъ ни странно, нерѣдко находится одновременно съ эгоистическимъ направлениемъ характера, понимая эгоизмъ въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ понималъ его Бентамъ. Поэтому очень трудно согласиться съ г. Аванасьевымъ, въ противоположность мнѣнію г. Перевелѣскаго³⁾ утверждающимъ⁴⁾, что «Елагинъ также не былъ усерднѣйшимъ покровителемъ людей пишущихъ»⁵⁾, какъ не былъ и замѣчательнымъ литераторомъ,—первое положеніе, основанное на раннихъ письмахъ Д. И. фонъ-Визина. Но тотъ же фонъ-Визинъ, жалующійся въ своихъ письмахъ на Елагина родителямъ, говорившій, что «вся его любовь ко мнѣ состоитъ только въ томъ, чтобы съ нимъ обѣдать и проводить время. О счастіи же моемъ не рачить онъ ни мало»⁶⁾, спустя годъ писалъ (1769) Елагину: «для меня мало цѣлаго моего вѣка къ тому, чтобы сердце мое перемѣнилось въ разсужденіи истинной къ вамъ преданности. Она кончится съ жизнью моею»⁷⁾. Очевидно, нельзя судить о фактѣ по минутному настроенію лица, характеризовавшаго его, и на этомъ основаніи заключать о немъ съ невыгодной стороны. Нѣтъ ничего легче, какъ отрицать, особенно забывъ, что *erga humanum est*. Ошибки и заблужденія свойственны людямъ, какъ свойственны они были Елагину, оригинальныя черты котораго слышалъ отъ нѣкого Самсонова и разсказалъ потомъ покойный Жихаревъ. По его словамъ⁸⁾, «весьма умный, образованный и притомъ отлично добрый чело-

¹⁾ Слов. дост. людей рус. земли, стр. 11.

²⁾ *Memoires de L'Imp. Catherine*, 2-de éd. 1859, 311, 312 (приведено въ Сб. ист. об., т. VII, прим., стр. 75).

³⁾ Собранія сочиненій рус. писателей, вып. 4.

⁴⁾ „Новые матеріалы для біографіи Д. И. фонъ-Визина“. („Библиогр. Зап.“ 1859 г. № 1.)

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій говоритъ (стр. 12): „покровительствовалъ Завадовскому, когда послѣдній не имѣлъ еще никакого значенія“.

⁶⁾ „Новые мат. для біографіи фонъ-Визина“, А. Аванасьева (стр. 6).

⁷⁾ Первое полн. собр. соч. фонъ-Визина, М. 1888 г., стр. 915.

⁸⁾ „Дневникъ чиновника“ („Отеч. Записки“ 1855 г. № 9, стр. 133).

вѣкъ, Елагинъ имѣлъ, кромѣ слабости къ женскому полу, еще другую довольно забавную слабость: онъ не любилъ, чтобы другіе, знакомые и пріатели его ѣли въ то время, когда у него самого аппетита не было, ходили гулять, когда у него болѣла нога, и вообще дѣлали то, что иногда онъ самъ дѣлать былъ не въ состояніи. У него ежедневно былъ роскошный столъ, и безъ гостей онъ никогда не бывалъ. Если чувствовалъ онъ себя хорошо, тогда потчивалъ на-пропалую, выговаривая безпрестанно, что мало ѣдятъ и пьютъ; когда же не имѣлъ аппетита, или же по предписанію доктора обязанъ былъ воздерживаться отъ разныхъ кушаньевъ, то начиналъ всегда разсужденіе о томъ, какъ люди не берегутъ себя и безразсудно предаются излишеству въ пищѣ; что для насыщенія человѣка нужно не многое, а между тѣмъ онъ поглощаетъ всякую дрянъ (тутъ онъ называлъ поименно всѣ лакомыя блюда стола своего) въ предосужденіе своего здоровья. Такъ и въ другихъ случаяхъ ѣдетъ ли кто въ страстно любимый имъ театръ (котораго онъ былъ главнымъ директоромъ), въ такое время, когда по нездоровью, или особымъ дѣламъ, онъ не могъ присутствовать при представленіи, и вотъ Елагинъ начнетъ ворчать: «Право, не понимаю этой страсти къ театру: что за невидаль такая! Добро бы что-нибудь новое, а то все одно и то же; что вчера, то и нынче; тѣ же пьесы, тѣ же актеры и тѣ же кулисы». «Мнѣ кажется, заключаетъ Жихаревъ, что эта слабость Елагина—общая слабость всѣхъ людей; только они не хотятъ въ ней сознаться и ея не высказываютъ».

Итакъ, прошло ровно сто лѣтъ, какъ умеръ этотъ дѣятель — какъ, подумаешь, недавно, когда читаешь эти строки: тѣ же страсти, тѣ же люди. Въ настоящее время, переводы Елагина позабыты; «Опытъ повѣствованія о Россіи» составляетъ библиографическую рѣдкость и едва-ли сыщется въ какой-нибудь частной библіотекѣ, только самое имя, не имѣвшее впоследствии болѣе или менѣе блестящихъ потомковъ¹⁾, сохранилось за однимъ

¹⁾ Въ 20-тыхъ годахъ блеснуть въ Москвѣ особенно популярное въ лит. кружкахъ имя супруговъ Елагиныхъ „Имя А. П. Елагиной, по первому мужу Кирѣевской, матери извѣстныхъ И. В. и П. В. Кирѣевскихъ,—говорить статья, посвященная ея памяти («Рус. Арх.» 1887 г. П, стр. 492),—никогда не умереть въ преданіяхъ русской образованности“.

изъ петербургскихъ острововъ, мѣстомъ прогулки петербургскаго общества, гдѣ когда-то петербургскій свѣтъ пользовался широкимъ гостепріимствомъ владѣльца острова И. П. Елагина ¹⁾. Здѣсь онъ отдыхалъ на закатѣ дней своихъ и здѣсь тихо погасъ 22-го сентября 1794 года. Будемъ же надѣяться, что этимъ очеркомъ вызовется вниманіе къ позабытому дѣятелю, и будущая исторія цивилизаціи Россіи отведетъ ему соотвѣтствующее мѣсто.

Май 1893 г.

Баронъ Н. В. Дризень.

¹⁾ Пнляевъ „Старый Петербургъ“, стр. 433.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора С.-Петербургской духовной академіи.

ГЛАВА XXXV¹⁾.

О предметахъ, которымъ обучались мы, и объ учителяхъ, которые учили насъ въ риторикѣ, т. е. низшемъ отдѣленіи Рязанской семинаріи.

Два раза уже насъ переводили, два раза еще намъ послѣ пришлось переходить изъ одного класса въ другой, но переходъ изъ высшаго уѣзднаго училища въ низшее отдѣленіе семинаріи былъ особенно приятенъ и интересенъ. Во всѣхъ другихъ переходахъ мы и въ новомъ классѣ являлись зная уже другъ друга, напередъ могли рассчитать, кто будетъ занимать какое мѣсто; новость состояла въ томъ только, что часть прежнихъ товарищей, болѣе плохихъ, отдѣлялась, оставалась въ прежнемъ классѣ или вовсе исключалась. Да еще къ намъ присоединялась небольшая кучка старичковъ, которыхъ мы при своей относительной многочисленности, ранѣе или позже, такъ сказать, поглощали въ своей массѣ. Теперь же, кромѣ старичковъ, насъ новичковъ собрали изъ шести училищъ; между нами было шесть первыхъ учениковъ, шесть вторыхъ, шесть третьихъ и т. д. Какъ же намъ придется размѣститься. Кто изъ этихъ первыхъ будетъ первымъ? А второму ученику какого-либо училища не придется ли сѣсть на двадцатомъ мѣстѣ и попасть даже во второй разрядъ? Отвѣты на это были тѣмъ затруднительнѣе, что каждое училище считало себя лучшимъ изъ всѣхъ и своего перваго ученика гениемъ. А о старичкахъ нечего уже и говорить; они смо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXIX, сентябрь.

трѣли на насъ, какъ на мальчишекъ, какъ на бурсаковъ. Да и мы, правду сказать, видѣли въ нихъ существа высшаго разряда. Насъ сбивало съ толку слово: сочинять. Перевести что-нибудь съ латинскаго или греческаго языка на русскій и наоборотъ для насъ было дѣло извѣстное; но тутъ переводъ съ оригиналомъ имѣлъ почти всегда одинаковую величину, одинаковое число строкъ. А для сочиненія дадутъ какъ въ заглавіе только нѣсколько словъ, и ихъ теперь, по нашему мнѣнію, надобно было растянуть на страницу, на двѣ, даже на нѣсколько листовъ. Этой мудрости наши головы никакъ не понимали. Какъ же не благоговѣть предъ старичками, которые уже искусились въ ней?

Возникавшія такимъ образомъ сомнѣнія насчетъ своихъ мѣстъ по классу были, конечно, не очень пріятны. Зато другія обстоятельства льстили нашему самолюбію. Съ насъ теперь уже снимается позорное названіе бурсака или училищнаго мальчишки; мы уже семинаристы, настоящіе семинаристы. Начальникомъ нашимъ будетъ уже не смотритель, а ректоръ; учить насъ стануть не учителя, а профессора; даже уроковъ у насъ болѣе не будетъ; мы станемъ учить уже лекціи; намъ уже не нужно будетъ слушаться изъ уроковъ; мы знали, что въ реторикѣ не было ни аудиторовъ, ни нотатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, лелѣяла насъ надежда, что насъ не стануть сѣчь розгами. Слыхали, конечно, мы или, лучше, догадывались, что иногда ректоръ и инспекторъ у себя въ комнатѣ сѣкли реторовъ, но твердо не были въ томъ увѣрены. По крайней мѣрѣ мы вполнѣ уже знали, что въ реторикѣ нѣтъ ни дневальныхъ, ни сѣкуторовъ, ни заготовляемыхъ заранѣе розогъ; профессора никого не сѣкутъ, значить, и намъ не предстоитъ непріятность быть держателями своихъ товарищей или самимъ за урокъ растягиваться на полу и ощущать, какъ другіе товарищи быстро готовятъ насъ къ принятію лозы. Ну какъ же намъ было не гордиться своимъ высокимъ положеніемъ?

И вотъ мы съѣхались въ началѣ сентября. Несмотря на общее наше происхожденіе изъ духовнаго званія, на одинакую систему воспитанія, между нами можно было замѣтить порядочное различіе. Мы, ученики Рязанскаго училища, считали себя выше пригородскихъ (такъ звали учениковъ, поступившихъ изъ училищъ уѣздныхъ

городовъ, которые назывались пригородками) точно такъ же, какъ столичные жители съ пренебреженіемъ смотрятъ на провинціаловъ. Да и въ самомъ дѣлѣ мы уже знали многихъ изъ философовъ и богослововъ, да нѣкоторымъ изъ нихъ были извѣстны, осмѣливались раскланиваться и говорить съ ними, какъ съ знакомыми, умѣли, по пословицѣ, пускать пыли въ глаза пригородскимъ, тогда какъ эти съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли на тѣхъ же богослововъ и философовъ. Затѣмъ каждое училище имѣло свои отличительныя черты: за райцы явились къ намъ маленькими ребятами, шаловливыми, живыми и даже красивыми; сапожковцы — высокими, здоровыми, солидными молодцами; они, какъ послѣ оказалось, и по успѣхамъ были лучше другихъ; данковцы издавна слыли туповатыми, глуповатыми, но рослыми; это училище находилось долго подъ управленіемъ архіерейскаго оберъ-шпіона Грифцова, и было въ очень дурномъ состояніи; касимовцы слыли тоже издавна ребятами разбитными; скопинцы оказались толстоватыми, мѣшковатыми, застрашенными, забитыми; это происходило отъ тамошняго начальства, особенно отъ инспектора, священника Анисима Добромыслова. И намъ больно доставалось отъ лозы Родосскаго, но рассказы скопинцевъ про то, какъ ихъ поролъ Добромысловъ, заставляли насъ еще благословлять свою судьбу.

Но форсистость нашихъ старичковъ была еще выше нашей. Она происходила не только отъ того ихъ сознанія, что они уже умѣютъ сочинять, но и отъ того, что они имѣли надежнаго предводителя. Въ числѣ ихъ, даже первый между ними, былъ братъ ректора, Михаилъ Борисовичъ Чистяковъ, изъ котораго послѣ вышелъ очень дѣльный педагогъ и издатель множества дѣтскихъ книгъ. Но тогда онъ былъ такой же ребенокъ, какъ и мы, только съ прибавкою спѣсиваго сознанія, что онъ ректорскій братъ. Кромѣ того, Иліодоръ имѣлъ глупость сдѣлать его еще класснымъ старшимъ и черезъ то еще болѣе усилить ребячью спѣсь. Онъ былъ въ то время тоненькій, вытянувшійся мальчикъ, съ блѣдноватымъ, хотя и полнымъ личикомъ. И теперь не могу безъ смѣха вспомнить тогдашнюю его походку по классу. Онъ всегда ходилъ, такъ сказать, въ особенно-натянutomъ положеніи, т. е. наклонялся напередъ всѣмъ туловищемъ, начиная отъ пятокъ до головы,

такъ что вертикальная линия, проведенная отъ наиболѣе выдавшейся части лба или носа, встрѣчалась съ поломъ вершкахъ въ пяти отъ пальцевъ ноги. Равнымъ образомъ такая же линия, проведенная отъ заднихъ частей пятокъ, была бы отъ головы вверху тоже не ближе пяти першковъ. Кромѣ того, идя по классу, онъ направлялъ глаза свои только впередъ; мы, сидѣвшіе за партами, для него какъ-будто не существовали. Но уѣвши на своемъ мѣстѣ и приподнявшись съ него, онъ уже какъ съ нѣкоего трона посматривалъ на насъ, стараясь придать себѣ серьезное, даже грозное выраженіе, чтò вовсе не гармонировало съ его дѣтскою фізіономіей. Само собою, онъ былъ на сторонѣ старичковъ, какъ бывшихъ уже своихъ товарищей, а эти, имѣя предводителемъ такую сильную особу, относились къ намъ точно какъ встарину въ Римѣ патриціи къ плебеямъ.

Всѣхъ насъ, и рязанскихъ, и пригородскихъ, и старичковъ набралось слишкомъ 200 человекъ, и всѣ мы должны были сидѣть въ одной комнатѣ, т. е. аудиторіи. На стоявшихъ въ ней столахъ могли помѣститься никакъ не болѣе 150 человекъ; затѣмъ человекъ 60—70 помѣщались на пустомъ мѣстѣ сзади столовъ на одной сторонѣ класса, т. е. стояли на своихъ ногахъ, опираясь о спины сидящихъ товарищей, прислоняясь къ стѣнамъ или же безъ всякихъ опоръ и подпоръ. Но стоять 2—4 часа на одномъ мѣстѣ трудно; устанешь непремѣнно. И вотъ осужденные на стоянье присаживались на полъ не только до прихода учителя, но даже и во время его присутствія. Отъ сидѣнья на полу очень недалеко и до лежанья, и вотъ тамъ располагались, положивши подъ голову свои книги и фуражку. Въ такомъ положеніи какъ не заснуть, особенно когда лекція скучновата или ея вовсе нѣтъ, а г. профессоръ слушаетъ только одни уроки. Отъ всего этого происходило, что профессоръ спрашиваетъ какого-либо Орлова или Петрова, а эти господа заснули; ихъ толкаютъ, будятъ, хихикаютъ. Проснулись, встали, но заспаные глаза и не возвратившееся еще вполнѣ состояніе показываютъ, что господину еще нужно минуты двѣ-три, чтобы собраться съ духомъ и приготовиться къ отвѣту. Замѣтивъ это, товарищи смѣются, наставникъ тоже улыбается, а то и сердится. Въ другое время заснувшій, забывъ, гдѣ находится, не только сопѣлъ, но и всхрапывалъ; случалось, что иногда это дѣлали нѣсколько человекъ. И вотъ,

*

когда при тишинѣ и общемъ молчаніи раздавались подобные звуки, начинался уже настоящій смѣхъ. Иногда и самъ наставникъ, за- слышавъ подобные звуки или видя малое количество стоящихъ, не- ожидално отправлялся за парты на мѣсто покоя и заставлялъ тамъ не только сидѣвшихъ, лежавшихъ, спавшихъ, но и играющихъ въ карты. Все вставало, пробуждалось, пугалось и пр. Начинались увѣ- щанія, розыски и пр. Такимъ-то образомъ шло дѣло цѣлый годъ, потому что честное начальство не нашло времени или способовъ сдѣлать новые столы. Не болѣе удобенъ былъ классъ французскаго языка. Для него нашлась одна только комната, именно парадное зало, которое не только не отапливалось, но и не могло быть ота- пливо, потому что въ немъ не было печей; затѣмъ также не стояло ни одного стола, ни одного стула, ни одной скамьи. И по- тому ученики всѣ должны были стоять непремѣнно; сидѣть не осмѣ- ливались, потому не за чѣмъ было спрятаться. Кромѣ того, зимою было, конечно, не такъ холодно, какъ на дворѣ, однако, поставлен- ный термометръ показалъ бы, что температура ниже нуля. Не- смотря на наши тулупы, теплые чулки и сапоги, бывало, дрожимъ отъ холода. Но голова и вовсе не имѣла никакой защиты; фура- жекъ и шапокъ нельзя было надѣвать по миѣнню благочестиваго начальства.

И вотъ мы, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа, принялись за ученье. Но чуть не въ первый классъ намъ пришлось испытать большую неприятность. Мы, какъ я говорилъ, очень радовались по- ступленію своему въ реторику между прочимъ и потому, что теперь никто не станетъ прослушивать насъ изъ уроковъ, кромѣ наставни- ковъ, такъ водилось съ незапамятныхъ временъ. А тутъ вдругъ намъ объявляютъ, что мы, подобно училищнымъ мальчишкамъ, имѣемъ аудиторовъ, которыхъ мы должны были слушаться; имъ приказано завести нотаты и отмѣчать наше знаніе словами: отлично, очень или весьма хорошо и пр., до не знаетъ, не слушался. Объявлено было, что эти нотаты будутъ пересматриваемы не только учителями, но и ректоромъ или инспекторомъ, что по нимъ будутъ составляемы въ концѣ полугода списки нашихъ успѣховъ, и что, кромѣ того, увы, не знающимъ или плохо знающимъ, особенно не слушающимъ, грозятъ тѣ же самыя исправительныя мѣры, которыя

такъ щедро назначаются за тѣ же преступленія въ училищѣ. Мы вдругъ упали въ глазахъ и своихъ собственныхъ, и во мнѣніи какъ училищныхъ учениковъ, такъ и семинаристовъ-философовъ и богослововъ. Первые принялись намъ говорить: «вотъ вамъ и реторика, васъ также, какъ и насъ, сѣкутъ и слушаютъ, и на колѣни ставятъ». А философы и богословы тотчасъ же стали смотрѣть на насъ свысока, какъ-будто мы уже чрезъ аудиторство стали учениками не семинаріи, а училища. Тutory же между ними объявили своимъ подчиненнымъ, нашимъ товарищамъ, что они станутъ ихъ слушать по утрамъ до начала класса. И не только слушали, но и поспѣшили привести въ исполненіе угрозу начальства, высказанную противъ незнающихъ. Что дѣлалось на квартирахъ, для насъ, казенныхъ, не вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, но у себя въ комнатахъ менѣе нежели черезъ недѣлю мы уже увидѣли, какъ передъ нашими глазами разрисовывались педагогическія части тѣла нашихъ товарищей.

Предметы, которымъ тогда обучали въ реторикѣ, были не многочисленны, именно каждый изъ насъ учился только четыремъ предметамъ: реторикѣ, гражданской исторіи и греческому языку; а потомъ каждому надобно было избрать себѣ или французскій, или нѣмецкій языкъ; латинскій же языкъ считался, такъ сказать, необходимою частію реторики. По принятому тогда порядку, преподаваемые предметы имѣли неодинакое значеніе; главное, почти царственное значеніе, предоставлено было реторикѣ. Хотя въ то время по уставу слово это не существовало, а замѣнено было словомъ словесность, и самый классъ нашъ назывался также въ разговорѣ словесностію, но школьная наша словесность осталась по-прежнему реторикою, по крайней мѣрѣ вовсе не русскою словесностью.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ былыя времена до преобразования семинарій воскресить какого-либо римлянина и привести его въ классъ реторики, то онъ, по внимательномъ разсмотрѣніи преподаваемой науки, могъ бы подумать, что, вѣроятно, онъ находится въ школѣ какой-либо римской колоніи, гдѣ учатъ дѣтей латинской словесности. Онъ бы увидалъ, что печатный учебникъ написанъ на латинскомъ языкѣ, примѣры въ немъ часто взяты изъ Цицерона и другихъ римскихъ писателей; затѣмъ сочиненія для упражненія даются почти всегда на латинскомъ же языкѣ. Одно только бы ему показалось неприят-

нымъ, что его національный языкъ въ этой школѣ изуродованъ варварами, что, несмотря на встрѣчающіяся имена Цицероновъ, Виргиліевъ и пр., латынь, имъ слышанная, отзывается какими-то варварскими оттѣнками. Разумѣется, онъ подумалъ бы, что колонисты смѣшались съ варварами, смѣшали свой отечественный языкъ съ варварскимъ и составили какой-то своеобразный идиомъ полулатинскій и полуварварскій. Новымъ профессорамъ дозволено, даже едва ли не приказано было оставить старые учебники, но прежняя записка осталась во всей силѣ. Поступившій въ Рязанскую семинарію въ 1820 году профессоръ Ареопагитскій давалъ свои лекціи, но на латинскомъ языкѣ и притомъ въ родѣ введенія предположительно чуть не всю первую часть тогдашней логики и много статей изъ психологіи. Въ слѣдующій курсъ онъ сократилъ свои лекціи, но латинскій языкъ остался неизмѣннымъ. При нашемъ переходѣ въ реторику Ареопагитскій оставлялъ семинарію; поэтому сначала недѣли полторы къ намъ не ходилъ, но и вмѣсто него никто не былъ присылаемъ, но потомъ начальство наше упростило его почитать насъ.

Пространныхъ, даже черезчуръ пространныхъ своихъ лекцій Ареопагитскій намъ не навязывалъ; онъ выбралъ намъ очень краткій печатный учебникъ нѣкоего Бургія, разумѣется, на латинскомъ языкѣ, какъ того требовали предрасудки, господствовавшіе тогда въ семинаріяхъ. Учебникъ Бургія раздѣлялся на двѣ части: первая состояла почти изъ однихъ слишкомъ уже краткихъ опредѣленій, часто касавшихся вовсе не сущности предмета, а, такъ сказать, внѣшней его формы. Наприм., отличительною чертою періодовъ у него служили частицы: такъ, причинный періодъ былъ тотъ, въ которомъ употреблялись частицы: *quia*, *quoniam* (потому что) и проч. Самъ періодъ былъ только *imum fundamentum totius eloquentiae* (нижнее основаніе всего краснорѣчія). *A Rhetorica est ars bene, ornate, copiose et (кажется) eleganter dicendi* (реторика есть искусство говорить хорошо, красно, обильно и элегантно). Неудовлетворительность такого учебника могъ бы, конечно, вознаграждать наставникъ своими хорошими объясненіями; но Ареопагитскій этимъ не любилъ заниматься, а вѣроятно же всего даже и не умѣлъ. Въ первый классъ онъ дѣйствительно говорилъ что-то

похожее на лекцію, но большинство насъ могло упомнить изъ нея почти только одни слова: поколику, потолику, которыя онъ очень щедро всюду примѣнялъ. Послѣ мало-по-малу онъ оставилъ всѣ свои объясненія и свои поколику, потолику, а уже просто-напросто задавалъ уроки отселѣ и доселѣ. Но Бургій былъ слишкомъ кратокъ; то, что слѣдовало пройти въ сентябрьскую треть, мы могли выучить въ нѣсколько недѣль. Какъ же теперь оставаться безъ уроковъ ученикамъ? Какія же отмѣтки дѣлать намъ въ прямо-угольникахъ нотать? Уроки надобны были. Ареопагитскій отыскалъ ихъ въ реторикѣ Лежая. По своимъ правиламъ краснорѣчія, она отличалась, кажется, еще большею краткостью, нежели Бургій, но зато объемиста была множествомъ рѣчей, которыя произносили римскія разныя лица, встрѣчающіяся въ римской исторіи. Римскіе герои, если судить о нихъ по Титу Ливію, Саллюстію, отличались въ своихъ рѣчахъ лаконизмомъ; о длинныхъ періодахъ нѣмецкаго издѣлія и о краснорѣчьи реторовъ они понятія, кажется, не имѣли. Но г. Лежай вложилъ въ уста ихъ такія рѣчи на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ почти ничего не было спроста сказано, которыя изобиловали, какъ въ старое время выражались въ семинаріяхъ, всѣми цвѣтами краснорѣчія, т. е. краснорѣчья; притомъ онѣ отличались длиннотою такъ, что иная рѣчь полководца, стоявшаго предъ лицомъ грознаго непріятели, могла поспорить съ иною изъ нашихъ проповѣдей. Реторическихъ правилъ Лежая мы не касались, но зато выдуманная имъ рѣчь должны были заучивать наизусть, слово въ слово. И нельзя не сознаться, что для большей части изъ насъ это заучиванье было едва-ли не тяжелѣе, нежели для римлянъ побѣда, которую они яко-бы послѣ такой рѣчи одерживали надъ непріателемъ; многіе же изъ моихъ любезныхъ товарищей рѣшительно не могли пересилить противопоставленнаго имъ врага, т. е. заучить рѣчь. Вторымъ пособіемъ для обученія насъ, русскихъ ребятъ, краснорѣчю было небольшое сочиненіе Цицерона, подъ названіемъ *Consolatio*; мы его называли консолаціею. Цицерона, разумѣется, нельзя не уважать за многія его прекрасныя, увлекательныя рѣчи, за его философскія сочиненія, напр.: «*De officiis*», «*De senectute*», «*De natura deorum*» и пр. Но про консолацію его можно сказать, что едва-ли кто на свѣтѣ такъ краснорѣчиво печалился о

смерти своей дочери. Спроста тутъ мало говорится; фраза за фразою такъ и слѣдуютъ. Вотъ эту-то консолацію мы и должны были переводить на русскій языкъ, выписывать на особыя тетради и заучивать тѣ фразы, которыя заслуживали вниманія. Знакомили, конечно, насъ и съ россійскимъ, позвольте такъ выразиться, діалектомъ. Въ это время уже кое-что написалъ Пушкинъ, издалъ нѣсколько томовъ своихъ сочиненій Жуковскій, Карамзинъ напечаталъ уже свою исторію; но намъ о Пушкинѣ запрещено было и думать и говорить; мы его сочиненія списывали тайкомъ. Даже сочиненія Карамзина нашимъ ригористамъ казались не очень благонамѣренными. Зато дано было полное благословеніе читать сочиненія Хераскова, его «Россиаду», «Кадма» и «Гармонію». Такое же благословеніе распространялось на переводы сочиненій нѣкоторыхъ мистиковъ, особенно Эккартсгаузена; даже сочиненія г-жи Гіонъ, тогда еще не считавшіяся еретическими, намъ давали для чтенія. Но болѣе всего ректоръ настаивалъ, чтобы читали книжки журнала «Христіанское чтеніе». И при чтеніи русскихъ книгъ намъ приказывали держаться той же методы, которой держались при переводѣ консолацій Цицерона, т. е. мы обязывались выписывать на особыя тетрадки тоже фразы, только русскія; изъ мыслей же намъ слѣдовало обращать вниманіе на такъ называемые сравнительные періоды.

Кромѣ выписокъ, т. е. выписыванія нами изъ книгъ различныхъ фразъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, у насъ были и другія практическія занятія по части словесности; это такъ называемыя сочиненія или задачи. Онѣ раздѣлялись на два рода: на сочиненія письменныя и на экспромпты. Первые должно было писать въ видѣ тѣхъ риторическихъ формъ, которыя въ то время считались въ семинаріяхъ безусловно необходимыми; сюда принадлежали: одиннадцатъ періодовъ, т. е. причинный, сравнительный, уступительный, условный, относительный и пр. Хрія порядочная (*ordinata*), простая и афніанова, хрія превращенная: 1-го рода чрезъ предъидущее и послѣдующее (*per antecedens* и *consequens*) и 2-го рода — чрезъ положеніе и противоположеніе (*per thesin* et *hypothesin*), силлогизмы, простые и сложные, всѣхъ сортовъ фигуры и наконецъ рѣчи или разсужденія. Реторика Бургія тѣмъ была замѣчательна, что

авторъ ея ухитрился какимъ-то образомъ на всѣ безъ исключенія формы составить образцы изъ одного предложенія: *honores mutant mores* (почести измѣняютъ нравственность).

Экспромпты назначались собственно для классовъ. Здѣсь наставникъ давалъ предложеніе почти всегда на латинскомъ языкѣ, и ученики обязывались составить какое-либо сочиненіе въ своей головѣ и произнести его устнымъ образомъ, но никакъ не писать и не читать по написанному. Чтобы нельзя было отступить отъ этого правила, въ экстренныхъ случаяхъ, наприм. на экзаменахъ, учениковъ вызывали на средину класса къ столу наставника, гдѣ они и должны были сочинять свои экспромпты. У насъ изъ періодовъ приказывалось употреблять преимущественно сравнительный и уступительный; прочіе періоды, какъ бы хорошо ни были составлены, не имѣли хода; конечно, и ихъ употребляли, но сочинявшаго ихъ за это самое уже не считали успѣшнымъ ученикомъ. Бойкіе ребята рѣшались экспромпты свои облекать въ формы хрій; кто хотѣлъ отличиться оригинальностью и затѣйливостью, тѣ употребляли нѣкоторыя изъ фигуръ мыслей. Впослѣдствіи экспромптами стали называться тѣ письменныя сочиненія, которыя нужно было сочинять не выходя изъ класса.

И письменныя сочиненія, и экспромпты, излагаясь въ такихъ солидныхъ формахъ, какъ періоды, хрій и пр., должны были составлять на предложенія тоже солиднаго характера. Описаніе какого-либо физическаго явленія или рассказъ о какомъ-нибудь событіи считались недостойными пера и головъ семинарскихъ реторовъ. Имъ большею частію давались для сочиненія предложенія нравственнаго содержанія; въ царствованіе Николая вошли въ моду русскія пословицы или изреченія древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ; это уже былъ своего рода либерализмъ. Намъ Ареопагитскій далъ сначала одно за другимъ два предложенія: *otium est turpe* (праздность постыдна) и *virtus est colenda* (должно быть добродѣтельнымъ). Для многихъ изъ насъ эти предложенія послужили камнемъ преткновенія даже при переводѣ ихъ на русскій языкъ; не всѣ мы были хорошими латинистами даже для того, чтобы понять смыслъ этихъ предложеній. *Otium* у насъ главнымъ образомъ означало спокойствіе, *turpis* — гнусный, *colo* — обрабо-

тываю, пашу. Такимъ образомъ многіе перевели данныя предложенія слѣдующимъ образомъ: покой есть гнусенъ и добродѣтель должна быть обрабатываема и т. п. Вѣдь трудно было на такого рода предложенія написать даже что-нибудь, а на послѣднее требовались отъ насъ всѣ 11-ть періодовъ, притомъ на латинскомъ языкѣ.

Прошло уже $5\frac{1}{2}$ лѣтъ со времени моего поступленія въ училище до того, какъ я началъ слушать лекціи Ареопагитскаго. Въ это время пришлось мнѣ многократно и многообразно знакомиться съ розгами Миртова, Краснова, Родоссаго, съ двухвосткою Вихирева, даже съ плетью Траянова. Но, признаюсь, я боялся Ареопагитскаго едва-ли не болѣе всѣхъ учителей своихъ. Относительно этихъ я по крайней мѣрѣ зналъ, за что они меня накажутъ, въ какомъ случаѣ не только не накажутъ, но и похвалятъ. Но у Ареопагитскаго ничего нельзя было рассчитать; самый лучший ученикъ за самое лучшее сочиненіе могъ быть обруганъ какъ нельзя хуже за одно какое-либо неудачное выраженіе. Чтобы понять весь страхъ, который мы испытывали предъ этимъ господиномъ, я сначала опишу его внѣшность.

Ареопагитскій былъ ростомъ около $2\frac{3}{4}$ аршинъ, если не болѣе, и при такомъ ростѣ казался толстымъ. Поэтому, по всей вѣроятности, вся масса его вѣсила до 10-ти пудовъ. Этотъ полновѣсный и многовѣсный господинъ говорилъ довольно густымъ басомъ, который въ минуты негодованія владѣльца его переходилъ въ какую-то пискливую фистулу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ похожъ на сильный вѣтеръ, который на просторѣ производитъ звуки низкаго тона, но принужденный проходить узкимъ отверстіемъ или какою-либо щелью издаетъ высокій, рѣзкій и непріятный визгъ.

Въ Петербургѣ я былъ нѣсколько знакомъ съ Ареопагитскимъ и находилъ обращеніе его мягкимъ, деликатнымъ и вѣжливымъ. Такой же отзывъ я слыхалъ отъ болѣе близкихъ съ нимъ знакомыхъ и даже отъ его подчиненныхъ по службѣ. Но, какъ учитель, онъ обнаруживалъ самый бранчливый характеръ. Конечно, легко было заслужить его и благоволеніе; для этого стоило въ письменномъ сочиненіи или экспромптѣ употребить одну изъ тѣхъ фразъ, которыя недавно встрѣтились въ переводахъ реторики Лежая или консолаци

Цицерона и имъ были особенно рекомендованы. «Хорошо, хорошо, спасибо», проговорить, бывало, нашъ грозный педагогъ, не съ особенною привѣтливостью или пріятною улыбкою, но по крайней мѣрѣ не отругаетъ. Зато и негодование его легко пробуждалось, какъ скоро услышитъ онъ выраженіе не по его вкусу или встрѣтитъ въ сочиненіи незатѣйливую простую латынь, не испещренную фразами. Любимою его бранью были слова: каналья и шельма. Непрѣтно было подобныя привѣтствія выслушивать при 200 товарищахъ, но когда негодование педагога усиливалось, — а это случалось чуть ли не каждый классъ, — то каналья и шельма, произносимыя прерывающимся, пискливымъ голосомъ, принадлежавшимъ десятипудовому пугалу, производили какое-то оупляющее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время пугало выражало свое негодование и раскраснѣвшимся лицомъ, и глазами, готовыми будто выскочить изъ своихъ мѣстъ, и жестами рукъ, а часто стукомъ кулаковъ и ногъ. Это былъ разъяренный не Юпитеръ, а Вулканъ, но намъ отъ этого не было легче. Къ счастью нашему, учителямъ въ семинаріи не предоставлено было тогда право наказывать насъ розгами; нашъ Вулканъ далъ бы себя знать гораздо чувствительнѣе, нежели Родоскій и даже Поликарпъ.

Кромѣ привѣтствій, въ родѣ канальи и шельмы, Ареопагитскій по вергалъ насъ и наказаніямъ. Обыкновеннѣйшее изъ нихъ состояло въ словахъ: на заднюю парту или на конецъ парты. Въ первомъ случаѣ надобно было бы искать себѣ пріюта гдѣ-нибудь на заднихъ столахъ, но тамъ уже все было переполнено, да еще оставалось вовсе безъ мѣстъ человекъ 60—70. Ну, и приходилось даже лучшему ученику за одно какое-либо неудачное выраженіе оставаться надолго безъ мѣста. Въ другомъ случаѣ, сѣвши на конецъ парты, можно было постепенно опять добраться до своего мѣста, потому что другіе ученики, которыхъ послѣ посылаетъ педагогъ на конецъ парты, постоянно повышаютъ своихъ тамъ предшественниковъ. Другое наказаніе выражалось словами: къ двери на колѣна. Тутъ иногда цѣлая половина парты и даже болѣе дѣлалась пустою, а у двери на колѣнахъ собиралось многое множество учениковъ; они мало-по-малу уходили за столы, а иногда почти никого не оставалось изъ колѣнопреклоненныхъ на виду. Тутъ иногда про-

фессоръ кричалъ: «Эй, каналы, куда же вы дѣвались? Выходите же!». И вотъ одинъ по одному каналы начинаютъ выдвигаться изъ-за столовъ на средину класса, шмыгая по полу своими колѣнами, и тѣмъ успокоиваютъ раздраженное правосудіе.

Такъ какъ Ареопагитскій почти никогда посланныхъ имъ къ двери на колѣна или на конецъ парты не возвращалъ на прежнія мѣста, а съ другихъ столовъ никто не садился произвольно на вакантныя мѣста, то случалось, что до половины мѣсть на иномъ столѣ оставались пустыми, тогда какъ множество народа стояло на ногахъ или лежало на полу, какъ мы выражались, въ растяжку. Другіе посмѣлѣе чрезъ нѣсколько дней сами возвращались на свои мѣста, не получивъ на то позволенія отъ г. профессора. Забывалъ ли онъ о своихъ прежнихъ распоряженіяхъ или не хотѣлъ навлекать на себя лишнія хлопоты, или, можетъ быть, раскаявался въ своей опрометчивости, только подобные самовластные поступки учениковъ большею частію оставались безъ замѣчанія съ его стороны. Вообще мы нерѣдко замѣчали, что Ареопагитскій во время вспышекъ своего гнѣва бывалъ какъ-будто въ какомъ-то забытьѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе часто спрашивать, какъ мы говорили, «по партамъ», т. е. къ ряду учениковъ, сидящихъ за однимъ столомъ, произнося слово: слѣдующій. Вотъ, бывало, сидитъ онъ разгнѣванный на своемъ мѣстѣ, уставя неподвижно куда-нибудь свои выкатившіеся глаза, выслушиваетъ какіе-либо экспромпты, раздариваетъ щедро слова канала и шельма, покрикиваетъ «слѣдующій», посылаетъ къ ряду цѣлый десятокъ и болѣе на конецъ парты или къ двери на колѣна, рѣшительно не объясняя, за чтѣ такой приговоръ произносится; въ это время приговоренному можно было оставаться на своемъ мѣстѣ, и полузабывшійся Вулканъ не замѣчалъ ослушанія.

Иногда происходили въ такихъ случаяхъ очень забавныя сцены. Вотъ раздраженный, раскричавшійся Ареопагитскій приподнялъ ученика, который сидѣлъ первымъ не на переднихъ столахъ, а на второмъ или третьемъ ряду ихъ. Ученики, которымъ не нравились привѣтствія въ родѣ шельмы или канала, или не хотѣлось слышать приговоры къ двери на колѣна, или на конецъ парты, открыто, безъ церемоніи перелѣзали на болѣе заднюю парту, скрывались за нее или присаживались за своего товарища такъ, чтобы ихъ не

было видно. Тутъ послѣ перваго ученика на партѣ при словѣ «слѣдующій» вставалъ иногда уже пятый, десятый и пр., а человѣкъ черезъ пять уже не оказывалось никого на партѣ и по слову «слѣдующій» уже никто не встаетъ. «Что же тамъ никто не встаетъ?» вскрикнетъ Ареопагитскій; «всѣ убрались, канальи, ну, туда и дорога!» и принимается спрашивать другую особенную парту, съ которой ученики не имѣли обычая дѣлать описанныя переселенія. Случалось иногда, что Ареопагитскій самъ замѣчалъ, какъ ученики перелѣзаютъ на другія парты съ той, которую онъ началъ спрашивать. «Что, канальи, скажетъ тутъ, полѣзли, экъ они! ну, туда и дорога!».

Однажды лицо, совершенно не принадлежащее къ классу, подверглось негодованію нашего грознаго педагога. Во время сильнаго его негодованія кто-то постучался у наружной стороны двери нашего класса; на этотъ стукъ обыкновенно кто-либо изъ сидѣвшихъ вблизи двери учениковъ выходилъ, чтобы узнать, кому и кого нужно. Но тутъ видя, что наставникъ находится въ какомъ-то бѣшеномъ экстазѣ, никто не тронулся съ мѣста. Стучавшій, полагая, что онъ стучить не очень сильно, началъ дѣйствовать поэнергичнѣе, наконецъ, не получая никакого отвѣта, онъ уже такъ застучалъ, что самъ Ареопагитскій примолкъ. «Посмотрите, кто это тамъ», сказалъ онъ со сдержаннымъ негодованіемъ. Стучавшій былъ по несчастію дьячокъ И когда Ареопагитскій услышалъ, что его патетическая лекція прервана такимъ ничтожнымъ и презрѣннымъ созданіемъ, то вышелъ совершенно изъ себя. «Сюда его, каналью, сюда его!» закричалъ онъ. Дьячка втащили въ классъ. «Ты это что тамъ забарабанилъ, каналья? Вѣрно думалъ, шельма, что на колокольню залѣзъ. Вотъ я тебя. На колѣна, каналья, на колѣна!» . И растерявшійся дьячокъ смиренно сталъ на колѣна въ срединѣ пустаго пространства противъ стола профессора и простоялъ до конца класса.

У такого-то учителя мы начали курсъ той словесности, которая должна была положить основаніе къ тому, что изъ насъ вышли проповѣдники слова Божія на церковныхъ кафедрахъ. Впрочемъ, о русскомъ языкѣ онъ не очень и заботился; латынь, латынь, вотъ чему онъ насъ главное училъ. Но и латынь наша подъ его

вліяніемъ была не римская, а какая-то русская, семинарская. Желая угодить своему грозному наставнику или по крайней мѣрѣ избѣжать его привѣтствій въ родѣ: «каналья, шельма», мы всячески старались изукрасить свои періоды и хрии всѣми фразами, которыя намъ подъ руку попадались; спроста сказать, ясно и просто выразить мысль считалось недостаткомъ; напротивъ, чѣмъ затѣйливѣе, замысловатѣе, растяжнѣе была рѣчь, тѣмъ болѣе она нравилась намъ. Вотъ, напр., образчикъ, какъ мы смотрѣли на краснорѣчіе. Если бы намъ нужно было сказать по-латыни: всѣ люди должны любить Бога, то мы никакъ не осмѣлились бы выразить эту мысль на латинскомъ языкѣ словами: *omnes homines ament Deum*, или *omnes homines Deum amare debent*. Мы бы постарались вмѣсто 4—5 словъ написать нѣсколько строкъ, напр., *omnes, quotquot sunt, qui hanc, quam vivimus, vitam peragunt, homines, inexstinguibilibi erga post-
rum omnipotentem et omniscientem Creatorem amoris igne flammare debent*, т. е. всѣ люди, сколько ихъ ни есть, которые живутъ тою же жизнію, которую ведемъ и мы, должны пламенѣть неугасимымъ огнемъ любви къ нашему всемогущему и всевѣдущему Творцу. И повѣрьте, подобнаго рода длинноглаголаніе нашему наставнику понравилось бы несравненно болѣе, нежели 4—5 словъ, выразившихъ ту же самую мысль, только съ полною ясностью и простотою.

Къ счастью нашему, Ареопагитскій училъ насъ недолго; на мѣсто его присланъ былъ къ концу сентябрьской трети магистръ Московской духовной академіи, Николай Ивановичъ Надеждинъ, сдѣлавшійся послѣ извѣстнымъ и въ литературѣ. О немъ я скажу тоже въ особой главѣ, а теперь займусь другими тогдашними нашими педагогами.

Гражданской исторіи временно насъ обучалъ священникъ, кандидатъ Московской духовной академіи, Петръ Васильевичъ Пospelовъ. Мало я встрѣчалъ людей, которые были бы простодушнѣе и добрѣе его. Правда, мы иногда умѣли выводить его изъ терпѣнія; но въ это-то время еще яснѣе становилось, что онъ неспособенъ сердиться, что гнѣвъ вовсе не къ лицу ему. Относительно преподаванія имъ исторіи нечего распространяться;

онъ намъ ея не преподавалъ, а задавалъ только уроки изъ нея и прослушивалъ ихъ, да еще пошучивалъ съ нами, а главное на наши нотаты не обращалъ никакого вниманія. Я объ немъ еще буду говорить, когда дѣло дойдетъ до богословскаго класса, гдѣ онъ читалъ библейскую и церковную исторію и греческій языкъ. Теперь же онъ пересталъ у насъ профессорствовать вмѣстѣ съ Ареопагитскимъ, и мѣсто его занялъ только-что кончившій курсъ въ Московской духовной академіи кандидатъ Александръ Васильевичъ Виноградовъ. Ему поручено было преподавать также еврейскій языкъ, за что онъ отъ богослововъ получилъ прозвище: «шева», такъ почти всѣ заочно его и звали.

Виноградовъ по добротѣ души своей развѣ немного уступалъ Поспѣлову, только держалъ себя солиднѣ послѣдняго. Говорили, что онъ очень умный человѣкъ, но мы въ классѣ своемъ вовсе не видали доказательствъ его ума. Онъ только и выдалъ намъ введеніе въ исторію, написанное не совсѣмъ хорошимъ слогомъ, а затѣмъ училъ почти такъ же, какъ и его предшественникъ, т. е. давалъ уроки изъ тогдашняго учебника Шрека и прослушивалъ ихъ. Собственно лекцій онъ намъ не говаривалъ, да едва-ли могъ и говорить. Прежде всего онъ нѣсколько заикался. Потомъ, несмотря на довольно крѣпкую повидимому организацію, онъ прѣхалъ къ намъ съ матовымъ оттѣнкомъ на лицѣ и съ глухимъ, какъ бы гробовымъ голосомъ, признаками зарождающейся чахотки, отъ которой впоследствии онъ и умеръ.

Несмотря на доброту его, у насъ не было къ нему любви, даже уваженія. Причиною того были два обстоятельства. Онъ любилъ пересматривать наши нотаты и налагать наказанія тѣмъ, которые записаны были въ нихъ незнающими, даже жаловался и ректору, за что, разумѣется, намъ спасибо не говорили. Но болѣе всего онъ не понравился тѣмъ, что задавалъ очень большіе, по нашему мнѣнію, уроки. Неудовольствіе свое въ послѣднемъ случаѣ мы обыкновенно любили выражать слѣдующимъ образомъ. Услыхавъ, сколько онъ задалъ страницъ урока, мы начинали сначала глухо, низкимъ тономъ, говорить: много, много; потомъ, когда онъ послѣ молитвы обращивался къ двери, чтобы уйти изъ класса, мы возвышали тонъ и достигали до самыхъ высокихъ нотъ. Можете судить, что-за шумъ

и гамъ происходилъ, когда если не всѣ 200, но по крайней мѣрѣ 100 человекъ кричали: много, много. Виноградовъ останавливался, возвращался назадъ, старался разыскать, кто шумѣлъ, но, обратившись къ одной сторонѣ, онъ слышалъ шумъ съ другой и обратно. Не помогло ему и то обстоятельство, что онъ началъ задавать уроки не вслухъ, а одному старшему. Мы хоть ровно ничего не знали, сколько страницъ намъ приказывается выучить къ слѣдующему классу, все-таки кричали: много, много!. Бывали случаи, что онъ даже и не задавалъ уроковъ въ классѣ, но мы все-таки ревѣли свою, такъ сказать, бурсацкую марсельезу, пока наконецъ начальство очень энергической мѣрою не положило конецъ нашему революціонному настроенію.

Прочіе предметы намъ преподавались уже не настоящими профессорами или учителями, а лекторами. Дѣло состояло въ томъ, что по случаю недостатка въ наставникахъ, или изъ желанія облегчить ихъ, давались имъ въ помощники лучшіе ученики богословія, которые и назывались лекторами. Почтеннѣйшимъ изъ нихъ былъ лекторъ словесности, которымъ у насъ былъ мой тудоръ Вихиревъ. Этотъ лекторъ иногда ходилъ и въ классъ вмѣсто профессора, особенно когда нужно было только переводить Лежая или Цицерона. Но главною его обязанностью было читать и исправлять наши сочиненія и давать имъ рекомендаціи. Дѣло это велось очень часто самымъ небрежнымъ образомъ. Г-ну лектору почему-либо не заблагоразсуждалось самому трудиться надъ оцѣнкою нашихъ литературныхъ произведеній; онъ раздавалъ ихъ своимъ пріятелямъ-товарищамъ, а иногда и аматерамъ-философамъ. Охотниковъ набиралось очень много; вѣдь всякому пріятно было разыграть нѣчто въ родѣ профессора словесности, покритиковать наши задачи, посмѣяться надъ нашими промахами и съ розмахомъ подписать: *bene* или *male* (хорошо или худо) и пр. Со мною жилъ въ одной комнатѣ очень посредственный ученикъ философіи Степанъ Волковъ. Онъ, составляя свои сочиненія, очень часто спрашивалъ у меня, какъ то или другое слово выражается на латинскомъ языкѣ, принимаетъ ли сослагательное или изъявительное наклоненіе та или другая частица, какого падежа требуетъ тотъ или

другой глаголь и пр., и между тѣмъ этотъ господинъ особенно любилъ читать или, какъ тогда выражались, черкать наши задачи.

Прочіе лекторы преподавали языки французскій, нѣмецкій и греческій. Сами профессора читали языки новѣйшіе только ученикамъ средняго отдѣленія, а въ низшемъ отдѣленіи учительствовали уже лекторы. Относительно греческаго языка было особое распоряженіе. Первый высшій классъ составлялся изъ богослововъ, но къ нимъ присоединялось до половины лучшихъ философовъ. Остальные затѣмъ, съ присоединеніемъ къ нимъ лучшихъ ретористовъ, составляли второй классъ. Наконецъ къ третьему классу принадлежали ретористы, не попавшіе во второй. Въ первомъ классѣ преподаетъ греческій языкъ профессоръ, а во второмъ и третьемъ уже лекторы. У насъ лекторами были по языкамъ: нѣмецкому—Обновленскій, французскому — Грифцовъ, по греческому тотъ же Обновленскій и Ситковскій. Изъ нихъ Грифцовъ даже между семинаристами не считался знатокомъ французскаго языка. Его сдѣлали лекторомъ во вниманіе къ его шпионскимъ качествамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣло о самовольномъ прїѣздѣ въ Москву тобольскаго архіепископа Симеона, въ 1661 году.

(Очеркъ изъ жизни XVII в.)¹⁾.

I.

Предлагаемое дѣло очень любопытно для характеристики отношеній духовныхъ и свѣтскихъ властей въ XVII вѣкѣ. Нигдѣ эти отношенія не выливались въ такой яркой формѣ и не доходили до такой крайности, какъ именно въ далекой отъ Москвы Сибири, гдѣ самостоятельность воеводъ сплошь и рядомъ граничила съ полнѣйшимъ самоволіемъ... Появленіе въ Сибири высшихъ представителей духовной власти—архіепископовъ, не только свободныхъ отъ подчиненія воеводской власти, но даже подчинившихъ себѣ послѣднюю на первыхъ порахъ—было сильнымъ ударомъ, направленнымъ противъ самоволія сибирскихъ сатраповъ. Царскаго наказа первому сибирскому архіепископу Кипріану не сохранилось, но изъ другихъ документовъ видно, что ему было дано широкое право высшаго и непосредственнаго надзора за «всякимъ государевымъ дѣломъ» въ Сибири: «онъ могъ—говоритъ проф. Буцинскій—всюду вмѣшиваться, всѣмъ руководить и о всемъ доносить правительству»²⁾. Въ сохранившемся наказѣ второму архіепископу Макарію отношенія его къ воеводамъ ясно опредѣлены такъ: «да держати архіепископу съ бояриномъ и воеводами и дьяки совѣтъ о великихъ государевыхъ дѣлахъ, опричь кровныхъ и убійственныхъ дѣлъ... А услышитъ архіепископъ какое безчинство въ сибирскихъ людяхъ... или въ самихъ бояринѣ и воеводахъ и въ дьякахъ... и архіепископу ихъ о

¹⁾ Очеркъ основанъ на документахъ Московскаго архива министерства юстиціи: см. Сибирскаго приказа столбцы №№ 569, 582 и 592-й.

²⁾ См. „Открытие Тобольской епархіи и первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ“ проф. П. Н. Буцинскаго. (Харьковъ, 1891), стр. 28—29.

томъ поучати со умиленіемъ, а не начнутъ слушати, и архіепископу имъ говорити съ запрещеніемъ, а не уймутца за его поученіе и запрещеніе, и архіепископу тогда писати о тѣхъ ихъ безчинствахъ ко государю царю... и ко отцу его... патриарху... А боярину и воеводамъ... въ государевѣ наказѣ о томъ писано жъ... А увѣдаетъ архіепископъ у боярина и воеводъ... какое небереженіе и людемъ отъ кого насильство и налоги неподѣльно, и архіепископу о томъ боярину и воеводамъ и дьякамъ говорити дважды и трижды..., а не послушаетъ бояринъ и воеводы и дьяки архіепископа, и архіепископу о томъ писати ко государю царю... и ко ево отцу...» ¹⁾).

Понятно, съ какимъ негодованіемъ встрѣтили Кипріяна сибирскіе воеводы и вообще служилые люди, ясно понявшіе роль новой власти — быть охранителемъ и «печальникомъ» предъ государемъ за интересы «государевыхъ сиротъ», угнетаемыхъ «государевыми холопами»... «Они хорошо понимали—говорить проф. Буцинскій, что Киприанъ будетъ печальникомъ за всѣхъ обиженныхъ, будетъ писать царю и патриарху о всѣхъ ихъ беззаконіяхъ и его донесенія будутъ подѣйствительныѣ, чѣмъ жалобы на нихъ посадскихъ людей, крестьянъ и инородцевъ» ²⁾).

И дѣйствительно, Киприанъ вполне оказался на высотѣ своего призванія. Онъ сердечно вникалъ въ нужды и русскаго и инородческаго населенія Сибири, основательно изучалъ ихъ и обстоятельно доносилъ о томъ въ Москву ³⁾). Правительство внимательно прислушивалось къ голосу этого высоко-честнаго и умнаго человѣка и совѣтовалось съ нимъ по сибирскимъ дѣламъ. Какъ оно цѣнило Кипріяна—показываетъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто одной царской грамоты къ архіепископу: «ты, богомолецъ нашъ, то учинилъ гораздо, что о нашемъ дѣлѣ радѣешь и всякихъ людей нужу разсмотрѣешь и намъ о томъ вѣдомо чинишь...» ⁴⁾).

Нечего и говорить, что такое направленіе дѣятельности Кипріяна принесло бы богатые плоды, если бы онъ могъ идти рука въ руку въ союзѣ со свѣтскими властями. Но этого не было, по крайней мѣрѣ за первые годы его архіепископства, пока воеводствовалъ въ Tobольскѣ бояринъ Матвѣй Михайловичъ Годуновъ. И самъ Годуновъ, и другіе служилые люди сразу стали во враждебныя отношенія къ Киприану, и эта вражда тянулась за все время воеводства Годунова ⁵⁾). Вражда до того

¹⁾ См. „Сибирскіе архіепископы Макарій, Нектарій, Герасимъ“ проф. Буцинскаго. (Харьковъ, 1891), стр. 9.

²⁾ „Киприанъ“, 44.

³⁾ Ibid., 53—56.

⁴⁾ Ibid. 55.

⁵⁾ Ibid., 15, 17, 18, 22, 45—49, 51.

обостралась, что по свидѣтельству одной царской грамоты Березовскому воеводѣ—«служилые и всякихъ чиновъ люди учинили межъ собою совѣтъ—въ духовныхъ дѣлахъ богомольца нашего архіепископа Кипріана и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ»... ¹⁾). Нерѣдко дѣло доходило до открытыхъ всенародныхъ демонстрацій—«мятежей» служилыхъ людей противъ архіепископа ²⁾...

Вражда служилыхъ людей къ Кипріану значительно ослабѣла, когда преемникомъ Годунова былъ назначенъ извѣстный дѣятель, бояринъ кн. Юрій Яншеевичъ Сулешовъ, человѣкъ—по справедливому отзыву проф. Буцинскаго—«добросовѣстный, дѣятельный и энергичный», установившій хорошія отношенія къ архіепископу ³⁾). Въ такихъ же добрыхъ отношеніяхъ находился Сулешовъ и къ преемнику Кипріана, архіепископу Макарію, при которомъ, даже послѣ отъѣзда изъ Сибири Сулешова, совсѣмъ не видимъ враждебныхъ отношеній служилыхъ людей къ высшей духовной власти края ⁴⁾).

Но при преемникахъ Макарія, борьба опять возгорѣлась. Хотя въ это время сибирскіе воеводы уже не стояли въ такой прямой зависимости отъ архіепископовъ, какъ это было при Кипріанѣ и Макаріи, тѣмъ не менѣе за сибирскими архіепископами осталось и ихъ независимое отъ воеводской власти положеніе, и ихъ право «печалованія» предъ государемъ за нужды своей паствы, и право прямыхъ сношеній съ государемъ. Всего этого было слишкомъ достаточно для вражды воеводъ къ архіепископамъ... Вражда затихала при слабыхъ и мягкихъ архіепископахъ, но чуть только на Тобольской архіепископіи появлялись люди энергичные, прямые—борьба опять загоралась съ новою силою. Именно такими энергичными дѣятелями и были ближайшіе преемники Макарія—архіепископы Нектарій и Герасимъ. Оба они все время службы своей въ Сибири провели въ неустанной борьбѣ съ враждою воеводъ и служилыхъ людей ⁵⁾).

Правда, проф. Буцинскій объясняетъ эту вражду служилыхъ людей къ Нектарію и Герасиму отъ части личными свойствами послѣднихъ: Нектарій былъ, по его опредѣленію, черезчуръ «строгий монахъ», который самъ о себѣ писалъ царю: «я человѣкъ пустынный и всякія мірскія дѣла мнѣ не за обычай» ⁶⁾, а Герасима профессоръ считаетъ «человѣкомъ жестокаго нрава» ⁷⁾).

¹⁾ Ibid., 49.

²⁾ Ibid., 45—46.

³⁾ Ibid., 49—50.

⁴⁾ „Сибир. архіепископы“, 8—10.

⁵⁾ Ibid., 34—40, 42—43, 59, 60, 63—64.

⁶⁾ Ibid., 34—35.

⁷⁾ Ibid., 59.

Пусть будетъ и такъ, хотя приводимыя г. Буцинскимъ доказательства «жестокости» Герасима ¹⁾ малоубѣдительны, потому что нельзя же забыть справедливыхъ словъ того же г. Буцинскаго, что «къ извѣтамъ на сибирскихъ архіепископовъ нужно относиться осторожно и критически: эти документы въ большинствѣ случаевъ и малой доли не заключаютъ въ себѣ правды... ²⁾. Допустимъ, однако, что Нектарій былъ слишкомъ «строгъ», а Герасимъ «жестокъ», допустимъ даже, что въ «неистовое поведеніе» Герасима «вѣрили и царь и патріархъ» ³⁾...

Но какъ же могъ г. Буцинскій забыть—съ кѣмъ и за что боролся Нектарій и Герасимъ?!... Увѣренъ, что г. Буцинскій, основательно изучившій источники сибирской исторіи XVII в., обѣими руками подпишется подъ такими приговорами о Сибири той эпохи хотя бы того же «жестокаго» Герасима: «земля дальняя, а люди, государь, своеобычные и тяжкосердые» ⁴⁾, или: «такихъ, государь, воровъ и крамольниковъ и ложныхъ составщиковъ (т. е. донощиковъ), какъ въ твоей дальней отчинѣ въ Сибири, нѣтъ нигдѣ во всей твоей государственной державѣ!..» ⁵⁾.

Яркую картину «неистоваго поведенія» сибирскаго населенія и во главѣ его служилыхъ людей—правдиво нарисовалъ г. Буцинскій еще въ первомъ своемъ трудѣ по исторіи Сибири ⁶⁾, прекрасно дополнивши въ двухъ своихъ послѣднихъ работахъ новыми штрихами эту картину жизни, «самаго развращеннаго общества, которое только можно себѣ представить» ⁷⁾.. Дѣйствуя на такой почвѣ, трудно не быть «строгимъ», даже «жестокимъ»... Вѣдь Кипріана г. Буцинскій не считаетъ ни «строгимъ», ни «жестокимъ», а вѣдь и съ нимъ также враждовали служилые люди, какъ и съ Нектаріемъ и Герасимомъ... Г-нь Буцинскій отлично знаетъ, какъ правъ былъ Герасимъ, когда утверждалъ, что «ни одинъ архіепископъ въ Сибири отъ такихъ воровъ и крамольниковъ и ложныхъ извѣтчиковъ не пробылъ безъ позору и безъ оглашенія» ⁸⁾. Масса извѣтовъ на Герасима не могла не подѣйствовать отрицательно и на отношенія къ нему царя и патріарха, тѣмъ болѣе, что Герасимъ и самъ повредилъ этимъ отношеніямъ и значительно

¹⁾ Ibid., 53, 59, 60.

²⁾ Ibid., 62.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., 60.

⁵⁾ Ibid., 63.

⁶⁾ „Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ“, главы VIII и IX.

⁷⁾ „Кипріанъ“, 29—33, 37, 44—48 и др.: „Сибир. архіепископы“, 15—22, 34 и др.

⁸⁾ „Сибир. архіепископы“, 63.

уронилъ себя въ глазахъ правительства своими несимпатичными стремленіями къ расширенію богатствъ «Софійскаго дома» въ Tobольскѣ...¹⁾ Какъ ни сомнительно относились въ Москвѣ къ извѣтамъ на сибирскихъ архіепископовъ, но они дѣлали извѣстное впечатлѣніе и иногда доводили архіепископовъ и до прямой кары. Извѣстно, напримѣръ, что преемникъ Герасима, архіепископъ С и м е о н ъ, былъ «въ запрещеньѣ годъ 4 мѣсяца» вслѣдствіе доносовъ своего «домоваго дьяка» Ивана М и л ь з и н а (онъ же Струна), извѣстнаго «вора (въ буквальномъ смыслѣ) и крамольника»²⁾. Но отбывши «запрещеніе», Симеонъ остался сибирскимъ архіепископомъ...

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что Москва не благоволила къ Герасиму, что было на руку сибирскимъ воеводамъ... Ихъ враждебное отношеніе къ архіепископу доходило до того, что они начинаютъ смѣло вмѣшиваться въ «духовныя дѣла», игнорируя прямое постановленіе царскаго наказа, предписывавшаго архіепископамъ— не только церковныхъ людей, но и «также мірскихъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ судити и исправляти по божественнымъ канонамъ, а боярину и воеводамъ и дьякамъ у него въ то потому жъ не вступатися»...³⁾.

То же противозаконное стремленіе воеводъ подчинить себѣ духовную власть проявлялось и при архіепископѣ Симеонѣ. Это былъ человѣкъ прямой и энергичный, ревниво оберегавшій свои права и подобно Киприану старавшійся стоять за всѣхъ угнетаемыхъ: «повелѣно намъ, богомольцамъ твоимъ— говоритъ онъ въ одной любопытной своей запискѣ царю⁴⁾— безпомочнымъ въ напастяхъ руку помощи подавать»... Понятно—въ комъ онъ встрѣтилъ оппозицію своимъ добрымъ стремленіямъ на пути помощи «безпомочнымъ»: это тѣ воеводы и вообще служилые люди, о которыхъ Симеонъ такъ мѣтко выразился: «и таковы. государь, они добры до твоихъ государевыхъ всякихъ чиновъ людей, что лисы до куръ, или что волки до овецъ!...» Немудрено, что эти «лисы» и «волки» счумѣли довести Симеона и до «запрещенія»!.. Онъ самъ сознавался, что «исперва былъ кротокъ и смиренъ..., а нынѣ, великій государь, молчаливымъ и кроткимъ бытъ не въ мѣру..., потому что положено на насъ бремя великое и мѣсто пастырское держимъ...»

¹⁾ Ibid., 49—57.

²⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 592-й.—Ив. Мильзинъ былъ племянникомъ Герасима и еще при немъ успѣлъ отличиться своими воровскими подвигами („Сибир. архіепископы“, 61—62).

³⁾ „Сибир. архіепископы“, 8.

⁴⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 582-й—см. „статьи“ Симеона, приложенныя къ его челобитной царю 1661 г. Эти „статьи“ привожу цѣликомъ ниже.

Борьба Симеона съ тобольскими воеводами обострилась въ 1660 году до того, что онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Москву—искать тамъ защиты у царя... Этому-то любопытному эпизоду и въ связи съ нимъ дѣлу о борьбѣ Симеона съ свѣтскими властями и посвящены документы, заключающіеся въ столбцахъ Сибирскаго приказа №№ 569, 582 и 592 (листы не нумерованы).

II.

Въ декабрѣ 1660 года приказныя сферы Москвы немало смущены были пронесшимся слухомъ о томъ, что тобольскій архіепископъ Симеонъ, не испросивши царскаго разрѣшенія, «своимъ самовольствомъ» ѣдетъ въ Москву—бить челомъ на тобольскаго воеводу боярина князя Ивана Андреевича Хилкова. «Безъ государева указа» оставить архіепископскую кафедру и самовольно ѣхать въ Москву, чтобы «видѣть государевы очи»—это было неслыханное нарушение дисциплины и слишкомъ смѣлый поступокъ даже для высшей духовной власти... Лица, не задѣтая лично борьбою Симеона съ княземъ Хилковымъ, сильно интересовались чисто принципиальною стороною вопроса: какъ отнесется царь къ такому своеволю архіепископа? какъ будетъ поступлено съ послѣднимъ: увидитъ ли онъ «царскія очи»? или прикажутъ ему ѣхать обратно въ Сибирь, не повидавшись съ царемъ? или же ограничатся царскимъ выговоромъ—строгимъ «осудомъ» за самоволіе?..

Но многочисленныхъ въ Москвѣ благопріятелей князя Хилкова интересовала другая сторона вопроса: съ какими обвиненіями противъ боярина ѣдетъ въ Москву Симеонъ? не пострадаютъ ли интересы князя вслѣдствіе свиданія Симеона съ царемъ?—И друзья Хилкова принимали мѣры, чтобы не допустить его противника до царской аудіенціи, или по крайней мѣрѣ настроить царя противъ Симеона... Враждебныя отношенія Хилкова къ Симеону были слишкомъ хорошо извѣстны въ Москвѣ и, какъ увидимъ ниже, дѣла о столкновеніяхъ между ними нерѣдко восходили на рѣшеніе Боярской Думы, которая всегда принимала сторону своего собрата—боярина князя Хилкова... И теперь, въ виду слуховъ о скоромъ пріѣздѣ Симеона въ Москву, сторонники Хилкова собирались всячески противодѣйствовать архіепископу...

Въ первый день Рождества получена была въ Сибирскомъ приказѣ «отписка» князя Хилкова и дьяковъ Герасима Головинина и Семена Румянцова ¹⁾, подтверждавшая слухи о самовольномъ отъ-

¹⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 592-й.

ѣздѣ Симеона изъ Тобольска. Они писали, что 20-го августа 1660 г. Симеонъ неожиданно выѣхалъ въ свою архіепископскую «вотчину» въ с. Ивановское, въ 5 верстахъ отъ Тобольска, откуда «ночью» 22-го августа поѣхалъ водою дальше, къ Тюмени. Архіепископъ двинулся въ легкихъ стругахъ», съ небольшою свитою: онъ взялъ одного «чернаго священника», дьякона, дьяка Григорья Г р у з д е в а и нѣсколькихъ «поддьяковъ» и «дворовыхъ людей». Симеонъ везъ между прочимъ для поднесенія царю «праздничную Успенскую святую воду». Извѣстно, что былъ обычай ежегодно отправлять къ царю эту св. воду въ воспоминаніе освященія при Киприанѣ тобольскаго Софійскаго собора.

Воеводы писали далѣе, что того же 22-го августа Симеонъ вернулся обратно въ с. Ивановское, такъ какъ дорогою съ нимъ случилось не-приятное приключеніе: его стругъ «водою налил и его архіепископа въ воду изъ струга вывалило и ризницу измочило».

27-го августа Симеонъ вновь отправился къ Тюмени, но уже въ болѣе надежномъ суднѣ—въ «дощаникѣ».

Уѣхалъ онъ изъ Тобольска, не предупредивши Хилкова и не сообщивши ему—кому онъ приказалъ вѣдать «Софійскій домъ и казну»... 28-го августа Хилковъ былъ въ соборѣ и послѣ обѣдни спросилъ у протопопа Матвѣя—куда уѣхалъ архіепископъ? Протопопъ отвѣчалъ, что Симеонъ уѣхалъ въ Москву и свой «дворъ и домовую казну и духовныя дѣла приказалъ вѣдать протодьякону Нефеду да ключарю Ивану, а судныя дѣла»—«приказному своему человѣку» Григорію Ч е р т к о в у.

Эта отписка князя Хилкова была «чтена» государю. Странно, что въ дѣлѣ не сохранилось воеводскихъ отписокъ изъ тѣхъ городовъ, которые проѣзжалъ Симеонъ на своемъ длинномъ пути изъ Тобольска въ Москву. Трудно допустить, чтобы Симеонъ тайно объѣзжалъ попутные города и чтобы даже при этомъ условіи воеводы не узнали о его прїѣздѣ и не донесли о томъ въ Москву. Хотя съ другой стороны странно и то, что если воеводы доносили о прїѣздѣ Симеона, то какъ же изъ Москвы не сдѣлали попытокъ не допустить его до Москвы и вернуть обратно въ Тобольскъ?—Вѣдь именно такая попытка и была сдѣлана, когда самъ Симеонъ изъ Ярославля увѣдомилъ царя о своемъ приближеніи къ Москвѣ...

«Отписку» Симеона ¹⁾ привезъ въ Москву 10-го или 11 января 1661 года архіепископскій боярскій сынъ Василій П а л а м о ш н о й. Симеонъ писалъ царю: «въ нынѣшнемъ, великій государь, во 169-мъ году, генваря въ 8 день, я твой государевъ богомолецъ къ тебѣ великому государю ѣду къ Москвѣ—празника Успенія Пречистые Богородицы (съ) святынею и для исправленія многихъ церковныхъ винъ, и

¹⁾ Сибирскаго приказа соглбецъ № 592-й.

тебѣ великому государю бити челомъ о своихъ многихъ нужныхъ до-
мовыхъ дѣлахъ»...

Отписка немедленно была «чтена» государю «начальнымъ человѣ-
комъ» Сибирскаго приказа, бояриномъ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ
Трубецкимъ. Онъ ли подѣйствовалъ на государя въ неблагопріят-
номъ для Симеона смыслѣ, или самъ Алексѣй Михайловичъ воз-
мущенъ былъ самовольнымъ поступкомъ архіепископа, во всякомъ случаѣ
на первыхъ порахъ рѣшено было поступить съ почтеннымъ пастыремъ
очень жестоко, можно сказать даже съ издѣвательствомъ... Человѣкъ на-
ходится, такъ сказать, уворотъ Москвы—у цѣли своего тяжелаго 4-хъ
мѣсячнаго путешествія, а ему говорятъ: не видать тебѣ Москвы!.. от-
правляйся назадъ, откуда пріѣхалъ!..

Такой именно смыслъ имѣетъ отвѣтная царская грамота Симе-
ону ¹⁾... Грамота почему-то не упоминаетъ объ отпискѣ Симеона изъ
Ярославля, но говоритъ, что по отпискѣ князя Ивана Андреевича Хил-
кова государю стало вѣдомо, что «поѣхалъ де ты, богомолецъ нашъ, къ
намъ великому государю къ Москвѣ у т а я съ нашего боярина и воеводы
князя Ивана Андреевича съ товарищи, и Софійскій домъ и казну послѣ
себя кому вѣдать приказалъ—того ты боярину нашему... не сказа л ѣ
и ни съ кѣмъ о томъ къ нему не приказалъ. И то ты учинилъ не
г о р а з д о, что не бивъ челомъ намъ великому государю и не дождался
нашего указа вѣдешь къ намъ великому государю къ Москвѣ сво-
имъ самовольствомъ! А прежніе архіепископы, не бивъ челомъ
намъ великому государю, самовольствомъ своимъ къ Москвѣ
безъ нашего указа и безъ грамотъ не вѣз жив а ли. И какъ къ тебѣ
ся наша великихъ государей грамота придетъ--и ты бѣ, богомолецъ
нашъ, вѣхалъ назадъ въ Сибирь, въ Тоболескъ, тотчасъ, не
мѣшкая ни часу и не дожидаяся о томъ иного нашего великого государя
указу»...

Однако, эта пріятная сторонникамъ князя Хилкова грамота «не
послана», какъ говорить помѣта на грамотѣ кого-то изъ дьяковъ
Сибирскаго приказа... Очевидно, царь смилостивился и понялъ, что не
пустыя дѣла, а серьезныя причины заставили Симеона предпринять
эту самовольную поѣздку въ Москву... Симеону не мѣшали уже про-
должать его путь, и черезъ нѣсколько дней онъ прибылъ въ Москву.

III.

Дѣйствительно, серьезныя причины заставили Симеона бѣжать изъ
Тобольска... Отношенія къ нему тобольскихъ воеводъ становились не-

¹⁾ Ibid.

выносимыми, невозможными... Началось это почти съ первыхъ лѣтъ пребыванія Симеона въ Тобольскѣ. Онъ прибылъ туда въ 1652 г., когда воеводствовалъ тамъ стольникъ князь Василій Ивановичъ Хилковъ. Отношенія его къ архіепископу далеко не были дружескими, но все же довольно сносными и не доходили до крайностей. Но преемникъ Хилкова, стольникъ князь Алексѣй Ивановичъ Буѣнососовъ-Ростовскій (былъ воеводою въ 1656—59 гг.), сразу сталъ въ явно враждебныя отношенія къ Симеону и оставался его врагомъ все время своего воеводства. Любопытныя подробности о враждѣ Буѣнососова сообщаетъ одна «челобитная» Симеона царю и патриарху Никону 1657 г. ¹⁾

Симеонъ свидѣтельствуетъ, что Буѣнососовъ ѣхалъ въ Сибирь уже съ предвзятою враждою къ нему. Обнаружилось это въ Тюмени, когда въ 1656 г. Буѣнососовъ ѣхалъ на воеводство. Здѣсь произошла у него стычка съ софійскимъ боярскимъ сыномъ Томилою Чулковымъ, который жилъ на Тюмени въ качествѣ архіепископскаго «десятильника». Жители города стали жаловаться Буѣнососову на вымогательства Чулкова. Воевода призвалъ Чулкова и собственноручно избилъ его... Тотъ протестовалъ, ссылаясь на свою неподсудность воеводѣ. Буѣнососовъ рѣзко замѣтилъ ему: «я-де бивалъ не только архіепископскихъ людей — и патриаршихъ, и митрополичьихъ, и никто-де мнѣ ничего не сдѣлалъ! А вашему-де архіепископу и самому изъ головы мозгъ вышибу!»... Понятно, эти рѣчи буѣнаго воеводы дошли до Симеона, не обѣщая ему ничего хорошаго...

Прїѣхавши въ Тобольскъ и не повидавшись еще съ Симеономъ, Буѣнососовъ отдалъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ обращаться къ архіепископу по «духовнымъ дѣламъ»... Узнавши объ этомъ противозаконномъ распоряженіи новаго воеводы, Симеонъ поторопился повидаться съ нимъ и пригласилъ Буѣнососова къ себѣ «въ келью—хлѣба ѣсть». Послѣ обѣда заговорили о дѣлахъ, и когда Симеонъ сталъ просить воеводу — не вмѣшиваться въ духовныя дѣла, Буѣнососовъ закричалъ: «знай-де ты однѣ церкви, а до города-де тебѣ и до всякихъ городовыхъ людей дѣла нѣтъ! А будетъ-де велишь ты всякихъ городовыхъ людей имать на Софійскій дворъ, и я-де велю (твоихъ людей) бить на смерть!»... Онъ требовалъ, чтобы Симеонъ извѣщалъ его «памятью» о каждомъ духовномъ дѣлѣ и безъ памятей никого не смѣлъ бы брать къ своему суду. Симеонъ возмутился такимъ незаконнымъ требованіемъ, справедливо ссылаясь на то, что ничего подобнаго не было при прежнихъ архіепископахъ, которые всегда вѣдали духовныя дѣла вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Буѣнососову не понравились такія рѣчи, и онъ говоритъ Симеонъ — «отъ того

¹⁾ Столбецъ № 592-й. См. ту же челобитную и въ столбцѣ № 569-мъ.

моего келейнаго совѣту изъ кельи отъ меня, и не простяся со мною, побѣжалъ и келейными дверьми ударилъ, потому что тотъ мой келейный совѣтъ сталъ ему не любъ». Такъ начались непріязненные отношенія между воеводою и архіепископомъ.

Буйносовъ такъ былъ озлобленъ на неподатливаго Симеона, что въ, тотъ же день перваго свиданія съ нимъ постарался отомстить ему слѣдующей выходкой. Никогда вообще — замѣчаетъ Симеонъ, — воевода не ходилъ къ вечернимъ и утреннимъ службамъ церковнымъ, а тутъ вдругъ послѣ архіепископскаго обѣда отправился въ Вознесенскую церковь и тамъ «учинилъ мятежъ»: «почалъ пѣть на крылосѣ вечерню, и по скончаніи вечерни изъ многолѣтна мое имя вовъ выкинулъ и тѣмъ онъ въ церкви Божіи учинилъ мятежъ и мнѣ богомольцу твоему наругался и обезчестилъ!»... Выходя изъ церкви, князь сказалъ: «язь-де самъ князь Алексѣй Ивановичъ Буйносовъ-Ростовскій, Сибирской и Тобольской!»... (т. е. намекъ на титулъ «архіепископа сибирскаго и тобольскаго»).

Понятно, все это дѣлалось и говорилось въ пьяномъ видѣ. Архіепископъ замѣчаетъ, что Буйносовъ «бываетъ по вся дни безпрестанно пьянъ и никогда отнюдь не просыпаетца и дѣлаетъ своимъ пьянымъ умомъ, а не трезвымъ»...

Но воевода не замедлил и болѣе дѣйствительнымъ образомъ обнаружить свою злобу на архіепископа. И служилые и жилецкіе боялись послушаться воеводскаго приказа и перестали обращаться по духовнымъ дѣламъ къ архіепископу. На Симеона посыпались «ложныя составныя челобитныя», по подговорамъ князя и при его содѣйствіи... Доставалось и подчиненному Симеону духовенству: безъ всякой причины и «невѣдомо для чего» воевода приказывалъ насильно брать въ стѣзкую избу поповъ и дьяконовъ и по нѣскольку дней держалъ ихъ тамъ скованными... Духовенство и софійскихъ служилыхъ людей онъ запретилъ пускать «въ городъ» и нарочно для этого поставилъ въ городскихъ воротахъ караулы — «чинить опришнину!»...

Вслѣдствіе всего этого, — справедливо замѣчаетъ Симеонъ — какъ ему, такъ и людямъ его «жить стало отнюдь невозможно» въ Тобольскѣ!... Архіепископъ проситъ царя и патріарха — «сыскать» о всѣхъ злоупотребленіяхъ князя Буйносова-Ростовскаго, «не вѣрить» его «ложнымъ челобитнымъ» на него, велѣтъ ему «не вступатца» въ духовныя дѣла, а въ заключеніе проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву, чтобы лично побить челомъ царю о своихъ многихъ нуждахъ: «объ томъ у тебя государя я, богомолецъ твой, плачуся со слезами твоей государевой милости и жалованья прошу!»...

Однако, это слезное челобитье не было уважено, и въ 1657 г. Симеонъ не получилъ разрѣшенія побывать въ Москвѣ Симеонъ покорился

своей участи и продолжалъ вести борьбу съ Буйновымъ, который относился къ архіепископу все болѣе и болѣе заносчиво и дерзко... Доходило до того, что воевода позволялъ себѣ отказывать Симеону въ самыхъ законныхъ его требованіяхъ. Такъ, въ 1659 г. Симеонъ послалъ челобитную царю ¹⁾, жалуясь на Буйносова, что тотъ не выдаетъ ему и Софійскому дому «годовой руги» (370 рублей 20 алтынъ 3 деньги), подѣ тѣмъ предлогодъ, что въ Tobольской государственной казнѣ «денегъ нѣтъ». Между тѣмъ, архіепископъ знаетъ, что есть свободныя деньги, именно та сумма, которая была прислана Федору Байкову, послу русскому въ Китаѣ, но ему не передана и оставлена въ Tobольскѣ на мѣстные расходы и на отсылку въ другіе сибирскіе города

IV

Но Буйносову было мало этихъ придирокъ и выходокъ противъ Симеона. Воевода усиленно стремился къ тому, чтобы совсѣмъ выжить архіепископа изъ Tobольска... Если это ему и не удалось, за то онъ подвелъ Симеона подъ временное «запрещеніе», добившись его въ союзѣ съ софійскимъ дьякомъ, извѣстнымъ Иваномъ Мильзинымъ или Струною, какъ называлъ его Симеонъ.

Мильзинъ, племянникъ архіепископа Герасима, былъ правою рукою дяди по административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ архіепископіи. Послѣ смерти Герасима Мильзинъ, въ теченіе 1½ года, до прїѣзда Симеона, самостоятельно управлялъ архіепископскимъ домомъ и такъ безцеремонно «кормился» самъ и съ друзьями своими отъ Софійской казны, что когда Симеонъ прїѣхалъ въ Tobольскъ, то—какъ самъ онъ говоритъ въ челобитной царю— «не нашель никакой посуды ни въ кельяхъ, ни въ поваряѣ и нечѣмъ было воды зачерпнуть, а денегъ въ казнѣ не осталось ни одной деньги»... ²⁾.

Понятно, что Симеонъ сразу же отнесся неблагоклонно къ дьяку Мильзину, но на первыхъ порахъ не могъ совершенно отказаться отъ помощи этого опытнаго дѣльца, давно уже жившаго въ Tobольскѣ и хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ архіепископіи. Волею-неволею Симеонъ оставилъ Мильзина по-прежнему своимъ дьякомъ, не имѣя къмъ замѣнить его. Да и Мильзинъ сталъ осторожнѣе держать себя. Умный дьякъ повелъ дѣло такъ, что сдѣлался необходимымъ совѣтни-

¹⁾ Столбецъ № 592.

²⁾ „Сибир. архіепископы“, 61—62.

комъ архіепископа и втерся въ такое довѣріе къ Симеону, что когда тотъ въ 1654 г. былъ вызванъ въ Москву, то уѣзжая поручилъ управление Софійскимъ домомъ тому же Мильзину...

Очутившись снова полновластнымъ хозяиномъ архіепископскаго дома, Мильзинъ пересталъ сдерживать себя и сталъ «воровать» по-прежнему. Въ 1655 г. Симеонъ вернулся изъ Москвы и нашель — какъ говоритъ въ своей челобитной царю ¹⁾, что за Мильзинымъ въ это время «в о р о в с т в а и д у р о с т и объявилось много», а особенно «въ духовныхъ дѣлахъ»... Симеонъ понялъ тогда, что этотъ дѣлецъ неисправимъ, и порѣшилъ отдѣлаться отъ него, чего и достигнулъ, хотя и не безъ упорной борьбы и не безъ умаленія собственной чести. .

За вышеупомянутыя «духовныя дѣла» (какія именно — неизвѣстно) и вообще за «воровство» архіепископъ рѣшилъ наказать Мильзина — отправилъ его «въ хлѣбню и велѣлъ посадить на цѣпь, и сидѣлъ онъ на цѣпи день да ночь, и ушелъ въ городъ и съ цѣпью»... Иванъ Мильзинъ явился въ съѣзжую избу, къ воеводѣ кн. Вас. Хилкову, не ладившему съ Симеономъ. Послѣдній просилъ воеводу «отдать» обратно Ивашку, но воеводы его «не отдали» и взяли подъ свое покровительство. Пользуясь содѣйствіемъ своихъ тобольскихъ и московскихъ «друзей», Мильзинъ послалъ государю челобитную, прося объ отпускѣ въ Мосеву. Челобитье его было уважено, уже при преемникѣ кн. В. Хилкова — при кн. А. Буйносовѣ-Ростовскомъ, извѣстномъ недругѣ Симеона. Князь отпустилъ Мильзина въ Москву въ качествѣ провожатата «за государевою казною», причемъ отправилъ отписку патриарху, въ которой упрекалъ Симеона — «будто я государя патриарха указу не слушаю и грамоты ево ни во что ставлю»...

Конечно, не это обвиненіе кн. Буйносова «вельми подвигнуло государя патриарха на гнѣвъ» противъ Симеона, но именно тѣ «всякія небылыя дѣла» и «воровскіе доводы» и «ложныя челобитныя», съ какими выступилъ противъ Симеона въ Москвѣ Ивашка Мильзинъ. Въ чемъ именно обвинялъ архіепископа его домовый дьякъ — неизвѣстно — Симеонъ ни однимъ намекомъ не проговорился о сущности обвиненія Ивашки. Другіе документы разсматриваемаго дѣла также ничего не говорятъ по этому вопросу. Вообще, въ разсмотрѣнныхъ мною дѣлахъ Сибирскаго приказа описываемаго времени не приходилось наталкиваться на сущность обвиненій, выставленныхъ Мильзинымъ противъ Симеона.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что обвиненія Мильзина были серьезнаго характера: недаромъ вѣдь Симеонъ и понесъ очень серьезное наказаніе, какъ онъ самъ говоритъ: «и князь Алексѣя Буй-

¹⁾ Столбецъ № 592-й.

носова по отпискѣ и по его (Мильзина) воровскому ложному челобитью былъ (я) отъ государя патриарха въ запрещеньѣ годъ 4 мѣсяца — божественныя литургіи не служилъ»...

Очевидно, «воровскимъ доводамъ» Мильзина повѣрили и царь, и патриархъ.. Но если эти доводы заслуживали вѣры, если Мильзинъ справедливо обвинялъ Симеона въ чемъ-то недостойномъ монаха или человѣка, то какъ же совсѣмъ не удалили съ такого высокаго поста этого недостойнаго человѣка?! Почему его подвергли только временному «запрещенью» и затѣмъ снова возстановили во всѣхъ его правахъ?— Не слѣдуетъ ли допустить, что Мильзину вполне не довѣряли, видя въ немъ прежде всего человѣка, озлобленнаго противъ Симеона. Очевидно, Симеонъ не молчалъ на обвиненія Мильзина и постарался ихъ опровергнуть.

Вообще, эта исторія темная, и врядъ-ли можно сказать, что она кладетъ темное пятно на Симеона: тутъ просто кроется какое-то недоразумѣніе, въ которомъ виноваты и московское правительство съ его непонятнымъ довѣріемъ къ «вору» Мильзину, и самъ Симеонъ, приблизившій къ себѣ проѣдоху-дьяка, и интриги тобольскихъ воеводъ, ловившихъ случая утопить ненавистнаго имъ Симеона...

Какъ бы то ни было, торжество кн. Буйносова было непродолжительно: Симеона не лишили архіепископской каедры... Мало того: Симеонъ даже примирился съ Мильзинымъ. Какъ это случилось и по какимъ мотивамъ — архіепископъ не объясняетъ, но говоритъ, что, вернувшись въ Tobольскъ, Мильзинъ «вину свою во всемъ привосилъ» ему и подалъ челобитную, прося снова принять на службу въ Софійскій домъ. Симеонъ «всѣхъ ево злыхъ досадъ не помянулъ — простилъ ево и въ Софійскій домъ принялъ».

Однако, это примиреніе продолжалось недолго: въ 1657 г. Мильзинъ снова бросилъ службу у архіепископа и на этотъ разъ окончательно. Что-за причины были его новаго разлада съ Симеономъ — неизвѣстно. Послѣдній говоритъ только, что не разъ уговаривалъ Мильзина вернуться, но тотъ не только упорно отказывался, но снова сталъ прямо во враждебныя отношенія къ архіепископу: «многія отъ него смуты и ссоры чинятца»...

Между тѣмъ Мильзинъ окончательно перешелъ на «государеву службу» — «былъ поверстанъ по Tobольску въ боярскія дѣти, съ окладомъ въ 20 рублей» и проч. Симеонъ пишетъ въ своихъ челобитныхъ царю¹⁾, что такой «большой окладъ» Мильзинъ получаетъ «невѣдомо за что, потому что службы ево и выслуги къ тебѣ великому государю никакія не бывало, только онъ воръ этимъ въ Софійскомъ дому и на живалъ,

¹⁾ Столбецъ № 592-й.

и на меня всякіе бѣды и напасти навелъ»... По государевой грамотѣ, вслѣдствіе жалобъ Симеона, велѣно перевести Мильзина въ Енисейскій острогъ, на службу, съ тѣмъ же окладомъ въ 20 рублей и проч. А при прежнихъ архіепископахъ - вспоминаетъ Симеонъ—«такимъ ворами и доводчикамъ» и «не за такія воровскія большія дѣла» (какъ ложный доносъ на архіепископа и проч.) чинили «градское наказанье и ссылали въ дальніе города безъ окладовъ» (т. е. въ ссылку, а не въ службу)... Въ виду этого, Симеонъ проситъ: «вели мнѣ, великій государь, на того вора Ивашку Струну дать оборонь, чтобъ тотъ воръ не смѣялся, и вели его изъ городовой поверстки выкинуть (т. е. изъ списка боярскихъ дѣтей)..., и вели ево въ дальніе города сослать безъ обладу!..»

Однако, это челобитье не было уважено: «велѣно—говорить приговоръ Сибирскаго приказа — Ивашка Струну послать въ Енисейской острогъ», т. е. на службу, а не въ ссылку, какъ добивался архіепископъ. Но все-таки Симеонъ былъ радъ удаленію изъ Тобольска человѣка, который—по словамъ челобитной архіепископа—«мнѣ, богомольцу твоему, чинить къ воеводамъ ссору многую» и «на домъ Пречистые Богородицы всякіе бездѣльные дѣла наводитъ»...

V.

Съ удаленіемъ Ивана Мильзина изъ Тобольска, отношенія Симеона къ воеводамъ мало улучшились. Бояринъ кн. Иванъ Андреевичъ Хилковъ, преемникъ по Тобольскому воеводству кн. А. И. Буйносова-Ростовскаго, не лучше послѣдняго относился къ архіепископу. Если кн. Хилковъ и не былъ такъ придирчивъ и грубъ, какъ Буйносовъ, въ сношеніяхъ съ Симеономъ, за то онъ сумѣлъ причинить архіепископу болѣе серьезныя непріятности и на почвѣ не личныхъ, а служебныхъ отношеній. Старый вопросъ о предѣлахъ власти духовныхъ и свѣтскихъ правителей Сибири именно при бояринѣ Хилковѣ былъ поставленъ далеко не въ пользу архіепископской власти.

Любопытныя подробности по этому вопросу сообщаетъ одинъ «докладъ» Сибирскаго приказа въ Боярскую Думу, отъ 3-го октября 1660 г. ¹⁾. Вопросъ былъ поднятъ въ 1659 г. бояриномъ Хилковымъ, писавшимъ государю, что онъ всячески стремится, несмотря на противодѣйствіе архіепископа—«оберегать» государевыхъ «служилыхъ и всякихъ чиновъ людей» отъ притѣвленій архіепископскихъ приказныхъ и всякихъ дво-

1) Столбецъ № 592-й.

ровыхъ людей», которые «придираяся къ своему взятку и по недружбѣ хотя кому отомстить взводили духовныя дѣла» на государевыхъ служилыхъ и стрѣleckихъ людей Воевода намекалъ на необходимость контроля свѣтской власти и въ области «духовныхъ дѣлъ», вѣдомыхъ доселѣ однимъ архіепископомъ.

Представленіе кн. Хилкова имѣло успѣхъ, и въ маѣ 1659 г. воевода передалъ Симеону государеву грамоту, которая предписывала, что отнынѣ «духовныя дѣла» относительно служилыхъ и жилацкихъ людей могутъ быть возбуждаемы архіепископомъ только послѣ сношеній — «сослався памятьми» — съ воеводами. Грамота говорила: «будеть-де до ково доидеть в прямъ какое духовное дѣло, и тѣхъ бы-де людей отсылать къ архіепископу, сослався памятьми, а безъ памяти-де, не сослався съ бояриномъ и воеводы со кн. И. А. Хилковымъ съ товарищи и какихъ людей въ духовныхъ дѣлахъ не имать»...

Понятно, Симеонъ не могъ примириться съ новымъ положеніемъ вещей и дѣлалъ попытку отстоять старое право архіепископовъ на исключительное вѣданіе «духовныхъ дѣлъ», безъ всякаго вмѣшательства свѣтскихъ властей, которымъ прежде рѣшительно было воспрещено «вступатца въ духовныя дѣла»... Архіепископъ послалъ государю убѣдительную челобитную о возстановленіи этого стараго закона. Именно эта челобитная и была поводомъ для внесенія вопроса на разсмотрѣніе Боярской Думы. Самой челобитной не сохранилось, но все существенное изъ нея вошло въ «докладъ» Сибирскаго приказа Думѣ

Симеонъ прежде всего старается опровергнуть тѣ обвиненія, направленные противъ его «приказныхъ и дворовыхъ людей», съ которыми выступилъ кн. Хилковъ. Архіепископъ увѣряетъ, что его люди «духовныхъ дѣлъ ни на ково напрасно не взводятъ» и ни отъ кого онъ даже «не слыхалъ» о томъ челобитыя. Вообще, «великаго государя ни въ какіе дѣла» никогда онъ «не вступаетца, и въ Софійскомъ-де дому великаго государя никакихъ дѣлъ не бывало и въ запискѣ ихъ нѣтъ»... Поэтому-то архіепископъ до крайности пораженъ былъ, получивши государевъ указъ, предписывавшій — «о всякихъ дѣлахъ сылатца съ бояриномъ и воеводами памятьми, а безъ нихъ боярина и воеводъ вѣдома никакихъ духовныхъ дѣлъ не дѣлатъ. И тово-де — продолжаетъ «докладъ», со словъ челобитной Симеона — при прежнихъ сибирскихъ архіепископахъ и при немъ, до приѣзду въ Тобольскъ боярина и воеводъ кн. И. А. Хилкова съ товарищи, что сылатца о духовныхъ дѣлахъ памятьми — не бывало! И тѣмъ-де онъ архіепископъ Симеонъ обезчещенъ! А прежній государевъ указъ и грамоты въ Тобольску и во всѣхъ сибирскихъ городахъ есть, что въ духовныя дѣла боярамъ и воеводамъ вступатца не велѣно, а на послушниковъ велѣно давать приставовъ»...

Далѣ Симеонъ старается доказать, что-де «памятьи съ бояриномъ и воеводами о духовныхъ дѣлахъ никакими мѣрами ссылатца не лъзя, потому что-де будетъ смута великая»... Въ подтвержденіе Симеонъ ссылается на то, что съ прїѣзда боярина кн Хилкова «въ Софійскомъ Судномъ Приказѣ ни единого духовнаго дѣла не бывало», хотя-де «челобитчики многіе» есть и «духовныхъ дѣлъ» масса, особенно среди ссыльныхъ служилыхъ и другихъ людей, которые привозятъ съ собою «съ Руси женокъ и дѣвокъ и съ ними живутъ беззаконствомъ и приживаютъ дѣти»... Между тѣмъ «по приказу боярина и воеводъ... тѣ ссылочные люди въ такихъ духовныхъ дѣлахъ ему Симеону архіепископу не даютца»... Бояринъ кн. Хилковъ съ товарищи всѣмъ служилымъ и жилецымъ людямъ «заказалъ накрѣпко: безъ своего вѣдома даватца въ духовныхъ дѣлахъ подѣ судъ (архіепископа) не велѣлъ»...

Такое отношеніе кн. Хилкова заставляетъ Симеона невольно воскликнуть, что «живеть-де онъ въ Сибири въ великомъ безчестьѣ и въ наруганьѣ!» Архіепископъ проситъ государя, чтобы относительно «духовныхъ дѣлъ» онъ «указъ учинилъ противъ прежнего», т. е., чтобы воеводы совершенно «не вступались» въ эти дѣла.

Однако, всѣ эти доводы Симеона не подѣйствовали на Боярскую Думу, и она постановила свой приговоръ согласно послѣднему государеву указу, противъ котораго вооружился архіепископъ... Вотъ этотъ боярскій приговоръ:

«169 году, октября въ 3 день, бояря, слушавъ сеѣ выписки, приговорили—писать къ архіепископу: будетъ до ково дойdetъ какое духовное дѣло, и ему архіепископу прислать о томъ къ боярину и воеводамъ въ сѣзжую избу памяти. А къ боярину писать: будетъ до ково дѣло духовное дойdetъ, а архіепископъ о тѣхъ людяхъ въ сѣзжую избу пришлетъ память, и боярину велѣтъ тѣхъ людей отсылать къ архіепископу на дворъ».

Конечно, такое рѣшеніе Боярской Думы ни мало не повліяло на успокоеніе враждовавшихъ сторонъ. Обостренныя отношенія между архіепископомъ Симеономъ и тобольскими воеводами продолжались по-прежнему.

VI.

Весь вообще столбецъ 592-й наполненъ массою документовъ (отписки и челобитныя Симеона и князя Хилкова, грамоты имъ, доклады Сибирскаго приказа и проч.), рисующихъ разнообразныя и многочисленные случаи столкновенія обѣихъ сторонъ изъ-за вопроса о предѣ-

лахъ власти. Опускаю всѣ эти случаи и останавлиюсь только на одномъ, которое княземъ Хилковымъ особенно выдвигалось какъ доказательство вмѣшательства Симеона «въ мірскія дѣла». Именно этотъ случай послужилъ предметомъ особаго «доклада» Сибирскаго приказа въ Боярскую Думу, отъ 3-го октября (какъ и предъидущій докладъ) 1660 года.

Князь Хилковъ писалъ, что 28-го декабря 1659 г. тобольскіе начальныя люди—«головы и дѣти боярскіе и сотники и атаманы» подали ему «заручную челобитную» въ защиту своихъ товарищей боярскихъ дѣтей Ивана Павлуцкаго съ товарищи, жестоко оскорбленныхъ архіепископскими людьми. Павлуцкой съ товарищами были назначены воеводою для «вымки» у «всякихъ чиновъ людей» въ Тобольскѣ «корчемнаго—неявленнаго и продажнаго питья» (вина и пива). 28-го декабря Павлуцкой сталъ «вымать вино» у «церковнаго дьячка» Ивана Осипова Шаха, но «Софійскаго двorca дѣти боярскіе и работники» до выемки его не допустили и «били полъньемъ на смерть», затѣмъ потащили на архіепископскій дворъ, гдѣ снова «били плетьми» и посадили «въ чепъ и въ желѣза»...

Князь Хилковъ въ тотъ же день требовалъ у приходившаго въ съѣзжую избу архіепископскаго казначея старца Марка, чтобы Павлуцкой немедленно былъ освобожденъ, но только 10-го декабря онъ получилъ свободу и, явившись къ воеводѣ, разсказалъ слѣдующее:

Приходилъ онъ къ дьячку Шаху для выемки «корчемнаго питья» съ казакомъ Иваномъ Березлевскимъ и «съ цѣловальникой». Но Шахъ «въ клѣтъ ихъ вина искать не пустилъ, и клѣтъ замкнулъ, и побѣжалъ съ двора». Павлуцкой «запечаталъ клѣтъ», оставя тамъ на караулѣ цѣловальника и казака, а самъ пошелъ «извѣстить» о томъ въ съѣзжую избу. На улицѣ встрѣтили его архіепископскіе «подьяки» Иванъ Степановской, Тимошей Дьяконовъ, Матвѣй Яковлевъ и др., и стали бить Павлуцкаго и казака. Вскорѣ составила цѣлая толпа архіепископскихъ служилыхъ и ратныхъ людей, имѣя во главѣ боярскихъ дѣтей Илью Ведерева и Феодора Савина, всего «человѣкъ съ 30», вооруженныхъ «ослопьемъ». Всѣ они набросились на Павлуцкаго и казака, избивли ихъ и поволокли на архіепископскій дворъ, гдѣ посадили въ «хлѣбню». Вскорѣ пришелъ туда «приказной человѣкъ» архіепископа Григорій Чертковъ и велѣлъ бить плетьми. Затѣмъ явился казначей о. Маркъ—«и битыхъ мѣстъ осматривалъ, и поплъ его виномъ, и говорилъ-де ему, чтобы онъ на архіепископа великому государю не билъ челомя»...

Воеводы осмотрѣли Павлуцкаго въ съѣзжей избѣ и «по осмотру» у него оказалось, что «спина вся избита плетьми и лице разбито до крови»...

Только эта отписка князя Хилкова и легла въ основу доклада Сибирскаго приказа Боярской Думѣ, которая постановила такой приговоръ: «169-го году, октября въ 3-й день, бояря, слушава въ себъ вы-

писки, приговорили: писать къ архіепископу съ осудомъ: то онъ дѣлаеть не гораздо, что велить своимъ дворовымъ людямъ государевыхъ людей бить и въ чепь сажать! И которые ево дворовые люди били Ивана Павлуцкого и въ чепь сажали, и тѣхъ бы людей архіепископъ прислалъ къ боярину и воеводамъ ко князю И. А. Хилкову съ товарищи въ съѣзжую избу. А къ боярину писать: какъ пришлетъ къ нему архіепископъ своихъ дворовыхъ людей, которые били Ивана Павлуцкого, и ему велѣтъ имъ учинить наказанья— бить ихъ кнутомъ для того, чтобъ впредь имъ государевыхъ людей бить было не повадно».

Государь не участвовалъ въ этомъ засѣданіи Боярской Думы, но дѣломъ Павлуцкаго интересовался, и оно было ему извѣстно, какъ говорить слѣдующая запись Сибирскаго приказа:

«169 года, августа въ 9 день, отписку, что писалъ бояринъ и воеводы князь И. А. Хилковъ съ товарищи о Иванѣ Павлуцкомъ, которая прислана съ сею челобитною (т. е. вышеупомянутою «заручною челобитною») тобольскихъ начальныхъ людей въ защиту Павлуцкаго), взялъ вверху въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ подъячей Семенъ Медвѣдевъ».

Въ другомъ любопытномъ «докладѣ» Сибирскаго приказа 1660 г.¹⁾, составленномъ по поводу оправдательной челобитной Симеона противъ обвиненій боярина князя Хилкова, находимъ нѣсколько строкъ, относящихся къ дѣлу Павлуцкаго. Князь Хилковъ—говоритъ архіепископъ—писалъ государю, будто Симеонъ «вступаета въ розбойные и татинные дѣла и за винопродавцовъ стоитъ: и то-де на него написано не дѣломъ и обезчещенъ напрасно! А въ тѣхъ-де дѣлѣхъ большое воровство отъ городовыхъ выимщиковъ»: «никакова воровства (они) не выводятъ, только сами всякое воровство вводятъ»: берутъ «посуды многіе» и т. п.

Въ 1660 г., продолжаетъ Симеонъ, по отпискѣ боярина князя Хилкова велѣно учинить наказанье Софійскаго дома «дворовымъ людямъ»—бить ихъ кнутомъ, «за то что онъ архіепископъ велѣлъ имъ помирить въ Софійскомъ дому Тобольскаго сына боярскаго Ивашка Павлуцкого, за ево многое воровство и за неистовую поганую лаю. И тѣмъ-де онъ архіепископъ обезчещенъ до конца! А Ивашко-де въ 168 году взорвался къ попу на дворъ ночью—обезчещилъ попадю и животы ихъ пограбилъ»... Вообще, Павлуцкой много разъ чинилъ «всякія обиды» Софійскимъ крестьянамъ и другимъ людямъ, а когда раньше «живалъ» въ Софійскомъ домѣ (т. е. былъ на архіепископской службѣ)—«за свое многое воровство въ

¹⁾ Столбецъ № 569-й.

смиреньѣ бывалъ многіжды». Архіепископъ просить, чтобы, великій государь пожаловалъ ево—не велѣлъ домовыхъ ево людей и подьяковъ безвинно оскорбить, чтобъ ему тѣмъ обезчечену не быть! А что онъ имъ велѣлъ Ивашка (Павлуцкаго) взять—и въ томъ онъ великій государь воленъ!»...

Вообще, вся эта челобитная Симеона ¹⁾, легшая въ основу вышеупомянутаго «доклада» Сибирскаго приказа, направлена специально противъ тѣхъ обвиненій князя Хилкова, которыми онъ хотѣлъ доказать вмѣшательство Симеона «въ мірскія дѣла»... Приведу еще нѣкоторыя мѣста челобитной.

Бьетъ челомъ архіепископъ Симеонъ: писалъ государю боярину князь Хилковъ, «бутто» онъ, архіепископъ, «наговаривалъ» пашенныхъ крестьянъ бить челомъ государю на Хилкова. Симеонъ увѣряетъ, что онъ «того ничего не дѣлывалъ», а былъ такой случай: въ 1660 году крестьяне Тобольскаго уѣзда жаловались архіепископу, что Хилковъ «наложилъ на нихъ вновь прибавошныя хлѣбныя оброки большіе, а имъ платить невмочь» и воевода за неплатежъ мучитъ ихъ «на правежѣ». Крестьяне просили Симеона «поговорить» въ защиту ихъ съ княземъ Хилковымъ, но Симеонъ «не говаривалъ», боясь обвиненій Хилкова за вмѣшательство въ государевы дѣла...

Но Симеонъ не отвергаетъ, что въ другихъ случаяхъ онъ не держался этой политики невмѣшательства и смѣло выступалъ въ роли «печальника» за нужды своей паствы... Такъ еще при воеводѣ князѣ А. И. Буйносовѣ-Ростовскомъ не разъ приходили къ архіепископу служилые люди—«человѣкъ по 300 и по 400 и большіе», съ жалобами на «обиды и налоги продажи всякіе» князя Буйносова и съ просьбами отпустить въ Москву ихъ челобитчиковъ, которыхъ князь не отпускалъ. И Симеонъ давалъ имъ «проѣзжія памяти», «для того чтобъ отъ нихъ въ городѣ какова мятѣжу не учинилось»... Такой именно случай былъ въ 1659 году.

Бывали такіе случаи и раньше, напримѣръ въ 1655 году, возвращаясь изъ Москвы въ Тобольскъ, архіепископъ на Тюмени выдалъ «подорожныя» въ Москву челобитчикамъ отъ мѣстныхъ служилыхъ людей, также отъ татаръ и бухарцевъ, жаловавшихся на притѣсненія воеводскаго замѣстителя тобольскаго письменнаго головы Никифора Елдезина, который не отпускалъ ихъ въ Москву.

Архіепископъ просить—«про то про все сыскать» и князя Хилкова «допросить»... А на возможныя въ будущемъ повторенія такихъ случаевъ архіепископъ просить «указъ учинить: будетъ кто учнетъ впредь на воеводъ извѣщать ему архіепископу ево государевы дѣла—и

¹⁾ Столбецъ № 582-й.

тѣ извѣты у нихъ принимать ли? и какъ у градскихъ людей съ воеводы учинитца безсовѣтство—челобитчиковъ къ Москвѣ допускать ли?»...

Запросы архіепископа были очень существенные и крайне важные для интересовъ мѣстнаго населенія, и однако никакого отвѣта Симеонъ не получилъ ни отъ Боярской Думы, ни отъ Сибирскаго приказа... На разсматриваемомъ «докладѣ» 1660 г. нѣтъ никакого приговора, такъ что слѣдуетъ предполагать, что докладъ не былъ даже внесенъ въ Боярскую Думу по какимъ-то соображеніямъ Сибирскаго приказа...

Нѣкоторыя подробности о вышеприведенномъ случаѣ отпуска Симеономъ челобитчиковъ на князя Буйносова въ Москву сообщаетъ одна «отписка» архіепископа государю въ 1659 г. ¹⁾ Били челомъ Симеону и подали «заручную челобитную» тобольскіе служилые люди — литва, новокрещены, стрѣльцы и казаки, чтобъ ихъ отпустить мнѣ къ Москвѣ, къ тебѣ государю бити челомъ о своихъ нужныхъ дѣлахъ и дати бы имъ подорожная изъ Сибири до Москвы ѣхать. И я, твоей государевъ богомолецъ, (ихъ) отпустилъ и велѣлъ имъ дати подорожную»... Челобитчиками отправились «литовскаго списку конной казака» Дружина Кулагинъ съ товарищи, всего 30 человекъ. «А съ твоимъ государевымъ воеводою съ князь Алексѣемъ Буйновымъ-Ростовскимъ у нихъ великой несовѣтъ учинился: били они челомъ воеводѣ о денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ, а князь жалованья «давать не велить» и вообще чинить имъ «иные многіе обиды и налоги»... Архіепископъ считаетъ своимъ долгомъ отписать «о томъ обо всемъ, чтобъ тебѣ государю было вѣдомо».

VII.

Всѣ эти и другіе подобные случаи столкновенія съ воеводами заставили Симеона бѣжать въ Москву, чтобы искать тамъ «обороны» у царя: «у меня, богомольца твоего—писалъ Симеонъ въ своей послѣдней московской челобитной царю, въ 1661 г. ²⁾—здѣсь на Москвѣ при твоей царской свѣтлости ни друзей, ни родителей (т. е. родственниковъ) никого нѣтъ, окромъ единого Бога и Пречистой Богородицы: заступитъ меня къ тебѣ великому государю некому!..»

И Симеонъ былъ правъ, что «заступить» его было некому: около года прожилъ онъ въ Москвѣ, а между тѣмъ не получилъ никакого удовлетворенія по главному предмету его жалобъ—по столкновеніямъ съ бояриномъ княземъ Хилковымъ: «указу никакова не только по ево

¹⁾ Столбецъ № 592-й.

²⁾ Столбецъ № 582-й.

отпискамъ—и при немъ на Москвѣ ничего не учинено»... Бояринъ князь Хилковъ остался на своемъ мѣстѣ и только въ 1664 г. былъ смѣненъ съ воеводства бояриномъ княземъ А. А. Голицынымъ.

Такимъ образомъ надежды Симеона на «оборону» царя не оправдались... Архіепископъ добился царской аудіенціи, но долженъ былъ выслушать отъ царя «гнѣвное слово» за свой самовольный пріѣздъ въ Москву... Повидимому, только одну аудіенцію и дали Симеону, такъ что онъ вынужденъ былъ написать особыя оправдательныя «статьи»¹⁾ и приложить къ челобитной царю.

Любопытныя «статьи» Симеона написаны съ горечью и съ жаромъ, но съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ. Въ авторѣ виденъ и тонкій умъ, и большая наблюдательность, переходящая мѣстами въ злую иронию... При всемъ томъ отъ «статей» вѣетъ добродушіемъ сердечнаго человѣка, прямою и откровенностью. Привожу ихъ почти цѣликомъ.

«Твое государево гнѣвное слово было ко мнѣ богомольцу твоему не вѣдаю въ чемъ: ни про едину вину я не вопрошонъ»...

«Дая же дѣла чево-де пріѣхалъ къ Москвѣ?—И мнѣ никакими мѣрами невозможно, что не быть въ Москвѣ, потому что домъ Пречистые Богородицы сталъ въ послѣднемъ разореніи и во всякой скудости, и многіе обиды, и оглашонъ я къ тебѣ великому государю до конца не подѣлу, и отъ изгони твоего государева боярина князя И. А. Хилкова! Поѣхалъ я потому, что онъ бояринъ грозился на меня безпрестани писать и оглашать къ тебѣ государю. А вины я на себя никакія не знаю, ни вѣдаю! А какъ я изъ Тобольска поѣхалъ, и тому уже, государь, будетъ блиско года. А онъ бояринъ и послѣ меня во всѣхъ своихъ отпискахъ изъ Тобольска къ Москвѣ пишетъ на меня и на дворовыхъ людишекъ къ тебѣ государю не подѣлу и оглашаетъ напрасно, и тебя великаго государя на гнѣвъ подвизаетъ. И мнѣ отъ его боярскаго гоненія невѣдомо гдѣ стало жить, и для многихъ церковныхъ винъ и нынѣ доложить стало неково: патріарха на Москвѣ нѣтъ!»

«Да я же-де для чево принималъ челобитныена боярина?—И если бы я и челобитные принималъ у твоихъ государевыхъ пашенныхъ крестьянъ и у иныхъ какихъ бѣдныхъ людей—и то, государь, не кромѣ бы я правилъ святыхъ отецъ сдѣлалъ: повелѣно намъ, богомольцамъ твоимъ, беспомочнымъ въ напастьхъ руку помощи подавать. А я и самъ беспомоченъ!..»

Здѣсь архіепископъ Симеонъ выписываетъ 8-е и 9-е «правила» Сар-

¹⁾ Столбецъ № 582-й.

дикійскаго собора, 94-е правило Кареагенскаго собора, съ «толкованіями» на нихъ. Далѣ онъ продолжаетъ:

«А мнѣ, богомольцу твоему, многіе обиды и налоги ото многихъ есть: писывалъ къ тебѣ великому государю изъ Сибири къ Москвѣ многожды, а нынѣ и самъ я на Москвѣ—и твоего царскаго милостиваго призрѣнія ко мнѣ и указу и по се время ни о чемъ получить не могу!»

«Да я же-де, богомолецъ твой, ставлюся что патріархъ! И мнѣ того не буди, что патріаршеское величество на себя воспринимать! А всякой епископъ въ своей области Христовъ на себѣ образъ носить!»

«Да я же-де, богомолецъ твой, исперва былъ кротокъ и смиренъ, и того дня жилъ въ монастырѣ, и себѣ единому внималъ и ни до ково дѣла мнѣ не было. А нынѣ, великой государь, молчаливымъ и кроткимъ быть не въ мѣру, и того же права и устроенія держатися нельзя, потому что положено на насъ бремя великое и мѣсто пастырское держимъ, идѣже намъ поручено, и посреди міра живемъ и бываетъ, государь, многимъ до насъ дѣло, а намъ до нихъ, а всякому не угодить! А еже (ли) намъ всякому угрожать не въ полезное—и мы будемъ подобны ослонъ безсловеснымъ: кто ево взялъ, тотъ ево и повелъ! И то устроеніе не нашего чина!»

«Да я же-де во многія градскія дѣла вступаюся: и того, государь, отнюдь не бывало, да и не надобно, и то намъ не поручено. А о полезныхъ, государь, человѣчeskія жизни совѣтывать намъ довлѣетъ и въ нынѣшнихъ (временахъ) во мнозѣ бо совѣтѣ спасеніе бываетъ».

«А твои государевы воеводы ни въ чемъ со мною не спрашиваются и не совѣтуютъ ни о какихъ градскихъ дѣлахъ: какъ они хотятъ, такъ и живутъ, и какъ твою государеву дальнюю отчину хотятъ, такъ и строятъ, по своей волѣ. А добра, государь, нечево спрашивать, и живутъ они на воеводствѣ, а по слободамъ прикащики—забывъ страхъ Божій и твой государевъ указъ. И таковы, государь, они добры до твоихъ государевыхъ всякихъ чиновъ людей, что лисы до куръ, или что волки до овецъ!»

Въ заключеніе этихъ «статей» архіепископъ Симеонъ проситъ скорѣе отпустить его въ Сибирь, ибо это «страна дальняя—безъ нашего брата за рукоположеніемъ станеть, потому что попамъ гораздо скудно»: въ Мангазеѣ, на Ленѣ и въ другихъ мѣстахъ «всего по одному попу» и, если тамъ «попа не станеть—и будутъ не по-христіански помирать, младенцы безъ крещенія, боли (т. е. больные) безъ исповѣди и безъ причащенія. И того бы, государь, грѣха Господь Богъ на моей душѣ не взыскалъ!»

Вѣроятно, этотъ послѣдній доводъ всего сильнѣе подѣйствовалъ— и Симеонъ вскорѣ былъ отпущенъ въ Тобольскъ. Въ декабрѣ 1661 г. онъ подалъ челобитную о дачѣ подводъ и «декабря въ 11 день, приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой о подводахъ послать въ Ямской приказъ память». Но самый отъѣздъ Симеона въ Сибирь состоялся только въ январѣ 1662 года.

Но если личное дѣло Симеона съ княземъ Хилковымъ не уладилось такъ, какъ хотѣлось архіепископу, за то почти всё его ходатайства о нуждахъ своей епархіи получили полное удовлетвореніе. Въ томъ же столбцѣ № 592-й встрѣчаемъ массу дѣлъ по челобитнымъ Симеона о вотчинахъ Софійскаго собора, тобольскаго Знаменскаго монастыря, Кодской пустыни др., о дачѣ государева жалованья, о «церковномъ строеніи», о постройкѣ каменнаго Софійскаго собора (на что было отпущено 10 тысячъ рублей и разные матеріалы) и проч.

Особенно усердно хлопоталъ Симеонъ о возвращеніи Софійскому дому крестьянъ, «отписанныхъ» бояриномъ княземъ Хилковымъ «на государя»... Привожу изъ приказной «выписки» по этому дѣлу любопытныя цифры о количествѣ крестьянъ Тобольской архіепископіи.

При Симеонѣ числился за Софійскимъ домомъ 1.299 десятинъ земли «безъ чети», сѣяныхъ покосовъ 3.950 «копень». Первый сибирскій архіепископъ Кипріанъ оставилъ 72 крестьянъ. При Макаріи «прибыло» 63 человекъ. При Нектаріи было 135 крестьянъ, при Герасимѣ въ началѣ его архіепископства—424 человекъ, позже при немъ «прибыло» 142 человекъ. Всего Симеонъ принялъ 566 человекъ, да при немъ «прибыло» къ 1659 году 162 человекъ. Въ этомъ году князь Хилковъ «отписалъ за великаго государя» 593 крестьянъ. О возвращеніи ихъ и хлопоталъ Симеонъ, и получилъ полное удовлетвореніе: государевымъ приговоромъ отъ 20-го сентября 1661 года всё эти крестьяне, сидѣвшіе на архіепископскихъ земляхъ, были возвращены Софійскому дому «по-прежнему»...

Въ этомъ успѣхѣ всѣхъ челобитій Симеона по дѣламъ епархіи нельзя не видѣть, что центральное правительство сумѣло оцѣнить и отдать должное честной и полезной дѣятельности этого энергичнаго человекъ. Если же правительство въ дѣлѣ столкновенія Симеона съ воеводами не могло открыто стать на сторону послѣдняго, хотя бы и сочувствовало ему, то это такъ понятно: Симеонъ былъ чужой человекъ въ Москвѣ, его было «некому заступить», а у Хилковыхъ, Буйносовыхъ и т. п. былъ на Москвѣ непочатый уголь «друговъ», близкихъ къ «царской свѣтлости»... Они-то и не дали Симеону вполнѣ восторжествовать надъ его противниками...

Н. Оглобинъ.

ДНЕВНИКЪ

русскаго солдата, взятаго въ плѣнъ при Бомарзундѣ, въ 1854 году.

Дневникъ этотъ былъ доставленъ по заключеніи мира, въ 1856 году, въ штабъ бывшаго корпуса внутренней стражи и обратилъ на себя вниманіе обстоятельностью описаній и мѣткостью взглядовъ автора на описываемыя событія.

Въ особенности драгоцѣнны подробности попеченія о нашихъ плѣнныхъ отца протоіерея Лондонской православной церкви Евгенія Попова.

Нѣкоторая вычурность слога, а мѣстами даже высокопарность объясняется тѣмъ, что рядовой, авторъ писемъ, былъ не только человѣкъ грамотный, но и начитанный; онъ писалъ даже стихи.

Письма назначались для какой-то тетушки Дарьи Савельевны и сочинены въ лагерѣ при Ригѣ, въ 1856 году, когда Загородниковъ, при заключеніи мира, возвращенъ былъ изъ плѣна; слѣдовательно, со времени взятія Бомарзунда прошло около двухъ лѣтъ.

Въ апрѣлѣ 1856 года, авторъ возвращенъ въ Россію и состоялъ въ пѣхотномъ принца прусскаго полку, расположившемся въ Альтонскомъ лагерѣ, подъ Ригю.

Р е д.

Любезная тетенька,

Дарья Савельевна!

Извѣщеніе ваше отъ 7-го іюля минувшаго 1854 года о невозможности перевести меня въ С.-Петербургъ, по случаю военныхъ дѣйствій, мною получено, но трогательное это слово и прекращеніе съ острова Аланда почтовой корреспонденціи, крайне меня огорчило. Оставаясь въ ожиданіи благоприятнаго времени для перемены рода службы, съ мужественною храбростью спѣшилъ поразить вновь прибывшаго врага, дабы съ отличіемъ явиться къ вамъ или переселиться въ нѣдро земли, вдругъ злобная судьба вопреки желанія моего ввергнула меня въ губительную пропасть, гдѣ безнравственныя существа мстифировали русскаго солдата. Нынѣ послѣ тяжкаго бремени и долготерпѣнія, я благо-

дареніе Богу—милостивому Его соизволенію—и благодѣтельному попеченію Монарха, возвращенъ изъ Англіи въ свое отечество. Помолясь Спасителю рода христіанскаго за эту благодать и воздавъ, въ чувствахъ вѣрнаго слуги, хвалу премудрому государю императору сильной Россійской державы, за побѣду надъ непріателемъ, священнымъ долгомъ вмѣняю себѣ въ обязанность доставить вамъ подробное свѣдѣніе объ обстоятельствахъ, стѣснявшихъ мою жизнь. Цѣлую васъ, близкихъ моему сердцу: сестеръ и братьевъ, прошу прочесть приключенія мои со вниманіемъ и тѣмъ соболѣзнованіемъ, какое я имѣю къ вамъ въ душѣ моей, умоляя внутренно Всевышняго Творца соединить меня съ вами въ этомъ мірѣ.

Послѣ отраженія англо-французскихъ судовъ отъ Аландскихъ укрѣпленій 9-го іюня 1854 года, непріятельскія войска вторично съ 10-го іюля на корабляхъ и пароходахъ прибывали на островъ Аландъ въ большомъ количествѣ—не открывая огня—и занимали позиціи противъ форта, изъ коего были встрѣчаемы выстрѣлами изъ орудій; непріятель же, не сопротивляясь этому, оставался безъ дѣйствія 17 дней.

23-го іюля по распоряженію начальства двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, занимавшія цѣпь у береговъ Аландскихъ шхеръ, для воспрепятствованія непріятелю сдѣлать высадку людей, сняты и отправлены въ фортъ; а въ ночь съ 26-го на 27-е число приказано нижнимъ чинамъ мѣстнаго артиллерійскаго гарнизона и финляндскаго линейнаго баталіона № 10-го бывшимъ на батарее, зарядивъ пять орудій усиленными зарядами, выпалить залпомъ безъ всякой цѣли въ земляной валъ и потомъ удалиться въ крѣпость, оставя на мѣстѣ пушки.

Поэтому 27-го числа въ 4 часа утра непріятель, подѣхавъ на двухъ пароходахъ къ батарее, сталъ бросать въ оную бомбы и ядра, но не видя отвѣта въ теченіе двухъ часовъ времени, послалъ на баркасахъ матросовъ въ окрестность береговъ для узнанія причины тишины, и когда посланные удостоверились, что нѣтъ никого изъ воиновъ на островѣ, тогда войска, безпрепятственно выходя на берегъ, переносили на себѣ легкія орудія и занялись построеніемъ батареи противъ башни литера С., которая обстрѣливалась для защиты своей и прегражденія непріятелю въ предпріятіи.

29-го числа въ 11 часовъ утра, во время слѣдованія парохода съ острова Престъ Э, для соединенія съ прочими судами, стоящими противъ форта, былъ открытъ огонь изъ оборонительной казармы, дабы преградить ему въ этомъ, причемъ оный поврежденъ и сбитъ на мель, но подошедшими къ нему двумя пароходами снятъ съ мели, съ прострѣленнымъ тогда же еще однимъ пароходомъ въ бортъ.

31-го числа, въ 5 часовъ утра, непріятель началъ уже съ сухопутья бомбардировать башню литера С. и продолжалъ до 8 часовъ вечера, а

ночью этого дня приступилъ къ ней двумя колоннами съ намѣреніемъ штурмовать, причеиъ изъ башни сильнымъ картечнымъ огнемъ пораженъ.

Посему непріятель 1-го августа, въ 6 часовъ утра, вновь открылъ огонь по башнѣ литера С., которая того же дня въ 7 часовъ вечера сдалась; тогда чрезъ часъ времени, непріятель покушался еще приступать разсыпнымъ строемъ къ форту, но сильнымъ огнемъ былъ отраженъ ¹⁾).

2-го числа непріятель, имѣя свободный случай устроить батарею отъ башни литера С. прямо на Нотвикъ къ башнѣ литера U, въ теченіе сутокъ стрѣлялъ изъ орудій въ оную; а изъ форта въ этотъ день безустали бросали ядра въ замѣченную батарею и въ вечеру двумя мѣткими выстрѣлами изъ мортиры зажгли башню литера С., каковая къ слѣдующему утру разрушилась.

3-го числа, въ 5 часовъ утра, непріятель, выстроивъ суда въ одну линію, открылъ огонь съ семи кораблей, а также съ оставленной нами батареи и съ устроенной отъ башни литера С. на фортъ и башню литера U и продолжалъ дѣйствовать изъ орудій до 8 часовъ вечера; въ это время башня литера U сдалась.

День этотъ достопамятенъ мнѣ: смѣнившись въ 9 часовъ утра съ орудіи, находившейся въ баталіонной церкви Св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, былъ посланъ капитаномъ фонъ-К и о р р и н г о мъ въ 1-ю роту къ фельдфебелю В а с и л ь е в у и во 2-ю къ унтеръ-офицеру М а т в ѣ е в у, для передачи имъ приказаній о смѣнѣ въ казармѣ 3-й роты людей съ орудій; въ это самое время, при выходѣ моемъ въ коридоръ нижняго этажа, отъ разорвавшейся бомбы на парели сильно оглушило меня и ранило малымъ осколкомъ въ голову, а также артиллериста въ шею и стрѣлка въ грудь, который тотчасъ отнесенъ былъ въ госпиталь, а я и канониръ по легкости раны остались на службѣ.

4-го августа въ 6 часовъ утра непріятель возобновилъ огонь съ вышеозначенныхъ трехъ сторонъ на фортъ; а также на башню литера Z съ трехъ пароходовъ и продолжалъ канонаду до 12 часовъ дня, и какъ по прямому направленію съ батареи отъ башни литера С. бомбы разры-

¹⁾ Въ минуту грознаго покушенія непріятели, въ оборонительной казармѣ произошло сильное смутеніе, по случаю объявленія къмъ-то намѣренія поджечь парохомы ящики, дабы фортъ взорвать на воздухъ. Необходимая смерть мужественныхъ и твердыхъ въ стойкѣ людей объяла меня ужасно-пылающимъ страхомъ и привела въ отчаяніе зрѣть небо, землю и вась, но вдругъ раздалось приказаніе г. полковника Г р а н к и н а и затѣмъ коменданта, артиллеріи генераль-маіора Б о д и с к о о тщательномъ надзорѣ за означенными ящиками, по этому фельдфебель Яковъ П а р ф е н о в ѣ и рядовой Казиміръ Ш у м л и н с к і й и я были поставлены для предохраненія ящика отъ злонамѣреннаго дѣйствія. Тутъ-то возвратились ко мнѣ жизнь и сила и взоромъ искалъ дерскаго заколотъ шткомъ вѣрнаго и неизмѣннаго оружія, однако умный не появился и слѣдъ свой скрылъ.

вались на парели и въ корридорахъ, гдѣ хранились заряды въ ящикахъ, обложенныхъ кулями съ мукою и крупю, коп два раза загорались и были потушены отважными крѣпостными арестантами, то причиняли опасность взрыва крѣпости; поэтому фортъ вывѣскою флага въ два часа по полудни сдался, и затѣмъ послѣдовала сдача башни литера Z. въ 3 часа¹⁾).

Въ продолженіе военнаго дѣйствія, съ нашей стороны бѣжало къ непріятелю 6 человекъ военно-рабочихъ, 3 арестанта и 1 артиллеристъ.

Кромѣ сего, одинъ предметъ остается въ безгласности, по причинѣ недоумѣнія моего: отъ кого именно приносилъ малолѣтній сынъ аландскаго почталіона 1-го августа въ крѣпость письма и кому, ибо почта не имѣла уже сообщенія съ гор. Або, о чемъ состоялся приказъ по гарнизону въ первыхъ числахъ іюля, и какими средствами мальчикъ этотъ могъ пройти изъ деревни Момстеки въ фортъ чрезъ непріятельскую цѣпь съ сумочкою на плечахъ для разности пакетовъ?

Окончаніе театра безуспѣшной войны, при малочисленной потерѣ убитыхъ и раненыхъ сокрушило мое сердце, я тайно въ чувствахъ душевной боли со слезами приносилъ раскаяніе: что мы не сыны церкви и не истинные слуги царю и отечеству, предавшись почти цѣлымъ гарнизономъ постыдному плѣну. Попеченіе монарха было велико объ насъ, но нами не оправдана его милость... Впрочемъ, все это предоставляю вѣрному подтвержденію не извѣстному мнѣ адъютанту, пріѣзжавшему два раза изъ С.-Петербурга на островъ Аландъ, бывшему очевидцемъ всему происходившему и привозившему отъ имени государя императора благоволеніе войскамъ.

Оставленіе укрѣпленія было слѣдующимъ порядкомъ: внезапно затрубили сборъ всему гарнизону, и находившимся въ прострѣлахъ нижнимъ чинамъ у первыхъ воротъ форта приказано было раскидавъ куле съ пескомъ отворить оныя; по прибытіи же всѣхъ людей въ оборонительныя казармы, тотчасъ отдано имъ приказаніе выходить по-ротно на плацъ, въ ранцахъ съ сумами и ружьями; не успѣвъ еще всѣ выступить на площадь, въ одно мгновеніе французское знамя уже развѣвалось у

¹⁾ Справедливѣе сказать, что крѣпость сдана на скорую руку, безъ должнаго совѣщанія команданта, г. генералъ-маіора Бодиско и завѣдывавшаго баталіономъ г. подполковника Клинштета съ гг. офицерами, на какомъ основаніи оставить укрѣпленія непріятелю и насъ, какъ бы овецъ безъ счета послѣшно предали въ жертву врагу. Казенныя вещи: оружіе, аммуницію и проч. собственныя матеріалы и припасы маркитантовъ брошены также въ добычу побѣдителямъ безъ заключенія акта. О денежныхъ же суммахъ разныхъ вѣдомствъ, хранившихся въ кладовой, умолчу, потому что не знаю, кто ими воспользовался, но жалъ, мои артельные деньги и прочихъ солдатъ тамъ были и вѣрно не возвратятся...

офицерскаго флигеля и цѣпь изъ французскихъ и англійскихъ солдатъ въ двѣ шеренги окружила насъ, тогда получили мы послѣднее приказаніе сложить ружья и сумы; принимаясь за это исполненіе, я ослабъ духомъ отъ тяжкаго вѣдоха и трепета, воображая быть умерщвленнымъ безъ оружія въ рукахъ; не опомнившись еще отъ разстройства, вдругъ услышалъ послѣднія командныя слова: «на лѣ-во, скорымъ шагомъ марш!»¹⁾

Тутъ мысленно попрощался я съ оставшимися моими вещами—и такими, кои хранились у меня, какъ залогъ для памяти. Слѣдуя изъ форта безъ должной обуви походнаго солдата, въ виду двухъ генераловъ, пріѣхавшихъ верхами на лошадяхъ съ непріятельской стороны, были привѣтствованы довольно отвратительнымъ мотивомъ музыки англо-французской арміи, расположенной прямою стѣною отъ крѣпости до пристани, гдѣ ожидали уже насъ баркасы въ изобильномъ числѣ для перевоза на пароходы. Баталіонное же знамя, имѣвшее одну только ленту, по сломаніи древка сожжено нашими въ печи, дабы непріятель не могъ воспользоваться онымъ.

По прибытіи нашего гарнизона на пароходы тотчасъ были отправлены къ цѣпи, занимаемой французами и англичанами въ дальнемъ разстояніи отъ Аланда; переночевавъ тамъ, на слѣдующее утро, т. е. 5-го августа пересажены на корабли, а потомъ отправлены изъ Ботническаго залива въ предѣлы Англии.

Мое же слѣдованіе было на трехдечномъ парусномъ кораблѣ св. Винцента (S-t. Vincent), вооруженномъ орудіями большаго калибра. Англійскіе строевые солдаты, состоявшіе на немъ, большею частію были молодые и слабоспѣные, матросы пожилые; фронтное образованіе у нихъ вяло и не стройно; одѣяніе: у первыхъ—краснаго цвѣта суконныя куртки съ круглыми желтой мѣди эполетами на черномъ полѣ, сумочная перевязь бѣлая, поясъ бѣлый съ большою глухою мѣдною пряжкой съ изображеніемъ короны, пуговицы оловянныя съ видомъ якоря, колпаки кожаные съ козырькомъ и маленькимъ гербомъ, означающимъ трехугольникъ, панталоны чернаго сукна съ краснымъ кантомъ; а послѣднихъ—чернаго цвѣта куртки и панталоны, шапки круглыя суконныя съ изображеніемъ на нихъ короны, и у всѣхъ вообще рантовые башмаки, подбитые желѣзными гвоздями и маленькими подковами. Въ обращеніи съ нами они были скромны. Пища постоянная состояла для насъ плѣнныхъ: утромъ шоколадъ съ какимъ-то жиромъ, въ обѣдъ горохъ со свиною соленою, или тѣсто пшеничное съ изюмомъ, также съ саломъ вареное въ мѣшкахъ и солонина, а къ вечеру чай и на всѣ сутки пшеничные сухари по $\frac{3}{4}$ фунта. При этомъ маломъ и несытномъ продовольствіи, каждый русскій солдатъ ежедневно вспоминалъ черный хлѣбъ и

¹⁾ Но уже по иностранной тактикѣ.

изуство мѣнялъ пріятное кушанье на вкусныя щи и кашу, но уже было поздно и обманчиво наслаждаться одними мечтами.

Этимъ начальнымъ познаніемъ горести не увѣчалось прискорбіе— во время проѣзда береговъ Даніи, корабль нашъ не извѣстно мнѣ почему сталъ на якорѣ, близъ острова Борнгольма (Bornholm), жители этого мѣста, въ теченіе сутокъ развѣзжая на катерахъ мимо насъ, кричали многократно «ура!». При этомъ мужчины били въ ладоши, махали вверхъ шапками, а женщины платками, произнося слова: «Руссе» (Russ), дѣлая этимъ почестъ и привѣтствіе корабельнымъ чинамъ. Посмѣшище это отъ поселянъ малаго помѣстья надъ воинами русскаго оружія привело меня въ ужасное мщеніе; порывомъ желанія въ ту же минуту я готовъ былъ броситься въ рукопашный бой съ самонадѣянными глупыми датчанами, но препятствіе удержало порывъ злости моей, поэтому я, взявъ съ досады оставшуюся отъ обѣда большую говяжью кость, выбросилъ къ нимъ изъ амбразуры, доказывая этимъ пренебреженіе къ зрителямъ и отнятое право храбрости въ плѣну. На слѣдующій день корабль св. Винцента вновь отправился въ дальнѣйшій путь и, по пріѣздѣ въ Великобританское королевство, сталъ на якорѣ до прибытія пароходовъ, для сдачи плѣнныхъ, мало уже оставшихся въ живыхъ, по случаю смертности отъ эпидемической болѣзни холеры. Тѣла покойныхъ были зашиваемы въ холстъ и спускаемы въ море съ двумя бомбами.

26-го августа, въ 2 часа пополудни, явились два ожидаемые парохода, кои принявъ насъ доставили въ 8 часовъ вечера этого же дня по назначенію въ гавань Шернесъ (Sheerness), гдѣ, переночевавъ на палубѣ, на другой день 27-го числа въ 1 часу дня высажены на ветхій корабль, (устроенный въ видѣ казармъ), подъ названіемъ Девонширъ (Devonshire).

Теперь скажу и о двухъ пароходахъ, подвергшихся во время мореплаванія моего на оныхъ несчастіямъ: первый изъ нихъ, наѣхавъ на подводный камень, былъ снятъ пріѣхавшимъ пароходомъ съ цѣпи, а послѣдній, зацѣпившись за якорь корабля, сломалъ у себя съ поверхности боковаго крыла часть оной и малую мачту. Сама судьба указывала англичанамъ при доставленіи насъ на корабль св. Винцента и отправленіи съ онаго угрозу, предвѣщая имъ впредь отдать за эту ласку благодарность. Достаточенъ также французу и англичанину изученный урокъ на островѣ Аландѣ, за всѣмъ тѣмъ, что они разорили беззащитные камни и взяли скрывавшійся за ними слабый гарнизонъ, поплатившись потерей изъ числа многочисленной арміи болѣе 6.000 человекъ убитыми и ранеными, какъ рассказывали объ этомъ на кораблѣ св. Винцента нижніе чины, знающіе нѣмецкій діалектъ.

Прекращая этимъ повѣсть мою о 25 дневномъ происшествіи на островѣ Аландѣ и 23 дневномъ путешествіи на моряхъ, начинаю описывать мѣстное въ г. Шернесѣ бѣдственное положеніе. По прибытіи на

корабль Девонширъ, мы оставались почти всё сутки безъ пищи, въ вечеру получили только чай съ сухарями, на другой день, 23-го августа въ 6 часовъ утра, выданы намъ на весь день пшеничные сухари по $\frac{1}{2}$ фунту на каждого человѣка и шоколаду по полу-кружкѣ, въ обѣдъ щи изъ свѣжей капусты по той же мѣрѣ и по порціи говядины, а къ вечеру чай также по полу-кружкѣ, и такимъ порядкомъ продолжали продовольствовать, безъ всякой перемѣны и прибавки съѣстныхъ припасовъ, несмотря даже на убѣдительную просьбу русскихъ солдатъ объ увеличеніи опредѣленнаго вѣса хлѣба. Да и кто могъ ходатайствовать объ насъ несчастныхъ?.. Никто изъ начальниковъ не находился при насъ, одни проживали въ городѣ, а другіе жительство имѣли во Франціи съ значительною частью нижнихъ чиновъ.

Англійское начальство на кораблѣ нашемъ состояло: изъ 5 офицеровъ, 1 доктора, нѣсколькихъ человѣкъ пожилыхъ солдатъ въ видѣ инвалидовъ и матросовъ, а также одного русскаго языка переводчика, который въ своемъ родѣ игралъ прекрасную роль льстеца и лжеца; обращеніе ихъ съ нами было предосудительное: во всемъ отзывались грубо и дерзко, не обращая вниманія на то, что мы англійскаго языка не понимаемъ и пребываемъ въ нѣмы. Россійскіе кредитные билеты и звонкую монету хулили. Какія-то пріѣзжія лица изъ города Шернеса на корабль Девонширъ обмѣнивали наши деньги на свои, выдавая за рубль серебра два шиллинга, или двадцать четыре пенза, означающіе 60 коп. серебромъ. Булочникъ, пріѣзжавшій изъ города ежедневно съ бѣлымъ хлѣбомъ и вялеными сельдями, продавалъ оныя такъ: за булку въ $1\frac{1}{2}$ фунта вѣсу и пару сельдей бралъ по 50 коп. сер., а я однажды еще лучше купилъ, взявъ двѣ булки одинаковаго вѣса, отдалъ рубль серебра, не получивъ сдачи, хотя я сказалъ булочнику по-нѣмецки: *ich muss noch bekommen Geld*, онъ отвѣтилъ мнѣ по-англійски по (т. е. нѣтъ) и словомъ этимъ я удовлетворился. Табакъ же курительный и нюхательный простаго разбора менѣе 3 золотниковъ, въ бумажныхъ оберткахъ, съ рисункомъ и стихами Робинсона (Robinson) (которую при семь прилагаю), продавался по полу-шиллингу, т. е. 15 коп. сер., тогда какъ въ городѣ, гдѣ была наша гавань, вышеозначенная пшеничная булка продавалась по 12 коп. сер., селедка по 2 коп. и табакъ прописаннаго вѣса по 5 коп. сер. Вотъ истинный примѣръ грабежа, и изысканная промышленность!.. Мѣнялы и продавцы отбирая послѣднее достояніе у плѣнныхъ солдатъ, для приращенія своихъ капиталовъ, доказывали, что у нихъ нѣтъ чувствъ христіанской религіи и нѣтъ правосудія отъ правительства, дабы преслѣдовало ихъ за непомѣрные сборы денегъ на казаніемъ.

Нельзя также оставить безъ объясненія, что англичане, стараясь покрыть зло, выказывали мнимую благотворительность, выдавъ 31-го

августа всѣмъ плѣннымъ по $\frac{1}{2}$ фунту сѣраго мыла, для мытья бѣлья; 4-го сентября пожертвованы кѣмъ-то нѣсколько экземпляровъ духовно-нравственныхъ книги и новые завѣты, дабы упражняться чтеніемъ, и 8-го числа по одной пестрой холщевой рубахѣ каждому.

19-го сентября посѣтилъ насъ священникъ Евгеній Ивановичъ Поповъ, уроженецъ Ярославской губерніи, г. Данилова, который, пригласивъ всѣхъ русскихъ воиновъ на палубу корабля, отслужилъ молебенъ, съ окропленіемъ cadaго изъ насъ святою водою и во время произнесенія имъ рѣчи, относительно читаннаго евангелія отъ св. Марѣа (за-чало 37), пробудилъ стѣсненныя чувства плѣнныхъ до того, что многіе прослезились и оставили у себя надолго въ памяти слова его «что мы при купели еще отреклись отъ суетнаго міра и предались во власть Божію; будучи же въ плѣну, должны терпѣливо нести крестъ свой, во имя святой вѣры въ Господа нашего Иисуса Христа». — По окончаніи этого, священникъ Поповъ полярилъ намъ образъ знаменія Пресв. Богородицы, какъ благодать Духа Святаго, говоря: «этимъ благословляю васъ, воиновъ, на мужественное терпѣніе и побѣду враговъ внѣшнихъ» ¹⁾).

22-го числа въ 2 часа пополудни отправили насъ плѣнныхъ въ г. Плимутъ (Plymouth), въ который прибыли на пароходѣ 24-го числа въ 11 часовъ утра, совершенно изнеможенные, по случаю сильной качки на морѣ, причинившей головокруженіе и рвоту; тутъ расположили насъ не въ дальнемъ разстояніи отъ гавани въ каменный 3-хъ-этажный домъ, съ таковою же оградю (устроенный въ родѣ кладовой), внутри онаго посреди казематовъ чугунныя подпоры, въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, въ стѣнахъ отверстые душники, по обѣимъ сторонамъ оной желѣзныя кровати, на каждой изъ нихъ тюфякъ; подушки соломенныя и бѣлое войлоковое одѣяло, столы и скамейки средней величины деревянныя на желѣзныхъ ножкахъ, чашки и круги деревянные, кружки жестяныя, а также фонари для освѣщенія ночью казематовъ. Пища же для насъ въ сутки состояла изъ одного фунта пшеничныхъ сухарей и супа картофельнаго, съ малою частію оной и говядины, который промывалъ у cadaго желудокъ, потому что означалъ только запахъ онаго, а существенно былъ кипятокъ, безъ крупъ или подболтки муки.

Начальствующіе надъ нами были: смотритель, именованный комендантомъ, докторъ, переводчикъ Василій Васильевичъ и постоянные какіе-то три надзирателя; внутри двора у воротъ и вокругъ заключенія нашего часовые четыре человекъ.

¹⁾ Прочимъ же плѣннымъ, находившимся на другомъ кораблѣ, близъ насъ, подаренъ священникомъ Поповымъ образъ Св. Троицы.

3-го октября, прѣхавшій наканунѣ этого дня—по желѣзной дорогѣ изъ г. Лондона (London) священникъ Евгеній Поповъ, прибывъ въ жилище наше въ 9 часовъ утра, въ нижнемъ этажѣ отслужилъ часы и молебенъ съ водоосвященіемъ, причемъ было прочтено имъ евангеліе отъ св. Луки (глава V) и произнесена рѣчь относительно того, «чтобы мы помнили слово Божіе, послѣдовали примѣру рыбаковъ—и Симона-Петра, въ твердой вѣрѣ въ Господа, молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ. Посредствомъ этого только мы можемъ получить отъ Спасителя милость, прощеніе грѣховъ и все ожидаемое». Послѣ сего священникъ Поповъ совершилъ панихиду за упокой усопшихъ братій нашихъ—въ битвѣ, на морѣ и въ иныхъ градахъ плѣнныхъ ¹⁾).

Лишь только провелъ я взоромъ пастыря, вздохнувши воскликнулъ: Боже мой! Услыши слабый голосъ мой, внемли моленію моему, открой мнѣ путь еще разъ повидать Россію! Пусть мнѣ доведется въ ней тягостно жизнь вести, пусть придется видѣть въ ней бѣдствіе, пусть хоть смерть укажетъ мнѣ ея могилу! Эту сырую землю, это жилище смертныхъ, суровый вѣтръ и душный воздухъ, лишь бы только Россія на меня дышала, я приму это за благодать свыше, подъ сводомъ роднаго края. О! Россія! Россія, душа, сердце, чувство и голосъ, все вопіетъ къ тебѣ, Россія! Мать моя!..

Господь многомилостивый! умилосердися надо мной, введи меня во храмъ дома Твоего, дабы я могъ въ душѣ своей поставить алтарь—и послѣ долгаго безмолвія принести Тебѣ хвалу и благодареніе, вмѣстѣ съ соотечественниками за изведеніе изъ плѣна, изъ плѣна иновѣрцевъ! гдѣ сердце мое было чуждо ихъ языку, гдѣ чувство ласковаго привѣта умерло, гдѣ мнимая улыбка на ихъ разспросы отвѣтствовала презрѣніемъ...

Съ этими-то воззваніями къ Всевышнему Отцу и неизмѣнными помышленіями, я ежеминутно ожидалъ угѣшительнаго часа, въ который Богъ и Царь снишплетъ намъ милость и соединить отлученныхъ дѣтей своихъ отъ стада въ одно цѣлое семейство.

17-го октября въ 9 часовъ утра, священникъ Поповъ, прибывъ къ намъ въ казармы, отслужилъ часы, панихиду и молебенъ и произнесъ рѣчь, относительно читаннаго имъ евангелія св. Луки (глава VII), «чтобы мы любили всѣмъ сердцемъ свое отечество, какъ Иисусъ Христосъ градъ Свой, называемый Назаретъ, и чтобы мы исполняли волю Его, подобно двумъ братьямъ, рыбаарямъ: Симону-Петру и Андрею, оставившимъ сѣти и послѣдовавшимъ за нимъ. Тогда объемлетъ насъ

¹⁾ По окончаніи священнодѣйствія, я вручилъ письмо отцу Евгенію Ивановичу Попову и просилъ его переслать оное по адресу къ вамъ, увѣдомляя лишь о мѣстѣ пребыванія моего въ Англіи и о состояніи здоровья, по случаю запрещенія правительства распространяться о прочихъ предметахъ.

страхъ, но не тотъ, который ужасаетъ наказаніемъ за преступленія, а страхъ Божій, изъявляющій Свою чудодѣйственность и милость къ намъ, такъ какъ, въ г. Наинѣ объялъ страхъ людей, видѣвшихъ жалость Господа надъ вдовою умершаго сына, коего Онъ воскресилъ и отдалъ матери его».

Послѣ обѣда во 2 часу, священникъ Поповъ, обошедъ всѣ казематы, занимавшіеся плѣнными, объявилъ: что государь императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: изъ числа пожертвованной суммы денегъ раздать на необходимую надобность каждого часть оныхъ, а именно: унтеръ-офицерамъ по 3, а рядовымъ по 2¹/₂ шиллинга.—Въ какомъ же количествѣ было общее число денегъ и сколько именно благоволено монархомъ выдать таковыхъ гг. офицерамъ, проживавшимъ въ г. Плимутѣ, и нижнимъ чинамъ, бывшимъ подъ строгимъ карауломъ, не знаю (исключая военныхъ чиновъ, жительствовавшихъ во Франціи).

18-го октября англійскимъ начальствомъ отдано приказаніе производить плѣннымъ каждое утро чай по полукружкѣ; однако эта заботливость ихъ объ насъ нисколько не содѣлала меня къ нимъ равнодушнѣе, зря мракъ дневной и желѣзный запоръ ночной.

Испытавъ всѣ лишенія въ мірѣ, могу утвердительно сказать, что для меня оставалась только губительная праздность, которая имѣла большое вліяніе наводитъ на меня скуку, грусть и уныніе. Находясь въ большой массѣ грубыхъ и необразованныхъ солдатъ, я не имѣлъ малѣйшаго развлеченія въ горести, кромѣ неприятнаго слуха разныхъ нелѣпностей, брани и шума, происходившаго отъ говора ихъ, какъ въ пчелиномъ роѣ. Однимъ словомъ, это была толпа разнаго званія и сословія народовъ: русскихъ, поляковъ, чухонъ и евреевъ, не имѣвшихъ звука согласной гармоніи, единодушія, совѣсти и послушанія добрыхъ совѣтовъ. Они нисколько не оправдывали въ плѣну высокаго значенія слова «русскаго солдата», слова, оставшагося наслѣдственнымъ со времени благословенной памяти императора Петра Великаго для каждого воина, безъ различія титуловъ, на многія дѣта. Высказавъ это, не выставляю себя изъ лучшихъ, я также солдатъ, родившійся отъ солдатки, ученъ грамотѣ покойнымъ отцомъ моимъ аудиторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ, и далекъ высокихъ познаній. Сознательно скажу, я несчастный рядовой, осужденный Провидѣніемъ—испить чашу горести ея; но геройскій духъ терпѣнія и живыя чувства даютъ мнѣ право исключить себя изъ рядовъ строя необузданныхъ солдатъ, удалиться отъ общества сослуживцевъ, товарищества и пренебречь ихъ поступки.

Прискорбіе мое возрастало каждый день въ высшей степени, душа страдала, сердце вяло, а разумъ терялся въ архивѣ размышленія: когда освобожусь изъ плѣна, когда увижу отечество, родныхъ своихъ, когда начну служить царю и когда увижу православную церковь? Дума

полна была изысканія средствъ постигнуть эту тайну, но никакое не нашлось. Молитва же къ Богу доставляла мнѣ здоровье, укрѣпленіе силъ и утѣшеніе въ печали.

Влеченіе мыслей, не касаясь ни чьей личности, побуждаетъ меня еще выразить одно событіе, заслуживающее вниманіе на долгое время. Картина Аландской войны и плѣна была грозна и смѣшна: главное начальство въ боѣ нигдѣ не присутствовало, не подавало собою примѣръ неустрашимости воинамъ и не внушало подчиненнымъ имѣть мужество и самоотверженіе въ опасности, исполняя священный долгъ воли Царя небеснаго и Царя драгаго нашего отечества и гдѣ они находились во время битвы, не знаю (кромѣ офицеровъ, завѣдывавшихъ орудіями); семейства же гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, жительствовавшія въ окрестности острова Аланда, не переставали имѣть свиданіе съ супругами и въ опасную минуту грозы, и изъ любви ли или ревности многія женщины добровольно съ дѣтьми и имуществомъ слѣдовали на корабляхъ съ мужьями въ плѣнь, а нѣкоторыя прибывали къ нимъ послѣ на машинахъ. Почестъ для нихъ была оказываема англичанами достойная похвалы. По прибытіи въ Англію, всѣ безъ изыатія гг. офицеры и семейства ихъ, по благоволенію королевы Викторіи, расположены были въ городѣ по квартирамъ, съ производствомъ денежнаго содержанія, которое дало имъ возможность построить себѣ тогда же партикулярную одежду и завестись приличными карманными часами; сверхъ этого имъ выдано вскорѣ изъ числа все милостивѣйше пожалованной государемъ императоромъ суммы денегъ порядочное количество оныхъ; но могло ли все это быть для нихъ достаточнымъ, могла ли природа доставлять имъ свое удовольствіе, могла ли собственная бесѣда съ милой половиной дать имъ улыбку радости, не знаю. Какая же злобная рука тревожила ихъ блаженный покой? Плѣнь и призывъ Россіи къ себѣ!.. Солдатки съ дѣтьми жительство имѣли въ казармѣ съ мужьями, безъ всякой особой помощи отъ правительства, поэтому, вѣрно, жены тяжело вздыхали, а дѣти не имѣя нужнаго ихъ лакомства, рыдали; женщины не раскаявались однако въ собственномъ произволѣ нести это терпѣніе; онѣ, испытывая горе, скрѣпляли любовь и желаніе умереть вмѣстѣ съ друзьями. Это зрѣлище заставило меня припомнить, находилъ ли въ Россійской исторіи описаніе о нахожденіи въ плѣну воиновъ съ женами и плаксивыми ребяташками, однако при всемъ тщательномъ розысканіи не нашелъ и оказалось первымъ еще видомъ ¹⁾).

¹⁾ Словомъ сказать: Аландскій гарнизонъ потерялъ честь и похвалу. Вотъ примѣръ: „Въ продолженіе войны между Гоанномъ I, королемъ кастильскимъ, и Гоанномъ I, королемъ португальскимъ, англичане осадили было городъ Паленцію, въ королевствѣ Леонскомъ, который въ то время былъ безлюденъ; дворянство слѣдовало все ва государемъ на войну, но женщины защи-

Да возможно ли мужчинѣ, занятому нѣжными ласками и пріятными поцѣлуями жены, не ослабить духъ рыцарства противъ врага? въ пріятномъ воображеніи вѣрной расположенности къ нему драгой, забываетъ должную предприимчивость въ защиту себя отъ непріятеля, падаетъ подъ слабымъ его ударомъ. И, извинительно, любовь не имѣетъ предѣла, она преступаетъ законъ.

Если не возбраняется и не предосудительно писать правду, то изъясню: мнѣ чрезвычайно жаль, что Аландскія укрѣпленія сданы непріятелю, что обѣщанное мнѣ награжденіе не получилъ и что время, проведенное въ плѣну, по закону исключать изъ числа службы моей. Быть можетъ, вы назовете меня глупцомъ и скажете, чего сожалѣть мнѣ каменные стѣны, онѣ царскія. Напротивъ, сдѣлаю вамъ предупрежденіе, что вмѣстѣ съ разрушенными стѣнами я лишился производства, или иной награды, счета службы, свободы, переписки и свиданія съ вами на долгое время, совершенно неожиданно; оплакивая драгоцѣнную потерю эту, оплакиваю и несчастный жребій свой.

Въ сновидѣніи же переносился на островъ Аландъ въ видѣ полководца, удаливъ отъ себя адъютанта, пріѣзжавшаго изъ С.-Петербурга — отъ распоряженій яъ воинскомъ дѣлѣ, начиналъ дѣйствовать противъ непріятеля такъ: двумъ ротамъ Гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и 1-й ротѣ Финляндскаго линейнаго № 10-го баталіона назначилъ занять цѣпь въ окружности береговъ аландскихъ, и артиллерійскій гарнизонъ съ легкими орудіями скрылъ, для случая надобности, между каменными горами и лѣсами на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ батареи, затѣмъ достальное число людей оставилъ въ башняхъ и въ форту при орудіяхъ; имѣя все это въ готовности, отразилъ врага, покушавшагося пристать съ баркасами къ берегу для высадки войскъ; наконецъ непріятель послѣ продолжительнаго и безуспѣшнаго намѣренія сдѣлать гдѣ-либо вылазку, замѣтивъ значительный гарнизонъ и жителей вооруженныхъ, коимъ были выданы начальствомъ ружья, направилъ суда противъ крѣпости и башенъ, открывъ огонь, палилъ грозно семь дней сряду; въ продолженіе каковаго боя, пользуясь остановкою перестрѣлки въ ночное время, тихо и спокойно 1-я рота и артиллерія перебрались въ фортъ, для смѣны съ орудіи усталыхъ и раненыхъ людей, а двѣ роты вышеозначенныхъ стрѣлковъ и шведы были при своемъ опредѣленномъ мѣстѣ; спустя нѣсколько дней, непріятель сдѣлалъ окончательную уже бомбардировку крѣпости и, не получивъ

тили городъ, прогоняли непріятеля, безпозволи его вылазками и привудили отойти. Дабы наградить ихъ мужество, король позволилъ имъ носить на епанчахъ золотую повязку и даровалъ имъ всѣ преимущества рыцарей повязки“. (Стр. 97. Часть XI. „Дѣтское чтеніе для сердца и разума 1787 года“).

никакого выигрыша, удалился съ флотомъ въ Черное море. Такимъ порядкомъ побѣда оказалась наша.

Ахъ! грезы! грезы обманчивыя. Гарнизонъ нашъ не такъ дѣйствовалъ... Воины какъ будто испуганные—бросивъ пушки на батареи, бѣжала въ крѣпость; запершись въ оной—полагали защиту имѣть въ каменныхъ стѣнахъ; а непріятель, взошедъ на островъ, благодарилъ судьбу за доставленную ему уступку мѣстности—безъ всякаго сопротивленія—и за исполненіе его желаній. Нѣтъ, какъ мертваго невозможно разбудить отъ вѣчнаго сна, такъ воображеніе не можетъ устоять противъ Провидѣнія Божьяго... Это сновидѣніе, это призракъ поля сраженія—и, волшебное превращеніе—вдругъ исчезло все, и я узникомъ опять скитался въ томительномъ плѣну.

22-го числа октября получивъ 2½ шиллинга, т. е. 75 к. серебромъ, принесъ душевную благодарность Казанской Божіей Матери и просилъ Всевышняго даровать императору нашему Николаю Павловичу за милость его къ намъ — здравіе и побѣду надъ врагами, а добродѣтельнымъ лицамъ воздаяніе съ небесъ и вѣчное благословеніе.

25-го октября—въ числѣ воиновъ, выданы также семействамъ нижнихъ чиновъ деньги, женамъ и дѣтямъ по 2½ шиллинга каждой. Справедливо ли это? Солдаты, находившіяся въ продолженіе трехъ недѣль въ аммуниціи, трудившіяся до пота лица день и ночь при огнестрѣльномъ орудіи, закопченный въ пороховомъ дыму и утомленный въ силахъ, сравненъ въ наградъ съ ребенкомъ, питающимся сосцами матери, съ дѣвченкой, забавляющейся куклами, и дѣвкой, имѣющей особый предметъ удовольствія, слывущей незастѣнчивою кокеткою!.. Природа молчитъ! а языкъ человѣческій не смѣетъ сказать. потому, чтобы не осудить завистливыхъ преподавателей мнѣній—распорядителямъ, раздѣлявшимъ царскую милость подчиненнымъ, не по заслугѣ cadaго и не по достоинству перенесенныхъ ими трудовъ, а по своему усмотрѣнію, дабы не оскудѣлъ остатокъ денегъ для непредвидимыхъ еще надобностей первыхъ. Итакъ, окончивъ ариѳметическое дѣленіе, не всѣмъ извѣстное, объяснили, что въ произведеніи итога нѣтъ!..

31-го октября священникъ Поповъ, отслуживъ часы и прочтя евангеліе отъ св. Луки (глава XVI), сказалъ слово: «Братіе, не гордитесь званіемъ и богатствомъ, не пренебрегайте ближняго своего; любите другъ друга и помогайте бѣднымъ, дабы не преступить заповѣдей Господа и дать праведный отчетъ предъ Богомъ. Убойтесь! вотъ примѣръ: Нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ; одѣвался въ порфиру и виссонъ, и пировалъ всякій день роскошно. Былъ также нѣкоторый нищій именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его, покрытый струпами, и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богатаго; и псы, приходя, лизали гной его. Умеръ нищій и отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраа-

мово. Умеръ и богатый, и погребли его. Во адѣ, будучи въ мукахъ, онъ возвелъ очи свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его, возопивъ, сказалъ: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омолчилъ конецъ перста моего въ водѣ и прохладилъ языкъ мой; ибо я мучусь въ пламени семъ. Но Авраамъ сказалъ: чадо! вспомни, что ты благоденствовалъ въ жизни своей, а Лазарь бѣдствовалъ; нынѣ онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь».

Послѣ сего священникъ Поповъ многимъ плѣннымъ подарилъ крестики бронзовые и мнѣ таковой же. Въ это время я поднесъ ему добровольно пожертвованныя нижними чинами и собранныя мною на украшеніе образа деньги, англійскою монетою 56½ шиллинговъ и русскою монетою 3 руб. 45 коп. серебромъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Ваше высокопреподобіе! сыны православной церкви, отъ искренняго усердія принося даръ свой—во храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, состоящій въ г. Лондонѣ (какъ бѣдная вдовица двѣ лепты въ сокровищницу), взываютъ ко Господу о скорѣйшемъ избавленіи ихъ изъ плѣна.

«При этомъ войны русскаго оружія, движимые чувствомъ благодарности: къ государю императору Николаю Павловичу—за неусыпное его объ нихъ попеченіе, а также къ королевѣ великобританской Викторіи, гражданамъ соотечественнымъ и здѣсь живущимъ—за благотворительность ихъ, съ умиленнымъ сердцемъ въ молитвахъ просятъ Спасителя рода христіанскаго о дарованіи царю, королевѣ и всѣмъ людямъ здравія, на многія лѣта.

«Вашему высокопреподобію представляя при семъ деньги, по списку значащіяся, осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что братіе мои изъявили ревностное желаніе сдѣлать таковое же приношеніе впредь, если только возможность будетъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, внемлющій устамъ вашимъ о словѣ Божіемъ имѣю быть,

31-го октября Вашего высокопреподобія покорнѣйшій къ услугамъ
1854 года. г. Плимутъ. рабъ. Іоаннъ Загородниковъ».

1-го ноября, по распоряженію англійскаго начальства, измѣненъ прежній порядокъ въ продовольствіи плѣнныхъ пищею, и постановленъ новый: утромъ чай съ сахарнымъ пескомъ, въ обѣдъ щи изъ свѣжей капусты, съ малою частію картофеля, и говядина, а въ ужинъ чай и на всѣ сутки пшеничные сухари по 1¼ фунта каждому.

14-го ноября священникъ Поповъ, отслуживъ часы и прочтя евангеліе отъ св. Луки (глава VIII), сказалъ слово: «Братіе! для исцѣленія страданія, сильнѣе вѣруйте въ Бога. Эта тайна исходитъ отъ Господа.

Женщина, одержимая кровотечеиёмъ двѣнадцать лѣтъ, прикоснувшись къ краю одежды Иисуса Христа—излѣчилась. Такъ и вы, братіе, подобно ей, вѣрою только можете быть спасены и исторгнуть тайную Его милость».

Милая тетенька, во время пребыванія моего въ г. Плимутѣ, я ничего достойнаго замѣчанія не видѣлъ, потому что былъ въ заключеніи, хотя и водили изъ насъ поочередно для прогулки въ городъ нѣсколько человѣкъ за конвоемъ, а я уклонялся отъ этого позорнаго удовольствія—дабы не быть актеромъ для зрителей. Въ этой провинціи дома дурной архитектуры, улицы узкія, земли глиняная, воздухъ влажный, но небеса постоянно покрыты туманомъ. Дожди были изобильны, и такъ настоящей зимы не было, кромѣ случавшихся иногда заморозковъ. Граждане, посѣщавшіе насъ, казались мнѣ довольно пріятной наружности, въ чертахъ же лица ихъ не изображалась особенная красота; въ обращеніи они были ласковы, а въ особенности нѣкоторыя дамы и дѣвицы, кои, давая ручку плѣнному солдату, легкимъ наклоненіемъ головы дѣлали привѣтствіе при приходѣ и уходѣ. Это живо занимало страсть душевной привязанности моей къ вамъ—и напоминало тѣ минуты, когда я съ чистыми мыслями невинной любви удостоивался цѣловать васъ и пожать руку незабвенной сестрицы А. С., въ знакъ вѣрной моей преданности и непоколебимой расположенности. Вдругъ все свѣтлое заслонила тьма, воображеніе начало рисовать злобное жерло, которое поглотило у меня счастье и все драгоценное, и сердце сильнѣе стало тосковать въ темницѣ страданій. Тогда я далъ обѣтъ милому существу, называвшему меня въ письмахъ другомъ, жить для нея и искупить свойство ея добродѣтели личною моею службою. И, къ развлеченію своему, оставляя чтеніе книгъ, полученныхъ отъ священника Евгенія Ивановича, плѣлъ составленную мною пѣсню, слѣдующаго содержанія:

Въ чуждой мрачной сторонѣ,
Я лилъ потоки горькихъ слезъ;
И тайной духъ Творца во мнѣ:
Отраду сладкую унесъ!..

* * *

Влача дни свои прискорбны,
Въ тюрьмѣ рѣшетчатыхъ оконъ,
Я зрѣлъ кару безъ вины—
И буйной Англіи законъ!..

* * *

Молясь Владыкѣ всей вселенной,
Просилъ душѣ моей терпѣнне;
Роднымъ въ Россіи просвѣщенной -
Небесной силы благодать!..

* * *

Мысля о милой взору Дашѣ,
Стремился въ объятія своихъ;
Вовдатель хвалу мою во храмъ:
Передъ иконами Святыхъ...

* * *

Сердце полное любви—
Струило алу кровь стена;
И дервскую печаль въ груди—
Гвала въ пустыню отъ меня...

* * *

Подъ часъ чувство укрѣпляло—
Надежду мнимой доброты;
Найти милость мнѣ вѣщало,
Въ награду вѣрной правоты!..

* * *

Въ отечествѣ моемъ благомъ,
Живеть царь славы Николай,
Тамъ льется счастье ручьемъ—
И звукъ побѣды—украшай!..

Разлука съ вами не только лишила меня всего счастья въ здѣшней жизни, но отняла у меня и средство доказать вамъ, какъ я рыдая восклицаю: мать моя, не отвергай пылаго сироту, забудь оскорбленный твой покой, прими въ объятія свои страдальца, дозволи примириться съ тобою и всѣми родными, дабы очистить совѣсть и свободнѣе вдохнуть зѣирь небесной благодати. Только горестію, раскаяніемъ и слезами могу теперъ платить за прошедшія заблужденія.

Смерть, какъ бы мщеніемъ преслѣдуя меня много разъ, угрожала лютою косою умертвить, но я, не устрашась могущества ея, слѣдовалъ влеченію чувствъ къ исполненію воинской обязанности, зная, что жизнь моя въ рукахъ Божіихъ, и опредѣленное время къ прекращенію оной неизбежно. 21-го числа іюля въ 10 часовъ вечера, когда выбирали нижнихъ чиновъ, преимущественно желающихъ упражняться вырубкою лѣса, я первый вызвался на это дѣло, хотя отъ роду не занимался и не умѣлъ владѣть искусно топоромъ, и всѣхъ охотниковъ оказалось числомъ 25 человекъ. Надѣвъ на себя сумы съ 60-ю патронами, зарядивъ ружья и взявъ съ собою выданные топоры, мы вышли изъ амбразуры запертой башни литера L, состоящей на островѣ Престъ Э., на берегъ, тутъ перекрестясь съли въ двухъ лодкахъ и съ безмолвіемъ отправились въ ночной отрядъ подъ команду прапорщика П е р е м и л о в с к а г о на противустоящій островъ; здѣсь, вышедши на оный, поставили часовыхъ, для предосторожности отъ внезапнаго нападенія непріятеля, стоявшаго съ тремя пароходами близъ мыса Варготъ, и принялись рубить лѣсъ, съ соблюденіемъ по временамъ тишины, дабы слышать плескъ воды, въ случаѣ покушенія не-

пріятеля приблизиться къ намъ украдкою на вооруженныхъ баркасахъ. Окончивъ къ 2 часамъ ночи вырубку лѣса, сложили оный въ кучу, какъ только возможность позволяла, потомъ положили въ каждый костеръ нѣсколько приготовленныхъ на предъ сего пыжевъ съ порохомъ, и зажгли оныя всѣ вдругъ, однако не ранѣ той поры, пока успѣли перенести топоры въ лодки, приготовиться взять ружья и послѣдно удалиться къ берегу, оставя островъ въ добычу большаго пожара. Плывя обратно къ башнѣ съ преклоненными надъ водою ружьями, дабы блескъ ихъ отъ огня не отражалъ сіянія, я подвергся оцѣпенѣнію и страху, замѣтивъ, что непріятель, будучи освѣщенъ, рассматриваетъ съ парходовъ въ подозорныя трубы, кои сверкали, бѣгство нашихъ лодокъ; воображалъ, что онъ тотчасъ сдѣлаетъ въ слѣдъ за нами выстрѣлы изъ орудій и потопитъ насъ; сохраняя въ тайнѣ видѣнное и постыдную робость мою, ожидалъ роковой минуты, но Всевышнее Провидѣніе вѣрно сопутствовало намъ и чудесно сохранило при этомъ случаѣ отъ всякихъ бѣдствій. Островъ же преданъ былъ огню, для того, что препятствовалъ двумъ башнямъ дѣйствовать противъ непріятели изъ орудій, ибо лѣсъ скрывалъ за собою парходы и преграждалъ намъ наносить имъ вѣрные удары ¹⁾.

5-го декабря священникъ Поповъ, отслужя часы, прочтя евангеліе отъ св. Луки (глава XIII, ст. 10—18), произнесъ рѣчь: «Братіе, вы, собираясь на войну противъ непріятели, берете оружіе для отраженія врага; поѣтому совѣтую вамъ имѣть такую же предпримчивость противъ грѣховъ. Укрѣпляйтесь Господомъ и могуществомъ силы Его. Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобъ вамъ можно было стать противъ козней дьявольскихъ: потому что наша брань не кровію и плотію, но съ начальствами, властями, съ міро правителями тьмы вѣка сего, съ поднебесными духами злобы. Для сего воспримите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустать въ день злый, и все преодолѣвъ устоять. И такъ станьте; препоясавъ чресла ваши истиною и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ твердость евангелія мира. А паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе».

Послѣ сего священникъ Поповъ совершилъ панихиду за упокой усопшихъ братій нашихъ и сродниковъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ.

6-го декабря священникъ Поповъ, отслужя часы, прочтя евангеліе св. Луки (глава VI, ст. 17—23), произнесъ рѣчь: «Братіе, царь и православная церковь празднуютъ этотъ день во имя святаго Николая ар-

¹⁾ На этомъ островѣ былъ поставленъ высокій шестъ, въ знакъ предположенной постройки башни.

хієпископа мурликійскаго, т. е. празднують воспоминаніемъ: о правилѣ его въ вѣрѣ и образѣ кротости, воздержанія учителя стада... Почтемъ же и мы память св. Николая, непрестаннаго молитвенника у Господа о спасеніи душъ нашихъ. Молитвою предстанемъ благоговѣйно предъ великаго таинника Божія благодати, за себя и любезнаго монарха нашего. Какъ дѣти любя родителей отъ природнаго побужденія просятъ Бога о дарованіи имъ здравія, за воспитаніе ихъ, доставленіе имъ пищи и одѣянія, такъ и мы, любя царя, награждающаго насъ всѣмъ, будемъ просить Отца небеснаго о продолженіи дней жизни императора въ благополучіи и всего августѣйшаго дома». Наконецъ священникъ Поповъ отслужилъ молебенъ и пѣвцы троекратно пропѣли многолѣтіе.

При этомъ священникъ Поповъ поздравилъ всѣхъ воиновъ съ торжествующимъ праздникомъ, прославляющимъ на святой Руси—и тотчасъ роздалъ всѣмъ деньги по одному шиллингу, объявля, что они пожертвованы однимъ добрѣйшимъ соотечественникомъ нашимъ.

При уходѣ же священника Попова изъ жилища нашего, я вручилъ ему другое уже письмо, для пересылки къ вамъ, милая тетенька, не имѣя извѣстія на первое о состояніи вашемъ.

25-го и 26-го числа декабря, священникъ Поповъ, отслуживъ часы и молебенъ, читалъ въ оба дни евангеліе отъ св. Матѣя (глава II, ст. 1—23) и произносилъ рѣчь: «относительно рожденія Иисуса Христа въ Виелеемѣ, поклоненія ему мудрецовъ и бѣгства Его во Египетъ».

Провожая памятный 1854 годъ, какъ грознаго и могущественнаго посѣтителя, содѣлавшаго въ предѣлахъ Русской земли наказаніе. въ видѣ испытанія нашей кротости, смиренія и терпѣнія по долгу христіанской религіи, встрѣтилъ наступившій 1855-й годъ съ щедрою милостію, оказавшей Россіи многія побѣды и великолѣпную славу. Преклонивъ колѣна передъ Творцомъ, сотворившимъ чудесное явленіе, умиленно просилъ Господа сниспослать миръ всѣмъ людямъ на многія лѣта. Молилъ также архангела Михаила, да сохранитъ отъ злыхъ поляковъ и евреевъ, покушавшихся побить меня за внушеніе имъ обязанности признавать законнаго монарха нашего и не нарушать даннаго обѣта предъ лицомъ всевидѣвшимъ и смотрящимъ на беззаконіе ихъ. Я завсегда укорялъ безразсудныхъ поляковъ въ малодушіи, обличалъ ихъ совѣсть въ тотъ же часъ, какъ они порицали царя и говорили, что для нихъ нѣтъ его и они останутся въ Англіи, поступивъ на службу,—припоминая имъ нарушеніе чрезъ то присяги, удаленіе отъ родной семьи, пренебреженіе ближнихъ и что впредь ихъ ожидаетъ. Къ этимъ-то увѣщеваніямъ побуждало меня правило вѣры, съ которою пребывалъ непоколебимъ. Однажды же во время обѣда ужаснулся, увидя въ дерзкомъ порывѣ арестанта Томаша С п а л о в а, держащаго въ рукахъ ножъ и угрожавшаго умертвить меня за то, что я препятствовалъ ему произносить слова: «у меня нѣтъ царя,

Царство Польское имѣеть своего короля, я государю никогда не стану служить и вы всѣ анаемы», однако арестантъ Спаловъ, убоясь нанести ударъ въ виду писарей: Ивана Ефимова, Ильи Павлова и арестанта Елисея Максимова, плюнулъ только мнѣ въ лицо—и прекратилъ поносить разными бранными словами лишь тогда, когда товарищъ его, бомбардиръ Онуфрїи Пелякъ, сказалъ ему: «дѣло начали, да не кончили», это означаетъ, что намѣреніе ихъ поступить въ службу англійскую не совершилось, и главный возмутитель ихъ къ тому, военно-рабочей № 4-й роты, рядовой Александръ Тарасевичъ, взятый кѣмъ-то на жительство въ городъ 7-го января, остался насчетъ этого въ сомнѣніи. Многіе изъ поляковъ и евреевъ радовались находженію въ плѣну, но росіяне, вѣрные сыны престола, защитники отчизны, достойные въ полномъ смыслѣ этого слова, сокрушались и зывали къ Спасителю о скорѣйшемъ возвращеніи въ свое отечество. Мое же одно только желаніе было въ этотъ новый годъ имѣть поспѣшнѣе свиданіе съ вами, дабы продлить окончательную службу царю близъ васъ въ С.-Петербургѣ, не ожидая никакой награды, хотя и обѣщано было ротнымъ командиромъ г. капитаномъ фонъ-Кноррингомъ лично и объявлено чрезъ фельдфебеля Парфенова до плѣна еще неизмѣнно ходатайствовать о производствѣ меня въ унтеръ-офицеры. Теперь воля Божія устроить бѣдственную участь мою и излить на меня милостивыя щедроты Свои.

Ожидая благодать Господа, ожидаю и правосудное взысканіе Его съ г. Л....., за взведенную ею на меня клевету, по коей лишень въ 1852 году унтеръ-офицерскаго званія и нашивокъ совершенно безвинно; затѣмъ предавшись невольню отчаянію отъ вліянія душевной скорби, подвергся еще опредѣленію на службу въ Финляндскій линейный баталіонъ № 10-го. Претерпѣвая до сихъ поръ незаслуженное наказаніе и нося на челѣ своемъ мнимую вину предъ начальствомъ, молю Всевышняго Отца, дабы Онъ обличилъ клеветницу при цѣлованіи креста Иисуса Христа или Евангелія въ этомъ преступленіи.

6-го января сего 1855 года, священникъ Поповъ, отслужи часы, прочтя Евангеліе отъ св. Матѳея (глава III, ст. 13—17) и освятивъ воду, окропилъ оною всѣ жилища плѣнныхъ; послѣ этого въ 3 часа пополудни отправился на кладбище, для преданія тѣла умершаго воина землѣ, съ установленнымъ по правилу церкви обрядомъ. При погребеніи этомъ я находился, будучи побужденъ любопытствомъ узнать могилу покойныхъ. Въ г. Плимутѣ ямы выкапываются очень глубокія (состоящія отъ природы изъ аспіда), для того, чтобы гробы одинъ на другой класть до поверхности—потомъ уже, къ означенію занятаго мѣста, ставится памятникъ, совершенно простой, т. е. гладкій обдѣланный камень, на подобіе доски, выбѣленной, съ надписью. Эти памятники по всему кладбищу одинаковаго образца, безъ всякаго украшенія.

20-го числа января, посредствомъ начальства англійскаго, я отправилъ къ вамъ третье уже письмо, а отвѣта на оное тщетно ожидалъ.

5-го февраля, протоіерей Евгенийъ Ивановичъ Поповъ собственно-ручнымъ письмомъ изъ г. Лондона, которое получено было въ г. Плимутъ 6-го числа, привѣтствуя насъ съ наступающимъ святымъ великимъ постомъ, просилъ прощенія себѣ въ грѣхахъ и онимъ сообщилъ извѣстіе, что изъ С.-Петербурга послано для плѣнныхъ 6 четвертей гречихи. Въ отвѣтъ на это, въ понедѣльникъ первой недѣли поста, т. е. 7-го числа, отправлено къ нему составленное мною письмо слѣдующаго содержанія:

Ваше высокопреподобіе!

Приятное извѣщеніе ваше пробудило дремлющее стадо овецъ вашихъ и потрясло сердца отъ полноты чувствъ излить вамъ единокордую благодарность.

При этомъ имѣя въ виду благовѣстіе св. Апостоловъ, чтобы мы, содержа нѣчто въ умѣ на брата, примирались съ нимъ, и живя другъ для друга въ любви и согласіи, пребывали безъ осужденія, ибо Судія одинъ у всѣхъ Создавый насъ. Поспѣшно прибѣгаемъ къ вамъ, хотя въ запоздалый день, но во временный еще часъ жизни, съ умиленною просьбою простить насъ грѣшныхъ, въ томъ вниманіи, что будетъ разрѣшено вами на землѣ, то будетъ утверждено и на небесахъ.

Пользуясь неутомимымъ вашимъ поученіемъ: о вѣрѣ въ Бога, любви къ царю и отечеству, о скромности и смиреніи къ ближнимъ, мы благоговѣнно приготовились уже къ посту и молитвѣ, ожидая лишь вашего присутствія и благословенія отверзть уста наши прославлять имя Господа Бога нашего и удостоятся снискать милости Спасителя встрѣтить предстоящее Свѣтло-Христово Воскресеніе, для передачи этого привѣтствія соотечественникамъ въ нѣдро благословенной Россіи.

Желая вамъ съ семействомъ благополучіе и долгоденствіе равно августѣйшему монарху нашему, усердно умоляемъ Всевышняго Отца воздать вамъ за труды и добрую бесѣду съ нами и царю за попеченіе о подданныхъ своихъ достооджное награжденіе.

Съ искреннимъ высокопочитаніемъ, пребываемъ доброжелательные воины православной церкви.

13-го февраля священникъ Поповъ, прибывъ въ жилище наше, отслуживъ часы, прочтя Евангеліе отъ св. Іоанна (глава I, ст. 45—51), произнесъ краткую рѣчь относительно содержанія онаго; послѣ же обѣда совершилъ вечерню, а также 14-го числа заутреню, потомъ уѣхалъ обратно въ г. Лондонъ.

27-го февраля священникъ Поповъ, по отслуженіи часовъ, прочтеніи Евангелія отъ св. Марка (глава VIII, ст. 34—38), произнесъ крат-

кую рѣчь о содержаніи онаго; пополудни же совершилъ вечерню, а 28-го числа заутреню.

Теченіе времени переменчиво, заря зарю смѣняя, являетъ день и съ каждымъ днемъ различныя событія въ мірѣ. Одинъ какой-то католикъ, отъ усердія своего, пожертвовалъ пльннымъ полякамъ по шиллингу, по одной рубахѣ, по одной парѣ теплыхъ подштанниковъ и по одной парѣ шерстяныхъ чулковъ каждому. Однако этотъ даръ лица состоялъ умысленный, собственно къ склоненію солдатъ уроженцевъ Царства Польскаго удалиться отъ русскихъ и быть готовыми на брань противу ихъ. Послѣ этого вскорѣ всѣ поляки, воспользовавшіеся означеннымъ подаркомъ, переведены были изъ нашихъ казематовъ на другой дворъ въ особое жилище, въ сосѣдство евреямъ, но по чьей просьбѣ и съ какою именно цѣлью, не знаю. Въ толпѣ этихъ измѣнниковъ находились два кавалера, унтеръ-офицеръ Станиславъ Михневичъ и фейерверкеръ Якубъ Шлюбовскій, получившіе за первое дѣйствіе съ непріятелемъ на островѣ Аландѣ знаки отличія военнаго ордена св. Георгія, не за раны, храбрость и усердіе къ службѣ, а собственно за лъстивый языкъ предъ начальствомъ; хитрость и притворное повиновеніе въ исполненіи приказаній, къ чему, какъ извѣстно, способствуетъ имъ природный навыкъ и злой нравъ. Итакъ унтеръ-офицеръ Михневичъ, главный возмутитель поляковъ, былъ предводителемъ имъ, а фейерверкеръ Шлюбовскій съ прочими унтеръ-офицерами помощникомъ; въ доказательство же ненависти къ русскимъ, съ поруганіемъ снявъ съ себя означенные ордена, пренебрегли драгоцѣнное и святѣйшее украшеніе, означающее знаменіе креста Господня ¹⁾. При этомъ присовокуплю, что начальство Аландскаго гарнизона не наградило такихъ нижнихъ чиновъ знакомъ отличія военнаго ордена, кои съ особымъ усердіемъ дѣйствовали огнестрѣльнымъ орудіемъ, а благоволило дать ордена тѣмъ изъ подчиненныхъ, которые ничѣмъ не занимались и были къ нимъ ближе по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, какъ, на примѣръ, г. подполковникъ Клингштетъ изволилъ возложить крестъ св. Георгія на рядоваго изъ дворянъ Николая Зехтена за то только, что онъ въ первомъ сраженіи, стоя въ корридорѣ на лѣстницѣ, ведущей на чердакъ, съ г. комендантомъ и прочими офицерами, скрывавшимися отъ удара непріятельскихъ ядеръ, упражнялся разговоромъ въ общей бесѣдѣ о разныхъ предметахъ.

¹⁾ Унтеръ-офицеръ Михневичъ передъ первымъ еще сраженіемъ разглашалъ во многихъ мѣстахъ вѣдѣныя слухи: „Царство Польское взялось вновь за оружіе и поляки одержать побѣду надъ русскими“; за что, по приказанію г. подполковника Елистратова, употребленъ былъ за рядоваго въ неочередъ въ караулъ—и вѣроятно при жизни покойнаго г. Елистратова—Михневичъ не получилъ бы вышепрописанной награды.

Добродѣтель русскихъ превосходить всякой похвалы, они вездѣ всегда оставляютъ слѣды незабвенной памяти. Одинъ соотечественникъ нашъ, проживающій въ Англіи, пожертвовалъ плѣннымъ россиянамъ 100 шиллинговъ, но какъ этотъ даръ не могъ принести никому въ необходимой надобности существенной пользы, то мы обратили деньги эти къ прежнимъ, на украшеніе образа Успенія Пресв. Богородицы въ г. Лондонѣ, со словомъ: «ничто же внесохомъ въ міръ сей, явѣ есть, яко ниже изнести что можемъ: Господь даде, и яко же восхотѣ той, тако и бысть, благословенъ Богъ во всѣхъ».

9-го марта, въ 4 часа пополудни, внезапно отъ сильнаго стѣсненія въ груди я заболѣлъ и былъ отправленъ для пользованія въ лазаретъ. Въ этотъ же вечеръ, по ненависти ко мнѣ, кто-то донесъ переводчику русскаго языка Василию Васильевичу о хранящемся у меня въ бѣльѣ письмѣ, относительно изъясненія неблаговидныхъ поступковъ англичанъ и проч., которое имъ тогда же было взято изъ жилища моего вмѣстѣ съ составленною мною выпискою: «о жизни пресвятыя Дѣвы Богородицы»; но всѣ эти бумаги переводчикъ по прочтеніи и выздоровленіи моемъ при комендантѣ возвратилъ мнѣ, съ нѣкоторымъ замѣчаніемъ и объясненіемъ, что оны дѣлалъ обыскъ не у меня одного, а также у кондукторовъ и прочихъ солдатъ по приказанію своего начальства.

Теперь, любезнѣйшая тетенька Д. С., разрѣшите загадку, что чувствовалъ я, узнавши объ отобранной у меня этой морали, написанной простымъ слогомъ и отрывками, подъ страхомъ и скрытностію и въ какомъ положеніи находился получивши обратно?.. Тайну скажу вамъ лично при свиданіи, если суждено будетъ, подобно каждому солдату, желающему разказать въ Россіи изустно всю описанную мною здѣсь истину.

22-го марта въ 8 часовъ вечера, прибывъ изъ г. Лондона въ г. Плимутъ, протоіерей Е. Поповъ, пробылъ у насъ до 28-го числа, исполняя во все это время Божественное служеніе и исповѣдь нижнимъ чинамъ православнаго исповѣданія, кромѣ рядоваго Егора Кожана, принявшаго самовольно вновь израильянское исповѣданіе и обратившагося къ евреямъ. Дни страстной недѣли были для каждого русскаго чело-вѣка, т. е. душою русскаго — чувствительны и горестны, ибо вдругъ соединилось много различныхъ причинъ и многотрогательныхъ обстоятельствъ возсылать молитвы къ Богу съ чистымъ сердцемъ, смиреннымъ духомъ и со слезами: о нахожденіи нашемъ въ плѣну, о кончинѣ императора Николая Павловича и о страданіи и погребеніи Господа нашего Иисуса Христа. Въ среду утромъ, при чтеніи священникомъ Поповымъ особаго прибавленія къ вѣдомости Императорской Академіи Наукъ отъ 23-го февраля сего 1855 года № 41, о почившемъ въ Бозѣ монархѣ и совершеніи панихиды о упокоеніи Его Ве-

личества, многіе нижніе чины плакали долгое время, вмѣстѣ съ ними духовный отецъ Евгений изливалъ изъ глазъ слезы и измѣнившимся голосомъ исправлялъ обрядъ церковной службы. Тутъ огласились три каземата нижняго этажа общимъ рыданіемъ и тяжкимъ вздохомъ такъ сильно, что я не могъ прервать трепеть и біеніе сердца до вечера отъ одного лишь воображенія. Въ пятницу, при выносѣ плащаницы, опять возобновилось глубокое уныніе на лицахъ богомольцевъ, а также изумленіе при видѣ Спасителя, слѣдовавшаго съ ними невидимо и неожиданно съ острова Аланда въ плѣнъ, и несущаго по обряду на погребеніе (плащаница и нѣкоторые образа уже безъ оклада, взятые изъ крѣпостной аландской церкви, англичанами переданы священнику Попову, передъ этимъ пріѣздомъ его къ намъ). Свѣтло-Христово Воскресеніе было для каждаго христіанина утѣшеніемъ всѣхъ скорбей, потому что пришествіе Христа къ намъ, знаемаго нами, уподобилось явленію Господа св. апостоламъ. Поцѣловавъ крестъ и троекратно въ уста отца Евгенія, съ произношеніемъ свидѣтельства о истинномъ воскресеніи Христа, каждый солдатъ ожилъ духомъ, встрѣчая праздникъ, прославляемый на святой Руси. Вкратцѣ скажу, мы, похристосовавшись другъ съ другомъ въ тюрьмѣ казематнаго жилища, разговорѣлись пасхою, приготовленною заботливостію священника Попова, получивъ при этомъ еще каждый по парѣ окрашенныхъ яицъ и по двѣ пшеничныя съ корипцею лепешки, воздали хвалу Всевышнему Творцу и милостивому попечителю императору Александру Николаевичу; а къ обыкновенному обѣду нашему, по распоряженію отца Евгенія, была приготовлена еще крутая гречневая каша съ коровьимъ масломъ. Пополудни, отдохнувъ немного, собрались къ вечернѣ — и по окончаніи оной — пастыръ, протившись съ нами, отправился къ семейству своему въ г. Лондонъ,

Любезная тетенька Д. С., вы, быть можетъ, скажете, что я о гг. офицерахъ забылъ вамъ объяснить, какъ они проводили постъ и какъ встрѣтили праздникъ? очень въ памяти и къ стати выразить... 10 человекъ оберъ-офицеровъ проживали въ г. Плимутъ отдѣльно отъ насъ и не зная насъ. Поэтому трудно было постигнуть благородное ихъ чувство ко всему тому, что насъ трогало. Однако предоставляю вамъ самимъ заключить одинъ только добрый поступокъ г. капитана Есаулова, тогда вы поймете, что мы и въ плѣну были не безъ покровительства своего начальства. 29-го октября прошлаго 1854 года въ 3 часа пополудни, когда всѣ плѣнные нижніе чины были собраны на дворѣ заключенія, для опроса г. коменданта, при переводчикѣ В. В., о томъ, желаютъ ли солдаты получать вмѣсто сухарей — хлѣбъ и пишу одинъ разъ въ день, то г. Есауловъ, бывши при этомъ, сказалъ переводчику В. В.: «зачѣмъ вы спрашиваете у нихъ согласія, у насъ не такъ, а что дали, тѣмъ они должны быть довольны». Тутъ унтеръ-офицеръ Кексгольмской

инвалидной команды Игнатій Исаковъ, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы св. Анны, безъ боязни, выйдя изъ терпѣнія, возразилъ капитану Есаулову: «хорошо вамъ такъ наставлять, когда вы довольны всѣмъ, получая ежедневно содержанія по 7 шиллинговъ, а мы, при $\frac{1}{2}$ фунтѣ сухарей и горячей водицы, ждемъ уже смерти». Вотъ таковы-то аландскіе офицеры, изъ природныхъ уроженцевъ финляндскихъ и перенявшіе во всемъ нравъ у шведовъ, дабы имѣть какую-то нерасположенность даже къ сослуживцамъ своимъ русскимъ офицерамъ и ненависть къ солдатамъ. Во время нахождения нашего въ плѣну, при Божественномъ служеніи, хотя рѣдко, приходили изъ числа гг. офицеровъ для присутствованія при оной, а именно, капитаны: Есауловъ, Шветовъ; прапорщики: Перемилевскій и Станкевичъ, но зато всегда въ нетрезвомъ видѣ, что не могло быть скрытнымъ и замѣчанію г. протоіерея Попова, а въ особенности 25-го марта въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Не взирая на это, прозорливый и кроткій пастырь, по окончаніи заутрени 27-го числа, всѣхъ гг. офицеровъ пригласилъ къ себѣ въ квартиру къ 12-ти часамъ утра на чай и приказалъ старостѣ церковному рядовому Кузнецову выдать каждому офицеру по одной пасхѣ, стоющей по 3 шиллинга.

1-го числа апрѣля въ 5 часовъ пополудни, въ числѣ 5-ти человекъ перешедшихъ еще къ полякамъ, поступилъ также къ нимъ въ сообщество одинъ природный русскій фейерверкеръ Иванъ Горкушъ, оставившій въ Россіи семейство свое; не вытерпѣвъ это посрамленіе, солдаты для отомщенія, шуточно выстроившись на дворѣ укрѣпленія въ двѣ шеренги, провожали его съ прочими измѣнниками до воротъ, бросая вслѣдъ со смѣхомъ маленькими камнями, отъ чего два раза попали и въ переводчика В. В., сопровождавшаго ихъ на другой дворъ. Что же понудило фейерверкера Горкуша измѣнить присягу, пренебречь службу и званіе? .. Обманъ поляковъ! Они многихъ прельщали награждать деньгами и офицерскимъ званіемъ. Сожалѣю, что при этомъ хитромъ искушеніи духовъ злобы не было у тупоумныхъ въ помысленіи слова: «Не стяжите славы на земли, а на небеси».

7-го апрѣля скопище измѣнниковъ, состоявшее изъ поляковъ, евреевъ и русскихъ, всего въ числѣ 213 человекъ, а именно: мужчинъ 197 и женщинъ съ дѣтьми 16 человекъ, отправлено изъ укрѣпленія плѣнныхъ на неизвѣстный корабль, бывшій въ гавани.

12-го апрѣля получивъ письмо ваше, за которое заплатилъ одинъ шиллингъ (т. е. 51 к. сер.), поспѣшно отвѣтилъ на оное, изъясняя: о состояніи здоровья и душевнаго моего расположенія къ вамъ, выразивъ при томъ въ двѣнадцати строкахъ стихами незабвенность близости фамиліи вашей.

Два семейства—въ одно родство,
 Потомствомъ и вѣрою утверждены;
 Два корня—въ одно древо,
 Провидѣніемъ Творца соединены!
 Два сердца—въ одномъ нѣдрѣ,
 Взаимной дружбы ждутъ;
 Два друга—вы и я на землѣ,
 Одними чувствами живутъ!
 «Забудьте о прошломъ! нѣтъ разлуки!
 «Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
 «Все въ жизни, радости и муки,
 «Отнынѣ пополамъ!»...

24-го апрѣля священникъ Поповъ, прибывъ къ намъ, отслужи часы, прочта Евангеліе отъ св. Іоанна (глава IV, ст. 5—43), произнесъ рѣчь относительно того «какъ Іисусъ Христосъ просилъ у женщины самарянской пить воду» и проч., а 25-го числа, совершивъ заутреню, уѣхалъ.

3-го мая въ 10 часовъ утра, прибыли къ намъ въ г. Плимуть плѣнные: гг.: 1—штабъ, 6—оберъ-офицеровъ и солдаты разныхъ полковъ, баталіоновъ и командъ въ числѣ 250 человекъ, доставленные изъ г. Константинополя.

15-го и 16-го числа мая, священникъ Поповъ, отслужи часы, выдалъ намъ во второй день св. Троицы, изъ числа высланныхъ на предъ сего покойнымъ императоромъ денегъ, каждому воину по 2 шиллинга; равно женамъ и дѣтямъ нижнихъ чиновъ, безъ различія лѣтъ, по столько же.

25-го мая въ 8 часовъ утра, аландскіе арестанты, находившіеся вмѣстѣ съ нами въ одномъ жилищѣ, отправлены въ г. Шернесь.

5-го іюня священникъ Поповъ совершилъ у насъ часы и вечерню, а 6-го числа утромъ слѣдовалъ при погребеніи воина на кладбище—и тамъ, отслужи панихиду за упокой всѣхъ усопшихъ рабовъ, отправился обратно въ г. Лондонъ.

26-го іюня священникъ Поповъ совершилъ у насъ часы; по окончаніи службы занялся раздачею денегъ военно-плѣннымъ нижнимъ чинамъ, прибывшимъ изъ Турціи, 3-го мая; потомъ осматривалъ вновь пріѣхавшихъ сего же числа въ 11 часовъ утра изъ г. Константинополя достальныхъ нижнихъ чиновъ, всего 160 человекъ, а 27-го сего мѣсяца въ 7 часовъ утра, по просьбѣ моей, отецъ Евгеній, исповѣдавъ меня, пріобщилъ Святымъ Тайнамъ, для исцѣленія души и тѣла.

10-го іюля священникъ Поповъ, совершивъ у насъ часы, занялся раздачею денегъ чинамъ, прибывшимъ изъ Турціи 26-го прошедшаго іюня; послѣ обѣда служилъ вечерню, а 11-го числа утромъ заутреню и молебень.

22-го іюля въ 10 часовъ утра, священникъ Поповъ отслужилъ часы у насъ; 23-го числа въ 11 часовъ утра совершилъ панихиду за упокой усопшихъ на кладбищѣ, пополудни, малое повечеріе, а 24-го числа, отслужи часы, отправился въ г. Лондонъ. Въ этотъ же день, въ 4 часа послѣ обѣда, привезены къ намъ еще русскіе мужички 64 чело-
вѣка, взятые въ плѣнъ въ разныхъ мѣстахъ.

30 іюля, получивъ письмо ваше, за которое заплатилъ одинъ шил-лингъ, т. е. 31 коп. серебр., послѣшно отвѣтилъ на оное, извѣстя: о состояніи моего здоровья, съ отвращеніемъ незаслуженной себѣ благодарности, за присланные вамъ три рубля серебромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ. послалъ письмо отцу Евгенію Ивановичу, слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреподобіе,
Всемилоствѣйшій пастырѣ и отецъ
Евгеній Ивановичъ!

30-го числа минуваго іюля, я получилъ изъ С.-Петербурга отъ родныхъ моихъ письмо, съ изъявленіемъ въ ономъ благодарности за оказанную имъ благотворительность; но какъ виновникомъ сего признаю васъ, видя слѣды животворящаго благодѣянія вашего ко всѣмъ, то по-сему признательность тетки моей, Дарьи Савельевны, повергаю къ стопамъ Вашего Высокопреподобія, почтительнѣйше прося принять и отъ меня ту благодарность, которая изливается отъ переполненныхъ чувствъ въ сердцѣ смертнаго чело-вѣка и остается памятникомъ въ душѣ-хранительницѣ.

Пользуясь премудрымъ вашимъ всегда поученіемъ, подчиняю себя отеческимъ вашимъ молитвамъ предъ престоломъ у Господа Бога ради прощенія грѣховъ моихъ.

Вашего Высокопреподобія
Всемилоствѣйшаго пастыря и отца
нижайшій слуга
Иванъ Загородниковъ.

4-го августа 1855 года
г. Плимутъ.

14-го и 15-го числѣ августа священникъ Поповъ исправлялъ у насъ богослуженіе: исповѣдывалъ и приобщалъ Св. Тайнамъ воинскихъ чиновъ, предалъ тѣло умершаго война землѣ и роздалъ деньги 64 чело-вѣкамъ гражданскаго сословія.

30-го августа въ 9 часовъ утра священникъ Поповъ, отслужи часы и молебенъ, въ ознаменованіе тезоименитства государя императора Александра Николаевича, роздалъ всѣмъ вообще плѣннымъ деньги изъ числа пожертвованныхъ соотечественникомъ нашимъ, г. Демидовымъ, по

одному шиллингу каждому, а гг. офицеровъ пригласилъ на закуску въ гостиницу.

15-го сентября священникъ Е. Поповъ, прибывъ къ намъ, роздалъ нижнимъ чинамъ, назначеннымъ къ отправленію въ Россію, деньги, каждому по 5 шиллинговъ, т. е. 1 руб. 56 к. сер., отслуживъ слѣдующей командѣ въ г. Либаву, Курляндской губерніи, молебень съ окропленіемъ святою водою, проводилъ ихъ на корабль, гдѣ, прочитавъ имъ приличныя изъ Священнаго Писанія путеводныя молитвы, съ произнесеніемъ краткой рѣчи, благословивъ, простился съ ними 17-го числа въ 4 часа пополудни.

9-го и 30-го числа октября и 20 ноября священникъ Поповъ служилъ у насъ часы, а также 25 и 26-го декабря, по совершеніи часовъ, въ первый день праздника роздалъ намъ по 1 шиллингу каждому и предъ обѣдомъ дано было по рюмкѣ рому.

6-го января и 2-го февраля былъ у насъ священникъ Поповъ и служилъ часы, и въ послѣдній разъ роздалъ по 1 шиллингу на человѣка, а съ 1-го по 5-е марта отецъ Евгеній исповѣдывалъ и приобщалъ плѣнныхъ.

16-го числа марта въ 7 часовъ вечера прибыли къ намъ гг. офицеры и нижніе чины, посѣщавшіе японскихъ жителей.

Во все продолженіе времени нахождения нашего въ Англіи, было выдаваемо въ мѣсяць по 1½ фунта табаку курительнаго и мыла на каждого человѣка. Также разновременно выдавалась намъ обувь, и то не всѣмъ вообще и не все подлежащее. Обществомъ мѣстнымъ выдавались намъ русскія азбуки и псалтыри сокращенныя.

Бѣдность въ Англіи обнаружилась видимая, когда выводили плѣнныхъ для прогулки въ городъ, то со всѣхъ улицъ сбѣгались дѣти и средняго класса люди, прося у солдатъ нашихъ биски, т. е. сухарей, что замѣчая, служителя отгоняли ихъ; а въ тюрьмѣ, гдѣ мы находились, постоянно довольствовались отъ насъ часовые сухарями; однажды же, когда прошелъ слухъ о заключенномъ мирѣ, вечеромъ часовой, подойдя къ окну и ударяя штыкомъ въ желѣзную рѣшетку, просилъ сухарей такъ: «руссь, есть пись, есть, гивъ ми биске», т. е. русакъ, есть миръ, есть, дай мнѣ сухарей. Этимъ ясно доказывается, что голодь былъ у англичанъ ошутительный, когда часовые, забывъ даже стыдъ и непозволительность, у плѣнныхъ подъ разными видами выпрашивали сухарей, а иные просили за деньги, но наши солдаты денегъ не брали — отвѣчая по-русски: «вотъ, довелось русскимъ кормить васъ, помните же хлѣбъ-соль».

30-го марта выдано англійскимъ комендантомъ Вунчемъ военноплѣннымъ нижнимъ чинамъ по 5 шиллинговъ, а 31-го числа священникомъ Поповымъ столько же.

*

212 ДНЕВНИКЪ РУССК. СОЛД., ВЗЯТ. ВЪ ПЛѢНЪ ПРИ ВОМАРЗУНДЪ, ВЪ 1854 Г.

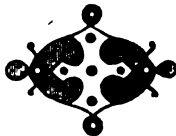
3-го апрѣля въ 2 часа пополудни, въ сопровожденіи г. протоіерея Попова, всѣ чины посажены на машины, для перевоза на коммерческій пароходъ Императрица (Imperatriz) подъ № 150, на который высажены въ вечеру этого дня; а 4-го числа утромъ отправились въ г. Портсмутъ (Portsmouth), куда прибыли въ вечеру 5-го числа; пробывши же на якорѣ двое сутокъ, въ ожиданіи остальной части военноплѣнныхъ: стрѣлковъ и матросовъ, 7-го числа въ 10¹/₂ часовъ вечера отправились въ дальнѣйшій путь, по отслуженіи молебна отцомъ Евгеніемъ Ивановичемъ (который отправился съ корабля на лодкѣ въ г. Портсмутъ). 13-го числа въ 5 часовъ пополудни прибыли въ г. Либаву, 14-го числа высажены на берегъ и размѣщены мѣстнымъ воинскимъ начальствомъ въ казармы, гдѣ въ первый день св. Пасхи не только что разговѣлись, но даже пробыли до ужина не ѣвши, а 24-го апрѣля прикомандировали насъ къ ротамъ пѣхотнаго, принца Карла, полка, съ коимъ прибыли въ г. Ригу и по распоряженію г. начальника 2-й пѣхотной дивизіи опредѣлили всѣхъ по нѣскольку человекъ въ эту дивизію; мнѣ же пришлось поступить въ пѣхотный принца Прусскаго полкъ, расположенный въ Альтонскомъ лагерѣ, въ ожиданіи высочайшаго осмотра войскъ Балтійскаго корпуса, которыя и были осматриваемы государемъ императоромъ 25-го мая сего года.

Пребываю покорнѣйшимъ слугою, племянникъ

И. Загородниковъ.

1 іюня 1856 года
Лагерь при г. Ригѣ.

Сообщилъ П. С. Лебедевъ.

Замѣтка.

Въ IX-й книгѣ „Русской Старины“ въ „Воспоминаніяхъ В. А. Панаева“ помѣщена одна глава, озаглавленная „Рождественскіе праздники“, которая явилась не въ хронологическомъ порядкѣ. Она относится къ воспоминаніямъ ранняго дѣтства автора, которыя печатать вполне, въ настоящее время, онъ еще не располагаетъ. Въ VIII-й книгѣ на стр. 322-й 6-я стрк. вм. „взять“ слѣдуетъ читать „взялъ“; на 328-й стр. 18-я стрк. вм. „скромный“—„скоромный“; на 334-й стр. 15-я стрк. вм. „имущества“—„имуществъ“; въ IX-й кн. на стр. 465-й 17-я стрк. вм. „онъ“—„она“; на стр. 476-й 27-я стрк. вм. „ее“—„ей“.

В. А. Панаевъ.

Волинское церковно-археологическое древлехранилище.

Еще въ шестидесятихъ годахъ графъ Плятеръ предлагалъ вмѣстѣ съ публичной библіотекой устроить также и археологическій музей для памятниковъ старины, въ изобиліи разсыянныхъ по Волинской губерніи ¹⁾. Мысль эту повторилъ нѣсколько позже г. Лященко, высказавшійся въ томъ смыслѣ, что въ Житомирѣ необходимо учредить архивную комиссію по примѣру архивныхъ комиссій, устроенныхъ въ другихъ городахъ ²⁾. Дѣйствительно, кто только знакомъ съ положеніемъ архивовъ, находящихся при монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ, необходимо долженъ былъ придти къ такой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти монастыри Волинской губерніи, не исключая и самаго главнаго изъ нихъ—Почаевской лавры, находятся въ такихъ захолустныхъ мѣстахъ, что не только жить въ нихъ, но даже проникнуть для человѣка, желающаго воспользоваться архивомъ, почти что невозможно. Кромѣ того, сами архивы находятся въ такомъ состояніи, что, прежде чѣмъ воспользоваться ими, пришлось бы потратить массу времени на разборку, потому что по словамъ архіепископа Димитрія, «наибольше цѣнные документы и памятники старины обыкновенно приходится розыскивать подъ слоями вѣковой пыли и всякаго мусора, то подъ спудами церквей, то на чердакахъ консисторій, то на колокольняхъ и въ другихъ мѣстахъ, куда менѣе всего заглядываетъ человѣческій глазъ» ³⁾. Такую же неприглядную картину монастырскихъ архивовъ рисуетъ и г. Левицкій въ своей статьѣ «Луцкая старина» ⁴⁾. Особенно, впрочемъ, удивляться этому нечего. Въ монастыряхъ нѣтъ людей, которые бы интересовались этимъ дѣломъ и могли бы его выполнить. Болѣе страннымъ можетъ показаться то, что библіотека Кременецкой семинаріи, богатая латинскими и раскольничьими рукописями, старопечат-

¹⁾ „Библиографич. Записки“ 1861 г., т. III, № 16, столб. 504-й.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1891 г., т. XLIII, стр. 608.

³⁾ Ibid., 1891 г., № 10, стр. 281.

⁴⁾ „Чтенія въ Историч. общ. Нестора лѣтописца“, кн. V, стр. 64.

ными книгами, оставалась неразобранной до самого послѣдняго времени и только года два тому назадъ была приведена въ порядокъ г. Тихомировымъ, составившимъ ея ученое описаніе. Другая любопытная библіотека, въ нѣсколько тысячъ томовъ, помѣщающаяся въ Луцкомъ католическомъ соборѣ св. Троицы (бывшій іезуитскій коллегіумъ), только теперь начинаетъ приводиться въ порядокъ ¹⁾. Находясь въ такомъ состояніи, монастырскіе и церковные архивы подвергаются всевозможнымъ превратностямъ судьбы. Заѣдетъ какъ-нибудь случайно любитель-археологъ, возьметъ «на время» любую рукопись и оставитъ ее навсегда въ своей библіотекѣ ²⁾. Уничтожались рукописи и болѣе варварскимъ образомъ. Извѣстенъ фактъ, какъ игуменъ одного изъ наиболѣе видныхъ монастырей Волынской губерніи, перешедшаго отъ униатовъ къ православнымъ, затопилъ въ рѣкѣ богатѣйшій архивъ этого монастыря потому лишь, что архивъ этотъ относился къ періоду пребыванія монастыря въ униатствѣ ³⁾. Что такого рода архивариусы явленіе далеко не исключительное, доказывается еще слѣдующимъ фактомъ. Въ музей Свято-Владимірскаго православнаго братства хранится изорванное рукописное евангеліе XVI в. съ такой резолюціей: «сію книгу надобно подереть, ибо она униатска, а теперь надобно російскихъ» ⁴⁾. Нерѣдко также цѣлые архивы продаются пудами евреямъ, которые завертываютъ латинско-польскими документами XVI—XVII в. покупки. Послѣ этого вполне понятно, почему мысль объ устройствѣ правильно-организованной архивной комиссіи, которая бы позаботилась о сохраненіи и разборкѣ архивнаго матеріала, такъ сказать, носилась въ воздухѣ, понятно также, какое важное значеніе должно имѣть открытое въ Житомирѣ по инициативѣ архіепископа Модеста церковно-археологическое древлехранилище.

Открытіе его приурочено было къ 15-му мая, когда праздновался столѣтній юбилей присоединенія Волыни къ Россіи. Устроена была небольшая археологическая выставка изъ предметовъ, доставленныхъ къ этому дню. Доставлено, впрочемъ, было не особенно много. Наиболѣе важный вкладъ въ древлехранилище сдѣлалъ Тригурскій монастырь, пожертвовавшій 92 номера разнаго рода книгъ и рукописей, изъ которыхъ особенно интересны — «Вопросные пункты и отвѣты униатскаго

¹⁾ „Чтенія въ Историч. общ. Нестора лѣтописца“, кн. V, стр. 64.

²⁾ „Кіевская Старина“ 1891 г., № 1, стр. 183.

³⁾ „Историч. Вѣстникъ“, 1891 г., № 10, стр. 281.

⁴⁾ Отчетъ за 1888 г., стр. 14, № 68. Объ уничтоженіи малорусскихъ архивовъ см. „Историч. дѣят. юго-зап. Россіи“, изд. В. А. Бедомъ, стр. I—II. Много интереснаго о судьбахъ архивнаго дѣла въ Россіи можно найти въ любопытной статьѣ Н. И. Полегаева „Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX ст.“ „Библиографъ“, 1892 г.

епископа Іоанна Красовскаго» (рукопись), *Wizyta dekanatu Kozinskiego* (рукопись), «Сборникъ латинскихъ и польскихъ панегириковъ разнымъ лицамъ» 1691 г. и мн. др. Интересенъ также рукописный сборникъ начала XIX в., содержащій въ себѣ: «Сказаніе о Магдонѣ», «Сонъ Богородицы», «Письма Іисуса Христа» и другія статьи апокрифическаго содержанія, пожертвованный г. Фотинскимъ. Сборникъ этотъ, посвящій всѣ признаки частаго употребленія, даетъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о матеріалѣ для чтенія, которымъ довольствовались наши предки еще такъ недавно. Почаевская лавра пожертвовала собраніе гербовъ, заставокъ и заглавныхъ буквъ почаевской типографіи съ древнѣйшаго времени, а также интересную коллекцію униатскихъ иконъ. Остальные предметы, доставленные ко дню открытія, очень однообразны, и потому менѣе интересны, это древнія церковныя облаченія, разнаго рода церковная утварь, ризы, кресты, антимины, чаши и т. д. ¹⁾ Пожертвованія разнаго рода древними вещами, книгами и рукописями поступаютъ все чаще и чаще, и помѣщеніе, отведенное для древлехранилища, въ недалекомъ будущемъ окажется, пожалуй, недостаточнымъ ²⁾. Изъ поступившихъ въ послѣднее время пожертвованій—наиболѣе любопытенъ большой архивъ Жидичинскаго монастыря. Монастырь этотъ, извѣстный уже въ XIII в., одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ и богатыхъ монастырей, существовавшихъ на Волыни. Съ 1608 по 1826 годъ онъ служилъ мѣстопребываніемъ униатскихъ митрополитовъ и епископовъ. Можно поѣтому надѣяться, что богатый архивъ монастыря заключаетъ въ себѣ много интереснаго для исторіи уни въ Волынской губерніи, а также для исторіи монастырскаго землевладѣнія. Кромѣ того, большой интересъ представляютъ собой матеріалы для исторіи базилианскаго ордена въ Россіи, небольшой писанный красками портретъ Фаддея Чацкаго, рукопись «Толочанова посольство въ Имеретію въ 1650 г. къ царю Александру», и многіе другіе предметы. Несомнѣнно, что въ скоромъ времени теперь неособенно еще большое древлехранилище разроснется и соберетъ много интереснаго матеріала не только для исторіи Волыни, но и вообще для исторіи всего Юго-Западнаго края.

Въ настоящее время древлехранилищемъ завѣдуетъ преподаватель духовнаго женскаго училища О. А. Фотинскій. Само собой понятно, что единоличными усиліями привести весь доставленный матеріалъ въ

¹⁾ Неизвѣстно почему, среди разнаго рода старинныхъ предметовъ хранится и челоусть покойника, одного изъ князей Острожскихъ. Къ чему она?

²⁾ Древлехранилище помѣщается въ бывшей домовой архіерейской церкви, которая отдѣлана теперь въ древнемъ стилѣ: царскія врата взяты изъ старой сельской церкви, на престолѣ лежитъ деревянный крестъ XIII в., иконы тоже взяты изъ разныхъ старыхъ церквей и монастырей.

порядокъ совершенно невозможно. Нужно цѣлое общество, нужна архивная коммиссія, которая не только будетъ заботиться о сохраненіи доставленныхъ предметовъ древности, но займется также и разборомъ ихъ, составленіемъ описаній, а также собираніемъ разнаго рода древностей, разбѣянныхъ по монастырямъ, церквамъ и находящихся въ частныхъ рукахъ. Для успѣшной работы такого общества необходимо при древлехранилищѣ устроить библіотеку изъ сочиненій, относящихся такъ или иначе къ Волини. Это тѣмъ болѣе необходимо, что Житомирская публичная библіотека крайне бѣдна книгами по мѣстной исторіи. Не говоря уже о томъ, что здѣсь нѣтъ ни одного польскаго сочиненія, хотя на польскомъ языкѣ существуетъ очень большая литература о Волини, но и русскихъ трудовъ собрано очень мало. Было бы очень важно, еслибы библіотека Кременецкой семинаріи, а также библіотеки нѣкоторыхъ монастырей были бы переуступлены древлехранилищу. Это тѣмъ болѣе возможно, что семинарія, какъ говорятъ, будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени переведена изъ Кременца въ Житомиръ. Библіотеку, конечно, не слѣдуетъ загромождать книгами, не относящимися къ исторіи Волини, хотя бы даже и важными.

Необходимо вообще, какъ намъ кажется, всѣ единичныя собранія древнихъ рукописей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Волинской губерніи, соединить въ открытомъ въ Житомирѣ древлехранилищѣ. Въ самомъ дѣлѣ, довольно богатый археологическій музей, собранный Свято-Владимірскимъ православнымъ братствомъ, находится въ самомъ захудаломъ уѣздномъ городѣ—Владимирь-Волинскѣ, и доступенъ только для самаго небольшого количества жителей этого города, изъ которыхъ очень немногіе имъ интересуются. Перенесенное въ Житомиръ, городъ съ населеніемъ въ 70.000, собраніе братства было бы доступно для гораздо болѣшаго числа лицъ, да и сами предметы, собранные въ немъ, приобрѣли бы гораздо больше значенія и смысла отъ сопоставленія его съ собраніемъ житомирскаго древлехранилища. Говоря это, мы разумѣемъ, конечно, только собраніе разнаго рода древнихъ рукописей, документовъ, книгъ и т. д. Что же касается до каменныхъ молотковъ, долотъ, ножей, старопечатныхъ книгъ, древнихъ ризъ, антимисовъ и др. памятниковъ старины, однообразныхъ и часто встрѣчающихся, то изъ нихъ могутъ составляться небольшіе мѣстные музеи, которые, по мнѣнію проф. В. И. Л а м а н с к а г о, имѣютъ большое значеніе. «Музеи, въ уѣздныхъ городахъ, — говоритъ онъ, — не такъ невозможны, какъ можетъ казаться со столичной точки зрѣнія. У насъ труденъ только починокъ и первоначальное обзаведеніе, а затѣмъ успѣхъ ихъ несомнѣненъ: открытые народу въ базарные и ярмарочные дни, эти музеи приобрѣли бы скоро въ населеніи большую популярность и стали бы обогащаться приношеніями изъ разныхъ краевъ уѣзда: свой уѣздъ всѣ

живо знают и любят. И придет время, когда сельское население уѣзда полюбитъ эти музеи, какъ любить соборъ и монастырь своего города, крестные ходы вокругъ него, его ярмарки, его пока однѣ грубыя забавы и часто лишь развращающія увеселенія»¹⁾. Несомнѣнно, что картина, нарисованная проф. Ламанскимъ — идиллія, что долго еще ждать того времени, когда наши «поселяне» заинтересуются въ такой степени музеями. Но также несомнѣнно и то, что мѣстные музеи будутъ имѣть большое значеніе для провинціальныхъ обществъ. Въ виду этого, мы думаемъ, что и открытое въ Житомирѣ древлехранилище должно быть разбито на двѣ части: на музей, состоящій изъ разнаго рода памятниковъ, имѣющихъ чисто археологическій интересъ и собственно архивъ, куда должны быть отнесены разнаго рода документы, рукописи и т. д. Музей, какъ болѣе доступный и представляющій больше интереса для публики, долженъ оставаться въ Житомирѣ и способствовать ознакомленію публики съ родной стариной. Что же касается до архива, то, какъ намъ кажется, послѣ приведенія въ порядокъ, онъ долженъ быть отправленъ въ Кіевъ, гдѣ уже существуетъ центральный архивъ для всего Юго-Западнаго края. Находясь въ Житомирѣ, архивъ будетъ совершенно мертвымъ капиталомъ. Въ силу случайности собранныхъ въ немъ документовъ, онъ не можетъ послужить для рѣшенія какого-нибудь, даже не особенно крупнаго, вопроса. Человѣкъ, который бы заинтересовался исторіей уни, монастырскимъ землевладѣніемъ, исторіей сословій и т. д., обязательно долженъ былъ бы поработать въ архивѣ юго-западной Россіи, находящемся въ Кіевѣ, такъ какъ масса архивнаго матеріала вывезена изъ Волынской губерніи туда. Кромѣ того, допуская храненіе архивовъ при мѣстныхъ древлехранилищахъ, въ родѣ открытаго въ настоящемъ году въ Житомирѣ, годъ тому назадъ въ Каменецъ-Подольскій, и другихъ мѣстахъ, являются еще новыя затрудненія. Не говоря уже о томъ, что для изслѣдователя крайне затруднительно, и почти даже невозможно, собирать матеріалъ по разнымъ мѣстамъ, начиная съ Кіева и кончая Каменецъ-Подольскомъ, Владиміръ-Волынскомъ и Кременцемъ, можетъ явиться вопросъ, въ какое изъ древлехранилищъ долженъ поступить тотъ или другой документъ, такъ какъ не только судьба, но даже и территоріи сосѣднихъ губерній, какъ напримѣръ, Подольской, Люблинской и Волынской были общими? Въ виду всѣхъ этихъ и массы другихъ неудобствъ, которыя неизбѣжны при децентрализаціи архивовъ, намъ кажется, что мѣстныя древлехранилища, учрежденія крайне желательныя, имѣющія громадное значеніе для сбереженія и разработки источниковъ исторической науки, должны быть въ отношеніи архивнаго матеріала лишь передаточными

¹⁾ „Живая Старина“, вып. I, стр. XXXI и сл.

станками. Мѣстные ученые общества должны собирать матеріалъ, разбирать его, эксплуатировать, насколько позволяютъ мѣстные условія, и передавать въ центральный архивъ для дальнѣйшей обработки, которая будетъ вполне возможна при наличности большаго количества матеріала. Станнымъ нѣсколько кажется, если, при существованіи центральныхъ архивовъ, большихъ музеевъ, возникаетъ частное учрежденіе такого же рода. Такого рода страннымъ фактомъ является, напримѣръ, музей П. И. Щукина, открывающійся въ Москвѣ. П. И. Щукинъ, богатый коммерсантъ, строить при своемъ домѣ специальное зданіе въ строго выдержанномъ древне-русскомъ стилѣ для помѣщенія богатаго собранія старинныхъ русскихъ вещей и произведеній искусства ¹⁾. Не проще ли и не лучше ли было бы это богатое собраніе передать въ Историческій музей, находящійся въ той же Москвѣ и посѣщаемый всѣми москвичами и всѣми пріѣзжающими въ Москву?

Высказавъ эти desiderata, отъ души пожелаемъ успѣха вновь открытому учрежденію, которое несомнѣнно принесетъ много пользы, будетъ имѣть большое значеніе какъ для изслѣдованія историческаго прошлаго Волыни, такъ и для ознакомленія съ этимъ прошлымъ русскаго общества.

В. Боцяновскій.

¹⁾ „Моск. Вѣд.“ 1893 г., № 192.

БОЖІЯ МИЛОСТЬ.

(Къ годовщинѣ 17 октября 1888 года.)

I.

Не улыбалось солнце съ небосвода,
Межъ темныхъ тучъ свой ясный ликъ скрывая:
Казалось, — отъ края и до края
Въ степи объята ужасомъ природа...
Но дивно жизни царственнаго рода
Спасти успѣла Сила всеблагая,
За вѣрность церкви Русь оберегая
Противъ печали вѣчной безъ исхода!
А скромный пастырь мирнаго селенья
Въ молитвѣ жаркой, полонъ умиленья,
Тамъ прославлялъ Творца за это чудо,
И, уцѣлѣвшихъ въ кругъ собравши тѣсный,
Царь день закончилъ трапезой совмѣстной
Среди вельможъ и средь простаго люда!

II.

Родной странѣ всегда и нагло, и сурово
Грозятъ враги, но ихъ не страшно мнѣ,
Когда Господь явилъ любовь и милость снова
Родной странѣ!
Монаршее сердце нѣжное вполне
Познавшимъ въ подвигахъ участія живаго—
Не страшно намъ пустыхъ угрозъ извнѣ!
Пусть нашъ державный вождь Россіи скажетъ слово:
«Будь честной въ мирѣ, бодрой на войнѣ»,—
И всюду одолѣть удастся духа злаго
Родной странѣ.

С. Вердяевъ.

Кіевъ, 17 октября 1892 г.

Графъ А. Ф. Мишо-де-Боретуръ и императоръ Александръ.

Александръ Францовичъ Мишо (Michaud de Beauretour) родился въ 1771 году въ Ниццѣ. Въ 1805 году Мишо перешелъ въ русскую службу и былъ принятъ капитаномъ въ Инженерный корпусъ. Въ 1806 году онъ былъ переведенъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и принималъ затѣмъ съ отличіемъ участіе въ войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Переведенный въ 1812 году въ первую западную армию, Мишо прибылъ къ ней во время ея отступленія отъ Вильны къ Дрисскому укрѣпленному лагерю. Здѣсь Мишо оказалъ своему новому отечеству неоцѣнимую услугу; онъ имѣлъ смѣлость представить императору Александру доводы противъ цѣлесообразности Дрисскаго лагеря. Замѣчанія Мишо были признаны основательными, и первая армія могла своевременно продолжать движеніе, сближающее ее съ арміею князя Багратиона.

Впослѣдствіи Кутузовъ поручилъ полковнику Мишо доставить императору Александру печальное извѣстіе объ оставленіи Москвы. Мишо прибылъ въ Петербургъ 9-го сентября вечеромъ и имѣлъ по этому случаю достопамятный разговоръ съ государемъ, содержаніе котораго сохранялось въ письмѣ Мишо, писанномъ въ 1819 году флигель-адъютанту А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Въ царствованіе императора Николая, Михайловскій-Данилевскій изложилъ разсказъ Мишо въ статьѣ подъ заглавіемъ „Черты изъ жизни государя императора Александра Павловича“.— Она была прочитана императоромъ Николаемъ и въ сокращенномъ видѣ напечатана въ литературномъ сборникѣ «Новоселье» (часть 1-я С.-Петербургъ, 1845) и затѣмъ перепечатана въ различныхъ хрестоматіяхъ.

Познакомимъ читателей „Русской Старины“ съ этой статьей въ ея первоначальномъ видѣ.

Н. Ш.

Генераль-адъютантъ графъ Мишо, который былъ посланъ княземъ Кутузовымъ съ извѣстіемъ о вступленіи Наполеона въ Москву, возвратясь изъ Петербурга въ армию, разсказывалъ мнѣ о свиданіи своемъ съ императоромъ Желая, чтобы слова Александра, произнесенныя въ сіе роковое время, переданы были потомству со всею точностію, просилъ я графа Мишо изложить

миѣ ихъ на бумагѣ. Онъ согласился на мою просьбу и сообщил миѣ сей разговоръ въ письмѣ, сохраненномъ мною, какъ важный историческій документъ. Долго не дѣлалъ я никакого употребленія изъ сего письма и читалъ только оное малому числу друзей, которые не могли слышать его безъ умиленія, тѣмъ болѣе, что всѣ они помнили опасность, грозившую Россіи, и знали, что мы обязаны спасеніемъ единственно твердости Александра. Въ 1833 году пришла миѣ мысль напечатать сіе письмо, но прежде я хотѣлъ знать, не будетъ ли противно государю, что я довожу до общаго свѣдѣнія рѣчи августѣйшаго брата его. По сей причинѣ я просилъ военнаго министра графа Чернышева доложить Его Величеству о моемъ нахѣреніи и послалъ къ нему самый вѣрный переводъ съ письма графа Мишо. Государь разрѣшилъ миѣ напечатать его и велѣлъ миѣ сказать, что императоръ Александръ Павловичъ самъ ему рассказывалъ о семъ разговорѣ и что все, въ ономъ заключающееся, онъ слышалъ изъ устъ его. Сверхъ того, Его Величеству благоудно было сдѣлать собственноручно на моемъ переводѣ двѣ отиѣтки, помѣщаемыя здѣсь въ примѣчаніяхъ.

По оставленіи Москвы ¹⁾ россійскими войсками, князь Кутузовъ отправилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о семъ горестномъ событіи полковника Мишо, извѣстнаго отличною своею службою въ войнѣ съ турками, и совѣтомъ, даннымъ имъ въ Дриссѣ, на основаніи котораго положено было оставить укрѣпленный лагерь при семъ городѣ, гдѣ первоначально предполагали принять сраженіе. По прибытіи въ Петербургъ, 8-го сентября, онъ немедленно принятъ былъ государемъ, который по его грустному виду заключилъ, что привезенное имъ донесеніе было нерадостное.—«Вы, конечно, присланы съ печальными вѣстями?» были первыя слова монарха.—«Къ несчастью, весьма печальными: Москва нами оставлена...»—«Какъ!» прервалъ императоръ: «развѣ мы проиграли сраженіе, или мою древнюю столицу отдали безъ боя?»—«Къ сожалѣнію», отвѣчалъ посланный: «окрестности Москвы не представляли выгоднаго мѣстоположенія, на которомъ можно бѣ было сразиться съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ; а потому главнокомандующій увѣренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армию, коей гибель не могла бы спасти Москвы, или должна бы была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь же, армія, получа всѣ, назначенныя ей Вашимъ Величествомъ, подкрѣпленія, которыя я встрѣчалъ повсюду на дорогахъ, гдѣ прѣвѣжалъ, въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія и заставить непріятеля раскаяться, что онъ дерзнулъ проникнуть въ сердце вашей имперіи».—«Вошелъ ли непріятель въ Москву?»—«Вошелъ, государь, и въ сію минуту она превращена уже въ пепель; я оставилъ ее объятою пламенемъ».

¹⁾ Въ моемъ переводѣ сказано было: «по сдачѣ Москвы». Императоръ Николай изволилъ написать на полѣ: „Москва не сдана, она оставлена и сожжена“.

При сихъ словахъ, слезы полились изъ глазъ монарха и затмили ихъ.— «Боже мой!» сказалъ онъ: «что-за несчастія!»— «Не огорчайтесь, государь, армія ваша ежедневно усиливается»...

Императоръ, прерывая его, сказалъ: «я заключаю изъ всего, что съ нами сбывается, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, отъ меня особенно. Я готовъ покориться волѣ Его; но скажите мнѣ, что говорили войска, когда древнюю столицу мою оставили безъ выстрѣла? не подѣйствовало ли это на нравственность солдатъ? не замѣтили ли вы, что они упали духомъ?»— «Позвольте мнѣ, Ваше Величество, говорить вамъ съ откровенностью, какъ истинно военному?»— «Я этого всегда требую; но въ эту минуту я васъ прошу, не скрывайте отъ меня ничего; скажите мнѣ чистосердечно все, что вы знаете».— «Государь, я долженъ вамъ признаться, что я оставилъ армію отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата въ неописанномъ страхѣ»...— «Что вы мнѣ говорите? отчего происходитъ сей страхъ? ужели мои русскіе сокрушены несчастіемъ?»— «Нѣтъ, Ваше Величество, они только боятся, чтобы вы, по добротѣ вашего сердца, не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать вамъ храбростію своею и пожертвованіемъ жизни, сколько они вамъ преданы».

Государь (потрепавъ его по плечу), сказалъ: «вы облегчили мое сердце, вы меня успокоили. Итакъ, возвратитесь въ армію, скажите моимъ храбымъ воинамъ, скажите моимъ вѣрнопопданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, что я буду предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи. Россія предоставляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ непріатели думаютъ. Но ежели назначено судьбой и Промысломъ Божиимъ роду моему болѣе не царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, коихъ пожертвованія умѣю цѣнить. Провидѣніе насъ испытываетъ: будемъ надѣяться, что Оно насъ не оставитъ».

При сихъ словахъ, императоръ пошелъ по комнатѣ; лицо его пламенѣло. Возвращаясь скорыми шагами, онъ сжалъ крѣпко руку посланнаго и продолжалъ: «Не забудьте, что я вамъ теперь говорю; можетъ быть, придетъ время, когда мы объ этомъ вспомнимъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я его узналъ, онъ болѣе не обманетъ меня».— «Государь», отвѣчалъ посланный: «Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу вашего народа и спасеніе Европы»— «Да исполнится желаніе ваше», возразилъ Александръ: «подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію».

При отправленіи полковника Мишо обратно въ главную квартиру, государь приказалъ фельдмаршалу прислать его въ Петербургъ съ первымъ благопріятнымъ

извѣстіемъ, почему князь Кутузовъ поручилъ ему везти донесеніе о побѣдѣ подъ Тарутинымъ. Объяснивъ (15-го октября) государю подробности сего сраженія, Мишо говорилъ также объ общей, несомнѣнной надеждѣ, которую тогда питали въ арміи, что походъ долженствовалъ въ скоромъ времени принять счастливѣйшій для насъ оборотъ и что непріатели будутъ изгнаны изъ Россіи. Онъ присовокупилъ, что присутствіе государя осчастливило бы войска, а особливо, ежели бы Его Величеству угодно было лично принять предводительство надъ оными. На сіе государь отвѣчалъ слѣдующее: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсь вамъ откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ, и если бы я теперь внялъ только сему одному чувствуванію, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію, ибо, разсматривая невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріателя, отличный духъ арміи нашей, неисчерпаемые источники, представляющіеся мнѣ въ имперіи, приготовленныя мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя мною въ Молдавскую армію,—я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Я знаю, что если бы я находился при арміи, то вся слава отнеслась бы ко мнѣ, и что я занялъ бы мѣсто въ исторіи; но когда я помышляю, сколь мало я опытенъ въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ непріателемъ моимъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей: тогда, не взирая на мое самолюбіе, я охотно жертвую моею славою для блага арміи. Пусть пожинаютъ лавры тѣ, кои болѣе меня достойны оныхъ: возвратитесь въ главную квартиру, поздравьте князя Михаила Илларионовича съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріателей изъ Россіи»¹⁾.

Возвратившись въ армію, Мишо участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ Отечественной войны, послѣдовавшей за Тарутинымъ, и потомъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ. Передъ Лейпцигской битвой онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора и награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта. Послѣ вступленія въ Парижъ, императоръ Александръ призвалъ Мишо къ себѣ: „Помните ли“, сказалъ онъ ему, — „что говорилъ я, когда вы привезли мнѣ извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву? теперь съ удовольствіемъ можемъ возвратиться къ ужасамъ прошедшей эпохи. Помню вашу скорбь при донесеніи мнѣ объ уступкѣ Кутузовымъ Москвы и хочу вознаградить васъ за тогдашнюю печаль. Поѣзжайте на островъ Сардинію, объявите королю, вашему государю, рѣшеніе мое и моихъ союзниковъ—возвратить ему Пиемонтъ, и сопроводжайте его изъ Кальяри въ Туринъ“.

Такъ Александръ довершилъ награды свои Мишо за оказанныя имъ заслуги.

Мишо посѣщилъ въ Сардинію, сопутствовалъ оттуда королю В и к т о р у Э м а н у и л у въ Туринъ и былъ возведенъ имъ въ графское достоинство Сардинскаго королевства. Въ 1839 году король К а р л ь - А л ь б е р т ь присоединилъ къ фамиліи Мишо наименованіе де-Боретуръ (de Beauretour).—Графъ Мишо скончался 10-го іюля 1841 года въ Палермо.

Н. Ш.

¹⁾ Послѣ рѣчи: „скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріателей изъ Россіи“, написано было въ моемъ переводѣ: „и что тогда я поѣду къ нему на встрѣчу и введу его въ торжествѣ въ столицу“. Императоръ Николай поставилъ у сихъ словъ NB и велѣлъ графу Чернышеву сказать мнѣ, что онъ не слыхалъ оныхъ отъ блаженной памяти государя Александра Павловича. По сей причинѣ, сія слова мною не напечатаны, хотя и находятся въ подлинномъ письмѣ ко мнѣ графа Мишо.

22 октября 1893 года исполнится столѣтіе со дня рожденія знаменитаго русскаго геометра Лобачевскаго. Николай Ивановичъ Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути. Геніальнымъ умомъ, прокладывающимъ новые пути, часто приходилось отвергать положенія, считавшіяся до нихъ неоспоримою и не требующею доказательства истинною. Такая же почетная роль въ наукѣ выпала и на долю Н. И. Лобачевскаго, этого «Коперника геометріи», какъ называлъ его покойный Клиффордъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Евклидъ построилъ безсмертное зданіе своей геометріи на немногихъ опредѣленіяхъ, аксіомахъ и постулатахъ, принятыхъ имъ безъ доказательства, истина этихъ основаній геометріи не подвергалась сомнѣнію; всѣ усилія ученыхъ всѣхъ странъ и вѣковъ были направлены на сведеніе числа этихъ аксіомъ и постулатумовъ къ наименьшему; исторія науки представляетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ вывести такъ называемый постулатумъ Евклида о встрѣчѣ перпендикуляра и наклонной, какъ математическое слѣдствіе прочихъ опредѣленій, аксіомъ и постулатумовъ; истина самого постулатума не подвергалась сомнѣнію.

Лобачевскій первый увидѣлъ здѣсь вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только опытною и, придя къ убѣжденію, что, утверждая существованіе постулатума Евклида, мы принимаемъ тѣмъ самымъ извѣстныя свойства нашего пространства, которыя могутъ быть провѣрены только путемъ опыта или наблюденія, показалъ возможность построенія геометріи безъ этого постулатума. Свою мысль Лобачевскій осуществилъ въ рядѣ меамуровъ съ послѣдовательностію и точностію «истиннаго геометра», какъ выразился Гауссъ.

Этотъ «*princeps mathematicorum*» привѣтствовалъ работы Лобачевскаго еще въ 1846 г.; но привѣтствіе Гаусса прошло незамѣченнымъ, и нужно было пройти еще извѣстному времени для того, чтобы высокое научное и философское значеніе работъ Лобачевскаго было признано всѣми. Такому признанію Лобачевскаго способствовали труды многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего времени, которые выяснили, между прочимъ, что геометрія Лобачевскаго для двухъ измѣреній представляетъ геометрію на поверхности съ постоянною отрицательною кривизною, а геометрія трехъ измѣреній даетъ понятіе о новыхъ протяженностяхъ,—пространствахъ, имѣющихъ кривизну.

Изученіе геометріи Лобачевскаго или неевклидовой геометріи образовало въ послѣднія два десятилѣтія особую вѣтвь математическихъ знаній, имѣющую обширную литературу. Къ изслѣдованіямъ по геометріи Лобачевскаго примыкаютъ и составляютъ ихъ непосредственное продолженіе изслѣдованія по геометріи гиперпространствъ, которыя, бросая яркій свѣтъ на многіе вопросы геометріи, въ то же время являются незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи важнѣйшихъ вопросовъ анализа.

Высокому научному значенію изслѣдованій Лобачевскаго соответствуетъ не менѣе высокое философское ихъ значеніе. Съ одной стороны они открываютъ умозрѣнію новый вопросъ объ изслѣдованіи свойствъ пространства; съ другой стороны они бросаютъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи и значеніи нашихъ геометрическихъ аксіомъ и имѣютъ, такимъ образомъ, высокую важность для теоріи познанія.

Благородная жизнь Лобачевскаго тѣсно и неразрывно связана съ исторіею Императорскаго Казанскаго университета: онъ былъ первый его питомецъ, занявшій профессорскую кафедру; въ немъ исполнялъ онъ въ теченіе долгаго времени обязанности ректора и профессора.

Физико-математическое общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, не могло поэтому не обратить особеннаго вниманія на достойное ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія великаго русскаго математика. Исходя изъствовавъ В и с о ч а я и с е разрѣшеніе на открытіе поддѣски для образованія капитала съ цѣлью увѣковѣченія имени Н. И. Лобачевскаго, оно организовало для болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли комитетъ, который и обращается теперь къ ученымъ и друзьямъ науки всѣхъ странъ съ просьбою о содѣлствіи. Первымъ и главнымъ назначеніемъ капитала будетъ учрежденіе достойной значенія вѣданаго мыслителя и математика преміи имени Лобачевскаго, носящей международный характеръ и выдаваемой за ученія сочиненія по математикѣ (преимущественно по тѣмъ отраслямъ ея, которыя находятъ въ связи съ работами Лобачевскаго). Такая премія дастъ молодымъ ученымъ, посвятившимъ свои силы любимой Лобачевскимъ наукѣ, поддержку и ободреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ явится новымъ выраженіемъ единства всѣхъ культурныхъ народовъ въ ихъ стремленіи къ научной истинѣ.

Взносы просятъ высылать до 22 апрѣля 1894 г. по адресу: *Казань, Физико-математическое Общество.*

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

ПРИБРѢЛО ПРАВО НА ИЗДАНИЕ И ПРИСТУПИЛО КЪ ПЕЧАТИ

ИСТОРИИ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНИЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Стоять при подпискѣ **15** руб., съ перес. **18** руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ **29** томахъ, къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ **29** томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцевъ будутъ помѣщены въ **6**-ти книгахъ четкой убористой, большого формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по **пяти** томовъ, въ послѣдней книгѣ **четыре** тома и указатель.

Всѣ **29** томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ **15** руб., съ пересылкою **18** руб. (*вмѣсто нынѣ существующей цѣны за 29 томовъ 58 р. безъ пересылки*). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить **24** руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе **2**-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія **29** томовъ въ **6**-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ **3** р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по **3** р. и за наложенный платежъ, и за заказъ по **20** к., а **6**-я книга будетъ выслана бесплатно. Высылающіе же при подпискѣ **18** руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому приобрести знаменитое сочиненіе ИСТОРИИ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ Серг. Михайл. Соловьева въ **29** т., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками, въ каждомъ выпускѣ будетъ до **15** печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносятъ **1** р. **50** к.; при высылкѣ первыхъ **одинадцати** выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по **1** р. **50** к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по **15** к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПб., Б. Подъяч., 39.

Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ **6**-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по **1** р., съ пересыл. по **1** р. **25** к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписч., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Поли-
 цейскаго моста, книжный магазинъ **А. Э. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій
 Мелье и К°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магази-
 нахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамон-
 това** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
 магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный
 дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
 (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ,
 въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
 рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
 имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
 біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
 ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
 ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
 автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
 зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и пре-
 данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
 ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить съ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1870 г.,	третье изд. (4 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (22 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (34 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (3 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (42 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (33 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIV-й.

НОЯБРЬ.

1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Финансовый кризисъ въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. В. О. Бодяновскаго	225—242	скаго. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ	321—327
II Изъ историческихъ записокъ Іоанна - Альберта Эренстрема. 1812-й годъ. Сообщ. и перевелъ Г. О. Свеннербергъ	243—252	X. Дума Магницкаго при гробѣ графа Сперанскаго	328—334
III Изъ записокъ стараго преображенца. 1849. Князи Н. К. Имеретинскаго	253—279	XI. Сперанскій въ Перми. Сообщилъ М. А. Костанскій	335—340
IV. Деша Виллардо кардиналу Флѣри отъ 30-го января 1730 года. Сообщ. П. Пирлингъ	280—282	XII. Отъ Смоленска до прѣзда Кутузова въ армию. І. А. Н. Попова. Сообщилъ П. Н. Дуриковъ	341—371
V. Императрица Екатерина II въ Крыму. 1787. В. В. Т.	283—299	XIII. Письма императора Павла I къ М. И. Ламздорфу, курляндскому губернатору, 1797-го года. Сообщилъ К. А. Военскій	372—394
VI. Помощникъ Глинки В. В. Стасова	300—315	XIV. Воспоминанія Валеріана Алесандровича Панаева. XIII—XV.	395—412
VII. Четырестишія въ честь Глинки по случаю постановки «Жизни за царя».	316	XV. Обзорѣніе историческихъ журналовъ	413—437
VIII. Смерть графа Сперанскаго. 1839-й годъ. Барона М. А. Корфа	317—320	XVI. Матеріалы и замѣтки. I. Церковь Покрова Пресв. Богородицы въ с. Покровскомъ - Филяхъ. Н. М.— II. Письмо дегабриста Сергѣя Волковскаго — Е. Г. Чебаевскому	438—444
IX. Мысли Д. П. Рунича при погребеніи графа Сперанскаго. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ	321—327	XVII. Библиографическій списокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа М. М. Сперанскаго. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1893.

Очеркъ исторіи паровой машины и примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи. Сост. профес. Института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I А. А. Брандтъ. Съ 11-ю рисунками въ текстѣ. Сиб. 1893. 8^о.

Очеркъ этотъ составленъ по приглашенію директора института инженеровъ путей сообщенія М. Н. Герсевановымъ и долженъ войти въ составъ задуманнаго имъ обширнаго изданія «Исторія инженернаго искусства». Весь очеркъ распадается на 4 главы. Въ 1-й главѣ изложена исторія изобрѣтенія паровой машины и постепеннаго ея усовершенствованія; эта глава изложена кратко и имѣетъ лишь цѣлью напомянуть наиболее выдающіеся историческіе факты, такъ какъ болѣе пространное изложеніе исторіи изобрѣтенія паровыхъ машинъ можно найти на русскомъ языкѣ въ трудахъ Божерянова (Сиб. 1842 г.) и Хотинскаго (Сиб. 1853). Послѣдующія три главы изложены болѣе пространно и представляютъ первую попытку связнаго пересказа историческихъ свѣдѣній о появленіи въ Россіи паровыхъ двигателей и о распространеніи ихъ примѣненія; тѣмъ не менѣе эта часть очерка, по собственному признанію составителя, далеко не исчерпываетъ предмета, такъ какъ ему пришлось, почти не пользуясь архивными матеріалами, ограничиться имѣющимися въ разныхъ изданіяхъ, довольно отрывочными, печатными матеріалами.

Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія». Сиб. 1893.

Историческій журналъ «Древняя и Новая Россія», издававшійся въ Петербургѣ съ 1875—1881 гг., почти все время подъ редакціей С. Н. Шубинскаго, за шесть лѣтъ очень много цѣнныхъ изслѣдованій и статей по русской исторіи, археологій, этнографіи и литературѣ. Достаточно назвать имена С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, О. Ф. Миллера, Л. Н. Майкова, М. П. Сухомлинова и др., принимавшихъ дѣятельное участіе въ журналѣ для того, чтобы показать, какое значеніе имѣли эти статьи, какое значеніе имѣетъ указатель, дающій возможность пользоваться ими. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ сама незначительная замѣчанія, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ, эксплуатируются изслѣдователями, очень важныя статьи «Древней и Новой Россіи» остаются, благодаря отсутствію указателя, почти никому неизвѣстными. Насколько необходимость такого указателя назрѣла въ настоящее время, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ

журналѣ «Библиографъ» начать другой указатель къ «Древней и Новой Россіи», впрочемъ неудобный для справокъ, такъ какъ онъ представляетъ собой списанныя въ хронологическомъ порядкѣ заглавія журнала. Въ указателѣ же, заглавіе котораго мы привели въ началѣ, статьи расположены въ системѣ по отдѣламъ и кромѣ того въ концѣ приложены два именныхъ указателя, значительно облегчающіе разнаго рода справки въ журналѣ. Было бы желательно, если бы въ такомъ же родѣ составленъ былъ указатель къ другому историческому журналу: «Русскій архивъ».

W.

А. С. Г о н и н ѣ. По Южной Америкѣ. Тома I-й, II-й и III-й, съ картою Южной Америки. С.-Петербургъ, 1892 и 1893 гг. Цѣна за три тома 8 руб.

Хотя книга, заглавіе которой приведено нами выше, по содержанію своему, и не подходит, строго говоря, подъ рубрику историческихъ книгъ, о которыхъ по преимуществу помѣщаются отзывы въ «Русской Старинѣ», тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ сказать по поводу ея нѣсколько словъ.

Большой успѣхъ, которымъ пользуется среди читающей публики это превосходное сочиненіе А. С. Г о н и н а, бывшаго нашего чрезвычайнаго посланника и министра-резидента въ Аргентинской республикѣ, вполне заслуженный. За послѣднее время, можно смѣло сказать, что не только у насъ, въ Россіи, но и во всей Европѣ не выходило въ свѣтъ въ этомъ родѣ произведеній съ такими выдающимися достоинствами. Сочиненіе г. Гюнина—не ученый трудъ, а полу-беллетристическій, полу-этнографическій: это цѣлый рядъ художественныхъ путевыхъ очерковъ, въ которыхъ авторъ, описывая природу Южной Америки и жизнь ея обитателей, касается какъ исторіи описываемыхъ имъ мѣстностей и учреждений, равно и современнаго ихъ политическаго и экономическаго положенія. Мастерство и яркая художественность изложенія, мѣткость и образность въ изображеніи природы и людей и,—что особенно рѣдко встрѣчается у нашихъ писателей послѣдняго времени,—ясно и твердо поставленныя мнѣнія въ области общественно-исторической,—даютъ автору силу высказывать оригинальныя, мѣткія сужденія и подмѣчать такія стороны жизни южно-американскихъ республикъ, которыя знакомятъ насъ, какъ бы впервые, съ своеобразными условіями жизни, выработанными мѣстными особенностями.

Въ трехъ томахъ своего любпытнаго путешествія, на протяженіи почти 1.500 страницъ, г. Гюнинъ рассказываетъ о республикахъ Бразиліи, Уругваѣ, Парагваѣ, Ара-

ГРАФЪ МИХАИЛЬ МИХАЙЛОЕИЧЪ СПЕРАНСКІЙ

р. 1772 † 1839.

Финансовый кризисъ въ Московскомъ государствѣ XVII в.

Москва, поражавшая иностранцевъ блескомъ золота и серебра, выставлявшася въ Грановитой палатѣ, на самомъ дѣлѣ была очень небогата драгоцѣнными металлами. Московскіе люди, по словамъ Котошихина, «были къ добыванію золота и серебра непромысленны», а иностранцы, которыхъ всячески зазывали въ Россію, начиная съ XV в., «не хотѣли къ тому дѣлу пристать для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ покажутъ, и потомъ ихъ ни во что промыслъ и заводъ поставятъ и отъ дѣла отлучатъ»¹⁾. Вслѣдствіе этого, у государства не хватало серебра для монеты, которая чеканилась главнымъ образомъ изъ серебра привознаго. Правительство, получая иностранную монету, перечекивало ее и пускало въ обращеніе. Въ трудные годы XVII в., когда доходы страны, разнаго рода прямыя и косвенныя налоги, экстраординарныя сборы пятой и десятой деньги уже казались недостаточными для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, правительство попробовало воспользоваться монетной операціей для увеличенія своихъ доходовъ. Иностранныя ефимки, стоившія казнѣ отъ 42 до 50 копѣекъ²⁾, перечекивались въ рубли, то-есть цѣнность ихъ повышалась почти на 138%. Въ 1655 году тѣ же

¹⁾ Котошихинъ, О Россіи, стр. 111.

²⁾ Котошихинъ, стр. 111. Миллюковъ, Государственное хозяйство Россіи. СПб. 1892, стр. 78. По вычисленію г. Брикнера, фунтъ серебра стоилъ въ 1652 г. 7 р. 20 к. („Мѣдныя деньги“, стр. 18), а русское правительство принимало ефимки отъ иностранцевъ фунтами, по 14 на фунтъ (А. И., т. III, № 181), слѣдовательно стоимость ефимка равнялась 51,5 коп. Это вполне согласуется со словами торговаго устава. Собр. Г. Гр. и Дог., стр. 201.

ефимки безъ всякой перечекалки, съ однимъ только московскимъ штепелемъ, означавшимъ ихъ новый принудительный курсъ, были пущены въ оборотъ «съ великою прибылью», по 64 коп. Если же «царскихъ печатей на тѣхъ ефимкахъ не было, и у нихъ тѣ ефимки имали по 4 гривны». Это уже, по словамъ г. Милюкова, было первымъ обращеніемъ къ кредиту, и отъ этихъ денегъ оставался одинъ шагъ до настоящихъ денежныхъ знаковъ¹⁾, къ которымъ, по совѣту Ѳедора Михайловича Ртищева, правительство и прибѣгло, когда наличныхъ средствъ оказалось недостаточно, а заемъ, который хотѣлъ Алексѣй Михайловичъ сдѣлать въ Венеціи, не удался²⁾. Въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ полтинники чеканить изъ мѣди, а въ 1656 году и вся серебряная монета замѣнена уже была мѣдной³⁾. Новая монета, отличаясь качествомъ матеріала⁴⁾, удерживала, однако, номинальную цѣнность серебряной и ходила нѣкоторое время, по словамъ Котошихина, «съ серебряными заравно». Первоначально современники отнеслись къ этой реформѣ вполне довѣрчиво. «Когда Выговскій, говоритъ Соловьевъ, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: «что это за деньги, какъ ихъ брать?», то полтавскій полковникъ Пушкаръ отвѣчалъ: «хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать⁵⁾. Иностранецъ Вимена да Ченда, бывший въ это время въ Россіи, знакомый уже съ однимъ такого же рода финансовымъ кризисомъ, не ждалъ отъ операціи ничего дурнаго⁶⁾. И дѣйствительно, сначала мѣдныя деньги «ходили съ серебряными заравно, и взлюбили тѣ деньги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали»⁷⁾. Скоро, однако, начался лажъ. Монета съ каждымъ днемъ падала

¹⁾ Милюковъ, Государственное ховайство Россіи, стр. 79.

²⁾ Др. Рос. Вивл., IV, стр. 262.

³⁾ Брикверъ, Мѣдныя деньги въ Россіи, стр. 15.

⁴⁾ По словамъ Вимена да Ченда, «даже мѣдь была не хорошо очищена».
„Отеч. Зап.“ 1829 г., ч. 37, стр. 423.

⁵⁾ Соловьевъ, XI, стр. 273.

⁶⁾ „Отеч. Зап.“ 1829, ч. 37, стр. 423.

⁷⁾ Котошихинъ, стр. 112. А. А. Э., т. IV, № 144, стр. 193.

все больше и больше и, спустя нѣкоторое время, послѣдовалъ финансовый кризисъ, заставившій правительство возвратиться къ прежней монетѣ. Главной причиной, погубившей вполнѣ возможную финансовую операцію, было громадное количество пущенной въ обращеніе мѣдной монеты, и то обстоятельство, что само правительство подрывало довѣріе къ новой монетѣ, весьма недвусмысленно выказывая предпочтеніе старой.

Давно уже признанъ законъ денежнаго обращенія, замѣченный Gresham'омъ, что хорошая и дурная монета не могутъ обращаться совмѣстно ¹⁾. А между тѣмъ правительство не только допускало обращеніе на ряду съ мѣдной также и серебряной монеты, но кромѣ того послѣдней отдавало даже большее предпочтеніе. Уже въ указѣ, объявлявшемъ о выпускѣ мѣдной монеты, убѣждавшемъ принимать новую монету «безъ сомнѣнія», правительство обмолвилось такимъ образомъ: «а за прошлые годы государевы долговыя деньги имать въ государеву казну мелкими серебряными деньгами» ²⁾. Впослѣдствіи правительство въ этомъ отношеніи уже нисколько не стѣснялось и, платя жалованье мѣдью, налоги, пошрины, даже штрафы собирало серебромъ ³⁾. Служилые люди поэтому были въ очень затруднительномъ положеніи. «По твоему, великаго государя, указу, жаловались они, мы богомольцы и холопи твои, жалованье взяли мѣдною казною... а въ твою, великаго государя, казну на кружечномъ дворѣ за питье, и съ лавокъ оброкъ, и въ торговую баню, и съ пенныхъ людей заповѣди, и съ покушнаго и продажнаго товаренку пошлинъ, твои воеводы тое твоей мѣдной казны имать не вѣлѣли, а имали съ насъ холопей твоихъ денги серебряные» ⁴⁾. Точно также, требуя отъ иностранцевъ платы за товары серебромъ, русское правительство не стѣснялось платить имъ мѣдной монетой.

¹⁾ Маклеодъ, Основ. политич. экономіи. Спб. 1865, т. II, 492.

²⁾ А. А. Э., т. IV, стр. 130. — Подробно у Брикнера, Мѣдныя деньги стр. 20—24.

³⁾ О мятежахъ въ городѣ Москвѣ, А. Зерцалова, М. 90, стр. 280.

⁴⁾ Д. А. И., т. IV, № 154, стр. 413. Несмотря, впрочемъ, на такого рода постановленія, правительству приходилось принимать и мѣдныя деньги. Доказательствомъ можетъ служить любопытная таблица, составленная г. Милюковымъ: изъ нея видно, что въ 1663 г. въ посольскій приказъ поступило 11.296 р., изъ которыхъ 11.174 р. было внесено мѣдью. „Государств. хозяйство Россіи“, стр. 130 (примѣч.).

Такъ, въ 1660 г. датскій король Фредерикъ III просилъ удовлетворить его подданныхъ Петра Марцелла и Тилемана Акема, которымъ, по контрактамъ ихъ съ казной, уплатили мѣдными деньгами вмѣсто серебряныхъ ¹⁾). Само собой понятно, что такого рода распоряженія должны были подорвать кредитъ мѣдной монеты и въ концѣ концовъ привести къ тому, что частныя лица такъ же, какъ и правительство, начали скупать серебро, не жалѣя мѣдныхъ денегъ. Съ этой цѣлью отправлялись въ Сибирь, гдѣ лажъ еще былъ гораздо меньше, и тамъ скупали серебро, платя за него мѣдными деньгами « вдвое и болше » ²⁾). Жители порубежныхъ и украинскихъ городовъ находили выгоднымъ для себя прїѣзжать въ Москву, гдѣ серебро было дороже, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, « покупали и мѣняли серебро дорогою цѣною и свозили къ себѣ » ³⁾). Серебрянаго ряду рядовичи скупали серебряныя деньги « большою цѣною на мѣдныя деньги и тѣ серебряныя деньги сливали въ дѣльное серебро » ⁴⁾). Такого рода предпріятія частныхъ лицъ увеличивали то недовѣріе къ мѣдной монетѣ, начало которому положено было выше, и въ то же время значительно уменьшали находившееся въ обращеніи количество серебряной монеты. Между тѣмъ количество мѣдной монеты съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Само правительство выпустило мѣдныхъ денегъ на громадную сумму. По словамъ Мейерберга ⁵⁾, въ теченіе пяти лѣтъ выпущено было мѣдныхъ денегъ на сумму въ 20 милліоновъ. Сумма та не представляетъ собой ничего невѣроятнаго, если принять во вниманіе, что на покупку однихъ только указныхъ товаровъ было израсходовано « четырнадцать сотъ тридцать двѣ тысячи девяносто два рубля 23 алтына съ деньгою » мѣдныхъ денегъ ⁶⁾). Монета чеканилась на четырехъ монетныхъ дворахъ. Кромѣ правительства монету чеканили совершенно самостоятельно разные « люди чѣстные и пожиточные », приставленные для « досмотру и пріему и расходу мѣди и денегъ » ... « покупали мѣдь на Москвѣ и въ Свѣйскомъ

¹⁾ Щербачевъ, Ю. Датскій архивъ. М. 1893 г., № 920, стр. 248.

²⁾ А. И., т. IV, стр. 327; Д. А. И., т. IV, стр. 276.

³⁾ О мятежахъ, стр. 249.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ *Iter in Moscoviam*, p. 92.

⁶⁾ О мятежахъ въ г. Москвѣ, стр. 280.

государствѣ, и привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вмѣстѣ и велѣли дѣлать деньги, и здѣлавъ свозили съ денежнаго двора вмѣстѣ съ царскими денгами и царскіе денги въ казну отдавали, а свои къ себѣ отвозили» ¹⁾. Такого же рода слухи записалъ и Мейерберъ, который рассказываетъ, что Илья Даниловичъ Милославскій, тестъ царя, велѣлъ чеканить изъ своей мѣди денегъ на 120.000 рублей ²⁾. То же говоритъ и Рейтенфельсъ ³⁾. Все это вполнѣ вѣроятно. Очень можетъ быть, что Милославскій и другіе «честные и пожиточные люди» чеканили монету, не предполагая даже, что дѣлаютъ преступленіе. Дѣло въ томъ, что еще въ XVI в. чеканка монеты не принадлежала всецѣло правительству. Каждый могъ привозить на монетный дворъ свой металлъ, и ему чеканили монету ⁴⁾. Существовали дворы не только казенные, но и частные. На нѣкоторыхъ монетахъ встрѣчается даже имя монетчика. То же самое, конечно, было и въ XVII в., такъ что Милославскій и другіе считали себя совершенно въ правѣ чеканить себѣ сколько угодно монеты, лишь бы только изъ своего матеріала. Кроме того, простая грубая чеканка, которой отличаются всѣ древнерусскія монеты почти до конца XVIII в., давала возможность всякому, кто не могъ чеканить монеты на казенныхъ дворахъ, чеканить ее у себя дома. Котошихинъ рассказываетъ, что люди, жившіе сначала довольно бѣдно, начали богатѣть, «при мѣдныхъ деньгахъ поставили себѣ дворы каменные и деревянные и платье себѣ и женамъ подѣлали зъ боярскаго обычая, также и въ рядѣхъ всякіе товары и сосуды серебряные и сѣстные запасы почали покупать дорогою цѣною, не жалѣя денегъ, и ихъ подсматривали, хватили и воровскіе деньги ихъ дѣла у нихъ вынимали» ⁵⁾. Правительство очень строго относилось къ поддѣлкѣ. По словамъ Мейербера, въ 1661 г. въ тюрьмѣ находилось 400 человекъ поддѣлыва-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 113.

²⁾ Meyerber, *Iter in Moscoviam*, p. 92. То же говоритъ Гордонъ.

³⁾ *De rebus moscoviticis etc., Patavii, M. DCLXXX*, стр. 171.

⁴⁾ Намекъ на это находимъ въ самомъ Уложеніи: «...А будетъ золотыхъ дѣлъ мастера возмутъ у кого серебряное и золотое дѣло и учнутъ въ золото и серебро мѣшать свинець: и ихъ по смыску за то бити кнутомъ». П. С. З., т. I, гл. V, п. 2. (Изд. Карновича).

⁵⁾ Котошихинъ, стр. 112.

телей ¹⁾). Распространенность поддѣлки доказывается косвеннымъ образомъ еще тѣми усиленными мѣрами, которыя правительство принимало для ея преслѣдованія. Несмотря на то, что въ Уложеніи уже существовалъ законъ о преслѣдованіи фальшивой монеты ²⁾, правительство считало нужнымъ издать другой болѣе подробный указъ, предусматривающій всѣ преступленія, имѣющія то или другое отношеніе къ поддѣлкѣ монеты ³⁾. Появленіе этого указа можно объяснить исключительно распространенностью поддѣлки и, кромѣ того, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе могли и по всей вѣроятности отговаривались незнаніемъ своей преступности. Это предположеніе косвеннымъ образомъ подтверждается словами указа, чтобы тѣмъ, «которые до нынѣшняго времени объявились въ денежномъ дѣлѣ и приговорены были къ смертной казни учинить казнь передъ прежнимъ съ пощадою» ⁴⁾.

Помимо фальшивой монеты, выработывавшейся въ самомъ государствѣ, много такой же монеты привозили съ собой иностранцы, предпочитавшіе покупать московскіе товары на заготовленную дома, ничего почти не стоившую, мѣдную монету. На это прямо указывали старосты, лучшіе, средніе и молодшіе люди Кадашевской слободы, заявившіе, что греки и другіе иностранцы расплачиваются мѣдными деньгами ⁵⁾. О томъ же говорить и Мейерберъ ⁶⁾. Какъ видно изъ сказки сотскихъ и др. людей черныхъ сотенъ и слободъ, «греки пріѣзжали изъ-за рубежа и покупали великую соболиную казну на мѣдныя деньги и мѣдными деньгами покупали серебряныя деньги и тѣми они корыстовались и богатѣли» ⁷⁾.

¹⁾ Iter, p. 92.

²⁾ П. С. З., т. I, гл. V, п. 2.

³⁾ Правительство запрещало, напримѣръ, продавать мѣдъ частнымъ лицамъ. Въ отпискѣ Репнина въ Тихвинскій монастырь предписывается продавать мѣдъ цѣловальнику Ульяшкѣ Пискулину, а «кто на сторону продасть или въ домѣхъ таитъ, тому учинить наказаніе безъ пощады». А. Э., IV, стр. 179.

⁴⁾ А. И., т. IV, стр. 305 и 306.

⁵⁾ О мятежахъ въ городѣ Москвѣ, стр. 249

⁶⁾ Iter in Moscoviam, p. 92.

⁷⁾ О мятежахъ, стр. 211. На то же указываетъ и статья ново-торговаго устава. Собр. Г. Гр. и Д., т. IV, стр. 202.

Вслѣдствіе всего этого, въ оборотъ пущено было огромное количество мѣдной монеты. Насколько оно было велико, можно судить по слѣдующему факту. Когда мѣдная монета была уничтожена и приказано было ее сливать, то русскіе люди начали вывозить ее въ такомъ количествѣ, что въ Швеціи сочли нужнымъ «наложить на торговыхъ людей пошлину съ красной мѣди,» гораздо болѣе высокую сравнительно съ прежней ¹⁾. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если цѣнность новой монеты упала. Причиной лажа было прежде всего огромное количество находившейся въ обращеніи мѣдной монеты и недовѣрчивость къ послѣдней, вызванная самимъ правительствомъ.

Цѣнность монеты понижалась постепенно. Котошихинъ говорить, что сперва «ходили рубль противъ рубля, а потомъ почали ходить по 2 и по 3 и по 4 и по 5 и по 6 и по 7 и по 10 и по 15 и по 17 рублей мѣдныхъ денегъ за серебряной рубль» ²⁾. Въ «Theatr. Europ.» говорится, что въ 1662 г. мѣдная монета до того понизилась въ своей стоимости, что за 100 рублей мѣдныхъ платили не болѣе 10 р., серебряныхъ ³⁾. Гораздо болѣе ясное понятіе о лажѣ даюгъ таблицы, составленныя г. Брикнеромъ на основаніи двухъ справокъ, сдѣланныхъ для правительства въ Москвѣ и Новгородѣ ⁴⁾. Вотъ эта таблица:

Серебряный рубль стоилъ мѣдными деньгами:

	въ Москвѣ.	въ Новгородѣ.
1659 г. Въ мартѣ 1659 г.	104 к.	
Отъ 1 марта до 1 іюля	108 »	103 к.
1 іюля — 1 сент.	110 »	105 »
1 сент. — 1 дек.	115 »	
1660 г. 1 дек. — 1 марта	130 »	1 янв. 108 »
1 марта — 1 іюля	160 »	1 мая 112 »
1 іюня — 1 сент.	170 »	1 сент. 120 »
1 сент. — 1 дек.	180 »	1 дек. 125 »
1661 г. 1 дек. — 1 марта	2 р.	1 марта 140 »

¹⁾ Д. А. И., т. IV, стр. 408.

²⁾ Котошихинъ, стр. 118.

³⁾ „Theatr. Europ.“, t. IX, p. 647.

⁴⁾ П. С. З., т. I, № 339; А. А. Э., т. IV, № 144, стр. 193.

	въ Москвѣ.	въ Новгородѣ.
1861 г. 1 марта — 1 июня	2 $\frac{1}{4}$ р.	150 к.
1 июня — 1 сент.	2 $\frac{1}{2}$ »	170 »
1 сент. — 1 дек.	3 »	250 »
1662 г. 1 дек. — 1 марта	4 »	5 р.
1 марта — 1 июня	6 »	8 »
1 июня — 1 сент.	8 »	10 »
1663 г. 1 сент. — 1 марта	9 »	
1 марта — 1 апр.	10 »	
1 апр. — 1 мая	12 »	10 »
1 мая — 15 июня	15 »	12 »

Изъ этой таблицы легко видѣть, какимъ *crescendo* шель лажъ мѣдной монеты, при чемъ почти все время курсъ мѣдной монеты въ Москвѣ былъ ниже, чѣмъ въ Новгородѣ. Въ городахъ провинціальныхъ лажъ былъ гораздо меньше. Такъ, напримѣръ, въ Сибири въ то время, когда въ Москвѣ и Новгородѣ серебряный рубль цѣнился отъ 4 — 8 р., въ Tobольскѣ за него давали «вдвое и больше» ¹⁾, въ Вологдѣ за рубль серебра въ 1662 г. платили 3 р. мѣдными, а въ юнѣ 1662 г. — 9 р. ²⁾. За нѣсколько дней до кризиса въ Tobольскѣ покупались «всякіе товары самою большою цѣною, передъ прежними въ четверо и больши» ³⁾. Лажъ, такимъ образомъ, вызвалъ страшную дороговизну. «Въ странѣ, читаемъ въ извѣстіяхъ «Theatrum Europaeum», все страшно вздорожало, простонародье пришло къ невообразимому бѣдствію, офицеры не могли жить прилично при такой плохой монетѣ, такъ какъ полковникъ, получавшій 50 рублей ежемѣсячно, теперь могъ издержать ихъ не дороже 5 рублей. Нужда довела ихъ до того, что они пали на колѣни передъ царемъ, прося или дать имъ отставку и пустить изъ страны, или дать имъ возможность жить въ достаткѣ» ⁴⁾. Гордонъ сообщаетъ о результатахъ этой просьбы. Офицерамъ, по его словамъ, повысили жалованье на 25%, но это мало помогло дѣлу ⁵⁾.

¹⁾ Д. А. И., т. IV, стр. 276.

²⁾ Бриннеръ, Мѣдныя деньги, стр. 36.

³⁾ А. И., т. IX, стр. 327.

⁴⁾ „Theatr. Europ.“, t. IX, p. 647.

⁵⁾ Tagebuch, t. I. p. 306.

Иностранцы, получившіе жалованье деньгами, всё бѣдствіе объясняли себѣ «худыми» деньгами, единственной причиной дороговизны считали денежную операцію. Русскіе люди, терпѣливо сносившіе все и до поры до времени молчавшіе, тоже сознавали, что «почала быть отъ денегъ на всякіе товары дороговъ великая» и что «крестьяне не почали въ городъ возить сѣна и дровъ, и съѣстныхъ припасовъ, увидѣвъ въ одну пору худые дѣланые деньги ¹⁾. Однако, когда правительство обратилось къ нимъ съ вопросомъ, «отчего на Москвѣ и въ городѣхъ передъ прежнимъ хлѣбу дорогая цѣна и чѣмъ та дорогая цѣна можно перемѣнить, чтобы хлѣбу учинить цѣна мѣрная», никто словомъ не обмолвился о мѣдныхъ деньгахъ ²⁾. Но такъ какъ на вопросъ отвѣтить было нужно, то они назвали причины, тоже имѣвшія несомнѣнное вліяніе на дороговизну припасовъ и голодъ. Такъ, гости и другіе торговые люди сказали, что «хлѣбъ учалъ быть дорогъ на Москвѣ и въ городѣхъ отъ недородовъ, отъ кружечныхъ дворовъ, отъ многаго винаго куренія, и отъ многихъ закупщиковъ и кулащиковъ и вящниковъ», чернослободцы ссылались на моровое повѣтріе, на то, что во многихъ мѣстахъ люди померли и лошадыми опали: а которые люди остались, и тѣ многіе люди на службѣ великаго государя побиты, а иные и по сіе число служатъ, а послѣ мороваго повѣтрія пашенныхъ людей стало меньше, потому и хлѣбъ и всякое съѣстное стало дороже». Забраны были справки, и оказалось, что скупщики хлѣба спекулировали на сумму въ 7.000 руб., съ которой и платили пошлины въ Помѣрную избу ³⁾, значить, дѣйствительно могли вліять на рыночныя цѣны. Совершенно справедливымъ оказывается также и то замѣчаніе, что количество пашенныхъ людей стало значительно меньше. Масса людей погибли во время моровой язвы: въ случаѣхъ, приведенныхъ у Соловьева, отъ нея умерло 24.000 ч. ⁴⁾, по сообщенію Мейербера, въ одной Москвѣ умерло—70.000 ч., а по Коллинсу во всей Россіи—700,

¹⁾ Котошихинъ, стр. 111.

²⁾ А. А. Э., т. IV, № 90.

³⁾ П. С. З., т. I, № 286.

⁴⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 326.

800 тысячъ. Г-нъ Милюковъ, по его собственнымъ словамъ, на основаніи «случайныхъ и далеко не полныхъ» свѣдѣній, насчитываетъ до 70.000 рабочаго населенія, взятаго въ даточные, уменьшившаго количество рабочихъ рукъ и увеличившаго армію и расходъ на нее ¹⁾. Вслѣдствіе уменьшенія количества рабочихъ, уменьшилось и количество обрабатывавшейся земли. Предложеніе хлѣба стало, значитъ, меньше. Въ то же время, какъ видно изъ показанія черныхъ сотенъ и слободъ сотскихъ, старость, торговыхъ и тяглыхъ людей, поднялся спросъ: «А прежь сего, заявляли они, было великаго государя хлѣбное жалованье, ружнымъ попамъ и всѣмъ церковникамъ, и стрѣльцамъ, и дворовымъ людямъ разныхъ чиновъ; а нынѣ даютъ тѣмъ всѣмъ людямъ жалованье за хлѣбъ деньгами и тѣ всѣ люди на Москвѣ и въ городѣхъ стали хлѣбу купцы» ²⁾. Такое уменьшеніе предложенія и усиленный спросъ несомнѣнно должны были сильно поднять цѣны на хлѣбъ. Тутъ въ извѣстномъ сочиненіи «Исторія цѣнъ» свидѣтельствуетъ, что цѣна на хлѣбъ въ Англіи поднималась на 100—200%, тогда какъ урожай былъ на $\frac{1}{6}$ и до $\frac{1}{2}$ ниже средняго и самый недочетъ смягчался иностраннымъ ввозомъ ³⁾. Цѣны, конечно, понизились бы, если бы начали продавать скупленный хлѣбъ, а также тѣ «скирды и одоньи немолоченнаго хлѣба», которыя стояли въ деревняхъ ⁴⁾, но владѣльцы не хотѣли продавать своихъ запасовъ на худыя мѣдныя деньги, потерявшія кредитъ у населенія. Собравъ эти свѣдѣнія, правительство попробовало заставить продавать хлѣбъ дешево. Указомъ 1661 г. 4-го ноября, было приказано «всякіе товары продавать не изъ большіе прибыли», «всякому, кто учнетъ цѣну накладывать высокую и прибыль чинить себѣ болшую» угрожали торговой казнью «безо всякія пощады» ⁵⁾. Въ декабрѣ того же года была соѣставлена такса: за рожь, за четверть—по 3 р., за овесъ по 1 $\frac{1}{2}$ р., за возъ сѣна по 10 алтынъ ⁶⁾. Между тѣмъ, въ Москвѣ въ это время четверть ржи

¹⁾ Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 76.

²⁾ П. С. З., т. I, № 236, стр. 512 и сл.

³⁾ Иванюковъ, Политическая экономія, М. 1891 г., стр. 326.

⁴⁾ О мятежахъ въ Москвѣ, стр. 249, 263.

⁵⁾ А. А. Э., т. IV, № 126, стр. 171.

⁶⁾ П. С. З., т. I, № 317, стр. 555.

стоила 14 р., четверть овса — 7 р. ¹⁾). Понятно, что такія мѣры ни къ чему не могли привести.

Правительство, поэтому, обратилось второй разъ къ народу и на этотъ разъ было уже откровеннѣе, такъ какъ само почувствовало необходимость замѣнить мѣдную монету серебряной и даже «чтобы пынѣшнюю дороговъ умалить и общество христіанское видѣтъ безъ оскорбленія, для того на денежномъ одномъ дворѣ начало дѣлать въ запасъ серебряныя деньги» ²⁾). Теперь у него былъ одинъ вопросъ, откуда и какъ добыть серебра, который оно уже и не постѣснялось поставить народу. Послѣдній, видя, что о мѣдной монетѣ можно говорить вполнѣ искренно, высказался откровенно. Въ поданныхъ сказкахъ прямо говорилось, что «учинилась въ Московскомъ государствѣ и во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ великая безмѣрная дороговль хлѣбная и соляная, и всякая харчъ и всякіе товары и то учинилось не отъ хлѣбнаго недороду и соленого промыслу, но отъ мѣдныхъ денегъ, а хлѣбъ милостію Божіей родится по-прежнему, а у вотчинниковъ и у помѣщиковъ и у пахотныхъ людей въ селѣхъ и въ деревняхъ многіе скирды стоятъ и одоньи немолоченнаго хлѣба»... «мы отъ мѣдныхъ денегъ оскудѣли, прежнія свои палаты прожили, а будетъ тѣ деньги продлятся и намъ отъ нихъ въ конецъ погинуть». Также откровенно, какъ кадашевцы, мнѣніе которыхъ мы сейчасъ привели, высказались и чернослободцы, заявившіе, что они «отъ хлѣбной и всякой дороговли и отъ мѣдной деньги въ конецъ оскудѣли», что если «серебряныя деньги объявятся—и съ хлѣба, и со всякаго товару съ харчеваго цѣны сбудеть» ³⁾). Точно также сотскіе, старосты и всѣ тяглые люди московскихъ черныхъ сотенъ заявили, что «многіе чернослободцы торговые люди безъ серебряныхъ денегъ всѣ ожидаютъ себѣ отъ мѣдныхъ денегъ конечныя нищеты» и что «хлѣбъ сталъ быть дорогъ высокою цѣною отъ мѣдныхъ денегъ» ⁴⁾). Такимъ образомъ отмѣна мѣдныхъ денегъ была всеобщимъ желаніемъ, которое санкціонировало правительство. На вопросъ, откуда взять серебра, были

¹⁾ Госуд. хозяйство Россіи, стр. 81.

²⁾ О мятежахъ въ Москвѣ, стр. 248.

³⁾ О мятежахъ, стр. 249, 250, 252.

⁴⁾ Ibid., стр. 265.

поданы довольно однообразные отвѣты. Всѣ почти указываютъ товары, наиболѣе въ то время требовавшіеся иностранцами, какъ-то: поташъ, смолчугу, юфть, пеньку, соболя, сало и совѣтуютъ правительству монополизировать ихъ, продавая иностранцамъ за золото и серебро ¹⁾). Правительство начало скупать «указные» товары, на покупку которыхъ отпустило 1.432.092 р. 23 алтына мѣдныхъ денегъ. За эти мѣдныя деньги, какъ говорить Коллинсъ, силой брали товары у купцовъ ²⁾).

Такимъ образомъ, правительство хотѣло собрать сначала серебра, чтобы черезъ нѣкоторое время имѣть возможность изъять изъ обращенія мѣдную монету, но сверхъ ожиданія «пополненіе серебра учинилось малое» ³⁾, и правительство все больше и больше начало склоняться въ пользу того мнѣнія, чтобы увеличить косвенные налоги, къ которымъ оно за послѣднее 25-тилѣтіе прибѣгало уже не разъ. Войны съ Польшей и Швеціей и издержки на содержаніе войска заставили ихъ еще увеличить. Такъ, напри- мѣръ, во время Смоленскаго похода 1632 года русская армія состояла изъ 32.970 челов., а въ 1668—79 гг. въ ней уже насчитывается 111.649 ч. ⁴⁾). Соответственно этому возрастаютъ и подати. Такъ, напри- мѣръ, съ г. Чаронды въ 1630—33 г. стрѣлецкій окладъ съ сохи равнялся 95 р., въ 1654—1660 г. уже 228 р., а съ 1663—1671 г.—822 р. 31 коп. ⁵⁾). Правительство для содержанія войска не стѣснялось прибѣгать къ денежнымъ жертвамъ населенія, требуя то пятой, то десятой деньги, а одинъ разъ даже рублеваго сбора. Первые два года войны съ Польшей обошлись Россіи въ 1.300.000 руб. ⁶⁾). Все это, конечно, тяжело ложилось на населеніе, постоянно держало его въ высшей степени экономическаго напряженія. Правительство, какъ бы игнорируя это напряженіе, не переставало требовать разнаго рода жертвъ, совершенно не обращало вниманія на то, что отовсюду слышались жалобы на

¹⁾ Объ этомъ говорится и въ „Theatr. Europ.“, t. IX, p. 643.

) Чт. въ Общ. И. и Др. Р., годъ I, кн I, стр. 38 и 34.

³⁾ О мятежахъ, стр. 264.

⁴⁾ Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 52

⁵⁾ Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 58.

⁶⁾ Ibid., стр. 78

голодь, на дороговизну. Бѣдные люди отъ дороговизны положительно умирали съ голоду ¹⁾, потому что, какъ заявили торговые люди, «въ прежнихъ лѣтахъ можно было мастеровому челѣвѣку и съ женой быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастеровому челѣвѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20 алтынъ ²⁾. Торговля остановилась. Многіе люди закрыли свои лавки. Гость Федоръ Юрьевъ съ горестью замѣчаетъ въ поданной имъ особой сказкѣ: «а про товары, что дорого продаютъ въ рядѣхъ и то вѣдаютъ тѣ люди, которые тѣми товарами торгуютъ, а у меня въ рядѣхъ сидѣльцевъ нѣтъ, ни за какими товары не сидятъ» ³⁾. Всѣ торговцы жаловались, что они стали «безпромышленны», что иноземцы «товаровъ своихъ русскимъ людямъ не продаютъ ни въ 30 цѣнъ, просятъ противъ тѣхъ своихъ товаровъ русскихъ товаровъ» ⁴⁾. Терскіе служилые люди жаловались, что «на мѣдные деньги не продаютъ, а серебряныхъ денегъ взять негдѣ, а продать и заложить нечего, людиска скудные»... ⁵⁾. Дѣйствительно, по замѣчанію иностранцевъ, «туземцы не могли торговать мѣдными деньгами съ нѣмецкими купцами, не хотѣвшими уступать свои прекрасные товары за мѣдныя деньги» ⁶⁾. Торговля остановилась во многихъ провинціальныхъ городахъ. Однимъ словомъ, по замѣчанію Коллинса, Россія «была разорена настолько, что не поправится въ продолженіе многого времени»...

Въ такомъ положеніи находился народъ, когда начали поговаривать о новыхъ налогахъ. Народъ волновался. Какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, волненія эти угрожали перейти въ открытый бунтъ. Такъ, на примѣръ, Демка Филиповъ, дьячекъ Алексѣевского монастыря, показывалъ на слѣдствіи, что «послѣ свѣтлыя недѣли вскорѣ слышалъ онъ отъ того жъ монастыря поповъ, отъ Андрея, отъ Феокрита, отъ Павла, да отъ дьякона Семіона, да отъ соборныхъ старицъ отъ Канищевой и отъ иныхъ, а именъ ихъ не упомнить, а въ лицо ихъ знаетъ, чернь де собирается и

¹⁾ О мятежахъ, стр. 249.— Брикнеръ, Мѣдныя деньги, стр. 47.

²⁾ Ibid., стр. 285 и 265.

³⁾ Ibid., стр. 263.

⁴⁾ Ibid., стр. 259, 262, 264.

⁵⁾ Д. А. И., т. IV, стр. 413.

⁶⁾ „Theatr. Europ.“, t. IX, p. 647.

чаять отъ нихъ быть погрому двору боярина Ильи Даниловича Милославскаго, да гостя Василя Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ, будто онъ Василій да Кадашевъ, а какъ его зовутъ, того не вѣдаетъ, деньги дѣлали, да попы жъ-де и дьяконъ говорили до нынѣшняго смутнаго времени дня за два про боярина Илью Даниловича, и про окольного М. Ртищева и про В. Шорина, что они написаны въ воровскихъ листахъ»¹⁾.

Мейерберъ въ такихъ же опредѣленныхъ выраженіяхъ, говорить о томъ, что постоянно опасается, какъ бы народъ, доведенный до отчаянія, не произвелъ беспорядковъ²⁾. По словамъ того же Мейербера, царь Алексѣй Михайловичъ былъ предупрежденъ канунѣ о готовившемся мятежѣ³⁾.

25-го іюля 1662 г., когда Алексѣй Михайловичъ уѣхалъ въ с. Коломенское, слухи оправдались. На Лубянкѣ, противъ земскаго двора, появилась прокламація, обвинявшая Илью Даниловича Милославскаго, Ѳедора Михайловича Ртищева и Василя Шорина въ измѣнѣ. На Срѣтенкѣ собрались мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ, которой требовало съ нихъ правительство.

— «На Лубянкѣ, у столба, письмо приклеено», закричали имъ люди, проходившіе Срѣтенкою отъ Никольскихъ воротъ. Вся толпа хлынула на Лубянку. Дѣйствительно, на столбѣ висѣла приклеенная воскомъ бумажка, которую читали собравшіеся вокругъ люди. Стрѣлецъ Куземка Н о г а е в ъ, находившійся здѣсь же въ толпѣ, подошелъ, прочелъ и отправился въ находившійся напротивъ кружечный дворъ. Выпивши вина, онъ возвратился назадъ. Кто-то вслухъ читалъ «письмо». Оттолкнувъ чтеца, Куземка началъ громко читать самъ и затѣмъ понесъ его въ городъ, при чемъ на пути прочелъ его еще «трожды». Въ это время сотскій Павелъ Г р и г о р ь е в ъ отправился въ Земскій приказъ и сообщилъ тамъ о письмѣ боярамъ, которые отрядили за письмомъ Симеона Ларіонова, да дьяка Аѳ. Башмакова. Ларіоновъ подѣхалъ какъ разъ въ то время, когда Куземка

¹⁾ О мятежахъ, стр. 300.

²⁾ *Iter in Moscoviam*, p. 93.

³⁾ *Ibid*, стр. 101.

«шумно» читаль его. Увидѣвъ Ларіонова, Куземка, не дочитавъ, бросилъ письмо. Ларіоновъ поднялъ и хотѣлъ везти его въ городъ.

— «Вы то письмо везете къ измѣнникамъ, къ боярину Д. И. Милославскому», закричала толпа, подстрекаемая стрѣльцомъ Куземкой Ногаевымъ, «тамъ-то дѣло такъ и изойдетъ, а государя на Москвѣ нѣтъ, а то письмо надобно всему міру».

Лошадь Ларіонова остановили, его схватили за ноги, отняли письмо и передали его своему сотскому, который, не зная, что дѣлать съ нимъ, отдалъ Лучкѣ Житкому и скрылся. Съ Лучкой во главѣ толпа двинулась въ с. Коломенское. Царь былъ у обѣдни. Послѣ богослуженія «у церкви, на нижней паперти», нижегородецъ Мартемьянъ Богдановъ взялъ у Лучки Житкаго письмо вмѣстѣ съ шапкой и поднесъ его царю.

— «Изволь, государь, сказалъ онъ, письмо вычестъ передъ міромъ и измѣнниковъ привести передъ себя, великаго государя».

Алексѣй Михайловичъ, приказавшій, какъ передаетъ Котошихинъ, боярамъ измѣнникамъ спрятаться въ покояхъ царицы, началъ уговаривать бунтовщиковъ и обѣщаль разобрать дѣло безпристрастно по пріѣздѣ въ Москву. «Чему вѣрить», спрашивали бунтовщики, держа его за платье и пуговицы. Царь «далъ на своемъ словѣ руку и одинъ человекъ изъ тѣхъ людей билъ съ царемъ по рукамъ и пошли къ Москвѣ всѣ»¹⁾.

Въ то же время пришли въ волненіе войска. Никто не зналъ, что предпринимать, куда идти. Полковникъ Агѣй Шепелевъ, услышавъ о бунтѣ, обратился съ вопросомъ къ Б. Куракину, не пойдти ли въ Коломенское? По приказанію полковника, ударили въ барабанъ, собрались солдаты и съ распущенными знаменами отправились въ Коломенское. Начали бить въ барабанъ во всѣхъ ротахъ. Всѣшли, кто куда хотѣлъ. Маіоръ Дмитрій Дуровъ прибѣжалъ въ Кожевницкую слободу за солдатами, не нашель ни одного, такъ какъ передъ этимъ князь Д. Крапоткинъ пришелъ туда и приказалъ идти за собой. Никакихъ общихъ распоряженій не было. Во

¹⁾ Котошихинъ, стр. 115.—Мейерберъ говоритъ, что царь „*uxorem suam et filiam praesentens hujus suae promissionis iis obtulit vades*“. Iter, p. 101. То же у Гордона. Tagebuch, т. I, стр. 310 и сл.

многихъ мѣстахъ «солдаты учинились непослушны», присоединялись къ бунтовщикамъ ¹⁾).

Въ то же время другая толпа бунтовщиковъ свирѣпствовала въ Москвѣ. Выгоняли всѣхъ въ Коломенское. «Солдаты Агѣева полку, рассказывалъ Аничка Семеновъ, и иные многіе люди изъ лавокъ всѣхъ людей выбили, а говорили, кто не пойдетъ — хотѣли побивать» ²⁾. Напали на домъ Василя Шорина, «...и сынъ того гостя, лѣтъ въ 15, пострашась убійства, скиня съ себя доброе платье, вздѣлъ крестьянское и побѣжалъ съ Москвы въ телѣгѣ». Бунтовщики поймали его и заставили сказать, что отецъ его побѣжалъ въ Польшу, «съ боярскими листами». Толпа болѣе 5.000 человекъ, захвативъ съ собой сына Шорина, направилась въ Коломенское, соединилась съ толпой, возвращавшейся оттуда, и пришла прямо ко дворцу ³⁾. Царь сѣлъ уже на лошадь, собираясь ѣхать въ Москву. Бунтовщики «съ невѣжествомъ» обратились къ царю, требуя выдачи измѣнниковъ, просили не дать имъ погибнуть. По словамъ Гордона, дворець окружила такая толпа, что невозможно было черезъ нее пробраться. Поэтому войска, приведенныя Гордономъ, остановились на Кожуховскомъ мосту. Между тѣмъ толпа не унималась и становилась все нахальнѣе и нахальнѣе, такъ что даже начали, по словамъ Мейербера, осыпать царицу ругательными словами ⁴⁾, по всей вѣроятности, намекая на ея родство съ измѣнникомъ Милославскимъ. Царь разсердился и приказалъ стрѣльцамъ ударить на мятежниковъ и «тѣхъ людей бити и рубити до смерти и живыхъ ловити. И какъ ихъ начали бити и сѣчь и ловить, а имъ было противитися не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ни у кого ничего, почали бѣгать и топиться въ Москву рѣку, и топилося ихъ въ рѣкѣ больше 100 ч., а пересѣчено и переловлено больше 7.000 ч., и иные разбѣжались. И тогожь дни около того села повѣшено со 150 ч.» ⁵⁾. Произведенное слѣдствіе обна-

¹⁾ Tagebuch, t. I, p. 310.—„Theatr. Europ.“, t. IX. 367.—О мятежахъ въ Москвѣ, стр. 321.

²⁾ О мятежахъ, стр. 326.

³⁾ Tagebuch, t. I, p. 310.—О мятежахъ въ Москвѣ, стр. 302.—Котошихинъ, стр. 115.—„Theatr. Europ.“, t. IX, p. 647.

⁴⁾ Iter in Moscoviam, p. 101.

⁵⁾ Котошихинъ, стр. 116.—Tagebuch, t. I, p. 311.—„Theatr. Europ.“, t. IX, p. 637. Meyerber, Iter in Moscoviam, p. 102.

ружило, что далеко не всѣ, взятые въ с. Коломенскомъ, были дѣйствительно «бунтовщиками». Многіе попали совершенно случайно и были освобождены. Оказавшіеся же виновными (около 150 чело-вѣкъ), одни были казнены, другіе сосланы въ «дальніе города», многимъ рубили руки, пальцы, а также, наказавъ кнутомъ, «клали на правой сторонѣ признаки, разжегши желѣзо на краснѣ, а поставлено на томъ желѣзѣ «буки», то-есть, бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признателъ» ¹⁾). Всѣ, принимавшіе участіе въ усмиреніи бунта, получили большія награды ²⁾).

Черезъ годъ послѣ мятежа, 11-го іюня 1663 года былъ изданъ указъ, уничтожавшій мѣдную монету и объявлявшій о выдачѣ жалованья и сборѣ пошлинъ серебромъ. Черезъ нѣсколько дней было приказано обмѣнивать мѣдную монету въ казнѣ на серебро, а кто не пожелаетъ дѣлать этого, «мѣдныя деньги сливать, а не сливъ деньгами у себя никому не держать. А похочетъ кто принести въ государеву казну и деньги принимать на Москвѣ іюня съ 1-го числа двѣ недѣли, а въ городѣхъ—мѣсяцъ, а давать за мѣдныя деньги за рубль—серебра по двѣ деньги» ³⁾). Настаивало правитель-ство на этомъ требованіи особенно въ виду того, что «на Москвѣ и въ разныхъ городахъ объявлялись мѣдныя деньги портучены и иныя посеребряны и полужены» ⁴⁾). Вызвана была новая поддѣлка тѣмъ, что правительство мѣняло деньги далеко не по курсу. выда-вая серебра всего 1%. Служилые люди отказывались получать по такому разсчету жалованье. Такъ, въ 1664 г. гребцы и кормицки не взяли «серебряныхъ денегъ противъ мѣдныхъ по десяти алтынъ», за что и были совершенно лишены жалованья ⁵⁾). Мало-по-малу, однако, мѣдная монета была замѣнена серебряной, но экономи-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 115.

²⁾ О мятежахъ, стр. 360 и сл.

³⁾ П. С. З., т. I, №№ 338 и 343.

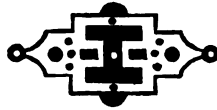
⁴⁾ А. А. Э., т. IV, № 147.

⁵⁾ „Воронежск. губ. вѣд.“, 1850 г., № 43.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1893 г., т. LXXX. НОЯБРЬ.

ческое разстройство, произведенное войнами, продолжалось въ Московскомъ государствѣ довольно долго, да и не могло оно скоро прекратиться, такъ какъ правительство не разъ прибѣгало къ разнаго рода сборамъ, ввидѣ 10-й, 15-й деньги и др. ¹⁾, подрывавшимъ народное благосостояніе.

В. Боцяновскій.

¹⁾ Съ 1654—1680 г. дважды собиралась пятая деньга, 5 разъ—10-я, 1 разъ—15-я и 1 разъ рублевый сборъ со двора. Въ 1670—78 гг. собирались полтинники и полуполтинники съ двора. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи, стр. 77.

Изъ историческихъ записокъ Юанна-Альберта Эренстрема ¹⁾.

1812 годъ.

Въ 1811 году Эренстремъ отправился въ Финляндію и поселился въ своемъ родномъ городѣ Гельсингфорсѣ; въ слѣдующемъ году онъ получилъ разрѣшеніе короля Карла XIII навсегда остаться въ Финляндіи. Въ 1812 году Эренстремъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной по Высочайшему повелѣнію для завѣдыванія дѣлами по распланировкѣ и постройкѣ вновь города Гельсингфорса, сгорѣвшаго до тла въ 1808 году. Записки его оканчиваются любопытнымъ разсказомъ о пребываніи императора Александра въ Гельсингфорсѣ, во время поѣздки его въ Або для свиданія съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ (бывшимъ маршаломъ Бернадотомъ). Государь удостоилъ Эренстрема продолжительнаго разговора, въ которомъ высказалъ ему съ полною откровенностью свои взгляды по поводу начавшейся тогда борьбы съ Наполеономъ.

Ред.

Императоръ поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, былъ встрѣченъ у дверей своей квартиры генераль-губернаторомъ, Фридрихомъ Шернвалемъ и на его короткую привѣтственную рѣчь онъ отвѣтилъ: «C'est avec beaucoup de satisfaction que je me trouve au milieu de vous» ²⁾.

Это были первыя слова, которыя я услышалъ отъ него въ Финляндіи. Поднявшись на верхъ въ залу, которая быстро наполнилась генералами, полковыми командирами и другими штабъ-офицерами, (армія въ 15.000 человекъ всѣхъ родовъ оружія, подъ начальствомъ генерала Фокка, предназначенная для совокупныхъ дѣйствій съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., октябрь.

²⁾ „Я нахожусь съ особеннымъ удовольствіемъ среди васъ“.

шведскимъ корпусомъ, въ это время сосредоточена была у Гельсингфорса), государь обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ разными вопросами и потомъ подошелъ къ губернатору со словами: «*Quels beaux chemins en Finlande! C'est comme on allait sur du marbre. Il est vrai que la nature a beaucoup fait, mais l'art a encore contribué à perfectionner son ouvrage*» ¹⁾). Потомъ онъ спросилъ: «*Comment vont les travaux à Helsingfors? Est-ce qu'ils avancent?*» ²⁾).

Шериваль отвѣтилъ: «*Personne ne pourra mieux répondre à ces questions que m-r d'Ehrenström, que Votre Majesté a chargé de la direction de ces travaux et que j'ai l'honneur de lui présenter maintenant*» ³⁾).

Тогда государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «*Je suis charmé de faire votre connaissance personnelle*» ⁴⁾), послѣ чего повторилъ свои вопросы; я отвѣтилъ: «*Sire! jusqu'ici on n'a pu s'occuper que d'arrangements préparatoires; ils prennent encore beaucoup de temps, ce qui serait désolant, si l'on ne se rappelait, que Rome ne fût pas bâtie en un jour*». — «*C'est vrai*» ⁵⁾ сказалъ онъ съ улыбкой, повернулся, кивнулъ головой собравшимся и пошелъ въ свои комнаты, куда генераль-губернаторъ слѣдовалъ за нимъ для полученія приказаній. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ генераль открылъ двери и сказалъ: «*M-r d'Ehrenström? L'empereur vous ordonne d'entrer*» ⁶⁾). Это отличіе чрезвычайно меня поразило и не могло быть пріятнымъ большинству лицъ, наполнявшихъ залу, между которыми находились многіе имѣвшіе право на отдѣльную аудіенцію раньше меня. Войдя

¹⁾ Какія превосходныя дороги въ Финляндіи! Ёдешь точно по мрамору. Правда, что природа много сдѣлала со своей стороны, но искусство еще болѣе содѣйствовало усовершенствованію ея произведенія.

²⁾ Какъ идутъ работы въ Гельсингфорсѣ? Подвигаются ли онѣ?

³⁾ Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы лучше г. Эренстрема, которому вѣрѣвъ Вашимъ Величествомъ главный надзоръ за этими работами и котораго я имѣю честь нынѣ представить вамъ.

⁴⁾ Весьма радъ лично познакомиться съ вами.

⁵⁾ Ваше Величество, до сихъ поръ можно было производить только подготовительныя работы; онѣ займутъ еще много времени, и это обстоятельство было бы весьма прискорбно, ежели бы намъ не было извѣстно, что даже и Римъ не былъ выстроенъ въ одинъ день". — „Это правда“.

⁶⁾ Г-нъ Эренстремъ! императоръ приказываетъ вамъ войти.

въ комнату государя, я остановился у дверей и низко поклонился; онъ подошелъ ко мнѣ, взявъ меня за руку и повелъ во внутреннюю комнату, безъ сомнѣнія, для того, чтобы нашъ разговоръ не разслышали въ залѣ, такъ какъ я долженъ былъ говорить погромче, въ виду того, что онъ былъ глуховатъ на лѣвое ухо. Было около 10 часовъ вечера. Пораженный снисходительностью этого могущественнаго государя, которая такъ рѣзко противорѣчила жестокому обращенію со мною 18 лѣтъ тому назадъ въ моемъ отечествѣ, Швеціи, я спросилъ, извѣстно ли Его Величеству это обстоятельство:—«Oui», отвѣтилъ онъ, «parfaitement, et je vous en estime davantage; vous avez souffert de grands malheurs pour une bonne cause, et vous les avez soufferts avec beaucoup de courage et de dignité»¹⁾). Потомъ онъ началъ говорить, но ни слова о новыхъ постройкахъ, а исключительно о политическомъ своемъ положеніи, о начатой войнѣ и предполагаемыхъ результатахъ, о настроеніи русскаго народа, о своихъ рѣшеніяхъ и пр. и пр., и все это съ такою откровенностью, какъ будто бы я былъ ему извѣстенъ уже давно и имѣлъ его полное довѣріе, или былъ членомъ его тайнаго совѣта, и съ такою подробностью, что рѣчь его затянулась болѣе чѣмъ на два часа, т. е. за полночь. Я не могу припомнить всю эту рѣчь, хотя она была такъ умна и замѣчательна, что мнѣ не слѣдовало бы забыть и части ея. Могу привести только отдѣльныя фразы или такія выраженія, которыя глубже врѣзались въ мою память. Начну съ того замѣчанія, что императоръ Александръ всегда говорилъ прекрасно и такимъ правильнымъ языкомъ, что къ нему вполне можно было отнести то, что сказано о г-жѣ Сталь, а именно, что ея рѣчи въ обществѣ, записанныя такъ, какъ она ихъ произносила, могли быть, безъ всякихъ поправокъ и добавленій, отправлены въ типографію для печатанія. Императоръ по поводу войны сказалъ:

«Lorsqu'on a vu qu'une guerre était inévitable, il a eu chez nous différentes opinions sur la manière d'entrer dans cette lutte. D'après

¹⁾ Да, прекрасно помню и вслѣдствіе этого еще болѣе уважаю васъ; вы испытали большія несчастія ради праваго дѣла и перенесли ихъ съ мужествомъ и достоинствомъ.

une de ces opinions, il aurait fallu aller à la rencontre de l'ennemi, avant qu'il eût le temps de rassembler toutes ses masses et de se renforcer par toutes les troupes de ses auxiliaires. On aurait gagné par là de mettre l'empire à l'abri du malheur de devenir le théâtre de la guerre, le nombre des ennemis à combattre n'aurait pas été si grand, on aurait eu la Pologne derrière soi, et on aurait pu tendre la main à l'Allemagne, qui gémit sous le joug de la France, et qui, probablement, n'attend qu'une occasion favorable, pour s'en délivrer et se déclarer contre elle. Toutes ces raisons réunies ne laissaient pas de mettre un grand poids dans la balance, en faveur de cette opinion. Mais d'un autre côté des considérations d'une haute importance faisaient pencher la balance vers le parti qu'on a pris, de se laisser attaquer. Depuis que la Russie est devenue une puissance européenne, elle a eu plusieurs et de longues guerres à soutenir, mais toujours hors de ses frontières. Le recrutement nécessaire des armées a constamment excité des murmures et du mécontentement chez les propriétaires des recrues. Quand les chances de la guerre n'ont pas été favorables à l'empire, on a élevé des cris contre le gouvernement, prétendant qu'il aurait pu éviter la guerre, qu'elle était mal conduite, que le choix des généraux était mauvais, etc. A cause de l'extrême éloignement de la scène, les oisifs et les discoureurs avaient beau jeu, pour inventer tout ce qu'il leur plaisait, parce qu'ils ne souffraient qu'indirectement, des événements, même les plus fâcheux, d'une guerre, qui ne les intéressait que médiocrement. Maintenant il fallait convaincre la nation, que le gouvernement n'était pas agresseur, qu'il ne s'était armé que pour la défense de l'empire; il fallait intéresser vivement la nation à la guerre, en lui montrant celle-ci, pour la première fois, depuis plus d'un siècle, de près et dans ses foyers, ce qui était l'unique moyen de la rendre nationale et de réunir, pour la défense commune tous les esprits et toutes les volontés autour du gouvernement; voilà les principaux motifs de la détermination prise d'attendre l'ennemi sur les frontières. On voit déjà les effets salutaires de cette résolution. L'esprit public dans ces circonstances est devenu parfait. On est généralement disposé à faire les plus grands sacrifices pour la patrie. Buonaparte, se flattant peut-être, de trouver dans la population de la Russie un parti en sa faveur, fait un faux compte, car

toutes les classes des habitants sont exasperés contre lui et contre les français. On en a des preuves convaincantes. Vous savez que les seigneurs russes, surtout à Moscou, ont un grand nombre de domestiques et de valetaille, qui, presque tous serfs, remplissent leurs cuisines et leurs basses cours. Des émissaires français ont tâché de soulever cette multitude, en lui prêchant la liberté, et en représentant l'arrivée des français, comme le signal de leur délivrance et le commencement d'un meilleur ordre de chose. Au lieu de prêter l'oreille à ces insinuations séditeuses, les auditeurs se sont emparés des excitateurs de révolte et les ont amenés à leurs maîtres, pour être punis. — Enfin la terrible lutte est commencée. On ne peut pas en prévoir le résultat final. Les armées russes brûlent du désir de combattre, mais la prudence ordonne de retenir leur ardeur et d'éviter, autant que possible, de grandes batailles, dans lesquelles l'ennemi, par sa longue expérience et par l'habileté de ses généraux, aurait une supériorité incontestable. Mes généraux ne peuvent pas se mesurer avec ceux-là; c'est pourquoi il faut qu'ils mettent la plus grande circonspection dans leurs mouvements. Voilà le prince Bagration, qui vient de faire une grande faute: il est bon et brave soldat, mais il n'est pas général; il a perdu une marche; il faut voir comment il pourra réparer cette négligence. — En tous cas, mon parti est irrévocablement pris. Jamais je ne signerais la paix avec Buonaparte, tant qu'il y aura un soldat français armé et ennemi sur le sol de l'empire¹⁾.

¹⁾ Когда всё убѣдились, что война неизбежна, то у насъ образовались различныя мнѣнія на счетъ того, какимъ образомъ ее начать. Согласно одному изъ этихъ мнѣній, слѣдовало идти на встрѣчу неприятелю прежде, нежели онъ успѣлъ бы сосредоточить всё свои силы и подкрѣпить ихъ всѣми союзными войсками. Это представляло ту выгоду, что государство было бы такимъ образомъ избавлено отъ несчастя стать театромъ военныхъ дѣйствій, численность неприятеля, съ которымъ пришлось бы сразиться, была бы не такъ велика, мы имѣли бы въ тылу Польшу и могли бы подать руку помощи Германіи, которой приходится стевать подъ игомъ Франціи и которая вѣроятно только ждетъ случая освободиться отъ него и стать въ ряды ея противниковъ. Всё эти причины, вмѣстѣ взятыя, заставляли чашу вѣсовъ значительно склоняться въ пользу этого мнѣнія. Но, съ другой стороны, соображенія первостепенной важности заставляли предпочесть то рѣшеніе, которое и было принято—именно предоставить неприятелю самому вапасть на насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала европейскою державою, ей пришлось вести не разъ продолжительныя войны, но онъ велись всегда внѣ ея предѣловъ.

До сихъ поръ государь, облокотившись рукой на комодъ, говорилъ одинъ, а я былъ только нѣмымъ слушателемъ. Когда онъ произнесъ свое увѣреніе, я вспомнилъ ту перемѣнчивость въ рѣшеніяхъ, за которую его такъ обвиняли въ Европѣ, и печальнымъ доказательствомъ которой былъ Тильзитскій миръ, уронившій его

Необходимый наборъ рекрутъ постоянно вызывалъ ропотъ и неудовольствіе со стороны владѣльцевъ этихъ людей. Когда исходъ войны не былъ благоприятенъ для государства, то подымались крики противъ правительства, утверждавшіе, что оно могло бы избѣжать войны, что война велась дурно, выборъ генераловъ былъ плохой и т. д. Въслѣдствіе чрезвычайной отдаленности театра военныхъ дѣйствій, людямъ празднымъ и пустымъ болтунамъ представлялась хорошая пища для всевозможныхъ измышлений, такъ какъ даже наиболѣе прискорбныя событія войны, которою они мало интересовались, затрогивали ихъ только косвенно. Теперь надобно было убѣдить народъ, что правительство не ищетъ войны, что оно вооружилось только на защиту государства, надобно было сильно заинтересовать народъ въ войнѣ, показавъ ее русскимъ по прошествіи ста лѣтъ, впервые, вблизи, у нихъ на родинѣ; это было единственнымъ средствомъ сдѣлать ее народною и сплотить общество вокругъ правительства, для общей защиты, по его собственному убѣжденію и по собственной его волѣ; вотъ главныя причины, заставившія принять рѣшеніе—ожидать непріятеля не переходя границы. Въ настоящее время обнаруживаются уже благотворные результаты этого рѣшенія. Духъ народа при этихъ обстоятельствахъ сдѣлался превосходный. Большинство готово принести отечеству величайшія жертвы. Бонапартъ надѣется, можетъ быть, на сочувствіе къ нему нѣкоторой части русскаго населенія, но онъ ошибется въ расчетѣ, такъ какъ всѣ классы общества ожесточены противъ него и противъ французозъ. Этому есть убѣдительныя доказательства. Вы знаете, что русскіе дворяне, особенно живущіе въ Москвѣ, имѣютъ множество прислугъ и разной челяди преимущественно изъ людей крѣпостныхъ, которые толпятся у нихъ на кухняхъ и на заднихъ дворахъ. Французскіе лазутчики старались въбунтовать этотъ народъ, проповѣдуя ему свободу и представляя появленіе французозъ какъ признакъ ихъ скорого освобожденія и какъ начало лучшаго порядка вещей. Въмѣсто того, чтобы слушать со вниманіемъ подобныя внушенія подстрекателей, слушатели схватили ихъ и привели къ своимъ господамъ, чтобы ихъ подвергли наказанію. Страшная борьба наконецъ начата. Невозможно предвидѣть ея исхода. Русскія войска горятъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, но осторожность повелѣваетъ сдерживать ихъ пылъ и избѣгать, насколько возможно, большихъ сраженій, въ которыхъ непріятель, по своей долголѣтней боевой опытности и по искусству своихъ генераловъ, несомнѣнно будетъ имѣть надъ нами превосходство. Мои генералы не могутъ сравниться съ ними, поэтому они должны дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью. Князь Багратионъ сдѣлалъ только-что большую ошибку; онъ хорошій и храбрый воинъ, но онъ не генералъ; онъ потерялъ напрасно одинъ переходъ; посмотримъ, какъ онъ поправитъ эту оплошность. Во всякомъ случаѣ, мое рѣшеніе неизмѣнно: я не подпишу мира съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ, пока на русской землѣ будетъ хотя одинъ вооруженный солдатъ-французъ.

такъ сильно въ общественномъ мнѣніи. Считаая упорство Россіи въ этой борьбѣ единственнымъ средствомъ къ уничтоженію рано или поздно ненавистной мнѣ тираннической власти Бонапарта, для меня было чрезвычайно важно окончательно убѣдиться въ твердости заявленія императора, а потому я имѣлъ смѣлость сказать: «Ainsi Votre Majesté est fermement décidée à ne pas conclure la paix avec lui, même si les armes françaises dans cette guerre ont des succès marquants!»¹⁾.

Тогда императоръ Александръ быстро выпрямился, ударилъ кулакомъ по комоду и отвѣтилъ: «Non, pas même sur les bords de la Wolga»²⁾.

Въ эту минуту онъ мнѣ показался такимъ величественнымъ и могучимъ, звукъ его голоса и жесты выражали такую силу и такое непоколебимое рѣшеніе, что сомнѣнія мои исчезли, и я съ волненіемъ сказалъ: «Dieu soit loué de cette résolution généreuse! Puisse le ciel vous donner la force, Sire! de l'exécuter! Uniquement par là, vous pouvez sauver votre empire et sauver l'Europe entière»³⁾.

Этотъ разговоръ продолжался такъ долго, что я, можетъ быть и противъ правилъ строгаго этикета, осмѣлился напомнить государю, что было уже такъ поздно, и ему, утомленному путешествіемъ, слѣдовало бы теперь отдохнуть. Указаніе это однакоже не было ему неприятно. Послѣ глубокаго поклона, я вышелъ въ наружную комнату; государь слѣдовалъ туда за мною, продолжая разговоръ. Онъ желалъ узнать отъ меня, довольна ли Финляндія настоящимъ своимъ положеніемъ. На это я отвѣтилъ: «Je ne me trouve pas dans le cas, Sire! de répondre avec exactitude et connaissance de cause à cette question. Je n'ai pas été assez longtemps dans le pays pour avoir pu m'informer de cette situation, et depuis qu'il a plu à Votre Majesté de me charger de la présidence du comité des batisses, je suis fixé ici et moins que jamais en état

¹⁾ И такъ Ваше Величество твердо рѣшились не заключать съ нимъ мира, даже въ томъ случаѣ, ежели французскія войска одержать въ этой кампаніи выдающіяся побѣды!

²⁾ Нѣтъ, хотя бы они дошли до береговъ Волги.

³⁾ Слава Богу, что вами принято это смѣлое рѣшеніе. Да пошлетъ Онъ Вашему Величеству силы выполнить его! Только этимъ путемъ вы можете спасти вашу имперію и Европу.

de connaître la disposition des esprits dans les provinces. Ce dont je suis sûr, parce que cela m'a été confirmé de toute part, c'est que la personne de Votre Majesté est généralement aimée en Finlande, qu'on est rempli d'admiration pour sa magnanimité, ainsi que de la plus profonde reconnaissance pour sa justice et sa bonté. Mais que Votre Majesté ne s'attende pas, qu'en si peu de temps les Finlandais puissent se livrer à des sentiments d'intimité et d'affection envers la nation russe, que pendant des siècles ils ont envisagé comme une nation ennemie, ou que tout d'un coup ils puissent rompre leurs liaisons d'amitié et d'attachement avec la Suède, avec laquelle ils ont été unis pendant cinq cent ans, et d'où ils ont tiré leur religion, leur langue, leur civilisation, leurs loix et leurs usages. Vos sentiments, Sire! sont trop élevés et trop généreux, pour que dans votre âme vous ne méprisassiez une nation, capable de changer en un jour, pour ainsi dire, ses penchans, ses sentiments, ses affections et sa reconnaissance comme on change une chemise¹⁾.

Великодушный монархъ тогда сказалъ: « Rien de plus naturel que l'éloignement des Finnois envers les Russes. Il date des temps où ceux-ci firent la guerre en Finlande en barbares et dévastateurs, et la haine, que cette conduite avait excitée, s'est transplantée de génération en génération, par tradition. J'espère cependant, qu'après la

1) Я не въ состояніи, Ваше Величество, отвѣтить на эти вопросы съ точностью и на основаніи фактовъ. Я былъ въ этой странѣ слишкомъ короткое время, чтобы наводить, по этому поводу, справки, а съ тѣхъ поръ, какъ Вашему Величеству угодно было назначить меня предсѣдателемъ коммисіи строеній, я живу постоянно здѣсь и менѣе чѣмъ когда-либо могу знать настроеніе умовъ въ губерніяхъ. Но я увѣренъ въ одномъ, что Ваше Величество пользуетесь въ Финляндіи всеобщей любовью, какъ это было подтверждено мнѣ со всѣхъ сторонъ, и что финляндцы въ восторгѣ отъ вашего великодушія и преисполнены къ вамъ глубочайшей признательности за вашу справедливость и доброту. Не ждите, однако, государь, чтобы финляндцы могли въ столь короткое время проникнуться чувствомъ дружбы и расположенія къ русскому народу, на который они смотрѣли, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ на народъ себѣ враждебный, или чтобы они могли вдругъ порвать узы дружбы и любви къ Швеціи, съ которою они были связаны въ теченіе пятисотъ лѣтъ, и отъ которой заимствовали свою вѣру, языкъ, образованность, свои законы и обычаи. Ваши взгляды, государь, слишкомъ возвышенны и великодушны, чтобы вы могли не презирать въ душѣ народъ, способный измѣнить, такъ сказать, въ одинъ день, свои склонности, свои чувства, привязанности и свою признательность, какъ мы мѣняемъ бѣлье.

dernière guerre elle a diminuée beaucoup, car les ordres les plus sévères étaient donnés, pour l'observation de la plus exacte discipline et pour la punition de chaque violence, et il ne m'est pas parvenu de plaintes sur quelque transgression de ces ordres. J'ai remarqué avec satisfaction, pendant ce voyage, la bonne intelligence, qu'en plusieurs endroits j'ai trouvé établie entre les soldats russes et les paysans du pays. Je me flatte que cette bonne harmonie augmentera toujours ¹⁾. Потомъ, послѣ маленькой паузы, государь прибавилъ слѣдующія замѣчательныя слова: « Nous n'avions pas pensé à la conquête de la Finlande; mais nous avons dû céder à la force des circonstances. Nous venions de sortir d'une guerre terrible avec la France, et nous n'étions pas en état alors d'en recommencer une nouvelle. Il a fallu du temps pour s'y préparer. La Suède a certainement fait une grande perte, mais on a songé aux moyens de lui procurer un dédommagement ²⁾ »).

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что государь желалъ дать понять, что Бонапартъ грозилъ ему войной, еслибъ онъ не хотѣлъ покорить Финляндію, и что вознагражденіе, предлагаемое Швеціи за потерю этой страны, могло состоять лишь въ королевствѣ Норвегіи, отторгнутомъ отъ старинной союзницы Россіи—Даніи.

Когда, послѣ этой продолжительной аудіенціи, я вышелъ въ залу, она была совершенно пуста. Послѣ тщетнаго ожиданія, всѣ удалились, за исключеніемъ генераль-губернатора, славшаго сидя на

¹⁾ Нѣтъ ничего естественнѣе отчужденія финляндцевъ отъ русскихъ. Оно началось съ того времени, когда русскіе воевали въ Финляндіи, какъ варвары и губители; ненависть, вызванная ихъ поведеніемъ, переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, по преданію. Я надѣюсь, однако, что она значительно уменьшилась вслѣдъ за прошлой войною, такъ какъ было строжайше приказано соблюдать самую строгую дисциплину и наказывать за каждое насиліе, и до меня не доходило ни одной жалобы относительно нарушенія этого приказанія. Во время моего настоящаго путешествія, я замѣтилъ съ удовольствіемъ дружелюбныя отношенія, установившіяся, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, между русскими солдатами и мѣстными крестьянами. Я надѣюсь, что это доброе согласіе постоянно будетъ возрастать.

²⁾ Мы не думали о завоеваніи Финляндіи, но должны были уступить силѣ обстоятельствъ. Мы только-что окончили тогда страшную войну съ Франціей и не были въ состояніи начать новую борьбу. Надобно было время, чтобы къ ней приготовиться. Швеція понесла, безспорно, большую потерю, но мы позаботились о способѣ ея вознагражденія.

стулъ у дверей императорскихъ покоевъ. Я его разбудилъ; онъ вошелъ, но сейчасъ же вернулся съ приказаніемъ прислугѣ государя идти раздѣть монарха.

Во время обратнаго слѣдованія изъ Або въ Петербургъ, государь въ Гельсингфорсѣ получилъ извѣстіе о взятіи Смоленска французами; объ этомъ обстоятельстве онъ мнѣ напомнилъ 7 лѣтъ спустя, т. е. въ 1819 году, когда онъ совершилъ путешествіе по всей Финляндіи и провелъ двѣ ночи въ Гельсингфорсѣ. При этомъ же случаѣ онъ соблаговолилъ пожаловать мнѣ брильянтовую табакерку съ своимъ портретомъ. Тогда я въ послѣдній разъ видѣлъ этого достойнаго любви государя, покрытаго въ то время высшей земной славой побѣдоносца, миротворца и правителя политическихъ судьбъ Европы,—слава, еще болѣе возвеличенная безпримѣрной скромностью императора Александра.

Перевелъ съ шведскаго и сообщилъ Г. Э. Сюннербергъ.

Изъ записокъ стараго преображенца¹⁾.

1849 годъ.

Новый годъ въ Россіи и въ Европѣ. — Генераль Катенинъ. — Объявленіе похода гвардіи. — Последніе смотры въ Петербургѣ. — Выступленіе. — Утро 29-го мая. — Прощаніе в. к. Михаила Павловича. — Походъ. — Вступленіе въ Вильно. — Первая впечатлѣнія. — Польская интеллигенція. — Тюрьмы и арестанты. — Караульная служба. — Характеристика арестантовъ. — Побѣгъ. — Последній смотръ в. к. Михаила Павловича. — Его болѣзненный видъ. — Житіе-бытѣ офицеровъ. — Русское общество города. — Праздность и скука. — Еврей-соблазнитель. — Офицерскіе факторы. — Цопски за сильными ощущеніями. — Осмотръ подземельевъ Доминиканскаго и Францисканскаго монастырей. — Загадочные мертвецы. — Преданія о муміяхъ и разоренныхъ могилахъ. — Полковой праздникъ въ августѣ 1849 г. — Иосифъ Сѣмашко и православное духовенство въ Вильнѣ въ 1849 г. — Капитанъ Мердеръ приноситъ официальное извѣстіе о сдачѣ венгерцевъ при Виллагошѣ. — Ликованіе офицеровъ. — Загородное расположеніе 4-й роты. — Конецъ стоянки въ Литвѣ. — Кончина в. к. Михаила Павловича. — Встрѣча тѣла. — Генераль Толстой. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Заключеніе.

Первый новый годъ, встрѣченный мною въ мундирѣ старѣйшаго и славнѣйшаго полка гвардіи. Но негдѣ было въ немъ показаться, хотя я и ѣздилъ съ визитами съ утра до ночи! Впрочемъ, въ 1849 году, развѣ только у насъ въ Россіи и можно было думать о визитахъ и обиденныхъ дѣлахъ. Вся Европа уже пѣлый годъ была въ огнѣ! Одна Россія стояла незыблемая, «богоспасаемая», какъ выражался народъ. Особенно, положеніе Австріи казалось безвыходнымъ, и только вмѣшательство Россіи, двинувшей войска въ Венгрію, спасло ее отъ гибели.

Въ такъ называемой «всепьянѣйшей артели» къ предстоящей войнѣ относились довольно легкомысленно. «Предсѣдатели бесѣдъ» дѣлали формальное воззваніе ко всей честной компаніи: «Господа! Скоро побредемъ въ Венгрію. Смотрите же, какъ кто куда придетъ, — сейчасъ же слѣдуетъ собирать контрибуцію, разыскивать погребя, конфисковать

¹⁾ См. «Русскую Старину», апрѣль 1893 г.

токайское и отсылать въ Петербургъ, въ таврическія казармы. Лѣтъ на двадцать запасемся!» Только какъ бы намъ, гвардейцамъ, не опоздать! Къ несчастію, опасеніе сбылось. Мы опоздали, не успѣли дойти до границы, какъ уже «наша взяла!»

Высочайшимъ приказомъ 3-го апрѣля 1849 года, генераль-маіоръ Катенинъ назначался генераль-адъютантомъ, а полковникъ Мушинъ-Пушкинъ и капитанъ Герштенцвейгъ — флигель-адъютантами. Вслѣдъ за тѣмъ, 9-го апрѣля, штабсъ-капитанъ Коссаковъскій принялъ роту Его Величества отъ Герштенцвейга, откомандированнаго въ свиту. Это былъ неслыханный примѣръ! По принятому въ полку, завѣтному порядку, государеву роту всегда принималъ старшій капитанъ. Въ 1830-хъ годахъ, самъ Катенинъ командовалъ ротою Его Величества въ капитанскомъ чинѣ; въ 1840-хъ гг. ею тоже командовали старшіе капитаны: Челіщевъ 1-й (Николай Егоровичъ) и Герштенцвейгъ. Въ 1849 году не только капитаны: Ушаковъ (Андрей Михайловичъ), Швенцонъ и Гольтгоеръ, но и многіе штабсъ-капитаны были старше Коссаковского; поэтому новое назначеніе, понятно, произвело въ полку сильное впечатлѣніе, но Катенинъ охладилъ его нѣсколькими словами, очень вѣскими, что «государь лично интересуется своею ротою и потому, при назначеніи ея командира, должно быть предусмотрѣно желаніе Его Величества». 23-го апрѣля, новый генераль-адъютантъ, по окончаніи московскихъ празднествъ, вступилъ въ командованіе полкомъ.

9-го апрѣля вышелъ самый радостный полковой приказъ, гдѣ было сказано коротко и ясно: «Ученія, бывшія въ присутствіи наследника цесаревича и государя императора, увѣнчались полнымъ успѣхомъ»... Заслуживъ Высочайшую благодарность, весело собираться въ походъ!

30-го числа былъ общій парадъ (майскій). Государь говорилъ рѣчь войскамъ гвардіи, но, къ сожалѣнію, она у меня не сохранилась. Съ этого дня, полковые приказы наполнялись распоряженіями и подробностями приготовленія къ походу. Начались сборы въ походъ. Въ 1849 году, въ Россіи была одна только желѣзная дорога изъ Петербурга до Царскаго Села и Павловска, такъ что мы готовились совершить весь походъ «на своихъ, на двоихъ». Товарищи мои, офицеры 4-й роты, собрались въ дорогу весьма хозяйственно. Мы купили на общій счетъ тройку лошадей; кромѣ того, каждый изъ насъ купилъ себѣ верховую лошадь. Ротный командиръ, капитанъ Швенцонъ, приобрѣлъ за баснословно дешевую цѣну бракованную жандармскую лошадь, прозванную «Амуромъ» и выключенную изъ фронта за злоправіе и нѣровъ. Она, должно быть, была задержана и ежеминутно становилась на дыбы, прямехонько,

какъ свѣчка. Нашъ поручикъ, А. В. Волоцкой, и я купили себѣ казачьихъ лошадей съ сѣдломъ и со всѣмъ приборомъ. Офицерскія телѣги выдали намъ изъ полка; онѣ были тяжелыя, неуклюжія, съ толстыми деревянными осями. Кухонную посуду мы тоже справили на обшій счетъ, а за повара долженъ былъ служить мой камердинеръ, а р а п ъ Александръ, въ продолженіе всего похода приводившій въ ужасъ бѣлоруссовъ и литвинъ, хотѣвшихъ видѣть въ немъ воплощеніе нечистаго духа. Доходило до того, что когда Александръ являлся въ избу поздно вечеромъ, вся крестьянская семья разсыпалась во всѣ стороны съ криками ужаса: «дѣбелъ, дѣбелъ!» Женщины падали ницъ и причитывали, дѣти, обезумѣвъ отъ страха, прятались подъ лавки и ревѣли. Просто—бѣда!

Войска гвардіи должны были выступить съ 15-го мая. За нѣсколько дней до выступленія взялись было за дѣло, то-есть за практическое обученіе; по крайней мѣрѣ, въ приказѣ 16-го мая велѣно было: во всѣхъ ротахъ «заняться повѣркою глазомъ въ ра» (очень неопредѣленное выраженіе), произвести стрѣльбу рекрутамъ. 18-го числа, тѣ же рекрута опять посѣяли на Семеновскомъ плацу множество цуль, а уже 20-го мая всему полку назначенъ былъ церемоніальный маршъ, безъ котораго мы, кажется, и жить не могли. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказался одинъ весельчакъ-солдатикъ, въ отвѣтъ на брюжжаніе своего сосѣда. Этотъ замѣтилъ въ сердцахъ: «да скоро ли струнить-то васъ перестанутъ!..» Весельчакъ перебилъ: «Эхъ, братецъ ты мой, что-за житье безъ «цырмуляра»! На кого же дѣвицы любоваться будутъ!»

Наконецъ, настало утро 29-го мая, туманное и довольно холодное. Едва взошло солнце, какъ полкъ уже собрался на Семеновскомъ плацу; тамъ отслужили молебень въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича. Когда настала минута двинуться въ путь-дорогу, великій князь сталъ прощаться съ преображенцами, но говорилъ съ трудомъ, безпрестанно останавливался, перемогая сильное волненіе: голосъ его дрожалъ, на глаза наворачивались слезы, а когда, наконецъ, пришлось окончательно высказать послѣднее слово, великій князь могъ только проговорить: «Ну, такъ прощайте же!..» Голосъ его перервался, онъ быстро повернулъ лошадь и отѣхалъ, рыдая, какъ ребенокъ. Мы тронулись. Въ полномъ составѣ полкъ шелъ только до Гатчины, откуда пошли уже по-ротно. Въ Гатчинѣ была первая дневка. Офицеры были приглашены къ царскому столу, и государь прощался тамъ съ полкомъ, но подробности, къ сожалѣнію, не остались у меня въ памяти. Весна, новыя мѣстности, виды и положенія, небольшіе, особенно въ началѣ, переходы, по шоссе, верхомъ, съ обильнымъ запасомъ вещей и провіанта, наконецъ, благопріятная погода,—все это превра-

шло нашъ въ походъ въ пріятнѣйшую прогулку. Насъ вездѣ радушно встрѣчали и чествовали, какъ дорогихъ гостей. Съ восходомъ весенняго солнца, насъ будили звуки генераль-марша. Мы спѣшили встать, стараясь дѣлать по крайней мѣрѣ три четверти пути, а потомъ располагались на привалъ около воды; солдаты закусывали хлѣбомъ и сухарями, а офицеры—водкою, биткомъ или цыпленкомъ. Это лучшіе завтраки въ моей жизни! На дневкахъ собирались въ компанію, такъ какъ верховыя лошади давали возможность сѣзжаться со всѣхъ сторонъ; большая компанія располагалась на почтовой стаяціи, и «всепьянѣйшая артель» получала перевѣсъ надъ остальными. Предсѣдатель «Андрей Мадера» попалъ въ свою стихію и деспотически распоряжался попойками. Онъ никогда не бывалъ хмѣленъ въ полномъ смыслѣ этого слова, то-есть никогда не терялъ сознанія, только слабѣлъ ногами и не могъ держаться на лошади, но былъ неводерженъ на языкѣ, золь и дерзокъ въ хмѣлю. Походъ чрезвычайно сближаетъ офицеровъ, и эту старую истину я узналъ на опытѣ. Только Катенинъ держалъ себя по-прежнему, по-начальнически; можетъ быть, такъ и надобно было, потому что мы немножко поразгулялись.

Въ Лугѣ, уѣздный предводитель дворянства Пантелеевъ въ пригласилъ къ себѣ офицеровъ на пирушку и совершилъ съ ними вмѣстѣ обильное возліаніе Бахусу. Въ Псковѣ полкъ вступилъ съ церемонією. Губернаторъ, Черкесовъ, далъ обѣдъ офицерамъ, а вечеромъ на городскомъ бульварѣ было гулянье и музыка. Многіе изъ офицеровъ, въ томъ числѣ я, ходили осматривать древности города. Въ г. Островѣ, комиссіонеръ островскаго казеннаго откупа, князь Енгальчевъ, задалъ всѣмъ офицерамъ полка роскошнѣйшую пирушку, и нашъ командиръ полка удостоилъ принимать въ ней участіе. Енгальчевъ лихо и выразительно пѣлъ русскія пѣсни, съ аккомпаниментомъ гитары, а Назимовъ (Андрей Андреевичъ) смѣшилъ публику потѣшными выходками. Одного, совершенно незнакомаго, старца онъ вдругъ ударилъ по лысинѣ и сказалъ: «По-плѣши!» (попляши!). Всѣ гг. офицеры значительно подгуляли, не исключая и командира полка, но онъ велѣлъ подать себѣ верховую лошадь и ѣздилъ по двору, увѣряя, что это лучшее средство разогнать хмѣль. Князь Енгальчевъ пожертвовалъ по чаркѣ водки на всю лѣвую колонну. Въ Островѣ прибыли вновь произведенные офицеры (1849 г.), прапорщики Корфъ (Андрей Николаевичъ), Трубецкой (Сергій Александровичъ) и Азанчевскій [Матвѣй Павловичъ]¹⁾. Азанчевскій былъ зачисленъ къ намъ въ 4-ю роту.

¹⁾ Впослѣдствіи начавшій писать „Исторію Преображенскаго полка“. Того же выпуска, прапорщикъ А. М. Рыльевъ явился ранѣе и былъ уже съ полкомъ въ Лугѣ; остальные: Доктуровъ 2, Герстфельдъ и Авиновъ являлись въ разное время.

Онъ пріѣхалъ баричемъ, на отличной тройкѣ выхолощенныхъ лошадей, а за ними слѣдовала верховая. Повозка была доверху наложена и уснащена чемоданами, баулами и ящиками, и все это переполнено было запасами всякаго добра. Каково же было удивленіе богатаго юноши, когда, на слѣдующей станціи, Рубилово, онъ увидѣлъ, что ротный командиръ Швенцонъ, старый кавказскій служака, досталъ корыто и собственноручно началъ мыть свои перчатки!

Генераль-адъютантскій аксельбантъ принесъ, кажется, несчастье генералу Катенину. До полученія его онъ пользовался отличнымъ здоровьемъ, а тутъ, вдругъ, захромалъ и жаловался каждому встрѣчному: «Эхъ, здоровье плохо служить! Вѣдь у меня одна нога вытянута и короче другой!...» Наконецъ, полковой командиръ оповѣстилъ себя больнымъ. Впрочемъ, не одинъ Катенинъ хворалъ: болѣзни начали уже сказываться во всемъ полку, — весна взяла таки свое! «Число больныхъ въ полковомъ лазаретѣ значительно увеличивается», — извѣщалъ приказъ, «и большею частію поступаютъ съ перемежающимися лихорадками отъ простуды»¹⁾.

10-го іюля полкъ вступилъ въ Вильно съ церемонією, то-есть, пропарадировалъ передъ генераломъ Сумароковымъ. Вильно, въ 1849 г., можно было назвать вполнѣ польскимъ городомъ. Крѣпостной бытъ скрывалъ Литву, какъ и всю Россію, но все помѣстное дворянство было польское. На каждомъ шагу встрѣчались намъ ксендзы и монахи разныхъ орденовъ, а мы, въ наивности своей, снимали фуражки и почтительно имъ кланялись. Мы вѣрили внѣшнему виду скромности и смиренія, но истинный характеръ литовско-латинскаго духовенства тогда ускользалъ еще отъ многихъ изъ насъ. Между тѣмъ, въ 1849 году, какъ прежде и послѣ, католическое духовенство распаляло политическія страсти. Женщины, поработенныя вліянію духовенства, были поголовно пропитаны ненавистью къ русскимъ. Къ счастью для насъ, по прибытіи гвардіи въ Литву, венгерская война, на неудачный исходъ которой поляки такъ сильно рассчитывали для своихъ замысловъ, приняла уже благопріятный для русскихъ оборотъ, такъ что польская справа поневолѣ должна была притаяться и скрыть свою злобу подъ маскою радушія или, по крайней мѣрѣ, равнодушія.

Однако, нетерпѣніе патріотовъ успѣло прорваться наружу, но слишкомъ рано. Задолго до нашего прихода поляки затѣяли такую смуту, что потребовалось вмѣшательство войскъ; кончилось, однако, тѣмъ, что перехватили и отдали подъ судъ множество горячихъ головъ, такъ что, когда мы вступили въ Вильно, тамъ все было тихо, только тюрьмы и гауптвахты

¹⁾ Полковой приказъ 5-го іюня 1849 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1893 г., т. LXXX. НОЯБРЬ.

были переполнены арестантами. Главными мѣстами заключенія служили упраздненные монастыри доминиканцевъ и миссіонеровъ, также арсенальная гауптвахта въ крѣпости. Передъ монастырями каждое утро стояла толпа женщинъ, въ глубокомъ траурѣ, плакавшихъ горько и добывавшихся свиданія съ родственниками и любезными своими, которые превратились въ невольныхъ отшельниковъ!

Политическіе арестанты содержались въ нѣсколькихъ секретныхъ номерахъ при арсенальной гауптвахтѣ. Всѣ они были люди спокойные, стонически сдержанные, переносившіе свою горькую участь съ тупымъ отчаяніемъ. Особенно остался у меня въ памяти одинъ загадочный арестантъ, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ умными, прекрасными голубыми глазами, съ длинными бѣлокурыми волосами и такою же русою бородкою. Расхаживая по своей комнатѣ, онъ громко разговаривалъ съ самимъ собою или декламировалъ по-итальянски, по-англійски, по-французски, по-нѣмецки и по-польски. Потомъ онъ вдругъ останавливался, подходилъ къ двери, стучалъ въ окошечко и, на чистомъ русскомъ языкѣ, просилъ спичекъ, папиросъ или позволенія гулять. Этотъ странный человѣкъ часто ложился на полъ, разставивъ руки наподобіе креста, по польскому обычаю, что называлось «лечь крыжемъ».

О другихъ заключенныхъ (политическихъ) на арсенальной гауптвахтѣ не помню. Фамиліи ихъ мы не знали; для насъ они были только «номера». Разговаривать между собою или съ кѣмъ бы ни было имъ было запрещено. Въ тюремныхъ помѣщеніяхъ упраздненныхъ монастырей политическіе арестанты содержались сотнями и тысячами. Бывшія кельи монаховъ обращались въ одиночныя заключенія. Помню о моихъ караулахъ въ бывшемъ «миссіонерскомъ монастырѣ». Гулять позволено было арестантамъ въ обширномъ, свѣтломъ залѣ бывшей трапезы (столовой), и караульный офицеръ обязанъ былъ неотлучно тамъ присутствовать во все время прогулки. Помню я хорошо этотъ залъ и монотонно двигавшуюся взадъ и впередъ толпу узниковъ, истомленныхъ, блѣдныхъ, молчаливыхъ, задумчиво смотрѣвшихъ въ окно или молча ходившихъ съ понуренными головами.

Иногда, несмотря на чрезвычайно строгій надзоръ, отчаяніе вызывало попытки къ побѣгу, и такіе случаи были въ самомъ дѣлѣ замѣчательны по отвагѣ и находчивости бѣгуновъ. Миссіонерскій монастырь былъ окруженъ стѣною, имѣвшею около двухъ сажень высоты. Караулъ стоялъ вѣнутри зданія, гдѣ, по обѣимъ сторонамъ длинныхъ корридоровъ, находились кельи бывшихъ монаховъ, т. е. одиночныя карцеры. У двери каждаго стоялъ часовой, обязанный, черезъ каждыя пять минутъ, поднимать картонный кружокъ надъ маленькимъ окошечкомъ, пробитымъ въ каждой двери, и наблюдать за каждымъ движеніемъ арестанта. Вслѣдствіе слишкомъ послѣдствіе устройства тюремъ, рѣшетки у оконъ были

деревянные. Каждый день, въ 9 часовъ вечера, прїѣзжалъ плацъ адъютантъ или плацъ-маіоръ и лично повѣрялъ въ каждомъ карцерѣ исправность стѣнъ, дверей, оконъ, рѣшетокъ и проч.

Въ день побѣга, который хочу описать для образца, въ караулѣ миссіонерскаго монастыря стояли наши преображенцы съ прапорщикомъ Айкановымъ. Въ тотъ же вечеръ, послѣ зари, прїѣзжалъ самъ плацъ-маіоръ и лично повѣрялъ арестантовъ въ помѣщеніи каждого изъ нихъ. Именно этимъ обстоятельствомъ и воспользовался одинъ изъ заключенныхъ. Не знаю, какимъ способомъ, но ему удалось подпилить продольную полосу рѣшетки и вставить отпиленную часть на свое мѣсто, такъ что плацъ-маіоръ ничего не замѣтилъ; окно за рѣшеткою было заклеплено гвоздями на-глухо, но ихъ тоже удалось молодцу ослабить. Тотчасъ по ухотѣ плацъ-маіора, арестантъ бросился къ двери, завѣсилъ простынею окно часового и всунулъ гвоздь въ отверстие замка. Потомъ онъ пролѣзъ между двумя полосами отпиленной рѣшетки, вынулъ гвозди оконной рамы и выпрыгнулъ въ окно, съ двухсаженной высоты, причемъ сильно повредилъ себѣ ногу. На дворѣ, и въ то время, какъ бѣглець искалъ способа поскорѣе перелѣзть черезъ ограду, попался ему на встрѣчу казакъ и, видя человѣка оторопѣлаго, безъ шапки и хромаго, началъ допрашивать его ¹⁾. Убѣжавшій прикинулся испуганнымъ простакомъ, сталъ плакать и увѣрять, что попалъ не въ тотъ домъ, куда шелъ и не знаетъ, какъ выдти. Отлично разыгранное, комическое отчаянье размѣшило казака, и онъ выпустилъ изъ калитки мнимаго заблудившагося.

Между тѣмъ наверху поднялась тревога. Часовой закричалъ, что окно завѣшено. Ключи находились у жандармскаго унтеръ-офицера; пока за нимъ бѣгали, пока старались всунуть ключъ въ замокъ, пока выломали дверь, — арестанта и слѣдъ простылъ. Онъ успѣлъ уйти далеко, но былъ выдавъ черезъ нѣсколько дней какимъ-то обывателемъ, жившимъ въ сорока верстахъ отъ Вильны. Караульный офицеръ, Айкановъ, рисковалъ попасть подъ судъ, но Катенинъ отстоялъ его, благо-разумно ссылаясь на то, что передъ самымъ побѣгомъ арестантовъ лично осматривалъ и повѣрялъ плацъ-маіоръ, а, въ его бытность, преграждалась власть и отвѣтственность караульнаго начальника.

Полкъ, вступившій въ Вильно 10-го іюня, оставался въ сборѣ до 10-го августа. Во все это время служебныя занятія ограничились двумя смотрами.

Великій князь Михайлъ Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ іюня въ Варшаву. Говорили, что онъ томился тяжелымъ предчувствіемъ и предсказывалъ, что не возвратится оттуда живымъ. Про-

¹⁾ Политическіе арестанты послали собственную одежду.

ѣздомъ въ Варшаву, великій князь остановился въ Вильнѣ, и я помню, какъ мы представлялись ему на другой день послѣ его пріѣзда. Онъ былъ очень блѣденъ, и болѣзненный цвѣтъ его лица еще болѣе отгѣняли багровыя жилки, рѣзко пестрившія его щеки. Онъ говорилъ съ нами мало и какъ-то особенно благосклонно. Смотрѣ великаго князя, лучше сказать парадъ, гдѣ все ограничилось церемоніальнымъ маршемъ, прошелъ для насъ благополучно. Михайль Павловичъ только хвалилъ и благодарилъ, да еще прислалъ полку 150 рублей на чарку. Мы видѣли его въ послѣдній разъ!

Доступнѣе и пріятнѣе всего въ Вильнѣ было бы для насъ русское общество, но въ Вильнѣ, въ тѣ поры, оно исключительно состояло изъ служащихъ. Первымъ лицомъ въ городѣ былъ тогдашній генераль-губернаторъ Мирковичъ, человекъ добрый и радушный. Онъ старался официально и частно, всяческимъ образомъ, ласкать и чествовать гостей. Помню, что двѣ, вновь проложенныя въ городѣ, улицы получили названіе «Преображенской» и «Семеновской». Супруга генераль-губернатора имѣла всѣ качества, необходимыя въ тогдашнемъ ея положеніи. Представительность и сановитость соединялись съ привѣтливостью и любезною простотою въ обращеніи. Она возможно часто приглашала насъ къ себѣ, также какъ и супруга коменданта Кусовникова, пожилая дама, очень молодившаяся, игравшая роль львицы, но всего этого было намъ недостаточно. Намъ хотѣлось познакомиться съ преобладающимъ въ краѣ и въ городѣ польскимъ обществомъ, но, при всей внѣшней учтивости, оно замкнулось въ самомъ себѣ и чуждалось насъ. Проѣзжая, бывало, мимо автокольскихъ садовъ или по рѣкѣ Вилин, видывали мы мелькомъ замѣчательно стройныхъ и красивыхъ паненокъ, скучавшихъ въ добровольномъ заключеніи. Природу нельзя подавить ничѣмъ, даже — патриотизмомъ! Молодежь привлекается къ молодежи, какъ желѣзо къ магниту. Паненки скучали взаперти, а мы на свободѣ. Скука — врагъ человекѣ, а празднымъ офицерамъ она просто гибельна. Даже собранія у губернскаго предводителя Пупловскаго, стараго холостяка, и небольшіе рауты у старушки Лопачинской — хотя тамъ и блистала какая-то красавица-графиня Ледоховская, все это нисколько не удовлетворяло жажды къ удовольствіямъ, не говоря уже о виленскомъ театрѣ: онъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи! Молодая натура не отличается сдержанностью и самообладаніемъ. Ей нужны сильныя ощущенія, разгулъ, воля! Если не въ кого влюбиться и не о комъ мечтать, — бѣда! Въ такомъ случаѣ молодость бросается во всѣ нелегкія, чтò было, отчасти, и съ нами.

Искусителями и злыми демонами офицерской братіи стали евреи. Офицеры тотчасъ же очутились въ еврейскихъ рукахъ. Полковой Бахусъ, т. е. предсѣдатель «всепьянѣйшей артели», основалъ свою рези-

денцію на Нѣмецкой улицѣ, въ магазинѣ еврея Лебенсона, и вотъ уже одинъ притягательный центръ, но далеко не послѣдній!

Офицерская братія моей 4-й роты тоже завела себѣ фактора, Янкеля Блоха, замѣчательнаго образчика своей промышленности. Онъ стойко терпѣлъ и выносилъ посмѣяніе, брань, побой, позволялъ даже не только дергать себя за пейсы, но и обрѣзать ихъ, тогда какъ для еврея, это такое же безчестіе, какъ обрѣзаніе бороды раскольнику. Чего бы мы ни приказывали Янкелю, что бы ему ни поручали добыть или принести, онъ выкрикивалъ «зѣразь!» (сейчасъ!) и бросался опрометью во всѣ стороны. Если бы ему вѣрно было достать птичьего молока, онъ принесъ бы непременно и сталъ бы клясться всѣми богами, что самъ его надоилъ!

Факторы усердно устраивали гражданскіе браки офицеровъ съ польскими камеліями самой низкой пробы, навязывали денегъ займы и, вслѣдъ за тѣмъ, каждый день и часъ являлись другіе евреи съ коробками всевозможныхъ товаровъ, такъ что просто выводили изъ терпѣнія! Поэтому мы душевно были рады, когда открытіе какой-нибудь непочатой мѣстности или диковинной новинки выводило насъ, хоть на нѣсколько часовъ, изъ повседневной, безалаберной колени.

Но я все-таки буду говорить не о городѣ Вильно и его окрестностяхъ, такъ какъ все это и теперь доступно каждому туристу. Описываю здѣсь одинъ только любопытный фактъ, какого послѣ насъ уже вѣрно никто не видѣлъ и не увидитъ. Мы прослышали, что въ обширныхъ подземельяхъ упраздненнаго доминиканскаго костела можно видѣть огромное количество труповъ, чудесно сохранившихся отъ времени, и что въ этомъ царствѣ мертвыхъ является поразительная смѣсь одеждъ и лицъ минувшихъ поколѣній. Первые изъ числа любознательныхъ господъ, посѣтившихъ эти катакомбы, вынесли оттуда самыя сильныя впечатлѣнія; рассказывали просто чудеса, а главное показывали вещественныя доказательства своей любознательности: старинныя пояски, пуговицы и другія оригинальныя вещицы. Рассказывали про какую-то необыкновенную мумію женщины, въ металлической коронѣ съ остовомъ ребенка на рукахъ. Офицеры, почему-то, прозвали ее «Графиней» и увѣрили, что нашли ее закованною въ сидячемъ положеніи. Этотъ загадочный мертвецъ окончательно возбудилъ любопытство. Собралась большая компанія, и я поспѣшилъ къ ней пристроиться. На монастырскомъ дворѣ, у стѣны, ближайшей къ воротамъ, было большое отверстіе, заложенное досками на манеръ рыночныхъ погребовъ. Мы взяли съ собою пять человекъ солдатъ съ зажженными факелами, также мѣстнаго проводника и спустились въ подземелье прыжкомъ, такъ какъ лѣстницы никакой не было. Компанія наша вступила въ нескончаемый лабиринтъ склеповъ и переходовъ. Катакомбы оказались до того об-

ширными, что безъ факеловъ и безъ жоака было бы, кажется, невозможно оттуда выбратся. Именно это необыкновенное протяженіе подземныхъ корридоровъ и породило молву, будто бы подъ этимъ монастыремъ существуетъ потайной ходъ изъ Вильно въ Троки.

Первое, что намъ бросилось въ глаза, были лежавшія на землѣ странныя черныя груды. Присматриваясь къ нимъ поближе, мы, дѣйствительно, увидѣли кучи труповъ, столь густо набросанныхъ, что, даже въ началѣ лабиринта, съ трудомъ можно было обходить ихъ, не попирая ногами. Почти всѣ тѣла были, очевидно, вытащены изъ гробовъ и валялись, какъ хламъ послѣ пожара. Мы поднимали и ставили на ноги нѣкоторыя муміи монаховъ и монахинь. Всѣ онѣ, и въ самомъ дѣлѣ, отлично сохранились. Можно было очень легко не только различить черты лица, но даже отчетливо описать ихъ во всей подробности, потому что кожа, высохшая на костяхъ, также и волосы на головѣ и бородѣ совершенно уцѣлѣли и только прилипли ко лбу и вискамъ.

Знаменитую «Графиню» видѣть не удалось; она куда-то затерялась, а вѣрнѣе всего — была припрятана ксендзами, такъ какъ посѣщенія наши были имъ далеко не по сердцу. Зато могли мы подивиться на трущъ высокаго мужчины въ ботфортахъ и старинномъ мундирѣ съ красными лацканами. Проводникъ сказывалъ, что это староста, князь Огинскій. Мундиръ, ботфорты, поясъ, словомъ, все уцѣлѣло, кромѣ головы; вмѣсто нея, надъ воротникомъ, безобразно торчалъ голый черепъ. Были и другія еще интереснѣйшія муміи, но описывать ихъ не буду. Череповъ, костей и развалившихся гробовъ было тоже невмѣрное множество. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, эти кости, перемѣшанные съ муміями, разстилались такими густыми слоями, что мы, особенно же солдаты, хотя съ благоговѣйнымъ ужасомъ, а все-таки вынуждены были наступать на мертвецовъ, потому что обходить ихъ уже не было никакой возможности.

Русскій солдатъ безспорно отваженъ на полѣ сраженія, но онъ никакъ не можетъ пересилить страха отъ мертвецовъ, привидѣній и всякой чертовщины. Я въ этомъ совершенно убѣдился при посѣщеніи доминиканскихъ катакомбъ. Въ одномъ углу, въ обширной нишѣ осмотрѣли мы металлическій гробъ съ мумією. По одеждѣ, полуистлѣвшей, но очень богатой, и по остаткамъ митры на головѣ, можно было безъ труда узнать католическаго епископа (бискупа). Мы долго разглядывали покойника, превосходно сохранившагося. Его орлиный носъ, выдающійся подбородокъ, впалыя щеки до такой степени уцѣлѣли, что лицо удержало на себѣ спокойное, но строгое, даже суровое выраженіе. Мы всѣ единогласно порѣшили, что именно такимъ онъ былъ и при жизни.

Насмотрѣвшись вдоволь, компанія продолжала медленно подвигаться

впередъ, какъ вдругъ, изъ глубины только-что покинутой могилы, загудѣлъ громкій, хриплый и басистый голосъ. Онъ вопилъ на ломаномъ польскомъ языкѣ, приблизительно, слѣдующее: „анаеема, анаеема!.. какъ смѣли вы топтать наши кости!.. Святотатцы!.. Проклятье на васъ!.. Не выйдете отсюда.. не выйдете отсюда!.. къ намъ пришли, — съ нами и ляжете!..» Признаюсь, что, въ первую минуту, жутко стало даже и вамъ, но мы, образумѣвшись, сейчасъ же угадали, что кричалъ не мертвый бискупъ, а слишкомъ живой шутникъ и весельчакъ нашъ Челищевъ. Однако, въ ту же минуту пришлось опять перепугаться и не на шутку. Стоило только взглянуть, что сдѣлалось съ солдатами!.. Какъ по командѣ, они присѣли на корточки и начали креститься, отчитываться и чураться. Да и самъ проводникъ нашъ, литвинъ, бросился ничкомъ на землю и растянулся крестомъ, обезумѣвъ отъ страха. Для насъ же было въ самомъ дѣлѣ страшно то обстоятельство, что проводникъ и солдаты бросали факелы на землю, и одинъ изъ нихъ успѣлъ уже запалить волосы и рясу мертвому монаху. Безъ факеловъ было болѣе чѣмъ трудно въбраться изъ подземелья, да если бы они запалили всю эту тлѣнность, пожалуй исполнились бы грозныя слова: «Къ намъ пришли — съ нами и ляжете!» Къ счастью, растерянность наша была только минутная. Мы подобрали факелы, живо затушили горѣвшую мумію и привели въ себя солдатъ толчками въ спины и неистовою бранью. Пожалуй, что знакомые имъ тычки и ругань, въ данную минуту, были единственнымъ, практичнымъ средствомъ отрезвить ихъ, убѣдивъ, что они имѣютъ дѣло съ живыми людьми. Солдатики еще болѣе обрадовались, когда предсталъ передъ ними самъ виновникъ переполоха и, тѣмъ же замогильнымъ голосомъ, прокричалъ имъ: «ахъ вы дурачье... дурачье! Голосъ своего ротнаго командира позабыли!..» Да гдѣ же имъ помнить, когда они, со страху, сами себя не помнили! Наконецъ, всѣ успокоились кромѣ, однакоже, проводника нашего. Онъ, хотя и повѣрилъ, что все это была шутка, но сообразилъ, что слова, провозглашенныя надъ гробомъ бискупа, все-таки вѣщія предостереженія, потому что святотатство топтанія монаховъ не перестаетъ быть совершившимся фактомъ, а слѣдовательно проклятіе совершенно правильно! Набожный литвинъ, крестясь, высказалъ намъ все это по-просту, безъ обиняковъ и рѣшительно объявилъ, что дальше не пойдетъ, а долженъ возвратиться и завтра же покаяться духовному отцу своему. Этого робкаго челоуѣка намъ удалось успокоить увѣреніемъ, что мы коллективно принимаемъ грѣхъ на свою душу, причемъ посулили ему лишній рубль на водку.

Много разсказовъ и слуховъ ходило по городу объ этомъ странномъ накопленіи труповъ, лишенныхъ послѣдняго пріюта. Продѣлка, поистинѣ, — святотатственная! Безспорно, что, кромѣ самихъ монаховъ, никто не имѣлъ бы смѣлости, даже — возможности такъ безжалостно

поступать съ усопшими. Одинъ изъ рассказовъ, самый вѣроятный, объяснял загадку тѣмъ, что встарину польскіе бары хоронились очень пышно и съ ними клали въ гробъ множество цѣнныхъ вещей. Когда же, вслѣдствіе энергическихъ мѣръ нашего правительства, мятежные монахи, между прочими доминикане и миссіонеры, были высланы изъ Вильны, они разорили гробницы, и, выбравъ изъ нихъ все, что имѣло цѣнность, раскидали трупы какъ попало.

Другое преданіе утверждаетъ, что когда-то въ Вильнѣ свирѣпствовала чума и, будто бы, безнадежно больныхъ относили въ склепы, гдѣ они умирали.

Наконецъ, были еще слухи, намекавшіе на темныя дѣла инквизиціи, — предположеніе вѣроподобное, такъ какъ въ Испаніи и Венеціи фанатическіе инквизиторы заживо хоронили не только провинившихся братій, но и мірянъ. Тѣмъ не менѣе, послѣднія два сказанія не выдерживаютъ критики. Ни жертвы чумы, ни жертвы инквизиціи не могли быть столь непомѣрно многочисленны, какъ вся наличная масса мертвецовъ, да если бы даже эти жертвы чумы и инквизиціи составляли часть цѣлаго, то зачѣмъ же понадобилось выбрасывать изъ гробовъ всѣхъ поголовно? Впрочемъ, въ этомъ таинственномъ царствѣ мертвыхъ все было загадочно и темно.

Самый строгій критикъ существующихъ о немъ преданій призадумался бы въ виду странныхъ фактовъ, видѣнныхъ много собственными глазами. Многіе трупы находились въ сидячемъ или полулежащемъ положеніи, съ руками, распростертыми или сложенными въ такомъ видѣ, какой уже никакъ не соотвѣтствуетъ обычному положенію умершаго. Помню, что мы долго, съ величайшимъ изумленіемъ, разсматривали одинъ трупъ монаха. Онъ очевидно умеръ въ сидячемъ положеніи, да такъ и окостенѣлъ. Руки были уперты локтями въ колѣна, а ладони поддерживали склонившуюся голову. Такіе курьезы допускаютъ предположеніе, что всѣ три сказанія о доминиканскихъ катакомбахъ не противорѣчатъ, а скорѣе дополняются взаимно одно другимъ. Валовое разореніе могилъ достигало разомъ двухъ цѣлей, — во-первыхъ ограбленія ихъ и во-вторыхъ прикрытія страшнаго дѣла общимъ хаосомъ, затушевавшимъ мертвыхъ сидѣльцевъ, безъ словъ обличавшихъ непріятныя, историческія тайны.

Похожденія въ доминиканскихъ подземельяхъ усилили желаніе офицеровъ продолжать поиски за подобными приключеніями и осмотрѣть францисканскій монастырь, гдѣ, по слухамъ, можно было видѣть такія же достопримѣчательности.

Въ 1849 году, монастырь францисканцевъ тоже былъ уже упраздненъ, и только пяти или шести монахамъ разрѣшено было доживать тамъ свой вѣкъ. Все было пусто кругомъ и на монастырскомъ дворѣ, — ни

сторожа, ни привратника, словомъ—ни души живой! Мы вошли въ длинный корридоръ, съ двумя рядами келій по обѣимъ его сторонамъ. Въ корридорѣ тоже никого не было, эхо далеко и звонко разносило веселый говоръ и гулъ шаговъ 20 офицеровъ, но никто не вышелъ намъ на встрѣчу, все было пусто и безмолвно; казалось, мы забрались въ пустое зданіе. Къ кому же обратиться съ просьбою о разрѣшеніи осмотрѣть склепы и дать проводника? Послѣ долгихъ колебаній, мы хотѣли было уходить, какъ вдругъ за дверью одной изъ келій послышались громкіе голоса и взрывы хохота. Ну, стало быть, туда и слѣдовало обращаться. По просьбѣ товарищей, я постучался, не получивъ отвѣта, пріотворилъ дверь и вижу, что келья, мрачная сама по себѣ, совершенно померкла отъ табачнаго дыма; сквозь туманъ обрисовались черныя фигуры нѣсколькихъ францисканцевъ, поклонявшихся Бахусу. Я попалъ въ разгаръ попойки, очень напоминавшей засѣданія нашей «всеобщей артели», и, не зная, что дѣлать, остановился на порогѣ въ совершенномъ недоумѣніи. Офицеры тоже пододвинулись и заглядывали въ келью; многіе хихикали и едва сдерживали смѣхъ. Монахи же, увидѣвъ столько «гвардіаковъ», въ каскахъ и эполетахъ, вскочили съ мѣстъ, но не потеряли голову. Одинъ изъ нихъ находчиво подлетѣлъ ко мнѣ, кланаясь и разсыпаясь въ извиненіяхъ и комплиментахъ, а, между тѣмъ, ловко лавируя отъ кельи, оттянулъ насъ подальше въ корридоръ и, желая поскорѣе отъ насъ отдѣлаться, святой отецъ тотчасъ же удовлетворилъ нашему желанію, живо разыскавъ сторожа, отдалъ ему ключи, и мы отправились прямо въ главный костелъ, гдѣ находился входъ въ подземелье. Сторожъ поднялъ огромную плиту, и мы спустились.

Эти склепы были гораздо свѣтлѣе, суше и меньше доминиканскихъ, но представляли ту же безобразную картину. И здѣсь повсюду валялись трупы на каменномъ полу, но они гораздо лучше сохранились, а, главное число ихъ было несравненно меньше. Большинство покоились еще неприкосновенно, въ великолѣпныхъ гробахъ. Тутъ были многіе фамилльные склепы знатныхъ родовъ, между прочимъ и графовъ Плятеровъ, почему-то оставшихся у меня въ памяти. Если бы я зналъ и предвидѣлъ тогда, что буду писать свои записки, то присматривался бы внимательнѣе ко всѣмъ курьзамъ и еще многое вписалъ бы въ памятную книжку. Но можетъ ли подобный планъ возродиться въ головѣ прапорщика.

Я забылъ сказать, что слышалъ еще одну догадку насчетъ сидячихъ мертвецовъ,—будто, по обычаю или предразсудку, господствовавшему въ Европѣ, въ среднихъ вѣкахъ, многіе знатные поляки завѣщали хоронить себя въ сидячемъ положеніи, какое люди занимаютъ въ жизни, при размысленіи или молитвѣ.

Приближеніе полковаго праздника положило конецъ нашимъ странствованиямъ по катакомбамъ. Какъ будто движимые хорошимъ предчувствіемъ, гг. офицеры были въ отличномъ настроеніи; шутники, остряки дали волю своему таланту и говорили, что, на этотъ разъ, слѣдуетъ устроить торжество всѣмъ на удивленіе! Шутили, составляя фантастическую программу увеселеній, напримѣръ—скачку съ препятствіями для штабъ-офицеровъ и баталіонныхъ адъютантовъ, черезъ весь бульваръ и черезъ домъ генераль-губернатора. Впередѣ долженъ былъ скакать П у ш к и н ъ на своей вороной кобылѣ, а потомъ командиръ полка на каремъ жеребцѣ; далѣе, Н. Д. Ш у л ь г и н ъ на своемъ меринѣ «Артасъ» и такъ далѣе. Наконецъ порѣшили, что на церемональномъ маршѣ весь полкъ долженъ былъ пройти колесомъ! На этотъ разъ сатира, въ самомъ дѣлѣ, оказалась пророчицею. Праздникъ дѣйствительно вышелъ «всѣмъ на удивленіе», хоть безъ скачки съ препятствіями и хожденія колесомъ. Официальная часть праздника совершилась по обычаю, обыкновеннымъ порядкомъ, то-есть—взаимными поздравленіями, торжественнымъ богослуженіемъ и парадомъ.

Кстати о богослуженіи. Въ Вильнѣ мы впервые увидѣли прославленную, историческую личность—Иосифа С ѣ м а ш к о, митрополита литовскаго и виленскаго. Этотъ знаменитый іерархъ, главнѣйшій дѣятель воссоединенія униатовъ въ 1839 году, былъ роста выше средняго, съ правильными чертами и благообразнымъ, довольно полнымъ лицомъ. Волоса, довольно коротко обстриженные и съ сильною просѣдою, были зачесаны назадъ, отъ середины темени, такъ какъ высокій, умный лобъ и половина головы, уже совершенно обнажились. Церковное служеніе митрополита было необыкновенно благолѣпно. Такой образцовый порядокъ, такое твердое знаніе служебныхъ правилъ священнодѣйствующими, превосходное пѣніе и общую гармонию всѣхъ обрядовъ и церемоналовъ мнѣ случилось видѣть въ послѣдствіи только въ Варшавѣ, при архіепископѣ Іо а н н и к і и и болѣе нигдѣ. Митрополитъ очень часто священнодѣйствовалъ въ сослуженіи епископовъ, тоже бывшихъ прежде униатскими. Изъ нихъ помню мьяскаго епископа Анто́ніа З у б к о́, гродненскаго И г н а т і я н ковенскаго Лео́нида. Особенно выдѣлялся по наружности гродненскій преосвященный Игнатій, благообразный, совершенно сѣдой старикъ; онъ казался много старше митрополита, и лицо его отличалось такимъ добрымъ, благодушнымъ выраженіемъ, что напоминало ликъ, тезоименитаго ему, св. Игнатія Богоносца. Ковенскій преосвященный Леонидъ былъ, напротивъ, очень молодежавъ, и его темнорусые волосы, безъ малѣйшей сѣдины, были еще очень коротки ¹⁾). Сѣмашко, всѣ архіереи и священники служили прекрасно, читали и говорили внятно, отчетливо, но съ мѣст-

¹⁾ Униатскіе епископы, по тогдашнему обычаю, стриглись коротко.

нымъ выговоромъ: «святѣй» (святѣй), «пѣтокъ» (пѣтокъ) и проч. Виленскій Николаевскій соборъ передѣланъ изъ упраздненнаго костела св. Казимира. Убранство его, въ 1849 году, было очень простое, даже скудное. Образа не имѣли ризъ, «страха ради повстанска», стѣны были бѣлыя, безъ всякой живописи, павикадилы—какъ нельзя болѣе скромны; за то все было благолѣпно и содержалось въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ. По пословицѣ: «каковъ попъ—таковъ приходъ»—виленское духовенство въ представительности и образованіи слѣдовало примѣру архипастыря. Во всѣхъ церквахъ православныхъ замѣтны были та же чистота и порядокъ, какъ и въ Николаевскомъ соборѣ. Къ сожалѣнію, въ 1849 году, православные храмы были весьма немногочисленны. Кромѣ собора, существовали тогда еще два монастыря: Троицкій и Духовъ,— на Остробрамской улицѣ, да еще какая-то маленькая, бѣдная церковка на одной изъ самыхъ невзрачныхъ улицъ города.

Возвращаюсь къ полковому празднику 6-го августа 1849 г. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ дня былъ полковой, офицерскій обѣдъ. Его устроили въ гостиницѣ М и л л е р а, въ то время—самой лучшей въ городѣ. Распорядителемъ по кулинарной и декоративной части былъ французъ Л а в а н ш и. Онъ отдѣлалъ столовую съ большимъ вкусомъ; особенно красива была драпировка стѣнъ гирляндами изъ живой зелени, усѣянными множествомъ маленькихъ, румяныхъ яблокъ. За обѣдомъ, именно въ ту минуту, когда провозглашенъ былъ тостъ за здоровье государя императора, въ обѣденномъ залѣ вдругъ появился адъютантъ наслѣдника-цесаревича, капитанъ П. К. М е р д е р ь. Онъ былъ посланъ поздравить полкъ, отъ имени государя и цесаревича, со славною побѣдою нашихъ войскъ, рѣшившею участь Венгерской войны. «Гѣргей сдался генералу Ридигеру со всѣми войсками!»

Эти слова вмигъ разнеслись по всему собранію, и, что тутъ произошло, трудно описать. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что комната задрожала отъ восторженныхъ криковъ и отъ стука стульями и чѣмъ попало объ полъ. Крики не умолкали цѣлыхъ полчаса. Пошелъ пиръ на весь міръ. Двери балкона распахнулись настежь, и, когда мы встали изъ-за стола, огромная толпа народа собралась уже передъ окнами гостиницы.

Развеселившіеся офицеры стали говорить народу рѣчи, разглашали извѣстіе о побѣдѣ, бросали въ толпу деньги, яблоки и всякіе лакомые куски. Жиды и жиденята вѣшились другъ другу въ волосы и до крови дрались за каждый гривееникъ! Крики «ура!», раздававшіеся въ залѣ, перешли на улицу. Замѣчательно удачный былъ девекъ! Внутри зала тоже разыгрывались оригинальныя сцены. Офицеры обступали Катенина и качали его (т. е. подбрасывали вверхъ) и осыпали его самыми безцеремонными привѣтствіями и поздравленіями. А в и н о в 1-й (Сергѣй Александровичъ), только-что произведенный прапорщикъ, хлопнувъ по плечу

командира полка, прокричалъ ему: «Катенинъ, ты славный малый!» и генералъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи. Парадный нарядъ его рас-трепался и забрызгался. Анненская лента разорвалась около банта и висѣла по обѣимъ сторонамъ. Не зная, куда дѣваться отъ бурныхъ изліяній своихъ офицеровъ, Катенинъ взялъ П. К. Мердера подъ руку, отвелъ въ сторонку, посадилъ около себя и сталъ разспрашивать о подробностяхъ сдачи венгерской арміи. Къ нимъ присосѣдился и мой баталіонный командиръ, Н. Д. Шульгинъ. Онъ былъ, что называется, «на второмъ взводѣ», т. е. порядочно навеселѣ, однако держалъ себя степенно и серьезно. Николай Дмитріевичъ чрезвычайно внимательно и сосредоточенно слѣдилъ за разговоромъ. П. К. Мердеръ чертилъ на бумажкѣ планъ мѣстности, гдѣ закончилась кампанія, отмѣтилъ Виллагошъ и пояснилъ: «вотъ здѣсь Гѣргеиъ сдался!» Шульгинъ съ увлеченіемъ повторилъ: «вотъ здѣсь!»... И, съ этими словами, совершенно нечаянно и неожиданно вылилъ всю чашку кофе на парадныя бѣлыя панталоны командира полка, т. е. на единственную часть его туалета, которая оставалась еще безукоризненною. Отъ дальнѣйшаго описанія полковаго праздника отказываюсь и ручаюсь, что конца его, не только я, но никто изъ насъ не запомнить.

Вскорѣ послѣ своего праздника полкъ выступилъ въ загородное расположеніе. Штабъ 1-го баталіона назначенъ былъ въ мѣстечкѣ Рукойно; 2-го баталіона—въ мѣстечкѣ Керново; 3-го баталіона—въ Нѣменчинѣ. До выступленія мы только и толковали, что объ успѣшномъ окончаніи венгерской кампаніи. Разказъ П. К. Мердера и всѣ извѣстія съ театра войны сходились въ томъ, что отдавали полную справедливость мужеству, искусству и самоотверженію венгерцевъ.

Сдачею Гѣргея кончилась война.

10-го августа мы выступили въ загородное расположеніе. Расположеніе моей 4-й роты назначено было въ мѣстечкѣ Чабишкахъ, помѣщика Пильсудскаго, верстахъ въ 60 отъ Вильны. Результатъ разспросовъ нашихъ о будущей стоянкѣ былъ самый благопріятный. Мѣстечко Чабишки находится на правомъ берегу рѣки Вилии, въ Виленскомъ уѣздѣ, а на правомъ, противоположномъ берегу, уже въ Трокскомъ уѣздѣ, расположена мыза помѣщика, съ каменнымъ домомъ и великолѣпнымъ садомъ. Самъ Пильсудскій, по разказамъ бывалыхъ людей, былъ семейный и очень любезный господинъ. Послѣднее извѣстіе возрадовало господъ субалтернъ-офицеровъ. Мы разсуждали на походѣ, что вѣрно у пана имѣются «цурки, бардзо пенкныя панѣнки!» (т. е. дочки, весьма красивыя барышни). Одинъ ротный командиръ Швенцонъ не раздѣлялъ розовыхъ надеждъ, а, напротивъ, заявлялъ сомнѣніе: .

— Умѣрьте свой восторгъ, господа! Посмотримъ, пустятъ ли насъ на мызу? Это вѣдь еще вопросъ!

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ разбивать надежды пылкой молодежи

или окачивать розовыя мечты студеною водою. Помянутое подозрѣвіе капитана, ни на чемъ, впрочемъ, не основанное, привело насъ въ такое негодованіе, что бѣдный Швенцовъ не зналъ, куда дѣваться, отшучивался, отмалчивался, и только когда нетерпѣніе субалтерновъ достигало высшей степени, когда его дергали за рукавъ или толкали съ дороги въ канаву, почтенный Александръ Петровичъ начиналъ серьезно увѣщевать расходившихся прапорщиковъ и еще хуже пророчить:

— Постоите, подождите, дайте придти на мѣсто, тамъ видно будетъ!... А я держу пари на что угодно, что жена помѣщика, заядлая полька, не пуститъ насъ и за порогъ своего дома!

А субалтерны все-таки не хотѣли вѣрить. Интересно стало: кто будетъ правъ?

Въ концѣ 1840-хъ годовъ произошли вспышки польскаго патріотизма въ Пруссіи, да и у насъ, въ Литвѣ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить.

Наконецъ, пришли мы на мѣсто стоянки. Судя по ввѣшности, виленскія свѣдѣнія сбылись въ точности. Рѣка Виля заблестѣла на солнцѣ; на одномъ берегу открылось очень красивое мѣстечко, а на другомъ, не менѣе представительныя, каменныя палаты помѣщика. Сообщеніемъ служилъ паромъ. При вступленіи встрѣтили насъ, по обычаю, наши квартирьеры. На вопросъ: «гдѣ офицерскія квартиры?»— послѣдовалъ отвѣтъ: «въ мѣстечкѣ, ваше выс-діе!»—«Какъ въ мѣстечкѣ?... Отчего не на мызѣ?...» — «Панъ не пушаетъ, ваше выс-діе!» Капитанъ выразительно посмотрѣлъ на насъ и отвѣтилъ квартирьеру тремя, довольно неизысканными словами: «ну, и наплевать!...»

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже стояли передъ нашею общею квартирою, потому что всѣмъ намъ отвели домишко въ четыре комнаты, еврейской постройки, т. е. на тоненькихъ столбикахъ, забравныхъ тончайшими досками и дранью, а сверху все смазано было глиною. Снаружи домишко смотрѣлъ живописно, такъ какъ его только-что выбѣлили; за то внутри, на стѣнахъ, потолкахъ, особенно на полу, была такая грязь, такая запущенность, что, просто, отвращеніе! Разумѣется, что сейчасъ же, во всѣхъ четырехъ комнатахъ, пронеслась крупная, русская брань гг. офицеровъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, явился посланникъ отъ самого пана. Поляки ужасно любятъ политиковать. Чрезвычайное посольство его комиссара означало, что панъ не желаетъ ровнять своего достоинства самоличною встрѣчею, но и не желаетъ сразу вооружить насъ противъ себя непривѣтливостію.

Его посланный, личность неопредѣленнаго характера, весьма невзрачная на видъ, отрекомендовался «панскимъ комиссаромъ». Въ изысканныхъ, витіеватыхъ выраженіяхъ, онъ поздравилъ насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и спѣшилъ объявить, что пану будетъ очень при-

ятно, если мы останемся довольны своимъ помѣщеніемъ. Нашъ капитанъ степенно поблагодарилъ, выразилъ сожалѣніе въ причиненномъ безпокойствѣ и прибавилъ:

— Вѣдь вотъ вы принуждены были вывести отсюда свиней...

Коммиссаръ сталъ втупикъ.

— Пшепрапамъ, пане капитане, не розумѣмъ, по панъ муви?...¹⁾

Панъ капитанъ показалъ на стѣны и на полъ, а потомъ добродушно пояснилъ:

— Ну, если не свиньи, то все же какая-нибудь скотина тутъ жила, и мы ее выгнали, очень жаль!...

Лицо посла вытянулось, и онъ возразилъ обиженнымъ тономъ, что въ этомъ домѣ квартировалъ ни кто другой, какъ онъ самъ, съ женою и дѣтьми.

Понятно, что капитанскій комплиментъ крѣпко ему не понравился, и онъ посиѣшилъ отретироваться съ просьбою во всемъ, что окажется нужнымъ, обращаться прямо къ нему.

На другой день негодование наше возрасло до того, что порѣшили вовсе не заводить знакомства съ паномъ, игнорировать его совершенно и отдѣлывать свою квартиру. Купили дешевенькихъ обоевъ, наварили страшное количество клейстера, засучили рукава и съ ведеркомъ въ одной рукѣ и съ кистью въ другой, стоя на лѣсенкахъ, въ одинъ день оклеили всѣ комнаты. Еще прежде оклейки, нѣсколько досужихъ солдатиковъ выбѣлили потолоки, выскоблили полы, и домъ сталъ неузнаваемъ. Просто, бомбоньерка, да и только!

Панъ-коммиссаръ скоро провѣдалъ объ этихъ чудесахъ, не могъ побороть любопытства и явился подъ предлогомъ освѣдомиться, не нужно ли намъ чего? Вошелъ онъ и сталъ какъ вкопанный, развелъ руками и вскрикнулъ съ наивнымъ восхищеніемъ:

— Отò сличнѣ распорядились, панове!...²⁾

Когда же, впослѣдствіи, мы устроили вокругъ дома палисадникъ, насадили деревцовъ и цвѣтовъ, коммиссаръ возымѣлъ къ намъ столь великое уваженіе, что дарилъ драгоценными вещами. То притащить копченаго гуся, то окорокъ, колбасы или превкуснаго домашняго сыру. Все это, вообще, было домашняго издѣлія, но очень вкусно, а, главное, практично.

Наша гвардейская слава скоро распространилась повсюду и поставила помѣщика въ затруднительное положеніе. Капитанъ Швенцовъ былъ правъ въ своемъ предположеніи, что жена Пильсудскаго будетъ намъ враждебна. Она дѣйствительно оказалась «заядлая полька», т. е.

¹⁾ Извините, господинъ капитанъ, не понимаю, что вы говорите?

²⁾ Вотъ такъ отлично распорядились, господа!...

изувѣрная патріотка и папистка. Она сейчасъ же нагнала на мужа страхъ и удержала отъ сближенія «съ москiевскими дьяблями». Бѣдвнй панъ, въ первое время, не зналъ покоя, безпрестанно ожидая извѣстій о грабежахъ, буйствахъ и насиліи «московской орды». Но, вмѣсто всѣхъ этихъ ужасовъ, до него доходили только добрые, хорошіе слухи о гвардейскихъ постояльцахъ. Панъ-коммиссаръ расхваливалъ до небесъ офицеровъ за то, что они щедро сыпали деньгами и привлекали къ себѣ всѣхъ обывателей своею широкою натурою, веселостью и добродушіемъ. Но и отъ солдатъ никому не было ни обидъ, ни притѣсненій. Напротивъ, они помогали обывателямъ чѣмъ могли, а могли они рѣшительно все, что угодно. Русскій солдатъ на всѣ руки мастеръ и умѣть вездѣ, всегда и всякому пригодиться. Жители мѣстечка были въ восхищеніи отъ «бравыхъ и почтивыхъ гвардіаковъ!» Самъ приходскій кзевдзъ похваливалъ ихъ, такъ какъ наши ротные горнисты ухитрились и ему угодить. Они добровольно приходили въ костель по праздникамъ и, подлаживаясь къ органу, гремѣли, Богъ знаетъ какія, мелодіи, которыя, однакоже, по словамъ кзевдза, «возвышали и умиляли души прихожанъ». Барабанщики тоже искусно прилаживались къ звукамъ органа и, за молебномъ, при пѣніи гимна: «*te Deum laudamus!*» (Тебя Бога хвалимъ), барабаны производили такой громоподобный эффектъ, что молившіеся трепетали отъ священнаго восторга! Удивительно досужій человекъ—русскій солдатъ! Панъ Пильсудскій не выдержалъ, наконецъ, характера. Славянская кровь заговорила и въ немъ. Онъ взбунтовался противъ власти жены и рѣшился сдѣлать первый шагъ къ сближенію.

Въ одно прекрасное утро, мы поѣхали цѣлою кавалькадою осматривать мѣстности по рѣкѣ Виліи, какъ вдругъ панъ выѣхалъ намъ на встрѣчу, какъ будто выросъ изъ земли. Пильсудскій былъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати, сухощавый брюнетъ, съ пріятнымъ лицомъ и апатичнымъ выраженіемъ, хотя не безъ отгѣнка польской чванливости. При этой встрѣчѣ всѣ мы нахмурились; ни одна рука не потянулась къ козырьку. Лошадей круто повернули и стали отъѣзжать въ противоположную сторону. Но панъ Пильсудскій былъ тоже верхомъ, да еще со свитою «ружѳнцевъ» (управляющихъ), экономовъ, доѣзжачихъ и другихъ личностей и въ числѣ ихъ красовался нашъ знакомецъ, панъ-коммиссаръ, на саврасомъ конѣ; онъ браво подбочился, смотрѣлъ гоголемъ и былъ очень польщенъ, когда мы впослѣдствіи увѣряли, что, верхомъ, онъ поразительно схожъ съ К о с ц ю ш к о ю. Къ удивленію, Пильсудскій поскакалъ за нами, догналъ, приподнял шляпу, отрекомендовался и самъ предложилъ себя въ проводники для осмотра окрестностей.

Въ концѣ прогулки онъ пригласилъ насъ на мызу, гдѣ готовъ былъ

обѣдъ. Помѣщица, панни Пильсудска, была молодая, малорослая и невзрачная полька. Она приняла насъ учтиво, но крайне сдержанно, говорила не иначе, какъ по-польски, холоднымъ, равномернымъ тономъ, и съ опущенными глазами. Такое обращеніе неизмѣнно продолжалось до конца нашего знакомства. Панъ, совершенно напротивъ, старался обходиться съ нами какъ можно радушнѣе и на другой же день отдалъ визитъ. Знакомство завязалось, но на ладъ не пошло. Пильсудскіе были бездѣтны и, слѣдовательно, «паценокъ» въ домѣ не было; этого офицеры не могли простить помѣщицѣ. Субалтерны разсуждали, что неумѣнье надѣлать мужа хорошенькими дочерьми есть уже преступленіе противъ долга, — хуже всякаго польскаго патриотизма! Вотъ почему знакомство поддерживалось вяло; мы просто перестали бывать у Пильсудскаго и безпрестанно ѣздили въ расположеніе 3-го баталіона, гдѣ между офицерскою братією прославился помѣщикъ панъ Подбересскій, человѣкъ гостепріимный, добрый, радушный, зажившій съ офицерами душа въ душу. Такое предпочтеніе задѣло за живо чабишковскаго пана. Пильсудскій порѣшилъ сблизиться съ нами во что бы ни стало и нашелъ самое подходящее средство, т. е. просто пригласилъ насъ на охоту. Эта нейтральная почва, устраняя вліяніе чопорной панни, нѣсколько поправила дѣла и отношенія. Поохотившись вдоволь въ собственныхъ владѣніяхъ, Пильсудскій повезъ насъ къ родственнику своему, Северину Ромеру, въ Ковенскую губернію. Эта поѣздка осталась у меня въ памяти. Мы ѣхали ночью въ знаменитыхъ литовскихъ лѣсахъ, можно по истинѣ сказать — по дремучему бору! Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ извѣдать впечатлѣніе ночнаго концерта лѣсныхъ полнощниковъ. Особенно поразителенъ былъ крикъ огромныхъ филиновъ, могущій озадачить даже не суевѣрнаго человѣка. Къ этому ужасающему крику надобно прибавить неугомонный, еще болѣе унылый вой маленькихъ совъ, чрезвычайно похожій на плачь ребенка, а ко всей этой разноголосицѣ присоединялось завываніе волковъ и оригинальное отрывистое тявганье лисицы, напоминавшее лай годовалаго щенка.

Новый нашъ амфитріонъ, Северинъ Ромеръ, опояченный нѣмецъ п богатый помѣщикъ, былъ высокій, дебелый, полный мужчина съ очками на носу и съ выраженіемъ наглой спѣси на выхоленномъ лицѣ. У него была стая гончихъ, какую мнѣ не случилось видѣть ни прежде, ни послѣ. До тридцати собакъ, пущенныхъ въ лѣсъ, заливались всѣми голосами, начиная съ дисканта самой маленькой собачки «Свойка» и кончая глухимъ басомъ двухъ огромныхъ псовъ: «Вылоша» и «Галласа». Кажется, можно бы позабавиться знатоку, но никто изъ насъ не имѣлъ понятія объ охотѣ, не зналъ ни мѣстности, ни ружей, ни охотничьихъ сноровокъ, такъ что дичи не предстояло отъ насъ ни малѣйшей опа-

сности. Особенно отличался неловкостью и промахами почтенный наш ротный командиръ. Мы поднесли ему стихотвореніе: «Панъ Выплошъ, шершъ! Галласъ - туляй! Панъ - капитанъ Швенцовъ, стрѣляй! Панъ Заяць—по лѣсу гуляй!..» Какъ, однакоже, злобно и капризно играетъ судьба не только съ людьми, но и съ безсловесными животными. Прошло 14 лѣтъ. Въ 1863 году я опять, и въ третій разъ, попалъ въ Литву съ тѣмъ же Преображенскимъ полкомъ. Снова пришлось очутиться въ Вильнѣ, на этотъ разъ — въ самый разгаръ мятежа. 10-я преображенская рота, состоявшая уже подъ моею командою, расположилась уже въ небольшой крѣпостцѣ, по ту сторону Вилии. Кромѣ казармъ, другаго жилья тамъ не было. Передо мною стояли тамъ лейбъ-гренадеры, только-что возвратившіеся въ Петербургъ, такъ что въ крѣпостцѣ еще оставались вещи ихъ, готовыя къ отправленію, а при вещахъ—вѣсколько солдатиковъ.

Въ первый день поселенія въ крѣпостцѣ мнѣ бросились въ глаза двѣ старыхъ гончихъ собаки, чрезвычайно породистыхъ. Отъ одной изъ нихъ я положительно не могъ, какъ говорится, и глазъ оторвать. Большой, совсѣмъ уже дряхлый песъ, на одинъ глазъ окривѣвшій, казался мнѣ, почему-то, старымъ знакомымъ. Собака была съ такою просьбою, что нельзя было даже узнать цвѣта ея масти, а я все-таки старался узнать ее и приласкать, но, очевидно, бѣдное животное, забытое и запуганное, боялось людей, потому что, когда я къ ней подходилъ, собака ложилась на спину и жалобно визжала. Долго я припоминалъ, наконецъ вспомнилъ, взялъ кусокъ хлѣба и крикнулъ:

— Выплошъ!

Дряхлый песъ вдругъ вскочилъ на ноги, наострилъ уши, началъ помахивать куцымъ хвостомъ и глядѣлъ на меня во всѣ глаза, но все еще не довѣрялъ и боялся подходить. Я еще разъ свистнулъ и крикнулъ:

— Выплошъ, на! и показалъ ему корку хлѣба.

Тогда онъ бросился ко мнѣ, облапилъ меня, взялъ корку изъ рукъ и съ тѣхъ поръ меня одного не боялся. Я вышелъ изъ укрѣпленія и началъ бродить съ нимъ по окрестному полю. Старая ищейка порскала передо мною, помахивая хвостомъ и нюхая землю и воздухъ, но, убѣдившись, что дичи тутъ нѣтъ и помину, прибѣжала ко мнѣ ласкаться. Съ тѣхъ поръ я кормилъ ее каждый день, но, все еще не вѣря своей находкѣ, разспросилъ лейбъ-гренадерскихъ солдатъ, откуда очутились тутъ эти двѣ старыхъ собаки. Они объяснили, что ихъ полкъ стоялъ въ Ковенской губерніи и, справляясь съ мятежниками, офицеры сожгли какой-то помѣщичій домъ, а у этого пана было много гончихъ борзыхъ собакъ. Офицеры и солдаты забрали ихъ съ собою въ Вильно; когда же выступили обратно въ Петербургъ, то захватили только моло-

дыхъ и годныхъ собакъ, а старыхъ оставили здѣсь. Фамиліи помѣщика солдатика припомнить не могли, но, расспрашивая ихъ о расположеніи, названіи и характерѣ мѣстностей, о которыхъ шла рѣчь, я безъ труда убѣдился въ томъ, что пострадавшій панъ былъ знакомый намъ, съ 1849 года, Северинъ Ромеръ ¹⁾).

Возвращаясь къ разсказу объ этомъ годѣ. Отлично разгуливая въ охотничьихъ поѣздкахъ и веселыхъ походахъ, мы и не замѣчали, какъ пролетѣло время и наступилъ конецъ нашей привольной стоянки въ Литвѣ. 1-го сентября 1849 г. полкъ выступилъ въ обратный походъ, по прежнему маршруту. Но еще передъ выступленіемъ, всевѣдающіе, еврейскіе вѣстовщики или «пантуфлёвая почта», какъ ихъ называли, распространили повсюду неофициальное, но вѣрное извѣстіе о кончинѣ великаго князя Михаила Павловича. 6-го же числа, когда полкъ находился уже въ походѣ, прочли мы приказъ наслѣдника цесаревича объ этомъ печальномъ событіи. Великій князь скончался въ Варшавѣ 28-го августа 1849 года.

Я уже имѣлъ случай разсказать, что какое-то тяжелое предчувствіе томило его при отъѣздѣ изъ Петербурга. За два дня до своей кончины, великій князь назначилъ смотръ войскамъ на Повонзковскомъ полѣ. Рано утромъ онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ по Бельведерской аллеѣ. Вдругъ онъ остановился и сказалъ генералу, Николаю Матвѣвичу Толстому:

— Возьми меня за лѣвую руку.

Толстой обхватилъ ее повыше локтя. Великій князь посмотрѣлъ и приказалъ:

— Сожми покрѣпче!

Когда генералъ исполнилъ приказаніе, великій князь тихо проговорилъ:

— Я руки не чувствую!

Испуганная свита соскочила съ коней; Михаилъ Павловичъ тоже сдѣлалъ было усиліе сѣсть, но уже не могъ. Его сняли съ лошади и посадили въ коляску. Вся лѣвая сторона оказалась въ параличномъ состояніи, и онъ вскорѣ скончался.

Последній ввукъ Екатерины, великій князь Михаилъ, также безпредѣльно и горячо любилъ своего старшаго брата, императора Николая, какъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ—Александра I-го. Вообще, въ этой царственной семьѣ являлся высокій примѣръ братской любви, доходившій до самоотверженія, и лучшимъ тому доказательствомъ является жизнь и дѣянія Михаила Павловича. Тенерь общез-

¹⁾ См. «Воспоминанія о графѣ М. Н. Муравьевѣ». «Историческій Вѣстникъ», декабрь 1892 г. стр. 627.

вѣстно, что, въ критическое время междуцарствія, онъ проводилъ въ дорогѣ дни и ночи, безпрестанно разъѣзжая между Петербургомъ и Варшавою, всѣми силами способствуя къ окончательному разъясненію вопроса о престолонаслѣдіи.

Въ роковой день 14-го декабря 1825 года, Михаилъ Павловичъ оказалъ великія услуги своему царственному брату и отечеству. Онъ лично объѣзжалъ артиллерійскія казармы и, въ одной изъ нихъ, заставъ батарею, готовую выступить на соединеніе съ мятежниками, велѣлъ перерубить ремни упряжи, образумилъ солдатъ, обратилъ къ долгу присяги офицеровъ и такими энергичными мѣрами отвратилъ страшное несчастіе, потому что, если бы на сторонѣ мятежниковъ явилась артиллерія, усмиреніе бунта было бы несравненно труднѣе и кровопролитнѣе, и какой исходъ получила бы декабрьская вспышка, одинъ Богъ знаетъ! Зато императоръ Николай также горячо любилъ и высоко цѣнилъ Михаила Павловича и, конечно, не могъ передать въ лучшія руки начальства надъ гвардіею и военное воспитаніе юношества.

Покойный великій князь, свидѣтель революціонныхъ броженій въ гвардіи и арміи, за послѣдніе годы царствованія Александра 1-го, самовидецъ и одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей усмиренія мятежа, поставилъ цѣлью всей своей жизни оградить царственного и горячо любимого брата отъ подобныхъ случайностей, и вотъ почему великій князь неусыпно, энергично и неослабно поддерживалъ дисциплину въ войскахъ, беспощадно каралъ малѣйшее ея нарушеніе, неуклонно выполнявшая общепринятую, крутую программу военнаго обученія. Но суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и распекать и неумѣренная строгость взысканій, даже за сравнительно маловажные проступки, все это было вынуждено, ненормально и свойственно только видимому, но не истинному характеру Михаила Павловича. По природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, имѣлъ мягкое сострадательное сердце, дѣлалъ много добра, не превозносясь благодѣяніями, и только послѣ кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ, преимущественно служащимъ и отставнымъ военнымъ. Въ эпоху жизни и дѣятельности покойнаго еще не было фотографіи, а только-что появились дагеротипы, которыми онъ, конечно, не пользовался. Поэтому, хорошіе портреты его (масляными красками) очень рѣдки; ихъ можно найти развѣ въ Эрмитажѣ или въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ приемной главнаго управленія и теперь можно видѣть бронзовый бюстъ великаго князя, эпохи 30-хъ годовъ, когда ему было не болѣе 35 лѣтъ. То же можно сказать и о маленькомъ бюстѣ, работы генерала Тимашева (1850-хъ годовъ). Самый лучший бюстъ Михаила Павловича я видѣлъ у генерала Полозова (Даниила Петровича). Это изображеніе поразительно напоминало лицо, выраженіе и

*

обликъ покойнаго великаго князя, какимъ я помню его въ послѣдній годъ жизни. Въ продажѣ и вообще въ частныхъ домахъ, къ сожалѣнію, преобладали немногіе портреты литографированные или гравюры, мало схожія и посредственной работы. Онъ скончался, имѣя 51 годъ отъ роду, — кончина слишкомъ ранняя, особенно если принять въ соображеніе крѣпкое, сильное тѣлосложеніе покойнаго. Семейное горе подкопало его здоровье и сократило жизнь. Доброта человѣка лучше всего узнается въ его отношеніяхъ къ семьѣ, и тутъ-то высказался истинный характеръ Михаила Павловича. Онъ не имѣлъ сыновей, а только три дочери. Старшая, вел. кн. Марія Михайловна, скончалась въ Вѣнѣ, въ началѣ 40-хъ годовъ; вторая, Елисавета Михайловна вышла замужъ за герцога Нассаускаго и тоже скончалась вскорѣ послѣ свадьбы.

Великій князь, горячо любившій дѣтей своихъ, былъ страшно пораженъ этими несчастіями, такъ что всякій разъ приходилось опасаться за его жизнь. Рассказывали, что, уже послѣ кончины старшей дочери, Михаилъ Павловичъ заперся въ своемъ кабинетѣ, не велѣлъ никого принимать, не исключая докторовъ, и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно за своимъ письменнымъ столомъ, склонивъ голову на обѣ руки, отказываясь отъ пищи и не имѣя сна. Это опасное состояніе сильно встревожило лейбъ-медика Вилъе ¹⁾ и крайне безпокоило государя, такъ что онъ прямо приказалъ Вилъе, не стѣняясь запрещеніемъ входа, принять мѣры къ облегченію болѣзни. Но онъ сводился къ тому, чтобы ослабить приливы крови къ головѣ, ежеминутно грозившіе параличемъ мозга. Вилъе рѣшительно и очень искусно принялся за дѣло и удачно возбудилъ кровотеченіе носомъ, такъ что, на этотъ разъ, кризисъ кончился благополучно. Но кончина вел. кн. Елисаветы Михайловны вызвала тѣ же явленія, но болѣе тяжкія послѣдствія, потому что, хотя великій князь и перемогъ болѣзнь, но совершенно поправиться былъ уже не въ состояніи. Болѣзнь таилась и развивалась въ немъ незамѣтно, и я могу только повторить, что, когда мы видѣли Михаила Павловича передъ выступленіемъ и, въ послѣдній разъ, въ Вильнѣ, на лицѣ его ясно отражались зловѣщіе признаки предсмертнаго недуга. 10-го сентября 1849 г. мы встрѣтили тѣло августѣйшаго начальника своего въ мѣстечкѣ Лявжедишкахъ. Полкъ сталъ шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги. Наконецъ, крикнули: «смирно!» Барабаны загрохотали, полкъ взялъ «на караулъ!» и передъ нами появился большой, черный гробъ, уныло раскачиваясь на высокой колесницѣ. Впереди шло духовенство, весьма немногочисленное, а за гробомъ, одинъ оди-

¹⁾ Братъ извѣстнаго баронета Якова Васильевича Вилъе, лейбъ-медика императора Александра I-го.

нехонекъ, въ глубокомъ траурѣ, любимецъ покойнаго, старѣйшій изъ его приближенныхъ, генералъ Николай Матвѣевичъ Толстой, болѣе тридцати лѣтъ при немъ состоявшій. Гробъ великаго князя медленно проѣхалъ передъ полкомъ. Солдаты усердно крестились...

Обратный походъ въ Петербургъ я описывать не буду, такъ какъ онъ лежалъ по старому пути и отличался отъ предъидущаго развѣтѣмъ, что на дворѣ стояла осень и мы шли по мѣстамъ знакомымъ, не имѣвшимъ интереса новизны. Какъ ни совѣстно сказать, а изъ всего обратнаго путешествія у меня остался въ памяти одинъ только случай смѣшной, но характерный. Когда мы переходили границы района, гдѣ продавалось дешевое вино, одинъ солдатикъ 4-й роты, горькій пьяница, узналъ это неприятное извѣстіе, сейчасъ же остановился на походѣ, повернулся назадъ, сдѣлалъ ружьемъ «на-краулъ!» и громко крикнулъ: «прощай, дешевая водка!» Полкъ возвратился въ Петербургъ, и все опять по-старому. Не странно ли это покажется? Вѣдь война — лучший учитель и почти всегда указываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ на недостатки военной системы. Одинъ изъ швейцарскихъ военныхъ писателей говоритъ: въ кампаніяхъ 1848—1849 годовъ, въ Италіи и въ Венгріи, нарѣзное оружіе оказалось гораздо преимущественнѣе гладкоствольнаго. Въ 1851 году австрійцы вооружили всю третью шеренгу, особенно предназначенную въ застрѣльщики, нарѣзными штуцерами системы Delvigne ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что австрійцы узнали на опытъ практическое преимущество нарѣзнаго оружія и воспользовались имъ. Дельвинъ изобрѣлъ свое ружье еще въ 1828—29 годахъ, стало быть, Австрія не очень торопилась и ввела его черезъ 22 года, только потому, что вынуждена была такъ поступить горькимъ опытомъ военныхъ неудачъ и поражений.

Другая, великая держава, Пруссія тоже долго колебалась допустить измѣненія въ системѣ ручнаго оружія. Дрейзе (Dreyse) предложилъ свое игольчатое ружье въ 1829 году, но только въ 1836-мъ прусское правительство рѣшилось испытать его; окончательное же принятіе послѣдовало лишь въ 1846 году, когда Дрейзе официально заказано было 60.000 ружей. Въ 1848 году игольчатое ружье выдержало дѣйствительное испытаніе на поляхъ сраженій, при усмирении политическихъ волненій въ Баденѣ и Саксоніи. Въ 1850 году, на опытахъ въ Шпандау, ружье Дрейзе, въ сравненіи съ ружьями Тувенёна (Thouvenain), Минье и Подевильса, превзошло всѣхъ ихъ въ скорости и точности стрѣльбы ²⁾. Третья великая держава, Франція, опередила всѣ прочія континентальныя державы въ практикѣ нарѣзнаго оружія.

¹⁾ Elggler. „Reine Taktik.“ 1875. Luzern, стр. 111.

²⁾ R. Schmidt. «Les armes à feu portatives». 1877, стр. 49.

Еще въ 1837 году одинъ батальонъ французскихъ стрѣлковъ, назначенный въ Алжиръ, вооруженъ былъ нарѣзными карабинами Дельвиня, усовершенствованными Поншарра—[Poncharra] ¹⁾. Самъ Дельвинъ былъ французскій капитанъ.

Большинство послѣдователей его въ дѣлѣ усовершенствованія нарѣзнаго оружія, какъ напримѣръ, Тамизье, Тувененъ, Минье, были французы. Кромѣ того, способные и образованные сыновья Людовика-Филиппа, наслѣдникъ престола, герцогъ Орлеанскій и герцогъ Омальскій, побѣдитель Абдель-Кадера, были превосходными руководителями военнаго дѣла. Ихъ починомъ, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, возникло учрежденіе Орлеанскихъ стрѣлковъ (chasseurs d'Orléans), первый разсадникъ стрѣлковаго образованія. Наполеонъ III унаслѣдовалъ его, переименовалъ въ Венсенскіе стрѣлки (chasseurs de Vincennes) и, дальнѣйшимъ развитіемъ точной стрѣлбы, довершилъ реформу и подготовилъ перемѣну тактики, извѣданной нами въ гибельной Крымской войнѣ. Но что же дѣлала, лучше сказать: почему бездѣйствовала русская военная практика? Нарѣзное оружіе было для насъ далеко не новостью. Еще въ 1832 году, брауншвейгскій майоръ Бернеръ изобрѣлъ ружье съ овальнымъ нарѣзомъ, съ большимъ успѣхомъ испытанное въ Брауншвейгѣ, въ Англии и въ Россіи. Вообще въ Петербургѣ, на Волковомъ полѣ, безпрестанно дѣлали опыты надъ огнестрѣльнымъ оружіемъ новѣйшихъ системъ. Наслѣдникъ цесаревичъ и самъ государь съ особымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдили за ходомъ усовершенствованія стрѣлковаго дѣла. Извѣстно, что императоръ Николай I-й отлично чертилъ и рисовалъ. Въ бумагахъ въ Бозѣ почившаго монарха, послѣ кончины его, нашли многія доказательства помянутаго факта, между прочимъ и чертежъ пули, проектированной имъ лично и очень схожей съ пулею Минье. Наслѣдникъ цесаревичъ не только слѣдилъ непосредственно за стрѣлковымъ дѣломъ, но даже самолично наблюдалъ за опытами, производимыми за границею.

Въ 1845 г., профессоръ Шенбейнъ, въ Базелѣ, и Ветхеръ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, изобрѣли хлопчато-бумажный порохъ. Въ то же время, швейцарецъ Зауербрей изобрѣлъ ружье, приспособленное къ употребленію новаго пороха. На опытахъ въ Югенгеймѣ присутствовалъ и наслѣдникъ цесаревичъ, Александръ Николаевичъ ²⁾.

Несмотря на все это, стрѣлковое дѣло въ Россіи подвигалось такъ туго, что, можно сказать, совсѣмъ не двигалось впередъ. Въ гвардіи существовали «штуцерные застрѣльщики», по 6 человекъ на роту, а въ 1848 году предписано было сформировать вторыя и третьи смѣны такихъ

¹⁾ Ibid., стр. 49—50.

²⁾ Ibid, стр. 57—59.

застрѣльщикова, но это распоряженіе, послѣ войны, осталось безъ исполненія, такъ какъ изъ приказовъ видно, что въ 1852 г. отправлены въ лагерь тѣ же 72 человека штуцерныхъ отъ всего полка. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Если въ Венгерской войнѣ нарѣзные ружья напомнили о себѣ, то вѣдь значеніе ихъ было, слѣдовательно, у насъ передъ глазами! Если ружье Дрейзе, въ 1848 г., успѣшно выдержало боевой искусь, то и это обстоятельство было намъ хорошо извѣстно. При тогдашнихъ превосходныхъ отношеніяхъ нашихъ къ Пруссіи, секрета не было да и быть не могло. Къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою фактическихъ данныхъ, чтобы отвѣтить на всѣ эти интересные вопросы, и вынужденъ прибѣгнуть къ личному и, къ сожалѣнію, совершенно произвольному сужденію. Въ Венгерской войнѣ мы были побѣдителями, а побѣдитель самъ себя не судить! Какъ бы ни было, а, по приходѣ въ Петербургъ, 29-го октября 1849 года, преображенцы, послѣ двухнедѣльнаго отдыха, опять привялись за свои гладкостволки, разстрѣлянные, разбитыя, снаружи зачищенные кирпичемъ и внутри совершенно ржавыя и негодныя.

Съ этими-то пародіями стрѣлковаго дѣла, начали мы, какъ ни въ чемъ не бывало, опять ходить въ караулы и на ученья по принятому обычаю, а иностранные военные агенты особенно прилежно и неупустительно посѣщали смотры «практической стрѣльбы». Много памятныхъ книжекъ исписано было на разныхъ языкахъ и вездѣ, во всѣхъ реляціяхъ, подробно описывалось, курсивомъ, что въ русской гвардіи при стрѣльбѣ въ цѣль, на 200 шаговъ, изъ 200 выпущенныхъ пуль лишь десятая часть попадаетъ въ мишень въ одну сажень ширины и такой же высоты! Эти результаты, также какъ и состояніе помянутыхъ гладкостволоковъ, были извѣстны, во всѣхъ подробностяхъ, англійскому и французскому военному министерству, по крайней мѣрѣ лѣтъ за пять до Крымской войны. Наполеонъ III, бывшій артиллеристъ, отлично понялъ, взвѣсилъ и оцѣнилъ всю важность такихъ данныхъ, какъ описанная выше система обученія, боевая подготовка и состояніе оружія въ русскихъ войскахъ. Все это послужило, если не главною, то, все-таки одною изъ наиболѣе вѣскихъ причинъ, почему французскій императоръ такъ смѣло рѣшился какъ можно скорѣе вызвать Россію на бой.

Князь Н. К. Имеретинскій.

Депеша Виллардо кардиналу Флери отъ 30-го января 1730 г.

(Переводъ съ французскаго).

Въ ночь съ 29-го на 30-е число сего января мѣсяца, въ двѣнадцатомъ часу, царь скончался. Ежели три предъидущія и послѣднія письма мои не были задержаны на почтѣ въ Москвѣ, то получили уже, 8 дней тому назадъ, извѣстiе о томъ, что императоръ заболѣлъ оспою, такъ какъ я имѣлъ честь представить вамъ обстоятельный отчетъ обо всемъ, доходившемъ до моего свѣдѣнiя, касательно его болѣзни. 29-го января, около 7 часовъ вечера, положенiе больнаго, совершенно неожиданно, сдѣлалось безнадежнымъ, между тѣмъ какъ его считали уже внѣ всякой опасности. Въ ту же ночь, верховный совѣтъ, сенатъ, духовенство и всѣ, бывшiе въ Москвѣ, генералы прибыли во дворецъ и собрались на общiй совѣтъ для обсужденiя вопроса, кому предоставить корону. Послѣ долгихъ совѣщанiй и разныхъ предложенiй, которыя не всѣмъ казались подходящими, и не могли обѣщать государству, вначалѣ, того спокойствiя, какое царствуетъ нынѣ, было предложено возвести на престолъ вдовствующую царицу, вдову Петра I и бабу только-что скончавшагося Петра II. Но когда царица отказалась отъ этой чести, заявивъ, что она предпочитаетъ уединенiе монастыря, въ который она удалилась, то было рѣшено передать корону одной изъ трехъ дочерей покойнаго царя Ивана, брата императора Петра I: герцогинѣ Мекленбургской¹⁾,

¹⁾ Она живетъ въ Москвѣ, гдѣ она поселилась, съ тѣхъ поръ какъ ея супругъ, герцогъ Мекленбургскiй, съ которымъ она не была особенно счастлива, оставилъ свои владѣнiя. Она получаетъ пенсiю отъ русскаго правительства.

вдовствующей герцогинѣ Курляндской ¹⁾ или великой княжнѣ Прасковѣ ²⁾, но герцогиня Мекленбургская была исключена, такъ какъ этотъ выборъ, по причинѣ ея брака съ иностраннымъ принцемъ, находящимся въ непріязненныхъ отношеніяхъ со своими подданными и съ Вѣнскимъ дворомъ, былъ бы неподходящимъ къ системѣ правленія и интересамъ Россіи. Выборъ палъ на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и хотя она находилась въ отсутствіи, но, тѣмъ не менѣе, единодушно была провозглашена, всѣми присутствовавшими, императрицею, и въ Митаву, гдѣ она находится въ настоящее время, былъ отправленъ курьеръ, съ порученіемъ объявить ей объ этомъ рѣшеніи и просить ее, отъ имени всѣхъ сословій, немедленно прибыть въ Москву и вступить на Россійскій престолъ. Все, что я могу сказать по поводу этого избранія, въ настоящее время, это то, что оно вызвало въ странѣ всеобщее одобреніе и совершилось какъ бы по внушенію свыше, для поддержанія спокойствія въ государствѣ, ибо не только сама герцогиня не была къ этому подготовлена, но даже ни одинъ изъ членовъ этого многолюднаго собранія не думалъ, входя въ залу засѣданія, объ ея избраніи, которое возстановитъ согласіе между двумя могущественными и знатными фамиліями Россіи и уравниваетъ (sic) ихъ вліяніе; такимъ образомъ, значеніе этихъ двухъ семействъ нынѣ не увеличится и не уменьшится, а останется такимъ, какимъ оно было до обрученія княжны Екатерины Долгорукой, между тѣмъ какъ ея семейство уже нѣсколько возвысилось надъ семействомъ Голицыныхъ.

Хотя, въ силу естественнаго права, императору Петру II должны были наследовать (предпочтительно предъ всѣми другими) сынъ герцога Голштинскаго и царевна Елисавета, но объ нихъ и объ ихъ правахъ никто не обмолвился въ этомъ собраніи, которое продолжалось цѣлыхъ 12 часовъ подъ рядъ, во время котораго мы не были увѣрены, что все обойдется безъ всякихъ смуть, и которое

¹⁾ Она живетъ постоянно въ Курляндіи, съ самой кончины своего супруга, пользуясь доходами съ принадлежащей ей части пѣт имѣнія ея покойнаго мужа, опредѣленной штатами герцогства. Ей 35 лѣтъ, она женщина видная, чрезвычайнаго полная и дородная, и всегда была любима русскими за ея качества.

²⁾ Она дѣвица и живетъ въ Москвѣ.

окончилось благополучно, столь мирнымъ и неожиданнымъ образомъ, какъ я вамъ передалъ, т. е. предложеніемъ престола вдовствующей герцогини Курляндской, на подобіе того, какъ покойная императрица Екатерина царствовала, будучи вдовою, по смерти императора Петра I.

Впрочемъ, всё, повидимому, чрезвычайно довольны этимъ событіемъ, котораго никто не ожидалъ. Здѣсь царствуетъ величайшее спокойствіе, которое, повидимому, ничѣмъ нарушено не будетъ. Вотъ все, что я могу и что я долженъ сообщить сегодня; я старался, никого не оскорбляя, описать вамъ все происшедшее въ истинномъ свѣтѣ, и полагаю, что мнѣ удалось это исполнить такъ, что вы будете въ состояніи, безъ какихъ-либо поясненій съ моей стороны, вывести вѣрное заключеніе изъ всего того, что я имѣю честь вамъ изложить. Я буду и впредь съ точностью сообщать вамъ все, что здѣсь произойдетъ. Имѣя, въ своемъ распоряженіи, весьма мало времени, я долженъ закончить это письмо увѣреніемъ и пр. Де-Виллардо ¹⁾.

(На оборотѣ). Увѣдомьте о полученіи этого письма.

Сообщилъ Павелъ Пирлингъ.

¹⁾ De Villardeau французскій консулъ. Послѣ отъѣзда Маньяна (Magpan), онъ оставался въ 1733 году повѣреннымъ въ дѣлахъ; въ концѣ этого года Виллардо получилъ приказаніе возвратиться во Францію, когда русскія войска вступили въ Польшу съ цѣлью поддержать короля Августа III въ борьбѣ его съ Станиславомъ Лещинскимъ. Ред.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II ВЪ КРЫМУ. 1787 г.

Принцъ Карль-Генрихъ Нассау-Зигенъ, авторъ помѣщаемой здѣсь корреспонденціи, состоявшій съ 1788—1794 гг. въ русской службѣ, въ адмиральскихъ чинахъ, удостоился чести быть представленнымъ, въ 1787 г., императрицѣ Екатерины II и сопровождать государыню въ ея знаменитое путешествіе на югъ Россіи.

Во время этого путешествія, онъ писалъ, ежедневно, длинныя посланія своей супругѣ, оставшейся въ Варшавѣ, описывая ей подробно все то, что поразило его въ теченіе дня; когда же, по прибытіи въ Крымъ, принцъ не имѣлъ случая отправлять свои письма ежедневно, то онъ сталъ вести дневникъ, который переслалъ, при первой возможности, женѣ для прочтенія. Такъ какъ эти письма предназначались имъ исключительно для нея и были писаны наскоро, необдуманно, подъ впечатлѣніемъ только-что видѣннаго и пережитаго, то они представляютъ интересъ разказа вполне искренняго, непосредственнаго и правдиваго.

Принцъ Нассаускій (р. 1743 † 1805 г.), прозванный современниками паладиномъ XVIII-го вѣка, воспитывался и началъ военную службу во Франціи, былъ страстно преданъ военному дѣлу и, стремясь постоянно къ военной славѣ, предлагалъ свои услуги попеременно Франціи, Австріи, Турціи, Испаніи, Польшѣ и наконецъ Россіи, послѣдняя сдѣлалась для него вторымъ отечествомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось одержать, во главѣ ея гребной флотилии, нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ турецкимъ флотомъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1787 г. онъ познакомился съ Потемки-

н ы м ь, занятымъ въ то время одною мыслію о грандіозномъ путешествіи императрицы, которое онъ задумалъ съ цѣлью показать Европѣ обширную степь, только-что завоеванную Россією, уже заселенною и цивилизованною, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, для того, чтобы привѣтствовать побѣдителей; въ это время Потемкинъ предпринялъ поѣздку на югъ Россіи, чтобы сдѣлать послѣднія приготовления къ проѣзду государыни, а незадолго передъ тѣмъ, принцъ Нассаускій получилъ, при содѣйствіи французскаго посланника, графа Сегюра, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, отъ русскаго правительства привилегію на сбытъ нѣкоторыхъ продуктовъ изъ его имѣній, находившихся въ Подоліи, и теперь онъ воспользовался проѣздомъ свѣтлѣйшаго князя въблизи отъ его имѣнія, и нагналъ его въ Кременчугъ, чтобы поблагодарить за эту милость русскаго двора. Конечно, принцъ дорожилъ случаемъ познакомиться съ Потемкинымъ, разсчитывая вполне справедливо, что ежели ему удастся снискать его довѣріе, которымъ князь удостоивалъ, впрочемъ, весьма немногихъ, въ особенности иностранцевъ, то при его содѣйствіи можно будетъ получить, въ случаѣ войны, видное назначеніе. Впрочемъ, надобно сказать, что принцъ Нассаускій далеко не былъ увѣренъ въ благосклонномъ приѣмѣ со стороны Потемкина, такъ какъ, будучи всею душою преданъ королю польскому, онъ взялъ на себя весьма щекотливое порученіе—замолвить за него слово у князя. Дѣло въ томъ, что партія польскихъ вельможъ, враждебная королю, всячески старавшаяся повредить ему, разсчитывала въ это время на поддержку со стороны Россіи, такъ какъ ей удалось привлечь на свою сторону графа Браицкаго, племянника Потемкина, по женѣ, и его любимца. Отношеніе Россіи къ королю оправдывало эти надежды какъ нельзя болѣе; Станиславъ-Августъ былъ поставленъ въ самое ложное положеніе: будучи связанъ всѣмъ своимъ прошлымъ со своей могущественной сосѣдкою, онъ находился подъ опекою русскаго посланника, ему угрожали русскія войска — полкъ русскихъ солдатъ, къ великому соблазну патріотовъ, занималъ все еще одну изъ польскихъ провинцій и король страдалъ подъ гнетомъ своихъ покровителей, не пользуясь, въ замѣнъ этого, хотя бы почестями, его сану приличными.

Такъ какъ Екатерина, по пути въ Крымъ, должна была проѣхать вдоль польской границы, то король поспѣшилъ заявить Петербургскому двору о своемъ намѣреніи привѣтствовать императрицу при ея проѣздѣ. Отвѣта на его письмо не послѣдовало. Приходилось или отказаться отъ намѣренія, о которомъ уже всѣмъ было извѣстно, или прямо идти на оскорбленіе—вопросъ для короля былъ чрезвычайно важный. Не менѣе серьезень былъ этотъ вопросъ и для лицъ, стоявшихъ во главѣ оппозиціи и собравшихся, въ это время, у графа Браницкаго, въ Бѣлой церкви, гдѣ Потемкинъ обѣщалъ остановиться на обратномъ пути изъ Крыма, о чемъ друзья Браницкаго всячески старались разгласить.

Трудно сказать, какимъ путемъ принцъ Нассаускій успѣлъ, въ нѣсколько дней, снискать расположеніе князя Потемкина до такой степени, что онъ нашелъ въ немъ не только покровителя, но и друга; какъ бы то ни было, свѣтлѣйшій князь исполнилъ всѣ его просьбы: обѣщалъ ему отозвать немедленно полкъ, квартировавшій въ Польшѣ, и указать королю наилучшій пріемъ; мало того, въ угоду ему и во избѣжаніе неблагопріятныхъ для короля толковъ, Потемкинъ отказался отъ посѣщенія Бѣлой церкви, и принцъ Нассаускій отправился вмѣстѣ съ нимъ осматривать тѣ мѣста, которыя имъ пришлось, нѣсколько недѣль спустя, вновь посѣтить вмѣстѣ, такъ какъ было рѣшено, что принцъ приметъ участіе въ путешествіи императрицы—этого желалъ самъ Потемкинъ.

Когда они пріѣхали, наконецъ, вмѣстѣ въ Кіевъ, куда уже прибыла Екатерина, то Григорій Александровичъ такъ сумѣлъ расположить государыню въ пользу своего новаго друга, что она не только пригласила принца сопровождать ее въ Крымъ, но намекнула даже въ разговорѣ, что, въ случаѣ войны, онъ можетъ рассчитывать на какое-нибудь назначеніе, и ему была оказана, чуть ли не съ перваго свиданія, рѣдкая честь—обѣдать ежедневно съ нею «за тѣмъ маленькимъ круглымъ столомъ, за которымъ сидѣло обыкновенно не болѣе десяти или двѣнадцати человѣкъ, которыхъ она всегда такъ умѣла обласкать».

Во время продолжительной остановки императрицы въ Кіевѣ, гдѣ ей пришлось, два съ половиною мѣсяца, ожидать вскрытія

Дигъпра, принцу доставило немалое удовольствіе видѣть предупредительность къ себѣ со стороны тѣхъ лицъ, чьи планы онъ разрушилъ; онъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ началомъ своего знакомства съ Потемкинѣмъ, сулившаго ему въ будущемъ болѣе крупныя выгоды и, со своей стороны, нисколько не тяготился неожиданнымъ пребываніемъ въ провинціальномъ городѣ, гдѣ онъ встрѣтился, къ тому же, со своими давнишними друзьями: графомъ Сегюромъ и княземъ де-Линь.

Наконецъ, рѣка вскрылась; императрица могла продолжать свое путешествіе, для котораго выстроились на Дигъпрѣ семь чудесныхъ галерѣй, блиставшихъ шелками и позолотою, и 80-ть иныхъ судовъ.

«Мы отправляемся окончательно 22-го апрѣля (ст. ст.), на другой день рожденія государыни», спѣшитъ увѣдомить свою супругу принцъ Нассаускій. «Я отправилъ сегодня своихъ людей, оставивъ при себѣ только одного лакея, такъ какъ я ѣду на галерѣ князя Потемкина, гдѣ наше помѣщеніе будетъ довольно тѣсное. Съ нами вмѣстѣ будутъ на галерѣ Браницкій и Скавронскій съ супругами (обѣ племянницы князя Потемкина). Не смотря на присутствіе моихъ спутниковъ, которые ненавидятъ меня отъ всей души, я предпочитаю имѣть худшее помѣщеніе, но быть на галерѣ князя, который искренно ко мнѣ расположенъ».

«Мы будемъ въ Каневѣ, кажется, 5-го числа (н. ст.). До сихъ поръ не рѣшено еще, какъ долго мы тамъ пробудемъ; я не думаю, чтобы долго. Императрицу смущаетъ мысль о свиданіи, но дѣла пойдутъ хорошо».

Кіевъ (21-го апрѣля) 2-го мая 1787 г.

«Мы уѣзжаемъ завтра, княгиня; за неимѣніемъ времени, я могу написать вамъ всего нѣсколько словъ, такъ какъ сегодня день рожденія императрицы и надобно проститься съ фельдмаршаломъ и со всѣми, здѣсь остающимися. Прощайте, цѣлую васъ; всею душою васъ любящій».

Кіевъ, 3-го мая.

«Въ полдень, императрица будетъ на галерѣ. Никому не жаль расстаться съ Кіевомъ, а я сожалею о кругломъ столѣ, за которымъ я имѣлъ возможность узнать императрицу такъ, какъ это не уда-

лось бы мнѣ при иныхъ обстоятельствахъ; но истинѣ, я восхищаюсь ею, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе; трудно представить себѣ простоту ея обхожденія. Разговоръ ея очарователенъ, и когда онъ касается серьезныхъ предметовъ, то мѣткость ея суждений свидѣтельствуешь объ обширности и правильности ея ума. Она была бы самымъ привлекательнымъ частнымъ человѣкомъ. Князь Потемкинъ разстанется съ нами въ Каневѣ, чтобы встрѣтить императора въ Кременчугѣ. Настала часъ идти ко двору. Прощайте, княгиня. Я напишу вамъ изъ Канева, гдѣ я увижу короля; вѣроятно онъ будетъ очень доволенъ, такъ какъ свиданіе съ государыней обезпечить ему впредь болѣе благополучное царствованіе. Я убѣжденъ, что все устроится для него какъ нельзя лучше».

«Восемь часовъ утра. Я только-что всталъ, чтобы написать вамъ, пока всѣ заняты: князь спитъ, Браницкій и Скавронскій вѣроятно заняты тѣмъ же, а Штакельбергъ мечтаетъ о превратностяхъ міра сего. И то правда, общество, собравшееся на нашей галерѣ, представляетъ прекуръезную вещь. Помѣщеніе наше очень хорошее, но до того тѣсное, что надобно быть людьми слишкомъ близкими, чтобы никого не стѣснять. Прилагаю описаніе нашего помѣщенія, съ планомъ; вы увидите, что всѣ должны проходить чрезъ комнату князя и мою собственную, и что Браницкому и его женѣ также приходится проходить чрезъ мою комнату, чтобы видѣться; за то, въ настоящую минуту, мы наилучшіе друзья въ мірѣ. Наша галера, самая большая и лучше всѣхъ украшенная, была предназначена для императрицы, но она избрала галеру, приготовленную для императора».

«Мы съѣли на суда вчера, въ полдень, посѣтивъ, предварительно, три церкви. Мы прошли прямо въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ на 50 приборовъ; насъ ожидалъ обѣдъ, во время котораго музыканты играли на духовыхъ инструментахъ, привезенныхъ, по приказанію императрицы, прямо изъ Петербурга. Пальба изъ крѣпостнаго орудія, возгласы народа, толпившагося на берегу, лодки, наполненные дамами и музыкантами— все это, въ соединеніи съ прекраснѣйшей погодою, представляло восхитительное зрѣлище. Мы снялись съ якоря въ три часа, а въ шесть остановились и отправились на галеру императрицы, гдѣ пробыли до девяти ча-

совъ, когда она пошла спать, а мы перешли въ столовую, гдѣ насъ ожидалъ ужинъ, подобный обѣду. Послѣ ужина каждый возвратился къ себѣ; поболтавъ, мы легли спать. Завтра я сообщу вамъ подробности сегодняшняго дня. Князь проснулся; я отправлюсь къ нему, пока у него никого нѣтъ; въ это время мы обыкновенно бесѣдуемъ; нашъ разговоръ всегда бываетъ интересный».

«Мы пошли далѣе въ 4 часа утра, когда всѣ еще почивали и такъ какъ нѣкоторые изъ судовъ отстали, то мы бросили якорь въ 9 часовъ, въ 23-хъ верстахъ отъ Кіева. Я вышелъ къ князю въ 10 часовъ утра. Только-что я вступилъ въ его каюту, какъ съ императорской галеры былъ поданъ сигналъ, что государыня требуетъ насъ къ себѣ. Князь посиѣшилъ своимъ туалетомъ, во время котораго онъ говорилъ со мною о Польшѣ и о королѣ, въ самыхъ многообѣщающихъ выраженіяхъ. При этомъ разговорѣ присутствовалъ Штакельбергъ. Мы явились къ императрицѣ, которая была очень весела. Въ полдень, мы отправились, въ катерѣ, обѣдать. Затѣмъ, государыня вернулась къ себѣ, мы же съ де-Линемъ и Сегюромъ поѣхали на ихъ галеру. Де-Линь читалъ намъ свой разговоръ съ покойнымъ королемъ прусскимъ. Въ шесть часовъ, намъ подали сигналъ явиться къ императрицѣ, но такъ какъ кухни отстали, то она послала всѣ суда буксировать ихъ, и мы были, такимъ образомъ, арестованы до 8 часовъ; тогда только мы явились къ императрицѣ, она была не въ духѣ, потому что приходилось обойтись безъ ужина, вслѣдствіе отсутствія кухонь. Въ девять часовъ мы разошлись. Всѣ отправились къ князю Потемкину, исключая Браницкаго, Кобенцеля и меня, которые были приглашены Мамоновымъ съиграть партію въ вистъ и раздѣлить съ нимъ ужинъ, который ему удастся добыть. Только-что мы успѣли играть въ маленькомъ залѣ, какъ вышла императрица, въ утреннемъ платьѣ, безъ головнаго убора, причесанная къ ночи. Она спросила, не стѣсняетъ ли она насъ, сѣла возлѣ стола, была очень весела и въ высшей степени любезна. Она извинилась за свое утреннее платье, которое было, однако, весьма нарядное, изъ тафты абрикосоваго цвѣта, съ голубыми лентами. Безъ головнаго убора государыня казалась моложе; она была очень свѣжа. Я сказалъ ей, что ни одно платье не было ей такъ къ лицу. Когда намъ доложили,

что приближается шлюпка съ обѣдомъ Мамонова, то она была въ восторгѣ; государыня пробыла съ нами до половины одиннадцатаго, когда мы сѣли ужинать; ужинъ былъ очень хорошій. Я вернулся къ себѣ въ половинѣ втораго, а теперь девять часовъ утра. Я буду сейчасъ вставать, такъ какъ на нашей галерѣ уже начинаютъ шевелиться. Я хочу видѣть князя одного, потому что мы приѣдемъ сегодня въ Каневъ, а я увѣдомилъ короля, что приѣду ранѣе другихъ, чтобы передать ему лично то, что я не могъ сообщить письменно, хотя я писалъ ему часто и всѣ мои письма должны были удовлетворить его, такъ какъ я сообщалъ ему все благопріятныя вѣсти. Всѣ желанія его исполнятся. Прощайте, княгиня, до завтра».

«5 часовъ утра. Я отправляюсь въ Каневъ на шлюпкѣ, чтобы прибыть тремя часами ранѣе галерѣ. Де-Линь ѣдетъ со мною. Я молю Бога, чтобы императрица не успѣла приѣхать туда ранѣе обѣда; въ такомъ случаѣ она проведетъ въ Каневѣ завтрашній день. Мнѣ говорилъ это вчера князь Потемкинъ; онъ также этого желаетъ. Но имперскій посланникъ твердитъ весь день, что его императоръ выѣзжаетъ сегодня изъ Леопольдштадта, и это побуждаетъ императрицу спѣшить, ибо она безъ того заставила его долго ждать. Такъ какъ ей хочется ѣхать до Херсони водою и видѣть пороги, то ей придется быть въ пути долѣе, нежели она предполагала. На ея мѣстѣ я поступилъ бы точно также; путешествовать подобнымъ образомъ прелестно. Дѣйствительно, наше путешествие—нескончаемый, очаровательный праздникъ; общество у насъ очаровательное, де-Линь и Сегюръ очень оживляютъ его; мы замѣчаемъ, что двигаемся впередъ только по смѣнѣ окружающихъ насъ предметовъ; столъ у насъ отличный, императрица любезнѣе, чѣмъ когда-либо; мы бываемъ съ нею отъ 11 часовъ утра до послѣ-обѣда и отъ 6 до 9 часовъ вечера. Вчера я не пошелъ къ Мамонову, такъ какъ мнѣ хотѣлось поговорить къ княземъ о королѣ, котораго я скоро увижу. Ему будетъ оказана церемоніальная встрѣча; всѣ галеры выстроятся въ боевомъ порядкѣ и будутъ салютовать изъ орудій. Всѣ катера поѣдутъ за нимъ, съ высшими придворными чинами. Для всей его свиты приготовлены столы. Всѣ знатныя лица, сопровождающія короля, будутъ обѣдать за столомъ императрицы, поэтому свита государыни будетъ сидѣть за особымъ столомъ; я не

теряю надежды, что, несмотря на всѣ заявленія имперскаго посланника, мы останемся въ Каневѣ и завтра, хотя бы поспѣли туда къ обѣду. Это будетъ зависѣть отъ того впечатлѣнія, какое король произведетъ на императрицу. Впрочемъ, его дѣла устроятся, приблизительно, по его желанію. Я напишу вамъ послѣ свиданія. Прощайте, я готовъ и сейчасъ уѣзжаю».

«Хотя свиданіе съ королемъ доставило императрицѣ большое удовольствіе, но было для нея затруднительно. Церемоніаль утомляетъ ее; они разстались сегодня же, но дѣла короля пойдутъ хорошо. Онъ имѣетъ въ князѣ Потемкинѣ друга и не сомнѣвается въ этомъ. Теперь два часа по полуночи. Мы только-что возвратились изъ Канева, куда мы ѣздили ужинать. Потемкинъ выѣхалъ уже въ Кременчугъ; мы тронемся въ 4 часа утра, но я буду въ это время спать, такъ какъ я утомленъ до-нельзя».

«P. S. Императрица послала королю орденъ св. Андрея Первозваннаго; этотъ орденъ получилъ и король шведскій, въ бытность въ Петербургѣ».

На этомъ письмѣ, корреспонденція принца Нассаускаго неожиданно обрывается; утеряны ли нѣкоторыя изъ его писемъ, или онъ нѣсколько дней не писалъ своей супругѣ—неизвѣстно, но слѣдующее письмо помѣчено уже изъ Крыма или Тавриды, какъ тогда говорили, въ угоду Екатеринѣ. Такимъ образомъ, мы не узнаемъ изъ его писемъ ни о свиданіи въ Каневѣ, ни о волшебныхъ празднествахъ, ознаменовавшихъ вступленіе императрицы во вновь прибрѣтенный край, ни о свиданіи двухъ монарховъ въ стени, въ уединенной хижинѣ казака, куда Екатерина поспѣшила на встрѣчу графу Фалькенштейну, взявъ съ собою только князя Потемкина, графа Браницкаго и принца Нассаускаго, ни о появленіи, наконецъ, въ Днѣпровскомъ лиманѣ десяти турецкихъ судовъ, преграждавшихъ императрицѣ путь къ Кинбурну, чуть не подъ стѣны Очакова. Нельзя не пожалѣть объ этомъ пробѣлѣ, такъ какъ принцъ Нассаускій, несомнѣнно, могъ бы сообщить обо всемъ этомъ много интересныхъ подробностей.

«Такъ какъ поѣздка по Таврической губерніи составляетъ самую интересную часть нашего путешествія»,—пишетъ онъ,—«то я

буду вести дневникъ, чтобы вы знали, княгиня, что мы дѣлаемъ въ этой прекрасной странѣ».

«Мы позавтракали съ императрицею, и я отправился впередъ съ княземъ Потемкинымъ. Переѣхавъ черезъ Борисѡенъ, мы увидѣли дѣтей знатнѣйшихъ татаръ, собравшихся тутъ, чтобы привѣтствовать императрицу. Поговоривъ съ ними, мы двинулись къ каменному мосту, до котораго оставалось около 30 верстъ, и гдѣ мы должны были ночевать. Тутъ ожидало насъ до трехъ тысячъ донскихъ казаковъ со своимъ атаманомъ. Мы проѣхали вдоль ихъ фронта, весьма растянутого, такъ какъ они строятся въ одну линію. Когда мы ихъ миновали, то вся эта трехъ-тысячная ватага пустилась вскачь, мимо нашей кареты, со своимъ обычнымъ гиканьемъ. Равнина мгновенно покрылась солдатами и представляла воинственную картину, способную всякаго воодушевить. Казаки сопровождали насъ до слѣдующей станціи, гдѣ мы смѣняли лошадей, т. е. версть 12, и у станціи снова выстроились въ боевой порядокъ. Между ними былъ полкъ калмыковъ, точь въ точь похожихъ на китайцевъ. Подѣхавъ къ каменному мосту, мы нашли тутъ хорошенькій домикъ, построенный въ маленькомъ земляномъ укрѣпленіи, которое было сооружено греками въ концѣ моста, и 30 палатокъ, одна другой лучше, приготовленныхъ для нашего ночлега. Императрица прибыла, также сопровождаемая казаками. Когда мы увидѣли, за шесть верстъ, приближеніе императорскаго поѣзда, то равнина, подобно муравейнику, усѣянная людьми, мчавшимися во весь опоръ, то нападаая, то отбиваясь одинъ отъ другаго, произвела на меня впечатлѣніе настоящаго сраженія. Когда пріѣхала государыня, то императоръ все время говорилъ объ удовольствіи, доставленномъ ему казаками, а Екатерина, не ожидавшая ихъ видѣть, сказала князю:—«это одинъ изъ вашихъ сюрпризовъ». Онъ захотѣлъ показать монархамъ то, что мы уже видѣли. Казаки, проскакавшіе во весь духъ тридцать верстъ, повторили свои маневры въ присутствіи императора и императрицы, которые взосли на валы, чтобы лучше ихъ видѣть. Весь вечеръ только и было рѣчи о казакахъ. Императоръ много разспрашивалъ ихъ атамана, который сказалъ ему, между прочимъ, что они дѣлаютъ обыкновенно по 60 верстъ въ день, во время

*

похода. Ни одна кавалерія въ Европѣ не можетъ, въ этомъ отношеніи, съ ними сравняться».

«Въ 9 часовъ императрица съ императоромъ удалились, а мы пошли ужинать. Императоръ былъ въ восхищеніи и расточалъ похвалы князю Потемкину, вполне имъ заслуженныя, но мнѣ пришлось бы писать слишкомъ много, еслибы я захотѣлъ передать вамъ все это; теперь же слишкомъ поздно, къ тому же мои мысли по этому поводу вамъ извѣстны. Князь зашелъ на минуту въ палатку, въ которой мы помѣщаемся съ княземъ де-Линемъ, а затѣмъ мы перешли къ нему и бесѣдовали еще часъ».

«Сегодня я всталъ въ шесть часовъ утра, а въ семь мы уже были въ приѣмной императрицы, куда собрались ранѣе насъ казачкіе офицеры. Нѣсколько минутъ спустя, прибыла жена атамана со своей невѣсткой и съ дочерью, дѣвушкой весьма красивою. На нихъ были длинныя платья изъ золотой и серебряной парчи и собольи шапочки, дно которыхъ было расшито жемчугомъ, жемчужныя ожерелья и головные уборы и браслеты. Ихъ представляла г-жа Браницкая. Затѣмъ казачкіе офицеры и двѣсти сѣдовласыхъ ветерановъ подходили къ рукѣ императрицы, и мы отправились далѣе».

«По пути, мы увидѣли казаковъ, выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ; я отправился съ княземъ впередъ. Мы остановились въ Перекопѣ, въ домѣ солянаго пристава, гдѣ былъ приготовленъ хорошій завтракъ. Туда же прибылъ императоръ, выѣхавшій въ три часа утра для осмотра укрѣпленій на берегу Чернаго моря. Онъ узналъ мѣсто, въ которомъ фельдмаршалъ Ласси прошелъ со своей кавалеріей при вступленіи въ Крымъ, въ 1737 г. Императоръ весьма доволенъ своею поѣздкою и бесѣдовалъ съ нами, какъ всегда, оживленно, до пріѣзда императрицы. Ей были показаны всѣ сорта соли, изъ коихъ одинъ издаетъ запахъ малины. Сѣвъ въ кареты, мы двинулись къ тому мѣсту, гдѣ были разбиты прелестныя палатки для нашего обѣда, а на мѣстѣ ночлега также нашли прехорошенькія палатки, на манеръ татарскихъ. Для императрицы былъ устроенъ изъ палатокъ цѣлый домъ, отъ котораго она была въ восторгѣ. У каждаго изъ насъ своя палатка, но я помѣстился съ де-Линемъ, съ которымъ я люблю бесѣдовать. Мы поужинали у себя

вмѣстѣ съ Сегюромъ. Мой поваръ приготовилъ намъ прѣкрасныя блюда. Князь Потемкинъ, не выдавъ насъ за ужиномъ, зашелъ къ намъ. Съ того мѣста, гдѣ мы теперь находимся, видны уже горы; завтра мы вступимъ въ прѣкрасную страну».

30-е, Бахчисарай.

«Я вышелъ изъ своей палатки въ половинѣ седьмаго. Императоръ, гулявшій уже съ 4-хъ часовъ, былъ въ это время съ Потемкинымъ. Я провелъ около часа съ императоромъ, который бесѣдовалъ съ татарами, прибывшими, чтобы видѣть императрицу. Въ половинѣ девятаго, я выѣхалъ съ княземъ Потемкинымъ и Браницкимъ. Мы завтракали въ прелестныхъ палаткахъ, разбитыхъ въ красивой мѣстности. Тутъ нагнала насъ императрица въ ту минуту, какъ мы сбились ѣхать далѣе; пробывъ съ нею съ четверть часа, мы уѣхали. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась красивѣе. Мы встрѣтили отрядъ татаръ, которые должны были конвоировать и охранять императрицу. Я никогда не видѣлъ лучшихъ верховыхъ лошадей. За нею слѣдовалъ также великолѣпный полкъ татаръ. И это тѣ самые татары, которые недавно возмущались, когда изъ нихъ хотѣли образовать правильные полки и подчинить ихъ дисциплинѣ! Теперь имъ ввѣряютъ охрану императрицы и ее окружаютъ тысячи татаръ, готовыхъ стать на ея защиту!»

«Императрица пріѣхала два часа спустя. Она была въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и отъ своего дворца. Мы осмотрѣли весь сераль, гдѣ она помѣстилась. Затѣмъ императоръ пожелалъ видѣть гаремъ, гдѣ отведены комнаты для князя Потемкина, де-Линя и меня. Такъ какъ я знаю всѣ ходы дворца, то я былъ его проводникомъ... Когда мы возвратились къ императрицѣ, она была очень весела. Она находилась въ большой, роскошно отдѣланной залѣ, вокругъ которой, по стѣнѣ, золотыми буквами былъ изображенъ, на арабскомъ языкѣ, слѣдующій девизъ: «что ни говори клеветники и завистники, ни въ Испагани, ни въ Дамаскѣ, ни въ Стамбулѣ не найдемъ подобной».

«Въ этой залѣ находились цвѣты и плоды, сдѣланные изъ воска г. Тоттомъ, во время его пребыванія въ Крыму, о чемъ онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи. Императрица, которой я ихъ показалъ, замѣтила, обращаясь къ императору: «Удивительно, что все,

сдѣланное г. Тоттомъ, достается въ мои руки. Онъ изготвилъ 200 орудій въ Константинополѣ—они всѣ принадлежать мнѣ. Онъ украсилъ этотъ дворець цвѣтами, они мои. Странная судьба!» Вошелъ Сегюръ. Она замолчала, много смѣялась и, обратившись ко мнѣ, сказала: «я заболталась».

«Съ наступленіемъ ночи, всѣ горы, окружающія городъ, и всѣ дома, расположенные амфитеатромъ были иллюминированы многочисленными огнями; зрѣлище было великолѣпное. За ужиномъ, сидя возлѣ губернатора, я заговорилъ съ нимъ о несчастіи, угрожавшемъ государынѣ, о чемъ я узналъ отъ императора. Дѣло въ томъ, что позабыли затормозить карету; лошади, не будучи въ состояніи удержать экипажъ, понесли и чуть не опрокинули кучера; такъ какъ это была большая коляска, въ которой сидѣло восемь человекъ, то всѣ были бы убиты или изувѣчены. Губернаторъ говоритъ, что онъ никогда въ жизни не испыталъ подобнаго страха. Татары, считавшіе гибель экипажа неминуемой, кричали: «Господи, спаси ее! Господи, спаси!» Когда императрица узнаетъ это, то эти слова вознаграждать ее за испытанный страхъ, хотя, говоря, на лицѣ ея не отразилось ни малѣйшаго испуга. Завтра, день св. Константина и Елены; мы будемъ отдыхать здѣсь. Я ночую съ княземъ де-Линь въ одной изъ самыхъ красивыхъ комнатъ гарема. Я думаю, что мы немного поговоримъ о той, которая занимала эту комнату до насъ».

«Я всталъ рано, былъ у князя Потемкина, затѣмъ сопровождалъ императрицу къ обѣднѣ. По окончаніи ея, мы подходили съ мурзами, муфтіями и татарскими офицерами къ ея рукѣ... Въ настоящую минуту въ городѣ великолѣпная иллюминація; завтра, въ девятомъ часу утра, мы садимся въ экипажи и будемъ къ обѣду въ Инкерманѣ, а къ ночи въ Севастополѣ: навѣрно день пройдетъ весьма интересно».

1-е іюня.

«Выѣхавъ въ 9 часовъ утра, мы прибыли, въ полдень, въ Инкерманъ; тутъ мы нашли хорошенькій домикъ, изъ оконъ котораго былъ виденъ Севастопольскій рейдъ, и на немъ военный флотъ, выстроенный въ боевомъ порядкѣ. Императоръ былъ пораженъ, увидѣвъ полкъ татаръ въ боевомъ порядкѣ, а позади его прекрас-

ныя военныя суда, созданныя какъ бы по волшебству. Мы пообѣдали. На эскадрѣ былъ поднятъ штандартъ, пожалованный князю Потемкину. Изъ частныхъ лицъ князь третій получилъ его. Въ ту минуту, какъ эскадра салютовала, государыня встала и пила за здоровье императора, сказавъ: «Надобно выпить за здоровье моего лучшаго друга». Она была какъ нельзя болѣе довольна видѣть свои морскія военныя силы въ этихъ водахъ. Когда мы встали изъ-за стола, я отъ души поцѣловаль князя Потемкина. Его успѣхи доставляютъ мнѣ такое удовольствіе, какъ будто они одержаны мною самимъ. Когда императрица встала изъ-за стола, я очутился возлѣ нея и сказалъ, что я такъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, что я поцѣловаль бы ей руку, ежели бы я могъ на это осмѣлиться».

«—Князя Потемкина, которому я всѣмъ обязана, слѣдуетъ поцѣловать», сказала она. Во время обѣда, она поручила Штакельбергу, возлѣ котораго я сидѣлъ, спросить меня, не думаю ли я, что суда, стоящія передъ нами,—тѣ самыя, которыя появились передъ Очаковомъ. Я отвѣчалъ, что далеко не тѣ и что, по моему мнѣнію, они могутъ даже забрать тѣ суда, ежели государыня прикажетъ, и это не составитъ труда, такъ какъ турецкія суда, по занятой ими позиціи, попались въ ловушку, и императрицѣ стоитъ только приказатъ своей эскадрѣ выйти въ море, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Послѣ обѣда, она снова заговорила со мною объ этомъ, сказавъ: «Такъ вы думаете, что это не тѣ турецкія суда, которыя вы осматривали?» Эти суда,—отвѣчалъ я,—только ожидаютъ вашего приказанія, чтобы отправиться за судами, стоящими подъ Очаковомъ».

«Она снова засмѣялась и сказала де-Линю: «Какъ вы думаете, осмѣлюсь ли я на это? О, нѣтъ, это люди слишкомъ страшные!» Императоръ смѣялся; все это не даетъ еще права считать въ настоящую минуту войну неизбежною, хотя мнѣ кажется, что здѣсь всѣ ея желаютъ».

«Мы сѣли въ шлюпки и проѣхали передъ эскадрою, состоявшей изъ трехъ 66-ти пушечныхъ кораблей, трехъ 50-ти пушечныхъ фрегатовъ и 10 сорока-пушечныхъ фрегатовъ. Они привѣтствовали императрицу тремя залпами: это было великолѣпно; мы подошли къ входу въ гавань. Вы не можете себѣ представить, до чего всѣ были

изумлены ея красотою и всѣмъ, что тутъ было сдѣлано. Я былъ во второй шлюпкѣ съ гг. Скавронской, Протасовой, оберъ-камергеромъ, де-Линемъ и Сегюромъ; первую нашей мыслию было аплодировать. У пристани была великолѣпная лѣстница изъ тесаного камня; роскошная терраса вела отъ нея къ дому императрицы, куда мы прибыли вмѣстѣ съ нею. Она повторяла все время, что обязана всѣмъ этимъ князю Потемкину. «Надѣюсь, теперь не скажутъ, что онъ лѣнивъ», говорила она.

«Пробывъ съ нами съ полчаса, она удалилась въ свои покои съ императоромъ, съ которымъ первый разъ, со времени его прїѣзда, осталась одна. Минуть десять спустя позвали князя Потемкина; они проговорили втроемъ съ четверть часа, затѣмъ явился съ планами инженерный офицеръ, которому было поручено возвести на этомъ мѣстѣ укрѣпленія; съ нимъ проговорили съ полчаса».

3-е іюня (нов. ст.).

«День, проведенный въ Севастополѣ, не представилъ ничего интереснаго. Мы сопровождали императрицу при осмотрѣ эскадры. Она посѣтила портъ; вечеромъ бомбардировали небольшую крѣпостцу, построенную нарочно съ этою цѣлью; она была подожжена, когда въ нее бросили шестую бомбу; крѣпостца была наполнена горючимъ матеріаломъ, и взрывъ былъ весьма эффектный. Императоръ сообщилъ государынѣ извѣстія, полученные имъ изъ Фландріи. Онъ весьма не одобряетъ поведенія своей сестры и зятя, и предполагаетъ двинуть шесть полковъ. Я зналъ объ этомъ уже шесть дней тому назадъ, но императоръ говорилъ объ этихъ событіяхъ съ императрицею только сегодня, по прибытіи курьера съ подробными донесеніями. Это должно быть ему очень непріятно, но онъ этого не показываетъ. Это обезпечиваетъ намъ миръ, въ настоящее время, и поэтому сегодня отправленъ въ Парижъ курьеръ; условія, предлагаемыя туркамъ, такъ справедливы, что только они одни могутъ не согласиться на нихъ. Но конецъ вѣнчается дѣло».

«Сегодня мы обѣдали у князя Потемкина, въ его имѣніи, лежащемъ въ горахъ. Мѣстоположеніе его такъ хорошо, что онъ называетъ эту долину Темпейскою. Сегодня мы совершили такой большой путь, что хотя императрица сѣла въ экипажъ въ 7 часовъ

утра, но мы прѣхали на ночлегъ, въ Бахчисарай, только къ полуночи. Это до того ее утомило, что всѣ проведутъ завтрашній день здѣсь, а я поѣду съ княземъ де-Линь осматривать наши помѣстья, лежація на берегу моря, по ту сторону горъ».

«Во время первой поѣздки принца Нассаускаго въ Крымъ, князь подарилъ не менѣе семи имѣній, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ вѣреннаго ему края. Какъ извѣстно, Потемкинъ весьма щедро раздавалъ земли всѣмъ тѣмъ, кого онъ считалъ въ состояніи извлечь изъ нихъ немедленно какую нибудь пользу.

«Эту экскурсію придется совершить верхомъ, такъ какъ проѣзжихъ дорогъ нѣтъ. Мы догонимъ императрицу черезъ два дня въ Старомъ Крымѣ. Прощайте. Теперь два часа утра».

Принцъ Нассаускій выѣхалъ со своимъ спутникомъ изъ Бахчисарая, гдѣ императрица рѣшила отдохнуть, съ конвоемъ изъ 12-ти казаковъ и столькихъ же татаръ; лѣсными, мало посѣщаемыми тропинками, они проѣхали въ этотъ день 12-ть верстъ въ горахъ, причемъ не разъ подвергались опасности оборваться съ кручи въ глубокія пропасти, зіявшія у ихъ ногъ; однако они благополучно перевалили черезъ горы и, переночевавъ въ татарской деревнѣ, прибыли на слѣдующій день въ имѣніе де-Линя, возлѣ мыса Парѣнисскаго (cap Parthéniza), гдѣ онъ остался, будучи слишкомъ утомленъ переѣздомъ черезъ горы, а принцъ Нассаускій поѣхалъ далѣе въ свое имѣніе «Массандра». Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ своей супругѣ богатую растительность и живописную природу южнаго берега. «Фруктовые сады этой мѣстности могутъ дать понятіе о райскихъ садахъ», говоритъ онъ, «природа здѣсь роскошная. Я выбралъ очаровательное мѣстечко, гдѣ я построю кіоскъ. Тутъ я желаю покоиться послѣ моей кончины, чтобы на вѣки быть по близости отъ моря, которое я люблю, въ прелестнѣйшей мѣстности».

Сдѣлавъ необходимыя хозяйственныя распоряженія, принцъ отправился по берегу Чернаго моря въ Судакъ, гдѣ у него были виноградники и гдѣ онъ засталъ г. Фабра, управлявшаго казенными виноградниками и его собственными.

«Поужинавъ въ Судакѣ, я проспалъ до трехъ часовъ утра, затѣмъ отправился осматривать свои виноградники. Такъ какъ князь

Потемкинъ не могъ ѣхать со мною, а между тѣмъ онъ чрезвычайно ими интересуется, то я былъ радъ возможности дать ему обстоятельный объ нихъ отчетъ». Г-нъ Фабръ полагаетъ, что уже въ этомъ году они дадутъ до 18.000 бутылокъ вина».

«Въ 9-ть часовъ (вечера) я прибылъ въ Старый Крымъ, откуда отправился съ императрицею въ Каффу. Дорогою я много рассказывалъ о прекрасной мѣстности, мною видѣнной. Де-Линъ былъ въ восторгѣ отъ своего имѣнія, а я увѣрялъ, что «Массандра» лучше, и Потемкинъ раздѣлялъ мое мнѣніе. Въ Каффѣ, которая называется нынѣ Θεодосіей, мы встрѣтили императора, отправившагося туда рано утромъ, съ цѣлью осмотрѣть ее. Это единственное мѣсто Тавриды, гдѣ до сихъ поръ сохранились древніе памятники. На монетномъ дворѣ была выбита медаль, которую князь Потемкинъ поднесъ императрицѣ; все было приготовлено къ тому, чтобы выбить еще нѣсколько медалей, но государыня прошла далѣе, не остановившись, и передала медаль Мамонову, который положилъ ее въ карманъ; вечеромъ я ее видѣлъ: съ одной стороны было изображеніе императрицы, а съ другой надпись о томъ, что она соблаговолила посѣтить монетный дворъ въ сопровожденіи графа Фалькенштейна. Къ ночи мы возвратились въ Старый Крымъ».

«На слѣдующій день, къ обѣду, мы прибыли въ Карасубазаръ, гдѣ императрица была уже ранѣе, когда я ѣздилъ въ горы. Тамъ есть прехорошенькій дворецъ и прелестные сады; по распоряженію Потемкина, въ первый пріѣздъ государыни былъ сожженъ роскошный фейерверкъ. Императоръ говоритъ, что онъ никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Снопъ состоялъ изъ 20 тысячъ большихъ ракетъ. Императоръ призывалъ фейерверкера и спрашивалъ его, сколько было ракетъ. «на случай—говорилъ онъ,—чтобы знать, что именно заказать, ежели придется сжечь хорошій фейерверкъ». Я видѣлъ повтореніе иллюминаціи, бывшей въ день фейерверка; всѣ горы были увѣнчаны вензелями императрицы, составленными изъ 55-ти тысячъ плашекъ. Сады также были иллюминированы; я никогда не видѣлъ такого великолѣпія!

«Мы переночевали на полпути къ каменному мосту, а на слѣдующій день проѣхали мимо Перекопскихъ укрѣпленій, гдѣ мы обѣдали; къ ночи мы были у каменнаго моста. Въ этомъ мѣстѣ

мы увидѣли тѣхъ же казаковъ, которыхъ мы встрѣтили проѣздомъ въ Крымъ. Я выѣхалъ въ 3 часа утра въ помѣстья, принадлежащія мнѣ на берегу Днѣпра, тамъ великолѣпныя пастбища... Я нашель тутъ 46 семействъ и 600 лошадей артиллерійскаго вѣдомства, которыя будутъ переведены въ другое мѣсто. Я предполагаю имѣть тутъ нѣсколько деревень и держать большія стада. Я догналъ поѣздъ императрицы, на слѣдующій день императоръ простился съ нею; онъ провель съ часъ въ ея кабинетѣ и въ ту минуту, когда она собиралась сѣсть въ карету, хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она не допустила его до этого, и они обнялись. Затѣмъ онъ прошель впередъ, къ экипажу, и снова хотѣлъ поцѣловать ей руку, но они дружески поцѣловались. Затѣмъ императоръ спросилъ меня, знаю ли я, гдѣ находится князь Потемкинъ, котораго онъ хотѣлъ посѣтить. Только-что я собрался вести его, какъ подѣхалъ свѣтлѣйшій князь. Императоръ вышелъ изъ кареты и направился къ его экипажу; князь, въ свою очередь, вышелъ изъ кареты. Императоръ простился съ нимъ, привѣтствовалъ его по поводу всего того, что ему удалось показать императрицѣ, поцѣловалъ князя и сѣлъ въ карету. Мы догнали императрицу и послѣ обѣда поѣхали впередъ, съ цѣлью добратся прямо сюда. Государыня пріѣдетъ только завтра вечеромъ. По пути мы видѣли 6-ть тысячъ человѣкъ конницы въ лагерѣ, подъ командою генерала Суворова; здѣсь весь день играла музыка».

На этомъ обрывается дневникъ, веденный принцемъ Нассаускимъ въ Крыму. Изъ его писемъ не видно, когда и гдѣ именно онъ откланялся императрицѣ.

Пять мѣсяцевъ спустя, война съ Турціей была объявлена, и онъ мчался въ Петербургъ, чтобы получить обѣщанное ему назначеніе ¹⁾).

В. В. Т.

¹⁾ Извлечено изъ сочиненія: „Un paladin au XVIII siècle. — Le Prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Par le marquis d'Aragon“.—Paris. 1893.

ПОМОЩНИКЪ ГЛИНКИ.

Мнѣ хочется сохранить память объ одномъ русскомъ музыкальномъ дѣятелѣ 40-хъ годовъ, который однажды оказалъ Глинкѣ великую музыкальную услугу, но который совершенно позабытъ въ настоящее время, и котораго даже имя почти никому у насъ не извѣстно.

Это баронъ Ѳеодоръ Александровичъ Раль.

На аффишѣ перваго представленія «Руслана и Людмилы» 27-го ноября 1842 г. стояли слова: «полковая музыка арранжирована барономъ Ралемъ».

Кто такой этотъ баронъ Раль? конечно, спрашивала тогдашняя петербургская музыкальная публика—и не получала отвѣта. Имя Раля еще въ первый разъ появлялось передъ ея глазами, оно до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не красовалось ни на единой оперной или концертной программѣ. Наврядъ ли многіе могли дать какое-нибудь объясненіе; да и кому изъ публики было въ тѣ времена какое-нибудь дѣло до человѣка, занимающагося военнымъ оркестромъ, военной музыкой? Это считалось дѣломъ военнаго регента, дѣломъ служебнымъ, дѣломъ четвертостепеннымъ, о которомъ и говорить-то не стоитъ. Въ одномъ письмѣ своемъ 1857 года, А. Н. Сѣровъ писалъ мнѣ: «Я помню, что никто изъ публики не понималъ (при первыхъ представленіяхъ «Руслана» въ 1842 году), что такое «арранжировка другимъ, когда музыка Глинки». Развѣ одни только театральные музыканты могли этимъ интересоваться и что-либо знать о Ралѣ. Вотъ никто ничего и не зналъ въ продолженіе цѣлыхъ 50-ти лѣтъ. А пора бы тоже и знать. Времена перемѣнились, и нынче, пожалуй, стыдно интересоваться въ оперѣ, особливо гениальной, только одними пѣвцами и пѣвицами.

Но странно то, что даже въ «Запискахъ» Глинки, гдѣ рѣчь идетъ о столькихъ лицахъ, бывшихъ съ нимъ въ соприкосновеніи по поводу его двухъ оперъ, можно встрѣтить всего лишь нѣсколько словъ о баронѣ Ралѣ. «10-го августа 1842 года», говоритъ Глинка, «была у ма-тушки на квартирѣ первая репетиція новой моей оперы («Русланъ и Людмила»). Участвовали: 1-я скрипка—Месъ и Альбрехтъ, замѣ-

нившій старика Кавоса, который умеръ, 2-я скрипка—Вейцманъ, альтъ—(?), виолончель—Шубертъ и контрбасъ—Мемель. Присутствовали: Гунке и Раль; этому послѣднему поручено было мною оркестровать написанное мною для военной музыки; во время этой репетиціи я на фортепiano игралъ партіи духовыхъ инструментовъ; голосовъ не было. Репетиція была очень удачна...» Нигдѣ болѣе въ «Запискахъ» не сказано ни единого слова о баронѣ Ралѣ, не смотря на всю важность довѣреннаго ему Глинкой дѣла. Это, конечно, объясняется единственно только необыкновенною краткостью всѣхъ вообще музыкальных свѣдѣній, сообщаемыхъ Глинкой въ его автобіографіи.

Въ прошломъ году, въ день празднованія 50-ти-лѣтія «Руслана и Людмилы», я намѣренъ былъ помѣстить въ «Музеѣ Глинки», устроенномъ мною въ фойе Маринскаго театра, портретъ барона О. А. Раля, въ числѣ портретовъ многочисленныхъ художниковъ и артистовъ, принимавшихъ участіе въ представленіяхъ «Руслана» какъ при жизни Глинки, такъ и послѣ его смерти. Мнѣ казалось необходимымъ, чтобы портретъ барона Раля находился тутъ наряду съ портретами капельмейстеровъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, режиссеровъ, декораторовъ и т. д., собранныхъ со всѣхъ концовъ нарочно для дня этого торжества, и я имѣлъ намѣреніе напечатать потомъ въ одномъ изъ журналовъ всѣ тѣ свѣдѣнія о баронѣ Ралѣ, которыя мнѣ до тѣхъ поръ удалось розыскать. Къ сожалѣнію, эта часть моей программы «Музея» не осуществилась, и потому я намѣренъ выполнить ее хотя теперь. Замедленіе вышло, можетъ быть, къ лучшему, потому что мнѣ возможно было, съ тѣхъ поръ, пополнить мои свѣдѣнія, благодаря подлиннымъ документамъ архива Императорскихъ театровъ, съ большою обязательностью сообщеннымъ мнѣ г. начальникомъ театральной нотной конторы, извѣстнымъ нашимъ артистомъ скрипачемъ, Е. К. Альбрехтомъ, а также благодаря полнымъ интереса подробностямъ о жизни барона Раля, сообщеннымъ мнѣ дочерью его, Маріей Ѳедоровной Жуковскою.

Баронъ Ѳедоръ Александровичъ Раль родился въ Петербургѣ, въ 1802 году. Отецъ его, баронъ Александръ Александровичъ Раль, былъ придворнымъ банкиромъ въ царствованіе императора Александра I. Мать его, Елизавета Николаевна, была дочь богатаго сахарозаводчика Мольво И отецъ, и мать, какъ большинство достаточныхъ нѣмецкихъ людей средняго класса, были большіе любители музыки, оба хорошо играли на фортепiano и въ молодости часто исполняли въ четыре руки всѣ любимыя вещи музыкальнаго репертуара начала нынѣшняго столѣтія, особенно оперы. Въ жизни семейства Ралей музыка всегда играла большую роль, и одна изъ дочерей, Аделаида Александровна,

впослѣдствіи замужемъ за извѣстнымъ ориенталистомъ и литераторомъ Сенковскимъ, писала въ 1853 году, въ біографіи покойнаго своего мужа: «Я вышла изъ семьи чрезвычайно музыкальной, многіе члены которой обладали такимъ музыкальнымъ талантомъ, что могли бы стать наряду съ первѣйшими артистами» ¹⁾. Говоря это, Сенковская имѣла, конечно, всего болѣе въ виду своего брата Ѳедора Александровича.

«Музыка съ самаго дѣтства была моею страстью», говоритъ еще Ад. Ал. Сенковская. Несравненно съ бѣльшимъ правомъ долженъ и могъ бы сказать это про себя баронъ Ѳедоръ Александровичъ Раль. Несмотря на всю свою «страсть», она, какъ сама же говоритъ, «скоро послѣ замужества почти совершенно оставила музыку» — случай очень обыкновенный въ средѣ дамъ; ея братъ, напротивъ, не взирая ни на какія превратности своей судьбы, никогда не переставалъ весь отдаваться музыкѣ — и результаты этой, на этотъ разъ дѣйствительно «страстной», преданности, вышли очень важными не только для него самого, для собственнаго наслажденія, серьезнаго занятія или празднаго баловства, но также и для его соотечественниковъ.

Баронъ Ѳ. А. Раль съ раннихъ лѣтъ сталъ заниматься музыкою. Домъ его отца былъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, однимъ изъ самыхъ значительныхъ музыкальныхъ центровъ въ Петербургѣ. Всѣ пріѣзжіе иностранные артисты, пѣвцы, пѣвицы, скрипачи, арфисты, кларнетисты и т. д. не только были принимаемы съ радушіемъ, но часто гостили тутъ по мѣсяцамъ. Музыкальныя собранія, маленькіе концерты происходили чуть не всякій день. Весь домъ Раля былъ полонъ музыки. Такимъ образомъ, можно сказать, съ самаго младенчества своего молодой Ѳедоръ Раль былъ окруженъ музыкой и получилъ къ ней вкусъ. Еще мальчикомъ онъ сталъ брать уроки на фортепіано у знаменитаго Филъда и скоро сдѣлалъ великіе успѣхи въ игрѣ. Впослѣдствіи его исполнительскій талантъ развился еще болѣе, и онъ сталъ вполне замѣчательнымъ піанистомъ. Въ среднихъ своихъ годахъ онъ былъ большимъ пріателемъ съ очень извѣстнымъ и очень моднымъ петербургскимъ піанистомъ, Шарлемъ Мейеромъ, и можно предполагать, что, послѣ уроковъ Филъда, онъ продолжалъ брать уроки у Мейера, а потомъ съ нимъ произошло то же, что, 12 лѣтъ позже, случилось и съ Глинкой.

Въ 1824 году, когда Глинкѣ было всего 20 лѣтъ, Мейеръ, дававшій ему до тѣхъ поръ уроки на фортепіано, сказалъ, что ему болѣе нечего учить Глинку, и прибавилъ: «Venez en ami, et nous ferons de la mu-

¹⁾ О. И. Сенковскій. Біографическія записки его жены. С.-Петербургъ, 1858 г., стр. 132.

sique ensemble». «Я съ искреннею признательностью вспоминаю объ этихъ дружескихъ выраженіяхъ», говоритъ Глинка въ своихъ «Запискахъ», и они оправдались на дѣлѣ. «Я посѣщалъ почти ежедневно Мейера: онъ по-прежнему задавалъ мнѣ разныя пьесы, иногда свои, а чаще еще Гумеля. Весьма терпѣливо разсматривая мои опыты въ сочиненіи, онъ объяснялъ мнѣ, сколько умѣлъ, правила искусства...»

Въ обоихъ случаяхъ дѣло началось только «фортеціанними» уроками, а кончилось «музыкальными» уроками, музыкальными совѣтами и совѣщаніями, а, наконецъ—музыкальной дружбой на долгіе годы.

Справедливы или нѣтъ такія предположенія, но вѣрно то, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ баронъ О. А. Раль увлекался не только музыкой вообще, но и оркестромъ въ особенности, и изучалъ его съ великою любовью, будучи, можно сказать, еще совершеннымъ ребенкомъ. Еще 12-ти лѣтъ, значить около 1814 года, когда у насъ не было еще никакихъ, особенно значительныхъ, оркестровъ, когда концерты были очень рѣдки, а загородной воксальной и садовой музыки и вовсе не было еще извѣстно, значить, когда случаи для слушанія и изученія оркестра были очень рѣдки,—онъ уже сочиняетъ и оркеструетъ маршъ, и скоро потомъ экосезы, вальсы и другія вещицы. Опять новая черта случайнаго виѣшняго, но все-таки характернаго, сходства съ Глинкой. И тотъ тоже былъ лишень случая, въ дѣтствѣ и отрочествѣ, слышать настоящей, большой оркестръ. Онъ жилъ въ деревнѣ, въ захолустьѣ, и долго ничего не слышалъ оркестроваго, кромѣ того, что исполнялъ скудный помѣщичій оркестръ дяди. И, однакоже, еще юношей сталъ писать именно для оркестра и, вообще, инструментовъ, такъ была сильна его склонность къ оркестру и его богатымъ краскамъ.

Только Глинка продолжалъ потомъ сочинять всю жизнь, и изъ него вышелъ гениальный композиторъ и оркестраторъ, а баронъ Раль, послѣ первыхъ попытокъ, еще юношей, оставилъ композиторское дѣло, какъ вещь ему вовсе несвойственную, и ограничился однимъ оркестрованіемъ, ему вполне свойственнымъ и потому страстно и навѣки любимымъ.

Однакоже, несмотря на всю любовь къ музыкѣ, молодой Раль увлекался также и другими вещами. Ему непремѣнно захотѣлось быть военнымъ, и вовсе не по особенной какой-то склонности къ военному дѣлу, а просто потому, что, какъ и большинству русскихъ юношей первой четверти нашего столѣтія, быть военнымъ—представлялось ему чѣмъ-то необыкновенно высокимъ, увлекательнымъ, аристократическимъ, военная жизнь—чѣмъ-то радужнымъ, а военный мундиръ—обольстительною предестью. Вотъ онъ и поступилъ въ Ольвиопольскій гусарскій полкъ юнкеромъ, 17-го мая 1821 года. Спустя годъ, когда ему было всего 19 лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ корнеты (19-го марта

1822 года). Все это произошло совершенно противъ воли его отца, мирнаго коммерческаго человѣка, не любившаго ни военное дѣло, ни военный мундиръ. Онъ сильно разсердился на сына и никогда не хотѣлъ простить ему этого поступка. Произошелъ даже вотъ какой любопытный случай, рассказанный мнѣ М. *Э. Жуковскою*.

Въ ноябрѣ 1822 года *Э. А. Раль* пріѣхалъ изъ Вилькомира, гдѣ стоялъ его полкъ, въ отпускъ въ Петербургъ, и его мать, всегда бывшая на его сторонѣ, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы помирить отца съ сыномъ. А это было не легко, такъ какъ характеръ отца былъ необузданный, своенравный и упорный. Вотъ, зная, что никакія просьбы и уговариванья не подѣйствуютъ, она вздумала смягчить своего мужа музыкой; посадила сына за фортепіано и окружила его трельяжами изъ растений такъ, что отецъ не могъ видѣть, кто изъ гостей играетъ. Отецъ, страстно любившій музыку, былъ совершенно восхищенъ игрою незнакомца и былъ, можно сказать, просто внѣ себя. Тогда его жена вывела за руку сына изъ-за трельяжа и пробовала смягчить сердце отца. Но это не удалось ей, и онъ остался непреклоненъ, несмотря на то даже, что ему было уже за 70, и онъ долженъ же былъ думать, что ему не долго остается пожить съ сыномъ. Но такъ какъ банкирскія дѣла старика *Раля* были въ это время въ сильномъ разстройствѣ, и сынъ не могъ уже ожидать отъ отца своего никакой поддержки для продолженія службы по кавалеріи, конечно, всегда очень дорогой, то онъ взялъ себѣ продолженіе отпуска изъ полка на цѣлыхъ полгода, а потомъ, 16-го марта 1824 года, и совсѣмъ вышелъ изъ полка, какъ сказано въ его формулярѣ, «по домашнимъ обстоятельствамъ».

Послѣ того, *Э. А. Раль* не служилъ цѣлыхъ 7 лѣтъ, и единственнымъ исключеніемъ изъ полной бездѣятельности было участіе его въ парадныхъ торжествахъ погребенія императора *Александра I*, въ 1826 г., причемъ баронъ *Э. А. Раль* исправлялъ должность помощника церемоніймейстера. Въ іюлѣ 1831 года онъ опредѣленъ въ штатъ петербургской полиціи, но это была служба чисто номинальная: онъ только числился и «состоялъ» при особѣ тогдашняго петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, графа *Эссена*, который хорошо былъ знакомъ съ его отцомъ и нерѣдко бывалъ у него въ гостяхъ. Во время блестящаго періода его жизни, въ продолженіе первыхъ 15—20 лѣтъ настоящаго столѣтія, весь петербургскій beau-monde перебивалъ на праздникахъ и пріемахъ банкира *Раля*, въ его богатомъ домѣ на Англійской набережной, или на его роскошной дачѣ по Петергофской дорогѣ.

Въ своей номинальной службѣ по полиціи, баронъ *Раль* оставался около восьми лѣтъ, мало дѣлая для казенной службѣ, но очень

много для самого себя, для собственнаго музыкальнаго самообразова-
 нія и усовершенствованія. Уже и всегда прежде, онъ любилъ оркестръ
 и умѣлъ играть на множествѣ инструментовъ, всего болѣе духовыхъ,
 деревянныхъ и мѣдныхъ; но теперь, почти на совершенной свободѣ
 отъ постороннихъ занятій, онъ предался съ еще болѣею страстью
 своей любви къ оркестровымъ инструментамъ и достигъ того, что
 превосходно игралъ на всѣхъ этихъ инструментахъ и зналъ ихъ на-
 туру, способы и средства, съ такою глубиною, какъ рѣдкіе музыканты.
 Но этимъ онъ только удовлетворялъ своей личной страсти и только
 самого себя тѣшилъ. Когда же наступила средняя пора его жизни, и
 ему стукнуло 35 лѣтъ, онъ вдругъ увидаль, что такъ долѣе нельзя,
 и надо перемѣнить свою жизнь. Отца уже не было въ живыхъ (онъ умеръ
 въ 1833 году), имѣніе вовсе исчезло, два старшіе брата, Александръ
 и Николай, давно умерли, всѣ пять сестеръ были давно пристроены,
 изъ нихъ четыре замужемъ ¹⁾. Онъ одинъ оставался бобылемъ, не-
 пристроеннымъ нигдѣ и ни къ чему. Надо было подумать о сред-
 ствахъ къ жизни, о будущемъ, о старости. И вотъ онъ рѣшился при-
 строить себя на службу къ тому дѣлу, которое одно ему было извѣстно
 и дорого, и которымъ онъ занимался всѣ 37 лѣтъ своей жизни. Че-
 резъ знакомыхъ и, можно предполагать, всего скорѣе черезъ своего
 пріятеля, Ал. Фед. Львова, въ то время уже директора придворной
 пѣвческой капеллы и вліятельнаго человѣка, а можетъ быть, также че-
 резъ братьевъ Лядовыхъ (Александра и Константина), своихъ
 близкихъ пріятелей, завѣдывавшихъ оркестрами и пользовавшихся
 тогда въ Петербургѣ большимъ уваженіемъ въ музыкальномъ мірѣ,
 баронъ Раль познакомился съ директоромъ петербургскихъ театровъ
 Г е д е о н о в ы м ъ, сдѣлавъ ему извѣстными свои музыкальныя позна-
 нія и способности, всего болѣе по части оркестра вообще и духе-
 выхъ инструментовъ въ особенности, какъ особой спеціальности, и
 обратился къ нему со слѣдующею интересною и замѣчательною
 просьбой:

«Съ юныхъ лѣтъ имѣвъ всегдашнюю склонность къ музыкѣ, посвя-
 тилъ я большую часть времени отъ занятія по службѣ на пріобрѣтеніе

¹⁾ Старшая, Елиз. Алекс., была замужемъ за харьковскимъ помѣщикомъ
 фонъ-Мейеромъ, увезшимъ ее изъ родительскаго дома, когда онъ самъ былъ
 еще молодымъ гусаромъ; вторая—Софья Александровна, за извѣстнымъ гене-
 раломъ Ф. Ф. Шубертомъ, начальникомъ военно-топографическаго депо и
 страстнымъ меломаномъ; третья—Аделаида Александровна, за знаменитымъ въ
 свое время профессоромъ восточныхъ языковъ и литераторомъ, Осипомъ Ива-
 новичемъ Сенковскимъ; четвертая—Александра Александровна, за профессо-
 ромъ академіи художествъ, архитекторомъ Ал. Павл. Брюловымъ; еще
 одна, Юлія Александровна, осталась дѣвницей и жила съ старушкой-ма-
 терью въ квартирѣ, навимаемой для нихъ Сенковскими.

познаій въ частяхъ музыки, какъ по теоріи оной въ отношеніи къ правиламъ сочиненія и испытанія всѣхъ родовъ инструментовъ, въ особенности духовыхъ, такъ и въ практическомъ писаніи партитуръ на основаніи тѣхъ правилъ, и съ употребленіемъ инструментовъ по свойству каждаго изъ нихъ. Чувствуя, что старанія, приложенныя мною для достиженія таковой моей цѣли, поставили меня на степень, на которой могу я быть полезнымъ, и намѣреваясь отнынѣ вовсе посвятить себя службѣ, состоящей изъ музыкальныхъ занятій, имѣю ревностное желаніе быть опредѣленнымъ по дирекціи, ввѣренной вашему превосходительству, въ должность, соотвѣтственную моимъ способностямъ. Посему осмѣливаюсь утрудить ваше превосходительство покорнѣйшею моею просьбою объ опредѣленіи меня въ таковую должность по усмотрѣнію вашему.

Уволенный отъ службы поручикъ

Баронъ Федоръ Александровичъ Раль».

15 мая 1839 г.

Жительство имѣю: на углу
Фонтанки и Усачова пере-
улка, въ домѣ Бочкова,
№ 473—9.

Въ тотъ же день, 15-го мая, директоръ Гедеоновъ далъ театальной конторѣ такое предписаніе: «Предписываю конторѣ опредѣлить барона Раля въ службу дирекціи капельмейстеромъ, съ жалованьемъ 2.000 рублей (ассигнаціями) въ годъ, вмѣнивъ ему въ обязанность сочинять и набирать музыку для балетовъ, дивертиссементовъ, водевилей, и исполнять все то, что отъ дирекціи приказано будетъ».

Титулъ «капельмейстера», данный здѣсь барону Ралю, не имѣлъ никакого отношенія къ дирижированію оркестромъ: дѣйствительнымъ капельмейстеромъ въ Большомъ театрѣ, въ Петербургѣ, былъ, тогда извѣстный Кавосъ, а послѣ его смерти, въ 1840 году, должность его занялъ А. Ф. Альбрехтъ, бывший до тѣхъ поръ первою скрипкой оркестра. Но, тѣмъ не менѣе, театральное начальство такъ ревниво и точно исполняло директорскія предписанія, что, когда Раль въ рапортахъ своихъ подписывался «управляющій оркестромъ», театральная контора предписала ему, ордеромъ отъ 10-го сентября 1840 года, подписываться подъ своими рапортами «капельмейстеромъ», а никакъ не «управляющимъ оркестромъ».

Спустя полгода, 1-го марта 1841 года, директоръ Гедеоновъ назначилъ барона Раля «надзирателемъ нотной конторы», т. е. тѣмъ чиновникомъ, который завѣдуетъ храненіемъ нотъ и, вмѣстѣ, изготовленіемъ оркестровыхъ партій для исполненія оперъ, балетовъ и проч., на театальной сценѣ.

Въ слѣдующемъ же году послѣдовало еще новое предписаніе директора театровъ, окончательно вводившее барона Раля въ тотъ кругъ дѣйствій, который былъ ему всего болѣе свойственъ и пріятенъ. Въ своемъ предписаніи, отъ 13-го января 1842 года, Гедеоновъ говорилъ театральной конторѣ: «Завѣдывающему нынѣ нотною конторою, капельмейстеру барону Ралю, на основаніи его рапорта, отъ 15-го декабря ¹⁾), предписываю конторѣ: по свободности отъ другихъ его по оркестру обязанностей, поручить ему въ полное завѣдываніе военную музыку, при спектакляхъ употребляемую, со всѣми приготовленіями оной для представленій, и арранжировкою на сценѣ, съ обязанностью перелатать и сочинять оную по надобности, дѣлать корректурныя изученія, занимаясь всѣмъ симъ въ ихъ полковой школѣ, съ оставленіемъ имъ содержанія, по 571 руб. 42 коп. серебр. въ годъ».

Въ 30-хъ годахъ, со времени открытія Большаго театра, военную музыку на нашей оперной сценѣ всегда исполнялъ военный оркестръ Гвардейскаго экипажа, во-первыхъ потому, что казармы этого экипажа находились очень близко отъ театра, а во-вторыхъ потому, что этотъ оркестръ былъ одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Уже и равьше 1842 года, баронъ Раль много занимался съ этимъ оркестромъ и много возвысилъ его музыкальное качество и значеніе, но со времени разрѣшенія Гедеонова, 13-го января 1842 года, по желанію и просьбѣ самого барона Раля, этотъ послѣдній получилъ уже официальное право постоянно заниматься съ нимъ въ «школѣ» Гвардейскаго экипажа. И онъ проводилъ тамъ, обыкновенно, такъ много времени на недѣлѣ, что иные думали тогда, что баронъ Раль состоитъ капельмейстеромъ при Гвардейскомъ экипажѣ; но это совершенно напрасно. Въ формулярныхъ спискахъ его за 1844, 1845 и 1846 года именно отмѣчено въ особой графѣ: «службы, не объясненной документами, не имѣеть». Но ни о какой службѣ, кромѣ при с.-петербургской театральной дирекціи, въ формулярахъ этихъ не говорится, значитъ, ея не было, и баронъ Раль развивалъ и совершенствовалъ оркестръ Гвардейскаго экипажа спеціально для Большаго театра.

Таково было положеніе дѣла, когда, 10-го апрѣля 1842 года, Глинка представилъ своего «Руслана и Людмилу» въ дирекцію, и Гедеоновъ, въ особенности подъ вліяніемъ старшаго своего сына, Михаила, великаго пріятеля Глинки, и даже участвовавшаго въ писаніи либретто этой оперы, не только принялъ ее съ удовольствіемъ, но еще велѣлъ немедленно разучивать и ставить ее на сцену.

Въ новой оперѣ военный оркестръ игралъ громадную роль — такую

¹⁾ Этого рапорта въ архивномъ дѣлѣ театральной дирекціи не сохранилось.

роль, какой не игралъ еще не только въ «Жизни за царя», но и ни въ какой другой оперѣ въ Европѣ. Намѣренія Глинки, даже и въ этомъ отношеніи, были громадны и новы—онъ давалъ оркестру на сценѣ (военному оркестру) самостоятельную, отдѣльную, наиважнѣйшую роль, совершенно отличную отъ прежняго назначенія—только по-полнять и усиливать тонъ и звукъ общаго опернаго оркестра. Примѣромъ и прототипомъ Глинкѣ служилъ, до нѣкоторой степени, одинъ Берлиозъ съ его «Реквиемомъ»: попытки отдѣльнаго оркестра, для изображенія восточнаго элемента, у Моцарта, Бетховена и Вебера въ «Похищеніи изъ серала», «Ruines d'Athènes» и «Оберонѣ» были еще слишкомъ слабы. Но, не взирая на все необычайное мастерство Глинки въ оркестровомъ дѣлѣ, онъ не признавалъ себя достаточнымъ мастеромъ по части военнаго оркестра и, сочиняя оперу, имѣлъ въ виду поручить оркестрованіе той музыки, которая назначалась у него для этого оркестра, какому-нибудь хорошему военному капельмейстеру—все равно которому, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ при постановкѣ «Жизни за царя» въ 1836 году. Но ему судьба особенно благопріятствовала на этотъ разъ. «Военную музыку» въ «Русланѣ и Людмиль» долженъ былъ исполнять высоко развитой и на высокую степень музыкальности возведенный, именно не задолго передъ тѣмъ, оркестръ Гвардейскаго экипажа; этимъ оркестромъ управлялъ великій мастеръ и превосходно одаренный музыкантъ—баронъ Раль. И этотъ самый баронъ Раль долженъ былъ, по официальной своей службѣ, перекладывать на военный оркестръ то, что потребуется для театра. А именно такое переложеніе требовалось для автора «Руслана».

Глинка уже и до того хорошо былъ знакомъ съ барономъ Ралемъ (по всей вѣроятности, черезъ А. О. Львова и черезъ братьевъ Лядовыхъ), и такъ скоро оцѣнилъ его, какъ превосходнаго музыкальнаго техника, и превосходнаго вообще, пріятнаго и образованнаго человѣка, что, по словамъ М. О. Жуковской, очень часто бывалъ у ея отца, иногда даже приходилъ къ нему всякій день. Понятно, поэтому, что, когда состоялась первая репетиція «Руслана», 10-го августа 1842 года, баронъ Раль былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ присутствовавшихъ на ней, которые принимали «къ исполненію» всѣ указанія Глинки и слышали, какъ онъ на фортепіано воспроизводилъ всѣ мѣста, назначенныя для военнаго оркестра.

У Глинки не было, да никогда и не могло быть, «помощника» и «совѣтника» въ томъ великомъ дѣлѣ, которое онъ совершалъ, создавая «Руслана и Людмилу». Какъ я говорилъ въ своей статьѣ, по случаю 50-ти-лѣтія «Руслана», «его сверстники, товарищи, друзья и пріятели— всѣ были не только на пѣлыя горы ниже его по дарованію, уму и фантазіи, но, относительно музыки, принадлежали къ общей европей-

ской, безразличной массѣ, и ничуть не нуждались въ той ревливой и исключительной народности, которая для него составляла все, которая была альфой и омегой всей его жизни. Для нихъ, въ его небывалой затѣѣ—создать русскую музыкальную національность въ оперѣ, не было ничего дѣйствительно дорогаго, важнаго, роднаго; они всѣ были, и по рожденію, и по воспитанію, сущіе космополиты, и могли смотрѣть на національную оперу не болѣе, какъ на пріятный капризъ—от-чего бы его и не похвалить, не поощрить?.. Во всемъ, что было самаго важнаго, существеннаго, капиталянаго для оперы, друзья Глинка (друзья Іова многострадалянаго) никогда не подавали никакого голоса. Ни либретто, ни содержаніе и распредѣленіе оперы, ни, еще менѣе того, что-либо въ музыкѣ не выиграли ни на единую іоту отъ «опытныхъ» литераторовъ и «надежныхъ» художниковъ и любителей. Что самъ Глинка придумывалъ и рѣшалъ, безъ никого, то одно и осталось хорошимъ...» Да, у Глинки въ дѣлѣ творчества и создаванія «Руслана» не было и не могло быть ни помощника, ни совѣтника. Но относительно созданія отличнаго, примѣрнаго военнаго оркестра для «Руслана», у него очень могъ быть и совѣтникъ, и помощникъ. Тутъ дѣло шло уже не о творчествѣ формъ, а только о выполненіи всяческихъ идей и могучихъ намѣреній Глинки—съ любовью и талантомъ, съ мастерствомъ, умѣньемъ и вкусомъ, такъ, чтобы вышло цѣликомъ и во всей красотѣ все, что представлялось мечтѣ автора.

Человѣкомъ, словно нарочно созданнымъ для этого всего, и былъ именно Раль.

Во-первыхъ, онъ не былъ космополитомъ по музыкѣ. Хотя и нѣмецъ по фамиліи, и реформатъ по религіи, онъ былъ настоящей русской по всѣмъ своимъ вкусамъ и симпатіямъ. Все русское онъ страстно любилъ, въ томъ числѣ и русскую музыку. Глинку, съ его первую оперою «Жизнь за царя», а впоследствии еще болѣе со второю, «Русланомъ и Людмилой», онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ опернымъ композиторамъ, не только за высокій талантъ, но и за созданное имъ впервые національное направленіе. Въ «Русланѣ», котораго онъ началъ узнавать еще въ концѣ 30-хъ годовъ, въ исполненіи самого автора, онъ восхищался не только общею гениальностью творчества, новизною формъ, мастерствомъ работы, но еще и взятою Глинкой задачей создать картины восточной и фантастической музыки. Порученіе осуществить могучими средствами военнаго оркестра идеи Глинки онъ считалъ истиннымъ для себя счастьемъ, и занимался этимъ дѣломъ съ величайшимъ увлеченіемъ. Многіе номера оперы сочинялись, можно сказать, на его глазахъ, и даже прямо послѣ совѣщаній Глинки съ барономъ Ралемъ. Одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Глинки, князь О д о е в с к і й, самъ очень образованный и знающій

музыкантъ, часто выдавшійся тогда съ Глинкой, писалъ въ «Библиотекѣ для чтенія», по поводу перваго представленія «Руслана»: «Умному композитору много содѣйствовало понятливое усердіе тѣхъ, которые, въ восторгѣ своемъ отъ его гениальныхъ помысловъ, положили въ дѣло всѣ свои усилія, всю свою изобрѣтательность, чтобы достойно осуществить ихъ; и самъ Глинка говоритъ откровенно, что безъ содѣйствія барона Раля онъ даже не осмѣлился бы рѣшиться на то новое употребленіе военной музыки, какое задумалъ-было среди своихъ вдохновеній и которое такъ удачно приведено въ дѣйствіе этимъ рѣдкимъ знатокомъ искусства» ¹⁾.

Этотъ же, упомянутый здѣсь князь Одоевскій, желая дать своимъ читателямъ понятіе о своеобразности созданія въ «Русланѣ» и о новизнѣ употребленія Глинкой военнаго оркестра, говорилъ: «Можно себѣ представить новость и необычайность эффектовъ, когда въ замкѣ Черномора вдругъ раздается дивная кавказская, персидская или арабская музыка, со своими несслыханными мелодіями, со своей новой гаммой, со своими то бурными, то крайне заунывными порывами. Кто имѣетъ понятіе о восточной гаммѣ, столь непохожей на европейскую, столь богатой дѣленіями, дѣйствующей не только полутонами, но и четвертями тоновъ, тотъ легко вообразить, какое необыкновенное искусство нужно здѣсь было въ композиторѣ, чтобы одной гармоніей покрыть ограниченность нашей гаммы и посредствомъ новыхъ или не полныхъ аккордовъ, новыхъ гармоническихъ оборотовъ, пролить на звуки западныхъ инструментовъ колоритъ азіятскихъ мелодій. Надобно сказать по совѣсти, что нигдѣ еще Глинка не являлъ столько музыкальнаго воображенія, такого могущества въ средствахъ, такой счастливой смѣлости въ созданіи, въ гармоніи, въ контрапунктѣ, какъ при этихъ ужасающихъ трудностяхъ сказочнаго предмета. Эффекты такихъ мѣстъ у него баснословны въ искусствѣ...» И кто же выполнилъ именно всѣ эти «баснословныя», по своей небывалой новизнѣ и своеобразію, музыкальныя созданія средствами военнаго оркестра, какъ того желалъ Глинка? Баронъ Раль. «Глинка», продолжаетъ князь Одоевскій, «разбросалъ щедрою рукой, по всей партитурѣ, особенныя «состязанія» между массаи звуковъ; такова, напримѣръ, въ танцахъ IV-го дѣйствія и въ финалѣ V-го (похороны Людмилы) эта удивительная борьба (такъ сказать, дуэтъ) военной музыки съ оркестровою... Тамъ, гдѣ полковые инструменты надѣлали бы только шуму, у него употребленіе военной музыки совершенно новое, доставляетъ чудеснѣйшія волны звуковъ и самыя изящныя ощущенія...» ²⁾.

¹⁾ „Библиотека для чтенія“, 1842 г., ноябрь, статья: „Музыкальныя новости“, стр. 1--4.

²⁾ Тамъ же.

Итакъ, не будь на-лицо, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, барона Раля и воспитаннаго имъ оркестра Гвардейскаго экипажа, а будь, вмѣсто него, тогда, какой-нибудь обыкновенный (хотя бы даже вообще и хорошій) военный капельмейстеръ, многія изъ капитальнѣйшихъ страницъ «Руслана» не существовали бы, или получили бы совершенно иной, болѣе обыкновенный и менѣе оригинальный видъ.

Прибавлю здѣсь, что въ первые два съ половиною года, пока «Русланъ» давался на петербургской сценѣ, баронъ Раль исполнялъ въ оркестрѣ партію фортепіано,—а это употребленіе фортепіано въ театральномъ оркестрѣ тоже была новинка, созданная Глинкой. Правда, еще въ 1829 году Берліозъ употребилъ фортепіано въ оркестрѣ своей симфоніи: «Lélio», но, во-первыхъ, все-таки это была симфонія для концерта, а не опера для театральной залы; во-вторыхъ же, Глинка никогда не слышалъ не только «Lélio», но до него не доходило даже ни единого слова про это созданіе. Онъ самъ придумалъ фортепіано для своего оркестра.

Въ 1845 году «Русланъ» былъ сосланъ изъ Петербурга въ Москву, вслѣдствіе пріѣзда итальянской оперной труппы (Рубини, Тамбурини, Виардó). Публикою овладѣла итальянская мономанія, заставлявшая смотрѣть на русскую гениальную оперу съ презрѣніемъ. Въ 1848 же году умеръ отъ холеры баронъ Ф. А. Раль (4-го іюля) и, кажется, умеръ въ самое во-время: въ продолженіе того длиннаго антракта, что, къ стыду Россіи, въ Петербургѣ не давали и не хотѣли давать «Руслана», партіи военного оркестра—были потеряны, и никогда болѣе потомъ не нашлись. По счастью, бѣдный авторъ военной оркестровки не испыталъ горя пережить такое несчастіе: утрату лучшаго и значительнѣйшаго дѣла всей своей жизни!

«Затеряніе» гдѣ-то, кѣмъ-то и когда-то партій военного оркестра обнаружилось лишь въ 1857 году. Скоро послѣ кончины Глинки, въ Берлинѣ, 3-го февраля 1857 года, два человѣка, страстно обожавшіе Глинку и его великаго «Руслана», стали хлопотать о томъ, чтобы устроить сейчасъ же концертъ въ память Глинки, составленный исключительно изъ его сочиненій. Эти двое были: Сѣровъ и я. Намъ удалось уговорить директоровъ Филармоническаго общества (многихъ изъ нихъ мы хорошо знали лично) взять на себя это предпріятіе и стать во главѣ его, тѣмъ болѣе, что Глинка состоялъ также почетнымъ членомъ этого благотворительнаго музыкальнаго общества ¹⁾. Программу концерта мы составляли тоже вдвоемъ: Сѣровъ и я.

¹⁾ Филармоническое общество имѣло цѣлью: собирать и раздавать пенсіи и денежныя пособія вдовамъ и сиротамъ петербургскихъ оркестровыхъ музыкантовъ и театральныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Но мы встрѣтили не мало помѣхъ разнаго рода, особливо по части исполненія гениальнѣйшихъ частей «Руслана» (интродукція, маршъ и танцы IV-го акта), на чемъ я всего болѣе настаивалъ. Самое худшее было то, чего мы никогда не могли предвидѣть: оказалось, что пропали партитура и партіи военнаго оркестра! Мы думали, что стоитъ только пойти и попросить изъ нотной конторы ноты «Руслана» — и все тотчасъ будетъ. Вышло другое. Нотъ нѣтъ! Какой это былъ для насъ ударъ! Сохранившееся до сихъ поръ, въ оригиналь, письмо Сѣрова, отъ февраля 1857 года, представляетъ собою отчетъ объ успѣхахъ негодіацій, порученныхъ мною тогда Сѣрову, и даетъ полное понятіе о нашихъ затрудненіяхъ и о нашемъ горѣ. Сѣровъ писалъ мнѣ ¹⁾: «Насчетъ глинкискаго концерта, я нахожу, что ты еще мало сказалъ противъ всеобщей подлости и равнодушія къ такому рода дѣламъ. Неужели это вездѣ такъ, или только въ нашемъ благословенномъ отечествѣ? Все, что я узналъ на вечерѣ у Ш и л о в с к о й ²⁾ въ воскресенье, и вчера у Леонида Л ъ в о в а ³⁾, превышаетъ всякую мѣру гадости.

1) Шиловская отказывается пѣть, безъ малѣйшаго настоящаго резона, а между тѣмъ, я знаю, что она чрезвычайно любитъ музыку Глинки. Вотъ, поди же!

2) Директоры Филармоническаго общества стараются, чтобы не было военнаго оркестра, чтобъ меньше платить.

3) Въ нотной конторѣ не только не существуетъ партій военной музыки для «Руслана», но и партитуры военнаго оркестра, чудесно арранжированныя Ралемъ, при личномъ сношеніи съ Глинкой, тоже потеряны ⁴⁾.

«Партіи можно было бы переписать—вотъ и все, а теперь, надо вновь оркестровать. Кто и когда это сдѣлаетъ?! Чтобъ хорошенько разъяснить тебѣ дѣло, я приведу тебѣ на память, что въ обѣихъ операхъ Глинки военный оркестръ писанъ въ двѣ строчки (какъ-будто для фортепіано). Разложить эти двѣ строчки въ каждомъ № (гдѣ участвуетъ военная музыка) на военный оркестръ—вовсе не бездѣлица:

¹⁾ „Русская Старина“, 1877 г., ноябрь, томъ XX, стр. 531.

²⁾ Марья Васильевна Шиловская, пѣвица-любительница, ученица Даргомыжскаго.

³⁾ Леонидъ Федоровичъ Львовъ, петербургскій меломанъ, братъ извѣстнаго Ал. Оед., авторъ „Боже, царя храни“.

⁴⁾ Начальникомъ театральной нотной конторы былъ въ 40-хъ годахъ Ос. Карл. Г у н к е (родомъ чехъ и прежде скрипачъ оркестра). И Сѣровъ, и я, мы оба были съ нимъ хорошо знакомы, и при наступившей въ 1857 г. надобности въ ралевской арранжировкѣ, онъ охотно принялся за розысканія, тѣмъ болѣе, что очень любилъ и уважалъ Глинку, котораго лично зналъ прежде. Но всѣ его розыски въ театральной нотной конторѣ и въ оркестровой школѣ Гвардейскаго экипажа остались тщетны.

это составляетъ особенныя партитуры въ 30 строчекъ. Раль понималъ это дѣло мастерски, какъ мнѣ рассказывали Константинъ Лядовъ и Петровъ, бывшіе свидѣтелями этихъ работъ; даже на аффишкѣ того времени, по желанію Глинки, выставлялось: «военная музыка арранжирована барономъ Ралемъ»—это я самъ помню, и помню тоже, что никто изъ публики не понималъ, что такое значитъ: «арранжировка другимъ, когда музыка Глинки». И надо же было потерять эти партитуры! Теперь Конст. Лядовъ можетъ отчасти наизусть написать на военный оркестръ, потому что помнитъ Ралевскія партитуры. Можетъ тоже сдѣлать это Чапиевскій ¹⁾—но.. время?! Между тѣмъ, нельзя играть безъ этого условія, ни интродукціи, ни марша и лезгинки. Ферреро ²⁾ увѣряетъ, при томъ, по опыту, что лезгинка не пойдетъ сколько-нибудь гладко безъ пяти репетицій съ солдатами. Сдѣлають ли это?!

«Вотъ и концертъ, вотъ и обдуманная программа!»

Такимъ образомъ, мы съ Сѣровымъ должны были отказаться отъ нашей дорогой мечты: исполнить, хотя послѣ смерти Глинки, тѣ, чего столько лѣтъ при его жизни не хотѣли знать и постыдно презирали въ честь какихъ-то итальянцевъ. Концертъ состоялся, но безъ лучшихъ созданій Глинки, въ настоящемъ ихъ видѣ.

Послѣ этой тшетной, нашей съ Сѣровымъ, попытки, дѣло съ военнымъ оркестромъ для «Руслана» вскорѣ сдѣлалось для театральной дирекціи вопросомъ, котораго нельзя уже было откладывать въ долгій ящикъ, или, пожалуй, и вовсе забывать. Отдѣльныя личности, великодушныя оперныя пѣвцы русскіе настойчиво принялись за то дѣло, на которое публика и дирекція давно махнули рукой. Артемовскій, потомъ Булаховъ стали требовать, и добились постановки, въ ихъ бенефисы, частицы великой оперы Глинки. Въ 1858 году О. А. Петрову удалось поставить, въ свой бенефисъ, и всю оперу, а такъ какъ это представленіе дало вдругъ въ результатъ неожиданную сумму, цѣлыхъ 1.073 руб. 90 коп., то дирекція и рѣшилась пожинать денежные авантажи. «Русланъ» пошелъ въ ходъ. При этомъ всемъ, военный оркестръ надобенъ былъ, но откуда взять его? Вотъ и поручено было регенту Конногвардейскаго полка, Хлѣбникову, слышшему знатокомъ по своей части, «положить на военный оркестръ» все требуемое для «Руслана». Онъ это и сдѣлалъ какъ умѣлъ, конечно, безъ всякой особенной талантливости, но прилично: по долгой практикѣ онъ понималъ, приблизительно, чтѣ требуется. И эта арранжировка, довольно ординарная, но приличная, просуществовала на нашемъ театрѣ довольно долго, до самаго 1871 года. Въ этомъ году была устроена

¹⁾ Тогдашній инспекторъ военныхъ оркестровъ въ Петербургѣ.

²⁾ Начальникъ нотной конторы и капельмейстеръ.

новая постановка «Руслана», съ новыми, необыкновенно талантливыми декораціями, такими, какихъ никогда прежде не бывало, а также съ новыми костюмами, сочиненными людьми, истинно знающими и даровитыми, почему эти костюмы вышли въ высшей степени историчными и художественными. Для этой-то постановки рѣшено было устроить и новую арранжировку военного оркестра. Поручено это было Оглоблину, капельмейстеру Финляндскаго полка, дослужившемуся до своего званія, какъ и Хлѣбниковъ, изъ простыхъ полковыхъ музыкантовъ, и потому ничего за собой не имѣвшему, кромѣ долгодѣтельной практики. Его оркестровка удержалась на нашей сценѣ и до сихъ поръ, въ продолженіе болѣе 20-ти лѣтъ. Главный недостатокъ арранжировки Оглоблина тотъ, что оркестръ Финляндскаго полка состоитъ только изъ мѣдныхъ инструментовъ, значить, во-первыхъ, противорѣчить коренному намѣренію Глинки, который имѣлъ въ виду военный оркестръ, состоящій какъ изъ мѣдныхъ, такъ и изъ деревянныхъ инструментовъ; во-вторыхъ же, для мѣдныхъ инструментовъ въ высшей степени несвойственны и затруднительны нѣкоторыя, самыя существенныя, части Глинкинской музыки: напримѣръ, чудная гамма лезгинки: *d, es, fis, g, fis, es, d, cis, b, a, b, cis, d, d*. При изданіи, въ 1878 году, полной партитуры «Руслана» (на издженіи Л. И. Шестаковой), напечатана была, въ особомъ приложеніи, военная оркестровка, написанная Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, не только истиннымъ и глубокимъ художникомъ и искреннѣйшимъ поклонникомъ Глинки, но и величайшимъ мастеромъ военно-оркестроваго дѣла. Поэтому, его военная оркестровка не могла не приближаться къ истинному выполненію всѣхъ намѣреній Глинки, но она и до сихъ поръ (14 лѣтъ) не принята на нашу сцену, потому что «признано», что во всѣхъ нашихъ петербургскихъ полковыхъ оркестрахъ деревянные духовые инструменты недостаточно надежно и вѣрно играютъ, и потому, до поры до времени, «лучше довольствоваться одною мѣдью». Военная оркестровка Римскаго-Корсакова была употреблена въ дѣло всего одинъ разъ: къ концертъ, данномъ М. А. Балакиревымъ, 12-го декабря 1882 года, въ пользу фонда для сооруженія памятника Глинкѣ въ Смоленскѣ. «Интродукція» и «Лезгинка» исполнялись тремя оркестрами: обыкновеннымъ театральнымъ (передъ сценою), военнымъ деревяннымъ (придворный музыкантскій—на сценѣ) и военнымъ мѣднымъ (артиллерійскій—на сценѣ).

Баронъ Ѡ. А. Раль умеръ отъ холеры 4 іюля 1848 года, и такъ мало былъ извѣстенъ въ то время, что не удостоился даже самаго малѣйшаго некролога, самаго малѣйшаго извѣстія въ нашей печати. Ни слова не написалъ о немъ даже самъ Сенковский, приходившійся ему

близкимъ родственникомъ и считавшій себя истиннымъ любителемъ музыки и истиннымъ цѣнителемъ музыкантовъ, въ томъ числѣ и Глинки съ его «Русланомъ».

Баронъ *Э. А. Раль* былъ по натурѣ человѣкъ права мало общительнаго, всего болѣе любилъ сидѣть дома, одинъ, и заниматься, кромѣ музыки и писанія партитуръ, разными механическими изобрѣтеніями и приспособленіями; такъ, напримѣръ, онъ изобрѣлъ фонтанъ для домашней оранжереи, который дѣйствовалъ силою бѣлки, бѣгающей въ своемъ колесѣ, изобрѣлъ машинку, вродѣ двигающагося вѣера, для огражденія сиящаго человѣка отъ мухъ и комаровъ, и т. д.

Музыкой онъ занимался очень много, но только у себя дома, и комнаты его были завалены партитурами, особенно оперъ *Мейерабера* и другихъ новѣйшихъ композиторовъ. Въ концерты онъ почти никогда не ходилъ, никогда почти не бывалъ на музыкальныхъ вечерахъ *Сенковского*, и особенно не любилъ квартетной струнной музыки, почему также никогда не бывалъ на квартетныхъ вечерахъ своего зятя, генерала *Э. Э. Шуберта*, величайшаго аматѣра этого рода музыки. По части музыки, баронъ *Раль* всего охотнѣе и всего болѣе проводилъ времени— сначала съ *Глинкой*, а впоследствии съ *А. Э. Львовымъ* и братьями *Лядовыми* (*Александромъ* и *Константиномъ*). Но въ послѣдній годъ его жизни, самую сильную радость и наслажденіе доставили ему—концерты *Берліоза*, данные въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1847 года. И гениальная новая музыка этого француза, и его гениальный, совершенно новый и самобытный, оркестръ, наконецъ, и самъ оригинальная личность *Берліоза*, съ которымъ онъ успѣшилъ познакомиться, были источникомъ величайшихъ его восторговъ и счастья. Онъ восхищался *Берліозомъ*, въ Петербургѣ, кажется, почти столько же, какъ *Глинка* въ Парижѣ—значить, какъ почти никто болѣе въ Россіи.

Курьезенъ тотъ фактъ, что императоръ *Николай I*, не терпѣвшій, какъ извѣстно, усы и бороды у служащихъ, дозволилъ однажды барону *Ралю* носить усы, потому что тотъ представлялъ, что безъ усовъ потеряетъ «амбушюръ», столько необходимый для игры на духовыхъ инструментахъ. Такимъ образомъ, баронъ *Э. А. Раль* представлялъ, во время 40-хъ годовъ, въ царствованіе этого императора, одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ «чиновника въ вицмундирѣ и съ усами». Такимъ онъ представленъ и на акварели *М. Теренева*, съ которой копію я скоро надѣюсь представить русской публикѣ.

Изъ числа учениковъ барона *Рали* особенно выдавался старшій музыкантъ *Гвардейскаго экипажа*, *Сидоровъ*, проходившій съ нимъ курсъ генераль-баса, контрапункта и инструментовки. Къ сожалѣнію, этотъ даровитый музыкантъ, много обѣщавшій въ будущемъ, умеръ въ молодыхъ годахъ отъ чахотки.

В. Стасовъ.

ЧЕТЫРЕСТИШЯ ВЪ ЧЕСТЬ ГЛИНКИ

ПО СЛУЧАЮ ПОСТАНОВКИ

„ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“.

Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися Русь, нашъ Глинка
Ужъ не Глинка, а фарфоръ.

Віельгорскій.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея—Глинку
Отъ Негливной до Невы.

Кн. Вяземскій.

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки,
Мы глинтвейну стаканъ.

Жуновскій.

Слушая сію новинку,
Зависть злобой омрачась,
Пусть окрежещеть, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь.

Пушкннъ.

СМЕРТЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

1839 годъ.

Предсмертная болѣзнь Михаила Михайловича Сперанскаго началась собственно еще въ 1838 году, и хотя потомъ онъ нѣсколько оправился и сталъ опять заниматься дѣлами и выѣзжать, но полнымъ здоровьемъ уже не пользовался до самой смерти, постигшей его вечеромъ 11-го февраля 1839 года. Во время первой болѣзни императоръ Николай нѣсколько разъ его навѣщалъ, сложилъ съ него ссуду, незадолго передъ тѣмъ выданную ему изъ государственнаго казначейства для покупки дома, и наконецъ пожаловалъ его въ графы. Между тѣмъ въ ту же первую болѣзнь князь Васильчиковъ ¹⁾ тайно объявилъ мнѣ волю государя, чтобы, въ случаѣ кончины больнаго, немедленно запечатать его бумаги. Ссылаясь на это повелѣніе, князь повторилъ мнѣ то же самое и по-утру 11-го февраля, когда возобновившіеся припадки болѣзни уже отняли всякую надежду спасти жизнь Сперанскаго.

Но вечеромъ, въ ту минуту когда, по извѣстію, что все кончено, я садился въ карету, чтобы ѣхать въ домъ покойнаго, вдругъ является ко мнѣ фельдъегерь отъ Васильчикова, съ приглашеніемъ заѣхать прежде къ нему. Причиною сего зова было сомнѣніе князя, должно ли теперь приступать къ запечатанію бумагъ, ибо повелѣніе о томъ дано было въ первую еще болѣзнь Сперанскаго, и государь съ тѣхъ поръ могъ перемѣнить свою волю. Въ этомъ колебаніи, онъ сѣлъ было, при мнѣ, писать докладную записку, но потомъ передумавъ,

¹⁾ Ему былъ пожалованъ княжескій титулъ въ одинъ день съ графскимъ Сперанскому—1-го января 1839 года.

попросилъ меня лучше съѣздить къ государю, для скорѣйшаго полученія отвѣта. Меня тотчасъ ввели въ кабинетъ (въ Аничкиномъ дворцѣ). «Знаю уже, къ сожалѣнію, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ—сказалъ государь — я сейчасъ писалъ къ князю Иллариону Васильевичу, чтобы онъ передалъ тебѣ приказаніе запечатать бумаги покойнаго. И я, и ты, по близкимъ къ нему отношеніямъ, и всѣ мы понесли потерю ужасную, неизмѣримую».

Потомъ бесѣда его, очень продолжительная, была вся, можно сказать, исполнена сочувствія къ покойному, въ разительную противоположность тому, что я видѣлъ послѣ смерти графа Новосильцова. Не упоминая о томъ, что было сказано тутъ милостиваго и лестнаго собственно для меня, при воспоминаніи, какъ именно черезъ Сперанскаго я впервые сдѣлался извѣстнымъ государю, отмѣчу здѣсь только другіе главнѣйшіе моменты.

«Сперанскаго—говорилъ государь—не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва я и самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю 14-го декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клеветники умолкли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувства его къ покойному брату; но и тутъ, конечно...»

Государь остановился, не кончивъ своей мысли, въ которой, вѣроятно, заключалось тайное, невольное оправданіе Сперанскаго.

«А твое дѣло—продолжалъ государь—оставаться вѣрнымъ его школь: служи по-прежнему; не обращай вниманія на то, что слышишь вокругъ себя; иди своимъ путемъ, какъ велятъ честь и совѣсть; словомъ, дѣйствуй въ духѣ и правилахъ покойнаго, и мы останемся всегда друзьями, и ты будешь полезенъ не только мнѣ, но и Сашѣ».

Была рѣчь и о разстроивавшемся тогда все болѣе и болѣе здоровья князя Васильчикова, и о помощникѣ Сперанскаго, статсъ-секретарѣ Балучьянскомъ (прежнемъ учителѣ государя).

«Я уже Богъ знаетъ какъ давно не видалъ моего Михаила Андреевича—прибавилъ онъ—но слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ совсѣмъ уже опустился, даже впадаетъ въ ребячество».

Бумаги Сперанскаго государь велѣлъ мнѣ только запечатать, а для разбора ихъ изъявилъ мысль назначить особую комиссію ¹⁾ (какъ было послѣ князя Кочубея), предполагая въ нихъ особенную важность.

«Въ этихъ бумагахъ—замѣтилъ онъ—надо будетъ, вѣроятно, различить три эпохи: одну до 1812 года и потомъ до кончины брата Александра; другая должна содержать въ себѣ бумаги, относящіяся лично до меня, и совсѣмъ не касающіяся службы: эти особенно важны (ближе на сей счетъ государь не изъяснился); наконецъ, въ третій разрядъ войдутъ его бумаги по вашему совѣту, по законодательной части и пр. Все это надобно будетъ подробно разобрать и многое, вѣроятно, придется мнѣ взять къ себѣ».

Потомъ, обращаясь еще нѣсколько разъ съ особеннымъ чувствомъ къ этой невозвратимой потерѣ, государь сдѣлалъ, наконецъ, какъ бы самому себѣ вопросъ: кѣмъ бы можно было хоть сколько-нибудь замѣстить Сперанскаго?

«Къ вѣщему несчастію—сказалъ онъ тутъ—эта потеря застигла насъ въ ту минуту, когда такъ много еще оставалось намъ съ нимъ додѣлать. Польша, Финляндія, Остзейскій край ждутъ еще своихъ сводовъ; уголовные наши законы необходимо требуютъ пересмотра, къ которому мы было уже и приступили: кѣмъ я замѣню во всемъ этомъ умъ, знаніе и дѣятельность Сперанскаго? Покаместъ мысли мои останавливаются только на Дмитріи Васильевичѣ Дашковѣ ²⁾, онъ одинъ кажется мнѣ способнымъ къ этому дѣлу, да и просто нѣтъ больше никого. Но сладить ли онъ, возьмется ли даже за такой трудъ? Посмотримъ: надо съ нимъ переговорить, подумать...»

¹⁾ Она была впоследствии составлена изъ статсъ-секретаря Дашкова, Таянова и меня.

²⁾ Д. В. Дашковъ, въ то время министръ юстиціи, дѣйствительно и былъ назначенъ на мѣсто Сперанскаго, но онъ умеръ въ ноябрѣ того же 1839 года. Преемникомъ ему государь избралъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, заступившаго сперва мѣсто Дашкова въ министерствѣ юстиціи.

Результатъ, который я вынесъ изъ этой аудіенціи, состоялъ въ томъ, что императоръ Николай истинно, глубоко скорбѣлъ о Сперанскомъ, какъ едва-ли когда скорбѣлъ о другомъ изъ своихъ наперсниковъ. Онъ чувствовалъ, какъ тѣсно связалось это имя съ исторіею его царствованія, какъ велико было содѣйствіе Сперанскаго къ его славѣ, какъ высоко онъ стоялъ надъ другими нашими государственными людьми той эпохи. Если бы понадобились еще другія доказательства сокрушенія государя, то они представлялись въ достопамятной запискѣ его къ Васильчикову, о которой было упомянуто въ разговорѣ и съ которою встрѣтилъ меня князь, когда я воротился къ нему изъ Аничкина дворца.

Я тутъ же попросилъ дозволенія списать ее, какъ величественнѣйшую эпитафію къ надгробному камню покойнаго.

A l'instant même je viens d'apprendre la fin de notre respectable Speransky. Vous vous direz aisément, mon cher ami, ce que cette perte irréparable pour moi me fait éprouver de cruels regrets. Mais que la volonté, de Dieu soit faite: c'est une épreuve de plus et des plus pénibles pour moi; il faut s'y soumettre! Je crois nécessaire de vous enbager à envoyer de suite Korff mettre les scellés sur les papiers. A demain le reste.»

«Tout à vous pour la vie».

N.

Прибавлю здѣсь, что Сперанскій умеръ 68-ми лѣтъ отъ роду. Съ нимъ угасъ начатый имъ родъ, съ нимъ же угасло пожалованное ему графское достоинство. Сынъ дѣлъ своихъ, онъ явился безъ предковъ и исчезъ безъ потомства! ¹⁾

Послѣ него осталось 2.900 душъ, домъ, передъ тѣмъ подаренный ему государемъ, и—болѣе 600.000 руб. (ассигнаціями) долгу.

Баронъ М. А. Корфъ.

¹⁾ Т. е. безъ мужскаго. Единственная его дочь была въ замужествѣ съ д. т. сов. Фроловымъ-Багрѣвымъ.

МЫСЛИ Д. П. РУНИЧА

ПРИ

ПОГРЕБЕНИИ ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

Возвратясь изъ Невскаго монастыря съ великолѣпнаго погребенія графа Михаила Михайловича Сперанскаго, я былъ полонъ двумя мыслями, которыя попеременно занимали все вниманіе и моего верховнаго человѣческаго судьи, — моего разума. Въ наше время, разумъ окончательно разрѣшаетъ всѣ затрудненія и разрѣкаетъ однимъ мигомъ всѣ узлы! И мой хотѣлъ было однимъ ударомъ своей сѣчки разрубить на-двое мое недоумѣніе, приписавъ явленіе, при которомъ я находился, — счастію и случаю! Но я удержалъ его; не позволяя ему прекращать окончательно моихъ недоумѣній, а призвавъ на помощь памяти моей факты, здравый смыслъ и разсудокъ, я утвердился въ мнѣніи, которое подкрѣпило сорокалѣтнее наблюденіе, что происходившее послѣ сорока лѣтъ вѣликолѣпное погребеніе графа Сперанскаго не есть дѣло несчастія, ни случая, — а естественное явленіе слѣдствій, силы ума великаго, характера твердаго, способностей необыкновенныхъ.

Конечно, случай нуженъ, чтобъ возбудить силу! Но: *ex ungue Leonem!*.. Какихъ ни производи возбужденій; какихъ ни подводи случаевъ, ничто всегда останется ничѣмъ! Впрочемъ, великіе геніи не подлежатъ суду современниковъ.

Слѣдуя постепенно за возвышеніемъ Михаила Михайловича, совершавшимся въ глазахъ моихъ, хотя я и не имѣлъ чести принадлежать къ кругу близкихъ къ нему и не могу говорить о его моральныхъ качествахъ, но имѣю въ рукахъ моихъ нѣсколько со-

ственноручныхъ его писемъ къ покойному отцу моему, свидѣтельствующихъ чувства нѣжныя и самую искреннюю попечительность о присныхъ. Такихъ чувствъ не должно искать въ душахъ обыкновенныхъ.

Современникъ мой, по началу гражданской службы, Михайлъ Михайловичъ Сперанскій, около 1799 года, времени моего возвращенія изъ заграницы въ Россію, поступилъ въ гражданскую службу изъ учителей Невской академіи, — а въ незабвенный 1812-й годъ былъ уже государственнымъ секретаремъ и александровскимъ кавалеромъ; а въ 1839 году кончилъ жизнь графомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и андреевскимъ кавалеромъ! Такъ, оставя сорокъ лѣтъ назадъ Невскую лавру, гдѣ необыкновенная сила слова и краснорѣчіе его предвѣщали уже и способности необыкновенныя, развившіяся впоследствии во всемъ блескѣ, онъ возвращаетъ нынѣ той же Лаврѣ смертныя останки свои, которые предаются землѣ, въ присутствіи государя императора, какъ остатки государственнаго мужа, обязаннаго возвышеніемъ своимъ глубокой проницательности двухъ великихъ государей, силъ ума своего — и необыкновеннымъ своимъ дарованіямъ! Быстроту хода всегда полезнѣйшей и видной его службы всякъ усмотрѣть можетъ изъ послужнаго его списка. Я пишу не некрологію сего незабвеннаго чловѣка, но желаю сохранить нѣкоторые очерки жизни покойнаго для потомства. Что Карамзинъ сдѣлалъ для русской словесности, митрополиты Платонъ и Михайлъ для духовнаго краснорѣчія, то сдѣлалъ Сперанскій для правительственнаго слога: style de barreau.

До него, и слогъ сей и самый почеркъ были варварскіе, въ чемъ согласятся со мною всѣ, подобно мнѣ начавшіе и продолжавшіе сорокъ лѣтъ назадъ гражданскую службу.

Русскіе не имѣютъ надобности искать великихъ именъ между скиоами, греками и римлянами. Россія и имѣла великихъ государей и великихъ государственныхъ людей! Исторія и потомство съ гордостію воспоминать будутъ: Великаго Петра, Екатерину и Александра Благословеннаго. Не дерзаю къ именамъ симъ присовокупить еще имени великаго, — но всѣ назовутъ его! Та же исторія и то же потомство никогда не забудутъ полководцевъ, про-

славившихся въ царствованіе дома Романовыхъ: Потемкина, Румянцова и Суворова; — знаменитыхъ государственныхъ мужей, начавшихъ гражданскую славу, достигающей апогея, Россіи, Шувалова и Бецкаго; отцовъ російскаго слога: Ломоносова, Державина и Карамзина. И та же исторія и то же потомство, вспоминая съ благоговѣніемъ вѣчнонаснаго благотворителя своего, благополучно царствующаго государя императора, и по имени и по дѣламъ перваго, даровавшаго Россіи образованіе прочное и законы положительные, благословляя царствованіе Николая, при взглядѣ на Сводъ Законовъ, къ благодарнымъ чувствамъ присовокупятъ, конечно, и чувства глубокаго уваженія къ памяти и отечественнымъ заслугамъ Сперанскаго.

15 февраля 1839 г.

Статья о Сперанскомъ не появилась въ печати и вызвала нижеслѣдующую о ней переписку, сохранившуюся въ бумагахъ Д. П. Рунича.

Н. Ш.

1.

Н. И. Гречъ—Д. П. Руничу.

15-го февраля 1839 года.

Получивъ сего дня, при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства, статью о погребеніи графа М. М. Сперанскаго, долгомъ поставляю отвѣтствовать вамъ, что статья ваша въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана быть не можетъ потому, что вслѣдствіе принятыхъ журналами правилъ, одно частное лицо не можетъ судить о жизни и заслугахъ государственныхъ мужей, отъ своего собственно имени; сверхъ того біографія графа М. М. составляется, по оставшимся отъ покойнаго документамъ, съ согласія родственниковъ и одобренія высшаго начальства, Ѳ. В. Булгаринимъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

2.

Д. П. Руничъ—Н. И. Гречу.

С.-Петербургъ „ “ февраля 1839 года.

Естьли я не поспѣшилъ отвѣтомъ на письмо вашего превосходительства, не менѣе того, считаю долгомъ принести вамъ благодарность за скорое возвращеніе статьи моей: о погребеніи графа Сперанскаго и особенно за увѣдомленіе, что она въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана быть не можетъ, потому, «что одно частное лицо не можетъ судить о жизни и заслугахъ государственныхъ мужей отъ своего собственнаго имени». Эта мысль для меня нова! Прочитавъ въ 50 лѣтъ все историческое, что только прочтеннымъ быть заслуживаетъ, мнѣ никогда не встрѣчалось еще видѣть, чтобъ какой-нибудь писатель, знаменитый или подкупной, подписывалъ что, по примѣру торговыхъ домовъ: такой-то и комп.! Я не сужу въ статьѣ моей государственнаго мужа; а написалъ ее для убѣжденія только сумнящихся въ томъ, что достоинства личные людей истинно гениальныхъ могутъ пропадать безъ вѣсти, въ Россіи, и въ живое доказательство, что они всегда обращали и обращаютъ на себя вниманіе и благоволеніе вѣнценосцевъ российскихъ.

На самомъ погребеніи графа Сперанскаго, когда я предварилъ васъ, что пришлю къ вамъ, для «Сѣверной Пчелы», статью, по случаю сего погребенія мною написанную, вы отозвались: что немедля препроводите ее къ графу Бенкендорфу, «получивъ повелѣніе представлять на одобреніе все, что къ вамъ прислано будетъ, на счетъ дѣйствительно важной потери, которую понесла государственная служба». На другой день вы пишете: «что вслѣдствіе принятаго журналомъ правила, одно частное лицо и проч.».

Высочайшая воля и распоряженія уставленныхъ отъ нея властей для меня законъ, — предъ которымъ благоговѣю! Но правила журнальныя ни меня и никого не обязываютъ безусловнымъ соглашеніемъ съ тысячами мнѣній издателей журналовъ! и я принимаю отказъ вашъ не выраженіемъ Высочайшей воли, а

просто явнымъ уклоненіемъ отъ напечатанія статьи моей, несообразной съ видами вашей газеты, и не огорчаюсь и не обижаюсь тѣмъ, ибо написалъ мысли мои, отъ которыхъ никто изъ людей благонамѣренныхъ не откажется, не въ угодность родственниковъ графа Сперанскаго, которыхъ и не знаю! Неужели ваше превосходительство думали, какъ ввелось нынѣ говорить: надуть меня?—Письмо не юмористическая статья.

Что Ѳ. В. Булгаринъ взялся съ согласія родственниковъ графа Сперанскаго и одобренія высшаго начальства составить біографію графа, это очень естественно: но это нисколько не помѣшаетъ статьѣ моей быть напечатанною въ другихъ журналахъ, не подвѣдомыхъ «Сѣверной Пчелѣ». Сверхъ того, написанная мною статья о погребеніи графа Сперанскаго войдетъ въ массу собранныхъ въ продолженіе болѣе полувѣка покойнымъ отцомъ моимъ и мною за сто лѣтъ подлинныхъ фактовъ и документовъ, изъ которыхъ я составляю современные, для исторіи послѣ столѣтія, записки; впрочемъ, онѣ послѣ смерти только моей изданы въ свѣтъ будутъ. Что пишется для исторіи, то въ согласіи родственниковъ, газетъ и журналовъ надобности не имѣеть. Едва-ли Тациты и Герены обращали вниманіе на родственныя отношенія! Вы согласитесь, что не всѣ и біографіи и некрологіи для исторіи годятся! Впрочемъ, и вы правы: и газета—не исторія!

На счетъ живыхъ государственныхъ мужей никто произносить суда права не имѣеть! Но выводить послѣ смерти ихъ заключенія въ пользу живыхъ есть долгъ безпристрастнаго современника, предпочитающаго пользу общую частной, самостоятельную истину—пристрастнымъ сужденіямъ, жертву совѣсти—куренію идоловъ! Біографій, некрологій и эпиталямій я никогда писать не принимался. Ученымъ—и книги въ руки.

Письмо ваше ко мнѣ и настоящее, въ отвѣтъ на ваше, также не останутся безгласными; и они присоединятся къ матеріаламъ, которые войдутъ въ составъ современныхъ записокъ, о которыхъ я упомянулъ выше.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

3.

А. А. Краевскій—Д. П. Руничу.

25-го февраля 1839 года.

Статью вашу я, тотчасъ послѣ свиданія съ вами, отправилъ къ г-ну цензору Лангеру, и дня черезъ три получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ безъ рѣшенія цензурнаго комитета дозволить напечатаніе сей статьи не можетъ. Я просилъ его представить статью въ цензурный комитетъ; онъ представилъ и вчера прислалъ мнѣ ее съ надписью, которую вы изволите увидѣть на полѣ самой статьи ¹⁾.

Возвращая при семъ самую статью, я весьма сожалѣю, что препятствія, отъ меня не зависящія, не дозволяютъ мнѣ исполнить ваше желаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
А. Краевскій.

4.

Д. П. Руничъ—Н. А. Полевому.

С.-Петербургъ, 5-го марта 1839 года.

Не имѣя чести лично быть вамъ извѣстнымъ и находиться въ сношеніяхъ съ вами, по чувству искренняго уваженія къ безпристрастному суду вашему и истинно полезнѣйшимъ занятіямъ по части отечественной исторіи, какъ одинъ изъ давнѣйшихъ любителей русской словесности, около 1790-хъ годовъ, печатавшій уже вмѣстѣ съ покойнымъ Карамзинымъ плоды и моихъ занятій,

¹⁾ Надпись заключалась въ слѣдующемъ: „На напечатаніе этой статьи Комитетъ не согласился В. Лангеръ“.

препровожаю у сего къ свѣдѣнію вашему, въ копіяхъ: 1-е, статью мою: Погребеніе графа Сперанскаго. 2-е, письмо ко мнѣ г-на Греча, отказавшагося помѣстить ее въ «Сѣверной Пчелѣ». 3-е, отвѣтъ мой ему. Цензурный комитетъ не дозволилъ напечатаніе ея въ «Отечественныхъ Запискахъ». Такъ трудъ мой не нашель мѣста ни въ одной современной газетѣ! Вы увидите изъ моего письма къ г-ну Гречу, какія побужденія заставили меня, въ кои-то вѣки, ваяться за перо, чтобъ написать нѣсколько строкъ, основанныхъ на безкорыстномъ уваженіи къ генію,—не по лицу—а къ лицу,—по генію. Если вы оправдаете сіе побужденіе, а статья, понятія и чувства мои найдутъ мѣсто въ историческихъ воспоминаніяхъ вашихъ, трудъ мой будетъ вознагражденъ! Время—и для умныхъ, и для глупыхъ!—Исторія—для истины и потомства!

Искренно радуюсь что встрѣтилъ случай изъяснить вамъ, давно уже внушенное мнѣ сочиненіями вашими, не лестное къ вамъ уваженіе, съ которымъ постоянно пребываю вашимъ и пр. ¹⁾.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

¹⁾ На письмѣ этомъ сдѣлана помѣта Д. П. Рунича: „не послалъ“.
Н. Ш.

Дума Магницкаго при гробѣ графа Сперанскаго.

Около полувѣка тому назадъ, воспитанникъ Владимірской семинаріи въ простомъ тулупѣ, съ нѣсколькими рублевиками въ карманѣ, съ благословеніемъ сельскаго священника, отца своего, вошелъ, трепетною ногою, въ ворота Александро-Невской лавры. И—вотъ онъ! подъ раззолоченнымъ балдахиномъ погребальной колесницы, окруженный факелами и облакомъ кадильнаго ошмама, вѣзжается въ тѣ самыя ворота—графомъ Сперанскимъ, знатнымъ и знаменитымъ сановникомъ имперіи.

Такъ славный мореходецъ, проплывъ грозныя пучины дальныхъ морей, возвращается бездыханный въ отишіе той отечественной пристани, изъ которой, на гордо-поднятыхъ вѣтрилахъ, какъ на крыльяхъ надежды, вылетѣлъ онъ, нѣкогда, со всѣми мечтами счастья и славы!

Много крутыхъ стремнинъ и тяжелыхъ распутиѣ перейти надобно для окончанія такого поприща, какое совершилъ Сперанскій. Но утѣшительно то, что въ Россіи подобная дорога каждому отличному дарованію и заслугѣ открыта!

Сперанскій знатный сынъ дѣлъ своихъ! и даже творецъ своего имени, которое получилъ онъ въ училищѣ за отличные успѣхи¹⁾, ибо выполнилъ прорицательное его означеніе и сдѣлалъ историческимъ. Оно вписано въ лѣтопись нашей славы.

Завѣса смерти со всѣми испещряющими ее ужасами шумно опустилась! За нею—духъ на судѣ Божіемъ! Предъ ней

¹⁾ Родовое прозваніе его Грамотинъ, а имя Сперанскій есть пророческое прозвище, данное ему въ семинаріи для выраженія той надежды, которую подавалъ онъ въ самомъ дѣтствѣ.

гробъ и дѣла! Потомство съ безпристрастіемъ, а сорокалѣтняя дружба, сквозь слезы, ихъ разсматриваютъ.

Сперанскій принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мужей, которые восходятъ на политическомъ горизонтѣ, какъ вѣковыя свѣтила, и обтекая болѣе или менѣе обширную сферу, несясь болѣе или менѣе быстро, пылая болѣе или менѣе ярко,—его озаряютъ. Всѣ на нихъ смотрятъ и, гадая, ожидаютъ чего-то!..

Онъ палъ на полѣ чести доблестей гражданскихъ. Достойный одръ мужа знаменитаго, которому нѣтъ подобнаго въ нашей исторіи, по разнообразію обширныхъ и глубокихъ его познаній, по зоркости ума его, по смѣлому и высокому полету его мыслей, по дару слова, соединявшему силу и простоту съ какою-то неподражаемою очаровательностію, и которымъ изустно и на письмѣ владѣлъ онъ безъ всякаго приуготовленія, легко и непринужденно, по быстрому объему и ясному изложенію самыхъ трудныхъ государственныхъ предметовъ; по непосредственному участию, въ продолженіе четырехъ царствованій, въ важнѣйшихъ установленіяхъ.

Пройдемъ быстро тернистую стезю его жизни, дабы слѣдовать за нимъ на пути гражданской его славы.

Сперанскій, сынъ сельскаго священника, Владимірской губерніи, замѣченъ отличнѣмъ ученикомъ въ тамошней семинаріи и потому выбранъ въ Петербургскую академію. Брошенный въ сей новый міръ, онъ прилежно учится и особенные оказываетъ успѣхи въ краснорѣчіи, пишетъ стихи, дѣлается учителемъ, сочиняетъ и преподаетъ курсъ російской словесности. Девять лѣтъ проводилъ онъ въ прочтеніи, отличнѣйшей тогда по числу книгъ, академической библіотеки. И сіе обстоятельство рѣшило вкусъ и направленіе ума его на всю жизнь. Между тѣмъ извѣстность его въ академіи перешла въ городъ; князь Куракинъ (Алексѣй Борисовичъ), занимавшій при генераль-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ значительное званіе, захотѣлъ имѣть его учителемъ сына и частнымъ секретаремъ. Сперанскій принужденъ былъ принять сію должность и отправлялъ ее до восшествія на престолъ государя Павла I-го. При перемѣнѣ царствованія, князь Куракинъ сдѣланъ генераль-прокуроромъ, а Сперанскій изъ академическаго званія переименованъ въ гражданское. Здѣсь рѣшительно отрѣзанъ онъ отъ быта

духовнаго, и начинается гражданское его поприще. Скоро достигнул онъ до чина статскаго совѣтника. По смѣнѣ князя Куракина княземъ Лопухинымъ и при генералахъ Беклешовѣ и Обольяниновѣ оставался онъ, при каждомъ изъ нихъ, болѣе или менѣе значащимъ лицомъ.

Въ воцареніе государя Александра I-го былъ онъ управляющимъ комиссіею снабженія Петербурга хлѣбомъ. Неизвѣстна причина сей необычайной выходки въ его службѣ, но, полагать надобно, что онъ принялъ сіе мѣсто только для того, чтобы въ бывшихъ тогда перемѣнахъ осмотрѣться. Потомъ вступилъ онъ правителемъ дѣлъ къ статсъ-секретарю Троицкинскому. Здѣсь пріобрѣлъ онъ большую значительность, писалъ самыя важныя бумаги, сдѣлался извѣстнымъ государю, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и статсъ-секретари, и получилъ пенсію. Вскорѣ вышло образованіе министерствъ. Графъ Кочубей, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, избралъ его въ директоры своего министерства. Тутъ открылись его отличныя дарованія во всемъ ихъ блескѣ. Образовались разные департаменты внутреннихъ дѣлъ изъ бывшихъ до того коллегій, и совершенно новый, дѣловой міръ открылся и пошелъ въ стройномъ движеніи. Порядокъ министерства отразился и на управленіи губернскомъ. Положеніе объ управленіи земскихъ и городскихъ повинностей, устройство столичныхъ и градскихъ полицій, положеніе о евреяхъ, собраніе статистическихъ свѣдѣній о Россіи, учрежденіе рекрутскихъ участковъ, правила и формы губернаторскихъ и министерскихъ отчетовъ, положеніе о дорогахъ и о вольныхъ хлѣбопашцахъ,—всѣ сія акты и многіе другіе писаны Сперанскимъ. Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ его учрежденія до 1809 года, есть примѣчательное собраніе образцовыхъ актовъ Сперанскаго по распорядительному управленію.

Въ неуспынно тяжелой работѣ сей, велъ онъ жизнь самую уединенную и скромную. На краю города, противъ Таврическаго сада, дѣлое утро занимался онъ дѣлами, обѣдалъ съ тремя друзьями, у него жившими, и потомъ до поздней ночи читалъ все, что ставило его въ совершенность съ успѣхами европейскаго просвѣщенія, предаваясь особенно изученію философіи и наукъ государственныхъ; но сія счастливая жизнь его не долго продолжалась: предъ отъѣз-

домъ государя въ Витебскъ, Его Величество имѣлъ случай узнать Сперанскаго лично. Министръ занемогъ и послалъ его съ своимъ докладомъ. Государь такъ былъ плѣненъ умомъ Сперанскаго, ловкостью его доклада, познаніемъ дѣлъ и самою пріятностію чтенія, что при новомъ отбытіи въ Эрфуртъ назначилъ его къ отъѣзду съ собою и изволилъ хвалиться, предъ нѣкоторыми изъ окружавшихъ тогда Его Величество, что нашель своего Марета. Въ Эрфуртѣ подойдя на балѣ къ Сперанскому, государь спросилъ у него, какъ находить онъ чужіе края въ сравненіи съ Россією. Сперанскій отвѣтилъ: «мнѣ кажется, государь, что здѣсь установленія, а у насъ люди лучше». — Государь умнымъ, точнымъ и оригинальнымъ его отвѣтомъ такъ былъ доволенъ, что изволилъ сказать: возвратясь домой, мы съ тобою часто будемъ говорить объ этомъ. Точно такъ и было. Тотчасъ по возвращеніи государя въ Петербургъ, Сперанскій началъ имѣть частые и продолжительные доклады, коихъ однимъ изъ послѣдствій явился Государственный Совѣтъ въ новомъ его образованіи, въ которомъ Сперанскій возведенъ въ званіе государственнаго секретаря. Вышелъ общій уставъ министерствъ и образованіе министерства финансовъ, полиціи и военнаго, съ частными ихъ уставами. Здѣсь Сперанскій—государственный секретарь только по званію,—имѣлъ, на самомъ дѣлѣ, вліяніе первенствующаго министра на всѣ дѣла, по отличной къ нему довѣренности государя. И на сей высшей степени случайности ненарушимо сохранилъ старинныя связи, уединенную жизнь и простоту домашняго своего быта.

Но внезапно всѣ органическія работы государственной канцеляріи остановлены извѣстіемъ, что война съ Наполеономъ неизбежна и близка. Государь немедленно озаботился приготовленіемъ къ ней; и какъ Его Величество, такъ и Государственный Совѣтъ занялись разсмотрѣніемъ учрежденія для большой дѣйствующей арміи, которое и издано въ началѣ 1812 года.

Въ сіе смутное и страшное для отечества время, личная вражда, всегда въ видахъ своихъ прозорливая, нашла выгоднымъ къ оклеветанію Сперанскаго предъ государемъ; и дѣйствительно не было возможности заняться обслѣдованіемъ, ибо общая безопасность настоятельно требовала только скорѣйшихъ мѣръ осторожности и

жертвѣ. Сперанскій провель слишкомъ четыре года въ изгнаніи въ Нижнемъ Новгородѣ, Перми и новгородской своей деревнѣ. Въ Перми принужденъ онъ былъ продать свои брегетовскіе часы для содержанія себя, доколѣ не приспѣла ему помощь Лазаревыхъ, съ семействомъ которыхъ былъ онъ всегда друженъ, и кои, противъ обыкновенія, поспѣшили оказать важную услугу благодарности знаменитому изгнаннику. По природному благодушію своему Сперанскій одолжалъ многихъ. Одни Лазаревы его вспомнили.

Въ изгнаніи своемъ перевелъ онъ съ латинскаго подлинника, изданное имъ въ пользу бѣдныхъ, Подражаніе Христу и присокупилъ къ нему краткое извлеченіе изъ прочихъ твореній Θомы Кемпійскаго, которое есть неподражаемый образецъ изящнѣйшаго слога, отрывокъ невиданной у насъ прозы. Онъ не замѣтенъ въ концѣ книги Подражаніе, но рѣзко отъ нея отличается потому, что Сперанскій, изъ преувеличеннаго почтенія къ слогу подлинника, почти буквально его перекладывалъ; двухъ же прочихъ сочиненій Θомы Кемпійскаго извлекъ и передалъ свободно, на творческомъ своемъ языкѣ. Въ новгородской деревнѣ занимался онъ, предпочтительно, изученіемъ отцовъ церкви, писавшихъ о жизни созерцательной. Тамъ нашель онъ въ одномъ сосѣдственномъ монастырѣ книгу, въ которой собрано полное сихъ отцовъ ученіе, съ присокупленіемъ дѣятельной его части. Онъ углубился въ него со всѣмъ порывомъ души высокой, и отъ гоненій человѣческихъ ушелъ на небо! Тутъ послѣдовалъ переворотъ въ судьбѣ его. Онъ оправданъ Высочайшимъ указомъ и опредѣленъ пензенскимъ губернаторомъ. Не долго пробывъ въ семъ званіи, назначенъ онъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ сей Ость-Индіи нашей, которую нашель онъ во всемъ ужасѣ мѣстнаго самоуправства, открылъ и обличилъ онъ долготнѣя злоупотребленія, поставилъ имъ законныя преграды и представилъ сообразное съ отдаленіемъ сей области положеніе, коимъ навсегда обезпечилъ ея благосостояніе, какъ новый Ермакъ, онъ присоединилъ Сибирь къ общему порядку и благоустройству имперіи. Жестокій климатъ сего края, заботы и труды, особенно же мысль, что опредѣленіе его труда есть нѣкоторый родъ почетнаго удале-

нія отъ государя, начали разстроивать его здоровье. Онъ настоятельно просилъ дозволенія прѣхать въ Петербургъ и, послѣ многихъ сильныхъ противодѣйствій, получилъ его благодѣтельнымъ посредствомъ князя Александра Николаевича Голицына. Милостиво принятый государемъ, уклонился онъ отъ предложеннаго ему министерства и остался членомъ Государственнаго Совѣта и сибирскаго комитета.

Новые труды его, въ настоящее время, такъ извѣстны, что излишне было бы говорить о нихъ подробно. Сводъ Законовъ, памятникъ, въ теченіе ста лѣтъ недодѣланный, сооруженъ имъ въ такомъ видѣ, что законодательный трудъ, прославившій царствованіе Θεодосія, не можетъ выдержать никакого съ нимъ сравненія.

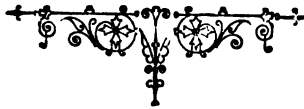
Въ послѣднее время знаменитой своей жизни, вѣнцомъ славы почиталъ Сперанскій счастье, котораго онъ удостоился, бывъ преподавателемъ высшаго законовѣдѣнія государю наслѣднику. Съ восхищеніемъ вспоминалъ онъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, что ему внималъ тотъ, который самъ будетъ нѣкогда законодателемъ пятидесяти народовъ. Онъ рассказывалъ, что государь цесаревичъ вездѣ, гдѣ послѣ того встрѣчалъ его, заводилъ съ нимъ рѣчь о семъ, плѣнившемъ его предметѣ. И сіе естественно, ибо Сперанскій, посвятившій всю жизнь на его изученіе, конечно, одинъ могъ преподавать его со всею прелестію обширнаго ума и очаровательнаго, государственнаго краснорѣчія, коего былъ и творцомъ и первымъ у насъ подлинникомъ. Такоу преподаватель достоинъ такоу слушателя.

Огромный капиталъ комиссіи духовныхъ училищъ, составившійся изъ свѣчныхъ доходовъ, есть мысль Сперанскаго. Сироты духовенства, и нынѣ призрѣнныя, и до высшихъ духовныхъ степеней образуемыя, равно какъ обезпеченіе состоянія семинарскихъ и академическихъ воспитанниковъ, суть также плоды его предположеній въ бытность членомъ комиссіи духовныхъ училищъ. Много принесли жертвъ умилоствленія предъ св. престолами Божиими, много вознесется молитвъ и вздоховъ отъ сиротъ и вдовъ духовенства при извѣстіи о его кончинѣ, и сіе теперъ ему нужнѣе всѣхъ нашихъ прославленій.

Положивъ вѣнецъ гражданскимъ доблестямъ на досточтимый его памятникъ, молодой россиянинъ, въ благородномъ порывѣ народнаго чувства, скажетъ: Вотъ какихъ мужей Россія имѣла! и гордымъ шагомъ пойдетъ отъ него. Но мы, окруженные развалинами современныхъ съ ними царствъ, свидѣтели паденія столькихъ сильныхъ земли, мы, разочарованные отъ земной славы, не остановимся на семъ послѣднемъ ея рубежѣ и, воздавъ праведную честь знаменитому сановнику, пойдемъ далѣе за человекомъ!

Сперанскій, независимо отъ отличныхъ его дарованій, былъ одно изъ тѣхъ изящныхъ существъ, кои въ разныхъ образахъ мнѣній, чрезъ которыя всякій мыслящій человекъ болѣе или менѣе происходитъ, вездѣ и всегда доброе. Добрый мужъ, отецъ вѣжннй, домостроитель благодушный и кроткій человекъ. Милосердый къ бѣднымъ, великодушный противъ враговъ своихъ. Вотъ титла и отличія, которыя понесъ рабъ Божій Михаилъ съ собою — туда! — въ новое, вѣчное свое гражданство! Все прочее осталось на порогѣ могильной его двери.

Напутствуемъ же и мы душу его такимъ молитвеннымъ вздохомъ, который былъ бы ей во услышаніе благоприятное: Господи! помяни раба твоего во царствіи Твоемъ! ¹⁾

¹⁾ Эта дума напечатана была въ искаженномъ видѣ въ „Москвитиннѣ“ 1843 года (№ 4, стр. 480) и сообщена А. С. Стурдзою. Въ сочиненіи барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“ — (С.-Петербургъ 1864), авторъ указываетъ на нѣкоторые недосмотры и ошибки въ „Думѣ Магницкаго“.

СПЕРАНСКІЙ ВЪ ПЕРМИ.

Подъ заглавіемъ: «Кое-что о пребываніи Сперанскаго въ Перми¹⁾ (Пермскія сказанія)» пользуясь памятной книжкой Пермской губерніи, я помѣстилъ въ «Казанскомъ биржевомъ листкѣ», отъ 14 февраля 1891 года, № 42-й, небольшую статейку о жизни М. М. Сперанскаго въ Перми.

Спустя болѣе года, именно въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1892 годъ, появилась замѣтка: «Изъ жизни Сперанскаго въ Перми». Въ ней авторъ говоритъ, что пермскимъ губернаторомъ во время проживанія Сперанскаго въ Перми былъ Германъ, тогда какъ фамилія его была «Гермесъ», Богданъ Ивановичъ, нѣмецъ, опредѣленный на эту должность въ 1811 году послѣ Модераха и замѣщенный потомъ въ 1818 году Криднеромъ²⁾; далѣе въ замѣткѣ не сказано ни слова о томъ—какъ относились къ опальному Сперанскому воспитанники гимназіи и духовной семинаріи; затѣмъ для чего-то скрыты фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, такъ или иначе причинявшихъ огорченіе Михаилу Михайловичу; наконецъ, вся замѣтка отличается краткостью и въ иныхъ мѣстахъ неточностью.

Да не посѣтуютъ на меня читатели «Русской Старины», что я на страницахъ сего почтеннаго журнала эпизодъ изъ жизни великаго россиянина рѣшилъ возстановить именно по «Пермскимъ ска-

¹⁾ См. памятную книжку Пермской губерніи на 1891 годъ, изд. Пермскаго губернскаго статистическаго комитета и „Пермскія губернскаія вѣдомостя“ 1880 г., № 64.

²⁾ См. „Пермскій край“, т. I, стр. 125; изд. Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, 1892 г.

заніямъ», которыя, вѣроятно, ближе къ истинѣ и рельефнѣе рисуютъ и жизнь М. М. Сперанскаго въ Перми, и бытъ жителей медвѣжьяго угла, какимъ была тогда Пермь.

Знаменитый изгнанникъ былъ привезенъ въ Пермь 23 сентября 1812 года, а оставилъ ее 19 того же мѣсяца 1814 года, проживъ такимъ образомъ въ Перми, въ опалѣ, два года безъ 3-хъ дней.

По прїѣздѣ, недѣли три М. М. Сперанскій имѣлъ отведенную квартиру у купца Н. Л. Попова; затѣмъ все прочее время жилъ въ нанятомъ на его счетъ помѣщеніи у наслѣдниковъ купца Иванаова. Домъ Попова сохранился до нынѣ и занятъ губернскою почтовою конторою; но ивановскій, находившійся на Торговой улицѣ, сломанъ, за ветхостію, въ 1837 году.

О невгодахъ, какія довелось испытать злополучному царедворцу при тогдашнемъ порядкѣ управленія въ Перми, мы и будемъ вести рѣчь.

Богданъ Андреевичъ (по другимъ Ивановичъ) Гермесъ носилъ только титулъ начальника губерніи; всѣ важнѣйшія дѣла онъ представлялъ рѣшать правителю канцеляріи и отчасти другимъ чиновникамъ, а мелкія — супругѣ своей Аннѣ Ивановнѣ. Губернаторъ и мужской ареопагъ положительно не знали, что имъ дѣлать съ Михаиломъ Михайловичемъ, а потому рады были, когда ея превосходительство взяла нежданнаго гостя въ свое вѣдѣніе.

Въ Высочайшемъ указѣ, при которомъ доставленъ государственный секретарь, губернатору предписано: «имѣть Сперанскаго по дѣстрогимъ присмотрѣмъ». Какой смыслъ заключался въ этихъ словахъ? Губернаторша настояла придерживаться буквы. На основаніи такого толкованія, въ переднюю квартиры Михаила Михайловича были посажены два будочника; городничему Грену и частнымъ приставамъ Максимову и Нвмѣнено въ обязанность посѣщать, безъ церемоній, во всякое время, квартиру ссыльнаго и о томъ, что увидятъ или услышатъ, рапортовать куда должно, т. е. Аннѣ Ивановнѣ — начальницѣ губерніи. На вопросъ одного смѣльчака: «съ какою цѣлью наряжаются будочники?» ея превосходительство дала отвѣтъ: «такъ себѣ, — пускай г. временщикъ, при видѣ караульныхъ, пойметъ конецъ своей роли!»

На первыхъ порахъ послѣ прїѣзда Михайлъ Михайловичъ пробовалъ было завести знакомство съ высшимъ классомъ жителей Перми, но не удачно: ему никто не оплатилъ визита. Правда, нѣкоторые желали быть вѣжливыми, но боялись навлечь на себя гнѣвъ губернаторши. Епископъ пермскій Іустинъ (Вишневскій), человекъ робкій, послѣдовалъ примѣру мірянъ. Между духовенствомъ нашелся, однако, дерзновенный, который навѣщалъ Сперанскаго и принималъ его у себя: это былъ игумень Соликамскаго монастыря Инокентій.

Стѣснивъ изгнанника внутри квартиры и отлучивъ отъ общества, Анна Ивановна не удовольствовалась этимъ и пошла далѣе. У нея родилась отвратительная мысль — предать мнимаго врага отчизны публичному поруганію. Фавориты губернаторши, раздавая лакомства мальчишкамъ, научали негодяевъ гоняться за Сперанскимъ по городу и кричать: «измѣнникъ! измѣнникъ!» Особенною ревностью въ такомъ преслѣдованіи, къ сожалѣнію, отличались воспитанники гимназій.

Еще объ одномъ оскорбителѣ слѣдуетъ упомянуть. Нѣкто Воронинъ, выгнанный изъ службы чиновникъ, прикидываясь помѣшаннымъ, часто являлся пьяный передъ окна квартиры Михайла Михайловича, садился и распѣвалъ во все горло исаломъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ»...

Вполнѣ равнодушный ко всему, чтò творили злоба и глупость, Михайлъ Михайловичъ почти ежедневно отправлялся гулять въ предместьѣ города — Слудку, значить, пересѣкалъ Пермь изъ конца въ конецъ. Сдѣлавъ по слудской набережной два, порой три тура, онъ останавливался противъ старой консисторіи и, опершись на трость, подолгу и задумчиво смотрѣлъ на печальную картину камскаго зарѣчья. Слудяне, вѣчно трудящіеся надъ выдѣлкою кожъ, не беспокоили посѣтителя ихъ слободы; украдкой поглядывали изъ оконъ на величавую фигуру петербургскаго генерала и дивились, что онъ не держитъ себя столбомъ, а вѣжливъ при поклонахъ, дѣлаемыхъ ему мимоидущими семинаристами. Къ чести этихъ юношей, ископныхъ постояльцевъ Слудки, должно сказать, что они, вѣроятно, по совѣту своихъ наставниковъ, взирали съ благоговѣніемъ на вышед-

шаго изъ ихъ среды славнаго изгнанника и были почитателями того, кого нагло обижалъ цѣлый городъ.

Вельможи, по мнѣнію свѣта, неспособны къ дружбѣ: равныхъ они не терпятъ, низшихъ презираютъ. Какъ другіе, а Михайль Михайловичъ, кажется, составлялъ исключеніе.

Искреннею его пріязнью могли похвалиться три пермяка: хозяинъ первой квартиры Н. Л. Поповъ, игумень Иннокентій и Д. Е. Смышляевъ. Поповъ былъ разорившійся купецъ, перебивавшійся крохами прежняго состоянія. Игумень Иннокентій, хотя числился соликамскимъ, но постоянно проживалъ въ Перми по должности преподавателя семинаріи и члена консисторіи. И тутъ злоба силилась прервать добрую связь. Подъ видомъ благожеланія, многіе говорили Иннокентію: «напрасно вы, отецъ, сближаетесь съ человекомъ, который находится въ опалѣ. Наживете бѣды!» — «А мнѣ, монаху, что-за дѣло до политики?.. Вижу къ себѣ вниманіе Михаила Михайловича и обязанностію христіанина почитаю воздавать ему за честь честію» — отвѣчалъ благородный инокъ и продолжалъ поощрять ссыльнаго. Смышляевъ же, тогда еще далеко не богатый человекъ, какимъ сдѣлался подъ старость, — ссудилъ, безъ всякаго залога, Сперанскаго 5.000 руб., суммою, по тому времени, весьма значительною. Этого пособія Михайль Михайловичъ не забывалъ до самой своей смерти. Подъ конецъ пребыванія въ Перми, Михаила Михайловича окружала толпа поклонниковъ, но онъ, конечно, умѣлъ цѣнить ихъ ласку.

Любопытны обстоятельства переменъ въ сношеніяхъ между Сперанскимъ и Гермесомъ. Нѣкоторые изъ крупныхъ чиновниковъ, сознавая крутость мѣръ, принятыхъ Анною Ивановною, и побаиваясь за супруга ея, предложили послѣднему спросить, гдѣ надлежало, какъ разумѣть личныя права состоящаго подъ строгимъ присмотромъ? Губернаторъ послушался. На представленіе его, министръ полиціи Балашовъ увѣдомилъ довольно лаконически: «разумѣть сосланнаго государственнаго секретаря какъ тайнаго совѣтника». Не трудно вообразить смущеніе и страхъ пермскихъ властей. Прежде всего, по тайному ихъ мановенію, исчезли будочники-швейцары, а за ними куда-то провалился и городничій Грень съ приставами. Самъ губернаторъ Гермесъ, чтобъ загладить вину предъ обиженнымъ тайнымъ

совѣтникомъ, прибѣгнувъ къ хитрости. Дождавшись перваго высокаторжественнаго праздника, губернаторъ облекся въ мундиръ и со свитой старшихъ чиновниковъ, тоже при формѣ, отправился парадно на поклонъ къ обитателю ивановскаго дома. Народъ не безъ удивленія смотрѣлъ на такой кортежъ, предполагая что-либо недоброе для Сперанскаго. Теперь будемъ говорить устами г. Баранова¹⁾, участника въ церемоніи: «Михаилъ Михайловичъ принялъ насъ очень просто; помню, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, одѣтый въ плафрокъ. На поздравленіе наше тайный совѣтникъ отвѣтилъ, едва приподнявшись со стула, легкимъ наклоненіемъ головы. Тутъ только поняли мы наши грѣхи противъ него! Чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха. Визитъ естественно былъ непродолжительнымъ. Откланявшись, мы уѣхали по домамъ и послѣ долго не заводили въ своемъ кругу рѣчи про настоящій урокъ. Впослѣдствіи Михаилъ Михайловичъ ни словомъ, ни дѣломъ не высказывалъ уже никому своего неудовольствія; напротивъ, весьма любезно принималъ участіе въ общественныхъ собраніяхъ даже самъ, какъ бы давнишній пермякъ».

Переводъ Сперанскаго въ Новгородскую губернію истолкованъ былъ самымъ выгоднымъ для него образомъ: рѣшено, что государственный секретарь опять возвращается ко Двору. Одни пермяки чаяли себѣ, за хлѣбъ-соль, всякаго блага, другіе—призадумались, памятуя кое-какія нехорошія вещи.

Наступило 10-е сентября 1814 г., день отъѣзда изъ Перми М. М. Сперанскаго. Весь губернский чиновный синклитъ, съ губернаторомъ Гермесомъ во главѣ, явился къ отъѣзжающему проститься и пожелать благополучнаго пути. Изъ постороннихъ находились помѣщикъ Х. Е. Лазаревъ и отецъ Иннокентій. Проводили до заставы. Здѣсь Михаилъ Михайловичъ, выйдя изъ экипажа, поблагодарилъ компанію за честь, перецѣловался со всѣми провожавшими и, садясь вновь въ возокъ, взявъ за руку близъ стоявшаго игумена и сказалъ: «прощайте, добрѣйшій отецъ Иннокентій! если я буду когда-либо счастливъ и вы будете счастливы!» Скромный инокъ на сей разъ не

¹⁾ Семена Ивановича, бывшаго впослѣдствіи губернскимъ прокуроромъ.

придалъ этимъ словамъ особаго значенія; черезъ 12 же лѣтъ онъ вспомнилъ о нихъ, когда неожиданно получилъ мѣсто пастыря Псковскаго монастыря, затѣмъ викарную кафедру въ Москвѣ, наконецъ архіепископство на Волыни.

Сообщилъ **М. А. Констанскій.**

19 іюля, 1893 г

Отъ Смоленска до пріѣзда Кутузова въ армию¹⁾.

I.

Наконецъ, достигалась цѣль предположеній, составленныхъ въ Дрисскомъ лагерѣ, соединеніе обѣихъ западныхъ армій не подлежало уже сомнѣнію. Во время движенія войскъ первой арміи изъ Порѣчья къ Смоленску (18-го іюля), главнокомандующій получилъ извѣстіе отъ князя Багратиона, что онъ приближается къ этому городу и, если нужно, вступитъ въ него на другой день послѣ первой арміи. Барклай-де-Толли, получивъ это извѣстіе и сообщая его начальнику своего штаба, генералу Ермолову, выразилъ такіа соображенія: такъ какъ соединеніе армій не можетъ уже встрѣтить ни малѣйшаго затрудненія, то не будетъ ли полезнѣе первой арміи дѣйствовать по особому направленію, предоставивъ второй операционную линію на Москву. Чтобы оправдать такого рода соображеніе, онъ говорилъ, что продовольствія будетъ недостаточно для двухъ армій, а между тѣмъ въ Торопцѣ, на Волгѣ и въ Тверской губерніи находятся большіе запасы, которые могутъ обезпечить вторую армію. Пока вторая армія будетъ дѣйствовать въ направленіи къ Дорогобужу, съ первою арміею направиться на Бѣлый и вверхъ по Двинѣ, т. е., достигнувъ цѣли соединенія обѣихъ армій, снова отдѣлиться отъ второй, разойдясъ съ нею почти подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ первой арміи, которая была вдвое многочисленнѣе второй, предстояло бы соединенно съ Витгенштейномъ дѣйствовать, защищая Петербургъ, противъ незначительныхъ силъ непріятеля, а второй, многочисленной, — противъ главныхъ силъ непріятеля, которымъ не считалъ возможнымъ съ успехомъ противустоять съ одною первою арміею самъ Барклай, по ихъ многочисленности. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должно было произвесть это предположеніе на Ермолова. Съ горячностію весьма

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1893 года статьи А. Н. Попова о войнѣ 1812 года: 1) Славянская Заря.—2) Баронъ Штейнъ въ Россіи.

естественною, хотя онъ и раскаявался въ ней впоследствии, онъ отвѣчалъ главнокомандующему: «государь отъ соединенія армій ожидаетъ успѣховъ и возстановленія нашихъ дѣлъ. Соединенія желаютъ войска съ нетерпѣніемъ. Къ чему послужили второй арміи перенесенные ею труды, преодоленныя опасности, когда вы повергаете ее въ такое же положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія? Движеніе наше къ Двинѣ выгодно для непріятели; онъ, соединя силы, уничтожитъ слабую вторую армію, отдалитъ васъ навсегда отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочимъ арміямъ. Вы не смѣете этого сдѣлать, вы должны, соединясь съ княземъ Багратіономъ, начертать общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю и желаніе императора. Россія, успокоенная на счетъ участи армій, ни въ чемъ упрекнуть не будетъ имѣть права».

Барклай-де-Толли выслушалъ его съ великодушнымъ терпѣніемъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуеть. «Мнѣ казалось, продолжаетъ генераль Ермоловъ, что я проникъ настоящую его мысль: соединеніе съ княземъ Багратіономъ не могло ему быть пріятнымъ. Хотя по званію министра на него возложено начальство, но кн. Багратіонъ, по старшинству въ чинѣ, могъ не желать повиноваться. Это былъ первый примѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ и, конечно, не могъ служить ручательствомъ за удобство распоряженій» ¹⁾.

Барклай не только терпѣливо выслушалъ горячія рѣчи Ермолова, но послѣ этого разговора не перемѣнилъ даже своего обращенія съ нимъ. «Впрочемъ,—замѣчаетъ онъ—можетъ быть не легко было это замѣтить; потому что ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ не можно».

Барклай дѣйствительно находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Не входя въ объясненіе его личныхъ чувствъ къ князю Багратіону, нельзя не замѣтить, что силою этихъ обстоятельствъ его отношенія къ нему, а чрезъ него и ко многимъ другимъ дѣйствовавшимъ лицамъ, были неловкими сначала, непріятными потомъ и враждебными наконецъ. Въ началѣ войны у насъ было три главнокомандующихъ: первую западную армію—Барклай-де-Толли, вторую кн. Багратіонъ и Дунайскую адмиралъ Чичаговъ. По закону—«главнокомандующій дѣйствующею арміею представляетъ лицо императора и облечается его властію»; но только въ томъ случаѣ, если въ войскахъ не присутствуетъ самъ императоръ. Его «присутствіе слагаетъ съ главнокомандующаго начальство надъ арміею, развѣ бѣ отдано было въ приказѣ, что главнокомандующій оставляется въ полномъ его дѣйствіи». Поэтому пока императоръ Александръ находился въ дѣйствующей

¹⁾ Записки А. П. Ермолова, 1812 г., стр. 149, 150 и 151-я.

арміи, въ его лицѣ была власть главнокомандующаго, а собственно главнокомандующіе, въ силу того же закона, были только «командующими частными арміями». Но съ его отъѣзда положеніе дѣлъ должно было измѣниться ¹⁾.

Предположено было соединеніе двухъ армій, но не сдѣлано никакихъ распоряженій о томъ, кому будетъ принадлежать главное начальство надъ соединенными арміями. Единство дѣйствій, необходимое для успѣха, требовало и единства власти, между тѣмъ оба главнокомандующіе по закону были равны между собою. Званіе военнаго министра, хотя на него впоследствии и опиралъ свои притязанія Барклай, не имѣло никакого значенія ²⁾. Главнокомандующій дѣйствующею арміею, по закону, находится внѣ всякаго его дѣйствія. Старшинство по службѣ могло бы имѣть большое значеніе въ этомъ случаѣ; отношенія равныхъ по званію при совокупныхъ дѣйствіяхъ иначе и опредѣлены быть не могутъ, какъ старшинствомъ по службѣ. Это старшинство принадлежало князю Багратіону; если, кромѣ этого старшинства, принять во вниманіе заслуги кн. Багратіона, его военную славу, доказанную многочисленными блестящими подвигами, то нельзя не признать, что его положеніе было еще болѣе затруднительно, нежели Барклая, въ виду предстоявшаго соединенія двухъ западныхъ армій. Ему, какъ кажется, точно такъ же, какъ и Барклаю, хотѣлось избѣгнуть, хотя бы временно, этого неминуемаго и важнаго событія въ Отечественной войнѣ, и притомъ въ то время, когда уже не представлялось никакихъ препятствій къ его осуществленію.

Въ то время, когда вторая армія находилась уже въ 25 верстахъ отъ Смоленска, графъ Се н ъ - П р и писалъ императору: «Ваше Величество, конечно, можете быть довольны, что вторая армія, не безъ великихъ затрудненій, достигла уже прямаго сообщенія съ первой. Эти сообщенія уже были обезпечены съ того времени, какъ мы достигли Мстиславля, и если съ тѣхъ поръ обѣ арміи совершенно соединились при Смоленскѣ, то это соединеніе, послѣдствія котораго могутъ быть весьма счастливыя, представляетъ и свои неудобства. Черезъ это скопилось огромное количество войскъ въ положеніи невыгодномъ, гдѣ не было приготовлено для нихъ достаточнаго продовольствія. Вслѣдствіе этого произошелъ дѣйствительный недостатокъ въ продовольствіи, который можетъ остановить самые успѣхи соединенныхъ армій. Этого неудобства не случилось бы, еслибъ послѣдовали образу дѣйствій, которыя предлагалъ князь Багратіонъ, чтобъ первая армія, удерживаясь при

¹⁾ Полное Соб. Зак. 1812 г., янв. 27, учрежденіе для управленія большою дѣйствующею арміею, ч. 1, глав. 1, §§ 1, 3 и 18, № 24975.

²⁾ Изображеніе военныхъ дѣйствій 1-й арміи, „Чтенія Моск. общ. истор. и дрв.“ 1858 г., кн. IV.

Витебскѣ, а вторая отъ Смоленска, постоянно угрожали бы обоимъ флангамъ непріятели, котораго уже начали тревожить съ тылу. Зная, что впереди въ средоточіи имперіи приготовляются новыя силы противъ него, онъ никогда не посмѣлъ бы стать между двухъ огней и далъ бы намъ возможность располагать военными дѣйствіями по нашей волѣ¹⁾.

Быть можетъ, и объ этомъ планѣ дѣйствій можно разсуждать съ точки зрѣнія военной науки, одобрять или опровергать его, какъ и планъ, выраженный Барклаемъ въ разговорѣ съ Ермоловымъ; но и этотъ одинаково клонился къ раздѣльному и самостоятельному дѣйствию обѣихъ армій и въ предложеніи этого, быть можетъ, принимало участие нежеланіе одного изъ главнокомандующихъ подчиниться другому.

Положеніе дѣлъ было темно, право главнаго начальника было неясно. Барклай-де-Толли былъ военный министръ. Князь Багратіонъ старѣе чиномъ. Воля государя по этому важнѣйшему предмету—не выражена, говоритъ одинъ изъ современниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ опредѣлить отношенія между двумя главнокомандующими оставалось силъ обстоятельствъ, ихъ личному разумѣнію и доброй волѣ.

Барклай-де-Толли начальствовалъ надъ арміею болѣе многочисленною, такъ сказать главною, составлявшею средоточіе военныхъ дѣйствій и при которой поэтому находилась главная квартира императора. По его отъѣздѣ, силою этихъ обстоятельствъ, Барклай-де-Толли уже сдѣлался на дѣлѣ какъ бы главнокомандующимъ обѣими арміями. Хотя онъ не вдругъ привыкъ къ своей власти, страшась соединенной съ нею отвѣтственности и, желалъ вовлечь государя въ такія распоряженія, которыя самъ имѣлъ право дѣлать; но тѣмъ не менѣе, сносясь съ княземъ Багратіономъ, конечно, какъ равный съ равнымъ, онъ поручалъ однакоже ему сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ дѣйствіями первой арміи.

Но сила обстоятельствъ имѣла значеніе, пока оба главнокомандующіе находились въ отдаленіи одинъ отъ другаго. Она уничтожалась съ того мгновенія, какъ они оказались бы лицомъ къ лицу. Въ этомъ случаѣ за отсутствіемъ высшаго распоряженія необходимо было, чтобы одинъ добровольно подчинился другому. Этотъ-то именно случай и представлялъ. Какъ же отнеслись къ нему оба главнокомандующіе.

Приведенный разговоръ Барклая съ его начальникомъ штаба уже показываетъ, что онъ желалъ избѣгнуть этого случая въ то самое время, когда онъ долженъ былъ осуществиться немедленно и безъ всякихъ препятствій, точно такъ же, какъ онъ избѣгалъ сраженій, на которыя самъ рѣшался, въ то время, когда приходилось свое рѣшеніе привести въ

¹⁾ Письмо изъ Катани, въ 25 вер. отъ Смоленска, безъ обозначенія числа. Получено 31-го іюля, какъ отмѣчено рукою графа Аракчеева.

исполненіе и, слѣдовательно—принять на себя всю отвѣтственность за послѣдствія. Не найдя опоры выраженному имъ мнѣнію въ лицѣ Ермолова, а въ слѣдъ за нимъ можетъ быть и во многихъ другихъ, но встрѣтивъ напротивъ горячее возраженіе, онъ также отступилъ передъ мыслью объ отвѣтственности самовольно измѣнить планъ дѣйствій, одобренный уже императоромъ, хотя, какъ главнокомандующій дѣйствующею арміею, онъ по закону, очень ему знакомому, былъ облеченъ властью самого Его Величества въ кругѣ предоставленныхъ ему дѣйствій. Но въ его соображенія не входила мысль о томъ, чтобы отъ главнокомандующаго можно сдѣлаться только старшимъ помощникомъ и совѣтникомъ другаго главнокомандующаго и такимъ образомъ сложить съ себя власть безъ особаго указа о томъ императора. Какъ строгій исполнитель закона, по его разумѣнію, онъ считалъ долгомъ удержать за собою эту власть, тѣмъ болѣе, что могъ рассчитывать на одобреніе императора за его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. Но и предполагая удержать за собою эту власть, онъ понималъ необходимость возстановить добрыя отношенія съ княземъ Багратіономъ. Поэтому послѣ разговора съ г. Ермоловымъ, такъ рѣзко встрѣтившимъ его предложенія дѣйствовать раздѣльно со второю арміею, онъ писалъ князю Багратіону: «Никто въ томъ сомнѣваться не можетъ, что непреодолимая препятствія преградили вамъ путь къ скорѣйшему соединенію. Самыя дѣйствія непріятели противу васъ сіе доказываютъ, и я никогда на этотъ счетъ разсужденій моихъ не дѣлалъ, а еще менѣе того официально не представлялъ, а единственно только отъ искренняго сердца желалъ, чтобы арміи скорѣе сблизились, яко единственное средство дать сей войнѣ лучшей оборотъ. Самыя движенія ввѣренной мнѣ арміи суть самыя лучшія тому доказательства. Я имѣлъ непріятеля въ тылу и на правомъ флангѣ, сражаясь ежедневно съ нимъ, спѣшилъ форсированными маршами къ тѣмъ пунктамъ, изъ коихъ я въ состояніи былъ обратить вниманіе маршала Да в у на меня и тѣмъ нѣсколько васъ облегчить. Послѣ всего этого оставляю вамъ самимъ разсуждать, не долженъ ли я быть оскорбленъ осужденіемъ вашимъ на счетъ первой арміи, въ рапортѣ вашемъ къ государю изъясненнымъ. Вотъ причина моего рапорта къ государю. Теперь, ваше сіятельство, быстрыми вашими движеніями желаемая цѣль достигнута. Смоленскъ, прямѣйшій путь къ Москвѣ, прикрытъ, и ваше сіятельство оказали тѣмъ одну изъ важнѣйшихъ услугъ государю и отечеству. Позвольте теперь васъ просить предать все забвенію, что между нами могли происходить неудовольствія. Мы можемъ остаться оба неправы, но польза службы государю и отечеству нашему требуютъ истиннаго согласія между тѣми, коимъ ввѣрено командованіе арміями... «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю времени, когда лично буду имѣть честь видѣться съ вашимъ сіятельствомъ и согласить съ вами общія наши

дѣйствія. Я не могу изъяснить, сколь мнѣ больно, что между нами могло существовать несогласіе. Прошу васъ все забыть и рука къ руку дѣйствовать на общую пользу отечества».

Совершенно въ иномъ положеніи находился князь Багратіонъ въ этомъ случаѣ. Онъ принадлежалъ къ прошлому, хотя недавнему, времени, которое съ гордостію называли тогда временемъ великой Екатерины. Его любилъ, какъ роднаго, гениальный Суворовъ и такъ любилъ за то, что видѣлъ въ немъ достойнаго вождя русскихъ войскъ, готоваго на все пожертвованія для славы отечества; его знали и любили войска, его знала и гордилась имъ вся Россія. Князь Багратіонъ возвысился до званія главнокомандующаго, говоритъ Ермоловъ, «согласно съ мнѣніемъ и ожиданіями cadaго». Это былъ не новичекъ и выскочка, неизвѣстно почему сѣвшій на голову всѣмъ. Князь Багратіонъ не былъ образованъ въ смыслѣ требованій новаго времени, господствовавшихъ у насъ въ первыхъ годахъ XIX столѣтія; но онъ обладалъ «умомъ тонкимъ и гибкимъ, обязательный и привѣтливый въ обращеніи, онъ удержалъ равныхъ съ собою въ хорошихъ отношеніяхъ, сохранилъ расположеніе прежнихъ пріятелей и, обогащенный воинскою славою, допускалъ раздѣлять труды свои, въ настоящемъ видѣ представляя содѣйствіе cadaго. Подчиненный награждался достойно, почиталъ за счастье служить съ нимъ, — всегда боготворилъ его! Никто изъ начальниковъ не давалъ менѣе чувствовать свою власть, никогда подчиненный не повиновался съ большою пріятностію. Обхожденіе его было очаровательное». Онъ былъ до вѣрчивъ, но его до вѣрностію «можно было воспользоваться только въ дѣлахъ мало ему извѣстныхъ».

Такъ описываетъ свойства князя Багратіона Ермоловъ, и его описаніе подтверждаютъ всѣ современники, и человекъ, обладавшій подобными свойствами, безъ всякаго сомнѣнія, пожертвовалъ бы личнымъ честолюбіемъ для пользы отечества. Онъ такъ и поступилъ. Прибывъ въ Смоленскъ, 21-го іюля, гдѣ уже находился Барклай, онъ немедленно поѣхалъ къ нему представиться. Барклай предуведомили и уговорили показать видъ, будто бы онъ самъ немедленно собирался къ нему ѣхать. Въ шарфѣ, со шляпою въ рукѣ, онъ встрѣтилъ его въ парадной комнатѣ, говоря: «узнавъ о вашемъ приѣздѣ въ Смоленскъ, я сейчасъ же хотѣлъ ѣхать къ вамъ».

Послѣдствія этого свиданія, на которое устремлено было вниманіе обѣихъ армій, были самыя благопріятныя. На другой же день, 22-го іюля, Барклай написалъ императору: «считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества, что я нахожусь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Багратіономъ. Я не могу не признать честнаго характера князя, исполненнаго самыхъ благородныхъ чувствъ и любви къ отечеству. Я объяснился съ нимъ о положеніи дѣлъ, и мы совершенно согласились

между собою въ томъ, какія слѣдуетъ предпринять мѣры. Позволю себѣ даже заявить, что разъ возстановилось доброе согласіе между нами, впередъ мы будемъ дѣйствовать совершенно одинаково. Завтра я буду имѣть счастье довести до вашего свѣдѣнія послѣдствія совѣщанія, которое я назначилъ для опредѣленія подробностей нашихъ военныхъ дѣйствій (*sur les détails des opérations*). Принимая во вниманіе растянутое положеніе непріятельскихъ корпусовъ на полукругѣ между Могилевомъ и Порѣчьемъ, я рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, прикрывая мои движенія цѣпью легкихъ войскъ, ударить всѣми моими силами на его лѣвый флангъ. Духъ войскъ въ обѣихъ арміяхъ превосходный, солдаты исполнены мужества, горять нетерпѣніемъ сразиться».

Нельзя не замѣтить въ этихъ строкахъ вліянія князя Багратіона, какъ будто его духъ повѣялъ и увлекъ за собою, конечно, не надолго, Барклай-де-Толли. Но скрѣпя сердце, уступилъ онъ общему мнѣнію военного совѣта, созваннаго имъ 25-го іюля въ Смоленскѣ, предложившему дѣйствовать наступательно, скрывая только свою мысль о необходимости продолжать отступленіе. Послѣ свиданія съ княземъ Багратіономъ, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно на лѣвый флангъ непріятеля, и военный совѣтъ собиралъ только съ тою цѣлю, чтобы опредѣлить подробности предположеній движеній войскъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что князь Багратіонъ предлагалъ ему именно наступательныя дѣйствія и могъ ли бы онъ писать императору, что между имъ и княземъ Багратіономъ состоялось полное соглашеніе, если бы онъ былъ противъ мысли о наступательныхъ дѣйствіяхъ и рѣшился продолжать отступленіе. Отдавая отчетъ императору о военномъ совѣтѣ въ Смоленскѣ, обѣщанный въ предыдущемъ письмѣ, онъ объяснялъ рѣшеніе двинуться къ Руднѣ необходимостію предупредить сосредоточеніе непріятельскихъ войскъ, растянутыхъ въ это время еще на значительномъ пространствѣ, удержать сколько возможно быстрое движеніе впередъ непріятеля съ тою цѣлю, чтобы дать необходимое время довершить вооруженія, предпріятыя внутри имперіи, и наконецъ потому, что удача въ этомъ случаѣ можетъ дать новый благоприятный для насъ оборотъ войнѣ, а при неудачѣ отступленіе нашихъ войскъ на Смоленскъ можетъ быть обезпечено. Эти извѣстія отъ главнокомандующаго первою арміею весьма обрадовали императора. Онъ поспѣшилъ отозваться на нихъ 28-го іюля милостивымъ дружескимъ письмомъ къ Барклаю и милостивымъ рескриптомъ князю Багратіону. Онъ поздравлялъ перваго съ побѣдами, одержанными надъ непріателемъ Витгенштейномъ и Тормасовымъ и—съ соединеніемъ обѣихъ западныхъ армій. «Я надѣюсь, — писалъ государь, — что теперь съ помощію Божіею, вы можете начать наступательныя дѣйствія и остановить втор-

женіе непріятеля въ наши области. Въ ваши руки, генераль, я передалъ спасеніе Россіи и льщу себя надеждою, что вы оправдаете мое довѣріе». «Ваше извѣстіе о томъ, что между вами и княземъ Багратиономъ водворилось доброе согласіе, доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Вы сами понимаете всю важность настоящаго времени и до какой степени теперь должно жертвовать всякими личными соображеніями, въ виду общей цѣли—спасенія отечества».

Въ тотъ же день князю Багратиону былъ подписанъ государемъ слѣдующій рескриптъ: «Князь Петръ Ивановичъ! Зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для него, время, вы отстраните всѣ личныя побужденія и, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи, вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право къ моей признательности. Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ».

Но эти отзывы императора получены были главнокомандующими въ то время, когда вновь разгорѣлась вражда между ними. Князь Багратионъ могъ пожертвовать въ виду общей пользы личными своими видами; но, конечно, не могъ отступить отъ своихъ взглядовъ на то, какъ слѣдуетъ дѣйствовать именно для общей пользы, для спасенія отечества. Его примиреніе съ Барклаемъ, вѣроятно искренное, основывалось однакоже на томъ, что между имъ и Барклаемъ послѣдовало соглашеніе на счетъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, какъ увѣдомлялъ императора самъ главнокомандующій первою арміею. На этомъ условіи, безъ сомнѣнія, могъ искренно примириться съ нимъ благородный, великодушный и добрый Багратионъ, потому что и самая его вражда къ Барклаю основывалась не на личностяхъ, а на томъ, что онъ не одобрилъ его образа дѣйствій, считалъ его вреднымъ и гибельнымъ для отечества. Но если по обоюдному соглашенію предпринимаемыя мѣры отмѣнились въ слѣдъ за тѣмъ однимъ изъ главнокомандующихъ, не только не съ согласія другаго, но прямо противъ его желаній и настояній, то долго ли могло продолжаться это соглашеніе? На дѣлѣ именно такъ и случилось. Соединеніе обѣихъ армій въ Смоленскѣ ободрило войска, всѣ радовались событію, въ которомъ уже начинали сомнѣваться. Но только—«радость обѣихъ армій была единственнымъ между ними сходствомъ, говорятъ генераль Ермоловъ. Первая армія, утомленная отступленіемъ, начала роптать и допустила безпорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладѣли къ главному, низшіе чины колебались въ довѣрїи къ нему. Вторая армія явилась совершенно въ другомъ духѣ. Звуки неумолкающей музыки, шумъ непрерывающихся пѣсенъ оживляли бодрость воиновъ. Исчезъ видъ понесенныхъ трудовъ, видна гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ преодо-

лѣнію новыхъ. Начальникъ—другъ подчиненныхъ; они—вѣрные его сотрудники. По духу второй арміи можно было думать, что пространство между Нѣманомъ и Днѣпромъ она не отступая оставила, но прошла торжествуя». Такъ и было дѣйствительно. «Походъ второй арміи отъ Нѣмана, отрѣзываемой съ фланга маршаломъ Даву, преслѣдуемой съ тыла королемъ Вестфальскимъ, покрылъ ее честью и возвысилъ еще болѣе въ глазахъ арміи и Россіи любимаго ими и прежде—любимца Суворова. Между обѣими арміями въ нравственномъ отношеніи была та разница, что первая надѣялась на себя и русскаго Бога, а вторая сверхъ того и на князя Багратіона. На Баркляя сначала надѣялись, а потомъ перестали. На Багратіонѣ сосредоточились надежды обѣихъ армій,» говоритъ другой современникъ—свидѣтель происшествій. Изъ этихъ свидѣтельствъ оказывается, что радость войскъ не заключалась только въ томъ, что они сдѣлались сильнѣе, когда обѣ арміи соединились. Это обстоятельство, хотя и весьма важное, мало входило въ соображенія войскъ, которымъ не могло быть извѣстно численное превосходство неприятельскихъ войскъ, когда и въ штабахъ обѣихъ армій не имѣли о немъ положительныхъ свѣдѣній. Но арміи надѣялись, что общее начальство надъ ними приметъ князь Багратіонъ, какъ старшій изъ главнокомандующихъ. «Вся армія меня просила гласно, чтобы я всѣми командовалъ, но я на сіе не отвѣчалъ, писалъ князь Багратіонъ къ графу Аракчееву въ это время, ибо есть воля на то государя моего, и хотя до крайности я огорченъ лично отъ министра, между нами сказать; но онъ самъ опомнился и писалъ простить его въ томъ. Я простилъ и съ нимъ обошелся не какъ старшій, но такъ, какъ подкомандующій. Сіе я дѣлалъ и дѣлаю точно по привязанности моей къ государю».

Но эта надежда войскъ, конечно, не могла осуществиться безъ явно выраженной воли государя. Люди, знакомые съ положеніемъ дѣлъ, какъ начальники штабовъ обѣихъ армій, генералъ Ермоловъ и графъ Сень-При, смотрѣли иначе и всю надежду полагали на личное примиреніе и соглашеніе двухъ главнокомандующихъ. «За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, благодѣтель мой Багратіонъ? говоритъ Ермоловъ. Не я ли первый, мысля о нападеніи на Рудню, настаивалъ на исполненіи, не я ли требовалъ скорости онаго? Я всѣ средства употреблялъ удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь и малѣйшаго между вами охлажденія. Скажу и то, что въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ, черезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Баркляя-де-Толли представлялъ тебѣ во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и колкіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ

Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашель въ немъ; не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ, чтобы можно было служить съ тобою съ такою пріятностью». Нѣтъ повода подозрѣвать искренность словъ генерала Ермолова. Онъ, какъ начальникъ штаба, знавшій хорошо обстоятельства, какъ просвѣщенный русскій, искренно преданный отечеству, не могъ не понимать, что въ это время все зависѣло отъ хорошихъ отношеній между собою двухъ главнокомандующихъ, и всѣми силами содѣйствовалъ къ тому, чтобы поддержать и укрѣпить ихъ. Но онъ ошибался, конечно, полагая, что, «благодаря довѣренности» къ нему обоихъ главнокомандующихъ, ему удалось бы постоянно удерживать ихъ въ миролюбивыхъ отношеніяхъ и едва-ли не ошибается еще болѣе, полагая, что причиною вражды между ними былъ графъ Сень-При. Барклаѣ признавалъ его дарованія, но не только не имѣлъ довѣрія къ нему, но считалъ его однимъ изъ главныхъ своихъ враговъ. Что же касается до графа Сень-При, извѣстнаго благородства его характера, то едва-ли генералъ Ермоловъ, часто увлекавшійся и рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, не былъ такъ же неправъ въ отношеніи къ нему, какъ впоследствии къ генералу Коновницину. Не менѣе Ермолова радовался согласію, возникшему между главнокомандующими, и графъ Сень-При. Сообщая императору предположеніе князя Багратіона, что вмѣсто соединенія двухъ армій выгоднѣе было бы, обезпечивъ уже возможность ихъ соединенія на достиженіе второю арміею Мстиславля, дѣйствовать каждой отдѣльно на оба крыла непріятельскихъ войскъ, онъ говоритъ далѣе: «но во всякомъ случаѣ соединеніе обѣихъ армій даетъ на то преимущество, что мы можемъ дѣйствовать наступательно на непріятеля, слишкомъ растянувшаго свои войска, которыя ослаблены нѣсколькими побѣдами Торماسова и Витгенштейна, таково значеніе предпринимаемаго теперь наступательнаго движенія войскъ Вашего Величества, котораго требуютъ обстоятельства, духъ войскъ и которымъ мы только предупредили непріятеля, который рано или поздно непременно нападетъ на насъ. Я не войду въ изложеніе подробностей предположеннаго движенія, о которыхъ, безъ сомнѣнія, увѣдомить васъ военный министръ и котораго трудно предвидѣть послѣдствія; но, въ случаѣ даже успѣха надъ нами непріятеля, побѣда эта дорого будетъ ему стоить и лишитъ его возможности предпринять что-либо важное.—Соединеніе обѣихъ армій разсѣяло ту неприязнь, которая вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній возникла между двумя главнокомандующими. Ваше Величество, конечно, довольны поведеніемъ князя Багратіона, который въ этомъ случаѣ представилъ новое доказательство своего усердія къ общему благу и къ службѣ Вашему Величеству».

Согласіе Барклая-де-Толли дѣйствовать наступательно примирило

съ нимъ князя Багратіона. Въ виду этого только согласія, онъ пожертвовалъ своимъ личнымъ несочувствіемъ къ человѣку, своимъ старшинствомъ по службѣ, исполненной блистательными военными подвигами, сдѣлавшими его любимцемъ войскъ и извѣстнымъ всей Россіи. Но лишь только оба главнокомандующіе рѣшились приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, какъ встрѣтились препятствія. Прежде всего то обстоятельство, на которое жаловались князь Багратіонъ и его начальникъ штаба—недостатокъ продовольствія. «Армія пробыла въ Смоленскѣ четыре дня, чтобы запастись хлѣбомъ», а между тѣмъ успѣхъ предположенныхъ дѣйствій только и могъ быть обеспеченнымъ ихъ быстротою, чтобы не дать возможности непріятелю сосредоточить ихъ и до того времени нанести рѣшительный ударъ какой-либо изъ его частей. Но если удалось устранить это препятствіе дѣятельными распоряженіями, то другое, гораздо болѣе важное, устранить было невозможно. Оно заключалось въ нерѣшительности характера главнокомандующаго первою арміею, распоряжавшагося въ это время и дѣйствіями второй. Барклай-де-Толли, увлеченный вліяніемъ князя Багратіона, котораго добровольное ему подчиненіе произвело неожиданное пріятное на него дѣйствіе, и общимъ единогласнымъ мнѣніемъ военнаго совѣта, рѣшился напасть на непріятеля, разсѣявшаго свои силы на значительномъ пространствѣ между Могилевомъ и Порѣчьемъ; кромѣ того Барклай-де-Толли имѣлъ достаточно времени обдумать то предпріятіе, на которое онъ рѣшился, и остановиться передъ мыслью объ отвѣтственности. Всякое самостоятельное дѣйствіе, вызывающее на бой противника, естественно подлежало отвѣтственности; только уступчивая податливость обстоятельствамъ, оберегающая однакоже честь войскъ, готовая на битву, которой избѣжать нельзя, сколькихъ бы жертвъ она ни стоила, избавляла отъ этой отвѣтственности. При такомъ настроеніи духа главнокомандующаго, очевидно, что могли представиться обстоятельства, къ которымъ можно было придратъся, чтобы отступить отъ предпринятаго рѣшительнаго дѣйствія. Такъ и случилось.

Съ восторгомъ выступили войска изъ Смоленска 26-го іюля. На слѣдующій день первая армія должна была продолжать движеніе на Инково, вторая на Надву; но въ ночь на 27-е послѣдовалъ приказъ главнокомандующаго, повернувшій войска назадъ, направляя ихъ къ дорогѣ отъ Смоленска къ Порѣчью. Что побудило главнокомандующаго первою арміею вдругъ неожиданно измѣнить образъ дѣйствій? Опасенія, что непріятель можетъ обойти правое крыло, основываясь на слухахъ, что его отрядъ показался у Порѣчья. Извѣщая князя Багратіона о движеніи на дорогу къ Порѣчью, Барклай-де-Толли ему писалъ: «первый предметъ нашихъ дѣйствій долженъ быть тотъ, дабы обезпечить непремѣнно наши фланги, а болѣе всего правый, что-

бы открыть себѣ коммуникацію съ генераль-лейтенантомъ гр. Витгенштейномъ». Хотя по принятому способу дѣйствій корпусу Витгенштейна и предоставлена самостоятельная дѣятельность, но изъ этихъ словъ очевидно, что вниманіе главнокомандующаго первою арміею еще было устремлено на дорогу къ Петербургу, его занимали придворные мажоры, по мѣткому выраженію Ермолова. Впрочемъ, онъ принялъ это направленіе потому, что, по его мнѣнію, цѣль движенія арміи къ Руднѣ уже была достигнута. «Движеніемъ нашимъ къ Выдрѣ мы заняли непріятеля съ сей стороны (т. е. съ лѣваго крыла), почему онъ стягиваетъ свои войска и тѣмъ отвлекаетъ свои силы отъ корпуса Удино, котораго онъ могъ бы усилить». Но въ какихъ видахъ непріятелю нужно было въ это время усиливать корпусъ Удино, когда нельзя уже было препятствовать соединенію двухъ западныхъ нашихъ армій, потому что онѣ уже соединились, и также нельзя было занять Смоленскъ, предупредивъ русскія войска? Какъ бы невольно сознавая несостоятельность своихъ доводовъ, Барклай-де-Толли продолжаетъ: «Сверхъ того, обѣимъ арміямъ въ такомъ тѣсномъ соединеніи, какъ мы теперь находимся, остаться нельзя; ибо онѣ совершенно будутъ нуждаться въ продовольствіи. По движеніямъ первой арміи вправо, откроется ей кратчайшая коммуникація къ доставленію продовольствія изъ Великихъ Лукъ, Торопца и Бѣлой; а ввѣренная вашему сіятельству армія будетъ тогда продовольствоваться изъ Визьмы, Дорогобужа, Смоленска, Ельни и Юхнова». Мысль отдѣлиться отъ второй арміи и дѣйствовать самостоятельно, хотя и сохранивъ связь съ нею, не оставляла главнокомандующаго первою арміею. Но при исполненіи этого предположенія, какъ первая армія, подвигаясь къ Порѣчью, должна бы оставить Смоленскъ, такъ и вторая, — перейдя на дорогу къ Дорогобужу. «Весьма хорошо и полезно было бы удерживать Смоленскъ, продолжаетъ Барклай де-Толли; но сей предметъ не долженъ насъ однакоже удерживать отъ важнѣйшихъ предметовъ, т. е. сохраненія арміи и продолженія войны, дабы между тѣмъ приготовить внутри государства сильное подкрѣпленіе симъ арміямъ. Сверхъ того, воля государя императора не была, чтобы арміи вкупѣ дѣйствовали, но были бы между собою въ связи и одна другой, въ случаѣ нужды, подавала бы помощь тамъ, что буде одна армія при нужденна противу превосходныхъ непріятельскихъ силъ отступать, другая рѣшительно должна дѣйствовать наступательно, стараясь всегда обходить непріятельскіе фланги, давая ему частыя сраженія и обезпечивая его непрерывно прегулярными войсками». Изъ этихъ словъ можно бы придти къ такому заключенію, что главнокомандующій первою арміею желалъ бы съ нею постоянно отступать, не думая защищать Смоленска, а князь Багратионъ долженъ бы драться съ непріателемъ, дѣйствуя въ его флангъ и тылъ. Но по какой же дорогѣ отсту-

папа бы первая армія? Очевидно по петербургской, къ Порѣчью и далѣе, если имѣла въ виду находиться въ связи съ гр. Витгенштейномъ. Если и армія князя Багратіона должна была находиться въ связи съ нею, то очевидно должна была слѣдовать въ томъ же направленіи и слѣдовательно совершенно открыть непріятелю московскую дорогу, что совершенно противорѣчитъ всѣмъ прежнимъ предположеніямъ самого Барклая-де-Толли.

Такое отношеніе, конечно, должно было возмутить князя Багратіона. Не соглашаясь съ самыми предположеніями, что и выразилъ въ своемъ отвѣтѣ Барклаю, онъ негодовалъ особенно на измѣненіе только-что предпринятыхъ съ общаго согласія дѣйствій. «Отношеніе обширное министра я получилъ, — писалъ онъ Ермолову, — оно не заслуживаетъ никакого вниманія, ибо невозможно дѣлать лучше и полезнѣе для непріятеля, какъ онъ. Я пишу ему единственно для очистки себя и чтобы отвязаться отъ него. Истинно я самъ не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать и о чемъ онъ думаетъ?»

Такъ внезапно и быстро состоялось передвиженіе на дорогу къ Порѣчью первой арміи, что забыли дать во-время вѣсть о немъ атаману Платову, находившемуся при Молевомъ болотѣ у Инкова. Не зная о передвиженіи арміи, онъ завязалъ дѣло съ французскими передовыми войсками Себастьяна и одержалъ блестящій успѣхъ, послѣдствіемъ котораго было то, что императоръ Наполеонъ разгадалъ намѣренія нашихъ полководцевъ и немедленно началъ стягивать войска, разбросанныя до того на значительномъ пространствѣ.

Но эти новыя предположенія Барклая-де-Толли просуществовали не долго въ его умѣ. Не удаляясь отъ Смоленска, далѣе одного перехода, не приближаясь къ Порѣчью, первая армія простояла въ бездѣйствіи три дня. Получивъ наконецъ извѣстіе, что незначительные непріятельскіе отряды, которые показывались около Порѣчья, удалились по дорогѣ къ Витебску, Барклай-де-Толли снова перешелъ на дорогу къ Руднѣ и 1-го августа расположилъ войска при деревняхъ Волоковой и Гаврикахъ, немного далѣе отъ Смоленска, въ селѣ Приказъ Выдра, т. е. возвратился къ тому положенію, въ которомъ находился 6 дней тому назадъ, проведенныхъ въ бесполезныхъ движеніяхъ взадъ и впередъ и въ тратѣ времени на выжиданія несовершившихся событій.

Не нужно доказывать, до какой степени подобный образъ дѣйствій долженъ былъ раздражить прямодушнаго, честнаго, но горячаго князя Багратіона. Онъ пожертвовалъ личными чувствами къ человѣку, котораго вовсе не считалъ способнымъ предводительствовать войскамъ, изъ главнокомандующаго сдѣлался его подручникомъ, субалтерномъ, какъ онъ самъ выражался, но, въ виду согласія въ мнѣніяхъ въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ противъ врага, угрожавшаго

существованію Россіи. Могъ ли онъ думать, что это согласіе нарушится послѣ перваго перехода отъ Смоленска первой арміи. Несмотря на то, какъ военный, понимавшій значеніе дисциплины, и честный человѣкъ, онъ исполнилъ предписаніе Барклая-де-Толли и перевелъ вторую армію отъ Катани въ Приказъ Выдра, т. е. занялъ мѣсто стоянки первой арміи, въ ожиданіи, конечно, дальнѣйшихъ дѣйствій. Но войска оставались въ бездѣйствіи, а между тѣмъ князь Багратіонъ писалъ Ермолову: «я не имѣю ни сѣна, ни овса, ни хлѣба, ни воды, ни позиціи. А особливо два дня пробывшая здѣсь первая армія все забрала и все съѣла. За что же морить людей въ такихъ мѣстахъ и за что бросать малый detachementъ въ Красномъ! Непріятель изъ Рудни можетъ занимать насъ фальшиво, а къ Смоленску подступитъ; тогда будетъ стыдно и нехорошо». Поэтому онъ просилъ Ермолова, какъ преданнаго ему человѣка, похлопотать, чтобы Барклай-де-Толли разрѣшилъ ему оставить позицію при селѣ Приказъ-Выдра и если не все войско, то большую часть приблизить къ Смоленску. Князь Багратіонъ вообще не раздѣлялъ опасеній Барклая-де-Толли за правое крыло войскъ и не совѣтовалъ ему переходить на дорогу къ Порѣчью. Напротивъ, онъ полагалъ, что слѣдуетъ опасаться за лѣвое крыло и ожидать нападенія непріятели со стороны горъ Краснаго. Но Барклай-де-Толли вновь занятое имъ положеніе по порѣченской дорогѣ считалъ чрезвычайно выгоднымъ. «Изъ моего новаго расположенія,—писалъ онъ императору,—я могу съ превосходными силами напасть на лѣвый непріятельскій флангъ, открыть коммуникацію съ вышнею Двиною и обезпечить лѣвое крыло графа Витгенштейна. Обѣ арміи будутъ находиться въ одномъ маршѣ одна отъ другой, дорога въ Москву и все пространство между источниками Двины и Двѣпра ими прикрывается. Такое положеніе имѣетъ несомнѣнныя выгоды и даетъ полную свободу дѣйствовать съ успѣхомъ, по обстоятельствамъ». Такъ писалъ государю главнокомандующій первою арміею въ первый день своего перехода съ дороги на Рудню на дорогу къ Порѣчью; а послѣ трехъ дней, спокойно тамъ проведенныхъ, онъ, кажется, готовъ былъ снова обратиться къ тому предположенію, которое высказывалъ генералу Ермолову, въ то время какъ узналъ о приближеніи второй арміи къ Смоленску, на соединеніе съ первой. «Движеніе первой арміи отъ Витебска къ Смоленску,—писалъ онъ князю Багратіону,—имѣло только цѣлю приближеніе второй арміи къ сему городу и совершенно преградить непріятелю путь во внутрь государства. Достигнувши сей цѣли, обязанность первой арміи есть открыть себѣ свободную коммуникацію съ графомъ Витгенштейномъ, который оставленъ между Двиною и Псковомъ; а между тѣмъ, оставаясь въ такомъ положеніи, что бы могло дать вспоможеніе второй арміи, которой остается прикрывать дорогу въ Москву»

Въ этомъ отношеніи, вообще излагавшемъ мысли главнокомандующаго неясно и неопредѣленно говорилось далѣе о необходимости избѣгать генеральнаго сраженія, дѣйствовать оборонительно и ожидать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Въ тотъ же самый день онъ писалъ и къ Тормасову, и къ адмиралу Чичагову, прося ихъ ускорить наступленіе въ тылъ большой Наполеоновской арміи. «Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—писалъ онъ адмиралу,—не дозволяется первой и второй арміи дѣйствовать такъ, чтобы вѣдра государства, ими прикрытыя, чрезъ малѣйшую въ генеральномъ дѣлѣ неудачу подвержены были опасности, и потому оборонительное состояніе ихъ есть почти бездѣйственное. Рѣшеніе же участи войны быстрыми и наступательными движеніями зависитъ непосредственно отъ молдавской и третьей арміи. И сіе соотвѣтствуетъ общему плану войны, по коему часть войскъ, на которую устремляются главнѣйшія силы непріятели, должна его удерживать, между тѣмъ какъ другая часть, находя противъ себя непріятели въ меньшемъ числѣ, должна опрокинуть его, зайти во флангъ и въ тылъ большой его арміи. Я давно уже и неоднократно относился о семъ къ генералу Тормасову и сердечно желаю, чтобы въ сей части театра войны вашимъ прибытіемъ вы придали новую дѣятельность, почему убѣдительнѣйше прошу васъ, по возможности, если не форсированными маршами, то на подводахъ, какъ можно скорѣе, вести часть войскъ вашихъ, подвести къ Кобрину и вслѣдъ за оными и остальную армію, вступая между тѣмъ въ обстоятельныя сношенія съ генераломъ Тормасовымъ, чтобы отъ него имѣть свѣдѣнія о положеніи третьей арміи, которыя я самъ не въ такой ясности имѣю, какъ бы того желалъ для пользы службы». О своихъ заботахъ насчетъ третьей арміи онъ сообщил и въ письмахъ къ императору, говоря, что онъ не можетъ приказывать ни Тормасову, ни Чичагову, а потому отнесся къ нимъ частными письмами, просилъ государя сдѣлать имъ предписанія объ усиленіи дѣйствій третьей арміи.

Какъ ни темно написано отношеніе Барклая-де-Толли къ князю Багратиону, однакоже изъ него нельзя не понять, что онъ желалъ устранить отъ совокупнаго дѣйствія со второю арміею. Въ немъ говорится, что вся цѣль движенія первой арміи отъ Витебска къ Смоленску заключалась въ томъ, чтобы сойтись тамъ со второю арміею и прегрადить путь непріятелю во внутрь государства; но прегрადить путь совокупно съ нею или предоставить это дѣло ей одной и въ случаѣ нужды оказать ей даже пособіе? Такова именно мысль главнокомандующаго первою арміею. Достигнувъ соединенія со второю арміею,—говоритъ онъ, обязанность первой должна состоять въ томъ, чтобы открыть себѣ свободную коммуникацію съ графомъ Витген-

*

штейномъ; а вторая армія должна прикрывать дорогу въ Москву. Барклай-де-Толли считалъ, что предположенный на совѣтъ въ Дрисскомъ лагерѣ планъ дѣйствій приведетъ въ исполненіе. Затѣмъ императоръ, убѣдившись въ ничтожности первоначальнаго общаго плана военныхъ дѣйствій, далъ полную свободу главнокомандующему дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, не стѣсняя его никакимъ уже напередъ составленнымъ планомъ.

Этимъ правомъ и воспользовался главнокомандующій первою арміею и выразилъ его въ отношеніи къ князю Багратиону и письмамъ къ Тормасову и Чичагову. Предположенный имъ планъ былъ таковъ: оберегать нѣдра государства, дорогу въ Москву предоставить второй арміи, первую же поставить въ такое положеніе, чтобы она, не теряя сообщеній съ графомъ Витгенштейномъ, могла въ то же время помочь и второй арміи, въ случаѣ нападенія на нее непріятеля. Такое положеніе, конечно, могла бы сохранить первая армія, находясь на порѣченской дорогѣ въ одномъ переходѣ отъ Смоленска, но долго ли она могла оставаться въ этомъ положеніи? Образъ дѣйствій одной изъ воюющихъ армій не зависитъ только отъ предположеній ея главнокомандующаго; есть непріятель, который сразу своими дѣйствіями можетъ повернуть верхъ двомъ всѣмъ предположеніямъ. Между тѣмъ Барклай-де-Толли писалъ къ адмиралу Чичагову, что положеніе обѣихъ армій, какъ оборонительное, есть почти бездѣйственное, предполагая, конечно, что непріятель, и особенно такой, какъ Наполеонъ, оставитъ на-долго русскія войска въ такомъ положеніи. Разсчитывая на это обстоятельство, онъ говорилъ, что такой образъ дѣйствій двухъ русскихъ армій: «соотвѣтствуетъ плану войны, по которому одна армія, на которую ударятъ главные силы врага, должна только ихъ удерживать, а другія дѣйствовать во фланги и въ тылъ и рѣшить участь войны». Но что же это за общій планъ войны? Планъ генерала Фуля, въ составленіи котораго и самъ Барклай принималъ непосредственное участіе и до сихъ поръ хранилъ при себѣ залогъ его сочувствія этому плану въ лицѣ полковника Вольцогена.

Но едва Барклай-де-Толли успѣлъ написать, предписывая отправить по назначенію эти отношенія и письма, выразившія его предположенія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ получилъ извѣстіе, что непріятельскіе отряды, которые показывались около Порѣчья, удалились по дорогѣ къ Витебску. Разсѣялись опасенія за правое крыло, которому будто-бы угрожала вся главная армія Наполеона и противъ чего постоянно возражалъ князь Багратионъ. Барклай-де-Толли предписалъ второй арміи 1-го августа вновь вернуться отъ Смоленска къ Руднѣ и слѣдовать къ с. Надвѣ; но именно въ этотъ день князь Багратионъ привелъ въ Смоленскъ свои войска изъ Приказъ-Выдры. Его авангардъ,

подъ начальствомъ Васильчикова, оставался еще у с. Волоковаго, и далѣе къ Смоленску отрядъ князя Долгорукова въ Дебринчахъ, который, въ случаѣ нужды, могъ служить ему подкрѣпленіемъ. Конечно, получивъ предписаніе Барклая въ Смоленскѣ, куда послѣ значительнаго перехода только-что пришла вторая армія, князь Багратионъ не могъ немедленно его исполнить и, не давъ отдыха, поворотить войска въ обратный путь. Однакоже онъ не позволилъ себѣ медлить болѣе, нежели требовала крайняя необходимость, хотя въ дружеской запискѣ къ генералу Ермолову и выразилъ свое негодованіе: «Эхъ, братъ, взяли! Вотъ вамъ правый флангъ, вотъ Порѣчье! Мало повѣсить!» Но, несмотря на это, на другой же день его войска рано выступили изъ Смоленска и къ вечеру пришли къ назначенному для нихъ мѣсту у с. Волоковаго.

Пока совершились эти движенія и передвиженія, непріятель, конечно, не бездѣйствовалъ. Въ продолженіе шести дней, истраченныхъ для нихъ, онъ совершилъ то движеніе, тотъ блистательный маневръ, который военные писатели считаютъ лучшимъ изъ всѣхъ совершеннымъ Наполеономъ въ эту войну. Соединеніе въ Смоленскѣ двухъ западныхъ армій уничтожило его первоначальный замыселъ,—отрѣзавъ ихъ одна отъ другой, разбить каждую порознь. Но онъ зналъ свои силы и былъ увѣренъ, что можетъ разбить и обѣ соединенныя арміи, которыхъ числительная сила все-таки была значительно ниже сравнительно съ тѣмъ количествомъ войскъ, которое онъ могъ сосредоточить подъ рукою для рѣшительнаго боя въ это время. Но русскія войска уклонялись отъ рѣшительнаго боя; ихъ надо было принудить къ нему. Если идти прямо на соединенныя русскія арміи у сс. Волоковаго и Гавриковъ, то возможно ожидать, что онѣ снова уклонятся отъ сраженія, и послѣ нѣсколькихъ стычекъ авангарда или отдѣльныхъ отрядовъ отступать, какъ прежде. Предположеніе, что русскіе будутъ отступать во внутрь страны, завлекая туда своихъ враговъ, было очень хорошо извѣстно Наполеону, и онъ, конечно, понималъ его значеніе не хуже другихъ. Задача состояла въ томъ, чтобы лишить русскія войска возможности отступать. Поэтому необходимо было отрѣзать имъ путь отступленія къ средоточію государства, гдѣ готовились новыя военныя силы для противодѣйствія непріятельскому вторженію. Для достиженія этой цѣли, онъ вдругъ перемѣнилъ свою операціонную линію и отъ Двины и Витебска сосредоточилъ и двинулъ свои главныя силы къ Днѣпру, черезъ Бабиновичи и Ліозну къ сс. Россаснѣ и Хомину. Тамъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, сошлись до 185 тысячъ войска, 1-го августа были наведены мосты, на другой день оно переправилось черезъ Днѣпръ и усиленнымъ переходомъ пошло къ Красному, къ Смоленску. Наполеонъ надѣялся предупредить тамъ русскія войска, занять неприготовленный къ оборонѣ городъ и, отбросивъ ихъ отъ путей сообщенія съ средоточіемъ государства, вы-

нудить ихъ принять рѣшительное сраженіе. Его предпріятіе непременно увѣнчалось бы успѣхомъ, еслибы не помѣшали два совершенно случайныя обстоятельства. Первая армія, выступивъ съ порѣченской дороги на дорогу къ Рудню, 2-го августа расположилась у сс. Волоковаго и Гавриковъ; къ Надвѣ подходили передовыя войска второй арміи. Барклай-де-Толли рѣшился принять сраженіе и даже предполагалъ, что французы сдѣлаютъ нападеніе 3-го августа, въ день рожденія императора Наполеона. «Если же непріятель насъ третьяго числа не атакуетъ,— писалъ онъ къ князю Багратіону,—то мы сами его поспѣтимъ тѣмъ смѣлѣе, что нашъ правый флангъ очищенъ». Едва-ли Барклай-де-Толли предполагалъ возможнымъ дѣйствовать наступательно въ это время, когда всѣ войска непріятельскія успѣли сосредоточиться, если не рѣшался тогда, когда они были растянуты на значительномъ пространствѣ. Эти слова, вѣроятно, написаны были съ тою только цѣлю, чтобы вѣрнѣе приобрѣсть содѣйствіе со стороны князя Багратіона, постоянно требовавшаго наступательныхъ дѣйствій, и, ожидая нападенія непріятели именно 3-го августа, вынудить его поскорѣе соединиться съ нимъ. Но самъ онъ предполагалъ, что вызоветъ нападеніе Наполеона на занятую имъ позицію, которую считалъ весьма выгодною, также какъ полагалъ прежде вызвать его нападеніе на укрѣпленный лагерь при Дриссѣ. Но въ тотъ же день 2-го августа князь Багратіонъ получилъ донесеніе изъ Краснаго отъ генерала Невѣровскаго, «что непріятель сильнымъ корпусомъ пѣхоты и кавалеріи занялъ г. Ляды». Стоявшій въ этомъ городѣ незначительный отрядъ отошелъ къ Красному и присоединился къ Невѣровскому. Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ, которое князь Багратіонъ немедленно сообщилъ главнокомандующему первому арміею, онъ получилъ другія, отъ того же числа, что французы уже напали на его передовыя посты, и наконецъ, что вся непріятельская армія тѣснитъ его, двигаясь на Смоленскъ. Могло ли кому-нибудь приходиться на мысль, что незначительный отрядъ, состоявшій изъ одной дивизіи и трехъ казачьихъ и одного драгунскаго полковъ, не будетъ мгновенно поглощенъ разливомъ огромныхъ силъ непріятели, а напротивъ, въ продолженіе 10-ти часовъ выдержитъ ея напоръ у Краснаго и затѣмъ, 47 верстъ отступая, приведетъ къ Смоленску еще болѣе двухъ третей своего отряда. Послѣ 10-ти часового боя подъ Краснымъ,—донесилъ князь Багратіонъ императору,—«Невѣровскій принужденъ былъ ретироваться отъ Краснаго, бывъ шесть верстъ сряду окруженъ всею непріятельскою силою. Хотя уронъ у него значительный, во нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какими его дивизія, совершенно новая, дралась противу чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя». Сами

непріатели отдали должную справедливость необычайному подвигу Невѣровскаго и горсти войскъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ. Но въ этомъ случаѣ, кажется, слѣдуетъ отдать такую же справедливость и военачальнику, сразу понявшему опасное положеніе дѣль и принявшему всё зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы предотвратить опасность. Получивъ извѣстіе, что вся непріательская армія тѣснить Невѣровскаго, — продолжаетъ князь Багратіонъ, — «я тотчасъ же отрядилъ съ 7-мъ корпусомъ генераль-лейтенанта Раевскаго, приказавъ ему возможно стараться, во что бы то ни стало, соединиться съ генераль-маіоромъ Невѣровскимъ. Раевскій удвоилъ маршъ, пройдя безъ привалу 40 верстъ, соединился на разсвѣтъ 4-го августа въ виду многочисленной арміи, предводительствуемой самимъ французскимъ императоромъ, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска. Хотя непріатель, узнавъ о слѣдованіи къ Смоленску вѣрвонной мнѣ арміи, употребилъ всё усилія, чтобы до прибытія прочихъ войскъ истребить малый отрядъ, защищавшій Смоленскъ, но храбрые русскіе воины, съ помощію Божіею, при всей своей отъ продолжительныхъ маршей усталости, отражали мужественно непріателя». Ни отрядъ Невѣровскаго, ни даже посланный ему въ подкрѣпленіе корпусъ Раевскаго, конечно, не были достаточны для того, чтобы остановить многочисленную непріательскую армію. Поэтому, сдѣлавъ распоряженіе объ ускоренномъ движеніи корпуса Раевскаго, самъ князь Багратіонъ съ остальными частями второй арміи немедленно, усиленнымъ ходомъ, пошелъ къ Смоленску. «Я прибылъ къ Смоленску, — продолжаетъ князь Багратіонъ въ донесеніи императору, — въ 10-ть часовъ утра, и, бывъ самовидцемъ важнаго превосходства непріательскихъ силъ, тѣснившихъ до крайности нашъ отрядъ, подкрѣпилъ его гренадерскою дивизіею. Непріатель былъ со всѣми своими силами подъ самымъ городомъ, продолжалъ нападенія и усиливалъ атаки отъ 6-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, и не только не получилъ никакого превосходства, но съ немалымъ для него вредомъ остановленъ въ сей день совершенно въ его предпріятіи. Къ вечеру же прибыла къ Смоленску первая армія».

Геройское сопротивленіе отряда Невѣровскаго, замедлившее наступленіе французскихъ войскъ, своевременное прибытіе корпуса Раевскаго, а затѣмъ и всей второй арміи — помѣшали Наполеону исполнить свое намѣреніе — предупредить русскія войска въ Смоленскѣ и завяты городъ безъ сопротивленія, по крайней мѣрѣ сильнаго, и отрѣзать русскимъ войскамъ отступленіе на Москву. Но какъ же корпусъ Раевскаго, какъ бы онъ ни шелъ усиленно, могъ прибыть къ разсвѣту 4-го августа и подкрѣпить утомленную безпрерывнымъ боемъ обезсиленную уже дивизію Невѣровскаго? «Одинъ только корпусъ генераль-лейтенанта Раевскаго, — говоритъ А. П. Ермоловъ, — который, выступя послѣднимъ изъ

Смоленска, не могъ въ тотъ день пройти болѣе 15-ти верстъ, ибо шедшая впереди его вторая гренадерская дивизія и обозы ему препятствовали. Начальникъ дивизіи, принцъ Карлъ Мекленбургскій, пропировавъ наканунѣ, долго проспалъ и забылъ отдать приказъ о выступленіи, которое и послѣдовало тремя часами позднѣе. Промедленіе сіе было чрезвычайно въ послѣдствіи полезно, ибо вскорѣ корпусу Раевского предстояло другое назначеніе и совсѣмъ въ противную сторону, куда онъ оттого только успѣлъ придти, что не могъ много отдалиться». По этой ли причинѣ или, можетъ быть, и другой, замедлилось движеніе изъ Смоленска корпуса Раевского, но это случайное обстоятельство вмѣстѣ съ другимъ, на которое также нельзя было рассчитывать, геройскимъ подвигомъ Невѣровскаго, разстроили блестящій замыселъ Наполеона. Но случайныя явленія могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, когда найдутся способные люди, которые сѣмъ ими воспользоваться. Когда корпусъ Раевского подходилъ уже къ Смоленску, его извѣстили, что дивизія Невѣровскаго погибла совершенно. Извѣстіе ничего не представляло невѣроятнаго, само по себѣ, и его подтвердилъ Раевскому и генералъ Бенъ и г с е н ъ, говоря, что онъ идетъ на вѣрную гибель. Онъ совѣтовалъ ему не переправлять по крайней мѣрѣ своей артиллеріи за Двѣпръ. Раевскій не подчинился однакоже этому совѣту опытнаго полководца, гордившагося своими побѣдами надъ Наполеономъ при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау. «Такой робкій совѣтъ,—говорить онъ,—не соотвѣтствовалъ моему положенію, почти отчаянному. Надо было истощить всѣ средства. Я чувствовалъ, что дѣло шло не о потерѣ нѣсколькихъ пушекъ, а о спасеніи арміи, можетъ быть, Россіи». Онъ перевелъ свой корпусъ за Двѣпръ, прошелъ городъ и на 6-й верстѣ большой дороги отъ Смоленска къ Красному встрѣтилъ дивизію Невѣровскаго, которую и принялъ подъ свое начальство.

Но и корпусъ Раевского, незначительный по количеству воиновъ, сравнительно со всѣмъ войскомъ Наполеона, утомленный трудными переходами, едва-ли долго могъ защищать Смоленскъ, еслибъ князь Багратіонъ не двинулъ туда немедленно всей своей арміи, не пришелъ во-время и не подкрѣпилъ бы его свѣжими войсками. «Другъ мой,—писалъ онъ Раевскому,—я не иду, а бѣгу. Желалъ бы имѣть крылья, чтобы соединиться съ тобою. Держись, Богъ тебѣ помощникъ!» Эта записочка, ярко выражавшая настроеніе духа князя Багратіона въ это время и его отношенія къ подчиненнымъ ему генераламъ, на-скоро написанная на походѣ 3-го августа, была получена Раевскимъ утромъ на другой день, когда уже началось сраженіе, и безъ сомнѣнія оказала должное вліяніе на достойнаго его помощника. Въ то время, когда Багратіонъ писалъ эту записку и л е т ѣ л ь на помощь Раевскому, главнокомандующій первую арміею доносилъ императору, что «движеніе не-

пріятеля къ Днѣпру и на лѣвый берегъ его, чѣмъ онъ оставляетъ почти все пространство между Днѣпромъ и Двиною, даетъ большой поводъ къ удивленію». Это удивленіе помѣшало ему разгадать намѣренія Наполеона. «Но какъ скоро удостовѣрюсь въ дѣйствительныхъ его намѣреніяхъ,—продолжалъ онъ,—не оставлю располагать дѣйствіями моими по мѣрѣ существующихъ обстоятельствъ, и армію выставлю въ такое положеніе, чтобъ, будучи всегда въ состояніи подкрѣплять князя Багратіона, я могъ не менѣе того удерживать пространство между Днѣпромъ и Двиною». Возлагая на князя Багратіона главное противодѣйствіе силамъ непріятеля, онъ предлагалъ ему съ этою цѣлію переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра и обѣщалъ подкрѣпить его своими войсками въ случаѣ надобности. «Весьма сожалѣю,—писалъ онъ,—что мы не знали вчерашняго числа объ отступленіи непріятеля вчера рано изъ Рудни. Тогда бы мы могли во всѣхъ пунктахъ предупредить его движенія». Ихъ предупредилъ князь Багратіонъ, своевременно приведя къ Смоленску свою армію и подкрѣпивъ корпусъ Раевского. Къ вечеру, когда на высотахъ праваго берега Днѣпра показалась передъ Смоленскомъ первая армія, битва была уже окончена, всѣ нападенія непріятеля отражены съ успѣхомъ, городъ оставался въ нашихъ рукахъ, и непріятельскія войска отошли въ прежнія свои позиціи.

Послѣ свиданія 21-го іюля, когда обѣ западныя арміи соединились въ Смоленскѣ, оба главнокомандующіе не видались одинъ съ другимъ и свосились между собою письменно или посредствомъ нарочныхъ. Вечеромъ 4-го августа они съѣхались снова. Князь Багратіонъ, восторженный блестящими подвигами своихъ помощниковъ, Невѣровскаго, Раевского и ихъ сотрудниковъ, горячо выражая имъ свое одобреніе и благодарность, забывъ тяжелые дни блужданій двухъ армій въ окрестностяхъ Смоленска, воодушевленъ былъ одною мыслью—продолжать ихъ подвиги, т. е. отстоять Смоленскъ. «Какъ открылось намѣреніе непріятеля,—доносилъ онъ императору,—продолжая нападеніе на Смоленскъ, обратитъ прочія свои силы далѣе по московской дорогѣ, то къ предупрежденію сего, по соглашенію съ военнымъ министромъ, оставя защищеніе Смоленска первой арміи, отъ которой отряженъ въ оный 6-й корпусъ подъ начальствомъ генерала отъ-инфантеріи Д о х т у р о в а, самъ отступилъ 5-го числа августа, по утру за 12 верстъ по дорогобужской дорогѣ, ведущей къ Москвѣ. Для прикрытія оной, отправилъ напередъ далѣе сильныя отряды для вѣрнѣйшаго спознанія о намѣреніяхъ непріятеля, и надѣюсь, что военный министръ, имѣя передъ Смоленскомъ готовую къ дѣйствію всю первую армію, удержитъ Смоленскъ; а я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе на московскую дорогу, буду отражать его, имѣя непрерывныя сношенія съ военнымъ министромъ».

Русскимъ войскамъ, подходившимъ къ Смоленску по правому берегу Днѣпра, значительно возвышенному противъ дѣваго, виденъ былъ весь городъ, дѣйствія сражавшихся войскъ и всѣ движенія обширнымъ полукругомъ облежавшаго его непріятеля. Нѣкоторые изъ этихъ движеній, направленные вверхъ по теченію Днѣпра, возбудили въ князя Багратіонъ подозрѣнія, не предполагаетъ ли непріятель, отвлекая вниманіе осадю города, переправить часть своихъ войскъ выше Смоленска и отрѣзать русскимъ войскамъ путь отступленія къ Дорогобужу, занявъ московскую дорогу. Это предположеніе было такъ важно, что оба главнокомандующіе, по взаимному согласію, рѣшились дѣйствовать съ тою цѣлю, чтобы предупредить непріятеля и не дать ему возможности исполнить свое намѣреніе. Поэтому было рѣшено, что первая армія будетъ продолжать защиту Смоленска, а вторая двинется по московской дорогѣ къ Соловьевой переправѣ черезъ Днѣпръ. Поэтому корпусъ Раевского былъ выведенъ изъ города и замѣненъ корпусомъ Дохтурова, принадлежавшаго къ составу первой арміи, а князь Багратіонъ двинулся по московской дорогѣ къ Дорогобужу на разсвѣтъ 5-го августа. «Князь Багратіонъ склонилъ Барклая-де-Толли, говоритъ А. П. Ермоловъ, еще одинъ день продолжать оборону города, а потомъ переправиться черезъ Днѣпръ и атаковать непріятеля и что онъ то же сдѣлаетъ съ своей стороны». Дохтуровъ, больной, едва получившій облегченіе отъ горячки, съ вѣрными его начальству войсками защищалъ городъ съ равнымъ мужествомъ и настойчивостію, какъ и Раевскій, но преодолевая, конечно, еще большія трудности, нежели его предшественникъ въ защитѣ города, не приготовленнаго къ осадѣ и выдержавшаго уже цѣлый день сильные приступы многочисленнаго непріятеля. Къ четыремъ часамъ пополудни, когда у генерала Дохтурова истощились уже всѣ способы обороны, къ нему пришелъ на помощь съ своею дивизіею принцъ Евгеній Виртембергскій, оказавшій блестящее мужество. Всѣ приступы непріятеля были отбиты, къ вечеру городъ остался въ нашихъ рукахъ, и французскія войска снова отступили въ свои позиціи, а «наши посты стали впереди города».

Въ то время, когда войска первой арміи съ успѣхомъ оттаивали Смоленскъ, князь Багратіонъ отступалъ по дорогѣ въ Москву, но отступалъ медленно: въ день 5-го августа онъ прошелъ только 12 верстъ, а его арьергардъ, подъ начальствомъ князя Горчакова, къ вечеру этого дня находился лишь въ 6 верстахъ отъ Смоленска. Движеніе второй арміи днемъ не могло укрыться отъ непріятеля и возбудило сомнѣніе въ императорѣ Наполеонѣ. «Наконецъ-то русскіе въ нашихъ рукахъ», говорилъ Наполеонъ, завидѣвъ, къ вечеру 4-го августа, что всѣ русскія войска подходятъ къ Смоленску, и полагая, что они вступятъ въ рѣшительное сраженіе, котораго такъ

желалъ. Движеніе значительныхъ силъ отъ Смоленска по московской дорогѣ, конечно, возбудило въ немъ подозрѣніе, что русскія войска предпринимаютъ вновь отступленіе. «Съ начала этого дня сильная часть непріятельскихъ войскъ пошла вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра», говоритъ А. П. Ермоловъ, по дорогѣ къ Ельнѣ, а Наполеонъ поручилъ отыскать броды на Днѣпрѣ въ этомъ направленіи. Но бродовъ не отыскали, хотя они и были при мелководьи Днѣпра въ этотъ годъ отъ засухи и недостатка дождей, но во всякомъ случаѣ едва-ли достаточные для того, чтобы переправить на другой берегъ рѣки значительное число войскъ. Сооружать же мосты и переправлять по нимъ войска съ низменнаго берега на противоположный, господствовавшій надъ нимъ, въ виду непріятельскихъ войскъ, достаточныхъ и готовыхъ для того, чтобы препятствовать переправѣ, конечно, не представлялось возможности. Отряды французскихъ войскъ, прослѣдовавъ вверхъ по теченію Днѣпра верстъ 12, возвратились назадъ къ Смоленску.

Скорость движенія второй арміи условливалась съ одной стороны движеніями этихъ отрядовъ, а съ другой князь Багратіонъ не хотѣлъ слишкомъ отдаляться отъ Смоленска, будучи увѣренъ, что на другой день первая армія, перейдя Днѣпръ, сдѣлаетъ нападеніе на непріятеля, и тогда онъ, съ своей стороны, переведетъ свои войска на другой берегъ Днѣпра и, помогая ей, также ударитъ во флангъ непріятеля. Мысль князя Багратіона о наступательномъ дѣйствіи на непріятеля раздѣляли почти всѣ генералы русскихъ войскъ, равно и необходимость продолжать еще одинъ день защиту Смоленска. Когда Барклай-де-Толли спросилъ генералъ-квартирмейстера полковника Толя, какимъ образомъ произвести нападеніе, онъ предложилъ напасть двумя полками изъ города. Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, находившійся при этомъ разговорѣ, замѣтилъ, что «въ городѣ мало воротъ и они съ поворотами въ башняхъ. Большое число войскъ скоро пройти ихъ не можетъ, а равно и устроиться въ боевой порядокъ, не имѣя впереди свободнаго пространства и подъ огнемъ батарей, близко придвинутыхъ къ стѣнѣ. Скоро ли можетъ приспѣть, сопровождающая атаку, артиллерія и какъ большое количество войскъ собрать безъ замѣшательства въ тѣсныхъ улицахъ города, среди развалинъ домовъ, разрушенныхъ бомбами?» Г-нъ Ермоловъ обратилъ вниманіе на тотъ случай, еслибъ пришлось отступать, и тогда всѣ эти затрудненія и неудобства получили еще большее значеніе.

«Военный министръ, — говоритъ онъ, — нашелъ основательными мои замѣчанія». Поэтому онъ полагалъ, что «удобнѣе перейти Днѣпръ у самаго города, съ правой стороны, устроивъ мосты подъ защитою батарей съ праваго фланга крѣпости». Но въ то же время онъ не одобрялъ мысли князя Багратіона переправиться за Днѣпръ выше города, и еще

менѣе атаковать правый флангъ непріятеля—потому что, по его мнѣнію, непріятелю легко было воспрепятствовать переправѣ 2-й арміи, или, отбросивши атаку, разорвать ея сообщеніе съ 1-ю арміею и уничтожить согласіе въ дѣйствіи войскъ и способы взаимнаго вспомошествованія. Устраняя предположенную помощь второй арміи и возлагая почти всю тяготу наступательныхъ дѣйствій на первую, генераль Ермоловъ неволью подготовилъ главнокомандующаго первою арміею къ отступленію отъ Смоленска — что, впрочемъ, сила обстоятельствъ сдѣлала уже неизбѣжнымъ.

Барклай-де-Толли не имѣлъ въ виду пожертвовать Смоленскомъ и продолжать отступление далѣе къ Москвѣ. Двигаясь отъ Витебска къ Смоленску для соединенія со второю западною арміею онъ писалъ князю Багратіону, что рѣшился «ни при какихъ обстоятельствахъ не отступать отъ Смоленска». Въ то же время смоленскій губернаторъ просилъ у него предписаній, не слѣдуетъ ли ему принять какихъ-либо особыхъ мѣръ въ виду приближающагося къ предѣламъ губерніи непріятеля. Совѣтуя барону Ашъ отправить тайно въ Юхновъ денежные суммы и дѣла и карты, изъ которыхъ непріятель могъ бы почерпнуть свѣдѣнія о состояніи края, онъ писалъ ему: «увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоятъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы онъ и угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ вѣрною вамъ губернію, пока усилія ихъ удалять отъ нихъ враговъ отечества, или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска; ибо кто защищаетъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ». Соединившись потомъ съ княземъ Багратіономъ, онъ рѣшился дѣйствовать наступательно и потому отклонилъ полковника Вольцогена укрѣпить Смоленскъ и ожидать въ немъ непріятеля. Но и при наступательномъ дѣйствіи въ соображенія главнокомандующаго входитъ обыкновенно и мысль о возможности отступления. Между тѣмъ ни старыя укрѣпленія Смоленска не были исправлены, ни усилены новыми. Жители спокойно оставались въ городѣ, не спасая ни себя, ни своихъ семействъ, ни своего имущества до роковаго дня 4-го августа. Выдержавъ двухъ-дневный напоръ всей непріятельской арміи, къ вечеру 5-го августа, «весь городъ пылалъ, строенія большею частію были деревянные; но даже окружавшія городъ старинныя каменные башни,—все было въ огнѣ, все пылало», — говоритъ очевидецъ. «Вечеръ былъ прекраснѣйшій, не было ни малѣйшаго вѣтра, огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилались подъ самыми облаками. Несмотря однакоже на громъ

пушекъ, ружейную пальбу, шумъ и крикъ сражающихся, благочестіе русскаго народа нашло для себя утѣшеніе въ храмѣ Предвѣчнаго. Въ восемь часовъ вечера въ соборной церкви и во всѣхъ приходскихъ раздался колокольный звонъ. Это было наканунѣ праздника Преображенія Господня. Уже колокольни и даже самыя церкви пылали, но всенощное молебствіе продолжалось». «Съ горы праваго берега Днѣпра казался весь городъ въ огнѣ, — говоритъ другой очевидецъ. — Этотъ огромный костеръ церквей и домовъ былъ поразителенъ. Всѣ въ безмолвіи не могли свести съ него глазъ. Сквозь закрытыя вѣки проникалъ блескъ ослѣпительнаго пожара». Еще наканунѣ жители Смоленска начали выходить изъ роднаго города, оставляя свои дома и имущество. Въ этотъ день переселеніе усилилось. Всѣ дороги, ведущія въ Россію, покрыты были несчастными жителями, убѣгавшими отъ непріятеля. Старики съ малолѣтними, женщины съ грудными дѣтьми, — все бѣжало, не зная сами куда и что будетъ съ ними. Когда главнокомандующій далъ приказаніе отступить и поручилъ, уже ночью, вывести войска изъ пылавшаго города, вмѣстѣ съ ними выходили и послѣдніе жители города, отслушавъ всенощную наканунѣ Преображенія и поджигая сами собственные свои жилища. Генералу Ермолову, по его свидѣтельству, принадлежитъ честь распоряженія, чтобы чудотворныя иконы, чтимыя всею Россією, были вынесены изъ города, пылавшаго и оставляемаго на жертву непріятелю, опозорившему себя святотатствомъ. «Я приказалъ, — говоритъ онъ, — вынести изъ города образъ Смоленской Божіей Матери, укрывая его отъ безчинствъ и поруганій святыни. Отслуженъ молебенъ, который произвелъ на войско полезное дѣйствіе». Первые сутки отступленія первой арміи ознаменовались величайшею путаницею въ движеніяхъ войскъ и блистательнымъ дѣломъ при Лубинѣ или Валутиной горѣ по мужеству сражавшихся и важнымъ его послѣдствіямъ. Отступленіе первой арміи не могло совершиться тѣмъ путемъ, по которому слѣдовала вторая, т. е. большою московскою дорогою, не подвергая себя очевидной опасности. Московская дорога шла изъ Петербургскаго предмѣстья и потомъ тянулась въ продолженіи 8 верстъ по берегу Днѣпра. Городъ уже находился въ рукахъ непріятеля, предмѣстье отдѣлялось отъ него рѣкою, на которой только-что былъ сожженъ мостъ. Невозможно было значительное войско провезти черезъ предмѣстье, и крайне опасно направить по берегу рѣки, когда другой находился въ полномъ распоряженіи непріятеля, не отвлекаемаго уже осадю города. Поэтому рѣшено было ночью, чтобы скрыть движенія отъ непріятеля, подвинуть войска къ дорогѣ петербургской на Порѣчье для удобства въ двухъ колоннахъ. Первая колонна, которой предстоялъ болѣе длинный переходъ, двумя часами ранѣе второй выступила въ походъ и должна была идти по этой дорогѣ

до деревни Стабна и затѣмъ повернуть на московскую. Вторая колонна должна была слѣдовать черезъ два часа за первой только до села Крахоткина и затѣмъ также перейти по направленію къ московской дорогѣ. Распоряженія были рассчитаны вѣрно въ отношеніи къ пространству и времени, и обѣ колонны въ два перехода должны были достигнуть Соловьевой переправы и соединиться съ войсками второй арміи. Но при этомъ расчетѣ упущены были изъ вниманія два обстоятельства: во-первыхъ, что войска должны были совершить первую половину этого движенія въ темную августовскую ночь и, во-вторыхъ, начиная съ Стабна и Крахоткина по проселочнымъ дорогамъ, пролегавшимъ по мѣстности, изрытой оврагами, чрезъ болота, перелѣски и кустарники по мосткамъ, едва выносившимъ тяжесть крестьянской телеги. При первомъ переходѣ артиллерійскихъ орудій и кавалеріи, эти мостки приходилось поправлять и даже вновь перемачивать, разбирая для этого близъ находившіяся крестьянскія строенія. Это обстоятельство было причиною того, что всѣ войска, двигаясь медленно, нежели было предположено, опоздали прибыть въ назначенныя мѣста, а нѣкоторыя совершенно сбились съ дороги. Часть четвертаго корпуса *Остермана* и весь второй *Боггута*, слѣдовавшіе во хвостѣ второй колонны, выступившіе поздно всѣхъ другихъ, цѣлую ночь проблуждали вокругъ Смоленска, и полагая, что слѣдуютъ опредѣленнымъ имъ путемъ, вдругъ къ утру очутились у с. *Гедеонова* въ полутора верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья, лицомъ къ лицу съ корпусомъ *Нея*, перешедшимъ уже черезъ *Днѣпръ* и начинавшимъ выставлять свои войска передъ этимъ предмѣстьемъ. При этихъ блуждавшихъ войскахъ и незамѣчавшихъ въ темную ночь, что они сбились съ дороги, находился и самъ главнокомандующій *Барклай-де-Толли*. Это странное обстоятельство принесло однакоже пользу. Хладнокровный, не терявшій присутствія духа въ самыхъ опасныхъ случаяхъ главнокомандующій употребилъ всѣ средства, чтобы собрать разбредшіяся войска и дать отпоръ неприятелю. Нападенія *Нея*, впрочемъ, продолжались не долго; *Наполеонъ*, узнавъ о появленіи русскихъ войскъ на московской дорогѣ, велѣлъ двинуться туда и войскамъ *Нея*.

Избавившись отъ одной опасности, ибо французы могли отрѣзать отъ нашей арміи отставшіе и бродившіе по кустамъ полки и весь арріергардъ *Корфа*, находившіяся у Крахоткина, близъ петербургской дороги съ цѣлю скрывать движеніе нашихъ войскъ. Но предстояла другая еще большая опасность. Увидавъ, что войска сбились съ пути, и готовясь противодѣйствовать нападенію *Нея*, *Барклай-де-Толли* понялъ, что то же могло случиться и съ войсками, которыя въ это время должны уже были находиться на московской дорогѣ, и, смѣнивъ арріергардъ 2-й арміи, находившіяся между с. *Лубиномъ* и *Смоленскомъ*, прикрывать

соединеніе проселочныхъ дорогъ, по которымъ слѣдовала первая армія, съ большою московскою, на которой у Соловьевой переправы находилась уже вся вторая армія. Поэтому, оставаясь самъ при Гедеоновѣ, онъ послалъ туда Ермолова осмотрѣть положеніе дѣла и ускорить движеніе войскъ.

Темная ночь, неудобства проселочныхъ дорогъ дѣйствительно замедлили движеніе первой колонны. Только ея авангардъ подъ начальствомъ Тучкова 3-го, къ 8 часамъ утра пришелъ на московскую дорогу. Аррьергардъ арміи князя Багратиона, который долженъ былъ оставаться здѣсь до прихода войскъ первой арміи, какъ было условлено между двумя главнокомандующими и затѣмъ немедленно идти къ Соловьевой переправѣ, узнавъ о ихъ приближеніи, отступилъ для соединенія со второю арміею. Это обстоятельство показалось бы весьма естественнымъ и не обратило бы на себя никакого вниманія, еслибъ вторая колонна первой арміи во-время прибыла въ назначенное мѣсто и слѣдовательно въ значительныхъ силахъ достаточныхъ для противодѣйствія непріятелю. Но къ 8 часамъ утра, когда уже мосты на Днѣпрѣ были построены непріателемъ и весь корпусъ Жюно переправлялся на правый берегъ Днѣпра, а кавалерія Мюрата перешла его въ бродъ, прибылъ только ея авангардъ. Этому незначительному отряду Тучкова, въ числѣ четырехъ тысячъ, утомленному труднымъ ночнымъ переходомъ, дорого было всякое подкрѣпленіе, а между тѣмъ, князь Горчаковъ увелъ свой авангардъ, и на дорогѣ ближе къ Смоленску оставались только три казачьихъ полка, подъ начальствомъ генерала Карпова.

«7-го числа августа, около 8 часовъ утра, вышелъ я на большую московскую дорогу, говоритъ Тучковъ, и хотя по предписанію, полученному мною отъ начальника штаба (Ермолова), слѣдовало мнѣ прямо идти на село Бредихино; но, къ удивленію моему, увидѣлъ я, что оно отстоитъ отъ мѣста соединенія дорогъ, куда мы вышли на большую московскую, нѣсколько верстъ далѣе отъ Смоленска, такъ что, если бы я выполнилъ въ точности данное мнѣ предписаніе, то я открылъ бы непріятелю сей, столь важный пунктъ, и онъ, занявъ его, отрѣзалъ бы всю ту часть нашихъ войскъ и тяжестей, которыя, слѣдуя по проселкамъ, не успѣли бы еще выйти на большую московскую дорогу». Не опасаясь принять на себя отвѣтственность въ неисполненіи предписаній начальства, въ виду грозившей опасности, Тучковъ не только возвратилъ свой передовой отрядъ, слѣдовавшій уже къ Бредихину, но отступилъ еще на двѣ, три версты ближе къ Смоленску и близъ деревни Латышино нашелъ возвышенное положеніе, называемое Валугина гора, казавшееся удобнымъ для занятія позиціи». Прибывшій къ нему въ это время полковникъ Толь, одобрявъ выборъ мѣстности, подкрѣпилъ его своими совѣтами, какъ расположить на ней войска для встрѣчи возможныхъ нападеній непріятеля.

Что это нападеніе послѣдуетъ дѣйствительно, они узнали только тогда, когда, вмѣстѣ обозрѣвая мѣстность, доѣхали до казачьихъ полковъ Карпова и убѣдились, что значительныя силы непріятельской пѣхоты переходятъ Днѣпръ по мостамъ, наведеннымъ близъ с. Прудышева, а конница въ бродъ. Понявъ отчаянное положеніе, въ которомъ оказался ничтожный отрядъ русскихъ войскъ, который могъ умереть на мѣстѣ, но не преградить путь громаднымъ, въ сравненіи съ нимъ, силамъ непріятеля, Тучковъ извѣстилъ о своемъ положеніи брата, начальствовавшаго надъ войсками той колонны, которой онъ составлялъ авангардъ. Безъ сомнѣнія, и полковникъ Толь, возвращаясь къ войскамъ, своимъ содѣйствіемъ подкрѣпилъ его требованія.

Время шло и, при существовавшихъ обстоятельствахъ, каждый часъ бездѣйствія непріятеля былъ выгоденъ для отряда Тучкова. Войска первой арміи, растерявшіяся по проселочнымъ дорогамъ въ ночномъ переходѣ, при свѣтѣ наступавшаго дня, побуждаемая съ одной стороны генераломъ Ермоловымъ, а съ другой извѣстіями о положеніи отряда генерала Тучкова, начинали болѣе и болѣе приближаться къ нему и, наконецъ, небольшими частями, соединяться съ нимъ.

Перешедшій при Прудышевѣ Вестфальскій корпусъ Жюно (герцога Абрантесъ), занявъ мѣсто, закрытое лѣсомъ, бездѣйствовалъ. «Бездѣйствіе Жюно спасло русскихъ», говоритъ С. Р. Вильсонъ, и это мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ современники и свидѣтели событій. Онъ правъ, конечно, въ нѣкоторой степени. Дѣйствительно, еслибы Жюно, переправивъ свой корпусъ на правый берегъ Днѣпра, подкрѣпляемый конницею Мюрата, немедленно напалъ на отрядъ Тучкова, не получившаго еще никакихъ подрѣпленій, то безъ сомнѣнія онъ могъ уничтожить его совершенно и отрѣзать значительную часть передовой арміи. Нападеніе на нашъ отрядъ начали войска маршала Нея, показавшіяся въ виду только въ 11 часовъ, и настоящій бой начался въ два часа пополудни, когда собрался весь его корпусъ и въ слѣдъ за нимъ приближался маршалъ Даву. Но въ это время къ Тучкову подошли подкрѣпленія и, подходя постепенно вечеромъ къ концу сраженія, усилили наши войска въ такой мѣрѣ, что они превосходили количествомъ непріятеля. Но въ началѣ сраженія численный перевѣсъ былъ на его сторонѣ, и нѣсколько разъ исходъ сраженія казался сомнительнымъ. Когда къ мѣсту боя прибылъ главнокомандующій и, осыпанный картечью, замѣтилъ опасность и поскакалъ къ подходовшимъ войскамъ, чтобы ускорить ихъ движеніе, Ермоловъ, нагнувшись къ своему адъютанту, поручику Граббе, на ухо сказалъ: «Аустерлицъ». Графъ Кутайсовъ замѣтилъ ему такъ же, «что наступилъ рѣшительный моментъ, когда каждому слѣдуетъ то дѣлать, что внушитъ ему его сердце». Но доблесть русскихъ войскъ, дравшихся отчаянно, отразила бѣшенія, по словамъ свидѣтеля-очевидца, на-

паденія Нея и удержались до тѣхъ поръ, пока прибыли почти всѣ войска и обезпечили исходъ сраженія. «Къ счастью, говоритъ тотъ же свидѣтель, Наполеонъ оставался въ Смоленскѣ и, хотя Ней и Мюратъ поняли всю важность обстоятельствъ, но не было единства и пылу въ дѣйствіяхъ, производимыхъ присутствіемъ императора. Жюно не слушался и стоялъ на мѣстѣ у Двѣпра». Не было единства власти, распоряжавшейся ходомъ сраженія. Только маршалу Даву поручено было поддерживать Нея, а Ней, Мюратъ и Жюно были независимы одинъ отъ другаго. Отсутствіе Наполеона и общихъ распоряженій съ его стороны — вотъ что спасло русскихъ. Бездѣйствіе Жюно было однимъ изъ послѣдствій этой главной причины. Никто, даже изъ писателей французовъ, не скрываетъ образа дѣйствій императора Наполеона; одни прищажаютъ его, другіе стараются объяснить различными соображеніями. Вообще, Наполеонъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи духа съ тѣхъ поръ, какъ продолжительное пребываніе въ Витебскѣ дало ему возможность обдумать и сообразить свое положеніе. Гордая, презиравшая все и всѣхъ, самоувѣренность поколебалась и смѣнилась сомнѣніемъ. Много было причинъ, которыя вынудили непреклонную волю если не покориться силѣ обстоятельствъ, то приостановиться и задуматься о ихъ значеніи.

Не могло не поразить прежде всего императора Наполеона явленіе небывалое при прежнихъ его войнахъ, по крайней мѣрѣ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его войска перешли Нѣманъ (12-го (24-го) іюня) до занятія Витебска, въ продолженіе мѣсяца изъ 420 тысячъ они потеряли уже болѣе 150 тысячъ. Число убитыхъ и раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіяхъ составляло самую незначительную долю этой огромной потери, до 15 тысячъ. Куда же дѣвались остальные 135 тысячъ? Разбѣжались, дезертировали изъ своихъ полковъ. На это зло, подрывавшее дисциплину въ войскахъ, съ первыхъ дней вступленія въ предѣлы Россіи, маршалы обращали вниманіе императора Наполеона. Мѣры, принятія имъ въ Вильнѣ, не приносили пользы. Въ Витебскѣ онъ приказалъ сдѣлать изслѣдованіе по всѣмъ корпусамъ объ убыли войскъ, и оно-то и показало приведенное выше невѣроятное, по выраженію самихъ французовъ, количество. Если въ томъ же размѣрѣ уменьшилась бы великая армія при дальнѣйшемъ движеніи впередъ, то въ ея рядахъ черезъ мѣсяць оказалось бы не болѣе 150 тысячъ. Подобное положеніе дѣлъ невольно должно было обратить на себя вниманіе и возбудить вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать наступательныя дѣйствія или остановиться? Всѣ сотрудники Наполеона раздѣляли мнѣніе, что, завоевавъ области, входившія въ составъ бывшей Польши, слѣдуетъ остановиться на старыхъ границахъ Россіи и, устроивъ Польское королевство, продолжать войну на слѣдующій годъ. Но расчеты Наполеона въ вой-

нѣ съ Россією основывались на быстротѣ движеній и сосредоточеніи повсюду количества войскъ, превосходившаго число непріятели, понимая, однакоже, не менѣе своихъ сотрудниковъ, что быстрота движеній и была одною изъ главныхъ причинъ убыли войскъ вслѣдствіе болѣзней, побѣговъ и мародерства, потому что подвозы продовольствія не могли слѣдовать за войсками, постоянно отставали, а страна, по которой они совершали движеніе, не представляла достаточныхъ ередствъ для прокормленія громаднхъ массъ. Голодъ господствовалъ въ великой арміи и вынуждалъ разбѣгаться солдатъ. Но это обстоятельство императоръ Наполеонъ надѣялся устранить остановками въ Вильнѣ и потомъ въ Витебскѣ, но не имѣлъ намѣренія затягивать войну на два года, что могло быть весьма благоразумнымъ съ точки зрѣнія военачальниковъ. Какъ императоръ, онъ смотрѣлъ на дѣло иначе: онъ зналъ, что колеблется почва подъ воздвигнутымъ имъ политическимъ зданіемъ, Франція недовольна, силою привлеченные союзники не надежны, Россія приготовляетъ новыя значительныя силы, расчеты на Турцію и Швецію оказались неудачными. Онъ считалъ необходимымъ во что бы то ни стало окончить войну въ этомъ году и окончить блистательною побѣдою. Но удастся ли это? Ему не удалось быстрымъ движеніемъ воспрепятствовать соединенію двухъ русскихъ западныхъ армій и разбить каждую изъ нихъ порознь, не удалось обойти Дрисскій лагерь и отбросить къ морю первую армію, ему не удалось и вовлечь ее въ рѣшительное сраженіе и разбить при Витебскѣ. Сомнѣніе не могло не возникать въ его умѣ, и онъ созвалъ военный совѣтъ, чего никогда прежде не дѣлалъ. Но привыкши лишь повелѣвать, а не выслушивать совѣты, онъ старался только убѣдить всѣхъ въ правильности принятыхъ имъ рѣшеній. «Увѣряютъ, что русскіе отступаютъ добровольно, говорилъ онъ своимъ сотрудникамъ, что они хотятъ завлечь насъ до Москвы. Нѣтъ, они не добровольно отступаютъ, они оставили Вильну, потому что не успѣли соединить своихъ войскъ, они оставили линію Двины, потому что потеряли надежду соединиться тамъ съ Багратиономъ, они не приняли сраженія подъ Витебскомъ для того, чтобы достигнуть этого соединенія при Смоленскѣ. Время битвъ приближается. Вы не займете Смоленска безъ боя, вы не овладѣете Москвою безъ сраженія. Наступательная война можетъ быть неудачна; но война, затянувшаяся надолго, представляетъ гораздо болѣе опасностей, и наше отдаленіе отъ Франціи ихъ усилитъ еще болѣе. Могу ли я думать, чтобы остановиться на квартирахъ въ іюлѣ мѣсяцѣ? Говорятъ, что этотъ походъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ кампаніи? Повѣрьте мнѣ, что этотъ вопросъ очень важенъ и онъ занималъ меня. Наши войска охотно идутъ впередъ, война наступательная имъ по сердцу. Но продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ въ оборонительномъ положеніи противно духу французовъ. Остановиться за рѣ-

ками, жить въ шалашахъ, дѣлать ежедневныя движенія для того, чтобы оставаться на одномъ мѣстѣ послѣ 8 мѣсяцевъ лишеній и скуки, да развѣ такъ мы привыкли воевать! Линіи Днѣпра и Двины, которыя могутъ служить защитою теперь, совершенно утратятъ это значеніе зимою, когда эти рѣки покроются льдомъ. Но зима угрожаетъ намъ не только своими морозами, но и дипломатическими интригами, которыя заведутся сзади насъ. Эти союзники, которыхъ мы увлекли, которые еще не очнулись отъ удивленія, что не дерутся противъ насъ, а гордятся, что слѣдуютъ за нами, дадимъ ли мы имъ время обдумать, въ какое странное положеніе они теперь поставлены. Для чего намъ оставаться здѣсь на 8 мѣсяцевъ, когда въ 20 дней мы достигнемъ своей цѣли? Предупредимъ зиму и соображенія. Мы должны быстро дѣйствовать, иначе все можемъ погубить. Черезъ мѣсяць мы должны быть въ Москвѣ или никогда въ ней не будемъ. Въ войнѣ половина дѣла зависитъ отъ счастья. Если ожидать соединенія всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, то она никогда не будетъ окончена. Итакъ, мой планъ кампаніи—сраженіе, моя политика—успѣхъ». Въ Витебскѣ императоръ Наполеонъ получилъ извѣстія о ратификаціи мирнаго договора Россіи съ турками и о союзѣ, заключенномъ ею еще въ мартѣ мѣсяцѣ съ Швеціею. Необходимымъ послѣдствіемъ этихъ событій представлялось усиленіе войскъ Тормасова всею Дунайскою арміею, а корпуса Витгенштейна—войсками, находившимися въ Финляндіи. Поэтому обонимъ его флагамъ угрожала опасность въ близкомъ будущемъ. Его посланникъ въ Пруссіи писалъ ему, что ходятъ слухи, что англичане угрожаютъ высадкою въ устьяхъ Эльбы, а шведы въ устьяхъ Одера. Тамъ же онъ получилъ русскія газеты съ описаніемъ пребыванія императора Александра въ Москвѣ, его воззваніе къ первопрестольной столицѣ, манифесты къ народу о составленіи ополченій и письмо къ императору митрополита Платона.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

къ

М. И. Ламздорфу, курляндскому губернатору ¹⁾,

1797 года.

Въ С.-П.-Бургѣ. Января 1797 года.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорфъ. По желанію Курляндскаго дворянства съѣздъ оному въ Губернскій городъ къ 16-му февраля дозволяется. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ С.-П.-Бургѣ. Февраля 4 дни 1797 года.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорфъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Вамъ удостовѣрить Курляндское дворянство, что при возстановленіи въ сей губерніи прежде существовавшихъ правилъ правленія, ничего къ отмѣнѣ не назначается; слѣдовательно выборъ Дворянскихъ Ассесоровъ изъ оныхъ Гауптмановъ останется совершенно на прежнемъ положеніи; о чемъ въ спорѣ за симъ подлежащее по волѣ Нашей отъ Сената распоряженіе прислано будетъ. Пребываемъ въ протчемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ С.-П.-Бургѣ. Февраля 13. 1797 года.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорфъ. Сходно съ желаніемъ вдовы Шитцъ повелѣваемъ,

¹⁾ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, впоследствии генералъ-отъ-инфантеріи и графъ,—воспитатель императора Николая, р. 1745 г. † 1828 г.

Ред.

вмѣсто производимаго ей изъ нашего Кабинета пенсіона, состоящую за нею на арендѣ въ Курляндской губерніи мызу Какишкенъ, имѣющую двадцать восемь крестьянскихъ дворовъ, и коей срокъ содержанія долженствовалъ кончиться будущаго 1799-го года, оставить за помянутою вдовою, а по смерти ея за сыномъ ея Надворнымъ Совѣтникомъ Шитцомъ по его смерти. Препываемъ Вамъ благосклонны.

Павель.

Въ С.-П.-Бургѣ. Февраля 20. 1797 года.

Господинъ Генераль-Маіоръ Ламздорфъ. Отъ Министровъ Нашихъ въ Италиі доставлены Намъ копіи учиненныхъ извѣстнымъ Домбровскимъ въ послѣднихъ польскихъ замѣшательствахъ участвовавшимъ прокламаціи побуждающія одноземцовъ его къ принятію оружія и наполненныя разными возмутительными выраженіями, какъ то вы усмотрите въ приложеніи. Неоставте имѣть прилѣжное и крѣпкое наблюденіе дабы всякая переписка помянутаго Домбровскаго и ему подобныхъ къ возмущенію общей тишины служащая чрезъ границу пропускаема не была. Препываемъ Вамъ благосклонны.

Павель.

1.

Актъ виленскаго возстанія. (Переводъ съ польскаго).

Пока силы обывателя, стѣсненныя отвсюду окружающимъ его могуществомъ, не могутъ быть употреблены во всемъ ихъ пространствѣ, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ обязанъ каждый дѣлать, что только ему можно. Не прошло ни одной минуты, въ которую бы не мыслили мы, стеная подъ чужимъ бременемъ неволи, о возвращеніи правъ нашихъ свободы и вольности каждому человѣку врожденной, и съ нетерпѣніемъ ожидая сего блаженнаго времени, питались лестною надеждою что можетъ быть когда-нибудь ослабѣтъ удручающее насъ могущество и небудетъ уже такую сильную преградою преданныхъ своему Отечеству, въ употребленіе средствъ къ полученію похищенныхъ древнихъ правъ и вольности;—и сіе то было причиною всегдашнихъ вздоховъ Нашихъ къ Богу. По немъ основывали мы надежду на Правительствѣ, оружіи и на славной французской республикѣ, коей всевозможныхъ успѣховъ желая во всѣхъ ея предпріятіяхъ, вздыхали всѣ о улучшеніи нашей участи. При всей ограниченности стѣсненныхъ силъ нашихъ дѣйствованія, осталась намъ врожденная свобода—мыслить; и какія только она средства позволяетъ намъ избрати, тѣ и употребимъ теперь въ нашу пользу. Утвердясь на вышеописанныхъ основаніяхъ, ввѣрять народной репрезантаціи какъ въ Парижѣ такъ и въ Медіоланѣ существующей,

стараніемъ французской республики актъ сей востанія, сходно съ сдѣланнымъ актомъ 1794 года подписываемъ, учиня присягу по сдѣланной формѣ и открываемъ сессию подъ предсѣдательствомъ обывателей 27-го Августа 1797 года.

Артикулы принятыя до ассоціаціи:

1. Протоколь назначенныхъ сессій ввѣряется обывателю.
2. Всякой входящій въ ассоціацію вноситъ по крайней мѣрѣ 3 червонца.
3. Имѣющіе у себя на рукахъ казну должны записывать въ протоколь приходъ и расходъ.
4. Складка сія назначена для поддержанія коммуникаціи, для пересылки нужныхъ людей, которая будетъ зависѣть отъ рѣшенія комплекту и для помощи несчастнымъ и гонимымъ.
5. Сессіи должны быть черезъ двѣ недѣли по предъ увѣдомленію о предбудущей кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ объявленныхъ чрезъ каждаго изъ членовъ.
6. Каждый изъ членовъ долженъ въ публичныхъ обществахъ употреблять только имъ однимъ извѣстные знаки, на которыя такимъ же образомъ отвѣтствовать, и кои должны быть невидимы и по нуждѣ ассоціаціе могутъ быть перемѣняемы.
7. Ассоціація не должна состоять болѣе какъ изъ 15 человекъ.
8. Самой большой комплектъ составляющій децизию долженъ быть изъ 5-ти, а самый малый изъ 4-хъ членовъ.
9. Президентство первому изъ подписавшихся.
10. Каждый изъ членовъ можетъ прибрать къ себѣ наиболѣе трехъ, коихъ принятіе въ ассоціацію рѣшится множествомъ голосовъ.
11. За комплектъ для невходящихъ членовъ въ ассоціацію будутъ сдѣланы особливые пункты.
12. Въ ассоціацію могутъ входить всякаго званія съ талантами, и превосходными свойствами люди. Каждый членъ прибирая другаго долженъ сперва узнать образъ мыслей и характеръ того человека, коему желаетъ онъ ввѣриться. Узнавши его честность, апробовать его твердость и рѣшимость; повѣрить ему въ особенности какое дѣло, взять съ него присягу и подпись, поступаая однакоже всегда съ величайшею осторожностью.
13. Каждый прибранный членъ обязанъ сообщать все, но только тому, кто его сдѣлалъ членомъ и такъ далѣе до ассоціаціи.
14. Долженъ употреблять всевозможное стараніе узнавать: не составляются ли гдѣ какіе ложные клубы и экзаминовать ихъ знаками и словомъ, доносить о томъ выше.
15. Еслибы гдѣ соединилось какое общество, которое разнилось бы только отъ насъ однимъ способами; но было бы одного съ нами духа и

стремилось бы къ одной цѣли, о томъ донести выше, дабы ассосіація могла заключить союзъ съ онымъ.

16. Каждый членъ обязывается жизнію и честію скрывать кто принялъ его даже и отъ того, кого онъ самъ дѣлаетъ членомъ; также неразглашать о союзѣ никакихъ извѣстій, которые введутъ отъ ассосіаціи.

17. Пункты сіи долженъ каждый членъ имѣть переписанные собственною рукою, и вмѣстѣ съ присягою читать ихъ всякой день.

18. Форма присяги: «Клянусь Богомъ, коего правосудіе яснѣе видимо въ казни измѣнниковъ, что присягу сію даю съ здравымъ разсудкомъ безъ всякаго къ тому принужденія, но по собственному желанію, въ коемъ союзѣ ни предмѣтомъ подлой корысти ни персональной ненависти, и по какой слабости измѣнникомъ не буду; ни кого изъ членовъ а тѣмъ болѣе товаришества какимъ бы то не было знакомъ не выдамъ; тайну сію сохранию въ глубинѣ души моей, пока успѣхъ или смерть не окончатъ сего предпріятія и кромѣ казни небесной, которая да ниспадетъ на главу мою, предаюсь всей мести и стыду, если бы имѣлъ намѣреніе учиниться измѣнникомъ. Въ чемъ Боже помози ми».

Артикулы членамъ ассосіаціи:

1. Всякой членъ обязанъ честію и жизнію скрывать кто принялъ его, даже и отъ того, кого онъ самъ дѣлаетъ членомъ: такъ же о союзѣ неразглашать никакихъ извѣстій, кои только выдутъ отъ ассосіаціи.

2. Каждой прибранной членъ обязанъ все сообщать только тому, кто его выбралъ и такъ постепенно.

3. Каждый входящій до ассосіаціи вноситъ по крайней мѣрѣ три червонца.

4. Складка назначена на пересылку нужныхъ людей, на помоганіе несчастнымъ и гонимымъ, но исполненнымъ мужества.

5. Каждый изъ членовъ можетъ прибрать къ себѣ наиболѣе трехъ, которые если не въ состояніи внести большей суммы, то хотя назначенную дать должны.

6. Членами могутъ быть всякаго состоянія люди одаренные превосходными свойствами и талантами.

7. Каждый членъ прибирая другаго долженъ сперва узнать образъ мыслей и характеръ того человѣка коему онъ хочетъ вѣрится. Узнавши его честность; апробовать его твердость и рѣшимость, повѣрить ему въ особенности какое дѣло, взять съ него присягу и подпись, поступая однакожь въ томъ съ величайшею осторожностію.

8. Каждый изъ членовъ долженъ съ тѣмъ кто его принялъ, и съ тѣми кого и онъ принимаетъ—употреблять извѣстные между ими уже условенные знаки, и особливо публичныхъ обществахъ.

9. Должно употреблять все возможное стараніе узнавать не соста-

вляются ли какіе клубы; экзаменовать ихъ и донестъ о нихъ тому, кто его привяль.

10. Пункты сіи долженъ всякой членъ имѣть переписанные собственною рукою и вмѣстѣ съ присягою всякой день читать ихъ.

11. Форма присяги (та же что и выше) Я Станиславъ Юдицкій принялъ ассосіацію и учинилъ присягу. 23-го Сентября 1797 года.

Плюнь на все любезный братъ и нетеряй надежды: часто и послѣ великой потери найдешь счастье.

2.

Copie.

Proclamation de Dombrovsky Lieutenant-Général Polonais, autorisé à former des Légions Polonaises auprès des peuples libres d'Italie, adressée à ses concitoyens réfugiés et prisonniers de guerre qui se trouvent en France ou dans les pays voisins.

Chers concitoyens! Arrachés du sein de vos pères, de vos épouses, de vos enfans, par le tyran qui a envahi votre terre et s'est déclaré le maître tout puisant de vos foyers; violant cet asyle de votre propriété, vous fit entraîner loin de lui par la main de ses satellites pour vous conduire (telles que des victimes à la boucherie) sous les étendarts de l'esclavage; vous entendrez sans doute avec surprise la voix d'un de vos compatriotes!... Frères!... L'heure de la vengeance a sonné!... Courrons aux armes!... Les Français généreux, contre lesquels vous avez été forcés de combattre, dont les phalanges victorieuses vous ont enlevé des armes qui servaient mal dans les mains des Polonais défendant la tyrannie; cette nation valeureuse est l'amie des peuples et est la vôtre... Moyennant son courage une partie de l'Italie délivrée du joug de l'esclavage est devenue l'asyle des hommes libres et heureux. Sur cette terre fortunée vos frères forment déjà des bataillons. Rejoignez nous! Montrons à l'univers que nous sommes dignes de la liberté, et le ciel emû à la vue de nos malheurs et de notre courage nous rendra l'héritage de nos pères et peut-être nous sera-t-il accordé de revoir avec joye ces toits si chers que les larmes aux yeux nous avons dû abandonner.

Du Quartier-Général de Milan le 16 Nivôse année cinquième républicaine, répondant au 6 janvier 1797.

Signé: Dombrovsky Lieutenant-Général Polonais.

3.

Proclamation du même Dombrovsky adressée à ses compatriotes qui sont au service de Sa Majesté l'Empereur Roi.

Polonais! Fidèle à ma patrie j'ai sous l'immortel Kosciuszko combattu jusqu' au dernier moment pour sa liberté; elle a dû succomber et il ne nous reste plus que le consolant souvenir d'avoir versé notre sang pour la terre de nos aïeux et d'avoir vu nos bannières triomphantes à Dubienka, Raclavice, Varsovie et Vilna. Polonais! l'espoir renaît! La France triomphe! Elle combat pour la cause des nations! Cherchons à affaiblir ses ennemis. Elle nous accorde un asyle; attendons des destins plus favorables pour notre patrie! Courrons sous ses étendarts; ce sont ceux de l'honneur et de la victoire! Des légions polonaises se forment en Italie sur cette même terre jadis le sanctuaire de la liberté! Déjà beaucoup d'officiers et soldats, compagnons de vos travaux comme de votre courage, se sont réunis à moi! Déjà des bataillons s'organisent!... Venez compagnons; rejetez loin de vous les armes que vous avez été forcés de porter! Combattons sous le vainqueur de l'Italie, sous le preux Bonaparte, pour la cause commune des nations, pour la liberté! Les trophées de la République Française sont nôtre unique espérance; c'est à son aide et à celle de ses alliés que nous devons peut-être de revoir nos demeures que la force nous a ravi! Frères d'armes, accourez! un de vos compatriotes vous y invite! Vos frères vous attendent; la patrie enfin vous le commande.

Du Quartier-Général de Milan le 22 Nivose de l'an cinquième de la République, répondant au 11 janvier 1797.

Signé: Dombrovsky.

2.

Копія. Прокламація Домбровскаго, генераль-лейтенанта польскихъ войскъ, уполномоченнаго сформировать польскіе легіоны изъ свободныхъ народовъ Италиі, къ его соотечественникамъ, находящимся во Франціи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ въ качествѣ эмигрантовъ или военно-плѣнныхъ.

Дорогіе сограждане! отторгнутые отъ своихъ родителей, отъ своихъ женъ и дѣтей тираномъ, который овладѣлъ вашей землею, объявилъ себя всемогучимъ властителемъ вашихъ родныхъ очаговъ и силою заставилъ васъ покинуть вашу кровь и идти (подобно жертвамъ, ведомымъ на закланіе), предводимые его приверженцами, подъ знамена рабства,

вы удивитесь, вѣроятно, услыхавъ призывъ своего соотечественника!... Братья!... Чась мщенія настала!... Возьмемся за оружіе!... Великодушные французы, противъ которыхъ васъ заставили сражаться и предъ побѣдоносными войсками которыхъ вамъ пришлось сложить оружіе, плохо повиновавшееся въ рукахъ поляковъ, когда они защищали права тирана, эта доблестная нація—другъ народовъ въ то же время и вашъ другъ... Благодаря ея храбрымъ подвигамъ, часть Италіи, освобожденная отъ ига рабства, стала убѣжищемъ людей свободныхъ и счастливыхъ. Въ этой благодатной странѣ собратья ваши формируютъ уже баталіоны. Присоединитесь къ намъ! Докажемъ міру, что мы достойны свободы, и Господь, тронутый нашими несчастіями и нашей храбростью, возвратитъ намъ наслѣдіе отцовъ нашихъ; можетъ быть, намъ суждено свыше съ радостнымъ чувствомъ вступить вновь подъ дорогой для насъ кровь родныхъ жилищъ, съ которыми мы разстались со слезами.

Изъ главной квартиры въ Миланѣ 16-го Нивоза пятаго республиканскаго года, соотвѣтствующаго 5 января 1797 г.

Подписалъ Домбровскій генералъ-лейтенантъ польскихъ войскъ.

3.

Прокламація того же Домбровскаго къ его соотечественникамъ, состоящимъ на службѣ Его Императорскаго и Королевскаго Величества.

Поляки! Вѣрный своей родинѣ, я сражался до послѣдней минуты за ея свободу, подъ знаменами безсмертнаго Костюшко; она изнемогла въ борьбѣ, и намъ остается въ утѣшеніе одно воспоминаніе, что мы проливали кровь за землю нашихъ предковъ и что наши побѣдоносныя знамена развѣвались въ Дубенкѣ, Раклавицѣ, Варшавѣ и Вильно. Поляки! Надежда возрождается! Франція торжествуетъ! Она сражается за свободу народовъ! Постараемся обезсилить ея враговъ! Она даетъ намъ убѣжище; будемъ надѣяться, что нашему отечеству предстоитъ болѣе счастливый жребій. Станемъ подъ ея знамена—это знамена чести и побѣды! Въ Италіи, на той самой землѣ, которая была нѣкогда святыищемъ свободы, формируются польскіе легіоны! Уже многіе офицеры и солдаты, товарищи вами понесеннымъ трудамъ и храбрымъ подвигамъ, присоединились ко мнѣ. Уже формируются баталіоны! Мы ожидаемъ васъ, товарищи! Киньте оружіе, которое васъ заставили носить! Сразимся подъ начальствомъ побѣдителя Италіи, подъ предводительствомъ храбраго Бонапарта за общее дѣло народовъ, сразимся за свободу. Мы возлагаемъ всю надежду на побѣды французской республики! съ помощью ея и союзниковъ Франціи мы увидимъ, быть можетъ, наши жи-

лица, отнятыя у насъ силою! Товарищи по оружію, мужайтесь! Къ этому призываетъ васъ одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ; сама родина вамъ это повелѣваетъ!

Въ главной квартирѣ въ Миланѣ 22-го Нивоза пятого республиканскаго года, соотвѣтствующаго 11-го января 1797 г.

Подписаль Домбровскій.

Въ С.-П.-Бургѣ, Февраля 28. 1797 года.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ламздорфъ. Узнавъ о почестяхъ здѣланныхъ Князю Зубову въ проѣздъ его чрезъ Ригу и опривнати имъ оныхъ повелѣваемъ вамъ по полученіи сего истребовать отъ него именемъ Нашимъ съ какимъ намѣреніемъ и по какому поводу посмѣлъ онъ оныя принимать: отвѣтъ же въ оригиналѣ имѣетъ немѣдленно доставить къ Намъ съ симъ же нарочно посылаемымъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклоннымъ.

Павель.

Въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Апрѣля 24. 1797 года

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорфъ. Изъ находящихся въ губерніи вамъ ввѣренной Казенныхъ строевій, тѣ которые за помѣщеніемъ Присутственныхъ мѣстъ останутся праздны, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ, или на Шпитали, и тому подобное, донося Намъ гдѣ какіе и на что именно употреблены будутъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Яншикахъ. Мая 20. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Губернаторъ Курлендской Ламздорфъ. Если бы называющая себя лади даръ находящаяся нынѣ въ Берлинь и намѣревающаяся пріѣхать въ Россію показала на границахъ Нашей Имперіи въ губерніи управленію вашему ввѣренной вы имѣетъ ей запретить въздъ въ оную Имянемъ Нашимъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Митавѣ. Маія 22. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорфъ. Подполковнику Дикеру бывшему здѣсь Городничимъ, въ разсужденіи долговременной и усердной его службы, которой по старости и

болѣзнямъ онъ болѣе продолжать не въ состояніи, всемилостивѣйше повелѣваемъ получаемое имъ по послѣднему званію жалованье обратить по смерти его въ пенсіонъ, производя ему оный изъ доходовъ Курляндской губерніи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Митавѣ. Маія 22. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Бывшей Герцогской Курляндской службы порутчику и Митавскаго Гарнизона Шефу фонъ-Геланду всемилостивѣйше повелѣваемъ производить пенсіонъ по четыреста талеровъ на годъ изъ доходовъ здѣшней губерніи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Вольмарѣ. Маія 24. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Бывшей Герцогской Курляндской Гвардіи Фельд-Фебелю Грубе всемилостивѣйше повелѣваемъ производить пенсіонъ по сту талеровъ на годъ изъ доходовъ Курляндской губерніи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Гатчинѣ. Маія 28. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Всемилостивѣйше снисходя на прошеніе въ Митавѣ Намъ поданное и здѣсь въ оригиналѣ приложенное слѣсаря Лиліе, повелѣваемъ ту пенсію, которую онъ съ сыномъ своимъ получалъ отъ бывшаго Герцога Курляндскаго, а именно обемъ имъ по сту по двадцати талеровъ на годъ производить изъ доходовъ Курляндской губерніи. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Павловскомъ. Іюня 7. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ, по приложенному при семъ прошенію бывшаго Герцогскаго Ягдъ Юнкера Фитингова, повелѣваемъ опредѣлить его въ Гробенъ Форстеромъ, если сіе мѣсто порозжее. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Павловскомъ. Юня 15. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Видя изъ списка о прѣзжающихъ изъ за границы при послѣднемъ вашемъ Рапортѣ представленнаго, что 30 Маія проѣхалъ чрезъ Митаву изъ вѣны въ Петербургъ Курьеромъ Ротмистръ Матерь, и не зная какой точно сей Курьеръ Австрійскій ли или Нашъ, предписываю впредь таковые списки ко Мнѣ доставлять исправнѣ. Пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Юня 16. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Я не нахожу удобнымъ апробовать представленный отъ васъ планъ расположенія войскъ въ Курляндской губерніи, такъ какъ и сбору для нихъ провіанта съ земли; а вмѣсто того желалъ бы чтобъ дворянство тамошнее соблюдая обоюдную выгоду и крестьянъ своихъ и войскъ у нихъ квартирующихъ, согласилось для сихъ послѣднихъ построить казармы; О чемъ и не оставте предложить кому слѣдуетъ, и объ успѣхѣ въ томъ Мнѣ довести, впрочемъ такъ называемыхъ вами Штабъ-Квартиръ Я не знаю, тѣмъ болѣе что всѣ Офицеры должны находиться при своихъ ротахъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Юня 17. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Дошедшее ко Мнѣ прошеніе изъ Митавы отъ Камергера Пыховскаго съ жалобою на неправильную отдачу женѣ его не получившей еще и законной съ нимъ разводной, но девятый годъ уже его оставившей, общаго ихъ въ Курляндіи имѣнія, препровождаю при семъ къ Вамъ въ оригиналъ, для надлежащаго гдѣ слѣдуетъ разсмотрѣнія и доставленія обиженному справедливаго по законамъ удовлетворенія. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Юня 24. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Прошеніе поданное Намъ во время проѣзда Нашего чрезъ Литовскую губернію отъ Шляхтича Коркеца съ жалобою что онъ присужденныхъ ему еще въ 1791 году Польскимъ Реляціоннымъ судомъ на дворянинѣ Курляндскомъ Бринкѣ шести сотъ талеровъ по сію пору не

получилъ, препровождаю къ Вамъ въ оригиналъ для надлежащаго гдѣ слѣдуетъ разсмотрѣнія и опредѣленія по законамъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Іюня 27. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Въ проѣздъ Нашъ чрезъ Литовскую губернію, подавнное Намъ отъ Курляндской жительницы Циммерманъ прошеніе съ жалобою на Курляндскаго дворянина Мирбаха, завладѣвшаго будто бы несправедливо фольваркомъ Пагербе, который былъ только у него въ закладѣ въ пяти стахъ талерахъ, отъ дяди ея Фиггера, послѣ коего она наслѣдница, препровожаемъ при семъ къ вамъ въ оригиналъ, для надлежащаго гдѣ слѣдуетъ претензіи сей разсмотрѣнія и доставленія обиженной сторонѣ справедливаго удовольствія по законамъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Петергофѣ. Іюля 16. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Полученное Нами прошеніе Митавскаго Верхняго Надворнаго Суда отъ Оберъ-Секретаря Конради объ увольненіи его за старостію отъ всѣхъ дѣлъ съ произвожденіемъ жалованья опредѣленнаго ему за службу бывшимъ Курляндскимъ Герцогомъ, по тысячѣ талеровъ на годъ, препровождается при семъ къ вамъ для надлежащаго разсмотрѣнія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Петергофѣ. Іюля 17. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Находящемуся при Курляндской Казенной Палатѣ въ числѣ Камералистовъ Келлеру, жалованье опредѣленное ему по четыреста по десяти талеровъ на годъ повелѣваемъ производить по смерти, выдавъ оное и за прошедшее время съ перваго генваря сего года. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Петергофѣ. Іюля 23. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. По рапорту Вашему отъ 17 сего мѣсяца. Нужнымъ нахожу примѣтить вамъ, что сильная буря продолжавшаяся не болѣе двухъ минутъ и повалившая нѣсколько тысячъ строеваго лѣсу, кажется слишкомъ увеличена, для пользы казеннаго лѣсничаго, которой о томъ доносилъ, о чемъ прикажите на мѣстѣ надлежащее свидѣтельство учинить и о справедливости узнать вѣроятнѣйшимъ образомъ. Пребуваемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Петергофѣ. Іюля 23. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Видя изъ Рапорта вашего отъ 17 сего мѣсяца что Курляндское Дворянство не согласилось слѣдовать примѣру прочихъ Россійскихъ городовъ и для взаимныхъ выгодъ войскъ и обывателей построить казармы, Я предписалъ Генералъ-Фелдмаршалу Графу Эльмпту, находящіесь въ Курляндской губерніи войски расположить на квартиры по всѣмъ Генерально мызамъ: о чемъ вамъ даю знать какъ для свѣдѣнія такъ и для надлежащаго исполненія относительно пособія по гражданской части. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Іюля 27. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Въ слѣдствіе прошенія здѣсь приложеннаго вдовы бывшаго Курляндскаго Ферстера Курцъ, повелѣваемъ вамъ буде есть Ферстерская ваканція помѣстити на оную старшаго сына ея, а въ противномъ случаѣ объявить ей причину, почему того сдѣлать не можно. Пребуваемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Павловскомъ. Іюля 27. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Дошедшее ко Мнѣ прошеніе отъ дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника фонъ Бера относительно построенныхъ имъ по Указу для Брандвахты судовъ, кои остана у него безъ употребленія препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналъ съ тѣмъ, чтобы вы доставили Мнѣ о семъ дѣлѣ яко для Меня вося неизвѣстномъ надлежащее свѣдѣніе и мнѣніе ваше. Пребуваю впрочемъ вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Павловскомъ. Юля 27. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорффъ. Полученныя М н о ю прошенія бывшей Герцогской Курляндской Камеры отъ Камеръ-Февандтеровъ Тоттиена, Лупшевича, Шредера, Гильберта и Гольцъ-Шрейбера Петри о выдачѣ удержаннаго у нихъ Казенною Курляндскою Палатою съ 1-го Генваря сего года жалованья, препровождаю къ Вамъ въ оригиналѣ съ тѣмъ, чтобъ вы по содержанію оныхъ доставили Мнѣ надлежащее свѣденіе съ присовокупленіемъ своего о нихъ мнѣнія. Препываемъ впрочемъ вамъ благосклонный.

П а в е л ь.

Въ Павловскѣ. Юля 31. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламздорффъ. По рассмотрѣніи дѣлъ касающихся до купленныхъ отъ бывшего владѣтельнаго Герцога Курляндскаго имѣній Его и разныхъ на немъ полагаемыхъ долговъ, Повелѣваемъ: П е р в о е, Секвестръ на сумму тридцать тысячъ талеровъ изъ принадлежащихъ Герцогу, по иску Генерала-Маіора Дерпера по причинѣ неполученнаго имъ владѣнія мызы Алтъ-Мокенъ наложить съ тѣмъ, чтобъ онъ Дерперъ, по объявленіи ему такового рѣшенія, доказалъ свое право въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, а буде недокажетъ, то сей секвестръ и снять. В т о р о е, претензію Тайнаго Совѣтника Барона Местмахера, какъ вовсе невмѣстную, и присуждаемое ему Комисією о долгахъ на Герцогѣ удовлетвореніе отставить. Т р е т ь е, Пенсіоны тою Комисією на щетъ Герцога назпачаемыя за неполученіе арендъ вдовѣ Полковницѣ Гернеръ по четыреста талеровъ, Полковнику Дистерло по триста талеровъ, Капитану Бистрому по сту по пятидесяти талеровъ, вдовѣ Ашевердъ по двѣсти талеровъ, Беру по двѣсти талеровъ, вдовѣ Брюновъ по двѣсти талеровъ, Капитану Франку по триста талеровъ, бывшему Оберъ-Егермейстеру Албедилю по четыреста талеровъ, Капитану Албедилю по триста талеровъ, упоминаему тутъ Беру по триста талеровъ, ассесору Медему по двѣсти талеровъ и вдовѣ Маіоршѣ Ропъ по сту талеровъ, всего же по три тысячи по пятидесяти талеровъ въ годъ производить изъ казны нашей, для того что Герцогъ отказавшися уже отъ управленія Княжествомъ Курляндскимъ къ Имперіи Нашей присоединеннымъ, немогъ удовлетворить обѣщаніямъ своимъ объ арендахъ. Ч е т в е р т о е, за таковымъ же сложеніемъ Герцогомъ съ себя правленія, непочитать его обязаннымъ ни къ построенію церкви для Якобстатскихъ мѣщанъ Лютеранскаго закона, ни къ заплатѣ недоданныхъ во время его владѣнія для учрежденной въ Митавѣ Академіи тридцати семи тысячъ съ лишкомъ талеровъ, ни претендуемыхъ придворнымъ Типографшикомъ Стефенгагеномъ пятьдесятитысячъ тале-

ровъ, за убытки будтобы имъ понесенные чрезъ отнятіе Герцогомъ привилегіи печатанія календарей и газетъ. П я т о е, Присуждаемыя Комисією по требованію Дворянина Клейста въ награжденіе убытковъ за взятую родителемъ Герцога у бабки его Старостины Корфовой аренду пять тысячъ восемь сотъ сорокъ талеровъ невзыскивать, для того, что отнятіе той аренды послѣдовало по причинѣ нехотѣнія помянутой Корфовой признать Герцога Эрнста Иогана возстановленнаго по волѣ Россійско-Императорскаго Двора въ Его владѣнія, да и что самая сія претензія просрочилася уже толь долготѣнимъ молчаніемъ. Ш е с т о е, Барону Ренне и Камергеру Мантейфелю въ присуждаемыхъ имъ Комисією, первому тысячи червонныхъ за неустойку будтобы Герцогову въ продажѣ деревни Цемаденъ, а послѣднему пяти тысячъ талеровъ за такую же будтобы неустойку въ продажѣ деревни Бушгофъ отказать, для того, что Герцогъ соглашенія своего не могъ исполнить по причинѣ уже тогда на мѣрѣ положеннаго присоединенія Курляндіи къ Россійской Имперіи. С е д ь м о е, Полагаемыя въ число Герцогскихъ долговъ двѣсти тысячъ талеровъ за купленную къ лену мызу Бергфелдъ, на Немъ Герцогъ не считать для того, что мыза въ числѣ прочихъ казенныхъ состоитъ. О с ь м о е, По претензіи Тайнаго Совѣтника Говена о данномъ ему отъ Герцога обязательствѣ на сто тысячъ талеровъ, о которомъ Герцогъ изъясняетъ, что оное получено отъ него какъ бы въ награжденіе за старанія его Говена по дѣламъ оконченнымъ согласительнымъ актомъ между имъ и Рыцарствомъ Курляндскимъ, который и не имѣлъ своего дѣйствія, а наконецъ и вовсе уничтожился перемѣною въ Курляндіи произшедшею, капиталы Герцогскія не подлежатъ взысканію; но въ разсужденіи оказаннаго помянутымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Говеномъ усердія къ Имперіи Нашей, отдать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящія за нимъ въ арендѣ въ Курляндіи деревни Суесь и Стирбенъ съ ихъ принадлежностями, и сію отъ насъ жалуюмую дачу, почестъ ему въ полное претенсіи его удовлетвореніе. Девятое, Супругъ Герцога бывшаго Курляндскаго Доротеѣ, урожденной графинѣ Медемъ вмѣсто положенныхъ ей преждѣ на содержаніе и вдовство Ея мызъ, которыя по воспослѣдовавшей въ семь княжествѣ перемѣнѣ розданы другимъ, производить въ знакъ особливой Нашей Милости и Благоволенія Ея пансіонъ по двадцати тысячъ талеровъ на годъ, начиная съ перваго Генваря сего года. Д е с я т о е, По приложенному при семь обязательствѣ Герцогскому за рукою Его, показанные суммы вычестъ изъ слѣдующихъ Ему, и доставить кому надлежитъ, впрочемъ въ общѣ наблюдать, чтобъ условія съ нимъ заключенныя въ точности исполняемы были и чтобъ какъ слѣдующее Ему изъ казны Нашей было выплачиваемо въ положенное время исправно, такъ и что отъ него кому слѣдуетъ къ тѣмъ доходило. О всемъ выше писан-

номъ имѣете ваши распоряженія здѣлать по сношенію съ Нашимъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Государственнымъ Казначеемъ Барономъ Васильевымъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Павловско. Августа 3-го. 1797.

Господинъ Тайный Совѣтникъ Ламбдорфъ. Назначивъ сторелой флигель дворца Митавскаго для квартированія обѣихъ пѣхотныхъ полковъ въ Митавѣ находящихся. Повелѣваю вамъ приступить немедленно къ починкѣ онаго, равноѣрно же здѣлать точное исчисленіе во что станутъ казармы на всѣ полки въ Курляндіи расположенныя, изъ коихъ Софійской Мушкетерской назначается на непремѣнныя квартиры въ Митаву, куда онъ и перейдетъ изъ Боутска по построеніи для него въ Митавѣ казармъ. Казармы дѣлать каменные или мазанныя, а естли вы найдете въ томъ выгоду и деревянныя. Для снабденія недостатокъ претерпѣвающихъ полковъ определить имъ изъ казенныхъ лѣсовъ дерева на строеніе неспособное, имѣя смотреніе, чтобъ сего переводу лѣсу не было. О чемъ здѣлать строгое предписаніе Форштермейстерамъ. Пребывая вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Г-ѣ Павловскѣ. Августа 11 дня. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Гражданскій Губернаторъ Ламбдорфъ! По добровольному согласію всѣхъ вообще обитателей Курляндской губерніи, повелѣваемъ вамъ собирать со оныхъ въ теченіи десяти лѣтъ ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей на построеніе казармъ для полковъ, въ Курляндіи расположенныхъ; донося Намъ ежечасто о успѣхе съ каковымъ платежъ сихъ денегъ происходитъ будетъ. Пребываемъ въпротчемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Гатчинѣ. Августа 21. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. По представленію вашему повелѣваемъ оставя при Курляндской Казенной Палатѣ Камерфервандтеровъ Шредера, Лубшевича, Неандера, Бледау, Тоттина, Гильберта и Прискорва у исправленія прежнихъ должностей ихъ, производить имъ и прежнее ихъ жалованье изъ тамошнихъ доходовъ. Пребываемъ впротчемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Гатчинѣ. Сентября 5. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Не зная какое исполненіе учинено по указу данному 27-го Октября прошлаго 1795 года управлявшему предъ симъ Курляндскою губерніею Генералу-Лейтенанту барону фонъ-деръ-Палену о мызѣ Балдонъ, въ коей находится источникъ цѣлительныхъ водъ, повелѣваемъ вамъ сдѣлать нужное распоряженіе о содержаніи сего врачебнаго источника въ надлежащей исправности на пользу и пособіе больнымъ, и доставить Намъ подробное описаніе какъ объ немъ, такъ и о мѣрахъ, какія вы къ его существованію примете. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

П а в е л ь.

Въ Гатчинѣ. Сентября 8. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Жалобу при семь препровождаемую Еврея Хацкиля на Старосту Горскаго въ разныхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ, повелѣваемъ разсмотрѣть и обиженному доставить справедливое удовлетвореніе по законамъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

П а в е л ь

Въ Гатчинѣ. Сентября 10. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. По разсмотрѣніи доставленной отъ васъ справки о Священникѣ Католической въ Либавѣ церкви Бриксъ, повелѣваемъ оставить его при прежнемъ жалованьѣ, какое онъ по фундаціонному той церкви акту получалъ при Герцогскомъ Правленіи, то есть по триста талеровъ на годъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

П а в е л ь.

Въ Гатчинѣ. Сентября 23. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Полученное Мною изъ Митавы отъ Профессора Математики Бейтлери прошеніе о позволеніи ему водяною болѣзнію страждущему для испытанія операціи отъѣхать въ Берлинъ на четыре мѣсяца, препровождаю къ Вамъ въ оригиналѣ предъоставляя на собственное усмотрѣніе ваше естли не встрѣчается ни какихъ препятствій дать ему просимое дозволеніе. Пребываю впрочемъ намъ благосклонный.

П а в е л ь.

*

Въ Гатчинѣ. Сентября 25. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Разсмотрѣвъ представленіе ваше о мызѣ Балдонъ въ которомъ источникъ цѣлительныхъ водъ находится, на первый случай Мы инаго предписать не находимъ какъ только дать позволеніе частнымъ людямъ построить тамъ трактиры; завести Аптеку и имѣть лавки безъ платежа грунтовыхъ денегъ, дабы хотя симъ безъубыточнымъ Казнѣ способомъ завести тамъ нужное и выгодное для пріѣзжающихъ пользоваться водами пристанище: а впрочемъ не оставьте по долгу вашего Начальства наблюдать, чтобъ помянутый цѣлительный источникъ содержанъ былъ въ надлежащей исправности, доколѣ съ истеченіемъ Аренднаго мызы Балдонъ срока дальѣйшее объ томъ сдѣлано будетъ распоряженіе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Gatchina le 28 Septembre 1797.

(Собственноручно). Je viens de recevoir des avis de l'entrée d'émissaires Polonais et Français arrivé dans mes frontières Vous aurez à en faire la recherche la plus scrupuleuse et en même temps Vous observerez dorénavant de ne laisser passer la frontière à aucun étranger sans vous en être bien mis au fait. Votre affectionné ¹⁾.

Paul.

Гатчина. 28 Сентября 1797 года.

(Собственноручно). Мною получено извѣстіе о въѣздѣ польскихъ и французскихъ эмиссаровъ, появившихся въ моихъ владѣніяхъ. Вамъ надлежитъ строжайшимъ образомъ разслѣдовать это дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣете вы впредь не пропускать чрезъ границу ни одного иностранца, не удостовѣрившись надлежащимъ образомъ въ его личности. Вамъ благосклонный.

Павель.

Въ Гатчинѣ. Сентября 28. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Въ слѣдъ письма Моего сейчасъ съ нарочнымъ къ вамъ отпращеннаго, для лучшаго вашего въ исполненіи онаго соображенія, препровождаю при семъ въ копияхъ извѣстія съ Границы Мною полученныя, пребывая вамъ благосклоннымъ

Павель.

¹⁾ Внизу по-русски рукою императора Павла написано: „Ламбдорфу“.

1.

Копія съ Секретнаго Рапорта Генераль-Маіора Мерлина къ Генераль-Фельдмаршалу Князю Репнину изъ Гродно отъ 20-го Сентября 1797 года № 14.

По сдѣланному мнѣ извѣщенію отъ Его Превосходительства Якова Ивановича Булгакова, задержаль я здѣсь третьяго дни то есть 13 сего мѣсяца, подъ именемъ Цесарскаго дворянина ѣдущаго, Польскаго Поручика Себастьяна Цецерскаго, у коего по учиненномъ ему по приказанію моему обыскѣ нашлись зашитыя въ воротникѣ его фрака слѣдующія бумаги: act Powstania Wilenskiego, artykuły do ассоціаціи przieste, artykuły członом ассосыаціи, росписку Станислава Юдицкаго и Гіеороглифическую азбуку, съ коихъ копіи и съ приложеніемъ ихъ перевода честь имѣю у сего вашему Сіятельству представить. Симъ открытіемъ Цецерской былъ такъ устрашенъ, что хотѣлъ зарѣзаться, до чего однакожь его не допустили, и на вопросъ мой, о участникахъ возстанія отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что лучше ему одному погибнуть, нежели погубить многихъ; но когда я увѣрилъ его что все уже извѣстно, то онъ сказалъ мнѣ, что ежели я его обнадежу, что его ни въ Сибирь не пошлютъ, ни обнаружатъ передъ его товарищами, тогда онъ объявитъ мнѣ всю истинну и не скроетъ ничего. Я его въ томъ обнадежилъ и онъ открылъ мнѣ теперь только то что изъ главныхъ членовъ ассоціаціи находящихся въ Вильнѣ суть: Ксензъ Зюльковск о й живущій въ женскомъ Бенедиктинскомъ монастырѣ, Доминиканскій Ксензъ Цецерск о й, мѣстной патронъ Грабовск о й, родной братъ Адъютанта Грабовскаго, находившагося въ Смоленскѣ, Станиславъ Юдицк о й сынъ Генерала того же имени; которые всѣ вмѣстѣ по словамъ Цецерскаго присягали на возстаніе у Ксенза Зюлковскаго и всѣ имѣютъ копіи съ помянутыхъ какъ Акта такъ и Артикуловъ, о семъ о всемъ извѣстилъ уже я Его Превосходительство Якова Ивановича и копіи съ Акта и Артикуловъ такъ же и Алфита сообщилъ. Что же далѣе свѣдаю какъ о сей затѣянности, такъ и сообщникахъ, не умедлю представить вашему Сіятельству безъ потерянія времени съ формальнымъ сдѣланнымъ ему Цецерскому извѣтомъ, и таковой же сообщу Якову Ивановичу для улики тѣхъ, на коихъ онъ Цецерской показываетъ, а между тѣмъ спѣшу донести вашему Сіятельству о семъ происшествіи.

2.

Выписка изъ письма Генераль-Маіора Мерлина, изъ Гродно отъ 20 сентября.

Сію минуту получилъ я свѣдѣніе, что Генераль Гивтеръ получилъ чрезъ штафету по командѣ увѣдомленіе, о возстаніи якобы послѣдовавшемъ въ Галлиціи, о чемъ хотя ни откуда ничего подтвердительнаго нѣтъ, однакоже я для осторожности сообщилъ сіе свѣдѣніе стоящему въ Брестѣ г-ну Полковнику Макарову, и просилъ его о всемъ, что относительно сего свѣдаетъ, мнѣ сообщить.

Всеподданнѣйшій рапортъ Курляндскаго Губернатора Ламздорфа.

Митава. — Сентября 18-го дня 1797 года.

Во исполненіе Всевысочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества отъ 5-го сего Сентября, относительно находящагося въ Курляндской губерніи на мызѣ Балдонъ источника цѣлительныхъ водъ, имѣю честь всеподданнѣйше донести слѣдующее:

По данному октября прошлаго 1795 года, управлявшему предъ симъ Курляндскою губерніею Генералу-Лейтенанту барону фонъ-дербъ-Палену Высочайшему повелѣнію, имъ отъ 11 Марта 1796 года поднесенъ былъ рапортъ, съ котораго при семъ всеподданнѣйше представляется точная копія. При ономъ рапортѣ представлены были на Высочайшее разсмотрѣніе упоминаемые въ ономъ планы и смѣты, и примѣрный штатъ медицинскимъ и прочимъ служителямъ, кои для надзиранія при ономъ источникѣ почитались нужными, но на сіе Высочайшей резолюціи не воспослѣдовало и оный источникъ остался подъ частнымъ присмотромъ и наблюденіемъ арендодержателя мызы Балдонъ фонъ-Ливень который онаго обстроилъ для збереженія такъ что больные коихъ и въ нынѣшнемъ году не малое число собралось могли довольно удобно пользоваться водою.

Подробное описаніе какъ мѣстоположенія онаго источника такъ и въ которыхъ болезняхъ вода сія преимущественно къ пользѣ больныхъ употреблена быть можетъ, содержится въ поднесенныхъ при семъ трехъ на немецкомъ языкѣ сочиненныхъ описаніяхъ кои и предъ симъ уже при донесеніи отъ 27-го Октября 1795 года, на Высочайшее разсмотрѣніе представлены были. Вода дѣйствительно во многихъ болезняхъ оказалась цѣлительной и редко кто изъ больныхъ остается безъ облегченія, по чему должно заключить, что ежели будутъ взяты мѣры для распространенія употребленія оной, и учредится порядочной присмотръ, сей источникъ не менѣе станетъ имѣть похвалы, и не менѣе стечется

къ оному посѣтителей какъ у болѣе прославляемыхъ иностранныхъ. Построеніе дома и учрежденіе порядочнаго присмотра отъ стороны Правительства къ сему конечно служить болѣе всего, и какъ арендодержатель мызы Балдонъ фонъ-Ливенъ, собственная мыза котораго Мерпендорфъ именуемая, смѣжна съ тою частію мызы Балдонъ, гдѣ источникъ находится, соглашается какъ изъ приложеннаго при семъ рапорта видно, отдать нужную землю и перемѣстить крестьянъ, коихъ земли нужны подъ построеніе домовъ при ономъ источникѣ и для основанія посада, на своемъ иждивеніи и безъ умѣшенія платимой за мызу Балдонъ арендной суммы, то нѣтъ препятствія завѣсти тамъ все по благоразсужденію. Ежели же Вашему Императорскому Величеству не благоугодно будетъ повелѣть чтобъ тамъ отъ Казны построенъ былъ домъ, то однакожь полагаю что, ежели только позволено будетъ частнымъ людямъ построить тамъ трактиры, завѣсти аптеку и имѣть лавки, освобождая ихъ при этомъ отъ платежа грунтовыхъ денегъ за нужныя подъ ихъ строеніями и завѣденіями мѣста, въ нѣсколько лѣтъ тамъ видится изрядной посадъ.

До воспослѣдованія высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія что учинить должно, я ничего не упущу, что служить можетъ къ содержанію источника въ надлежащей исправности, дабы больные во всякое время могли свободно и безпрепятственно пользоваться водою, и вообще ничего не происходило что тѣченію воды или будущимъ завѣденіямъ вредить или препятствовать могло, о чемъ я и сдѣлалъ предписаніе помянутому Болдонскому арендодержателю фонъ Ливену.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Полученное Мною изъ Митавы Казенной мызы Гредзена отъ обывателя Юпписа Якоба прошеніе, съ жалобою на вотчима его архитектора Мартинга за завладѣніе принадлежащимъ ему послѣ отца имѣніемъ, препровождаю при семъ къ Вамъ для надлежащаго разсмотрѣнія и постановленія по законамъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

П а в е л ь.

Въ Гатчинѣ. Октября 3. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбздорфъ. Снисходя на прошеніе у сего приложенное вдовы умершаго фельдфебеля въ Герцогской Курляндской службѣ бывшаго Рейнгарда, всемилоствѣйше повелѣваемъ производить ей на содержаніе изъ тамошнихъ доходовъ по двадцати по четырѣ талера на годъ, выдавъ оныя и запро-

шедшее время съ котораго производство ей сего пенсіона было остановлено. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Гатчино. Октября 8 дня 1797 года.

По секрету.

Господинъ Тайный Совѣтникъ Ламздорфъ. По случаю открывшейся въ Копенгагене опасной болезни, взять вамъ нужныя меры съ приходщими судами къ Либавскому и протчимъ портамъ Курляндіи не оставивая притомъ торговли. Въ протчемъ есмь къ вамъ благосклонный.

Павелъ.

(ПРИЛОЖЕНІЕ).

Копенгагенъ 19—30 Сентября 1797 года.

По секрету.

Сей часъ узналъ, что на фрегатѣ пришедшемъ недавно изъ Севтъ Круа въ Елзенерь оказалась сильная заразительная болѣзнь, такъ что изъ 400 человекъ составляющихъ экипажъ около 200 уже умерло, правленіе содержитъ сіе въ тайнѣ взявъ всѣ возможныя предосторожности пресеченія сѣго зла.

Въ Гатчинѣ. Октября 13. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Повелѣваемъ наблюдать въ губерніи вамъ ввѣренной чтобъ приѣзжающіе изъ за границы Французы неинако впускаемы были какъ тѣ которые имѣютъ не старыя но вновь имъ данныя письменныя виды отъ Короля, или же Принца Конде, или же отъ Нашихъ Министровъ; а естли бы случились изъ нихъ такіе, которые бывъ уже здѣсь прежде, присягу учинили, и потомъ отсюда выѣхали, то и ихъ равномѣрно непускать обратно въ Россію естли они непредъявятъ новыхъ о себѣ видовъ. Пребываемъ впротчемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Октября 13. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Полученное Мною прошеніе изъ Митавы Королевско-Шведскаго Двора отъ Камергера фонъ-Бутлера, жалующагося на волокиту чинимую ему въ окончаніи дѣла его тяжбнаго съ Манрихтеромъ фонъ-Горомъ объ имѣніи, препровождаю къ вамъ во оригиналъ для надлежащаго

разсмотрѣнія и поступленія по должности вашей. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ.

St. Petersburg. Den 18 November 1797.

Herr geheime Rath und Kurländischer gouverneur Lambsdorff. Die in der hier angeschlossenen an uns gerichteten Bittschrift des ehemaligen secretairs Kohz enthaltene Gegenstände empfehlen wir ihrer Prüfung an, nach welcher sie uns gehörigen Bericht abzustatten haben. Ihr wohlaffectionirter Kaiser.

Paul.

С-Петербургъ. 18 ноября 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Предлагаемъ вамъ разсмотрѣть обстоятельства дѣла, въ прилагаемомъ при семъ прошеніи, на наше имя принесенномъ, изложеннаго бывшимъ секретаремъ Кошомъ и о послѣдующемъ заключеніи намъ донести. Вамъ благосклонный императоръ Павелъ.

Въ С.-П.-Бургѣ. Декабря 19. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій губернаторъ Ламбдорфъ. Назначъ Дворецъ Нашъ въ Митавѣ къ пребыванію Его Величества Короля Французскаго повелѣваемъ вамъ исправить оный такъ чтобъ Король могъ жить въ ономъ покойно съ малолюдною его свитою; всѣ потребныя службы прикажите такъ же исправить въ немъ и по полученіи сего донесите Намъ о состояніи того Дворца. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ С.-П.-Бургѣ. Декабря 19. 1797 года.

Господинъ Тайный Совѣтникъ и Курляндскій Губернаторъ Ламбдорфъ. Изъ списка здѣсь приложеннаго вы усмотритъ какое повелѣніе отъ Насъ дано Подполковнику Лаврову относительно препровожденія Гарди дю Коръ бывшихъ при Королѣ Французскомъ по чему и не оставтъ взять съ вашей стороны надлежащія мѣры; чтоже касается до Его Величества Самаго вы должны ему оказывать всѣ почести соображаясь съ Нашимъ Уставомъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ С.-П.-Бургѣ. Декабря 19. 1797 года.

Господинъ Подполковникъ Лавровъ. Въ дополненіе къ инструкци вамъ вывѣданной за нужное находимъ прибавить слѣдующіе. Извѣстныхъ Gardes du corps старайтесь отправлять по почтѣ просто давал имъ пашпорты съ прописаніемъ именъ ихъ называя Нашими подданными, а опріемъ оныхъ на границахъ Нашихъ вы заранѣе условтсь съ Нашимъ Тайнымъ Совѣтникомъ Ламбздорфомъ. Впрочемъ если отправленіе сіе повстрѣчало большія затрудненія вы можетѣ по лучшему вашему усмотренію дождавшись весны отправить оныхъ водою, Мы предъоставляемъ сіе мѣстнымъ вашимъ соображеніямъ. Пребывая вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною рукою Его Императорскаго Величества, тако:

Павель.

Сообщилъ К. А. Военскій.

Поправка

къ статьѣ „Рус. Стар.“ (Іюль 1892 года) Папахристо.

Въ помѣщенной въ іюльской книгѣ 1892 года „Русской Старины“ статьѣ: „Русскіе достопамятныя люди“, на страницѣ 29-й, сказано, что причиной неблаговоленія государя Николая Павловича къ адмиралу Папахристо было отклоненіе симъ послѣднимъ виѣшательства въ управленіе кораблемъ „Марія“ во время плаванія изъ Варны въ Одессу, когда корабль выдерживалъ штормъ.

Объ этомъ случаѣ я слышалъ разсказы контръ-адмирала Степана Васильевича Воеводскаго, бывшаго въ 1853—59 гг. главнымъ правителемъ колоніи Россійско-Американской компаніи (Новоархангельскъ на ост. Ситхѣ), гдѣ я служилъ въ то же время, какъ это видно изъ статьи моей: „На Амурѣ и въ русскихъ колоніяхъ въ Америкѣ“, находящейся въ редакціи „Русской Старины“.

По этому разсказу, Папахристо поступилъ во время шторма именно такъ, какъ изложено въ выше упомянутой статьѣ, но причиной неудовольствія государя было не это, а нижеслѣдующія обстоятельства.

По прекращеніи шторма, государь, во время дальнѣйшаго плаванія, несмотря на рѣзкій поступокъ Папахристо, оказывалъ ему особенное благоволеніе, и на докладъ одного изъ бывшихъ въ то время, при государѣ, приближенныхъ лицъ о необходимости наградить Папахристо орденомъ Св. Анны 2-й степени, государь отвѣчалъ: „погоди, мы его еще украсимъ“, то-есть, какъ полагаютъ, государь желалъ наградить этимъ орденомъ съ короной или брилліантами. Но затѣмъ, выйдя однажды рано утромъ на палубу, государь увидѣлъ тамъ Папахристо, который хотя и поторопился сойти въ каюту, но государь, равно какъ и бывшіе при немъ лица, замѣтили, что подъ шинелью на немъ былъ халатъ; государь видимо былъ крайне недоволенъ.

Въ заботѣ о благополучномъ доставленіи государя въ Одессу, Папахристо, какъ только проснулся, поспѣшилъ выйти на палубу въ халатѣ, накинувъ сверху шинель, никакъ не ожидая, что государь такъ рано появится на палубѣ. Государь не наложилъ никакого замсканія и даже не сдѣлалъ замѣчанія Папахристо, но послѣ этого не выказывалъ къ нему прежняго благоволенія. Тѣмъ не менѣе за это плаваніе Папахристо получилъ вышеупомянутый орденъ, но уже безъ украшеній.

А. Е. Бороновъ

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА ¹⁾.

ХІІІ.

Первый годъ ученія въ ІV классѣ института.—Профессора этого класса.

Коснувшись Остроградскаго, я, чтобы не прерывать нити разсказа о немъ, забѣжалъ впередъ; но теперь долженъ возвратиться назадъ ко времени поступленія моего въ институтъ.

Я поступилъ, какъ уже было упомянуто, въ 4-й классъ, т. е. въ предпоследній передъ выпускомъ. Въ этомъ классѣ изъ математики читались: тригонометрія, высшая алгебра и аналитика. Профессоромъ этихъ предметовъ былъ академикъ Чижовъ, которому было уже надъ 70 лѣтъ. Это былъ человекъ очень талантливый; онъ получилъ математическое образованіе въ Парижѣ, читалъ чрезвычайно ясно и отчетливо, соблюдая строгую послѣдовательность въ изложеніи предметовъ. Читая долгое время, онъ такъ систематично распредѣлялъ свои лекціи, что кончалъ каждую лекцію именно на томъ мѣстѣ, гдѣ кончалъ ее въ предшествующіе годы. Конечно, это былъ своего рода педантизмъ, но такой, который никому не вредилъ, а, напротивъ, былъ отчасти полезенъ, ибо вытекалъ изъ того, что Чижовъ твердо держался извѣстной системы своего курса, чтобы не путать понятій ежегодно мѣняющихся своихъ слушателей. Когда же являлась надобность ознакомить съ чѣмъ-нибудь новымъ, то это составляло уже предметъ особой статьи. Онъ читалъ вообще очень покойно, но когда приходилось ему излагать теорему Штурма, то старикъ необыкновенно раз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г. октябрь.

горячался и излагалъ ее восторженно, съ одушевленіемъ. Въ результатѣ это былъ такой профессоръ, какихъ дай Богъ имѣть всегда.

Въ означенномъ классѣ, кромѣ чистой математики, напирали въ особенности сильно на начертательную геометрію, геодезію, гидрографію и военныя науки. Главнымъ профессоромъ начертательной геометріи, которая обнимала съ приложеніями всѣ послѣдующіе классы, былъ самъ начальникъ учебной части, Севастьяновъ; но онъ имѣлъ много репетиторовъ, которые по преимуществу замѣняли его. Начертательная геометрія не преподавалась вовсе въ нашемъ отечествѣ до основанія института путей сообщенія. Севастьяновъ, будучи однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ института и учившійся у знаменитыхъ французскихъ ученыхъ и профессоровъ, обратилъ вниманіе именно на означенную науку и составилъ самъ ея курсъ. Затѣмъ перевелъ весь обширный курсъ, со всѣми отраслями начертательной геометріи знаменитаго ученаго Потье, и такимъ образомъ былъ главнымъ пропагандистомъ науки, которая такъ неизбѣжно необходима для инженеровъ, механиковъ, архитекторовъ, кораблестроителей и сельскихъ хозяевъ, и въ то же время сильно развиваеъ сообразительность и ясность представленій въ умѣ.

Севастьяновъ очень любилъ изящную литературу и въ особенности поэзію, и самъ пописывалъ нѣкогда стихи. Случалось не рѣдко, что, обходя наши большія классныя залы, гдѣ помѣщалось около 100 человѣкъ и болѣе, онъ остановится бывало передъ какимъ-нибудь воспитанникомъ, упретъ въ него глаза, постоять молча съ полминуты и вдругъ продекламируетъ нѣсколько стиховъ изъ какого-нибудь произведенія Державина, Пушкина, Крылова или другаго писателя и затѣмъ быстро уйдетъ. Эти его выходы имѣли смыслъ: нало было только догадаться — было ли то какое-нибудь замѣчаніе, или добрая шутка, или выраженіе удовольствія?

Чтеніе въ классахъ литературныхъ произведеній воспрещалось, но, конечно, случалось, что Севастьяновъ застанетъ кого-либо за этимъ чтеніемъ. Если онъ найдетъ, что авторъ книги извѣстный писатель, то скажетъ тихонько: «спрячьте, а то дежурный можетъ отнять ее»; если же найдетъ книгу пустяковинной, то самъ отберетъ ее и устыдитъ чтеца.

Севастьяновъ любилъ тоже пугать воспитанниковъ, умѣя дѣлать для того свою фѣзіономію необыкновенно свирѣпой. Иногда останавливается передъ кѣмъ-нибудь и устремить свой свирѣпый взоръ; воспитанникъ, не зная, чѣмъ могъ онъ возбудить гнѣвъ, стоитъ передъ нимъ, какъ вкопанный, въ недоумѣніи. — «Что, перепугались», скажетъ онъ, потомъ засмѣется и уйдетъ. Однажды я, будучи занятъ, не замѣтилъ, что Севастьяновъ обходитъ классъ, и потому, когда всѣ стояли, сидѣлъ и увидѣлъ его уже въ шагахъ трехъ отъ себя и тогда только всталъ съ табурета. Севастьяновъ остановился, сдѣлалъ ужасно свирѣпый видъ и сказалъ: «гордецъ! казанскій царевичъ!» и ушелъ. Въ то время я еще не зналъ о подобныхъ его выходкахъ, подумалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ разсердился за мое, повидимому, невѣжество, и огорчился этимъ обстоятельствомъ; но въ тотъ же день Севастьяновъ опять остановился противъ меня и, улыбаясь, повторилъ «казанскій царевичъ!» и съ такимъ прозвищемъ онъ продолжалъ обращаться ко мнѣ и впослѣдствіи, даже тогда, когда я былъ въ офицерскихъ классахъ.

Севастьяновъ зналъ, что наша фамилія традиціонно соприкасается съ литературной средой и что мы состоимъ въ родствѣ съ Державинымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмѣтилъ у моего брата Ипполита расположеніе и даръ къ поэзіи (братъ мой, однако, никогда не печаталъ своихъ стиховъ) и потому любилъ поболтать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Нерѣдко Севастьяновъ декламировалъ предсмертные стихи Державина, написанные имъ на грифельной доскѣ, которая, кажется, хранится въ Публичной библиотекѣ. Вообще, онъ очень любилъ моего брата, приглашалъ его иногда къ себѣ по вечерамъ пить чай, и не разъ, со слезами на глазахъ, выражалъ сокрушеніе о томъ, что его сынъ Яша плохо учится и зачѣмъ мой братъ не его, Севастьянова, сынъ.

Севастьяновъ былъ исключительно добрый человекъ, но, не менѣе того, былъ строгъ при оцѣнкѣ воспитанниковъ, — что не мѣшало имъ, однако, сильно любить его. Онъ 30 лѣтъ пробылъ при институтѣ, занимаясь ученою и учебною дѣятельностью, сначала какъ репетиторъ, потомъ, какъ профессоръ, и, затѣмъ, какъ главный начальникъ учебной части; такимъ образомъ, мимо него прошло 30 выпускровъ, т. е., почти всѣ получившіе въ то время обра-

зованіе въ институтѣ и находившіеся на службѣ. Однажды главноуправляющій, графъ Клейнмихель, послалъ его ревизовать округа. Возвратившись, Севастьяновъ заключилъ свой докладъ графу Клейнмихелю слѣдующими словами, сдѣлавшимися извѣстными многимъ: «Я встрѣтилъ повсюду мою родную семью и вынесъ о ней самое утѣшительное и самое отрадное впечатлѣніе». Такой отзывъ чистѣйшаго, прямаго, твердаго и смѣлаго по характеру человѣка, отнюдь не угодника, былъ особенно дорогъ для всѣхъ, ибо былъ въ то время истинной правдой.

Здѣсь, по поводу Севастьянова, упомяну объ одномъ изъ его помощниковъ по профессорству его изъ начертательной геометріи, а именно, о подполковникѣ Докушевскомъ. Докушевскій былъ очень талантливый человѣкъ и отличный лекторъ; онъ имѣлъ непреодолимую страсть къ своему предмету, заражалъ этою страстью многихъ своихъ слушателей и любилъ придумывать разные частные случаи и задачи, рѣшенія которыхъ являлись очень оригинальными. Эта страсть была, конечно, подмѣчена воспитанниками, и иногда случалось, что кто-нибудь изъ нихъ, встрѣтивъ Докушевскаго на улицѣ, подойдетъ къ нему и скажетъ, что онъ тоже придумалъ частный случай, но не можетъ рѣшить его. Тогда Докушевскій подходилъ къ стѣнѣ дома и, чертя по ней пальцемъ, показывалъ рѣшеніе задачи,—и намъ не разъ случалось видѣть подобныя сцены и споры на улицѣ.

По геодезіи былъ прекрасный профессоръ, инженеръ-капитанъ Евреиновъ, который, за свое время, образовалъ массу отличныхъ практическихъ геодезистовъ. О немъ придется сказать нѣсколько словъ далѣе.

Профессоромъ гидрографіи былъ инженеръ-полковникъ Трофимовичъ, который умѣлъ дать сухому предмету такой живой интересъ, что на его лекціи шли, какъ на развлеченіе. Но когда онъ доходилъ до описанія вышне-волоцкой системы водянаго сообщенія, то это описаніе принимало у него характеръ поэмы. Появлялся на сцену Петръ Великій, его геній, указавшій основы водянаго сообщенія; всѣ созидатели ея, ознаменовавшіе себя разными по этому предмету изобрѣтеніями; описаніе торжественныхъ операцій спуска судовъ черезъ пороги и проч., и проч. Дѣйстви-

тельно, устройство означеннаго водянаго сообщенія представляеть такія оригинальности, нигдѣ не существующія, которыя возбуждали большой интересъ въ инженерномъ мѣрѣ, въ такой мѣрѣ, что приѣзжали спеціально изъ Америки, чтобы во-очію ознакомиться съ системою.

Зачастую Трофимовичъ прерывалъ лекцію разговоромъ, вовсе къ предмету не относящимся. Помню, однажды онъ остановился, сѣлъ, долго молчалъ и вздыхалъ,—мы думали, что ему нездоровится,—наконецъ онъ заговорилъ:— «Господа, совѣтую вамъ, въ случаѣ войны, прикомандировываться къ арміи. Только тогда можно получить георгіевскій крестикъ; а какой это прелестный маленький крестикъ.—Вотъ нѣкоторые мои товарищи имѣютъ этотъ крестикъ, а я не имѣю», и, вздохнувши глубоко, продолжалъ долго на эту тему.

Преподаваніе военныхъ наукъ начиналось въ означенномъ классѣ съ тактики, и затѣмъ оно продолжалось еще въ трехъ классахъ, гдѣ читались: полевая и долговременная фортификація, артиллерія и стратегія съ краткою военною исторіею послѣднихъ временъ.

Профессоромъ военныхъ наукъ былъ инженеръ путей сообщенія, полковникъ П. А. Языковъ, читавшій, въ то же время, военныя науки въ военной академіи. Пунктуальность его доходила почти до комизма. Когда ученикъ, рассказывая какое-нибудь сраженіе, скажетъ, напримѣръ, что такой-то А. разбилъ В., то онъ моментально останавливалъ рѣчь:— «Позвольте! разбить можно стаканъ, а не человѣка. Употребляется слово разбить армію, и это логично потому, что при пораженіи непріятеля армія разстроивается, т. е. разбивается на части».

По экзамену, изъ 100 слишкомъ экзаменовавшихся, для перевода изъ 4-го класса въ 3-й портупей-прапорщичій, меня поставили первымъ по списку,—что было необычно для новичка, т. е. первогодника—и назначили отвѣчать на публичномъ экзаменѣ. Понятно, какой толчекъ дало мнѣ это обстоятельство.

Воспитанники четвертаго класса, выдержавшіе экзаменъ въ третій классъ, не распускались на лѣто, а были отправляемы на геодезическую практику. Институтъ имѣлъ для этого 5 большихъ ялботовъ, снабженныхъ двумя мачтами съ парусами. Мы отправились

на съемку Невы, начиная съ ея верховья. Насъ помѣстили не далеко отъ Шлиссельбурга, въ деревнѣ Анненской, въ двухъ избахъ. Начальникомъ практики былъ упомянутый выше Евреиновъ. Въ его распоряженіе назначено было 10 офицеровъ, знакомыхъ уже съ геодезическими работами, а воспитанниковъ было болѣе 40 человѣкъ. Въ избахъ помѣщались офицеры, а мы спали на чердакѣ и на сѣновалѣ.

Весь персоналъ былъ раздѣленъ на 5 партій, по числу ялботовъ, при двухъ офицерахъ, въ томъ числѣ и партія Евреинова, которая занималась тригонометрическими, а прочіе топографическими съемкой и нивелировкой. Все дѣлалось съ педантическою точностью, въ особенности триангуляція; инструменты были замѣчательно хороши, со всевозможными приспособленіями для ихъ провѣрокъ и уничтоженія погрѣшностей. Если въ архивѣ института сохранились планы Невы, то это несомнѣнно самые точные планы и самая точная нивелировка, произведенная двумя способами: тригонометрическимъ и топографическимъ, которые сошлись замѣчательнымъ образомъ, несмотря на то, что производились разными партіями. Словомъ сказать, Евреиновъ придавалъ практикѣ характеръ вполне серьезнаго дѣла и занялъ насъ въ послѣдующую зиму тригонометрическими вычисленіями съемки и нивелировки. Такимъ образомъ онъ приготавливалъ настоящимъ образомъ дѣйствительныхъ работниковъ, — что и отразилось, при нашей уже опытности, съ большою пользою для дѣла и для насъ самихъ при первомъ же вступленіи въ дѣйствительную службу, слѣдовательно, и при дальнѣйшихъ трудахъ по изысканіямъ, гдѣ геодезическія работы являются необходимымъ элементомъ.

Евреиновъ былъ страстный охотникъ до катанья на парусахъ и имѣлъ съ собою собственный, прекрасный катеръ о четырехъ парусахъ. Онъ выбралъ къ себѣ въ партію тѣхъ воспитанниковъ, которые хорошо плавали, и я попалъ въ его партію.

Какъ только появлялся свѣжій вѣтеръ, Евреиновъ непременно катался на своемъ катерѣ и приучилъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей партіи управлять парусами по командѣ.

Въ праздники, для развлеченія насъ, онъ устраивалъ общія катанья на всѣхъ ялботахъ, дѣлая нѣчто въ родѣ маневровъ. Для

этого составлены были рисунки сигналовъ и нашито было множество разныхъ сигнальныхъ флаговъ. Въ непродолжительное время, Евреиновъ приучилъ меня управлять вообще паруснымъ катеромъ и отдавать сидящимъ у парусовъ, во-время, нужную команду. По Невѣ бѣгаютъ непрерывно палубныя сойма, очень быстроходкія, отлично лавируюція и очень круто ходяція къ вѣтру. Евреиновъ не могъ видѣть этихъ соймъ, чтобы не обгонять ихъ. Обрѣзать сойму можно было только идя круче ихъ къ вѣтру. Надо было видѣть бѣснованіе Евреинова, когда кто-нибудь изъ насъ, держащихъ тотъ или другой парусъ, — или отпустить, или натянуть, или не выстрѣлить, или вздумаетъ переносить парусъ не во-время, отъ чего поворотъ замедлится, и сойма въ это время проскочитъ мимо насъ. Онъ серьезно сердился и объявлялъ, что впредь такого преступника брать къ себѣ на катеръ не будетъ.

Страстью Евреинова къ катанью на парусахъ я заразился въ такой мѣрѣ, что всю свою жизнь, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы въ 15 верстахъ разстоянія отъ озера или большой рѣки, я всегда держалъ тамъ парусную лодку. Эта страсть не оставила меня и по сіе время, несмотря на то, что лѣтъ 9 тому назадъ, катаюсь одинъ въ открытомъ морѣ, верстахъ въ трехъ отъ берега, былъ залитъ волной; лодка, имѣя баласть, пошла ко дну, и я остался въ волнахъ одинъ. Какъ я спасся?—это уже милость Бога, и я, прерывая послѣдовательность изложенія моихъ воспоминаній, расскажу здѣсь, кстати, означенный эпизодъ.

XIV.

Спасеніе мое отъ гибели въ Гапсаль.

Дѣло случилось въ Гапсаль. Гапсаль стоитъ въ большомъ заливѣ, имѣющемъ верстъ 8 длины и версты 4 ширины при соединеніи съ открытымъ моремъ. Въ Гапсаль, на променадѣ у берега, стоитъ постоянно нѣсколько десятковъ катеровъ для катанія на парусахъ. Я катался почти каждый день, и иногда одинъ, безъ ло-

дочника, но тогда приказывалъ вынимать баластъ, дабы, въ случаѣ залитія лодки водою, она не могла идти ко дну.

Въ тотъ день, когда случилась со мною катастрофа въ Гапсалѣ, я вернулся изъ Петербурга, бывъ въ отлучкѣ недѣли двѣ. День сначала былъ совершенно безвѣтренный, но съ пяти часовъ задулъ свѣжій, ровный вѣтеръ; не катаясь давно, я захотѣлъ непременно прокатиться въ тотъ же день. Въ этотъ вечеръ, часовъ въ семь, должна была быть у насъ очень почтенная и интересная дама, бывшая ближайшая фрейлина великой княгини Маріи Николаевны, А. А. В.....а, которой надо было непременно составить партію въ винтъ.

Когда я собрался идти на катанье, домашніе напомнили мнѣ объ этомъ; но такъ какъ оставалось еще два часа времени, то я не измѣнилъ своего намѣренія. Придя къ лодкамъ, я, подъ впечатлѣніемъ торопливости, забылъ велѣть вынуть изъ лодки баластъ, состоящій изъ круглыхъ булыжныхъ камней, и не осмотрѣлъ степень исправности парусныхъ принадлежностей. Вѣтеръ дулъ съ берега и сильнаго волненія не было замѣтно. Я шелъ по заливу параллельно берегу, который вдается версты на двѣ, мысомъ, въ открытое море. Я летѣлъ быстро, въ разсѣянности проѣхалъ мысъ и вдругъ встрѣтилъ огромное волненіе. Я тотчасъ же далъ поворотъ противъ вѣтра, лодка послушалась, но волна отбила поворотъ. Надо было дать снова ходъ впередъ, но опять волна помѣшала повороту, и я, повторивъ то же самое разъ пять, очутился уже далеко въ открытомъ морѣ, не достигнувъ сдѣлать поворота. Тогда я рѣшилъ ѣхать прямымъ вѣтромъ къ берегу, противоположному Гапсалю, и сдѣлать уже поворотъ тамъ. Проѣхавъ въ означенномъ направленіи съ версту, я вспомнилъ, что, удалясь отъ Гапсала верстъ на семь, я запоздаю пріѣхать домой во-время и при томъ придется возвращаться уже въ темное время. Въ виду всего этого, я рѣшился рискнуть сдѣлать поворотъ по вѣтру, подобравъ паруса; но какъ только я двинулъ руль, то замѣтилъ, что нѣтъ бичевки для подборанія главнаго паруса; паруса захопали, ходъ лодки пріостановился, громадная волна, разбившись о лодку, хлынула въ нее, и лодка пошла ко дну потому, что несла баластъ.

Я не потерялъ присутствія духа въ этотъ моментъ потому, что

увидѣлъ сзади себя, саженьяхъ въ тридцати, небольшой катеръ. Погрузившись въ воду, я успѣлъ сбросить съ себя макферланъ, выхватить изъ него нужную бумагу, сунуть ее въ карманъ жакетки, которая была уже въ водѣ, и затѣмъ поплылъ навстрѣчу къ катеру. Но каково было мое удивленіе, когда катеръ прошелъ отъ меня саженьяхъ въ пяти и никакой помощи мнѣ не подалъ. Въ катерѣ сидѣлъ одинъ господинъ, прекрасно одѣтый. Тогда я повернулъ назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ потонула моя лодка, въ расчетѣ, что изъ воды должна была торчать мачта, такъ какъ я зналъ, что глубина моря въ этомъ мѣстѣ не могла быть болѣе двухъ саженей. И дѣйствительно, я увидѣлъ конецъ дерева, торчащаго изъ воды. Когда я плылъ къ катеру, то удалился отъ этого мѣста саженей на пятнадцать, причемъ уже сильно усталъ, плывя по волнамъ въ одеждѣ. Когда же я повернулъ назадъ и мнѣ удалось добраться до этого мѣста, я уже окончательно обезсилѣлъ и схватился съ радостью за торчащій конецъ дерева, рассчитывая, что я, уцѣпившись за мачту, буду держаться до тѣхъ поръ, пока не явится какая-нибудь помощь. Но тутъ опять сюрпризъ! Конецъ торчащаго дерева оказался не отъ мачты, а отъ парусоваго выстрѣла, который не могъ представлять опоры, и я моментально погрузился въ глубь. Это былъ тотъ моментъ, когда я мысленно распростился съ жизнью; но въ тотъ же самый моментъ я почувствовалъ, что что-то ударило меня подъ грудь; я схватился за этотъ предметъ, и оказалось весло, которое всплывало изъ лодки, конечно, отъ того именно въ этотъ моментъ, что оно было запутавшись въ парусѣ, и когда я съ выстрѣломъ погружался въ воду, оно освободилось. Все это происходило подъ водой; схватившись обѣими руками за весло и не допуская его, хотя бы однимъ концомъ, высунуться изъ воды, я получилъ достаточно силы, чтобы вынырнуть, и въ тотъ же моментъ увидалъ вдали парусъ, который былъ отъ меня, однако, въ разстояніи болѣе версты. Не менѣе того, возродилась надежда на спасеніе, если только лодка идетъ по направленію ко мнѣ; ибо съ помощью весла, которое я держалъ подъ водой въ горизонтальномъ положеніи, я могъ продержаться еще нѣсколько минутъ на водѣ. Прошло еще минутъ пять, и лодка, видимо, приближалась ко мнѣ; но вдругъ, не доходя саженей двадцать пять до меня, начала дѣ-

*

латъ поворотъ; въ лодкѣ было три человекѣ. Въ этотъ моментъ я подумалъ, что или меня съ лодки не видятъ, ибо голова моя, едва торчавшая изъ воды, непрерывно скрывалась между волнъ и пѣны, или эти господа тоже не намѣрены подать мнѣ помощи. Голоса моего они не могли слышать, потому что я находился противъ вѣтра, да и голосъ-то уже пропалъ у меня. Оказалось, что они перемѣняли галсъ для того, чтобы имѣть возможность идти прямо на меня. Наконецъ, я услышалъ крикъ: «держиcь! держиcь!» Силы мои поднялись; затѣмъ, когда лодка была уже близко, слышу крикъ: «хватайся!» Въ лодкѣ не оказалось веревки, и мнѣ давали знать, чтобы я схватился за бортъ, когда лодка будетъ летѣть мимо меня. Бортъ, обращенный ко мнѣ, т. е. противоположный сторонѣ парусовъ, высился надъ водою слишкомъ на полсажени; если мнѣ уцѣпиться за бортъ руками, я долженъ былъ выпустить изъ рукъ весло, которое, кое-какъ, помогало мнѣ держаться на водѣ. Ну, а если я не уцѣплюсь, лодка проскочитъ мимо и, пока она будетъ въ состояніи вновь подойти ко мнѣ, пройдетъ нѣсколько минутъ, а я уже нахватался достаточно воды и безъ спасительнаго весла не продержался бы на водѣ и полминуты. Однако, какъ только носъ лодки подлетѣлъ ко мнѣ, я бросилъ весло, сдѣлалъ усиліе, чтобы схватиться за бортъ, помню, что уцѣпился однимъ крайнимъ суставомъ одного пальца, затѣмъ потерялъ сознание и очнулся уже тогда, когда сидѣлъ въ лодкѣ.

Домой я пришелъ черезъ задній ходъ, переодѣлся. явился къ гостямъ, и сѣлъ играть въ карты, никому не сказавъ о случившемся, а объявилъ, что, выходя изъ лодки, на пристань, оступился и попалъ въ воду. Но часа черезъ три пришелъ лодочникъ и принесъ мой бинокль, оказавшійся въ потонувшей лодкѣ, которую успѣли уже вытащить, и рассказалъ все прислугѣ. Такимъ образомъ, узнали о катастрофѣ въ тотъ же вечеръ домашніе и всѣ присутствовавшіе въ домѣ гости.

Между тѣмъ, происшествіе это разнеслось по всему Гапсалю,—явился ко мнѣ чиновникъ изъ ратуши, и я изложилъ все случившееся со мною на бумагѣ. Того господина, который проѣхалъ мимо меня въ пяти саженьяхъ и не подалъ помощи, розыскали и вызвали въ ратушу. Это оказался новгородскій помѣщикъ,

молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, нѣкто — Рейхель, который имѣлъ собственный катеръ, отлично монтированный для парусной флѣты. Онъ показалъ, что побоялся подойти ко мнѣ, дабы я, схватившись за лодку, какъ-нибудь не опрокинулъ ее. Всего забавнѣе то, что господинъ Рейхель, котораго я вовсе не зналъ, и не зналъ даже того, что его розыскали и опрашивали уже въ ратушѣ, пришелъ ко мнѣ.

Я сидѣлъ на балконѣ, является господинъ и заявляетъ, что онъ имѣетъ нѣсколько словъ сказать мнѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ я.

— Я Рейхель.

— Не родственникъ ли вамъ генераль-лейтенантъ Рейхель, котораго я знавалъ лѣтъ тридцать тому назадъ?

— Я съ нимъ въ родствѣ.

— Вы имѣете до меня дѣло?

— Я пришелъ извиниться передъ вами, что я проѣхалъ мимо васъ, когда ваша лодка потонула; но согласитесь сами, что вы, схватившись за мой катеръ, могли опрокинуть его. Я показалъ это въ ратушѣ. Теперь пойдетъ, вѣроятно, молва по всему городу, что я могъ помочь вамъ и не помогъ, не имѣя на то достаточно храбрости. Какая же можетъ быть рѣчь о храбрости, когда я самъ могъ навѣрное погибнуть?

— Не понимаю, въ чемъ вы извиняетесь передо мною, сказалъ я. — Вы проявили такую феноменальную храбрость, какая встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Повѣрьте мнѣ, что нужно имѣть несравненно болѣе храбрости, болѣе силы духа пройти мимо человека, утопающаго въ открытомъ морѣ, чѣмъ рискнуть помочь ему.

Этотъ господинъ, повидимому, не понялъ моихъ словъ, потому что удалился съ выраженіемъ полного самодовольства.

Тотъ же человекъ, который спасъ меня, оказался ревельскій гражданинъ Ситронъ и показалъ при допросѣ слѣдующее:

Возвращаясь съ катанья домой, въ Гапсаль, съ двумя лодочниками, онъ увидѣлъ человека, вѣдущаго по направленію къ морю, одного, въ небольшой лодкѣ, съ двумя парусами, при весьма свѣжемъ вѣтрѣ. Онъ подумалъ, что этотъ человекъ такой мастеръ въ управленіи парусами, что должно быть знаетъ это дѣло лучше

его (послѣ оказалось, что Ситронъ тоже былъ страшный охотникъ до катанья на парусахъ и отлично зналъ это дѣло). Заинтересовавшись этимъ, онъ сталъ слѣдить глазами за этимъ господиномъ, хотя и продолжалъ ѣхать къ Гапсалу. Когда же онъ увидѣлъ, что этотъ господинъ не можетъ справиться съ поворотами и удалялся все далѣе и далѣе въ море, онъ повернулъ и поѣхалъ по направленію къ нему. Затѣмъ, когда увидѣлъ, что сей господинъ (т. е. я) бросилъ пытаться сдѣлать поворотъ и пошелъ прямымъ вѣтромъ, къ противоположному берегу, онъ успокоился, убѣдившись, что сей господинъ догадался, что именно надо дѣлать, и онъ, Ситронъ, повернулъ опять къ Гапсалу. Между тѣмъ, показалъ еще, что хотя онъ ѣхалъ, такимъ образомъ, спиной къ направленію хода этого господина (т. е. меня), но что-то побуждало его непрерывно оглядываться на его парусъ, и когда, вдругъ, парусъ пропалъ, онъ повернулъ опять туда, гдѣ скрылся парусъ, и нашель утопающаго человѣка.

Мѣстное начальство, окончивъ слѣдствіе, отослало его къ ревельскому губернатору, а тотъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ ходатайствомъ о награжденіи Ситрона и двухъ лодочниковъ медалями за спасеніе погибающаго, и всѣ трое были удостоены этой царской награды.

Я рассказалъ это происшествіе подробно, чтобы читатель могъ убѣдиться, что я былъ спасенъ милостью Бога. Если я не погибъ, то потому, что ни на минуту не терялъ присутствія духа, а это присутствіе духа поддерживалось явленіями, не отъ меня вытекавшими, которыя я резюмирую читателю:

Въ первый моментъ, когда моя лодка пошла ко дну, я вижу въ тридцати саженьяхъ другую — является полная надежда на спасеніе.

Когда эта лодка проѣхала мимо меня, я вспомнилъ о могущей торчать изъ воды мачтѣ — надежда на спасеніе не исчезаетъ.

Когда я схватился, вмѣсто мачты, за выстрѣлъ и погрузился въ воду, простаясь мысленно съ жизнью, въ тотъ же моментъ меня ударяетъ весло, которое помогаетъ мнѣ вынырнуть и даетъ возможность нѣкоторое время продержаться на водѣ.

Какъ только я вынырнулъ изъ воды, тотчасъ же увидалъ парусъ, и вновь проявляется надежда, — которая и оправдалась.

Затѣмъ, надо же было, чтобы, ѣхавши еще къ морю, я встрѣтилъ знатока дѣла, который сталъ слѣдить за мною; надо же было, наконецъ, чтобы что-то побуждало его непрерывно осматриваться назадъ, когда онъ окончательно ѣхалъ уже въ Гапсаль.

Если читатель, вообще, вникнетъ въ высказанные мною здѣсь факты, то не можетъ отвергнуть во всемъ волю Бога, а для тѣхъ, кому приходилось испытывать что-либо подобное, для тѣхъ колебанія не возможны.

XV.

Второй годъ пребыванія моего въ институтѣ.—Знаменитый математикъ, академикъ Буняковскій.

Возвращусь къ прерванному выше разсказу. Окончивъ практическія занятія, мы возвращались въ институтъ для продолженія курса въ третьемъ выпускномъ классѣ портупей-прапорщиковъ.

Главными предметами въ этомъ классѣ были: дифференціальное и интегральное исчисленія, статика, строительное искусство, архитектура, разрѣзка камней и фортификація.

Статику читалъ инженеръ-подполковникъ Я н у ш е в с к і й, человекъ очень ученый и замѣчательно талантливый лекторъ. Онъ, какъ говорится, разжевывалъ все и въ ротъ клалъ. Онъ же, впоследствии, въ классѣ подпоручиковъ, читалъ намъ астрономію.

Но главный интересъ сосредоточивался на дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ, тѣмъ болѣе, что эти предметы читалъ знаменитѣйшій математикъ и ученый, академикъ Викторъ Яковлевичъ Бу н я к о в с к і й.

Буняковскій былъ наиблестящимъ лекторомъ со всѣхъ сторонъ, даже по внѣшности, имѣя привлекательную, но строгую наружность, обличающую мыслителя. Онъ читалъ съ поразительною ясностью и отчетливостью, читалъ ровно, такъ что увлеченія и вдохновенія не замѣчалось. Онъ не производилъ того ошеломляющаго впечатлѣнія, какое вообще производилъ О с т р о г р а д с к і й; но каждому, не менѣе того, чувствовалось, что передъ нимъ находится огромная величина

и сильный вождь. Буняковский былъ вполне на высотѣ своей задачи, т. е. открывать впервые слушателямъ тайнства высшаго анализа. Въдѣ этотъ анализъ знакомитъ разумъ съ понятіями вообще о безконечномъ; а здравыя объ этомъ понятія могутъ давать человѣку возможность къ пониманію тайны творчества, выражающейся сосредоточіемъ безконечнаго въ конечную величину.

Необычайная эрудиція Буняковского извѣстна всему ученому міру. Стоитъ лишь заглянуть въ его лексиконъ, и тогда невольно возрождается вопросъ: какимъ образомъ одинъ человѣкъ, и человѣкъ еще молодой во время изданія лексикона, могъ обладать такими обширными познаніями по всѣмъ отраслямъ математики, механики, физики и прочимъ наукамъ, имѣющимъ какую-либо связь съ математикой? Послѣ составленія этого лексикона, В. Я. Буняковский прожилъ еще 53 года.

Подъ скромнымъ названіемъ лексикона, Буняковский излагалъ математическіе трактаты, и трактаты весьма обширныя, по всѣмъ вопросамъ науки, давая по нѣкоторымъ полныя теоріи ихъ. Къ великой потерѣ для ученаго міра, въ печати появился лишь одинъ томъ, тогда какъ все изданіе должно было состоять изъ трехъ томовъ, которые были уже изготовлены. И такой-то великій и знаменательный трудъ, который, съ появленіемъ его въ свѣтъ вполне, составилъ бы большую гордость Россіи,—остался подъ спудомъ единственно оттого, что не могъ окупить капитала, потребнаго на его изданіе.

Этотъ фактъ наводитъ на весьма грустныя мысли, и характеризуетъ возрѣніе тѣхъ сферъ, которыя должны бы были не допускать такихъ плачевныхъ результатовъ. Въ виду появленія перваго громаднѣйшаго тома, въ виду обнаруженной уже Буняковскимъ могучей силы для предпринятаго имъ труда, казалось бы, что не только ради великаго интереса науки, или народной гордости, но и ради огромной практической пользы для облегченія образованія людей—слѣдовало бы, ничего не жалѣя, дать Буняковскому возможные средства для окончанія его гигантскаго труда, дать ему средства не только на изданіе, но и еще матеріальныя же средства для сгруппированія около себя нѣсколькихъ сотрудниковъ, которые работали бы по его указаніямъ; ибо, кромѣ умственнаго труда, быть можетъ, девять десятыхъ времени должно было поглощаться чисто

механической работой. Готовилось быть воздвигнутымъ великолѣпное, громадное зданіе: фундаментъ и первый этажъ были возведены, и для возведенія остальной части зданія всѣ матеріалы были уже готовы; но зданіе не воздвигнулось отъ того, что зодчій былъ обреченъ таскать самъ камни.

Фактъ этотъ единичный—скажутъ намъ; но развѣ мы не встречаемъ у насъ, на каждомъ шагу, подобныхъ отношеній подлежащихъ сферъ къ трудамъ и людямъ, хотя и менѣе крупнымъ, но заслуживающимъ вниманія, а не пренебреженія. Надо только имѣть достаточно компетентности, чтобы отличать зерна отъ плевелъ; а между тѣмъ плевелы, по легкости своей, прежде всего летятъ въ глаза и залѣпляютъ ихъ. При такихъ-то отношеніяхъ къ истиннымъ трудамъ и талантамъ, гибнущимъ отъ отсутствія оцѣнки и средствъ до своего полного развитія, немудрено, что всюду слышится стереотипная фраза, и по преимуществу среди тѣхъ сферъ, которыя, по своей виновности, не имѣли бы права повторять ее, а именно, — что мы еще ни въ чемъ не дозрѣли и потому должны пользоваться чужимъ умомъ.

Здѣсь, кстати, обращу вниманіе и на слѣдующій фактъ. Остроградскій, въ виду матеріальныхъ нуждъ, долженъ былъ заниматься преподаваніемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ преподавалъ въ институтѣ путей сообщенія, морскомъ корпусѣ, артиллерійскомъ училищѣ, инженерномъ училищѣ и въ педагогическомъ институтѣ. Поглощенный этими преподаваніями, онъ не имѣлъ времени не только написать самъ своего анализа, но даже просматривать всегда труды составителей его публичныхъ лекцій. Какими богатствами надѣлилъ бы онъ науку и человѣческую мысль, если бы имѣлъ время постоянно работать въ той сферѣ, въ которой виталь его геній, а не быть поденщикомъ, зарабатывающимъ себѣ средства къ жизни.

Иногда, впрочемъ, онъ улучалъ время, чтобы написать что-нибудь по математическимъ наукамъ, и помѣщалъ эти, въ высшей степени важныя, статьи въ мемуарахъ Императорской академіи наукъ, на французскомъ языкѣ. Любя институтъ путей сообщенія болѣе другихъ заведеній, онъ написалъ специально для него «Аналитическую механику» на французскомъ языкѣ, которая и была литографирована институтомъ. Объ этомъ литографированномъ

трудъ Остроградскаго упоминаеть Буняковскій въ своемъ лексиконѣ, говоря, что всѣ «математики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого классическаго сочиненія». Но это сочиненіе, — которымъ Остроградскій обезсмертилъ себя, разрѣшивъ основной вопросъ самой высшей міровой науки о движеніи, не разрѣшенный до того ни однимъ изъ прежнихъ великихъ геометровъ, тѣмъ и короноваль эту науку окончательно, — и такой-то классическій трудъ, въ цѣльномъ видѣ, отдѣльнымъ сочиненіемъ, котораго ждалъ ученый міръ съ нетерпѣніемъ, — въ печати не появился. Отчего же не появилось это сочиненіе? Все по той же причинѣ: у Остроградскаго не было матеріальныхъ средствъ. Новый, непростительный грѣхъ, лежащій на тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло не допустить такого плачевнаго явленія. Имѣется ли означенное сочиненіе въ литографированномъ видѣ въ Публичной библіотекѣ или въ библіотекѣ института, мнѣ неизвѣстно. Но у меня, этотъ брильянтъ, невиданнаго блеска и необычайной воды, сохраняется въ цѣлости. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я показаль это сочиненіе одному кандидату математическихъ наукъ; онъ былъ изумленъ могуществомъ, прелестью, ясностью и краткостью изложеній; но всего болѣе былъ пораженъ тѣмъ, что онъ, до этого времени, не вѣдалъ даже о существованіи означеннаго сочиненія міроваго значенія.

Итакъ у насъ на Руси были — Остроградскій и Буняковскій, — два рудника съ неисчислимыми богатствами, изъ которыхъ мы не умѣли извлечь и сотой доли этихъ богатствъ; а между тѣмъ рудники эти завалились навсегда — безвозвратно!

Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что Викторъ Яковлевичъ Буняковскій былъ одаренъ великими и быстрыми способностями, необычайнымъ талантомъ, и по своимъ трудамъ можетъ быть причисленъ къ гигантамъ науки. Несмотря на это, человекъ этотъ былъ баснословно скромнень. Напрямѣръ, когда мы, по выслушаніи его курса, экзаменовались у Остроградскаго, то нерѣдко случалось, что иной воспитанникъ, получивъ дурной баллъ, обращался съ жалобою къ Буняковскому, утверждая, что онъ отвѣчалъ такъ, какъ было имъ, Буняковскимъ, читано, а между тѣмъ получилъ у Остроградскаго дурной баллъ. Будучи самъ огромной величиной въ наукѣ, Буняковскій, не менѣе того, никогда не отказывался идти по этому

случаю объясниться съ Остроградскимъ, и эти объясненія происходили въ нашемъ присутствіи. Искренно признавая за Остроградскимъ гениальность, Буняковский, большею частью, начиналъ объясненіе слѣдующимъ образомъ:

— Профессоръ, я преподавалъ моимъ слушателямъ тотъ или другой вопросъ такъ, какъ онъ теперь стоитъ въ наукѣ, но, быть можетъ, вы двинули вопросъ впередъ, и мнѣ это еще неизвѣстно. Вотъ г. N сказалъ мнѣ, что онъ отвѣчалъ вамъ такъ, какъ было мною изложено, а между тѣмъ получилъ дурной баллъ.

Обыкновенно было въ этомъ случаѣ, что Остроградскій захохотеть и скажетъ:

— Помилуйте, профессоръ, онъ вамъ навралъ, я знаю вашъ курсъ; г. N городилъ, ничего не понимая, чушь, а потому и получилъ дурной баллъ; провѣрьте сами!

Занимая много лѣтъ высшее положеніе въ ученomъ мірѣ, т. е., будучи вице-президентомъ академіи наукъ, Викторъ Яковлевичъ оставался тѣмъ отзывчивымъ и внимательнымъ человѣкомъ, какимъ былъ и въ болѣе молодыхъ годахъ. Приведу здѣсь образчикъ его въ высшей степени внимательности.

Въ 1889 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Буняковского, я послалъ ему изданную мною брошюру «Биномъ Ньютона», изданіе которой я полагалъ не совсѣмъ бесполезнымъ для учащихъ математикѣ юношей. Я послалъ эту брошюру Буняковскому, какъ послалъ ее и другимъ лицамъ, сдѣлавъ лишь слѣдующую надпись на посланномъ ему экземплярѣ: «Знаменитому математику, составляющему гордость Россіи, и необыкновенно талантливому лектору, отъ бывшаго его ученика». Надо сказать, что съ 1842 года, когда я окончилъ слушаніе его лекцій, я не былъ знакомъ съ Викторомъ Яковлевичемъ и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

По поводу посылки этой брошюры я получилъ собственноручное письмо отъ Вик. Як. Буняковского слѣдующаго содержания:

¹⁾ Подлинное, собственноручное письмо Вик. Як. Буняковского, было предъявлено г. Панаевымъ въ Редакцію.

21 іюня 1889 года.

« Милостивый государь

Валеріанъ Александровичъ!

На дняхъ я имѣлъ удовольствіе получить вашъ трудъ: Бино́мъ Ньютона. Ваше вполнѣ отчетливое изложеніе доказательствъ биномиальной формулы несомнѣнно принесетъ немалую пользу молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію въ одно изъ среднихъ или высшихъ училищъ. Приношу вашему превосходительству живѣйшую мою благодарность за любезное вниманіе ко мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за лестные отзывы ваши объ личномъ моемъ значеніи, какъ математика и преподавателя этой науки. Прибавлю къ этому, что въ самомъ преувеличеніи вами моихъ научныхъ заслугъ я вижу доказательство особенно дорогаго вашего мнѣ теплаго доброжелательства.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Буняковский».

Это письмо я, конечно, храню у себя, какъ самую дорогую мнѣ награду, которое и передамъ моимъ внукамъ. Не служить ли это письмо доказательствомъ не только необыкновенной внимательности и отзывчивости Виктора Яковлевича, но и величайшей скромности этого гиганта науки!

Окончивъ выпускной экзаменъ, одинъ изъ эпизодовъ котораго я уже рассказалъ выше по поводу Остроградскаго, я былъ назначенъ Буняковскимъ на публичный экзаменъ. Послѣ того мы были произведены въ офицеры, и я съ братомъ поѣхали въ отпускъ къ родителямъ въ Казанскую губернію. Затѣмъ намъ оставалось прослушать еще академическій курсъ въ двухъ офицерскихъ классахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Историческій Вѣстникъ“. — „Русскій Архивъ“. — Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскійскихъ“. — „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“. — „Кіевская Старина“.

Миняя записки Дурова, помѣщеніе которыхъ «Историческій Вѣстникъ» мотивируетъ тѣмъ, что «дворянинъ по рожденію, воспитанникъ кадетскаго корпуса, обеспеченный въ матеріальномъ отношеніи, покровительствуемый лицомъ, имѣвшимъ связи и положеніе въ обществѣ, Дуровъ пожертвовалъ всѣмъ этимъ изъ неопределимой страсти къ цирку и добровольно промѣнялъ жизнь спокойную и обеспеченную на жизнь, полную лишеній, тяжелаго труда и униженій», укажемъ на воспоминанія В. А. Полторацкаго, посвященныя Кавказу конца сороковыхъ годовъ. Съ 1847 по 1854 годъ авторъ, въ рядахъ знаменитаго Куринскаго полка, участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ, происходившихъ въ теченіе этого времени въ Большой и Малой Чечнѣ и Азіатской Турціи, — и жилъ среди такихъ лицъ, какъ князь Воронцовъ, Барятинскій, Слѣпцовъ, Баклановъ и прочіе кавказскіе орлы «изъ стаи славныхъ». Воспоминанія В. А. Полторацкаго мѣстами очень интересны.

Не велики но очень, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержательны замѣтки Н. П. Брусилова — писателя начала XIX вѣка, одного изъ многочисленныхъ послѣдователей Карамзина, человѣка для своего времени передоваго и занимавшаго не послѣднее мѣсто среди современныхъ ему второстепенныхъ литераторовъ. Но въ запискахъ его не столько интересны главы, посвященныя литературнымъ, театральнымъ и служебнымъ воспоминаніямъ, какъ двѣ первыя, занятія воспоминаніями о воспитаніи въ Пажескомъ корпусѣ и дежурствахъ при дворѣ. Въ Пажескій корпусъ Брусиловъ поступилъ въ 1790 году и пробылъ тамъ по 1796 годъ, когда, 14-ти лѣтъ, по приказанію императора Павла, былъ выпущенъ вмѣстѣ со сверстниками, не кончивъ курса, поручикомъ арміи въ Московскій гренадерскій полкъ.

Порядокъ въ корпусѣ того времени былъ совѣтъ, конечно, иной, сравнительно съ теперешнимъ. Общихъ дортуаровъ не было, пажі размѣщались по разнымъ комнатамъ и жили, смотря по величинѣ помѣщенія, по двое, по трое, иногда и по одному человѣку, каждый со своимъ дядькой. Постелей и платья казеннаго не имѣлось, — всякій одѣвался какъ хотѣлъ, формы никакой для корпуснаго обихода не было. Чай у каждого былъ свой, и только столъ для пажей былъ общій, за исключеніемъ камеръ-пажей, которые къ столу не ходили, а получали обѣдъ къ себѣ въ комнаты. На столъ Брусиловъ не жалуется, — на каждого пажа отпускалось по рублю въ день, — деньги, по тому времени, очень большія, — и обѣдъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ, состоялъ изъ шести блюдъ. Учебный день начинался съ половины восьмага утра, когда пажі, по звонку, отправлялись въ классы. Ихъ было четыре: въ первомъ учили русской грамотѣ и начальнымъ правиламъ ариметики; во второмъ — греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, грамматикѣ, древней и новой исторіи, географіи, ариметикѣ и алгебрѣ; въ третьемъ продолжались тѣ же предметы и, сверхъ того, преподавали геометрію, минералогію, учили фехтованію; въ четвертомъ классѣ — высшія науки и фортификація. Танцевальный и рисовальный классы были общіе. Верховой ѣздѣ обучали въ придворномъ манежѣ. Ученіе въ общемъ, — по сознанію автора, — шло плохо, и если пажі, выходя изъ корпуса, кое-что знали, то единственно благодаря частнымъ урокамъ, которые были въ модѣ и поощрялись корпуснымъ начальствомъ.

„Составъ пажей, — рассказываетъ Брусиловъ, — былъ довольно страненъ. Тѣхъ, которые были познатѣе, производили въ камеръ-пажи; и это былъ важный шагъ, ибо изъ камеръ-пажей выпускали въ гвардію поручиками, что тогда равнялось майорскому чину. Производство въ камеръ-пажи имѣло характеръ рыцарскій. Пажъ преклонялъ колѣна, государыня дотрогивалась до его щеки, вручала шпагу. Пажі, которые пробыли въ корпусѣ болѣе 9 лѣтъ, выпускались въ армію капитанами, наравнѣ съ сержантами гвардіи; а тѣ, которые служили менѣе 10 и болѣе 6 лѣтъ, выпускались въ армію поручиками. Пахамъ производилось жалованья 37 руб. 50 коп. въ треть, да на мундиръ ежегодно по 100 рублей. Парадный мундиръ былъ богатый: свѣтло-зеленаго бархата, шитый по всѣмъ швамъ золотомъ, камзолъ красный, бархатный. Шитый золотомъ, нижнее платье зеленое, бархатное, шляпа — шитая золотомъ. Мундиръ богатый, и въ тогдашнее время, когда рубль серебра былъ въ рубль мѣди, мундиръ стоилъ до 700 рублей. Мундиръ этотъ былъ казенный и хранился въ придворной кладовой. Въ торжественные дни выдавали его пахамъ, а потомъ онять относили въ кладовую. Такъ какъ мундиры эти шиты были давно, то весьма немногіе приходились впору, и очень часто на маленькаго пажа наѣвали мундиръ, шитый на большой ростъ; мундиръ едва не волочился по полу, рукава надо было засучить, застегнуть мундира не было возможности: онъ сидѣлъ кулемъ. Несмотря на богатство наряда, мы были въ немъ не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и какъ счастливъ былъ тотъ, кому хоть нѣсколько мундиръ былъ въ пору!

Въ обыкновенные дни наряжались на дежурство во дворецъ восемь па-

жей: четыре на половину государыни и четыре на половину наследника; но такъ какъ наследникъ жилъ въ Гатчинѣ и только по праздникамъ прѣзжалъ въ Петербургъ, то всѣ восемь пажей были на половинѣ императрицы. Должность наша состояла въ слѣдующемъ: у дверей кавалерской комнаты стояло по два пажа, два у входа въ тронную и два у входа въ брильянтовую комнату. Когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны ходили поутру къ императрицѣ, что бывало ежедневно, мы открывали двери. У обѣденнаго стола государыни служили два камеръ-пажа, а пажи служили за тѣми особами, которыя находились за столомъ императрицы. Обѣдъ былъ въ 2 часа въ брильянтовой комнатѣ. Не знаю, какъ прежде, но съ 1793 года за столомъ государыни были ежедневно: князь Зубовъ, А. С. Протасовъ, П. Б. Пассекъ, и гофмаршалъ князь Ѡ. С. Барятинскій. Часто приглашались: графиня Скавронская, графъ Зубовъ, графъ и графиня Браницкіе, графъ Ангальтъ, княгиня Дашкова, графъ Эстергази, М. Л. Кутузовъ, князь Юсуповъ, С. Л. Львовъ, графъ Строгановъ, Куселевъ и другіе. Графъ Браницкій носилъ тогда еще польское платье. Въ дни совѣта приглашались къ столу: графъ Остерманъ, графъ Безбородко, Стрекаловъ, графъ Самойловъ, графъ Завадовскій. Столъ былъ круглый; тогда кушанья всѣ становились на столъ. блюда всѣ были покрыты крышками. Приглашенные всѣ собирались въ брильянтовую комнату и ожидали выхода государыни. Предъ выходомъ камердинеръ З. К. Зотовъ, отворивъ дверь, кричалъ: „крышка!“ Сейчасъ крышки съ блюдъ снимались, и входила государыня; за нею иногда калмычекъ и одна или двѣ англійскія собачки. На столъ ставились четыре золотыя чаши, а иногда передъ государыней ставили горшокъ русскихъ щей, обернутый салфеткой и покрытый золотой крышкой, и она сама разливала. Государыня кушала на золотомъ приборѣ, прочіе на серебрянѣ.

Государыня кушала очень тихо, обмачивала кусочки хлѣба въ соусъ и кормила собачекъ. Разговоръ за столомъ былъ непринужденный, веселый, по большей части по-русски. Говорили, шутили, смѣялись безъ всякаго принужденія. За столомъ не было никакихъ разговоровъ политическихъ или даже о дѣлахъ. Однажды зашла рѣчь о Калиостро. Государыня изволила рассказывать, что этотъ фокусникъ взялъ у одного изъ придворныхъ перстень и бросилъ его за окно.—„Помилуй, что ты дѣлаешь?“—„Не безпокойтесь“, отвѣчалъ Калиостро, указывая на ѣдоваго, который на хромой лошади ковылялъ по площади.—„прикажите остановить этого ѣдоваго, перстень у него на рукѣ“. Остановили ѣдоваго, и точно перстень былъ у него на пальцѣ. Иногда государыня рассказывала о своемъ вождѣ. „Въ Бѣлоруссіи,—говорила она,—назначенъ былъ обѣдъ въ домѣ одного помѣщика. Съ большой дороги къ дому вела длинная аллея. Вся эта аллея была усыпана свѣжими розами. Кто-то изъ свиты государыни хотѣлъ обратить на это ея вниманіе. „Ну, что жъ“,—отвѣчала государыня съ ея небесной улыбкой,—„эта почесть скорѣе для моихъ лошадей““.

Характеренъ рассказъ Брусилова объ обѣдѣ, данномъ въ честь Суворова. По взятіи Варшавы, славный полководецъ прибылъ ко двору. Здѣсь, по обычаю своему, завѣсивъ всѣ зеркала и устроивъ постель на соломѣ, принималъ онъ представлявшійся ему корпусъ гвардейскихъ

офицеровъ. Въ тотъ день, когда онъ былъ приглашенъ къ обѣду, была приглашена и дочь его, графиня Зубова, съ мужемъ. Всѣ собрались въ брильянтовой комнатѣ и ждали государыню.

„Суворовъ,—пишетъ Брусиловъ,—вбѣжалъ въ комнату, подскочилъ, такъ сказать, къ дочери, перекрестилъ ее, потомъ перекрестилъ ей животъ (она была въ тягости).

Тотчасъ вошла государыня и посадила героя возлѣ себя, по лѣвую руку. Суворовъ былъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ; на немъ были брильянтовые знаки св. Андрея, брильянтовый эпалетъ и большой брильянтовый бантъ на шляпѣ. Весь столъ рассказывалъ онъ о штурмѣ.

Я упомянулъ уже, что государыня кушала тихо. Чтобы не задерживать стола, кушанья подавали своимъ чередомъ, и государынѣ метръ д'отели подавали на двухъ, а иногда и на четырехъ тарелкахъ тѣ блюда, которыя уже были обнесены. Она выбирала какое-нибудь одно.

Суворовъ, рассказывая о штурмѣ, также отсталъ отъ прочихъ тремя или четырьмя блюдами. Государыня взглянула на Барятинскаго, и тотчасъ два метръ д'отели поднесли Суворову съ каждой стороны по двѣ тарелки. Онъ, будто не зная, что съ ними дѣлать, сложилъ все на свою тарелку, перемѣшалъ и началъ кушать.

Никто даже не улыбнулся. По окончаніи стола, государыня изволила отойти во внутренніе апартаменты. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, началъ тормошить калмыченка, прыгать около него, щипать. Тотъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, изъ комнаты въ комнату, наконецъ въ бѣлую залу. Не догнавъ калмыченка, швырнулъ въ него свою шляпу съ брильянтовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ“.

Простая въ домашнемъ обиходѣ, императрица, въ случаяхъ торжественныхъ, любила пышность и великолѣпіе,—не даромъ въ Европѣ толковали объ изумительномъ блескѣ Екатерининскаго двора. Брусиловъ описываетъ, между прочимъ, выходы императрицы въ церковь. По обычнымъ воскреснымъ днямъ бывали малые выходы,—государыня, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ, проходила чрезъ столовую комнату въ церковь, гдѣ и стояла иногда въ фонарикѣ, иногда же оставалась въ столовой, у открытыхъ въ церковь дверей, и стояла, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы, и тогда императрица, въ предшествіи придворнаго штата, шла въ церковь чрезъ тронную залу, имѣя на себѣ ордена св. Андрея, Георгія и Владимира, а иногда и малую брильянтовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный генераль-адъютантъ и вахмистръ (бригадиръ по чину) за нею—вся царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, государыня останавливалась въ кавалерской комнатѣ—здѣсь подходили къ рукѣ; въ два часа былъ выходъ въ столовую, гдѣ къ столу приглашалось чловѣкъ до сорока, иногда же и болѣе. Въ высокаторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ Георгіевской залѣ, тогда государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей

прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, т. е. дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложенное золотымъ галуномъ. Въ кавалерскіе дни св. Андрея кавалеры имѣли красные чулки, башмаки съ бантами, мантию зеленаго бархата съ глазетовымъ воротникомъ, поверхъ его андреевская цѣпь и круглая шляпа съ загнутымъ полемъ напереди и страусовыми перьями. Шляпъ не снимали даже за столомъ; только во время провозглашенія здоровья кавалеры, вставая, снимали шляпы.

Разъ въ недѣлю бывали спектакли въ Эрмитажѣ и вечера въ брильянтовой комнатѣ... Играли въ карты; государыня играла въ бостонъ, князь Зубовъ и камергеръ Чертковъ составляли всегдашнюю ея партію. Въ Царскомъ Селѣ государыня жила, какъ помѣщица; вся стража состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ съ гвардейскимъ же офицеромъ во главѣ.

Въ 1798 году Брусиловъ вышелъ въ отставку и поступилъ на гражданскую службу. Въ 1808 году онъ служилъ въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, подъ начальствомъ П. С. Молчанова. Сюда стекались съ просьбами люди со всѣхъ сторонъ, и нерѣдко происходили курьезы. Брусиловъ рассказываетъ нѣсколько такихъ.

Одна дама пожилыхъ лѣтъ просила о принятіи ея ко дворцу въ фрейлины.

— Сударыня, сказалъ ей П. С., во фрейлины берутъ дѣвицъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчала она простодушно, — на милость образа нѣтъ.

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ обладалъ рѣдкой памятью какъ на событія, такъ и на лица. Брусиловъ приводитъ одинъ изъ многихъ примѣровъ этой удивительной памяти.

Одинъ отставной офицеръ просилъ пособія. При докладѣ просьбы, государь изволилъ спросить статсъ-секретаря:

— Не тотъ ли это, который при покойной бабушкѣ доносилъ на Суворова во взяткахъ?

— Не знаю, государь.

— Справься.

Справились. Точно такъ: онъ дѣлалъ на великаго мужа этотъ нелѣпый доносъ.

Кстати, въ той же книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (апрѣль 1893) нѣкто г. Юдинъ приводитъ еще одинъ случай изъ жизни Александра Павловича, рисующій его доброту, внимательность и доступность.

Разсказъ относится къ 1824 году, когда, путешествуя по Россіи, императоръ посѣтилъ, между прочимъ, и Оренбургскій край, въ то время мало извѣстный и считавшійся далекой окраиной. Проѣздомъ изъ Оренбурга, центра военнаго управленія краемъ, на Уральскіе горные заводы, государь прибылъ въ Уфу, резиденцію тогдашняго гражданскаго управленія всей обширной Оренбургской губерніей. Остановился

Александръ Павловичъ въ домѣ казачьяго полковаго атамана Данилы Андреевича Патранина. Произошло это совершенно неожиданно: государя привлекло красивое мѣстоположеніе дома на набережной рѣки Бѣлой и нарядная его внѣшность. Спросивъ, чей это домъ, государь приказалъ ѣхать во дворъ. Обрадованный хозяинъ, не ожидая такого рѣдкаго и высокаго посѣтителя, не помня себя отъ радости, выскочилъ на крыльцо принять державнаго гостя. Государемъ и свитой были заняты переднія комнаты: зало, гостиная, кабинетъ и угловая. Черезъ нѣсколько времени были приготовлены закуска и самоваръ. Камердинеръ государя заварилъ чай, и всѣ были приглашены къ столу, въ томъ числѣ и Патранинъ.

Во время чая государь милостиво разговаривалъ съ хозяиномъ, разспрашивая его о состояніи Уфимскаго края; затѣмъ приказалъ представить ему его семью, состоявшую изъ жены и двухъ дочерей, десяти и двѣнадцати лѣтъ. Государь нѣсколько времени бесѣдовалъ съ женой Патранина, разспрашивалъ объ ихъ житѣй-бытѣй, ласкалъ дѣтей и на прощанье подарилъ матери дорогой брильянтовый перстень, а дочерямъ—по фермуару, осыпанному брильянтами, самому же Патранину пожаловалъ тысячу рублей.

Отдавъ дѣвочкамъ фермуары, Александръ Павловичъ сказалъ:

— Вотъ вамъ, дѣти, на память обо мнѣ, поминайте меня, когда я умру...

Завѣтъ царя строго соблюдается: послѣ кончины императора имя его было внесено въ поминальникъ рода Патраниныхъ и поминается до настоящаго времени ежедневно за упокойной литургіей.

Чтобы покончить съ «Историческимъ Вѣстникомъ», остановимся еще на однихъ воспоминаніяхъ—на «Воспоминаніяхъ англійскаго дипломата XIX столѣтія» (*The Diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus*. London, 1892).

Лордъ Лофтусъ, авторъ этихъ воспоминаній, въ теченіе сорока двухъ лѣтъ занималъ сначала второстепенныя дипломатическія должности при нѣмецкихъ дворахъ, а потомъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ, въ самыя знаменательныя эпохи современной исторіи: во время франко-итальянской войны, объединенія Германіи путемъ датскаго, австрійскаго и французскаго погромовъ, онъ же былъ свидѣтелемъ послѣдней русско-турецкой кампаніи. Пребываніе лорда Лофтуса въ Россіи относится къ 1871—1879 годамъ, пока же его воспоминаній вышло лишь два тома, обнимающіе періодъ времени съ 1837 по 1862 годъ, и, такимъ образомъ, наиболѣе интересной для насъ части его мемуаровъ еще нѣтъ, но и въ вышеприведенныхъ двухъ томахъ находится не мало любопытныхъ свѣдѣній о дипломатической роли

Россіи въ европейскихъ дѣлахъ и, между прочимъ, разсказъ о кратковременной поѣздкѣ лорда Лофтуса въ Петербургъ въ 1840 году.

Вѣрный традиціямъ англійской дипломатіи, лордъ Лофтусъ особыми симпатіями къ Россіи не отличается, но въ то же время относится къ ней вполне безпристрастно и не обнаруживаетъ ни тѣни руссофобства.

Въ 1840 году,—годъ смерти Фридриха-Вильгельма III,—лордъ Лофтусъ находился въ Берлинѣ. Смертью короля хотѣлъ воспользоваться французскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Брессонъ, очень способный человекъ, но большой интриганъ. Онъ поставилъ себѣ задачей заключить союзъ между Франціей и Россіей, и пользовался каждымъ пріѣздомъ императора Николая въ Берлинъ, чтобы достичь своей цѣли, но всѣ его усилія разбивались о холодное равнодушіе императора, который, хотя признавалъ королемъ Луи-Филиппа, но никогда не обращался къ нему съ обычной формулой: «*Monsieur mon frèге*». Въ чемъ именно состоялъ планъ графа Брессона относительно франко-русскаго союза—положительно не извѣстно, но вѣроятно французскій дипломатъ вдохновился проектомъ князя Полиньяка, который въ 1829 году предлагалъ Карлу X передѣлать всю карту Европы въ союзъ съ Россіей, на основаніи словъ, произнесенныхъ въ то время императоромъ Николаемъ: «*И не желаю паденія Турціи, но это неизбѣжно, а еслибъ Франція и Россія могли согласиться между собою, то онѣ были бы распорядительницами судебъ Европы*». Въ силу этого пресловутаго проекта, утвержденного Карломъ X и не посланнаго въ Петербургъ только по случаю разразившейся революціи 1830 года, Франція должна была получить Бельгію, Россія—Молдавію, Валахію, Арменію и часть Анатоліи, позицію на Средиземномъ морѣ и проходъ въ Индію, Австрія—Боснію и Сербію, Пруссія—Голландію и Саксонію, а Европейской Турціи предназначалось составить христіанское государство, подъ главенствомъ короля нидерландскаго, магометанское же государство образовывалось подъ управленіемъ Магомета-Али изъ Египта, Сири, Аравіи и Варварійскихъ владѣній въ Африкѣ. Что касается Англіи, то ей уступались Голландскія колоніи.

Въ этомъ же году, въ декабрѣ, лорду Лофтусу пришлось ѣхать въ Петербургъ съ депешами къ тогдашнему англійскому повѣренному въ дѣлахъ, лорду Блумфильду. Здѣсь Лофтусъ представлялся императору Николаю.

Его Величество принялъ меня чрезвычайно милостиво,—говорить онъ,—и много расспрашивалъ о здоровьѣ новаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, а также о берлинскомъ дворѣ и о великовѣтскомъ обществѣ. Онъ очень любезно отозвался о нѣкоторыхъ, близко извѣстныхъ ему англійскихъ, выдающихся личностяхъ, о герцогѣ Велингтонѣ, о лордѣ Дургамѣ и пр., кромѣ того, онъ спросилъ, какъ поживаетъ полковникъ Понсонби, который былъ оставленъ въ числѣ мертвыхъ на полѣ сраженія при Ватерло,

*

а потомъ чудеснымъ образомъ воскресъ. Въ императорѣ Николаѣ было что-то удивительно величественное и внушительное; несмотря на его суровый видъ, онъ поражалъ плѣнительной улыбкой, и его манеры были очень пріятны. Вообще это былъ благородный, великодушный человѣкъ, и всѣ, — близко его знавшіе, питали къ нему преданную любовь. Его суровость объяснялась не желаніемъ быть жестокимъ, а убѣжденіемъ, что слѣдовало въ то время управлять всѣмъ свѣтомъ твердой, желѣзной рукой.

Въ 1853 году лордъ Лофтусъ, послѣ восьмилѣтняго отсутствія, снова былъ переведенъ въ Берлинъ, въ качествѣ секретаря посольства, и занималъ это мѣсто въ продолженіе пяти лѣтъ, причемъ два раза исполнялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ. Эти годы совпадаютъ съ Крымской войной и появленіемъ на политической сценѣ Бисмарка, а потому мемуары англійскаго дипломата принимаютъ болѣе интересный характеръ. Въ особенности для насъ важно то, что онъ говоритъ о русской политикѣ и о ея представителяхъ за-границей. Вообще онъ настаиваетъ на томъ, что Крымская война была возбуждена честолюбивыми стремленіями Россіи, которая не хотѣла согласиться ни на какія предложенія европейскихъ государствъ о миролюбивомъ окончаніи ея распри съ Турціей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не высказываетъ никакихъ враждебныхъ взглядовъ на русскую политику, не осуждаетъ русскихъ политическихъ военныхъ дѣятелей, а, напротивъ, часто высказывается о нихъ очень симпатично. Такъ онъ отдаетъ полную справедливость благородному, возвышенному характеру императора Николая, отзывается самымъ лестнымъ образомъ о доблестяхъ русской арміи и прямо заявляетъ, что Крымская война породила только одного великаго военнаго гения, генерала Тотлебена, съ которымъ онъ впоследствии былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Подводя итоги Крымской войнѣ, англійскій дипломатъ приходитъ къ заключенію, что въ результатъ ея получился — нуль. При этомъ онъ, однако, указываетъ, что западныя державы могли бы потребовать вознагражденія за военные расходы, такъ какъ будто бы представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ, князь Орловъ, съ самаго начала сказалъ Наполеону III: «Берите, ваше величество, все, что считаете справедливымъ», но державы отъ этого удержались изъ «чувства благороднаго безкорыстія». Лордъ Лофтусъ называетъ это прямо политическою ошибкой и противопоставляетъ ей поведеніе Бисмарка, который придалъ послѣднимъ европейскимъ войнамъ коммерческій характеръ; такъ онъ взялъ съ Франціи тяжелую контрибуцію въ 250 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а когда Жюль Фавръ, приведенный въ отчаяніе подобнымъ требованіемъ, замѣтилъ, что не прошло еще такого количества минутъ съ рожденія въ Внолеемѣ Спасителя, то Бисмаркъ цинически отвѣчалъ: «Я объэтомъ подумалъ и привезъ человѣка, который ведетъ свое начало съ сотворенія міра (еврея)».

Интересныя подробности, приводимыя въ мемуарахъ англійскаго дипломата о событіяхъ, предшествовавшихъ Крымской войнѣ, сопровождавшихъ ее и слѣдовавшихъ за нею, сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на роли Пруссіи въ ту знаменательную эпоху. Императоръ Николай, повидимому, прежде, чѣмъ начать войну, всячески старался склонить на свою сторону Австрію и Пруссію; для этого онъ ѣздилъ на австрійскіе маневры въ Ольмюцъ, выписалъ въ Варшаву прусскаго короля, а потомъ самъ посѣтилъ Берлинъ. Хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ расположенъ къ союзу съ Россіей, и придворная партія поддерживала его въ этомъ, но тогдашній первый министр, баронъ Мантейфель, энергично настаивалъ на выгодахъ для Пруссіи отъ строгаго нейтралитета, и, если вѣрить лорду Лофтусу, то Мантейфель, въ личныхъ объясненіяхъ съ императоромъ Николаемъ, не уступилъ ни одной юты своей политики. Такъ, будто бы, на замѣчаніе императора: «Союзныя (англо-французскіе) флоты вошли въ Дарданеллы, а вы терпите такое нарушеніе трактата 1841 года», онъ отвѣчалъ: «Пруссія также видѣла и занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ», а когда императоръ, объяснивъ, что онъ на помощь Пруссіи предоставитъ всѣ свои средства до послѣдняго солдата и рубля, спросилъ, на что онъ можетъ рассчитывать взаимно отъ Пруссіи, то Мантейфель сказалъ: «Пруссія не нуждается ни въ солдатахъ, ни въ деньгахъ, ея интересы требуютъ, чтобы она сохранила нейтралитетъ; ей невозможно жертвовать своимъ положеніемъ и дѣйствовать въ союзѣ съ Россіей по восточному вопросу; но, сохраняя нейтралитетъ, Пруссія надѣется, что будетъ имѣть большую возможность предложить свои добрыя услуги съ цѣлью восстановленія мира». Такъ какъ Мантейфеля поддерживали тогдашній прусскій наслѣдный принцъ, будущій императоръ Вильгельмъ, всѣ министры и общественное мнѣніе страны, то онъ одержалъ верхъ, и нейтралитетъ Пруссіи былъ установленъ.

Наконецъ, всѣ переговоры были прерваны, и началась Крымская война при официально заявленномъ нейтралитетѣ Австріи и Пруссіи, но изъ мемуаровъ лорда Лофтуса ясно видно, что этотъ нейтралитетъ хотя равно былъ непріятенъ западнымъ державамъ и Россіи, но имѣлъ различный характеръ въ обоихъ государствахъ: именно Австрія придавала ему болѣе воинственный и рѣшительный отгвнокъ, а Пруссія—болѣе мирный и неустойчивый. Австрія, видимо, тянула на сторону западныхъ державъ и заключила съ ними союзный трактатъ, явно враждебный Россіи, но выказывая Россіи черную неблагодарность за недавнее спасеніе отъ венгерскаго возстанія, она прямо не оказывала содѣйствія своимъ союзникамъ, а только заняла Дунайскія княжества, послѣ удаленія оттуда русскихъ войскъ, и выставила на границѣ съ Россіей армію въ 225.000 человекъ. По поводу послѣдняго обстоятель-

ства нашъ авторъ сообщаетъ очень любопытный разговоръ между австрійскимъ императоромъ и графомъ Бю о л е м ѣ. Первый, осмотрѣвъ эту армію, сказалъ: «Какъ жаль, что нельзя пустить въ ходъ такое прекрасное войско», а на замѣчаніе послѣдняго, что «всякая война должна быть политична и справедлива», отвѣчалъ: «война съ Россіей была бы политична, но несправедлива». Напротивъ, Бюоль высказалъ мнѣніе, что «подобную войну можно бы, пожалуй, назвать справедливой, но она не была бы политичной».

Пруссія вела себя совершенно иначе; она не заключила никакого трактата о настоящемъ или будущемъ союзѣ съ западными державами и, собственно говоря, ея политику нельзя назвать было нейтралитетомъ, а просто—постояннымъ колебаніемъ между обѣими враждующими сторонами. Хотя Пруссія уже и не находилась тогда въ прежнемъ своемъ положеніи относительно Россіи, и нельзя было повторить извѣстнаго выраженія, «что можно опредѣлить, гдѣ начинается Пруссія, а невозможно сказать, гдѣ кончается Россія», но самъ король и сильная придворная партія склонялись въ пользу Россіи и считали, что императоръ Николай не могъ отвѣчать на оскорбленія западныхъ державъ иначе, какъ пушечными выстрѣлами. Съ другой стороны, министерство и общественное мнѣніе Пруссіи сочувствовали западнымъ державамъ изъ политическихъ видовъ. Такимъ образомъ, въ виду слабости характера короля, естественно получалось въ результатъ вѣчное колебаніе. Регуляторомъ же этого колебанія былъ дѣйствовавшій еще тогда въ тѣни и почти невѣдомый Европѣ Бисмаркъ. Онъ самъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ германскомъ рейхстагѣ въ 1878 году откровенно объяснилъ свою роль во время Крымской войны, говоря, что его тогда вызывали въ Берлинъ изъ Франкфурта, гдѣ онъ былъ представителемъ Пруссіи, какъ только западныя державы налегали на прусское правительство, и оно было слишкомъ слабо для противодѣйствія этому гнету; въ подобныхъ случаяхъ онъ тотчасъ писалъ для короля дружескую депешу русскому правительству, а когда Мантейфель, вслѣдствіе этого, подавалъ въ отставку, то онъ, предварительно пославъ депешу въ Петербургъ, отправлялся въ деревню къ Мантейфелю и убѣждалъ его остаться первымъ министромъ. Это первенствующее значеніе Бисмарка въ Пруссіи во время Крымской войны очень рельефно рисуетъ лордъ Лофтусъ. «Въ эту эпоху,—говоритъ онъ,—Отто фонъ-Бисмаркъ былъ настоящимъ руководителемъ прусской политики, хотя Мантейфель и состоялъ оффиціальнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ короля и въ сущности не сочувствовалъ ни Россіи, ни западнымъ державамъ, а ненавидѣлъ Австрію и поставилъ себѣ задачей противодѣйствовать всему, что лично предоставитъ ей первенство въ Германіи. Намъ слѣдуетъ, — говорилъ онъ съ чисто Маккиавельской

хитростью,—вести себя такъ, чтобы постоянно было сомнѣнiе, къ кому мы присоединимся въ концѣ концовъ—къ Россiи или къ западнымъ державамъ; подобнымъ путемъ мы усилимъ свое влiянiе на теченiе политическихъ дѣлъ». Конечно, повѣренный въ дѣлахъ Россiи при германскомъ союзѣ въ Франкфуртѣ, Г л и н к а, бывшiй въ самыхъ дружескихъ отношенiяхъ съ Бисмаркомъ, поддерживалъ его усилiя препятствовать всѣми возможными способами анти-русской политикѣ барона Мантейфеля. Въ своихъ постоянныхъ бесѣдахъ они даже шли гораздо далѣе и разработывали планъ расторженiя англо-французскаго союза; Бисмаркъ открыто говорилъ: «Союзъ между Пруссiей, Россiей и Францiей—мой политическiй идеалъ и единственная комбинацiя, которая воишь соответствуетъ потребностямъ этихъ трехъ государствъ, хотя я почти попалъ въ немилость у наслѣднаго принца за выраженiе подобной идеи». Дѣйствительно, когда Бисмаркъ упомянулъ о возможности русско-пруско-французскаго союза, то будущiй императоръ Вильгельмъ написалъ барону Мантейфелю, что онъ удивляется, какъ можетъ послѣднiй довѣрять интересы Пруссiи такому человѣку, который выражаетъ идеи школьника.

Хотя Мантейфеля и упрекали въ излишней склонности къ западнымъ державамъ, но онъ не разъ говорилъ въ дружескомъ кружкѣ: «Союзники думаютъ, что мы вытащимъ для нихъ каштаны изъ огня; нисколько, они это сдѣлаютъ для насъ, и мы сѣдимъ каштаны». Кажъ бы то ни было, лордъ Лофтусъ считаетъ, что Пруссiя оказала Россiи во время Крымской кампанiи большую услугу своимъ нейтралитетомъ, и такъ какъ руководителемъ ея тогдашней политики былъ уже Бисмаркъ, хотя скрывавшiйся за кулисами, то онъ впоследствии имѣлъ полное основанiе рассчитывать на такой же нейтралитетъ Россiи во время войны съ Францiей, что дало возможность Пруссiи сосредоточить всѣ свои военныя силы на западной границѣ, не охраняя восточной. Напротивъ, Австрiя ничего не выиграла отъ своего кокетничанья съ западными державами, и когда она обратилась за помощью передъ войной съ Пруссiей къ императору Наполеону III, то онъ отвѣчалъ лаконически: «Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ мертваго трупа» Правда, наступила потомъ и очередь Австрiи отомстить за этотъ отказъ, и когда Наполеонъ III сталъ ухаживать за Австрiей, подбивая ее противъ Пруссiи въ 1870 году, то онъ, говорятъ, получилъ въ отвѣтъ: «Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ сумасшедшаго дома».

Зорко слѣдя за всѣми политическими и военными перипетiями знаменательной эпохи Крымской войны, лордъ Лофтусъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ о русскихъ дипломатахъ.

Такъ, когда западнымъ державамъ удалось заключить союзъ съ Швецией, князь Горчаковъ сказалъ: «J'ai souvent entendu parler d'un traité offen-

sif et défensif, mais jamais d'un traité offensant» (Я часто слышалъ о трактатахъ наступательныхъ и оборонительныхъ, но никогда не слышалъ о трактатахъ оскорбительныхъ). Русскіе такъ были увѣрены въ успѣхъ Ипкерманской битвы; что русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, встрѣтивъ на улицѣ русскаго военнаго агента, барона Бенкендорфа, въ этотъ самый день, около 12 часовъ дня, сказалъ ему, смотря на часы: „Въ эту минуту равнина передъ Севастополемъ очищена отъ союзниковъ“. Послѣ паденія Севастополя возникли надежды на миръ, и, конечно, прусскій король сталъ заботиться о томъ, чтобъ разыграть роль посредника, тѣмъ болѣе, что на вопросъ о томъ, возьметъ ли на себя Россія инициативу въ этомъ дѣлѣ, князь Горчаковъ отвѣчалъ: „Россія нѣма, но не глуха“. Однако, не потребовалось посредничества Фридриха-Вильгельма IV, и миръ былъ заключенъ безъ него, но на Парижскій конгрессъ былъ приглашенъ представитель Пруссіи, и въ этомъ качествѣ явился баронъ Мантейфель, несмотря на то, что по-прежнему тайнымъ руководителемъ прусской политики оставался Бисмаркъ. Но, предоставляя оффиціальную роль первому министру, будущій желѣзный канцлеръ продолжалъ свою подпольную игру и сталъ всячески стараться осуществить свою идею о союзѣ Пруссіи съ Франціей и Россіей, что, быть можетъ, ему и удалось бы, еслибъ не наступила болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV. Хотя, посѣщая въ это время нѣсколько разъ Парижъ, Бисмаркъ и увѣрялъ, что онъ ѣздитъ туда, чтобъ развратить Наполеона III, который будто бы былъ слишкомъ честенъ („il est trop honnête, et j'y vais pour le corrondre“, — подлинныя слова Бисмарка), но эти достойные соперники уже тогда вели двойную, или, быть можетъ, еще болѣе многостороннюю интригу для осуществленія своихъ тайныхъ цѣлей, и принцъ Наполеонъ, посланный императоромъ въ Берлинъ въ 1857 году съ особымъ секретнымъ порученіемъ, сказалъ лорду Лоттусу: „Пусть Англія не дружить съ Австріей, и мы выйдемъ за борть Россію; отдѣлаемся отъ нихъ и придемъ къ обоюдному соглашенію“.

Вся эта сложная дипломатическая махинація поведла въ концѣ концовъ къ желанной обоими соперниками цѣли: она развязала имъ руки, и сначала Наполеонъ III одинъ справился съ Австріей, а потомъ Бисмаркъ въ единоборствѣ уничтожилъ прежде Австрію, а потомъ и Францію, осуществивъ, такимъ образомъ, знаменательное предсказаніе князя Горчакова послѣ Датской войны:

— Нѣтъ болѣе Европы...

Въ январской книжкѣ «Русскаго Архива» полного вниманія заслуживаетъ замѣчательная во многихъ отношеніяхъ статья г. Воробьева — «Паисій Лигаридъ».

Личность Паисія, митрополита Газы Герусалимской, игравшаго столь видную роль въ знаменитомъ Никоновскомъ дѣлѣ, принадлежитъ безспорно къ любопытнѣйшимъ историческимъ личностямъ XVII вѣка. Паисій Лигаридъ не разъ уже останавливалъ на себѣ вниманіе ученыхъ, — о немъ говорилъ митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина», архіепископъ Филаретъ, С. М. Соловьевъ, Н. И. Субботинъ, Н. А. Гюббенетъ, митрополитъ

московскій Макарій и многіе другіе. Не обойденъ молчаніемъ Паисій и въ иностранной литературѣ,—въ сочиненіи Пальмера «The Patriarch et the Tzar», не переведенномъ, къ сожалѣнію, на русскій языкъ, Паисію посвященъ весь третій томъ.

Зимою 1662 года, русскіе люди съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за распрєю, возникшей между двумя «великими государями» — царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и святѣйшимъ патриархомъ всероссійскимъ Никономъ. Между недавними «собинными друзьями» вспыхнула открытая вражда. Прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, какъ Никонъ оставилъ патриаршій престолъ и заключился въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ. Но, отказываясь возвратиться на московскую кафедру, онъ въ то же время утверждалъ, что отъ самаго патриаршества онъ не отказался и настаивалъ на своемъ правѣ избрать себѣ преемника. Такимъ образомъ возникалъ трудный вопросъ: въ какомъ же отношеніи былъ бы новый патриархъ къ старому? Ясно было, что русской церкви грозитъ опасное двоевластіе. Хотя вопросъ этотъ въ сущности и былъ разрѣшенъ соборомъ 1660 года, постановившимъ лишить Никона его сана, но царь не рѣшался привести соборный приговоръ въ исполненіе.

Въ эту трудную минуту пріѣхалъ въ Москву Паисій, митрополитъ Газы Іерусалимской. Родомъ грекъ, Паисій Лигаридъ въ мѣрѣ носилъ имя Пантелеймона, воспитаніе получилъ въ Римѣ, въ иезуитской коллегіи, основанной папою Григоріемъ XIII для грековъ, и — по показанію патриарха Никона — тамъ принялъ священный санъ. Есть также извѣстіе, что онъ былъ учителемъ въ Яссахъ и въ 1650 году принималъ участіе въ извѣстномъ богословскомъ диспутѣ «О вѣрѣ» съ греками старца Арсенія Суханова. Потомъ онъ удалился на Востокъ, былъ въ Іерусалимѣ протопопомъ, тамъ же постриженъ іерусалимскимъ патриархомъ въ монашество, посвященъ сначала митрополитомъ солунскимъ, а затѣмъ газскимъ. Паисій, безспорно, былъ ученѣйшимъ изъ грековъ, когда-либо явившихся въ Россію, но въ то же время и самымъ хитрымъ, пронырливымъ и опаснымъ изъ нихъ.

Явился Паисій въ Москву собственно къ Никону, по старому его зову, но, увидавъ положеніе дѣлъ, сразу переметнулся на сторону его враговъ. Онъ представилъ царю письмо, въ которомъ убѣждалъ его ревностнѣе заняться дѣломъ Никона, списаться съ іерусалимскимъ патриархомъ и проч. Никонъ узналъ объ этомъ письмѣ и пригрозилъ отдаться на судъ папы,—угроза, взволновавшая Москву. Паисія позвали въ патриаршую палату и поручили ему разобрать заявленіе Никона и выяснить — имѣетъ ли онъ право обращаться въ Римъ. Паисій, на основаніи византійскихъ хроникъ, доказалъ, что Русь отъ начала причислялась къ еракійскому діоцезу византійскаго патриархата, а потому и

Никонъ не имѣеть никакихъ основаній обращаться къ папѣ. Успѣшное исполненіе этого порученія возвысило Лигарида въ глазахъ враговъ патріарха; онъ явился ученымъ, крайне дорогимъ и нужнымъ въ эту минуту челоуѣкомъ. Бояринъ Стрѣшневъ, дядя царя по матери и злѣйшій врагъ Никона, предложилъ Паисію письменно 30 вопросовъ, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона и его отношенія къ царю, съ требованіемъ письменнаго отвѣта на нихъ, для доклада самому великому государю.

Паисій, съ удивительной гибкостью ума и полнымъ осужденіемъ Никона, отвѣтилъ на эти вопросы, изъ которыхъ мы беремъ у г. Воробьева главнѣйшіе.

Такъ, по первому вопросу Стрѣшнева и отвѣту Паисія, патріархъ Никонъ обвинялся въ томъ, что, при поставленіи своемъ на патріаршество, переосвятился, хиротонисался снова, а потому, на основаніи 68 правила апостольскаго, признавался подлежащимъ изверженію.

По второму вопросу обвиняли Никона въ томъ, что онъ не позволялъ исповѣдывать и пріобщать преступниковъ.

По третьему вопросу Никону ставилась въ вину страсть къ богатымъ облаченіямъ во время священнослуженій, привычка чесаться и въ зеркало смотрѣться.

По пятому вопросу Никонъ совершенно основательно признавался отречшимся отъ патріаршества.

На седьмой вопросъ Стрѣшнева: не надо ли созвать соборъ по дѣлу патріарха? Паисій отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на 37 апостольское правило, обязывающее епископовъ собираться въ соборъ дважды въ году.

На восьмой вопросъ: можетъ ли царь созвать соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патріаршее? Паисій (смотря на дѣло практически) отвѣчалъ: царь можетъ созвать соборъ по примѣру римскихъ кесарей.

Въ отвѣтъ на девятый вопросъ Паисій отвѣчалъ: Такъ какъ Никонъ соборъ, созванный царемъ, почелъ за ничто и назвалъ сомнищемъ жидовскимъ, то его надобно, какъ еретика, проклинать.

Никону доставили и вопросы и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать и тѣ и другіе, и написалъ на нихъ цѣлую тетрадь, озаглавивъ ее: «Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостью патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лигариду. и на отвѣты Паисіевы». Раздраженіе не помѣшало Никону высказать замѣчательную начитанность и блестящую диалектику.

Но мысль Паисія была принята къ свѣдѣнію, и царю удалось въ ноябрѣ 1666 года созвать соборъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никонъ. Впрочемъ, значеніе самого Лигарида къ этому времени

упало, благодаря неслетнымъ о немъ слухамъ и подложнымъ документамъ, имъ представленнымъ.

На соборѣ возникло разногласіе: видя въ приговорѣ умаленіе патріаршей власти, крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій Иларіонъ отказались подписать приговоръ о низложеніи Никона. И тутъ дѣло уладилъ Паисій, — на послѣднемъ засѣданіи онъ выступилъ съ пространной и блестящей рѣчью.

Говорилъ Паисій, — пишетъ г. Воробьевъ, — о высотѣ, широтѣ и неограниченности царской власти у всѣхъ народовъ, обращался къ исторіи евреевъ, египтянъ, грековъ и римлянъ, приводилъ доказательства изъ священныхъ и языческихъ писателей, восхвалялъ царя Алексѣя Михайловича за его заботы о церкви и приглашалъ всѣхъ молиться за него. Никто ему не возражалъ. Всѣ были довольны и будто бы даже аплодировали ему. А непокорен Павелъ и Иларіонъ были такъ смущены, что подали патріархамъ просьбу похотатайствовать за нихъ предъ царемъ о прощеніи. Патріархи, какъ разказываетъ самъ Паисій, тотчасъ же позвали его къ себѣ; несмотря на то, что была уже ночь, онъ прочиталъ имъ просьбу Павла и Иларіона и сказалъ имъ новую рѣчь о царской власти. Съ наступленіемъ утра, епископы снова собрались въ патріаршемъ дворцѣ. Прочитано было еще нѣсколько свидѣтельствъ о царской и патріаршей власти. Паисій снова говорилъ длинныя похвалы царю и такъ утомилъ слушателей своими разглагольствованіями, что на вопросъ его: „не желаютъ ли выслушать еще другія свидѣтельства?“ всѣ единогласно отвѣтили: „сказано даже болѣе, чѣмъ достаточно“. Споръ былъ разрѣшенъ такъ: царь нѣбегъ преимущества въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ — въ церковныхъ, и упорствовавшіе архіереи подписали актъ о низложеніи Никона.

Паисій такъ умѣлъ угодить своими совѣтами врагамъ московскаго патріарха, что, сравнительно, въ короткій періодъ пребыванія своего въ Москвѣ, получилъ домъ, нарочно для него выстроенный, со всѣми удобствами, получилъ пособія на нужды своей епархіи и подарки, былъ приближенъ къ царю и пользовался особеннымъ его расположеніемъ, „яко разумнѣйшій и премудрѣйшій“.

По словамъ г. Воробьева, годъ и мѣсто кончины Паисія Лигарида неизвѣстны.

Въ мартовской книжкѣ того же жарнала, г. Горленко въ своихъ путевыхъ замѣткахъ описываетъ Миргородъ и Яновщину, — родину Гоголя. И усадьба, и господскій домъ, и маленькій, крытый соломою флигелекъ, въ которомъ жилъ Гоголь во время своихъ прїѣздовъ въ Яновщину, — все это цѣло, живетъ и хранитъ память о великомъ писателѣ земли русской.

Въ Яновщинѣ г. Горленкѣ пришлось столкнуться и разговориться съ старикомъ, хорошо знавшимъ Гоголя. Этотъ старикъ (теперь умершій), Яковъ Нимченко, жилъ при Гоголѣ въ качествѣ слуги, въ первое время его петербургской жизни. Въ 1829 году онъ выѣхалъ съ Гоголемъ въ Петербургъ. Г-нъ Горленко приводитъ разказъ этого старика о нѣкоторыхъ подробностяхъ жизни Гоголя въ Петербургѣ.

Въ этой же книжкѣ есть мелкая, но характерная замѣтка, рисующая безцеремонность англичанъ даже по отношенію къ историческимъ реликвіямъ.

Дѣло въ томъ, что г. Ильинскій, печатающій въ «Русскомъ Архивѣ» свои «Воспоминанія севастопольца», упомянулъ въ одномъ мѣстѣ ихъ, что англичане вывѣсили въ Гринвичѣ, въ числѣ своихъ побѣдныхъ трофеевъ, нашъ корабельный флагъ, тогда какъ они никогда такого у насъ не брали.

«Мнѣ кажется,—сказалъ по этому поводу г. Ильинскій,—было бы справедливымъ, если бы морской министръ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ официально потребовать составленіе акта, изъ русскаго ли флагстуха шить выставленный флагъ, не скроенъ ли онъ и шить въ Англии, и потомъ преслѣдовать обманъ юридическимъ путемъ, какъ преслѣдуются мошенническія продѣлки, фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и т. п.»...

Кто-то сообщилъ объ этомъ въ Англию, и въ редакцію «Русскаго Архива» (черезъ г. В. Барнаесъ-Стевени) прислана слѣдующая газетная вырѣзка:

The Editor of the «Daily Chronicle».

Sir.—Referring to the paragraph from your correspondent at Adessa as to «A Disputed War Trophy», I beg to inform you that a well, known distinguished naval officer tells me that the writer in the «Russky Arkiv», «that England has never captured a Russian Naval flag», is correct. Further, I would like to say we have no Russian Naval flag in our collection at Greenwich.—Vours faithfully

G. W. Giffard Hooper¹⁾.

Royal Naval College, Greenwich. Jan. 26.

На это письмо поступило слѣдующее заявленіе Д. В. Ильинскаго.

«Лѣтомъ 1857 годъ (т. е. на другой годъ послѣ заключеніи Парижскаго мира) былъ я въ Англии, какъ частный путешественникъ, и въ Гринвичѣ, при осмотрѣ такъ называемаго «Госпиталя», видѣлъ посреди англійскихъ трофеевъ, на правой сторонѣ отъ входа, флагъ съ синнимъ по діагоналямъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Отрицать это невозможно

¹⁾ То-есть: Относительно статьи вашего корреспондента изъ Одессы „О спорномъ воняскомъ трофее“, считаю долгомъ увѣдомить васъ со словъ хорошо извѣстнаго, отличившагося морскаго офицера, что утвержденіе пишущаго въ „Русскомъ Архивѣ“ о томъ, что Англія никогда не овладѣвала русскимъ морскимъ флагомъ, совершенно справедливо. Далѣе я хочу сказать еще, что русскаго морскаго флага въ нашемъ Гринвичскомъ собраніи не имѣется. Вашъ и проч. Г. В. Жиффардъ Хоуперъ. Королевская морская коллегія въ Гринвичѣ. 26-го января (1857 г.).

англичанамъ. Когда именно этотъ мнимый трофей снятъ, я не знаю; а что нынѣ его уже нѣтъ, тому готовъ вѣрить».

Дмитрій Ильинскій.

Въ четвертой (апрѣльской) книжкѣ журнала встрѣчаются имена двухъ усопшихъ іерарховъ церкви: митрополитовъ Исидора и Платона.

Г-нъ Палимпсестовъ описываетъ одну изъ своихъ бесѣдъ съ митрополитомъ кievскимъ Платономъ. Любимымъ предметомъ бесѣды покойнаго митрополита былъ Николай I. Владыка восторженно почиталъ императора Николая и былъ ему беззавѣтно преданъ. «Знаете ли,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей бесѣды,—какъ я былъ преданъ государю Николаю Павловичу? Вотъ какъ. Выходя изъ кабинета этого земнаго для меня бога, еслибы я услышалъ его голосъ: «бросься ради меня изъ окна!»—ей! перекрестясь, бросился бы. И сколько я пролилъ горькихъ слезъ, когда не стало его! И было ли хотя одно воспоминаніе о немъ, которое не вызвало бы у меня слезъ. Такая моя печаль прекратилась только послѣ одного видѣнія...»¹⁾.

Въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ» слѣдуетъ отмѣтить два прекрасные труда: «Московскій благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель», епископа Сергія (Соколова), и «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода», профессора А. И. Никитскаго. Оба названные труда, помимо серьезныхъ достоинствъ какъ литературныхъ, такъ и историко-изслѣдовательныхъ, въ высшей степени интересны и по характеру темъ.

О. Сильвестръ въ нашей исторіи личность безспорно крупная и исключительная. Простой протоіерей придворной церкви, онъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ заправляетъ царемъ и царствомъ,—становится добрымъ гениемъ этого буруемаго страстями царя и возводитъ царство, едва лишь сплоченное изъ удѣльныхъ кусковъ, на высоту, какой оно еще не достигало. Очевидно, что такой человѣкъ—великая нравственная и политическая сила. Къ сожалѣнію,—не говоря уже о предшествующей его появленію при дворѣ жизни, ни о послѣдующей, по удаленіи отъ двора.—отецъ Сильвестръ остается для насъ лицомъ крайне таинственнымъ, слабо очерченнымъ. Серьезныхъ историческихъ изслѣдованій о немъ не было и отзывы о немъ нашихъ историковъ чрезвычайно разнорѣчивы. Одни,—какъ, на примѣръ, Погодинъ и Костомаровъ,—выставляютъ его лицомъ безсмертнымъ не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи человѣчества, лицомъ свѣтымъ и высоконравственнымъ, твор-

¹⁾ Видѣніе это не такъ давно было предметомъ обсужденія газетъ.

помъ самой важной эпохи чуть ли не во всей древней исторіи, тогда какъ другіе склонны видѣть въ немъ ловкаго узурпатора, чуть не авантюриста, ловко воспользовавшагося обстоятельствами и лицами. Авторъ настоящаго изслѣдованія задается не легкой задачей—опредѣлить дѣйствительное значеніе отца Сильвестра, не заслоня другихъ дѣятелей его эпохи, съ Іоанномъ во главѣ, выдѣлить изъ всей массы событій разсматриваемой эпохи дѣянія, несомнѣнно принадлежащія Сильвестру и характеризующія его политическую дѣятельность, а также — путемъ сопоставленія характеровъ Іоанна и Сильвестра, отыскать ключъ къ разгадкѣ ихъ отношеній.

Размѣры нашего бѣлаго обзора не позволяютъ намъ, хотя бы и кратко, передать результаты изслѣдованія автора, взявшаго за главный источникъ письма Іоанна Грознаго, сказанія Курбскаго и сочиненія самого Сильвестра. Но во всякомъ случаѣ, принятая имъ на себя задача выполнена прекрасно, и передъ читателемъ рельефно выступаетъ крупная, полная духовной мощи фигура «ближайшаго друга и совѣтника царева», а затѣмъ—изгнанника на далекихъ Соловахъ «Архангельскія области».

«Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» является по-смертнымъ изданіемъ многолѣтняго изслѣдованія покойнаго профессора русской исторіи при Варшавскомъ университетѣ Александра Ивановича Никитскаго и вноситъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, крайне бѣдную сочиненіями этого рода, гдѣ бы экономическая жизнь древней Руси разсматривалась какъ нѣчто цѣлое, имѣющее первостепенную историческую важность, въ органической связи съ другими сторонами общественно исторической жизни. Въ этомъ отношеніи трудъ покойнаго профессора, имѣющій въ основѣ такого типическаго представителя древне-русской жизни, какъ Великій Новгородъ,—особенно цѣненъ и имѣетъ обще-историческое значеніе. Не надо забывать, что «господишь Великій Новгородъ» того времени раскинулъ свои владѣнія на огромную площадь, и новгородскія земли занимали собою сѣверъ и востокъ нынѣшней Европейской Россіи—отъ Бѣлаго моря до Волги у Оки и отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ.

Въ общемъ, многолѣтній трудъ А. И. Никитскаго представляетъ собою строго-научную повѣсть изъ жизни древней Руси; въ ней основной содержанія служатъ многочисленные источники, изъ которыхъ почерпнуты богатые и интересныя свѣдѣнія, органически связанная главная идея въ одно цѣлое. Мелочныя указанія, отрывочныя свѣдѣнія, добытыя въ лѣтописяхъ и писцовыхъ книгахъ, акты и договорныя грамоты—все это дало талантливому и добросовѣстному историку тотъ матеріалъ, изъ котораго онъ построилъ, или вѣрнѣе—возстановилъ живую исторію древне-русскаго экономическаго быта.

Изъ матеріаловъ иностранныхъ, помѣщенныхъ въ той же первой книгѣ, обращаетъ на себя вниманіе копія съ одного документа изъ Стокгольмскаго архива, касающагося московскаго бунта 1648 года. Помимо главнаго своего значенія—нѣсколькихъ существенныхъ поправокъ въ датахъ и мотивахъ,—документъ этотъ весьма интересенъ, какъ составленный иностранцемъ-современникомъ и, по всей вѣроятности, очевидцемъ даже описываемыхъ событій. Въ оригиналѣ документъ названъ: «Краткое и правдивое описаніе опаснаго мятежа, происшедшаго среди простаго народа въ городѣ Москвѣ 2-го іюня 1648 года».

Первою причиною мятежа былъ бояринъ Плещеевъ, заключенный въ тюрьму по народному челобитію, но вызволенный отъ суда и кары всемогущимъ Морозовымъ. Отсюда — рядъ новыхъ челобитій и многочисленные аресты по извѣсту Морозова. 1-го іюня, при возвращеніи царя изъ Троицкаго монастыря, народъ билъ челомъ, но безуспѣшно: Морозовъ приказалъ стрѣльцамъ разогнать толпу и схватить зачинщиковъ. Слѣдующій день былъ пятница 2-го іюня, и народъ снова сталъ бить челомъ царю, выѣхавшему по случаю праздника изъ дворца.

Его царское величество, — говорится въ документѣ, — спросилъ ихъ: отчего бы имъ не изложить письменно своихъ жалобъ и желаній. На это толпа отвѣчала, что это было слѣдено наканунѣ, и что они теперь просятъ и о выдачѣ захваченныхъ; такъ какъ его царское величество тотчасъ выразилъ добрую рѣшимость, возвращаясь изъ церкви, встрѣтитъ ихъ хорошимъ отвѣтомъ, то толпа была этимъ очень довольна. Между тѣмъ, его царское величество съ неудовольствіемъ спросилъ Морозова, какъ онъ осмѣлился безъ его желанія и вѣдома заключить нѣкоторыхъ подъ стражу; Морозовъ былъ этимъ смущенъ и ничего не отвѣчалъ. Далѣе, когда его царское величество вышелъ изъ Кремля, навстрѣчу ему подошла часть возмущившейся толпы и еще разъ стала говорить о Плещеевѣ, чѣмъ его царское величество былъ частью пораженъ, частью разгнѣванъ; и такъ онъ пришелъ въ церковь.

По совершеніи богослуженія, просившіе снова пошли вслѣдъ за царемъ изъ церкви, и когда его царское величество вошелъ въ Кремль, весь народъ ворвался вмѣстѣ съ нимъ, такъ что Морозовъ, возымѣвшій нѣкоторое подозрѣніе, приказалъ стрѣльцамъ запереть Кремлевскія ворота и никого не впускать, но они (стрѣльцы) не могли этого исполнить вслѣдствіе большаго скопленія народа; нѣсколько тысячъ человѣкъ проникли на Кремлевскую площадь и неотступно и съ громкими криками требовали окончательнаго рѣшенія ихъ желаній и высказанныхъ жалобъ. Такъ какъ его царское величество только-что сѣлъ за столъ, то онъ выслалъ къ нимъ одного изъ бояръ, по имени Темкина, котораго они задержали у себя подъ тѣмъ предлогомъ, что желаютъ говорить съ самимъ царемъ; потомъ вышелъ еще одинъ, они сорвали съ него платье и надавали ему такихъ пинковъ и толчковъ, что онъ послѣ этого нѣсколько дней лежалъ въ постели. Наконецъ, его царское величество вышелъ самъ, усвоивъ ихъ и спросилъ, что значитъ такое неотступное ихъ домогательство. Тогда толпа сначала выразила желаніе, чтобы схваченные были выданы, и они тотчасъ были освобождены; но толпа все-таки не удовлетворилась этимъ и потребовала выдачи Плещеева. На это его царское величество отвѣчалъ, что ему нужно дать время, такъ какъ онъ хо-

четь разслѣдовать дѣло, и если онъ (Плещеевъ) окажется виновнымъ, подвергнуть его соотвѣтствующему наказанію; но толпа на это не соглашалась и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, настаивала, говоря, что, если не получить этого добромъ отъ его царскаго величества, то добьются силой.

Между тѣмъ какъ это происходило, Морозовъ, для предотвращенія бѣдствія, велѣлъ созвать всѣхъ стрѣльцовъ, числомъ до 6.000, и приказалъ имъ выгнать съ Кремлевской площади мятежную толпу и подавить волненіе. Но стрѣльцы воспротивились такому приказанію Морозова, и нѣкоторые изъ нихъ отпрѣвились къ его царскому величеству и заявили, что они, согласно присяжной имъ присягѣ и своему долгу, охотно будутъ угождать и служить его царскому величеству и охранять его, но что они не хотятъ изъ-за измѣнника и тирана Плещеева стать во враждебныя отношенія съ толпой; затѣмъ они обратились съ рѣчью къ толпѣ и сказали, что ей нечего бояться, что они въ этомъ дѣлѣ не окажутъ ей никакого противодѣйствія, а, напротивъ, даже протянуть ей руку помощи. Послѣ этого народъ снова началъ требовать выдачи Плещеева, съ бѣльшей настойчивостью, чѣмъ прежде; соборище, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось многочисленнѣе, пока его царское величество не вышелъ еще разъ самъ и не попросилъ толпу не проливать крови въ этотъ день (именно въ пятницу, что у русскихъ считалось ужаснымъ дѣломъ) и успокоиться: завтра онъ выдастъ имъ Плещеева. Это его царское величество сдѣлалъ затѣмъ лишь, чтобы сохранить Плещееву жизнь.

Все кончилось бы, быть можетъ, благополучно, еслибъ не драка морозовскихъ холопей со стрѣльцами и народомъ, — драка, въ которой были ранены и убиты. Озвѣрѣвшая толпа кинулась послѣ этого къ дому Морозова, убила его управляющаго, разграбила домъ, а за нимъ и дома Плещеева и Чистого, причемъ послѣдній былъ убитъ. Всего разграблено и разнесено было до 70 домовъ, и только высланные царемъ стрѣльцы не допустили дальнѣйшаго разгрома. На другой день, въ субботу, бунтъ разросся до ужасающихъ размѣровъ. Выдачею и убійствомъ Плещеева толпа не удовольствовалась и стала требовать выдачи Морозова. Царь выслалъ къ народу духовника и патріарха, но посольство кончилось неудачей. Тогда царь вышелъ къ народу самъ, прося за Морозова, въ виду его заслугъ предъ государствомъ, и обѣщая удалить его изъ Москвы.

Тѣмъ временемъ, — описывается дальше въ документѣ, — слуги Морозова пустили въ городъ по-вѣтру огонь, можетъ быть, съ цѣлью произвести въ народѣ расколъ; тогда отъ пожара произошелъ такой вредъ, что въ теченіе немногихъ часовъ обратилась въ пепель и сгорѣла лучшая половина города внутри и внѣ бѣлыхъ стѣнъ, начиная отъ рѣки Неглинной, до 24.000 домовъ; во время этого пожара сгорѣли и погибли несметныя сокровища и богатства въ купеческихъ товарахъ и другомъ имуществѣ, такъ что у одного человѣка, который былъ тамъ самымъ богатымъ купцомъ, убытокъ доходилъ до 150 тысячъ рублей; погибло также до 500 тысячъ тоннъ зерна, что стоило около 6 тоннъ золота. Погибло также больше 2.000 человѣкъ, большей частью въ состояніи опьяненія: воспользовавшись добычей, они сначала веселились, затѣмъ погрузились въ сонъ, были захвачены огнемъ и сгорѣли, такъ что пиръ ихъ окончился бѣдою.

Народъ обратилъ мало вниманія на этотъ пожаръ: онъ жаждалъ крови, и такъ какъ ему въ утѣшеніе не выдавали Морозова, то онъ сталъ требовать выдачи другаго знатнаго господина, по имени Петра Тихоновича Трахавіотова, къ которому они относились подозрительно, считая его виновникомъ незадолго передъ этимъ наложенной на соль пошлины; но такъ какъ это въ то время не было въ Москвѣ подъ рукой, а былъ онъ въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Москвы, то его царское величество попросилъ отсрочки и согласился и общалъ призвать его. Такъ и было сдѣлано, именно, спустя два дня, 5-го іюня, онъ былъ привезенъ въ городъ, и ему топоромъ отсѣкли голову. Въ домѣ этого Тихоновича, во время грабежа, найдена была печать его царскаго величества и два монетныхъ штемпеля, съ помощью которыхъ онъ устраивалъ много обмана и плутовства, такъ что изъ-за этого на многихъ изъ нихъ (москвичей) пало подозрѣніе, будто они дѣлаютъ фальшивыя монеты, они были взяты подъ стражу и невинно замучены до смерти. Ходила молва, что въ этихъ мошенничествахъ съ нимъ сошелся тайно Морозовъ и, вѣроятно, былъ съ нимъ за-одно, потому что посредствомъ такой поддѣлки монетъ онъ собралъ много денегъ и добра, въ короткое время такъ удивительно разбогатѣлъ, что присвоилъ себѣ добрую половину княжества.

Послѣдовавшая затѣмъ попытка Морозова спастись бѣгствомъ не удалась, и дѣло кончилось, какъ извѣстно, ссылкой его въ Кирилловъ монастырь на Бѣлоозерѣ.

Во второй книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ», въ томъ же отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ, крайне любопытны шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи, въ 1716 году, и извлеченныхъ изъ копенгагенскихъ архивовъ: государственнаго и обергофмаршальскаго. Документы эти—любопытный памятникъ языка и церемоніала того времени, а равно—и подробностей пребыванія царя-преобразователя въ Даніи. Не имѣя возможности привести ихъ всѣ, мы воспользуемся двумя наиболѣе характерными—первымъ и третьимъ.

Первый документъ, отъ 16-го іюня 1715 года, содержитъ въ себѣ указъ короля Фредерика IV копенгагенскому совѣту о приѣмѣ Петра I въ случаѣ его приѣзда въ Копенгагенъ:

Копенгагенскому Совѣту изъ Готторпа
отъ 15-го іюня 1715 г.

Фредерикъ IV и проч. Такъ какъ изъ вашего всеподданнѣйшаго донесенія отъ 1-го числа сего мѣсяца мы, между прочимъ, освѣдомились о сообщеніи, сдѣланномъ вамъ русскимъ посломъ, относительно того, что, можетъ быть, въ скоромъ времени его царская любовь, самъ, своею высокою особю, прибудетъ въ нашу столицу Копенгагенъ, то мы всемилостивѣйше признали за благо, чтобы, въ случаѣ прибытія его царской любви въ Копенгагенъ, вы передали ему отъ нашего имени, по предварительномъ поздравленіи со счастливымъ пріѣздомъ, приличествующій привѣтъ и предложили бы помѣститься въ нашемъ дворцѣ, въ покояхъ его любви, нашего многолюбимаго сына, короннаго и наследнаго принца Христіана, и ея любви, вашей дочери, наследной принцессы Шарлоты-Амалии. При этомъ было бы желательно,

чтобъ ея любовь, сердечно любимая супруга наша, ея величество королева, съ остальными членами нашей королевской семьи, переселилась на то время изъ Фредериксборга въ Копенгагенъ; но такъ какъ, повидимому, его царская любовь не можетъ пробыть здѣсь долго, то ихъ любви, нашъ сынъ, наследный принцъ, и наша дочь, принцесса, могли бы оставаться въ Фредериксборгѣ. Тѣмъ не менѣе, мы признаемъ за благо, чтобы его любовь, нашъ сынъ, (хотя бы) однажды пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Копенгагенъ; въ какомъ случаѣ (онъ имѣлъ бы) помѣститься въ нашемъ замкѣ Розенбергѣ, тамъ, гдѣ обыкновенно помѣщается его любовь, нашъ братъ, принцъ Карлъ. Если же его царская любовь пожелаетъ остановиться въ городѣ у своего посла, князя Долгорукова, то вамъ надлежитъ спросить у его величества и любви, не разрѣшить ли онъ готовить для него кушанья нашимъ придворнымъ поварамъ, или же онъ предпочитаетъ, чтобы (въ домъ Долгорукова) доставлялись сырые съѣстные припасы и чтобы ему служили его собственные повара; въ послѣднемъ случаѣ туда должны быть ежедневно доставляемы въ достаточномъ количествѣ дичь и другое мясо, равно рыба, а также вино и т. п.

Заканчиваетъ король приказаніемъ показать гостю въ Копенгагенѣ, все, что онъ пожелаетъ увидѣть, и увѣрить «его царскую любовь», что только крайняя сила обстоятельствъ, удерживающая короля въ Готторпѣ, мѣшаетъ ему прибыть лично въ Копенгагенъ и оказать «его царской любви» долженствующій приемъ.

Третій документъ—обстоятельное и пространное донесеніе Люцова королю, отъ 16-го іюля 1716 года, о пребыванія Петра I въ Ньюкабингѣ. Люцовъ сообщаетъ, что царь прибылъ 14-го числа, вечеромъ, со многими галерами; въ гавань вошелъ 15-го утромъ, помѣстился въ замкѣ, гдѣ немедленно легко позавтракалъ, приказавъ, чтобы къ тремъ часамъ по полудни ему приготовили обѣдъ, «ибо онъ хочетъ поѣсть плотно (ordentlich)». Но обѣдать царь въ замокъ не явился, а осмотрѣвъ свои галеры, прямо съ перевозной пристани

пошелъ въ ближайшій городской трактиръ, сѣлъ въ общую комнату, гдѣ обыкновенно собираются посѣтители, и приказалъ поставить у дверей караулъ, чтобы никого къ нему не впускали, кромѣ его собственныхъ людей и тѣхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ имѣть съ галеръ; онъ велѣлъ принести себѣ сюда то кушанье, которое было для него приготовлено въ замкѣ, затѣмъ, поздно вечеромъ, отправился на свою галеру, не сказавъ, будетъ ли онъ обратно въ замокъ или нѣтъ.

Оказалось, что царь въ ту же ночь отплылъ къ Вординборгу.

Изъ послѣднихъ четырехъ томовъ «Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества» слѣдуетъ отмѣтить томъ LXXXVI, заключающій въ себѣ продолженіе дипломатической переписки, сообщенной обществу изъ Парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Томъ этотъ начинается перепискою графа Остермана съ кардиналомъ Флери, съ апрѣля 1738 года. Возникла переписка эта вслѣдствіе того, что, послѣ длившихся уже нѣсколько лѣтъ недоразумѣній между Россіей и Франціей изъ-за польскихъ дѣлъ, снова явилась погрѣбность въ

сближеніи между этими державами. Россія вела въ то время извурительную войну съ турками, и побѣды доставались ей не легко: союзники-имперцы скорѣе тормозили дѣло, чѣмъ оказывали содѣйствіе, затѣмъ, по дальности разстоянія, происходили постоянныя затрудненія въ доставкѣ провіанта, и, наконецъ, чума, ежегодно посѣщавшая Турцію, мѣшала удержанію завоеванныхъ областей. Попытки къ заключенію мира съ Портою на Немировскомъ конгрессѣ, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, окончились неудачей: враждующія стороны питали еще надежды на побѣду и оказались слишкомъ мало склонными къ уступкамъ. Но вскорѣ Россія, какъ и имперія Герmano-Римская, не прочь была прибѣгнуть, наконецъ, къ посредничеству Франціи, чтобы прекратить бесполезную трату силъ. Вопросъ о посредничествѣ и составляетъ главнымъ образомъ предметъ переписки между графомъ Остерманомъ и кардиналомъ Флери.

При содѣйствіи французской дипломатіи дѣланы были попытки къ заключенію сепаратнаго мира между Турціей и Герmano-Римской имперіей, породившія недоразумѣнія между этой державой и Россіей. 28-го іюля 1739 г. турецкая армія одержала надъ австрійскими войсками при Крочкѣ рѣшительную побѣду. Турецкое войско осадило Бѣлградъ, и немедленно имперскій дворъ открылъ переговоры о мирѣ, кончившіеся заключеніемъ, при посредствѣ Франціи, 18-го сентября 1739 года, Бѣлградскаго мира, по которому Россія сохранила за собою лишь одинъ Азовъ, съ обязательствомъ, вдобавокъ, срыть его укрѣпленія. Въ виду возстановленія, такимъ образомъ, согласія между Россіей и Франціей, рѣшено отправить пословъ къ обоимъ дворамъ. Русскій дворъ назначилъ скоро во Францію князя Антіоха Кантемира, а французскій— первоначально остановилъ свой выборъ на графѣ Вогренанѣ. Однако, этого дипломата устрашили, повидимому, слухи о неудобствѣхъ жизненной обстановки, ожидающихъ его въ Россіи, и онъ отклонилъ отъ себя предложенное назначеніе. Тогда французское правительство рѣшило отправить въ Россію 34-хъ-лѣтняго маркиза де-ла-Шетарди, успѣшно исполнявшаго предъ тѣмъ свою дипломатическую миссію въ Берлинѣ, по поводу оказанія содѣйствія королю Станиславу Лещинскому. Дипломатическая переписка маркиза де-ла-Шетарди съ королемъ и министерствомъ и составляетъ затѣмъ, главнымъ образомъ, содержаніе издаваемого тома. Въ сочиненіи Вандаля (Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 115 и сл.) дана вѣрная характеристика этого дипломата:

Шетарди представляетъ намъ,—говоритъ Вандаль,—въ преувеличенномъ видѣ главныя черты свѣтскаго француза XVIII вѣка. То офицеръ, то дипломатъ, а прежде всего придворный,—онъ обращалъ на себя вниманіе вездѣ, гдѣ ни появлялся. Страстно любящій общество, гдѣ, благодаря своей изысканности и галантности, онъ имѣлъ большой успѣхъ и наживалъ столько же

друзей, какъ и враговъ, привлекая однихъ своей любезностью и личнымъ обаяніемъ и воостановляя противъ себя другихъ своимъ подвижнымъ и вспыльчивымъ нравомъ. Одаренный быстрой и развитой сообразительностью и живымъ умомъ, а съ другой стороны легкомысленный, отважный, увѣренный въ себя и безразсудно пылкой, онъ жертвовалъ всѣмъ ради желанія блистать, играть какую-нибудь видную роль; отваживался на самыя смѣлыя предпріятія, не предусматривая ихъ исхода, и лишался, благодаря своему легкомыслію, плодовъ, приобретенныхъ его искуснымъ веденіемъ дѣла. Выѣхавъ съ тѣмъ, высокомерный, ревливо охраняющій достоинство своего званія, преданный своимъ привилегіямъ, въ качествѣ дворянина и посла, не уступавшій во всемъ, касающемся церемоніала, онъ обсуждалъ пустыя подробности весьма серьезно, а дѣла — иногда легкомысленно. Въ чемъ онъ выказалъ себя великимъ мастеромъ,—это въ искусствѣ сорить деньгами истинно по-барски. Уже съ самыхъ равныхъ лѣтъ онъ не имѣлъ недостатка въ примѣрахъ блестящаго мотовства. При тѣхъ дворахъ, гдѣ онъ являлся упономеннымъ лицомъ, онъ вызывалъ восторгъ великолѣпіемъ своего образа жизни; всѣ ставили въ примѣръ его экипажи, одежду, блескъ устраиваемыхъ имъ пріемовъ, ливреи слугъ. Онъ могъ бы давать иностранцамъ уроки чопорнаго этикета и утонченной элегантности, но, къ сожалѣнію, его полптика слишкомъ часто напоминала салонную интригу, и ему не разъ пришлось въ томъ раскисаться.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Шетарди, предписывается лишь собраніе свѣдѣній предварительныхъ, свѣдѣній о положеніи Россіи и партій при русскомъ дворѣ; при этомъ главное вниманіе онъ долженъ обращать на лицъ, державшихъ сторону великой княжны Елизаветы Петровны. Тутъ намѣчается планъ, приведенный впоследствии въ исполненіе: возвести эту великую княжну на престолъ при содѣйствіи Франціи и замѣнить такимъ образомъ, австрійское вліяніе на русскій дворъ французскимъ. Но за первый годъ своего пребыванія при русскомъ дворѣ маркизъ особыхъ успѣховъ не добился: мѣшала, съ одной стороны, скрытность придворныхъ кружковъ, а съ другой—недостаточность данныхъ ему полномочій.

Изъ сообщеній маркиза о внутренней жизни русскаго двора главный интересъ сосредоточивается на дѣлѣ кабинетъ-министра Волюнскаго. Изъ донесеній Шетарди оказывается, что русскимъ кабинетъ-министрамъ Волюнскій, еще со времени своего губернаторства въ Казани и Астрахани, былъ извѣстенъ, будто бы, за лихоимца и челоуѣка буйнаго нрава и, если его включили въ составъ кабинета, то единственно ради необходимости выставить Остерману энергичнаго и способнаго противника. Волюнскій дѣйствительно оказывалъ этому министру систематическую оппозицію и приобрѣлъ такое вліяніе, что, благодаря, будто бы, главнымъ образомъ, его инициативѣ, были казнены Долгоруковы, исконные враги Волюнскаго.

Онъ счумѣлъ было вмѣшаться въ это дѣло и Остермана, увѣряя, что послѣдній зналъ о завѣщаніи, составленномъ князьями Долгоруковыми, но утаилъ отъ правительства объ ихъ замыслѣ. Однако, Волюнскій зашелъ вскорѣ

слишкомъ далеко и посягнувъ на безконтрольную власть самого герцога курляндскаго. Онъ сталъ обвинять его въ преслѣдованіи личныхъ интересовъ, въ ущербъ государственнѣмъ, по поводу того, что Биронъ наставлялъ на удовлетвореніи Польши и возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ во время послѣднихъ военныхъ дѣйствій русскими войсками. Дѣйствительно, Бирону, какъ герцогу курляндскому, необходимо было ладить съ Польшею, и такое обвиненіе было для него весьма чувствительно. Кромѣ того, Волинскій, чрезъ свою родственницу, состоящую при Аннѣ Іоанновнѣ, княгиню А. А. Щербатову, увѣдомлялъ ее объ интригахъ, которыми она опутана, и о вредѣ для Россіи указовъ, предлагаемыхъ ей къ подписанію. Биронъ счѣмъ оправдаться отъ всѣхъ этихъ обвиненій и возбудить противъ Волинскаго дѣло, имѣвшее, какъ извѣстно, роковой конецъ для необузданнаго кабинетъ-министра.

Далѣе интересны сообщаемыя маркизомъ Шетарди обстоятельства, связанныя съ рожденіемъ великаго князя Іоанна Антоновича, который былъ признанъ наслѣдникомъ престола, лишивъ тѣмъ самымъ мать и отца всякаго значенія. Его берутъ отъ нихъ, передаютъ на попеченіе герцогинѣ курляндской, онъ не носитъ даже фамиліи своего отца.

Вскорѣ послѣ этого императрица занемогла: сначала подагра, затѣмъ каменная болѣзнь приковали ее къ одру, съ котораго она уже болѣе не встала. Малолѣтство наслѣдника престола угрожало смутами, тѣмъ болѣе, что пария, изъ страха смерти, не рѣшалась составить духовнаго завѣщанія. Тогда Биронъ рѣшился на весьма смѣлый шагъ,—онъ бросился на колѣни передъ умирающей царицей. напугавъ ее грозящей ей опасностью и добился своего: по кончинѣ государыни, императоромъ былъ объявленъ Іоаннъ Антоновичъ, а Биронъ — регентомъ.

«Кіевская Старина» остается вѣрной своей программѣ — добросовѣстно и тщательно разрабатываетъ мѣстный матеріалъ, касающійся южно-русской старины.

Изъ появившихся въ первыхъ ея четырехъ книжкахъ отмѣтимъ «Частную переписку Г. А. Полетики» и весьма обстоятельный историко-юридическій очеркъ г. А. Д—скаго «Система карательныхъ мѣръ въ Запорожьи». Знакомство съ правовыми воззрѣніями этой типичной, два съ лишнимъ столѣтія просуществовавшей общины представляетъ, помимо чисто юридическаго значенія, несомнѣнный историческій интересъ, такъ какъ наказанія, отражая въ себѣ до извѣстной степени эпоху и народныя правовоззрѣнія, восполняютъ общую картину исторической жизни давняго народа. Особенно богатаго матеріала въ рукахъ автора быть не могло,—писанныхъ законовъ въ Запорожьи не было, ихъ замѣнялъ обычай, «войсковой обычай».—тѣмъ не менѣе, автору съ достаточной полнотой удалось намѣтить главныя черты карательной дѣятельности въ Запорожьи и установить тѣ начала, которыми руководствовались запорожцы въ сферѣ отправления уголовного правосудія.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Покровскомъ-Филяхъ и старинныя вещи, въ ней хранящіяся.

Недалеко отъ Москвы, въ трехъ верстахъ за Дорогомиловскую заставу, по Можайскому шоссе, высятся красивая по своей архитектурѣ церковь,—это—историческое село Фили, столь памятное всякому русскому по 12 году. Въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года исполнилось ровно двѣсти лѣтъ существованію этой перкви. Считаемъ не лишнимъ рассказать вкратцѣ ея исторію. Построена она тщаніемъ и иждивеніемъ знаменитаго боярина Льва Кирилловича Нарышкина, роднаго дяди преобразователя Россіи — Петра Нарышкинская вотчина—Кунцево съ прилегающими къ нему селами — Фили, Троицкое, Мазилыво и др. въ то время была одною изъ лучшихъ подмосковныхъ мѣстностей. Цари русскіе и наслѣдники престола русскаго часто посѣщали ее и веселились здѣсь. Въ посмертномъ сочиненіи М. П. Погодина о первыхъ годахъ самодержавія Петра I (1689 — 1694) приводятся нѣсколько краткихъ выписокъ изъ дневника Петра Ивановича Гордона о посѣщеніи Петромъ села Покровскаго - Филей. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1690 г. 20-го февраля. Гордонъ провожалъ царя на Фили, обѣдалъ и ужиналъ тамъ у Льва Кирилловича Нарышкина и воротился домой въ третьемъ часу по утру. 12-го іюля. Праздникъ на именинахъ у князя Михаила Ивановича Лыкова; вечеромъ все общество отправилось ко Льву Кирилловичу Нарышкину. 21-го іюля. Царь пригласилъ Гордона въ Фили, гдѣ много веселились. Были и еще посѣщенія, но всѣ они носятъ одинаковый характеръ. Посѣщая своего дядю, Петръ не забывалъ и Покровскую церковь: часто бывалъ у службы и почти всегда становился на клиросъ и пѣлъ басомъ; оказывалъ онъ церкви и матеріальную поддержку: изъ дневника того же Гордона видно, что Петръ пожертвовалъ на

украшеніе главъ и крестовъ 400 червонцевъ. Въ позднѣйшее время Фили также не забывались царями. Въ 1763 году Фили посѣтила императрица Екатерина Вторая. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Забѣлинъ:

«Въ одинъ изъ случайныхъ прїѣздовъ въ Москву Двора, именно во время коронаціи императрицы Екатерины Второй, Покровское было осчастливлено посѣщеніемъ самодержицы лѣтомъ 1763 г. 7-го іюня.. Поѣздъ направился прежде въ село Покровское - Фили и встрѣченъ былъ при колокольномъ звонѣ священникомъ села съ крестомъ и всѣмъ причтомъ, при чемъ производилась пущечная пальба. Государыня, приложась къ животворящему кресту, изволила пройти въ церковь, гдѣ совершено было молебствіе, потомъ изволила вступить въ покои хозяина, шталмейстера Л. А. Нарышкина, гдѣ былъ приготовленъ роскошный столъ... По окончаніи обѣда, государыня гуляла въ саду и оттуда проходила смотрѣть яхту, которая до начатія еще російскаго флота была сдѣлана и хранилась въ нарочно устроенномъ мѣстѣ. Осмотрѣвши затѣмъ лагерь армейскихъ полковъ, вѣроятно стоявшій на мѣстѣ нынѣшней деревни Фили, поѣхала въ Кунцево, а оттуда возвратилась въ Москву» ¹⁾).

Своимъ посѣщеніемъ удостоилъ с. Покровское и императоръ Александръ Благословенный въ 1812 г. іюля 11-го. «1812 года іюля 11-го, подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государева, отправили двухъ гонцевъ въ село Перхушково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причтъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый діаконъ держалъ свѣчу. Поровнявшись съ причтомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возгласилъ: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» ²⁾).

Перейдемъ теперь къ описанію самаго храма.

Построеніе храма, по изслѣдованію извѣстнаго археолога И. М. Снегирева, совершенно было 200 лѣтъ тому назадъ, въ 1693 году. Стиль его — эпохи возрожденія. Вся орнаментовка какъ внутри, такъ и снаружи, поражаетъ своимъ богатствомъ, безъ нарушенія однако изящнаго вкуса и строгой гармоніи частей. Церковь двухъ-ярусная. Въ верхній ярусъ ведетъ особый входъ по широкой лѣстницѣ и окружающей храмъ галлерей. Прекрасно сохранился до настоящаго времени великолѣпный, исполненный въ стилѣ рококо, иконостасъ, достигающій своими восемью поясами самыхъ сводовъ храма и завершающійся Распятіемъ съ изображеніемъ Богоматери и св. Іоанна Божьего. Что же касается достопримѣчательностей храма, то прежде всего надо

¹⁾ „Кунцево и его окрестности“, стр. 205

²⁾ Ibid., стр. 263.

обратить вниманіе на храмовую икону въ верхнемъ храмѣ Спаса Нерукотвореннаго. Во время стрѣлецкихъ бунтовъ Левъ Кирилловичъ дважды избавился отъ грозившей ему опасности и неминуемой смерти. По всей вѣроятности, верхній храмъ и поставленная въ немъ комнатная икона Спасителя была обѣтнымъ приношеніемъ Богу за избавленіе отъ смерти. Такого же взгляда держится и мѣстная лѣтопись, которая гласитъ: «храмовая икона Спасителя, подобіе Нерукотворенной, особо чтима была храмоздателемъ, бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, братъ котораго Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ былъ убитъ въ стрѣлецкій бунтъ, а онъ, Левъ Кирилловичъ, спасенъ при упованіи его на милосердіе Спасителя и чествованіе Его Нерукотвореннаго образа, который образъ имъ же, Львомъ Кирилловичемъ, и пожертвованъ въ церковь». На образѣ греческая надпись «Τὸ μαντύλιον», а внизу стихи, написанные по-славянски:

«Исусе, Сыне живота Бога,
 Милосердія пучина премнога!
 Вѣмы, яко на Тя кто уповаеть.
 Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ
 Авгарь князь на Тя надежду имаше,
 Спихъ твоимъ зракомъ съ домоу спасенъ быше.
 И нынѣ зрицимъ, Христе, на образъ Твой,
 Въ молитвѣ приносящимъ къ Тебѣ гласъ свой,
 Лѣву, вѣрну рабу своему,
 Милость свою подаждь и дому всему,
 Немятежное даруй благоденство.
 По семъ въ небеси вѣчное блаженство».

Икона вышиною 8, шириною 7 вершковъ, украшена брильянтами, изумрудами, рубинами, алмазами и другими драгоценными камнями, въ золотой ризѣ, стариннаго греческаго письма.

Замѣчательны также въ верхней церкви и мѣстныя иконы: Успенія Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и Алексія челоуѣка Божія, св. апостоловъ Петра и Павла, св. мучениковъ Адриана и Наталіи, св. Льва, папы римскаго и св. мученицы Параскевы—соименныя семейству царя Алексѣя Михайловича и Нарышкиныхъ. Всѣ онѣ писаны знаменитымъ иконописцемъ XVII в. Карпомъ Золотаревымъ.

Кромѣ этого заслуживаютъ вниманія: а) три Евангелія изд. 1681, 1688 и 1689 гг. б) Старинный напрестольный крестъ, серебряный, вызолоченный, длиною 9 $\frac{1}{2}$ вершк., внутри коего дерево со святыми мощами разныхъ святыхъ. с) Аксамитныя старинныя ризы съ тремя такими же покровами для св. Даровъ. На покровахъ кресты крупнаго жемчуга. d) Два старинныя, серебряныя, вызолоченныя кадила. e) Полотенце, вышитое золотомъ и шелками царицею Натальею Кирилловною. Есть и еще въ этой церкви древности, которыя обращаютъ на себя вниманіе своей оригинальностью,—это старинныя стекла съ художественно исполненными на нихъ рисунками. Ихъ хранится

въ церковной ризницѣ 84. Было ихъ значительно больше. До 1812 года стекла эти были помѣщены въ оконницахъ верхней церкви. Въ этотъ годъ, когда церковь была занята французами ¹⁾, рамы были всѣ выбиты и только одна рама была найдена въ канавѣ, на мѣстѣ французскаго лагеря. Стекла изъ этой рамы и хранятся нынѣ въ церкви. Цвѣтъ ихъ зеленоватый; длина ихъ 3 вершка, ширина 2 вершка. Есть преданіе, о чемъ говорить и мѣстная церковная лѣтопись, что стекла эти вывезены Петромъ I-мъ изъ покоренной имъ Нарвы. Происхожденіе ихъ несомнѣнно изъ Прибалтійскаго края, ибо, какъ увидимъ далѣе, на нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы гербы прибалтійскихъ дворянъ, и даты указываютъ на петровское время. Всѣхъ стеколъ съ гербами 25 штукъ. Всѣ они имѣютъ подѣ гербомъ подпись на нѣмецкомъ языкѣ латинскими буквами. Вотъ ихъ подробное описаніе:

1) Вверху герба нарисованъ орелъ; въ срединѣ—справа изображеніе польскаго орла, слѣва къ этому изображенію примыкаютъ три усѣченныхъ конуса, положенные горизонтально одинъ на другой. Внизу, подѣ гербомъ подпись: H. Hinrich Piepper Konige Stadthalter in Narua. Года не обозначено.

2) Гербъ, вверху котораго подобіе лиры, безъ струнъ; среди герба нарисована птица, сидящая на вѣтви. Внизу подписано: H. Johann Lahrson Mether. Года также нѣтъ.

3) Вверху герба нарисованъ человекъ въ средневѣковомъ одѣяніи, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ обнаженную саблю. Въ срединѣ герба нарисовано дерево, стоящее въ водѣ: подѣ деревомъ плаваютъ два лебедя, вверху вьются птицы. Внизу подпись: Johann Wöckman. Anno 1691.

4) Вверху рыцарь въ полномъ вооруженіи; въ лѣвой рукѣ его обнаженная сабля; въ срединѣ герба на лентѣ, положенной съ угла на уголь, нарисованы три крупныя звѣзды, а подѣ ними подписано: Carel Molm Fenderich. Года нѣтъ.

5) Вверху герба подобіе орла; среди герба нарисовано дерево, а внизу подпись: Oloff Jönson Seck. Anno 1691.

6) Вверху три розы, исходящія изъ бюста рыцаря, у котораго нѣтъ головы; по срединѣ герба изображено дерево съ листьями; внизу герба подпись: Eri-cus Alboyns. A. по 1692.

7) Вверху герба нарисованъ рыцарь; въ лѣвой рукѣ его жезлъ съ двумя змѣиными головами вверху; подѣ нимъ бюстъ рыцаря, на шеѣ котораго орденъ въ видѣ креста; по срединѣ герба положены крестомъ двѣ пушки; вокругъ нихъ ядра. Внизу герба подпись: Jonas Hallberg Stuck Inneker. Anno 1691. Первое слово подписи можно читать и «Johas» и «Jonas».

¹⁾ Вся священная утварь и прочее церковное имущество въ 1812 году спасены отъ неприятелей въ сѣверной главѣ церкви пробитіемъ во внутренность оной изъ входа на колокольню стѣны, которая, послѣ того какъ въ нее помѣстили вещи, снова была искусно задѣлана (церковная лѣтопись).

8) Вверху герба три розы; среди герба воловья голова; внизу подпись: Niclas Tiecker. Года нѣтъ.

9) Вверху герба грозды винограда; по срединѣ перекрещены двѣ косы; вверху и внизу, въ образуемыхъ ими углахъ, по звѣздѣ, а съ боковъ—маски, помѣщенные въ полумѣсяцахъ. Внизу герба подпись: Rudolpt Steffens. Даты нѣтъ.

10) Вверху герба рука, держащая кисть винограда; въ основаніи руки рыцарскій бюстъ, съ орденомъ на шеѣ. Въ срединѣ герба помѣщенъ орелъ, парящій среди многихъ звѣздъ. Внизу подписано: Fridrich Schwengel. Anno 1689.

11) Вверху герба рука съ крыльями, держащая плодъ съ цвѣтами; ниже сего рыцарскій бюстъ съ орденомъ на шеѣ; въ срединѣ изображена пантера, подъ ногами которой три рыбы, а внизу подпись: K. Barbara Möller. Года нѣтъ.

12) Вверху герба вѣтвь; по срединѣ двѣ перекрещенныя вѣтви, внизу подпись: Samuel Wichlerus. Anno 1691.

13) Вверху среди крыльевъ какой-то значекъ; въ срединѣ герба бѣгущая лисица, надъ нею три такихъ же значка, какъ и вверху; подъ гербомъ подпись: Christian Wolff. Anno 1688.

14) Вверху герба утка; въ срединѣ—семь крупныхъ звѣздъ; внизу подпись: Hinrich Johan Men Schier Leutenant. Года нѣтъ.

15) Одинъ изъ угловъ стекла отбитъ; вверху виднѣется, какъ будто, рука; въ срединѣ помѣщена рука съ дымящимся пистолетомъ; внизу подпись: Christopher Wilgelm Armfeld Fendrich. Anno 1689.

16) Вверху герба вѣеръ изъ павлиньихъ перьевъ; по срединѣ герба поставлено въ рядъ пять копій, остріями вверхъ, а внизу подпись: John Täylog. Anno 1687.

17) Вверху герба звѣзда, подъ нею бюстъ. По срединѣ лебедь, а внизу подпись: Nicolaus Witte. Anno 1688.

18) Вверху—бѣгущій конь; на срединѣ герба два перекрещенные трезубца, оперенные снизу; подъ ними подпись: Thomas Herbers. Года нѣтъ.

19) Вверху герба грозды; въ срединѣ левъ, держащій въ лапахъ молотъ, а внизу подпись: Christian Serlin. Anno 1691.

20) Вверху герба—нагой человѣкъ, въ вѣнкѣ на головѣ и держать въ рукѣ вѣтвь; въ срединѣ герба распустившійся цвѣтокъ; внизу подпись: Margareta Jacobi. Anno 1692.

21) Сохранилась только нижняя часть стекла; среди герба, какъ можно судить по остатку рисунка на стеклѣ поставлена монограмма изъ двухъ М, внизу подпись: Johan Hinrichson Kors Büessalter. Anno 1668; по бокамъ подписи по одному ангелу.

22) Сохранилась половина стекла; среди герба три крупныя звѣзды, а внизу подпись: Peter Rode. Anno 1688.

23) Сохранилась только часть стекла съ подписью: Nicolaus Kohl. Даты нѣтъ.

24) Сохранилась половина стекла; въ срединѣ герба дерево; подъ нимъ пирамида ядеръ, которая воспламеняетъ трезубцемъ челоуѣкъ въ костюмѣ XVII вѣка.

25) Верхняя часть герба отбита; въ срединѣ его яблочная вѣтвь съ плодами, внизу же подпись: Н. Johann Christoffer Schwart Bürgermeister. Года нѣтъ.

Остальныя стекла имѣютъ на себѣ изображенія библейскихъ событій, библейскихъ лицъ, ангеловъ, цвѣтовъ, вѣтвей и простыхъ узоровъ. На одномъ стеклѣ, напримѣръ, нарисованъ, Ной спящій въ виноградникѣ; на другомъ— исполнено въ нѣсколько красокъ жертвоприношеніе Исаака; на третьемъ— убійство Авеля Каиномъ, на четвертомъ— изображенъ Іоаннъ Креститель, въ видѣ мальчика, съ посохомъ-крестомъ въ рукахъ, и около него агнецъ; рисунокъ этотъ—въ нѣсколько красокъ; другой, точно такой же, рисунокъ исполненъ въ одну краску— черную. Также двойко исполнено изображеніе Христа, отрокомъ, съ благословляющей десницей и съ державой—въ шуйцѣ. Есть еще изображеніе Давида съ гуслими въ одной рукѣ и псалтирю— въ другой.

Стекла эти не обращали на себя вниманія. Только прошлый годъ, 10-го ноября, пріѣзжалъ къ мѣстному священнику баронъ Вольфъ, съ просьбою показать ему и, если можно, отдать эти стекла для Рижскаго музея. Баронъ засвидѣтельствовалъ, что изображенные гербы, дѣйствительно, гербы прибалтійскихъ владѣтельныхъ особъ и въ числѣ ихъ указалъ даже свой родовой гербъ, надпись котораго вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Священникъ отказался выдать стекло безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Послѣ этого, 26-го ноября, пріѣзжали къ священнику два лица, повѣренные барона Вольфа, съ письмомъ поручика конно-гвардіи А. Г. фонъ Бютинга, съ тою же самою просьбою. Подобныя заявленія и побудили насъ сдѣлать подробное описаніе стеколъ.

Н. М.

II.

Письмо декабриста Сергѣя Волконскаго—Е. Г. Чебаевскому.

Петровскъ, 4-го марта 1836 года.

Милостивый государь
Евгеній Гавриловичъ!

Посылаю вамъ твореніе, о которомъ я вамъ говорилъ. Прошу васъ принять оное въ память моего къ вамъ уваженія.

Въ теченіе вашей службы имѣя случаи обращать особенное вниманіе на бытъ ссыльныхъ, вы усматривали, по сроднымъ вамъ благороднымъ чувствамъ, необходимость приносить нѣкотораго рода облегченіе въ ихъ положеніи. Въ книгѣ сей вы найдете описаніе всѣхъ исправительныхъ тюремъ просвѣщеннаго міра и проектъ человѣка, посвятившаго свою жизнь на пользу ближняго. Изъ оной же усмотрите опыты, приведенные въ дѣйствіе для перерожденія часто закоснѣлаго преступника въ мирнаго и полезнаго гражданина. Всякій край имѣетъ свойственный ему характеръ политическаго и нравственнаго быта — трудно нашу Россію и въ особенности Сибирь подводить подъ общіе выводы— но вы, милостивый государь, при степени вашей образованности, усмотрите, что можно изъ испытанныхъ началъ примѣнить къ обстоятельствамъ и положенію здѣшняго края.

Благое дѣло имѣетъ всегда успѣхъ, иногда поздній, но неминуемый; повѣрьте, что я буду счастливъ, если книга сія будетъ найдена вами полезною въ примѣненіи и доставитъ случай напомнить иногда вамъ и искренно васъ уважающаго и готоваго къ услугамъ вашимъ

Сергѣя Волконскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 ГОДЪ

XXV НИВА XXV

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и преміями.

Гг. подписчики «Нивы» получаютъ въ теченіе 1894 г.:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключ. въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 книгъ соч. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

выходящ. въ началѣ кажд. мѣсяца, будутъ заключ. въ себѣ слѣд. соч. Ѳ. М. Достоевскаго:

КНИГА I. «Вѣднме люди», ром. «Двойникъ», петерб. поэма. КНИГА II. «Господинъ Прохарчинъ», разск. «Романъ въ девяти письмахъ», «Хозяйка», пов. «Ползуновъ», «Слабое сердце», пов. «Чужая жена», «Честн. воръ», «Елка и свадьба», п. КНИГА III. «Бѣдныя ночи», ром. «Неточка Незванова», «Маленькій герой», «На Европейскія событія 1854 г.», стих. «Дядюшкинъ сонъ», пов. КНИГА IV. «Село Степанчиково и его обитатели». I и II ч., изъ запис. неизв. КНИГА V. «Записки изъ мертваго дома», ром. въ 2 ч. «Скверный анекдотъ», разск. КНИГА VI. «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». «Записки изъ подполья», повѣсть. «Крокодилъ», пов. «Игроки», романъ. КНИГА VII. «Униженные и оскорбленные», ром. въ 4 ч., съ эпилог. КНИГА VIII. «Вѣчный мужъ», разск. КНИГА IX. «Преступленіе и наказаніе», ром. въ 6 ч. съ эпилог. Ч. I, II и III. КНИГА X. «Преступленіе и наказаніе», ром. Ч. IV, V и VI. КНИГА XI. «Идиотъ», ром. въ 4 ч. Ч. I и II. КНИГА XII. «Идиотъ», ром. Ч. III и IV.

При 1-й книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, грав. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальн. произв. Ѳ. М. Достоевскаго: «Бѣсы», «Подростокъ», «Дневникъ писателя» и «Братья Карамазовы», то мы нынѣ же приним. на себя обязательство дать ихъ, какъ бесплатн. прилож. при «Нивѣ» 1895 г., такъ что подписчики «Нивы» за 1894 и 1895 г. получ. бесплатн. «Полное собраніе сочиненій» М. Ѳ. Достоевскаго.

12 выпусковъ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ срединѣ каждого мѣсяца, и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№. бесплатн. ежемѣсяч. прилож. «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ», содержащ. до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№. бесплатнаго ежемѣсяч. приложенія руководѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину.

2 ОФОРТА Проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) «Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ» и 2) «Лѣсная рѣчка».

2 КАРТИНЫ: 1) «Островъ Наргенъ», проф. Ю. Ю. Клевера, отпечатанныя 15 красками. 2) «Неро-Фюрдъ въ Норвегій», художн. Расмуссена, отп. 18 краск.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1894 годъ, печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложениями:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ. — 5 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ. — 6 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) — 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — 7 р. За границу — 10 р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6.

X годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ.

X годъ
изданія.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №.№. и 12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книгъ.

Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стр., или
отдѣльный романъ или законченный сборникъ рассказовъ, стихотвореній и проч.

НАСТУПАЮЩИМЪ 1894 годомъ ЗАКОНЧИТСЯ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ со дня выхода 1-го № журн. «Вокругъ Свѣта». Настоящій **ЮБИЛЕЙНЫМЪ**,
годъ будетъ для журнала

а потому редакция и издатель намѣрены употребить всѣ силы для того, чтобы
журналъ въ этомъ году превзошелъ, такъ сказать, самъ себя.—Въ концѣ года
будетъ выданъ подписчикамъ увеличенный

ЮБИЛЕЙНЫЙ НУМЕРЪ.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ двухъ печатныхъ листовъ, со мно-
жествомъ отдѣльн. рисунковъ (въ годъ болѣе 2.000 столб. текста и до 400 рисунк.)

Въ журналъ по прежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н.
Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Карзининъ, С. П. Мечъ, Н. П. Бого-
любовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ и мн. друг.—
Иностранная литература путешествій и приключеній; между прочимъ, будутъ помѣ-
щены: новый романъ Жюль Верна, съ рисунк. Беннета; романъ новогреч. писателя
Димитрія Бикеласа съ рисунк. Ралли; ром. Л. Жаколио (прод. ром. „На океанѣ“);
новѣйшій романъ Андра Лори; очень оригинальный романъ военного характера, на-
писаннаго капитаномъ Данри и, кромѣ того, повѣсти, рассказы и очерки Стивен-
сона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Брауна, Каниве и друг.

НЕ ВЪ ПРИМѢРЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ ГОДАМЪ РЕДАКЦІЯ

въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

БЕЗУСЛОВНО-ОРИГИНАЛЬНУЮ, ХУДОЖЕСТВ. ПРЕМІЮ

6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)

съ акварелей Н. Н. Карзинина.

Эти картины, размѣръ каждой 6½×13 вершк., сдѣланы художн. по специальному
заказу редакціи и изображаютъ собою въ лицахъ и аксессуарахъ природу и людей
всего земнаго шара: Европы, Азіи, Африки, Америки, и Австраліи и отдѣльно Россіи.

Оригинальность замысла и художеств. исполненія позволятъ занять вашей преміи
исключительное положеніе среди всѣхъ друг., предлагаемыхъ друг. журн., премій.

Подписная цѣна на журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ съ доставкой и пересыл-
кой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

На годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

при подпискѣ 2 рубля, 1 апрѣля и 1 іюля по 1 рублю.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Валовая ул., д. Сытина.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ Москвы, С-Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Годъ 4-й.

Открыта подписка на 1894 г.

4 р. за 12 книгъ
со всѣми прилож.

на ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

выходить каждое 1-е число, — въ каждой книгѣ не менѣе 400 страницъ большаго формата.

Въ программу изданія входятъ: Романы. Повѣсти и рассказы. Драматическія произведенія. Историческій отдѣлъ. Мысли знаменитыхъ людей.

Въ 1894 году «ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться въ объемѣ предыдущихъ трехъ лѣтъ.

Годовые подписчики и по разсрочкѣ изъ казенныхъ и частныхъ учреждений, за ручательств. гг. казначеевъ, при январьской книгѣ 1894 года получаютъ бесплатное приложеніе отдѣльн. изданіе «Двадцатый вѣкъ» (Электрическая жизнь), со множествомъ иллюстрацій Роббиды.

Полугодовые подписчики получаютъ означенное приложеніе лишь при возобнов. подписки на второе полугодіе 1894 г.

Подписная цѣна на 1894 годъ прежняя:

съ доставкою и пересылкою 4 рубля, безъ доставки и пересылки 3 руб. 50 коп.

Пробные №№ высылаются за 50 коп. марками.

Гг. служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежден. пользуются разсрочкою, за поручительствомъ гг. казначеевъ или завѣдующихъ подпискою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи «Вѣстника Иностранной Литературы», Гостин. дв., Зеркальн. лин., № 63, Магаз. П. О. Пантелеева (прот. Пажеск. Корп.); въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровск. лин. и въ книжн. магазинѣ «Новаго Времени» а гг. и н о г о р о д н и е благов. адресоваться въ редакцію журнала, С.-Петербургъ, Верейская улица, соб. домъ № 16.

Подписка на 1893 годъ продолжается по той же цѣнѣ.

Многимъ изъ нашихъ гг. подписчик. неизвѣстно, что за пересылку періодич. изд. существ. Высочайше утвержден. такса, значительно пониженная противъ почт. таксы на перес. книгъ и друг. вещей, посылк. или бандер., на основаніи которой за пересылку нашего журнала во всѣ мѣста Россіи взимается 10% съ подписн. дѣны, что состав. 40 к. за 12 кн. «Вѣстника», но право это дается всѣмъ редак. только на срокъ съ 1 янв. по 31 дек. кажд. текущ. года, и съ наступл. 1 янв. нов. года за перес. книгъ предъид. года, а также и прежи. лѣтъ, взим. уже не 10% съ под. цѣны, а по вѣсу и разстоян. По такому разсч. за перес. 12 кн. «В. И. Л.» приход. плат. при разст. отъ Петерб. до 500 вер. — 1 р., отъ 501 до 1000 в. — 2 р., а свыше 1000 в. — 3 р., что и вынудило контору редак. назнач. за перес. «Вѣстника» 1891 и 1892 гг., при разстоян. отъ СПб. свыше 500 в. особую плату, но такъ какъ такое же обстоят. повтор. и въ будущ. 1894 г. для книгъ за 1893 г., то въ интересахъ гг. подписч., желающ. получ. журн. за 1893 г. за 4 р., рекомен. имъ своевр. озаботиться подпискою, чтобы мы имѣли возможность выслать книги за 1893 г. до наступленія 1 янв. 1894 г.

Кромѣ того, можно приобрѣтать безъ достав. и перес.: въ конторѣ журн., СПб., Гостин. дв., магазинъ П. О. Пантелеева, № 63, — за 3 р. 50 к.; въ МОСКВѢ, въ конторѣ Печковской и въ книжныхъ магазин. «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Карбасникова — въ Москвѣ и Варшавѣ, М. О. Шаха — въ Кишиневѣ и М. И. Николадзе — въ Батумѣ за 4 руб. каждый годовою комплектъ.

Редакторъ **Ө. И. БУЛГАКОВЪ.**

Издатель **Г. Ф. ПАНТЕЛЕЕВЪ.**

*

ГОДЪ X.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ГОДЪ X.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1894 годъ.

Въ 1894 г. «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ *три раза въ недѣлю*: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по вторникамъ и субботамъ, **ПРИБАВЛЕНІЯ**, за исключеніемъ двѣхъ послѣднихъ.

Въ прибавленіяхъ периодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотого промысла; свѣдѣнія о приискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кроме того тутъ же помѣщаются торговныя свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А :

Годъ — 9 р., полгода — 5 р., 3 мѣс. — 3 р., 1 мѣс. — 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ **ТОМСКѢ**: въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Редакторъ-Издатель В. П. КАРТАМЫШЕВЪ.

Открыта подписка на 1894 годъ на ежедневную политическую, общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылк. въ другіе города
на годъ — 7 рублей.

Подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою по 1 р. въ мѣсяцъ до уплаты всей суммы.

Для ознакомленія — №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чис. мѣсяца. За перемѣну адреса съ иногородн. 25 к., обязательно сообщать прежній адресъ.

Плата за объявленія: за строку петита, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, въ 1-й разъ 10 к., а въ слѣдующіе разы 5 к. На 1-й страницѣ вдвое дороже. За 20 до 100 разъ, уступка отъ 10% до 40%. За объявл. судьбы, пристав. о публичн. продаж. по 1 руб. 50 к. за одинъ разъ. За адресн., въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты — 10 р. въ годъ — за 150 разъ, 6 р. — за 75, 4 р. — за 38, и 2 р. за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отд. объявл. и пр. 5 р. съ 1000 экз. или 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и приемъ объявленій въ Орлѣ: въ отдѣлен. конторы при книжн. магаз. Болховская, д. Толстопятова. Въ книжн. магаз. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ Ельцѣ: исключительно у В. Е. Роцукина, на Торговой, контора «Надежды». Въ Брянскѣ: въ библиот. М. И. Юдина. Въ Ливнахъ въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1894 годъ
на ежемѣсячный литературный и научный журналъ
РУССКОЕ БОГАТСТВО,
Издаваемый Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ.

Въ 1894 г. будетъ выходить въ объемѣ книжекъ 1893 г. при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ 1893 г., между прочимъ напечатано: Деревескій эскизъ. Ив. Бунина. По спос. Коха. Очеркъ Т. Барвенковой. Въ избѣ. Разск. Ю. Безродной. Гимназ. Изъ семейн. хрон. Н. Гарина. Мечтат. Н. Н. Златовратскаго. Грѣхъ. Ром. П. В. Засодимскаго. Дѣти полка. С. В. Иллча. Годы. г. В. Г. Короленка. Въ поты. Пов. А. Куприна. Дама. Разск. И. Котлова. Дѣтск. тѣни. Очерки. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Карт. париж. жизни. М. Прокофьевой. Подкид. (Прѣск.). Гл. Успенскаго. Недораз. въ жизни. Разск. Густава-аф-Гейерстама. Избир. Разск. Н. Корнической. Дверь изъ слон. кости. Ром. Уальтера Бесанта. Мои воспом. Д. Т. Глѣдина. Некрас. и Салтык. Изъ посмертн. бум. Г. З. Елисеева. Изъ литературы. воспомин. Э. Гренье. Соврем. Европейск. биржа. Б. Ф. Брандта. Крит. народничества. В. В. Полноправ. сельск. общ. и безправн. сел. Н. Дружинина. Пьянство и борьба съ нимъ въ стар. Россіи. Историч. очерки Н. П. Загоскина. Народно-хозяйств. набр. Н. А. Карышева. Крестьян. хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ. М. М. Ковалевскаго. 1) Культурные скиты. 2) Культ. одиночки въ дер. С. Н. Кривенко. Даніэль Дефо, какъ человекъ, писат. и обществ. дѣятель. В. В. Лесевича. 1) О дневи. Башкирц. 2) Русск. отраж. француз. символизма. 3) Литер и жизнь. Н. К. Михайловскаго. Г. Сементк. о русск. общ. Н. В. М. О сѣверн. дѣл. и дѣлши. Н. В. Максимова. Француз. снѣжик. А. Мурашкинцев. Агроном. противн. общины. Д. Протополова. Изъяны творч. П. П. Перцова. Очерки изъ ист. быта работ. на сибирск. золот. промыс. В. И. Семевского. 1) Въ дѣбряхъ метаф. 2) Ребѣч. идеал. (Cogitata metaphysica Г. Волинскаго). М. М. Филиппова. 1) На Адам. верш. 2) Въ тропич. пустынь. 3) Въ странѣ хун-хузовъ и туман. 4) Мимоход. въ Японіи. Путев. впечат. С. Н. Южакова. О пьянствѣ дѣтей и о вліаніи вина на дѣтскій организмъ. В. Якубовича. Какъ не слѣдъ обработыв. статистич. матер. В. Г. Яродскаго. Міръ невид. борьбы. Біологич. очеркъ П. Крылова. Біологич. очерки: Живое ожд. и паразит. В. А. Фаусека. Въ прилож.: Измѣненія личи. А. Бинэ. (Перев. подъ ред. д-ра Б. В. Томашевскаго). Хроника внутрен. жизни. Хроника заграничной жизни. Новыя книги.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставк. и перес. 9 рублей. безъ доставк. 8 руб., за границу 12 руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается разсрочка: для ивгородн. и городск. подписчик. съ доставкой—при поди. 3 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при поди. 3 р. къ 1-му апр. 3 р. и 1 іюля 3 р.; для городск. подинсч. безъ дост. по 1 р. въ мѣс. до 1-го сент. — Книжн. магаз., доставл. подинску, могутъ удерж. за комиссію и перес. денегъ 40 к. съ кажд. годов. экземпляра. — Разсрочекъ подинсвой платы, при подинскѣ чрезъ книжн. магаз., не допускается.

Адресъ: *С.-Петербургъ, Литейный пр., 46.*

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

Годъ изданія 82-й. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** — 1894.
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
 (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЬ въ форматъ **БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ**

Съ ежемѣсячн., еженедѣльн. приложениями и книжками

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ

Въ ежеднев. нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, дух. и воен. сферахъ, а также важныя новости дня столичной, внутр. и иностран. жизни, по свѣдѣніямъ спеціал. корреспонд. газеты и телеграммамъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» въ первомъ изданіи вполне замѣняетъ собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневн. номеровъ, подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**:

- 1) 52 номера **ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ еженедѣл. иллюстриров. журнала.
- 2) книжки «Романы и повѣсти». Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ.
- 3) 12 номеровъ «Моды и Рукодѣлія», замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ».
- 4) стѣнной календарь (съ картою Россіи), отпечат. въ ТРИ краски и проч.

Подписная цѣна на **ПЕРВОЕ** изданіе (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 8 р. || На полгода 4 р. 50 к. || На три мѣс. 2 р. 50 к. || На одинъ мѣс. 1 р.
 Гг. **ГОДОВЫЕ** подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художеств. изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома: безъ дост. 75 к., съ дост. **ОДИНЪ** рубль.

- 1) **ВОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА.**

Бурлаки на Волгѣ

(Размѣръ картины безъ поля: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича.

- 2) **НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ «ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ».**

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушиной и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, не имѣющихъ возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостиницъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамкѣ.

- 3) **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

Русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III, 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Феодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Востъ почившій), 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ, 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь.

8) Тургеневъ, 9) Достоевскій, 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ **ТРИ** руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы СПБ., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе высмывается по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Годъ изданія 59-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1894.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НУМЕРА, ВЫХОДЯЩИХЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, ВЪ 3—4 ЛИСТА БОЛЬШОГО ФОРМАТА, НА ТОНОВОЙ БУМАГѢ, СЪ 7—10 РИС. АЛЬБОМН. РАЗМѢРА.

Кромѣ того при нумерахъ журнала выдается **везплатно 160 приложеній**: 12 **НИМГЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Книжки выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 15—20 листовъ.—40 **НУМЕРОВЪ** „Иллюстрированныя романы и повѣсти.“—24 **НУМЕРА** „Парижскихъ модъ“ съ рисунк.,—12 **НУМЕРОВЪ** „Образцовъ дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—12 **ВЫРОЕКЪ** въ натуральную величину.—12 „**НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ**“ для фортепiano и гѣбнія.—5 **НУМЕРОВЪ** „Образцовъ для выпиливанія“ (новѢйшихъ рисунковъ).—**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ.

20 **НУМЕРОВЪ** „Жизнь и хозяйство“ и 20 **НУМЕРОВЪ** „Забавы для юношества“ (съ рис.) Въ числѣ ежемѣсячн. литерат. прил. въ 1894 г. будетъ, выдано ДВА нов. изданія:

1) Полное иллюстрированное собраніе сочиненій **ЛОРДА БАЙРОНА**.

2) Полное иллюстрир. собраніе разсказовъ Шехерезады **ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ**. Предлагаемая два новыя большія и цѣнные иллюстриров. изданія будутъ выданы полностью въ теченіе одного подписнаго года, несмотря на то, что стоимость этихъ изданій въ отдѣльной продажѣ превышаетъ втрое подписную цѣну нашего журнала

ДВА ПРЕМІИ ВЕЗПЛАТНО.

Годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подп. сумму, получаютъ одновременно двѣ бол. прозрачныя картины для украшенія оконъ, замѣняющія живопись на стеклѣ

1) «**ПѢСНЯ ЛЮБВИ**» и 2) «**РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ**».

Новыя картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ бесплатной преміи, годовые подписчики въ 1894 г. могутъ получить слѣдующія **НОВЫЯ** художественныя произведенія:

- 1) Большую акварель съ картины проф. И. Е. Рѣпина: „**Бурлаки на Волгѣ**“ (22×14 в.). Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, составляющимъ собственность Е. И. В. Вел. Князя Владиміра Александровича.
- 2) Новый альбомъ большихъ акварелей, художественно воспроизведенныхъ съ картинъ „**ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА** и **АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ**“. Въ коллекцію альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Млевера, Грузинскаго, Муравлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Красушкиной и др.
- 3) Художественная новостъ **МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ** русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ. (Величина бюстовъ: выс. 12—13 д., шир. 7—8 д.). Первую серію составляютъ: 1) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ III**. 2) Его И. В. Гос. Имп. **МАРІЯ ФЕОДОРОВНА**. 3) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ II** (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. **ЮАННЪ СЕРГѢЕВЪ** (Крившадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна за бюстъ изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ 3 р. (безъ пересылки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкою по Имперіи 8 р. Безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к.

1) Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ бесплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 коп. Съ доставкой одинъ рубль.

2) Подписавшіеся одновременно на журналъ „**Живописное Обозрѣніе**“ и газету „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“ (первое изд.) съ доставк. и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, получаютъ, на выборъ, картину или альбомъ **везплатно**. Подробное иллюстрир. объявленіе объ изданіяхъ высылается по требованію **безплатно**.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Спб. Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68 —40.

ВЫШЕЛЪ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ
73-й ВЫПУСКЪ
 (НА СОСЫ - НЕРСЕСОВЪ)
НАСТОЛЬНАГО
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Изд. съ 44-го выпуска т-ва А. Гранатъ и К^о, бывшаго т-ва А. Гарбель и К^о.

Издание обнимаетъ всѣ отрасли знанія и стремится содѣйствовать самообразованію и болѣе широкому и всестороннему развитію. Отдѣлы русской исторіи и современной жизни, исторіи русской и всеобщей литературы, политической экономіи, дѣйствующаго законодательства, искусства, медицины и техники разрабатываются особенно подробно.

Все издание составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ по 13—14 вып. Вышло 72 вып. (5 томовъ и 2 вып. шестаго) до слова Насоновъ. Въ вышедшихъ выпускахъ помѣщено 59.508 статей и замѣтокъ, текстъ иллюстрированъ 1.090 портретами и рисунками, географическими картами, выполненными картографическимъ заведеніемъ Теодора Гофмана въ Герѣ, хромо- и олеографіями, выполненными библиографическимъ институтомъ Мейера въ Лейпцигѣ, и таблицами рисунковъ. Съ пятаго тома для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства прилагаются автотипическіе снимки съ картинъ классическихъ художниковъ; серія 1-я содержитъ копии съ картинъ Клода Лоррена, Леонардо да-Винчи, Мантенья, Микель-Анджело, Мурильо. Копіи фотографированы съ оригиналовъ Браунъ и К^о въ Дорнахѣ и Парижѣ, автотипія Ангерера и Гешеля въ Вѣнѣ, печать художественнаго и библиографическаго института Фр. Брукмана преемн. въ Мюнхенѣ. Всѣхъ серій будетъ 4.

Цѣна тому въ изданн. коленкоромъ переплетѣ на обыкновенной бумагѣ 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 6 р.; цѣна выпуску на обыкновенной бумагѣ 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к. За пересылку прилагивается 10 к. на каждый рубль стоимости. Учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Гг. слушающіе въ назенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятъ 3 р. 60 к. для экземпляра на обнн. бумагѣ и 4 р. 80 к. для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначея въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома изданія; затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно, въ теченіе 12 мѣсяцевъ, по 1 р. 20 к. для экз. на обнн. бумагѣ и по 1 р. 60 к. для экз. на лучшей бумагѣ. Расходы по пересылкѣ оплачиваются также мѣсячными взносами по 15 к. для экз. на обнн. бумагѣ и 20 к. для экз. на лучшей бумагѣ. На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 вып. съ наложеннымъ платежемъ въ 1 р. 50 к. для экз. на обнн. бумагѣ и въ 2 р. для экз. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ или 2) каждыя 2 или 3 мѣсяца—по переплеченному тому съ наложеннымъ платежемъ въ 4 р. 50 к. для экз. на обнн. бумагѣ и въ 6 р. для экз. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованіямъ бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій пер., № 8.

уканіи, объ островахъ Фалкландскихъ, Чилийскомъ архипелагѣ и друг., которые ему удалось извѣдать вдоль и поперекъ, изучивъ оригинальный складъ южно-американской жизни во всѣхъ ея подробностяхъ. Такимъ образомъ, г. Юнинъ является основательнымъ знатокомъ жизни полудикаго гаучо въ его пампѣ, и общественной жизни аристократіи Буэносъ-Айреса, и жизни дикихъ племенъ въ Парагваѣ,—знатокомъ и солиднымъ цѣнителемъ богатствъ пустыни, лѣсовъ и горъ. Такое основательное, непосредственное знакомство съ Южной Америкой придаетъ труду А. С. Юнина особенный интересъ записокъ очевидца,—человѣка образованнаго, одареннаго незаурядною наблюдательностью и обладающаго рѣдкимъ художественнымъ дарованіемъ, что особенно сказывается въ его картинахъ тропической природы, столь причудливой и разнообразной, какъ и жизнь ея обитателей.

Размѣры настоящей замѣтки не даютъ намъ возможности подробно познакомиться читателей съ содержаніемъ этихъ интересныхъ книгъ, которыя прочтутся съ одинаковымъ наслажденіемъ какъ взрослыми, такъ и юными читателями; поэтому ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя главы этого, по истинѣ, громаднаго труда: въ первомъ томѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе первая четыре главы, въ которыхъ авторъ описываетъ климатъ Бразиліи и условія для путешествій въ тропикахъ, способн передвиженія; рисуетъ, съ присущимъ ему мастерствомъ картины бразильской природы по берегу океана, болѣе подробно останавливается на описаніи пароходныхъ компаній.

Изъ послѣдующихъ главъ этого же тома наибольшаго вниманія заслуживаетъ глава XVIII-я, посвящая заглавіе: „Пампа.—Республика Уругвай“. Описывая жизнь и значеніе города Баже, стоящаго на верховьяхъ Рио-Негро, авторъ мысленно переносится въ нашу Малороссію, сравниваетъ „родную степь“ съ пампою и находитъ между ними немало сходства: „только вмѣсто родной рябины,—говоритъ онъ,—выскакиваетъ изъ-за крыши дома тамъ и сямъ невысокая пальма и вмѣсто бѣлесоватой березы около крыльца, или на углу дома,—вытягивается тоже бѣлесоватый и плоскій „эвкалиптусъ“, вмѣсто воровъ—тяжелыя урубы (urubu), но эти подробности не мѣшаютъ общему впечатлѣнію“ (стр. 191-я). Въ этой же главѣ сообщаются нелішніе интереса подробности о почтовыхъ станціяхъ, ихъ содержателяхъ и экипажахъ. Оказывается, что въ пампѣ ѣздить не такъ, какъ у насъ: „вокругъ дышла маленькаго экипажа,—замѣчаетъ авторъ,—сгруппированъ былъ цѣлый табунъ лошадей. Въ первомъ ряду пять, впереди, на длинныхъ постромкахъ три, а еще впереди на веревкѣ, метровъ въ 6 или 8, еще одна“...

„Саади экипажа были три лошади на привязи“ (стр. 197-я).

Во второмъ томѣ прежде всего отмѣтимъ главу V-ю—„Историческій очеркъ Уругвайской республики, социальная и политическая жизнь“. Странно сказать, но и въ Новомъ Свѣтѣ,—по словамъ г. Юнина,—существовалъ пресловутый „восточный вопросъ“. „Вмѣшательство Англіи въ самомъ дѣлѣ помирило враговъ на основаніи обоюдныхъ уступокъ, которыя состояли главнымъ образомъ въ томъ, что банда Ориенталь объявлялась независимой республикою какъ отъ Бразиліи, такъ и отъ Аргентинскаго правительства. Ей предоставлялось дать себѣ свою собственную конституцію, но подъ наблюденіемъ комиссаровъ обоихъ сосѣднихъ государствъ, которыя также выговаривали себѣ и право вмѣшательства силою въ дѣла новой республики, всякій разъ, какъ законное правительство ея находилось бы въ опасности“.

„Ну, не восточный ли это вопросъ въ Южной Америкѣ?“

Высказывать столь мѣткія сужденія и подмѣчать своеобразныя стороны мѣстной жизни можетъ только истинно-галагантливый наблюдатель, какимъ, повторяемъ, безспорно является А. С. Юнинъ.

Путешествіе въ Парагвай (XX и XXI главы) даетъ намъ образчикъ того, какъ легко и просто, и съ какимъ одушевленіемъ авторъ рисуетъ картины природы.

Изъ третьяго тома, по объему почти равнаго первымъ двумъ, взятимъ вмѣстѣ, укажемъ на IV-ю главу: „Западная половина Магелланова пролива.—Природа и ея особенности.—Снѣгъ и ледъ, вѣтры и дожди... Gletcher-bay“ и т. д. Не только яркія, художественныя картины природы составляютъ крупный талантъ г. Юнина; съ одинаковымъ мастерствомъ онъ описываетъ, напримѣръ, въ XI главѣ, соборъ „La Compañia“, въ которомъ автору пришлось быть на Страстной недѣлѣ, южную чилийскую желѣзную дорогу (XXI гл.), поѣздку въ Арауканію (XXV и XXVI гл.), пароходъ „Лаха“ (XXXI гл.), добычу селитры и серебра (XXXIII гл.).

Въ заключеніи своего обширнаго, въ высшей степени разнообразнаго, по своему содержанію, труда, г. Юнинъ общается, со временемъ, взглянуть въ „непоachedу еще Америку, въ ея глушь, въ ея дебри и трудности, въ ея ледяныя возвышенности, въ ея дѣвственные, горячіе лѣса, въ тѣ страны, которыя составляютъ еще загадку для человѣка, объ которыхъ онъ еще только мечтаетъ и на которыя онъ не смѣетъ еще посягнуть съ такою самоувѣренностью, какъ въ пампѣ или по берегамъ Чили“.

Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія новыхъ интереснѣхъ описаній высокородовитаго автора.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Поли-
 цейскаго моста, книжный магазинъ **А. Э. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій
 Мелье и К^о). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магази-
 нахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамон-
 това** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
 магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный
 дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
 (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
 въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
 рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
 имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
 біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
 ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
 ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
 автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
 зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и пре-
 данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
 ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1870 г.,	третье изд. (4 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (23 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (21 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (33 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (3 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIV-й.

ДЕКАБРЬ.

1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Морская язва. В. А. Бильбасова.— Указы и рескрипты императрицы Екатерины II. Сообщилъ И. Н. Толстой.....	449—464	Александръ. Н. К. Шильдера.....	615—628
II. Чилли и Масса, современники Лжедмитрія. (Критическій этюдъ). Павла Пирлинга.....	465—486	X. А. П. Ермоловъ въ ополченіи. Сообщилъ М. М. Поповъ.....	629—638
III. Коронація императрицы Екатерины Второй. А. Н. Труворова.....	487—496	XI. Матеріалы и замѣтки. I. Три афиши. Сообщилъ баронъ Н. В. Дризенъ.— II. Воспоминанія муромца объ оборонѣ Севастополя. Сообщилъ А. В. Стабровскій.— III. Письмо императрицы Екатерины II къ Тихону, епископу воронежскому.— IV. «Жиль-Блазъ 2-го декабря».— V. Другой Жиль-Блазъ— болѣе близкій къ герою Лесажа. Сообщилъ Н. И. Барсовъ.— VI. Государево «слово и дѣло» и кадетъ Земцовъ. Сообщ. В. Мустафинъ.— VII. Ахалцхской памятникъ. Сообщилъ Н. Л. Ширяевъ.....	634—646
IV. Отъ Смоленска до пріѣзда Кутузова въ армию. II—III. А. Н. Попова. Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.....	497—527	XII. Обзорніе историческихъ журналовъ.....	647—664
V. Москва при смерти тишайшаго государя. (Выдержки изъ записокъ иностранца—современника). Сообщилъ А. М. Л.....	528—538	XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VI. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. XVI—XVIII.....	539—568		
VII. Павелъ Михайловичъ Третьяковъ и его картинная галлея. В. В. Стасова.....	569—608		
VIII. Письмо севастопольца. Сообщилъ Ал. С.....	609—614		
IX. Талейранъ и императоръ			

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ А. П. Ермолова. Грав. К. Адтъ. II. Указатель личныхъ именъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1893 г.

При сей книгѣ прилагаются слѣдующія объявленія журналовъ: „Новъ“, „Живописное Обзорніе“, „Недѣля“, Иллюстрированная бібліотека „Нивы“ за 1894 г., „Сѣверный Вѣстникъ“, „Петербургская жизнь“ (только для иногородныхъ) и газеты „Сынъ Отечества“.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1893.

XII-я книга „Русской Старинѣ“ вышла 1-го декабря 1893 г.

Digitized by Google

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая, съ азбучнымъ указателемъ, составленнымъ Владиміромъ Майковымъ, и съ снимкомъ кабинета М. П. Погодина. 603 стр. Спб. 1893 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ предисловіи къ этой книгѣ почтенный биографъ говоритъ: «Седьмою книгою завершается повѣсть о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина въ теченіе перваго, важнѣйшаго періода его жизни, до оставленія имъ кафедры Русской Исторіи въ Московскомъ университетѣ. Этотъ періодъ обнимаетъ время съ 11-го ноября 1800 по 31-е декабря 1844 года».

Начинаетъ свое изложеніе авторъ съ описанія путешествія М. П. Погодина въ чужіе края (I—XI гл.). Выѣхавъ изъ Москвы, Михаилъ Петровичъ останавливается въ Харьковѣ, гдѣ посѣщаетъ преосвященнаго Иннокентія, затѣмъ, чрезъ Полтаву, ѣдетъ въ Кіевъ, по дорогѣ затѣмъ въ имѣніе Гоголя Васильевку; въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ бесѣдуетъ о старомъ Московскомъ университетѣ. Въ Кіевѣ онъ осматриваетъ древнія святини: Десятинную церковь, Софійскій соборъ, Кіево-Печерскую и Почаевскую лавры; во Львовѣ бесѣдуетъ съ историкомъ Зубрицкимъ (по профессіи адвокатомъ) о древностяхъ края, причемъ получаетъ отъ него драгоценную рукопись начала XV вѣка на пергаментѣ и автографы Богдана Хмельницкаго, Палія, Петра Могила, Замойскаго и др. Съ своей стороны Зубрицкій проситъ Погодина прислать ему нашъ Сводъ Законовъ, необходимый для справокъ. Въ Прагѣ Погодинъ видится съ Ганкою, въ Маріенбадѣ живетъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ; изъ Маріенбада направляется въ Копенгагенъ, гдѣ знакомится съ извѣстнымъ знаткомъ сѣверныхъ древностей Магнусеномъ и съ секретаремъ общества сѣверныхъ антикваріевъ Рафномъ, подъ руководствомъ которыхъ ознакомляется съ мѣстными достопримѣчательностями. Послѣ Копенгагена онъ посѣщаетъ Геттингенъ, Ганноверъ, Дюссельдорфъ; въ Брюсселѣ бесѣдуетъ съ Лелеведемъ, въ Парижѣ видится съ Шатобрианомъ, встрѣчается въ церкви съ С. М. Соловьевымъ и Г. В. Варвинскимъ. Чрезъ Страсбургъ и Донаувертъ Погодинъ проѣзжаетъ въ Мюнхенъ, бесѣдуетъ тамъ съ профессорами Рауль-Рашегомъ, Тиршемъ и Схинасомъ; чрезъ Вѣну и Львовъ возвращается въ отечество и представляетъ С. С. Уварову донесеніе о своемъ путешествіи.

Возвратившись въ Москву, Погодинъ вступаетъ въ завѣдываніе редакціей „Москвитинина“. Въ это время (1843 г.) возгорѣлась полемика между этимъ журналомъ и „Отечественными Записками“, вслѣдствіе выходки Герцена, напечатавшаго въ „Оте-

чественныхъ Запискахъ“ пародію на произведеніе Погодина: „Изъ путевыхъ записокъ Вѣдрина“. Въ XIII-й главѣ упоминается о полемикѣ между Шевыревымъ и Галаховымъ по поводу вышедшей Хрестоматіи послѣдняго.

Въ XIV—XXIII главахъ говорится о запискахъ и славянофилахъ, ихъ спорахъ между собою и между представителями одной и той же партіи. 23-го ноября 1843 г. Т. Н. Грановскій началъ свои публичныя лекціи, и мы въ слѣдующихъ главахъ находимъ отзывы объ этихъ лекціяхъ Герцена, Хомякова, И. В. Кирѣевскаго, Погодина и Шевырева. Затѣмъ говорится о съѣздѣ въ Москву старшихъ сотрудниковъ „Московского Вѣстника“, о выходѣ „Молодика“ И. Е. Бецакаго, о появленіи П. А. Кулѣша на поприщѣ литературы.

Въ XXIV-й главѣ авторъ упоминаетъ объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину. Гоголь рекомендуетъ С. Т. Аксакову, Погодину, Шевыреву и Языкову, для успокоенія душевныхъ тревогъ, читать ежедневно Оуму Кемпійскаго. Огорченный до глубины души, Аксаковъ пишетъ Гоголю, между прочимъ, слѣдующее „мнѣ пятьдесятъ три года. Я тогда читалъ Оуму Кемпійскаго, когда вы еще не родились. И вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за чтеніе Оуми Кемпійскаго, нисколько не зная моихъ убѣжденій, да какъ еще? въ узаконенное время, послѣ кофею и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на урокъ... И смѣшно, и досадно“... Вскорѣ послѣ этой переписки Погодинъ и Бедкій причинили Гоголю неприятели помѣщеніемъ, безъ его разрѣшенія, его портретовъ въ „Москвитининѣ“ и „Молодикѣ“. Въ слѣдующей главѣ приводятся нѣкоторыя записки изъ „Дневника“ Погодина; говорится о препирательствахъ графа С. Г. Строганова съ С. С. Уваровымъ по поводу Ѳ. И. Буслаева; объ изданіи Погодинымъ твореній Иннокентія, епископа харьковскаго, и о замѣчаніяхъ цензора, протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго.

Главы XXVI—XXX повѣствуютъ намъ объ открытіяхъ въ области литературы: въ Сергіевой лаврѣ А. В. Горскій открываетъ паннонскія житія св. учителей славянскихъ Кирилла и Меводія; Филаретъ, ректоръ Московской духовной академіи (впослѣдствіи архіепископъ черниговскій и ѣвѣвскій), открываетъ Четыре слова преподобнаго отца нашего Серапіона; Н. Н. Мурзакевичъ, ученикъ Погодина, открываетъ драгоценный памятникъ законодательства вѣчевой Руси—Исковскую Судную грамоту, самъ же Погодинъ, при посредствѣ К. И. Аверина, нашелъ свидѣтельство о Мѣстничествѣ задолго до Іоанна III,

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОМ. СЛВ., 26 НОЯБРЯ 1893 г.

ТРИ ТОМ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, В. МОДЪЛЧ. 39.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРИИ
АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.
р. 1776 † 1861 г.

ПОРТРЕТЪ ГЕНЕРАЛА
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА,
р. 1776 † 1861.

МОРОВАЯ ЯЗВА.

(Указы и рескрипты императрицы Екатерины II).

Помѣщаемыя ниже 14 указовъ и рескриптовъ императрицы Екатерины II генераль-маіору Шипову представляютъ довольно полную картину борьбы съ чумою во время первой турецкой войны, съ 1770 по 1774 годъ.

За громкими побѣдами русскихъ войскъ, за Ларгой и Кагуломъ, слѣдовало по пятамъ страшное пораженіе въ видѣ моровой язвы. Особая комиссія пресѣченія и врачеванія, «чумная» комиссія ¹⁾ писала императрицѣ въ своемъ докладѣ: «Сколь ни обширны были земли и моря, объята пламенемъ войны, и сколь ни многочисленны были непріатели, повсюду слѣды побѣдоноснаго воинства російскаго блистали трофеями. Но съ таковою видимою силою магометанъ соединялся изъ нѣдръ суевѣрнаго сего народа невидимый непріатель, требующій сугубаго сопротивленія, непостижимымъ образомъ поражавшій иногда наши войска. Была то моровая язва. Болѣзнь сія, чѣмъ далѣе непріатели удалялися отъ побѣдоносцевъ нашихъ, тѣмъ болѣе приближалася къ предѣламъ имперіи, а наконецъ усилилася внутрь оныя, и въ самомъ перво-

¹⁾ Въ „комиссіи для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразной язвы“ предсѣдательствовалъ генераль-поручикъ П. Д. Еропкинъ; членами состояли: вице-президентъ канцеляріи опекунства иностранныхъ В. Г. Баскаковъ, протоіерей Успенскаго собора о. Александръ Левшинъ, московскій мѣщанинъ и купецъ Луга Долгой и пять врачей — Аванасій Шафонскій, Кассіанъ Ягелскій, Густавъ Ореусъ, Христіанъ Граве и Данило Самойловъ, авторъ „Mémoire sur la peste“, Paris, 1783.

престольномъ городѣ Москвѣ» ¹⁾. За чесменскимъ погромомъ слѣдовала московскій бунтъ.

«Невидимый непріятель» обнаружился вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій. Французскій посоль въ Константинополь, графъ Верженнъ, писалъ своему королю: «Турки начали эту войну движеніями, противными основнымъ законамъ военнаго искусства. Въ декабрѣ 1768 и въ январѣ нынѣшняго года татары опустошили Новую Сербію, Валахію и Молдавію, т. е. тѣ именно мѣстности, изъ которыхъ турецкая армія должна была получать провіантъ и фуражъ. Весною 1769 г. великій визирь долженъ былъ остановить свои войска въ окрестностяхъ Бендеръ, въ виду невозможности продолжать походъ по мѣстности, лишенной хлѣба, скота и сѣна» ²⁾. Недостатокъ провіанта, въ связи съ разслабляющими жарами, породилъ болѣзни, эпидемически опустошавшія турецкія войска въ устьяхъ Дуная и Днѣстра. Когда русская армія потѣснила турокъ и заняла Молдавію и Валахію, эпидемія охватила и «молдавскій корпусъ». Генераль Штофельнъ ³⁾, очистившій Молдавію и Валахію отъ турокъ, самъ заразился чумою и умеръ въ Яссахъ. Не помогла и икона Божіей Матери: ясскій митрополитъ и молдавскіе бояре предложили Штофельну перенести изъ Валуйскаго монастыря въ городъ икону Божіей Матери, которой приписывалось исцѣленіе отъ чумы; 9-го мая внесли икону; митрополитъ наложилъ постъ съ 10-го по 13-е мая, а въ день Вознесенія, послѣ крестнаго хода и молебствія, икону отнесли обратно въ монастырь.

Чума сильно озабочивала Екатерину. Борьбу съ язвой на театрѣ войны она всецѣло предоставляла главнокомандующему дѣйствующею арміей; шансы воюющихъ сторонъ нисколько не нарушались чумой, одинаково уменьшавшей численность обѣихъ армій,

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія помѣщены въ официальномъ изданіи, «Описаніе моровой язвы». Москва, 1775.

²⁾ *Réflexions sur la campagne de 1769*, въ *П а р и ж с к . А р х и в ѣ , Russie*, vol. LXXXV, pièce 17.

³⁾ Генераль-поручикъ Христофоръ Федоровичъ фонъ-Штофельнъ умеръ 30 мая 1770 г. Графъ П. А. Румянцевъ писалъ, что «потерялъ въ немъ благоаумнаго полководца, который изъ наивеличайшаго усердія къ службѣ пожертвовалъ собою». Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1865, II, 82.

русской и турецкой. Екатерина предписывала графу П. А. Румянцеву «не оставлять безъ крайней надобности западныхъ земель, а съ другой стороны не подвергать явной гибели войска, ибо потеря его не могла быть вознаграждена удержаніемъ за собою земель, опустошенныхъ повѣтріемъ и войною» ¹⁾. Екатерину заботилъ вопросъ о переносѣ чумы въ предѣлы Россіи. А какъ не перенестъ при безпрестанныхъ сношеніяхъ армии съ тыломъ, при пересылкѣ плѣнныхъ, отвозѣ больныхъ, пересылкѣ курьеровъ? Генераль Штофельнъ умеръ 30-го мая въ Яссахъ, а въ августѣ «моровое повѣтріе» наблюдалось уже въ окрестностяхъ Кіева. Немедленно разосланы были подробныя наставленія и предписанія не только въ Кіевъ, но въ Глуховъ, Харьковъ, Смоленскъ, Новгородъ, даже въ Москву и Ригу ²⁾. Для Екатерины, однако, ясно, что на мѣстныхъ власти, занятыя войною, полагаться нельзя, и она рѣшилась послать довѣренное лицо, поручивъ ему специально «всѣ пограничныя кордоны и карантинны» ³⁾. Выборъ Екатерины палъ на лейбъ-гвардіи секундъ-маіора Шипова.

Михаилъ Ивановичъ Шиповъ, офицеръ Измайловскаго полка ⁴⁾, былъ друженъ съ Орловыми. Екатерина въ первый разъ увидѣла Шипова въ день своего восшествія на престоль. Въ небольшой собственноручной запискѣ А. Д. Олсуфьеву по поводу наградъ тѣмъ, «которые при коронѣ были», Екатерина пишетъ, между прочимъ, отъ 11-го ноября 1762 года: «капитану поручику Измайловскаго полка Михаилу Шипову тысячу червонныхъ, да табакерку по моему выбору; объ Шиповѣ поговорить съ графомъ Григорьемъ Орловымъ—онъ его сыщеть» ⁵⁾. Чѣмъ Шиповъ заслужилъ такую награду—неизвѣстно; несомнѣнно лишь, что онъ бы-

¹⁾ Петровъ, Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами, II, 80.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, I, 391.

³⁾ Собственноручное наставленіе кн. М. Н. Волконскому, въ „Сборн. рус. ист. общ.“, XIII, 192.

⁴⁾ Архивъ Измайловскаго полка, № 376, л. 117—134. Въ „Спискѣ імянномъ штабъ, оберъ и ундеръ офицеромъ і капрадомъ“, составленномъ 9 апрѣля 1762 г., значится: „Михайло Шиповъ, капитанъ 5 роты; въ гвардіи съ 1737 г., въ оберъ-офицерахъ съ 1751 г., въ вышнѣшнемъ чинѣ съ 4 апрѣля 1762 г.“.

⁵⁾ Сборн., VII, 178.

стро сдѣлалъ карьеру и въ 1770 г. былъ уже генераль-маіоромъ арміи. Онъ вполне оправдалъ довѣріе императрицы и доброоувѣстно выполнилъ данное ему порученіе относительно пограничныхъ кордоновъ и карантинныхъ.

Кромѣ 14-ти указовъ М. И. Шипову, помѣщены два указа, сохранившіеся въ копіяхъ и до настоящаго времени еще не изданные: кіевскому генераль-губернатору Воейкову, отъ 4-го января 1771 г., и генераль-фельдмаршалу графу Румянцеву, отъ 26-го января того же года. Оба эти указа имѣютъ тѣсную связь съ порученіемъ, возложеннымъ на г.-м. Шипова.

В. А. Бильбасовъ.

№ 1. Отъ 1-го ноября 1770.

Указъ Нашей лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Шипову.

По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, что оказавшіяся съ нѣкотораго времени въ Княжествахъ Молдавскомъ и Воложскомъ заразные горячки начинали распространяться и до ближайшихъ къ нимъ польскихъ провинцій, отправленнымъ отъ 27-го минувшаго Августа къ Кіевскому Генераль-Губернатору Воейкову ¹⁾ рескриптомъ повелѣли Мы:

1-е, На проѣзжающихъ изъ обѣихъ армей дорогахъ учредить немедленно карантинные дома на самомъ краю границы, и снабдить опредѣленныхъ туда людей какъ достаточными наставленіями въ обыкновенныхъ обрядахъ, такъ и всеми къ онымъ потребностями.

2-е, Всѣхъ изъ арміи проѣзжающихъ ко двору Нашему курьеровъ не останавливая въ карантинныхъ домахъ болѣе трехъ часовъ безъ крайней нужды достаточно свидѣтельствовать, и по смотрѣ въ неприкосновенности болезни, свободно пропускать, по прежде того какъ собственные ихъ вещи и одежду прилѣжно окуривать,

¹⁾ Федоръ Матвѣевичъ, 1703—1778, генераль-аншефъ, кіевскій и новоросійскій генераль-губернаторъ.

такъ и всѣ будущія при нихъ депеши и другіе пакеты надлежащимъ образомъ въ укусу обмачивать, и потомъ на огнѣ куреніемъ обсушать.

3-е, Въ разсужденіи другихъ изъ арміи проѣзжающихъ употреблять равныя, а по востребованію обстоятельствъ и большія еще осторожности, сообразуясь тому, кто отъ куда приѣхалъ и какой кто имѣетъ о себѣ видъ, а равномерно.

4-е, Прѣдписать на Васильковскомъ форпостѣ и по другимъ изъ Польши проѣзжающимъ дорогамъ, чтобъ отъ появляющихся въ нѣкоторыхъ сего королевства къ Молдавіи провинціяхъ прилипчивыхъ горячекъ съ выходами изъ заграницы карантинныя обряды безъ упущенія наблюдаемы и исполняемы были по мѣрѣ проѣзда ихъ изъ мѣстъ больше или меньше сумнительныхъ.

Но какъ послѣ сего изъ донесеней къ Намъ онаго Кіевскаго Генераль-Губернатора съ сожаленіемъ усмотрѣли Мы, что сіе зло вкралось въ самой Кіевъ, то предписывая ему усугубленіе всего того, что только ко истребленію онаго служить можетъ повелѣли Мы учинить и слѣдующее:

Тѣ дома, въ которыхъ сія болѣзнь оказалась или же окажется, разломать и зжечь.

Почту изъ Польши и изъ обоехъ Нашихъ армей переложить верстахъ въ двадцати пяти по Днепру отъ Кіева, и тутъ не только съ куріерами и съ ними отправленными письмами и посылками поступать такъ, какъ помянутымъ отъ 27-го Августа рескриптомъ Нашимъ ему предписано, но и опредѣлить въ оное мѣсто штаб-офицера съ надлежащимъ карауломъ и особыхъ лѣкарей, которые бы со строгостію по искусству и знанію своему ихъ осматривали, удерживая въ ономъ мѣстѣ дватцать четыре часа.

Отправляющихся прямо изъ Кіева въ другія Нашей имперіи мѣста ктобы таковы ни были осматривая въ началѣ такимъ же порядкомъ у него и не получа отъ него билета, не выпускать, емужь оные давать только таковымъ, о которыхъ онъ увѣренъ, по принятіи всѣхъ возможныхъ осторожностей, что они ничемъ не заражены, и ничего такого при себе не имѣютъ, таковыя должны еще оставлены быть въ Козельце, гдѣ потому же таковымъ же порядкомъ, какъ выше сказано, о карантинномъ домѣ близъ Кіева поступать

съ тою только разницею, чтобъ всякой выѣзжающей изъ Кіева до усмотренія его тамъ не менѣ трехъ сутокъ задержанъ былъ.

Почту армейскую по сношенію съ генераль-маіоромъ княземъ Мещерскимъ ¹⁾ учредить для куріеровъ изъ Глухова, минуя Кіевъ, на то мѣсто, гдѣ онъ предписанной карантинной домъ на Днѣпрѣ установить.

Хотя не сумнѣваемся Мы, чтобъ приняты такимъ образомъ мѣры не возымѣли ожидаемаго отъ нихъ успѣха, но дабы однимъ словомъ ничего пропущено не было, что служить только можетъ какъ ко утушенію сей въ Кіевѣ оказавшейся заразы, такъ и къ пресѣченію всякихъ способовъ вкрадываться оной въ границы Наши, занужно Мы почли отправить васъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобъ вы не только обще съ тамошнимъ Генераль-Губернаторомъ стараніе свое приложили о точномъ исполненіи всего ему отъ Насъ вышепрописаннаго, но по общему съ нимъ и находящимся въ Кіевѣ генераль-порутчикомъ Сиверсомъ ²⁾ согласію, наивящія и такія къ тому мѣры приняли, какія только полезными признаны и изысканы быть могутъ, за главнѣйшее себѣ поставя пресѣчь всѣ способы къ проѣзду изъ Польши въ Кіевъ всѣмъ безмалѣйшаго изъятія, такъ чтобъ никто какового званія и чину онъ нибылъ мимо учрежденнаго карантина не пробывъ въ ономъ опредѣленнаго времени и не употребя съ нимъ напередъ всѣхъ надлежащихъ окуриваніемъ и чрезъ огонь предосторожностей и безъ засвидѣтельствованія докторовъ или лекарей проѣхать не могъ. Чтобъ въ учрежденномъ карантинномъ домѣ, чрезъ которой армейская почта, минуя Кіевъ, проѣзжать будетъ, всевозможнѣйшая строгость въ осмотрахъ и крайность въ осторожностяхъ наблюдаема была, и чтобъ отправляющіяся изъ Кіева не иначе отъ туда выпускались, какъ предписаннымъ отъ Насъ Кіевскому Генераль-Губернатору порядкомъ, останавливая ихъ такъ же и въ Козельце. Рекруты, которые назначены ко укомплектованію первой Нашей арміи, и которыхъ отправленіе туда поручено

¹⁾ Князь Платонъ Степановичъ, 1713—1799, членъ Малороссійской коллегіи съ 1769 по 1774 г.

²⁾ Ефимъ Христіановичъ, бывшій вице-губернаторъ ревельскій, завѣдывалъ въ Кіевѣ укомплектованіемъ полковъ и командовалъ отдѣльными отъ полковъ двуротными командами. Влук, I, 290; Петровъ, I, № 9.

помянутому генералу-порутчику Сиверсу, не должны въ Кіевъ приводимы быть, но такъ какъ даны уже ему отъ Нашей военной коллегіи повелѣнія, оставляя ихъ въ ближнихъ деревняхъ, отправлять куда слѣдуетъ прямо изъ оныхъ, снабждая ихъ всѣми потребными вещми тамъ, гдѣ они останутся. Дабы отправления изъ кіевскихъ магазиновъ мундирныхъ и амуничныхъ вещей для снабженія той же Нашей арміи учрежденныхъ, случаемъ сей оказавшейся тамъ болѣзни, затруднено или и совсемъ пресѣчено быть немогло, то и наиточнѣйше наблюдасти все то, что помянутому генераль-порутчику отъ оной же Нашей коллегіи предписано; при такомъ же случаѣ естьли-бъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ которой магазинъ находится, появилась зараза, такъ что навлечено бы уже было сомнѣніе о безопасности отправления изъ онаго вещей, то не только изъ такого больше ничего не отпускать, но запечатать и ходить въ него запретить, а отправление вещей дѣлать изъ другихъ, которые въ безопасныхъ и здоровыхъ мѣстахъ находятся.

Въ прочемъ въ твердой пребываемъ Мы надеждѣ, что къ утешенію и истребленію въ границахъ нашихъ сей опасной болѣзни ничего того вы не упустите, что только найдется къ тому удобовозможнымъ; о успѣхѣ же во ономъ не оставите къ Намъ доносить, ожидая о дальнѣйшемъ вашемъ тамъ пребываніи Нашего указа, а для совокупнаго мѣръ принятія повелѣваемъ Мы сей Нашъ указъ объявить какъ Кіевскому Генераль-Губернатору, такъ и генераль-порутчику Сиверсу.

«Екатерина».

1 Ноября, 1770.

С. - Петербургъ.

№ 2. Отъ 4-го января 1771.

Нашей лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

Изъ репорта вашего отъ 21-го декабря ¹⁾ минувшаго года Мы съ удовольствіемъ усмотрѣли здѣланныя вами по порученной отъ

¹⁾ А р х и в ъ Гос. Совѣта, I, 396.

Насъ комиссія хорошіе распоряженія, и повелѣли по требованію вашему послать къ вамъ шесть человѣкъ лекарей, съ тѣмъ чтобы они для нужныхъ по разсмотрѣнію вашему посылокъ находились при васъ; а къ Кіевскому Генераль-Губернатору еще отъ Насъ писано, чтобъ о невыпускѣ никого изъ Кіева употреблено было наиболѣе строгое смотрѣніе пока настоящая опасность не минуется. Въ прочемъ пребываемъ вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

4 Генваря 1771.

С - Петербургъ.

№ 3. Отъ 4-го января 1771.

Копія.

Господинъ Кіевскій Генераль-Губернаторъ Воейковъ.

Хотя Мы нимало не сомнѣваемся, что вы по прежнему Нашему указу для предосторожностей отъ опасной болѣзни всѣ возможныя мѣры приняли, однакожь разсудили Мы за благо еще вамъ о томъ напомнать и особливо предписать, чтобъ вы въ невыпусканіи никого изъ Кіева, пока сія опасность совсѣмъ неминется, употребляли крайнюю строгость. Въ чемъ Мы будучи на васъ благонадежны, пребываемъ какъ и всегда вамъ доброжелательною.

Екатерина.

4 Генваря 1771.

С. - Петербургъ.

№ 4. Отъ 26-го января 1771.

Копія.

Господинъ Генераль-Фелдмаршалъ Графъ Румянцовъ.

По причинѣ опасности отъ заразительной болезни высочайше повелѣли Мы манифестомъ Нашимъ отъ 31-го дня декабря прошлаго году ¹⁾ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ наблюдать край-

¹⁾ Архивъ Сената, т. 130, л. 662; П. С. З., 13551.

нюю осторожность и подъ страхомъ примѣрнаго наказанія запретили всѣмъ безъ изыятія провозить съ собою въ Россію такіе вещи, кои подозрѣвать можно въ томъ, что были въ мѣстахъ зараженныхъ, а какъ оное паче всего касается до людей ѣдущихъ отъ всѣхъ Нашихъ, внѣ границъ въ военныхъ дѣйствіяхъ обращающихся, то Мы за нужное признаемъ вамъ высочайше повелеть всѣмъ отъ васъ и отъ другихъ военныхъ командировъ отъ правляющимся въ Россію офицерамъ для приему мундирныхъ вещей и для прочихъ снабженій на крѣпко подтвердить, не имѣть отнюдь при себѣ ни въ связкахъ, ни въ баулахъ ни какихъ подозрительныхъ вещей. Для сего и надлежитъ вамъ самимъ или тѣмъ командирамъ, отъ коихъ таковыя офицеры отъправляемы будутъ, давать имъ письменное свидѣтельство, какъ въ томъ, что они не изъ зараженныхъ мѣстъ отправлены, такъ и въ томъ, что съ ними нѣтъ никакихъ вещей, кромѣ тѣхъ, кои для вседневнаго употребленія необходимы; а находящимся на заставахъ командирамъ предписано будетъ, по предъявленіи имъ помянутыхъ свидѣтельствъ отъ тѣхъ отъ правляемыхъ изъ арміи офицеровъ, поступать съ нимъ точно такъ, какъ съ куріерами, и болѣе нѣсколькихъ сутокъ ихъ не задерживать. Мы не сумненно уповаемъ на благодѣтельность всевышняго, что онъ самъ охранитъ Насъ отъ угрожающаго зла, благословляя желаннымъ успѣхомъ всѣ Наши предприемлемыя осторожности и средства, исполненіе коихъ отъ части вамъ симъ препоручая, пребываемъ навсегда Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Екатерина.

26 Генваря 1771.

С. - Петербургъ.

№ 5. Отъ 30-го мая 1771.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Доношеніе ваше Мы въ свое время получили, и весьма довольны, что вы стараніями вашими предупѣли искоренить вдавшаюся въ Малороссійскую и Новороссійскую Наши губерніи за-

разу ¹⁾, и такъ же что не оставляете вы продолжать должную отъ нея предосторожность во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была. Присудствіе ваше въ томъ краю почитаемъ Мы еще нужнымъ, и надѣмся, что вы охотно довершите порученное вамъ о возстановленіи тамъ совершенной безопасности попеченіе, а тѣмъ и заслужите въ нашу къ себѣ милость и благоволеніе.

«Екатерина».

Въ Сарскомъ Селѣ.
30-го Маія 1771-го.

№ 6. Отъ 19-го іюля 1771.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Вы благоразумно поступили что воспретили ярмонки въ Малой Россіи. Сохраненіе жизни должно предпочтено быть прибытку котораго тамошнія жители чрезъ сей случай лишились. Въ семъ самомъ разсужденіи повелѣваемъ Вамъ съ провозимыми чрезъ Польшу товарами поступать на основаніи прежде данныхъ вамъ и такъ же обнародованныхъ о предосторожности отъ опасной болѣзни указовъ и пребываемъ Императорскою Нашею милостію вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.
19-го Іюля 1771-го.
Полученъ въ урочище Лыбедѣ Августа 4-го дня 1771-го года.

№ 7. Отъ 25-го іюля 1771.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

По случаю причиняемой въ доставленіи провіанта во вторую нашу армію остановки отъ задержанія въ карантинѣ поставщиковъ онаго, о чемъ предводитель той арміи князь Долгоруковъ ²⁾ на по-

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 16-го еще марта г.-м. Шиповъ доносилъ „о совершенномъ истребленіи заразной болѣзни въ тѣхъ мѣстностяхъ“. А р х и в ъ Г о с . С о в . , I , 400.

²⁾ Князь Василій Михайловичъ, 1722—1782, генералъ-аншефъ, будущій „Крымскій“.

слѣди Намъ доносишь, повѣлеваемъ вамъ пропускать сихъ поставщиковъ, не задерживая ихъ болѣе одного дни для осмотра и окуриванія. Но чтобъ извѣстно было однакожь о безопасности мѣстъ, изъ коихъ они выѣхали, должны они имѣть билеты отъ Кременчугскаго оберъ-коменданта, а отъѣзжая изъ Сечи Запорожской отъ находящагося тамъ штабъ-офицера. О семъ соизволеніи Нашемъ вы имѣете увѣдомить ихъ обоихъ отъ себя, такъ какъ и помянутаго арміи Нашей предводителя.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.

25-го Іюля 1771-го.

Полученъ въ урочищѣ Лыбѣди августа 7-го дня 1771-го году.

№ 8. Отъ 3-го августа 1771.

Нашему гвардіи маіору Шипову.

Сколь прискорбно было Намъ увидѣть изъ представленія вашего отъ 21-го сего Іюля ¹⁾, что небреженіе кievскихъ гарнизонныхъ о собственной своей безопасности подало причину къ возобновленію вкравшейся тамъ заразы, столь же и довольны Мы были, что тщаніемъ вашимъ опять пресѣчено оное. За сіе изъявляемъ Мы вамъ Наше благоволеніе, и по желанію вашему посылаемъ нынѣ повѣленіе къ тамошнему Генераль-Губернатору, дабы онъ съ частными того города командирами старался болѣе о совершенномъ искорененіи сего вкореняющагося тамъ зла.

Мы хотя и повѣлили уже вамъ, чтобъ ставящія во вторую Нашу армію провіантъ болѣе одного дня въ карантинѣ задерживаемы не были, но предводитель той арміи еще Намъ представилъ, что по причинѣ сей на заставахъ остановки, никто не беретса ставить къ нему провіантъ. И какъ теперь ни въ Крыму, ни во всей той сторонѣ нѣтъ опасной болѣзни, то симъ вновь повѣлеваемъ вамъ, чтобъ сіи имѣющія по содержанію прежняго соизволенія Нашего билеты поставщики безъ всякаго въ карантинѣ задержанія

¹⁾ Архивъ Гос. Сов., I, 405.

пропускаемы были, исключая токмо тѣхъ, кои будутъ имѣть под-
верженныя оному товары. Мы соизволяемъ еще, чтобъ высланныя
прошедшею весною на новую линію и единственно въ степи быв-
шія сѣнокосцы безъ задержанія жъ при возвратѣ ихъ впущены были.
Подобнымъ образомъ имѣете вы поступить и съ войскомъ Нашимъ
при его изъ Крыма возвращеніи. Вся должная предосторожность
наблюдена въ немъ будетъ прежде вступленія его въ границы, а
потому и всѣ тѣ, кои найдутся сумнительными, оставлены будутъ
до выздоровленія ихъ въ карантинѣ.

«Екатерина».

Августа 3 дня 1771 года.

С. П. Бурхъ.

Получень 24 августа 1772 года въ Лыбеде.

№ 9. Отъ 13-го сентября 1771.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Бывшей до начатія съ турками войны въ Константинополь На-
шимъ министромъ тайной совѣтникъ Обрѣсковъ¹⁾ получа наконецъ
отъ заключенія свободу, возвращается теперь съ свитою своею чрезъ
Трансильванію, Молдавію и Польшу въ имперію Нашу. И какъ онъ
при выѣздѣ своемъ изъ турецкихъ въ австрійскія земли выдержалъ
уже карантинъ, то мы симъ соизволяемъ, чтобъ вы по прибытіи
его въ Наши границы освѣдомились у него, все ли безопасными
отъ заразы проѣзжалъ онъ потомъ мѣстами и уволили его отъ вы-
держиванія карантина, есть ли онъ и свита его найдутся неподвер-
женными никакому сумнѣнію, принявъ однакожъ при впускѣ ихъ
всѣ надлежащія въ разсужденіи пожитковъ ихъ окуриваніемъ и про-
вѣтриваніемъ предосторожности²⁾. Данъ въ Сарскомъ Сѣлѣ. Сен-
тября 13 дня 1771 года.

«Екатерина».

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ, 1720—1787; министръ-резидентъ въ Константи-
нополѣ съ 1751 по 1768.

²⁾ „есть ли сіе еще не учинено въ другомъ мѣстѣ, свѣрхъ того снабдите
„его писмомъ дабы онъ и на внутреннихъ заставахъ не задержень былъ и
„дайтъ ему знать чтобъ онъ Москву обеждалъ ибо тамо плохо“.

Получень 25 Сентября 1771 г.

№ 10. Отъ 25-го октября 1771.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Безъ сумнѣнія вы уже извѣстны теперь изъ обнародованнаго манифеста, что Мы за благоразсудили отправить въ Москву Нашего генерала-адъютанта и генерала-фельцейгмейстера графа Орлова съ полною властію дѣлать все, что можетъ способствовать къ искорененію усилившейся тамъ заразы. По сему обстоятельству получа представленіе ваше отъ 27 минувшаго мѣсяца о подтвержденіи генераль-порутчику Еропкину требованія вашего дабы приняты были мѣры въ недопущеніи заразы изъ Москвы опять въ Малую Россію и другія околичныя мѣста ¹⁾, сообщили Мы оное помянутому Нашему генераль-адъютанту, и вамъ симъ повелѣваемъ, чтобъ вы впредь' о всемъ потребномъ къ общему попеченію вашему представляли ему и исполнили его наставленія. Въ прочемъ уповаемъ Мы, что употребленныя нынѣ съ помощію Божіею средства достаточны будутъ къ избавленію отечества Нашего отъ сего зла, и что вы съ своей стороны наипаче потщитесь усугубить въ томъ извѣстное Намъ усердіе ваше и ревность. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 25-го октября 1771-го года.

«Екатерина».

Полученъ 6 ноября 1771 г. въ Василькове.

№ 11. Отъ 1-го мая 1772.

Нашему генераль-маіору и гвардіи маіору Шипову.

Реляцію вашу отъ 3-го февраля ²⁾ получили Мы съ особливимъ благоволеніемъ и по содержанію оной надѣемся теперь, что вы не престанетѣ употреблять все ваше радѣніе къ исполненію того, что вамъ особенно отъ Насъ предписано было касательно до остапаляющихся за границею Нашею въ Польшѣ обозовъ; а по оставленіямъ вашимъ въ той же реляціи какое повѣленіе дали Мы

¹⁾ Архивъ Гос. Сов., I, 419.

²⁾ Ibid, I, 428.

Нашему сенату, съ онаго точная копія прилагается здѣсь ¹⁾, какъ для вашего свѣденія, такъ и для исполненія по оному въ мѣстахъ вамъ препорученныхъ. Зная ревность вашу къ службѣ, имѣемъ Мы къ вамъ довѣренность, что вы не упуститѣ ничего къ отвращенію и недопущенію опасности. Мы охотно бы желали умножить команду вашу требуемыми отъ васъ офицерами, но какъ въ числѣ ихъ настoitъ и здѣсь нужда, то рекомендуемъ вамъ стараться о томъ по возможности, чтобъ въ порученной вамъ комисіи предупредить тѣмъ числомъ офицеровъ, которое вы имѣете. Въ случаѣ же необходимой нужды можетѣ оныхъ требовать отъ малороссійской коллегіи, дабы она опредѣлила отъ себя надежныхъ людей изъ старшинъ съ надлѣжащимъ числомъ команды.

«Екатерина».

Маія 1-го дня 1772.

Въ Сарскомъ Селѣ.

№ 12. Отъ 31-го іюля 1773.

Нашему лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

По представленію къ Намъ Нашего генерала-аншефа князя Долгорукова объ отмѣнѣ шестинедельнаго карантина всѣмъ отъ него проѣзжающимъ, Мы за нужно почитаемъ симъ высочайше повелѣть вамъ, чтобъ вы имѣя единожды доверенность Нашу въ предостереженіи границъ Нашихъ отъ губельной болезни, снеслись съ нимъ генералъ-аншефомъ и въ разсужденіи безопасности мѣста его пребыванія, здѣлали бы обще съ нимъ такіе разпоряженія, какіе могутъ достаточны быть какъ ради пользы дѣль Нашихъ, такъ и для наблюденія потребныхъ осторожностей. Въ прочемъ съ особливимъ благоволеніемъ пребываемъ.

«Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ.

31 іюля 1773 года.

Полученъ Августа 11 дня 1773 г. въ Кіевѣ.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 13799 (подлинникъ въ Арх. Сев., т. 132, л. 255).

№ 13. Отъ 17-го января 1774.

Нашему генераль-маіору и гвардіи Нашей маіору Шипову.

Изъясненное въ послѣднемъ рапортѣ вашемъ отъ 26 минувшаго декабря ¹⁾ перовное содержаніе въ карантинѣ выѣзжающихъ изъ первой арміи, нашли Мы весьма опаснымъ и могущимъ внести опять заразу въ границы Наши. И для упрежденія того симъ вамъ повѣлеваемъ, чтобъ отъ нынѣ впредь всѣ изъ той арміи выѣзжающія, какъ за дѣлами отправленные, такъ и въ дома отпущенныя, какого бѣ чина ни были, держаны были въ карантинѣ непременно по двѣ недѣли, исключая изъ сего правила только тѣхъ, кои предъявятъ свидѣтельства отъ самаго генераль-фельдмаршала Нашего графа Румянцова, и коимъ по достовѣрности такого о безопасности свидѣтельства можно уменьшить до половины сего предписываемаго вообще срока. О семъ соизволеніи Нашемъ имѣете вы сообщить и помянутому генераль-фельдмаршалу.

«Екатерина».

Въ Санктъ-Петербургѣ.

17-го Генваря 1774 года.

Полученъ 31 Генваря 1774 году.

№ 14. Отъ апрѣля 1774.

Нашему генераль-маіору и гвардіи маіору Шипову.

Повѣлеваемъ вамъ чрезъ сіе пропустить безъ малѣйшаго задержанія чрезъ находящіяся въ вѣдомствѣ вашемъ карантинныя заставы всѣ тѣ вѣщи, кои отправлены къ Намъ будутъ отъ Нашего генераль-фельдмаршала графа Румянцова съ посланнымъ отъ сюды для привезенія ихъ нарочнымъ оберъ-офицеромъ отъ Нашего генераль-порутчика Потемкина ¹⁾.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ

апреля 1774

Полученъ Юня 5 дня 1774 г. чрезъ куріера.

¹⁾ Архивъ Гос. Сов., I, 430.

¹⁾ Григорій Александровичъ, 1736—1791, будущій князь, Таврическій.

№ 15. Отъ 20 августа 1774.

Нашему лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

Отправленные изъ Нашей второй арміи отъ предводительствующаго оною Нашего генерала князя Долгорукова въ нутрь имперіи воинскихъ командъ всякаго званія имѣете вы пропускать чрезъ карантинныя заставы безъ малейшаго задержанія о чемъ вы во все те мѣста должны дать отъ себя надлежащія приказанія.

«Екатерина».

20 августа 1774 года.

Царское Сѣло.

Получень августа 28-го дня 1774-го года чрезъ курьера военной коллегии Достаевского.

№ 16. Отъ 25-го сентября 1774.

Нашему генераль-маіору и гвардіи Нашей маіору Шипову.

Не зная настоящаго въ разсужденіи язвы состоянія той стороны, гдѣ войски первой Нашей арміи нынѣ находятся, не могли Мы по представленію вашему отъ 3-го сего мѣсяца опредѣлить и времени держанія имъ карантина при возвращеніи ихъ въ имперію; и потому за благоразсудили отдать сіе въ разсмотрѣніе предводительствующаго оною Нашего генераль-фельдмаршала графа Румянцева, дабы онъ соображалъ безопасность или опасность мѣстъ ихъ пребыванія со временемъ вступленія въ границы, постановилъ съ вами сколько они въ карантинѣ остаться имѣютъ. Мы надѣмся, что вы распорядяся сіе, оба не оставите престеречь, чтобъ имперія отъ заразы спасена была и войски не претерпѣли въ наступающее холодное время напраснаго изнуренія. И пребываемъ въ протчемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-петербургѣ 25-го Сентября 1774-го года.

«Екатерина».

Получень 15 декабря 1774 году въ Кіевѣ.

Сособщилъ И. Н. Толстой.

Чилли и Масса, современники Лжедмитрія.

(Критическій этюдъ).

Такъ называемое Смутное время представляетъ быть можетъ самую мрачную и несомнѣнно самую злополучную эпоху русской исторіи. Какъ бы по какому сигналу, на сцену являются и торжествуютъ какія-то таинственныя личности; важнѣйшія событія усложняются національнымъ соперничествомъ, борьбою партій, честолюбіемъ людей, не знающихъ угрызения совѣсти; страсти разыгрываются вокругъ русскаго престола, неоднократно остававшагося вакантнымъ.

Во всемъ этомъ не трудно было бы разобраться, еслибы проницательные бытописатели оставили намъ, на страницахъ своихъ временныхъ записокъ, достовѣрное описаніе событій, совершавшихся на ихъ глазахъ; но, по невѣжеству, или, можетъ быть, съ умысломъ, они оставили потомству лишь самые противорѣчивые рассказы, въ которыхъ съ трудомъ могутъ разобраться и добиться истины даже наиболѣе проницательные умы. Чтобы вполне оцѣнить всю сложность этой задачи, припомнимъ, что официальнымъ слѣдствіемъ было установлено, что Димитрій Угличскій самъ покончилъ свою жизнь въ припадкѣ эпилепсіи; свѣдѣнія же, собранныя на мѣстѣ происшествія, удостовѣряютъ, что онъ былъ убитъ по повѣлѣнію Бориса Годунова; прочіе современники утверждаютъ, что онъ избѣгнулъ опасности чудеснымъ образомъ и вовсе не былъ убитъ. Когда на престолъ Рюриковичей возсѣлъ храбрый вояка,

которому улыбнулось счастье, онъ былъ сначала признанъ царицею Маріей Наги хъ (въ иночествѣ Марѳой), которую онъ называлъ своею матерью, Василиемъ Шу йскимъ, Петромъ Басмановымъ, цѣлыми городами и областями; нѣсколько позже—всѣ они отреклись отъ него. Одни и тѣ же лица то обращались съ нимъ, какъ съ презрѣннымъ самозванцемъ, то клялись всѣми святыми, что онъ дѣйствительно сынъ И в а н а IV Грознаго! Историки, подобно самимъ дѣйствующимъ лицамъ этой драмы, тоже раздѣлились на два противуположные лагеря.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, ни у кого не хватитъ, въ настоящее время, смѣлости защищать тотъ легкій, но далеко не научный приемъ, который былъ принятъ Карамзинымъ при изученіи интересующей насъ эпохи. Имя этого знаменитаго писателя, отъ природы столь чувствительнаго, что, будучи въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ проливалъ еще слезы при чтеніи романовъ, заслуживаетъ почетное мѣсто скорѣе въ исторіи русской литературы, нежели въ исторической критикѣ. Такъ, напр., до XVII вѣка, онъ удовольствовался тѣмъ, что набросалъ блестящій рассказъ о всѣхъ перипетіяхъ, испытанныхъ Димитріемъ, и не далъ себѣ труда провѣрить источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, и удостовѣриться въ авторитетности тѣхъ лицъ, на которыя онъ ссылается. Красота слога не можетъ, въ этомъ случаѣ, выкупить скудость содержанія.

Успѣхи, сдѣланные историческою наукою въ Россіи, не могли не отразиться и на изученіи исторіи Смутаго времени. Нѣкоторые извѣстные ученые, посвятившіе себя изслѣдованію этой эпохи, пришли уже къ весьма важнымъ выводамъ; но ихъ трудная задача далеко еще не окончена, и даже предварительныя работы находятся только на полпути. Мы позволяемъ себѣ назвать такимъ образомъ разработку и критическую оцѣнку источниковъ, которая, весьма естественно, должна стоять на первомъ планѣ и на которой должны основываться всѣ дальнѣйшія изысканія. Между тѣмъ дошедшія до насъ сочиненія нѣкоторыхъ современниковъ Димитрія являются до сихъ поръ въ качествѣ компетентныхъ свидѣтелей на судъ исторіи, хотя никѣмъ не выяснено, насколько эти свидѣтельства заслуживаютъ довѣрія. Остановимся пока на показаніяхъ Александра Ч и л л и и Исаака М а с с ы, двухъ современниковъ Лжедимитрія.

Въ Россіи и въ Польшѣ считаютъ Чилли секретаремъ короля польскаго, чѣмъ онъ никогда не былъ. Всѣ историки, отъ Карамзина до Костомарова, ссылаются на Чилли, какъ на авторитетный источникъ, въ силу того, что онъ былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, и Иосифъ Шуйскій, сколько намъ извѣстно, первый высказалъ, весьма основательно, нѣкоторое сомнѣніе въ истинѣ сообщаемыхъ Чилли извѣстій¹⁾. Записки Массы были изданы весьма недавно. Издатели окружили его имя ореоломъ безпристрастія, вслѣдствіе чего все, что онъ говоритъ, считается неопровержимымъ; мы признаемъ этотъ приговоръ только съ оговорками, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Давно пора сдѣлать критическую оцѣнку сочиненій Чилли и Массы. Писатель, желая заслужить довѣріе потомства, долженъ самымъ своимъ трудомъ доказать, что онъ имѣлъ возможность знать истину и что онъ желалъ ее сообщить. Эти два условія являются мѣриломъ того довѣрія, которое онъ заслуживаетъ. Біографическія данныя имѣютъ для насъ значеніе второстепенное и весьма относительное.

I.

Александръ Чилли происходилъ изъ благородной фамиліи города Пистойи. Годъ его рожденія въ точности неизвѣстенъ; мы не имѣемъ также рѣшительно никакихъ свѣдѣній о его родителяхъ. Онъ облекся было въ духовное званіе, но, повидимому, ему не особенно повезло на этомъ поприщѣ, такъ какъ вскорѣ онъ посвятилъ себя менѣе видной, разумѣется, но болѣе прибыльной профессіи пѣвчаго, и въ этомъ званіи состоялъ при капеллѣ польскаго короля, въ теченіе 21 года, приблизительно съ 1594 по 1615 годъ. Какъ кажется, счастье и здѣсь не улыбнулось ему въ той степени, какъ

¹⁾ S h u j s k i, Opowiadania i roztrząsania, I, 234. Krakow. 1885. Костомаровъ относитъ сочиненіе Чилли къ разряду сообщающихъ „мало вѣрныхъ свѣдѣній“, но широко пользуется его сообщеніями.

онъ желалъ, и мечты, лелѣянные имъ одно время, также быстро разлетѣлись.

Медичи съ давнихъ поръ привыкли строить грандіозные планы и направлять дѣла политики по своему усмотрѣнію; они желали имѣть свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ за предѣлами ихъ владѣній и были не прочь имѣть корреспондентовъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, не слишкомъ обременяя, впрочемъ, своего бюджета, поглощаемого всецѣло пышной и очаровательной Флоренціей. Съ этою цѣлью, государственный секретарь Фердинанда II, Велизарій Виянта, обратился къ Чилли, желая получить черезъ него постоянныя извѣстія изъ Польши, на которую въ то время были обращены взоры всей Европы. Чилли вообразилъ, какъ самъ признается, что ему представился хорошій случай обогатиться; но вскорѣ убѣдился, что Медичи были болѣе расположены получать отъ него свѣдѣнія, нежели высылать ему вознагражденіе.

Въ надеждѣ имѣть болѣе успѣха при другомъ дворѣ, Чилли предложилъ, въ 1612 г., свое перо къ услугамъ герцога Урбино съ тѣмъ, чтобы доставлять ему вѣрныя свѣдѣнія «о славныхъ подвигахъ Сигизмунда III въ государствѣ Московскомъ». Вещественнымъ доказательствомъ удовольствія, доставленнаго герцогу этими свѣдѣніями, былъ на этотъ разъ, кажется, болѣе или менѣе цѣнный подарокъ.

Въ 1627 г. Чилли возвратился въ Пистойю и приступилъ къ изданію своего сочиненія о Польшѣ и Московіи, посвященнаго великому герцогу тосканскому Фердинанду II. Однако, литературные труды, повидимому, не особенно улучшили плохое состояніе его финансовъ, и онъ постоянно добивается получить доходный приходъ. Подобно тому какъ ему удалось заручиться, въ 1610 г., рекомендательными письмами королевы польской къ великому герцогу и къ великой герцогинѣ Тосканской, чтобы получить первый вакантный приходъ или бенефицію въ Пистойской епархіи, точно также и въ 1636 и 1639 гг. онъ обращался къ кардиналу Барберини съ настоятельными просьбами назначить его пробстомъ въ Эмполи. За неимѣніемъ документальныхъ свѣдѣній, трудно сказать, каковъ былъ результатъ этихъ домогательствъ; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что имя Чилли не встрѣчается въ спискахъ пистойскихъ

или эмпольскихъ канонниковъ. Точно также не извѣстны ни годъ, ни причина его смерти ¹⁾).

Чтобы вѣрнѣе охарактеризовать немногими словами личность Чилли, напомнимъ, что онъ изобразилъ себя какъ нельзя болѣе вѣрно и лаконично въ письмѣ къ Велизарію Винта, когда, прося его франкировать свои письма, прибавилъ: «чистосердечно долженъ признаться вашей свѣтлости, что я—бѣдный священникъ; я стараюсь выдвинуться насколько возможно, оказывая услуги государямъ, и ежели ваша свѣтлость рѣшитесь чѣмъ-нибудь помочь мнѣ, то вы будете имѣть случай убѣдиться въ моей преданности» ²⁾).

Итакъ, передъ нами бѣдный священникъ, который старается заработать кусокъ хлѣба, оказывая своимъ перомъ услуги сильнымъ міра сего. Заботы о хлѣбѣ насущномъ не позволяли ему, повидимому, удѣлять особенно много времени наукамъ, и самые горячіе сторонники Чилли должны были признать, что его исторія не имѣетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ. Скромное положеніе пѣвчаго при капеллѣ польскаго короля не давало ему возможности сближаться съ людьми высшаго круга и съ знатными иностранцами; онъ могъ получать извѣстія только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Такимъ образомъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ его служебной карьеры, о Чилли можно составить себѣ понятіе, какъ о человѣкѣ съ довольно посредственными способностями и въ авторитетности котораго ничто не служить намъ порукою. Обратимся къ его «Исто-

¹⁾ Эти біографическія данныя заимствованы нами изъ довольно рѣдкой брошюры Чіампи (Ciampi, *Bibliografia critica della antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali*. 3 vl. Firenze, 1834), посвященной «жизнеописанію италіянцевъ, поселившихся въ Польшѣ». Глава, въ которой говорится о Чилли, озаглавлена: *Notizie di Alessandro Cilli da Pistoja, Scrittore di Storia, e Musico Tenore nella Cappella di Corte del Re di Polonia Sigismondo III*. Мы не считаемъ Чіампи безусловнымъ авторитетомъ, но такъ какъ онъ основывается, въ упомянутомъ сочиненіи, на подлинныхъ документахъ, то мы безъ труда заимствуемъ у него эти данныя.

²⁾ *Perche a dirla sinceramente a V. S. Illustriss. sono povero Sacerdote, e procuro avanzarmi per quanto posso col gratificare ai Padroni, e se V. S. Illustriss. si risolverà mai a promuovermi in qualche cosa conoscerà la sincerità dell' animo mio. C i a m p i, I, 50.*

ріи Московіи»¹⁾ и постараемся, основываясь на ней, провѣрить, насколько возможно, заключеніе, выведенное нами изъ данныхъ его біографіи.

Мы не позволимъ себѣ злоупотребить терпѣніемъ читателя слишкомъ подробнымъ и обстоятельнымъ разборомъ этого, весьма мало интереснаго, на нашъ взглядъ, сочиненія, хотя, по отзыву самого автора, оно представляетъ книгу «любопытную и весьма полезную, не только для всякаго владѣтельнаго лица и великаго монарха, но и для всѣхъ чиновъ и министровъ»²⁾. Для нашей цѣли достаточно подвергнуть критическому разбору тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о Дмитріи, т. е. первая 90 страницъ «Исторіи Московіи». Устранимъ, прежде всего, вопросъ о хронологіи — Чилли ускользаетъ отъ критики, совершенно игнорируя даты, какъ излишнюю роскошь или замѣняя ихъ такими неопредѣленными выраженіями, какъ «немного раньше», «нѣсколько позднѣе», «въ слѣдующее воскресеніе» и т. п. Чилли считаетъ себя даже въ правѣ замѣнять числа приблизительными расчетами: желая указать день, въ который Дмитрій былъ убитъ, онъ говоритъ просто: «la mattina dell' ottavo giorno delle pozza alli tanti di Maggio»³⁾, забывая, что самый день свадьбы не былъ имъ ранѣе указанъ. Хронологія и географія освѣщаютъ исторію; Чилли же такъ мало придаетъ значенія хронологіи, что мы въ правѣ считать его блуждающимъ, въ этомъ отношеніи, въ потьмахъ; если бы мы стали предъявлять къ нему нѣсколько строгія требованія относительно географическихъ данныхъ, то, пожалуй, пришлось бы признать совершенную его несостоятельность. Перейдемъ же прямо къ личностямъ, выведеннымъ авторомъ.

¹⁾ *Historia di Moscovia, dell' ationi heroiche, e memorabili imprese del. Invitissimo Sigi-mondo III, Re di Pollonia, a de Sueti, Gotti e Vandali Re Hereditario.* Оно составляетъ приложение къ болѣе обширному труду того же автора о Польшѣ, озаглавленному: *Historia delle sollevationi notabil' seguite in Pollonia gl' anni del Signore 1606, 1607 e 1608 e dell' ationi heroiche, e memorabili imprese fatte in Moscovia dell' Invitissimo Sigismondo III, Rel del gran Regno di Pollonia e de Sueti, Gotti e Vandali Re Hereditaris.* Dove si scopre, e conosce il gran valore, e sapere dell' istesso Rè e insieme si veggono mutationi di stato, di fortuna, e la potenza de Moscoviti Del sig. Alessandro Cilli da Pistoja 1627.

²⁾ *Opera curiosa e di molte utilità non solo a qualsivoglia Principe e Gran Monarca, ma ancora a tutti i loro ofitiali e ministri.*

³⁾ Cilli, 73.

Двѣ изъ этихъ личностей, особенно поражаютъ насъ: Иванъ Ѳеодоровичъ, оберъ-шталмейстеръ московскаго императора В а с и л я Великаго ¹⁾. Эти имена совершенно неизвѣстны въ русской исторіи. Только послѣ дѣлаго ряда догадокъ и поправокъ, оказывается, что подъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ скрывается никто иной, какъ Борисъ Годуновъ, а императоромъ Василемъ Великимъ названъ царь Иванъ IV Грозный. Благодаря избрѣтательной фантазіи Чилли, Василий Шуйскій превращается въ Яна Шуйскаго ²⁾; Петръ Басмановъ, коренной москвичъ изъ рода П л е щ е е в ы хъ, думный дворянинъ, становится простымъ польскимъ шляхтичемъ, якобы состоявшимъ при Димитріи пажомъ, и т. п. ³⁾.

Мы не можемъ не остановиться на одномъ обстоятельстве, которое могло бы, до нѣкоторой степени, смягчить нашъ приговоръ относительно тосканскаго историка. Онъ — италианецъ; онъ пишетъ о Московіи въ Пистойѣ, не переступивъ ни разу русской границы Польши, гдѣ онъ провелъ лѣтъ двадцать. Нѣкоторыя погрѣшности, особенно въ именахъ собственныхъ, могли проскользнуть въ его книгѣ, несмотря на самое строгое вниманіе. Этого нельзя ставить ему въ вину. Но что сказать объ удивительныхъ промахахъ автора, когда онъ говоритъ о лицахъ, находящихся возлѣ него, на его глазахъ, въ самомъ Краковѣ? Такъ, напр., Сендомірскій воевода, Георгій М н и ш е къ всюду названъ Николаемъ Мнишекъ, воеводою Санъ-Домиріо ⁴⁾; его дочь, героиня дня, которой имя переходитъ изъ устъ въ уста при дворѣ и въ городѣ, называется постоянно Христиною, вмѣсто М а р и н ы ⁵⁾. Въ сферѣ церковной, Чилли, несмотря на его духовное званіе, посчастливилось не болѣе, какъ въ дѣлахъ мірскихъ, и онъ со спокойною совѣстью присуждаетъ Петру Тылиц-

¹⁾ Cilli, 4, 5, 6 и пр.

²⁾ Ibid., 87.

³⁾ Ibid., 79.

⁴⁾ Cilli, 7. Николаемъ звали отца извѣстнаго воеводы Георгія Мнишекъ.

⁵⁾ Ibid., 19. Не всѣ польскіе писатели сходятся относительно численности семейства Мнишекъ. Нѣседкій утверждаетъ, что воевода Георгій имѣлъ 5 сыновей и 5 дочерей, изъ которыхъ одна, по имени Христина, поступила въ монастырь кармелитокъ. (Niesiecki, Gerbarz polski, VI, 436). Этимъ объясняется, быть можетъ, ошибка Чилли.

кому санъ краковскаго епископа, тогда какъ это мѣсто занималъ съ 1605 г. кардиналъ Бернардь Мацѣевскій ¹⁾).

Если авторъ обращается такъ безцеремонно съ главными дѣйствующими лицами событій, можно ожидать, что и самые историческіе факты имъ болѣе или менѣе извращены. И на самомъ дѣлѣ, Чилли не обманываетъ нашего ожиданія. Мы отмѣтимъ лишь самыя крупныя его ошибки, приведа въ параллель неопровержимые факты, а затѣмъ предоставимъ самому читателю судить, по этому сопоставленію, въ какой степени заслуживаетъ довѣрія историкъ, надъ которымъ тяготѣетъ подобное обвиненіе.

Остановимся, прежде всего, на кровавой сценѣ, разыгравшейся въ Угличѣ 15-го мая 1591 г. Относительно самаго факта никто и никогда не сомнѣвался. Мнѣнія расходятся только касательно подробностей и особенно самой личности, ставшей жертвою преступнаго покушенія или несчастнаго случая. По словамъ однихъ, при этомъ погибъ дѣйствительно сынъ Ивана IV; по словамъ другихъ, жертвою былъ посторонній ребенокъ, подставленный сострадательною душою на мѣсто царевича. Чилли совершенно игнорируетъ это событіе, которое было единственною причиною всѣхъ сомнѣній, возникшихъ въ послѣдствіи, на счетъ личности челоуѣка, занявшаго російскій престоль въ 1605 г. Онъ рассказываетъ, съ удивительною самоувѣренностію, что послѣ смерти Василія Великаго (читай Ивана Грознаго), его вдова удалилась въ монастырь, помѣстивъ въ другой монастырь своего сына Дмитрія, который воспитывался тамъ, подъ надзоромъ бояръ, до 25-лѣтняго возраста, въ полномъ убѣжденіи, что онъ законный наслѣдникъ престола ²⁾).

По этой гипотезѣ, царевичъ Дмитрій лицо вполне тождественное съ ребенкомъ, воспитывавшимся въ Угличѣ; сомнѣніе является только относительно законности этого ребенка! Но объ этомъ никогда не было даже и рѣчи; всѣ сомнѣнія возникаютъ именно со дня катастрофы 15-го мая, и помимо нея совершенно непонятны тѣ недомнѣнія, которыя Чилли повидимому хочетъ внушить читателю.

¹⁾ Ibid., 62. Петръ Тылицкій былъ назвачевъ краковскимъ епископомъ лишь въ 1607 г.

²⁾ Cilli, 5, 6.

Разсказавъ о воспитаніи своего героя въ монастырѣ, подъ надзоромъ Бориса, тогда какъ прочимъ историкамъ не удалось, несмотря на всѣ ихъ старанія, проникнуть тайну его младенческихъ лѣтъ, Чилли нисколько уже не затрудняется вывести его на сцену. Онъ говоритъ, что Димитрій, достигнувъ 25-ти лѣтняго возраста, отправился въ Литву, въ сопровожденіи многочисленной свиты московскихъ боярѣ, тотчасъ встрѣтилъ со стороны поляковъ и очутился сразу въ домѣ Николая (читай Георгія) Мнишекъ, воеводы Санъ-Домиріо (читай Сендомірскаго)¹⁾. Все это какъ нельзя болѣе ошибочно. Димитрій одинъ явился во дворецъ Вишневецкаго съ просьбою о помощи: никогда Борисъ Годуновъ не дозволилъ бы столь опасному сопернику отправиться въ Литву, а тѣмъ болѣе въ сопровожденіи боярѣ! Москвичи и поляки гораздо позднѣе приняли сторону Димитрія, уже во время его пребыванія въ Краковѣ.

Но вотъ Димитрій въ томъ же городѣ, гдѣ и Чилли. И что же? Историкъ, на котораго такъ любятъ ссылаться, какъ на очевидца, описываетъ невѣрно даже самую наружность Димитрія. Онъ изображаетъ его съ бородою, небольшого роста, задумчивымъ и на видъ болѣзненнымъ²⁾; между тѣмъ, Димитрій вовсе не носилъ бороды, былъ поразительно веселаго нрава и чрезвычайно ловокъ. Въ этомъ случаѣ Чилли явно расходится съ свидѣтелями самыми неподкупными—со всѣми современными изображеніями Димитрія, расходится также съ краковскимъ нунціемъ Клавдіемъ Рангои и съ Маржеретомъ, — капитаномъ царской гвардіи. Всѣ старанія Чампи поддержать въ этомъ отношеніи авторитетъ Чилли доказываютъ только его пристрастіе и не могутъ опровергнуть или поколебать показаній всѣхъ прочихъ очевидцевъ, вполне между собою согласныхъ и противорѣчащихъ словамъ Чилли, котораго онъ стремится защитить³⁾.

Трудно себѣ представить что-либо курьезнѣе описанія похода Димитрія на Москву, изображеннаго перомъ Чилли. Упомянувъ вскользь о пораженіи Лжедимитрія и о побѣдѣ, имъ одержанной,

¹⁾ Cilli, 14, 15.

²⁾ Cilli, 14, 15.

³⁾ Ciampi, *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Ivan Wasiliewitch*. Firenze, 1827. p. 70.

Чилли заставляетъ своего героя идти на Можайскъ, въ 100 верстахъ отъ Москвы, гдѣ тотъ снова терпитъ поражение и принужденъ укрѣпиться въ открытомъ полѣ ¹⁾. Однако, несмотря на эти неудачи, Лжедимитрій ведетъ переговоры съ москвичами и отправляетъ къ нимъ, одно за другимъ, три посольства, съ цѣлью добиться признанія и провозглашенія себя царемъ «*sotto corte condizioni e promesse ferme e stabili per scritture autentiche*». Обмѣнъ заложниковъ, происходящій между Димитріемъ и его избирателями, и принесеніе присяги въ Андреевскомъ монастырѣ завершаютъ фантастическую картину, набросанную тосканскимъ писателемъ ²⁾.

Было бы излишне слѣдить за его разговоромъ шагъ за шагомъ и опровергать каждую его ошибку въ отдѣльности. Онъ очевидно всякому, хоть сколько нибудь знакомому съ этой эпохою. Отмѣтимъ лучше тѣ ошибки, которыя встрѣчаются въ разсказѣ Чилли даже тогда, когда онъ говоритъ о событіяхъ, происходившихъ на его глазахъ, въ Краковѣ.

Въ ноябрѣ, Аванасій Власевъ отправился въ столицу Польши, чтобы отпраздновать обрученіе Димитрія съ Мариною и заступитъ при этой церемоніи мѣсто жениха. Важность этого событія и блескъ, которымъ оно сопровождалось, должны были привлечь на него всеобщее вниманіе. Но разсказъ Чилли отнюдь не дѣлается вслѣдствіе этого обстоятельствѣ: Чилли продолжаетъ называть дочь воеводы Сендомірскаго Христиною; говоритъ, что обрученіе совершалъ епископъ краковскій, Петръ Тылицкій, тогда какъ епископомъ этого города былъ, въ 1605 г., кардиналъ Бернардъ Мацѣвскій, дядя Марины, котораго Димитрій именно и просилъ совершить обрядъ обрученія. Еще удивительнѣе, что Чилли могъ видѣть на обрученіи королеву польскую, тогда какъ никто другой не видѣлъ ее во время этой церемоніи, по той простой причинѣ, что эрцгерцогиня австрійская Констанція, невѣста Сигизмунда III, не прибыла еще въ то время въ Краковъ ³⁾. Наконецъ, Марина по словамъ Чилли, вскорѣ

¹⁾ Cilli, 25.

²⁾ Ibid., 36 - 41.

³⁾ О времени прибытія эрцгерцогини австрійской Констанціи въ Краковъ см. статью Бартошевича въ «Энциклопедіи» Орельбрандта, т. XVIII, стр. 117.

послѣ обрученія отправилась съ отцомъ своимъ въ Москву, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они отправились въ путь лишь много времени спустя. Чилли говоритъ, что ихъ сопровождали иезуиты, доминиканцы и францисканцы; между тѣмъ какъ въ ихъ свитѣ вовсе не было доминиканцевъ и единственнымъ представителемъ иезуитовъ былъ о. Гаспаръ Савицкий, съ коадьюторомъ епископа ¹⁾).

Дальнѣйшій ходъ событій вскорѣ заставляеть Чилли слѣдовать вновь за своими героями въ Москву. Легко себѣ представить, что его рассказъ не выигрываетъ отъ этого ни въ точности, ни въ правдоподобіи. Передавъ весьма кратко и, прибавимъ, невѣрно, исторію кровавой катастрофы съ Дмитриемъ, Чилли предоставляет своей фантазіи свободный полетъ по отношенію къ Маринѣ. Какъ извѣстно, ей едва удалось спастись во время рѣзни 18-го мая—она была послана съ отцомъ въ Ярославль и впослѣдствіи перехвачена въ дорогѣ вторымъ Дмитриемъ, съ которымъ она раздѣлила жизнь, исполненную приключеній. По мнѣнію Чилли, все это недостаточно грандіозно и романично. Вотъ какимъ образомъ онъ сочиняеть свою исторію, не подозрѣвая, что онъ выказываетъ этимъ свое полное незнаніе событій и непониманіе самаго характера эпохи. По его словамъ, послѣ убіенія Дмитрія, Марина была окружена въ Москвѣ почетомъ и едва-едва не была провозглашена царицею. Хотя она имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый полкъ (сформированіе котораго составляетъ тайну Чилли), она оставила, будто-бы, столицу три мѣсяца спустя послѣ катастрофы и стала во главѣ 4.000 казаковъ, ожидавшихъ ее въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы. Ея воинственные замыслы внушили, яко бы, всѣмъ такой страхъ, что Янъ (читай Василій) Шуйскій былъ вынужденъ предложить Мнишку самыя блестящія условія, лишь бы его дочь перестала выдавать себя императрицею ²⁾). Повторяя этотъ рассказъ, мы тѣмъ самымъ опровергаемъ его.

Весьма крупныя и, скажемъ, довольно странныя ошибки, въ которыя впадаетъ Чилли, говоря о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ той эпохи, и о событіяхъ, наиболѣе извѣстныхъ, даютъ безпристрастному критику право считать подлежащими провѣркѣ всѣ тѣ мѣста

¹⁾ Cilli, 61—68.

²⁾ Cilli, 81—88.

его сочиненія, которыя не основаны на подлинныхъ документахъ и не подтверждаются другими авторитетными лицами. Мы дѣлаемъ эту, вполне основательную оговорку, съ цѣлью высказать наше сомнѣніе въ достовѣрности трехъ фактовъ, которые, вопреки здравой логикѣ, приобрѣли почти право гражданства въ русской исторіи. Эти три факта упоминаются только въ сочиненіи Чилли, совершенно не согласуются съ другими правдивыми разказами и даже не отличаются правдоподобіемъ.

Во-первыхъ, одинъ Чилли упоминаетъ о корреспонденціи нунція Рангони съ Димитріемъ, предшествовавшей первому путешествію его въ Краковъ. Чилли говоритъ, будто Димитрій писалъ изъ Санъ Домиріо (Самбора) конфиденціальныя письма папскому нунцію, но Рангони, съ давнихъ поръ привыкшій дѣйствовать въ дѣлахъ политики съ осмотрительностью, и не подумалъ отвѣчать ему, а поручилъ іезуитамъ, находившимся въ этомъ мѣстечкѣ, слѣдить за Димитріемъ. Къ несчастію Чилли, іезуитовъ въ этомъ мѣстечкѣ никогда не было ¹⁾). Этотъ разказъ совершенно не согласуется съ депешами краковскаго нунція и съ исторіей о Велевицкаго, которыми удостовѣрено, что Димитрій не входилъ ни въ какія сношенія съ Римомъ и съ іезуитами до марта 1604 г., т. е. до торжественной аудіенціи, данной ему Сигизмундомъ III ²⁾). Помянутыя письма никогда обнаружены не были, и объ нихъ не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ. Правдоподобно ли, чтобы объ нихъ знали пѣвчій королевской капеллы и чтобы ему были извѣстны тайные происки нунція, о которыхъ не сохранилось ни малѣйшаго намека въ историческихкихъ памятникахъ той эпохи?

Во-вторыхъ, только одинъ Чилли рассказываетъ, по крайней мѣрѣ съ величайшими подробностями, о слѣдующемъ, весьма странномъ, поступкѣ Димитрія. Онъ говоритъ, что Димитрій, дѣйствуя подъ вліяніемъ нунція, который убѣждалъ его перемѣнить религію, не только послѣдовалъ его совѣту, но далъ, будто бы, въ присутствіи многихъ лицъ (въ числѣ которыхъ былъ и самъ Чилли, какъ онъ утверждаетъ), устно и письменно присягу ввести католичество

¹⁾ Cilli, 9.

²⁾ Rome et Démétrius, въ «Études religieuses», отъ 15 апрѣля 1877.

въ Россіи ¹⁾. Тутъ уже, очевидно, читатель вводится въ заблужденіе. Не только документы, подтверждающіе этотъ фактъ, неизвѣстны въ исторіи, но даже самая возможность существованія подобныхъ документовъ покажется неправдоподобною и мало вѣроятною всякому, кто занимается исторіей, имѣетъ сколько-нибудь понятія о богословіи и объ особенныхъ условіяхъ той эпохи. Папа никогда не требовалъ отъ кого бы ни было подобной клятвы; навязать Дмитрію это странное условіе значило бы измѣнить всѣмъ традиціямъ его осмотрительнаго образа дѣйствій. При томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Дмитрій втайнѣ перешелъ въ католичество и просилъ папу не оглашать это обстоятельство ²⁾. Столь же публичное заявленіе своихъ намѣреній, котораго Чилли будто бы былъ свидѣтелемъ, придадо бы этому акту особенную гласность и неизбѣжно должно было повредить ему въ глазахъ москвитянъ, такъ преданныхъ своей религіи и такъ ревниво слѣдящихъ за всѣми поступками своихъ монарховъ. Рискнуть на подобный поступокъ, который могъ разрушить всѣ его виды на престоль Рюриковичей, не входило, конечно, въ разсчеты Дмитрія.

Наконецъ, въ-третьихъ, только одинъ Чилли сообщаетъ, также совершенно неизвѣстныя другимъ историкамъ, подробности о первомъ путешествіи Дмитрія въ Краковъ. По словамъ тосканскаго писателя, іезуита, дѣйствуя по повелѣнію нунція, уговорили Дмитрія отправиться въ столицу Польши ³⁾; между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ былъ приглашенъ туда по повелѣнію самого короля ⁴⁾. Изъ оффиціальныхъ, вполне достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Дмитрій былъ сперва принятъ въ аудіенціи Сигизмундомъ III, а нѣсколько дней спустя былъ представленъ папскому нунцію. Въ сочиненіи Чилли порядокъ аудіенцій извращенъ: нунцій Рангони первый принимаетъ только-что приѣхавшаго Дмитрія, онъ ведетъ его къ королю, приводитъ обратно въ гостиницу и оказываетъ ему всевозможныя услуги, которыхъ

¹⁾ Cilli, 11.

²⁾ Письмо Дмитрія къ Клименту VIII, въ «*Études religieuses*», отъ 15 мая 1877 г.

³⁾ Cilli, 9.

⁴⁾ „*Études religieuses*“, отъ 15 апрѣля 1877.

въ правѣ ожидать только человѣкъ, котораго во что бы ни стало хотять выдвинуть ¹⁾).

Всѣ эти три факта приводятся только въ «Исторіи Московіи» Чилли, авторитетъ котораго весьма сомнителенъ. Они не подтверждаются ничѣмъ, никакими документами, никакими официальными бумагами. Тѣмъ не менѣе, на этихъ шаткихъ данныхъ основывали нѣкогда и основываютъ до сихъ поръ весьма серьезныя обвиненія. Нѣкоторые изъ историковъ пытались вывести изъ нихъ существованіе обширнаго и весьма смѣлаго, по замыслу, плана, заключающагося въ томъ, будто бы нунцій Клавдій Рангони предложилъ какому-то простому искателю приключеній завоевать Московское государство, обѣщая ему поддержку со стороны Рима, если онъ, въ свою очередь, обѣщаетъ ввести въ Россіи католичество! Чтò можетъ болѣе противорѣчить исторической истинѣ, какъ этотъ, ни на чемъ не основанный вымыселъ? Въ дѣйствительности, инициатива въ дѣлѣ Димитрія не принадлежала ни папѣ, ни иезуитамъ; они были безучастными свидѣтелями его первыхъ попытокъ къ достиженію власти и представили событія ихъ собственному теченію, только направляя ихъ къ великой цѣли, которую всякій христіанинъ никогда не долженъ терять изъ вида.

Почему же, однако, рассказъ Чилли могъ повторяться даже выдающимися писателями, переходить изъ одной книги въ другую, при чемъ никто даже и не подумалъ провѣрить, въ какой степени онъ заслуживаетъ довѣрія? Отчасти, это можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ писатели, отъ Карамзина до Костомарова, довольствовались цитированіемъ сочиненія Чилли изъ вторыхъ рукъ ²⁾, не давая себѣ труда изучить самый оригиналь. Всѣ мѣста изъ сочиненія Чилли, приведенныя въ брошюрѣ Чіампи, встрѣчаются по большей части и въ сочиненіяхъ нашихъ историковъ; въ нихъ мы находимъ подробности тѣхъ именно фак-

¹⁾ Cilli, 10—13.

²⁾ Карамзинъ приводит въ примѣчаніяхъ только тѣ мѣста изъ сочиненія Чилли, которыя упоминаются Нѣмцевичемъ, и хотя Костомаровъ въ своемъ сочиненіи о Смутномъ времени и отсылаетъ читателя къ книгѣ Чилли, но не трудно замѣтить, что Чилли цитируется имъ по сочиненію Чіампи.

товъ, которые мы старались опровергнуть. Подобныя нелѣпости говорили и повторяли, благодаря существующему еще у многихъ грубому взгляду относительно честолюбивыхъ замысловъ римскихъ первосвященниковъ и тайныхъ происковъ іезуитовъ, которые будто бы подтверждаются указанными Чилли фактами самымъ неопровержимымъ образомъ. Но истина рано или поздно обнаруживается; ей принадлежитъ будущее.

II.

Записки Исаака Массы о Димитріи были изданы впервые въ 1866 г., княземъ Оболенскимъ и г-номъ Фанъ-дерь-Линде ¹⁾. Появленіе этихъ записокъ, составленныхъ очевидцемъ столь отдаленныхъ событій, разумѣется, должно было возбудить къ нимъ живѣйшій интересъ.

Исаакъ Масса, родившійся въ Гаарлемѣ въ 1587 г., съ дѣтства былъ назначенъ родителями къ торговлѣ шелкомъ и, будучи посланъ въ 1600 г. въ Москву, «чтобы пріучиться къ дѣламъ торговымъ», онъ провель тамъ 8 лѣтъ подъ-рядъ, и ему довелось, такимъ образомъ, быть свидѣтелемъ злосчастнаго царствованія Бориса Годунова, восшествія на престолъ его сына, Ѳедора Борисовича, и кратковременнаго царствованія Димитрія.

Вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ той эпохи, многіе иностранцы покинули Москву. Въ числѣ ихъ былъ и Масса; по возвращеніи на родину, онъ продолжалъ заниматься торговлею и имѣлъ случай оказать своему правительству нѣкоторыя услуги въ его сношеніяхъ съ Москвою. Въ то же время, досугъ, который оставляли ему торговыя дѣла, далъ ему возможность написать нѣсколько сочиненій по исторіи и географіи. Мы займемся только тѣмъ изъ нихъ,

¹⁾ Histoire des Guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié par M. le prince Michel Obolensky et M. le D-r A. van der Linde. 2 vls. Bruxelles, 1866. Русскій переводъ издавъ Археологической Комиссіей: „Сказаніе Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи“. Спб., 1874.

въ которомъ авторъ говоритъ о Димитріи, но при этомъ совершенно обойдемъ молчаніемъ всѣ событія, предшествовавшія царствованію Бориса Годунова. По сознанію издателей текста, «хронологическій беспорядокъ и искаженіе фактовъ сразу обличаютъ писателя, не бывшаго очевидцемъ того, что онъ описываетъ, и не почерпнувшаго свои свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ»¹⁾). Для насъ Масса является только историкомъ Димитрія, и мы рассмотримъ его трудъ только съ этой точки зрѣнія.

По словамъ г. Фанъ-деръ-Линде, онъ заслуживаетъ, въ этомъ отношеніи, полнѣйшаго довѣрія. Сдѣлавъ оговорку, что рассказъ Массы во всемъ согласуется съ современными лѣтописцами, голландскій издатель говоритъ: «замѣтимъ, что свидѣтельство Массы приобрѣтетъ еще большее значеніе, ежели припомнить, что онъ во время своего пребыванія въ Россіи былъ въ сношеніи съ дворомъ и, побуждаемый любознательностью, старался сблизиться съ нѣкоторыми дворянами и секретарями. Чуждый политическихъ страстей, которыя помѣшали бы ему отнестись къ событіямъ безпристрастно, не принадлежа къ націи, которая относится къ русскимъ недружелюбно, что невольно побудило бы его описать людей и событія мрачными красками, будучи въ двѣтъ лѣтъ, въ томъ возрастѣ, когда челоуѣкъ еще чуждъ предразсудковъ, когда впечатлѣнія бываютъ особенно живы и непосредственны, онъ рассказываетъ лишь о томъ, чего самъ былъ свидѣтелемъ, а когда ему приходится говорить со словъ постороннихъ, то онъ обращается за свѣдѣніями къ такимъ лицамъ, которыя находятся въ самомъ водоворотѣ событій; будучи одаренъ, наконецъ, религіозными и нравственными правилами, неразлучными съ стремленіемъ къ истинѣ, Масса соединяетъ въ себѣ всѣ качества историка, вполнѣ правдиваго».

По истинѣ, трудно высказаться болѣе категорично и представить автора въ болѣе выгодномъ свѣтѣ²⁾). Даже то обстоятельство, которое должно было внушить нѣкоторое недовѣріе, представлено

¹⁾ Hist. des guerres, II, 237. Русскіе же переводчики находятъ, что „обиліе хронологическихъ данныхъ въ сочиненіи Массы составляетъ одно изъ несомнѣнныхъ достоинствъ его труда“ (стр. IV).

²⁾ Hist. des guerres, II, LXXXI.

съ выгодной для Массы стороны. Когда разыгралась кровавая московская драма, ему было всего 18 лѣтъ, и онъ могъ, по своей молодости, легко впасть въ ошибку, тѣмъ болѣе, что его умъ не былъ развитъ серьезными занятіями, какъ онъ и самъ сознается въ посвященіи своего труда Морицу Оранскому. «Я записаль, говоритъ онъ, какъ можно точнѣе все то, что мнѣ удалось узнать, но, разумѣется, не съ тѣмъ тщаніемъ и умѣніемъ, съ какимъ сдѣлалъ бы это историкъ, такъ какъ я никогда не готовился быть писателемъ и нигдѣ не окончилъ курса»¹⁾. Г. Фанъ-деръ-Линде смягчаетъ эти слова, ссылаясь на прилежаніе Массы, но его поправка имѣла бы смыслъ только въ томъ случаѣ, ежели бы авторъ былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и успѣлъ трудомъ пополнить пробѣлы своего образованія. Точно также и отношенія «ко двору, расположеніе къ нему нѣкоторыхъ царедворцевъ и дьяковъ», теряютъ до извѣстной степени свое значеніе, когда рѣчь идетъ о восемнадцатилѣтнемъ юношѣ. Существуютъ, однако, и другія обстоятельства, на которыхъ еще болѣе слѣдуетъ настаивать. Принципы, проповѣдуемые Массою открыто, а рѣги позволяють намъ отнести съ недовѣріемъ ко многимъ его словамъ, а самые факты превращаютъ наше предположеніе въ истину. Мы говоримъ о религіозномъ фанатизмѣ автора.

По весьма основательному и крайне остроумному заключенію г. Фанъ-деръ-Линде, Исаакъ Масса не былъ ни еврей, ни менонитъ, но кальвинистъ. Чтобы дать вѣрное понятіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ Массы, надо прибавить, что онъ былъ кальвинистъ самый ярый, доходившій, какъ фанатикъ, до ненависти и несправедливыхъ нападокъ на католиковъ. Страстный поклонникъ Морица, принца Оранскаго, предъ которымъ онъ благоговѣетъ какъ предъ «героемъ вѣры», Масса до того ослѣпленъ своими религіозными предубѣжденіями, что самая энергичность его образнаго слога выдаетъ его настроеніе. Такъ, напр., Римъ представляется ему «вавилонской блудницей, сидящей на семи холмахъ, одѣтой въ красный пурпуръ и держащей въ рукахъ чашу беззаконій»; ксендзы — негодяи, «обладаю-

¹⁾ Археографическая комиссія не высказала своего взгляда и вообще не подвергала критической оцѣнкѣ трудъ Массы. Она только признаетъ, что «взгляды Массы на событія отличаются наивностію», и находитъ, что «Масса составилъ живой и довольно вѣрный рассказъ о событіяхъ смутнаго времени».

щє умѣніемъ служить обѣдню», іезуиты — «прислужники діавола»¹⁾. Столь грозные приговоры, высказанные въ такой рѣзкой формѣ, не вяжутся, конечно, съ безпристрастіемъ, требуемымъ исторією.

Критическая оцѣнка нѣкоторыхъ фактовъ, сообщаемыхъ Массою, покажетъ, какъ основательно наше недовѣріе, и послужить, косвеннымъ образомъ, отвѣтомъ г. Фанъ-дерь-Линде, пытающемуся все объяснить образнымъ слогомъ Массы.

Голландскій писатель говоритъ, что 15 августа 1601 г. въ Москву прибылъ папскій легатъ, съ просьбою «о свободномъ проѣздѣ черезъ Россію въ Персію»; но путешествіе на востокъ было для него только предлогомъ. Истинной цѣлью римскаго легата было «познакомиться съ страной и узнать характеръ народа, чтобы потомъ осуществить свое предательское намѣреніе и сдѣлать донесеніе своему владыкѣ-папѣ»²⁾. Появленіе около этого времени въ Москвѣ папскаго легата совершенно согласно съ истинною; но объясненіе, данное этому событію Массою, какъ нельзя болѣе ложно. Въ изданіи Тургенева, мы находимъ письмо Климента VIII къ Борису Годунову, въ которомъ онъ рекомендуетъ ему своихъ двухъ нунціевъ, Франциска Косту и Дидака Миранду, ѣдущихъ на Востокъ³⁾. Не къ чему прибавлять, что мы напрасно стали бы искать въ этомъ фактѣ малѣйшей тѣни заговора, и что обвиненіе въ этомъ случаѣ папы основывалось бы единственно на показаніи человѣка, враждебнаго католической церкви, и притомъ на обвиненіи, ничѣмъ не доказанномъ. Это было бы тѣмъ болѣе несправедливо, что намѣренія, приписываемыя папѣ, совершенно неправдоподобны. Предположить, что Климентъ VIII могъ вести въ тайнѣ гнусный заговоръ, значило бы отрицать честный характеръ этого папы и его несомнѣнно честную политику. Хотя бы и не существовало этой гарантіи, все же планъ, ему приписываемый, слишкомъ фантастиченъ, чтобы его можно было принять бездоказательно. Извѣстно, что къ посланникамъ иностранныхъ державъ въ Москвѣ относились съ крайнею подозрительностію, ихъ подвергали строгому надзору и только при самыхъ

¹⁾ Hist. des guerres, II, 45, 160, 205.

²⁾ Ibid., II, 69.

³⁾ Historica Russiae monumenta, II, XXXII.

исключительныхъ обстоятельствахъ имъ удавалось, какъ напр. Герберштейну и Поссевиному, вступать въ близкія отношенія съ мѣстными жителями. Допустить, что папа, пренебрегая этими обычаями, послалъ бы римскихъ священниковъ въ Россію, чтобы вести среди русскихъ, на глазахъ Годунова, гнусный заговоръ противъ самого же Годунова, значило бы предположить, что Климентъ VIII дѣйствовалъ съ безразсудною смѣлостью, а Борисъ Годуновъ былъ слѣпъ и бездѣятеленъ. Исторія, безпристрастная въ своихъ сужденіяхъ, не допускаетъ ни того, ни другаго изъ этихъ предположеній.

Въ умѣ кальвиниста, иезуиты не разлучны съ папою, коль скоро дѣло идетъ о гнусномъ заговорѣ. Поэтому Масса не замедлилъ вывести ихъ на сцену. По его словамъ, иезуиты и ихъ клеветы завладѣли Димитріемъ при первомъ же появленіи его въ Польшѣ, навели обо всемъ самыя точныя справки и вошли въ сношенія съ папою, чтобы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ его совѣтами. Только-что имъ было дано разрѣшеніе начать свои происки противъ Московіи, какъ въ Москву явился папскій легатъ, чтобы подъ предлогомъ путешествія въ Персію, подготовить имъ поле дѣятельности. Изучивъ положеніе страны, онъ представилъ «обстоятельный отчетъ» папѣ, на основаніи котораго папа «вообразилъ», что, дѣйствуя энергично и поспѣшно, ему будетъ легко овладѣть страной именемъ Димитрія, сына покойнаго царя¹⁾. Читая эти строки, невольно удивляешься, что голландскому кунцу такъ хорошо были извѣстны всѣ тайны римскаго двора и что онъ имѣлъ даже возможность ознакомиться съ донесеніями нунціевъ. Никакими самыми смѣлыми предположеніями нельзя объяснить себѣ, изъ какихъ источниковъ Масса почерпнулъ эти свѣдѣнія, и хотя бы это оказалось возможно, все-таки пришлось бы сознаться, что самыя эти источники весьма сомнительны. Мы доказали въ другомъ мѣстѣ²⁾, на основаніи официальныхъ документовъ, что краковскій нунцій и иезуиты вступили въ сношенія съ Димитріемъ послѣ аудіенціи его въ королевскомъ замкѣ, когда его считали уже при дворѣ настоящимъ сыномъ Ивана IV. Климентъ VIII не только былъ далекъ отъ мысли стать

¹⁾ Hist. des guerres, II, 85.

²⁾ Rome et Démétrius, въ «Études religieuses», отъ 15 апрѣля 1877.

во главѣ этого предпріятія и руководить имъ, но онъ съ самаго начала отнесся къ нему столь недовѣрчиво, что сравнивалъ Димитрія съ Л ж е с е б а с т і а н о м ъ португальскимъ, и только благоприятныя извѣстія, полученныя изъ Польши и готовность многихъ русскихъ примкнуть къ Димитрію, внушили папѣ болѣе довѣрія и заставили его измѣнить свои взгляды. Что же касается крайне неосновательнаго намѣренія, приписаннаго Клименту VIII — «овладѣть страной», эта клевета повторялась слишкомъ часто, чтобы ей въ настоящее время можно было бы еще вѣрить.

Масса не останавливается на разказѣ о первомъ папскомъ легатѣ и о замышленномъ папою заговорѣ; онъ преслѣдуетъ свою мысль далѣе и говоритъ, будто 16-го октября 1605 г. прибылъ въ Москву второй папскій легатъ, которому «было поручено возобновить съ Димитріемъ договоръ, заключенный ранѣе съ Польшею». Фанъ-деръ-Линде говоритъ, что этимъ папскимъ легатомъ былъ Александръ Рангони ¹⁾. Тутъ двойная ошибка: в о - п е р в ы х ъ, Рангони не былъ папскимъ легатомъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому званію; онъ былъ племянникъ краковскаго нунція Клавдія Рангони, при которомъ исполнялъ второстепенныя дипломатическія порученія; слѣдовательно, изъ Рима была послана въ Москву личность довольно незначительная, что необходимо отмѣтить въ виду той важной роли, которая придавалась въ то время этикету; в о - в т о р ы х ъ, самаго договора, который, по словамъ Массы, долженъ былъ возобновить Рангони, никогда заключено не было. Масса слѣдующимъ образомъ перечисляетъ обязательства, принятыя на себя Димитріемъ, по отношенію къ папѣ, въ 1604 г., когда онъ былъ еще въ Польшѣ: «но прежде всего онъ обязался передъ папою употребить всевозможное стараніе, чтобы измѣнить какъ можно скорѣе религію страны и ввести въ нее римско-католическое вѣроисповѣданіе. Онъ долженъ былъ дать обѣщаніе измѣнить церковныя обряды по указанію лицъ, назначенныхъ съ этой цѣлью папою, основать въ городахъ и селахъ школы, на подобіе существующихъ въ Польшѣ, для воспитанія въ духѣ католической

¹⁾ Histoire des guerres, II, 152, 285, прим. 107. Это повторено и Археогр. комиссіею, стр. 173, прим. 267.

церкви русскаго юношества, погруженнаго въ невѣжество и варварство»¹⁾).

Разсмотрѣніе подлинныхъ документовъ не позволяетъ присоединиться къ этому взгляду: переписка Дмитрія съ папами, депеши Клавдія Рангони, письма іезуитовъ, сопровождавшихъ польскихъ волонтеровъ, частью уже обнародованы, частью же будутъ изданы полностью въ недалекомъ будущемъ. Въ нихъ-то и слѣдуетъ искать слѣдовъ тѣхъ обязательствъ, которыя могли быть заключены съ обѣихъ сторонъ. Нельзя допустить, чтобы въ этихъ документахъ было сдѣлано какое-либо измѣненіе въ пользу католиковъ, такъ какъ эти документы были найдены впервые Василиемъ Шуйскимъ въ бумагахъ Дмитрія; впоследствии, они хранились все время въ русскихъ архивахъ и, наконецъ, были изданы въ бумагахъ Румянцова и въ нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе officialный характеръ. Все то, что католики могли прибавить въ нихъ съ своей стороны, очевидно могло быть сдѣлано только officialнымъ путемъ; поэтому не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности тѣхъ документовъ, на которые они ссылаются.

Просматривая же всѣ эти документы, необходимо придти къ убѣжденію, что Дмитрій совершенно неожиданно изъявилъ желаніе принять католическую вѣру и приобщить къ ней свой народъ, и что папа, не требуя отъ него никакихъ обѣщаній или обязательствъ, ограничился тѣмъ, что поддерживалъ въ немъ эти мысли и поощрялъ его въ этомъ «благочестивомъ» намѣреніи. Въ донесеніяхъ, отправленныхъ Александромъ Рангони къ папскому двору по поводу возложеннаго на него въ Москвѣ порученія²⁾, нѣтъ и намека на возобновленіе какого-нибудь договора или хотя бы на попытку съ его стороны напомнить Дмитрію о какомъ-либо обязательствѣ, заключенномъ съ Римомъ о дѣлахъ религіи. Молчаніе объ этихъ документахъ, въ которыхъ мы находимъ только намеки на извѣстныя намѣренія Дмитрія³⁾, въ связи со страстнымъ тономъ, въ которомъ ве-

¹⁾ Hist. des guerres, II, 87.

²⁾ Въ „Études religieuses“, Rome et Démétrius, отъ 15 мая и 15 іюня 1877.

³⁾ Краковскій нунцій Клавдій Рангони напоминаетъ иногда Дмитрію его „обѣщанія“ по отношенію религіи. Но легко замѣтить, что тутъ идетъ рѣчь о добровольныхъ обѣщаніяхъ, а не о двоякомъ договорѣ или объ обязательствахъ, которое вымогали у Дмитрія. Даже влѣтвенныя обѣщанія, данныя имъ Георгію Мишкву, не могутъ лежать на совѣсти папы.

день весь разсказъ Массы, даетъ полное право игнорировать его показанія до тѣхъ поръ, пока не будутъ обнародованы достовѣрные документы, ихъ подтверждающіе. Ошибки Массы объясняются весьма просто. Предвзятые взгляды ввели автора-кальвиниста въ преувеличиванія. Неясные слухи, носившіеся о намѣреніяхъ, которыя Дмитрій имѣлъ въ Краковѣ и которыя были одобрены папскимъ нунціемъ, превратились подъ перомъ Массы въ категорическій разсказъ о договорѣ, двукратно заключенномъ папою съ Димитріемъ; но документы на-лицо, и на основаніи ихъ истина легко можетъ быть возстановлена.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, сочиненіе Массы, считаемъ себя въ правѣ оспаривать слишкомъ благопріятный отзывъ Фанъ-деръ-Линде о безпристрастіи Исаака Массы и утверждаемъ, что его разсказъ, особенно же относительно католической церкви¹⁾, не можетъ быть принятъ безъ провѣрки.

О. Павелъ Пирлингъ.

¹⁾ П. С. Казанскій, въ своемъ „Исслѣдованіи о личности перваго Лжедмитрія“ первый изъ русскихъ писателей высказалъ мысль, что обвиненія іезуитовъ по поводу Дмитрія были пущены въ ходъ протестантами („Русскій Вѣстникъ“, 1877, т. IV, стр. 468). На стр. 500-й имъ приведены доказательства, что свѣдѣнія, сообщаемыя Массой, не заслуживаютъ довѣрія.

Коронація императрицы Екатерины Второй.

Въ прибавленіи къ № 80-му «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за 1762 годъ была напечатана корреспонденція «Изъ Москвы отъ 24-го сентября» о происшедшей въ 22-й день сентября коронаціи, миропомазаніи и причащеніи императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. — Въ корреспонденціи этой было помѣщено, между прочимъ, слѣдующее сообщеніе о порядкѣ, въ которомъ происходило священнодѣйствіе въ Большомъ Успенскомъ соборѣ:

«По приближеніи къ церковнымъ соборнымъ дверямъ Ея Императорскаго Величества, весь церковный синклитъ, а имянно: болѣе дватцати архіереевъ, множественное число архимандритовъ и прочихъ духовныхъ чиновачальствующихъ встрѣтили, гдѣ преосвященный архіепископъ новгородскій поднесъ крестъ къ цѣлованію, а преосвященный митрополитъ московскій окропилъ святою водою путь Ея Величества. И такимъ образомъ въ предшествіи всего духовенства Ея Величество препровождена была къ царскимъ вратамъ, гдѣ учиня троекратное поклоненіе, приложиться изволила къ святымъ иконамъ, и потомъ взойти на тронъ великолѣпно въ церковь устроенной, и сѣсть на престолѣ императорскомъ. Тѣмъ временемъ псаломъ Давидовъ «Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», пѣтъ былъ клиромъ. По семъ церковное дѣйствіе коронованія началось преосвященнымъ архіепископомъ новгородскимъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. И когда Ея Императорское Величество, по принятіи на Себя порфиры (которую на Ней такъ какъ и орденъ святаго апостола Андрея оправили оберъ-гофмейстера графиня Анна Карловна Воронцова и гофмейстера Елена

Александровна Нарышкина) Сама возложить на Себя корону изволила, то въ тотъ моментъ пушечная пальба на Красной площади произведена была, и полки, стоящіе по всему городу Кремлю, учинили троекратнымъ бѣглымъ огнемъ первую салютацію. А предстоящіе всѣ на тронѣ принесли свое всеподданнѣйшее поздравленіе Ея Императорскому Величеству. И дѣйствіе коронованія окончалось привѣтствіемъ отъ всего Отечества Россійскаго, тѣмъ же преосвященнымъ Димитріемъ архіепископомъ новгородскимъ. Ея Императорское Величество въ продолженіе литургіи на томъ же тронѣ стоявъ изволила во всемъ императорскомъ одѣяніи, имѣя на главѣ корону и держа въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой державу, которыя при совершеніи нѣкотораго только священнодѣйствія евхаристіи отлагать изволила, и отдавать держателямъ на тронѣ, въ томъ же порядкѣ предстоящимъ. По пропѣтіи каноника, два преосвященныхъ архіереевъ повѣстили Ея Императорскому Величеству о наступающемъ миропомазаніи. Тогда Ея Императорское Величество, снявъ съ себя корону, и какъ оную, такъ скипетръ и державу препоручить соизволила держателямъ оныхъ, которые ей и предшествовали къ олтарю; а Сама съ благоговѣніемъ приступити соизволила къ миропомазанію, которое преосвященный новгородскій и совершилъ. Въ то время во всемъ городѣ колокольный звонъ начался, и вторая учинена была пушечная и бѣглымъ огнемъ отъ полковъ пальба; а потомъ вошедъ Своєю только Особою въ царскія врата и, приступя къ престолу Господню, изъ потира приобщиться изволила Святыхъ Тайнъ по царскому обыкновенію, и принесши Всевышнему благодареніе, вытти изъ олтаря и вступить на прежнихъ Царей Россійскихъ церковное мѣсто, имѣя на главѣ корону и державъ скипетръ и державу въ рукахъ Своихъ, гдѣ и остаться изволила до конца божественной литургіи. Между тѣмъ вся процессія въ прежній порядокъ постановилася, и Ея Императорское Величество въ порфирѣ и коронѣ, держа скипетръ и державу въ рукахъ своихъ, намѣреніе воспріяла, по обычаю древнему, предкамъ Своимъ поклониться въ Архангельскомъ соборѣ, и святымъ мощамъ приложиться въ Благовѣщенскомъ, куда изъ Успенскаго собора и шествовать процессією изволила. Въ сей мо-

ментъ можно было видѣть нелицемѣрное сердце, мысль и духъ обнаженные народа безчисленнаго, который достигши желаемаго, увидѣлъ свою Всемилостивѣйшую Государыню коронованную уже въ порфирѣ и коронѣ».

Корреспонденція эта стала народнымъ достояніемъ и, будучи прочитана съ понятнымъ любопытствомъ, всюду породила въ то время, какъ порождаетъ и теперь, сужденія и толки при обсужденіи помѣщенныхъ въ ней словъ: «а потомъ вошедъ Своею только Особою въ царскія врата и, приступя къ престолу Господню, изъ потира приобщиться изволила Святыхъ Тайнъ по царскому обыкновению». Выводъ изъ народившихся по этому предмету пересудовъ и толкованій воспослѣдовалъ слѣдующій: Императрица самовольно вошла въ алтарь, самовольно взяла въ руки потиръ и самовольно приобщилась изъ него Святыхъ Тайнъ, и этими дѣйствіями нарушила 44-е правило Лаодикійскаго вселенскаго собора, коимъ установлено воспрещеніе входить женщинамъ въ алтарь, и пунктъ Инструкціи благоч., недозволяющій прикасаться къ священнымъ сосудамъ никому, кромѣ священнослужителей. Иные, болѣе начитанные толкователи, находя въ главѣ 66-й Номоканона сказаніе: «Мірстіи во святой олтарь да не входятъ, ни мужіе, ни жены, по 69-му правилу еже въ Труляѣ. Инокія же входятъ и пометають, по 50-му правилу святаго Никифора Цареградскаго, приведенному по редакціи Арменопула, въ коей пояснено: «Достоить инокинямъ въ монастырехъ своихъ входить во святой олтарь, и вжигати свѣщи и кандила и украшати храмъ»; другіе, отыскавъ въ статьяхъ VI-го вселенскаго собора въ Лаодикіи правило 69-е, дозволяющее царямъ входить въ алтарь, усвоивали и за царицами право пользованія этимъ преимуществомъ, но не находя нигдѣ разрѣшенія не то, что царицамъ, но и царямъ брать потиръ съ престола въ руки и лично самимъ приобщиться изъ онаго Святыхъ Тайнъ по царскому обыкновению, недоумѣвали, склоняясь къ убѣжденію, что упомянутое въ корреспонденціи событіе ничѣмъ оправдано быть не можетъ.

Всѣмъ этимъ недоумѣніямъ не было бы мѣста, если бы своевременно были опубликованы, во 1-хъ, «Чинъ церковный, который во время Высочайшей Ея Императорскаго Величества коронаціи

до Собственнаго Ея Императорскаго Величества вѣдѣнія принадлежить», составленный Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, прочтенный имъ «обще Сентября 19-го дня 1762 года», по печатному тексту и получившій резолюцію «Дѣлать по сему», и, во 2-хъ, «Журналъ порядка церемоніи о коронаціи 1762 года», сохранившійся въ архивѣ Правительствующаго Сената.

Считая оба документа чрезвычайно важными, дозволяемъ себѣ подѣлиться съ ревнителями отечественной старины буквальнымъ содержаніемъ того и другаго.

«Чинъ коронаціи, принадлежащій до собственнаго вѣдѣнія муропомазуемой Персоны, 762 года», хранится въ архивѣ Святѣйшаго Синода, за № 25-мъ, и заключается въ слѣдующемъ:

«Когда Ея Императорское Величество собственной Своєю Высочайшею Особою къ рундуку соборной великой церкви изволить приближаться, тогда первый изъ архіереовъ единъ поднесетъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а другій покропитъ Ея Величество священою водою.

«Вшедши въ церковь, Ея Императорское Величество первѣ предъ царскими враты трикратное Господеви поклоненіе сотворить, и къ святымъ мѣстнымъ иконамъ приложится; а потомъ итти на уготованный подъ балдахиномъ у западныхъ дверей среди церкви тронъ, и сѣсть на Императорскомъ Своёмъ мѣстѣ изволить.

«По учиненіи къ Ея Императорскому Величеству отъ первенствующаго архіереа вопроса, о исповѣданіи православныя вѣры, поднесетъ тотъ же архіерей предъ лице Ея Величества растворенную книгу, держа оную на рукахъ своихъ,—и Ея Величество по книгѣ гласно прочитаетъ изволить святыи Символь.

«По прочтеніи Евангелія, приемотреть единъ первый архіерей съ стола, близъ стоящаго съ Императорскими знаменіями, порфѹру, или императорскую мантию, и возложить на Ея Императорское Величество; а по возложеніи мантии на Ея Императорское Величество протодіаконъ: «Господу помолимся», ликъ: «Господи помилуй». И Великая Государыня Императрица преклонитъ главу; а первенствующій архіерей, осѣня верхъ главы Ея Императорскаго Величества крестообразно, и, положа руку на Высочайшую Ея Величества главу, глаголетъ молитву.

«По прочтеніи той, а по ней и другой молитвъ, Ея Императорское Величество изволить указать подать императорскую корону, которую канцлеръ подаетъ первенствующему архіерею, а оный подносить Ея Величеству на подушкѣ.

«Ту корону Ея Величество, принявъ отъ архіереа съ подушки, изволить возложить на свою главу; при чемъ архіерей говорить молитву: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». И по ней Ея Императорскому Величеству пристойную къ тому высочайшему дѣйствию рѣчь.

«А по молитвѣ и рѣчи Ея Императорское Величество изволить повелѣть подать скипетръ и державу, которыя отъ того же архіереа, на подушкахъ поднесенныя, приметъ,—скипетръ въ правую, а державу въ лѣвую руку, архіерей при томъ паки говорить: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь», и къ Ея Императорскому Величеству приличную рѣчь. И какъ та рѣчь окончится, то Ея Императорское Величество на Своемъ императорскомъ тронѣ сѣсть изволить.

«Послѣ онаго, когда протодіаконъ возгласитъ весь Ея Императорскаго Величества полный титулъ и воскликнетъ Ея Величеству многолѣтіе, а пѣвчіе будутъ пѣть многая лѣта, и начнется звонъ во вся колокола, и первая изъ пушекъ и мѣлкаго ружья пальба,—между пѣніемъ какъ духовные, такъ и мірскіе чины отъ своихъ мѣстъ троекратнымъ поклоненіемъ Ея Императорское Величество поздравятъ.

«А по пропѣтіи многолѣтія и по престаніи звона и пальбы, Великая Государыня Императрица, вставъ съ престола, и отдавъ скипетръ и державу предстоящимъ, прочтетъ по книзѣ слѣдующую къ Богу молитву:

«Господи, Боже мой, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, сохранивъ мя невредиму отъ всѣхъ скорбей и напастей, нынѣ же и царствовать надъ преславнымъ симъ народомъ оправдавый, исповѣдую неисчетное ко мнѣ Твое милосердіе, и благодаря Величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на не же послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ, даждь и смиренію моему премудрость, предстоящую престоломъ Твоимъ. Буди сердце мое

въ руку Твоею, еже вся устроить къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдное воздамъ Тебѣ слово. Милостію и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси съ Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ во вѣки. Аминь.

«По прочтеніи отъ Ея Величества молитвы, архіерей возгласятъ: «Миръ всѣмъ»; ликъ: «И духови твоему». Протодіаконъ: «Паки и паки, преклонше колѣна, Господу помолимся». И вси предстоящіи преклоняють колѣна,—Ея Величество изволить прямо стоять,—и архіерей преклонь колѣна, читаетъ отъ лица всего народа молитву.

«По прочтеніи оной молитвы учинено быть имѣть Ея Императорскому Величеству краткое поздравленіе, а по немъ покоуть гѣвчїе: «Тебѣ Бога хвалимъ»,—и по звонѣ начнется святая литургія.

«Во время литургіи Ея Императорское Величество изволить съ Себя корону снимать въ надлежащіа времена,—а имянно:

1. Во время чтенія святаго Евангелія, которое по прочтеніи принесется къ Ея Величеству, и Ея Величество соизволить ту Евангельскую книгу цѣловать.

2. Въ болшей выходъ со Святыми Дары.

3. На словахъ Христовыхъ: «Примите ядите», даже до окончанія «Достойно».

4. Во чтеніи молитвы Господни: «Отче нашъ».

5. На словахъ «Святая святымъ».

«И изволить Ея Императорское Величество на томъ же Своемъ тронѣ пробыть и святую литургію слушать даже до муропомазанія и Святыхъ Таинъ причастія.

«Когда начинаютъ пѣть киноникъ, тогда отъ трона до царскихъ дверей, для шествія Ея Императорскаго Величества къ святому муропомазанію и причащенію Святыхъ Таинъ, постилагается бархатъ, а близъ самыхъ царскихъ дверей, сверхъ бархата, золотая парча.

«И послѣ пѣнія киноника и по причастіи внутрь олтаря священнослужащихъ архіереовъ, архимандритовъ и проч., когда отворены будутъ двери царскія, тогда пошлются изъ олтаря два архіерея, послѣдующимъ имъ по обѣ стороны протодіакономъ, возвѣ-

ститъ Ея Императорскому Величеству время царскаго муропомазанія. И подшедь оныя къ Ея Императорскому Величеству возвѣстятъ слѣдующимъ образомъ: «Благочестивѣйшая Великая Государыня, Наша Императрица и Самодержица Всероссійская, Вашего Императорскаго Величества муропомазанія и Святыхъ Божественныхъ Тайнъ приобщенія приближися время: того ради да благоволятъ Ваше Императорское Величество шествовать сея великія соборныя церкви къ царскимъ дверемъ».

«И Ея Величество изволитъ, сошедь съ трона шествовать прямо къ царскимъ дверемъ, со славою провождаема отъ опредѣленныхъ къ тому персонъ, и изволитъ стать у дверей тѣхъ, на златомъ посланномъ коврѣ, и отдасть регаліи носящимъ. А первый архіерей изъ нарочнаго къ тому дѣлу драгаго сосуда омоча драгоцѣнный къ тому устроенный сучецъ во святое муро, помажетъ Ея Величество на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушесѣхъ, на рамѣ, на персехъ, и по обою сторону на рукахъ, глаголя: «Печать дара Святаго Духа»; а другій архіерей мѣста помазанныя чистою хлопчатою бумагою отираетъ.

«А по совершеніи муропомазанія имѣетъ быть великой звонъ, и другая изъ пушекъ и мѣлкаго ружья пальба.

«По томъ Ея Величество архіерейскою рукою введется внутрь олтаря, и стоя предъ святою трапезою на златомъ коврѣ, приметъ отъ перваго архіерея Святыхъ Тайнъ, Тѣла и Крове Господни причастіе, по чину царскому, то есть какъ причащаются священнослужители: особъ отъ Тѣла и особъ отъ Крове Христовы; а по томъ другій архіерей поднесетъ Ея Величеству антидоръ и вино; а третій архіерей же Ея Величеству устъ и рукъ омовенію послужить.

«По причастіи же Святыхъ Тайнъ Ея Императорское Величество, вышедь изъ олтаря, и принявъ регаліи попрежнему, изволитъ шествовать къ церковному Своему Императорскому мѣсту, что у южныхъ дверей, и тамо пребудетъ до окончанія святыя литургіи.

«По окончаніи литургіи, будетъ Ея Императорское Величество покланяема и поздравляема отъ духовныхъ и всѣхъ чиновъ благочинно. И изволитъ Ея Величество шествовать изъ церкви провождаема всѣми первѣйшими чинами какъ и въ церковь.

«Егда изволитъ Ея Императорское Величество выступить изъ

церкви, тогда надлежитъ быть третьей пальбѣ, подобно первымъ, и большому звону во вся колокола въ соборѣхъ и во всѣхъ монастырѣхъ и приходскихъ церквахъ до вечерни. И тако кончится церковная церемонія.

«А въ соборъ Архангельскій, въ который Ея Императорское Величество изъ Успенскаго шествовать изволить, отправится архіерей и встрѣтитъ Ея Величество со крестомъ при соборѣ на паперти и, поднесши крестъ къ цѣлованію, предъидеть предъ Ея Величествомъ въ церковь со крестомъ.

«И по вступленіи Ея Величества въ церковь протодіаконъ чтетъ ектенію.

«По томъ возгласъ, и отпущъ, и многолѣтіе, и поють пѣвцы «Многа лѣта» трижды.

«Тѣмъ временемъ Ея Императорское Величество изволить приложиться къ святымъ иконамъ и къ мощамъ святаго царевича Дмитрія, и потомъ поклониться гробамъ Предковъ Своихъ.

«И изволить Ея Величество со славою шествовать въ соборъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

«У того собора встрѣтитъ Ея Величество на паперти съ крестомъ архіерей же и, поднесши крестъ къ цѣлованію, предъидеть предъ Ея Величествомъ,—и прочтется отъ протодіакона ектенія, и отъ архіереа отпущъ, и многолѣтіе,—якоже и въ Архангельскомъ соборѣ.

«Изъ того собора изволить Ея Императорское Величество со славою шествовать къ Красному крылцу и въ домъ Свой Императорскій съ миромъ».

Документъ, хранящійся въ архивѣ Правительствующаго Сената, заключается въ слѣдующемъ:

«Ея Императорскому Величеству Всемиловивѣйшей Государынѣ

всеподданнѣйшее приношеніе.

«22-го числа сего сентября, въ 9-мъ часу по полуночи, Императорскія регалія изъ сенатскихъ апартаментовъ принесены будутъ въ Аудіенсъ-Камору и поставятца подъ балдахиномъ, гдѣ носяція оныя ожидаютъ входа Вашего Императорскаго Величества.

«Когда же Ваше Императорское Величество Своею Августѣйшею Императорскою Особою къ воспріятію шествія во Аудіенсъ-

Камору прибыть и во оной подъ балдахиномъ въ креслахъ сѣсть изволите, тогда къ поднятію регалій дань будетъ чрезъ трубы и литавры сигналъ и, по поднятіи регалій, начнется походъ къ соборной церкви.

«Во оной процессіи по сторонамъ Вашего Императорскаго Величества, уступая немного позади, итти имѣють господа ассистенты: генераль-фельдмаршалы, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ и графъ Кирила Григорьевичъ Разумовской.

«Шлейфъ Вашего Императорскаго Величества нести имѣють старшія камеръгеры, а наконецъ поддерживать будетъ оберъ-камеръгеръ.

«Когда Ваше Императорское Величество собственною Своею Всевысочайшею Особою къ той церкви приблизится изволите, тогда первый архіерей поднесетъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а другой покропитъ святою водою».

(За симъ слѣдуетъ почти буквальное повтореніе церковнаго дѣйствія коронаціи, муропомазанія и причащенія Святыхъ Таинъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ назначено въ «Чинѣ церковномъ»).

«По совершеніи Божія службы Ваше Императорское Величество въ коронѣ императорской и мантии, со скипетромъ и державою въ рукахъ, соизволите шествовать въ прежнемъ порядкѣ въ сѣверныя двери околь Ивановской колоколни къ соборной церкви Архистратига Михаила, при которой въ дверяхъ встрѣтитъ архіерей со крестомъ. И во ономъ соборѣ соизволите приложася къ святымъ иконамъ и мощамъ святаго царевича Димитрія, и, отдавъ поклонъ гробамъ предковъ своихъ, въ такомъ же порядкѣ шествовать изволите до Благовѣщенскаго собора, гдѣ также предъ дверьми встрѣтитъ архіерей со крестомъ. И въ ономъ соборѣ, приложась ко святымъ иконамъ, изволите путь воспріять въ апартаменты Вашего Императорскаго Величества.

«И по прибытіи Вашего Императорскаго Величества поднесетъ Вашему Императорскому Величеству генераль-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовской, на золотомъ блюдѣ, золотыя и серебряныя медали и жатоны, изъ которыхъ Ваше Императорское Величество соизволите пожаловать Его Императорскому Высочеству Всероссійскому Наслѣднику, Вселюбезнѣйшему Вашего Императорскаго Величества Сыну, Благовѣрному Государю Цеса-

ревичу и Великому Князю Павлу Петровичу золотыхъ и серебряныхъ медалей и жатоновъ, отъ каждаго сорта, по одной, и потомъ всѣ бывшіе въ чинахъ, проходя въ Грановитую палату, тамо Ваше Императорское Величество ожидаютъ. И Ваше Императорское Величество въ тѣхъ апартаментахъ присутствовать соизволите, докаместъ въ Грановитой палатѣ все къ столу будетъ приуготовлено.

«А между тѣмъ не соизволите ли Ваше Императорское Величество, для такой отъ Бога дарованной общенародной радости, кого пожаловать кавалеріями, и повелѣтъ объявить кого въ какіе чины, или протчимъ награжденіемъ пожаловать изволите.

«Когда же въ Грановитой палатѣ все уже къ этому приуготовлено и Вашему Императорскому Величеству отъ верховнаго маршала о томъ донесено будетъ, тогда Ваше Императорское Величество въ Грановитую шествовать, и прибывъ туда на изготовленномъ на тронѣ Ваше Императорское Величество престолѣ сѣсть соизволите, и тогда президенты Коллеги, Желабужской и Кнутовъ, принесутъ, на двухъ золотыхъ блюдахъ, золотыя и серебряныя медали, которыя генераль-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовской поднесетъ Вашему Императорскому Величеству, а Ваше Императорское Величество изъ оныхъ изволите Сама, взявъ, пожаловать генераломъ-фельдмаршаломъ, генералу-адмиралу, канцлеру, генераломъ-аншефомъ, тайнымъ и дѣйствительнымъ совѣтникамъ, Вашей Императорскаго Величества оберъ-гофъ-мейстеринѣ и гофъ-мейстеринѣ, штатсъ-дамамъ, фрейлинамъ и первыхъ трехъ классовъ дамамъ, по одной золотой и серебряной медаль и по одному золотому и серебряному жатону; а протчимъ какъ мужеска такъ и женска пола, въ той палатѣ обрѣтающимся, персонамъ раздавать будетъ помянутой же генераль-фельдмаршалъ и ковалеръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовской.

«Въ большой коронѣ и тяжелой мантии соизволите быть токмо въ первой день, а протчіе дни Высочайшей коронаціи въ меньшей коронѣ и легкой мантии».

«Таково поднесено Ея Императорскому Величеству генераль-фельдмаршаломъ и ковалеромъ князь Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ 17-го сентября 1762 года».

Аскалонъ Труворовъ.

Отъ Смоленска до пріѣзда Кутузова въ армію¹⁾.

II.

Извѣстія о мирѣ Россіи съ турками и союзѣ съ Швеціею привели Наполеона въ раздраженіе; онъ бранилъ турокъ, грозилъ, что они «дорого заплатятся ему за глупый поступокъ, котораго онъ и предвидѣть не могъ», бранилъ шведовъ и особенно Бернадота; но, выслушавъ извѣстія изъ Москвы и русскіе документы съ мрачнымъ вниманіемъ, онъ нѣсколько разъ заставилъ своего переводчика повторить чтеніе. «Очевидно, опасаются, чтобы мы не помирились», замѣтилъ онъ, узнавъ, что императоръ Александръ оставилъ войска и уѣхалъ въ Москву и Петербургъ, и удивлялся, какъ могли такъ подѣйствовать на его характеръ и придать такое ожесточеніе этой войнѣ. Онъ чувствовалъ, что передъ нимъ возставалъ тотъ врагъ, котораго онъ такъ презиралъ, что не хотѣлъ назвать по имени; но значеніе котораго онъ по нялъ въ Испаніи, а этотъ врагъ, возстававшій теперь въ гораздо большей силѣ, нежели тамъ—былъ русскій народъ. Онъ предвидѣлъ возможность народной войны и ощущалъ даже ея начало, приблизясь къ предѣламъ Смоленской губерніи. Считая народы такою же принадлежностью территорій, какъ горы, рѣки и лѣса, разсчитывая ихъ по числу душъ на квадратныя миля тѣхъ земель, которыя отмежевывалъ отъ однихъ государствъ, чтобы примезевать къ другимъ и создать новыя, могъ ли онъ рѣшиться назвать по имени врага, котораго не считалъ возможнымъ побѣдить. Только впоследствии на островѣ св. Елены, онъ говорилъ: «всѣ чувства любви къ отечеству и вѣры были возбуждены въ русскихъ, легко было предвидѣть, что за трудностями и лишениями, которыя мы терпѣли въ Литвѣ, послѣдуютъ всѣ ужасы народной войны. Намъ предстояла новая Испанія; но Испанія безъ границъ, безъ городовъ, безъ способовъ. Мы не могли встрѣтить въ Россіи новую

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., ноябрь.

Сарагосу, потому что деревянные, обшитые тесомъ, дома не могли устоять противъ пальбы и огня; но насъ ожидали затрудненія иного рода, затрудненія—еще болѣе ужасныя. Сердце мое сжалось, когда я подумалъ о разстояніи, которое меня отдѣляло еще отъ Москвы, и объ отдаленіи, въ которомъ находились мои войска отъ магазиновъ, войска, уменьшенныя на цѣлую треть болѣзнями, недостатками и отсталыми». Сознаніе крайне затруднительнаго положенія войскъ въ настоящемъ, ожиданіе еще болѣе затруднительнаго положенія для обоихъ фланговъ великой арміи въ недалекомъ будущемъ и грозной опасности для ней самой по мѣрѣ ея углубленія внутрь Россіи, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ о необходимости идти впередъ, вынудить русскія войска на рѣшительное сраженіе, разбить ихъ, великодушно даровать потомъ какой угодно миръ побѣжденному врагу, для того, чтобы спасти обаяніе своего могущества и славы,—возбуждали сильную тревогу въ императорѣ Наполеонѣ. Она выражалась видимо для всѣхъ, его окружавшихъ. «Онъ бродилъ по комнатамъ губернаторскаго дома, который онъ занималъ въ Витебскѣ, какъ-будто его преслѣдовало какое-то искушеніе. Ни на чемъ онъ не могъ остановиться; непрерывно то принимался онъ за работу, бросалъ ее и потомъ снова принимался, ходилъ взадъ и впередъ безъ цѣли, спрашивалъ, который часъ, слѣдилъ за временемъ. Погруженный въ думу, онъ то останавливался, шутилъ и снова начиналъ ходить. Какъ бы въ разсѣянности, онъ обращался съ отрывочными словами къ тѣмъ, кого встрѣчалъ. «И такъ, что же мы будемъ дѣлать? Остановимся ли здѣсь? Пойдемъ ли впередъ? Можно ли остановиться, идя по такому славному пути?» Не дожидаясь отвѣта, онъ начиналъ снова ходить, какъ-будто искалъ что-то или желалъ, чтобы кто-нибудь рѣшилъ за него его недоумѣнія. Наконецъ, какъ бы утомленный важною мыслью, удрученный неизвѣстностью, неопредѣленностью положенія, онъ бросался на постель, полураздѣтый, какъ бывалъ онъ въ это время отъ сильныхъ жаровъ». Блестящая комета, сорвавшись съ своей орбиты и теряясь въ необъятныхъ пространствахъ, почувствовала близость своей гибели.

Но и въ эти дни отдыха великой арміи и страшной тревоги ея вождя, не прекращалась его неутомимость, дѣятельность, и мысль не теряла силы и ясности. Въ это время онъ придумалъ знаменитое движеніе на Смоленскъ по лѣвому берегу Днѣпра, чтобы занять его безъ боя, предупредивъ русскія войска, а затѣмъ принудить ихъ къ рѣшительному сраженію, въ исходѣ котораго онъ не сомнѣвался. Но это предположеніе, какъ и всѣ предшедшія, не удалось. Померкала его звѣзда, въ которую онъ слѣпо вѣрилъ или, лучше сказать, въ самого себя, не имѣя истинной, ясновидящей вѣры. Рѣшеніе, принятое въ Витебскѣ овладѣть Смоленскомъ было послѣднею побѣдою генія надъ

силою обстоятельствъ. Съ тѣхъ поръ всё его дѣйствіе отличались неопредѣленностью и нерѣшительностью какъ подѣ Смоленскомъ, такъ и потомъ, по замѣчанію его сотрудниковъ, въ сраженіи при Бородинѣ и во время пребыванія въ Москвѣ. Не успѣвъ врасплохъ захватить Смоленскъ, онъ задумалъ обойти его, устроить переправу черезъ Днѣпръ выше города, но дѣйствовалъ нерѣшительно и не привелъ въ исполненіе своего предположенія, ожидая, что русскія войска не ограничатся только защитою, но выйдутъ изъ города и дадутъ рѣшительное сраженіе. Вечеромъ 4-го августа, видя съ возвышенія на лѣвомъ берегу рѣки, какъ по противоположному берегу приближались къ городу войска Барклай-де-Толли, онъ съ радостью повторялъ: «теперь они въ моихъ рукахъ». Когда ночь прекратила первый день боя подѣ Смоленскомъ, онъ отвелъ свои войска на значительное разстояніе отъ города, очистивъ пространство, на которомъ надѣялся на другой день увидѣть русскія войска въ боевомъ порядкѣ, готовыя принять сраженіе. Но поле оставалось пустымъ на другой день. Тщетно ожидая появленія на немъ русскихъ войскъ, онъ получилъ извѣстіе, что они въ значительномъ количествѣ отступаютъ отъ Смоленска по большой московской дорогѣ. Это отступала армія князя Багратіона. Не рѣшаясь исполнить предположенія перейти Днѣпръ выше Смоленска въ виду этой арміи, хотя и считалъ его «самымъ выгоднымъ», онъ рѣшился взять этотъ городъ и въ немъ открыть переходъ черезъ рѣку своимъ войскамъ. Бой 5-го августа подѣ Смоленскомъ былъ такъ же неуспѣшенъ для французовъ, они не взяли города и отступили, несмотря на «жесточайшіе и отважнѣйшіе приступы»—какъ доносили Барклай-де-Толли императору, стоявшіе имъ большихъ потерь. На другой день, когда наши войска оставили Смоленскъ и сожгли мостъ на Днѣпрѣ, онъ заботился объ устройствѣ переправъ черезъ рѣку и возвратился къ мысли о переправѣ выше города. Августа 7-го корпусъ Нея и часть корпуса Даву переправились въ Смоленскъ и, выйдя за Петербургское предмѣстье, нечаянно столкнулись съ заблудившимися ночью частями русскихъ войскъ первой арміи и завязали дѣло. Императоръ Наполеонъ, прибывъ на мѣсто сраженія, прекратилъ его, направивъ корпусъ Нея и одну изъ дивизій корпуса Даву на московскую дорогу, гдѣ находился уже Вестфальскій корпусъ Жюно, переправившійся черезъ Днѣпръ у Пруднищева, и кавалерія Мюрата. «Я, можетъ быть, — говорилъ онъ впоследствии на островѣ Св. Елены, — сдѣлалъ ошибку, не направивъ туда главныхъ моихъ силъ. Этотъ путь прямѣ шелъ къ достиженію непріятели». Онъ оправдывался тѣмъ, что не зналъ, чѣмъ дѣлается въ русскихъ войскахъ, и желалъ имѣть свѣдѣнія, по какому направленію они будутъ отступать. Но ему было извѣстно отступление 2-ой арміи князя Багратіона по московской дорогѣ, и едва-ли онъ могъ

*

предполагать, что едва соединившаяся съ нею первая армія снова отдѣлится и пойдетъ по дорогѣ къ Петербургу. Въ одно и то же время съ этимъ поступкомъ, который самъ призналъ ошибкою, онъ сдѣлалъ и другую, не менѣе важную. Направивъ Нея на московскую дорогу, онъ возвратился въ Смоленскъ и цѣлый день провелъ тамъ, не дѣлая никакихъ распоряженій военными дѣйствіями у Валутина, о которыхъ немедленно знали въ Смоленскѣ по грому пушекъ, а въ полдень получили даже свѣдѣнія о ходѣ боя. Дѣйствовали три военачальника, независимо другъ отъ друга, никому не подчиненные, кто бы могъ придать единство дѣйствіямъ. Въ полночь, когда прибывшіе съ поля сраженія, Гурго, его адъютантъ и помощникъ начальника штаба Мюрата, Борелли, рассказали ему о ходѣ битвы, къ исходу которой собрались значительныя силы русскихъ, превосходившія уже числомъ его войска, онъ воскликнулъ: «что вы говорите, вы были слабѣе, у непріятели было до 60 тысячъ, такъ это сраженіе?» Дѣйствительно, это могло быть именно такое сраженіе, котораго онъ искалъ, и къ которому желалъ принудить русскія войска. «Потерявъ былъ», говоритъ Б. Фенъ, «одинъ изъ лучшихъ случаевъ, какой только представлялся во всю кампанію. Армія Барклая, отдѣленная отъ арміи Багратиона, сами, раздѣленные на части, затрудненные переходомъ по проселочнымъ дорогамъ, выходявшимъ изъ этихъ мѣстностей, человекъ за человекъ, пушка за пушкой, все бы это досталось намъ. Но тамъ не было главнокомандующаго войсками, и все пропало. Никто въ его отсутствіе ничего не видалъ, ничего не понялъ, ни о чемъ не догадался». Узнавъ о бездѣйствіи Жюно, въ первомъ порывѣ гнѣва, онъ хотѣлъ смѣнить его и назначалъ уже на его мѣсто Раппа, только-что прибывшаго въ Смоленскъ; но потомъ, чувствуя, конечно, что не онъ одинъ виноватъ, не исполнилъ своей угрозы.

Такой нерѣшительный образъ дѣйствій императора Наполеона можетъ быть объясненъ состояніемъ духа, въ которомъ онъ находился въ это время, сознавая безвыходное положеніе, въ которомъ онъ пребывалъ. Обстоятельства не улучшились послѣ Витебска, напротивъ, онъ испыталъ новую неудачу, не успѣвъ занять врасплохъ Смоленска, число войскъ убавилось, средства продовольствія по-прежнему были затруднительны, извѣстія съ фланговъ о сраженіяхъ при Городечнѣ и Полоцкѣ, хотя французы и приписывали имъ значеніе блистательныхъ побѣдъ, доказывали только, что Шварценбергъ, и Ренъе, и Удино, и Сенъ-Сиръ могли еще держаться, пока молдавская армія не соединится съ Тормасовымъ, а финляндская—съ Витгенштейномъ, войска роптали, не охотно шли впередъ, большая часть военачальниковъ совѣтовали остановиться: начиналась уже народная война...

Чтобы заглушить ропотъ войскъ, онъ осыпалъ наградами сражав-

шихся при Валутиѣ; но, какъ самъ говоритъ, «возвратился въ Смоленскъ въ отчаяніи, что еще разъ пропустилъ такой благоприятный случай. Тысячи горестныхъ чувствъ волновали меня. Три дня безполезнаго кровопролитія, видъ развалинъ Смоленска, ежедневно увеличивающаяся слабость нашихъ баталіоновъ и особенно эскадроновъ... Было о чемъ подумать—и подумать съ горестью. Бодрость моя немного поколебалась».

Какъ выйти изъ такого положенія? Остановиться въ Смоленскѣ, какъ желали его войска и большая часть военачальниковъ? Онъ дѣйствительно выражалъ это мнѣніе многимъ изъ нихъ, чтобы хотя на время успокоить тревожное настроеніе; но никогда не раздѣлялъ этого взгляда. Люди, болѣе близкіе къ нему, знали, что онъ считалъ необходимымъ окончить войну занятіемъ Москвы. «Москва насъ погубить», говорилъ Е в г е н і й, вице-король Италіи, — «мы погибнемъ въ Москвѣ», говорилъ Мюратъ, послѣ откровенныхъ съ нимъ объясненій. Затянуть войну на нѣсколько лѣтъ было совершенно противно характеру Наполеона, и опасно для него, какъ императора. Слѣдовало не затягивать войну, а окончить ее какъ можно скорѣе — заключеніемъ мира.

Въ Витебскѣ онъ выражалъ уже мысль, что желаетъ мира, но для того, чтобы начать переговоры, онъ считалъ необходимымъ, чтобы императоръ Александръ подалъ къ тому поводъ. Въ Смоленскѣ, не дожидаясь уже заявленія со стороны русскаго императора, онъ самъ рѣшился довести до его свѣдѣнія о своей готовности начать переговоры о мирѣ. Въ сраженіи при Валутиѣ былъ взятъ въ плѣнъ израненный генераль Тучковъ и находился въ Смоленскѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его плѣна, по порученію императора Наполеона, его спросили, можетъ ли онъ, по состоянію его здоровья, представиться императору? Получивъ утвердительный отвѣтъ, на другой же день генераль Ф ла г о пришелъ къ нему и предложилъ идти вмѣстѣ съ нимъ. «Какого вы корпуса?» былъ первый вопросъ императора Наполеона, когда Тучковъ былъ введенъ въ его кабинетъ. «Втораго», отвѣчалъ Тучковъ. «А, это корпусъ Багговута», замѣтилъ Наполеонъ, «родня ли вамъ генераль Тучковъ, командующій первымъ корпусомъ?»—«Родной мой братъ».—«Я не стану спрашивать васъ о числѣ вашихъ войскъ», продолжалъ онъ, и желая показать, что оно ему извѣстно подробно, перечислилъ его составъ, всѣ корпуса, дивизіи, полки, баталіоны и даже роты, потомъ, помолчавъ немного, онъ сказалъ: «это вы, господа, хотѣли этой войны, а не я. Знаю, что у васъ говорятъ, что я зачинщикъ оной, но это неправда. Я вамъ докажу, что я не хотѣлъ войны, но вы лишь къ ней принудили». «Тутъ», говоритъ Тучковъ, «онъ началъ рассказывать мнѣ все поведеніе свое съ нами съ самаго Тильзитскаго мира, что ему тамъ было обѣщано, и какъ мы нашихъ обѣщавій не

выполнили, какія его министръ подавалъ нашему правительству ноты, и что не только не давали на нихъ никакого отвѣта, но даже,—чего нигдѣ и никогда не слыхано,—его посланника не допустили до государя, для личнаго съ нимъ объясненія. Потомъ начали сосредоточивать войска въ Польшѣ, перевели туда дивизію изъ Финляндіи и двѣ изъ Молдавіи, подвергаясь даже опасности ослабить тѣмъ военныя дѣйствія противъ турокъ. «Противъ кого же были всѣ эти приготовления, какъ не противъ меня», говорилъ онъ. «Что же, неужели я долженъ былъ дожидаться, чтобы вы, перейдя Вислу, дошли до Одера? Я долженъ былъ предупредить васъ. Но и по приѣздѣ моемъ къ арміи, я желалъ еще войти въ переговоры и предупредить войну; но мнѣ вдругъ отвѣчаютъ, что со мною и переговоровъ викакихъ имѣть не хотятъ, пока мои войска не перейдутъ обратно черезъ Рейнъ. Что же, развѣ вы меня побѣдили? Съ чего взяли предъявлять мнѣ такія требованія?»

Боевому генералу, какъ Тучковъ, которому не были извѣстны тайны дипломатическихъ сношеній, конечно, онъ смѣло могъ говорить все, что ему было угодно, и онъ ничего не могъ отвѣчать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнилъ рѣчь и не обратился прямо съ вопросомъ: «дадимъ ли мы генеральное сраженіе или все будемъ отступать?» — «Мнѣ неизвѣстны намѣренія нашего главнокомандующаго». Тогда онъ началъ отзываться очень невыгодно о Барклаѣ-де-Толли,—пишетъ Тучковъ,—говоря, что нѣмецкая его тактика ни къ чему хорошему насъ не приведетъ.—«Русскій народъ храбрый, благородный, усердный къ государю, онъ созданъ драться благороднымъ образомъ, на чистоту, а не слѣдовать глупой нѣмецкой тактикѣ. Да и къ чему она васъ можетъ довести, вы видѣли примѣръ Пруссіи, она со своею тактикой кончилась въ три дня. Что за отступленіе. Если уже вы хотѣли воевать, то почему же, вмѣсто того, не заняли Польшу и далѣе, что вы легко могли сдѣлать, и тогда, вмѣсто войны въ вашихъ границахъ, вы перенесли бы ее въ непріятельскую землю. Да и пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Почему же главнокомандующій вашъ не умѣлъ ничего этого сдѣлать; а теперь, отступая непрерывно, опустошаетъ только свою собственную землю. Зачѣмъ оставилъ онъ Смоленскъ? Зачѣмъ онъ довель этотъ прекрасный городъ до такого несчастнаго положенія? Если онъ хотѣлъ его защищать, то для чего же не защищалъ долѣе? Онъ бы могъ удержать его еще очень долго. Если же онъ не имѣлъ этого намѣренія, то зачѣмъ же останавливался и дрался въ немъ? Развѣ только для того, чтобы разорить городъ до основанія. За это бы во всякомъ другомъ государствѣ его разстрѣляли. Да и зачѣмъ было разорять Смоленскъ, такой прекрасный городъ? Онъ для меня лучше всей Польши, онъ былъ всегда русскимъ—и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, онъ мнѣ другъ, несмотря на войну. Война ни-

чего не значить. Государственныя выгоды могутъ разрознить и родныхъ братьевъ. Но, несмотря на то, что я очень его люблю», продолжалъ онъ, нѣсколько помолчавъ, «я не могу понять, что у него за пристрастіе къ иностранцамъ. Что-за страсть окружать себя подобными людьми, какъ напримѣръ: Фуль, Армфельдъ и т. п., людьми безъ всякой нравственности, признанными во всей Европѣ за самыхъ послѣднихъ людей всѣхъ націй? Какъ, неужели бы онъ не могъ изъ такой храброй, преданной своему государю, націи, какъ ваша, выбрать людей достойныхъ, которые, окруживъ его, доставили бы честь и уваженіе престолу?»

Выслушавъ эту длинную рѣчь, Тучковъ сказалъ: «ваше величество, я подданный моего государя, и судить о его поступкахъ и, тѣмъ болѣе, осуждать его поведеніе никогда не осмѣливаюсь, я солдатъ и, кромѣ слѣпаго повиновенія власти, ничего другаго не знаю». Такой отвѣтъ, конечно, заставилъ понять все неприличіе предложенныхъ имъ русскому генералу вопросовъ; но его отвѣтъ не могъ разсердить государя. «Съ нѣкоторою ласкою дотронувшись слегка рукою до его плеча, онъ отвѣчалъ: «вы совершенно правы! я очень далекъ отъ того, чтобы порицать вашъ образъ мыслей. Я только выразилъ мое мнѣніе, и то потому, что мы теперь съ глазу на глазъ, и это далѣе не пойдетъ».

Эта длинная рѣчь клонилась только къ тому, чтобы скрыть отъ своего собесѣдника или, лучше сказать, слушателя, дѣйствительную причину, побудившую его назначить ему свиданіе, и подкупить его похвалами русскому народу и русскому императору. Онъ хотѣлъ показать, будто бы не преднамѣренно и даже случайно онъ выразилъ ее, увлекаемый влеченіемъ своихъ рѣчей. «Знаетъ ли васъ лично вашъ императоръ?» спросилъ онъ, наконецъ, Тучкова.—«Надѣюсь», отвѣчалъ онъ, «потому что нѣкогда я имѣлъ счастье служить въ его гвардіи».—«Можете ли вы писать къ нему?»—«Никакъ нѣтъ, ибо я никогда не осмѣлюсь утруждать его моими письмами, а особенно въ теперешнемъ моемъ положеніи».—«Но если вы не смѣете писать къ императору, то можете написать къ вашему брату то, что я вамъ теперь скажу?»—«Къ брату - другое дѣло, я все могу ему писать».—«Итакъ, вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе», говорилъ Наполеонъ, «если вы напишете вашему брату, что вы видѣли меня и что я поручилъ вамъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или черезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороху и довольно пролили крови, и что когда же нибудь надо кончить. За что мы деремся? Я противъ Россіи ничего не имѣю. О, еслибъ это были англичане (*parlez moi de cela!*)—это было бы иное дѣло». (При этихъ словахъ онъ сжалъ кулакъ и поднялъ его вверхъ).

«Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите имѣть кофе и сахаръ? очень хорошо, все это можно устроить, такъ что вы будете ихъ имѣть. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю, чтобы изъ вашихъ генераловъ, которые болѣе другихъ пользуются у васъ уваженіемъ: какъ напримѣръ: Багратіонъ, Д о х т у р о в ъ, О с т е р м а н ъ, вашъ братъ и другіе,—я не говорю о Барклаѣ, онъ и не стоитъ того, чтобы о немъ говорить,— пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на вашей сторонѣ болѣе вѣроятностей (chances) къ успѣху, и что легко меня разбить, то пускай назначаютъ, гдѣ и когда имъ будетъ угодно драться. Я на все готовъ. Если же, напротивъ того, они найдутъ, что всѣ выгоды на сторонѣ моей, какъ и дѣйствительно есть, то зачѣмъ же намъ по-пустому еще болѣе проливать кровь. Не лучше ли начать переговоры о мирѣ прежде потери сраженія, нежели послѣ? Да и какія могутъ быть послѣдствія, если вы проиграете сраженіе? Послѣдствія тѣ, что я займу Москву, и какія бы я ни принималъ мѣры къ ея сохраненію отъ разоренія, все будетъ напрасно: завоеванная провинція или занятая непріателемъ столица похожа на дѣвку, потерявшую свою честь— послѣ дѣлай что хочешь, а чести не возвратишь. Я знаю, что у васъ говорятъ, что Россія еще не въ Москвѣ; но то же самое говорили и австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну; но когда я ее занялъ, то совсѣмъ другое заговорили. И съ вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ; Петербургъ не иное что, какъ резиденція, настоящая же столица Россіи—Москва». Такъ онъ говорилъ непрерывно, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и не обращаясь къ Тучкову, который молча слушалъ его. Наконецъ, онъ остановился передъ нимъ, пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ: «вы лифляндецъ?»—«Нѣтъ, я настоящій русскій», отвѣчалъ Тучковъ.—«Изъ какой мѣстности Россіи?»—«Изъ-подъ Москвы».—«А, вы изъ Москвы», говоритъ съ особымъ удареніемъ Наполеонъ, «вы изъ Москвы, это вы-то, господа москвичи, хотите вести войну со мною?» — «Не думаю», возразилъ Тучковъ, «чтобы московскіе жители особенно желали воевать съ вами, и притомъ, въ своей собственной землѣ. Если же они дѣлаютъ большія пожертвованія, то это для защиты отечества, и тѣмъ исполняя волю своего государя».—«А меня увѣряли, что этой войны хотятъ московскіе господа. Но какъ вы думаете, еслибъ государь вашъ захотѣлъ заключить миръ со мною, то можетъ ли онъ это сдѣлать?»—«Кто же могъ бы ему воспрепятствовать», отвѣчалъ Тучковъ.—«А Сенатъ, напримѣръ».—«Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, какъ только ту, которую самому государю угодно ему предоставить».

Зерно этой продолжительной бесѣды заключается въ желаніи мира.

Все остальное — льстивыя выраженія о русскомъ народѣ и императорѣ Александрѣ и, въ то же время, угрозы, хвастовство своею силою, которой не можетъ противустоять Россія, скромное желаніе окончить войну, вызвавъ противника на мирныя переговоры, имѣеть значеніе только въ томъ отношеніи, что обличаетъ тревожное состояніе духа императора Наполеона. Конечно, никто лучше его не понималъ, что постоянное отступленіе русскихъ войскъ, случайное ли, какъ онъ увѣрялъ, или преднамѣренное, какъ думали многіе изъ его сподвижниковъ, не составляетъ послѣдствія его побѣдъ, провозглашенныхъ его бюллетенями; что были горячія сраженія, но не было ни одной побѣды, которая могла бы имѣть важное значеніе въ общемъ ходѣ войны, что съ каждымъ шагомъ назадъ русскія войска будутъ усиливаться, а впереди — народная война и зима. Онъ желалъ окончить эту войну заключеніемъ мира и воспользовался первымъ оказавшимся случаемъ плѣнить генерала Тучкова, чтобы заявить русскому императору о своемъ желаніи, точно такъ же, какъ онъ немедленно воспользовался съ этою цѣлью и другимъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Смоленскъ русскій парламентаръ гвардіи, поручикъ Орловъ, съ письмомъ Барклая-де-Толли къ маршалу Бертье. Нашъ главнокомандующій просилъ начальника штаба императора Наполеона извѣстить его о судьбѣ взятаго въ плѣнъ русскаго генерала. Въ то время какъ маршалъ Бертье въ присутствіи Наполеона началъ писать начерно отвѣтъ русскому главнокомандующему, послѣ нѣсколькихъ написанныхъ имъ строкъ, въ которыхъ было сказано, что Тучковъ здоровъ, отправляется въ Мецъ и что при семъ отправляется написанное имъ самимъ письмо, Наполеонъ взялъ перо изъ его руки и написалъ слѣдующія строки: «пользуясь этимъ случаемъ, я возобновляю предложеніе, которое дѣлалъ уже прежде, о размѣнѣ плѣнныхъ, о способахъ сообщенія между собою воюющихъ армій и опредѣлить правила, какъ поступать съ переговорщиками». Его Величество съ грустію смотритъ на бѣдствія страны и желалъ бы, чтобы русскій императоръ приказалъ гражданскимъ губернаторамъ оставаться на мѣстахъ, гдѣ они могли пещись о жителяхъ и ихъ имуществвахъ и тѣмъ ослаблять зло, причиняемое войною. Это обычай, который соблюдаютъ во всѣхъ войнахъ. Дѣлая вамъ такое предложеніе, я исполняю обязанности пріятныя для сердца моего государя. Я показывалъ это письмо императору Наполеону, и онъ поручилъ мнѣ просить васъ передать его поклонъ императору Александру, если Его Величество находится при войскахъ, или съ первымъ донесеніемъ, которое вы ему отправите. Скажите государю, что ни случайности войны и никакія обстоятельства не могутъ измѣнить уваженія и дружбы, которыя питаетъ къ нему императоръ Наполеонъ».

Подготавливая такимъ образомъ пути къ переговорамъ о мирѣ, едва-ли могъ предполагать императоръ Наполеонъ, что русскій государь добровольно по первому его призыву рѣшится заключить съ нимъ миръ тогда, какъ русскія войска не потерпѣли еще пораженія, и когда онъ только-что поднялъ весь народъ на защиту отечества. Напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что миръ можетъ быть только завоеванъ имъ и надѣялся, что, разбивъ русскія войска въ рѣшительномъ сраженіи, разстроитъ дѣйствующую армію и прежде нежели успѣютъ образоваться ополченія, займетъ Москву. Только тогда онъ считалъ возможнымъ, что императоръ Александръ, лишенный средствъ защиты, рѣшится войти въ переговоры о мирѣ и напередъ заявлялъ свое согласіе вступить въ эти переговоры съ монархомъ, къ которому не перестаетъ питать «уваженія и дружбы». Онъ только ожидалъ извѣстій изъ своего авангарда, слѣдовавшаго по пятамъ за русскими войсками, которыя могли бы разъяснить ему, будутъ ли постоянно они отступать или, найдя выгодное положеніе, намѣрены дать рѣшительное сраженіе. Съ этою цѣлю онъ напередъ уже двинулъ изъ Смоленска всю свою армію въ слѣдъ за авангардомъ, и лишь только получилъ извѣстія отъ маршала Даву и Мюрата, что русскія войска заняли позицію близъ Умоля и расположились въ боевомъ порядкѣ, немедленно выѣхалъ изъ Смоленска. Когда онъ прибылъ къ своимъ войскамъ, наши оставили уже эту позицію и отступали къ Дорогобужу. Подвигая за ними свои войска, смотря на московскую дорогу, онъ говорилъ: «мы слишкомъ ушли впередъ и нельзя ужъ отступить. Еслибы я заботился только о блестящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, то я долженъ бы возвратиться въ Смоленскъ, тамъ поставить мои орды и удовольствоваться тѣмъ, чтобы раздавить на моихъ флангахъ Витгенштейна и Тормасова. Это были бы блестящіе подвиги, которые достойно заключили бы кампанію, но не окончили бы войны. Передъ нами миръ, мы только въ восемь дней отъ него. Когда такъ близко мы подошли къ цѣли, нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Пойдемъ въ Москву». Мысль о выигранномъ сраженіи и занятіи Москвы неразрывно соединилась въ его представленіи съ заключеніемъ мира, который бы не разрушилъ его значенія въ Европѣ, но упрочилъ бы его. Впослѣдствіи, на островѣ Св. Елены, оправдывая свои соображенія и дѣйствія, онъ говорилъ: «мы были уже такъ близко отъ Москвы, что нельзя было долѣе колебаться. Въ восемь переходовъ мы могли уже достигнуть этой столицы; а что значать восемь переходовъ для войскъ, пришедшихъ съ противоположнаго края Европы? Какъ было не рѣшиться на это движеніе, когда миръ и обладаніе вселенною могли быть его послѣдствіемъ и когда, во всякомъ случаѣ, занятіе большаго города всегда доставляетъ неисчислимыя средства, которыя такъ необходимы для войскъ, находящихся въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ основанія ихъ дѣйствій. Всѣ причины,

которыя могли въ Витебскѣ или Смоленскѣ вынудить меня остановиться на Двинѣ, исчезли. Половина разстоянія, отдѣлявшая меня отъ Москвы была уже пройдена, я не могъ долѣ колебаться. Чтобы уменьшить невыгоды нашей слишкомъ растянутой линіи, которую я готовился растянуть еще болѣе, я предписалъ герцогу Беллюно (маршалъ Викторъ), поспѣшить съ береговъ Нѣмана, чтобы замѣстить мою армію въ Смоленскѣ. Озеро долженъ былъ направить половину своихъ войскъ въ Кенигсбергъ и Варшаву. Такимъ образомъ наши силы были довольно хорошо расположены. Резерву герцога Беллюно назначено было расположиться между Рославлемъ и Витебскомъ и быть въ готовности поддерживать тотъ изъ фланговыхъ корпусовъ, которому это будетъ нужно или, въ случаѣ надобности, усилить и самую главную армію».

III.

Въ то время, какъ войска императора Наполеона негодовали на своего вождя за постоянное движеніе впередъ, наши войска, наоборотъ, негодовали на главнокомандующаго за постоянное отступленіе. Это негодованіе выразилось особенно сильно, послѣ того какъ соединились обѣ западныя арміи. Движенія съ одной дороги на другую безъ определенной цѣли, съ дороги на Рудню на дорогу на Порѣчье и потомъ обратно, въ то время какъ Смоленскъ едва не занялъ непріятель въ врасплохъ, отступленіе отъ Смоленска, два дня съ успѣхомъ защищаемого отъ нападений всей непріятельской арміи,—дали такой объемъ этому негодованію, что оно охватило всѣ войска, начиная съ начальниковъ съ княземъ Багратиономъ во главѣ и оканчивая простыми солдатами, какъ свидѣтельствуютъ участники въ этихъ происшествіяхъ. Послѣ того какъ Барклай-де-Толли рѣшился оставить Смоленскъ, рассказываетъ одинъ изъ нихъ, возвращаясь изъ города и поднявшись на высоты лѣваго берега Двинѣ, гдѣ была расположена первая армія,—«въ главной квартирѣ я нашелъ разныя группы генераловъ, судившихъ о происшествіяхъ дня и предстоящихъ планахъ главнокомандующаго. Всѣ осуждали извѣстное уже намѣреніе его продолжать отступленіе. Одни желали сами атаковать Наполеона. Ближайшіе къ Барклаю люди были противъ отступленія. Онъ оставался непоколебимъ. Графъ Кутайсовъ, украшенный новою славою дня, любимый всѣми и главнокомандующимъ, на даръ слова котораго надѣялись, принялъ на себя передать ему надежды и желанія первыхъ лицъ арміи. Барклай-де-Толли выслушалъ

его внимательно и съ к р о т к о ю л а с к о ю отвѣчалъ ему: «пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое».

Въ 11 часовъ ночи главнокомандующій поручилъ недавно прибывшему къ русскимъ войскамъ англійскому генералу Вильсону осмотрѣть положеніе города и сообщить ему свои замѣчанія. «Герцогъ Евгенийъ Виртембергскій, генеральъ Дохтуровъ и всѣ начальники, — говоритъ онъ, — увѣрили меня, что они еще 10 дней продержатся въ городѣ, если только снабдятъ ихъ провіантомъ, потому что непріятелю не удалось причинить вреда укрѣпленіямъ. Когда я передалъ это извѣстіе генералу Барклаю и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ его вниманіе на то, какое нравственное впечатлѣніе въ Россіи произведетъ оставленіе «священнаго города, какъ Смоленскъ», онъ мнѣ отвѣчалъ: «въ этомъ отношеніи я ничего не опасуюсь, объ этомъ я уже позаботился, Пресвятая Дѣва въ безопасности, она уже у насъ въ лагерѣ. Эта икона единственно придаетъ значеніе этому городу въ глазахъ русскихъ. Она въ торжественной колесницѣ будетъ постоянно слѣдовать за войсками, и ее будетъ охранять особенно для того назначаемый баталіонъ». Оставленіе Смоленска безъ сомнѣнія раздражило князя Багратіона; свое негодованіе онъ выражалъ въ откровенной перепискѣ съ А. П. Ермоловымъ. «Имѣете право насъ бранить, — отвѣчалъ ему Ермоловъ, — но только за оставленіе Смоленска, а послѣ мы вели себя, какъ герои. Правда, что не совсѣмъ благоразумно, но и тогда еще можно быть героями. Когда буду имѣть счастье васъ видѣть, расскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ необходимо надо было защищать: но замѣтите, ваше сіятельство, что непріятелей и доселѣ нѣтъ въ Ельвѣ, слѣдовательно, всѣ они были у Смоленска; а мы не такъ были сильны послѣ суточной обороны города». Погруженный исключительно мыслію о спасеніи отечества, князь Багратіонъ не останавливалъ вниманія на прошломъ, котораго измѣнить уже невозможно; но все свое вниманіе сосредоточивалъ на будущихъ дѣйствіяхъ. «О Смоленскѣ, — отвѣчалъ онъ Ермолову, — поздно говорить; а теперь надобно подумать, какъ твердо стать. Я никакъ не думаю, чтобы онъ сунулся на васъ всею арміею тотчасъ, имъ также нужно отдохнуть. Преслѣдовать можетъ какой ни на есть ихъ корпусъ. Гдѣ вы теперь остановились, мнѣ кажется, — мѣста открытыя и вѣрно въ поле не пойдутъ. Но если серьезно, я тотчасъ вашъ всѣмъ сердцемъ и душой. Я радъ драться и единодушно. Но позвольте сказать, что вы измѣняете мнѣ; ибо въ одну минуту двадцать перемѣнъ». Совѣтуя охранять правый флангъ первой арміи, писать къ Милорадовичу, чтобы скорѣе велъ подкрѣпленія къ войскамъ, графу Ростопчину «чтобы готовился», онъ оканчиваетъ просьбою: «ради Бога не перемѣняйте поминутно, надо какую ни на есть имѣть систему».

«Наконецъ, слава Богу, немедленно отвѣчалъ Ермоловъ, хотя разъ

мы предупредили ваше желаніе. Вамъ угодно было, чтобы мы остановились, дрались; прежде полученія вашего письма, получилъ я уже это приказаніе, почтеннѣйшій благодѣтель мой! Теперь вамъ предстоитъ дать намъ помощь. Пусть доброе согласіе будетъ залогомъ успѣха. Богъ благословитъ предпріятіе наше. Если онъ защищаетъ правую сторону, то будетъ намъ помощникомъ. Представьте, что два дня рѣшать участь сильнѣйшей въ Европѣ державы. И самая неудача не должна отнять у насъ надежды. Надобно противостоять до послѣдней минуты существованія каждаго изъ насъ. Одно продолженіе войны есть вѣрнѣйшій способъ восторжествовать надъ злодѣями нашего отечества. Боюсь, чтобы опасность, угрожающая древней столицѣ нашей, не заставила прибѣгнуть къ миру; но эта мѣра малодушныхъ и робкихъ. Все надо принести въ жертву съ радостію, когда подъ дымящимися развалинами жилищъ нашихъ можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели нашего отечества. Благословитъ Богъ! умереть долженъ россиянинъ со славою».

Эта частная переписка двухъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ первые два дня послѣ оставленія Смоленска показываетъ настроеніе ихъ духа, которое было всеобщимъ. Опасность, угрожавшая отечеству, была такова, что они считали необходимымъ дѣйствовать рѣшительно, не останавливаясь ни передъ какими пожертвованіями, не страшась никакихъ препятствій. Съ этой точки зрѣнія они считали нерѣшительныя дѣйствія и постоянныя колебанія и сомнѣнія Барклая-де-Толли несоотвѣтствующими обстоятельствамъ. Когда генераль Вильсонъ прибылъ въ русскую армію, то, по его свидѣтельству, онъ «нашелъ нашихъ русскихъ генераловъ въ открытомъ несогласіи съ главнокомандующимъ за то, что онъ уступилъ столько губерній непріятелю и не предпринялъ никакихъ мѣръ для защиты линіи Днѣпра». Дѣйствительно, «въ недомѣніяхъ неяснаго и неполнаго единоначалія, въ потерянномъ времени, изнурительныхъ для обѣихъ армій, безконечныхъ взадъ и впередъ переломахъ, забыли укрѣпить Смоленскъ. Это было не трудно при стѣнѣ съ башнями, окружавшими городъ», говоритъ одинъ изъ участниковъ въ войнѣ. Одни изъ генераловъ, — рассказываетъ Вильсонъ, — желали чтобы главное начальство надъ войсками было поручено Беннигсену, другіе князю Багратіону. Но едва-ли многіе желали видѣть во главѣ русскихъ войскъ генерала Беннигсена. Кромѣ г. Вильсона никто изъ современныхъ свидѣтелей не упоминаетъ объ этомъ желаніи; но всѣ говорятъ, что желаніе войскъ останавливалось на князѣ Багратіонѣ. Вильсонъ съ 1807 г. былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Беннигсену, который, какъ ганноверецъ, былъ англійскимъ подданнымъ. Его желанія, конечно, могли останавливаться на Беннигсенѣ, который, по его словамъ, опасаясь, чтобы сами войска не избрали его своимъ вождемъ, удалился изъ глав-

ной квартиры и отправился въ Петербургъ. Странное опасеніе, обличающее совершенное непониманіе характера русскихъ войскъ, если только справедливо показаніе англійскаго генерала. Предводители русскихъ войскъ, одушевленные любовью къ отечеству и преданностію къ его представителю и главѣ, могли ли самовольно смѣнить главнокомандующаго, назначеннаго императоромъ, и на его мѣсто избрать другаго? Все, что они могли себѣ позволить при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, — это обратиться съ жалобами и просьбами къ самому императору. Такъ они и поступили.

Хотя ближайшею причиною постоянныхъ отступленій они и считали нерѣшительность Барклая-де-Толли, но, какъ бы не рѣшаясь объяснить ее личнымъ характеромъ и способностями главнокомандующаго, опасались въ то же время, не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь наставленій дѣйствовать такимъ образомъ, конечно, неизвѣстныхъ императору. Подозрѣвали вліяніе на него канцлера графа Румянцева, котораго всѣ въ Россіи считали въ это время другомъ французовъ и представителемъ политики, основанной на союзѣ съ Наполеономъ. Съ самаго начала войны общее мнѣніе рѣзко выражалось противъ него, и всѣ ожидали, что онъ будетъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Это мнѣніе раздѣляли и представители нашихъ войскъ. Поэтому просили Вильсона, какъ иностранца, пользовавшагося расположеніемъ императора и извѣстнаго преданностію Россіи, передать государю желаніе всей арміи, чтобы назначенъ былъ новый главнокомандующій на мѣсто Барклая и новый министръ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Румянцева.

Не считая себя въ правѣ, какъ подданные прямо отъ себя выразить императору подобное желаніе, многіе однакоже изъ нашихъ генераловъ считали своею обязанностию передъ нимъ и отечествомъ указать на образъ дѣйствій главнокомандующаго, который считали несообразнымъ съ обстоятельствами, и писали къ государю и приближеннымъ къ нему лицамъ еще прежде въ этомъ смыслѣ. А. П. Ермоловъ писалъ князю Багратиону: «не справедливо вините, благодѣтель мой, будто я началъ уже писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю, какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду... Говорю тому, на котораго не безъ основанія полагаетъ отечество надежду, тому, котораго и государь уважаетъ, и которому, конечно, вѣритъ. Вы согласуетесь съ предложеніями министра, — я не хочу сказать, что вы повинуетесь ему, но пусть и такъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, я стану на колѣни передъ скромностію и умѣренностію вашею. По крайней мѣрѣ то, что пишете вы къ человѣку, или слишкомъ привязанному къ своимъ мнѣніямъ, или слишкомъ надѣющемуся на себя, или, наконецъ не внимающему и не разумѣющему обстоятельствъ, — пишите, ваше сіятельство, Бога ради, ради отечества, пишите государю. Вы исполните обязанность вашу въ

отношеніи къ нему, вы себя оправдаете передъ Россією. Я молодъ, мнѣ не стануть вѣрить, я буду писать— не заслужу вниманія, буду говорить— почтутъ недовольнымъ, осуждающимъ все новое, осрамятъ и бросять. Но вѣрьте, что это меня не устрашаетъ, когда гибнетъ все, когда Россія грозитъ срамъ, не только опасность, тамъ нѣтъ боязни частной, тамъ нѣтъ выгодъ личныхъ. Я не боюсь и отъ васъ не скрою, что писалъ, но молчаніе, слишкомъ продолжающееся, есть уже доказательство, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодаго человѣка. Я буду писать еще и все, что вы дѣлали и въ чемъ встрѣчено вами препятствіе, изображу. Я люблю васъ, вы благодѣтельствовали мнѣ, и потому самого государя спрошу, писали ль вы къ нему или хранили виновное молчаніе. Тогда, достойнѣйшій начальникъ, вы будете виновны. Если же вы не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе армією, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вашей особѣ, буду называть васъ и считать не великодушнымъ. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначатъ человѣка, какого требуютъ обстоятельства. Пишите, ваше сіятельство, или молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, будетъ обвинять васъ».

Побуждая писать государю князя Багратіона, Ермоловъ говоритъ, что онъ уже писалъ съ своей стороны и еще будетъ писать. Дѣйствительно, еще на походѣ отъ Полоцка къ Витебску, черезъ десять дней послѣ отъѣзда императора изъ лагеря при Дриссѣ, онъ писалъ 16-го іюля государю: «послѣ пяти дней, въ лагерѣ при Дриссѣ проведенныхъ, въ намѣреніи приготовить продовольствіе войскамъ, армія выступила въ Полоцкъ. Между тѣмъ непріятель, представляя повсюду передовымъ нашимъ войскамъ малыя весьма силы, спѣшилъ собрать главнѣйшія. Движеніе на Полоцкъ было одно обѣщавшее соединеніе со 2-ю армією. Нужна была скорость. На третьемъ отъ Полоцка къ Витебску переходѣ надобно было идти на Сенно и Коханово. Сямъ движеніемъ, если еще и не соединялись арміи, но та, по крайней мѣрѣ, происходила выгода, что первая армія становилась уже на дорогу, идущую черезъ Смоленскъ въ Москву, закрывала сердце Россіи и всѣ средства для дѣятельнѣйшихъ мѣръ поставляла за собою. Непріятель, какъ изъ послѣдствій видно, обратя на Могилевъ главнѣйшія свои силы, безсиленъ былъ по прямому на Смоленскъ направленію. Непріятель, видя себя между двухъ армій, не могъ бы дать сраженія; но долженъ былъ отступить. Главнокомандующій согласился было переправиться въ Будилово черезъ Двину, но отмѣнилъ по причинѣ недостатка продовольствія, и армія двинулась къ Витебску. Между тѣмъ необычайной скорости маршами непріятельскія силы, на третій день пребыванія арміи въ Витебскѣ, прибыли, и соединеніе арміи болѣе

нежели когда-нибудь сдѣлалось сомнительнымъ. Три дня сраженія продолжались упорнѣйшія съ довольно значащими силами нашей арміи, и мы отступили къ Порѣчью. Далѣе главнокомандующій не объявилъ еще направленія. Непрiятель можетъ быть прежде насъ въ Смоленскѣ, отбросивъ далеко вторую армію. Если непрiятель предприимчивъ, можетъ заградить нашъ путь. Мы опрокинемъ и пройдемъ, но обозы арміи подвергнутся опасности. Въ слѣдъ за нами идетъ непрiятель, много превосходящій насъ силами. Трудны пути ему, войско извурено; но на семъ невозможно основывать успѣховъ, тѣ же трудности путей и для войскъ Вашего Императорскаго Величества и не для насъ не могутъ они быть нечувствительны. Непрiятель имѣетъ числомъ ужасную кавалерію, наша чрезвычайно потерпѣла въ послѣднихъ дѣлахъ. Отъ генерала Платова даже не одна партія съ нами не соединилась. Вотъ Ваше Императорское Величество истинное сіе дѣлъ нашихъ изображеніе», писалъ Ермоловъ и въ заключеніе письма говорилъ: «государь! необходимъ начальникъ обѣихъ армій. Соединеніе ихъ будетъ послѣднѣе и дѣйствіе согласнѣе».

27-го іюля онъ снова писалъ императору: «отступление наше отъ Витебска, съ необычайною рѣшительностію произведенное, чтобы не дать ей наименованіе дерзости, тогда какъ иначе неизбежно было общее дѣло, приведа непрiятеля въ недоразумѣніе, доставило намъ возможность прибыть въ Смоленскъ. Вторая армія грубою погрѣшностію маршала Даву, ожидавшаго нападенія въ Могилевѣ, послѣ жестокаго сраженія, храбрымъ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ даннаго, скрывшая движеніе свое, безпрепятственно также прибыла къ Смоленску. Маршалъ Даву долженъ былъ прежде насъ занять Смоленскъ и безъ большихъ усилій; ибо въ Оршѣ были части войскъ, его арміи принадлежавшихъ. И такъ, неожиданно и вблизи многочисленныхъ непрiятельскихъ силъ, арміи соединились. Ваше Величество, мы вмѣстѣ. Арміи наши слабѣе числомъ непрiятеля; но усердіемъ, желаніемъ сразиться, даже самымъ озлобленіемъ, содѣлываемся не менѣе сильными. Нѣтъ возможности избѣжать сраженія всѣми силами; ибо непрiятель не можетъ терять времени въ праздности. Могутъ приспѣтъ къ намъ усилія, можетъ сблизиться армія генерала Торماسова, не столько опасная въ нынѣшнемъ ея отдаленіи и самыми успѣхами ея ничего рѣшительнаго не производящая, до тѣхъ поръ какъ станетъ на операціонной линіи непрiятеля. Покрывшая себя славой, Молдавская армія, неравнодушный взглядъ на себя непрiятеля привлекающая, можетъ получить опасное для него направленіе. Государь! наши способы не менѣе насъ самихъ онъ знаетъ, нельзя медлить ему. Соглашенное всѣхъ армій дѣйствіе, соединенныя всѣхъ способы напряженія—гибельны для него. И такъ, у н и ч т о ж е н і е а р м і и, въ предверіяхъ, такъ сказать, Москвы

стоящей, должно быть единственною его цѣлю. Симъ же только умедливается составленіе нашихъ ополченій, но частію уничтожается, и угрожаемая Москва, какъ сердце Россіи, не можетъ не произвести вліянія на прочія страны имперіи. На семъ основываетъ коварный непріятель свои разсчисленія. Государь! арміи ваши имѣли уже успѣхи, солдатъ неустрашимъ, и мы—русскіе, но напряженіе всеобщихъ усилій необходимо, малѣйшее медленіе опасно.

«Государь! арміи вмѣстѣ и два начальника, но оба согласно предприняли наступленіе на непріятеля, разбросавшаго на большое разстояніе свои силы. Определено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное оживило духъ арміи еще болѣе, и арміи двинулись на одинъ маршъ по направленію на Рудню. Одной колоннѣ, по причинѣ трудностей путей, медленно было движеніе и однимъ днемъ или однимъ маршемъ уменьшалась скорость дѣйствій нашихъ, а однимъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля собрать свои силы, которыя, конечно, собираются по направленію нашему.

«Главнoкомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ прежнее направленіе вправо, къ Порѣчью, для пріобрѣтенія частной выгоды, по предположенію вѣрной. Въ случаѣ превосходства непріятеля имѣемъ мы вѣрное отступленіе. Подобныя предпріятія основываются на вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля; но я не скрою отъ Вашего Величества, что, кромѣ свѣдѣній отъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ мужиковъ, мы ничего не знаемъ, слѣдовательно, и предпріятія не вѣрны. Наступленіе на Рудню болѣе имѣетъ голосовъ на своей сторонѣ, дѣйствіе на лѣвый флангъ—менѣе. Можно сказать, что, дѣйствуя на Порѣчье, нападаемъ на конечность пространной линіи, слѣдовательно, и усиленіе пункта сего нескоро и неудобно. Легко заставить отступить и на время отрѣзать сообщеніе съ корпусомъ маршала Удино, которому, конечно, послано подкрѣпленіе, но сіи выгоды мгновенны и нерѣшительны. Непріятель отступить на центръ свой, и операціонная линія его всегда въ его власти. Атакуя центръ, при счастіи, бросимъ часть силъ ихъ на трудные пути по лѣвому берегу Двины и, обратясь, имѣемъ удобность дѣйствовать на другую часть, по необходимости оторванную на большое разстояніе, слѣдовательно, приведенную въ то положеніе, въ какомъ мы доселѣ находились. Вотъ, государь, мнѣніе мое Вашему Величеству, повелѣвшему мнѣ принять носимое мною званіе, нужное къ вашему свѣдѣнію.

«Государь! нужно единоначаліе. Хотя усердіе къ пользамъ отечества, къ защитѣ его, великодушіе въ поступкахъ, склоняе къ пріятію предложеній, быть невозможно достойнаго князя Багратіона; но не весьма часты примѣры добровольной подчиненности. Государь, ты мнѣ простишь смѣлость мою въ изреченіи правды».

Генералу Ермолову, какъ начальнику штаба первой арміи, которому по его службѣ извѣстенъ былъ весь ходъ военныхъ распоряженій и дѣйствій, императоръ, оставляя войска, поручилъ писать непосредственно къ нему, независимо отъ донесеній главнокомандующаго, точно такъ же, какъ онъ далъ такое же порученіе генералу Сень-При, при назначеніи его начальникомъ главнаго штаба второй арміи. Приведенныя письма Ермолова и написаны въ исполненіе возложеннаго на него порученія. Не позволяя себѣ никакихъ нареканій противъ главнокомандующаго, онъ поступилъ бы однакоже недобросовѣстно, еслибъ откровенно не выразилъ своего мнѣнія на дѣйствія, которыя считалъ ошибочными и потому вредными при томъ опасномъ положеніи, въ которомъ находилась Россія въ это время, тѣмъ болѣе, что выраженные имъ мнѣнія не были только его личными, но были общимъ мнѣніемъ, господствовавшимъ въ войскахъ. Въ то же самое время, когда онъ отправилъ послѣднее письмо, оставилъ по болѣзни армію генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, съ цѣлю лично объяснить государю положеніе дѣлъ. Но предполагая, что болѣзнь не позволитъ ему ѣхать скоро, и считая положеніе дѣлъ крайне опаснымъ, онъ напередъ отправилъ письмо къ императору, въ которомъ писалъ: «Если Ваше Величество не назначите одного главнокомандующаго арміями, то завѣрю васъ честью и совѣстью, что наши дѣла можно считать погибшими безвозвратно. Они съ каждымъ днемъ становятся хуже и хуже. Войска недовольны до такой степени, что ропшутъ уже солдаты; они не имѣютъ никакого довѣрія къ ихъ главному начальнику, и всѣ обстоятельства, случившіяся послѣ вашего отъѣзда, могутъ васъ убѣдить въ этомъ. Продовольственная часть въ безпорядкѣ, солдаты часто не имѣютъ по нѣскольку дней хлѣба, а лошади овса. Вина въ этомъ случаѣ падаетъ исключительно на главнокомандующаго, который такъ дурно располагаетъ движеніями войскъ, что генералъ-интендантъ ничего не можетъ сдѣлать. Генералъ Барклай въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ княземъ Багратиономъ, и послѣдній имѣетъ полное право быть недовольнымъ. Грабежъ производится съ полнымъ безстыдствомъ. Между тѣмъ войска поставлены въ такомъ положеніи, что даютъ всѣ выгоды непріятелю. Онъ со всѣхъ сторонъ можетъ напасть на нихъ, кажется, у него достаточно для того войскъ. Онъ можетъ двинуться отъ Орши или отъ Могилева и Мстиславля на Смоленскъ или отъ Витебска такъ же на Смоленскъ или Порѣчье или Вязьму. Непритель безпрепятственно убираетъ жатву съ полей и обезпечиваетъ свое продовольствіе. Прибавьте къ этому, государь, что наши ополченія, вѣроятно, еще не образованы и что Наполеонъ, конечно, не дастъ намъ достаточно для этого времени. Начальникъ главнаго штаба генералъ Ермоловъ, несмотря на пламенную ревность къ службѣ, которая извѣстна

Вашему Величеству, не можетъ предотвратить зла при такомъ начальникѣ. Государь, удостойте хотя однажды меня вашею довѣренностію и убѣдитесь въ истинѣ того, что я вамъ говорю. Нуженъ другой главнокомандующій, одинъ надъ обѣими арміями. Необходимо, чтобы Ваше Величество назначили его немедленно, иначе—погибла Россія. Припадаю къ ногамъ вашимъ и умоляю объ этомъ,—позволяю себѣ сказать,—отъ лица вашихъ армій».

Наконецъ, 7-го августа и князь Багратионъ, можетъ быть, уступая настояніямъ Ермолова, рѣшился прямо государю выразить свой взглядъ о ходѣ военныхъ дѣлъ. «По истинѣ нѣтъ для меня на свѣтѣ блага, которое я бы предпочелъ благу отечества. Сими чувствами былъ движимъ, и всѣ мои дѣла располагалъ согласно имъ и ничего не упущу, чтобы оправдать довѣренность, какою угодно было тебѣ, всемилостивѣйшій государь, меня удостоить. Настоящее поведеніе мое да будетъ доказательствомъ, что я ни въ какой мѣрѣ не уклонялся и не уклоняюсь отъ обязанностей службы, и никакія личности не произведутъ побужденій противныхъ пользамъ любезнаго отечества.

«Въ таковыхъ расположеніяхъ моихъ, не могъ я, какъ вѣрноподанный, скрыть истиннаго моего прискорбія, превышающаго мѣру терпѣнія, что дѣла наши не соотвѣтствуютъ желанію твоему, желанію всей Россіи и ожиданію цѣлой Европы. Изъ сношеній моихъ съ военнымъ министромъ, всеподданнѣйше отъ меня представленныхъ Вашему Величеству, извѣстны сдѣланныя отъ меня ему предложенія о предупреденіи непріятеля въ покушеніяхъ его пробиться далѣе во внутрь Россіи, наступательнымъ, со стороны нашей противу него, дѣйствіемъ, на которое военный министръ не согласился, и непріятель имъ воспользовался и нанесъ новый вредъ Россіи.

«Прости, государь, съ сроднымъ тебѣ милосердіемъ, патриотической ревности, дѣйствіемъ которой я дерзаю открыть тебѣ то, что чувствую. Я не былъ введенъ въ кругъ познаній политическихъ, неизвѣстны мнѣ тайны политики, но, находясь на поприщѣ военномъ, знаю преданность къ тебѣ и отечеству русскихъ воиновъ, знаю, съ какимъ желаніемъ они готовы всякій часъ къ отмщенію непріятелю за навесенное Россіи безпокойство и вредъ, и потому позволяю себѣ заключить, что, дѣйствуя наступательно съ должною осторожностію и благоразуміемъ, храбрые русскіе воины не позволили бы непріятелю никакого имѣть превосходства надъ собою. Они доказали уже при многихъ въ настоящую кампанію сраженіяхъ, доказали и при послѣднемъ защищеніи Смоленска, 4-го сего августа, гдѣ 15 тысячъ русскихъ воиновъ вѣрною мнѣ арміи держались 24 часа противу всей многочисленной непріятельской силы и, можно сказать, оспорили почти побѣду, опроки-

*

нувъ наступавшихъ на нихъ, не допустя на двѣ версты къ городу и положивъ на мѣстѣ до 10 тысячъ человекъ.

«На другой же день угодно было министру защищеніе города принять на себя; а я по соглашенію съ нимъ отступилъ на московскую дорогу для прикрытія оной и отраженія непріятеля въ случаѣ покушенія его по сей сторонѣ. По выгодности позиціи и по укрѣпленіямъ сего города нельзя было не считать нужнымъ удерживать его. Не отступая отъ города, просилъ о томъ военнаго министра, и отношеніемъ моимъ и въ особенности чрезъ нарочно отправляемыхъ; но военный министръ держался въ немъ не болѣе 12 часовъ и послѣ вслѣдъ за мною отступилъ, предоставивъ городъ власти непріятеля. Всемилостивѣйшій государь! въ полномъ упованіи на безпредѣльное милосердіе твое, я принялъ рѣшимость открыть передъ тобою всё исходящее изъ моего сердца и чувствъ, не могу умолчать и о томъ, что отступленіе отъ Смоленска поселило уныніе въ храбрыхъ твоихъ войнахъ, готовыхъ единодушно защищать отечество до послѣдней капли крови. Признаюсь, что и я самъ въ великомъ неудовольствіи, не видя ни прямой надежной цѣли, ни предѣловъ нашему отступленію. Ежели военный министръ ищетъ выгодной позиціи, то, по мнѣнію моему, и Смоленскъ представлялъ не малую удобность къ затрудненію непріятеля на долгое время и къ нанесенію ему важнаго вреда. Я по соображеніи обстоятельствъ и судя, что непріятель въ два дня подъ Смоленскомъ потерялъ болѣе 20 тысячъ, когда со стороны нашей и половину не составляетъ потеря, позволяю себѣ мыслить, что, при удержаніи Смоленска еще одинъ, два дня, непріятель принужденъ былъ бы ретироваться.

«Сколько по патріотической ревности моей, столько и по званію главнокомандующаго, обязаннаго отвѣтственностію, я долгомъ поставилъ все сіе довести до свѣдѣнія Вашего Величества и дерзаю надѣяться на безпредѣльное милосердіе твое, что безуспѣшность въ дѣлахъ нашихъ не будетъ причтена въ вину мнѣ, изъ уваженія къ положенію моему, не представляющему вовсе ни средствъ, ни возможности дѣйствовать мнѣ иначе, какъ соглашаясь во всемъ съ распоряженіями военнаго министра, который уклоняется вовсе слѣдовать въ чемъ-либо моимъ мнѣніямъ и предположеніямъ. Всемилостивѣйшій государь! учини, по Высочайшей твоей волѣ и милости, предѣлъ нашимъ нерѣшительностямъ, не представляющимъ, какъ кажется, ничего полезнаго, а влекущимъ лишь отечество наше къ новымъ бѣдствіямъ и служащимъ къ совершенному войску изнуренію».

Сдерживая постоянно волновавшее его негодованіе противъ дѣйствій Барклая-де-Толли въ перепискѣ съ императоромъ, князь Багратионъ давалъ ему полный ходъ въ письмахъ къ Аракчееву. Въ то время, когда Барклай, послѣ перваго перехода на Рудню, вдругъ повернулъ

войска на дорогу къ Порѣчью и черезъ нѣсколько дней пошелъ снова на Рудню, князь Багратионъ писалъ ему: «со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что и описать всего невозможно. Воля государя моего: я никакъ вмѣстѣ съ министромъ служить не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу. Вся главная квартира нѣмцами наполнена такъ, что русскому жить невозможно, и—толку никакого нѣтъ. Воля ваша: или увольте меня хотя отдохнуть на мѣсяць. Ей Богу, съ ума свели отъ ежеминутныхъ перемѣнъ... Я думалъ истинно, что служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь—не хочу».

Послѣ оставленія Смоленска, его негодованіе возросло до послѣдней крайности. «Больно, грустно и вся армія въ отчаяніи, что самое важное мѣсто понапрасну бросили. Я съ моей стороны лично его просилъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ, и писалъ, но ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честію, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ могъ бы потерять половину арміи, но не взять Смоленска». Описавъ, съ какимъ мужествомъ дрались наши войска, онъ говоритъ, что «стоило еще оставаться два дня, по крайней мѣрѣ, и непріатели сами бы ушли. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступить, но вдругъ прислалъ диспозицію, что въ ночь уходить. Такимъ образомъ воевать не можно, и мы можемъ непріателя привести скоро въ Москву». При такомъ положеніи дѣлъ онъ совѣтуетъ какъ можно поспѣшнѣе приготовить по крайней мѣрѣ еще 100 тысячъ войскъ. «Слухъ носится, что вы думаете о мирѣ, чтобы помириться. Боже сохрани, послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій, мириться! Вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставить носить мундиръ. Если уже такъ пошло—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ; ибо война теперь не обыкновенная, а національная, и надо поддерживать честь свою и всѣ слова манифестовъ и приказовъ данныхъ. Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генералъ не то что плохой, но дрянной... и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я, право, съ ума схожу отъ досады и простите, что дерзко пишу. Видно, тотъ не любитъ государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею министру. И такъ я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ; ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи господинъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ,—болѣе Наполеона, чѣмъ нашъ, и онъ все совѣтуетъ министру. Министръ на меня жаловаться не можетъ: я не токмо учтивъ противъ него, но повинуюсь, какъ капралъ, хотя и старѣе его. Это больно; но, любя моего бла-

годѣтеля и государя, повинуюсь, только жаль государя, что ввѣряеть такимъ славную армію. Вообразите, что, нашу ретирadou, мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15 тысячъ, а ежели бы наступали, того бы не было. Скажите ради Бога, что наша Россія, мать наша, скажетъ? Чего такъ страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдавать сволочамъ и вселять въ каждого подданнаго ненависть и посрамленіе. Чего трусить и чего бояться? Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусь, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣеть худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаетъ его на смерть. Бѣдный П а л е н ь отъ грусти въ горячкѣ умираетъ, К о р и н г ь умеръ, кирасирской вчера. Ей Богу, бѣда! и всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ. Спѣшите присылать намъ больше людей на укомплектованіе; милицію лучше раздать намъ въ полки, ихъ перемѣшаемъ, и гораздо лучше; а ежели однихъ пустить—плохо будетъ. Давайте и конныхъ, нужна кавалерія. Вотъ мое чистосердечіе! Завтра я буду съ арміею въ Дорогобужѣ и тамъ остановлюсь. И первая армія за мною тащится. Не смѣлъ остаться съ 90 тысячами у Смоленска! Эхъ, грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога. Лучше пойду солдатомъ въ сушѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ. Вотъ вашему сіятельству всю правду описалъ, яко старому министру, а нынѣ дежурному генералу и всегдашнему доброму пріятелю. Прочтите и въ каминъ бросьте!»¹⁾

Послѣднія слова этого письма свидѣтельствуютъ, что самъ горячій и сильно раздраженный въ это время князь Багратіонъ не хотѣлъ сохранить въ отдаленной памяти дерзкія выраженія своего негодованія. Но графъ Аракчеевъ, тщательно сохранявшій всякую бумагу, не только получаемую имъ отъ императора для храненія, но и каждую ничтожную записочку, одинаково отмѣчавшій на всѣхъ день полученія и потомъ переплетавшій въ особые сборники, не бросилъ въ каминъ, по желанію князя Багратіона, но сохранилъ и это письмо для потомковъ. Конечно, они поблагодарятъ его за этотъ поступокъ, какими бы онъ ни былъ вызванъ побужденіями, не осудятъ добродушнаго Багратіона за слишкомъ дерзкія выраженія, но, усматривая изъ нихъ, до какой крайности можетъ дойти настроеніе души честной и чистой, поймутъ во всемъ объемѣ то негодованіе, которое объяло въ это время все войско, какъ доказываетъ цѣлый рядъ приведенныхъ писемъ, большею частью дословно. При отступленіи отъ Смоленска, разногласіе между главнокомандующими, по свидѣтельству участника въ событіяхъ, не было уже тайною для арміи. Всѣ почти склонялись на сторону князя Багратіона. Духъ унынія и осужденія всего, что дѣлалось, — изъ глухаго дѣлался громкимъ.

¹⁾ 7-го августа, на маршѣ. Село Михайловка.

Роль цесаревича стала затруднительна. Онъ послѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая-де-Толли. Этого уже было слишкомъ много для послѣдняго. Храднокровный, безстрастный, онъ рѣшилъ выслать однако же цесаревича изъ арміи. Въ Дорогобужѣ цесаревичъ оставилъ войска и отправился въ Петербургъ доставить новое письмо Ермолова и личными разказами подтвердить сообщенныя имъ прежде извѣстія. Но онъ оставилъ войска по собственному желанію, на которое, конечно, съ радостію согласился главнокомандующій.

Въ письмѣ къ императору, которое привезено было цесаревичемъ, Ермоловъ, описавъ послѣднія событія, говоритъ: «отступление, долгое время продолжающееся, тяжелые марши возбуждаютъ ропотъ въ людяхъ, теряется довѣріе къ начальникамъ. Солдаты, сражаясь, какъ левъ, всегда увѣренъ, что ему надобно будетъ отступать... Я люблю отечество мое, люблю правду, а потому обязанъ сказать, что дарованіямъ главнокомандующаго здѣшней арміи мало есть удивляющихся, еще менѣе имѣющихъ къ нему довѣренность, войско же совсѣмъ ея не имѣетъ».

Во время военныхъ дѣйствій отступления вообще дѣйствуютъ вредно на духъ солдатъ. Сколько ободряютъ ихъ наступательныя дѣйствія, столько, наоборотъ, отступления лишаютъ бодрости. Хотя русскіе солдаты выносили другіхъ въ этихъ случаяхъ, однакоже и между ними вселились такія рѣчи, когда, отступая постоянно, армія оставляла уже Полоцкъ: «видно у него большая сила, проклятаго, смотри, сколько отдали даромъ; почти всю старую Польшу; вотъ и этотъ городъ ему достанется», говорилъ одинъ. «Еще увидишь, — отвѣчалъ другой, — можетъ его нарочно такъ далеко заводать». — «Нарочно, или нѣтъ, а все это что-то небывалое. Слыханное ли дѣло, чтобы безъ драки уходить такъ далеко и отдавать свое даромъ. Теперь всѣ поляки соберутся за ними и приставутъ къ нему, анъ сила-то у него прибавится»... — «Толкуй прервалъ его старый солдатъ, видно, тебя не спросили, что пошли».... Прочіе засмѣялись. Изрѣдка выражавшіяся сомнѣнія заглушались вѣрою въ своихъ начальниковъ въ первое время отступления, но потомъ, когда оно, продолжаясь постоянно, соединялось съ ощутительнымъ недостаткомъ продовольствія, утомительными переходами, оставленіемъ Смоленска, послѣ удачной двухъ-дневной защиты, и, наконецъ, съ ропотомъ офицеровъ, генераловъ и самого князя Багратіона, котораго боготворили солдаты, они упали духомъ. «Должно признаться, говоритъ современный свидѣтель происшествій, что послѣ смоленскихъ битвъ наши солдаты очень приуныли. Пролитая на смоленскихъ развалинахъ кровь, при всѣхъ усиліяхъ упорной защиты, и отступление по московской дорогѣ въ нѣдра самой Россіи явно давали чувствовать каждому наше безсиліе передъ страшнымъ завоевателемъ, каждому изъ насъ представлялась печальная картина погибающаго отечества... Солдаты

шли повѣсивъ головы, уже не соблюдалось строгой дисциплины, каждый шель, какъ хотѣлъ, и думалъ, что-то будетъ. Офицеры собирались по нѣскольку вмѣстѣ, толковали о близкой гибели отечества и не знали, какая участь ихъ самихъ постигнетъ. Оружіе, которое сначала несли такъ бодро для защиты отечества, теперь казалось бесполезнымъ, тягостнымъ; притомъ пыль и зной заставляли многихъ солдатъ быть усталыми и уходить въ сторону отъ дороги — на разгудье». Начались побѣги изъ полковъ, печальный признакъ начинавшагося разложенія войскъ. Вначалѣ отступленія нашихъ войскъ отъ границъ, было много отсталыхъ и даже перебѣжчиковъ, не только солдатъ, но даже и офицеровъ. «Сперва всѣ поляки, — говоритъ современный свидѣтель, — потомъ литовцы, а наконецъ и бѣлоруссы, въ ночные переходы полковъ, отставая отъ оныхъ, возвращались въ свои дома. Можно навѣрное предположить, что съ начала отступленія отъ нашихъ границъ до Смоленска армія потеряла такимъ образомъ изъ фронта болѣе 10.000 человекъ». Но это было въ началѣ; затѣмъ отступленія нашихъ войскъ совершались въ такомъ порядкѣ, что удивляли нашихъ враговъ. Но, послѣ оставленія Смоленска, вновь оказались побѣги солдатъ въ такой степени, что на другой же день, по привѣздѣ къ войскамъ, князь Кутузовъ долженъ былъ принять строгія мѣры противъ этого зла.

При такомъ настроеніи, охватившемъ всѣ войска, отъ начальниковъ и до солдатъ, какъ же дѣйствовалъ главнокомандующій Барклай-де-Толли? Какія у него были предположенія и намѣренія послѣ битвы при Валутині (7 го августа) въ продолженіе десяти дней до привѣзда князя Кутузова въ Царево-Займище (17-го августа).

Нѣкоторые изъ писателей справедливо замѣчаютъ, что цѣль всѣхъ дѣйствій въ это время состояла въ присканіи мѣстности выгодной для оборонительнаго сраженія. «Барклай оставлялъ одну позицію въ слѣдъ за другою, едва только приступали ихъ укрѣплять, — говоритъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій. — Воля находилась въ разладѣ съ убѣжденіемъ. Войска усиленно требовали сраженія. Казалось, съ этимъ требованіемъ соглашался и главнокомандующій, тѣмъ болѣе, что силы непріятели значительно уменьшились, и казалось возможнымъ привести въ исполненіе задуманное предположеніе. Но осторожность требовала осмотрительной медленности. Въ этомъ и заключается источникъ всѣхъ дальнѣйшихъ происшествій. Лучше нельзя было вынудить непріятели подвигаться впередъ. Такимъ образомъ, мы достигли до Царева-Займища, оставляя за нами повсюду слѣды нашей нерѣшительности, которая только служила возбужденіемъ для Наполеона идти впередъ. Впрочемъ, наше отступленіе принадлежитъ къ лучшимъ военнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ порядку и дисциплинѣ». Какими бы причинами ни объяснять, какъ пытается принцъ Виртембергскій, во вся-

комъ случаѣ, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ главнокомандующаго возрасла въ это время до такой степени, что можетъ служить отличительнымъ признакомъ всѣхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ это время. Нѣсколько позицій, въ которыхъ намѣревались принять сраженіе, которыя начинали укрѣплять, оставляли одна вслѣдъ за другой въ продолженіе десяти дней на пространствѣ отъ Смоленской переправы до Вязьмы. Вынужденный силою обстоятельствъ, Барклай-де-Толли долженъ былъ оставить мысль объ отдѣльныхъ отъ 2-ой арміи дѣйствіяхъ, о поддержаніи связи съ корпусомъ Витгенштейна потому, что послѣ оставленія Смоленска, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ болѣе и болѣе удалялся отъ второй арміи и обрекалъ ее на жертву гораздо сильнѣйшаго въ сравненіи съ ней непріятеля. До этой крайности не доходили его намѣренія: онъ хотѣлъ дѣйствовать отдѣльно отъ 2-ой арміи; но такъ, чтобы имѣть возможность помочь ей при нападеніи на нее сильнѣйшаго непріятеля. Эта возможность уничтожалась бы съ каждымъ шагомъ впередъ по дорогѣ къ Порѣчью и далѣе, къ Полоцку, поддерживая сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ. Передъ этою гибельною крайностію, конечно, остановилась мысль Барклая-де-Толли—и въ такомъ случаѣ ему не оставалось ничего болѣе, какъ соединиться со второю арміею, для совокупной защиты дороги въ Москву.

Донося императору о битвахъ при Смоленскѣ и Валутинѣ, онъ писалъ, что «цѣль защищенія развалинъ Смоленскихъ стѣнъ состояла въ томъ, чтобы, занимая тамъ непріятеля, приостановить исполненіе его намѣренія, достигнуть Ельни и Дорогобужа, и тѣмъ предоставить князю Багратіону нужное время прибыть безпрепятственно въ Дорогобужъ. Дальнѣйшее удерживаніе Смоленска никакой не могло имѣть пользы, напротивъ того, могло бы повлечь за собою напрасное жертвованіе храбрыхъ солдатъ». Потомъ онъ говоритъ о томъ, что занялъ «позицію на высотахъ противъ Смоленска, давая видъ, что ожидаетъ атаки непріятеля», объ отступленіи отъ Смоленска и сраженіи при Валутинѣ, не выражая предположеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ частномъ письмѣ къ императору, писанномъ въ то же самое время, онъ извѣщаетъ его, что «непріятель соединилъ всѣ свои силы и привлекъ даже корпусъ Понятовскаго. Очевидно, его намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы открыть силою себѣ путь по московской дорогѣ. Поэтому, я приближаюсь къ арміи князя Багратіона. Я считаю долгомъ сообщить Вашему Величеству, что войска въ разныхъ сраженіяхъ потерпѣли значительный уронъ и требуютъ пополненія. Поэтому, я осмѣливаюсь испрашивать дозволенія воспользоваться съ этою цѣлью резервными баталіонами, эскадронами и ротами артиллеріи, которыя находятся подъ начальствомъ генерала Милорадовича, потому что въ теперешнемъ ихъ составѣ, ихъ рекрутовъ и неопытныхъ офицеровъ,

они не могутъ принести значительной пользы. Въ настоящее, по преимуществу, время, необходимо употребить всѣ способы, чтобы удержать непріятеля. Лучшимъ для этого способомъ могутъ послужить дѣйствія войскъ генерала Торماسова, которыя должны быть направлены на правый флангъ и тылъ непріятеля со стороны Волыни и Мозыря. Успѣхъ этого предпріятія не можетъ подлежать сомнѣнію, лишь только Молдавская армія прибудетъ, чтобы прикрывать Волынь и оказывать помощь генералу Тормасову. Въ скорѣйшемъ времени произведенная диверсія противъ лѣваго фланга непріятеля высадкою въ Пруссію, Курляндію или даже Лифляндію, будетъ имѣть благодѣтельные послѣдствія, потому что изъ Ливоніи можно отбросить весь лѣвый флангъ непріятеля. Осмѣливаюсь довести до свѣдѣнія Вашего Величества эти соображенія и буду ожидать въ этомъ отношеніи вашихъ приказаній».

Такимъ образомъ, Барклай-де-Толли дальнѣйшія дѣйствія армій ставилъ въ зависимость отъ трехъ условій, изъ которыхъ первое, т. е. пополненіе войскъ резервомъ графа Милорадовича, могло дѣйствительно осуществиться скоро, а два другія еще въ далекомъ будущемъ. Въ это время, когда усиленными переходами генералъ Милорадовичъ уже велъ свой резервъ для соединенія съ обѣими западными арміями, войска Молдавской арміи находились еще въ княжествахъ и только черезъ мѣсяць (9-го сентября) соединились съ арміею Торماسова. Что же касается до диверсія въ Пруссію, то она могла совершиться не иначе, какъ совокупно со шведами, а высадка войскъ въ прибалтійскія губерніи зависѣла отъ нашихъ отношеній къ Швеціи. Въ этотъ самый день, какъ писалъ Барклай-де-Толли, императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Або, для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Только послѣ этого свиданія оказалось возможнымъ русскія войска, находившіяся въ Финляндіи, отправить моремъ и высадить въ Лифляндіи для подкрѣпленія графа Витгенштейна. Но, поставляя успѣхъ своихъ дѣйствій въ зависимость отъ такихъ условій, изъ которыхъ два не могли осуществиться скоро, что же пока предполагалъ дѣлать главнокомандующій первою арміею, въ виду стремившихся на него непріятельскихъ силъ?

На другой день послѣ того, какъ были отправлены эти отношенія и письмо къ императору (10-го августа), первая армія остановилась у деревни Усвятъе, находящейся на правомъ берегу рѣки Ужи, а вторая достигла Дорогобужа. Здѣсь найдена была позиція, въ которой считали возможнымъ принять сраженіе. Въ тотъ самый день, какъ войска заняли эту мѣстность и главная квартира расположилась въ селѣ Андреевскомъ, Барклай-де-Толли писалъ графу Ростопчину: «нынѣшнее положеніе дѣлъ непремѣнно требуетъ, чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Я прежде сего полагалъ продолжать

войну до окончательнаго составленія внутреннихъ ополченій, и посему надобно было вести войну общими движеніями не на одномъ пространствѣ, гдѣ находятся первая и вторая арміи, но на всемъ театрѣ войны. Слѣдовательно, третьею арміею надлежало бы исполнить дѣятельную часть операций, дабы располагать въ движеніяхъ силами всѣхъ трехъ армій, по примѣру непріятеля, котсрый, пользуясь чрезвычайнымъ числомъ войскъ своихъ, движеніями своими принудилъ насъ къ отступленію. Находясь въ безыизвѣстности о третьей арміи и не имѣя довольнаго числа войскъ, чтобы одними движеніями прикрывать всѣ пункты, мы находились въ необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сраженіе. Всѣ причины, доселѣ воспрещавшія давать оное, теперь уничтожаются. Непріятель слишкомъ близко къ сердцу Россіи и, сверхъ того, мы принуждены всѣми обстоятельствами взять сію рѣшительную мѣру, ибо въ противномъ случаѣ арміи были бы подвержены сугубой гибели и безчестью, и отечество не менѣе того находилось бы въ той опасности, отъ которой, съ помощью Всевышняго, можемъ избавиться общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ княземъ Багратиономъ избрали позицію у Умоля. Признаюсь, что число храбрыхъ солдатъ нашихъ уменьшилось, во время бывшихъ, почти ежедневныхъ, дѣлъ, и въ генеральномъ сраженіи мы, конечно, будемъ имѣть большую потерю въ людяхъ, почему, представляя вамъ, въ какомъ положеніи находятся арміи наши, умоляю васъ, извѣстнымъ усердіемъ вашимъ къ отечеству, спѣшить приготовленіемъ сколь можно скорѣе московской военной силы и собрать оную въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, дабы въ случаѣ нужды подкрѣпить наши арміи. По сей же причинѣ просилъ я генерала Милорадовича съ вѣренными ему войсками послѣдить изъ Калуги, Можайска и Волоколамска, выступить и расположиться близъ Вязмы».

Прежнія предположенія продолжать войну до окончательнаго устройства общими движеніями (маневрами), а не на томъ одномъ пространствѣ, на которомъ только и могли дѣйствовать двѣ западныя арміи, были имъ оставлены, какъ онъ говорилъ въ этомъ письмѣ. Между тѣмъ, онъ раздѣлялъ ихъ еще наканунѣ того дня, какъ писалъ къ графу Ростопчину, и выразилъ въ письмѣ къ императору. Отчего же произошла такая быстрая перемѣна во взглядахъ главнокомандующаго? Это обстоятельство давало бы поводъ по дозрѣвать, что онъ неискренно писалъ графу Ростопчину, желая только успокоить общественное мнѣніе Россіи, выражавшееся по преимуществу въ Москвѣ, которое негодовало на постоянныя отступленія нашихъ войскъ и требовало сраженій съ врагомъ, еслибы онъ не возвратилъ назадъ 2-ой арміи отъ Дорогобужа, которая и заняла позицію на лѣвомъ флангѣ первой арміи при Усвятѣ. Это уже доказываетъ, что

онъ намѣревался дѣйствительно дать генеральное тутъ сраженіе, какъ писалъ московскому главнокомандующему, графу Милорадовичу, Тормасову и графу Витгенштейну. Въ тотъ же день цесаревичъ Константинъ Павловичъ объявилъ ему о желаніи ѣхать въ Петербургъ, и въ письмѣ къ императору, съ нимъ отправленномъ и помѣченномъ тѣмъ же днемъ, 10-го августа, Барклай-де-Толли, упоминая о потеряхъ въ войскахъ, о необходимости усилить ихъ резервомъ генерала Милорадовича, какъ и въ письмѣ, отправленномъ наканунѣ, говоритъ далѣе: «Я постараюсь пока, совокупно съ княземъ Багратиономъ, предотвратить всякую смѣлую попытку, имѣя дѣло съ врагомъ, превышающимъ насъ силами, и избѣжать генеральнаго сраженія; но мы находимся въ такомъ положеніи, что я сомнѣваюсь, чтобы это намъ удалось. Но я полагаюсь на волю Божию, на справедливость нашего дѣла и испытанную храбрость нашихъ войскъ». Эти слова выражаютъ уже нерѣшительность. Едва главнокомандующій первою арміею рѣшился принять сраженіе и заявилъ объ этомъ письменно, какъ въ тотъ же день началъ колебаться, сомнѣваясь въ успѣхѣ предпріятія. Онъ хотѣлъ уже избѣжать общаго сраженія и въ то же время не принималъ во вниманіе, что непріятель напиралъ всѣми силами, и нашъ арріергардъ постоянно находился въ дѣлѣ. Это колебаніе выразилось и при осмотрѣ позиціи, одобренной полковникомъ Толемъ. Выѣхавъ, для осмотра, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, княземъ Багратиономъ, начальникомъ штаба А. П. Ермоловымъ и многочисленною свитою, Барклай-де-Толли указалъ полковнику Толю на многіе важные недостатки позиціи, особенно на ея флангахъ. Толь, одаренный замѣчательными способностями и обладавшій познаніями, но крайне самоувѣренный и рѣзкій въ обращеніи, опровергалъ замѣчанія главнокомандующаго, доказывалъ выгоды позиціи въ такомъ смыслѣ, что позиція, имъ одобренная, не можетъ быть дурна, что онъ знаетъ свое дѣло. «Барклай-де-Толли выслушивалъ его съ неимовѣрною холодностію», говоритъ Ермоловъ; но, замѣчаетъ графъ Граббе, «едва Толь выговорилъ это съ тономъ еще болѣе неприличнымъ, нежели самыя слова, князь Багратионъ выѣхалъ впередъ: «какъ смѣешь ты такъ говорить и передъ кѣмъ; взгляни: передъ братомъ государя, передъ главнокомандующимъ, ты, мальчишка! Знаешь, чѣмъ это пахнетъ — солдатской сумой!» Все умолкло, Барклай-де-Толли сохранилъ непоколебимое хладнокровіе, цесаревичъ осадилъ свою лошадь въ толпу, у Толя пробіались слезы и текли по суровому лицу». Вѣроятно, позиція представляла невыгоды, но не такія однакоже, чтобы считать ее совершенно негодною, потому что все-таки думали принять въ ней сраженіе, какъ доказываетъ то обстоятельство, что на другой день (11-го августа) послѣ этого осмотра придвинута была вторая армія отъ

Дорогобужа и заняла лѣвый ея флангъ. Барклай-де-Толли, опорочивая позицію, изыскивалъ способъ къ отступленію, не рѣшаясь уже дать сраженіе.

Между тѣмъ получено было извѣстіе, что вице-король итальянскій съ значительными силами отъ Духовщины приближается къ Дорогобужу и угрожаетъ обойти наше правое крыло. Это обстоятельство рѣшило отступленіе нашихъ армій къ Дорогобужу (въ ночь съ 11-го на 12-е августа), и посланы были инженеры для отысканія позиціи у города Вязьмы, куда двигались наши арміи. Но въ это время взглядъ Барклая-де-Толли уже измѣнился снова. «Хотя армія и понесла большія потери, — писалъ онъ государю, — но непрерывно приходятъ значительными партиями выздоровѣвшіе солдаты изъ госпиталей. Теперь, кажется, наступаетъ время, когда наши военныя дѣла могутъ принять хорошій оборотъ, потому что непріятель, несмотря на то, что собралъ всѣ силы, которыми могъ располагать, и даже 5-й корпусъ гр. Понятовскаго, ослабѣваетъ съ каждымъ шагомъ по мѣрѣ того, какъ подается впередъ и съ каждымъ сраженіемъ съ нами. Наши же войска, наоборотъ, подкрѣплятся резервомъ, съ которымъ генералъ Милорадовичъ приближается къ Вязьмѣ. Мое намѣреніе въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы занять у Вязьмы позицію для корпуса войскъ въ 20—25 тысячъ, укрѣпить ее такимъ образомъ, чтобы этотъ корпусъ могъ сопротивляться сильнѣйшему въ сравненіи съ нимъ непріятелю, чтобы имѣть возможность потомъ съ большею увѣренностью приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Я также поручилъ осмотрѣть мѣстность у Гжатска, чтобы и тамъ устроить укрѣпленную позицію. Были важныя причины, по которымъ обѣ арміи не могли до сихъ поръ дѣйствовать наступательно. Главнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что обѣ эти арміи до тѣхъ поръ, пока онѣ не были усилены резервами, составляли почти единственную боевую силу Россіи противъ непріятеля хитраго и располагавшаго большою силою. Слѣдовало употребить поэтому всѣ мѣры, чтобы сохранить ее и не дать разбить непріятелю, и такимъ образомъ дѣйствовать вопреки его желаніямъ, потому что онъ сосредоточилъ всѣ свои войска именно съ цѣлью принудить насъ къ рѣшительному сраженію. Намъ счастливо удалось достигнуть этой цѣли, не теряя изъ виду непріятеля. Мы удерживали его на каждомъ шагу и, вѣроятно, принудимъ его раздѣлить свои силы, и тогда-то наступитъ благопріятное время нанести сильнѣйшій вредъ непріятелю, если генералъ Торماسовъ не будетъ дѣйствовать съ большимъ напряженіемъ силъ. Желательно также, чтобы хотя бы часть молдавской арміи прибыла поскорѣе». Въ это же время, благодаря генерала Милорадовича за скорость, съ которою онъ велъ войска на соединеніе съ арміями, онъ писалъ ему: «непріятель, со всѣми силами преслѣдующій армію, дости-

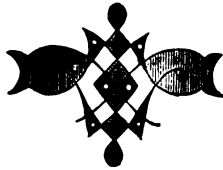
гаеть, наконецъ, Вязьмы, куда уклонился я, въ надеждѣ получить подкрѣпленія. Здѣсь неизбежно сраженіе, которое опредѣлитъ участь государства, здѣсь нужны напряженія всѣхъ усилій, здѣсь надобно присутствіе ваше и войска, вами воодушевляемья». Разсчитывая на вліяніе Милорадовича на ходъ дѣлъ, Ермоловъ просилъ его: «спѣшите къ намъ, и если войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, приѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Приѣзжайте, всѣмъ любимый начальникъ. будьте свидѣтелемъ сраженія, которому равнаго, конечно, долго не будетъ. Мы будемъ драться, какъ львы, ибо знаемъ, что въ насъ надежда, въ насъ защита любезнаго отечества. Мы можемъ быть несчастливы, но мы—русскіе, мы будемъ умиеть умереть, и побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною. Солдаты наши остервенѣны, ужасны. Надобно появиться впереди, и ничто, конечно, устоять не можетъ. Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы ни былъ подъ начальствомъ вашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ. Покажитесь...» При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить особой черты въ характерѣ Барклая-де-Толли, подмѣченной въ немъ и самимъ императоромъ Александромъ. Отдавъ приказаніе, онъ считалъ уже дѣло оконченнымъ. Отправивъ инженеровъ для отысканія позиціи при Вязьмѣ, онъ полагалъ, что она дѣйствительно уже существуетъ, и на этомъ обстоятельствѣ составлялъ предположенія о дѣйствіяхъ, въ полной увѣренности, что они будутъ приведены въ исполненіе, а потому извѣщалъ о нихъ императора и генерала Милорадовича. Но какъ быстро возникъ этотъ новый планъ дѣйствій у Барклая-де-Толли, такъ же быстро и уничтожился. Генераль Трузонъ и полковникъ Толь, возвратясь послѣ обозрѣнія мѣстности, объявили, что при Вязьмѣ нѣтъ возможной для укрѣпленнаго лагеря позиціи. Войска генерала Милорадовича, при быстромъ отступленіи армій, также не могли прибыть къ Вязьмѣ. Оставивъ Вязьму, Барклая-де-Толли еще не покидалъ своей мысли и началъ было укрѣплять позицію при селѣ Оедоровскомъ (16-го августа), но она представляла большія неудобства. «По моему мнѣнію, писалъ къ нему князь Багратіонъ, позиція здѣсь никуда не годится; а еще хуже, что воды нѣтъ. Жаль людей и лошадей. Постараться надобно идти въ Гжатскъ, городъ портовый, и позиція хорошія должны быть. Но всего лучше тамъ присоединить Милорадовича и драться уже порядочно. Жаль, что насъ завели сюда и неприятель приблизился. Лучше бы вчера подумать и прямо слѣдовать къ Гжатску, нежели быть безъ воды и безъ позиціи. Люди бѣдные ропшутъ, что ни пить, ни варить кашъ не могутъ. Мнѣ кажется, надо не мѣшкая дальше идти, арріергардъ усилить пѣхотою и кавалеріею и дальше Гжатска уже не могу. Къ тому мѣсту можетъ прибыть новый главнокомандующій. Вотъ мое мнѣніе, впрочемъ, какъ вамъ угодно». Барклая-де-Толли далъ приказаніе слѣдовать войскамъ

отъ села Оедоровскаго къ Цареву-Займищу, куда они прибыли 17-го августа, и тамъ распорядился объ укрѣпленіи позиціи, хотя такъ же, какъ и князь Багратіонъ, зналъ уже о назначеніи новаго главнокомандующаго в сѣм и арміями. Въ тотъ же день князь Кутузовъ и прибылъ къ войскамъ въ Царево-Займище.

Такъ окончилась самостоятельная дѣятельность Барклая-де-Толли въ качествѣ предводителя двухъ западныхъ армій. Не входя еще въ разсмотрѣніе причинъ этого важнаго событія въ исторіи Отечественной войны, довольно пока замѣтить, то положеніе, въ которомъ находилась въ это время армія, грозившее великими бѣдами Россіи, составляло болѣе нежели достаточную причину для того, чтобы императоръ рѣшился назначить новаго главнокомандующаго.

Сообщилъ Ш. Н. Цуриковъ

А. Н. Поповъ.

Москва при смерти тишайшаго государя.

(Выдержки изъ записокъ иностранца-современника).

Въ 1677 году въ Амстердамѣ вышла изъ печати книга о Россіи, на которой до сихъ поръ почему-то мало останавливалось вниманіе историковъ и бытописателей нашей старины ¹⁾. Обширное заглавіе этой книги гласитъ слѣдующее: *Historisc' Verhael of beschryving van de voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere Koenrad van Kleuk, extraordinaris ambassadeur van haer hoogmogende de heeren Staeten Generael, en sijn hoogheyt den heere Prince van Orange: aan Zijne Zaarsche Majesteyt van Moscovien. Nevens een pertinente Beschrijvinge van het silve Rijk, Inwoonderen; Zeeden, Manieren, Rechten, Godsdiensten, en veele aenmerckelijcke voorvallen in dese Reys ontmoet. Verciert met eenige koopere Plaeten, en paeukeurigh beschreven door een van sijn Excellenties Suite, т. е.: «Историческій разсказъ или описаніе путешествія, совершеннаго въ свитѣ господина Конрада фонъ-Кленка, чрезвычайнаго посла высокомошныхъ генеральныхъ штатовъ и его высочества принца Оранскаго, къ Его Величеству царю Московіи. Съ обстоятельнымъ описаніемъ означеннаго государства, обитателей, обычаевъ, нравовъ, законовъ, обрядовъ богослужебныхъ и многихъ замѣчательныхъ происшествій, встрѣтившихся на пути, украшенное нѣсколькими рисунками и любопытно описанное однимъ изъ свиты его превосходительства». Изложить въ короткихъ чертахъ событія самого*

¹⁾ Нѣсколько словъ анониму посвящаетъ Adelung „Uebersicht der Reisenden“ II, 216. О самомъ посольствѣ кое-что см. Медовиковъ „Историч. значеніе царств. Алексѣя Михайловича“, стр. 152. Послѣдній почему-то считаетъ самого посланника фонъ-Кленка составителемъ книги, также какъ и Бестужевъ-Рюминъ, „Русская Исторія“, I, 196. Упоминается о Кленкѣ у Цвѣтаева „Протестанство въ Россіи“, стр. 264 (съ ссылкой на Dalton „Geschichte der Reformirten“ р. 5). Больше всѣхъ изъ русскихъ историковъ останавливался на голландскомъ безымянномъ авторѣ Е. Е. Замысловскій, „Феодоръ Алексѣевичъ“, 203 - 206. Странно лишь, что авторъ упомянутой диссертациіи находитъ лишь одно мѣсто, гдѣ составитель книги говоритъ о себѣ; такихъ мѣстъ въ книгѣ насчитывается гораздо больше (напр. р. 6, 55, 59, 71, 98, 102 и т. д.).

посольства мнѣ уже пришлось въ другомъ мѣстѣ¹⁾; здѣсь въ немногихъ словахъ изложу сущность дѣла.

Весною 1675 года голландская республика, тѣсняемая со всѣхъ сторонъ врагами, отправила въ Москву посломъ купца-дворянина Конрада фонъ-Кленка, который долженъ былъ подѣйствовать на московское правительство въ пользу заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Голландіею. Этой цѣли послу не удалось достигнуть, — по крайней мѣрѣ, въ полномъ объемѣ, — но за то посольство, пробывъ въ Россіи почти годъ, успѣло ознакомиться со страной довольно обстоятельно. Книга, составленная однимъ изъ четырехъ дворянъ, представлявшихъ собою почетную свиту Кленка, еще большую цѣну приобретаетъ отъ того, что интересныя свѣдѣнія, сообщаемыя ею, изложены систематично, съ чисто голландской аккуратностью: видно, что авторъ даетъ не случайныя замѣтки, но что онъ сознательно и настойчиво наблюдалъ, собиралъ разнообразныя свѣдѣнія и записывалъ ихъ въ заранѣе опредѣленныя рубрики. «Историческій разсказъ» голландскаго дворянина можетъ быть поэтому разложенъ на двѣ разнородныя части: во-первыхъ, подробный дневникъ путешествія, во-вторыхъ, систематическое и детальное описаніе видѣннаго и слышаннаго, описаніе городовъ, нравовъ и обычаевъ жителей и т. п.

Изъ послѣдней части извлечены и тѣ данныя, которыя мы помещаемъ на нижеслѣдующихъ страницахъ; на русскомъ языкѣ приводимыя отрывки еще не появлялись въ печати.

А. М. Л.

Описаніе города Москвы: Кремль, церкви и другія замѣчательныя зданія. — Число церквей, часовенъ и монастырей, бань, улицъ и проч. ²⁾.

... Москва, столица всей Московіи, гдѣ находится мѣстопробываніе великаго царя, нмя свое получила отъ рѣки Москвы, которая обтекаетъ городъ съ южной стороны и омываетъ «красную стѣну». Она расположена почти въ срединѣ государства и имѣетъ нѣсколько миль въ окружности; говорятъ, поэтому, что тамъ находится не менѣе сорока тысячъ очаговъ. Она равнше была еще больше — до 1572 года, когда

¹⁾ Еще въ 1892 году С. Н. Шубинскимъ были доставлены мнѣ какъ четыре рисунка Ромейна-де-Гоге, такъ и весьма рѣдкая книга, заглавіе которой приведено выше. Рисунки предполагалось воспроизвести въ „Истор. Вѣстн.“ По независящимъ обстоятельствамъ однако и рисунки и пояснительная статья моя къ нимъ и „Голландецъ Кленкъ въ Московіи“, которую я здѣсь имѣю въ виду, появятся въ печати не много позже печатаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ выдержекъ.

²⁾ Изъ главы 38-ой.

татары ее сожгли. Три рѣки текутъ черезъ городъ: Москва, Неглинная и Яуза: изъ нихъ обѣ послѣднія соединяются съ первой.

Москва дѣлится на четыре части: Китай-городъ или средняя часть города, 2) Царь-городъ, 3) Скородумъ и, наконецъ, 4) Слобода.

Китай-городъ окруженъ толстой красной стѣной и на югѣ, какъ уже сказано, омывается рѣкой Москвой, а на сѣверѣ Неглинной, которая за городомъ впадаетъ въ Москву. Съ одной стороны Китай-города находится крѣпость, называемая русскими Кремлемъ, съ толстыми стѣнами и глубокими рвами. Съ двухъ сторонъ окружаютъ ее рѣки Москва и Неглинная, а внутри ея много большихъ орудій и собрано лучшее войско. Крѣпость эта величиною съ цѣлый небольшой городокъ; здѣсь находится царскій дворецъ, роскошно построенный изъ кирпича, на итальянскій манеръ, великолѣпное помѣщеніе патріарха и квартиры многихъ бояръ или государственныхъ совѣтниковъ, живущихъ невдалекѣ отъ его величества. Въ стѣнахъ крѣпости находятся и два монастыря, одинъ мужской, а другой женскій. Первый, впрочемъ, скорѣе можно назвать дворянскимъ учебнымъ заведеніемъ, чѣмъ монастыремъ; тамъ рѣдко увидишь кого другаго, какъ дѣтей бояръ и важныхъ вельможъ; ихъ помѣщаютъ туда, чтобы удалить отъ дурнаго общества и научить благонравному поведенію. По исполненіи шестнадцати лѣтъ отъ роду, они снова могутъ уйти. Въ женскомъ монастырѣ этого обычая нѣтъ: кто туда попалъ, та уже на всю жизнь остается монахиней.

Кромѣ этихъ двухъ монастырей здѣсь находится еще около пятидесяти каменныхъ церквей, всѣ съ круглыми сводами внутри. Самыя важныя изъ нихъ: церковь Св. Михаила, гдѣ погребаются великіе князья и ихъ родственники, Богородицы дѣвы Маріи и церковь св. Николая. У этихъ церквей, какъ и обыкновенно у каменныхъ, пять бѣлыхъ колоколенъ и на каждой изъ нихъ тройной крестъ. Купола, находящіеся въ крѣпости, крыты листовою золоченою мѣдью, которая при яркомъ солнечномъ свѣтѣ красиво блеститъ и издали представляетъ чудное зрѣлище. Иногда посѣтители поэтому говорятъ, что, какъ идешь издали, будто видишь Іерусалимъ, а войдешь, тамъ передъ тобой Визелемъ.

По срединѣ Кремля стоитъ самая высокая колокольня—Иванъ Великій, также покрытая наверху золоченою мѣдью и полная колоколовъ. Около нея находится другая башня, въ которой подвѣшенъ самый тяжелый колоколъ. Поперечникъ его равняется приблизительно двадцати тремъ футамъ, окружность почти семидесяти, высота тридцати футамъ; сами стѣнки въ два фута толщиною. Говорятъ, что въ немъ четыреста тысячъ фунтовъ вѣсу. Въ немъ виситъ языкъ, который длиною въ 22 фута и вѣсомъ болѣе, чѣмъ въ 10.000 фунтовъ. Человѣкъ пятьдесятъ звонарей нужно, чтобы привести этотъ колоколъ въ

движеніе, и поэтому звонять въ него лишь въ праздники и при приѣмѣ пословъ. И тогда онъ гудить такъ страшно, что чуть ли не вся почва вокругъ трясется и дрожить. Вокругъ этого мѣста находится и великое государево казначейство, запасные магазины, арсеналы, склады для пороха и другихъ военныхъ принадлежностей. Здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ было построено и великолѣпное подворье для пословъ къ его величеству. Почти четыреста человѣкъ могло помѣститься въ этомъ подворьѣ. Недалеко отсюда находятся старый и новый гостинные дворы, гдѣ торгуютъ нѣмецкіе и персидскіе купцы; ихъ товары для защиты отъ пожаровъ запрятаны въ глубокихъ подвалахъ, подъ каменными сводами.

За Кремлемъ, въ части города, называющейся Китай-городъ, по правую руку отъ воротъ крѣпости, находится церковь, которая называется Іерусалимомъ и построена очень искусно. Говорятъ, что строитель, послѣ окончанія работы, былъ лишенъ зрѣнія тираномъ, чтобы онъ уже больше не былъ въ состояніи создать что-нибудь, столь великолѣпное. У входа въ Кремль находится самый большой и самый лучший рынокъ всего города, на которомъ съ утра до ночи толпится народъ. Возлѣ рынка и на сосѣднихъ улицахъ находится много лавокъ, причѣмъ онѣ распределены по роду товаровъ; каждому разряду соответствуетъ особая улица или мѣсто на площади. Кромѣ того, въ этой части города живетъ много князей, вельможъ и именитыхъ купцовъ, которые всѣ живутъ въ каменныхъ домахъ, чтобы защитить свое имущество или товары отъ пожаровъ, здѣсь случающихся очень часто.

Вторая часть города, въ видѣ полумѣсяца окружающая съ одной стороны Китай-городъ, называется Царь-городъ и также окружена толстою стѣною, которую русскіе называютъ Бѣлою. Рѣчка Неглинная протекаетъ черезъ него. Здѣсь живетъ много бояръ и дворянъ русскихъ, а также и купцы, мѣщане, ремесленники и всякій людъ. Здѣсь находятся мясные ряды, склады муки и зерноваго хлѣба; тутъ же торгуютъ и скотомъ. Царю принадлежатъ здѣсь большія конюшни, а также литейные заводы, на которыхъ готовится много орудій и колоколовъ.

Третья часть города называется Скородумомъ и съ востока, запада и сѣвера окаймляетъ Царь-городъ. Говорятъ, до татарскаго погрома эта часть имѣла двадцать пять верстъ или пять миль въ окружности. Съ одного конца черезъ него протекаетъ рѣчка Яуза. Здѣсь производится торговля дровами, лѣсомъ и домами, такъ что за незначительную сумму здѣсь можно купить построенный уже домъ. Дома эти построены изъ балокъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ такъ, что они легко могутъ быть поставлены гдѣ будетъ угодно. Пожары тамъ бы-

*

ваютъ очень часто, но у погорѣвшаго, если онъ только не купецъ, убытокъ не великъ, а хлопотъ и того меньше. Дѣло въ томъ, что онъ покупаетъ за дешевую цѣну новый домъ на рынкѣ, а затѣмъ въ немногие дни домъ уже поставленъ на мѣсто и въ немъ уже живутъ люди. Часто бываетъ даже такъ, что во время пожара близкіе къ горящимъ уже зданіямъ дома разбираются и переносятся на болѣе безопасныя мѣста.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкой слободою. Она лежитъ на южной сторонѣ Москвы рѣки — въ сторонѣ Татаринъ, и защищена деревянными и земляными валами и стѣнами. Названіе свое она получила отъ царскихъ солдатъ, живущихъ здѣсь и называющихся стрѣльцами. За городомъ, если перейти черезъ рѣчку Кокуй, находится Нѣмецкая слобода, другой своей стороною примыкающая къ рѣкѣ Яузѣ. Въ этомъ мѣстѣ живутъ лишь нѣмцы, какъ голландскіе, такъ и лифляндскіе. Слобода пересѣкается многими красивыми улицами и приблизительно такъ же велика, какъ городъ Мейденъ. Здѣсь имѣются четыре церкви, три лютеранскія и одна реформатская. Дальше находится еще нѣсколько слободъ, каждая съ особымъ наименованіемъ.

За Москвою находится нѣсколько дачныхъ мѣстъ, какъ напримѣръ, приблизительно на разстояніи одной мили отъ Москвы, принадлежащее его величеству Коломенское, весьма искусно построенное изъ деревянныхъ балокъ, со многими комнатами; нѣкоторыя изъ послѣднихъ, какъ напримѣръ, аудіенцъ-заль, украшены богатою живописью. Здѣсь же находится и деревянная восьмигранная башня, наклоненная искусно впередъ.

Въ Измайловѣ также находится прекрасный лѣтній дворецъ царя, въ которомъ есть оранжерея съ цвѣтникомъ и садомъ, величиною моргеювъ съ двадцать; царь садитъ здѣсь и виноградъ, изъ котораго потомъ, для курьеза, велитъ готовить вино.

Въ стѣнахъ и за стѣнами города Москвы находится много церквей, часовенъ и монастырей числомъ до двухъ тысячъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ такъ малы, что въ нихъ едва помѣщается человекъ 8 или 10. Эти маленькія церкви по большей части построены кѣмъ-нибудь изъ бояръ, исключительно для своихъ семей. Священника они для церквей держатъ на свой счетъ.

Число домовъ въ городѣ и въ предмѣстьяхъ доходитъ приблизительно до девяностипяти тысячъ, не считая царскаго дворца, церквей и монастырей. Дома эти, однако, какъ уже сказано, большею частью деревянные, съ каменными печами, которыя протапливаются очень жарко и причиняютъ частые пожары, отъ которыхъ сгораетъ иногда много сотенъ, а то и тысячъ домовъ. Воды здѣсь мало, и поэтому нѣтъ другаго средства для прекращенія пожара, какъ разбирать по частямъ

или разрушать сосѣдніе дома, чтобы лишить огонь питанія. Есть здѣсь и бани, въ которыхъ рядомъ моются женщины и мужчины, правда, въ особыхъ отдѣленіяхъ, но съ такими рѣшетчатыми перегородками, что черезъ щели въ послѣднихъ можно удобно видѣть другъ друга.

Улицы широки и просторны. Осенью, во время частыхъ дождей, они покрыты вязкою, глубокою грязью, на которую кладутъ, для возможности перехода, большія круглыя бревна. Лишь Мясницкая улица, по которой часто проѣзжаетъ царь, устлана еще досками поверхъ бревенъ. Но доски эти такъ грязны, что въ дождь нужно надѣвать высокіе сапоги.

Части города одна отъ другой могутъ запираться, вслѣдствіе чего въ городѣ масса воротъ. Между ними особенно замѣчательны Неглинныя, крытыя листовою, позолоченною мѣдью. Черезъ эти ворота въѣзжаютъ посланники, причемъ изъ помѣщенія надъ воротами наблюдаютъ за въѣздомъ царь, царица и нѣсколько бояръ изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ.

Внѣшній видъ москвитянь.—Одежда мужчинъ и женщинъ.—Обычай, пища и питье.—Жалобы женъ на мужей.—Увеселенія знатныхъ женщинъ.—Разводъ.—Суевѣрія ¹⁾.

Русскіе или москвитяне обыкновенно народъ рослый и дородный, съ большими головами и толстыми руками и ногами. Священники ихъ носятъ длинные волосы на головѣ, иногда спускающіеся ниже плечъ; у прочихъ, однако, волосы коротко острижены, у нѣкоторыхъ вельможъ даже сбриты. Когда кому-нибудь кажется, что онъ у царя въ немилости, онъ отпускаетъ себѣ длинные волосы и не стрижетъ ихъ, пока государь надъ нимъ не смируется. Женщины—средняго роста, милыя лицами и крѣпкаго тѣлосложенія. Тѣ, что живутъ въ городахъ, румянятся до такой степени, что лица ихъ кажутся какъ бы густо осыпанными мукою, а румяна какъ-будто кисточкою размазаны по щекамъ. Замужнія женщины заплетаютъ свои косы и носятъ ихъ подъ шапкою, дѣвушки же влетаютъ въ косу алыя ленты, съ кисточками на концахъ, и носятъ ихъ распущенными. Дѣтямъ моложе десяти лѣтъ, все равно, дѣвочкамъ, какъ и мальчикамъ, остригаютъ волосы и оставляютъ лишь локоны съ обѣихъ сторонъ. Дѣвочки, для отличія отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя и мѣдныя кольца.

Одежда мужчинъ почти та же, что и у грековъ. рубахи ихъ широки, но коротки, на спинѣ скроены въ видѣ треугольника и вышиты шелкомъ. Богатые, кромѣ того, воротникъ и рукава оторочиваютъ сере-

¹⁾ Изъ главы 39-ой.

бромъ, золотомъ, жемчугомъ, либо драгоценными камнями и прикрѣпляютъ на воротникѣ двѣ пуговицы изъ жемчуга или же золотыя, либо серебряныя. Чулки ихъ очень широки сверху, гдѣ въ нихъ вдѣтъ бантъ и, такимъ образомъ, ихъ можно сужать или расширять по желанію. Поверхъ рубахи надѣваютъ они узкіе кафтаны, спускающіеся ниже колѣнъ. Воротникъ кафтана длиною съ четверть, смотря по состоянію дѣлается изъ саржи шерстяной, либо изъ шелка или парчи, и торчитъ вверху надъ всѣми прочими одѣяніями. Поверхъ этого кафтана иные носятъ еще другой, покрывающій икры и называющійся ферзью; это платье, обыкновенно, шьется изъ ситца, тафты, камчатной или другой матеріи, на бумажной подкладкѣ. Верхнее платье они носятъ еще помимо кафтановъ; его надѣваютъ они, когда выходятъ куда-нибудь, и оно у нихъ опускается до самыхъ пятъ и готовится изъ разныхъ матерій и разныхъ цвѣтовъ. У этого верхняго платья на спинѣ имѣются отвороты, открывающіеся напередъ и съ золотыми шнурами по сторонамъ, иногда украшенными жемчугомъ и кисточками. Рукава узки и почти той же длины, какъ и кафтаны; ихъ можно закидывать за спину и, такимъ образомъ, освобождать руки. Нѣкоторые бездѣльники завязываютъ рукава внизу, наполняютъ ихъ камнями или другими тяжелыми предметами и потѣшаются тѣмъ, что бьютъ ими встрѣчныхъ, особенно ночью. У всѣхъ у нихъ на головахъ шапки. Князья и бояре на чрезвычайныхъ собраніяхъ являются въ высокіхъ головныхъ уборахъ изъ чернаго лисьяго или собольяго мѣха, украшенныхъ золотомъ или жемчугомъ. Граждане лѣтомъ носятъ бѣлыя, шерстяныя шапки, зимою же суконныя или фланелевыя съ простымъ мѣхомъ.

Одѣяніе женщинъ почти сходно съ мужскимъ, лишь ихъ верхнее платье шире. Наверху рукава открыты, такъ что онѣ могутъ тамъ продѣть свои руки и свѣсить рукава. Одежда ихъ изъ ситца, саржи, шелка, парчи или другаго матеріала, смотря по состоянію. На головахъ носятъ онѣ высокія, широкія шапки изъ драгоценныхъ или простыхъ тканей, иногда съ золотой оторочкой, осыпанною жемчугомъ. Женщины, а больше еще дѣвушки, носятъ сапожки на высокіхъ каблукъ, такъ что пальцы ногъ еле доходятъ до земли; подошвы построены на мелкихъ гвоздикахъ.

Простой народъ, грубый и закаленный, рѣдко спитъ въ постели, но обыкновенно на соломѣ, иногда даже на жесткихъ скамьяхъ, и можетъ выносить большія невзгоды. На стѣнахъ рѣдко видно что другое, какъ нѣсколько образовъ, особенно св. Николая, котораго они считаютъ своимъ защитникомъ... Другой домашней утвари у нихъ, обыкновенно, нѣтъ, какъ нѣсколько скверныхъ блюдецъ и горшковъ, сосудовъ для водки и чарокъ для меда и еще кое-какой деревянной посуды, которую они рѣдко моютъ или очищаютъ. Зимою помѣщаются они въ комна-

тахъ своихъ, около изразцовыхъ печей, гдѣ въ одной кучѣ помѣщаются мужчины, женщины, дѣти, работники и служанки. Они такіе рабы по природѣ, что, освободившись отъ кабалы, благодаря смерти господина или по милости его, они снова продаютъ себя другому. Рѣдко ихъ добрыми словами или просьбами можно заставить работать; поэтому, какъ бы кто ни былъ челоуѣченъ, все-таки въ концѣ концовъ, по необходимости, приходится не щадить палки и кулаковъ, если желательно, чтобы они хорошо дѣлали свое дѣло. Много между ними воровъ и убійцъ, такъ они страдаютъ отъ большого недостатка въ пищѣ и питъѣ. Тяжелыя наказанія нисколько не помогаютъ здѣсь, при сильной склонности ихъ къ водкѣ и табаку. Рабы, подальше—внутри страны, имѣютъ пропитаніе еще болѣе скудное; господа ихъ отпускаютъ имъ такъ мало, что они этимъ жить не могутъ, и поэтому господа часто должны смотрѣть сквозь пальцы на ихъ поступки. Богатые иногда держать пышный домъ и столъ, особенно при приѣмѣ чужеземцевъ; послѣднимъ, однако, подарками приходится за все это расплачиваться въ три-дорога. Съ другой стороны, они очень скупы въ ежедневныхъ обѣдахъ; средствъ у нихъ мало, такъ какъ очень много уходитъ на рабовъ и лошадей.

Обыкновенная пища русскихъ, въ общемъ, въ достаточной мѣрѣ не вкусна:—соленая рыба, кислая капуста, крупа, горохъ и бобы, и притомъ черный ржаной хлѣбъ. При своей похлебкѣ ѣдятъ они и жареный лукъ или чеснокъ; эта ѣда имъ очень нравится, хотя непривычныхъ она отталкиваетъ ужаснѣйшей вонью. Много ѣдятъ они всякой похлебки, часто даже рыбный рассолъ съ прибавкою къ нему чесноку и хлѣба. Икра употребляется у всѣхъ знатныхъ во время обѣда почти всегда. Напившись чреазѣрно, они на слѣдующій день готовятъ себѣ особое блюдо для похмѣлья (Pochmelie-Kost) изъ холоднаго мяса, нарѣзаннаго кусочками, изъ обыкновеннаго квасу, огурцовъ, уксусу, чесноку и массы перцу: это они ѣдятъ въ холодномъ видѣ. Квасъ, любимый напитокъ простонародья, готовится изъ воды съ ячменемъ, овсомъ и отрубями. Достаточные люди пьютъ пиво, которое варится въ громадныхъ чанахъ, при помощи раскаленныхъ камней; иногда получается у нихъ пиво очень крѣпкое и тяжелое. Они употребляютъ также много меда, приготовляемаго съ кардамономъ, перцемъ, гвоздикомъ и корицею. Имъ они напиваются, какъ виномъ, особенно, если, желая сдѣлать его хмѣльнѣе, примѣшиваютъ къ нему водки.

Водка любимѣйшій ихъ напитокъ, какого бы пола, возраста или общественнаго положенія они ни были, будь то мужчины или женщины, лица духовныя или свѣтскія, знатные или купцы, мѣщане или крестьяне. Пьютъ ее и до, и послѣ обѣда, даже цѣлый день кряду, въ родѣ, какъ у насъ вино; прибавляютъ къ ней еще перцу, если у нихъ ея мало, а то

и просто потому, что такъ, по ихъ понятіямъ, здоровѣе. Простой народъ такъ падокъ до вина, что часто они не только лѣтомъ, но и зимою, при жестокомъ холодѣ, не только пропиваютъ свое верхнее платье, но и нижнее, даже рубаху съ тѣла, и голышемъ выбѣгаютъ изъ кабака домой. Даже женщины, изъ простонародья, пьютъ иногда до того, что оставляютъ платье свое подъ залогъ, и голыя, вытолканныя изъ кабака, валяются отъ пьянства на улицѣ и часто терпятъ ущербъ своему цѣломудрію, которое и такъ не высокой пробы. Теперь, впрочемъ, обстоятельства перемѣнились немного къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ царь, по совѣту патріарха, велѣлъ закрыть маленькіе кабаки въ закоулкахъ и, подъ угрозой высокой пени, запретилъ всѣ прочіе, кромѣ установленныхъ высочайшимъ повелѣніемъ. До табаку русскіе также очень падки, хотя должны курить его тайкомъ, такъ какъ много лѣтъ назадъ онъ былъ строго воспрещенъ къ потребленію, въ виду пресѣченія возможности пожаровъ и излишней расточительности.

Они очень строги къ своимъ женамъ, держатъ ихъ какъ рабынь, бьютъ сколько душѣ угодно, что тамъ вошло въ привычку и никого не поражаетъ. Жены, съ своей стороны, иногда умѣютъ мстить мужьямъ, принося царю жалобу на притѣсненія, которыя имъ приходится терпѣть; жалобы эти иногда имѣютъ послѣдствіемъ ссылку мужа въ Сибирь. Чтобы, однако, покончить съ этими жалобами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ изданъ законъ, по которому жалобщикъ, не имѣющій законныхъ свидѣтелей, особенно въ уголовномъ дѣлѣ, самъ прежде долженъ перенести пытку. Если истица вынесетъ пытку, то обвиненный обыкновенно находится виновнымъ; если же пытки она не вынесетъ, но наказывается тѣмъ же, что потерпѣлъ бы обвиненный.

Дома жены одѣваются плохо. Когда же онѣ, по приказанію мужей, должны являться передъ чужими и подносить имъ водку, или когда онѣ ходятъ въ церковь, то одѣваются очень роскошно и накладываютъ густыя бѣлила на лицо и даже на шею.

Жены князей, бояръ и вообще знатныхъ людей лѣтомъ ѣздятъ въ повозкахъ, покрытыхъ краснымъ ковромъ, который зимою кладется и на сани. Онѣ важно сидятъ въ нихъ съ молодою рабынею у ногъ и съ многими рабами и прислужниками, числомъ до тридцати или сорока, со всѣхъ сторонъ. Лошадь, запряженная въ повозку или сани, украшена лисьими хвостами; иностранцу это зрѣлище представляется весьма страннымъ.

Такъ какъ русскіе вѣнчаютъ мужчинъ и женщинъ, никогда раньше другъ друга не выдавшихъ и не знавшихъ, то послѣ брака иногда возникаютъ такіа несогласія и распри, что зачастую дѣло доходитъ до развода. Это можетъ произойти безъ судебного приговора; тогда одинъ изъ супруговъ просто поступаетъ въ монастырь. Если мужъ ради

служенія Богу оставляетъ жену, а та выходитъ замужъ за другаго, то онъ можетъ быть рукоположенъ въ священники. Мужъ имѣетъ также право, если не ожидаетъ отъ жены дѣтей, отослать ее въ монастырь и черезъ шесть недѣль жениться на другой. Этотъ обычай часто примѣняется у вельможъ, которые, не имѣя отъ жены дѣтей или имѣя лишь дочерей отъ нея, въ правѣ помѣстить ее въ монастырь и жениться на другой. Также, если мужъ можетъ обвинить жену въ чемъ-либо безчестномъ, она должна поступить въ монастырь и постричься въ монахини; дѣлается это, однако, больше по произволу мужа, чѣмъ по судебному приговору. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: если изъ простой подозрительности или по какой-либо другой причинѣ мужу жена опротивѣетъ, ему ничего не стоитъ нанять за бездѣлицу двухъ лжесвидѣтелей, которые, по соглашенію съ нимъ, обвиняютъ жену въ блудѣ. Тогда, особенно, если онъ пуститъ еще въ ходъ подарки судьямъ, жена, хотя и не виновная ни въ чемъ, присуждается къ заточенію въ монастырь, гдѣ ей приходится пробыть всю жизнь.

Хотя русскіе и въ брачной своей жизни и внѣ брака весьма нецѣломудренны, они тѣмъ не менѣе очень суевѣрны. Совершая извѣстный актъ, они снимаютъ крестъ, носимый ими на шеѣ, и удаляютъ или завѣшиваютъ на время иконы.

Человѣкъ, имѣвшій такого рода сношеніе со своею законною супругою, не можетъ въ этотъ и на слѣдующій день войти въ церковь иначе, какъ умывшись хорошенько и надѣвъ новое нижнее платье. Люди очень совѣстливы даже не входятъ тогда въ храмъ, а остаются стоять въ притворѣ. Священникъ, имѣвшій дѣло со своею женою, долженъ умыться надъ пупомъ и ниже его прежде, чѣмъ посмѣетъ войти въ церковь, да и то не имѣетъ права входить въ алтарь ¹⁾. Женщины считаются менѣе чистыми, чѣмъ мужчины; поэтому, во время литургіи онѣ обыкновенно не входятъ въ церковь, а стоятъ передъ дверьми ея...

Монастыри русскихъ и монастырская жизнь. — Иконопочитаніе ²⁾.

У русскихъ въ городахъ и въ деревняхъ много монастырей для монаховъ и монахинь, въ большинствѣ случаевъ устроенныхъ по уставу св. Василія. Поступаютъ туда по многимъ причинамъ. Нѣкоторые поступаютъ такъ, изъ бѣдности, другіе отъ старости и дряхлости, иные, не будучи въ состояніи ладно жить съ мужемъ, либо женою, иные изъ-за другихъ причинъ, въ томъ числѣ и изъ благочестія; между по-

¹⁾ Ср. Посошковъ, завѣщаніе отеческое гл. 3. О началѣ мірскаго житія, 1—6.

²⁾ Изъ главы 41-ой.

слѣдними много и весьма знатныхъ людей. Богатый, который уходитъ въ монастырь, беретъ съ собою лишь часть своихъ имуществъ, оставляя все прочее наследникамъ, какъ это устанавливается въ ихъ новомъ сводѣ законовъ. Прежде они все брали съ собою въ монастыри и, такимъ образомъ, послѣдніе завладѣли большою частью земель; царь, такимъ образомъ, оказался бы въ концѣ концовъ безъ земли и безъ крестьянъ. У нѣкоторыхъ монастырей большіе доходы, другіе же бѣдны и въ большой нуждѣ. Монахи очень строго исполняютъ свой уставъ, днемъ и ночью соблюдаютъ въ точности свои молитвенные часы и обряды и носятъ постоянно съ собою свои четки. Они не ѣдятъ мяса или свѣжей рыбы, а лишь соленую рыбу, медъ, молоко, сыръ, всякаго рода плоды и овощи, болѣе же всего соленые огурцы, которые они крошатъ въ квасъ и затѣмъ хлебаютъ ложками. Въ монастыря они, однако, такъ иногда угощаются у своихъ друзей, что ихъ приходится совершенно пьяныхъ приводить обратно въ монастырь. Монашенки всѣ безъ исключенія до того просты и невѣжественны, что изъ десяти врядъ ли найдется одна, которая сумѣла бы безъ ошибки сказать «Отче Нашъ». Онѣ не знаютъ даже десяти заповѣдей; такія знанія, по ихъ понятіямъ, причислываютъ лишь высшему духовенству, а не имъ. Много въ этой странѣ и отшельниковъ, которые устраиваютъ себѣ уединенныя жилища и живутъ подаеніемъ, получаемымъ отъ мужиковъ или путешественниковъ...

Я ограничиваюсь пока вышеприведенными выдержками изъ историческаго источника, оставившагося до сихъ поръ почти не разработаннымъ. Многія изъ сообщенныхъ здѣсь свѣдѣній встрѣчаются у другихъ иностранцевъ, описывавшихъ Московскую Русь, но или эти авторы относятся къ совершенно иной эпохѣ или не внушаютъ такого довѣрія, какъ аккуратный дворянинъ изъ свиты фонъ Кленка, почему-то считавшій нужнымъ скрыть отъ потомства свое имя. Притомъ для быта Московской Руси, именно при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, т. е. наканунѣ Петра, «Историческій разсказъ» анонима голландца является наиболѣе обстоятельнымъ изъ имѣющихся источниковъ ¹⁾. Ограничиваясь пока вышеприведенными немногими отрывками, я предполагаю въ свое время остановиться и на другихъ отдѣлахъ Verhael'a, особенно на тѣхъ, гдѣ идетъ рѣчь о придворномъ бытѣ, о власти государя, о боярствѣ и т. п.

Сообщилъ А. М. Л.

¹⁾ Довесенія фонъ-Келлера (1676—1693) еще болѣе обширны, но они безсистемны, почти ограничиваются политическими данными и, наконецъ, до сихъ поръ еще остаются подъ спудомъ въ собраніи рукописей Академіи Наукъ. См. Иконниковъ, „Исторіографія“, 893—95.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА ¹⁾.

XVI.

Препровожденіе праздниковъ во время моего ученія у Полонскаго и въ институтѣ.

Во время пребыванія моего у Полонскаго, я ходилъ въ отпускъ по преимуществу къ Ив. Ив. Панаеву, и, по-прежнему, помѣщался въ одной комнатѣ съ Бѣлинскимъ. Въ это время я видѣлъ разъ, мелькомъ, Бакунина, поразившаго меня своею внушительною и выразительною наружностью. Лѣтомъ Иванъ Ивановичъ разѣхался съ своею матерью и помѣстился на отдѣльной квартирѣ; одновременно съ этимъ и Бѣлинскій нанялъ себѣ отдѣльную квартиру.

Когда я поступилъ въ институтъ, то мы съ братомъ тоже всегда, по воскресеньямъ и праздникамъ, бывали у Ивана Ивановича и постоянно видали тамъ Бѣлинскаго. Я не помню, чтобы въ зиму 1840—1841 г. мнѣ случалось видѣть часто у Ивана Ивановича петербургскихъ литераторовъ. Тогда еще не появились на горизонтѣ: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій и Некрасовъ. Но мнѣ случалось встрѣчать у Ивана Ивановича московскихъ литераторовъ; въ томъ числѣ много разъ я видѣлъ Каткова, который болѣе мѣсяца проживалъ у Ивана Ивановича. Въ это время публика очень интересовалась романами американскаго писателя Купера. И, конечно, этотъ авторъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. По моимъ понятіямъ, произведенія Купера можно признать образцовыми въ воспитательномъ значеніи для юношества. Никто такъ не способствуетъ поднятію и облаго-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., ноябрь.

раживанію духа начинающаго знакомиться съ изящной литературой, приче́мъ онъ не проводитъ никакихъ предвзятыхъ тенденцій. Ив. Ив. Панаевъ имѣлъ, безспорно, большое чутье ко всему изящному, и тотчасъ по появленіи въ Петербургѣ романа Купера «Озеро-Море» или «Патфиндеръ» (имя героя),—этого, можно сказать, перла всѣхъ романовъ Купера, гдѣ его герой, дѣйствующій въ цѣлой серіи романовъ, является во всемъ блескѣ величія духа,—принялся за переводъ означеннаго романа. Случилось такъ, что въ это время, Катковъ, кончившій уже курсъ въ Московскомъ университетѣ, намѣревался отправиться за границу и, проѣздомъ черезъ Петербургъ, остановился у Ив. Ив. Панаева. Ив. Ив. Панаевъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, предложилъ Каткову помочь ему, Панаеву, ускорить переводъ романа,—что, впрочемъ, совершенно совпадало съ матеріальными интересами Каткова ради поѣздки за границу. Катковъ очень охотно принялъ это предложеніе и потому прожилъ у Ивана Ивановича болѣе мѣсяца. Въ это-то время я и видалъ у него Каткова.

Катковъ носилъ тогда волосы длиною до плечъ, былъ худовать, блѣдновать и съ неопредѣленнымъ, свѣтлымъ, чтобы не сказать водянистымъ, цвѣтомъ глазъ. Длинные волосы страшно мѣшали ему работать, и онъ, занимаясь переводомъ, непрерывно откидывалъ ихъ назадъ рукою. Но такова была тогда мода среди молодыхъ людей, желавшихъ выразить длиною волосъ свой либерализмъ; къ тому же Катковъ собирался ѣхать за границу, а въ это время, всѣ, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, возвращались оттуда съ волосами по плечи. Конечно, подобныя шевелюры, по рѣдкости, бросались всѣмъ въ глаза и безобразили мужчину. Къ тому же, при тогдашнемъ обычаѣ и необходимости, съ такою шевелюрою, употреблять помаду, длинные волосы, падающіе черезъ воротникъ на плечи, не представляли безукоризненной опрятности.

Современники должны помнить исторію съ Яковлевымъ, молодымъ богаче́мъ, гремѣвшимъ въ то время въ Петербургѣ. Онъ довелъ свою шевелюру до безобразія, и когда, однажды, императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ на Невскомъ Яковлева, летящаго на рысакѣ, то далъ знакъ остановиться и приказалъ ему ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ и показалъ его императрицѣ, какъ дико-

винку. Объ этомъ эпизодѣ было много версій, но всѣ, однако, сходились въ характерѣ комизма роли, выпавшей на долю Яковлева.

Приходя въ отпускъ въ 9-ть часовъ утра, мы всегда заставляли Каткова уже одѣтымъ и сидящимъ за работой у письменнаго стола Ивана Ивановича. По видимой холодности и несообщительности Каткова, а равно, принимая въ соображеніе мою юность, я ни въ какіе разговоры съ Катковымъ не вступалъ, хотя приходилось иногда просидѣть три часа въ одной комнатѣ, пока не появится Иванъ Ивановичъ и его жена. Затѣмъ садились пить чай и кофе, и къ этому времени, большею частью, появлялся Бѣлинскій. Тогда все какъ бы оживало, и онъ оставался почти всегда на цѣлый день. Въ эти же дни постоянно приходилъ къ Ивану Ивановичу учитель словесности, нѣкій Кречетовъ, человекъ очень милый, но съ большою претензіею на пониманіе изящнаго и на судьбу въ литературномъ дѣлѣ, чѣмъ нерѣдко подавалъ поводъ къ островамъ на свой счетъ. День проходилъ въ чтеніи какого-либо литературнаго произведенія, въ разсказахъ Ивана Ивановича прочитаннаго имъ на французскомъ языкѣ какого-либо сочиненія, съ которымъ онъ желалъ ознакомить Бѣлинскаго, не читавшаго еще въ это время свободно на этомъ языкѣ; затѣмъ очень часто возбуждались интересные споры съ случайными посѣтителями о литературѣ, о наукѣ, объ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей или авторовъ, о театрѣ, или какомъ-либо общественномъ фактѣ, такъ что день обыкновенно проходилъ быстро и оживленно, и бывало очень досадно уходить въ заведеніе въ самый разгаръ какой-нибудь горячей рѣчи Бѣлинскаго.

XVII.

Встрѣча съ феей.

Вообще, въ моихъ «воспоминаніяхъ», я старался давать разсказы преимущественно о томъ, что могло связываться съ интересами объективными или характеризовать черты, нравы и обычаи извѣстной эпохи. Но въ этой главѣ, я позволю себѣ дать разсказъ

о субъективномъ предметѣ, касающемся одного психическаго момента моей жизни, по просту сказать, перваго, серьезно вспыхнувшаго чувства любви къ восхитительной дѣвушкѣ.

По производствѣ въ офицеры, мы отправились съ братомъ въ отпускъ къ родителямъ, въ Казанскую губернію. Изъ Петербурга до Москвы мы поѣхали въ дилижансѣ, а далѣе надо было ѣхать на перекладныхъ. Въ то время не было еще за Москвой ни единого шоссированнаго тракта, а по тракту отъ Москвы до Владиміра не мыслимо было пускаться на почтовыхъ лошадахъ, не рискуя сидѣть на станціяхъ, за недостаткомъ лошадей, по суткамъ и болѣе. Спасителями для этого тракта являлись вольные ямщики, которые, обходя гостиницы, предлагали доставлять во Владимірѣ въ извѣстный срокъ въ своихъ рыдванахъ, за двойную цѣну противъ прогоновъ. Такъ поступили и мы. Но далѣе отъ Владиміра надо было ѣхать на перекладныхъ. Мы пребыли въ дорогѣ шесть сутокъ, ѣхавши безостановочно днемъ и ночью, чтобы скорѣе попасть домой. Каждый часъ отдохновенія казался какимъ-то преступленіемъ, ибо нашъ отпускъ былъ весьма краткосроченъ. Помню, что послѣ такой черезъ мѣру напряженной ѣзды, отъ бессонницы, отъ усталости, отъ тряски и отъ безконечнаго бряцанія колокольчиковъ, я, въ теченіе трехъ дней, былъ почти глухъ и мнѣ казалось, что всѣ и я самъ говорили шепотомъ, и это очень встревожило мою матушку. Я упоминаю объ этомъ фактѣ потому, что подобнаго страннаго состоянія не случалось уже мнѣ испытывать другой разъ въ жизни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего приѣзда мы были приглашены на праздникъ верстѣ за 18 къ одной сосѣдкѣ за рѣку Каму, въ деревню Чирпы. Эта сосѣдка была Надежда Львовна Завашина, урожденная Толстая. По зимамъ она жила въ Москвѣ и принадлежала къ высшему московскому кругу, а на лѣто приѣзжала въ деревню. Она не имѣла родныхъ дѣтей, а вышла замужъ за вдовца, котораго въ описываемое время не было уже въ живыхъ и у котораго было два сына и одна дочь. Оба сына были извѣстные декабристы и въ данное время находились въ Сибири. Старуха жила съ падчерицей и имѣла еще воспитанницу, по фамиліи — Стахѣева. Кромѣ того, у нея проживали трое племянниковъ, одногодки

съ нами, дѣти брата ея, Павла Львовича Толстаго. Они проживали у тетки въ Москвѣ потому, что мать ихъ, урожденная Бутурлина, жившая тоже въ Москвѣ для воспитанія дѣтей, умерла.

Надежда Львовна Завалишина была по тогдашнему времени одна изъ самыхъ образованныхъ и передовыхъ женщинъ, равно какъ и ея падчерица, Катерина Иринарховна, уже пожилая дѣвушка. Несмотря на то, что Завалишина была лѣтъ на 25 старше моей матери, она относилась къ ней какъ къ задушевному другу.

Въ домѣ Завалишиной, намъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, всегда было какъ-то легко и пріятно. Не бывавъ у нея, вслѣдствіе нашего отсутствія въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ, мнѣ и брату моему было очень весело поѣхать къ Завалишиной.

По прїѣздѣ туда, мы встрѣтили слѣдующихъ лицъ:

Племянника Завалишиной, Льва Павловича Толстаго, очень молодого и очень образованнаго человѣка, еще холостаго, который женился впоследствии на моей двоюродной сестрѣ. Одна изъ ихъ дочерей есть извѣстная здѣсь въ Петербургѣ дама, М. Л. К—ъ; другаго племянника, уже зрѣлаго, Григорія Михайловича Толстаго. Это былъ типъ тогдашнихъ героевъ высшаго круга. Онъ былъ не только хорошъ собою и прекраснаго роста, но особенно интересенъ, и былъ, въ полномъ смыслѣ, джентльменъ, доказывая не разъ это свое качество на дѣлѣ. Былъ богатъ, большую часть времени проводилъ за границей и прїѣзжалъ изрѣдка въ деревню съ пріятелями, преимущественно для охоты. Въ окрестностяхъ его имѣнія «Ново-Спасское» было такое безпримѣрно богатое мѣсто для охоты на дупелей, что охотники очень часто брали въ одинъ день по 150 дупелей и болѣе. Женать Григорій Михайловичъ не былъ и впоследствии никогда не связывалъ себя узами брака; но любилъ поволочиться слегка за особами замужними, заслуживающими вниманія. Словомъ сказать, это былъ типъ, изображенный Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Есть еще теперь живые люди, которые знали Григорія Михайловича и которые, конечно, согласятся со мною, что сравненіе мое вѣрно, тѣмъ болѣе, что онъ не рисовался, и былъ естественно, по характеру и обстоятельствамъ жизни, роднымъ братомъ Онѣгину. Г-жа Головачева, въ своихъ воспоминаніяхъ, коснулась этой личности по поводу того, что Ив.

Ив. Панаевъ и Некрасовъ гостили одно лѣто въ «Ново-Спасскомъ» у Григорія Михайловича Толстаго.

Затѣмъ, мы встрѣтили сосѣдей Завалишиной, мужа и жену, по фамиліи Хрущевы, которые принадлежали тоже къ высшему московскому кругу и незадолго передъ тѣмъ купили имѣніе, называвшееся «Державино», принадлежавшее нѣкогда родителямъ знаменитаго поэта, гдѣ и похоронены ихъ тѣла.

Кромѣ того, былъ какой-то офицеръ и нѣсколько лицъ изъ сѣдняго города Лаишева.

Изъ женскаго пола мы увидѣли даму И... у, принадлежавшую къ симбирской аристократіи, которая гостила въ это время у Завалишиной. Она была не первой молодости, носила обстриженные по плечи волосы, красотой не отличалась, но была извѣстна какъ особа весьма интеллигентная и образованная, которою и интересовался въ это время Григорій Михайловичъ.

Въ тѣ времена, нестѣсненность въ манерахъ обращенія и извѣстная вальяжность были рѣдкостью и представляли въ нѣкоторомъ родѣ шикъ. Мы застали Григ. Мих. въ гостиной сидящимъ на полу, на вышитой подушкѣ, положившимъ голову, съ длинными волосами по заграничной модѣ, на низкій турецкій диванъ близъ колѣнъ той дамы, о которой я упомянулъ сейчасъ. Поздоровавшись съ нами, онъ не измѣнилъ своего положенія и продолжалъ живую бесѣду со своей дамой.

Вскорѣ появилась воспитанница Завалишиной, Стахѣва. Я видѣлъ ее передъ тѣмъ года за четыре, когда ей было лѣтъ 14. Теперь предстала дѣвушка вполне расцвѣтшая, очень красивая, пышущая здоровьемъ и, какъ говорится, маковъ цвѣтъ. Мы съ братомъ очень обрадовались встрѣтиться съ нею, тѣмъ болѣе, что и въ дѣтствѣ намъ было весело играть съ нею потому, что она была очень живаго характера.

Сейчасъ же, конечно, завязалась болтовня, воспоминанія о дѣтствѣ и проч. и проч., а потому пребываніе у Завалишиной обѣщало быть не безынтереснымъ для меня.

Но вдругъ впорхнула въ гостиную какая-то фея, быстро обѣжала и расцѣловала родныхъ, поздоровалась съ однимъ, съ другимъ, съ третьимъ, всякому что-нибудь сказала и наконецъ оста-

новились передъ нами, незнакомыми ей лицами. Завалишина тотчасъ же представила ей насъ, — «а это» — сказала она — «моя внучка, Сашенька Мельгунова».

Съ перваго момента появленія феи, съ перваго на нее взгляда, она ослѣпила меня, какъ солнце, и все остальное затмилось. За секунду передъ тѣмъ, Стахѣва казалась и красавицей, и интересной, и вдругъ она поблекла въ моихъ глазахъ въ такой степени, что признакъ какого-либо сравненія показался бы мнѣ дикимъ. И такое внезапное впечатлѣніе, если еще не большее, какъ оказалось впоследствии, фея произвела и на моего брата.

Подобное неожиданное, ошеломляющее впечатлѣніе можетъ происходить не отъ той или другой особенности, а только отъ полной гармоніи всего. Описать красоту феи трудно. Послѣ ошеломляющаго впечатлѣнія, я увидѣлъ, что не было ни одной черты, ни въ лицѣ, ни въ фигурѣ, которая не казалась бы совершенствомъ, ни одного движенія, которое не было бы усладительной, естественной граціей; но наиболѣе выдающейся красотой были, конечно, глаза, голубосѣрые, необычайной величины, съ выраженіемъ бездонной глубины, ласкающей прिवѣтливости, живости и интеллигенціи, которые широко и открыто смотрѣли на васъ, блестя, какъ бы безавѣтною искренностью. Затѣмъ, бросалась въ глаза громадная, темнокаштановая коса, оттягивающая чрезвычайно естественно и граціозно голову назадъ, приподымая лицо и придавая тѣмъ ему нѣсколько горделивый видъ. Но окончательное и непобѣдимое очарованіе обхватило насъ тогда, когда мы разговорились съ этой волшебницей. Я говорю — «мы» — потому, что совершенно однородныя впечатлѣнія и чувства зародились одновременно во мнѣ и въ моемъ братѣ.

День былъ жаркій, двери изъ гостиной на балконъ были растворены. Тотчасъ по представленіи ей и ея намъ, фея, сказавъ два-три слова, порхнула на балконъ, куда и мы послѣдовали за нею. Въ такіе моменты, конечно, разговоръ между незнакомыми еще лицами не можетъ клеиться, и фея, инстинктивно находчивая, чрезъ нѣсколько минутъ предложила цѣлой компаніи идти въ садъ. Садъ былъ большой, и пока мы обходили его и пришли назадъ, то казалось, что я вѣкъ былъ знакомъ съ феей.

По возвращеніи нашемъ изъ сада, сѣли за обѣдъ, а послѣ того всѣ вышли на обширный лугъ, разстилавшійся передъ домомъ. Затѣялись разныя игры и между прочимъ «горѣлки», въ которыхъ приняли участіе и деревенскія дѣвушки. Когда мнѣ досталось «горѣть» и когда должна была бѣжать фея, то я, во что бы то ни стало, хотѣлъ поймать ее. На феѣ было блѣдно-палевое, кисейное или изъ какой-то другой матеріи самое воздушное платье, съ греческими открытыми рукавами; перехваченное толстымъ шнуркомъ. Она бѣжала какъ изъ лука стрѣла, и всякій разъ, какъ я достигалъ ее, она успѣвала увернуться. Наконецъ, я могъ схватить ее за плечи, но не рѣшился на это и схватился за юбку платья; фея рванулась и платье значительно разорвалось, такъ что конецъ его палъ на землю. Я обомлѣлъ и ожидалъ презрительнаго замѣчанія за мою неловкость. Ни чуть не бывало, фея засмѣялась, быстро заткнула конецъ платья за поясной шнурокъ, признала себя пойманной и продолжала играть, какъ ни въ чемъ не бывало.

Послѣ игръ вернулись пить чай, и затѣмъ тетка фею приказала ей сѣсть за фортепьяно и спѣть. Она выбрала прелестную пѣснь Офеліи Варламова. Такого исполненія, такого выраженія, какое она придавала этой пѣснѣ, я не слыхалъ послѣ никогда. Мы были охвачены новымъ очарованіемъ, и о впечатлѣніи, произведенномъ пѣніемъ феи, мнѣ придется сказать дальше нѣсколько словъ.

Къ вечеру затѣялись танцы. Опять очарованіе отъ натуральной граціи и легкости въ танцахъ. Въ вальсѣ казалось, что вы танцуете не съ дамой, а съ воздушнымъ облакомъ. Въ кадрили, она заводила серьезный разговоръ, и я рѣшительно недоумѣвалъ—говорю ли я съ дѣвушкой 18-ти лѣтъ, менѣе года тому назадъ вышедшей изъ Московскаго Екатерининскаго института, или съ дѣвицей, пожившей уже въ свѣтѣ?

Во время танцевъ, тетка нѣсколько разъ отзывала фею въ сторону и, видимо, дѣлала ей какія-то замѣчанія. — «Какъ это скучно слушать» — сказала мнѣ фея послѣ одного замѣчанія — «но это скоро кончится, когда я поступлю въ монастырь».

— Что-за шутки, — сказалъ я — вы поступите въ монастырь, да съ чѣмъ же это сообразно?

— Я говорю вамъ не въ шутку, а правду. Я сирота, должна гостить то у однихъ родныхъ, то у другихъ и считать себя одолженной; хотя меня и любятъ, но получать непрерывно выговоры и слушать замѣчанія: то не такъ, другое не такъ, мнѣ надоѣло; я хочу независимости и эту независимость я найду въ монастырѣ. И фея смотрѣла такими открытыми глазами, говорила такимъ тономъ, что можно было подумать, что она говоритъ вполнѣ искренно, и весьма вѣроятно, что въ этотъ моментъ она дѣйствительно говорила искренно.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера, фея спросила позволенія у тетки и пригласила всю молодежь идти прогуляться по саду. Всѣ пошли кромѣ Григорія Михайловича, и меня тогда очень удивляло, какъ онъ не плѣнень феей и относится къ ней съ какой-то усмѣшкой.

Садъ, какъ я уже сказалъ, былъ большой и тѣнистый въ такой мѣрѣ, что вѣтви огромныхъ деревьевъ: дубовъ, вязовъ, липъ, кленовъ и березъ сходились вверху, образуя зеленый сводъ. Вечеръ былъ теплый, тихій, и луна была во всемъ блескѣ.

Сначала всѣ шли гуртомъ и весело болтали. Вдругъ фея выско- чила, крикнула: «кто догонитъ меня?» — и полетѣла впередъ. Пока всѣ остальные опомнились, она успѣла убѣжать довольно далеко. Мнѣ удалось броситься за нею первымъ; аллея была не прямая, а съ поворотами, такъ что я и она естественно скрылись изъ взора остальныхъ. Въ тотъ моментъ, когда я былъ уже близко къ феѣ, она мелькнула вонъ изъ аллеи, въ сторону; я за нею, и мы очутились у пруда, около котораго находилась дерновая скамья, окруженная большими деревьями, которыя скрывали ее отъ аллеи. Запыхавшись, фея сѣла на скамью и сказала: — «отдохните немного». Едва мы сѣли, какъ услышали топотъ бѣгущихъ по аллеѣ въ догонку за нами, не подозрѣвавшихъ, что мы свернули въ сторону, гдѣ не было никакой аллеи. Когда топотъ удалился, фея вышла и сказала: — «пойдемте тихонько, они будутъ бѣгать и искать меня, а мы раньше ихъ придемъ домой и посмѣемся надъ ними». — Я былъ такъ молодъ и не опытенъ, что мнѣ и въ голову не пришло попросить у феи позволенія поцѣловать ея ручку.

Здѣсь, кстати замѣчу, что черезъ 40 лѣтъ, находясь въ тѣхъ краяхъ и проѣзжая мимо Чирповъ вмѣстѣ съ моею дочерью, я не

*

выдержалъ, и мы заѣхали туда, гдѣ я и показалъ ей ту аллею, по которой мы бѣжали, и прудъ, и развалившуюся уже совсѣмъ скамью.

На слѣдующій день, гостей было очень мало, разговоръ съ феей случался чаще, и очарованіе росло, если только оно могло еще расти. Къ вечеру надо было уѣзжать, тѣмъ болѣе, что мы были не одни, а съ матушкой. Какъ я молилъ Бога, чтобы сдѣлалась буря, пошелъ дождь или случилось что-нибудь, могущее помѣшать отъѣзду, но ничего такого не случилось. Казалось, что съ отъѣздомъ вырывается кусокъ изъ сердца, слезы душили, впереди представлялся мракъ, все, въ отсутствіи феи, должно было быть безличнымъ, никакого интереса представлять не могущимъ.

Въ непродолжительномъ времени, мы, съ матушкой, поѣхали въ Емельяновку, къ роднымъ Р—аго, о которомъ я уже далъ разсказъ въ главѣ III-ей. Дорога въ Емельяновку пролегаетъ въ двухъ верстахъ отъ Чирповъ, и на обратномъ пути мы заѣхали къ Завалишиной на нѣсколько часовъ. Другихъ гостей не было, потому можно было побольше поговорить съ феей, а главное, она, на этотъ разъ, много пѣла, и очарованіе дошло до того предѣла, когда отъ напора чувствъ сердце хочетъ какъ бы разорваться на части.

Такимъ образомъ, несмотря на короткій срокъ двухъ встрѣчъ съ феей, мною овладѣло чувство крайне серьезное; но я старался скрывать это отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что увидалъ, что едва-ли еще не болѣе сильное чувство овладѣло моимъ братомъ, который не былъ въ силахъ скрыть его. Опостылѣла для насъ радость пребыванія дома въ отпуску, ко всему мы стали равнодушны; братъ сдѣлался видимо мраченъ, удалялся отъ людей, лежалъ больше въ своей комнатѣ, и потому чуткое сердце нашей матери угадало причину, и братъ мой подѣлился съ нею своимъ чувствомъ.

Я старался всѣми мѣрами бравировать, но частенько, цѣлыми часами, сидѣлъ у окна, глядя въ ту сторону, гдѣ находилась фея. Передъ окнами виднѣлись, верстахъ въ четырехъ, огромныя горы Камскаго берега; тамъ, за Камой, фея; слезы невольно навертывались при мысли, что надо давить возникшее чувство по двумъ причинамъ: во-первыхъ, надо было ѣхать въ Петербургъ и еще два года слушать курсъ наукъ; во-вторыхъ, —мы встали на одну дорогу съ братомъ. Такъ или иначе, ничего утѣшительнаго и реальнаго не могло быть.

Впрочемъ, ни о чемъ реальномъ не приходило и въ голову. Сознать присутствіе феи, видѣть ее, поговорить съ нею—казалось, по внутреннему чувству, было бы совершенно достаточнымъ, чтобы наполнить и удовлетворить душевное состояніе данной минуты. Но какъ удовлетворить ему?—Посѣщать тотъ домъ, гдѣ была фея,—да для этого нуженъ былъ предлогъ; затѣмъ—еслибы и ѣздить туда, то одному дѣлать это было невозможно, — надо бы было ѣздить съ братомъ, который находился въ особенно тяжеломъ настроеніи духа. И къ чему могло повести это? Можно было только казаться смѣшнымъ, въ глазахъ моего отца, Завалипиной и самой феи, такъ какъ намъ предстояло еще два года ученія. Понятно, что надо было тушить пожаръ, а ѣздить въ домъ, гдѣ находилась фея для того только, чтобы доставить себѣ минутное удовольствіе и развлечь себя, казалось недостойнымъ того сильнаго чувства, которое охватило какъ меня, такъ и брата, хотя мы и не сообщали ничего другъ другу.

Чтобы имѣть однако возможность отдаваться вполне точившей меня грусти, я сталъ, подъ предлогомъ охоты, бравши ружье, уходить еще до восхода солнца и направляться къ тому блаженному мѣсту, гдѣ находилась фея. Дойду, бывало, до Камы, и стою. Не будь этой Камы, переправа черезъ которую требовала часа два и столько же обратно—я могъ бы успѣвать доходить, въ качествѣ охотника, до Чирповъ и ворочаться къ обѣду. Но проклятая Кама мѣшала, и я посижу бывало на берегу, дамъ волю душившимся меня слезамъ и, облегчившись этимъ и тѣмъ, что я находился не въ 18, а всего въ 7 или 8 верстахъ отъ феи, возвращался домой къ утреннему чаю, какъ ни въ чемъ не бывало.

Объ этихъ моихъ утреннихъ прогулкахъ провѣдали наши ближайшіе сосѣди, З—ы. Тамъ была дѣвушка, лѣтъ 18-ти, которая жила у насъ во время ея и нашего дѣтства, и училась вмѣстѣ съ нами у находившейся у насъ учительницы. Дѣвушка эта была очень видная и красивая собой; но я смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на красивую чашку, вазу и тому подобное. Эта дѣвушка очень часто посѣщала насъ и множество разъ разспрашивала меня:—куда я гуляю по утрамъ? зачѣмъ я хожу съ ружьемъ, а, между тѣмъ, никакой дичи домой не приношу? Я не подозрѣвалъ, что она принимала мои прогулки на свой счетъ, и узналъ объ этомъ лишь

въ моментъ моего отъѣзда въ Петербургъ. Въ ту самую минуту, когда мы сѣли въ экипажъ, человѣкъ, прискакавшій верхомъ, подалъ мнѣ письмо. Не подозрѣвая содержанія его и полагая, что тамъ предлагается исполнить какое-нибудь порученіе въ Казани или въ Петербургѣ, я положилъ конвертъ въ карманъ и распечаталъ его уже дорогой. Это было самое горячее признаніе въ любви, и въ концѣ было сказано, что посланному было приказано подать это письмо въ самый моментъ отъѣзда. Мигъ стало жаль этой дѣвухи; знай я сколько-нибудь о ея чувствѣ, я, хотя бы изъ деликатности, былъ бы съ нею полюбезнѣе, тѣмъ болѣе, что она принадлежала къ небогатому, но прекрасному и благороднѣйшему во всѣхъ отношеніяхъ семейству.

Проѣздомъ изъ нашей деревни въ Казань, мы должны были встрѣтиться еще разъ съ феей, и поэтому я задумалъ выразить ей какъ-нибудь вспыхнувшее во мнѣ чувство, хотя бы въ самую послѣднюю минуту. Дня за два передъ нашимъ отъѣздомъ, мы получили «Отечественныя Записки», гдѣ было напечатано стихотвореніе Н. Огарева, которое точно нарочно подходило къ данному моменту, т. е. къ новой встрѣчѣ съ феей. Я ужасно обрадовался этому и переписалъ означенное стихотвореніе, измѣнивъ лишь два или три слова.

Я до сихъ поръ помню наизусть эти стихи, и если не ошибаюсь въ чемъ-нибудь, то вотъ опи:

Опять предъ тобою стою очарованъ,
 На русыя кудри гляжу,
 Опять я тоской непонятной взволнованъ
 И жадныхъ очей не свожу.

* *
 *

И думаю, ангель—какою цѣною
 Куплю дорогую любовь?
 Отдамъ ли я живнь свою съ жалкой борьбою,
 Съ томленьемъ печальныхъ годовъ?

* *
 *

Но вѣтъ, какъ святыню призвавъ твою волю,
 Я бь смѣлъ объ одномъ лишь молить,
 Ты живнь мою, живнь мою, горькую долю
 Заставь меня вновь полюбить.

Дорога отъ нашей деревни до Казани пролегла верстахъ въ трехъ отъ Чирповъ. Мы заѣхали туда переночевать и на этотъ разъ видѣли фею мелькомъ. На слѣдующій день, то же по дорогѣ въ Казань, мы должны были провести праздникъ въ деревнѣ Державинѣ, у Хрущевыхъ, о которыхъ я упоминалъ уже выше. Завалишина съ своей семьей и феей должна была ѣхать туда же.

Въ этотъ день фея была очень весела, танцевала, какъ говорится, до упаду и пѣла безъ конца. Видимо, до нея дошелъ слухъ о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое она произвела на моего брата, и она была особенно любезна съ нимъ. Между тѣмъ, братъ мой не любилъ танцевать, и какъ она ни старалась увлечь его въ танцы, онъ не поддался. Вечеромъ я видѣлъ, что она пошла съ нимъ въ садъ, не пригласивъ никого. Хотя я ревновать не могъ, ибо видѣлъ, что душевное состояніе брата, въ виду нашего отъѣзда, было, въ полномъ смыслѣ слова, ужасающее,—не менѣе того, въ тотъ моментъ, когда фея пошла съ нимъ въ садъ — что-то заскребло въ сердцѣ. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ, я узналъ, что братъ мой, при этой прогулкѣ, не рѣшился тоже поцѣловать ручку у феи, тогда какъ его tête-à-tête не былъ случайнымъ, какъ это было со мною въ Чирпахъ, а былъ вызванъ по ея инициативѣ.

Вскорѣ она вернулась и пустилась опять въ танцы. Во время танцевъ, фея сказала мнѣ, что ей не придется болѣе танцевать со мною, такъ какъ я, когда окончу курсъ, могу увидѣть ее только мопахиней,—о чемъ она уже сообщала мнѣ.

Послѣ танцевъ разыгрывали лотерею изъ бездѣлушекъ и работъ въ пользу какихъ-то бѣдныхъ людей. Мнѣ посчастливилось выиграть закладку въ книгу, работы феи, сдѣланную изъ картонной канвы, съ вышивкой бисеромъ слова: «souvenir». Это обстоятельство дало мнѣ поводъ поддразнивать фею. Наконецъ, когда, послѣ ужина, всѣ стали расходиться, я сказалъ феѣ:— «Ахъ, я забылъ передать вамъ стихи, которые я прочелъ въ журналѣ и переписалъ для васъ». — Подавъ эти стихи, я простился, ушелъ и уже ни разу въ жизни не видалъ ее болѣе.

На другой день, чтобы попасть въ Казань во-время, мы должны были выѣхать съ восходомъ солнца. Домъ у Хрущевыхъ не былъ такъ обширенъ, чтобы помѣстить всѣхъ гостей и дать всѣмъ по-

стели. Я пошелъ спать въ нашу карету, стоявшую во дворѣ. До сихъ поръ живо помню эту ночь. Я не сомкнулъ глазъ до свѣта, захлебываясь, благо былъ одинъ, отъ слезъ, какъ ребенокъ, при мысли, что не увижу болѣе феи и что, покоряясь неизбѣжному року, надо было ѣхать въ Петербургъ продолжать свое учене.

Матушка была съ нами и провожала насъ до Казани. Съ нею была горничная, которая вѣдала уже о стрѣлѣ, пронзившей насъ. Оказалось вполсѣдствіи, что братъ мой и я поручили этой горничной, независимо другъ отъ друга, слѣдить и сообщать намъ, при случаѣ (она была неграмотная) все, что узнаетъ о феѣ. Я упоминаю объ этомъ потому, что иначе, одинъ курьезный фактъ, о которомъ я скажу далѣе, былъ бы непонятенъ.

Приѣхавъ въ Казань, намъ надо было пуститься оттуда опять на перекладныхъ. Такая перспектива, при томъ состояніи духа, въ которомъ мы находились съ братомъ, представлялась ужасной. Къ счастью, я узналъ, что въ это время, а именно, во время Нижегородской ярмарки, стали ходить дилижансы—тарантасы, на три внутреннихъ мѣста каждый и съ однимъ наружнымъ на козлахъ, отъ Казани до Москвы. Я бросился въ контору и взялъ весь тарантасъ, хотя средства на путешествіе были отпущены отцомъ въ обрѣзъ. Тарантасъ былъ громадный, вещей было у насъ, конечно, мало, и потому я приказалъ человѣку, ѣхавшему съ нами, устроить лежанье, покрывъ его ковромъ. Мы залегли съ братомъ въ этотъ тарантасъ: онъ въ одномъ углу, я въ другомъ; тарантасъ былъ такъ широкъ, что между нами могли бы помѣститься еще два человѣка. И, въ такомъ положеніи, мы доѣхали до Москвы, не сказавъ другъ другу ни слова, кромѣ двухъ-трехъ необходимыхъ словъ во время ѣды или питья чая. Каждый изъ насъ былъ страшно удрученъ. Отъ Москвы, уже безъ лишнихъ тратъ, мы могли ѣхать въ двухмѣстныхъ отдѣленіяхъ дилижанса и ѣхали тоже молча.

Читатель можетъ подумать, что, дѣлая очеркъ феи, я, подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія въ молодости, черезъ мѣру усилилъ краски; но есть еще мои современники, которые знали ее. Напримеръ, могу указать на племянника Завалишиной, Сергѣя Павловича Толстаго, проживающаго нынѣ въ своемъ имѣніи Мурзихѣ, на Камѣ, не далеко отъ уномянутой деревни—Чирпы. Я не сомнѣ-

важко, что онъ подтвердилъ бы мой взглядъ, что фея въ самомъ дѣлѣ была феей, обладавшей могучею силой производить необычайно-обаятельное впечатлѣніе на людей.

Не безынтересенъ разсказъ объ исходѣ болѣзни, насъ охватившей.

По приѣздѣ въ Петербургъ, начавшіяся немедленно серьезныя занятія, конечно, стали отвлекать меня отъ сосредоточенія на мысли о феѣ; въ особенности я сталъ увлекаться лекціями Остроградскаго и относился къ занятіямъ съ любовью. Но это далеко не дѣйствовало такъ благотѣльно на брата. Онъ шель отлично, занимался пристально, по дѣлалъ это не съ любовью, а по долгу и по обязанности, тѣмъ болѣе, что стоялъ въ этомъ году первымъ по списку. Но въ свободное время отъ занятій, онъ только и дѣлалъ, что постоянно рисовалъ фею, съ большимъ сходствомъ, и на тетрадяхъ, и на книгахъ, и на первомъ попавшемся ему лоскуткѣ бумаги. При разговорѣ товарищей о красотѣ какой-либо женщины, онъ относился къ нимъ иронически или удалялся, чтобы не слышать профанаціи, т. е. что существуютъ на свѣтѣ женщины, достойныя вниманія, кромѣ феи. Ближайшіе товарищи узнали о такомъ настроеніи брата и старались не затрогивать при немъ подобныхъ вопросовъ.

У меня былъ товарищъ, большой мнѣ другъ, веселый, благородный малый, года на четыре старше меня, человѣкъ уже опытный, и онъ-то и побудилъ меня посѣщать театръ; вскорѣ я сталъ находить, что на свѣтѣ есть женщины, хотя и не такія, какъ фея, а все-таки не лишеныя интереса. Что же касается до брата, то онъ не только въ театръ, но никуда не ходилъ.

Однажды, я пошелъ на представленіе «Гамлета», котораго игралъ великій, знаменитый трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ. Въ это время Офелію играла Надежда Васильевна Самойлова, которая превосходно пѣла и изображала сцену сумасшествія. Вообще, она была музыкальный человѣкъ и хорошая пѣвица, обладая бархатнымъ голосомъ, почти контральтоваго тембра и исполняла пѣсню Офеліи почти такъ же выразительно, какъ и фея. Въ то время «Гамлета» давали очень часто, и я никогда не пропускалъ этого представленія. Какъ я ни старался увлечь, хотя бы

на одинъ разъ, брата посмотрѣть Каратыгина и послушать Офелію, но не могъ. По его настроенію духа, идти слушать пѣснь Офеліи значило измѣнить своему идеалу. Только на слѣдующую зиму, съ 1843-го на 1844-й годъ, когда появилась въ Петербургѣ впервые итальянская опера, съ Рубини, Віардо и Тамбурини, братъ рѣшился посѣщать оперу, и эта рѣшимость была началомъ исхода болѣзненнаго состоянія его духа. Но, въ сущности, это состояніе продолжалось почти два года; и даже тогда, когда онъ узналъ, что фея вышла замужъ, онъ не излѣчился еще вполне, и только года черезъ четыре, когда онъ заинтересовался одной женщиной, можно было счесть его выздоровѣвшимъ окончательно.

Моему же, сравнительно, довольно быстрому излѣченію, сверхъ высказаннаго выше, способствовало слѣдующее, весьма курьезное обстоятельство.

Въ концѣ зимы, послѣ нашей встрѣчи съ феей, прибылъ къ намъ изъ деревни обозъ, т. е. возъ на парѣ лошадей, съ разной деревенской провизіей, какъ-то: мороженые гуси, куры, индѣйки, утки, полотки, ветчина, масло, разные варенья, пастилы, цукаты, пряники, сушеные фрукты и ягоды и проч. Можно ли представить себѣ въ настоящее время, что былъ расчетъ везти за 1.700 верстъ подобную провизію. А расчетъ дѣйствительно былъ: лошади свои, трудъ кучера, кромѣ пропитанія его, ничего не стоилъ, и вся провизія на мѣстѣ не имѣла сбыта.

Братъ мой рѣшительно хозяйствомъ не занимался, и потому мнѣ, конечно, пришлось принимать все и вскрывать ящики. Когда я вскрылъ одинъ ящикъ, то увидѣлъ въ немъ ядра орѣховъ (вкусъ казанскихъ орѣховъ имѣетъ репутацію). Высыпавъ эти ядра, я увидѣлъ неожиданно дно ящика, только на половинѣ его глубины, и на этомъ днѣ находился незапечатанный конвертъ съ надписью на мое имя. Въ этомъ конвертѣ я нашелъ стихотвореніе, писанное рукой феи, какъ бы въ отвѣтъ на переданное ей мною стихотвореніе при отъздѣ, съ нѣсколькими словами, но безъ подписи. Признаюсь, что въ этотъ моментъ, видя состояніе духа брата, я былъ бы болѣе радъ, еслибы конвертъ былъ адресованъ на его имя. Затѣмъ, когда я вскрылъ противоположную доску ящика, я увидѣлъ тоже орѣховыя зерна и, высыпавъ ихъ, нашелъ такой же незапеча-

танный конвертъ на имя брата, съ надписью той же руки, и я не-сказанно обрадовался.

Я понялъ, что эти конверты были отданы феей горничной ма-тушки, которая и придумала способъ переслать ихъ намъ курьез-нымъ образомъ, дабы я могъ догадаться, отъ кого они идутъ. Эта горничная хорошо знала, что конверты попадутся прежде всего въ руки мнѣ, а не брату. Выходило: «объимъ сестрамъ по серъгамъ».

Очевиднымъ сдѣлалось для меня, что фея совершила ребяче-скую шалость, но, не менѣе того, было ясно, что у нея не запало въ сердце никакого серьезнаго чувства ни къ брату, ни ко мнѣ, а между тѣмъ братъ мечталъ, что она будетъ ждать окончанія его курса, по крайней мѣрѣ былъ съ ея стороны намекъ на это. По-нятно, что рассказанный фактъ сильно поспособствовалъ скорѣй-шему моему исцѣленію.

Передавая конвертъ брату съ увѣренностью, что этотъ фактъ подѣйствуетъ на него благотворно, я, конечно, ни слова не сказалъ ему о полученномъ тоже мною конвертѣ. Нельзя было и помыслить внезапно разбить его мечты, разбить его идеаль. Это было бы и же-стоко и опасно. Только года черезъ четыре, когда онъ сдѣлался со-вершенно равнодушнѣ къ воспоминаніямъ о феѣ, я повѣдалъ ему, что я одновременно получилъ тоже посланьице отъ нея, которое и сохранилъ у себя.

Теперь о дальнѣйшей судьбѣ феи.

Спустя годъ, или нѣсколько болѣе, послѣ нашей встрѣчи, фея вышла замужъ за молодого, съ хорошимъ состояніемъ помѣщика Симбирской губерніи, г. Б—ъ. Затѣмъ, мы узнали, что, года черезъ два или три, она разсталась съ мужемъ и проживаетъ въ Симбирскѣ.

Въ 1860-мъ году, т. е. черезъ 18 лѣтъ, я ѣхалъ на пароходѣ по Волгѣ и на пространствѣ между Казанью и Симбирскомъ встрѣ-тилъ на пароходѣ бывшаго моего товарища Б у т л е р о в а, который былъ въ то время профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ. Съ нимъ ѣхалъ одинъ его знакомый, помѣщикъ Симбирской губер-ніи. Такъ какъ Бутлеровъ былъ тоже помѣщикъ Симбирской губер-ніи, то я полюбопытствовалъ спросить его, не знакомъ ли онъ съ г-жею Б—ъ, проживающею въ Симбирскѣ?

— А развѣ вы знаете ее? спросилъ Бутлеровъ.

— Я встрѣтилъ ее однажды, лѣтъ 18 тому назадъ, когда она была молоденькой дѣвушкой.

— А вы не знаете настоящаго ея положенія?

— Я знаю только, что она разсталась съ мужемъ.

— И больше ничего?

— Ничего!

— Но вотъ мой знакомый, который, какъ житель Симбирска, расскажетъ вамъ о госпожѣ Б—ъ.

И я услышалъ такую потрясающую повѣсть, изложить которую не поворачивается перо.

Невольно, послѣ того, я сталъ внутренно анализировать участь феи. Припоминая всѣ подробности нашей встрѣчи, безпримѣрную живость ея характера и то страшно сильное и глубокое впечатлѣніе, которое она произвела на насъ, я долженъ былъ заключить, что дѣйствительно натура ея была до крайности исключительная, для которой не могло быть ничего срединнаго. Ей должно было предстоять или безграничное счастье, или ей должна была предстоять страшная гибель. И въ самомъ дѣлѣ, принимая въ соображеніе ея положеніе, ея происхожденіе, ея воспитаніе, ея образованіе и ту высокую среду, въ которой она выросла и вращалась, — при такихъ прецедентахъ степень гибели ея представляетъ едва-ли не единичный неслыханный фактъ.

Года черезъ три, я опять ѣхалъ по Волгѣ и, во время продолжительной остановки парохода въ Симбирскѣ, я вздумалъ было поѣхать съ однимъ моимъ пріятелемъ, М. В. Силинымъ, повидать прежнюю фею, не обнаруживая сначала себя, съ цѣлью принести, быть можетъ, ей какое-либо, хотя бы самое малое, утѣшеніе. Но пока я подымался на безконечную и крутую гору Симбирска, рѣшимость моя и моего пріятеля ослабѣла, и мы вернулись, не доѣхавъ до цѣли. Черезъ годъ послѣ этого, господа Б—ъ умерла.

Отвергнутая, презираемая до-нельзя всѣми, которые и не знали этой женщины прежде, — въ такомъ положеніи рука, протянутая человѣкомъ, видѣвшимъ ее во всѣмъ блескѣ, могла бы подѣйствовать сколько-нибудь спасительно, а потому я сильно раскаиваюсь въ томъ, что не исполнилъ тогда своего намѣренія.

XVIII.

Первый офицерскій классъ прапорщиковъ, производство въ подпоручики; поѣздка на изысканія Николаевской желѣзной дороги; оригинальная и интересная личность Самойлова, роднаго брата извѣстнаго артиста В. В. Самойлова.

Въ двухъ офицерскихъ классахъ было болѣе, чѣмъ по 100 человекъ въ каждомъ. Для слушанія лекцій, составленія проектовъ и для репетицій, мы собирались два раза въ день отъ 9-ти до 2-хъ утромъ и отъ 5-ти до 8-ми вечеромъ. Посѣщеніе офицерами института въ означенные часы было обязательно, и такимъ образомъ о какихъ-либо развлеченіяхъ нельзя было и помышлять. Не пришедшій на лекціи и не представившій уважительной тому причины подвергался аресту. Когда кто-либо желалъ идти въ театръ, то, по приходѣ въ 5 часовъ, долженъ былъ предупредить о томъ старшаго дежурнаго, который, обыкновенно, разрѣшалъ уйти послѣ первой послѣобѣденной лекціи или репетиціи въ 6¹/₂ часовъ. Въ правилахъ, этихъ досрочныхъ отлучекъ не значилось, а потому дежурный могъ и не разрѣшать ихъ.

Въ этомъ году, главный интересъ сосредоточивался на слушаніи лекцій Остроградскаго, о которомъ я далъ уже, по возможности, нѣкоторую характеристику въ предшествующихъ главахъ.

Другими профессорами, болѣе выдающимися, были: академикъ Купферъ, читавшій физику на французскомъ языкѣ; инженеръ Глуховъ, читавшій ту же науку на русскомъ языкѣ; инженеръ Добронравовъ, читавшій отдѣлъ физики объ электричествѣ; инженеръ Ястржембскій, читавшій построеніе дорогъ и мостовъ и строительную механику, и инженеръ Языковъ, читавшій стратегію.

Въ этомъ году, по отношенію къ институту, никакихъ исключительныхъ эпизодовъ я не припомню. По выдержаніи экзамена, произведенныхъ въ подпоручики командировали обыкновенно на практическія занятія, а отпусковъ не давали, за исключеніемъ особенныхъ случайностей. На этотъ разъ, всѣхъ, высокостоящихъ по списку, по просьбѣ инженеръ-полковника Мельникова, который былъ назначенъ на изысканія и постройку Николаевской

желѣзной дороги, командировали къ нему, не какъ практикантовъ, а какъ отвѣтственныхъ лицъ для самостоятельныхъ порученій на лѣтнее время.

Характеристику замѣчательной личности Мельникова я сдѣлаю при описаніи постройки Николаевской желѣзной дороги.

Когда я съ братомъ явились къ Мельникову, онъ сказалъ, что назначаетъ насъ на изысканія и предоставляет намъ, какъ стоящимъ первыми по списку, избрать районъ ближайшій къ Петербургу. Мы отвѣтили ему, что нельзя ли послать насъ подальше отъ Петербурга.

— Странно, — сказалъ онъ, — но я этому очень радъ потому, что многіе просились поближе къ Петербургу. Въ такомъ случаѣ, я назначу васъ въ самый отдаленный край моей дирекціи И онъ назначилъ насъ на пространство, которое находится нынѣ между Окуловкой и Бологое.

Ѣхать туда надо было по шоссе до Валдая, а оттуда верстъ 40 въ сторону, въ деревню Кузнецово, гдѣ проживалъ начальникъ участка, инженеръ Се м и ч е в ъ. Проѣзжая прежде по шоссе мимо большихъ ямовъ и деревень съ прекрасными постройками и видя тамъ лавки и самовары по окнамъ домовъ, намъ рисовались такими же и тѣ деревни, куда мы должны были ѣхать, и потому мы не взяли съ собою ни самовара, ни кухонной и никакой посуды.

Деревня Кузнецово была центромъ участка, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, долженъ былъ находиться начальникъ участка Семичевъ, — впоследствии довольно извѣстный практическій инженеръ. Прежде всего, мы, конечно, должны были явиться къ нему для полученія дальнѣйшихъ распоряженій.

Приѣхали мы въ Кузнецово часовъ въ 10 вечера, промокли отъ дождя до костей. Увидавъ свѣтъ въ одной избѣ и узнавъ, что тамъ живетъ офицеръ, мы остановились передъ ней и вошли въ избу, полагая, что мы попали къ Семичеву.

Когда мы вошли, то увидали человѣка въ одномъ бѣльѣ, ходящаго изъ угла въ уголъ; изба освѣщалась фитилемъ, горѣвшимъ въ какой-то плошкѣ. Услыша, кто мы такіе и что мы присланы въ его распоряженіе Мельниковымъ, — человѣкъ этотъ сказалъ:

— Ошибаетесь! я не Семичевъ, а есмь Сергій Васильевъ Са-

мойловъ, горный инженеръ, занимающійся здѣсь сверленіемъ земнаго шара, чуть не до центра. Вы, конечно, промокли, прозябли и хотите выпить чайку.

— Да! очень хочется.

— Только, прикажите,—сказаль Самойловъ— достать вашъ самоваръ; у меня вмѣсто самовара имѣется посудина, которая, со штанами, служить для кофе, а безъ штановъ—для чая, до котораго я не охотникъ. И онъ указаль на громадную, чуть не въ полведра, стоящую на столѣ посудину изъ красной мѣди, безъ крана, съ рыльцемъ, какъ у кофейниковъ.

— Мы не захватили съ собою самовара, — сказаль я:—полагая, что въ здѣшнихъ краяхъ можно достать самоваръ въ каждой деревнѣ.

Самойловъ захохоталь, отвориль дверь въ сѣни и крикнуль:—вассаль!

Взошелъ человекъ. — Возьми сію посудину, вскипяти воду, но не забудь вынуть штаны, да смотри, чтобы угли не попали въ воду.

Мы поинтересовались посмотрѣть посудину. Въ серединѣ была труба, не возвышающаяся выше краевъ посуды, крышки не было и внутри находилъ холщевый мѣшокъ для варенія кофе.

— А вотъ что, братцы,—сказаль Самойловъ:—нѣтъ ли у васъ свѣчей?

Мы привезли съ собою нѣсколько фунтовъ стеариновыхъ свѣчей и приказали достать ихъ. Самойловъ очень обрадовался.

— Вотъ уже нѣсколько дней я пребываю съ симъ священнымъ свѣтильникомъ, который вы видите; надоѣль онъ мнѣ сильно.

Затѣмъ, Самойловъ взяль изъ-подъ образовъ два полуштофика, вставиль въ нихъ свѣчи и прибавиль:—а какъ вамъ нравится мои канделябры?

Изба озарилась и стала веселѣй.

Черезъ полчаса, казалось, что мы вѣкъ были знакомы съ Самойловымъ; онъ продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ и мориль насъ со смѣха. Принесенъ былъ кофейникъ безъ штановъ, засѣли пить чай и проболтали до 4-хъ часовъ утра. Человекъ принесть соломѣ и устроиль намъ двоимъ постель на полу; Самойловъ улегся на лавкѣ подъ образами, но и когда мы улеглись, Самойловъ вска-

киваль очень часто, декламировалъ разныя разности и ужасно смѣшилъ насъ.

Само собою разумѣется, что мы очень обрадовались встрѣтить такого человѣка и почувствовали, что намъ, въ захолустѣ, куда мы попали, не будетъ скучно. Я остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ Самойлова.

Самойловъ оказался роднымъ братомъ извѣстнаго артиста Василия Васильевича Самойлова. Сергѣй Васильевичъ служилъ на уральскихъ заводахъ, привезъ въ Петербургъ транспортъ золота, какъ разъ въ то время, когда начались изысканія для Николаевской желѣзной дороги, и былъ командированъ для буренія предполагавшихся выемокъ, доходящихъ до 9-ти саж. глубины, дабы составить геологическіе разрѣзы и опредѣлить качества грунтовъ, а равно и для зондированія болотъ, т. е., для опредѣленія ихъ глубины. Такія данныя были необходимы для составленія предварительной смѣты на земляныя работы.

Мы попали въ центръ Валдайскихъ горъ; въ этой мѣстности потребовалось дѣлать много глубокихъ буровыхъ скважинъ, и потому Самойловъ проживалъ тутъ болѣе полугода.

Когда, на другой день утромъ, я проснулся и лежалъ еще на полу, то увидаль Самойлова ходящимъ, какъ и вчера, изъ угла въ уголь въ одномъ бѣльѣ. Онъ былъ молчаливъ, нѣсколько мраченъ и непрерывно заглядывалъ въ окно. Вдругъ онъ захопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Борька! Борька! иди скорѣй, куда ты провалился?

Вошелъ въ избу маленькій мужичекъ, лѣтъ 70-ти, съ боченкомъ на спинѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго Самойловъ отрекомендовалъ намъ, какъ своего друга и пріятеля.

Самойловъ схватилъ боченокъ, положилъ его на лавку, досталь изъ печурокъ нѣсколько полуштофовъ и сталъ цѣдить изъ боченка желтовато-зеленоватую жидкость. По мѣрѣ того, какъ онъ наполнялъ полуштофики, онъ ставилъ ихъ сначала въ кіотъ подъ образа, и я подумалъ, что это было деревянное масло для свѣшника; затѣмъ, другіе полуштофы онъ сталъ размѣщать въ печурки. Тогда я спросилъ его: «что это такое?» Самойловъ подтвердилъ мое предположеніе, сказавъ:

— Се священный елей для лампадокъ.

Окончивъ операцію разливки, Самойловъ опять принялся ходить изъ угла въ уголь; но вскорѣ взялъ рюмку, налилъ священнаго елея изъ-подъ образовъ и моментально проглотилъ его. Я вскопчилъ съ полу и закричалъ: «что вы дѣлаете?»

— Миѣ нездоровится, это вмѣсто касторки, сказалъ Самойловъ.

Я все еще недоумѣвалъ, но когда, минутъ черезъ пять, онъ, подойдя къ печуркѣ, повторилъ то же самое, я усумнился; а когда онъ сталъ прикладываться къ елею то изъ-подъ образовъ, то изъ печурокъ, причемъ разводилъ разныя прибаутки, суть дѣла обнаружилась. Въ штофикахъ красовалось не деревянное масло, а была тамъ сивуха, цвѣтъ которой совершенно схожъ съ масломъ.

Пропустивъ полдюжины мѣрныхъ рюмокъ, Самойловъ повеселѣлъ, сталъ болтать безъ умолку и смѣшить насъ. Къ полудню пріѣхали еще два инженера. Вскорѣ Самойловъ предложилъ идти купаться въ рѣкѣ Валдайкѣ. Всѣ, конечно, приняли его предложеніе. Предъ уходомъ, Самойловъ, не одѣваясь, накинулъ на себя громадной ширины и длины плащъ и захватилъ съ собою полуштофъ и рюмку. Предполагая, что Самойлову должно быть нѣсколько совѣстно передъ нами, я предложилъ ему нести штофикъ, а другой взялъ у него рюмку. До купанья было болѣе версты разстоянія. Дорогой, Самойловъ остановился, что-то продекламировалъ намъ и возгласилъ:

— Дорога предстоитъ намъ дальняя, надо подкрѣпить свои силы; позвольте, братцы, выпить рюмочку.

Придя къ мѣсту купанья, Самойловъ сдѣлалъ изъ песку горку и водрузилъ наверху свой штофикъ. Купаясь, онъ каждыя десять минутъ выходилъ изъ воды, прикладывался къ рюмочкѣ, говоря, что иначе можно простудиться, и совѣтовалъ намъ тоже приложиться. Чтобы не конфузить его, всѣ понемногу приложились. Мы давно откупались и ожидали Самойлова, но онъ не прекратить купанья до тѣхъ поръ, пока не осушилъ штофика.

Насъ сильно удивило, что, несмотря на порядочную дозу выпитой имъ сивухи, онъ не былъ, повидимому, пьянъ, а только особенно веселъ. Мы привезли съ собою человѣка, который могъ кое-

что стряпать, и онъ соорудилъ намъ обѣдъ изъ куръ. Послѣ обѣда Самойловъ отправился спать въ непомѣрной величины свой тарантасъ съ фордекомъ, который стоялъ на улицѣ подлѣ избы.

Къ вечеру прѣѣхалъ Семичевъ; у него имѣлся большущій самоваръ. Во время вечерняго чая, на воздухъ, пришелъ Самойловъ въ своемъ плащѣ и съ гитарой, и тутъ-то онъ явился во всемъ блескѣ своего рѣдкаго артистическаго таланта. Выспавшись послѣ обѣда, онъ потомъ не прикасался уже болѣе къ рюмочкѣ и держался, какъ обнаружилось, постоянно такого режима.

Самойловъ сталъ изображать намъ артистовъ, артистокъ и пѣвцовъ, трагиковъ, Каратыгина и Брянскаго, Сосницкаго. Максимова, свою еестру Надежду и проч. Отойдетъ въ сторону и затѣмъ явится новымъ лицомъ, то выростеть, то понизится, то говорить густымъ баритономъ, то нѣжнымъ голосомъ. Затѣмъ, онъ принялся пѣть съ акомпаниментомъ гитары; репертуаръ его былъ неисчерпаемъ: романсы, русскія и цыганскія пѣсни, аріи изъ итальянскихъ и русскихъ оперъ и даже куплеты изъ французскихъ водевилей. Онъ имѣлъ пріятный теноръ съ баритональнымъ оттѣнкомъ, пѣлъ безукоризненно вѣрно и съ большимъ выраженіемъ. Словомъ сказать, очаровалъ всѣхъ насъ и очаровывалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Утромъ мы отправлялись на работы изысканій, но всѣ только и думали, какъ бы пораньше вернуться къ вечернему чаю, дабы не пропустить ничего изъ ожидаемаго нами разнообразнаго представленія. Самойловъ, въ Сибири, постоянно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ, господствовавшихъ на горныхъ заводахъ, разъѣзжая для того, вслѣдствіе неотступныхъ приглашеній, за 500 верстъ и болѣе, и потому зналъ массу ролей. Понятно, что при его талантѣ, онъ долженъ былъ быть enfant gaté всего обширнаго сибирскаго округа.

Одинъ день мы слышали сцены изъ «Гамлета», другой—изъ «Отелло», третій—изъ «Макбета» и т. д., изъ—«Разбойниковъ» Шиллера, «Дмитрія Донскаго», «Уголино», «Людовика XI-го» и проч., или вдругъ Самойловъ появлялся Хлестаковымъ, городничимъ, Чацкимъ, Фамусовымъ и проч.

Извѣстно, что артистъ Василій Васильевичъ обладалъ особен-

ною, исключительною способностью къ подражаніямъ внѣшней стороны изображаемыхъ имъ лицъ, и, въ сущности, долгое время, онъ былъ въ силахъ создавать типы. Сергѣй же Васильевичъ обладалъ даромъ подражанія несравненно въ большей степени и въ болѣе обширныхъ отрасляхъ и, сверхъ того, въ немъ горѣлъ неподдѣльный огонь, и голосъ его былъ и сильный и звучный, чего не было у Василья Васильевича, который въ сильной трагической или драматической роли былъ бы жалокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Сергѣй Васильевичъ отдался артистической карьерѣ, то оставилъ бы по себѣ память, какъ одинъ изъ великихъ артистовъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ болѣе широкое образованіе, чѣмъ его братъ.

Изысканія на нашей мѣстности начались отъ центра, т. е. отъ деревни Кузнецово въ обѣ стороны. Прошло недѣли четыре, но мы не подвинулись далеко отъ центра, единственно потому, что никому не хотѣлось удалиться отъ Самойлова. Начальникъ нашъ Семичевъ, очарованный тоже Самойловымъ, понялъ причину нашей медленности и потому послалъ всѣхъ производить изысканія отъ концовъ его участка съ тѣмъ, чтобы оттуда мы двигались къ центру.

Мнѣ достался самый отдаленный и глухой край. Всѣ передвиженія, за отсутствіемъ дорогъ вдоль проводимой линіи желѣзной дороги, совершались по образу пѣшаго хожденія. О какихъ-либо запасахъ, кромѣ чая и сахара и нѣсколькихъ свѣчей, нельзя было и думать. Ни самовара и никакой другой посуды у меня не было; я отправился на волю Божію и попалъ въ поселокъ, Борки, состоявшій изъ двухъ избъ. Объ этомъ поселкѣ мнѣ придется упомянуть при разсказахъ о постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.

Верстахъ въ четырехъ оказалась какая-то старуха, помѣщица, владѣтельница трехъ душъ. Я послалъ къ ней попросить, за плату, на поддержаніе самоваръ и посуду. У нея былъ лишь одинъ самоваръ, котораго она мнѣ не могла уступить, а изъ посуды прислала чашку съ отбитымъ краемъ, стаканъ и чугуничикъ, тоже съ отбитымъ краемъ. Несмотря на такую скудную посуду, по пословицѣ— «голь на выдумки хитра»—я устроился пить чай, безъ котораго существовать не могъ. Въ чугуничикѣ кипятилъ воду, въ полуразбитой чашкѣ заваривалъ чай, а изъ стакана пилъ его, размѣшивая сахаръ лучиночкой потому, что забылъ захватить съ собою чайную

*

ложку. Утромъ, до восхода солнца, я отправлялся на работы, захвативъ съ собой яиць и хлѣба, и возвращался послѣ заката солнца, оставаясь въ полѣ часовъ 17. Кромѣ яиць, я питался иногда грибами, называемыми сыроѣжками, которые поджаривалъ прямо на угольяхъ разведеннаго костра, конечно, безъ масла. При такихъ условіяхъ, я прожилъ 3 недѣли и въ это время сдѣлалъ втрое болѣе, чѣмъ въ первыя четыре недѣли въ окрестностяхъ Кузнецова.

Во время писанія этихъ строкъ, мнѣ невольно пришли на память нѣсколько словъ изъ рѣчей Чацкого:

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ вывѣшній и вѣкъ мивувшій...

Въ то время намъ отпускали по 1 руб. 40 к. въ день вмѣстѣ съ расходами на разъѣзды. Конечно, намъ некуда было расходовать этихъ денегъ, хотя бы и хотѣли этого; а потому, мы, во время изысканій, богатѣли по крайней мѣрѣ на рубль въ день.

Проходитъ съ небольшимъ 25 лѣтъ, и я былъ свидѣтелемъ, что изыскателей сопровождали обозы съ провизіей, поварами, палатками, кроватями и проч. Этимъ обозамъ назначались ежедневно впереди пункты, гдѣ они, разбивъ палатки, должны были ожидать хозяевъ для обѣдовъ и ночлеговъ. Я привожу эти факты отнюдь не для осужденія, такъ какъ они являются практичными и способствующими ускоренію хода дѣла, а лишь для сравненія двухъ эпохъ въ разстояніи только четверти вѣка.

Хотя я произвелъ всего изысканій болѣе, чѣмъ на протяженіи 2.500 верстъ, но это было еще при первобытныхъ условіяхъ, и разъѣзжать съ обозами мнѣ не случалось.

Энергію въ быстротѣ работы въ данное время, о которомъ я рассказываю, поддерживала мысль — возвратиться скорѣе въ компанію Самойлова. Этою мыслью двигались и другіе, и мы, окончивъ полевыя работы, вскорѣ собрались опять всѣ въ Кузнецовъ, гдѣ и стали заниматься приведеніемъ въ порядокъ изысканій и кабинетными работами по составленію проекта земляныхъ работъ.

Снова начались по вечерамъ представленія Самойлова. Никто, конечно, не выражалъ ему прямо своихъ впечатлѣній, имъ на насъ производимыхъ; но онъ сознавалъ общее къ нему влеченіе и въ

благодарность не щадилъ себя для вечернихъ представленій и сценнадъ. Это время осталось въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни.

Я вспоминаю одинъ забавный и курьезный по послѣдствіямъ фактъ, относящійся ко времени изысканій. Въ числѣ рабочихъ людей, которыхъ надо было имѣть для изысканій, нашелся только одинъ полуграмотный мальчикъ 16-ти лѣтъ. Еслибы рабочіе были грамотные, то дѣло шло бы втрое скорѣе, а потому мы обрадовались и одному, и разрывали этого мальчика на части, установивъ между собою очередь — къ кому онъ долженъ былъ идти въ тотъ или другой день на изысканія. Этотъ мальчикъ, по имени Кузька, каждый вечеръ являлся за приказаніями. Однажды, Самойловъ, шутя, сказалъ ему: — «какой ты грамотей, ты не сможешь даже сложить слова по складамъ безъ азбуки», — и задалъ ему нѣсколько складовъ неприличнаго слова. Мальчикъ нашелся; не желая произнести заданнаго ему по складамъ слова, отвѣтилъ, усмѣхаясь: — «капуста» — чтò имѣло созвучіе съ заданными ему слогами. Эта находчивость и деликатность мальчика очень понравились всѣмъ; онъ сдѣлался общимъ любимчикомъ и съ тѣхъ поръ его иначе не называли, какъ — «капуста». Въ скоромъ времени его поставили за десятника при рабочихъ съ жалованьемъ 15 р. въ мѣсяць, а потомъ онъ получалъ уже по 30 р., и къ концу работъ Николаевской желѣзной дороги, длившихся 8 лѣтъ, могъ скопить около 1.500 руб. Затѣмъ онъ взялъ какую-то поставку, на которой заработалъ еще нѣсколько деньжонокъ, и тогда купилъ на Валдайской станціи мѣсто, выстроилъ тамъ очень хорошій домъ, открылъ гостиницу, сдѣлался агентомъ какого-то транспортнаго общества и вытянулъ за собою своихъ братьевъ. Оригинально то, что, въ память рассказаннаго эпизода и даннаго ему нами названія, онъ взялъ фамилію «Капустина». Братья его послѣдовали его примѣру и взяли ту же фамилію; всѣ сдѣлались довольно богатыми людьми и составляютъ уже давно аристократію жителей Валдайской станціи.

Подходило 17-е сентября. У Самойлова было три сестры: Вѣра, Надежда и Любовь, а ихъ мать звали Софьей. Чтобы чѣмъ-нибудь почестовать Самойлова, мы сложились и послали въ Валдай за

полдюжиной шампанскаго. Въ то время не только въ Валдаѣ, но и въ болѣе глухихъ городкахъ продавалось настоящее шампанское. фирмы «Veuve Clicot». Самойловъ, повѣствуя намъ не разъ о житьѣ-бытьѣ въ Сибири на заводахъ, сказывалъ, что тамъ постоянно разливанное море этого вина, т. е. именно фирмы «Veuve Clicot», которое онъ любитъ, но котораго уже съ годъ не видалъ. Это-то вино и появилось за столомъ, неожиданно для Самойлова, и онъ растрогался этою нашею маловажною любезностью чуть недо слезъ. Каждую бутылку предназначено было выпить за здравіе членовъ его семьи, т. е. матери, трехъ сестеръ, его самого и въ память ихъ отца, бывшаго знаменитаго артиста, потонувшаго въ морѣ. Самойловъ, какъ опытный виночерпій, сталъ самъ откупоривать бутылки и при томъ импровизировать рѣчи и стихи. До сихъ поръ у меня остались въ памяти нѣкоторыя изъ этихъ юмористическихъ импровизацій, необыкновенно подходящія къ даннымъ обстоятельствамъ и преисполненныя остроуміемъ. Какъ онѣ ни забавны, но я приводить ихъ не буду.

Я упомянулъ передъ симъ, что въ оныя времена можно было имѣть настоящее шампанское, фирмы «Veuve Clicot», въ каждомъ городкѣ, гдѣ когда-либо являлось требованіе на шампанское. Вотъ чѣмъ объясняется этотъ фактъ.

Послѣ освобожденія императоромъ Александромъ I Европы, разгрома Наполеона I и взятія Парижа, мы получили въ награду то, чтобы ни одна бутылка означенной фирмы, которая всѣмъ свѣтомъ была признана наилучшей, и дѣйствительно была таковою, — не могла быть продана и вывезена куда-либо кромѣ Россіи, и контроль этого былъ очень строгій. Контрактъ въ означенномъ смыслѣ былъ заключенъ на 50 лѣтъ, и потому, до начала шестидесятыхъ годовъ, «Veuve Clicot» продавалось въ Парижѣ и Лондонѣ дороже, чѣмъ у насъ. Французы рѣшительно избѣгали пить это шампанское, а англичане, охотники до шампанскаго и начинающіе съ него объѣдъ, страшно злились въ то время на то, что имъ приходилось платить очень дорого за вино означенной фирмы.

Надо отдать справедливость вдовѣ Clicot, что пока она была жива, то до тѣхъ поръ и шампанское было превосходно, и она самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняла контрактъ. Мнѣ гово-

риль одинъ, близко знакомый съ нею французъ, лѣтъ 15-ть жившій въ Россіи ¹⁾ и который такъ привыкъ къ шампанскому «Veuve Clicot», что другаго шампанскаго не пилъ. Поселившись, по возвращеніи изъ Россіи, въ Брюссель, онъ, время отъ времени, покупалъ шампанское на заводѣ «Clicot» цѣлыми ящиками. Старуха имѣла право продавать вино на мѣстѣ, ящиками, но не иначе, какъ по особому разрѣшенію, внося по 5 фр. пошлины за бутылку. Поэтому, охотники до ея вина пользовались этимъ, дабы не платить, при выпискѣ вина изъ Россіи, расходы по двойному транспорту, ложившіеся въ такомъ случаѣ на вино. Но во Франціи мало было охотниковъ платить по 14 фр. за бутылку, когда можно было имѣть другое шампанское втрое дешевле, и потому «Veuve Clicot» въ оное время было большою рѣдкостью въ Парижѣ и достать его можно было лишь въ фашіонабельныхъ ресторанахъ. На господина, спросившаго «Veuve Clicot», «гарсоны» тотчасъ же начинали взирать съ особеннымъ умиленіемъ, дѣлая, конечно, внутренне посылку: «если le prince пьетъ «Veuve Clicot», то онъ, вѣроятно, даетъ rouge-boire не по два су, а, быть можетъ, по два франка».

Самойловъ былъ не только талантливый, но и умный, и острый человекъ, съ теплымъ сердцемъ и деликатнѣйшей натурой. При прощаніи, онъ взялъ съ насъ слово познакомиться, по приѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, съ его матерью и сестрами, о чемъ онъ будутъ предупреждены. Мы, конечно, исполнили это наше слово съ особеннымъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что Надежда Васильевна была уже знаменитостью и любимицей публики; а Вѣра Васильевна только-что начала свою артистическую карьеру серьезно-драматическаго ампуа, подъ руководствомъ знаменитаго Василія Андреевича Каратыгина. Она была необыкновенно хороша собою и имѣла восхитительную, античную фигуру.

Насъ приняли въ домѣ Самойловыхъ, какъ людей давно знакомыхъ, и мы стали посѣщать это семейство. Зимой приѣхалъ въ Петербургъ Сергій Васильевичъ, и мы видѣлись очень часто; но ни разу мнѣ не случилось встрѣтить въ домѣ Василія Васильевича.

¹⁾ Объ этой личности мнѣ придется не мало сказать въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ.

Кажется, послѣдній особенно друженъ съ своими родными не былъ и какъ будто бы они нѣсколько чуждались его.

Черезъ годъ мы опять встрѣтились съ Самойловымъ; онъ нарочно, передъ окончательнымъ отъѣздомъ на Уралъ, заѣхалъ въ Кузнецово и провелъ тамъ недѣли двѣ или три. Спустя нѣсколько лѣтъ, я встрѣтилъ одного горнаго инженера и полюбопытствовалъ узнать о Самойловѣ. Онъ сказалъ, что Сергій Васильевичъ, въ недавнее время, внезапно, пересталъ абсолютно употреблять крѣпкіе напитки и отъ того вскорѣ заболѣлъ и умеръ.

Когда мы вернулись въ Петербургъ для продолженія курса наукъ въ послѣднемъ классѣ подпоручиковъ и явились откланяться Мельникову, онъ, выразивъ намъ свое удовольствіе за исполненныя нами порученія, сказалъ, что если мы хотимъ, то онъ, по окончаніи нами въ будущемъ году курса, потребуетъ насъ къ себѣ. Мы отвѣтили, конечно, нашимъ согласіемъ, и въ слѣдующемъ году мы и поступили на службу постройки Николаевской желѣзной дороги, на сѣверную дирекцію, подъ начальство Мельникова, наилучшаго инженера, человѣка ученаго, умнѣйшаго и благороднѣйшаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТРЕТЬЯКОВЪ

и его картинная галлерей.

Однажды, въ засѣданіи палаты лордовъ, 23-го мая 1848 г., лордъ Монтигль во всеуслышаніе жаловался на небрежность и апатію англійскаго общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ художественнымъ дѣламъ. «Г-нъ Вернонъ, сказалъ онъ, пожертвовалъ нашей націи свое собраніе картинъ, которое цѣнится въ 25.000 фунт. стерл. (на нынѣшнія деньги около 250.000 рублей сер.). Англійскій народъ можетъ оставаться равнодушнымъ къ такому художественному событію, но я думаю, что этотъ великолѣпный подарокъ со стороны частнаго лица не долженъ пройти безъ вниманія. Въ прежнія времена бывали у насъ многіе подарки подобнаго же рода, но публика не обращала на нихъ вниманія. Сэръ Джоржъ Бомонтъ и г. Хольвелъ Карръ принесли въ даръ народу множество картинъ, которыхъ цѣнность далеко превышаетъ суммы, отпущенныя самою страной на поощреніе художества. Поэтому я предлагаю, чтобъ парламенту была представлена вся переписка по дѣлу пожертвованія Вернона»¹⁾.

Точь въ точь подобныя же случаи у насъ не рѣдкость. Очень часто у насъ не обращаютъ никакого вниманія, или, по крайней мѣрѣ, самое ничтожное, самое малое, на событія внутренней нашей жизни самыя крупныя, на дѣла въ высокой степени историческія и со смысломъ истинно національнымъ. Такъ было всегда и съ Третьяковскою галлереей, которой значенія почти вовсе у насъ не признавали. Уже давно было извѣстно, что П. М. Третьяковъ рѣшилъ принести эту галлерей въ даръ русскому народу, но когда 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1874 году, онъ задумалъ подарить Москвѣ, въ лицѣ его «Училища живописи и ваянія», цѣлую крупную половину своей коллекціи, собраніе картинъ

¹⁾ Hansard, Parliamentary Debates, vol. XCVIII, 1848, p. 1253.

В е р е щ а г и н а, училищный совѣтъ отъ этого отказался. «Вы думаете, писаль мнѣ, 27 апрѣля 1874 года, одинъ, изъ значительнѣйшихъ нашихъ художниковъ, живописецъ П е р о в ъ, вы думаете, гг. члены обрадовались, пришли въ восторгъ, благодарили Третьякова? Ничуть не бывало. Они какъ будто огорчились. Никто не выразилъ никакого участія къ этому дѣлу... Они почти что отказались отъ этого подарка (имъ хотѣлось, чтобъ Третьяковъ на свой счетъ построилъ домъ для галлерей), и даже не послали поблагодарить Третьякова... Третьяковъ прислалъ письмо, что болѣе не дарить свою коллекцію училищу»... Потомъ, кому случилось бывать, въ послѣднія 20—25 лѣтъ, въ галлерей Третьякова, всегда для всѣхъ радушно открытой,—не встрѣчалъ тамъ никогда болѣе двухъ-трехъ посѣтителей. Вотъ каковъ былъ у всѣхъ интересъ къ ней, вотъ какое пониманіе ея великаго значенія въ дѣлѣ русскаго искусства,—а между тѣмъ, конечно, никто бы не могъ обвинить эту галерею въ томъ, что ее уже «давно всѣ знаютъ», что въ ней «давно все извѣстно»: она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обновлялась новыми пріобрѣтеніями и никогда не застывала въ однихъ, когда-то разъ навсегда устроенныхъ, рамкахъ. Находились даже люди изъ публики, которые нападали на эту галерею и провозглашали, что ея создатель—невѣжественный меценатъ, который въ искусствѣ не смыслить «ни уха ни рыла», и послѣ этого только одинъ К р а м с к о й отвѣчалъ съ негодованіемъ на такія атаки—вся же остальная публика, и до отвѣта Крамскаго, и послѣ него, равнодушно молчала. Наконецъ, когда въ прошломъ году, послѣ смерти младшаго брата, П. М. Третьяковъ приступилъ къ передачѣ галлерей городу, повторилось то, что было 20 лѣтъ назадъ: члены думы не радовались и не благодарили, а только возбуждали требованія, чтобъ Третьяковъ «обезпечилъ» будущее существованіе галлерей, и дѣло насилу уладилось, и крупный, небывалый даръ перешелъ во владѣніе города при полномъ равнодушіи и молчаніи всѣхъ властей. Никакое торжество (а ихъ бываетъ у насъ такъ много, такихъ пышныхъ и усердныхъ, по поводу ничтожнѣйшихъ событій и людей) не ознаменовало этого значительнаго дѣла, истинно историческаго, никто не потрудился даже поблагодарить Третьякова отъ лица русской публики, отъ лица русскаго народа. Только въ первые дни перебивало въ галлерей нѣсколько тысячъ народа, явно пришедшихъ взглянуть на «новинку», до тѣхъ поръ къ изумленію почти вовсе неизвѣстную, а теперь вдругъ открытую. Не чудеса ли все это, не повтореніе ли того «равнодушія» и «невниманія», на которое жаловался англійскому парламенту лордъ Монтигль? Вопреки пословицѣ, «les jours se suivent et se ressemblent».

Потому я и напелъ, что надо мнѣ пожаловаться нашему «парламенту»—русской публикѣ, на ту небрежность и апатію, которыя были

проявлены у насъ относительно того великолѣпнаго пожертвованія народа, какъ пожертвованіе Третьяковской галлерей, во много десятковъ разъ болѣе великолѣпной, чѣмъ собранія картинъ Бомонта и Хольвеля Карра. И потому желаю, чтобъ этому нашему «парламенту» были «представлены всѣ документы», относящіеся до драгоценностей, пожертвованныхъ нашему народу П. М. Третьяковымъ.

Что создало Третьякова, и его мысль, и вкусъ, и стремленіе? Что создало и его удивительную галлерей? Что заставило его сдѣлать эту галлерей исключительно русскую, что натолкнуло его на мысль принести ее въ даръ русскому народу? Вотъ вопросы, которые давно интересовали меня, можно сказать съ тѣхъ поръ, когда я узналъ и П. М. Третьякова, и его галлерей, и его намѣреніе,—а этому всему есть теперь уже добрыхъ 20 лѣтъ. Я положилъ себѣ узнать и изслѣдовать эти глубоко интересовавшіе меня факты, но я встрѣтилъ неожиданное препятствіе: твердое намѣреніе П. М. Третьякова ничего о самомъ себѣ не рассказывать, не сообщать ровно никакихъ подробностей о своей молодости, своихъ начинаніяхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ относительно собранія картинъ. Въ этомъ у него была одна только побудительная причина: необычайная и безмѣрная скромность, неохота бесѣдовать съ другими о самомъ. Такое сопротивленіе я постоянно встрѣчалъ въ продолженіе всѣхъ 20 лѣтъ моего знакомства съ П. М. Третьяковымъ—знакомства, надо замѣтить, самаго задушевнаго и сердечнаго во всѣхъ вообще отношеніяхъ. Но я не могъ принять за законъ для своей дѣятельности эту скромность, по моему мнѣнію, черезъ чуръ уже излишнюю, хотя и заслуживающую, конечно, всякаго почтенія и симпатіи. Я не согласенъ былъ уступить никому другому честь написать біографію того человѣка, котораго такъ высоко цѣнилъ. Мнѣ казалось, что надо стараться собрать всѣ возможныя свѣдѣнія отъ живыхъ еще современниковъ П. М. Третьякова (число которыхъ все уменьшается—нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ ни Перова, ни Крамскаго, съ которыми онъ былъ такъ долго близокъ и друженъ, нѣтъ также болѣе на свѣтѣ и другихъ еще людей, знавшихъ П. М. Третьякова во время самой силы его дѣятельности); мнѣ казалось, что услуга, оказанная нашему народу этою дорогою для меня историческою личностью, можетъ быть оцѣнена по всей справедливости лишь тогда, когда будутъ собраны и сообщены во всеобщее извѣстіе всѣ факты, касающіеся его біографіи, его дѣятельности и той среды, среди которой онъ прожилъ.

I.

15-го августа открылась въ Москвѣ, для русской публики, Третьяковская галлерей, подъ заглавіемъ: «Городская галлерей Павла и Сергѣя Третьяковыхъ». Заглавіе это произошло оттого, что оба собственника, братья Павелъ и Сергѣй Михайловичи Третьяковъ давно уже рѣшили передать свои художественныя собранія городу Москвѣ, а такъ какъ одинъ изъ нихъ двухъ, младшій, Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ скончался лѣтомъ прошлаго года, то другой старшій, Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, годъ спустя выполнилъ волю покойнаго, соединилъ его галлерей со своею собственною и потомъ обѣ вмѣстѣ и передалъ во владѣніе города.

Нельзя не пожалѣть, что Третьяковскую галлерей назвали—«городскою». Это названіе невѣрно, слабо и безвѣтно; оно не выражаетъ ни исторіи, ни сущности дѣла. Эту галлерей, по всей справедливости, надо было бы назвать: «Третьяковская національная галлерей». И это—по двумъ причинамъ: во-первыхъ, все главное содержаніе ея—національное, какъ по авторамъ, такъ и по сюжетамъ; во-вторыхъ же она принесена въ даръ русскому народу, стала по преимуществу національною. Принадлежность собственно городу Москвѣ играетъ тутъ очень второстепенную роль.

Мнѣ, пожалуй, иные возразятъ: однакоже, не слѣдовало бы называть специально «національною» такую галлерей, гдѣ извѣстную долю состава занимаютъ произведенія вовсе не-національныя, вовсе не наши: вѣдь не все же въ Третьяковской галлерей картины только Рѣпина, Перова, Владиміра Маковскаго, Сурикова, Иванова, естъ тутъ тоже картины Кнауса, Фортунни, Мейсонье, Пёвилля. Какая же это для насъ «національная» галлерей? Но и на это я отвѣчаю: Въ Европѣ есть «національныя галлерей» двухъ родовъ: однѣ—какъ лондонская «Національная галлерей» и мюнхенскій «Національный музей»; другія—какъ берлинская «Національная галлерей». Въ лондонской «Національной галлерей» собраны не все только картины англійскія. Тамъ естъ картины не только Рейнольдса, Гейнсборо, Уильки и Тёрнера, но еще гораздо болѣе картинъ Рафаэля, Тиціана, Рембрандта и всѣхъ другихъ всесвѣтныхъ знаменитостей. Такъ точно и мюнхенскій «Національный музей»! Развѣ тамъ все только предметы баварскіе? Нѣтъ, тамъ собраны этнографическіе, историческіе и бытовые предметы національностей—цѣлаго міра, Европы, Азіи, Африки, Америки и Австрали, и все-таки этотъ музей зовутъ «національнымъ». Другіе музеи, какъ на примѣръ берлинскій, называются «національными», потому что они состоятъ изъ созданій единственно только

своей нации и исключаютъ созданія всѣхъ другихъ. Къ этому типу вполне принадлежить и галерея Третьяковыхъ.

Ко времени передачи галереи въ собственность городу Москвѣ, былъ напечатанъ краткій каталогъ ея, подъ заглавіемъ: «Опись художественныхъ произведеній городской галереи Павла и Сергѣя Третьяковыхъ». Изъ этого каталога мы узнаемъ, что галерея, состоящая изъ 22 комнатъ, заключаетъ въ настоящее время:

1) картинъ масляными красками, русскихъ художниковъ	1.276
2) рисунковъ, русскихъ художниковъ	471
3) скульптурныхъ произведеній, русскихъ художниковъ	10 ¹⁾
4) картинъ и рисунковъ, иностранныхъ мастеровъ, собранныхъ С. М. Третьяковымъ	84
Всего	1.841

И такъ, мы здѣсь узнаемъ, что «иностраннаго» въ третьяковской галереѣ только то, что собрано младшимъ братомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Третьяковымъ. Но на его долю приходится вообще всего лишь 100 съ небольшимъ художественныхъ произведеній, и притомъ изъ нихъ 84—все картины и рисунки иностранныхъ мастеровъ. Вѣроятно иныхъ иностранныхъ произведеній въ этой галереѣ никогда болѣе не будетъ. Такимъ образомъ, главная часть, свыше 1.700 картинъ, рисунковъ и скульптуръ падаютъ на долю старшаго брата, Павла Михайловича Третьякова, начавшаго собраніе галереи, и, что имѣетъ важность, это, что именно эта значительнѣйшая часть галереи—русская, исключительно національная. Поэтому-то галерею эту никогда не надо было бы называть иначе, какъ «третьяковскою» и «національною».

Теперь, когда впервые напечатанъ каталогъ галереи (хотя только еще первоначальный, краткій), нельзя не остаться пораженнымъ общею его цифрою. 1.841 произведеніе—да вѣдь это огромный музей, вѣдь такихъ музеевъ не много въ цѣлой Европѣ!

Въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ, числится всего 2.745 картинъ (изъ нихъ около 250 не выставлено въ залахъ, по недостатку мѣста, или по неудовлетворительности художественнаго качества—значить, всего выставлено только около 2.500 картинъ).

Въ Дрезденской галереѣ—2.415 картинъ.

Въ Мадридской картинной галереѣ Прадо—около 2.360 картинъ

Въ Вѣнской картинной галереѣ (бывшій Вельведеръ)—2.037 картинъ

¹⁾ Въ этомъ числѣ я считаю „Христіанскую мученицу“ Антокольскаго, которая не вошла въ составъ каталога, потому что ко времени его выпуска еще не была привезена въ Москву.

Въ нашемъ Петербургскомъ Эрмитажѣ—около 2.000 картинъ.

Въ Амстердамскомъ Rijks-Museum—около 1.800 картинъ.

Въ Мюнхенской старой Пинакотекаѣ—1.433 картины.

Въ галлерей Uffizii, во Флоренціи—1.300 картинъ.

Въ Лондонской Национальной галлерей—1.045 картинъ.

Таковы данныя знаменитѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ европейскихкихъ картинныхъ галлерей. И что же! Съ ними борется, къ нимъ близко приближается галлерей, собранная двумя частными лицами и содержащая 1.841 произведение! Не замѣчательный ли это фактъ? Но я говорилъ здѣсь только объ одномъ количествѣ: если же обратиться къ другимъ подробностямъ и къ исторіи этой галлерей, наше удивленіе еще болѣе увеличится.

Иностранныя картинныя галлерей складывались въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ: галлерей П. М. Третьякова была собрана въ теченіе не болѣе какихъ-нибудь 35 лѣтъ. Европейскія галлерей являлись на свѣтъ по желанію и приказу цѣлаго ряда королей или принцевъ, у которыхъ было подъ руками, для выполненія такого приказа, множество министровъ, директоровъ, художниковъ и всяческихъ дѣятелей, которые могли не только исполнять приказанія, но и подавать совѣты. Сверхъ того, для образованія галлерей, матеріаломъ могли имъ тотчасъ же служить цѣлыя массы картинъ изъ старинныхъ монастырей, церквей, дворцовъ и всякихъ иныхъ коллекцій; тамъ было накоплено вѣками множество художественныхъ произведеній, и оттуда можно было брать что угодно да р о м ъ, безъ всякихъ хлопотъ и спросовъ—стоило только приказать. Но Третьякову некому было приказывать и не откуда было получать картины даромъ, онъ все долженъ былъ дѣлать самъ, ему пришлось придумывать, рѣшать, отыскивать и добывать все только собственнымъ умомъ и на свои собственные деньги. У него не было ни помощниковъ, ни заготовленнаго вѣками матеріала. Разнообразныя высшія начальства, создававшія галлерей въ разныхъ углахъ Европы въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, въ большинствѣ случаевъ дѣйствовали по преданію, по модѣ, по приличію, и лишь изрѣдка—въ самомъ дѣлѣ по собственному вкусу, истинному пониманію и охотѣ; у Третьякова было совсѣмъ другое: его устремляли на дѣло лишь горячая и глубокая страсть, твердое намѣреніе совершить такое дѣло, которое наполняетъ всю душу и является задачей жизни.

Какое же тутъ сравненіе съ другими!

Конечно, не первый на свѣтѣ П. М. Третьяковъ принесъ въ даръ своему отечеству собраніе художественныхъ произведеній, имъ самимъ собранныхъ. Совершались и раньше его подобные же подвиги великодушія, доброжелательства и ширины мысли, не только въ Европѣ вообще, но даже и у насъ. Если давно уже бывали повсюду примѣры прино-

шенія въ даръ своему отечеству книгъ, рукописей, цѣльныхъ библиотекъ и научныхъ кабинетовъ, многочисленныхъ коллекцій разнообразныхъ историческихъ, бытовыхъ предметовъ, то, само собою разумѣется, должны были происходить и приношенія коллекцій художественныхъ. Примѣровъ не мало. Но въ этомъ отношеніи на сторонѣ Третьякова оказываются опять многія такія особенности, которыя придаютъ исключительную фізіономію и значеніе его подвигу. Я приведу два-три примѣра, изъ числа многихъ другихъ, но такихъ, которые покажутъ, я надѣюсь, совершенно ощутительно, всю разницу между пожертвованіями другихъ и пожертвованіемъ Третьякова.

Первый мой примѣръ будетъ англійскій.

До 1824 года въ Англии не было общественной картинной галереи. Существовало нѣсколько частныхъ, даже очень хорошихъ и очень замѣчательныхъ собраній картинъ у разныхъ герцоговъ, лордовъ и богатыхъ банкировъ, впрочемъ коллекцій почти всюду небольшихъ, въ ихъ городскихъ, или въ ихъ загородныхъ помѣстьяхъ и средневѣковыхъ замкахъ, но у самого государства, у самого народа не было картинной галереи. Первый задумалъ создать такую галерею баронетъ Бомонтъ ¹⁾. Онъ происходилъ изъ древняго знаменитаго рода, онъ былъ очень богатъ и отлично образованъ, онъ смолоду любилъ искусства, много лѣтъ своей жизни провелъ въ путешествіяхъ и изученіи художественныхъ галерей, особливо въ Италіи, наконецъ, самъ даже писалъ картины (говорятъ, недурныя) и всегда состоялъ въ тѣсной дружбѣ со значительнѣйшими изъ современныхъ ему англійскихъ художниковъ. Онъ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, первый повелъ вдругъ рѣчь о непремѣнной необходимости устроить въ Лондонѣ, для англійскаго народа, картинную галерею, и, не взирая ни на какое сопротивление, сумѣлъ добиться своего. Началъ онъ съ того, что вздумалъ собрать всѣ, по возможности, картины Рейнольдса и сдѣлать изъ нихъ выставку. Рейнольдсъ былъ въ самомъ дѣлѣ великій и оригинальный талантъ, и стоилъ того, чтобъ о немъ позаботились. Но мысль о такомъ собраніи была немаловажною смѣлостью и даже дерзостью, въ такое время, когда вездѣ царствовало безконечное идолопоклонство передъ «классицизмомъ» (преимущественно итальянскимъ), и никакая другая вѣра въ искусство не признавалась. Какой-то англійскій современный живописецъ, когда нужны только Каррачи, Доменикини, Гведо Рени, и ихъ предки, Рафаэли и Тиціаны! Какой-то новый, современный художникъ, до того насквозь пропитанный національностью и реализмомъ, что даже всѣхъ своихъ мадоннъ, христіанскихъ святыхъ, древнеримскихъ героевъ и древне-греческихъ героинь писалъ съ фізіономіями

¹⁾ C u n n i n g h a m, The lives of the british painters etc., London, 1833, vol. VI.

англичанъ и англичанокъ, съ чертами живыхъ людей. Но англичане понемножку уже осмѣливались, даже и въ тѣ времена, все дѣлать по-своему, по-англійски, и безъ всякаго страха и сомнѣнія такъ-таки прямо и называли великими тѣхъ изъ новыхъ, даже изъ англичанъ, которые казались имъ крупными и великими художниками. Баронетъ Бомонтъ былъ одинъ изъ такихъ продерзкихъ островятянъ, и, какъ ни любилъ Пуссенновъ, Клодь-Лорреновъ, Рубенсовъ и Рафаэлей, а все-таки любилъ тоже и своихъ, новыхъ. Но съ конца XVIII-го вѣка англичане какъ-то поохладѣли къ Рейнольдсу и начинали его забывать, или, по крайней мѣрѣ, менѣе цѣнить въ сравненіи съ европейскими классическими знаменитостями. Тутъ-то и явился Бомонтъ. Онъ захотѣлъ возстановить англійскую славу. Онъ упорно принялся за собираніе картинъ и портретовъ Рейнольдса, и достигъ своего. Было свезено съ разныхъ сторонъ все, что можно было собрать изъ его картинъ въ Англию, и выставка состоялась. Самъ король Георгъ IV и его первый министръ, прекрасно образованный лордъ Мельвиль, ревностно помогали баронету Бомонту. Вотъ, окрыленный громаднымъ успѣхомъ, Бомонтъ и взялся за задачу, еще болѣе широкую и важную: создать (въ Лондонѣ) большую картинную галерею. Съ 1818-го по 1824-й годъ онъ съ безконечною настойчивостью велъ пропаганду своей идеи въ средѣ англійскихъ аристократовъ, и особенно налегалъ на вліятельныхъ членовъ парламента. И дѣйствительно, многіе изъ нихъ, лордъ Доверъ, графъ Эбердинъ, лордъ Фернбордъ, и другіе, и въ особенности министръ графъ Ливерпуль, стали на его сторону и ревностно проповѣдывали его тезисъ, а именно тотъ, что важныя и значительныя созданія искусства должны служить не частной потѣхѣ, а воспитанію и возвышенію народа, что ихъ надо защищать и сохранять отъ утраты и гибели, стараться о томъ, чтобъ они для такой цѣли оставались не въ частныхъ рукахъ, а переходили въ народное общественное владѣніе: значить, необходимо созданіе «Национальной галереи». Онъ говорилъ въ одномъ письмѣ къ своему пріятелю, лорду Доверу: «Лордъ Гертфордъ хочетъ купить для себя собраніе картинъ банкира Ангерштейна (это собраніе, очень важное и истинно превосходное, предполагалось положить въ основу будущей «Национальной галереи»): конечно, я предпочелъ бы, чтобъ эти картины пошли въ его руки, чѣмъ вовсе пропали бы для нашей націи; но еще и того лучше хотѣлось бы мнѣ видѣть ихъ въ народномъ музеѣ, не во владѣніи частнаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ почтененъ по своему званію и вкусу: вкусъ не переходитъ къ другимъ по наследству, и мало есть семействъ, гдѣ вкусъ удержался бы въ продолженіе даже трехъ поколѣній; поэтому я думаю, что немногія впозднѣ уцѣлѣвшія у насъ художественныя произведенія только тогда и будутъ навсегда цѣлы, когда будутъ находиться подъ охраной

такого учрежденія, которое никогда не погибнетъ. Я всякій годъ вижу множество лримѣровъ того, какъ люди по небрежности дозволяютъ тереть, царапать и крыть лакомъ неоцѣненные эти предметы, словно домашнюю посуду, и потому я полагаю, что если эти художественныя произведенія не найдутъ себѣ надежнаго пристанища, то лѣтъ черезъ 50 отъ нихъ останется только одинъ холстъ». Многія изъ англичанъ признавали истину словъ и мыслей Бомонта, но, подѣ влияніемъ журнальныхъ статей, писанныхъ ревностными тогдашними англійскими политико-экономами, многочисленныя доброжелатели изъ публики жалѣли государственныхъ денегъ и не желали тратить громадную массу ихъ на предметы, не достаточно, по ихъ мнѣнію, важныя. Чтобъ умягчить противниковъ, Бомонтъ обязывался даже отдать въ будущую «Національную галерею» все свое собственное превосходное собраніе картинъ. Но и это обѣщаніе долго не помогало: много было говорено въ частныхъ аристократическихъ домахъ за и противъ, много было споровъ и въ парламентѣ, но все дѣло не приходило къ развязкѣ вопроса. Наконецъ, сама судьба пришла на помощь Бомонту. Умеръ Ангерштейнъ, и пронесся слухъ, что на его картинную галерею имѣютъ виды король баварскій и императоръ русскій. Тутъ сейчасъ заговорило англійское самолюбіе и всегдашній эгонистическій патріотизмъ. Вспомнили настояніе Бомонта и парламентскіе дебаты. Съ галереей Ангерштейна дѣло быстро устроилось, она была куплена за огромныя деньги (60.000 фунт. стерл., на нынѣшнія деньги = 600.000 рублей), «Національная галерея» основана, и Бомонтъ передалъ туда всю свою коллекцію высоко замѣчательныхъ картинъ. Онъ торжествовалъ, онъ добился своей цѣли.

Спустя 20 лѣтъ, примѣру Бомонта послѣдовалъ другой богачъ и очень образованный человѣкъ, Робертъ Вернонъ. Его біографъ ¹⁾ говоритъ, что побѣдивъ множество внѣшнихъ препятствій, онъ вдругъ увидѣлъ себя человѣкомъ богатымъ и сталъ собирать картины лучшихъ англійскихъ художниковъ нынѣшняго вѣка. Скоро коллекція эта до того разрослась, что его домъ не могъ уже ея вмѣщать, и тогда онъ рѣшился предложить ее въ даръ англійскому правительству. Предложеніе было принято, формальный актъ былъ составленъ 22 декабря 1847 года, и картины переданы управленію «Національной галереи». Онѣ помѣщаются въ Марлборо-Гаузъ и послужили основаніемъ галереи англійской новой школы.

Множество другихъ англійскихъ собирателей приносили въ даръ Національной галереѣ принадлежащія имъ большія и малыя собранія картинъ, такъ что въ настоящее время по крайней мѣрѣ добрая по-

¹⁾ Въ Біографическомъ словарѣ Мишо.

ловина Национальной галлерей состоитъ изъ картинъ, подаренныхъ частными лицами. Ни въ одной другой европейской галлерей нѣтъ такой массы приношеній.

Другой мой примѣръ будетъ французскій.

Жилъ въ Парижѣ, при Людовикѣ-Филиппѣ, богатый человекъ, Луи Лаказъ, страстно любившій медицину и живопись. Къ медицинѣ у него была любовь какая-то совершенно платоническая и исключительная: хотя ему давно уже дали званіе «доктора», онъ никогда не хотѣлъ имъ пользоваться и навсегда остался простымъ добровольцемъ въ больницахъ, исправляя должность простаго фельдшера и прислужника страждущихъ; подъ старость онъ усталъ, все это оставилъ и, покидая больницы, въ 1852 г., только учредилъ преміи за лучшія сочиненія о средствахъ противъ чахотки и тифа. Но за то съ еще большимъ жаромъ онъ принялся за старинную свою страсть: собираніе картинъ, и здѣсь, онъ накопилъ, во-первыхъ, картины знаменитыхъ старыхъ итальянскихъ и голландскихъ мастеровъ, а во-вторыхъ, накопилъ еще болѣе картинъ новыхъ, французскихъ мастеровъ XVIII-го вѣка, до него почти вовсе не цѣнимыхъ или, по крайней мѣрѣ, цѣнимыхъ очень мало. Умирая въ 1869 году, онъ завѣщалъ Франціи свою картинную галлерей, гдѣ были замѣчательныя произведенія Рембрандта, Рубенса, Гальса, Мурильо, Тинторетто, Бассано, Веласкеца, Риберы, Тенирса, Остаде, но гдѣ главную роль играли картины Грѣза, Бушѣ, Матье, Ларжильера, Риго, Ленева и другихъ талантливыхъ французовъ прошлаго вѣка. Его коллекція была цѣнима въ нѣсколько милліоновъ, но онъ, передавая ее націи, поставилъ только два условія: чтобъ она никогда не раздѣлялась, и всегда была всѣмъ доступна, въ залахъ Луврскаго музея. Онъ говаривалъ, подъ конецъ жизни, своимъ друзьямъ: «Есть три сорта собирателей: тѣ, которые покупаютъ картины для того, чтобъ ихъ имѣть; тѣ, которые покупаютъ для того, чтобъ другіе не получили ихъ, и третьи тѣ, которые собираютъ картины, чтобъ ими наслаждаться, а тоже и другимъ давать наслаждаться. Еслибы я не былъ близорукъ, я уже давнымъ-давно отдалъ бы свои картины въ Луврскую галлерей, но тамъ мнѣ вѣчно мѣшалъ этотъ поручень, отдѣляющій зрителя отъ картины, и мнѣ придется отложить пожертвованіе до моей смерти»¹⁾.

Въ Луврской галлерей, собраніе картинъ Лаказа помѣщено въ одной особой очень большой залѣ, носящей имя: «зала Лаказъ».

Третій примѣръ—русскій. Умирая въ 1862 году, въ молодыхъ го-

¹⁾ Биографія его написана скоро послѣ его смерти, въ 1869 году, его другомъ Гаваромъ, и напечатана въ „Journal des Débats“; повторена въ „Notice des tableaux légués au Musée national du Louvre par L. Lacaze“, написанной извѣстнымъ художественнымъ писателемъ Реасъ.

дахъ, графъ Н. А. Кушелевъ-Безбородко, сначала только богатый баричъ и кавалергардъ, а потомъ ревностный путешественникъ и собиратель картинъ, оставилъ такое духовное завѣщаніе: «картины и статуи свои передаю я въ Академію художествъ, для составленія публичной галереи, открытой постоянно для художниковъ и публики, допускаемыхъ безъ стѣсненія въ формѣ одежды». И въ томъ же году вся прекрасная эта художественная галерея перешла въ особо отведенный для нея рядъ залъ въ Академіи художествъ; она носитъ названіе: «Галерея графа Кушелева-Безбородко», и всегда открыта для посѣтителей. А галерея эта, главнымъ образомъ, состоитъ изъ картинъ новѣйшихъ европейскихъ мастеровъ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, особливо французскихъ и бельгійскихъ, а частью и нѣмецкихъ, и такъ богата въ своей специальности, что превосходитъ всѣ подобнаго рода галереи другихъ частныхъ лицъ въ Россіи, да вмѣстѣ и всѣ наши общественныя галереи.

Все это примѣры великодушія и доброжелательства отдѣльныхъ частныхъ лицъ на пользу своего народа, примѣры, на которые нельзя довольно налюбоваться, и передъ которыми преклоняешься съ глубокимъ почтеніемъ. Бомонтъ задумываетъ и создаетъ въ Англіи первую народную картинную галерею, состоящую изъ картинъ замѣчательныхъ художниковъ всѣхъ европейскихъ націй; Вернонъ задумываетъ и создаетъ въ Англіи первую картинную галерею, состоящую специально изъ созданій англійскихъ новыхъ живописцевъ; Лаказъ первый собираетъ во Франціи галерею талантливыхъ французскихъ живописцевъ XVIII-го вѣка; графъ Кушелевъ собираетъ самую большую въ Россіи галерею новаго европейскаго искусства. И всѣ они дарятъ свои драгоценныя коллекціи — каждый своему народу. Не великолѣпныя ли это дѣла?

Но взглянемъ теперь на Третьякова. У него всѣ обстоятельства его собиранія, всѣ мотивы его пожертвованія были совсѣмъ иные, чѣмъ у этихъ и другихъ его предшественниковъ.

Во-первыхъ, онъ не былъ аристократъ. У него передъ глазами не было никакихъ примѣровъ богачей-предковъ или богачей-товарищей. Онъ выходилъ изъ народной среды, гдѣ никто еще раньше его не дарилъ народу художественныхъ коллекцій.

Во-вторыхъ, пожертвованія Бомонта, Вернона, Лаказа и Кушелева, сколько они ни были интересны, важны и значительны, не могли не казаться, количественно, чѣмъ-то довольно малочисленнымъ въ сравненіи съ громаднымъ даромъ Третьякова. Собраніе Бомонта состояло всего только изъ 16 картинъ, собраніе Вернона — изъ 157, собраніе Лаказа — изъ 275, собраніе графа Кушелева-Безбородко — изъ 466 картинъ и 29 скульптуръ. У другихъ европейскихъ жертвователей цифра

*

ихъ художественныхъ пожертвованій точно также простиралась обыкновенно отъ нѣсколькихъ единицъ, иногда (изрѣдка) до сотенъ, но, сколько мнѣ до сихъ поръ извѣстно, никогда не превосходила цифры четырёхъ или пяти сотенъ художественныхъ произведеній. У П. М. Третьякова масса принесенныхъ имъ въ даръ картинъ, скульптуръ и рисунковъ простиралась до огромной цифры—1700 (съ картинами, рисунками и скульптурами Сергѣя Михайловича Третьякова—1841).

Въ третьихъ, у иныхъ изъ числа дарителей, кромѣ ихъ великодушнаго и почтеннаго доброжелательства, бывали почти всегда въ основѣ ихъ даренія такіе мотивы, которыхъ никогда не было въ головѣ у П. М. Третьякова. У баронета Бомонта, когда онъ мечталъ о созданіи народной картинной галереи, было въ особенности то, что въ Англии съ картинами обращаются такъ грубо и недѣло, что лѣтъ черезъ 50, пожалуй, отъ нихъ останутся одни лохмотья, слѣдовательно, надо поскорѣе спастись значительныя художественныя произведенія отъ только-что загребущихъ аматерскихъ рукъ, и только-что чванныхъ невѣжественныхъ коллекцій, а потому надо постараться собрать ихъ всё въ одномъ большомъ государственномъ учрежденіи, гдѣ уходъ за ними будетъ умѣлый и бережливый. Вернонъ всего болѣе рѣшился на свое пожертвованіе потому, что увидѣлъ вдругъ, что дома его уже болѣе не хватаетъ на его коллекцію, и хорошо бы пристроить ее въ болѣе обширную гавань—вотъ онъ и подарилъ ее Национальной галлерей. Лаказъ и графъ Куселевъ не видѣли у себя въ семьѣ надежныхъ наслѣдниковъ, которые бы настолько любили и понимали искусство, что позволяли бы надѣяться на сохраненіе ихъ галлерей въ цѣльности и ненарушимости на долгія времена—напротивъ, они твердо могли ожидать, что послѣ нихъ, ихъ любезныя картины разлетятся по сторонамъ, будутъ проданы во множество разныхъ рукъ. Сверхъ того, почти у всѣхъ дарителей мысль подарить свою коллекцію народу приходила лишь тогда, когда они были уже очень стары, или когда имъ грозила перспектива близкой смерти. Баронету Бомонту было 73 года, Вернону—почти 73 года, Лаказу—68 лѣтъ, когда они рѣшились пожертвовать коллекціи своему отечеству, графъ Куселевъ былъ еще молодъ, ему было всего лѣтъ 30, когда онъ умеръ, но онъ уже задолго зналъ, что у него въ груди злая неизлѣчимая чахотка, и что ему остается недолго прожить. Съ П. М. Третьяковымъ было совсѣмъ иначе: онъ началъ собирать свою коллекцію, когда ему было всего 25 лѣтъ, и менѣе 30-ти, когда онъ рѣшилъ у себя въ душѣ принести свою галерею въ даръ русскому народу, когда она будетъ у него достаточно полна (объ этомъ я буду говорить еще ниже): въ то время ему еще не грозила ни старость, ни смерть, и онъ рѣшился на свой великій подвигъ безъ всякихъ постороннихъ принудительныхъ силъ, единственно потому, что къ этому его повлекла его свѣтлая и

великодушная натура. Въ этомъ крупное его отличіе отъ очень многихъ другихъ.

Наконецъ, самое значительное отличіе галереи П. М. Третьякова отъ всѣхъ другихъ то, что она есть самая обширная изъ всѣхъ народныхъ, національныхъ галерей въ Европѣ. Въ Амстердамскомъ музеѣ около 1,200 голландскихъ картинъ; въ Луврскомъ музеѣ, 1 049 французскихъ картинъ, 573 итальянскихъ; въ Люксембургскомъ музеѣ, картинъ живыхъ еще художниковъ новой французской школы бываетъ обыкновенно около 250—300 картинъ; въ Мадридскомъ музеѣ Прадо, испанскихъ живописцевъ съ небольшимъ 500 картинъ; въ галереѣ Флорентинской академіи художествъ, картинъ итальянскихъ, и преимущественно флорентинскихъ—около 500; въ лондонской Національной галереѣ, 335 англійскихъ; въ вѣнской картинной галереѣ, картинъ австрійскихъ художниковъ—около 200. Русскихъ картинъ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ (стыдно признаться!) — всего 75; въ галереѣ графа Куселева-Безбородко, въ Академіи художествъ—только 14; въ галереѣ Прянишникова, въ Московскомъ публичномъ музеѣ,—только 140; въ галереѣ К. Т. Солдатовкова, въ Москвѣ—168, и въ Кунцовѣ—33.

Въ Третьяковской же галереѣ картинъ русскихъ художниковъ—1 276! Цифры и сравненія достаточно, кажется, поразительныя.

II.

Павель Михайловичъ Третьяковъ происходитъ изъ среды московскаго купечества и въ такой степени заключаетъ въ себѣ всѣ особенности и характерныя наклонности лучшей части этого русскаго сословія, что, мнѣ кажется, еслибъ какой-нибудь пристальный наблюдатель народной жизни видѣлъ бы только его дѣла и не зналъ, кто онъ такой,—непремѣнно сказалъ бы: это человѣкъ изъ московскаго купечества!

Что можно встрѣтить всего чаще въ большинствѣ купечества русскаго? Человѣка разбогатѣвшаго, нажившаго сотни тысячъ, иногда миллионы, и потомъ до конца дней своихъ ведущаго жизнь праздную, сытую и ничтожную, правомъ Китъ Китыча, умомъ Гордѣя Торцова, человѣка, у котораго нѣтъ уже болѣе ни къ чину интереса, и лишь иногда, подъ конецъ своихъ дней строящаго церкви, богадѣльни и больницы, какъ-будто замаливая старыя грѣхи. Такихъ печальныхъ богачей бывало всегда не мало и въ Москвѣ. Но тутъ же, въ средѣ этого самаго купечества, находилась и выросла, въ теченіе первой по-

ловины настоящаго столѣтія, иная еще порода людей, купеческія семьи съ иными потребностями и иными стремленіями, люди, которымъ, не взирая на богатство, мало всегда было охоты до пировъ и до всякаго жуирства, нелѣпаго прожиганія жизни, но у которыхъ была, вмѣсто того, великая потребность въ жизни интеллектуальной, было влеченіе ко всему научному и художественному. И вотъ эти люди ищутъ себѣ постоянно товарищей и знакомыхъ въ средѣ интеллигентной, истинно образованной и талантливой, проводятъ много времени съ писателями и художниками, интересуются созданіями литературы, науки и вмѣстѣ созданіями искусства. Одни изъ нихъ накаплиютъ въ своемъ домѣ богатыя собранія книгъ и рукописей, другіе—богатыя собранія картинъ и всякихъ художественныхъ произведеній; одни сами становятся писателями, другіе людьми науки, третьи художниками и музыкантами, третьи заводятъ типографскій станокъ и печатаютъ цѣлыя библіотеки хорошихъ книгъ, четвертые—создаютъ публичныя галлерей, куда даютъ доступъ всѣмъ желающимъ. И вездѣ, во всемъ, стоитъ у нихъ на первомъ мѣстѣ общественное благо, забота о пользѣ всему народу.

Эта чудная дѣятельность лучшей части московскаго купечества въ продолженіе первой половины нашего столѣтія, такая свѣтлая, такая благодарная, такая изумительная, до того принадлежитъ важнѣйшимъ страницамъ исторіи русскаго народа, что рано или поздно заставитъ какого-нибудь интеллигентнаго человѣка сдѣлаться ея исторіографомъ. Можно только дивиться, какъ до сихъ поръ такого исторіографа у насъ еще не нашлось.

Много разъ мнѣ приходилъ въ голову вопросъ: отчего такая разница между московскимъ и остальнымъ русскимъ купечествомъ? Богатыхъ купцовъ у насъ вездѣ есть довольно, и однакоже, никакіе другіе не дѣлали и не создавали того, что дѣлали и создавали московскіе. Пусть укажутъ, наприм., хоть на петербургскихъ купцовъ, которые бы собирали библіотеки и картинныя галлерей, чтобъ отдать ихъ народу. Нѣтъ, въ Петербургѣ, при всѣхъ его великихъ качествахъ, все-таки, еще чего-то не достаетъ, чтобъ воодушевляться тѣмъ, чѣмъ воодушевлялись московскіе купцы. Струна пламеннаго доброжелательства народу и гордаго патриотизма не звучала въ Петербургѣ съ такою силою, какъ въ Москвѣ. Имъ некогда было, они заняты были и интересовались многимъ другимъ. «Можетъ быть,—писалъ въ 1846 году Бѣлинскій въ своей «Физиологіи Петербурга и Москвы»,—можетъ быть, назначеніе Москвы состоитъ въ удержаніи національнаго начала, и въ противуборствѣ иноземному вліянію, которое могло бы оставаться рѣшительно внѣшнимъ, а потому и бесплоднымъ, еслибъ не встрѣчало на своемъ пути національнаго элемента и не боролось съ нимъ... Вслѣдствіе провинціальнаго положенія Москвы, въ ней читаютъ не больше, чѣмъ въ

Петербургъ, но въ дѣлѣ вопросовъ науки, искусства, литературы, Москва обнаруживаетъ больше простора, знанія, вкуса, такта, образованности, чѣмъ большинство петербургской читающей публики». Но, по словамъ того же Бѣлинскаго, «ядро кореннаго московскаго народонаселенія составляетъ купечество». Что было своеобразнаго и оригинальнаго у Москвы вообще, то всего болѣе, повтому, выражалось съ особенною силою въ ея купечествѣ.

Еще въ концѣ прошлаго вѣка началось сильное интеллектуальное движеніе среди московскаго купечества. Такъ, напримѣръ, еще при Екатеринѣ II жилъ и дѣйствовалъ, напримѣръ, Петръ Кирилловичъ Хлѣбниковъ, умершій въ генеральскихъ чинахъ, но родившійся московскимъ купцомъ, создавшій знаменитую хлѣбниковскую бібліотеку, имѣвшій во всю свою жизнь «особую любовь къ упражняющимся въ наукахъ, и снабждавшій ихъ способами къ изданію въ свѣтъ полезныхъ книгъ, собраніемъ коихъ бібліотека его почестся можетъ самую рѣдчайшею въ разсужденіи множества древнихъ и почти всѣхъ новыхъ російскихъ книгъ, и несказанно великаго числа достопамятныхъ рукописей. Его иждивеніемъ премного напечатано книгъ».

Купецъ Петръ Даниловичъ Ларинъ былъ родомъ изъ крестьянъ, изъ одного рязанскаго села, но сдѣлался въ послѣдствіи богатымъ московскимъ купцомъ и провелъ главнѣйшую часть жизни въ Москвѣ; онъ удивилъ самую императрицу Екатерину II, пожертвовавъ въ 1777 году значительную сумму денегъ на основаніе народной школы въ Россіи, въ такое время, когда еще ни одной такой школы не было устроено правительствомъ, и о нихъ сама императрица мечтала только въ далекомъ будущемъ.

Вотъ какъ давно уже начинала высказываться характерная черта лучшей части московскаго купечества: стремленіе собирать то, что можетъ быть полезно интеллигенціи народа, желаніе помогать народному образованію. Но послѣ наполеоновскаго нашествія на Россію и громоваго отпора Москвы, роль московскаго купечества стала становиться все могучѣе и своеобразнѣе, вмѣстѣ съ ролью самой Москвы. «Разжалованная императоромъ Петромъ I изъ царскихъ столицъ, говоритъ Герценъ на одной изъ лучшихъ страницъ своей книги «Былое и думы», Москва была произведена императоромъ Наполеономъ въ столицу русскаго народа. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріателемъ, о своей кровной связи съ Москвою. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха». Что касается собственно до купечества, то оно стало занимать мѣсто прежняго барства, стало покупать дома и дворцы прожившихся и ступшевающихся Фамусовыхъ и графовъ Безуховыхъ, послѣднихъ остатковъ

Екатерининскаго времени, оно стало селиться въ этихъ дворцахъ и домахъ, среди старинныхъ ихъ библиотекъ и картинныхъ галлерей.

Рабы европейскихъ модъ и барскихъ замашекъ, русскіе аристократы въ продолженіе всего XVIII-го вѣка считали своею обязанностью везти съ собою, назадъ изъ Европы, тысячи книгъ, которыхъ они не читали, и тысячи картинъ, на которыя они не смотрѣли: всѣмъ этимъ тогда была мода — чваниться. «Noblesse oblige», вездѣ жужжали кругомъ нихъ, и вотъ они покупали книги и картины. «Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, — писалъ въ 1795 году князь Безбородко графу Воронцову, вдругъ — я очутился охотникомъ къ картинамъ. Съ моимъ жаркимъ стараніемъ, съ помощью друзей и съ пособіемъ до 100.000, издержанныхъ мною, менѣ чѣмъ въ три года, составилъ я хорошую коллекцію, которая числомъ и качествомъ превзошла Строгановскую... Но я долженъ сказать, что имѣя Орлеанскаго Теньера, Міериса, и Жирарда Доу, и, можно сказать, рѣдкіе пейзажи, я болѣе жадею на итальянцевъ... У меня есть Сальваторъ Роза, къ которому Строгановъ и профессеры часто съ визитою пріѣзжаютъ»... И такъ, русскій богатый аристократъ, въ продолженіе долгой жизни никогда не безпокоившійся какъ-нибудь особенно объ искусствѣ, вдругъ въ преклонныхъ годахъ принимается за новыя для себя «спортъ» — картины, «мотаетъ» на нихъ много денегъ, а въ сущности повинуется лишь модѣ. Но какъ ей было и не повиноваться, когда у него передъ глазами былъ примѣръ — множество другихъ баричей, русскихъ и иностранныхъ, а еще болѣе, примѣръ самой Екатерины II, которая, въ своей крайней прозаичности, не любила и не понимала никакихъ картинъ, но по общепринятой привычкѣ приказывала скупать для Россіи «лучшія галлерей» и основывала великолѣпную Эрмитажную галерею. За нею слѣдомъ шли всѣ ея вельможи и аристократы. Для того чтобъ быть настоящимъ тузомъ, въ тѣ времена требовалось имѣть свой театръ, свою оперу, свой балетъ, свои оранжереи, свои сады съ китайскими мостиками, каскадами и фонтанами, свою картинную галерею. Всѣ такъ и дѣлали, всѣ покорно исполняли требованіе моды, но въ корню тутъ не было ни дѣйствительной любви, ни потребности, ни охоты, все было только на-показъ для гостей, ничто никого тутъ не занимало въ сущности, никого не затрогивало взаправду. С в и н ѣ и н ѣ, въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ» 1820 года ¹⁾ перечисляетъ множество тогдашнихъ московскихъ галлерей, увѣряя при этомъ, что «вообще одна Англія можетъ соперничать съ Москвою въ количествѣ и качествахъ оригинальныхъ картинъ, разсыянныхъ по множеству домовъ и дачъ ²⁾».

¹⁾ Томъ III, „Письмо изъ Москвы“, стр. 59—83.

²⁾ Галлерей: гр. Головкина, кн. Юсупова, кн. П. М. Голицына, А. С. Власова, двухъ Тучковыхъ, двухъ Мосоловыхъ, Васильчикова, Бибикова, кн. М.

Но гдѣ онѣ всѣ? Давно ихъ и слѣдъ простылъ. Всѣ проданы, всѣ разсѣялись во всѣ концы. Пока онѣ существовали, эти галереи, по словамъ того же Свинына, хранились въ Москвѣ «подъ кровомъ невѣдѣнія не только для иностранцевъ, но и для самихъ насъ»—онѣ тѣшили только самолюбіе и чванство своихъ хозяевъ, а потомъ, когда эти хозяева не успѣли «кредиторовъ согласить къ отсрочкѣ», онѣ тотчасъ же были «распроданы по одиночкѣ», вмѣстѣ со всѣми «зефирами и амурами» крѣпостнаго балета. У тогдашнихъ баръ художество такъ мало, въ дѣйствительности, цѣнилось, что когда князь Ал. Мих. Голицынъ завѣщалъ созданной имъ въ Москвѣ Голицынской больницѣ всю свою картинную галерею, частью накопленную имъ самимъ, а частью еще раньше, его двоюроднымъ братомъ кн. Дм. Мих. Голицынымъ (нашимъ посломъ въ Вѣнѣ при Екатеринѣ II),—и при этомъ требовалъ въ своемъ завѣщаніи, чтобъ эта галерея была сдѣлана публичною, общедоступною, эту галерею взяли и продали въ 1816 г., а непроданное изъ нея разыграли въ лоттерей, и это—не взирая ни на какое духовное завѣщаніе ¹⁾). Вотъ на чемъ кончался барскій періодъ искусства въ Россіи.

Погромъ и пожаръ 1812 года не только много способствовалъ «къ украшенію Москвы», но еще перестановилъ и переворотилъ тамъ вверхъ дномъ всѣ прежніе порядки и отношенія. Начался новый періодъ. Барство стало сходить со сцены и замолкло, на мѣсто его выдвинулись новыя сословія, которыя поселились въ старыхъ барскихъ домахъ, у которыхъ явилась охота жить среди картинъ, статуй и рѣдкостей, какъ прежде князья и графы, и которыя имѣли возможность все купить, что вздумается. Началось это съ дворянства, какъ переходной ступени, а кончилось купечествомъ. Еще въ 20-хъ годахъ явилось множество магазиновъ, лавокъ и лавчонокъ, гдѣ можно было покупать, за безцѣнокъ, всѣ остатки роскоши барской. Появились магазины Лухманова, Шухова, Шульгина, также многихъ другихъ, гдѣ, по словамъ Свинына,

„часто встрѣчаются большія рѣдкости и драгоцѣнности, кон не только можно купить за сходную цѣну, но и вымѣнять на вещи, которыя болѣе не правятся или ненужны. Сія легкость и удобность къ приобрѣтенію изящныхъ произведеній и надѣлій, неизвѣстныхъ въ Петербургѣ, занимають съ пользою московское дворянство, большею частью необязанное должностями, и неприимѣтнымъ образомъ возрождаютъ въ немъ любовь къ художествамъ и наукамъ. Всякая приобрѣтенная вновь картина или вещь, кѣмъ-либо изъ охотниковъ,

М. Голицына, кн. Н. А. Голицына, генерала Ломоносова, кн. Н. Г. Щербатова, Высоцкаго, П. В. Бородина, А. С. Шульгина, кн. Н. А. Касаткина, гр. Ростопчина и т. д.

¹⁾ Сейделеръ, Московская Голицынская больница, Москва, 1865, т. I. „Завѣщаніе кн. А. М. Голицына 1805 г.“, стр. 106; письмо кн. С. М. Голицына къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ 1816 г., стр. 196.

доставляетъ удовольствіе другимъ любителямъ и знатокамъ собираться къ нему, рассматривать ее, разсуждать о ней, и возбуждать благородное соревнованіе, и такимъ образомъ проводить утро¹⁾.

Но «необязанное должностями дворянство» кончилось вмѣстѣ съ Александромъ I: при Николаѣ I оно уже все надѣло вицмундиръ и наполнило не только петербургскіе, но и московскіе департаменты и канцеляріи. Картинами и всякими искусствами завладѣло теперь уже купечество, благо что для покупки не надо было даже ѣздить и за границу: всего было довольно подъ рукою и въ Москвѣ. Прежнее барство потрудилося и запасло надолго впередъ для своихъ наслѣдниковъ.

И вотъ, вмѣстѣ съ перестановкою центровъ и сословія произошла вдругъ, съ самого же начала царствованія императора Николая, и большая перемѣна въ понятіяхъ. Выступила на сцену новая идея: идея русскаго искусства. Отъ иностранныхъ картинъ, только и извѣстныхъ, только и любимыхъ у прежняго русскаго барства, начинался переходъ къ картинамъ своимъ, національнымъ, русскимъ.

Въ предисловіи къ каталогу своего «Русскаго музея», Свиньинъ говорилъ:

„Нѣтъ въ свѣтѣ земли, которая бы имѣла способы, равные Россіи, для составленія отечественнаго музея, столь разнообразнаго и богатаго во всѣхъ отношеніяхъ. Возвратясь изъ чужихъ краевъ, въ 1816 году, и возложивъ на себя обязанность, собственнымъ своимъ опытомъ узвать свое отечество, я вознамѣрился воспользоваться моими поѣздками по Россіи, чтобы собирать все любопытное, достойное примѣчанія по части древностей и издѣлій отечественныхъ, но скоро вынужденнымъ нашелъ сознаться, что способы частнаго человѣка были бы весьма недостаточны, для приведенія въ исполненіе всего объема отечественнаго музея“.

„Исслѣдуя безпристрастно степень успѣховъ нашихъ въ художествахъ, я нашелъ основательными причины думать, что есть возможность составить русскую школу, если употребить стараніе пріобрѣтать тѣ произведенія русскихъ художниковъ, кои совершены ими были въ первыхъ порывахъ огня и честолюбія,—въ порывахъ, скоро погашенныхъ равнодушіемъ ихъ соотечественниковъ, скоро убитыхъ пристрастіемъ нашимъ къ иноземному. Предпріятіе весьма трудное, требующее не только денегъ, но необыкновенныхъ способствъ, глубокаго изученія, однако удобоисполнимое; ибо, несмотря на малое время и невозможность употреблять большой капиталъ, я уже имѣю такіа произведенія живописи и скульптуры, что не стыдно поставить ихъ между произведеніями лучшихъ мастеровъ всѣхъ извѣстныхъ школъ, что они не затмились бы въ первѣйшихъ галлерейхъ²⁾“.

¹⁾ „Отеч. Записки“, 1820, томъ III, стр. 230.

²⁾ Краткая опись предметовъ, составляющихъ Русскій музей Павла Свиньина. 1829. Въ этомъ музеѣ были слѣдующіе отдѣлы: 1) собраніе живописныхъ произведеній российскихъ художниковъ (82), 2) произведеній скульптурныхъ (49), 3) миниатюрныхъ портретовъ царствующихъ и знаменитыхъ особъ (30), 4) стариннаго серебра, 5) историческихъ медалей, 6) минеральнаго кабинета, 7) бібліотека.

Въ своемъ безконечно преувеличенномъ патриотизмѣ, Свиньинъ конечно глубоко заблуждался, ставя на одну доску съ картинами великихъ европейскихъ художниковъ картины Егорова, Шебусье, Венеціанова, Щедрина, Угрюмова, Сазонова, и имъ подобныхъ, которыя однѣ только и представляли собою въ его время русскую школу; но все-таки ему принадлежитъ та великая честь, что онъ первый заговорилъ съ симпатіей и почтеніемъ про «русскую школу» и «русскій музей», и старался обратить вниманіе русской публики на русскіе сюжеты, такіе, какіе являлись въ принадлежавшихъ ему картинахъ: «Марѳа посадница», Сазонова, «Янъ Ушмовецъ», Угрюмова, «Русская кружевница», Тропинина, «Малороссіянинъ, закуривающій трубку», его же, «Молодая крестьянка, вырывающаяся изъ рукъ красиваго ярославца», Синявскаго, «Головки русскихъ крестьянъ», Венеціанова, «Мастерская Венеціанова», Алексѣева, «Мальчикъ, убирающій комнату», Зеленцова, «Пьяный мужикъ со штофомъ въ рукахъ», Златова, «Мальчикъ со свѣчкой», Крылова, «Семейство казанскихъ татаръ», Курляндцева, «Жевскія бани», Летунова, и т. д. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были посредственны или плохи, однакоже навѣрное ничѣмъ не посредственнѣе и не плоше большинства современныхъ имъ картинъ нѣмецкихъ, французскихъ или итальянскихъ. Но тѣ смѣло красовались въ своихъ отечественныхъ музеяхъ, а русскія—не смѣли о томъ и подумать.

Однакоже, сколько ни было доброй воли, ревности и охоты къ своему дѣлу у Свиньина, но денегъ у него было мало, и, просуществовавъ всего лѣтъ 10 на свѣтѣ, его «Русскій музей» былъ распроданъ въ розницу въ 1829 году.

Однакоже идея его не погибла. Уже скоро послѣ продажи его музея, въ Москвѣ стали все сильнѣе и сильнѣе подумывать объ искусствѣ національномъ, стали проповѣдывать, что оно есть задача нашего времени. Талантливый, образованный, умный и самостоятельный профессоръ Московскаго университета, Надеждинъ, даже и до сихъ поръ почти вовсе у насъ не опѣненный и не знаемый, высказывалъ въ своей высоко замѣчательной (особливо въ то время) статьѣ: «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ» слѣдующія мысли:

„Современныя явленія художественной дѣятельности возвожу я къ двумъ главнымъ, копъ суть, по моему мнѣнію: потребность естественности и потребность народности въ изящныхъ искусствахъ... По исключительной односторонности направленія, въ двухъ великихъ періодахъ, кои отжиты человѣческимъ родомъ, потребность естественности не могла быть вполне удовлетворена, даже часто оскорблялась, отъ избытка увлеченія къ одной любимой сторонѣ бытія... Въ безсмертныхъ памятникахъ греко-римской пластики, гдѣ все состояло въ изяществѣ контуровъ и положеній, сіе изящество простиралось за предѣлы, полагаемые законами физиче-

скаго образованія природы: величественный профиль олимпійскихъ безсмертныхъ жителей расширлся въ нихъ дальше прямиаго угла, составляющаго естественный типъ прекрасной физиономіи... Въ послѣдующія эпохи, мадонны Рафаэля слишкомъ идеальны, собесѣдники Паоло Веронезе слишкомъ ярки, ваяды Рубенса слишкомъ тѣсны, головы Рембрандта слишкомъ свѣты...⁴

Далѣе, указавъ на нынѣшнее новое направленіе искусства и попытки водворить въ искусствѣ естественность, при чемъ онъ ссылался на новѣйшія творенія Рауха (конная статуя Фридриха Великаго), статую Наполена на Вандомской колоннѣ, творенія Обера, Шарлэ, Скриба, Бальзака и т. д., Надеждинъ продолжалъ:

„Теперь, какъ необходимое слѣдствіе сей естественности, является другое, равно могущественное направленіе современнаго гениа къ народности. Разумѣю подъ нею патриотическое одушевленіе изящныхъ искусствъ, которое, пытаясь родными впечатлѣніями и воспоминаніями, отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ родное благодатное небо, родную святую землю, родныя дорогія преданія, родные обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величіе... Народность искусства не составляла, въ предшествовавшія времена, существенной потребности гениа, часто не имѣла никакой возможности, даже считалась грубостью, предрасудкомъ вкуса. Напротивъ, нынѣ каждая нація хочетъ любоваться сама собою въ своихъ искусственныхъ произведеніяхъ. Узы чужеземнаго вліянія всюду разрываются, ибо тяжесть ихъ съ часу на часъ становится ощутительнѣе, нетерпимѣе...“⁴).

Въ то же время, по мысли и по почину нѣсколькихъ частныхъ лицъ основывалось въ Москвѣ учрежденіе, которое должно было имѣть громадное вліяніе на русское искусство и на художественные вкусы публики.

Въ 1832 году, одинъ любитель-художникъ, Скарятинъ, соединившись съ нѣсколькими товарищами, тоже художниками (А. С. и В. С. Добровольскіе и И. Т. Дурновъ) основали рисовальные вечера, подъ названіемъ «натурнаго класса». Они всѣ учили безвозмездно. Потребность народная и влеченіе къ искусству сказались тогда быстро—и вскорѣ число учениковъ возросло до того, что не доставало мѣста для желавшихъ учиться. Въ 1833 году составилось общество для поддержанія дѣла, подъ названіемъ «Московское художественное общество». и всѣ лучшіе москвичи наперерывъ спѣшили сдѣлаться его членами, «натурный классъ» переименовался въ «художественный классъ». Съ 1844 года общество стало получать (благодаря энергическому ходатайству его членовъ) правительственную субсидію, и изъ прежняго, широко разросшагося «класса», создало знаменитое наше «Училище живописи и ваянія», игравшее такую громадную роль въ исторіи новаго русскаго искусства и давшее столько капитальнѣйшихъ русскихъ

⁴) Ученыя записки Московскаго университета 1833 года, іюнь, статья Надеждина: „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“; она была отпечатана также отдѣльнымъ томикомъ.

художниковъ. При этомъ замѣчательно, что, при самомъ началѣ этого училища, его истинная роль и значеніе въ будущемъ были необыкновенно зорко схвачены и выражены. Человѣкъ, особенно много потрудившійся въ образованіи училища, И. Г. Сенявинъ, достойный сынъ знаменитаго отца, адмирала, сказалъ въ своей рѣчи на торжественномъ открытіи училища, 5 декабря 1843 года, по всей вѣроятности не зная статьи Надеждина 1833 года:

„У насъ въ Россіи были прекрасныя услія нѣкоторыхъ внести въ наше искусство народныя стихіи. Но, конечно, въ этомъ отношеніи всего болѣе можетъ содѣйствовать Москва, гдѣ и фізіономія народа, и памятники древности, и историческія воспоминанія, все, все, призываетъ искусство изыщное къ новому раскрытію. Переиная черезъ сѣверную столицу сокровища западнаго художественнаго образованія, Москва назначена можетъ быть, чтобы дать ей свой національный характеръ. Красота русскаго народа, его живописная грація и пластическая сила прославлены нашими поэтами и ожидаютъ рѣзца ваятелей и кисти живописцевъ; русская природа вмѣщаетъ въ себѣ всѣ климаты міра, яркія краски сѣвера, мягкіе переливы красокъ природы южной, а наша живописная Москва, раскинувшаяся такими картинами по своимъ холмамъ и скатамъ, не ждетъ ли своихъ народныхъ живописцевъ?... Отъ насъ будетъ зависѣть образовывать тѣ русскіе таланты, которые есть, конечно, въ народѣ, но скрываются теперь безъ всякаго развитія. До того, правда, еще далеко; но пріятно, однако, мнѣ выразить вамъ свои предчувствія, и мысль, которая должна побуждать насъ къ неуспшной дѣятельности.“¹⁾

Эти предчувствія были истинно пророческія. Московская школа выполнила всѣ горячія ожиданія, она сдѣлалась истиннымъ разсадникомъ лучшаго, новаго русскаго искусства, самостоятельнаго, національнаго. И это главное, коренное стремленіе было такъ могуче, что одерживало верхъ надъ всѣми другими.

Это особенно ясно доказывается знаменитымъ семействомъ Боткиныхъ. Семейство это необыкновенно замѣчательно по количеству интеллигентныхъ индивидуумовъ, въ немъ народившихся, образовавшихъ почти исключительно себя самихъ, и потомъ игравшихъ очень значительную роль въ исторіи русскаго развитія. Я не буду уже говорить о гениальномъ Сергѣѣ Петровичѣ Боткинѣ, получившемъ извѣстность всемірную, но скажу нѣсколько словъ о тѣхъ изъ членовъ этой семьи, которыхъ дѣятельность касалась искусства.

Родоначальникомъ новаго поколѣвія этого семейства, въ продолженіе настоящаго столѣтія, былъ Петръ Кононовичъ Боткинъ, который, приобрѣтя свою чайною торговлею большое состояніе, конечно, могъ бы, какъ многіе его сверстники и товарищи, прожить потомъ всю остальную жизнь въ нѣгѣ, праздности, холѣ и довольствѣ. Но его влек-

¹⁾ „Москвитянинъ“, 1843 г., часть VI, № 11, стр. 536.

ло въ другую сторону. Онъ былъ человекъ безъ образованія, но съ большимъ умомъ, а главное, съ удивительно хорошими стремленіями и съ величайшимъ уваженіемъ къ людямъ образованнымъ. Онъ не любилъ видѣть сыновей своихъ, еще и дѣтьми, играющихъ и забавляющихся; онъ постоянно говорилъ имъ: «Ты читай, учись». И они читали и учились. Старшіе сыновья, отъ первой жены (урожденной Барановой), получили лишь домашнее образованіе, а потомъ въ школѣ, которой не кончили, потому что надо было помогать отцу по торговлѣ, но самый старшій, Василій, даже, сидя въ лавкѣ, постоянно читалъ, всего болѣе по-нѣмецки. Вторая жена Боткина-отца (урожденная Постникова), женщина крайне интеллигентная, имѣла великое вліяніе на своего мужа и уговорила его послать старшихъ двухъ сыновей, Василя и Николая, за-границу. И пребываніе за-границей не прошло для нихъ даромъ. Они получили солидное и прочное образованіе, всего болѣе по части искусства, вслѣдствіе прилежнаго изученія музеевъ и знакомства съ художниками. Это доказываютъ и напечатанныя В. П. Боткинымъ, еще въ 1835 году, замѣтки о его путешествіяхъ⁴⁾. Позже В. П. Боткинъ былъ въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ, Герценомъ, Бакунинымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ, особливо со времени появленія, въ 1845 году, его знаменитыхъ тогда «Писемъ объ Испаніи». Другой братъ, Николай, близко сошелся за-границей со Гоголемъ, Ивановымъ, Тырановымъ и вообще съ русскими художниками, жившими тогда въ Римѣ. Но, кромѣ того, въ Москвѣ, у самого Петра Кононовича, гостями нерѣдко бывали, въ 30-хъ—50-хъ годахъ: Пушкинъ, Кольцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, и гостили иногда по недѣлямъ, а Грановскій одно время жилъ у него въ домѣ. Оба сына его, Василій и Николай, имѣли потомъ много вліянія на образованіе не только членовъ своего собственнаго семейства, но также и своихъ современниковъ и согражданъ-москвичей. В. П. Боткинъ уговорилъ своего отца отдать въ университетъ двухъ изъ числа младшихъ братьевъ своихъ, Павла и Сергѣя, и тѣмъ помочь второму выйти на его настоящую, великую дорогу, на брата же Дмитрія сильно повліялъ въ дѣлѣ искусства укрѣпилъ и развилъ его художественныя наклонности, положилъ первую основу будущей превосходной картинной галлерей, подаривъ ему (въ 1851 году) нѣкоторыя изъ картинъ собственной коллекціи; Н. П. Боткинъ, своимъ вліяніемъ на отца, достигъ того, что самый младшій братъ семьи, Михаилъ Петровичъ, получилъ свое образованіе отъ Грановскаго, что сильно помогло ему впоследствии въ его карьерѣ художника, археолога, и замѣчательнаго коллектора; также помогаль совѣтомъ

⁴⁾ „Русскій въ Парижѣ“, „Отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ въ Италіи“, „Письмо изъ Италіи“, въ собраніи сочиненій В. Боткина, т. I.

и указаніемъ образованію нѣкоторыхъ картинныхъ коллекцій въ Москвѣ. Такимъ образомъ, крупное, значительное вліяніе высоко развитыхъ и художественно-настроенныхъ членовъ семьи Боткиныхъ—очевидно и несомнѣнно.

Но, относительно искусства, эта замѣчательная семья никогда не была настроена въ національномъ духѣ. Всѣ ея симпатіи и стремленія были, въ этомъ отношеніи, вполне космополитическія, общеевропейскія, и не заключали ровно ничего народническаго, никакого стремленія съ отгѣнкомъ отечественнымъ. Всѣ картины, собираемыя Василиемъ Петровичемъ и Дмитріемъ Петровичемъ Боткиными, бывали всегда иностранныя, такъ что даже, при распродажѣ этюдовъ и картинъ Александра Иванова, послѣ его смерти, В. П. Боткинъ купилъ только итальянскій пейзажъ—понтинскія болота, и копию Иванова, карандашомъ, съ Сикстинской мадонны Рафаэля, а Д. П. Боткинъ имѣлъ въ своей картинной галереѣ развѣ только такія русскія картины, которыя носили характеръ вполне иностранный (Харламовъ, Риццони, Дюккеръ, Боголюбовъ). Превосходныя художественныя коллекціи М. П. Боткина (за исключеніемъ картинъ и этюдовъ Александра Иванова) всѣ имѣли характеръ иностранный, и лишь въ послѣдніе годы онѣ стали наполняться предметами, имѣющими значеніе національное. Наконецъ, всѣ художественныя статьи В. П. Боткина, впрочемъ, очень замѣчательныя и интересныя, посвящены были прославленію великихъ созданій искусства греческаго, римскаго, средневѣковаго, времени возрожденія, и стремились къ изученію какого угодно искусства, только не русскаго: исключенія составляли только величайшія похвалы Брюллову, Пименову и нѣкоторымъ другимъ русскимъ художникамъ, у которыхъ нѣтъ ровно ничего ни національнаго, вообще, ни русскаго, въ особенности ¹⁾. Въ этомъ направленіи В. П. Боткинъ шелъ даже такъ далеко, что въ статьѣ своей объ академической выставкѣ 1855 года онъ говорилъ:

„Хранить чистоту вкуса, чистоту классическихъ преданій, хранить святыню правды и естественности въ искусствѣ—вотъ въ чемъ заслуга нашей Академіи и благотворность ея вліянія на русскую школу живописи. Искусство есть результатъ долгой и многосторонней жизни государства. Это лучшій цвѣтъ его, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь духъ его на-

¹⁾ „О греческой и готической архитектурѣ“—въ статьѣ: „О выставкѣ въ Московскомъ архитектурномъ училищѣ“. „Московскій Наблюдатель“. 1838 г., т. XVII, стр. 413.—„О послѣднемъ днѣ Помпей“, Брюллова,—въ статьѣ: „Выставка картинъ въ Московскомъ архитектурномъ училищѣ“, „Отечественныя Записки“, 1840 г., т. XIII, „Смѣсь“, стр. 23.—„О скульптурныхъ группахъ Пименова въ Исаакіевскомъ соборѣ“,—въ статьѣ: „Выставка въ Императорской Академіи художествъ“, „Современникъ“, 1855 г., т. LXIV, стр. 73—82. См. также указанная выше статьи въ I-мъ томѣ сочиненій В. П. Боткина.

рода; но цвѣтъ этотъ распускается только на почвѣ много и глубоко разра-ботанной. Правда, что идеалы искусства въ высшемъ своемъ развитіи всегда переходятъ за черты, раздѣляющія національности, и становятся общими идеалами духа человѣческаго, но для этого необходимо, чтобы первоначально идеалы эти самостоятельно выработывались на національной почвѣ, прошли весь трудный и сложный процессъ очищенія отъ всего частнаго — и изъ народнаго возвысились до обще-человѣческаго“... ¹⁾

Итакъ, національное казалось В. П. Боткину только частнымъ, отъ котораго надо «очищаться», и стремиться къ тому, что выше и правдивѣе! Такое настроеніе не можетъ не казаться нынче очень страннымъ, когда насъ уже не отуманиваютъ нѣмецкія эстетики, и когда курсы нѣмецкой идеальной философіи не имѣютъ уже той притягательной и законодательной силы, какую имѣли въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Всего же странно то, что такія малыя симпатіи къ національности въ искусствѣ исходили изъ той архи-національной среды, изъ которой изошли В. П. Боткинъ, и многіе, столько же, какъ и онъ самъ, интеллигентные товарищи его. Другое дѣло такіе люди, какъ Шевыревъ и другіе московскіе профессора, тоже всегда писавшіе и проповѣдывавшіе, въ тѣ времена, на тему о вѣчномъ, единомъ и идеальномъ искусствѣ. Они не могли не быть космополитами въ искусствѣ, когда не знали никакой, истинно народной, среды, даромъ что вѣкъ прожили въ Москвѣ, а, выѣхавъ изъ Россіи, проводили много времени въ Римѣ, въ русскомъ аристократическомъ домѣ (Шевыревъ у княгини Зин. Ал. Волконской), дѣля время между слѣпо боготворимыми итальянскими музеями и бесѣдой съ дорогими гостями своихъ хозяевъ, Торвальдсенами, Каммучини и другими классически-настроенными художниками. Другъ Шевырева, профессоръ Погодинъ, называлъ даже все это «живую эстетическую школу для Шевырева» ²⁾. Все это понятно, и люди эти ничѣмъ инымъ не могли и быть, какъ космополитами въ дѣлѣ искусства. Но такіе коренные русскіе и москвичи, какъ В. П. Боткинъ и разнообразныя его товарищи!

Впрочемъ, сколько всѣ они ни ошибались, ихъ усилія были благородны, стремленія ихъ прекрасны, они всѣ желали способствовать укрѣпленію искусства на русской почвѣ — и это было достойно всякой симпатіи, это принесло нашему отечеству много истинной пользы.

И все-таки, «западничество» же этихъ благородныхъ людей не въ состояніи было одержать верха надъ кореннымъ народнымъ настроеніемъ Москвы: она не измѣнила настоящему основному своему призванію, такъ и глубоко вѣрно понятому и высказанному Бѣлинскимъ: «назна-

¹⁾ „Современникъ“, 1855 г., т. LIV, октябрь, статья В. П. Боткина: „Выставка въ Императорской Академіи художествъ“.

²⁾ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, 1869 г., т. 141, статья Погодина: „Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ“.

ченіе Москвы состоятъ въ удержаніи національнаго начала и противуборствѣ иноземному вліянію». Значительнѣйшими, наиважнѣйшими московскими художниками вышли тѣ, которые выполняли именно эту задачу: (Федотовъ, Перовъ, Владиміръ Маковскій, Прянишниковъ, Суриковъ и множество другихъ); значительнѣйшими и наиважнѣйшими московскими картинными галереями вышли тѣ, которыя взяли себѣ задачею собраніе именно ихъ не-космополитическихъ созданій (въ противоположность прежнему московскому барству): таковы были галереи Солдатенкова, Хлудова, и другихъ, такую сдѣлалась, и выше и сильнѣе всѣхъ, картинная галерея Третьякова.

Исторія поворотила дѣло прямо наоборотъ противъ мыслей и понятій В. П. Боткина: новое искусство русское пошло не отъ національнаго ко всеобщему, «очистясь» отъ перваго и горячо стремясь къ послѣднему,—нѣтъ, оно пошло отъ всеобщаго, космополитическаго, къ національному и здѣсь завоевало всѣ свои лавры.

III.

Павель Михайловичъ Третьяковъ родился въ Москвѣ, 15 декабря 1832 года. Онъ никогда не былъ ни въ какой школѣ, гимназій или университетѣ, и образованіе получилъ домашнее. Воспитаніе это не могло быть слишкомъ обширно, потому что съ равнихъ лѣтъ онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Сергѣемъ, находиться въ отцовской лавкѣ и конторѣ, и помогать въ торговомъ дѣлѣ отцу своему, Михаилу Назаровичу, торговавшему полотномъ и проч. Однакоже, съ самаго почти дѣтства онъ горячо любилъ чтеніе, въ юношескихъ годахъ самъ себя образовалъ, прочитавъ въ оригиналахъ все, что только было доступно въ русской литературѣ каждому сколько-нибудь образованному человѣку въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, а также все лучшее изъ иностранной литературы въ русскомъ переводѣ. Въ этихъ же самыхъ годахъ, и тоже начиная съ дѣтства, П. М. Третьяковъ полюбилъ гравюры и литографіи съ историческими и вообще интересными сюжетами, и ревностно собиралъ ихъ, покупая большинство на рынкѣ, въ маленькихъ лавочкахъ.

Въ концѣ 1850 года скончался Михаилъ Назаровичъ Третьяковъ, и съ этихъ поръ начинается новый періодъ въ жизни его старшаго сына, Павла Михайловича. Ему уже было 18 лѣтъ, страсть къ художественнымъ произведеніямъ разрослась въ немъ все болѣе и болѣе, а для удовлетворенія этой страсти у него оказалось теперь гораздо бо-

лѣе противъ прежняго средствъ. Онъ очутился человѣкомъ самостоятельнымъ, съ состояніемъ независимымъ, довольно значительнымъ, главное же веденіе коммерческаго дѣла лежало не на его плечахъ: умирая, отецъ его благословилъ старшую дочь свою Софью на бракъ съ давнишнимъ главнымъ помощникомъ своимъ по торговому дѣлу, В. Д. Кошницкимъ, который сдѣлался, такимъ образомъ, не только компаньономъ двухъ молодыхъ Третьяковыхъ, Павла и Сергѣя, но и руководителемъ и главнымъ хозяиномъ всего коммерческаго ихъ дѣла. Счастье имъ повезло, и скоро фирма ихъ стала очень богата: Павелъ Михайловичъ получалъ все болѣе и болѣе возможности покупать себѣ на аукціонахъ и на рынкахъ небольшія картины.

Тогда еще онъ не помышлялъ о картинахъ русскихъ, да и не имѣлъ occasiōi гдѣ-нибудь знать о нихъ въ Москвѣ. Никакой общественной галереи тогда въ ихъ городѣ не было, а частныя коллекціи потихоньку накоплялись и росли въ разбросанныхъ домахъ, никому недоступныхъ и мало кому вѣдомыхъ. Важнѣйшая изъ нихъ, галерея К. Т. Солдатенкова, въ началѣ 50-хъ годовъ едва начинала зарождаться. Поэтому онъ началъ съ покупки картинъ иностранныхъ, картинъ съ именами болѣе или менѣе знаменитыхъ авторовъ, и содержавшихъ, по большей части, все только пейзажи, перспективы и изображенія животныхъ. До сихъ поръ уцѣлѣли у него въ домѣ нѣкоторыя изъ тогдашнихъ первыхъ его покупокъ. Таковы, напримѣръ, пейзажи—Бота, видъ—Капелле, растенія и мелкія животныя—Марселиса, все нидерландскихъ живописцевъ XVII-го вѣка.

Но, сдѣлавшись свободнымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, П. М. Третьяковъ сталъ отъ времени до времени ѣздить въ Петербургъ, по зимамъ. Его туда привлекала, во-первыхъ, опера петербургская—такъ какъ онъ всегда очень любилъ музыку, а во-вторыхъ—Эрмитажъ, о которомъ онъ давно уже слышалъ, но знаменитыя картины котораго были ему еще вовсе неизвѣстны. Наконецъ, онъ съ ними теперь познакомился и проводилъ въ эрмитажныхъ залахъ долгіе счастливые часы. Но его ожидало въ Петербургѣ еще одно наслажденіе: знакомство, котораго онъ вовсе даже не предвидѣлъ и не ожидалъ. Это—Прянишниковская галерея.

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ она была уже совершенно закончена. Такъ какъ она была не велика, всего около 150 картинъ, то вполнѣ достаточно было какихъ-нибудь 20 лѣтъ, для того, чтобъ она достигла этого полного своего состава; при томъ же, очень значительную (если не главную) долю ея составляли картины, не купленныя самимъ собирателемъ (обыкновенно за очень малую цѣну), а принесенныя ему въ даръ изъ благодарности молодыми художниками или подаренныя изъ почтенія, такъ какъ съ 1836-го года онъ былъ очень дѣятель-

нымъ членомъ Общества поощренія художниковъ, а съ 1840-года,— очень дѣятельнымъ и вліятельнымъ вице-президентомъ этого общества. Но каково бы ни было происхожденіе этой коллекціи, она была въ значительной степени интересна и важна: во-первыхъ, она продолжала осуществленіе идеи Свиныина—создать собраніе картинъ и сключительно русскихъ¹⁾, во-вторыхъ, она собрала, и навсегда, нѣкоторое количество картинъ, представителей русской живописи второй половины прошлаго вѣка и первой нынѣшняго. Правда, большинство этихъ представителей были посредственны или даже плохи, потому что, даже по словамъ льстиваго біографа Прянишникова, этотъ «русскій меценатъ» началъ съ того, что «покупалъ картины, чтобы помочь художникамъ, потомъ слабѣйшія произведенія мѣнялъ на болѣе совершенныя, и художники съ любовью несли къ нему свои произведенія. Такъ изъ добраго желанія помочь ближнему родилась и выросла прекрасная картинная галлерей, украшающая нынѣ художественное отдѣленіе Московскаго Публичнаго «Румянцевскаго музея»²⁾. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ мѣны, въ этой галлерей было и осталось, къ сожалѣнію, очень много безцвѣтнаго, сухаго и не талантливаго, носящаго на себѣ плоды сострадательнаго выбора. Однакоже все-таки тутъ было съ десятокъ произведеній истинно-художественныхъ и высоко-замѣчательныхъ. Таковы, на примѣръ, двѣ лучшія картины Ѳедотова, составляющія переломъ и эру въ новомъ русскомъ искусствѣ: «Послѣ пирушки» и «Сватовство маіора»; портретъ священника, Левицкаго; талантливейшіе портреты Брюллова: князя А. Н. Голицына, и самого художника. Эти-то произведенія, вмѣстѣ съ аціо на л ь н о й задачей галлерей, сильно и дѣйствовали на молодаго Третьякова, который и самъ носилъ внутри себя зерно любви и наклонность къ русской національной живописи. Въ началѣ 1857 года онъ рѣшилъ, что отъ сихъ поръ будетъ приобрѣтать только картины русскія, и для начала купилъ первую русскую картину—это именно «Искушеніе», молодаго тогдашняго художника Ш и л ь д е р а, получавшаго одобрительныя медали отъ Академіи художествъ. Сюжетъ картины былъ не безъинтересенъ и представлялъ молодую бѣдную швею, которую какая-то пожилая «мадамъ» старается деньгами уговорить на какое-то некрасивое дѣло. Съ этихъ поръ онъ оставилъ въ сторонѣ заботу объ иностранныхъ картинахъ и болѣе не купилъ ихъ ни одной въ продолженіе всей своей жизни.

¹⁾ Въ галлерей Прянишникова даже перешли нѣкоторыя изъ картинъ галлерей Свиныина, напр. „Кружевница“, Тропинина, аллегорія „Сатурнъ обрѣзываетъ крылья Амура“, Акимова.

²⁾ Ѳ. И. Прянишниковъ и его картинная русская галлерей. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 57.

Вскорѣ потомъ онъ приобрѣлъ еще картину Худякова, «Финляндскіе контрабандисты», затѣмъ, въ 1858 году, «Разношика» Якоби и на распродажѣ картинъ и этюдовъ знаменитаго Иванова, послѣ его смерти, — маленькую женскую голову (этюдь для Іоанна Крестителя) и маленькій пейзажъ; наконецъ, въ 1859 году, картинку барона М. П. Клодта «У постели больного мужа». Эти покупки (небольшія, какъ всегда у начинающихъ коллекторовъ) придавали ему все болѣе и болѣе охоты и куражу къ выполненію его художественной задачи, а между тѣмъ Прянишниковская галерея не выходила у него изъ головы. Въ концѣ 50-хъ годовъ стали носиться въ Петербургѣ и Москвѣ слухи о томъ, что Прянишниковъ, уже очень старый, дряхлый и болѣзненный, подумываетъ о продажѣ своей галереи, и П. М. Третьяковъ тотчасъ задумалъ приобрести ее всю цѣликомъ. Но его устрашала цѣна — 70—80.000 руб., и онъ не рѣшался, надѣясь, что Прянишниковъ не скоро найдетъ покупателя, и, быть можетъ, черезъ нѣсколько времени сбавитъ цѣну. Но случилось то, чего онъ никакъ не ожидалъ. Въ 1860 году Прянишниковъ предложилъ министерству двора купить у него галерею его за 70.000 рублей, съ разсрочкою платежа на 10 лѣтъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Правда, дѣло это не достигло тогда же своего выполненія; оно было, по недостатку средствъ, отложено до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, и галерея Прянишникова куплена правительствомъ (за 70.000 съ разсрочкой) лишь въ 1867 г., послѣ кончины Прянишникова, но въ настоящее время П. М. Третьяковъ все-таки уже не могъ болѣе на нее разсчитывать. Тогда онъ, увидя свои надежды разрушенными, рѣшилъ: собрать самъ большую галерею русскихъ картинъ, такую, которая была бы продолженіемъ и пополненіемъ Прянишниковской галереи. Отъ сихъ поръ началась его дѣятельность, систематическая и строго опредѣленная.

Надо замѣтить, что не одна Прянишниковская галерея сильно вліяла въ это время на П. М. Третьякова, разгорячала его воображеніе и устремляла его врожденное чувство любви къ русскому искусству на приобретение замѣчательнѣйшихъ его произведеній. Онъ былъ свидѣтелемъ того громаднаго подъема художественнаго духа, который проявился въ Петербургѣ и Москвѣ, при появленіи въ Россіи картины Иванова. Патріотическое и художественное чувство давно уже было возбуждено и высоко поднято знаменитыми статьями Гоголя объ Ивановѣ; а теперь еще болѣе неожиданною смертью этого послѣдняго и слухами, что ни въ какой общественный музей не хотятъ приобретать прославленнаго созданія Иванова. Тутъ уже общественное мнѣніе вдругъ стало высказываться съ необыкновенною силою. Москвичи страстно заколебались, болѣе всѣхъ другихъ, какъ всегда у нихъ бываетъ по поводу дѣла, которое они считаютъ общимъ, всенароднымъ.

Стали образовываться компаніи для покупки, въ складчину, картины и всѣхъ около нея группировавшихся этюдовъ Иванова разомъ; богачъ Кокоревъ собирался совершить эту покупку одинъ, самъ, безъ участія кого бы то ни было другаго, а когда картина была куплена правительствомъ, то всѣ этюды, эскизы и наброски въ нѣсколько дней были раскуплены русской публикой, всего болѣе москвичами. Самъ П. М. Третьяковъ участвовалъ въ этомъ горячемъ порывѣ, но еще не рѣшался затрачивать большихъ суммъ, какъ другіе, и купилъ всего двѣ небольшія картины; но общее страстное настроеніе провело глубокую черту и на его душѣ.

Другой фактъ, конечно, вліявшій на него въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, это было то, можно сказать, художественное повѣтріе, которое тогда носилось надъ Москвой и заставляло множество индивидуумовъ изъ публики, особенно изъ купечества, приобретать картины, и иногда основывать цѣлыя коллекціи и галереи.

Въ 1850-хъ годахъ основались такія коллекціи у К. Т. Солдатенкова, на примѣръ, у В. А. Кокорева, Г. И. Хлудова, С. А. Мазурина и другихъ. Самой ранней и самой значительной, по превосходному составу и прочности долгаго существованія, должно признать картинную галерею К. Т. Солдатенкова. Основаніе ея относится къ 1852 году. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ онъ приобрѣлъ отъ покровительствуемаго имъ художника Раева, картины: «Ангелы, возвѣщающіе небесную кару Содому», Ломтева, портретъ, Тропинина, а изъ другихъ рукъ 8—9 иностранныхъ малозначительныхъ картинъ (Шлагорста, Макса, Карла Маратта, Гибнера, Рааба, Дребера, Марка), но все это были приобретенія можно сказать случайныя, не заключавшія въ себѣ ни плана, ни направленія, ни важности содержанія, ни особеннаго таланта. Настоящее собраніе коллекціи Солдатенкова началось съ 1852 года, когда онъ поѣхалъ въ Италію. Тамъ онъ сошелся, черезъ своего стариннаго пріятеля, Ник. Петр. Боткина (знакомаго съ нимъ, равно какъ и братъ его, Василій Петровичъ Боткинъ, еще съ 1847 года), со знаменитымъ Ал. Андр. Ивановымъ и сталъ просить его руководства для основанія русской картинной галереи. Вначалѣ Ивановъ покупалъ для него фотографіи съ капитолійскихъ и ватиканскихъ статуй, архитектурныхъ римскихъ видовъ и съ разныхъ картинъ римскихъ галлерей, но когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, Солдатенковъ написалъ ему: «Прошу васъ покупать для меня, что вы замѣтите хорошаго у русскихъ художниковъ—мое желаніе собрать галерею только русскихъ художниковъ», то Ивановъ охотно принялъ это порученіе и указывалъ картины: Антона Иванова, Жамста и Давыдова (пейзажистовъ), Сорокина (историч. живописца) ¹⁾ и т. д. Нѣ-

¹⁾ А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка. С-Петербургъ 1880 г., письма Иванова къ К. Т. Солдатенкову отъ декабря 1852 г. и мая 1855 г., стр. 277, 285.

которыя изъ этихъ картинъ К. Т. Солдатенковъ приобрѣлъ тогда же. Но самымъ важнымъ приобретениемъ его былъ большой эскизъ картины Иванова «Явленіе Христа народу» — эскизъ ближайшій къ картинѣ. Но К. Т. Солдатенковъ получилъ его не ранѣе, какъ послѣ смерти художника, въ 1858 году (за 5.000 рублей), а вмѣстѣ купилъ и нѣсколько отличныхъ его этюдовъ. Кромѣ того, самъ К. Т. Солдатенковъ купилъ, въ 1852 году, въ Римѣ, эффектную «Вирсавію» Брюллова и нѣкоторыя другія картины русскихъ художниковъ, а въ Петербургѣ — «Вдовушку» Оедотова. Все это вмѣстѣ дѣлало собраніе картинъ Солдатенкова очень замѣчательнымъ. Вся Москва его знала и имъ любовалась, — П. М. Третьяковъ въ числѣ другихъ. Въ теченіе послѣдующихъ 40 лѣтъ, К. Т. Солдатенковъ никогда не измѣнялъ своему дѣлу, его галерея сильно разрослась, и содержитъ нынѣ многія замѣчательныя русскія картины. Сюда относятся: «Проповѣдь въ селѣ», «Деревенскія похороны» и «Чаепитіе въ мытищахъ» — Перова; четыре картины Владиміра Маковского: «Дьячокъ», «Торговка», «Деревня», «У камеры мирового»; «Сцена изъ Варооломеевской ночи» — Гуна; «Сцена въ харчевнѣ» — Попова; «Купеческія поминки» — Журавлева; «Переселенцы» — Иванова, и др.

Собраніе картинъ В. А. Кокорева начало образовываться также въ началѣ 50-хъ годовъ. Въ 1861 году, ко времени его открытія въ особо для него выстроенномъ зданіи, оно заключало свыше 500 картинъ, изъ которыхъ половина — русской школы: одного Брюллова было 42 картины, Айвазовскаго — 23, прочія были произведенія старинныхъ нашихъ живописцевъ: Левицкаго, Боровиковскаго, Угрюмова, Матвѣева, двухъ Щедриныхъ, Варнека, Кипренскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Многія картины Брюллова приобретены были отъ писателя А. Н. Струговщикова, пріятеля Брюллова; большинство же другихъ русскихъ картинъ сбывалъ Кокореву Н. Д. Быковъ, бывшій надзиратель въ Академіи художествъ, потомъ управляющій у золотопромышленника Соловьева. Галерея Кокорева просуществовала, однакоже, не долго, менѣе 10 лѣтъ, и послѣ банкротства Кокорева была распродана въ розницу ¹⁾.

Съ 1858 года начала образовываться коллекція картинъ Дм. Петр. Боткина, составленная изъ превосходныхъ картинъ иностранныхъ мастеровъ: Жерома, Мейсонье, Добиньи, Тройона, Розы Бонёръ, Галлѣ, Вотьѣ, Калама, Ахенбаховъ, Кнауца, и др. Картины эти покупались частью еще въ Москвѣ и Петербургѣ, отъ картинныхъ торговцевъ

¹⁾ Въ 1869 году П. М. Третьяковъ купилъ изъ нея нѣсколько хорошихъ русскихъ картинъ; прочія, русскія, также приобретены наследникомъ цесаревичемъ, нынѣ Императоромъ Александромъ III, а лучшія иностранныя — Дм. Петр. Боткинымъ.

Тоньолати, Палацци, Негри, банкира Марка, любителей: Смирнова, Борисовскаго, купца Левенштейна, частью куплены Д. П. Боткинымъ, во время его путешествій, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Она также заключала нѣсколько картинъ русскихъ живописцевъ: Ал. Андр. Иванова, Перова, Риццони, Харламова.

Съ конца же 50-хъ годовъ стала составляться картинная галерея Г. И. Хлудова ¹⁾. Онъ положилъ ей основаніе, купивъ у юноши Перова, только-что выступавшаго впервые могучаго таланта, его «Пріѣздъ становаго на слѣдствіе»—въ 1857 году, и «Первый чинъ дьячковскаго сына», въ 1858 году. Въ теченіе 60-хъ годовъ къ нимъ прибавилось нѣсколько другихъ хорошихъ картинъ: «Разборчивая нежѣста»—Федотова, «Вирсавія»—Брюллова (эскизъ), «Вдовушка»—Капкова, пейзажи Айвазовскаго и Боголюбова, «Таверна» и «Рыночекъ»—Риццони, и другія. Коллекція эта болѣе не существуетъ въ своей цѣлости. Послѣ смерти Г. И. Хлудова, она раздѣлена между его наследниками.

Всѣ эти вновь образующіяся галереи, все это художественное движеніе, наполнявшее Москву, не могло до нѣкоторой степени не производить глубокаго впечатлѣнія на П. М. Третьякова, на его намѣренія и дѣятельность.

Наконецъ, что еще имѣло огромное вліяніе на сформированіе художественной натуры и вкуса П. М. Третьякова, это были его путешествія по Европѣ, начавшіяся съ 1860 года и возобновлявшіяся съ тѣхъ поръ всякій годъ. Не взирая на то, что онъ мало владѣлъ европейскими языками, онъ, съ гидомъ и картой въ рукахъ, ревностно и тщательно пересмотрѣлъ почти всѣ европейскіе музеи, переѣзжая изъ одной большой столицы въ другую, изъ одного маленькаго итальянскаго, голландскаго или нѣмецкаго городка въ другой. И онъ сдѣлался настоящимъ, глубокимъ и тонкимъ знатокомъ живописи. И все-таки, онъ не терялъ главную свою цѣль изъ виду, онъ не переставалъ заботиться всего болѣе о русской школѣ.

Отъ этого, его картинная галерея такъ мало похожа на другія русскія наши галереи. Она не есть случайное сборище картинъ, она есть результатъ знанія, соображенія, строгаго взвѣшиванья и, всего болѣе, глубокой любви къ своему дорогому дѣлу. Крамской писалъ ему 5-го октября 1874 года: «Меня очень занимаетъ, во все время знаком-

¹⁾ Его родной братъ, А. И. Хлудовъ, былъ страстнымъ собирателемъ древне-русскихъ и древне-славянскихъ рукописей. Его великолѣпная коллекція принадлежитъ теперь, по его завѣщанію, Преображенскому монастырю, подъ Москвою.

ства съ вами, одинъ вопросъ: какимъ это образомъ могъ образоваться въ васъ такой истинный любитель искусства? Я очень хорошо знаю, что любить разумно—очень трудно...»

Возвратившись изъ чужихъ краевъ и не имѣя болѣе надежды пріобрѣсти Прянишниковскую галерею, П. М. Третьяковъ принялся за формирование своей собственной и тутъ же рѣшилъ принести ее въ даръ русскому народу. Ему было тогда всего 30 лѣтъ. Въ такихъ годахъ еще никогда никто не дѣлалъ подобныхъ національныхъ художественныхъ даровъ своей націи. По мысли, по широкости задачи, онъ уподоблялся тѣмъ великимъ душою флорентскимъ купцамъ XV вѣка, предшественникамъ эпохи Возрожденія, которые, наживъ огромныя состоянія и высоко образовавъ сами себя, употребляли ихъ не на роскошь и пиры, а на великіе подвиги въ пользу науки и искусства, на помощь молодымъ талантамъ, на образованіе библиотекъ и художественныхъ галлерей, и давали ихъ своему городу на всеобщее пользованіе. Таковы были, за 400 лѣтъ до Третьякова, знаменитые купцы Медичи (Козьма и Лаврентій), и еще болѣе изумительный ихъ предшественникъ, купецъ Никколо Никколи¹⁾. Въ теченіе 35 почти лѣтъ онъ создалъ галерею въ такихъ размѣрахъ, въ такой полнотѣ и съ такимъ значеніемъ, что она никому и ничему не служить продолженіемъ, а образуетъ полное и самостоятельное цѣлое, ни отъ чего другаго не зависящее и ни къ чему другому не примыкающее.

Во время своей энергической и неутомимой дѣятельности, П. М. былъ близко знакомъ, иногда находился въ отношеніяхъ тѣсной дружбы съ выдающимися русскими художниками. Такъ напр., съ 1860 года—съ Перовымъ, съ 1869 года—съ Крамскимъ, съ 1870 года—съ Н. Н. Ге, позже—быть можетъ еще съ другими, и, естественнымъ образомъ, не рѣдко бесѣдовалъ съ ними, изустно или письменно, о любимомъ своемъ дѣтищѣ, русскомъ искусствѣ, но никогда не находился ни подъ чьимъ вліяніемъ. М. П. Боткинъ пишетъ мнѣ: «На Третьякова особенно никогда никто не вліялъ. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ характера чрезвычайно замкнутого и мало сообщительнаго. Онъ никогда не говоритъ о своихъ планахъ, пріобрѣтеніяхъ, и, бывало, только можно догадываться, что онъ собирается что-либо пріобрѣсти, когда начнетъ спрашивать, или отбирать мнѣніе о художественномъ произведеніи...» Крамской въ своей извѣстной превосходной статьѣ противъ статьи г. Аверкіева также говоритъ:

„Я знаю Третьякова давно и давно убѣдился, что на него никто не имѣетъ вліянія, какъ въ выборѣ картинъ, такъ и въ его личныхъ мнѣніяхъ. То же самое говорилъ мнѣ и Перовъ, звавшій его гораздо болѣе и ближе

¹⁾ Voigt, Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder das erste Jahrhundert des Humanismus, Berlin 1882, I B. глава III.—Eugène Müntz Les précurseurs de la Renaissance, Paris, 1882, chapitres III et IV.

моего. Если и были художники, полагавшіе, что на него можно было вліять, они должны были потомъ отказаться отъ своего заблужденія. Третьяковъ никогда не посѣщаетъ мастерскія художниковъ въ сопровожденіи лицъ, которыхъ можно было бы принять за суфлеровъ. Онъ всегда одинъ. Манера его держаться въ мастерской и на выставкахъ—величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не можетъ сказать впередъ, какая картина имѣетъ вѣроятіе быть имъ купленною. Картину онъ никогда не покупаетъ по началу, а тѣмъ болѣе по эскизу. Только когда картина ковчена совсѣмъ, она можетъ стать предметомъ переговоровъ... Теперь (1885) онъ все приобретаетъ на выставкахъ, а въ мастерской только у очень хорошо извѣстныхъ ему художниковъ. Поэтому всегда и на всѣ выставки онъ долженъ являться первымъ, чтобы имѣть возможность не упустить намѣченнаго¹⁾

Сами обстоятельства, самый тотъ періодъ времени, когда П. М. Третьяковъ создавалъ свою галерею, помогали ему и способствовали тому, чтобы онъ собралъ такую русскую коллекцію, съ которою никакая предшествующая не можетъ равняться. До начала 50-хъ годовъ вышнѣшняго столѣтія, русское искусство дѣлively купалось въ потемкахъ полнаго и слѣпаго подражанія, и только съ помощью Федотова впервые выглянуло въ 1848 и 1849 годахъ на вольный воздухъ. Съ 50-хъ годовъ выдвигается на сцену новая порода художниковъ, и ихъ-то юныя, смѣлыя, оригинальныя созданія Третьяковъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ, сталъ цѣнить, любить и жадно собирать. Въ 1861 году онъ покупаетъ у Перова (съ которымъ передъ тѣмъ только-что познакомился) его «Крестный ходъ»—не перестающій и до сихъ поръ быть поразительнымъ, у Якоби—«Привалъ арестантовъ», а это такія картины, которыхъ никогда бы не рѣшился купить прежній собиратель Прянишниковъ, оставной франкмасонъ и ревностный поклонникъ печальнѣйшихъ казенныхъ порядковъ. Въ томъ же году онъ купилъ «Послѣднюю весну» барона М. П. Клодта, въ 1862—«Живописца-дилетганта» Перова, въ 1863—превосходную «Осень» барона М. К. Клодта, въ 1864—«Выходъ изъ церкви» Морозова и «Проводы начальника» Юшанова, въ 1865—знаменитый «Гостинный дворъ» Прянишникова, въ 1867—«Чтеніе Талмуда» Риццони, «Закатъ» барона М. К. Клодта и «Рубку дѣса» Шишкина, въ 1868—«Омушку-сыча» Перова и т. д.

Все это были картины очень замѣчательныя, но малыхъ размѣровъ и не очень значительной цѣнности: П. М. Третьяковъ не имѣлъ еще возможности и еще не рѣшился покупать всѣ тѣ хорошія созданія новаго русскаго искусства, которыя онъ признавалъ значительными. Поэтому-то имъ не были куплены тотчасъ же при ихъ появленіи: «Неровный бракъ», Пукирева (1862) и «Княжна Тараканова», Флавицкаго (1863) Онъ ихъ приобрѣлъ уже позже, отъ первоначальныхъ ихъ собственниковъ, когда самъ сталъ владѣть большими уже средствами, и

¹⁾ Ив. Ник. Крамской, его жизнь и переписка, стр. 737.

когда картины бѣльшихъ и бѣльшихъ размѣровъ стали наполнять его галерею.

Въ 1869 году П. М. Третьяковъ началъ знакомство съ Крамскимъ. Крамской не имѣлъ еще тогда той громкой репутаціи, которою пользовался впоследствии у нашей публики, но товарищи по художеству и люди истинно понимающіе уже уразумѣвали, что такое этотъ юноша въ средѣ русскаго искусства, и обращались къ нему съ великимъ почтеніемъ. Зоркій и чуткій П. М. Третьяковъ тоже не могъ въ немъ ошибиться, а потому вошелъ съ нимъ въ переписку, и сталъ дѣлать ему заказы. Для начала онъ попросилъ, чтобы Крамской написалъ ему съ натуры портретъ Гончарова. Портретъ писался долго (благодаря безконечнымъ помѣхамъ со стороны Гончарова), но отношенія между Третьяковымъ и Крамскимъ скоро сдѣлались самыя тѣсныя и близкія, и такими они остались до самой смерти Крамскаго. П. М. Третьяковъ постоянно велъ съ нимъ бесѣду о всемъ, интересовавшемъ его въ искусствѣ, хотѣлъ слышать его мнѣніе о всѣхъ новыхъ произведеніяхъ русскіхъ художниковъ, и, покупая многія лучшія между ними, прибрѣталъ постоянно всѣ самыя замѣчательнѣйшія картины и портреты Крамскаго.

Вслѣдствіе того, въ Третьяковской галереѣ находятся такія крупныя созданія Крамскаго, какъ портретъ графа Льва Толстаго (1873), Д. В. Григоровича (1876), Некрасова больнаго (1877), Литовченки (1878), потомъ Антокольскаго, Шишкина, Васильева (1871); картины: «Христосъ» (1872), «Неутѣнное горе» (1884). Многія изъ нихъ писаны прямо по просьбѣ и заказу П. М. Третьякова (Гончарова, графа Льва Толстаго, Некрасова, Григоровича).

Съ 1870-хъ годовъ дѣятельность П. М. Третьякова становится все шире, сильнѣе, смѣлѣе и разностороннѣе. Къ этому времени коммерческія дѣла Третьяковской фирмы разрослись до громаднхъ размѣровъ, удача ихъ не покидала и состояніе Третьяковыхъ сдѣлалось очень крупнымъ. П. М. Третьяковъ получилъ возможность не стѣсняться въ прибрѣтеніяхъ для своей любезной галереи. Но въ то же время, въ 1872 году, лучшіе и талантливѣйшіе русскіе художники сплотились въ Товарищество, самостоятельное, самобытное, съ русской задачей, и скоро привлекли въ свою среду всѣ лучшія русскія художественныя силы. Выставки этого Товарищества стали центромъ русскаго творчества, и все, что тутъ являлось самаго талантливаго и замѣчательнаго, тотчасъ переходило въ галерею Третьякова. Крамской писалъ ему однажды (15 апрѣля 1878 года):

„Что нужно дѣлать, какіе шаги должно сдѣлать русское искусство, какія ближайшія задачи исторически на очереди?—М а с т е р с к і я и ш к о л ы. И то, и другое должно дать или государство, если оно русское, или общество,

если оно существует. Государство не дастъ теперь, потому что оно не русское, общество не дастъ, потому что его вообще еще нѣтъ, а если и есть нѣсколько десятковъ человѣкъ во всей Россіи, то они такъ разбросаны и мѣста ихъ жительства такъ мало извѣстны, что единственный адресъ, мнѣ, да и всѣмъ, мало-мальски думающимъ русскимъ художникамъ извѣстный, одинъ—это: Лаврушевскій переулокъ, приходъ Николы...“¹⁾

Въ теченіе 70-хъ годовъ, въ галерею П. М. Третьякова поступило множество превосходныхъ русскихъ картинъ новой русской школы. Самыя замѣчательныя и талантливыя между ними: «Птицеловъ»—Перова (1870)²⁾, «Въ пріемной у доктора»—Вл. Маковского (1870), «Странникъ»—его же (1870), «Портретъ пѣвца Петрова» (1870), «Охотники на привалѣ»—его же (1871), «Петръ I съ царевичемъ Алексѣемъ»—Гѣ (1871), «Грачи прилетѣли»—Саврасова (1871), «Варягъ варенье»—Вл. Маковского (1871), «Рыболовъ»—Перова (1871), портреты Достоевскаго, Даля, Погодина—его же (1872), «Порожняки»—Прянишникова (1872), «Мокрый лугъ» и «Оттепель»—Ө. Васильева (1872), «Христосъ»—Крамскаго (1872), «Сельская школа»,—Морозова (1872), «Чтеніе манифеста 19 февраля 1861 г.»—Мясоедова (1873), «Любители соловьевъ»—Вл. Маковского (1873), портретъ гр. Льва Толстаго—Крамскаго (1873), «Чумацкій трактъ»—Куинджи (1874), «Приходъ колдуна на крестьянскую свадьбу»—Максимова (1875), портретъ Д. В. Григоровича—Крамскаго (1876), «Раздѣлъ»—Максимова (1876), «Съ квартиры на квартиру»—Васнецова (1876), портретъ Некрасова—Крамскаго (1877), «Передъ исповѣдью»—Корзухина (1877), «Протодіаконъ»—Рѣпина (1877), «Невѣста»—Журавлева (1878), «Встрѣча иконы»—Савицкаго (1878), «Царевна Софія»—Рѣпина (1879), «Сѣверъ», «Березовая роща» и «Послѣ грозы»—Куинджи (1879), «Обѣздъ владѣній»—Кузнецова (1879), «Заключенный»—Ярошенко (1879), «Ходатай по дѣламъ»—Вл. Маковского (1879). Сверхъ того, въ разные годы, приобретено нѣсколько превосходныхъ пейзажей Шишкина, каковы: «Рубка лѣса» (1867), «Горѣлый лѣсъ» (1878), «Рожь» (1878), «Еловый лѣсъ», «Папоротники въ лѣсу», «Въ лѣсу» и многіе другіе.

Наконецъ, въ 80-хъ и 90-хъ гг. приобретено опять-таки очень много превосходныхъ вещей, и, въ большинствѣ случаевъ, можно сказать, почти всѣ самыя капиталныя картины русской школы. Это зависѣло отъ того, что лучшіе русскіе художники достигли высшей своей зрѣлости и выпускали изъ своей мастерской значительнѣйшія свои созданія. Правда,

¹⁾ Галерея Третьякова въ Москвѣ.

²⁾ Эта картина куплена была П. М. Третьяковымъ для его брата Сергѣя, и 22 года находилась у него на дому, но теперь она перешла въ общую Третьяковскую галерею.

Перова не было уже болѣе на свѣтъ, Ѳ. Васильева—также, Крамской заканчивалъ свою художественную дѣятельность, за то другіе крупные художники шли въ теченіе этихъ годовъ все выше и выше и придавали новый блескъ русской школѣ. Почти всѣ лучшія ихъ произведенія поступили въ Третьяковскую галерею. Таковы, въ особенности, картины наивысшаго изъ русскихъ художниковъ—Рѣпина. Въ теченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ имъ написаны, великолѣпные портреты: Писемскаго (1880), Мусоргскаго (1881), его собственной жены—«Отдыхъ» (1882), Гаршина (1883), Мясоедова (1886), графа Льва Толстаго (сидящій въ креслѣ) и «Левъ Толстой на пашнѣ» (1887), Глинка въ эпоху созданія «Руслана» (1887)¹⁾, портретъ Микѣшина (1888), проф. Съченова (1889), баронессы Искуль (1889), изумительныя картины: «Крестный ходъ» (1883), «Не ждали» (1884); «Иванъ Грозный съ сыномъ» (1885) «Арестъ» (1888—89), «Исповѣдь» (1886).—Суриковъ, послѣ очень замѣчательныхъ картинъ своихъ: «Стрѣлецкая казнь» (1881), «Меньшиковъ на о. Березовѣ» (1883), далъ полную трагизма истинно историческую картину свою: «Боярыня Морозова» (1889). Неизсякаемый въ своемъ талантѣ, юморъ и правдѣ Вл. Маковскій овладѣлъ наконецъ долго недостигаемую имъ правдою и прелестью колорита, и написалъ такія картины, какъ: «Дѣловой визитъ» (1881), «Крахъ банка» (1881), «Свиданіе» (1883), «Выговоръ» (1883), «Секретъ» (1884), «Политики» (1884), «За дѣкарствомъ» (1884), «Семейное дѣло у мирового судьи» (1884), «На бульварѣ» (1887), «Объясненіе» (1891), «Иконникъ» (1891), наконецъ великолѣпный портретъ проф. Сорокина (1891). Въ эти же годы выступили замѣчательно талантливые новые пейзажисты: Дубовскій, Левитанъ, жанристы: Архиповъ, Ивановъ, Косаткинъ, Рябушкинъ.

Но кромѣ всѣхъ этихъ картинъ, приобрѣтенныхъ для галереи Третьякова каждая отдѣльно, эта галерея приобрѣла нѣсколько цѣлыхъ огромныхъ собраній разомъ.

Первымъ было собраніе картинъ и рисунковъ В. В. Верещагина изъ его путешествій въ Туркестанъ. Довольно извѣстны необычныя событія, сопровождавшія продажу этой знаменитой галереи картинъ: выставка 1874 года, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ такимъ наплывомъ публики, какого еще отроду не видано и не слыхано было въ Россіи, кажется, съ перваго и до нынѣшняго дня ея существованія; упорное воздержаніе художественной администраціи, въ Петербургѣ, отъ покупки; всеобщій восторгъ, не знавшій предѣловъ; энтузіазмъ московскихъ знатоковъ (частныхъ лицъ); противодѣйствіе петербургскихъ (Академіи); изумительная покупка всей коллекціи П. М.

¹⁾ Несравненная картина эта написана по просьбѣ и заказу П. М. Третьякова.

Третьяковымъ (отказавшимся отъ всякихъ компаньоновъ и помощниковъ), наконецъ непостижимое сопротивленіе московскаго училища живописи, когда П. М. Третьяковъ захотѣлъ подарить ему всю эту коллекцію. Все это было изумительно, непостижимо, больно—но П. М. Третьяковъ былъ твердъ и непобѣдимъ. Онъ не сталъ слушаться даже своего искренняго стариннаго друга, Перова, которому давно привыкъ довѣрять въ дѣлахъ художества, но который, подъ конецъ жизни ставъ вдругъ неожиданно консерваторомъ, перешелъ къ образу мыслей академическихъ ретроградовъ и былъ врагомъ Верещагина и его картинъ: даже и его не послушался П. М. Третьяковъ и—купилъ Верещагинскую коллекцію вопреки непріятностямъ со всѣхъ сторонъ, потому что ясно понималъ, какое крупное дѣло онъ совершаетъ для своего отечества. Крамской писалъ ему 6 сентября 1874 г.: «Вы, къ несчастію, тронуты тѣмъ, что называется идеей, и за то роковымъ образомъ, вмѣсто награды, должны быть наказаны. Зачѣмъ такъ міръ устроенъ?». Изъ перваго путешествія Верещагина въ Туркестанъ П. М. Третьяковымъ куплено, въ 1874 г., 144 картины и этюда; изъ втораго путешествія, 1869—1871 года—127 рисунковъ карандашомъ.

Изъ картинъ турецко-болгарской войны 1877 года, П. М. Третьяковъ приобрѣлъ всего лишь семь, такъ какъ не счелъ возможнымъ согласиться на условія, которыя предлагалъ ему В. В. Верещагинъ, принимаясь писать цѣлый рядъ картинъ изъ исторіи этой войны. Это именно: «Послѣдній привалъ», «Побѣжденные» (Панихида), «Ципка-Шеново» (Скобелевъ подъ Шибкою), «Подъ Плевною» (Штурмъ 30-го августа 1877), «Передъ атакой», «Баши-бузукъ», «Послѣ атаки».

На аукціонѣ, 1880 года, картинъ и этюдовъ Верещагина изъ его индѣйскаго путешествія, П. М. Третьяковъ купилъ цѣлое собраніе замѣчательныхъ картинъ. «Во время этого аукціона, говоритъ Крамской, Третьякова укоряли, что онъ надбавлялъ свои цѣны, не глядя даже на картины. Между тѣмъ, у него по каталогу раньше было отмѣчено 54 номера, которые онъ «долженъ былъ приобрести» (какъ онъ выражался), и упустилъ изъ нихъ только 3 или 4, да и тѣ въ настоящее время уже въ его галлерей...¹⁾»

Послѣ смерти Сергѣя Иванова, П. М. Третьяковъ купилъ изъ его наслѣдства, при содѣйствіи М. П. Боткина, множество этюдовъ А. А. Иванова, которые, вмѣстѣ съ четырьмя этюдами изъ коллекціи С. М. Третьякова²⁾, съ нѣсколькими этюдами, купленными изъ собранія К. С.

¹⁾ „Крамской, его жизнь и переписка“, стр. 738.

²⁾ Голова мальчика пиффераро, голова подымающагося (въ картинѣ), „Villa Dogia“, видъ изъ Помпеи на Каstellамаре.

Мазурина ¹⁾), и съ двумя этюдами, купленными самимъ П. М. Третьяковымъ еще въ 1858 году, образуютъ въ галереѣ «Ивановскую коллекцію» изъ 83 пьесъ.

Послѣ возвращенія В. Д. Полънова изъ путешествія на Востокъ, въ 1885 году, П. М. Третьяковъ приобрѣлъ 102 этюда (виды и перспективы) изъ разныхъ мѣстностей Турціи, Египта, Сиріи и Палестины.

Наконецъ, къ самое послѣднее время, П. М. Третьяковъ приобрѣлъ цѣлое собраніе эскизовъ Васнецова, для росписанія имъ собора св. Владиміра въ Кіевѣ.

Не забудемъ, что галерея Третьякова содержитъ нѣкоторое количество старыхъ русскихъ картинъ, XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка; но онѣ заключаютъ интересъ только историческій и служатъ для пополненія общаго представленія о русской школѣ. Лишь рѣдкія между ними замѣчательны даже и по технику.

Въ продолженіе всѣхъ 36-ти лѣтъ существованія галереи, владѣлецъ ея никогда не переставалъ заботиться не только о ея увеличеніи и приращеніи, но также объ усовершенствованіи ея состава. Такъ, на примѣръ, онъ не пожалѣлъ никакихъ денегъ, хлопотъ и стараній, чтобъ добыть для галереи какъ можно болѣе картинъ и рисунковъ (нынче рѣдчайшихъ) Федотова и Шварца, и оба эти крупнѣйшихъ художника представлены у него въ галереѣ превосходнымъ образомъ. Но, въ то же время, иныя, болѣе слабыя, картины онъ старался промѣнять на лучшія, или инымъ образомъ удалить изъ своей коллекціи. Въ іюль 1891 года онъ мнѣ писалъ: «Я знаю, что у меня не всегда строгій выборъ, — далеко нѣтъ, но многое мѣняють года... Я не тороплюсь дѣлать «чистки и изгнанія» въ моей галереѣ, именно потому, что время мѣняетъ взгляды, и вотъ поэтому-то я не дѣлаю еще каталога моей галереи, въ виду могущей быть «чистки». Очень было бы мнѣ интересно, чтобъ мнѣ указали слабые номера галереи...» Но, конечно, здѣсь еще новый разъ высказывается скромность П. М. Третьякова: никто лучше, справедливѣе и вѣрнѣе его не въ состояніи былъ бы указать на картины, подлежащія «чисткѣ», еслибы когда-нибудь она понадобилась

Собираниемъ рисунковъ онъ началъ заниматься довольно поздно. Даже въ ноябрѣ 1879 года онъ писалъ мнѣ: «У меня нѣтъ коллекціи рисунковъ, а такъ только—нѣсколько...» Но съ 1880 года количество рисунковъ русской школы такъ увеличилось у него, что нынче въ Третьяковской галереѣ—ихъ уже 471. Скульптуръ въ Третьяковской галереѣ всего меньше: только 10 (половина происходитъ изъ собранія С. М.

¹⁾ Голова Іоанна Крестителя, голова апостола Андрея, двѣ головы сомиѣвающагося, голова фарисея въ чалмѣ, двѣ головы изъ дальняго плана, три головы въ правой группѣ.

Третьякова). Въ последнее время, какъ мнѣ извѣстно изъ его писемъ, онъ-было думалъ заняться собраніемъ произведеній русской скульптуры—и, конечно, это собраніе вышло бы у него превосходнымъ, какъ все, чтò онъ предпринималъ по части русскаго художества, но его смутила катастрофа съ «Христіанской мученицей» Антокольскаго, выполненной по его заказу изъ мрамора (ее сломали при отправкѣ съ Петербургской выставки въ Москву), и онъ отступился отъ своего намѣренія. Дай Богъ, чтобъ это было только временно.

Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ началъ свою художественную коллекцію гораздо позже старшаго брата—лишь съ 1870 года: если не ошибаюсь, первая, купленная имъ картина, была русская—«Птицеловъ», Перова, приобретенная для него, по его порученію, Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ. Затѣмъ, у него въ собраніи набралось еще нѣсколько русскихъ картинъ ¹⁾, но онъ скоро оставилъ въ сторонѣ заботу о приобрѣтеніи русскихъ, такъ какъ считалъ это излишнимъ, въ виду энергичной дѣятельности своего брата Павла. Онъ самъ взялъ на свою долю иностранныхъ живописцевъ и накопилъ цѣлыхъ 84 картины отличныхъ новыхъ европейскихъ мастеровъ. Но, послѣ кончины его, лѣтомъ 1892 года, въ его духовномъ завѣщаніи оказалось распоряженіе, что онъ присоединяетъ всѣ свои русскія и иностранныя картины, рисунки и скульптуры къ галлерей своего брата Павла, и для Третьяковской галлерей вообще отдаетъ ту половину Третьяковскаго дома, которая принадлежит ему ²⁾, но, сверхъ того, оставилъ капиталъ въ 125.000 рублей, проценты съ котораго онъ проситъ употреблять на приобрѣтеніе русскихъ живописныхъ или скульптурныхъ произведеній. И такъ, о приобрѣтеніи иностранныхъ картинъ тутъ нѣтъ уже болѣе помина. Принявъ приношеніе обоихъ братьевъ, московская дума рѣшила оставить галлерей въ пожизненномъ владѣніи и распоряженіи П. М. Третьякова, съ отпускомъ ему ежегодно 5.000 рублей на новыя приобрѣтенія.

Значить, каждому изъ насъ остается желать только одного: чтобъ чудная галлерей эта еще долго оставалась въ рукахъ и подъ распоряженіемъ П. М. Третьякова, и чтобъ многія еще сокровища русскаго искус-

¹⁾ Главныя между ними, кромѣ этюдовъ Иванова: Штернбергъ—«Этюдъ листьевъ»; О. Васильевъ—«Крымскій видъ, въ горахъ»; баронъ М. К. Клодтъ—«Вечерній видъ въ деревнѣ» (1874); Гунъ—«Попался» (1875), Лагорио—«Берегъ Капры» и другія, всего около 25 вещей.

²⁾ Скоро послѣ смерти отца своего, П. М. и С. М. Третьяковы купили, на Замоскворѣчьи, въ Лаврушевскомъ переулкѣ, домъ купца Шестова, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 40 почти лѣтъ, домъ этотъ принадлежалъ имъ совместно.

ства, все новых и новых русских талантливых художников, обогащали залы созданнаго Третьяковыми великаго народнаго памятника.

Многія изъ писемъ П. М. Третьякова заключаютъ его мнѣнія и замѣтки о русскомъ искусствѣ и русскихъ художникахъ, полныя интереса, значенія и мѣткости. Таковы, особенно, его отзывы объ А. А. Ивановѣ, Крамскомъ, Верещагинѣ и многихъ другихъ нашихъ живописцахъ, о ихъ натурѣ, талантѣ, характерѣ, дѣятельности. Но такъ какъ въ настоящее время нѣтъ еще возможности давать въ печати выписки изъ писемъ къ разнымъ личностямъ, къ которымъ, кромѣ меня, писалъ П. М. Третьяковъ, и такъ какъ, сверхъ того, рѣчь идетъ тутъ часто о людяхъ еще живыхъ, то я вижу себя, къ сожалѣнію, вынужденнымъ писемъ этихъ покуда вовсе не касаться.

В. Стасовъ.

Письмо севастопольца ¹⁾.

Авторъ этого письма бывшій воспитанникъ Инженернаго училища, въ послѣдствіи профессоръ и членъ конференціи Николаевской инженерной академіи, нынѣ находящійся въ отставкѣ генераль-лейтенантъ Адамъ Петровичъ Орда.

Будучи молодымъ офицеромъ, въ чинѣ подпоручика 6-го сапернаго баталіона, А. П. Орда съ первыхъ дней по прибытіи къ баталіону, въ Севастополь, въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года, поступилъ на мѣсто убитаго его товарища, поручика Есиповича, на камчатскій люнетъ. Затѣмъ, съ 18-го мая по 10-е августа, завѣдывалъ работами на Малаховомъ курганѣ и на 2-й оборонительной линіи лѣвой горжи этого кургана, а въ послѣдствіи, до дня послѣдняго штурма, всѣми оборонительными работами на Малаховомъ курганѣ ²⁾ и на куртинахъ вправо и влѣво.

Въ Высочайше пожалованной ему грамотѣ на орденъ св. Георгія, между прочимъ, говорится: «что А. П. Орда во время обороны Севастополя оказывалъ блистательные подвиги мужества, работая безсмынно днемъ и ночью въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ на Корниловскомъ бастионѣ, подъ ужаснѣйшимъ огнемъ и всегда на опаснѣйшихъ мѣстахъ. Когда непріятель усиленнымъ своимъ дѣйствіемъ заставлялъ молчать батареи Малахова кургана, и когда рано утромъ всѣ амбразуры были завалены, А. П. Орда съ храбрыми саперами,

¹⁾ Это письмо было написано въ 1855 г., въ Севастополѣ, въ послѣдніе мѣсяцы его знаменитой обороны.

²⁾ Малаховъ курганъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ названъ Корниловскимъ бастиономъ въ честь адмирала Корнилова, смертельно здѣсь равенаго во время бомбардированія 5-го октября 1854 года.

во время дня, расчищали одинъ и тѣ же амбразуры. Въ особенности всѣ свои усилія А. П. Орда направлялъ въ послѣдніе дни обороны для возобновленія верковъ, когда отъ сильнѣйшей бомбардировки разрушеніе ихъ было всеобщее.

Въ послѣдній день штурма (27-го августа) А. П. Орда былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ генералу Фросару, бывшему начальнику инженеровъ во французской атакѣ противъ укрѣпленій корабельной стороны. Генераль Фросаръ сталъ спрашивать Адама Петровича о томъ: минированъ ли Малаховъ курганъ и можетъ ли онъ взлетѣть на воздухъ? и когда на всѣ его вопросы г. Орда отвѣчалъ незнаніемъ, то генераль ему сказалъ: «Vous allez me dire la vérité à l'instant même, ou je vais vous fusiller dans trois minutes!» и приказалъ конвоировавшимъ г. Орду двумъ зуавамъ отвести его нѣсколько шаговъ въ сторону и прицѣлиться. Но получивъ снова отвѣтъ отъ г. Орды, что онъ ничего не знаетъ про мины, Фросаръ приказалъ вести г. Орду далѣе, въ главную квартиру генерала Пелисье, откуда А. П. Орда былъ отправленъ, какъ военнопленный, на Принцевы острова.

А. С.

28-го іюня 1855 года.
Севастополь. Главная квартира на Малаховомъ курганѣ.

Добрѣйшій Александръ Ивановичъ!

Извините, сдѣлайте одолженіе, Александръ Ивановичъ, что я такъ поздно взялся за перо, для того, чтобы поблагодарить Васъ за все хорошее, что Вы сдѣлали для меня; право, это произошло только оттого, что у меня постоянный недостатокъ времени, занятій ужасъ сколько. Сегодня я рѣшился все отложить въ сторону и исполнить какъ мой долгъ въ отношеніи Васъ, Александръ Ивановичъ, такъ и мое обѣщаніе писать къ Вамъ при первой возможности. Надѣюсь, что Вы будете столь добры и простите мое до сихъ поръ молчаніе; оно рѣшительно произошло отъ недостатка времени.

Благодарю и не перестаю благодарить Васъ за письма, которыя Вы были такъ добры, дали мнѣ. Они мнѣ принесли много пользы. Благодаря имъ, приемъ мнѣ былъ сдѣланъ вездѣ болѣе чѣмъ ласковый, такъ

что меня поразило даже подобное обращеніе со стороны начальниковъ. Владиміръ Петровичъ ¹⁾ разспрашивалъ много о Васъ, и просилъ меня передать Вамъ, что теперь рѣшительно не имѣетъ времени отвѣтить Вамъ, но при первой возможности не замедлитъ это сдѣлать. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ (который раненъ пулею въ ногу, но которому теперь гораздо лучше) тоже самое принялъ и принимаетъ меня самымъ лучшимъ образомъ, и остался совершенно такимъ, какъ былъ въ Петербургѣ; на немъ вовсе не замѣтно, чтобы былъ генералъ и занималъ столь важное мѣсто. Бирюлеву ²⁾ я до сихъ поръ не имѣлъ возможности вручить Вашего письма, потому что его теперь нѣтъ въ Севастополѣ; онъ живетъ за 50 верстъ отсюда, на Бельбекѣ, а я же, съ своей стороны, не могу отлучиться такъ далеко.

Теперь позвольте, Александръ Ивановичъ, сказать Вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Вы, можетъ быть, слышали, что я, прїѣхавъ сюда 20-го мая, сейчасъ же былъ назначенъ старшимъ инженернымъ офицеромъ на Камчатскій редутъ, за смертью Есиповича (умершаго отъ ранъ), занимавшаго это мѣсто. Первые дни моего тамъ пребыванія я провелъ довольно спокойно. Но вдругъ, 25 мая, раздалось 8 выстрѣловъ съ парохода непріятельскаго, затѣмъ залпъ изъ штуцеровъ, въ траншеяхъ и, наконецъ, залпъ изъ всѣхъ батарей. Это было въ 3 часа дня. За первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, третій—и пошелъ батальный огонь орудїйный. Такъ началась бомбардировка, преимущественно направленная на Камчатскій, Селенгинскій и Волюнскій редуты и позади ихъ лежащіе бастионы №№ 1 и 2, Корниловъ, № 3 и на лѣвый уголъ 4-го бастиона. Конечно, такъ какъ редуты были далеко выдвинуты впередъ и при штурмѣ первые должны были встрѣчать французовъ, то на нихъ былъ направленъ самый сильный огонь изъ всѣхъ батарей, которыя только могли по нимъ дѣйствовать и, кромѣ того, французы поставили впереди Камчатки, просто въ траншеѣ, до 18-ти полупудовыхъ мортиръ, для стрѣльбы по редуту бомбами и гранатами, малыми зарядами, приравливая выстрѣлы эти такъ, чтобы снарядъ ложился или на валу, или сейчасъ же за валомъ, на банкетѣ или платформахъ—эти-то послѣдніе выстрѣлы были самые вредные для насъ. Усиленный огонь ихъ продолжался до вечера, ночью немного ослабѣлъ, но съ разсвѣтомъ начался съ прежнею силою. Я не былъ въ 1-ой и 2-ой бомбардировкахъ, поэтому не могу объ нихъ судить, но, какъ всѣ здѣсь говорятъ, что огонь 25-го и 26-го мая былъ несравненно сильнѣе, нежели въ первые дни бомбардировки, въ особенности потому, что непріятель дѣйствовалъ преимущественно разрывными снарядами изъ гораздо большаго

¹⁾ Командиръ 6-го сапернаго баталіона, полковникъ Ползиковъ.

²⁾ Флигель-адъютантъ, полковникъ Николай Алексѣевичъ.

числа орудій и, кромѣ того, подошедши къ намъ ближе, чѣмъ 28-го марта, имѣлъ возможность стрѣлять шрапнелевою картечью—впрочемъ, эти послѣдніе выстрѣлы наносили намъ немного вреда. Судя по усилённости огня непріятельскаго, по неумолкаемости нашего огня, можно съ достаточною вѣрностью предположить, что французы выпустили, по крайней мѣрѣ, снарядовъ по 700 изъ каждаго орудія. Не знаю, сколько у нихъ орудій дѣйствовало тогда по всей линіи, но противъ Камчатки орудій было до 100. Эти же самыя орудія дѣйствовали и по Корнилову бастиону. Съ 3-хъ часовъ дня до 8 вечера, 25-го мая, мы старались приблизительно счесть число ядеръ, бомбъ, гранатъ, упавшихъ на редуть, ово превосходило 4.000. Огонь по нашей линіи былъ самый адскій, несмотря на постоянное заваливаніе амбразуръ, на обрушеніе мерлоны, на подбитіе станковъ, орудій и платформъ, усиленная и постоянная работа саперовъ и рабочихъ подъ этимъ огнемъ давала возможность постоянно отвѣчать на ихъ выстрѣлы и взорвать 3 пороховые погреба къ вечеру. Вообще, стрѣльба ихъ прицѣльная не очень хороша, наши же дѣйствуютъ прицѣльными выстрѣлами превосходно. Навѣсная у нихъ сильнѣе нашей только числомъ мортиръ и большимъ калибромъ, но опять не вѣрнѣе нашей. Калибръ ихъ ужасенъ, 7-ми пудовыя бомбы и 3-хъ пудовыя ядра, бросаемыя съ элевационныхъ станковъ орудіями 10-ти-дюмоваго калибра, конечно, наносятъ много вреда, но зато стрѣльба изъ нихъ не совсѣмъ вѣрна по сильному отклоненію снаряда отъ направленія выстрѣла. Вообще, стрѣльба ядрами приносила только пользу намъ, съ каждымъ ядромъ, попавшимъ въ валъ, насыпь становилась надежнѣе, потому что трамбовалась. Иногда только 3-хъ-пудовыя ядра пронизывали валъ насквозь, хотя онъ очень и очень толстъ, во это самыя рѣдкіе случаи. Такъ продолжалось время до 6-го часу вечера 26-го мая. Какъ меня Богъ вынесъ изъ этого ада цѣлымъ, не понимаю. Въ 6-мъ часу сильныя французскія колонны, предшествуемыя сильною застрѣльческою его цѣпью и охотниками съ штурмовыми аппаратами, показались и пошли на штурмъ, часть ихъ пошла съ фронта, а другая обошла Камчатку и прорвалась съ тыла. Мы, послѣ кровопролитнаго дѣла, въ которомъ успѣли снова-было захватить редуть, отступили, и каждый французъ, показавшійся за Камчаткой, съ цѣлью идти на Корниловъ бастионъ, находилъ себѣ смерть. Множество ихъ тѣлъ лежало во рву Корнилова бастиона и по всему полю, отъ Камчатки до Малахова кургана. Тутъ я былъ сильно контуженьъ разрывомъ бомбы въ лѣвую ногу. Чтò выстѣ съ побитіемъ нѣсколько разъ камнями во время бомбардировки не было чувствительно подъ огнемъ, но на другой день сильно отозвалось, такъ что я принужденъ былъ отправиться на перевязочный пунктъ и пролежать въ постели цѣлую недѣлю. Слава Богу, припарки и пѣивки принесли много пользы, такъ что я, хотя немного

съ трудомъ, отправился снова на службу 4-го іюня, на мѣсто новаго моего назначенія, на Корниловъ бастіонъ, подъ начальство завѣдывающаго работами на 4-мъ отдѣленіи 4-го сапернаго баталіона, капитана Матвѣева. На курганъ насъ четверо офицеровъ: я, Лежевскій, Полакинъ и Бениславскій. Каждый имѣеть свою дистанцію и на ней днемъ и ночью работаетъ. Я имѣю всю оборонительную линію, съ батареями на ней, между кургавомъ и 3-мъ бастіономъ. Только-что оправившись, я снова попалъ подъ огонь, потому что 5-го, на разсвѣтѣ, открылась снова бомбардировка, гораздо сильнѣе прежней, а ночью превратилась просто въ дождь огненный; бомбы падали постоянно вдругъ по 7, по 10, и ядра, и гранаты, и ракеты, къ этому если Вы прибавите огонь съ флота непріятельскаго, то можете понять, какая это была картина чудная. Я въ моей жизни не видѣлъ и не увижу подобнаго чуднаго фейерверка. Это рѣшительно было свѣтопреставленіе. Штурмъ ихъ былъ отбитъ съ огромною потерей, такъ что, я думаю, они до сихъ поръ не могутъ отъ нея оправиться и сидятъ совершенно спокойно, стрѣляя очень мало. Но эта тишина не къ добру и, вѣроятно, скоро наступитъ снова гроза. Скажу Вамъ правду, что мы привыкли до такой степени къ гулу орудій, что когда рѣдкая, какъ, напимѣръ, теперь, пальба, то просто невыносимо тяжело; а какъ только начинаетъ разыгрываться потѣха, такъ и легче становится на сердцѣ. Тогда всѣ мы выходимъ изъ землянокъ и спѣшимъ каждый на свою дистанцію полюбоваться зрѣлищемъ и работаемъ, какъ чернорабочіе, подъ огнемъ. Нерѣдко приходится самому брать лопату и полѣзать въ амбразуру, въ которой горятъ туры, или въ которой щеки обвалились, отъ постоянно падающихъ туда бомбъ, ядеръ и прочихъ удовольствій. Солдаты храбръ, но дѣлается въ два раза храбрѣе, когда видитъ офицера впереди, а подъ сильнымъ огнемъ, когда необходимо какъ можно живѣе все исправить, офицеръ долженъ самъ взять лопату и работать, какъ солдатъ, тогда люди полѣзутъ въ амбразуру и тогда работа будетъ просто горѣть въ ихъ рукахъ.

Мнѣ не достаетъ словъ, чтобъ описать всѣ примѣры самоотверженія нашихъ саперовъ, это первые люди въ мірѣ. Саперъ не задумается полѣзть въ амбразуру, гдѣ только-что убило его товарища и вырвало 15 рабочихъ (?), одинъ предъ другимъ тѣмъ больше, когда видятъ офицера впереди, забывающаго все и всѣхъ и подающаго собою примѣръ. Вотъ каковы защитники Севастополя. Здѣсь нельзя сказать: этотъ храбрѣе того—всѣ одинаково храбры, готовы на все, готовы умереть на мѣстѣ, но наказатъ непріятеля за каждый шагъ, на который онъ подается впередъ, оттого такъ трудно французамъ, что каждый ихъ шагъ впередъ долженъ быть сперва облитъ ихъ кровью. Вотъ уже десятый мѣсяць, какъ длится славная оборона наша, а посмотрите, чтò успѣли

французы? Укрѣпленія наши такъ же грозны, такъ недоступны, какъ и было прежде, одна разница, что съ каждымъ днемъ воздвигаются новыя преграды, новыя батареи, ставятся новыя орудія. Нужно отдать справедливость, что матросы народъ удивительный. Матросы и саперы— это герои изъ героевъ.

Бомбардировка наноситъ болѣе вреда имъ, чѣмъ намъ—хотя укрѣпленія и страдаютъ, но это все быстро, подъ огнемъ же, приводится въ исправность, а духъ гарнизона возвышается отъ этого. Солдатъ до того бываетъ озлобленъ, видя, что по немъ стрѣляютъ, а онъ сидитъ на мѣстѣ и не можетъ пойти впередъ штыкомъ наказать враговъ, что пустите его тогда,—никакая въ мѣръ армія не устоитъ тогда. Недостанетъ ружей, найдутся приклады, они сломаются, то еще камни, кулаки, зубы многое и многое сдѣлаютъ. Однимъ словомъ, нѣтъ похвалъ для нашихъ войскъ: передъ защитниками Севастополя нужно благоговѣть.

Однакоже, я расписался, не думаю, чтобы Вамъ достало терпѣнья все, что здѣсь намарано, прочесть. Мнѣ пора на работу, и поэтому я долженъ кончить письмо мое, посылая Вамъ поклонъ мой всенижайшій.

Истинно обязанный и навсегда преданный

А. Орда.

Вообразите, Александръ Ивановичъ, что въ день 26-го мая я понесъ потерю, которой никогда не прощу зуавамъ; они были до того невѣжливы, что изволили захватить мою солдатскую шинель. Я за 6-е іюня представленъ къ чину.

ТАЛЕЙРАНЪ И ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ.

Когда Талейранъ въ 1838 году умеръ, Альфредъ де-Виньи записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую рѣзкую, но правдивую оцѣнку этого знаменитаго дипломата:

«Талейранъ скончался. Партіи оскорбили его память и дошли до того, что позволили себѣ написать: во Франціи стало только однимъ безчестнымъ человѣкомъ менѣе. Вообще негодованіе вполне оправдывается его жизнью. На его имени огромное пятно, заключающееся въ томъ, что онъ сдѣлался типомъ изящнаго и оплачиваемаго измѣнника»¹⁾.

Послѣ выхода въ свѣтъ его записокъ²⁾, въ французской исторической литературѣ появилось однако стремленіе не только оправдать, но даже и возвеличить политическую дѣятельность Талейрана.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти попытки, повидимому, не приведутъ къ затемненію истины, и правда восторжествуетъ. Каждая вновь появляющіяся въ печати свидѣтельства современниковъ первой имперіи заключаютъ въ себѣ новый обвинительный актъ противъ предательскаго образа дѣйствій великаго дипломата. Наполеонъ оцѣнилъ его въ свое время по достоинству, хотя и продолжалъ пользоваться его услугами. Въ недавно вышедшихъ мемуарахъ Пакье³⁾ воспроизведена сцена, происшедшая между Наполео-

¹⁾ „M. de Talleyrand est mort. Les partis l'ont insulté, et on a été jusqu'à écrire: il n'y a en France qu'un malhonnête homme de moins. Les indignations sont toutes justifiées par sa vie. Il y a une immense flétrissure sur son nom c'est d'être devenu le type du parjure élégant et récompensé“. (Revue moderne 1866).

²⁾ Mémoires du Prince de Talleyrand, publiés par le duc de Broglie.—Paris 1891 (5 vol.)

³⁾ Histoire de mon temps: Mémoires du chancelier Pasquier. T. 1-er—Paris. 1893.

номъ и Талейраномъ, когда происки его, поддерживаемые Фушэ, побудили императора оставить Испанію и неожиданно явиться въ Парижъ 11-го (23-го) января 1809 года; Наполеонъ, въ тронной залѣ, въ присутствіи важнѣйшихъ сановниковъ и почти всѣхъ министровъ, обошелся съ Талейраномъ какъ съ презрѣннѣйшимъ изъ людей, и осыпалъ его всевозможными укоризнами и можно сказать бранью. «Мнѣ передала это, — пишетъ Пакье, — г-жа де Рем... ¹⁾), которой Талейранъ самъ рассказывалъ, что ему пришлось при этомъ выстрадать. Объ этой ужасной сценѣ мнѣ рассказывалъ, нѣсколько лѣтъ спустя, то же самое, только съ большими подробностями, Декрѣ, одинъ изъ министровъ, бывшій свидѣтелемъ ея; такъ какъ онъ одинъ отнесся, въ то время, къ Талейрану великодушно и не отворачивался отъ него, то его рассказъ вполне заслуживаетъ довѣрія. Его особенно поразило одно обстоятельство, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, даже по прошествіи долгаго времени, именно казавшееся равнодушіе Талейрана, который выслушивалъ цѣлыхъ полчаса, не поморщась и не возражая ни слова, потокъ такой брани, какой вѣроятно никогда не приходилось слышать подобнымъ людямъ въ подобномъ мѣстѣ ²⁾ «Вы воръ, негодяй, человекъ безчестный, богоотступникъ, вы никогда не исполнили своего долга, обманывали всѣхъ и всѣмъ измѣняли, для васъ нѣтъ ничего святаго, вы готовы продать роднаго отца. Я осыпалъ васъ благодареніями, между тѣмъ вы способны на всякую низость по отношенію ко мнѣ. Такъ, послѣдніе десять мѣсяцевъ, полагая, безъ всякаго сомнѣнія, что мои дѣла въ Испаніи идутъ худо, у васъ хватало наглости говорить всякому встрѣчному, что вы никогда не одобряли моего похода въ эту страну, тогда какъ именно вы подали мнѣ первую къ тому мысль и настойчиво совѣтовали мнѣ предпринять его. А кто извѣстилъ меня о мѣстопробываніи этого несчастнаго человека (такъ называлъ Наполеонъ герцога Энгіенскаго)? Кто подстрекалъ меня жестоко отплатить ему? чего

¹⁾ Вѣроятно: „madame de Rémusat“, записки которой возбудили, при появленіи ихъ въ 1880 году, вниманіе всего читающаго міра. Н. Ш

²⁾ Послѣ этой сцены Талейранъ громкогласно выразился: „какъ жаль, что такой великій человекъ такъ плохо воспитанъ“ (Quel dommage qu'un si grand homme soit si mal élevé). Н. Ш.

хотите? на что разсчитываете? Осмѣльтесь высказаться! Вы заслуживаете, чтобы я сокрушилъ васъ въ дребезги, я могу это сдѣлать, но для этого я слишкомъ презираю васъ». — Вотъ въ краткихъ словахъ сущность того, что Талейрану пришлось выслушать и вытерпѣть въ эти полчаса, которые были вѣроятно ужасны для него, судя по тому, что пришлось вынести прочимъ присутствующимъ; никто изъ нихъ не могъ вспомнить впоследствии объ этомъ событіи безъ трепета».

Императоръ Александръ впервые встрѣтился съ Талейраномъ въ Тильзитѣ и сошелся съ нимъ ближе въ Эрфуртѣ въ 1808 г.; съ тѣхъ поръ князь Беневентскій является тайнымъ союзникомъ русской политики, принявшей враждебное Наполеону направлѣніе. Связи установились настолько близкія, что въ началѣ 1810 года къ Талейрану явился графъ Нессельроде и сказалъ: «я официально состою при князѣ Куракинѣ, но въ дѣйствительности я аккредитованъ при васъ». Дѣйствительно, графъ Нессельроде, въ теченіе 1810 и 1811 годовъ, сообщалъ черезъ посредство Сперанскаго государю свѣдѣнія и совѣты, добытые отъ «*mon cousin Nepru*». Этотъ добродѣтельный «*cousin*» былъ Талейранъ.

Въ бумагахъ А. И. Михайловскаго - Давилевскаго сохранились копія нѣкоторыхъ писемъ, которыми обмѣнивались императоръ Александръ и Талейранъ съ 1808 года, послѣ Эрфуртскаго свиданія. Переписка эта послужитъ немаловажнымъ вкладомъ въ историческую литературу для болѣе вѣрной оцѣнки дипломатической дѣятельности Талейрана, которая нашла себѣ въ послѣднее время немалое число панегиристовъ.

Н. Шильдеръ.

1.

Талейранъ—императору Александру.

Парижъ, 26-го декабря 1803 года.

(Переводъ съ французскаго). Я несказанно тронутъ тѣми милостями, которыя Ваше Императорское Величество мнѣ оказываете.

Ежели ихъ можно заслужить путемъ одной только горячей любви, величайшаго уваженія и безграничной преданности, то онѣ оказаны достойному.

Мы поступили согласно совѣту Вашего Величества. Эдмундъ ¹⁾, побывавъ въ ²⁾, долженъ оттуда отправиться въ Петербургъ, чтобы повергнуть къ стопамъ Вашего Величества изъявленія моего почтенія и признательности. Я далъ ему письмо къ герцогинѣ Курляндской, въ которомъ я осмѣлился даже намекнуть, что Ваше Величество не высказали неодобренія по поводу просьбы, съ которой я дерзнулъ обратиться.

Видя вашу добродѣтель, государь, ваше прямотупіе и милостивое желаніе сдѣлать счастливымъ ввѣренный вамъ великій народъ, а равно видя вашу готовность изыскивать всѣ средства, которыя этому могли бы споспѣшествовать, я горжусь милостями, коими Ваше Величество меня удостоиваете.

Вы уже видѣли, государь, несмотря на ваши, столь юныя лѣта, что люди слишкомъ долго преклонялись передъ Богомъ брани, между тѣмъ какъ только мирный трудъ, торговля и скотоводство обезпечиваютъ благосостояніе государствъ, развиваютъ и упрочиваютъ ихъ могущество.

Черты вашего благороднаго, прекраснаго лица свидѣтельствуютъ, что таковы и ваши убѣжденія. Съ ними можно управлять міромъ, будучи вполнѣ этого достойнымъ.

Прошу Ваше Императорское Величество милостиво принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Карлъ-Маврикій князь Беневентскій.

¹⁾ Племянникъ Талейрана: Alexandre-Edmond de Talleyrand-Périgord, впоследствии князь Дино и князь Талейранъ-Перигоръ. Благодаря посредничеству императора Александра состоялся, въ 1809 году, его бракъ съ младшею дочерью герцогини Курляндской Доротеєю (р. 1793 † 1862). Н. Ш.

²⁾ Не разобрано.

Н. Ш.

1.

Paris, 26 Décembre 1808.

Sire,

On ne peut être plus touché que je le suis des bontés que me témoigne V. M. I. Si pour les mériter il ne faut qu'une bien grande admiration, une bien haute estime et un attachement sans bornes, elles ne sont pas mal placées.

Les conseils de V. M. sont suivis: Edmond a du passer par . . . , et de là porter à Pétersbourg aux pieds de V. M. l'hommage de mon respect et de ma reconnaissance. Je l'avais chargé d'une lettre pour madame la duchesse de Courlande, dans laquelle même j'ai osé insinuer que V. M. voulait bien ne pas désapprouver la demande que j'avais la hardiesse de faire.

Sire, quand je vois Votre vertu, Votre loyauté, Votre désir aimable de rendre heureux le grand peuple qui Vous est confié, Votre empressement à rechercher les lumières qui peuvent y concourir, je me trouve bien fier de la bonté dont V. M. m'honore.

Vous avez déjà vu, Sire, quelque jeune que Vous soyez encore, qu'on n'a que trop évoqué le Dieu des armées, c'est celui du travail paisible, celui du commerce, celui des troupeaux qui fait la prospérité des empires, qui donne à leur puissance toute son étendue et qui la rend durable.

On voit sur Votre noble et beau visage que telle est Votre religion. Avec elle on peut gouverner le monde et l'on en est digne.

Je supplie V. M. d'agréer avec bonté l'hommage du profond respect et du dévouement avec lesquels je suis,

Sire,

de V. M. I.

le très humble et très obéissant serviteur,
Charles Maurice Prince de Bénévent.

2.

Талейранъ — императору Александру.

Парижъ, 24-го марта 1809 г.

(Переводъ съ французскаго). Переговоры, которые Ваше Величество дозволили начать подъ вашимъ покровительствомъ, къ

счастію для Эдмунда, окончены къ обоюдному удовольствію. Условія уже утверждены. Все удалось, государь, какъ и слѣдовало ожидать, когда за дѣло берутся двѣ такія могучія силы, какъ ваше вліяніе и любовь.

Мнѣ приходится съ каждымъ днемъ повергать къ стопамъ Вашего Величества болѣе живую дань признательности: я былъ бы преданъ вамъ, государь, и въ томъ случаѣ, ежели бы вы ничего не сдѣлали для меня, былъ бы преданъ потому, что вы внушаете мнѣ чувства самыя искреннія, потому что вамъ присуща величайшая доброта и всѣ тѣ прекрасныя качества, которыя еще болѣе возвеличиваютъ перваго въ мірѣ монарха. Отрадно думать, государь, что судьбы міра и успѣхи цивилизаци, коихъ жаждетъ ваше благородное и чувствительное сердце, находятся нынѣ въ вашихъ рукахъ.

Моя неизмѣнная преданность къ императору Наполеону, коего обширному генію я удивляюсь и который навсегда приковалъ мое сердце тѣмъ довѣріемъ, какое онъ мнѣ оказывалъ такъ долго и всѣми благодѣяніями, коими онъ меня осыпалъ, заставляетъ меня желать болѣе всего въ мірѣ, чтобы дружба, связывающая васъ, никогда не нарушалась и чтобы чувства и взаимные интересы, одушевляющіе васъ, были раздѣлены вашими великими націями, съ которыми тѣсно связаны или коимъ подвластны многіе другіе народы. Я благословляю даже разстояніе, раздѣляющее васъ. Столкновеніе такихъ двухъ исполиновъ уязвило бы того и другаго и, каковы бы ни были послѣдствія этого столкновенія, они оказались бы гибельны для человѣчества.

Я предоставляю, въ письмѣ моемъ къ Вашему Величеству, свободное теченіе моимъ мыслямъ, потому что не знаю границъ преданности и почтенію, съ коими честь имѣю быть, государь, Вашего Императорскаго Величества, всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга, Карль-Маврикій князь Беневентскій.

2.

Paris, 24 Mars 1809.

Sire,

La négociation que V. M. m'avait permis d'entamer sous ses auspices pour le bonheur d'Edmond est terminée avec une satisfaction

réciproque. Les conventions en sont arrêtées. Tout a réussi, Sire, comme on devait le croire, lorsque deux aussi grandes puissances que la Vôtre et celle de l'amour prenaient la peine d'y influer.

J'ai tous les jours une plus vive reconnaissance à mettre aux pieds de V. M.: je lui serais dévoué quand elle n'aurait rien fait pour moi; je le serais parce qu'elle m'inspire les sentiments les plus vrais, parce qu'on voit, en elle la plus parfaite bonté et toutes les belles qualités qui annobliissent encore le premier trône du monde. Il est doux de penser que sur Vous, Sire, reposent aujourd'hui les destinées de l'univers et le progrès de la civilisation qui sont le voeu de Votre âme noble et sensible.

Mon invariable attachement pour l'Empereur Napoléon dont j'admire le vaste génie, dont la confiance qu'il m'a si longtemps accordée et les bienfaits qu'il a répandu sur moi ont pour toujours enchainé mon coeur, me fait désirer par dessus toute chose que l'amitié qui Vous lie puisse jamais être exposée à aucune altération, et que les sentiments, les intérêts s'en transmettent à Vos deux nations immenses, auxquelles tant d'autres sont jointes ou soumises.—Je bénis jusqu'à la distance qui Vous sépare. Les chocs de deux telles colosses blesseraient l'un et l'autre, et quelque put en être l'événement, ils abimeront l'humanité.

Je laisse aller mes pensées en écrivant à V. M. parce que je ne connais point de bornes au zèle et au respect avec lesquels je suis,

Sire,

de V. M. I.

le très humble et très obéissant serviteur,
Charles Maurice Prince de Bénévent.

3.

Талейранъ—императору Александру.

Парижъ, 15-го сентября 1810 года.

(Переводъ съ французскаго). Вы оказывали мнѣ участіе, которое во времена скорби было утѣшеніемъ и гордостью моей жизни, и

надобно слишкомъ полагаться на вашу доброту и прямоту, чтобы осмѣлиться говорить съ вами о себѣ, какъ я это дѣлаю нынѣ.

Цѣлая система упрековъ, стѣсненій и внутреннихъ тревожныхъ поставила меня, а слѣдовательно и мои дѣла, со времени Эрфуртскаго свиданія, въ весьма затруднительное положеніе. Всякое побужденіе, всякая простая, въ иное время, вещь могли быть истолкованы въ дурную сторону. Поэтому надобно было предоставить всеильному времени разсѣять предубѣжденіе императора, которое должно было исчезнуть, такъ какъ моя преданность ему не измѣнялась ни на минуту. Я полагаю, что эта цѣль до извѣстной степени достигнута; но мои дѣла, которыя вообще идутъ хорошо, нѣсколько запутались отъ того, что мнѣ пришлось жить совершенно вдали отъ дѣловыхъ людей, заботясь постоянно о томъ, чтобы мое имя нигдѣ не произносилось; это стѣсненное положеніе увеличивается съ каждымъ днемъ, и я не вижу, несмотря на всѣ мои старанія, никакой возможности выйти изъ него какимъ-нибудь способомъ, который не былъ бы сопряженъ съ серьезными затрудненіями.

Мнѣ необходимо имѣть всего 1.500.000 франковъ и было бы весьма важно получить ихъ въ ноябрѣ. Это вещь сама по себѣ простая, но мнѣ приходится быть крайне осмотрительнымъ въ выборѣ средствъ, съ помощью которыхъ я могу достать эти деньги въ настоящее время и возвратить ихъ, когда обстоятельства мои поправятся. Я былъ доведенъ, можно сказать втянутъ, въ это затруднительное положеніе совершенно непримѣтнымъ образомъ, вслѣдствіе того одиночества, въ какое я долженъ былъ замкнуться, отнюдь не сокращая при этомъ своихъ расходовъ, чтобы поддержать честь моего положенія; мнѣ надобно выйти изъ этого затруднительнаго положенія столь же незамѣтнымъ образомъ и для этого необходимо обратиться къ человѣку, который былъ бы настолько деликатенъ и проникателенъ, чтобы, желая оказать мнѣ услугу, дѣйствовалъ съ тѣми предосторожностями, какія я укажу ему, и какія положительны необходимы.

Ежели Ваше Величество найдете, что, обратившись къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, я этимъ отдаю лишь должное присущимъ вамъ достоинствамъ и великодушію, и дѣйствую исключительно подъ вліяніемъ того довѣрія, которое вы мнѣ внушили, и ежели все это

возбудить въ васъ желаніе вывести меня изъ затруднительнаго положенія, то я умоляю васъ приказать довѣренному лицу написать г-ну Бетману, что вами открытъ у него, Бетмана, во Франкфуртѣ, кредитъ на 1.500.000 франковъ вашему генеральному консулу въ Парижѣ, г-ну Лабинскому и что, во исполненіе этого приказанія, онъ долженъ произвести необходимыя денежныя операціи; одновременно прикажите написать г. Лабинскому, извѣщая его объ открытіи этого кредита и о причинахъ къ тому: предложомъ могутъ послужить личныя покупки и дѣла Вашего Императорскаго Величества, притомъ соблаговолите, государь, сдѣлать въ письмѣ къ г-ну Лабинскому оговорку, что для этой денежной операціи одна только его подпись будетъ считаться дѣйствительною.

Вѣчно бодрствующая злоба тѣхъ людей, которые не понимаютъ ни довѣрія, ни великодушія, ни самыхъ простыхъ побужденій, заставляетъ меня умолять Ваше Величество сжечь это письмо. Я пишу съ сердцемъ, преисполненнымъ признательности, любви, преданности и уваженія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, государь, Вашего Величества всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга, Карль-Маврикій князь Беневентскій.

3.

Paris, 15 Septembre 1810.

Sire,

V. M. m'a témoigné un intérêt qui dans des temps de peine a fait la consolation et l'orgueil de ma vie: et il faut que je compte autant sur sa bonté que sur sa loyauté pour oser lui parler de moi comme je vais le faire.

Depuis Erfurth un système suivi de reproches, de gênes, de tourmente intérieure a rendu ici ma position, et par suite celle de mes affaires fort difficile. Tout mouvement, toute chose simple dans d'autres temps pouvant être mal interprétée, il fallait donc laisser le temps tout seul détruire par son action les préventions de l'Empereur

qui devaient avoir un terme, puisque je n'ai pas cessé un jour de lui être dévoué. Je dois croire que ce but a été en quelque sorte atteint: mais l'éloignement absolu des gens d'affaires dans lequel il a fallu vivre, le soin que j'ai dû employer pour que mon nom ne fut jamais prononcé, a conduit mes affaires, qui dans le fond sont bonnes, à un embarras qui augmente chaque jour et dont, après beaucoup d'efforts, je ne vois pour sortir aucun moyen qui ne présente de graves inconvénients.

J'ai besoin de quinze cent mille francs et c'est au mois de Novembre qu'il me serait important de les avoir. Quoique ce soit une chose simple en soi, je dois mettre beaucoup de précautions dans le choix des moyens à prendre pour me les procurer à présent et pour les rendre dès que mes circonstances auront changé. J'ai été insensiblement et presque d'une manière forcée à cette situation pénible d'affaires par l'isolement dans lequel sans rien changer aux dépenses qu'il était de mon honneur de faire, j'ai dû me placer; je dois en sortir d'une manière aussi inaperçue et pour cela je dois m'adresser à une personne dont la délicatesse soit assez clairvoyante pour qu'elle prenne, si elle veut me rendre service, les précautions que je vais lui indiquer et qui sont toutes indispensables.

Si V. M. trouve qu'en ayant la confiance de m'adresser à elle je n'ai fait que rendre hommage aux qualités généreuses dont elle est douée et obéir à l'extrême confiance qu'elle m'a inspirée, et que cela la porte à vouloir terminer mes embarras, je la supplie de faire écrire par un homme de sa confiance à M. Bethman qu'elle a donné à M. Labinski, son consul général à Paris un crédit de quinze cent mille francs sur lui Bethman à Francfort qui fera pour remplir cet ordre les opérations convenables, et à M. Labinski une lettre motivée pour lui annoncer ce crédit: le motif serait des achats et des affaires qui sont personnelles à V. M. qui voudrait bien faire ajouter à la lettre à M. Labinski que sa signature seule pour cette opération serait pièce comptable.

La malignité active de tous ceux qui ne connaissent ni la confiance, ni la générosité, ni les motifs simples des choses, me portent à supplier V. M. de brûler cette lettre. Mon coeur en l'écrivant est

rempli de sentiments de reconnaissance, d'affection, de dévouement et de respect.

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté

le très humble et très obéissant serviteur,
Charles Maurice Prince de Bénévent.

4.

Черновой отпускъ письма императора Александра—Талейрану.

(Переводъ съ французскаго). Я получилъ ваше письмо отъ 15-го сентября. Я не ошибся, отдавая вамъ полную справедливость. Я вполне убѣжденъ, что стѣсненное положеніе вашихъ семейныхъ дѣлъ настоятельно требуетъ, чтобы вы теперь же имѣли въ своемъ распоряженіи ту крупную сумму денегъ, о которой вы мнѣ пишете. Мнѣ весьма пріятно было видѣть ваше довѣріе ко мнѣ, и я благодарю васъ за него, но скажите сами, князь, могу ли я исполнить ваше желаніе, не повредивъ вамъ окончательно? Будучи поставленъ Провидѣніемъ въ то положеніе, въ коемъ я нахожусь по отношенію къ иностранцу, который по своимъ способностямъ всегда будетъ имѣть вліяніе на дѣла своей родины, я долженъ, въ подобномъ случаѣ, слѣдовать не однимъ только внушеніямъ моихъ чувствъ. Ежели я окажу вамъ эту услугу, то черезъ кого и какимъ образомъ могу я сдѣлать это такъ, чтобы она осталась тайною для всѣхъ? Слѣдовательно, сколько подозрѣній это можетъ навлечь на васъ и насколько мнѣ самому пришлось бы въ этомъ случаѣ отступить отъ того правильнаго и простаго образа дѣйствій, котораго я положилъ себѣ держаться въ моихъ сношеніяхъ съ иностранными державами и съ тѣми лицами, которыя имъ служатъ. Потому, князь, я съ истиннымъ сожалѣніемъ долженъ отказать себѣ въ удовольствіи, съ какимъ я всегда готовъ оказать вамъ услугу.

4.

Monsieur le prince de Benevent, j'ai reçu Votre lettre du 15 Septembre et vous ai rendu justice. J'ai tout de suite été persuadé qu'une mauvaise situation de vos affaires domestiques exigeait de vous, très impérieusement que vous retrouviez sans délai à Votre disposition une aussi forte somme que celle dont vous me parlez. J'ai vu votre confiance à mon égard avec une juste et grande satisfaction et je vous en remercie; mais je vous le demande, mon prince, à vous-même, sans vous desservir complètement, puis-je déférer à Votre vœu?—Placé par la Providence comme je le suis à l'égard d'un étranger que les talents doivent toujours rendre influent dans les affaires de sa patrie, je dois dans une pareille circonstance écouter autre chose que mon affection!—Si je vous rends ce service, par qui, comment le puis-je, sans qu'il n'en pénètre rien? Par conséquent à combien de soupçons ne seriez-vous pas exposé et de combien par ce fait ne me serais-je pas éloigné moi-même de cette règle pure et simple que je me suis tracé dans mes relations avec les puissances étrangères et ceux qui les servent? C'est donc à regret, mon prince, que je me refuse à moi-même le plaisir que je trouverai toujours à vous obliger.

Вѣжливый, съ отгѣнкомъ пронія отказъ императора Александра не остановилъ Талейрана на пути дальнѣйшихъ денежныхъ вымогательствъ, но заставилъ его только придумать для этой цѣли другіе способы. 17-го (29-го) марта 1811 года онъ написалъ графу Нессельроде письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ русскому правительству, по примѣру французскаго — выдавать для поддержанія торговли колониальными товарами «исключительныя дозволенія» (licences) и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ предоставить въ его распоряженіе пятьдесятъ такихъ дозволеній; Талейранъ присовокупляетъ, что онъ былъ бы весьма счастливъ полученіемъ этихъ выгодъ быть обязаннымъ императору Александру: («si je les recevais dans ce moment-ci, il en résulterait pour moi des avantages très considérables que je me trouverai bien heureux de devoir à Sa Majesté l'Empereur Alexandre»).

19-го (31-го) марта графъ Нессельроде препроводилъ это письмо Сперанскому для доклада государю. Какой послѣдовалъ по этому

поводу отвѣтъ, намъ неизвѣстно, но позволительно думать, что просьба князя Беневентскаго была отклонена подобно предшествовавшей.

Вѣроятно, Талейранъ припомнилъ испытанное имъ въ этихъ дѣлахъ разочарованіе во время Вѣнскаго конгресса, когда онъ систематически противодействовалъ всѣмъ начинаніямъ императора Александра и придумалъ тройственный союзъ между Франціею, Англіею и Австріею, направленный противъ избавительницы Европы: Россіи и ея великодушнаго монарха.

Въ заключеніе приведемъ еще замѣтку Виктора Гюго о Талейранѣ, помѣщенную въ собраніи статей великаго французскаго поэта, изданныхъ подъ заглавіемъ: «*Choses vues*» (Paris—1888).

«Въ улицѣ Saint Florentin есть и дворецъ, есть и помойная яма. Дворецъ, выдержанной, роскошной и угрюмой архитектуры, назывался: «*Hôtel de l'Infantado*»; теперь же на фронтонѣ главнаго входа можно прочесть: «*Hôtel Talleyrand*». Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, которыя прожилъ въ этой улицѣ послѣдній владѣлецъ этого дворца, онъ, можетъ быть, ни разу не взглянулъ на эту помойную яму. Это былъ своеобразный человѣкъ, внушавшій страхъ и почтеніе; онъ назывался «*Charles-Maurice de Périgord*»; онъ былъ благороденъ по происхожденію, какъ Маккиавель, духовный по званію, какъ Гонди, растрига, какъ Фуше, остроуменъ, какъ Вольтеръ, и хромоногъ, какъ дьяволъ. Можно было бы сказать, что въ немъ все хромало, какъ онъ самъ; аристократическое происхожденіе, отданное въ услуженіе республикѣ, священство, оскверненное имъ на Марсовомъ полѣ и затѣмъ совершенно отброшенное, бракъ, нарушенный двадцатью скандалами и добровольнымъ разлученіемъ, умъ, опозоренный низостью. И тѣмъ не менѣе человѣку этому свойственно величіе; въ немъ сливался блескъ двухъ царствованій; онъ былъ княземъ «*de Vaux*», французскаго королевства и княземъ Французской имперіи.

«Въ продолженіе тридцати лѣтъ, изъ глубины своего дворца, силою своего ума онъ почти-что управлялъ Европой. Онъ позволилъ республикѣ называть себя на «ты» и улыбался ей, правда, проницески; но она не замѣтила этого. Онъ зналъ, наблюдалъ, проницалъ, цѣнилъ, осмѣивалъ, направлялъ всѣхъ дѣятелей своего времени, всѣ идеи своего вѣка, а въ жизни его были моменты, когда,

*

сжимая въ своихъ рукахъ четыре или пять нитей, заставлявшихъ двигаться весь цивилизованный міръ, онъ имѣлъ въ роли подвижной куклы Наполеона I-го, императора французовъ, короля Италіи, протектора рейнской конфедераціи, медиатора швейцарской конфедераціи. Вотъ какую игру вель этотъ человѣкъ.

«Послѣ июльской революціи пала древняя династія, которой онъ былъ оберъ-камергеромъ, но онъ остался на ногахъ и сказалъ толпѣ 1830 года, сидѣвшей съ засученными руками на грудяхъ мостовой: «сдѣлай изъ меня своего посланника». Онъ принялъ исповѣдь Мирабо и выслушалъ первыя довѣренныя сообщенія Тьера. Онъ выражался самъ о себѣ, что онъ великій поэтъ и сочинилъ трилогію въ трехъ династіяхъ. Дѣйствіе 1-е, Имперія Буонапартъ; дѣйствіе 2-е, Домъ Бурбоновъ; дѣйствіе 3-е, Домъ Орлеановъ.

«Все это онъ создавалъ въ своемъ дворцѣ, и въ этотъ дворецъ, точно паукъ въ свою паутину, онъ завлекалъ послѣдовательно, завлаждая ими, героевъ, мыслителей, великихъ людей, завоевателей, королей, принцевъ, императоровъ, Бонапарта, Сіэйса, г-жу Сталь, Шатобріана, Бенжамена Констана, Александра всероссійскаго, Вильгельма прусскаго, Франца австрійскаго, Людовика XVIII, Луи-Филиппа, — всѣхъ позолоченныхъ и блестящихъ мухъ, жужжавшихъ въ исторіи за послѣднія сорокъ лѣтъ. Весь этотъ блестящій рой, очарованный пронизательнымъ взглядомъ этого человѣка, пролетѣлъ надъ этимъ мрачнымъ входомъ, надъ архитравомъ котораго красуется надпись: «Hôtel Talleyrand».

«И вотъ 17-го мая 1838 года этотъ человѣкъ скончался. Явились врачи и набальзамировали трупъ, для чего, по примѣру египтянь, изъ живота вынули внутренности, а изъ черепа мозгъ. Покончивъ съ этимъ, превративъ князя Талейрана въ мумію и заключивъ его въ гробъ, обитый бѣлымъ атласомъ, они удалились, оставивъ на столѣ мозгъ, передумавшій такъ много, вдохновившій столь многихъ людей, воздвигшій столь зданій, руководившій двумя рестаураціями, обманувшій двадцать королей, сдерживавшій весь міръ. Врачи удалились, и вошелъ лакей, замѣтившій оставленное ими. «А! они забыли это! что дѣлать?» И онъ вспомнилъ, что на улицѣ есть помойная яма, отправился туда и бросилъ въ нее мозгъ. Finis regnum».

Н. Шильдеръ.

А. П. ЕРМОЛОВЪ ВЪ ОПОЛЧЕНІИ.

Въ февраль 1855 года, по обнаруженіи манифеста о сборѣ государственнаго ополченія, А. П. Ермоловъ былъ въ одно время избранъ начальникомъ ополченій въ четырехъ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Смоленской и Калужской. Этого мало, русскіе во всей имперіи, помышляя о спасеніи отечества, вспоминали забытаго героя.

Ермоловъ, давній житель Москвы, не могъ отвѣчать дворянамъ петербургскимъ, смоленскимъ и калужскимъ ничѣмъ болѣе, какъ только искреннѣйшею благодарностью за честь, ему сдѣланную.

Въ Москвѣ же были для него минуты восхитительной радости и повторились прежнія печали.

Тамъ, какъ только полученъ былъ манифестъ, общій голось нарекъ Ермолова начальникомъ московскаго ополченія. Еще по этому говору, московскій военный генераль-губернаторъ, графъ Закревскій, предупредилъ его, что это избраніе едва-ли будетъ пріятно государю.

Ермоловъ, 14-го февраля, отвѣчалъ Закревскому:

«Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего, по предмету настоящихъ выборовъ, и со всею искренностію отвѣчаю вамъ».

«Не знаю, можно ли избрать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, нѣ имѣя передъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, еслибъ даже не

утвержденъ былъ въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ какое я могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найдтись люди способнѣйшіе и находящіеся въ бездѣйствіи. Двадцать четыре года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, а теперь ни мало не удивляюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ благодарю Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не буду».

«Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому не скажу иначе».

15-го февраля, въ собраніи московскаго дворянства, Ермоловъ былъ единогласно избранъ въ начальники московскаго ополченія. Это произвело взрывъ общаго восторга: зала оглушилась криками: «ура!». Дамы, находившіяся на хорахъ, кричали, хлопали, махали платками. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ собраніи тотчасъ поскакали къ Ермолову, съ извѣстіемъ объ избраніи и съ поздравленіями.

Тогда же Погодинымъ было составлено письмо, для поднесенія Ермолову отъ московскаго дворянства. Вотъ это письмо:

Генераль!

«Московское дворянство, призываемое священнымъ голосомъ царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь притѣсненнымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами и смѣетъ надѣяться, что вы уважите его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной години общаго испытанія. Идите жъ, генераль, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и находило себѣ спасеніе; идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ нашихъ армій. Пусть развернется передъ нами наше старое, славное знамя 1812 года! Всѣ русскіе воины обрадуются увидѣть опять въ своихъ рядахъ вашу бѣлую голову и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и съ именемъ Кутузова, которому служили правою рукою въ незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріатели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а съ магометанскихъ ихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ

поръ еще не умолкнулъ въ ущеліяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословить васъ Богъ и поможетъ вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать ослѣпленной Европѣ, что святая Русь останется неизмѣнно святою Русью, и что русскіе, несмотря ни на какія опасности, несмотря ни на чьи угрозы, не позволятъ никогда никому прикасаться безъ наказанія къ ихъ завѣтнымъ святынямъ: церкви, престолу и отечеству».

Это письмо было читано въ дворянскомъ собраніи, но не было поднесено Ермолову.

Въ тотъ же день, 15-го февраля, графиня Ростопчина прислала къ нему стихи:

Народный голосъ, голосъ Бога,
 Овъ громко нынѣ вопіеть:
 Вставай, Ермоловъ! Русь зоветъ!
 Тебѣ звакома вѣдь дорога...
 Съ единодушнымъ увлеченьемъ
 Тебя назначила молва,
 И надъ московскимъ ополченьемъ
 Вождемъ поставила Москва!
 Возьми рукой не ослабѣвшей
 Твой старый мечъ, Европы страхъ:
 Герой, въ покоѣ посѣдѣвшій,
 Помолодѣешь ты въ бояхъ!
 Вставай!... Когда по всей Россіи
 Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ,
 Шатры восплещутъ боевые,
 Хвалою откликнется шалашъ!...
 Вставай! Честь русскаго народа,
 Его врагамъ припомяни,
 И пусть двѣнадцатаго года
 Великіе вернутся дни! ¹⁾

На это Ермоловъ отвѣчалъ тоже стихами:

Не неизвѣстнаго поэта
 Читалъ я добрыя слова;
 По звукамъ лестнаго привѣта
 Васъ прямо назоветъ молва...
 Вы помянули годъ возстанья.
 Дни нашей славы, дивный вѣкъ,
 Когда, услыша гласъ призванья,
 Явился русскій человекъ.

¹⁾ Стихотворенія графини Ростопчиной, изд. 2-е, 1854 г., т. 2, стр. 387 - 388.

Вы правы, можетъ, тамъ забыли..
 Но нашъ не позабылъ народъ,
 Когда Москву мы хоронили,
 Двѣнадцатый свершился годъ!
 И нынѣ чтутъ мои сѣдины,
 Въ воспоминанье старины,
 И люди памятной години,
 И ихъ достойные сыны.
 Но горделивыми мечтами,
 Повѣрьте, я не увлеченъ...
 Давно я удрученъ годами,
 Отъ дѣла битвы отученъ!
 Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
 Ослабла дряхлая рука,
 И пиръ кровавый, пиръ желанный
 Едва-ль по силамъ старика!

15-го же февраля написаны были еще другіе стихи въ честь Ермолова.

Когда на Русь, въ года печали,
 Возсталъ кичливый злой полякъ,
 Тогда Пожарскаго избрали —
 И побѣжденъ былъ злобный врагъ.
 Когда великій вождь французовъ
 Коварно вдругъ на Русь напалъ,
 Тогда избранникъ нашъ Кутузовъ
 Его по срамомъ всякъ прогналъ.
 И нынѣ, въ тяжкую годину,
 Какъ западъ весь на насъ возсталъ,
 Вести народную дружину
 Всеобщій гласъ тебя избралъ.
 Встань! ударь, герой маститый,
 Враговъ Россіи покарай,
 И мечъ свой, лаврами обвитый,
 Достойнымъ внукамъ передай.

Не долго Ермоловъ былъ въ ополченіи. По положенію объ этомъ войскѣ, при начальникѣ губернскаго ополченія назначенъ только одинъ адъютантъ. Бывшему главнокомандующему это казалось не довольно почетнымъ: онъ просилъ опредѣлить къ нему еще хоть одного адъютанта. Военный министръ не умѣлъ доложить такъ, чтобы ничтожное желаніе стараго героя было исполнено, и потомъ въ форменномъ отвѣтѣ своемъ неловко и круто выразился, что просьба его признана излишнею. Старикъ обидѣлся и поступилъ также неловко и круто, какъ съ нимъ поступили. «Точно — писалъ онъ, — самъ я, размысливъ объ дѣлѣ, вижу, что просилъ

излишняго; а это показываетъ, что я уже старъ, сдѣлался неразумень: прошу, чего не должно, поступаю, какъ не слѣдуетъ». Письмо свое онъ заключилъ просьбой уволить его, какъ не способнаго, отъ начальствованія надъ ополченіемъ. Таковъ и всегда былъ Ермоловъ. Къ капризу его, какъ и прежде случалось, не снизошли, и онъ тотчасъ былъ уволенъ отъ ополченія.

Оставляя должность начальника, онъ объявилъ, 29-го мая 1855 года, приказъ по московскому ополченію:

«По всеподданнѣйшему докладу о тяжелой и небезопасной моей болѣзни, Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ уволить меня отъ исправленія должности начальника московскаго ополченія. Удостоенный благоволенія и довѣренности дворянства нѣсколькихъ губерній, съ горестію принимаю я невозможность исполненія обязанности дворянина, и не менѣе прискорбно мнѣ, что я не могу имѣть честь быть сотрудникомъ гг. начальниковъ дружинъ и гг. офицеровъ государственнаго подвижнаго ополченія Московской губерніи. О чемъ и сообщаю къ ихъ свѣдѣнію».

Послѣ того опять все замолкло о Ермоловѣ.

Онъ умеръ въ Москвѣ, 11-го апрѣля 1861 года.

Мих. Макс. Поповъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Т р и а ф и ш и.

Афиша, газетное объявленіе, дубочная картинка, потерявъ характеръ современности, то, что французы называютъ *couleur local*, могутъ для будущаго имѣть значеніе историческаго документа, являясь вѣрнымъ, хотя часто одностороннимъ изображеніемъ взглядовъ, вкуса, направленія данной эпохи. Этимъ можно объяснить, почему, натолкнувшись однажды на три разнородныя афиши, первую печатную, гласящую о «театральномъ представленіи въ перспективахъ», двѣ послѣднія—писанныя съ краткимъ содержаніемъ каждой пьесы въ концѣ, скорѣе предназначенныя не для публики, а для почетныхъ гостей или быть можетъ исключительно для просмотра (своего рода цензуры), мы надумали познакомить съ ними читателей «Русской Старины», какъ съ типичными образцами стилистическихъ красотъ и общественныхъ понятій прошедшаго столѣтія. Что касается афиши о «театральномъ представленіи въ перспективахъ», то можно лишь гадательно предположить, котораго она года, вѣрнѣе царствованія. Такъ упоминаніе въ началѣ Императорскаго титула «Ея Величества», въ связи съ стилемъ времени императрицы Анны Іоанновны, заставляетъ убѣдиться, что подобное зрѣлище дано было въ Москвѣ, въ царствованіе этой государыни ¹⁾. Напротивъ, двѣ другія афиши составляютъ неотъемлемую собственность Екатерининскаго вѣка и едва ли не ходили по рукамъ въ управленіе (на этотъ разъ казенными театрами) Ив. Перф. Елагина. По крайней мѣрѣ по поводу отставки послѣдняго (1779 г.) отъ должности директора театровъ, императрица

¹⁾ Мы не давали себѣ гигантскаго труда просмотрѣть день за днемъ «Московскія Вѣдомости» съ самаго начала ихъ изданія. Прежде всего потому, что ни въ Императорской пуб. библ., ни въ другихъ казенныхъ книгохранилищахъ, не нашлось полнаго экземпляра Вѣдомостей, что дѣлало поиски сомнительными.

Екатерина писала Гриму, что Бибиковъ, замѣнивъ Елагина, получилъ именное запрещеніе «поставлять разнаго рода смѣсь (sa'mi gondis) въ видѣ программъ балетовъ, оперъ, комедій и прологовъ»¹⁾: намекъ, подтверждающій нашу гипотезу о назначеніи этихъ афишъ.

Афиша о театральномъ представленіи въ перспективахъ.

По Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества
 позволенію, будетъ сего февраля «8»²⁾ дня,
 Инвентарь будетъ предъавлять,
 Театръ въ лицѣ и перспективѣ
 Или
 Натуральное показаніе свѣта.

Что здѣсь нікогда еще не відали. А прежде сего въ Давіи, Голандіи, Франціи, и Германіи, не токмо всѣ высокіхъ и ніжніхъ чіновъ особы, но его Цесарское Величество Король Аглінской, Французской, Датской, Шведской, и Польской, и многіе Державы другія, Князи, и Государи, съ особлівымъ Мілостивѣйшимъ своіимъ явленнымъ удовольствованіемъ многократно відали и удівляліся. Оное особліво состоітъ въ мудрыхъ перспективныхъ машинахъ, чрезъ которыя Небо и Земля, Мѣсяць съ рожденія своего до полна, и послѣдней четверти, также Звѣзды, Воздухъ и Вода, Горы, Лѣса, Города, и Замки, Гавани, Корабельныя ходы, і съ ніхъ стрѣльба, и многія другія вещи и прочее.

Такімъ натуральнымъ образомъ предъавлены будутъ, яко бы к(то)³⁾ дѣйствительно на томъ мѣстѣ былъ, такожде и солнце еще....³⁾ Горизонтомъ скрыто, предъавляетъ вечернюю и утреннюю....³⁾ и прідаетъ всему театру особлівую превзрадную пріятность, в....³⁾ два дни по 4 новыхъ премѣны предъавлятиса будутъ.

1: Капо Дебонъ Эсперанца.

Или мѣсто доброй Надежды въ Африкѣ, въ половину пути въ Остіндію, мимоходящія корабли изъ пушекъ поздравляютъ которыхъ отъ стоящихъ на якорѣ отвѣтствуетца.

¹⁾ Сборникъ Ист. Об-ва, т. XXIII, стр. 142.

²⁾ Одно лишь это число написано, а не напечатано, изъ чего слѣдуетъ заключить, что представленіе повторялось нѣсколько разъ, — антрепренеру же театра предоставлялось на заготовленной заранѣ афишѣ представлять день.

³⁾ Края оторзаны.

2: Городъ Римъ.

Со стороны рѣки Тибера, гдѣ видѣть можно крѣпкой и изрядной костель Свѣтъ Ангелло, у такъ названнаго Ангелскаго мосту, церковь Святаго Петра, и Палаты Папѣжскія.

3: Городъ Горнъ.

Стеитъ въ провинціи Голандіи, мимоходящіе карабли оной пушечною стрѣльбою поздравляютъ, и съ караблей на якорѣ стоящихъ, имъ паки отвѣтсвуетца.

4: Цесарской Волной Имперской Городъ Гамбургъ.

При томъ изъ пушекъ поздравляютъ, и изъ пушекъ со всего города палятъ будутъ.

Все вышеписанное показано будетъ, у Красныхъ Триумфальныхъ воротъ въ Магістратскомъ домѣ. Начало того пополудни о четвертомъ часѣ. Въ первомъ мѣстѣ платитъ по 50 копеекъ. Во второмъ по 25 копеекъ. Во последнемъ по 12 копеекъ.

Сумнительная.

Комедія французская состоящая въ пяти явленіяхъ сочиненная стихами господиномъ Нерикотомъ деиствующомъ ¹⁾.

Деиствующие.

Дорантъ Сумнительный	Г-днѣ Дормонтъ.
Кавалеръ	Г-днѣ Константенъ.
Парантъ отецъ Дорантовъ	Г-днѣ Предлери.
Лизимондъ отецъ кавалеру	Г-днѣ Кошуа.
Флонтенгъ слуга дорантовъ	Г-днѣ Десонъ.
Арганта вдова	Г-жа Предлери.
Иолия } дочери госпожи Арганты	Г-жа де Шомонъ.
Целимена }	Г-жа де Мозамберъ.
Нерина служанка аргантины	Г-жа де Шене.

¹⁾ Destouches, Филиппъ Нерико, драматургъ (1680—1754). О пьесѣ его «Le philosophe marié» упоминаетъ Березинъ въ своемъ Рус. Энцикл. Словарѣ (С.-Пб. 1874 г. Вып. VI, тетрадь I. Д.) Переводы его соч. на рус., сдѣланные Нартовымъ, приписываются И. П. Елагину (Донгеновъ, Биографія рус. писателей, XVIII, «Рус. Ст.» 1870 г.)

Экстрактъ.

все содержание сей комедіи представляетъ), что дорантъ не знаетъ принят ли ему статскую службу или военную и женит ли ему на Иоліи или на Целимене. Онъ свое намереніе весьма часто прменяетъ, что подаетъ причину к разнымъ между отцомъ парантовымъ и Лазимондомъ кавалеровымъ(ъ) веселымъ происхожденіямъ, какъ(ъ) сие старики, которыя между собою весьма противнаго праву, хотя старые друзья противъ своихъ сыновъ(ъ) поступаютъ(ъ); на послѣдокъ дорантъ женится на иоліи, а кавалеръ на целамоне ко удовольствію своихъ(ъ) отцовъ и арганты и симъ кончатца комедія.

Душе прикащикъ.

Комедія Французская состоящая водномъ явленіи сочиненная прозою господиномъ Дасидромъ ¹⁾.

Действующие.

Господинъ Бернгаръ старый душе прикащикъ ангелины. . . Г-днъ Шатонъ.
 Ангелина Г-жа де Шомонъ.
 Лизета ея служанка. Г-жа де Шене.
 Дорантъ любовникъ ангелининъ Г-днъ Дормонтъ.
 Ломонъ слуга дорантовъ Г-днъ Дюсонъ.
 Кавалеръ дядя ангелининъ Г-днъ де Сереніи.
 Лукасъ откупщикъ бернгантовъ Г-днъ Предлери.
 Метярина племянница Лукасова Дочь Предлери.

Экстрактъ.

Г-днъ Бернгаръ старый душе прикащикъ(ъ) ангелининъ желая чтобъ(ъ) имене принадлежаще сей сироте ему самому досталось, всемъ желающимъ на ней женится даетъ отказъ, и хочетъ самъ на ней ж(е)нится, что возмущаетъ(ъ) противъ(ъ) ево ангелину, а и болше лизету ея служанку, такъ что ангелина по совѣту и стараніемъ лизетовымъ склоняется на любовь к доранту, которому она мила и который вообразе живописца, а ево слуга Ломонъ нарядившись садовникомъ придуть къ г-дну Бернгарту вдомъ, такъ все четверо соединясь и согласясь обманываютъ г-дна Бернгарта и Лукаса; шинона ихъ(ъ) бьютъ и бранятъ, а Кавалеръ дядя ангелининъ согласится к тому, чтобъ(ъ) ево племяннице ититъ(ъ) замужъ за доранта, но на все оставляетъ бернгарта, что есть конецъ комедіи.

Сообщилъ бар. Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Des a u d r a y (M.) Auteur du Ciyier (Diction. dram. m. III, Paris 1776 г.).

II.

Воспоминанія муромца объ оборонѣ Севастополя.

Прочитавъ исторію обороны Севастополя генераль-адъютанта Хрущова, я нашель въ ней нѣсколько неточностей, а иногда и прямо невѣрностей въ описаніи дѣйствій Муромскаго пѣхотнаго полка.

Какъ служившій въ этомъ полку сначала жалонернымъ офицеромъ, потомъ безсмыннымъ ординарцемъ при генералѣ Жабокритскомъ, какъ участникъ, а впоследствии очевидецъ дѣйствій этого полка, считаю нужнымъ въ этой краткой замѣткѣ изложить свои личныя воспоминанія о періодѣ обороны съ 26-го мая по 27-е августа; нѣсколько подробнѣ опишу штурмъ Волинскаго редута и Малахова кургана, такъ какъ эти два момента въ исторіи генерала Хрущова изображены совершенно невѣрно по отношенію къ Муромскому полку.

26-го мая, передъ штурмомъ Волинскаго редута, Муромскій полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ въ самомъ редутѣ, два—ближе къ бухтѣ, четвертый—кажется, у Ушаковскихъ аркадъ, хотя навѣрно не помню.

У генерала Хрущова сказано: «Муромцы, кажется, были застигнуты врасплохъ». На самомъ же дѣлѣ вотъ какъ это случилось. Передъ самымъ штурмомъ командующій полкомъ маіоръ Бѣляевъ въ находился въ блиндажѣ вмѣстѣ съ флотскимъ штабъ-офицеромъ, на котораго было возложено начальство какъ надъ Волинскимъ редутомъ, такъ и надъ всей позиціей, лежавшей по сторонамъ редута. Получивъ донесеніе о томъ, что французы двигаются по направленію къ редуту, маіоръ Бѣляевъ скомандовалъ: «Въ ружье!»

— Не нужно, сказалъ начальникъ позиціи: — непріятель нарочно вызываетъ у насъ тревогу, чтобы потомъ удобнѣе разстрѣливать наши колонны!

Приказаніе старшаго начальника было исполнено, а черезъ минуту Волинскій редутъ былъ окруженъ французами.

Такимъ образомъ если муромцы были застигнуты непріятелемъ врасплохъ, то во всякомъ случаѣ не по своей винѣ. И здѣсь они выказали себя вполне молодцами и храбрецами. Начался страшный рукопашный бой: дрались прикладами и камнями. Маіоръ Бѣляевъ былъ убитъ, также какъ и командиръ баталіона, капитанъ Куняцкій; но на ихъ мѣста сейчасъ же стали новые начальники. Остатки полка храбро отбивались отъ вдесятеро сильнѣйшаго противника, но не отступали и не сдавались. Не осталось бы ни одного человѣка изъ цѣлаго полка, если бы въ это время не былъ открытъ огонь съ парохода «Владиміръ», подошедшаго къ самому берегу. При томъ хаосѣ, который пронесходилъ въ редутѣ, невозможно было отличить своихъ отъ непріятеля. Выпускаемые съ парохода снаряды поражали и французовъ, и насъ; подпо-

ручнику Рудневу и прапорщику Мзевскому на моихъ глазахъ оторвало ядрами головы. Полкъ не выдержалъ огня со стороны своихъ и отступилъ къ Ушаковскимъ аркадамъ, но въ какомъ видѣ! Въ немъ осталось всего 800 нижнихъ чиновъ, 32 офицера были убиты, а 5 попались въ плѣнъ.

Остатки Муромскаго полка были назначены сперва въ крѣпостной караулъ, а потомъ на бастионъ № 7. Тамъ жилось нѣсколько спокойнѣе, хотя штудерныя пули все-таки беспокоили насъ иногда. Дѣйствіе ихъ было чрезвычайно сильно: разъ, напримѣръ, случилось, что пуля попала въ штыкъ одного изъ стоявшихъ въ козлахъ ружей, разбилась на части и, несмотря на потерю скорости, осколкомъ убила солдата.

Послѣ смерти майора Бѣляева, у насъ перемѣнилось нѣсколько командировъ, наконецъ былъ назначенъ подполковникъ Дмитрій Васильевичъ Ничикъ, храбрый офицеръ, достойный командовать нашимъ полкомъ.

6-го августа у насъ былъ полковой праздникъ. Непріятель въ этотъ день не беспокоилъ насъ, такъ что мы спокойно пообѣдали и выпили за здоровье государя императора. Къ вечеру мы перешли во внутрь крѣпости для занятія карауловъ и сѣнили Курское ополченіе. Сравнительно съ тѣмъ, что было раньше, караулы показались намъ отдыхомъ. Но недолго мы отдыхали. Черезъ нѣсколько дней полкъ былъ назначенъ въ мины, а 21-го августа отправленъ на бастионъ Рогатку, находившійся рядомъ съ Малаховымъ курганомъ. На эту часть позиціи, какъ на главный пунктъ атаки, французы постоянно направляли сильный пушечный и ружейный огонь, обстрѣливая въ то же время и все пространство между курганомъ и морскими казармами, въ которыхъ были устроены офицерскія квартиры. Такимъ образомъ даже для того, чтобы воспользоваться относительнымъ отдыхомъ, приходилось раньше подвергнуться значительной опасности, проходить подъ выстрѣлами большое открытое пространство.

Я забылъ добавить, что въ это время насъ часто посылали ночью въ распоряженіе инженерныхъ офицеровъ для исправленія бастионовъ; во время работъ гибло много солдатъ.

23-го августа у насъ была ложная тревога, благодаря горячности начальника секрета, подпоручика Монтабелло, грузина по происхожденію. Замѣтивъ впереди себя французскій секретъ, Монтабелло выхватилъ у солдата ружье и выстрѣлилъ. Поднялась тревога по всей линіи, и началась съ обѣихъ сторонъ страшная канонада. Стрѣльбою, впрочемъ, все дѣло и ограничилось. Монтабелло былъ легко раненъ въ ногу.

26-го августа, обходя со мною посты на бастионѣ, полковой командиръ замѣтилъ французскую артиллерію и послалъ меня на Малаховъ курганъ доложить объ этомъ начальнику нашей линіи, генералу Буаю, а также просить у послѣдняго снарядовъ или ракетъ. Генерала я засталъ занятымъ вмѣстѣ съ другими начальниками составленіемъ рапорта князю Горчакову;

въ рапортѣ между прочимъ упоминалось о томъ, что погребъ на Малаховомъ курганѣ совершенно слабъ и можетъ взорваться отъ одной попавшей бомбы.

На мой докладъ я получилъ отъ генерала Бусао слѣдующій отвѣтъ:

— Откуда я возьму ракеты? Кажется, есть на батарее Жерве, да некого послать. Ступайте вы!

— Я никогда не былъ на батарее Жерве, не знаю даже, въ какой она сторонѣ.

— Вотъ вамъ проводникъ, и далъ мнѣ солдата.

Проводникъ скоро былъ убитъ, такъ что я одинъ промаялся всю ночь и притомъ совершенно напрасно: ракетъ не оказалось и на батарее Жерве. На обратномъ пути я доложилъ объ этомъ генералу Бусао. Это было уже утромъ 27-го августа. Генералъ велѣлъ мнѣ передать въ полкъ слѣдующее приказаніе: «Сегодня будетъ штурмъ; стрѣлять рублеными пулями; очень можетъ быть, что первая линія непріятели будетъ въ кирасахъ, поэтому цѣлить въ головы».

Выслушавъ мой докладъ, подполковникъ Ничикъ только улыбнулся и замѣтилъ:

— Да у насъ и цѣльныхъ пуль нѣтъ! Три дня приходится ждать, пока разрѣшатъ отпустить патроновъ!

Между тѣмъ началась страшная бомбардировка, которая и продолжалась до 10 часовъ. Когда немного поутихло, подполковникъ Ничикъ передалъ полкъ майору Куфанину, а самъ отправился черезъ Малаховъ курганъ побѣдять, пригласивъ и меня съ собою. Но мнѣ хотѣлось побывать у себя на квартирѣ, и я отправился въ Морскія казармы. Квартиру я нашелъ въ полномъ безпорядкѣ, а подъ кроватью валялось ядро. Едва я началъ обѣдять, ударили тревогу. Я бросилъ все и побѣжалъ на Малаховъ курганъ, гдѣ засталъ слѣдующую картину. Командиръ полка былъ уже тяжело раненъ; войска столпились въ безпорядкѣ во 2-ой линіи; ближайшихъ начальниковъ не было; командовали офицеры другихъ частей, за которыми солдаты неохотно шли; патроновъ не было вовсе! Даже на команду любимаго начальника, генерала Хрулева, прибывшаго въ эту минуту на Малаховъ курганъ, солдаты отвѣчали: «дайте патроновъ и водки, и французъ не устоитъ на мѣстѣ».

Муромскій полкъ въ это время едва рѣшился отступить на 2-ю линію бастиона Рогатка, къ Малахову кургану. Къ сожалѣнію, генерала Хрулева не было уже тамъ: онъ былъ раненъ въ руку. Въ противномъ случаѣ муромцы навѣрно пошли бы впередъ за любимымъ начальникомъ, такъ какъ всякому солдату было глубоко внушено прежними начальниками, что голова его принадлежитъ престолу и отечеству, что за послѣдствія отвѣтитъ начальство, а солдатское дѣло не толковать, а только кричать «ура!» и идти впередъ.

Генералъ Лысенко, заступившій мѣсто генерала Хрулева, былъ тоже раненъ, такъ что войска остались безъ главнаго начальника; старшій по чину

генераль Носовъ не только не принималъ участія въ бою, но сидѣлъ на платформѣ подъ пушкою и не говорилъ ни слова.

Когда французы вскочили на Малаховъ курганъ, Муромскій полкъ отступилъ, такъ какъ его разстрѣливали и спереди и сбоку. Маіоръ Куфанинъ былъ раненъ въ бедро; старшій по чину штабсъ-капитанъ Осипъ Станиславскій, сдѣлавъ повѣрку, насчиталъ во всемъ полку 8 офицеровъ и 140 нижнихъ чиновъ!

Въ это время на 2-ю линію Малахова кургана привезли патроны. Солдаты бросились къ нимъ съ жадностью, но радость ихъ была непродолжительна; патроны оказались безъ пистоновъ.

Затѣмъ сейчасъ же взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребецъ. Пользуясь происшедшимъ при взрывѣ замѣшательствомъ между французами, мы могли бы выбить ихъ изъ первой линіи, но я уже сказалъ, что отъ Муромскаго полка остались лишь жалкіе остатки. Курское же ополченіе, присланное намъ въ помощь, на предложеніе прогнать французовъ отвѣчало: «Кабы въ рукопашную, въ обиду не дадимся, а ружья намъ только мѣшаютъ, мы съ ними не умѣемъ управляться».

Такимъ образомъ войска простояли до вечера 27-го августа во второй линіи Малахова кургана, въ бездѣйствіи, будучи отдѣлены отъ противника только валомъ.

Вечеромъ генераль Носовъ принялъ наконецъ на себя командованіе войсками, собралъ командировъ полковъ, для передачи приказаній; штабсъ-капитану Осипу Станиславскому съ остатками Муромскаго полка онъ приказалъ отступить къ Севастополю, въ прежнія квартиры. Такимъ образомъ мы покинули Малаховъ курганъ не подъ натискомъ врага, а по приказанію начальства.

Я отправился на Павловскій мысокъ, въ надеждѣ, что узнаю что-нибудь положительное о дальнѣйшихъ приказаніяхъ; встрѣтивъ адъютантовъ генерала Засса, я спросилъ: «Что намъ дѣлать?» — «Не знаемъ», отвѣчали они прехладнокровно.

На Павловскомъ мыскѣ было совершенно пусто; только какой-то артиллерійскій офицеръ похаживалъ около своихъ пушекъ, тоже, видно, дожидаясь какого-либо приказанія.

Послѣ какой-то адъютантъ именемъ генерала Засса приказалъ намъ переправиться на сѣверную сторону. На мосту и около него стояли такія толпы и происходилъ такой беспорядокъ, что если бы французы въ это время произвели нападеніе, то всѣ переправлявшіяся войска погибли бы; но французы только освѣщали насъ свѣтящимися ядрами.

Полурота, изображавшая Муромскій полкъ, но тѣмъ не менѣе со всѣми знаменами и съ музыкой, къ 3 часамъ ночи была перевезена на пароходѣ «Владимір» на сѣверную сторону. Черезъ сутки мы отправились въ ущелье Юкаръ Керелесъ, въ штабъ 6-ой пѣхотной дивизіи, гдѣ получили единствен-

ную за всю кампанію награду: государь разрѣшилъ намъ, т. е. 8 оставшимся въ живыхъ офицерамъ, окружить себя и поблагодарилъ насъ лично. Другою для насъ наградою было сознаніе, что мы честно исполнили долгъ солдата. Правда, мы слышали, что государь императоръ хотѣлъ наградить всѣхъ насъ. Но для этого нужно было представленіе отъ того начальства, которое вмѣстѣ съ нами было въ бою и видѣло наши подвиги. А такого начальства у насъ не было: оно поголовно пало на полѣ брани. Муромскій полкъ все время былъ отдѣленъ отъ 6-ой пѣхотной дивизіи, черезъ каждые нѣсколько дней получалъ новаго командира. Такимъ образомъ начальникъ дивизіи, генералъ Бельгардъ, не былъ съ нами въ огнѣ, а потому и не могъ оцѣнить cadaго по заслугамъ.

А. В. Стабровскій.

III.

Письмо императрицы Екатерины II къ Тихону, епископу воронежскому ¹⁾.

Пресвященный епископъ Воронежскій Тихонъ!

Генераль-поручикъ Щербининъ по волѣ моей отправился для открытія съ помощію Божіею въ будущемъ декабрѣ правленія въ Воронежскомъ наѣстничествѣ по образу, отъ меня преднаписанному. Я удостовѣрена, что ваше пресвященство не оставите ему въ семъ, на пользу отечества устроимою, дѣлѣ пособствовать, паче же общимъ ко Всевышнему молитвамъ предводительствовать, вашими пастырскими, да судъ, правда и благо, нами насаждаемыя, возрастать плодъ желаемый. Пребываю, впрочемъ, вамъ доброжелательная Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, октября 25, 1777 года.

Сообщ. Н. Барсовъ.

¹⁾ Это былъ Тихонъ III, по фамиліи Малининъ. Тихонъ I-й, по фамиліи Соколовъ, святой, епископствовалъ въ Воронежѣ съ 3-го февраля 1761 года по 17-е декабря 1767 года, Тихонъ II, Якубовскій—съ 17-го декабря 1767 года по 19-е мая 1775 года. Тихонъ III управлялъ Воронежскою епархіею съ означеннаго числа по 6-е мая 1788 года, когда былъ переведенъ въ Тверь, гдѣ епископствовалъ по 14-е ноября 1793 года, когда и скончался.

IV.

„Жиль-Блазъ 2-го декабря“.

Недавно издано въ свѣтъ полное собраніе сочиненій нашего знаменитаго поэта и публициста князя П. А. Вяземскаго. Между стихотвореніями его было одно, написанное по поводу бомбардированія англо-французами Одессы въ 1854 году. Не лишены интереса слѣдующія подробности относительно этого стихотворенія, которыя мы извлекли изъ одного неизданнаго частнаго письма того времени.

Написавъ стихи, князь П. А. Вяземскій, находившійся въ то время (1854 г. май) въ Дрезденѣ, переслалъ ихъ въ рукописи въ Москву къ одному изъ своихъ пріятелей, прося его напечатать стихи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Тотъ счелъ нужнымъ сдѣлать это, согласно желанію князя, чрезъ посредство одесскаго архіепископа Иннокентія, бывшаго также въ дружбѣ съ княземъ. Препровождая къ Иннокентію стихотвореніе Вяземскаго, онъ въ особомъ письмѣ высказываетъ опасеніе, что напечатаніе стихотворенія встрѣтитъ препятствіе со стороны цензуры: дѣло въ томъ, — писалъ онъ, — что «императорскій титулъ Наполеона признанъ нашимъ государемъ, который не только даетъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ уваженія къ царскому сану, но оказывается всегда твердымъ защитникомъ всѣхъ престоловъ. Какъ послѣ сего можетъ цензура допустить напечатаніе находящихся въ стихотвореніи, впрочемъ справедливыхъ, но колкихъ словъ о Наполеонѣ: «Жиль-Блазъ втораго декабря?!» Все это можно, однакоже, легко поправить, замѣня (буде угодно вамъ будетъ сіе одобрить) Жиль-Блаза словомъ — «герой»: герой втораго декабря. Конечно, и громкій сей титулъ можетъ быть принятъ въ видѣ насмѣшки, но мысль поэта все-таки смягчается».

Сообщ. Н. Барсовъ.

V.

Другой Жиль-Блазъ — болѣе близкій къ герою Лесажа.

«Возвращаясь изъ Крыма въ Россію, мнѣ необходимость была въ офиціантѣ для прислуги. Въ симферопольскомъ трактирѣ, содержимомъ однимъ итальянцемъ, я нашелъ молодаго человѣка, который у хозяина былъ буфетчикомъ. Я взялъ его съ собою, какъ надежнаго; онъ оказался дворяниномъ и имѣть брата въ военной службѣ. Мать его, по непреодолимымъ требованіямъ бѣдности, отдала его на нѣсколько лѣтъ въ кабалу проѣзжавшему чрезъ Сим-

*

ферополь фигляру; мальчикъ, жившій у этого гистріона, выучился многимъ иностраннымъ нарѣчіямъ, — говоритъ по-турецки, татарски, польски, новогречески, и тѣмъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, которое называютъ жидовскимъ. Я успѣлъ выправить ему отъ начальства новое свидѣтельство, гдѣ послѣднее направленіе материнской воли было исключено. Юноша отправился со мною въ Кіевъ, тамъ мы прожили около года; потомъ привезъ его въ Москву, гдѣ оказалось въ моемъ служителѣ влеченіе къ монашеству; онъ пріютился въ одну здѣшнюю пустыню и устремилъ себя на подвигъ уединенной дѣятельности. Теперь онъ является ко мнѣ снова, чтобы извѣстить меня, что неодолимое влеченіе его идти на аскетическое руководство къ старцу, въ страну Паисія Величковскаго или на Аѳонъ, гдѣ надѣется найти для себя желанное молитвенное успокоеніе. Прошу у любящаго сердца вашего милостиваго къ мальчику созвучія на подвигъ и архипастырскаго благословенія, предостереженія и безпристрастія». Юрій Бартеневъ. Москва. 5-го іюня 1849 г. (Изъ письма къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому).

М. П. Погодинъ въ одномъ изъ писемъ къ Иннокентію, архіепископу херсонскому, рассказываетъ, что И. А. Крыловъ о Глинкѣ Ѳ. Н. говорилъ: «Глинка съ Богомъ за панибрата; онъ Бога въ кумовья къ себѣ позоветъ».

Сообщ. Н. Барсовъ.

VI.

Государево «слово и дѣло» и кадетъ Земцовъ.

Хотя дѣятельность Тайной канцеляріи была ограничена императрицею Елизаветой Петровной вскорѣ по вступленія ея на престолъ, указомъ отъ 7-го марта 1742 года, однако все же была весьма значительна, охватывая не только крупныя политическія преступленія, но и ничтожныя, мелкіе проступки, ничего рѣшительно политическаго въ себѣ не заключавшіе. Стояло какому-либо бродягѣ, воришкѣ или вообще мелкому преступнику сказать за собой государево «слово и дѣло» съ намѣреніемъ отсрочить ожидающую его, за ранѣе совершенное преступленіе, законную кару, какъ его тотчасъ забирали въ страшную канцелярію, начинался розыскъ; онъ оговаривалъ другихъ, возводил на нихъ обвиненіе въ небывалыхъ преступленіяхъ, лгалъ и на себя — и такъ совершенно запутывалъ дѣло. Дѣло принимало колоссальныя размѣры;

сколько невинныхъ людей попадало въ застѣнокъ, сколько чернилъ и бумаги тратилось подъячими!

Насколько заразителенъ былъ этотъ обычай «слова и дѣла» въ ту эпоху, можно судить по тому, что оно нашло себѣ мѣсто даже въ привилегированномъ учебномъ заведеніи — Шляхетскомъ корпусѣ, какъ видно изъ любопытнаго дѣла, сохранившагося въ архивѣ этого корпуса (выиѣ 1-й кадетскій).

10-го ноября 1758 года капитанъ Мелесино доложилъ г-ну бригадиру, арміи и сухопутнаго Шляхетскаго корпуса полковнику Ляпунову, что, когда, согласно приказанію полковника Ляпунова, объявилъ онъ — кадету Александру Земцову, за лѣность въ классѣ, штрафъ розгами, то Земцовъ, испугавшись ожидавшаго его наказанія, сказалъ за собой Ея Императорскаго Величества «слово и дѣло». Полковникъ Ляпуновъ тотчасъ же положилъ резолюцію: отослать кадета въ Тайную канцелярію, что было въ тотъ же день исполнено; но предварительно у бѣднаго юноши произвели тщательный обыскъ и отобрали учебныя пособія и другія казенныя вещи, въ надеждѣ, что онъ въ корпусъ уже болѣе не вернется.

Черезъ нѣсколько дней однако, въ канцеляріи корпуса была получена изъ Тайной канцеляріи промеморія, подписанная страшнымъ временщикомъ Александромъ Шуваловымъ. Въ ней говорилось, что по Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Тайной канцеляріи надъ Земцовымъ учинено надлежащее рѣшеніе, а затѣмъ канцелярія въ немъ больше нужды не имѣетъ и возвращаетъ его обратно въ корпусъ съ канцелярскимъ служителемъ для сдачи подъ росписку.

Каково было это «надлежащее рѣшеніе», учиненное надъ Земцовымъ, въ чемъ состояли его наказанія, Тайная канцелярія по существовавшимъ тогда законамъ не имѣла права сообщать безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія. Такъ это и осталось тайной, однако надо думать, что кадетъ Земцовъ никого изъ служившихъ въ корпусѣ не оговорилъ, такъ какъ въ дѣлахъ корпуса свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

Еще до возвращенія Земцова изъ Тайной канцеляріи корпусное начальство, сильно взволнованное происшедшимъ инцидентомъ, не имѣвшимъ себѣ примѣра въ исторіи корпуса, рѣшило во что бы то ни стало избавиться отъ опаснаго, по его мнѣнію, юноши, почему полковникъ Ляпуновъ и обратился къ главному шефу корпуса Борису Григорьевичу Юсупову съ нижеслѣдующимъ рапортомъ:

«Сего ноября, 10-го дня, по поданному дежурнымъ капитаномъ Мелесино рапорту, объявлено, что Шляхетскаго кадетскаго корпуса кадета Александра Земцова хотѣлъ онъ штрафовать розгами и затѣмъ оный кадетъ, до того штрафа, сказалъ за собою Ея Императорскаго Величества «слово и дѣло», по которому сего ноября 10 при промеморіи въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отосланъ.

«А понеже, оный Земцовъ поведенія посредственнаго и отъ роду ему выиѣ

14 лѣтъ, въ наукахъ знаніе имѣеть худое—того ради Вашему Сіятельству о помянутомъ кадетѣ представляю въ разсужденіи его въ наукахъ худаго знанія, а особливо за предписанное преступленіе, что дозволилъ себѣ кадетъ учинить — не повелѣно ли будетъ, не ожидая присылки онаго изъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, отослать его для опредѣленія въ Гарнизонную школу. На что прошу разрѣшенія.

14 ноября 1758 г.

Ляпуновъ».

Юсуповъ далъ свое согласіе, и бѣдному Земцову, за свое легкомысліе, пришлось навсегда распрощаться съ корпусомъ.

В. Мустафинъ.

·VII.

АХАЛЦИХСКІЙ ПАМЯТНИКЪ.

Въ статьѣ «Памятники турецкой войны 1828—1829 годовъ», помѣщенной въ августовской книжкѣ «Русской Старины» сего года, не упомянуто о замѣчательномъ, но малоизвѣстномъ историческомъ памятникѣ, находящемся вблизи Ахалциха. Надпись на памятникѣ гласитъ: «Въ память воинамъ, павшимъ при взятіи російскими войсками въ 1828 году Ахалцихской крѣпости. Въ семь случаевъ убиты: генераль-маіоръ Корольковъ, штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 23, нижнихъ чиновъ 213. Російскихъ войскъ, подъ начальствомъ главнокомандовавшаго графа Паскевича-Эриванскаго, приосадѣ и штурмѣ Ахалциха было 12.000 человекъ. Отбито трофеевъ: 67 пушекъ, 52 знамя и 5 бунчуковъ. Предводители турецкихъ войскъ для защиты Ахалциха привели 25.000 войска; въ гарнизонѣ Ахалциха находилось 15.000 человекъ. Сооруженъ въ благополучномъ царствованіи Государя Императора Всероссийскаго Александра II, при главнокомандующемъ генераль-фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ въ 1861 году». Открытъ памятникъ 30-го августа 1863 года. Первое повелѣніе о сооруженіи памятника далъ императоръ Николай Павловичъ въ 1837 году при своемъ посѣщеніи Ахалциха. Памятникъ находится въ трехъ верстахъ отъ города; высота его 5 сажень; онъ представляетъ мѣдный позолоченный крестъ и шаръ, поставленные на куполѣ надъ чугунными столбиками; фундаментъ изъ тесаннаго камня. Памятникъ безъ креста и шара вѣситъ 843 пуда 22 фунта. Всѣ чугунныя и желѣзныя вещи, шаръ и крестъ изготовлены въ Одессѣ.

Н. Ширяевъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Откуда пошла русская земля?

И долгій, и спорный вопросъ. Нѣтъ, кажется, историка, который не вдавался бы въ болѣе или менѣе упорныя изслѣдованія происхожденія племени «руси». По этому вопросу создалась громадная литература, высказано за послѣднія сто лѣтъ множество всевозможныхъ предположеній, теорій и догадокъ. Одни ученые изслѣдователи производятъ «русь» отъ норманновъ, другіе выводятъ ее отъ племенъ финскихъ, литовскихъ, мордовскихъ, отъ славянъ, наконецъ, сѣверныхъ и южныхъ. И многочисленнѣе, и авторитетнѣе до сихъ поръ была такъ называемая норманская школа, считавшая «русь» скандинавами,—тутъ значатся такія имена, какъ С. М. Соловьевъ, А. А. Кунякъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Но и противная партія такъ же не слаба именами, и выводы ея доказательны, пожалуй, не меньше. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ, вопросъ—откуда пошла русская земля—рѣшеннымъ окончательно назваться не можетъ.

«Историческій Вѣстникъ» посвящаетъ довольно обширную статью послѣднему труду профессора Васильевскаго—«Русско-Византійскіе отрывки», заключающему въ себѣ детальный и весьма обстоятельный разборъ двухъ источниковъ, имѣющихъ большое значеніе для рѣшенія даннаго вопроса. Источники эти житія св. Георгія Амастридскаго и св. Стефана Сурожскаго. Разборъ этихъ памятниковъ, въ сущности, не новъ. Материаломъ этимъ пользовались и норманисты и послѣдователи второй теоріи происхожденія «руси». Но въ ихъ изысканіяхъ не было достаточной обоснованности и, главнымъ образомъ, тѣ и другіе произвольно выставляли хронологическую дату описываемыхъ въ этихъ памятникахъ событій, а именно—неоднократно упоминаемыхъ въ названныхъ житіяхъ набѣговъ «руси» на берега Чернаго моря. Одни (норманисты) относили ихъ ко времени послѣ 862 года, другіе же ко времени до призванія Рюрика.

Правда оказалась на сторонѣ послѣднихъ.

Профессоръ В. Г. Васильевскій пришелъ къ выводу, что «нашествіе руси на Амастриду уже около 842 года было возможнымъ и даже дѣйствительно совершившимся событіемъ», равно какъ и нашествіе на Су-рожь, заключающее въ себѣ подлинную историческую основу, имѣеть въ виду событіе, происшедшее въ первой половинѣ IX вѣка». Дѣйствительно, имя руси въ самомъ началѣ IX вѣка ставовится уже довольно извѣстнымъ въ Византіи. Можно даже думать, что между Византіей и русью въ это время завязались нѣкоторыя довольно дружескія сношенія. Такъ, напримѣръ, въ С.-Бертинскихъ лѣтописяхъ записано извѣстіе, что въ маѣ 839 г. въ Ингельгеймѣ объявилось греческое посольство съ грамотою императора Теофила, заключавшей между прочимъ ходатайство о пропускѣ пословъ, называвшихъ свой народъ русью. Относительно пословъ говорится, что они были отправлены въ Константинополь своимъ царемъ по имени Хаканомъ (Каганомъ) съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ, затруднялись воротиться на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали со стороны варварскихъ народовъ, и просили у франковъ свободнаго пропуска. Кромѣ того, арабскій писатель Ибнъ Хордадъ-бегъ, жившій въ IX вѣкѣ, сообщаетъ, что въ первой половинѣ IX вѣка русскіе купцы уже вели торговлю съ Византіей, куда привозили бобровые и лисьи мѣха, а также мечи, причемъ «царь Рума (Византіи) взималъ десятину съ ихъ товаровъ». Какъ видно изъ сообщеній того же Ибнъ-Хордадъ-бега, торговля у руссовъ въ то время была уже очень развита. Не ограничиваясь Византіей и Чернымъ моремъ, они «пускались на судахъ» по Каспійскому морю, а оттуда иногда переправляли свой товаръ на верблюдахъ въ Багдадъ и т. д. Все это заставляетъ думать, что уже въ началѣ IX вѣка племя русъ было извѣстно на югѣ Россіи, находилось даже въ близкихъ отношеніяхъ съ ближайшими сосѣдями. Является вопросъ, отчего же никакихъ свѣдѣній такого рода мы не находимъ ни въ первоначальной русской лѣтописи, ни въ византійскихъ хроникахъ. Объясняется это тѣмъ, что русскій лѣтописецъ, какъ онъ это самъ говорить въ одномъ мѣстѣ, знаетъ о руси только изъ византійскихъ хроникъ и то не всѣхъ, а лишь Георгія Амартола. Послѣднія же составлялись въ высшей степени случайно. Не мало можно указать фактовъ, и фактовъ очень важныхъ, которые составителями хроникъ были совершенно опущены.

Къ какому же племени можно отнести русъ? Норманисты говорятъ, что русъ—шведы, и ссылаются на сообщенія С.-Бертинскихъ лѣтописей гдѣ русскіе послы, называвшіе себя росъ, а своего короля Хаканомъ, были признаны, послѣ нѣкотораго изслѣдованія, свеонами, т. е. шведами. «Это извѣстіе до сихъ поръ, по словамъ К. Н. Рюмина-Бестужева,

представляетъ еще непреодолимыя трудности для изслѣдованія». Проф. В. Г. Васильевскій эти трудности преодолѣлъ, доказавъ, что свеонами послы признаны совершенно ошибочно, что Хаканъ былъ хозарскій каганъ, находившійся около этого времени въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей. Отвергая такимъ образомъ скандинавскую теорію, профессоръ Васильевскій не признаетъ однако и того, что русь была племенемъ славянскимъ. «На сцену выступаютъ,—говоритъ онъ,—Днѣпровскіе пороги, которыхъ никакъ нельзя миновать; да и обойти ихъ посредствомъ умолчанія дѣло не такое, чтобы оно приличествовало ученому, привыкшему рѣшительно и прямо высказывать свои мнѣнія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже славянскія, но только другаго нарѣчія. Когда предметъ на одномъ языкѣ называется Неясуть, а на другомъ Аифаръ, на одномъ Островной порогъ, а на другомъ Улворси и т. д., то это весьма мало походить на діалектическія отличія. Замѣчанія Погодина о двухъ славянскихъ языкахъ, которые такимъ путемъ получатся, хотя и способны разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣтки. Итакъ, кто же были русскіе, производившіе набѣги на Сурожъ и Амастриду въ первой половинѣ IX вѣка?»

Въ Амастридскомъ житіи русскіе довольно явно приурочиваются къ весьма употребительному термину: «тавроскины». Говоря о жестокостяхъ, каковыми ознаменовала русь свое нападеніе на Амастриду, авторъ житія описываетъ ихъ такимъ образомъ: «Храмы испровергаются, святины оскверняются; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліанія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ у нихъ сохраняющее свою силу: убійство дѣвственныхъ мужчинъ и женщинъ». Этими словами авторъ житія хотѣлъ сказать, что русь унаслѣдовала и удержала въ полной силѣ обычаи ксенохроніи таврической. Достаточно припомнить только нѣкоторыя мѣста нашей первоначальной лѣтописи для того, чтобы убѣдиться, что такого рода обычаи были свойственны русскимъ. «Привожаху и дщери и тряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернися кровьюми земля», «мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Руссы Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, «закаляли мужей и женщинъ, согласно съ существовавшимъ у нихъ отеческимъ обычаемъ». Точно также вполне соответствуетъ обычаямъ русскихъ еще одна черта, указываемая житіемъ, именно поклоненіе водамъ и рощеніямъ, о которой находимъ извѣстія какъ въ нашей лѣтописи, такъ и въ сказаніяхъ арабскихъ писателей. «Бяху же тогда погани, жруще озеромъ и кладяземъ и рощеніемъ»,—говорится о русскихъ славянахъ. Авторъ житія объяснилъ себѣ эти обычаи заимствованіемъ у древнихъ тавровъ, славившихся своей жестокостью, главнымъ образомъ потому, что имѣлъ въ виду другое

названіе руси «тавроскиѣ», не менѣе употребительное, чѣмъ первое. По крайней мѣрѣ, у писателей X вѣка подъ именемъ тафроскиѣовъ разумѣются исключительно русскіе. Иногда вмѣсто него употребляется выраженіе «скиѣ около Тавра», какъ, напримѣръ, у Кедрина и Зонары, но всегда для обозначенія русскихъ. У Льва Діакона встрѣчается даже извѣстіе, указывающее на разницу между этими двумя названіями. По его словамъ, названіе «тавроскиѣ» было литературнымъ тогда какъ «русь» употреблялось въ просторѣчїи. Такимъ образомъ, изъ всего этого вполне естественно вытекаетъ выводъ, что тавроскиѣ греческихъ писателей то же самое, что и русь.

Названіе же тавроскиѣ есть сложное и, по мнѣнію профессора Васильевскаго, должно собственно обозначать смѣсь тавровъ, древнихъ обитателей Тавриды, отождествляемыхъ съ пранскими аланами, и съ ними скиѣовъ. Извѣстно, что у римскихъ и греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. скиѣами назывались готы. Тавроскиѣ, значить, представляютъ собой смѣсь готовъ съ таврами или аланами, т. е. это тѣ валанготы или валаготы, которые упоминаются уже въ спискѣ именъ VIII вѣка.

Главный выводъ, къ которому пришелъ въ своемъ изслѣдованіи проф. Васильевскій, заключается въ томъ, что «всѣ извѣстія о руси и русскихъ до половины IX вѣка относятся къ тавроскиѣамъ и объясняются отождествленіемъ руси съ тавроскиѣами, а этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами, готаланами».

Относительно мѣста, гдѣ жила эта русь, профессоръ Васильевскій затрудняется дать вполне опредѣленный отвѣтъ и указываетъ на два мѣста, какъ на очень вѣроятную родину руси, это — русь приднѣпровская и русь тмутараканская. То обстоятельство, что въ этихъ мѣстахъ господствовали хозары, нисколько не мѣшаетъ признать этотъ выводъ, такъ какъ; во-первыхъ, господство хозаръ было очень не прочно, а во-вторыхъ, самыя племена, подвластныя кагану, не лишены были возможности дѣйствовать самостоятельно. Что касается до самаго имени «русь», то, по мнѣнію профессора Васильевскаго, оно могло образоваться путемъ усѣченія изъ параллельнаго названія «тавроскиѣ», въ которомъ есть для этого подходящіе элементы, именно слогъ *рос*.

Во всякомъ случаѣ, предположенія профессора Васильевскаго весьма вѣроятны. Авторъ упоминаемой нами статьи указываетъ, какъ на примѣръ подобнаго усѣченія на греческое числительное *τεσσαράκοντα*, изъ котораго образовалось русское *сорокъ*. Несомнѣнно одно, что такое производство названія «руси» не можетъ быть даже и сравниваемо съ гипотезами, производящими это названіе отъ словъ: *русыи*, *розга*, латинскаго *гис* (деревня) и даже отъ слова *рухъ*, которое, по мнѣнію

толкователя (г. Шейковскаго), означало движимое имущество,— не отсюда ли рухлядь?

Въ заключеніе авторъ, приводя слова Длугоша, что «разногласіе писателей о происхожденіи русскихъ болѣе затемнило, чѣмъ разъяснило это происхожденіе», говорить, что этого нельзя сказать относительно нашего времени. Каждая новая теорія, по его мнѣнію, разъясняетъ спорный вопросъ все больше и больше и все ближе и ближе подходитъ къ его рѣшенію. Авторъ склоненъ думать, что теорія профессора Васильевскаго, въ этомъ смыслѣ, сдѣлала большой шагъ впередъ и если не рѣшила вопроса окончательно, то очень не далека отъ этого рѣшенія, ближе, во всякомъ случаѣ, чѣмъ всѣ другія теоріи, съ нормано-скандинавской во главѣ.

* * *

Подъ заглавіемъ «Неисполненный завѣтъ царя» г. К. П. Горбуновъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ весьма любопытный историческій очеркъ, касающійся забытаго и невыполненнаго завѣта великаго преобразователя земли русской.

Рѣчь идетъ о Полтавскомъ боѣ,—«о послѣднемъ актѣ борьбы между сѣверными гигантами», какъ выражается г. Горбуновъ,—и объ единственномъ личномъ желаніи великаго царя, которое до сихъ поръ не исполнилось—о памятникѣ боя на поляхъ полтавскихъ.

Исторія Петра, какъ сказалъ одинъ изъ англійскихъ писателей— имени его мы, къ сожалѣнію, не упомянемъ,—это книга, переворачивать страницы которой обыкновенному смертному не подъ силу. Безспорно одна изъ всѣхъ этихъ славныхъ страницъ—страница Полтавскаго боя наиславнѣйшая. Памятный день 27 іюня 1709 года рѣшилъ на берегахъ Ворсклы великій для Россіи вопросъ, быть или не быть.

Карлъ XII, забравшись въ Малороссію, не нашелъ того, на что рассчитывалъ и что обѣщаль ему Мазепа. Его приняли недружелюбно, и на серьезную поддержку казаковъ рассчитывать оказалось невозможнымъ. Кромѣ того, русскія войска преградили всѣ пути вспомогательнымъ отрядамъ, которые могли придти къ нему изъ Швеціи и Польши. Карлъ понялъ, что рѣшиться на войну при такихъ условіяхъ невозможно, и рѣшился вызвать Петра на рѣшительный бой. Съ этой цѣлью онъ осадилъ Полтаву, гдѣ надѣялся кромѣ того найти богатые запасы провіанта, отъ недостатка котораго его войско стало замѣтно страдать. Въ городѣ въ то время было 4.000 регулярнаго войска и 2.500 гражданъ, способныхъ носить оружіе, подъ командой Келлина. Шведское войско растянулось по правому берегу рѣки Ворсклы отъ мѣстечка Опшны (Зѣньковскаго уѣзда) до Переволочны (Кобелякскаго уѣзда). 3-го апрѣля 1709 года начались первыя осадныя работы шведовъ съ той

стороны Полтавы, гдѣ теперь находится предмѣстье, подъ названіемъ «Кулики». Въ ночь на 5-е апрѣля былъ первый приступъ, но окончился неудачей для шведовъ. Послѣ этого начался цѣлый рядъ подкоповъ и приступовъ со стороны шведовъ и болѣе или менѣе удачныхъ вылазокъ со стороны осажденныхъ. Городъ держался.

Въ это время самъ Петръ былъ сначала въ Воронежѣ, а потомъ въ Азовѣ. Шереметевъ, стоявшій съ войсками около Голтвы ¹⁾, въ маѣ мѣсяцѣ двинулся на соединеніе съ Меншиковымъ. Войска сошлись при селѣ Крутомъ Берегѣ, на лѣвой сторонѣ Ворсклы, верстахъ въ пяти отъ Полтавы, но безъ Петра ничего не принимали и оставались въ бездѣйствіи.

Между тѣмъ схватки подъ городомъ съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе ожесточенными. 1-го іюня шведы атаковали осажденныхъ и успѣли уже взобраться на городскіе валы, но послѣ двухчасоваго боя были отброшены. На другой и на третій день послѣ этого осажденными были сдѣланы удачныя вылазки. 4-го прибылъ Петръ изъ Азова. Онъ понималъ, что Карлу не столько была нужна Полтава, сколько необходимо вызвать самого Петра на генеральное сраженіе, и принялъ вызовъ. Онъ и тогда уже вѣрилъ въ свою побѣду и, чтобы сдѣлать ее полной, прежде всего позаботился отрѣзать Карлу отступленіе въ Польшу. Эту задачу выполнилъ герцогъ Скоропадскій со своими казаками, князь Долгорукій и генераль Гольцъ. 20-го іюня русскія войска переправились съ лѣваго берега Ворсклы на правый, шведскій, и стали лагеремъ у нынѣшней Семеновки, въ семи верстахъ отъ Полтавы къ сѣверу, на высокому берегу Ворсклы. Преданіе говорить, что деревня эта обязана своимъ названіемъ семеновцамъ, которые первые расположились здѣсь послѣ переправы.

Полтава упорно продолжала держаться, что очень раздражало Карла. Онъ отдалъ приказъ взять городъ во что бы то ни стало. Но и это не помогло 12-го іюня на разсвѣтѣ начался послѣдній приступъ. Битва продолжалась цѣлыя сутки, до утра слѣдующаго дня; однако городъ устоялъ и на этотъ разъ. Въ городѣ, несмотря на страшныя потери и изнуренія, никто не думалъ сдаваться. Всѣ были страшно возбуждены противъ шведовъ. Преданіе говорить, что послѣ рѣзни 22-го іюня кто-то изъ гражданъ, усомнившись въ возможности дальнѣйшаго сопротивленія, предложилъ сдаться. Его ввели въ соборъ, приобщили Св. Тайнъ, затѣмъ вывели изъ церкви и тутъ же на площади побили камнями ²⁾.

25-го іюня Петръ перенесъ свой лагерь ближе къ Полтавѣ и укрѣ-

¹⁾ Мѣстечко въ Кобелякскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Пселѣ.

²⁾ Мѣсто это находится противъ теперешняго собора.

пился въ полуверстѣ къ сѣверу отъ села Яковцовъ ¹⁾, въ четырехъ верстахъ отъ города. Въ тылу лагеря приходился крутой обрывъ въ долину рѣки Ворсклы, слѣва до самой Полтавы лѣсъ, а впереди ровная площадь версты на двѣ, а за ней опять лѣсъ и село Малыя Будищи, гдѣ стоялъ Скоропадскій со своими казаками. Не считая казаковъ, у Петра было въ это время 55.000 войска при 72 артиллерійскихъ орудіяхъ. Петръ зналъ, что его ждетъ побѣда,—побѣда не случайная, а подготовленная имъ же самимъ, его многолѣтними трудами и заботами, и назначилъ битву на 29-е іюня, день своего ангела. Но Карлъ не дождался и на разсвѣтъ 27-го іюня двинулся къ русскому лагерю. Послѣ первыхъ стычекъ, всѣ шведскія силы стянулись къ лѣсу, что было передъ русскимъ лагеремъ, такъ что двѣ непріятельскихъ арміи раздѣлялись между собой лишь небольшою двухверстной равниною, на которой и разыгрался бой, начавшійся въ 9 часовъ утра.

Описаній собственно Полтавскаго боя такъ много и притомъ такихъ детальныхъ, что трудно разсчитывать прибавить къ нимъ хотя одинъ только штрихъ. Черезъ два часа все уже было кончено. Шведы оставили на полѣ битвы 9.000 убитыми и ранеными, и 3.000 плѣнныхъ; у русскихъ убито 1.345 человекъ и ранено 3.290.

На другой день были похоронены павшіе въ бою русскіе воины. По преданію, Петръ велѣлъ вырыть могилы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ онъ самъ въ ту минуту, когда замѣтилъ общее пораженіе шведовъ по всей линіи. По его приказанію было вырыто двѣ могилы: одна для офицеровъ, другая для солдатъ, куда и были положены всѣ 1.345 труповъ. Надъ открытыми могилами была отслужена паннихида, и подъ громъ пушекъ въ честь павшихъ героевъ надъ могилами ихъ возросъ одинъ общій холмъ. По преданію, Петръ самъ водрузилъ крестъ надъ этой братской могилой съ надписью, имъ же самимъ продиктованной: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 г. іюня 27 іюня».

Этотъ холмъ стоитъ и понынѣ и слыветъ подъ именемъ «Шведской могилы», хотя шведовъ подъ нимъ не лежитъ ни одного. Около могилы стоитъ небольшая церковь во имя преподобнаго Самсона Страннопріимца и домики причта.

Церковь построена только въ 1856 г., а до того времени одинъ только холмъ свидѣтельствовалъ о славѣ русскаго оружія на поляхъ полтавскихъ...

Но того ли хотѣлъ Петръ, который такъ открыто и такъ справедливо гордился своей «преславной викторіей?» Дорогое ему и памятное для

¹⁾ Нынѣ имѣніе проф. Склифасовскаго.

всей Россіи мѣсто онъ хотѣлъ украсить иначе, болѣе достойно, и воля его ясно выражена въ именномъ высочайшемъ указѣ:

„Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ по именному своему, великаго государя, указу, въ благодареніе Всемогущему Богу за полученную надъ непріятелемъ Карломъ XII, королемъ шведскимъ, побѣду, юже его Всемогущаго помощью въ 27 день прошедшаго іюня мѣсяца на бою его царское величество подъ управленіемъ собственною своею высокою особою войсками съ пораженіемъ всего непріятельскаго войска одержалъ. И въ знакъ и вѣчное напоминаніе той преславной викторіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ бой былъ, а именно неподалеку отъ Полтавы, построить монастырь мужскій и въ немъ церковь каменную во имя святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, да нижнюю преподобнаго Сампсона Страннопріимца, на котораго память та викторія получена; а предъ церковь сдѣлать пирамиду каменную съ изображеніемъ на ней персоны его государевы въ совершенномъ возрастѣ на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой и подъ нею бой самымъ добрымъ художествомъ, а по сторонамъ той пирамиды на доскахъ мѣдныхъ же учинить надписи съ объявленіемъ всѣхъ дѣйствъ отъ вступленія въ Украину того короля шведскаго и съ полученіемъ сей баталии. И быть въ томъ монастырѣ архимандриту съ шапкою, и келіи, и ограду построить. И для поспѣшенія въ томъ строеніи имать хороминыя строенія и инныя всякія потребныя вещи и работниковъ изъ деревень и дворовъ измѣнничьихъ, а именно бывшаго полтавскаго полковника Герцика; а въ награжденіе тому же монастырю дать изъ измѣнничьихъ деревень и мельницъ, доложя его великаго государя; а все то сдѣлать изъ монастырскаго приказа“.

Тутъ все, до мельчайшихъ указаній: и средства, и мѣсто, и самый видъ памятника. Для безпримѣрно скромнаго, всегда избѣгавшаго манифестацій, Петра — это не тщеславіе, а лишь сознаніе величія побѣды, ея значенія для всего народа русскаго.

Г-нъ Горбунсъвъ заканчиваетъ свой очеркъ описаніемъ существующихъ памятниковъ о славномъ днѣ 27-го іюня. Онъ, кромѣ братской могилы, отмѣчаетъ ихъ только три.

Въ одной изъ полтавскихъ церквей, а именно Воскресенской, хранится мѣдная доска, въ два кв. аршина, съ изображеніемъ на ней Полтавскаго боя и надписью въ стихахъ, гласящей, что «Руденко, гражданинъ усерднѣйшей Полтавы... поставилъ образъ сей». Эта доска раньше была вдѣлана въ каменный столбъ, который стоялъ среди города, но съ теченіемъ времени столбъ развалился, и доска была взята въ церковь Воскресенія и вдѣлана въ стѣну, гдѣ и теперь находится. Памятникъ этотъ относится къ 1778 году.

Въ 1809 году, въ столѣтнюю годовщину славной побѣды, былъ открытъ памятникъ Полтавскаго боя на мѣстѣ встрѣчи Петра при его торжественномъ въѣздѣ въ Полтаву. Памятникъ этотъ стоитъ теперь въ корпусномъ скверѣ, который занимаетъ круглую площадь передъ кадетскимъ корпусомъ и губернаторскимъ домомъ. Памятникъ предста-

вляеть собою чугунную колонну на гранитномъ пьедесталѣ; высота пьедестала 6 аршинъ, колонны 15 аршинъ. Въ пьедесталѣ вдѣланы 18 шведскихъ пушекъ, отбитыхъ въ бою 27 іюня. Надпись крайне лаконична, но многозначительна: «іюня 27 дня 1709 года».

Наконецъ, третій памятникъ стоитъ теперь на мѣстѣ бывшей квартиры полтавскаго коменданта Келлина, гдѣ послѣ торжественнаго въѣзда въ Полтаву, Петръ торжественно праздновалъ свою побѣду надъ Карломъ. Памятникъ имѣеть видъ прямоугольной пирамиды около 17 аршинъ высоты. Надпись на памятникѣ гласить: «Петръ I покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 іюня», и нѣсколько ниже: «Воздвигнуть въ царствованіе императора Николая I».

Это, такъ сказать, официальные памятники великой Сѣверной войны,—въ народѣ есть другіе, живущіе въ его преданіяхъ и извѣстные подъ названіями «шведскихъ могилъ», «дубовъ Петра» и «дубовъ Карла, короля шведскаго». Все это, въ большинствѣ случаевъ, конечно, легендарно, указываетъ лишь на крѣпко живущую память великаго дня, но—скажемъ вмѣстѣ съ г. Горбуновымъ—гдѣ же «пирамида каменная съ изображеніемъ на ней персоны его государевы въ совершенномъ возрастѣ на конѣ, вылитая изъ мѣди желтой?»

* * *

Тотъ же журналъ приводитъ любопытную историческую справку по вопросу, возникшему съ отдѣленіемъ, послѣ кончины митрополита И с и д о р а, Новгородской епархіи отъ Петербургской и превращеніемъ ея въ самостоятельную, — какой кlobукъ долженъ носить новый владыка новгородскій—бѣлый или чернй?

Между всѣми русскими епископами владыка новгородскій, если не съ самаго начала, то, по крайней мѣрѣ, съ 1165 г., когда богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ И л ѣ ѣ (Іоанну), у митрополита Іо а н н а IV титулъ архіепископа, тогда еще первый и единственный на Руси,—занималъ первое мѣсто. Тотъ же митрополитъ прислалъ владыкѣ Іоанну, какъ особое отличіе (личное) крестчатая ризу и мантию съ источниками. Въ XIV вѣкѣ архіепископъ новгородскій получилъ новое отличіе, въ лицѣ владыки В а с и л і я (1331—1352 г.), которому патріархъ прислалъ (по однимъ въ 1339, а по другимъ въ 1352 г.) бѣлый кlobукъ. Кlobукъ этотъ, изъ бѣлаго крученаго шелка, хранится въ ризницѣ Софійскаго собора и носить слѣды того, что былъ употребляемъ. Право носить бѣлый кlobукъ отъ архіепископа Василія перешло и къ его преемникамъ. Въ Новгородской III лѣтописи, подъ 6813 г., читаемъ: «при семь архіепископѣ Василии принесенъ былъ бѣлый кlobукъ... въ Великій Новгородъ, иже и до нынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ подобіемъ носятъ».

Уже отъ владыкъ новгородскихъ, чрезъ митрополита Макарія (1542—1563 г.), поступившаго на кафедру митрополичью съ кафедры Новгородской, это право носить бѣлый клобукъ перешло ко всѣмъ митрополитамъ и патріархамъ русскимъ.

Митрополиту Макарію позволено было (лично) удержать прежнее отличіе. Послѣ Макарія въ митрополиты былъ возведенъ Аѳанасій; при немъ на соборѣ 1564 г. было опредѣлено, чтобы московскіе митрополиты носили бѣлый клобукъ.

Царь предложилъ отцамъ собора разсудить о нѣкоторыхъ внѣшнихъ преимуществахъ русскаго первосвятителя и сказалъ:

„отецъ нашъ и богомолецъ митрополитъ носить черный клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексѣй, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій, и Игнатій, и Исаія, ростовскіи чудотворцы, носили бѣлые клобуки, и тому бы отцу нашему митрополиту высокопрестольная древняя почеть учинити, носить бы ему бѣлый клобукъ съ рясами, потому что прежніе русскіе первопрестольницы писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ... А которые митрополиты были послѣ, также и ростовскіе архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черныя клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмь, чего для бѣлые клобуки отставлены, а богомолецъ нашъ Пимень, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, носить бѣлый клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая...“

Отцы собора опредѣлили:

„и мы уложили есмь и укрѣпили, что отъ сего времени впередъ кому Богъ благоволитъ на великой степени русской митрополитъ быти, почеть есмь учинили ему древнюю—носить ему клобукъ бѣлый съ рясами и херувимомъ... архіепископу Великаго Новгорода носить бѣлый клобукъ по прежнему обычаю“ (Каравинъ, IX, примѣч. 94; Макарій, VI, 291).

Съ учрежденіемъ патріаршества (1589 г.), четыре архіерея: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, получили санъ митрополита; по части внѣшнихъ преимуществъ имъ предоставлено было, между прочимъ, и преимущество прежняго русскаго первосвятителя, а также архіепископа новгородскаго—бѣлый клобукъ. Только патріаршій клобукъ отличался отъ митрополичьяго крестомъ или херувимами. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что первое мѣсто въ ряду митрополитовъ принадлежало новгородскому.

Патріархъ Іовъ рукоположилъ въ 1592 г. для Новгорода новаго архіепископа Варлаама и въ настольной грамотѣ ему пишетъ: «почтохомъ его святительскою почестью и сѣданіемъ во всемъ русскомъ патріаршествіи первому ему быти митрополиту мѣстомъ и святительскимъ сѣданіемъ, и впредь по немъ прочимъ митрополитомъ новгородскимъ и великолукскимъ тоужь святительскою почестью и сѣданіемъ».

Отцы московскаго собора 1667 г. опредѣлили: «мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ Великороссійскаго государства, да носятъ бѣлые

клубуки по греческому образу ради древняго обычая». Слова: «благословихомъ всѣхъ митрополитовъ»... не слѣдуетъ ли понимать такъ, что до 1667 г. изъ всѣхъ митрополитовъ правомъ носить бѣлый клубукъ пользовался только новгородскій, по древнему обычаю новгородскихъ владыкъ, и что только съ этого времени, а не съ самаго начала учрежденія патриаршества, право это распространено на всѣхъ іерарховъ, получавшихъ санъ митрополичій.

Послѣ упраздненія патриаршества, Петръ I пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита, и бѣлый клубукъ замѣненъ былъ чернымъ («Руководство къ русской церковной исторіи», Знаменскаго, стр. 276). Оставленъ ли былъ бѣлый клубукъ новгородскому владыкѣ, неизвѣстно. Но когда бѣлые клубуки снова стали носить (вновь о бѣломъ клубукѣ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1801 г., Знаменскій, стр. 366), новгородскій владыка опять получаетъ прежнюю честь. Митрополитъ Гавріиль, даже оставленный только (въ 1799 г.) при новгородской кафедрѣ, носилъ бѣлый клубукъ. А послѣ него всѣ новгородскіе и вмѣстѣ петербургскіе владыки непрерывно носили бѣлый клубукъ.

* * *

Въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщены очень интересные документы подъ заглавіемъ «Изъ бумагъ Николая Соломоновича Мартынова».

Н. С. Мартыновъ—несчастный противникъ Лермонтова на роковой дуэли. Подъ названнымъ заглавіемъ помѣщены отрывки его автобіографическихъ записокъ о сношеніяхъ съ Лермонтовымъ, официальные бумаги о поединкѣ съ Лермонтовымъ и выдержки изъ семейныхъ писемъ съ послѣсловіемъ князя Д. Д. Оболенскаго. Собственно никакого новаго свѣта на загадочную, якобы, дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ эти документы не проливаютъ, но интересны и важны они, какъ первоисточники и притомъ съ крайне искреннимъ повидимому изложеніемъ въ неофициальной своей части. Н. С. Мартыновъ обрисовывается здѣсь невольной и случайной причиною смерти поэта. Вызвано появленіе этихъ документовъ, какъ видно изъ послѣсловія князя Оболенскаго, статьей г. Мартынова, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 г. и посвященной послѣднимъ днямъ жизни Лермонтова. Въ этой статьѣ г. Мартыновъ даетъ совершенно особую окраску злосчастному поединку, дѣлаетъ изъ него чуть-ли не преднамѣренное убійство и обвиняетъ въ немъ не только Мартынова, но и князя А. И. Васильчикова,—обвиняетъ совершенно голословно, конечно, и даже безъ знанія существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Такъ, напримѣръ, кн. Васильчикова онъ называетъ секундантомъ Мартынова, тогда какъ Васильчиковъ былъ секундантомъ именно Лермонтова. Смѣлость обвиненія тѣмъ болѣе удивительная, что г. Мартыновъ говоритъ

въ данномъ случаѣ о происшествіи и людяхъ, ему совершенно незнакомыхъ, и притомъ по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка.

Помѣщенные документы начинаются запискою, какъ бы исповѣдью, Н. С. Мартынова, писанною имъ лѣтомъ 1869 года на пароходѣ, во время пути въ Самару. Документъ настолько интересенъ, что мы рѣшаемся привести его въ подлинникѣ:

Пароходъ „Быстрый“.

Прошло двадцать восемь лѣтъ со времени моей дуэли съ Лермонтовымъ, болѣе четверти вѣка! Напечатано было объ ней весьма мало: нѣсколько отрывочныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и текстъ самаго дѣла по официальнымъ документамъ съ резолюціей императора въ „Собраніи замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ въ Россіи“.

Надняхъ появились въ печати, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1869 г., записки госпожи Хвостовой, въ которыхъ много говорится объ Лермонтовѣ. По поводу этихъ записокъ, издатель въ особомъ примѣчаніи упоминая объ нѣкомъ Мартыновѣ, „который, говорятъ, еще живъ“, весьма грубо и безцеремонно приглашаетъ его къ покаянію, посредствомъ искренняго разсказа о своихъ отношеніяхъ къ Лермонтову, за что обѣщаетъ ему отчасти отпустить его вину. Понятно, что на подобное приглашеніе отвѣта послѣдовать не можетъ. Но эта замѣтка, вмѣстѣ съ тѣмъ по тону ея озлобленія, навела меня на мысль, что со смертію моей, по всей вѣроятности, явится и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ моимъ защищать память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшаюсь составить эти замѣтки. Къ нимъ будутъ приложены подлинныя документы слѣдственной комиссіи, потомъ суда, и, наконецъ, вся подсудная переписка съ секундантами, которая свѣта никогда не видала, но способна сама пролить свѣтъ на темныя стороны этой дуэли. Оговариваюсь въ одномъ: если кто можетъ заподозрить искренность моего разсказа, тотъ пусть лучше закроетъ тетрадь съ первой страницы.

Имѣя въ рукахъ моихъ документы, могущіе совершенно меня оправдать, я молчаніемъ, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, кажется, достаточно доказалъ, что мало ищу оправдаться, какъ мало дорожу общественнымъ мнѣніемъ, органомъ котораго служили періодическіе журналы. Поѣздка моя въ Самару, гдѣ, между дѣломъ, я буду имѣть много свободнаго времени, дастъ мнѣ возможность сладить съ этимъ трудомъ.

Съ чего начать? Вѣроятно, читателямъ безъинтересно будетъ ознакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, прослѣдить первоначальныя наши сношенія съ нимъ. Обѣщаю ему какъ можно меньше говорить о себѣ и разсказывать все то, что только принимаю объ особенностяхъ характера Лермонтова.

Въ 1834 г. поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гусары, въ эскадронъ гвардейскихъ юнкеровъ, М. Ю. Лермонтовъ. Наружность его была весьма невзрачна¹⁾; маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непотрбно широкимъ

¹⁾ Н. С. Мартыновъ, напротивъ, былъ высокаго роста и даже въ старости красивъ собою. Онъ былъ на два года моложе Лермонтова.

туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ нѣсколько томное; но какъ скоро онъ воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничествомъ, глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа надѣво, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другаго производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ людей не видалъ. Свои глаза устануть гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни на одномъ предметѣ. Волосы у него были темныя, но довольно рѣдкія, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытыя, зубы превосходныя, бѣлыя и ровныя, какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловецъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но, какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади; поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не слылъ, и на ординарцы его не посылали.

Умственное развитіе его было настолько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ; тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и возрѣніемъ на людей онъ оставлялъ ихъ далеко за собой. Въ числѣ товарищей его былъ Василій Вонярярскій, человѣкъ тоже пожившій, окончившій курсъ въ университетѣ и потомъ не знаю, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, добровольно промѣнявшій полную свободу на затворническую жизнь въ Юнкерской школѣ. Въ эпоху, мною описываемую, ему было уже двадцать два года. Эти два человѣка какъ и должно было ожидать, сблизились. Въ рекреационное время ихъ всегда можно было застать вмѣстѣ...

Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ, помѣченный «15 іюля 1871 года, село Знаменское» и озаглавленный «Моя исповѣдь»:

Сегодня минуло ровно 30 лѣтъ, какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! Тридцать лѣтъ—это почти цѣлая жизнь человѣческая, а мнѣ памятны малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось только вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мыслями за тридцать лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остатокъ дней моихъ сочтень, я чувствую потребность высказаться, очистить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія. Для полнаго уясненія дѣла, мнѣ требуется сдѣлать малевъкхе отступленіе: представить личность Лермонтова такъ, какъ я понималъ его, со всѣми недостатками, а равно и съ добрыми качествами, которыя онъ имѣлъ.

Не стану говорить о его умѣ,—эта сторона его личности внѣ вопроса. Всѣ одинаково сознають, что онъ былъ очень уменъ, а многіе видятъ въ немъ даже гениальнаго человѣка. Какъ писатель, дѣйствительно, онъ высоко стоитъ и если сообразить, что талантъ его еще не успѣлъ придти къ полному развитію, если вспомнить, какъ онъ былъ еще молодъ и какъ мало окружающая обстановка способствовала къ серьезнымъ занятіямъ, то становится едва понятнымъ, какъ онъ могъ достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, при

столь маломъ трудѣ и въ такихъ малыхъ годахъ. Перейдемъ къ его характеру. Безпристрастно говоря, я полагаю, что онъ былъ добрый человѣкъ отъ природы; но свѣтъ его окончательно испортилъ. Бывъ съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я имѣлъ случай неоднократно замѣчать, что всѣ хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ такъ же тщательно старался въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Приведу въ примѣръ его отношенія къ женщинамъ. Онъ считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую-нибудь женщину, что приносилъ какія-нибудь жертвы для этой любви, что сохранилъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа“.

Далѣе идетъ описаніе порядковъ Юнкерской школы, не всегда добродушныхъ проказъ Лермонтова и очеркъ экспедиціи за Кубанью въ 1837 году. Записки Мартынова, къ сожалѣнію, не кончены и продолженіемъ ихъ являются официальные бумаги о поединкѣ Мартынова съ Лермонтовымъ, состоящія изъ вопросныхъ пунктовъ слѣдственной комиссіи и окружнаго суда съ отвѣтами на нихъ Н. С. Мартынова, писанными собственноручно въ Пятигорской тюрьмѣ. Существенно важны отвѣты его на I, II, III и IV пункты:

I. На этой дуэли дѣйствительно ли находились за секундантовъ лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ?

I. Дѣйствительно находились за секундантовъ — у меня корнетъ Глѣбовъ, а у поручика Лермонтова титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ.

II. На эту дуэль изъ чьей квартиры, или изъ какого мѣста и въ какое время выѣхали? Кромѣ васъ, гг. двухъ дуэлистовъ и двухъ секундантовъ, Глѣбова и князя Васильчикова, не выѣзжали ли еще кто-нибудь изъ постороннихъ особъ для зрѣлища, или, по крайней мѣрѣ, не были ли кто извѣстны объ этой пропойтѣи могущей дуэли?

II. Условлено было между нами сойтись на мѣстѣ въ 6½ часовъ пополуночи. Я выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ; бѣговья дрожки свои далъ Глѣбову. Васильчиковъ и Лермонтовъ догнали меня уже на дорогѣ; послѣдніе два были также верхомъ. Кромѣ секундантовъ и насъ двоихъ никого не было на мѣстѣ дуэли, и никто рѣшительно не зналъ объ ней.

III. Вы и поручикъ Лермонтовъ (нынѣ убитый) въ какомъ именно мѣстѣ подлѣ горы Машука, въ какомъ часу, на какомъ разстояніи между собою стрѣлялись? Какое было между вами условіе, т. е. обонимъ ли вмѣстѣ, по данному знаку, стрѣлять или одинъ послѣ другаго? Поручикъ Лермонтовъ выстрѣлилъ ли изъ своего пистолета или нѣтъ и по какой причинѣ?

III. Мы стрѣлялись по лѣвой сторонѣ горы, по дорогѣ, ведущей въ какую-то колонку вблизи частаго кустарника. Былъ отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ, и отъ него въ каждую сторону еще по десяти. Мы стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли каждый изъ насъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Я первый

пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ.

Наиболѣе интересенъ отвѣтъ Мартынова на шестой вопросъ, гдѣ спрашивалось—какая причина была поводомъ къ этой дуэли, не происходило ли между нимъ и покойнымъ Лермонтовымъ ссоры и, если да, то съ какого времени таковая возникла: Мартыновъ отвѣчалъ:

Съ самаго пріѣзда своего въ Пятигорскъ, Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ бы могъ мнѣ сказать что-нибудь непріятное. Остроты, колкости, насмѣшки на мой счетъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Я показывалъ ему, какъ умѣлъ, что не намѣренъ служить мишенью для его ума; но онъ дѣлалъ, какъ бы не замѣчая, какъ я принимаю его шутки. Недѣли три тому назадъ, во время его болѣзни, я говорилъ съ нимъ объ этомъ откровенно, просилъ его перестать и, хотя онъ не обѣщалъ мнѣ ничего, отшучиваясь и предлагая мнѣ въ свою очередь смѣяться надъ нимъ, но дѣйствительно пересталъ нѣсколько дней. Потомъ взялся опять за прежнее. На вечеръ, въ одножъ частномъ домѣ, за два дня до дуэли, онъ вывелъ меня изъ терцівіа, привязываясь къ каждому моему слову, на каждомъ шагу показывая явное желаніе мнѣ досадить. Я рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ этого дома, я удержалъ его за руку, чтобы онъ шелъ рядомъ со мной; остальные всѣ уже были впереди. Тутъ я сказалъ ему, что прежде просилъ прекратить эти несносныя для меня шутки; но теперь предупреждаю, что если бы онъ еще вздумалъ выбрать меня предметомъ для своей остроты, то я заставлю его перестать. Онъ не давалъ мнѣ кончить и повторялъ нѣсколько разъ сряду,—что ему тонъ моей проповѣди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что онъ хочетъ, и въ довершеніе прибавилъ: „Вмѣсто пустыхъ угрозъ, ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ дуэлей; слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь“. Въ это время мы подошли къ его дому. Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришло къ нему своего секунданта, и возвратился къ себѣ. Раздѣваясь, я велѣлъ человѣку пригласить ко мнѣ Глѣбова, когда онъ придетъ домой. Черезъ четверть часа вошелъ ко мнѣ въ комнату Глѣбовъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, попросилъ его быть моимъ секундantomъ, и, по полученіи согласія, сказалъ ему, чтобы на другой день, съ разсвѣтомъ, онъ отправлялся къ Лермонтову. Глѣбовъ попробовалъ было меня уговоривать; но я рѣшительно объявилъ ему, что онъ изъ словъ самого же Лермонтова увидитъ, что въ сущности не я его вызываю, но меня вызывають и что потому мнѣ невозможно сдѣлать первому шагъ къ примиренію“.

Дальше къ документамъ приложена справка изъ окружнаго суда. Весьма краткая, она гласитъ слѣдующее:

Отставной майоръ Мартыновъ, за дуэль съ поручикомъ Лермонтовымъ, былъ преданъ военному суду, по Высочайше подтвержденной сентенціи котораго онъ присужденъ къ трехмѣсячному аресту и затѣмъ къ церковному покаянію. Военный арестъ повелѣно выдержать ему на Кіевской крѣпостной гаутвахтѣ, гдѣ онъ и содержится съ 26 января сего года ¹⁾; а срокъ церковнаго покаянія для него предоставлено назначить Кіевской Духовной

¹⁾ Т. е. 1842 г.

Консисторіи, которая, постановленіемъ своимъ, утвержденнымъ, за отсутствіемъ высокопреосвященнаго Филарета, архіереемъ Іереміемъ, опредѣлила ему, Мартынову, для церковнаго покаянія 15-лѣтній срокъ. Покорнѣйшая просьба состоитъ въ исходатайствованіи смягченія приговора Кіевской Духовной Консисторіи, съ дозволеніемъ ему, Мартынову, во время церковнаго покаянія, имѣть жительство, гдѣ домашнія обстоятельства его того требуютъ“.

Слѣдующее затѣмъ прошеніе Мартынова на Высочайшее имя, письмо его къ отцу и двѣ выдержки изъ писемъ къ нему матери не представляютъ особаго интереса, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мать Мартынова говоритъ о Лермонтовѣ и намекаетъ на какія-то письма, посланныя черезъ Лермонтова, и что они недошли по какой-то странной причинѣ. Объ этихъ же письмахъ говоритъ и князь Оболенскій въ своемъ послѣсловіи. Дядя князя А. И. Бибииковъ былъ товарищемъ Лермонтова по Юнкерской школѣ, между семьями сохранилась связь, и все касающееся Лермонтова было близко извѣстно въ домѣ князя. Онъ такъ объясняетъ намеки о письмахъ:

Вотъ что у меня осталось въ памяти изъ разсказовъ дяди Бибиикова. Сколько я могу себѣ составить понятія изъ всего мною слышаннаго, причины поединка Лермонтова съ Мартыновымъ были не исключительно тѣ, которыя обыкновенно указываются во всѣхъ біографіяхъ Лермонтова. Самъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ, лично мнѣ знакомый, не говорилъ о томъ. Гибель Лермонтова, повидимому, наложила тяжелое бремя на всю жизнь его, такъ что разспрашивать его я никогда не рѣшался. Но отъ А. И. Бибиикова сохранился слѣдующій разсказъ:

Никому безызвѣстно, что у Лермонтова въ сущности былъ пренесносный характеръ, неуживчивый, задорный, а вмѣстѣ съ тѣмъ его талантъ привлекалъ къ нему поклонниковъ и поклонницъ. Неравнодушна къ Лермонтову была и сестра Н. С. Мартынова, Наталья Соломоновна. Говорятъ, что и Лермонтовъ былъ влюбленъ въ нее и сильно ухаживалъ, а можетъ быть и прикидывался влюбленнымъ. Последнее скорѣе, ибо когда Лермонтовъ уѣзжалъ изъ Москвы на Кавказъ, то взволнованная Н. С. Мартынова провожала его до лѣстницы; Лермонтовъ вдругъ обернулся, громко захохоталъ ей въ лицо и сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую.

Въ 1837 году, уѣзжавшему изъ Петербурга къ экспедицію Лермонтову сестры Мартынова поручили передать брату, Николаю Соломоновичу, письмо, нѣто цѣлый пакетъ со своимъ дневникомъ. Въ тотъ же пакетъ были вложены 300 руб. ассигнаціями, о которыхъ Лермонтовъ ничего не зналъ. По словамъ однихъ, Лермонтову врученъ былъ этотъ пакетъ съ намеками прочесть его; по словамъ другихъ, Лермонтовъ не имѣлъ права распечатывать это письмо. Какъ бы то ни было, случилось именно то, что Лермонтовъ, побужденный любопытствомъ, распечаталъ пакетъ, чтобы прочесть дневникъ. Найдя въ пакетѣ 300 руб., онъ передалъ ихъ Мартынову, но умолчалъ о дневникѣ и сказалъ лишь, что у него украли чеходанъ дорогой. Николай Соломоновичъ долго не соглашался взять триста рублей, говоря, что разъ деньги украдены, то съ какой стати Лермонтову ихъ возвращать: только послѣ долгихъ увѣщаній Мартыновъ взялъ эти 300 рублей.

По прошествіи нѣкотораго времени, сестры писали Мартынову, спрашивая

его о своемъ дневникѣ. На это братъ отвѣчалъ, что никакихъ ни письма, ни дневника онъ не получалъ, но 300 рублей получилъ отъ Лермонтова. Тогда сестры Мартынова вновь поручили брату узнать объ участи дневника, указывая на то, что Лермонтовъ не зналъ о вложенныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ обнаружилось, что Лермонтовъ распечаталъ письмо Натальи Соломоновны Мартыновой къ ея брату. Изъ-за этого и произошла ссора такъ какъ Мартыновъ имѣлъ полное основаніе упрекать Лермонтова. Ссора же на вечерѣ у Верзиловыхъ была, по всему вѣроятію, не что иное, какъ предлогъ къ поединку, уже ранѣе рѣшенному. Къ шуткамъ Лермонтова Мартыновъ относился сперва добродушно, привыкнувъ къ нимъ; но потомъ это ему видимо надоѣло. Злой рокъ рѣшилъ иначе, и безъ прицѣла пущенная пуля угодила въ поэта. Вѣрнѣе еще, что самъ Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ предъ Мартыновымъ, хотѣлъ искупить вину свою поединкомъ“.

Въ заключеніе кн. Оболенскій ссылается на письмо Глѣбова (секундантъ Мартынова), помѣщенное тутъ же, изъ котораго видно, что Мартыновъ положительно не умѣлъ стрѣлять, онъ всего третій разъ въ жизни держалъ въ рукахъ пистолеть и, если попалъ въ Лермонтова, то совершенно случайно. Кн. Оболенскій жалѣеть, что Н. С. Мартыновъ не окончилъ своихъ записокъ: ему несомнѣнно тяжело было возвращаться къ воспоминаніямъ объ этой ужасной драмѣ, но какъ ни отрывочны оставшіяся послѣ него бумаги, онѣ драгоценны.

* * *

К. П. Побѣдоносцевъ въ томъ же журналѣ, въ одной изъ послѣднихъ книгъ за минувшій годъ, приводитъ забавный анекдотъ о Дидро, относящійся ко времени его пребыванія въ Россіи.

Дидро пріѣхалъ въ Россію по приглашенію императрицы Екатерины. Въ эту пору онъ былъ атеистомъ и часто острилъ на религиозныя темы въ присутствіи императрицы. Въ концѣ концовъ императрица убѣдилась, что нужно прекратить подобныя разговоры, но не знала, какъ это сдѣлать, чтобы не оскорбить самолюбія своего гостя. Тогда среди придворныхъ было придумано слѣдующее средство. Въ разговорѣ съ Дидро они сказали ему, что въ Петербургѣ есть знаменитый математикъ, который составилъ алгебраическую формулу въ доказательство бытія Божія. Французскій философъ былъ страшно заинтересованъ и упросилъ пригласить ко двору профессора, чтобы онъ математически доказалъ Бога передъ всѣми. Этотъ профессоръ былъ Эйлеръ. Въ назначенное время онъ, конечно по соглашенію съ кѣмъ слѣдовало, пріѣхалъ въ собраніе, подошелъ къ Дидро съ самымъ серьезнымъ видомъ и сказалъ ему:

— Monsieur, $\frac{a + b^n}{n} = x \dots$ Donc Dieu existe; répondez!..

«Дидро ожидалъ вѣроятно, — говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, — услышать въ живой рѣчи понятное для него изложеніе доказательства; краткая формула, произнесенная Эйлеромъ, смутила его, и онъ не нашелся, что отвѣтить математику. Многие вокругъ засмѣялись, Дидро сконфузился, а вѣроятно и разсердился до того, что вскорѣ попросилъ позволенія оставить Россію».

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы въ 1893 г. ¹).

Д. Г. Анучинъ.
Н. И. Барсовъ,—С. Бердеевъ,—В. А. Бильбасовъ,—Н. Богдановскій,—
А. Бороновъ,—В. О. Боцяновскій,—М. Брадке, рожд. Кояндеръ.
П. А. Валувевъ, графъ,—Н. В. Веригинъ,—Ф. А. Витбергъ,—К. А. Воен-
скій.—А. Вышеславцевъ.
Баронъ Н. В. Дризевъ,—Ф. Духовниковъ.
Ө. П. Еленевъ.
Э. А. Жуковскій.
Н. О. Здекауэръ,—С. П. Зыковъ.
Н. С. Иванина,—Ильинскій, Пав. свящ.,—Князь Н. К. Имеретинскій.
М. Л. Каземъ-Бекъ,—Какушкинъ, А. А.,—Ө. П. Келпепъ,—М. А. Кон-
станскій,—В. П. Кулинъ.
Н. П. Лебедевъ,—П. С. Лебедевъ,—Н. Леоновъ,—А. М. Ловягинъ.
Л. Н. Майковъ,—Н. Михайловскій,—П. О. Морозовъ,—В. Мустафинъ.
Н. Н. Оглобинъ,—С. О. Огородниковъ,—А. П. Озеровъ,—М. Я. Оль-
шевскій.
Л. П. Павлицевъ.—Вал. Алексан. Панаевъ,—П. Пирингъ,—М. М. По-
повъ.
А. И. Савельевъ,—Г. Д. С.,—И. С.,—В. С.—,—Н. М. С.—,—А. О. Се-
ливановъ,—В. Изм. Срезневскій,—А. В. Стабровскій,—В. В. Стасовъ,—Г. И.
Студенкинъ,—Г. О. Сюннербергъ.
В. В. Тимошукъ,—И. Н. Толстой,—А. Н. Труворовъ.
Н. Финдейзенъ.
Цвѣтаевъ, профессоръ,—П. Н. Цуриковъ.
Е. А. Чебаевскій.
А. Ш.,—Н. К. Шильдеръ,—Н. Л. Шираевъ,—И. А. Шляпкинъ.
В. М. Юзефовичъ.

Редакторы „Русской Старины“:

**Николай Карловичъ Шильдеръ и
Сергѣй Павловичъ Зыковъ.**

¹) Подробный списокъ лицъ, сообщившихъ редакціи свои статьи съ основанія журнала (1870—1892 г.), былъ помѣщенъ въ декабрьской книгѣ 1892 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ПОДПИСЧИКИ

въ 1893 году.

Въ 1893 г. экземпляры «Русской Старины» распределялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	18	32. Кубанской обл.	46
2. Амурской обл.	13	33. Бурлянской губ.	11
3. Архангельской губ.	10	34. Курской „	60
4. Астраханской „	27	35. Кутанской „	26
5. Бакинской „	17	36. Кѣлецкой „	6
6. Бессарабской „	56	37. Лифляндской „	33
7. Варшавской „	83	38. Ломжинской „	30
8. Виленской „	46	39. Люблинской „	31
9. Витебской „	34	40. Минской „	37
10. Владимірской „	65	41. Могилевской „	26
11. Вологодской „	29	42. Московской „	49
12. Волинской „	59	43. Нижегородской губ.	49
13. Воронежской „	54	44. Новгородской „	48
14. Выборгской „	8	45. Нѣландской „	6
15. Вятской „	51	46. Олонецкой „	22
16. Гродненской „	38	47. Оренбургской „	29
17. Дагестанской обл.	11	48. Орловской „	65
18. Донской обл.	48	49. Пензенской „	33
19. Екатеринославской губ.	84	50. Пермской „	79
20. Елисаветпольской „	9	51. Петроковской „	16
21. Енисейской „	12	52. Плоцкой „	23
22. Забайкальской обл.	32	53. Подольской „	52
23. Закаспійской „	28	54. Полтавской „	89
24. Иркутской губ.	43	55. Приморской обл.	45
25. Каванской „	71	56. Псковской губ.	41
26. Калишской „	10	57. Радомской „	16
27. Калужской „	42	58. Рязанской „	51
28. Карской обл.	11	59. Самаркандской обл.	6
29. Кіевской губ.	143	60. Самарской губ.	40
30. Ковенской „	28	61. С.-Петербургской „	78
31. Костромской „	31	62. Саратовской „	71

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1893 г.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Изъ историческихъ записокъ Иоанна-Альберта Эренстрема. Сообщ. и перев. Н. С. Иванина и Г. Э. Сюннербергъ . 38—62, 243—252
- II. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. X. Поступленіе мое въ институтъ путей сообщенія.—Характеристика хозяйственного и фронтового начальства.—XI. Характеристика института путей сообщенія и система преподаванія въ этомъ заведеніи въ началѣ 40-хъ годовъ.—XII. Учебный персоналъ института.—Знаменитый геометръ Остроградскій.—XIII. Первый годъ ученія въ IV классѣ института.—Профессораэтогогласса.—XIV. Спасеніе мое отъ гибели въ Гапсаль.—XV. Второй годъ моего пребыванія въ институтѣ.—Знаменитый математикъ, академикъ Буняковский.—XVI. Препровожденіе праздниковъ во время моего ученія у Полонскаго и въ институтѣ.—XVII. Встрѣча съ феей.—XVIII. Первый офицерскій классъ

- прапорщиковъ, производство въ подпоручики; поѣздка на изысканія Николаевской желѣзной дороги; оригинальная и интересная личность Самойлова, роднаго брата извѣстнаго артиста В. В. Самойлова . . . 63—89, 395—412, 539—568
- III. Изъ медицинскаго быта въ прошлую турецкую войну 1877—1878 гг. В. Д. Подгаецкаго 90—112
- IV. Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова, профессора Спб. духовной академіи. Гл. XXXV 144—161
- V. Изъ записокъ стараго преображенца. 1849. князя Н. К. Имеретинскаго 253—279
- VI. Москва при смерти тишайшаго государя (выдержка изъ записокъ иностранца-современника). Сообщ. А. М. Л. 528—538

Портреты.

- I. Портреть графа Мишо-де-Боретуръ. Гравироваль И. И. Матюшинъ.
(При 10-й книгѣ).
- II. Портреть графа М. М. Сперанскаго. Гравироваль К. Адтъ.
(При 11-й книгѣ).
- III. Портреть А. П. Ермолова. Гравироваль К. Адтъ.
(При 12-й книгѣ).

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Рассказы, матеріалы и замѣтки.

- I. Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ. В. А. Бильбасова 1—37
- II. Письма князя П. М. Волконскаго къ женѣ изъ Таганрога въ 1825 г. Сообщ. Н. О. Здекауеръ 113—116
- III. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. (1725—1794). Барона Н. В. Дризень 117—143
- IV. Дѣло о самовольномъ приѣздѣ въ Москву тоболь-

- скаго архіепископа Симеона, въ 1661 г. (Очеркъ изъ жизни XVII в.). Н. Н. Оглоблина . . . 162—184
- V. Дневникъ русскаго солдата, взятаго въ плѣнъ при Бомарзундѣ, въ 1854 году. И. Загородникова. Сообщилъ П. С. Лебедевъ 185—212
- VI. Волынское церковно-археологическое древнехра-
нилище. В. Ѳ. Боцяновскаго 213—218
- VII. Божія милость (къ годовщинѣ 17-го октября 1888
года). Стихотв. С. Бердяева 219
- VIII. Графъ А. Ф. Мишо-де-Боретуръ и императоръ
Александръ. Н. К. Шильдера 220—224
- IX. Финансовый кризисъ въ Московскомъ государствѣ
въ XVII в. В. Ѳ. Боцяновскаго 225—242
- X. Депеша Виллардо кардиналу Флери отъ 30-го ян-
варя 1730 г. Сообщ. П. Пирлингъ 280—282
- XI. Императрица Екатерина II въ Крыму. 1787. В. В. Т. 283—299
- XII. Помощникъ Глинка. В. В. Стасова 300—315
- XIII. Четырестисія въ честь Глинка по случаю поста-
новки «Жизни за царя» 316
- XIV. Смерть графа Сперанскаго. 1839-й годъ. Барона
М. А. Корфа 317—320
- XV. Мысли Д. П. Рунича при погребеніи графа Сперанскаго. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ 321—327
- XVI. Дума Магницкаго при гробѣ графа Сперанскаго 328—334
- XVII. Сперанскій въ Перми. Сообщ. М. А. Констанскій 335—340
- XVIII. Отъ Смоленска до пріѣзда Кутузова въ армію.
I—III. А. Н. Попова. Сообщилъ П. Н. Цу-
риковъ 341—371, 497—527
- XIX. Письма императора Павла къ М. И. Ламздорфу,
курляндскому губернатору, 1797 года. Сообщилъ
К. А. Военскій 372—394
- XX. Обзорніе историческихъ журналовъ. 413—437, 647—664
- XXI. Церковь Покрова Пресв. Богородицы въ с. По-
кровскомъ-Филияхъ. Н. М. 438—443
- XXII. Письмо декабриста Сергѣя Волконскаго — Е. Г.
Чебаевскому 443—444
- XXIII. Моровая язва. В. А. Бильбасова. Указы и
рескрипты императрицы Екатерины II. Сооб-
щилъ И. Н. Толстой. 449—464
- XXIV. Чилли и Масса, современники Лжедмитрія. (Кри-
тическій этюдъ) Павла Пирлинга 465—486

**VII-й годъ
изданія.**

ОБЪ ОТКРЫТИИ ПОДПИСКИ НА

**1894-ый
годъ**

Отъ редакціи изданій газеты

ПРАВДА

Наши подписчики въ 1894 г. получаютъ **ТРИ ОТДѢЛЬНЫХЪ БОЛЬШИХЪ ИЗДАНІЯ.**

Газета „ПРАВДА“ большое политическое, экономич., научн., общест-венное и литературное еженедѣльное изданіе, болѣе 700 серьезныхъ оригинальныхъ статей. Въ „Правдѣ“ нѣтъ перепечатокъ. Въ каждомъ номерѣ 18 самостоятельн. отдѣловъ. Въ годъ большихъ номеровъ **52**

● **Цѣль газеты** — служить національн. интерес. Россіи и славянъ и культурно-соціалн. преуспѣванію русскаго народа, осуществлять общечелов. идеи правды, добра, званія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ.

● Газета „Правда“ настольный органъ серьезной трудовой интеллигенціи. ●

„Журналъ ПРАВДА“ роскошное художественно-иллюстрированное изданіе. Масса оригинальн. рисунковъ, исполненн. въ лучш. артистич. завед. Европы на современ. темы, образцы шедевръ искусства, портреты, чертежи и пр. Беллетр., поэзія, туалеты, гигиена и пр. Въ г. больш. вум. **52**

● **Цѣль журнала** — сочетать изящное съ полезнымъ, дѣйствовать на умн. художественными образами и способствовать общекультурному развитію.

● „Журналъ Правда“ необходимый настольный органъ семьи. ●

„Книги ПРАВДЫ“ изящное литературное и научное изданіе, заключ. крупныя произвед. литерат. и науки. Въ 1894 г. будутъ помѣщены новыя произведенія: Зола, Доде, румынской королевы Елизаветы, М. Нордау, Б. Прусса, Захеръ-Мазоха и мн. другихъ. Въ годъ книгъ **12**

● Кромѣ того по примѣру прошлаго года, будутъ даны произведенія классиковъ и научное, именно: Соч. ВИКТОРА ГЮГО — 2 т. Соч. ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА — 2 т. Сочин. МОЛБЕРА — 1 томъ и наконецъ, еще соч. знам. ученаго **Е. КАРО. — ПЕССИМИЗМЪ.**

●● Новый замѣчат. трудъ ученаго и академика E. CARO — Le pessimisme — достоинъ «конца вѣка» — fin de siècle, заключаетъ всесторон. критику, заполонившаго европ. общест. ученія кориф. пессимизма: Леонарда, Шопенгауера, Гартмана и др. ●●

● „Книги Правды“ составляютъ полезную и интересную бібліотеку. ●

ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ замѣняютъ ежедневную политическую газету и иллюстрированныя и ежемѣсячныя журналы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ съ пересыл. во всѣ мѣста Имперіи: СЕМЬ р., на полгода ЧЕТЫРЕ р. Допускается рассрочка: при подпискѣ ЧЕТЫРЕ р. и въ мартѣ остальные ТРИ р.

● Редакція и главная контора „Правды“ при книжномъ складѣ „Правды“: С.Петербургъ, набережн. Екатерининскаго канала, 103.

Издатель-Редакторъ П. Н. ПОДЛИГАЙЛОВЪ.

Книжный складъ „ПРАВДЫ“ имѣетъ огромный выборъ всевозможныхъ книгъ. Цѣны вѣ конкурренціи. Выписывающимъ книгъ на 5—20 руб. скидка 5 проц., свыше 20 р. скидка 8 проц.; за пересылку уплачивается особо, по разстоянію. 2—3

Годъ 4-й.

Открыта подписка на 1894 г. 4 р. за 12 книгъ
со всѣми прилож.

на ежемѣсячный литературно-историческій журналъ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

выходить каждое 1-е число, — въ каждой книгѣ не менѣе 400 страницъ большого формата.

Въ программу издания входятъ: Романы. Повѣсти и разсказы. Драматическія произведенія. Историческій отдѣлъ. Мысли знаменитыхъ людей.

Въ 1894 году «ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться въ объемѣ предъидущихъ трехъ лѣтъ.

Годовые подписчики и по разсрочкѣ изъ казенныхъ и частныхъ учреждений, за ругательств. гг. казначеевъ, при январской книгѣ 1894 года получаютъ бесплатное приложение отдѣльн. издание „Двадцатый вѣкъ“ (Электрическая жизнь), со множествомъ иллюстрацій Робида.

Полугодовые подписчики получаютъ означенное приложение лишь при возобнов. подписки на второе полугодіе 1894 г.

Подписная цѣна на 1894 годъ прежняя:

съ доставкою и пересылкою 4 рубля, безъ доставки и пересылки 3 руб. 50 коп.

Пробные №№ высылаются за 50 коп. марками.

Гг. служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежден. пользуются разсрочкою, за поручительствомъ гг. казначеевъ или завѣдующихъ подпискою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи «Вѣстника Иностранной Литературы» Гостин. дв., Зеркальн. лин., № 63, Магаз. П. О. Пантелеева (прот. Пажеск Корп.) въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровск. лин. и въ книжн. магазинѣ «Новаго Времени», а гг. и н о г о р о д н ы е благов. адресоваться въ редакцію журнала, С.-Петербургѣ, Верейская улица, соб. домъ № 16.

Подписка на 1893 годъ продолжается по той же цѣнѣ.

Многимъ изъ нашихъ гг. подписчик. неизвѣстно, что за пересылку периодич. изд. существ. Высочайше утвержден. такса, значительно пониженная противъ почт. таксы на перес. книгъ и друг. вещей послык. или бандер., на основаніи которой за пересылку нашего журнала во всѣ мѣста Россіи взимается 10% съ подписн. дѣны, что состав. 40 к. за 12 кн. «Вѣстника», но право это дается всѣмъ редак. только на срокъ съ 1 янв. по 31 дек. кажд. текущ. года, и съ наступл. 1 янв. нов. года за перес. книгъ предъид. года. а также и прежи. лѣтъ, взим. уже не 10% съ под. дѣны, а по вѣсу и разстоян. По такому разсч. за перес. 12 кн. В. И. Л. приход. плат. при разст. отъ Петерб. до 500 вер. - 1 р., отъ 501 до 1000 в. — 2 р., а свыше 1000 в. — 3 р., что и вынудило контору редак. назнач. за перес. «Вѣстника» 1891 и 1892 гг., при разстоян. отъ СПб. свыше 500 в. особую плату, но такъ какъ такое же обстоят. повтор. и въ будущ. 1894 г. для книгъ за 1893 г., то въ интересахъ гг. подписч., желающ. получ. журн. за 1893 г. за 4 р., рекомен. имъ своевр. озаботиться подпискою, чтобы мы имѣли возможность выслать книги за 1893 г. до наступленія 1 янв. 1894 г.

Кромѣ того, можно приобретать безъ достав. и перес.: въ конторѣ журн., СПб., Гостин. дв., магазинѣ П. О. Пантелеева, № 63, — за 4 р. 50 к.; въ МОСКВѢ, въ конторѣ Печковской и въ книжныхъ магазин. «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Карбасникова — въ Москвѣ и Варшавѣ, М. О. Шаха — въ Кашиневѣ и М. И. Николадзе — въ Батумѣ за 4 руб. каждый годовой комплектъ. 2—3

Редакторъ **О. И. БУЛГАКОВЪ.**

Издатель **Г. Ф. ПАНТЕЛЕЕВЪ.**

ГОДЪ X. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГОДЪ X
СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1894 годъ.

Въ 1894 г. «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ *три раза въ недѣлю*: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по вторникамъ и субботамъ, **ПРИБАВЛЕНІЯ**, за исключеніемъ дней послѣдпраздничныхъ.

Въ прибавленіяхъ периодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотаго промысла; свѣдѣнія о прискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того тутъ же помѣщаются торговныя свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ — **9** р., полгода — **5** р., 3 мѣс. — **3** р., 1 мѣс. — **1** р. **25** к.

Подписка принимается въ **ТОМСКѢ**: въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

1—1

Редакторъ-Издатель **В. П. КАРТАМЫШЕВЪ**.

Открыта подписка на 1894 годъ на ежедневную политическую общественную, литературную и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылк. въ другіе города
на годъ — 7 рублей.

Подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою по 1 р. въ мѣсяцъ до уплаты всей суммы.

Для ознакомленія — **№№** газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чис. мѣсяца. За переѣзду адреса съ иногороди. 25 к., обязательно сообщать прежній адресъ.

Плата за объявленія: за строку четвѣта, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, въ 1-й разъ 10 к., а въ слѣдующіе разы 5 к. На 1-й страницѣ вдвое дороже. За 20 до 100 разъ, уступка отъ 10% до 40%. За объявл. судебн. пристав. о публичн. продаж. по 1 руб. 50 к. за одинъ разъ. За адресн., въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты — 10 р. въ годъ — за 150 разъ, 6 р. за 75, 4 р. — за 38, и 2 р. за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отд. объявл. и пр. 5 р. съ 1000 экз. или 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и приемъ объявленій въ Орлѣ: въ отдѣлен. конторѣ при книжн. магаз., Болховская, д. Толстолятова. Въ книжн. магаз. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ Ельцѣ: исключительно у В. Е. Рощупкина, на Торговой, контора «Надежды». Въ Брянскѣ: въ библиот. М. И. Юдина. Въ Ливнахъ въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,*Издаваемый Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ.*

Въ 1894 г. будетъ выходить въ объемѣ книжекъ 1893 г. при участіи тѣхъ же соотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ 1893 г., между прочимъ напечатано: Деревенскій эскизъ. Изв. Бунина. По спос. Коха. Очеркъ Т. Барвенковой. Въ избѣ. Разск. Ю. Безродной. Гимназ. Изъ семейн. хров. Н. Гарина. Мечтат. Н. Н. Златовратскаго. Грѣхъ. Ром. П. В. Засодимскаго. Дѣти поляка. С. В. Иллита. Голодн. г. В. Г. Короженка. Въ потѣм. Пов. А. Куприна. Дама. Разск. И. Котлова. Дѣтск. тѣни. Очерки. Д. Н. Мамнина-Сибиряка. Карг. париж. жизни. М. Прокофьевой. Подкид. (Прѣск.). Гл. Успенскаго. Неодраз. въ жизни. Разск. Густава-афъ-Гейерстама. Избир. Разск. Н. Кобринской. Дверь изъ слон. кости. Ром. Уальтера Безанта. Мои воспом. Д. Т. Гнѣдина. Некрас. и Салтык. Изъ посмертн. бум. Г. З. Елисеева. Изъ литературы. воспомин. Э. Гренье. Соврем. Европеек. биржа. Б. Ф. Брандта. Крит. народничества. В. В. Полноправ. сельск. общ. и безправн. сел. Н. Дружинина. Пьянство и борьба съ нимъ въ стар. Россіи. Историч. очерки Н. П. Загоскина. Народно-хозяйств. набр. Н. А. Карышева. Крестьян. хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ. М. М. Ковалевскаго. 1) Культурные скиты 2) Культ. одиночки въ дер. С. Н. Кривенко. Даніэль Дефо, какъ человекъ, писат. и обществ. дѣятель. В. В. Лесевича. 1) О днѣвн. Башкирц. 2) Русск. отраж. француз. символизма. 3) Литер. и жизнь. Н. К. Михайловскаго. Г. Сементк. о русск. общ. Н. В. М. О сѣверн. дѣл. и дѣлник. Н. В. Максимова. Француз. синдик. А. Мурашкинцев. Агроном. противн. общины. Д. Протопопова. Изъяны творч. П. П. Перцова. Очерки изъ ист. быта работ. на сибирск. золот. промис. В. И. Семейскаго. 1) Въ дѣбряхъ метаф. 2) Ребяч. идеал. (Cogitata metaphysica Г. Волинскаго). М. М. Филиппова. 1) На Адам. верш. 2) Въ тропич. пустынѣ. 3) Въ странѣ хун-хузовъ и туман. 4) Мимоход. въ Японіи. Путев. впечат. С. Н. Южакова. О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. В. Якубовича. Какъ не слѣд. обработыв. статистич. матер. В. Г. Яроцкаго. Міръ невид. борьбы. Биологич. очеркъ П. Крылова. Биологич. очерки: Живорожд. и паразит. В. А. Фаусека. Въ прилож.: Измѣненія личн. А. Бинэ. (Перев. подъ ред. д-ра Б. В. Томашевскаго). Хроника внутрен. жизни. Хроника заграничной жизни. Новыя книги.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставк. и перес. 9 рублей.
безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣляется.]

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается разсрочка для иногородн. и городск. подписчик. съ доставкой—при подп. 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подп. 3 р., къ 1-му апр. 3 р. и 1 іюля 3 р.; для городск. подписч. безъ дост. по 1 р. въ мѣс. до 1-го сент. — Книжн. магаз., доставл. подписку, могутъ удерж. за коммиссію и перес. денегъ 40 к. съ кажд. годов. экземпляра. — Разсрочекъ подписной платы, при подпискѣ чрезъ книжн. магаз., не допускается.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., 46. 2—3

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

*

Годъ изданія 82-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1894.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(ВЪЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЬ въ форматъ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Съ еженѣсичн., еженедѣльн. приложеніями и книжками

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ

Въ ежеднев. нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, дух. и воен. сферахъ, а также важныя новости для столичной, внутр. и иностран. жизни, по свѣдѣніямъ спеціал. корреспонд. газеты и телеграммамъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» въ первомъ изданіи вполне замѣняетъ собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневн. нумеровъ, подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**:

- 1) 52 номера **ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** въ видѣ еженедѣльн. иллюстриров. журнала.
- 2) книжки «Романы и повѣсти». Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ.
- 3) 12 номеровъ «Моды и Рукодѣлія», замѣняющихъ для семьи «Модный журналъ».
- 4) стѣнный календарь (съ картою Россіи), отпечат. въ ТРИ краски и проч.

Подписная цѣна на **ПЕРВОЕ** изданіе (съ доставкой по Имперіи):

На годъ 8 р. || На полгода 4 р. 50 к. || На три мѣс. 2 р. 50 к. || На одинъ мѣс. 1 р. Гг. **ГODOВЫЕ** подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 г. слѣдующія новыя художеств. изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома: безъ дост. 75 к., съ дост. **ОДИНЪ** рубль.

- 1) **БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА.**

Бурлаки на Волгѣ

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, выс. 14 вершк.).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича.

- 2) **НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ «ИМПЕРАТОРСКОГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ».**

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, не имѣющихъ возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостинныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ залахъ.

- 3) **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

Русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.)

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Магія Феодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Воѣ почившій). 4) Прег. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ **ТРИ** руб. (безъ доставки).

Адресъ главной конторы **СПБ.**, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40

Подробное объявленіе высылается по требованію **БЕЗПЛАТНО.** 2—3

Годъ изданія 59-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1894.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ 3—4 листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ 7—10 рис. альбомн. размѣра.

Кромѣ того при нумерахъ журнала выдается бесплатно **160 приложений**: **12 КНИГЪ** литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Книжки выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 15—20 листовъ.—**40 НУМЕРОВЪ** „Иллюстрированные романы и повѣсти.“—**24 НУМЕРА** „Парижскихъ модъ“ съ рисунк. —**12 НУМЕРОВЪ** „Образцовъ дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—**12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину.—**12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ“** для фортепiano и гѣны.—**5 НУМЕРОВЪ** „Образцовъ для выплыванія“ (новѣйшихъ рисунковъ)—**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ.

20 НУМЕРОВЪ „Жизнь и хозяйство“ и **20 НУМЕРОВЪ** „Забавы для юности“ (съ рис.) Въ числѣ ежемѣсячн. литерат. прил. въ 1894 г. будетъ, выдано **ДВА** нов. изданія:

1) Полное иллюстрированное собраніе сочиненій **ЛОРДА БАЙРОНА**.

2) Полное иллюстрир. собраніе рассказовъ Шехерезады **ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ**. Предлагаемыя два новыя большія и цѣнныя иллюстрир. изданія будутъ выданы полностью въ теченіе одного подписнаго года, несмотря на то, что стоимость этихъ изданій въ отдѣльной продажѣ превышаетъ втрое подписную цѣну нашего журнала.

ДВА ПРЕМІИ БЕСПЛАТНО.

Годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подп. сумму, получаютъ одновременно **два** бол. прозрачныя картины для украшенія оконъ, замѣняющія живопись на стеклѣ

1) «**ПѢСНЯ ЛЮБВИ**» и 2) «**РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ**».

Новыя картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ бесплатной преміи, годовые подписчики въ 1894 г. могутъ получить слѣдующія **НОВЫЯ** художественныя произведенія:

1) Большую акварель съ картины проф. И. Е. Рѣпина: „**Бурлаки на Волгѣ**“ (22×14 в.). Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, составляющимъ собственность Е. И. В. Вели. Князя Владиміра Александровича.

2) Новый альбомъ большихъ акварелей, художественно воспроизведенныхъ съ картинъ „**ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА** и **АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ**“. Въ коллекцію альбома вошли произведенія: проф. Айвазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Млевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корсакина, Платонова, Загорскаго, Краснушаиной и др.

3) Художественная новостъ **МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ** русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ. (Величина бюстовъ: вис. 12—13 д., шир. 7—8 д.). Первую серію составляютъ: 1) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ III**. 2) Ея И. В. Гос. Имп. **МАРІЯ ФЕОДОРОВНА**. 3) Его И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ II** (въ Божѣ почившій). 4) Прот. **ЮАННЪ СЕРГѢЕВЪ** (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ 6) Лермонтовъ 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна за бюстъ изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ 3 р. (безъ пересылки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкою по Имперіи **8 р.** Безъ доставки въ Слб. **6 р. 60 к.**

1) Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ бесплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 коп., съ доставкой одинъ рубль.

2) Подписавшіеся одновременно на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ и газету „**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**“ (первое изд.) съ доставк. и внесшіе сполна годовую подписную сумму за оба изданія, получаютъ, на выборъ, картину или альбомъ бесплатно. Подробное иллюстрир. объявленіе объ изданіяхъ высылается по требованію бесплатно.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Слб. Невскій просп., у Личьяна моста, д. № 68—40. 2—3

Открыта подписка на 1894 годъ (изданія IX годъ).

5 руб. за годъ
безъ доставки.
За грав. 10 р.

ЗВѢЗДА

6 р. за годъ съ
дост. и пер. во
всѣ г. Россіи.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годовые подписчики въ теченіе 1894 года получаютъ: 52 №№ еженедѣльнаго иллюстрир. худож.-литературн. журнала „ЗВѢЗДА“. 12 КНИГЪ ежемѣс. «Литературнаго журнала», каждая книжка котор. содерж. болѣе 300 стр. плоти. печати. 26 №№ «МОДНАГО ЖУРНАЛА», который составл. по лучш. парижск. журн. и даетъ въ годъ до 500 рис. 26 №№ «РАЗВЛЕЧЕНІЯ», въ которомъ будутъ помѣщ. анекдоты, остроты, юмористич. рассказы, стихотвор., каррикаты и рисунки. 12 №№ «НАУКА и ЗАБАВА», заключ. въ себѣ шахматы, и шашечн. задачи, игры, ребусы, шарады, фокусы и пр. 12 №№ «ПОЛЬЗА и ДѢЛО», съ массою практич. указаній по всѣмъ отраслямъ домашн. и сельск. хозяйства. 12 №№ «ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ», содержаш. въ себѣ образцы канвов, работъ, вышив., узор. и пр. 6 №№ «МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ». Ноты для фортепiano: романсы, танцы и пр. 6 №№ «ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ ЧЕРТЕЖЕЙ», составлен. по новѣйш. рисунк. 1 «ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ», котор. будетъ розославъ при перв. № журн. «Звѣзда». **РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ въ 12 томахъ** составл. знамен. серію подъ общимъ заглав.: *Ругоны-Макваръ*, будутъ выданы въ 1894 г. въ ежемѣс. книг. «Литературнаго журнала». *До сихъ поръ не было такого изданія.* — Собран. отдѣльн. том., изданіе это обойдется въ 20—25 р. Изданіе будетъ снабжено портрет. и факсим. Эмиля Золя, вступ. статей І. І. Ясинскаго и біогр., написан. В. В. Чуйко.

Для напечатанія въ будущемъ 1894 г. въ журналѣ „ЗВѢЗДА“ редація уже располагаетъ слѣдующими произведеніями: Альбовъ М. Н. — разск. «У трехъ березъ». Астафьевъ С. Л. — истор. ром. «Царевна Ксенія». Атава С. Н. — разск. «Нервы». Баранцевичъ К. С. — пов. «Отецъ и сынъ». Бѣжецкій А. Н. — разск. Гиппиусъ З. Н. — разск. «Передъ смертью». Головачева-Панаева А. Я. — пов. «Недоразумѣніе». Желиховская В. П. — пов. «Звѣзда Чикаго». Заринъ А. Е. — рассказъ «Сгорѣла». Леманъ А. И. — ром. «Портретъ». Луговой А. А. — разск. Льдовъ К. Н. — рассказъ «Святлая любовь». Назарева К. В. — разск. «Рабыня». Полонскій Я. П. — разск. «Изъ воспоминаній». Сафоновъ С. А. — «Черная точка». Тютчевъ Ф. Ф. — повѣсть «Ясновѣроятная контрабандистка». Черный А. Н. — пов. «Въ открытомъ морѣ». Чюмина О. Н. — разск. «Порвалось». Ясинскій І. І. — пов. «Осиновая роща». А также стихотворенія: Астафьева Л. А., Будищева А. Н., Величко В. Л., Лебедева В. П., Льдова К. Н., Мережковского Д. С., Полонскаго Я. П., Талина Ф. Е., Фофанова К. П. и др.

Кромѣ того для напечатанія въ этомъ же году имѣются: «Царь Петръ Великій» — историч. ром. А. Волкова. «Попутный съ огнемъ», «Струсилъ» — два разск. М. Туганъ-Барановской. «Одинъ день» — пов. А. Мстиславскаго. «За честь» — пов. Е. Новиковой. Невозвратное» — пов. М. Гербановскаго. «Одиночество» — рассказъ А. Ефимова. «Хуторикъ» — мелкіе разск. А. Будищева. «Золотне годы» — повѣсть Н. Соколова. «Горе-охотники» — разск. А. Максимова. «Волшебныя чернила» — пов. В. Блѣка. «Домъ съ привидѣніями» — уголовный романъ Ульянъ Колинна и друг.

◆ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки ПЯТЬ руб., съ достав. въ Спб. и пересланою по Имперіи ШЕСТЬ руб., за границу ДЕСЯТЬ рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 1 руб., къ 1 іюля 2 руб. и 1 октября 1 руб.

◆ Доставившему подписку на десять экземпляровъ одиннадцатый безплатно. ◆

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „ЗВѢЗДА“: С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1894 годѣ.

Въ виду того, что въ теченіе почти семилѣтняго нашего редакторства въ Петербургѣ, «Русскій Вѣстникъ» достаточно опредѣлился, что за все это время подписчики остаются одни и тѣ же, лишь, съ ежегоднымъ приращеніемъ новыхъ, находимъ возможнымъ и неумѣстнымъ давать какія-либо общанія на будущій годъ и заманивать публику. Можемъ обшачъ только одно: также старательно и съ той же любовью къ дѣлу, строгимъ выборомъ статей и отсутствіемъ личной полемики, журналъ будетъ вестись, насколько достанетъ нашихъ силъ, и впредь.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ по-прежнему принимаютъ участіе:

Л. И. Асташевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. П. Барсуковъ, А. П. Барсуковъ, И. А. Вычковъ, А. Г. Брикнеръ, И. Н. Божеряновъ, Н. Е. Боратынскій, Г. И. Бобринковъ, Л. Б. Борисовичъ, К. А. Бороздинъ, А. К. Бороздинъ, В. Д. Бѣловъ, А. С. Бѣломоръ, П. А. Висковатовъ, А. И. Воейковъ, А. А. Величинъ, М. А. Веневитиновъ, князь М. Н. Волконскій, Д. В. Григоровичъ, П. П. Гвѣдичъ, А. И. Георгіевскій, К. Ф. Головинъ, графъ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. А. Горбовъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, И. А. Даниловъ, Ю. Н. Елагинъ, Ф. П. Еленевъ, А. В. Елисѣевъ, Е. Е. Замисловскій, А. И. Забѣлинъ, А. В. Захаровъ, М. Г. Зельмановъ, И. И. Зарубинъ, Д. И. Иловайскій, А. С. Ионинъ, Вс. Вл. Крестовскій, П. А. Козловъ, А. Ф. Кошловъ, А. А. Катенинъ, И. П. Корниловъ, Ю. А. Кулаковскій, П. А. Кулаковскій, В. С. Кривенко, Н. А. Любимовъ, Г. А. Ларошъ, К. Е. Линдеманъ, С. К. Литвинъ, А. П. Милуновъ, П. А. Матвѣевъ, А. Н. Майковъ, Л. Н. Майковъ, А. Я. Максимовъ, Ев. Л. Марковъ, Н. И. Мердеръ, А. П. Мальшинскій, С. В. Назаревскій, Е. Н. Опочининъ, К. П. Побѣдовосцевъ, С. В. Петровъ-Батуричъ, Я. П. Половскій, М. Д. Познякъ, Н. П. Покровскій, С. А. Рачинскій, В. В. Гозановъ, С. А. Сафоновъ, Н. Н. Страховъ, Н. П. Семеновъ, В. И. Семеновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. С. Соляновъ, Вс. Серг. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, К. К. Случевскій, М. И. Сухомяновъ, С. С. Татищевъ, В. А. Теплоу, В. К. Трутовскій, К. В. Тхоржевскій, С. С. Трубачевъ, князь Э. Э. Ухтомскій, С. И. Уманецъ, И. П. Филевичъ, Г. А. Фудель, И. П. Хрущевъ, И. В. Цвѣтаевъ, М. Г. Черняевъ, И. С. Чехъ, Н. К. Шильдеръ, А. С. Шишковъ, Н. В. Щербанъ, Н. А. Щербинъ, Ю. Н. Южиковъ, К. Н. Ярошъ и другіе.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ доставкой шестнадцать рублей, съ пересылкою во всѣ города Россіи семнадцать рублей. — Допускается взносъ въ два срока, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му іюня.

За границу принимается подписка въ государство, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Давію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, 18 рублей. Въ прочія мѣста за границей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» принимается въ С.-Петербургѣ: для городскихъ — въ конторѣ журнала «Русскій Вѣстникъ», Большая Морская, 30, въ Книжн. Магаз. «Новаго Времени» (Невскій, 38) и въ Конторѣ Товар. «Обществен. Польза» (В. Подъячская, 99); въ Москвѣ: въ Редаціи «Московскихъ Вѣдомостей» — на Страстномъ бульварѣ, въ Книжномъ Магазинѣ «Новаго Времени» (Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

Изгороднихъ просятъ непремѣнно адресоваться прямо въ Спб., В. Морская, 30.

Имѣющіеся при редакціи журнала „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ,

перешедшій нынѣ въ мою нераздѣльную собственность, принимаетъ на себя всякъя порученія и комиссіи по выпискѣ книгъ русскихъ и иностран., съ чѣмъ прошу обращаться въ Складъ какъ подписчиковъ «Русскаго Вѣстника», такъ и лицъ постороннихъ.

Здѣсь же принимается подписка на всѣ журналы и газеты русск. и иностран.

Порученія будутъ исполняться съ строгою акуратностью и точностью.

Редакт.-издателъ журн. „Русск. Вѣстн.“ Ф. Н. Бергъ. (Спб., В. Морская, 30)

Съ 1-го Января 1894 года будет издаваться, безъ предварительной цензуры,

НОВОЕ СЛОВО

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

Что можетъ выразить собою новое слово? — Новымъ считается все то, что хорошо забыто, и съ этой точки зрѣнія всѣ «забытыя слова», на которыхъ замерла рука одного изъ любимѣйш. русск. писателей, могли бы для нашего времени представить интересъ новизны. — Но повтореніе пройден. урок. не составляетъ главной цѣли той публичной кафедрѣ, для которой предназнач. себя «Новое слово». — *Natura hominum a vitatis avida est* — сказалъ Плиній, и это классич. изреч. новый журналъ будетъ имѣть въ виду постоянно, желая удовлетворять жаждѣ новизны въ области науки, искусства, философическихъ движеній и литературныхъ направленій.

Программа «НОВОГО СЛОВА» обширна: романы, повѣсти, стихи, драматическія произвед., научн. статьи, историч. очерки, путешествія, обзоръ искусства, публицистика, критика и библиографія, обзорные внутреннее (письма изъ провинц.) и внѣшнее (политическая жизнь Европы), фельетонъ, театры и проч.

Сотрудничество «НОВОМУ СЛОВУ», на первыхъ порахъ, обѣщали слѣд. лица: Д. А. Аверкиевъ, проф. В. А. Бильзатовъ, Г. К. Градовскій, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Майковъ, Н. К. Никифоровъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Я. П. Полонскій, М. И. Пыляевъ, Д. И. Стахѣевъ, Н. П. Стахевичъ, П. И. Тавѣевъ, С. И. Уманецъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, Ольга Шапиръ, А. К. Шеллеръ, I. I. Ясинскій и др. Мы постараемся, чтобы къ новому журналу прикнули и другія лучшія литературныя силы, а равно и нарождающіяся дарованія.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книжками около 25 печатн. лист. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес. 10 р., на полгода 5 р., за границу 15 р. Допускается разрочка подписныхъ денегъ по третямъ черезъ казнач. или по соглаш. съ конторою. — Подписка принимается: въ Сиб. въ конторѣ журнала «НОВОЕ СЛОВО», Саперный пер., д. № 6.

1—1

Редакторъ-издатель И. А. Ваталинъ.

Принимается подписка на 1894 годъ на Журналъ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Выходитъ ежемѣсячно книжками.

Чтобы дать возможность ознакомиться съ характеромъ журнала, приводимъ перечень помѣщенныхъ въ 1893 г. статей: О развообр. и единствѣ общеобразов. курсовъ. П. Ф. Каптерева. — О ходѣ урока и духѣ обуч. М. Демкова. — Изъ этюдовъ о самоубійствѣ. — по преимуществу въ дѣтск. и юношеск. возрастъ: I. Самоубійства, какъ психологич. проблема. II. Поводы къ нимъ. III. Мѣры предупредж. ихъ. А. Н. Острогорскаго. — Чувство чести, какъ цѣль воспит.—Вообраз. (по Кэйра) А. А. Боголюбовой. — Психолог. толпы, по Сигеле.—Ахиллесова пята соврем. воспит. М. С. Лалаева. — Историч. очеркъ развитія драмы. М. Баррьера, перев. В. А. Яковлева. — Митроп. Илариона слово о Ветх. и Нов. Заветѣ и похвала кн. Владимиру. А. Флерова. — Этюды импрэнт. чтенія Д. Д. Коровякова. — «Кавказскій плѣнникъ» Пушкина. А. Флерова. — Тѣлесн. упражн. во Франціи. А. Д. Бутовскаго. — Физиол., какъ предметъ нравственно-образоват. въ средне-учебн. завед. Д-ра И. Атласова. — Новая попытка въ области географич. классиф. — По матем. и естеств. наукъ. статья: А. Н. Гольденберга, П. Свѣтлицова, В. Машина, проф. В. Ермакова и др. Обзоръ дѣтск. книгъ. М. В. Соболева — Критика и библиографія. Для библиографич. сирвоекъ. — Рефераты. — Въ приложеніи: Обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ съ доставк. 5 р. Подписка приним. въ книжн. маг. Н. О. Фену и въ редакціи (Спб., Фурштадская, 12/4, кв. 9). — Требования на «Пед. Сб.» 1893 г. не могутъ быть удовлетворенн, такъ какъ онъ весь разошелся по подпискѣ.

Редакторъ А. Острогорскій.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
НАБЛЮДАТЕЛЬ
въ 1894 году (годъ тринадцатый).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же прогрессивно-національномъ направленіи, какъ и въ первое десятилѣтіе.

Въ журналѣ, за 1894 г., будутъ напечатаны романы и повѣсти: П. Ф. Бажина, А. И. Вницкой, А. В. Круглова, К. В. Назаревой, Вас. Из. Немровича-Данченко, Ф. Д. Нефедова, В. Свѣтлова, Д. И. Стахѣва, А. К. Шеллера (А. Михайлова), І. І. Ясинскаго и мн. др.—Фельетоны изъ общественной жизни («И смѣхъ, и горе») Ефима Простосердова будутъ помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ научномъ и публицистическомъ отдѣлахъ журнала примутъ участіе: Н. В. Безобразовъ, М. И. Венюковъ, Н. П. Дружининъ, А. О. Лукмасовъ, В. Р. Зотовъ, А. Н. Котельниковъ, К. П. Медвѣдскій, Л. Н. Ниссоловичъ, А. П. Пятковский, И. О. Фесенко, В. Е. Чешахинъ, С. Ф. Шарановъ и мн. др.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 13 р.; съ пересылкою внутри Россіи 14 р.; за границу 17 руб. За полгода: безъ доставки 6 р.; съ доставкою 6 р. 50 к.; съ пересылкою въ Россію 7 р.; съ пересылкою за границу 9 р. Условія разсрочки иногороднимъ подписчикамъ: 5 р. при подпискѣ (не прѣмѣнно черезъ Главную Контору), къ 15-му апрѣля—5 р., и къ 15-му августа—4 руб. Библіотеки для чтенія пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками; выписывающіе же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящіе полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра Книгопродавцамъ 50 коп. уступки съ годового экземпляра (безъ разсрочки). Служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третью года) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургъ, Пушкинская, близъ Невскаго просп., д. № 11, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Главная контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12-ти до 4-хъ часовъ пополудни; въ остальное же время года—до 3-хъ часовъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней.

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

V годъ изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ изд. годъ V

ПРИРОДА И ЛЮДИ

популярно-научный иллюстрированный еженедельный журналъ для семейнаго чтенія и самообразования.

(Подписной годъ съ 1-го ноября 1893 года по 1-е ноября 1894 года).

«Природа лучшая наставница»,—гласитъ давно известная истина. «Природа—лучшая въ мирѣ книга, изученіемъ которой должны заниматься всѣ». Но мало того,—природа есть въѣсть и занимательнѣйшая наставница, интереснѣйшая книга, способная увлечь собою всякаго человѣка. Вотъ почему, задавшись цѣлью создать общедоступный журналъ для семейнаго чтенія, равно интересны для всѣхъ и каждаго, мы и избрали предметомъ для него какъ вообще природу, такъ въ особенности миръ существъ разумныхъ.—Блестящій успѣхъ нашего журнала, большое количество подписчиковъ за истекшіе четыре года указываютъ намъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ журналѣ, какъ «Природа и люди».

Въ наступающемъ году журн. «Природа и люди» сохранивъ прежн. программу. Въ 1894 подписномъ году журналъ «Природа и люди» дастъ своимъ подписчикамъ: 52 еженед. номера. Каждый № въ разм. 2 лист. бол. формата (16 стр. плот. печ.). 12 книгъ литер. прилож. Книги будутъ выход. ежем. въ разм. 120 до 160 стр. каждая **БЕЗПЛАТНО** столь цѣн. прилож., которое **ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА.**

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «Полезной библиотеки»:

1) «Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ» — Г. Парвила. Перев. А. Лякиде, подъ редак. проф. С. Глазенапа. 2) «Научныя развлеченія» — д-ра В. Буринскаго. 2) «Подъ водою» — Л. Фигье. Пер. подъ редак. и съ дополн. П. Лебедева. 4) «Первая помощь отъ несчастныхъ случаевъ» — проф. Ф. Эсмарха. Пер. подъ ред. д-ра С. Груздева. 5) «Первые обитатели Москвы» — большой рассказъ изъ жизни первобытнаго человѣка, Г. Полозова. 6) «Самоучитель фотографіи» — Ф. Дилае Переводъ подъ редак. Е. Буринскаго. 7) «Рыболовъ-любитель» — Ф. Пескова. 8) «Пять вѣтшинныхъ чувствъ» — Л. Фигье. Пер. подъ ред. д-ра Ю. Малиса. 9) «Электричество въ домашн. быту» — В. Турвна. 10) «Жизнь земли» (поп. геол.) — проф. Ф. Пуше. 11) «Дом. обиходъ» (Сб. пол. сов. и ред. по всѣмъ отрас. хов.) — Ф. Груздева. 12) «Чудеса гипнот.» — д-ра Ю. Малиса.

Въ №№ журнала въ наступающ. году будутъ напечатаны: «Храмъ науки» — б. ром. І. Ясинскаго. «Новая жизнь» — б. ром. А. Лемана. «Ариасвати» — фавт. ром. Н. Соколова. «Черная душа» — разск. Ф. Тютчева. «Мститель» — разск. В. Гусаревича. «Морфинистка» — разск. А. Зарина. «Мирскія диковинки» — рядъ разск. В. Желиховской. «Длиннупуты» — научн. ром. А. Бленара. Рассказы: проф. Н. Вагнера, Н. Каразина и Д. Мамина-Сибиряка. «Жертвы моря» — Моряка (песвл.). «Тайны алхимии» — очер. Н. Павловича. «Письма изъ Африки» — Г. Сенкевича. «Страна чудесъ» и «Въ царствѣ рулетки» — разск. изъ путеш. С. Дмитревскаго. «Лазуревый гротъ» — очеркъ С. Донскаго. «Орочони» — этнограф. очеркъ А. Максимова. «Изъ песковъ Судана» — очерки послѣдн. путеш. д-ра А. Елѣшева. «Очерки изъ путешествія по Абиссиніи» — извѣсти. путешеств. В. Машкова. «Семь церквей Апокалипсиса» — В. Желиховской «Столицы міра» — разск. С. Донскаго. «Шлеяди» и «Сатурнъ, его кольца и спутники» — очерки проф. С. Глазенапа. «Друзья человѣка» — б. оч. д-ра зоол. А. Никольскаго. «Ящериды, плачущія кровавыми слезами» — В. Максимова. «Чтеніе мыслей» — П. Соловьева. «Воля» — П. Успенскаго. «Черезъ сто лѣтъ» — оч. В. Битнера. «Живая машина» — очеркъ І. Ясинскаго. Рядъ популяр. биогр. русскія учен. и путеш. Очерки изъ астрон., зоол., ботан., метеор., физич. геогр., минер., геол., физ., химіи, медиц., техн., по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу «Наука и забава», извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣт. и открытіяхъ. Полезные совѣты и рецепты. Фокусы и забавы и пр., и пр. Большинство статей иллюстрировано изданными рисунками.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе художники: Казанцевъ, В. Г., Каразинъ Н. Н., акад. Кившенко А. Д., Цютовичъ С. К., акад. Самокинъ Н. С., Самокинъ-Судковская Е. П., Соколовскій Э. К. и другіе.

Подписная цѣна на ежедн. журналъ «Природа и люди» съ прилож. 12-ти книгъ «Полезной библиотеки»: безъ дост. 4 р., съ дост. и перес. 5 р.; за границу 8 р. — Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 февраля 1 р. и къ 1 мая остальное.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольш. колич. экзempl., цѣна котор. въ брошюр. видѣ, со всѣми прилож. 4 р. за каж. годъ, а въ роскошн. переп. 5 р. Перес. съ наложен. платеж. по вѣсу и разст. Подписка принимается въ конт. редак. «Природа и люди». Спб., Стремян. ул., с. д. № 12.

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ ВЪ 1894 ГОДУ. (ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» издается въ 1894 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія четырнадцать лѣтъ (1880—1893).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

XIV годъ. **ОСКОЛКИ** годъ XIV.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 № въ годъ), иллюстриров. юмористич. журн. «ОСКОЛКИ», съ каррикатурами, вступая въ четырнадцатый годъ своего сущест., будетъ издаваться въ 1894 г. подъ той же редакц., по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1893 г. — Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большаго иллюстр., помѣщая на своихъ стран. въ теченіе года до 1000 юмористич. и карриатурн., худож. выполн. рисунк., какъ въ краск., такъ и чернилъ, и до 1800 юморист. и сатирич. статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легк. фельет. наброск. изъ текущей жизни, разск., сценъ, шаржей, пародій, очерк., анекд., шутокъ, изреченій, каламб., шарадъ, загадокъ и пр. — Время отъ времени редакція предлагаетъ ребусы, шарady и загад. **НА ПРЕМІЮ.** — Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ въ концѣ 1894 г. бесплатную премію: Юморъ И. С. ТУРГЕНЕВА въ рисункахъ.

ЦѢНА за журналъ: съ доставк. и перес. на годъ съ безпл. преміей 9 р., на полгода безъ преміи 5 р., на три мѣсяца безъ преміи 3 р., за границу на годъ 10 р.; безъ достав. и пересылки: на годъ съ безпл. преміей 8 р., на полгода безъ прем. 4 р. 50 к., на три мѣсяца безъ прем. 2 р. 50 к. — За пересылку преміи приплаты не полагается. — Допускается разсрочка подписной платы черезъ гг. казнач. или по личн. соглаш. подписч. съ Главной конторой журн. «ОСКОЛКИ». Подписавш. съ разсрочкой получаютъ премію лишь по уплатѣ всей подписн. суммы. — Подписка принимается: въ Главной конторѣ журн. «ОСКОЛКИ» въ Спб. (Спасская ул., д № 17)

1—3

Редакторы-Издатели: Н. ЛЕЙКИНЪ и Р. ГОЛИКЕ.

VII-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. VII-й г. изд.

СЪВЕРЪ

ВЪЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики **«СЪВЕРА»** въ 1894 г. получатъ: **52 №№** прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 66—64 столб. кажд., обшор. въ издѣн. цвѣтную обложку — **12 №№** отдѣльн. иллюстр. **«ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ»**, составл. по лучш. модн. парижск. журн. — **12** отдѣльн. выкроекъ: изъ нихъ 6 вырѣзъ. въ натурал. велич. и 6 на отдѣльныхъ листахъ. — Ежемѣсяч. бесплатное прилож. **«Библиотека Сѣвера»**. **12** томовъ сочин. извѣстнѣйш. русск. и иностран. писателей и путешествен.

Въ предстоящемъ году въ **«Библиотеку Сѣвера»** будутъ напечатаны: изъ приобрѣт. редакціей въ собственность, **Н. Д. АХШАРУМОВА**: **«Чужое имя»**, романъ. **полнаго собр. сочиненій Н. Д. АХШАРУМОВА**: **«Мандаринъ»**, романъ. **«Концы въ воду»**, пов. **«Ночное»**, рассказъ. **«Смерть Слѣпцова»**, кавказская быль.

Сочиненія баснописца И. А. КРЫЛОВА, съ художе ст. иллюстр. **Е. А. БАРАТЫНСКАГО**. Стихотворенія. — **В. Н. ГОЛОВИНА**. **«Кругосвѣтное путешествіе»**, подъ редакц. **Э. Ю. Петра**. — **«МЕЛЬМОТЪ-СКИТАЛЕЦЪ»**, ром. **Матюрина**. — Остальн. соч. **Н. Д. АХШАРУМОВА** будутъ помѣщ. въ библиотекѣ **«Сѣвера»** 1895 г. Такимъ образомъ подписчики **«Сѣвера»** получатъ это полное цѣнное литературное приложеніе **б е з п л а т н о**.

Другое бесплатное приложеніе: **ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІИ**. — **1** томъ: **РУССКІЙ СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯЙСТВО**. Популярное изложеніе организаціи новаго и переустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ прилож. 7-ми, нигдѣ не напечатан писемъ о сельскомъ хозяйствѣ **А. Н. Энгельгарта**) соч. **С. Э. Шарапова**. — **1** томъ: **КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО** (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растений). **Н. Е. Семенова**.

Бесплатное художеств. прилож. къ журналу: роскошный альбомъ акварелей къ избраннѣмъ **Стихотвореніямъ Н. А. НЕКРАСОВА**.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» и друг., **10** художественно исполненныхъ акварелей художника **Петра Соколова**. — Къ альбому будетъ приложенъ портретъ **А. Н. Некрасова**, исполн. акварелью съ портрета **И. П. Крамскаго**, находящагося въ галлерей Третьякова въ Москвѣ. Художеств. обложка альбома исполн. акварелью **Н. Н. Карзинина**. Всѣ рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительн. текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность **«Сѣвера»** и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1 стѣнной отрывной на 12 мѣсяцевъ табель-календарь, отпечатан. красками. Всѣ приложенія **«Сѣвера»** высылаются подписчикамъ **В Е З П Л А Т Н О**.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ достав. въ С.-Петербургѣ **6 руб.** Безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Печковской **6 руб. 50 коп.** Съ доставк. и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 руб.** — Разсрочка подписной платы за **«СЪВЕРЪ»** 1894 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ: для гг. городскихъ подписчиковъ въ два срока: безъ доставки: при подпискѣ **3 руб.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб.** Съ доставкою: при подпискѣ **3 руб. 50 коп.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб. 50 коп.** Для гг. иногородныхъ подписчиковъ въ два срока: при подпискѣ **4 руб.**, 1 іюня 1894 г. **3 руб.** Въ три срока: при подпискѣ **3 руб.**, 1 мая 1894 г. **2 руб.** и 1 августа 1894 г. **2 руб.** — Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежд. (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и друг. городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою по мѣсячно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи **«СЪВЕРЪ»**, Екатерининская, № 4.

Издатель **Е. А. Евдокимъ**. Завѣдующій художеств. отдѣломъ **Н. Н. Карзининъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходящій въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригин. и перев. романы, повѣсти, рассказы, драматич. произвед., стихотвор. и т. д.). 2) **Наука** (философ., исторія, естествозн., военная наука и пр.). 3) **Критика**. 4) **Вопросы церковной жизни**. 5) **Внутрен. обзор**. 6) **Иностранное обозрѣніе**. 7) **Лѣтопись печати**. 8) **Искусство** (обозр. музык., театр., художеств. и др.). 9) **Библиографія** (отзывы о сочин. по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностр. журналист. и обзор. духовн журн.). 10) **Новыя книги**. 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщ. изъ пров.). 11) **Эконом. замѣтки**.

Въ 1893 г. въ журналѣ принимали участіе: Аверкиевъ Д. В., «Художн. Безпал. и нотар. Подлещ.»—Астафьевъ П. Е., (Наше знаніе о себѣ.—Урокъ эстетики)—Владиміровъ А. П., (Полож. Православія въ Сѣв.-Западн. краѣ и др.). Венкстернъ А. А. («Препятствіе», пов. «Въ тиши», пов.). Василевскій А. П., Васильевъ С. В. (Театр. хрон.). Георгиевскій Г. П., (Печерск. Патерикъ печати). Глаголевъ С. С., Головинъ К. Θ., (Наша бѣдность.— Политич. эконо. въ лекц. проф. Чупрова). Деревницкій А. Н., Де-Волланъ Г. А., (По бѣлу свѣту). Елишевъ А. В., (Соврем. исламъ). Е. Θ., (Археолог. находки въ Египтѣ). Зиссерманъ А. А., Кн. Имеретинскій К. Н., (Первый пер. столѣт. борьбы въ Ю.-З. краѣ). Иловойскій Д. И., (Рязанскіе этюды). Кирѣевъ А. А., (Сѣздъ старокат.—«Своя своихъ не познаша»). Кашкинъ Н. Д., (Музык. Обзор.). Любимовъ Н. А., (Смѣна мировоззр.). Ласковскій В. Н., Львовъ В. Н., Майковъ Л. Н., Майковъ А. Н., Марковъ Е. Л., (На Оксусѣ и Яксартѣ). Новикова О. А., (Письма изъ Англіи). Новиковъ И. А., Николаевъ Ю., (Критич. очерки) Побѣдоносцевъ К. П., (Ле-Пле) Полонскій Я. П., Розановъ В. В., (О монархизм.— Грн. главы. принципа народн. образов) Соловьевъ Всев., («Злые вихри», ром.). Свящ. Соловьевъ І. И., (Духовн. периодич. печать). Страховъ Н. Н., гр. Салиасъ Е. А., («Новая Сандрильона», ром.). Святловскій В. В., (Письма изъ Америки и Азіи). Семеновичъ В. Н., (Письма о Сѣверѣ). Телешовъ Н. Д., («На тройкахъ», очеркъ). Тихомировъ Л. А., (Лѣтоп. печати). Тхоржевскій К. В., Талицкій, Титовъ А. А., (Терюшевскій бунтъ). Фетъ А. А., (Воспомин.). Цвѣтаевъ И. В., (По Элладѣ и др.). Щегловъ Д. Θ., Щегловъ И. Л., Ясинскій І. І., («Чистая совѣсть», пов.). Яковлевъ И., (Письма изъ Парижа). Ярошъ К., (Казакъ XVI вѣка) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (въ предѣлахъ Имперіи) съ перес. и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць—1 руб. 25 коп. — Для лицъ духовнаго знанія, для гг. преподавателей высшихъ, средн. и низш. учебн. завед., для лицъ воен. сословія и для учащихся въ высш. учебн. завед. подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб. — Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковныя бібліотеки, военныя собранія, а равно лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТЪ: Въ Москвѣ: Контора «Русскаго Обозрѣнія», Тверская, д. Спиридонова, бывш. Гиндбурга.— Въ С.-Петербурѣ: Отдѣл. конторы «Русскаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. — Книги журнала 1890, 1891 и 1892 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 8 р. за годъ, всѣ же три года вмѣстѣ—20 руб. — Письма, телеграммы, рукописи и посланки адресуются такъ: **МОСКВА, редакція «Русскаго Обозрѣнія», Тверская ул., д. Спиридонова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 ГОДЪ

XXV НИВА XXV

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и преміями.

Гг. подписчики «Нивы» получаютъ въ теченіе 1894 г.:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключ. въ себя въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 книгъ соч. Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО,

выходящ. въ началѣ кажд. мѣсяца, будутъ заключ. въ себя слѣд. соч. Ф. М. Достоевскаго:

КНИГА I. «Вѣдныя люди», ром. «Двойникъ», петерб. поэма. КНИГА II. «Господинъ Прохарчинъ», разск. «Романъ въ девяти письмахъ», «Хозяйка», пов. «Полазунковъ», «Слабое сердце», пов. «Чужая жена», «Чести. воръ», «Елка и свадьба», п. КНИГА III. «Бѣлыя ночи», ром. «Негодка Незванова», «Маленькій герой», «На Европейскія событія 1864 г.», стих. «Дядюшкинъ сонъ», пов. КНИГА IV. «Село Степанчиково и его обитатели». I и II ч., изъ запис. неизв. КНИГА V. «Записки изъ мертваго дома», ром. въ 2 ч. «Скверный анекдотъ», разск. КНИГА VI. «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ». «Записки изъ подполья», повѣсть. «Крокодилъ», пов. «Игроки», романъ. КНИГА VII. «Униженные и оскорбленные», ром. въ 4 ч., съ эпилог. КНИГА VIII. «Вѣчный мужъ», разск. КНИГА IX. «Преступленіе и наказаніе», ром. въ 6 ч. съ эпилог. Ч. I, II и III. КНИГА X. «Преступленіе и наказаніе», ром. Ч. IV, V и VI. КНИГА XI. «Идіотъ», ром. въ 4 ч. Ч. I и II. КНИГА XII. «Идіотъ», ром. Ч. III и IV.

При 1-й книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, грав. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальн. произв. Ф. М. Достоевскаго: «Бѣсы», «Подростокъ», «Дневникъ писателя» и «Братья Карамазовы», то мы нынѣ же приним. на себя обязательство дать ихъ, какъ бесплатн. прилож. при «Нивѣ» 1895 г., такъ что подписчики «Нивы» за 1894 и 1895 г. получатъ бесплатно «Полное собраніе сочиненій» Ф. М. Достоевскаго.

12 выпусковъ **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ срединѣ каждого мѣсяца, и будутъ содержать въ себя романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ бесплатн. ежемѣсяч. прилож. **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**, содержащ. до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№ бесплатнаго ежемѣсяч. приложенія рукодѣльныхъ и вышивальн. работъ (около 300) и до 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину.

2 ОФОРТА Проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) «Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ» и 2) «Лѣсная рѣчка».

2 КАРТИНЫ: 1) «Островъ Наргенъ», проф. Ю. Ю. Клевера, отпечатанная 15 красками. 2) «Неро-Фюрдъ въ Норвегій», художн. Расмуссона, отп. 18 краск.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1894 годъ, печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложениями:

Безъ доставки въ С.-Петербург. — 6 р., съ доставкой въ С.-Петербург. — 6 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) — 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — 7 р. За границу — 10 р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6. 2—3.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности при переводѣ съ
РУССКАГО на ЛАТИНСКІЙ. 400 стр. 32°. Цѣна 50 коп.

СОСТАВИЛЪ

Н. И. КАШКАДАМОВЪ.

Необходима для учениковъ всѣхъ классовъ гимназій, такъ какъ
звѣняетъ грамматику и словарь.

Къ ней ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Табл. оконч. склон.; 2. Образцы
склон. сущ. и прилаг.; 3. Числит.; 4. Мѣстоим.; 5. Глаголь;
6. *Consecutio temporum*; 7. Условн. предл.; 8. Римскій
календарь.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности
или особенности при переводѣ на греческій
ЯЗЫКЪ.

Составилъ Н. И. Кашкадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 р.

Обѣ книги содержатъ расположенныя въ алфавитномъ по-
рядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности
какъ въ *этимологическомъ*, такъ и въ *синтаксическомъ* отноше-
ніяхъ. Въ нихъ учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могу-
щихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ *русскаго* на
латинскій и *греческій*; при *мазолахъ* выписаны всѣ формы и кон-
струкціи, при *предлогахъ*—важнѣйшія *особыя выраженія*, при *дру-
гихъ частяхъ речи*—всѣ неправильности. Эти книги могутъ
отчасти замѣнить учебникъ и карманный словарь.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (*extemporalia*).

Главный складъ въ Товариществѣ „Общественная Польза“,
С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 39. Продаются во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книго-
продавцамъ уступка 20%.

X годъ
изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 Г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ.X годъ
изданія**ВОКРУГЪ СВѢТА**

50 №.№. и 12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книгъ.

Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стр., или
отдѣльный романъ или законченный сборникъ разсказовъ, стихотвореній и проч.

НАСТУПАЮЩИМЪ 1894 годомъ ЗАКОНЧИТСЯ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ со дня выхода 1-го № журн. **ЮБИЛЕЙНЫМЪ,**
«Вокругъ Свѣта». Настоящій годъ будетъ для журналаа потому редакция и издатель намѣрены употребить всѣ силы для того, чтобы
журналъ въ этомъ году превзошелъ, такъ сказать, самъ себя.—Въ концѣ года
будетъ выданъ подписчикамъ увеличенный**ЮБИЛЕЙНЫЙ НУМЕРЪ.**Журналъ будетъ выходить въ форматѣ двухъ печатныхъ листовъ, со мно-
жествомъ отдѣлн. рисунковъ (въ годъ болѣе 2.000 столб. текста и до 400 рисунк.)Въ журналъ по прежнему будутъ участвовать: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ и мн. друг.—
Иностранная литература путешествій и приключеній; между прочимъ, будутъ помѣ-
щены: новый романъ Жюль Верна, съ рисункъ Беннета; романъ новогреч. писателя
Димитрія Бикеласа съ рисункъ Ралли; ром. Д. Жаколю (прод. ром. „На океанѣ“);
новѣйшій романъ Андре Лори; очень оригинальный романъ военнаго характера, на-
писаннаго капитаномъ Данри и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки Ствен-
сона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Брауна, Каниве и друг.**НЕ ВЪ ПРИМѢРЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ ГОДАМЪ РЕДАКЦІЯ**

въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

БЕЗУСЛОВНО-ОРИГИНАЛЬНУЮ, ХУДОЖЕСТВ. ПРЕМИЮ**6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)**

съ акварелей Н. Н. Каразина

Эти картины, размѣръ каждой 6¹/₂×13 вершк., сдѣланы художн. по специальному
заказу редакціи и изображаютъ собою въ лицахъ и аксессуарахъ природу и людей
всего земнаго шара: Европы, Азіи, Африки, Америки, и Австраліи и отдѣльно Россіи.Оригинальность замысла и художеств. исполненія позволяютъ занять нашей преміи
исключительное положеніе среди всѣхъ друг., предлагаемыхъ друг. журн., премій.Подписная цѣна на журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ съ доставкой и пересыл-
кой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:**На годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

при подпискѣ 2 рубля, 1 апрѣля и 1 іюля по 1 рублю.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Сытина.**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ Москвы, С-Петербурга и другихъ городовъ Россіи. 2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— на 1894 годъ —

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1893 г. въ „РУССКОЙ ШКОЛѢ“ напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи: 1) Маленькіе моряки (изъ воспомин. о Морскомъ корпусѣ). К. М. Станюковича. 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній М. И. Семевского. 3) Неугаданный (Педагогич. случай). С. В. Максимова. 4) Епархіальныя женскія училища въ первое 50-ти-лѣтіе ихъ существованія. Д. Д. Семенова. 5) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединен. Штатахъ Сѣверной Америки. П. Г. Мизуева. 6) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигиены и воспитанія. В. В. Гориневскаго. 7) Первая всероссійская гигиеническая выставка въ 1893 г. А. С. Виреніуса. 8) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. П. М. Головачева. 9) Характеристика учениковъ. Ф. С. Матвѣева. 10) Выѣхавшая школьная литер. С. П. Незлобина. 11) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. О. И. Роговой. 12) Педагогъ и взаимопомощь. Н. Ф. Арешева. 13) Пенсіонное обезпеч. народн. учителей. А. М. Тютрюмова. 14) Состояніе народн. образов. въ селахъ Европейской Россіи. А. Н. Страннолюбскаго. 15) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. С. А. Бобровскаго. 16) Народное образованіе въ Херсонской губ. И. П. Бѣлоконскаго. 17) Воскресныя школы въ Ставрополѣ Кавказскомъ. Я. В. Абрамова. 18) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. А. И. Анастасьева. 19) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (дидактич. совѣты учителямъ народныхъ школъ). Его же. 20) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. К. С.-И. 21) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. Ч. М. Калмыковой. 22) Система мѣръ распростран. сельско-хоз. свѣдѣній въ средѣ народа. Е. Д. Максимова. 23) Геометрія въ городскихъ училищахъ. В. А. Латышева. 24) Авторитетное слово въ области методики математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго. 25) Бесѣды о преподаваніи географіи. А. Ф. Соколова. 26) О церковно-славянск. языкѣ. А. И. Тарновскаго. Кромѣ того въ „РУССКОЙ ШКОЛѢ“ 1893 г. заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій (болѣе 80 рецензій); ежемѣсячная хроника народнаго образованія, Я. В. Абрамова; отчеты о засѣданіяхъ Спб. и Московскаго Комитетовъ грамотности; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образов. въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ выходитъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО** книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ.

◉ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: ◉

въ С.-Петербургѣ съ доставкою **6 р. 50 к.**, для иногородн.—7 р:

Учителямъ и учительницамъ начальныхъ сельскихъ школъ дѣлается уступка въ 1 руб. и, кромѣ того, допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ три руб., а остальные три руб. не позже 1-го іюня.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова, «Новаго Времени» и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-Издатель: Я. Г. Гуревичъ.

Открыта подписка на 1894 годъ.
(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи; характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлы библиографическихъ справокъ и отдѣлы приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГODOBое ИЗДАНИЕ:

На годъ: съ пересылкой и доставкой — 10 руб., безъ доставки и пересылки — 8 руб. 50 коп.; за границу — 12 руб.

Разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ за всѣ прежіе годы, кромѣ 1882, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. ГАМАЛѢЙ.
1—3

Редакторъ В. НАУМЕНКО.

ГОДЪ XVI.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1894 годъ

ГОДЪ XVI.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДЕЛЯ.

(50 №№ въ годъ).

● Выходитъ по воскресеньямъ. ●

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 6 руб. ✕ На полгода . . 3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Газета въ 1894 г. будетъ вестись по той же программѣ и при участіи тѣхъ же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи, въ г. ЕКАТЕРИНБУРГѢ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-Издатель А. М. Симоновъ.
1—3

Редакторъ П. Н. Галинъ.

Открыта подписка на 1894 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ОХОТЫ И ЖИВОТНОВОДСТВА
(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Органъ Отдѣленія Охоты при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Общест. Акклиматизациі животныхъ и растений.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

(50 №) въ объемѣ отъ 2-хъ печатныхъ листовъ, съ рисунками, портретами, чертежами и т. п. въ текстѣ.

РУССКІЙ ОХОТНИКЪ.

Кромѣ того всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно

—● ОСОВУЮ ЦѢННУЮ ПРЕМІЮ. ●—

● Цѣна: на годъ 6 руб. съ доставкой и пересылкой; на полгода 3 р. 50 к.

Заграницу на годъ 9 руб., на полгода 5 руб. — Допускается разсрочка по 1 р.

Съ № 1 открывається новый отдѣлъ бесплатныхъ объявленій для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ основаніяхъ: каждый годовой подписчикъ „Русскаго Охотника“ имѣетъ право на бесплатное помѣщеніе въ количествѣ 12 разъ всякаго объявленія, касающагося охоты, спорта, животноводства и акклиматизациі въ размѣрѣ не свыше 40 словъ (за каждое лишнее противъ этой цифры слово приплачивается по 5 коп. почт. марк.); объявленія, присылаемыя до четверга каждой недѣли, попадаютъ въ очерденный №.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Постановленія и распоряженія, касающіяся охоты. 2) Передовыя статьи. 3) Правила и способы производства правильной охоты: ружейной, псовой и ловчими птицами. 4) Охотничьи разсказы и очерки. 5) Замѣтки ружейныхъ, псовыхъ, рыболововъ, голубоводовъ и другихъ охотниковъ. 6) Исторія и техника оружія, и другихъ принадлежностей всякой охоты. 7) Статьи о животноводствѣ: собакахъ, лошадяхъ и птицахъ, ихъ разведеніи, воспитаніи, содержаніи, лѣченіи и дрессировкѣ. 8) Отчеты о выставкахъ, садкахъ и проч. 9) Статьи о размноженіи дичи. Монографіи о всякихъ животныхъ. 10) Новости, усовершенствованія, открытія. 11) Корреспонденціи, касающіяся охоты. 12) Охотничья библиографія. 13) Разныя извѣстія изъ періодическихъ изданій относительно охоты, птицеводства и животноводства. 14) Вопросы и отвѣты. 15) Объявленія, относящіяся до охоты.

Редакторъ-Издатель Кн. В. П. УРУСОВЪ.

—● Пробный номеръ безплатно. ●—

Главная контора редакціи: МОСКВА, Гагаринскій пер., домъ Курилко.

●● Отдѣленія конторы редакціи: 1) ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Конюшенная, Оруж. магазинъ Веннгъ. 2) НІЕВЪ, Крещатикъ, Американскій оружейный магазинъ. 3) САРАТОВЪ, Нѣмецкая ул., Оруж. магазинъ В. В. Онезорге. 4) САМАРА, Оруж. магазинъ Ф. А. Неймана. 5) СИМФЕРОПОЛЬ, Оруж. магазинъ К. Ф. Киблена. 6) ПЕНЗА, Оруж. магазинъ Л. Я. Пудовкина. 7) ОРЕЛЬ, Оруж. магаз. Н. М. Кубышкина. 8) СТ. РУССА, магазинъ поручика Осипова.

Годъ XII.

ПОДПИСКА

Годъ XII.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РЕБУСЪ,

знакомящій читателей съ современною научною разработкою вопросовъ психической области, какъ-то: медиумизма (спиритизма), животного магнетизма, гипнотизма, ясновидѣнія, двойнаго зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: прижизненныхъ, при-
смертныхъ, посмертныхъ и т. п.

Беллестристическій отдѣлъ: романы, повѣсти и рассказы.

Подписная цѣна на 1894 годъ:

Безъ доставки — 4 руб., съ доставкой — 5 руб. На полгода безъ доставки — 2 руб. 50 коп., съ доставкой — 3 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., затѣмъ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября 1 руб.

1—1 ● Адресъ: С.-Петербургъ, редакція «РЕБУСЪ». ●

● ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА ●

ТЕРСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ 1892 г. газета «Терскія Вѣдомости» выходитъ

ТРИ раза въ недѣлю,

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, и заключаетъ въ себѣ по прежнему два отдѣла: официальный и неофициальный. Въ официальномъ отдѣлѣ газеты печатаются текуція распоряж. правительства и мѣстной администр., а также казен. объявленія.

→ Неофициальная часть значительно расширена и дополнена ←

Она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководяція статьи; 2) хронику: а) общую, заключ. въ себѣ извѣстія, касающіяся интересовъ *всего края*, б) городскія извѣстія, происшествія и судебную хронику, в) извѣстія изъ области; 3) свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Ростовѣ, Новороссійскѣ и на важнѣйшихъ рынкахъ Терской области; 4) корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ области; 5) матеріалы по всестороннему изслѣдованію области; 6) научный фельетонъ (историческій, статистико-экономическій, сельско-хозяйственный, этнографическій и т. п.), фельетонъ путешествій и обыденной жизни; 7) свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ мѣстнымъ вопросамъ; 8) практич.-полезныя свѣдѣнія; 9) телеграммы съверн. агентства; 10) справочныя свѣд. и частныя объявленія.

← Газета будетъ выходить каждый разъ въ объемѣ не менѣе 1 печати. листа. →

Условія подписки остаются безъ измѣненія:

годовая плата для обязательныхъ и необязательныхъ подписчиковъ, съ пересылкою и доставкой на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., и на одинъ мѣсяць 85 к.

○ Подписка принимается какъ отъ городскихъ, такъ и отъ иногороднихъ подписчиковъ въ областномъ правленіи и въ редакціи. ○

1—1 Редакторъ неофрѣаціальной части П. Ф. Стѣфановскій

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ городѣ Казани ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ,
кромя дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

◆ ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ◆

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграфн. Агентства и отъ собствен. корреспондентовъ.— Последняя почта. — Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.— Обзоръ текущей прессы и журналистики. — Областной отдѣлъ. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. — Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. — Судебная хроника. Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ Казанской судебной палатѣ. — Библиографія. — Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.— Ежедневное обозрѣніе текущей заграничной жизни. — Наука литература и искусство. — Сельское хозяйство и промышленность.— Педагогика и народное образованіе.— Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы. — Фельетонъ. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ ежедневныхъ „Воскресн. Бесѣдъ“ г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. — Тиражи выигршей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ контингента сотрудниковъ, уже сплотивш. вокругъ редакціи „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА“, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893 г. основатель и бывшій редакторъ-издатель „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА“, профессоръ Н. П. ЗАГОСНИНЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

◆ Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяць—75 к.; безъ доставки: на годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—1 р. 75 к., на 1 мѣсяць—60 коп.

◆ Для иногороднихъ подписчиковъ: на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣсяць—1 руб.

◆ Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

◆ Подписка принимается въ главную конторѣ „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА“ на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“ (Воскресенская улица, домъ Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассаажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ, № 1), въ зданіи Биржи, у секретаря, и въ иногороднихъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующ. образомъ:

◆ КАЗАНЬ, редакція «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА». ◆

Редакторъ-Издатель Н. В. Рейнгардтъ.

Издатель В. М. Ключниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

◉ 8-й годъ изданія. ◉

ДОНСКАЯ РЪЧЬ,

газета Донскаго края,

выходить три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

ПРОГРАММА: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донскаго края и сосѣднихъ губерній, фельетонъ, очерки, рассказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ „ДОНСКАЯ РЪЧЬ“ читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящемъ году, какъ и въ минувшія семь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія и помѣститъ рядъ статей, касающихся экономического положенія края, военного быта казаковъ, рядъ очерковъ, рассказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 1 мѣс.—1 руб.

● Адресъ: **НОВОЧЕРКАССКЪ**, въ редакцію „ДОНСКОЙ РЪЧИ“.

1—3

Редакторъ-Издатель Нв. ПОПОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

◄ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ. ►

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3) Обзорніе газетъ и журналовъ. 4) Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. 5) Послѣднія извѣстія. 6) Городская и земская хроника. 7) Вѣсти съ юга: корреспон. „Южнаго Края“. 8) Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспон. „Южнаго Края“ и извѣстія др. газетъ). 9) Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣднія почта. 10) Наука и искусство. 11) Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. 12) Судебн. хроника. 13) Критика и библиографія. 14) Смѣсь. 15) Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 16) Календарь. 17) Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назнач. къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ по К.-Х.-А. и Х.-Н. ж. д. и др. 18) Стран. сообщ. 19) Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. — Кромѣ того, газета получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы. — Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся дѣятелей и политичежи, имѣющие отношеніе къ текущимъ событіямъ.

◉ **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** Безъ доставки: на годъ—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—4 р., на 1 мѣс.—1 р. 40 к. Съ перес. иногородн.: на годъ—12 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р. 50 к., на 3 мѣс.—4 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 60 к. — Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

◉◉ Подписка и объявленія принимаются въ **ХАРЬКОВѢ**—въ главной конторѣ газеты „ЮЖНЫЙ КРАЙ“, на Николаевской площади, въ домѣ Пятры.

1—3

Редакторъ-Издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

на 1894 годъ.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Съ ноября 1893 года «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» выходитъ

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

●● ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, СРЕДАМЪ и ПЯТНИЦАМЪ: ●●
ВЪ ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ БУДУТЪ ВЫПУСКАТЬСЯ БЮЛЛЕТЕНИ СВЪ.-ТЕЛЕГРАФН. АГЕНТСТВА.

Программа газеты слѣдующая:

- 1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстъ газеты или отдѣльными бюллетенями.
- 2) Отдѣлъ officialный — важнѣйшія правительственныя распоряженія.
- 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокъ.
- 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.
- 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.
- 6) Корреспонденціи изъ провинціи. Съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ и изъ Америки.
- 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.
- 8) Литературное обозрѣніе — критика и библиографія, особенно сочиненія объ Азіи. Извлеченія и переводы.
- 9) Изыщная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.
- 10) Фельетонъ.
- 11) Судебная хроника.
- 12) Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.
- 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ **приложеній** періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

=== ЦѢНА ГАЗЕТЫ: ===

за годъ — **8** руб., полгода — **5** руб., три мѣсяца — **3** руб. и за одинъ мѣсяць — **1** руб.

За приложенія (сборники) къ подписной цѣнѣ добавляется **2** руб.

За ежедневные бюллетени особо доплачивается **3** руб.

← **Адресъ: ИРКУТСКЪ, редакція «ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ».** →

Издатель **Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ.**

За редактора **И. Г. ШЕШУНОВЪ.**

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(31-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой: на 12 мѣсяц.—10 р., на 6 мѣсяц.—5 р. 50 к., на 3 мѣсяца 3 р., на 1 мѣсяц.—1 р. 80 к.

На города съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—11 р., на 6 мѣсяц.—6 р., на 3 мѣсяца—3 р. 50 к., на 1 мѣсяц.—1 р. 50 к.

За границу съ пересылкой: на 12 мѣсяц.—18 р., на 6 мѣсяц.—9 р., на 3 мѣсяца—4 р. 80 к., на 1 мѣсяц.—1 р. 90 к.

«РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ МОСКВУ, въ контору «РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

1—1

Открыта подписка на 1894 годъ

Годъ изданія
XI.

КОЛОСЬЯ

За годъ . . 8 р.
1/2 года . . 4 р.
Загравяну. 11 р.

●● Редакція: С.-Петербургъ, Николаевская, 16. ●●

Вжемѣсячный журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни.

Редакція ставитъ себѣ задачей, исключительно, служить проводникомъ всего прекраснаго, нравственнаго и гуманнаго.

Въ общемъ содержаніе каждаго № журнала представляетъ слѣдующее: Романы, повѣсти и рассказы (отечеств. и иностран. литерат.), выдающіяся прозвед. будутъ иллюстрированы.—Драмы, комедіи и водевили выдающихся драматурговъ.—Поэмы и стихотворенія.—Путешествія. Историческіе и биографическіе очерки о всѣхъ выдающихся дѣятеляхъ (съ портретами).—Художественное обозрѣніе по всѣмъ отраслямъ искусствъ.—Научная хроника о всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ.—Литературно критическій отдѣлъ (о научныхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ).—Историко-литературныя монографіи и замѣтки.—Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія: по философіи, психологіи, биологіи, физикѣ и химіи, политико-экономической наукѣ, астрономіи, психо-физикѣ, правовѣдѣнію, социологіи.—Фельетонъ (въ прозѣ и стихахъ).—Обзоръ общественной жизни.—Осы и пчелы. (Юмористика).

1—3

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 77, 78, 79 и 80 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1893 г.

А.

- Абакумовъ**, Андр. Ив., главноупр. продовольств. частью въ 1829 г., † 1841 г., т. LXXVII, 490.
- Авергиевъ**, писатель, т. LXXX, 560.
- Авиновъ**, Серг. Александр., ген.-лейт., т. LXXVIII, 45, т. LXXX, 256, 267.
- Аделунгъ**, Александра Фед., см. Кеп-пенъ.
- Аделунгъ**, Фед. Павлов., лингвистъ и историкъ, р. 1768 г., † 1843 г., т. LXXVIII, 89.
- Адлербергъ**, полковн., команд. Новингерманл. пол. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Авантеевскій**, Матв. Павл., прапорщ. л. гв. Преображ. полка 1849 г., т. LXXX, 256.
- Аваревичева**, Марія Аполмонов, въ зам. Волотовская, актриса, р. 1806 г., † 1888 г., т. LXXVII, 627, 635, т. LXXVIII, 182, 185.
- Аглова**, Анна Фед., актриса, р. 1805 г., † 1870 г., т. LXXVII, 635.
- Айвазовскій**, Ив. Конст., проф. живописи, р. 1817 г., т. LXXVII, 622, 624.
- Аксаковъ**, Конст. Серг., р. 1817 г., † 1860 г., т. LXXIX, 473.
- Аксаковъ**, Серг. Тимое., р. 1791 г., † 1859 г., т. LXXIX, 462, 472, 473.
- Албрехтъ**, ген., команд. л.-гв. Уланск. полка 1825 г., т. LXXVII, 412, 435, 592.
- Александра** Феодоровна, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. LXXVII, 300, 329, 489, 492, т. LXXIX, 201, 407.
- Александра** Николаевна, вел. княг., въ супруж. принц-а Гессенъ-Кассельская, р. 1825 г., †. 1844 г., т., LXXVII, 299—302.
- Александра** Петровна, вел. княгиня, т. LXXIX, 79.
- Александръ**, принцъ Виртембергскій, главноуправл. путями сообщъ въ Россіи, т. LXXIX, 47.
- Александръ I**, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., т. LXXVII, 1—33, 54, 97, 100—111, 163—208, 258, 383—404, 434, 523, 524, 535, 565, 574, 576, 608, 609, 613, 668—695, 701—706, т. LXXVIII, 16, 17, 93, 216—218, 221, 256—322, 331, 332, 346, 351, 357—375, 422, 454,—530, т. LXXIX, 6, 43, 52, 54, 55, 176—179, 183, 201—207, 236, 243—245, 353, 368, 408—413, 438, 444—446, 451, т. LXXX, 23, 37, 38, 47—50, 113—116, 122, 220—223, 243—252, 274, 275, 304, 319, 330, 342, 371, 415—418, 439, 497, 501, 505, 506, 526, 527, 615—628.
- Александръ II**, императоръ, р. 1818 г., † 1881 г., т. LXXVII, 54, 305—309, 329, 332, 334, 338, 494, т. LXXVIII, 47, 279, 285, 292, 308, 311, 432, 458, 487, т. LXXIX, 58, 159, 323, 465, 540, 548, т. LXXX, 278, 646.
- Александръ III**, императоръ, т. LXXVII, 561, 562, т. LXXVIII, 223, 279, 294, т. LXXX, 598.
- Алексей Михайловичъ**, царь, т. LXXX, 169, 226, 238, 239, 425, 427, 440.

- Алексѣевъ, Н. Н.**, профес., чл. акад. наукъ, т. LXXVIII, 613, 624, 625.
- Алешинскій, Яковъ Петров.**, священ. 1820 г., т. LXXVII, 144.
- Альвистъ, Авг.**, д. ст. сов., профес., рект. Гельсингф. унив., т. LXXVIII, 484.
- Алопеуцъ, Максимъ**, рус. дипломатъ, р. 1748 г. † 1822 г., т. LXXVII, 399, т. LXXX, 34, 52.
- Альбеднскій, Петръ Павл.**, ген.-ад. р. 1825 г., † 1883 г., т. LXXIX, 525.
- Альбертъ-иъ, Никол. Викент.**, публицистъ, 1890 г., т. LXXVIII, 612, 619.
- Альбрехтъ, Евг. Карл.**, арт. скриначъ, р. 1844 г., т. LXXX, 301.
- Альбрехтъ, Барль Франц.** капелъм. рус. оперы 1842 г., т. LXXX, 300, 306.
- Амвросій (Яковлевъ-Орлинъ)**, архіеп. рязанск. съ 1804 г., † 1809 г., т. LXXVII, 23.
- Аминовъ, генер.** 1790 г., т. LXXIX, 258, 259, 260.
- Амосовъ, А. И.**, архангельск. город. голова 1819 г., т. LXXVII, 703, 705.
- Андреевскій, Ив. Ефимов.** директ археологич. инст., р. 1831 г. † 1891 г., LXXVIII, 569, 572.
- Аничковъ, Ив. Мих.** помѣщ. 1826 г., т. LXXVIII, 110, 119, т. LXXIX, 151.
- Анна Иоанновна,** императрица., р. 1694 г., † 1740 г., т. LXXX, 281—282, 437, 634.
- Анна Леопольдовна,** правительница, р. 1718 г. † 1746 г., т. LXXX, 12.
- Анна Павловна,** вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. LXXVIII, 373—376.
- Анна Феодоровна,** вел. княгиня, р. 1781 г., † 1860 г., т. LXXVIII, 515.
- Анненковъ, Мих. Никол.** строит. Закасп. ж. дор., т. LXXVII, 61, 69, 77, 82.
- Анненковъ, Никол. Никол.** ген.-ад., р. 1799 г., † 1865 г., т. LXXIX, 518—527.
- Анрепъ, генер.** 1855 г., т. LXXIX, 541.
- Анстедъ, дипломатъ,** р. 1766 г. † 1835 г., т. LXXVII, 112, 114, 686.
- Антоній, Зубко,** архіеп. минск., † 1884 г., т. LXXX, 266.
- Антоновъ, команд.** Лубенск. гус. полка 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Анучинъ, Дм Гавр.** сообщ. „Графъ Федоръ Феодоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ царствѣ польскомъ“, т. LXXVII, 34—86, 340—382, 559—573. т. LXXVIII, 147—178, „Замѣтка по поводу ст. Ф. Ф. Бергъ“, т. LXXVIII, 402, упом. т. LXXVII, 707—710.
- Апраксинъ, гр., Серг. Александр.** ген.-лейт. 1890 г., т. LXXVII, 337, т. LXXVIII, 45.
- Арачевъ, гр., Алексій Андр.** ген.-артил., р. 1769 г., † 1834 г., т., LXXVIII, 265, 497, т. LXXIX, 177, 206, 207, 408—412, т. LXXX, 349, 516, 518.
- Арбузовъ, Дм. Алексѣев.** оф. л.-гв. Преображ. полка 1825 г., т. LXXVIII, 23, 26.
- Аргутинскій-Долгорукай, кн., Моисей Захаров.** ген.-лейт., р. 1798 г., † 1855 г., т. LXXVIII, 580, 586, т. LXXIX, 297.
- Ареопалитскій, профес.** 1820 г., т. LXXX, 150—159.
- Аристовъ, ген.-м.** 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Армфельдъ, бар., вполн. гр., Густавъ-Морицъ,** фаворитъ Густава III, сенат., презид. комит. по финлянд. дѣламъ, р. 1757 г., † 1814 г., т. LXXVII, 104, 107, 110. 696—700, т. LXXVIII, 267, 284, 292, 308, 473, т. LXXIX, 1, 2, 5, 21, 30, 214, 222, 224—230, 251—259, 265, 266, 428—436, 447, 452—455, т. LXXX, 42—62, 503.
- Арсеній Мацѣевичъ,** митроп., † 1772 г., т. LXXIX, 613—618.
- Арсеньевъ, Конст. Ив., профес.** р. 1789 г., † 1865 г., т. LXXIX, 548.
- Арсеньевъ, ген.-м.** 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Арсеньевъ, московск. вице-губернат.** 1813 г., т. LXXVII, 195.
- Арцимовичъ, Викт. Ант., д. тайн. сов.,** первоприсутст. въ I-мъ деп. сената, † 1893 г., т. LXXVIII, 227, 228.
- Асанасій, архіеп. архангельск.** 1693 г., т. LXXVII, 704.
- Асанасій, митроп. московск.** 1654 г., т. LXXX, 656.

В.

- Вагвовуъ, г-жа, рожд. Витте,** т. LXXVIII, 161.
- Вагвовуъ, Карль Фед., ген.-лейт.** р. 1761 г., † 1812 г., т. LXXX, 366, 501.
- Вагвонскій, д. ст. сов.** 1864 г., т. LXXVIII, 164.
- Ваграціонъ, кн., Петръ Ив., ген. отъ инф.** р. 1765 г., † 1812 г., т. LXXVII, 13, 98, 105, 110, 116—119, т. LXXVIII, 221—224, т. LXXIX, 194, т. LXXX, 220, 342—370, 499—526.
- Вакуниъ, Михаилъ,** р. 1814 г., † 1876 г., т. LXXX, 539.

Вакуининъ, полков., членъ полев. аудиторіата дѣйств. арміи 1831 г., т. LXXVIII, 156, 161.

Вакуининъ, Петръ Вас., членъ иностр. колл., т. LXXX, 20, 21.

Валажиревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, р. 1836 г., т. LXXX, 314.

Валандинъ, инженер. 1836 г., т. LXXX, 78.

Валашовъ, Александръ Дм., мин. полиціи 1810—1816 г., р. 1770 г., † 1837 г., т. LXXVII, 33, 100—111, 383, 396, т. LXXX, 338.

Валугянскій, Мих. Андреев., рект. Спб. унив., сенат. р. 1769 г., † 1848 г., т. LXXX, 318.

Ванажъ фонъ-деръ-Кейтъ, майоръ 1822 г., т. LXXVIII, 118—120.

Варановскій, помѣщ. 1848 г., т. LXXVII, 324.

Варанова, гр-ня, т. LXXVII, 304, 305.

Варановъ, Никол. Евстафьев., ген-лейт. т. LXXVII, 318, 446, 447, 584, 592, т. LXXVIII, 23, 45, 155, 161.

Варановъ, Семень Ив., пермскій губернск. прокуроръ, т. LXXX, 339.

Варатынскій, Евг. Абрамов., поэтъ, р. 1800, † 1844, т. LXXVIII, 556.

Варядай-де Толлж, княгиня, Елена Ив., рожд. Смиттенъ, статсъ дама, т. LXXVIII, 223.

Варядай-де-Толлж, кн., Мих. Богданов., фельдмарш., р. 1761, † 1818 т. LXXVII, 11—13, 104, 107, 118, 119, 396, т. LXXVIII, 217—224, т. LXXIX, 193, 194, т. LXXX, 341—366, 499—527.

Варсовъ, Дм Николаев., переводч. многихъ театр. піесъ, 1822 г., т. LXXVII, 635, 651, т. LXXVIII, 205.

Варсовъ, Ник. Ив., профес., сообщ.: „Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній“, т. LXXVII, 209—220; „Письмо императрицы Екатерины II къ Тихову, еписк. воронежскому“, т. LXXX, 642; „Жиль Блазъ 2-го декабря“, 643; „Другой Жиль-Блазъ, болѣе близкій къ герою Лесажа“, 643—644.

Вартепанъ, Петръ Ив., издат. „Рус. Архива“, т. LXXVII, 173.

Бароломей, ген. 1826 г., т. LXXVII, 592.

Варятинскій, кн. Александр. Ив., фельдм., р. 1815 г., † 1879 г., т. LXXVIII, 574, т. LXXIX, 89, т. LXXX, 646.

Варятинскій, кн., О. С., гофмарш. 1769 г., т. LXXX, 415, 416.

Васьяковъ, В. Г., вице-презид. канц

опекунства 1770 г., т. LXXX, 449.

Васмановъ, Петръ, думн. дворянинъ, т. LXXX, 466, 471.

Ватсатулъ, полк. 1855 г., т. LXXIX, 528.

Ватошнова, Александра Никол., т. LXXVIII, 51, 52.

Ватошновъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 г., † 1855 г., т. LXXVII, 525—528, т. LXXVIII, 51—60, 403—408.

Ваумгартенъ, Евг. Карлов., директ. Александр. сирот. корпуса 1858 г., т. LXXVIII, 612, 624, 625.

Вахтанъ, Никол. Ив., изд. соч. Катенина, р. 1796 г., † 1869 г., т. LXXVII, 635, 651, 656, т. LXXVIII, 179, 185, 188, 205, 206, 209, 210.

Везакъ, полковн., нач. штаба артил. дѣйств. арміи 1831 г., т. LXXVIII, 156.

Везбородко, кн Александръ Андреев., вице-канцл., † 1799 г., т. LXXVII, 162, 167, т. LXXVIII, 442, т. LXXIX, 9, 12, 19, 127, 149, 215, 403, т. LXXX, 20, 30, 130, 415.

Везобразовъ, ген. отъ кавал., ген-ад., т. LXXIX, 120.

Векетовъ, Никита Аеоан., ген. лейт., р. 1729, † 1794, т. LXXVII, 2, т. LXXX, 119.

Векетовъ, прокур. 1807, т. LXXIX, 84, 87.

Веклешовъ, Александр. Андреев., ген. отъ инф., ген.-прокур. р. 1745 г., † 1808 г., т. LXXX, 330.

Векловичъ-Черкасскій, кн., Александр., посолъ въ Хивѣ 1716 г., т. LXXVIII, 591, т. LXXIX, 140.

Вельгардъ, Валеріанъ Александр., ген. отъ инф., т. LXXIX, 307, 309, т. LXXX, 642.

Венкендорфъ, гр., Александр. Христов., шефъ жанд., р. 1783 г., † 1844 г., т. LXXVIII, 133, 134, т. LXXIX, 159, 199, т. LXXX, 324.

Венкендорфъ, Конст. Христофоров., ген.-ад., 1785 г., † 1829 г., т. LXXVII, 31.

Венкендорфъ, рус. воен. агентъ въ Берлинѣ 1854 г., т. LXXX, 424.

Веницкій, А. П., т. LXXVIII, 53.

Веннигсенъ, графиня, Екат. Оаддеев., т. LXXIX, 192.

Веннигсенъ, гр., Леонтія Леонтьев., генер., р. 1745 г., † 1826 г., т. LXXVII, 9, 24, 104, 107, 110, т. LXXIX, 191—195, т. LXXX, 360, 509.

Вергъ, Никол. Васильев., писат., проф., р. 1823 г., † 1884 г., т. LXXVII, 65—86.

Вергъ гр., Оед. Оед. ген.-фельдмарш.,

*

- наиѣстн. Царства Польскаго, р. 1794 г., † 1874 г., т. LXXVII, 34—86, 340—382, 559—573, т. LXXVIII, 96, 147—178, 402, 469.
- Бердяевъ, С.**, сообщ. стихот. „Божія милость. Къ годовщинѣ 17 окт. 1888 года“; т. LXXX, 219.
- Березинъ, Алексѣй Серг.**, писатель, † 1824 г., т. LXXVIII, 90, 91.
- фонъ Бернгардъ, Теодоръ**, историкъ и дипломатъ, р. 1802 г., † 1887 г. Отрывокъ изъ его дневника, т. LXXIX, 41—60.
- Бестужевъ, Александръ Александр.** (Марлинскій), писат., декабр., род. 1797 г., † 1837 г., т. LXXVII, 630, 632, т. LXXVIII, 54.
- Бестужевъ, гр., Алексѣй Петров.**, госуд. канцлеръ, р. 1693 г., † 1766 г., т. LXXX, 495.
- Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Никол.**, профес., р. 1829 г., т. LXXVIII, 612, 613, т. LXXX, 647, 648.
- Бедкѣй, Ив. Ив.**, президентъ Акад. художествъ, р. 1701 г., † 1795 г., т. LXXVIII, 449, 450, т. LXXX, 323.
- Бибиковъ, Апол. Ильичъ**, поруч. 1-го Литовск. полка 1825 г., т. LXXVII, 415, 416, 591, т. LXXX, 662.
- Бибиковъ, Васил. Ильичъ**, директ. театровъ съ 1779 г., † 1787 г., т. LXXX, 122, 130, 131.
- Бибиковъ, В. Г.**, ген.-ад. 1865 г., т. LXXVII, 561.
- Бибиковъ, Илья Андреев.**, ниж. ген.-поруч., † 1784 г., т. LXXVIII, 216.
- Бидьбасовъ, Вас. Алексѣев.**, сообщ.: „Записки современниковъ о 1812 годѣ. Графъ Боволье“, т. LXXVII, 1—33, „Италія и Россія въ XVI столѣтіи“, 152—155, „Екатерина II и Гриммъ“, 258—298, 497—524, т. LXXVIII, 1—20, 233—254, 433—454, „Россія и Англія въ XVIII вѣкѣ“, т. LXXX, 1—37; упом. т. LXXIX, 502, т. LXXX, 449—452.
- Виронъ, Бенигна**, герцогиня, т. LXXIX, 613—615.
- Виронъ, герцогъ Петръ**, т. LXXIX, 613, 614.
- Виронъ, Иоганнъ-Эрнстъ герц.** Курляндскій, р. 1690 г., † 1772 г., т. LXXIX, 613, т. LXXX, 437.
- Вирюлевъ, Никол. Алексѣев.**, полковн., фл.-ал., 1855 г., т. LXXX, 611.
- Вистромъ, Карлъ Ив.**, ген.-ад., ген.-отъ-инф., р. 1770 г., † 1838, т. LXXVIII, 40, 153, т. LXXIX, 407.
- Вичуринъ, Іакинвъ**, начальникъ пенск. духовн. мисси съ 1807—1821 г., род. 1777 г., † 1853 г., т. LXXVIII, 54.
- Влаговѣщенскій, Никол. Мих.**, рект. Варшав. унив., р. 1820 г., т. LXXVII, 66.
- Вларамбергъ, Ив. Павлов**, археологъ, р. 1772 г., † 1831 г., т. LXXVII, 526, 528.
- Влудовъ, гр., Дм. Никол.**, предсѣд. Госуд. Сов., р. 1785 г., † 1864 г., т. LXXVII, 525, 527, т. LXXVIII, 101, т. LXXX, 319.
- Влюмеръ, генер.**, т. LXXVII, 413, 419.
- Влюхеръ, Гебгардтъ-Леберехтъ**, кн. Вальштадтскій, прусск. ген.-фельдм., р. 1742 г., † 1819 г., т. LXXVIII, 424, 448.
- де-Воволье, гр., Петръ-Людвикъ**, интендантъ 5-й кирасир. дивизіи фр. войскъ 1812 г., т. LXXVII, 1—33.
- Вогаетскій, полковникъ** 1844 г., т. LXXIX, 315.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив.**, ген.-лейт., профес. воен. историкъ, р. 1805 г., † 1882 г., т. LXXVII, 13, 24, 111.
- Вогдановскій, Н.**, сообщ.: „Изъ воспоминаній о венгерской и крымской кампаніяхъ“, т. LXXVII, 241—245.
- Вогомолецъ, капит.** 1825 г., т. LXXVII, 444, 445.
- Вогородицкій, Мих. Петр.**, педаг. 1830 г., т. LXXVII, 467.
- Вогуславскій, командиръ** 4-го пѣх. полка 1825 г., т. LXXVII, 438.
- Вогушевскій, ген.-лейт.** 1855 г., т. LXXIX, 526.
- Воджево, полков.**, ком. Капорск. пѣх. п. 1831 г., т. LXXVIII, 156, 161, т. LXXX, 187, 188.
- Войво, инж. поруч.** 1890 г., т. LXXIX, 405.
- Волговскій, директ. правит. комисс.** вв. дѣлъ 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Волевъ, ген.-м.**, воен. началн. Краковского воеводства 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Вонде, бар.**, шведск. послан. въ Слб. 1801 г., т. LXXIX, 288, 239, 241, 245.
- Воретъ, архитект.** 1825 г., т. LXXVII, 430.
- Ворещій, Ив. Петров.**, актеръ, † 1840 г., т. LXXVII, 640.
- Воржъ Годуновъ, царь**, т. LXXX, 465, 471, 473, 479—483.
- Ворожовъ, врачъ** 1877 г., т. LXXX, 107, 108.
- Вороховъ, А. Е.**, сообщ. поправку къ ст. Пала-Христо, т. LXXX, 394.
- Воткинъ, Вас. Петр.**, писатель, р. 1811 г., † 1869 г., т. LXXVII, 293, т. LXXX, 590—593, 597.

Воткинъ, Мих. Петров., художн.-археол., т. LXXX, 590, 591, 600, 605.
Воткинъ, Петр. Кононович., купецъ, т. LXXX, 589, 590.
Воткинъ, Серг. Петров., профес., медикъ, † 1839 г., т. LXXX, 589.
Водяновскій, Влад. Ф., сообщ.: «Къ исторіи русскаго театра. Письма И. А. Катенина къ А. М. Колосовой 1822—1826 г.», т. LXXVII, 625—634, т. LXXVIII, 179—212. «Волинское церковно-археологическое древле-храннище», т. LXXX, 213—218, «Финансовый кризисъ въ Московскомъ государ. XVII в.», 225—242.
Врадъ Марія, рожд. Колядеръ, сообщ. замѣтку: «По поводу записокъ Толмачева», т. LXXVII, 495, 496.
Враницкая, гр-ня, т. LXXVII, 609, 610, т. LXXX, 292, 415.
Враницкій, гр., Францъ-Ксаверій, польск. генер. † 1819 г., т. LXXX, 284—290, 415.
Врантъ, Леоп. Васильев., писат. 1842 г., т. LXXIX, 208.
фонъ-Врнъ, тобольск. губернат. 1815 г., т. LXXVIII, 378.
Вржковнъ, Фед. Максимов., 1800 г. т. LXXVII, 248.
Врозинъ, генер. 1826 г., т. LXXVIII, 143.
Вроверъ, Адамъ Фомичъ, московск. полиціймейст. 1814 г., т. LXXVII, 161—172, 201, 208.
Вроневскій, полковн., об.-квартирм. кавказ. арміи 1841 г., т. LXXIX, 566.
Вронца, гофмарш. при цесар. Константинѣ Павловичѣ 1825 г., т. LXXVII, 434.
Вруевичъ, директ. канц. намѣстн. Ц. Польск. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Врунъ, д. ст. сов. 1863 г., т. LXXVIII, 458.
Врусиковъ, Николай Петров., писатель, † 1849 г., т. LXXX, 413—417.
Врюдлова, Александр., рожд. барон. Раль, т. LXXX, 305.
Врюдловъ, Ал. Павл., профес., архитект., т. LXXX, 305.
Врюсъ, гр., Яковъ Александр., ген.-аншефъ, сенат., † 1791 г., т. LXXVIII, 16.
Брянскій, Яковъ Григорьев., трагич. актеръ, † 1853 г. т. LXXVII, 635, 650, т. LXXIX, 344.
Будбергъ, бар., Андрей, послан. въ Берлинъ 1855 г., † 1881 г., т. LXXX, 424.
Будисовъ-Ростовскій, вн. Алексѣй Ив., стольникъ, воевода тобольск. съ 1656—59 г.г., т. LXXX, 170—184.
Бужогодець, Фед. Фед., генер., р. 1750 г., † 1811 г., т. LXXIX, 192, 195.

Булгашовъ, Александр. Яковл. москов. почтъ-директоръ, т. LXXVII, 2, 20, 32, 33.
Булгашовъ, Петр. Алексѣев. генер.-провіантмейст. 1833 г., т. LXXVIII, 145, т. LXXIX, 168, 169, 173.
Булгашовъ, Серг. Алексѣев., ген. отъ инф. † 1808 г., т. LXXVIII, 604, т. LXXIX, 96.
Булгашовъ, Яковъ Ив., дипломатъ, р. 1743 г., † 1809 г., т. LXXX, 389.
Булгаринъ, Фед. Бенедиктов., писатель и журналистъ, р. 1789 г., † 1859 г., т. LXXVII, 223, 630, 633, т. LXXVIII, 54, 55, 562, т. LXXX, 323, 325.
Булгаровъ, команд. Полтав. полка 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Бунинъ, Ив. Петров., т. LXXIX, 492.
Буныковский, Викт. Яковлев., акад. 1840 г., т. LXXX, 78, 407—412.
Бурачевъ, ученый 1836 г., т. LXXX, 86.
Бурманъ, ком. князя варшавск. полка, 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Бурмейстеръ, полковн., 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Вуслаевъ, Фед. Ив., ординарн. академикъ, профес. Московск. унив., р. 1818 г., т. LXXVII, 211, т. LXXVIII, 617.
Бутаевичъ-Петрашевскій, Михаилъ Васильевичъ, см. Петрашевскій.
Вутеневъ, Аполд. Петр., дипломатъ, † 1886 г., т. LXXVII, 489.
Вутювъ, М. Г., управляющ. «Задунайскими» колоніями на югѣ Россіи, 1840 г., т. LXXIX, 404.
Вутлеровъ, проф. хим. т. LXXIX, 346.
Вутураниъ, Дм. Петр., ген.-квартирм., 1829 г., директ. публ. библ. съ 1843 г., р. 1790 г., † 1849 г., т. LXXVIII, 156, 632, т. LXXIX, 178.
Вутураниъ, Ив. Михайл., окольничій, † 1605 г., т. LXXIX, 113, 291.
Вутурлинь, ген.-м. на Кавказѣ, 1844 г., т. LXXVIII, 589, т. LXXIX, 115.
Вудинскій, профес., т. LXXX, 162—165.
Вушенъ, ген.-м., воен. нач. Сандомирскаго воеводства, 1831 г., т. LXXVIII, 155.
Высковъ, инженер., т. LXXIX, 486, 487.
Вызовъ, Н. Д., бывш. надзиратель акад. худож., т. LXXX, 598.
Вышковъ, Аванас. Фед., директ. Спб. публичн. библ., т. LXXVIII, 571.
Вѣликовскій, Виссарионъ Григорьев., род. 1810 г., † 1848 г., т. LXXVII, 292—294, 298, т. LXXIX, 472, 473, 475—483, т. LXXX, 539, 541, 582, 583, 590, 592.
Вѣлюкомутскій, Ив. Алексѣев., священ. 1820 г., т. LXXVII, 138.

- Верь, К. М., академикъ 1845 г., т. LXXVIII, 96, 103.
 Бюссе, Элеонора, актриса 1812 г., т. XXXVII, 18, 19.
 Вютингъ, А. Г., поруч. 1893 г., т. LXX, 442.

В.

- фонъ-Валь, В. В. свиты Е. В. ген.-м., Спб. градоначальникъ, т. LXXVII, 53, 54, 61, 67, 72.
 Галуевъ, гр. П. А., сообщн. „Думарусскаго во второй половинѣ 1855 года“, т. LXXIX, 503—514.
 Вальберхова, Марья Ив, драм артистка, р. 1788 г † 1867 г., т. LXXVII, 640.
 Вальнеръ, Вѣра Владим., рожд. Панаева, т. LXXVIII, 432.
 Варенцовъ, оф. л.-гв. Преображ. полка 1825 г., т. LXXVIII, 23.
 Варлаамъ, архіеп. новгор. 1592 г., т. LXXX, 656.
 Варпаховскій, оф. л.-гв. Литов полка, 1825 г., т. LXXVII, 405—413, 436, 592.
 Васильева, Агаѣя Артемьев., рожд. Слескинцова, т. LXXVIII, 574.
 Васильева, Барвара Серг. рожд. княж. Урусова, т. LXXVII, 574.
 Васильева, гр-ня Екат. Ал см. Долгорукова, вняг.
 Васильева, Ирина Андр., рожд. Володимірова, т. LXXVII, 574
 Васильева, гр-ня, Марія Ал, см. Орлова-Денисова, гр-ня.
 Васильевскій, В. Г., проф., т. LXXX, 647—651.
 Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., перв. мин. финанс., р. 1742 г. † 1807 г., т. LXXVII, 574—578, т. LXXX, 386.
 Васильевъ, Василий, об.-секрет. адмиралт. коллег 1716 г., т. LXXVII, 574.
 Васильевъ, гр., Владим., ротмистръ, 1807 г., т. LXXVII, 578.
 Васильевъ, Ив. Васильев, секрет. сената, † 1754 г., т. LXXVII, 574.
 Васильевъ Шилловскій, графъ, Владиміръ, 1878 г., т. LXXVI, 578
 Василій III, вел. князь, т. LXXVII, 153, 154.
 Василій, архіеп. новгор. съ 1331—1352 г. т. LXXX, 655.
 Васильчиковъ, кн. А. И., секундантаъ Лермонтова, 1841 г., т. LXXX, 657, 660.
 Васильчиковъ, кн., Илар. Васильев, ген. 1812 г., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1777 г., † 1847 г., т. LXXVII, 207, т. LXXIX, 199, т. LXXX, 317, 318, 320, 357.
 Вахтинъ, офиц. 1856 г., т. LXXIX, 45.
 Веймарнъ, Фед. Петров., ген.-лейт., т. LXXVIII, 45.
 Вейнбергъ, Я, профес. Моск. унив. 1860 г., т. LXXVIII, 613.
 Вейцманъ, арт.-скрипачъ 1842 г., т. LXXX, 301.
 Веліопольскій, маркизъ, нач. граждан. управл. въ Ц. Польскомъ 1863 г., т. LXXVII, 34
 Величжина, Барвара Васил., въ зам. Каратыгина, актриса, † 1860 г., т. LXXVII, 635.
 Вельтманъ, Александр. Фомичъ, писатель р. 1800 г., † 1871 г., т. LXXVIII, 392, 394, 400, 401.
 Вельяминовъ, Александръ Никол., оф. л.-гв. Преображ. полка 1825 г., т. LXXVIII, 23
 Вельяминовъ, Ив. Александр., сподвижн. Ермолова на Кавказѣ, вносл. ген.-губ. в. Сибири, р. 1771 г. † 1837 г., т. LXXVII, 587, т. LXXIX, 96, 319, 578.
 Вельяминовъ, Конст. Николаев., ген.-лейт., т. LXXVIII, 23, 45.
 Вельяминовъ, Никол. Никол., оф. л.-гв. Преображ. полка 1825 г., т. LXXVIII, 23.
 Верещагинъ, Васил. Васильев., художн.-писатель, р. 1842 г., т. LXXX, 569, 604, 605, 608.
 Верещагинъ, купецъ 1812 г., т. LXXVII, 184.
 Веригинъ, Дементій Ермолаевичъ, родонач. рода дворянъ Веригинныхъ, т. LXXIX, 163, 164.
 Веригинъ, Никол. Виет., р. 1796 г. † 1872 г., его записки, т. LXXVII, 405—447, 579—615, т. LXXVIII, 107—146, т. LXXIX, 150—174.
 Верстовскій, маіоръ 1840 г., т. LXXIX, 161
 Верхоспаскскій, т. LXXVII, 136, 137.
 Веселицкій, подполковн. 1843 г., т. LXXVIII, 585.
 Веселовскій, Александръ Никол. акад. т. LXXVII, 211, т. LXXX, 117, 136.
 Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. ун., т. LXXVIII 611.
 Веселовскій, Конст. Степ., академикъ, т. LXXVIII, 99, 101, 102.
 Веселовскій, Н. П., профес. археологъ 1893 г., т. LXXVIII, 570.
 Вигель, Филиппъ Лаврентьев., пензен. губерн 1807 г., т. LXXIX, 84—88.
 Вигель, Филиппъ Филипп., тайн. сов. р. 1787 г. † 1856 г., т. LXXVIII, 456, т. LXXIX, 84, 88.
 фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., т. LXXX, 118, 133, 141
 Вишнякскій, ген.-м., 1831 г., т. LXXVIII, 155, 159.
 Вигторовъ, начальн. Кавказ. жандарм. округа 1840 г., т. LXXIX, 301, 318.

- Велимбаховъ**, оф. л. гв Литов. полк. 1825 г., т. LXXVII, 408.
- Виллардо**, франц. консуль въ СПб. 1730 г., т. LXXX, 280—282.
- Виллье**, баронетъ, Яковъ Васильев., лейб-мед., р. 1765 г. † 1854 г., т. LXXIX, 204, т. LXXX, 114, 276.
- Вильгоцкій**, шт.-ротмистръ 1864 г., т. LXXVII, 61.
- Вильсонъ**, англ. генер. 1812 г., т. LXXX, 508—510.
- Винцингероде**, бар., Фердин. Ѳед., генераль, р. 1770 г. † 1818 г., т. LXXVII, 110, т. LXXVIII, 424.
- Виртембергская**, принцесса, супруга принца Евгенія, т. LXXIX, 46, 58—60.
- Висковатовъ**, Степ. Ив., драмат. писат., р. 1786 г., † 1831 г., т. LXXVII, 649, т. LXXVIII, 186.
- Вистицкій**, Семень Степ., генер., р., 1764 г., † 1836 г., т. LXXVIII, 222.
- Витбергъ**, Ѳ. А., сообщ.: „Мнѣнія иностранцевъ-современниковъ о великой сѣверной войнѣ“, т. LXXIX, 268—286.
- Витгенштейнъ**, свѣтл. кн. Людвигъ, фельдмарш., р. 1769 г., † 1848 г., т. LXXVII, 98, 384, т. LXXIX, 181, 199, 204, 205, 356, 373, 384, т. LXXX, 341, 347, 350—356, 371, 500, 506, 521, 524.
- Витгенштейнъ**, кн. Эмилій, ген. свиты 1863 г., т. LXXVII, 360, 361.
- Витковскій**, генер., презид. г. Варшавы 1863 г., т. LXXVII, 363—369.*
- Витольскій**, Петръ Ив., полковн. 1841 г., т. LXXIX, 307, 309, 310, 315.
- Витте**, Ф. Ф., попочит. Варшавск. учебн. округа, т. LXXVII, 708, т. LXXVIII, 161.
- Витторъ**, команд. Куринск. полка, 1844 г., т. LXXVIII, 606, 609 т. LXXIX, 302.
- Вихревъ**, Алексій Ив., преподават. Спб. дух. акад. 1830 г., т. LXXVII, LXXVII, 456—459, т. LXXVIII, 61—68, 78.
- Влардо-Гарсиа**, Паулина, пѣвица, т. LXXVIII, 83.
- Вильгорскій**, его четверостиш. въ честь Глинки, т. LXXX, 316.
- Владимирскій**, профес. 1820 г., т. LXXVIII, 324, 336.
- Владиславлевъ**, Владиміръ Андреев. полковн., литерат., † 1856 г., т. LXXIX, 479.
- Вл совъ**, жанд. полковн. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Власьявъ**, Аванасій Ив., дипломатъ, 1591 г., т. LXXX, 474.
- Воеводскій**, Степ. Васил., контръ-адм. 1870 г., т. LXXX, 394.
- Воейковъ**, Александ. Ѳед., писатель, род. 1773 г. † 1839 г., т. LXXVIII, 55.
- Воейковъ**, Ѳед. Матв., ген.-анш., киев. и новорос. ген.-губ., р. 1703 г. † 1778 г., т. LXXX, 452—456.
- Военскій**, К. А., сообщ.: „Письма императора Павла I къ М. И. Ламздорфу, курляндскому губернатору 1797 г.“, т. LXXX, 372—394.
- Войковъ**, актеръ 1824 г., т. LXXVIII, 183.
- Волковъ**, инж. пут. сообщ. 1836 г., т. LXXX, 78.
- Волковъ**, ген. свиты 1860 г., т. LXXVIII, 533.
- Волконскій**, свѣтл. кн., Петръ Мих., фельдм., мин. двора, р. 1776 г., † 1853 г., т. LXXVII, 301—310, 490, 587, т. LXXVIII, 377, 378, т. LXXIX, 204, т. LXXX, 113—116.
- Волконскій**, кн. Серг. Григ., декабр., † 1865 г. т. LXXX, 443, 444.
- Володимирова**, Ирина Андр., см. Васильева.
- Волоцкой**, А. В., поруч. л. гв Преображ. полка 1849 г., т. LXXX, 255.
- Вольпе**, Жанъ. монетчицъ вел. князя Иоанна III, 1465 г., т. LXXVII, 154.
- Вольпогенъ**, полковн. фл.-ад. 1812 г., т. LXXX, 356, 364, 517.
- Волынский**, Артемій Петров., кабинетъ-мин., † 1740 г., т. LXXX, 436, 437.
- Вонлярарскій**, Вас., л.-гусарь 1835 г., т. LXXX, 659.
- Вонлярарскій**, Мих. Петров., полковн. 1848 г. т. LXXVII, 553.
- Воробьевъ**, Мих. Никифор., проф. живописи, † 1855 г., т. LXXIX, 500.
- Воробьевъ**, т. LXXX, 424—427.
- Воровихинъ**, Никол. Алексѣев., докторъ 1893 г., т. LXXX, 90.
- Воронцова**, гр-ня Анна Карловна, об.-гофмейстерня, 1762 г., т. LXXX, 487.
- Воронцова**, гр-ня, 1833 г., т. LXXVIII, 131, 133, 134.
- Воронцова-Дашкова**, гр-ня, А. К., т. LXXVIII, 59.
- Воронцовъ**, гр., Александ. Роман. госуд. канцл. писатель, р. 1741 г., † 1805 г., т. LXXVIII, 244, 433.
- Воронцовъ**, гр., Ив. Илларион., т. LXXX, 22.
- Воронцовъ**, Илл. Гавр., т. LXXX, 22.
- Воронцовъ**, гр. Мих. Иллар. канцл., съ 1758 г. † 1767 г., т. LXXX, 22—24.
- Воронцовъ**, гр., вполс. свѣтл. кн., Мих. Семен., фельдмарш., р. 1782 г., † 1806 г., т. LXXVII, 488—491, 535, 536, г., LXXVIII, 94, 95, 133, 134, 549, т. LXXIX, 317, 319, 357, 406, 547, 559, 565, 578.
- Воронцовъ**, гр. Ром. Илл., т. LXXX, 22

Воронцовъ, гр. Семень Ром., полном. пос. при Лонд. дворъ, р. 1744 г. † 1832 г., т. LXXVII, 167, т. LXXVIII, 240, 242, 243, 433, 434, 437, 442, 446, т. LXXX, 22—35.

Воронцовъ-Вельяминовъ, Н. П., печат. Харьков. учебн. окр. 1893 г., т. LXXVII, 68.

Востоковъ, Александр. Христофоров., филологъ, р. 1781 г., † 1868 г., т. LXXVIII, 91.

Врангель, бар., Ферд. Петр., контръ-адм., р. 1796 г., † 1870 г., т. LXXVIII, 96.

Врангель, бар., генер. 1849 г., т. LXXVII, 243, 422.

Вревскій, бар., подполковн. 1844 г. т. LXXVIII, 607.

Вреде, графиня рожд. Спарре, т. LXXIX, 23, 24.

Вронченко, Фед. Павл., мин. финан., † 1853 г., т. LXXVIII, 99.

Вуншъ, полковн. 1854 г., т. LXXVII, 159, т. LXXIX, 522, 532, 534, 536.

Выговскій, 1650 г., т. LXXX, 226.

Выжиковскій, Генрихъ, проф. Москов. унив., LXXVIII, 612.

Вышеславцевъ, А., сообщ.: „Замѣтку къ статьѣ В. Бильбасова: Адрианъ Грибовскій, составитель записокъ о Екаторинѣ II“, т. LXXIX, 502.

Вяземскій, кн., Александр. Алексѣев., ген.-прокуроръ, р. 1727 г. † 1793 г., т. LXXVII, 574, 575, т. LXXVIII, 13, т. LXXX, 329.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., тов. мин. нар. проsv., писат., р. 1792 г., т. LXXVII, 434, 525, 630, 648, 669, т. LXXVIII, 52, 55—59, 115, 193, 194, т. LXXX, 316, 643.

Вязьмитиновъ, Сергій Козьмичъ, ген. отъ инфант. р. 1749 г., † 1819 г., т. LXXVII, 202, 204.

Вяткинъ, генер. 1843 г., т. LXXVII, 538.

Г.

Габбе, Александр. Андреев., команд. Шлиссельб. пѣх. полка 1826 г., т. LXXVIII, 109, 110.

Габбе, Мих. Андр., т. LXXVIII, 107—110.

Габбе, Петръ Андр., шт.-кап. л. гв. Лит. полка 1825 г., т. LXXVII, 405—446, 579—615, т. LXXVIII, 107—146.

Гавриилъ, митроп. новгор. 1799 г., т., LXXX, 657.

Гавриилъ, Городковъ, архіеп. рязанс. т. LXXIX, 607.

Гагеръ, полковн., авт. запис. о Россіи, р. 1817 г., † 1849 г., т. LXXVII, 534—536.

Газо, нижен. фр. войскъ 1812 г., т. LXXVII, 3, 30, 32.

Гагаринъ, кн., камергеръ 1812 г., т. LXXVII, 195.

Галафѣевъ, генер. 1845 г., т. LXXVIII, 578, 606.

Гальцевъ, гр., испанск. послан. въ Спб. 1790 г., т. LXXIX, 210.

Ганецкій, генер. 1861 г., т. LXXIX, 79.

Ганжа, Венцеславъ, чешск. филологъ, р. 1791 г., † 1861 г., т. LXXVIII, 91.

Гасфордъ, ген.-лейт. 1844 г., вполн. ген.-губ. зап. Сибиря, т. LXXIX, 315, 566.

Гагаринъ, проф. Моск. унив. 1855 г., т. LXXVIII, 612.

Гедеоновъ, Александр. Мих., директ. нпм. театровъ, р. 1793 г., т. LXXX, 305—307.

Гедеоновъ, Мих. Александр., т. LXXX, 307.

Гейсмаръ, бар., ген.-ад., 1831 г., т. LXXVIII, 154, т. LXXIX, 196.

Гельдорфъ, полковн., авт. жизнеопис. принца Евген. Вирт., т. LXXIX, 50.

Гельмерсенъ, Гр. П., 1845 г., т. LXXVIII, 96.

Гельфрейхъ, Александр. Богдан., генер., т. LXXVIII, 45.

Герасимовъ, генер.-майоръ 1844 г., т. LXXVIII, 589, т. LXXIX, 115.

Герасимъ, четвертый архіеп. тобольскій, т. LXXX, 164—166, 172.

Германъ, докт. 1863 г., т. LXXVII, 67.

Чермесъ, Богданъ Андр., пермскій губернат. съ 1811—1818 г., т. LXXX, 335, 336, 338.

Геригросъ, д. ст. сов., директ. 1-го деп. мин-ва госуд. нмуш. 1860 г., т. LXXVIII, 539, 540, 545, 546.

Герсезановъ, полковникъ 1855 г., т. LXXIX, 523, 532, 534.

Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицист., р. 1812 г., † 1870 г., т. LXXVIII, 379, 380, 381, 394, 397—399, т. LXXX, 583, 590.

Гершинъ, Григ. Павл., полк. 1709 г., т. LXXX, 654.

Герштенцвейгъ, Алекс. Данил., ген.-ад., р. 1818 г., † 1861 г., т. LXXVIII, 21—23, 45, т. LXXX, 254.

Герштенцвейгъ, Даниль Алекс., ген. отъ артил., † 1846 г., LXXVIII, 22, 156.

Гессъ, акад. 1836 г., т. LXXX, 78.

Гижицкій, житомирск. губернаторъ 1825 г., т. LXXVII, 587, т. LXXIX, 157.

Гиженшмигъ, артил. ген.-лейт. 1831 г., LXXVIII, 154.

Гильденштуббе, Александр. Ив., ген. отъ инф., † 1834 г., т. LXXVIII, 40.

Гильфердингъ, Александр. Оед., писатель, р. 1831 г., † 1872 г., т. LXXVII, 344, 345.

Гильфердингъ, ст. сов. 1831 г., т. LXXVIII, 156.

Гинцъ, ст. сов., 1849 г., т. LXXVIII, 31.

Гирсъ, ст. сов. 1826 г., т. LXXVII, 598.

Глинна, Авдотья Павл., т. LXXVIII, 558.

Глинна, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 г., † 1857 г., т. LXXX, 300—315.

Глинна, Серг. Никол., писатель, род. 1774 г. † 1847 г., т. LXXVII, 165, 642.

Глинна, Оед. Никол., писатель, † 1880 г., т. LXXVIII, 395, 557, 558, т. LXXX, 644.

Глинна, повѣрен. въ дѣлахъ въ Герман. 1878 г., т. LXXX, 423

Глуховъ, команд. прусскаго Фридр. Вильгельма III полка 1848 г., т. LXXVIII, 39.

Глуховъ, нижн. пут. сообщ. 1836 г., т. LXXX, 78, 557.

Глушковъ, тверской вице-губернат. 1837 г., т. LXXVIII, 58.

Глѣбовъ, об.-прокуроръ 1758 г., т. LXXVII, 574.

Глѣбовъ, офиц. 1844 г., т. LXXVIII, 590, т. LXXX, 660—663.

Гладичъ, Никол. Ив., писатель, р. 1784 г., † 1833 г., т. LXXVII, 632, 648, 649. т. LXXVIII, 52, 55, 179, 184, 403.

Гоголь, Оед. Григорьев., генер. 1825 г., т. LXXVII, 442, 592, 597, 606, 609.

Гоголь, флиг. ад. 1831 г., т. LXXVIII, 156.

Гоголь (Яновскій), Никол. Васильев., писатель, р. 1810 г. † 1852 г., т. LXXVII, 221, т. LXXVIII, 551—567, т. LXXX, 427, 596.

Годуновъ, Матвѣй Мих., бояринъ, воевода въ Тобольскѣ, т. LXXX, 163, 164.

Голенищева-Кутузова, княгиня, см. Кутузова.

Голенищевъ-Кутузовъ, кн., см. Кутузовъ.

Голицына, княг., статсъ-дама Екаторины II, т. LXXVIII, 133.

Голицынъ, кн., А. А. воевода тобольскій съ 1664 г., т. LXXX, 182.

Голицынъ, кн., Александръ Мих. вице-канцл., р. 1723 г., † 1807 г., т. LXXX, 10, 11, 585.

Голицынъ, кн., Александр. Никол., мин. дух. дѣлъ и проsv. р. 1773 г., † 1844 г., т. LXXVIII, 339, т. LXXIX, 612, т. LXXX, 124, 333.

Голицынъ, кн. Б. А., помѣщ. 1830 г., т. LXXVIII, 223.

Голицынъ, свѣтл. кн., Дм. Владим., москов. ген.-губ. 1825 г., т. LXXVIII, 197, 198.

Голицынъ, кн. Дм. Мих., дипломатъ, р. 1721 г., † 1793 г., т. LXXX, 585.

Голицынъ, кн., Конст. Пав., адъют., в. кн. Конст. Павл., р. 1792 г., † 1865 г., т. LXXVII, 600, т. LXXVIII, 156.

Голицынъ, кн., Ник. Мих., гофмарш., 1766 г., т. LXXX, 121.

Голицынъ, Никол. Серг., ст. сов., камергеръ, писатель, род. 1800 г., † 1848 г., т. LXXVII, 656, т. LXXVIII, 211.

Голицынъ, кн. С. О., генер. Еваторин. время, т. LXXVII, 682—692.

Головачева, Авд. Яковл. см. Панаева.

Головинъ, Е. А., ген. отъ инф., р. 1782 г., † 1858 г., т. LXXVII, 196, т. LXXVIII, 154, 579, 583, т. LXXIX, 115, 122.

Голубевъ, Оед. Григ., докт., 1877 г., т. LXXX, 91—111.

Гольгоеръ, Александр. Оед., полковн. 1-гв. Преобраз. полка 1848 г., т. LXXVII, 540, 548, т. LXXX, 256.

Гольгоеръ, Никол. Оед., генералъ, т. LXXVII, 540, т. LXXVIII, 45.

Гольдманъ, адъют. намѣстн. ц. Польскаго, 1864 г., т. LXXVII, 20.

Гольцъ, генер. 1709 г., т. LXXX, 652.

Голышевъ, Ив. Александр., археол., р. 1838 г., т. LXXIX, 610, 611.

Горбуновъ, К. П., т. LXXX, 651—655.

Гордонъ, Петръ Ив., генер., р. 1635 г., † 1699 г., т. LXXX, 438.

Горловъ, полковн., 1831 г., т. LXXVIII, 156.

Горностаевъ, Пав. Александр., священ. 1820 г., т. LXXVII, 138.

Горнь, гр., генер. 1685 г., т. LXXIX, 273.

Городчанниковъ, Григ. Никол., профес. словесн. Казан. унив., р. 1772 г., т. LXXVIII, 336.

Горчаковъ, кн., Александр. Мих., госуд. канцл., р. 1797 г., † 1882 г., т. LXXX, 423, 424.

Горчаковъ, кн., Андрей Ив., ген. отъ инфант., род. 1778 г., † 1855 г., т. LXXVII, 697, 698, т. LXXX, 362, 367.

Горчаковъ, кн., Мих. Дм., ген.-ад., варшавск. ген.-губернат., р. 1792 г., † 1861 г., т. LXXVII, 69, т. LXXVIII, 154, т. LXXIX, 503, 507, 515—544 т. LXXX, 639.

Горчаковъ, Никол. Дм., писат., † 1847 г., т. LXXVIII, 395.

Готманъ, ниж. ген.-лейт., директ.

- инст. пут. сообщ., 1836 г., т. LXXX, 65, 66.
- Граббе**, гр., Мих. Павл., ген.-м., р. 1834 г., † 1877 г., т. LXXVIII, 576—583, т. LXXIX, 115, 123.
- Граббе**, гр., Пав. Христофор, ген. отъ инф., р. 1787 г., † 1875 г., т. LXXVI, 429, т. LXXVIII, 154, т. LXXX, 368, 527.
- Граббе**, гр. Петръ Христофоров., т. LXXVII, 428, 433, 434, 585, 591, 592.
- Грамотинъ**, офиц., 1841 г., т. LXXIX, 304.
- Гранкинъ**, полковникъ 1854 г., т. LXXX, 187.
- Грановскій**, Тимофей Никол, профес., † 1855 г., т. LXXVIII, 395.
- Грейгъ**, Алексѣй Самуилов., адмиралъ, р. 1775 г., † 1845 г., т. LXXVII, 89, т. LXXVIII, 134.
- Грейгъ**, адъют. кн. Меншикова 1855 г., т. LXXIX, 522.
- Грейгъ**, ген.-ад., тов. мин. фин. 1871 г., т. LXXVIII, 172.
- Грезовъ**, генер. 1825 г., т. LXXIX, 96.
- Грекъ**, поруч. 1825 г., т. LXXVII, 611.
- Гречъ**, Никол. Ив., писат., род. 1787 г., † 1867 г., т. LXXVII, 653, т. LXXVIII, 55, 56, 194, 394, т. LXXX, 323—327.
- Грибовскій**, Адрианъ Монсеевичъ. статсъ-секрет., р. 1796 г., † 1834 г., т. LXXVII, 516, т. LXXIX, 502.
- Грибождовъ**, Александр. Серг., писатель, р. 1793 г., † 1829 г., т. LXXVII, 626, 629, 632, 635, 649, т. LXXVIII, 188, 197, 201.
- Григорьевъ**, оренб. вице-губернат. 1835 г., т. LXXIX, 154.
- Гриммъ**, баронъ, Фридр.-Мельхиоръ, корреспондентъ Екатерины II, р. 1723 г., † 1807 г., т. LXXVII, 258—298, 497—524, т. LXXVIII, 1—20, 233—254, 433—454, т. LXXX, 17, 130, 131—140.
- Гриппенбергъ**, сенаторъ 1863 г., т. LXXVIII, 459—461.
- Громека**, С. С., сѣдлецкій губернат. 1864 г., т. LXXVII, 68.
- Гросъ**, мин.-резидентъ въ Гамбургѣ, † 1796 г., т. LXXVIII, 451.
- Гротъ**, Конст. Карл., членъ Госуд. Сов., д. тайн. сов., т. LXXVIII, 227—232.
- Гротъ**, Яковъ Карлов., академикъ, р. 1812 г., † 1893 г., т. LXXVII, 161, 513, т. LXXVIII, 244.
- Грумъ-Гржимало**, Ковдр. Ив., путеш., писат., т. LXXVIII, 395.
- Губе**, Ромуальдъ, польскъ юристъ 1865 г., т. LXXVII, 561, 562.

- Губе**, медальеръ 1837 г., т. LXXIX, 404.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Васильев., ген.-аншефъ, р. 1741 г., † 1821 г., т. LXXVII, 109, 163, 174.
- Гулазь-Артемовскій**, профессоръ, т. LXXIX, 391.
- Гунже**, Ос. Карл., начальн. театральн. нотной конторы 1845 г., т. LXXX, 312.
- Гурко**, Влад. Осипов., ген.-лейтен. 1843 г., т. LXXVIII, 583—589, т. LXXIX, 103, 115, 287, 294, 300—308, 317, 565.
- Гурьевъ**, гр., Дм. Александр., мин. финанс., † 1825 г., т. LXXVII, 195.
- Гусевскій**, Николай Алексѣев., протоиерей 1820 г., т. LXXVII, 131—133, 453, 454.

Д.

- Давыдовъ**, Денисъ Васильев., ген.-лейт., писат., р. 1784 г., † 1839 г., т. LXXVII, 26, 253—256.
- Дадлянъ**, кн., Ковст. Леонт., ген.-лейт., † 1889 г., т. LXXVII, 333.
- Даль**, Влад. Ив., писатель, род. 1801 г., † 1872 г., т. LXXVIII, 54, 55, 58, 96, 394, т. LXXIX, 479.
- Даль**, Павла Ивановна. т. LXX III, 59.
- Даниельсонъ**, профес. Гельсингфорс. унив. 1890 г., т. LXXVIII, 272—322, 455, 461.
- Данилевскій**, Григ. Петров., писатель, р. 1829 г., † 1890 г., т. LXXIX, 392.
- Данненбергъ**, ген. 1854 г., т. LXXVII, 157, т. LXXIX, 529, 531, 536.
- Дашкова**, княг., Екат. Ром., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LXXVII, 516, т. LXXIX, 8, т. LXXX, 415.
- Дашкова**, кн., см. Ржевуская, гр.-ня.
- Дашковъ**, Дм. Васильев., мин. юстиц., р. 1784 г., † 1839 г., т. LXXVII, 525, т. LXXX, 319.
- Дашковъ**, кн., (сынъ Екат. Романовны), т. LXXIX, 7—9, 19.
- Дементьевъ**, капит. 1843 г., т. LXXIX, 297.
- Демидовъ**, Евг. Никол., оф. д. гв. Преображенскаго полка 1848 г., т. LXXVII, 540.
- Денъ**, Владим. Ив., ген.-лейт., сенат., р. 1823 г., † 1888 г., т. LXXVII, 156—160, т. LXXVIII, 154, 159, т. LXXIX, 544.
- Дельвигъ**, бар., Антонъ Антонов., поэтъ. р. 1798 г., † 1831 г., т. LXXVII, 223.
- Дембовскій**, гл. директоръ правитель-

ствен. комис. народн. просвѣщ. въ ц. Польск. 1863 г., т. LXXVII, 44.
Демидовъ, тн сов. 1812 г., т. LXXVII, 195.
Демидовъ, прапорщ. лейбъ-гусаръ, † 1848 г., т. LXXVII, 337.
Девдальскій, комендантъ Модлина 1813 г., т. LXXVII, 200.
Дергуновскій, Александр. Васильев., чинов. почт. вѣд. 1820 г., т. LXXVII, 134.
Державинъ, Гавр. Романов., писатель, р. 1743 г., † 1816 г., т. LXXIX, 321, 327, т. LXXX, 323, 397.
Дерперъ, ген.-м. 1797 г., т. LXXX, 384.
Держбицкій, шт.-ротм. 1864 г., т. LXXVII, 61.
Дюничъ, гр-ня, Анна Егоровна, рожд. баронесса фонъ-Торнау, † 1830 г., т. LXXVII, 493.
Дюничъ-Засалканскій, гр. Ив. Иван., фельдм., р. 1785 г., † 1831 г., т. LXXVII, 488—493, 587, 614, 615, т. LXXVIII, 201, 221, 497, т. LXXIX, 48, 55, 176, 183, 200—206, 356, 357, 368, 372, 384.
Дивовъ, Н. А., ген.-майоръ, † 1879 г., т. LXXVII, 2.
Дидло, балетмейстеръ, 1822 г., т. LXXVII, 635.
Дидро, Дени, франц. энциклопедистъ, р. 1713 г., † 1784 г., т. LXXX, 663, 664.
Дивъ, полковн. ком. Оловецк. пѣх. и. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Димитрій, царевичъ, р. 1583 г., † 1591 г., т. LXXX, 465.
Дмитревскій, Ив. Аванас., драм. арт., писатель, р. 1736 г., † 1821 г., т. LXXVII, 639, 653, т. LXXX, 122.
Дмитриевъ, Ив. Ив., мин. юстиц., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. LXXVII, 654, т. LXXVIII, 56, 57.
Доброкравовъ, инж. пут. сообщ. 1836 г., т. LXXX, 78, 557.
Довре, ген. отъ инф. 1825 г., т. LXXVII, 443, 444, 580, 584, 598, 601—607.
Докучовскій, полковн. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Докушевскій, подполков. профес., 1836 г., т. LXXX, 398.
Долгорукова, княг. Екат. Алексѣев., рожд. гр-ня Васильева, т. LXXVII, 578.
Долгорукая, княжна, Екатерина, 1730 г., т. LXXX, 281.
Долгорукай, кн. Васил. Васильев., членъ комит. театр. дирекц., р. 1786 г., † 1858 г., т. LXXVIII, 210.
Долгорукай, кн. Ив. Мих., поэтъ, р. 1764 г., † 1823 г., т. LXXVII, 576.
Долгоруковъ, кн., Василій Андреев.,

ген.-ад., воен. ми-ръ, шефъ жандарм., р. 1804 г., † 1867 г., т. LXXVII, 47, 52, 79, 564.
Долгоруковъ, кн., Василій Владимиров., ген.-фельдм., р. 1667 г., † 1746 г., т. LXXX, 652.
Долгоруковъ, кн., Серг. Никол., коменд. Спб. крѣп., дипломатъ, р. 1770 г., † 1830 г., т. LXXVII, 578, т. LXXX, 357.
Долгоруковъ-Крымскій, кн., Васил. Мих., ген.-анш., р. 1722 г., † 1782 г., т. LXXVIII, 221, т. LXXX, 458, 462, 464.
Домбровский, Иванъ Генрихъ, польск. генераль, р. 1755 г., † 1818 г., т. LXXVII, 677, 680, т. LXXX, 373.
Домбровскій, Юс., филологъ, т. LXXVIII, 91.
Домоштовичъ, Конст. Ив., сенаторъ, † 1889 г., т. LXXVIII, 230.
Дорожнинскій, капит., 1855 г., т. LXXIX, 528.
Доротея, герцогиня Курлянд., въ зам. княг. Талейранъ, р. 1793 г., † 1862 г., т. LXXX, 618.
Доротея, герцогиня Курлянд. рожд. гер-ня Медемъ, т. LXXX, 385.
Дохтуровъ, Дмитр. Серг., ген. отъ инф., р. 1765 г., † 1816 г., т. LXXVII, 119, т. LXXIX, 194, т. LXXX, 504, 508.
Дохтуровъ, Серг. Ив., ген.-лейт., 1812 г., т. LXXVIII, 45, т. LXXX, 361, 362.
Дреникинъ, жандарм. генер. 1862 г., т. LXXVIII, 630.
Дризень, бар. Н. В., сообщ.: „Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, 1725—1794 г.“, т. LXXX, 117—143, „Три афиши“, 634—637.
Дудышкинъ, Степанъ Степановичъ, писатель, † 1866 г., т. LXXVII, 346.
Дурасовъ, москов. об.-полицеймейст 1813 г., т. LXXVII, 195.
Дурова (Александровъ) Надежда Андреев., кавалеристъ-дѣвица, р. 1790 г., † 1863 г., т. LXXVIII, 395.
Дюръ, Любовь Осипов., въ зам. Каратыгина, артистка, р. 1805 г., † 1828 г., т. LXXVIII, 182, 184, 190.

Б.

Евгеніи Болховитиновъ, митроп. кіевскій и галиц., р. 1767 г., † 1837 г., т. LXXVIII, 92, т. LXXIX, 403.
Евгеній, принцъ Виртембергскій, ген. отъ инф., р. 1788 г., † 1857 г., т. LXXVII, 520, т. LXXIX, 41—60, т. LXXX, 362, 508, 520.
Евреиновъ, инж.-кап., профес. 1836 г., т. LXXX, 78, 398, 400, 401.

- Егоровъ**, офиц. 1850 г., т. LXXVIII, 621.
- Ежова**, Екат. Ив., актриса, † 1837 г., т. LXXVII, 635, 654, т. LXXVIII, 210.
- Екатерина I**, императрица, томъ LXXVIII, 31, т. LXXIX, 202, т. LXXX, 282.
- Екатерина II**, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. LXXVII, 5, 25, 110, 162, 257—298, 481, 497—524, 575, 668, 669, т. LXXVIII, 1—20, 88, 221, 233—254, 266, 433—454, 456, т. LXXIX, 6—40, 255, 347, 403, 502, т. LXXX, 10—37, 118—140, 283—299, 439, 449—464, 487—496, 583, 584, 642, 663.
- Екатерина Иоанновна**, царевна, въ зам. герцогиня Мекленбургская, р. 1692 г., † 1723 г., т. LXXX, 280, 281.
- Екатерина Павловна**, королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. LXXVII, 167, т. LXXVIII, 286, 287, 372—375, т. LXXIX, 43, 54.
- Елагина**, Авд. Петр., рожд. Юшкова, † 1878 г., LXXVII, 251.
- Елагинъ**, Ив. Перфильевичъ, директ. имп. театровъ, р. 1725 г., † 1794 г., т. LXXVIII, 3, т. LXXX, 117—143, 634.
- Елена Павловна** (принцесса Виртембергская), велик. княг., р. 1806 г., † 1873 г., т. LXXVII, 52, 300, т. LXXVIII, 40, 83, 95.
- Еленевъ**, Ѡ П., сообщ.: „Учение о Финляндскомъ государствѣ“, томъ LXXVIII, 255—322, 455—489.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. LXXVIII, 509, 512, 513, 515, 517, 522, т. LXXIX, 179, 180, т. LXXX, 113—116.
- Елисавета Михайловна**, вел. княг., въ зам. герцогиня Нассауская, т. LXXX, 276.
- Елисавета Петровна**, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXXVIII, 213—215, 456, т. LXXIX, 613, 618, т. LXXX, 10, 12, 22, 24, 118, 281, 644.
- Елиашевичъ**, чиновн. при намѣстн. ц. Польск. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Евталычевъ**, вн., комиссіонеръ каз. откупа въ г. Островѣ 1849 г., т. т. LXXX, 256.
- Евдокимъ**, 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Ерджанъ**, проф. медикъ, т. LXXVIII, 328.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., ген. отъ инф., р. 1772 г., † 1861 г., т. LXXVII, 2, 26, 27, 30, 429—431, т. LXXVIII, 497, 601, 604, т. LXXIX, 15, 53, 69, 104, 106, 157, 194, 319, 548, 574—581, т. LXXX, 341—368, 508—526, 629—633.
- Ермоловъ**, Мих. Александр., начальн. Житомирск. пѣх. полка 1825 г., т. LXXVII, 606.
- Ерошкинъ**, Петръ Дм., ген. аншефъ, моск. градонач., † 1805 г. т. LXXVII, 164, т. LXXX, 449, 461.
- Есиповичъ**, поруч., † 1855 г. т. LXXX, 609, 611.
- Есиповъ**, помѣщ. 1798 г., т. LXXVII, 483.
- Ефремовъ**, Филиппъ Серг., прапорщ. 1783 г., описанное имъ „Десятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухарин, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію, писанное имъ самимъ, въ СПб. въ 1784 г.“, т. LXXIX, 125—149, упом. 402, 403.
- Ешевскій**, Степ. Васильев. проф. истор. Моск. унив., р. 1829 г., † 1865 г., т. LXXVIII, 612, 613, 615, 619, 624.

Ж.

- Жабокритскій**, ген. 1855 г., т. LXXX, 638.
- Жандръ**, Андрей Андреев., драмат. писатель и критикъ р. 1789 г., † 1873 г. т., LXXVII, 635—656, т. LXXVIII, 180, 185, 186, 190, 192, 197, 199, 201, 205, 206.
- Жандръ**, ген.-м. 1825 г., т. LXXVII, 415, 431, 432, 579—581.
- Ждановъ**, И. Н., ученый 1892 г. т. LXXVIII, 211
- Жедринская**, г. жа, т. LXXVIII, 110, 112.
- Желтухинъ**, оф. л.-гв. Литовск. полка 1825 г., т. LXXVII, 433, 585, 591.
- Желязовскій**, прокуроръ 1813 г., т. LXXVII, 204.
- Жерве**, П. К., сувалскій губернат. 1865 г., т. LXXVII 568.
- Жеребцовъ**, Григ. Ив., оф. л.-гв. Литовск. полка 1825 г., т. LXXVII, 433, 434.
- Жеребцовъ**, М. И., оф. Литовск. п., вполс. сенат., т. LXXVII, 415, 432, 591.
- Жерновъ**, Александр. Васильев., ген.-м., команд. Преображ. п. 1844 г., т. LXXVII, 313—333, 537—558, т. LXXVIII 24, 25, 40—50.
- Жирардогъ**, Карлъ Карлов, команд. пажеской роты 1840 г., т. LXXVII, 339.
- Жобаръ**, профес. 1820 г., т. LXXVIII, 325, 327, 337.
- Жомини**, бар. Гагри, ген.-ад., ген. отъ инф., р. 1779 г. † 1869 г., т. LXXVII, 535. т. LXXIX, 199.
- Жуковская**, Марія Ѡед., рожд. баронесса Раль, т. LXXX, 301, 304, 308.
- Жуковский**, Вас. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. LXXVII,

- 249—253, 633, 642, 645, т. LXXVIII, 51, 56, 95, 182, 403 554—556, т. LXXIX, 548 т. LXXX, 316.
Жужовскій, Ив. Васильев. золотопромышл., 1840 г., т. LXXIX, 151—164.
Жужовскій, Степ. Мих., статсъ-секретарь, † 1877 г., т. LXXXIII, 230.
Жужовскій, Э. А., сообщ.: „Сборъ съ публичныхъ арбыщъ и увеселеній“, т. LXXVII, 481—487.
Жужовскій, тайн. сов. 1831 г., т. LXXVIII, 154.

З.

- Заболоцкий, полковн** 1831 г, томъ 156, 166.
Заборовскій, А. К., помощн. статсъ-секретаря при совѣтѣ управленія въ ц. Польск. 1864 г., т. LXXVII, 367.
Забѣлинъ, Иванъ Егоров., писатель, т. LXXVIII, 571, 572.
Завадовскій, гр., Петръ Васильев., р. 1738 г., † 1813 г., т. LXXX, 415.
Завадовскій, ген. отъ кавал. 1870 г., т. LXXIX, 565.
Завалишина, Екат. Иринарховна, т. LXXX, 543.
Завалишина, Надежда Льв., рожд. Толстая, т. LXXX, 542, 543, 545, 548, 549, 551.
Загородниковъ, Ив., его „Дневникъ русскаго совдата, взятаго въ плѣнъ при Бомарзундѣ въ 1854 г.“, томъ LXXX, 185—212.
Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, дир московск. театровъ, р. 1789 г., † 1852 г., т. LXXVIII, 394, томъ LXXIX, 472, 473.
Загряжскій, ген.-лейт. 1798 г., томъ LXXVII, 483.
Заіончекъ, вн., Іосифъ, польск политич. дѣятель, р. 1752 г., † 1826 г., т. LXXVII, 595, 680, т. LXXVIII, 114.
Зарницкій, 1825 г. т. LXXVII, 413, 419.
Затлеръ, Фед. Карлов., ген.-интенд. 1855 г., р. 1805 г., † 1876 г., т. LXXIX, 536.
Затрапезновъ, Ив. Максим., фабрикантъ 1742 г., т. LXXIX, 613—615.
Затреть, ком. Смоленск. ул. полка, 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Здекауеръ, Никол. Фед., сообщилъ: „Письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ женѣ изъ Таганрога въ 1825 г.“, т. LXXX, 113—116.
Зейнъ-Витгенштейнъ, вн., Эмилиѣ, см. Витгенштейнъ.
Земцовъ, Александр., кадетъ шля-

- хетск. корпуса 1758 г., т. LXXX, 644—646.
Зоборинскій, ген. 1829 г., т. LXXIX, 201.
Золотаревъ, Карпъ, иконописецъ 17-го вѣка, т. LXXX, 440.
Зоричъ, Семенъ Гаврил., ген.-ад. 1787 г., т. LXXIX, 7.
Зотовъ, Рафаиль Мих., писатель, р. 1795 г., т. LXXVIII, 208.
Зубова, гр-ня, рожд. Суворова, т. LXXX, 416.
Зубовъ, Владим. Никол., ген.-лейт. 1890 г., т. LXXVIII, 45.
Зубовъ, гр., Платонъ Александр., р. 1767 г., † 1822 г., т. LXXX, 415.
Зувъ, нижен. 1836 г., т. LXXX, 78.
Зыковъ, Серг. Павл., ген.-адъют., сообщ.: „О выселеніи татаръ изъ Крыма въ 1860 г. Записка ген.-ад. Э. И. Тотлебена“, LXXVIII, 531—550.

И.

- Иванина, Нат. Степ.,** сообщ. и перев.: „Изъ историческихъ записокъ Іоанна-Альберта Эренстрема“, томъ LXXIX, 230—267, 417—460, т. LXXX, 38—62.
Ивановъ, Александр. Андреев., художн. † 1858 г., т. LXXX, 591, 596—598, 608.
Ивановъ, Дм. Степ., кап. Литовск. полка 1825 г., т. LXXVII, 415, 435, 585, 586, 590, 591.
Ивановъ, Евг. Андреев. инж.-капит 1833 г., т. LXXVIII, 144—146, 156.
Игельстремъ, ген. 1790 г., т. LXXIX, 222—224, 229.
Игнацій, еписк. гродненск. 1849 г., т. LXXX, 266.
Игнатъевъ, гр., Пав. Никол., спб. ген.-губ., т. LXXVIII, 47.
Извединова, Марія, т. LXXVIII, 551—567.
Измайловъ, Александр., Ефимов., писатель, род. 1779 г., † 1831 г., т. LXXVII, 653, 654.
Ижонниковъ, Влад. Степ., профес., т. LXXVII, 210.
Иловайскій, Дм. Ив., историкъ, т. LXXVIII, 612.
Ильинъ, артил. полковн. 1828 г., т. LXXIX, 186.
Ильинскій, Пав., священ., сообщ.: „Къ исторіи водаренія императрицы Елисаветы Петровны“, т. LXXVIII, 213—215.
Ильницкій, К. О., докт., д. ст. сов., † 1891 г., т. LXXX, 91, 95—97, 112.
Имеретинскій, вн., Никол. Кост., сообщ.: „Изъ записокъ стараго пре-

- ображенца“, т. LXXVII, 313—339, 529—558, т. LXXXIII, 21—50, т. LXXX, 253—279.
- Инногентій** (Ив. Борисовъ), архіеп. херсон. и таврич., р. 1800 г., † 1857 г., т. LXXIX, 523, т. LXXX, 643, 644.
- Инногентій**, игуменъ соликам. мон. 1805 г., вполс. архіеп. волынск., т. LXXX, 337—340.
- Исаковъ**, ген., команд. Волын. п. 1830 г., т. LXXVIII, 40.
- Исидоръ**, митрон. слб. † 1893 г., т. LXXX, 655.
- Исденъевъ**, команд. Преображенск. полка 1827 г., т. LXXVII, 314.
- Истомина**, Е. И., артистка 1824 г., т. LXXVIII, 196.
- Истоминъ**, адмир., т. LXXIX, 504.
- Ишимова**, Александра Осипов., писательница, р. 1804 г., т. LXXVIII, 551—567.

І.

- Иоаннъ Антоновичъ**, царь, р. 1740 г., † 1764 г., т. LXXVIII, 214, 215, т. LXXX, 437.
- Иоаннъ III**, вел. князь, т. LXXVII, 154, 155, т. LXXX, 10.
- Иоаннъ IV**, Грозный, т. LXXX, 3, 6, 430, 466, 471, 472.
- Ювъ**, патр. 1592 г., т. LXXX, 656.
- Юсифъ Сьмашко**, митрон. литовскій, т. LXXX, 266.
- Юстинъ Вишневскій**, еписк. пермскій 1811 г., т. LXXX, 337.

Іс.

- Кавелинъ**, Александр. Александр. ген.-ад., слб. ген.-губ., † 1850 г., т. LXXVII, 303, 305, 306.
- Кавелинъ**, Конст. Дм., профес., р. 1818 г., † 1885 г., т. LXXVIII, 614.
- Каверинъ**, сенат. 1812 г., т. LXXVII, 2.
- Кавось**, капельмейст. рус. оперы, † 1840 г., т. LXXX, 301, 306.
- Кавановій**, М. Н., настоят. правосл. ц. въ Або 1889 г., т. LXXVIII, 470.
- Каварскій**, А. И., капит. 1829 г., т. LXXIX, 406.
- Кавасси**, Ант. Иван., импрессарио итальян. оп. въ Слб., † 1832 г. т. LXXVII, 655.
- Каземъ-Векъ**, М. Л., сообщ.: „Воспоминанія В. И. Панаева“, т. LXXVII, 299—312 т. LXXVIII, 323—344.
- Казинъ**, Дм. Нилов., директ. гранильн. фабр. въ Петергофѣ 1845 г., т. LXXIX, 490—497.
- Какушинъ**, А. А., сообщ.: „Изъ

- воспоминаній стараго инженера“, т. LXXIX, 400—402.
- Калачовъ**, В. В., директ. деп. земледѣлія и сельск. хоз. 1893 г., т. LXXVIII, 571.
- Калачовъ**, Никол. Вас., основат., археол. инст., р. 1819 г., † 1885 г., т. LXXVIII, 569—572.
- Каленчико**, Ив. Осипов., врачъ 1840 г., проф. Харьков. унив., т. LXXIX, 553.
- Калосинъ**, Н. Н., 1893 г., т. LXXVIII, 231.
- Камескій**, гр., Мих. Ѳеодоров., ген.-фельдмарш., р. 1738 г., † 1809 г., т. LXXIX, 192.
- Канкринъ**, Егоръ Франц., мнн. фин. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. LXXVIII, 181 т. LXXIX, 47, 403.
- Кантемиръ**, вв. Антиохъ Дм. писатель, † 1744 г. т. LXXX, 435.
- Капустинъ**, Мих. Никол., юристъ, попеч. С-Пб. уч. окр. р. 1830 г., т. LXXVIII, 612, 613, 619.
- Каравинъ**, Василій Назаровичъ, писатель, профес., р. 1773 г., † 1842 г., т. LXXVII, 206, т. LXXIX, 392.
- Каравинъ**, Никол. Михайл., историографъ, р. 1765 г., † 1826 г., т. LXXVII, 114, т. LXXVIII, 57, 632, т. LXXIX, 202, 203, т. LXXX, 322, 323, 413, 467, 478.
- Каравинъ**, полковн. 1855 г., томъ LXXIX, 542.
- Каратыгинъ**, Александр. Андреев., † 1846 г., т. LXXVIII, 635.
- Каратыгинъ**, Андр. Васильев., артистъ, р. 1774 г., † 1831 г., т. LXXVII, 639, 644.
- Каратыгинъ**, В. сил. Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXXVII, 626, 635, 637, 640—642, 648, 650, 655, т. LXXVIII, 181, 184, 86, 190, 196, 200—210, т. LXXIX, 343, 473, т. LXXX, 553, 554, 567.
- Каратыгинъ**, Владиміръ Андреев., † 1865 г., т. LXXVII, 650.
- Каратыгинъ**, Петръ Андр., артистъ имп. театр., р. 1805 г., † 1879 г., т. LXXVII, 627, 628, т. LXXVIII, 182, 200.
- Каратыгинъ**, Петръ Петр., † 1888 г., т. LXXVII, 634.
- Каревъ**, полковн. 1841 г., т. LXXIX, 302.
- Карловичъ**, генер. 1849 г., т. LXXVII, 244.
- Карлъ XII**, король шведск. р. 1682 г., † 1718 г., т. LXXX, 651—655.
- Карловъ**, генер. 1812 г., т. LXXX, 367.
- Катадеи**, генер. 1863 г., т. LXXVII, 374, 375, 377.
- Катенина**, Евдокія Ив., см. Нелидова.

Каченинъ, Александр Андр., ген.-ад., оренб. затѣмъ слѣб. ген.-губ. † 1860 г., т. LXXVII, 332—338, 531—558, 636, т. LXXVIII, 21—31, 45, 47 т. LXXX, 254—259, 267, 268.

Каченинъ, Мих., Андреев. капитанъ Преображ. пол. 1848 г. т. LXXVII, 334, т. LXXVIII, 46.

Каченинъ, Никол. Фед., т. LXXVIII, 196.

Каченинъ, Пав. Александр., писатель, переводчикъ Корнелия, Расина и др., р. 1792 г. † 1855 г., т. LXXVII, 333, 334, 625 656, т. LXXVIII, 170—212.

Катериничъ, кievскій губернаторъ 1829 г., т. LXXIX, 181.

Катвартъ, лордъ, англ. послан. въ Спб. 1813 г., т. LXXIX, 413.

Катзовъ, Мих. Никифоров., издат. „Москов. Вѣд.“ р. 1818 г., † 1887 г., т. LXXVII, 62, 347, т. LXXX, 539 541.

Каченовскій, Мих. Троф., историкъ и критикъ, р. 1775 г., † 1842 г., т. LXXVIII, 194.

Квятка Основьяненко, Григ. Федор., писатель, р. 1778 г., † 1843 г., т. LXXIX, 388, 392, 555.

Келлинъ, Ив. Степ. ген.-м., полтавск. коменд. 1709 г., т. LXXX, 651, 655

Кельсиевъ, Вас. Иван., писатель. р. 1835 г., † 1872 г., LXXVIII, 629.

Кешпепъ, Александра Федор., рожд. Аделунгъ, т. LXXVIII, 89.

Кешпепъ, Иоганъ-Фридрихъ. докторъ медиц. † 1808 г., т. LXXVIII 88.

Кешпепъ, Петръ Ив., академ., статистикъ и этнографъ. р. 1793 г., † 1864 г., т. LXXVIII, 88—106. 388.

Кербедъ, инженер. пут. сообщ. 1836 г., т. LXXX, 78.

Керъ, И. Х., инспект. врачесн. управы въ Сибири 1810 г., томъ LXXVIII, 378.

Киндяковъ, началн. ополченцевъ въ Симбирск. губ. 1813 г., т. LXXVII, 196.

Киприанъ, первый сибирск. архіен., т. LXXX, 162—166, 168.

Киреевъ, Мих. Николаев., симбирск. предв. дворян. 1840 г., т. LXXIX, 165.

Киркоръ, Адамъ, редакт. „Вилеяск. Вѣстн.“ 1861 г., т. LXXIX, 77.

Кирьяковъ, капитанъ 1840 г., томъ LXXIX, 109.

Киселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 г., † 1872 г., LXXVIII, 105, т. LXXIX, 199—206, 358, 407.

Кипшинъ, Васил. Мих., ген.-м., ко манд. Литовск. пол. 1825 г., томъ LXXVII, 407—409, 433, 592.

Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., ген.-ад. р. 1793 г., † 1869 г., томъ

LXXVII, 491, т. LXXIX, 401. т. LXXX, 398

фонъ-Кленъ, Конрадъ, посолъ голландск. республ. въ Москвѣ 1675 г., т. LXXX, 528, 529, 538.

Клингспорръ, шведск. генер., томъ LXXX, 45—47.

Клодтъ, бар., фл.-ад. 1864 г., томъ LXXVII, 368, 369.

Клодтъ, бар. М. П., художн., томъ LXXX, 596, 601.

Клодтъ Юргенсбургъ, бар., скульпторъ, р. 1805 г. † 1867 г., т. LXXVIII, 224.

Клоначевъ, Алексѣй Федотов., вице-адм., арханг. воен. губернат. съ 1810 г.—1823 г., † 1823 г., LXXVII, 704, 705.

Клюбфельдъ, поруч. Подольск. кирасир. полка 1825 г., т. LXXVII, 422.

Клюки-фонъ Клугенау, Францъ Карлов., ген.-лейт., р. 1794 г., † томъ LXXVIII, 579, 586, 587, т. LXXIX, 119, 121, 123, 290, 298, 318

Кисроингъ, ген.-ад. 1855 г. томъ LXXVII, 412, 435, 592, т. LXXIX, 519, 520, 526

Княжевичъ, Вл. Макс., т. LXXVII, 618, 619.

Князенинъ, Яковъ Борисов., писатель, р. 1742 г., † 1791 г., томъ LXXVIII, 190.

Кобезо, Д. Ф., членъ совѣта мин. финанс. т. LXXVIII, 571.

Ковалевскій, Евгр. Петр. мин. нар. проsv., т. LXXIX, 302.

Ковалевскій, Егоръ Петр., генер., горн. инженер., путешествен., р. 1811 г., † 1868 г. т. LXXIX, 302.

Ковалевскій, Петръ Петров., ген.-лейт., нач. артил. кавказ. арм. † 1855 г., т. LXXIX, 302, 571.

Ковалевъ, подполковн., 1841 г., т. LXXIX, 106.

де-Кодъ, секретарь рус. департ. индѣль, 1790 г., т. LXXIX, 228.

Ковловскій, Викентій Мих., ген. отъ инф., † 1871 г., т. LXXVIII, 586, т. LXXIX, 112, 302.

Козодавлевъ, Осип. Петров., писатель, мин. вн. дѣлъ, р. 1754 г. † 1819 г., т. LXXVIII, 91.

Козоревъ, Вас. Александр., † 1889 г., т. LXXX, 597.

Козошкянъ, Фед. Фед., членъ репертуарн. части съ 1818 г., директ. моск. театр. съ 1823—1831 г., р. 1773 г., † 1838 г., т. LXXVIII, 196, 199, 211

Коленкуръ, гр. Арманъ, герц. Вигенпы, посолъ въ Спб. 1812 г., р. 1772 † 1827 г., т. LXXVII, 108—

- 110, 683 — 694 т. LXXVIII, 345 — 376.
- Болзаковъ**, П. А., ген.-ад. 1831 г., т. LXXVII, 2, т. LXXVIII, 154.
- Болмоускій**, Васил. Васильев., начальн. арх деп. податей, т. LXXVII, 574.
- Болоколюповъ**, Д. Г., ген.-майоръ, т. LXXVII, 333, 334, 545.
- Болосова**, Александра Мих., въ зам. Каратыгина, артистка, †, т. LXXVII, 625—656, т. LXXVIII, 179 — 212.
- Болосова**, Евгенія Ив., рожд. Неелова, танцовщица, р. 1780 г., † 1869 г., т. LXXVII, 635—656, т. LXXVIII, 179 — 212.
- Болотовъ**, оф. Литовск. пол. 1825 г., т. LXXVII, 405, 410 431, 436.
- Бомаровъ**, инж. 1836 г., т. LXXX, 78.
- Бомовскій**, ст.-сов. 1885 г., т. LXXIX, 534.
- Бонвеницынъ**, гр., Петръ Петров., ген. отъ инф., р. 1764 г., † 1822 г., т. LXXX, 350.
- Бонстанскій**, А. М., сообщ. „Сперанскій въ Пермь“, т. LXXX, 335—340.
- Бонстантиъ Николаевичъ**, вел. князь, род 1827 г., † 1892 г., т. LXXVII, 34, 39, 43, 63, 341, 381, 489.
- Бонстантиъ Павловичъ**, вел. князь цесарев., род. 1779 г., † 1834 г., т. LXXVII, 408—446, 523, 524, 579—615, 668, т. LXXVIII, 40, 113—117, 138, 507 515, 516, 519 т. LXXIX, 43—47, 202, 203 322, т. LXXX, 274, 415, 519.
- Бонтевой**, Аполлинар., директ. варш. консерваторіи 1863 г., т. LXXVII, 378, 379.
- Бонштеть**, Андр. Богданов., 1826 г., т. LXXVIII, 119, 120.
- Боржуновъ**, профес., т. LXXVIII, 295, 311.
- Борилловъ**, Владим. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1854 г., т. LXXVII, 160, т. LXXIX, 504, 519, 523 — 525, т. LXXX, 609.
- Борилловъ**, Фед. Петров., д. тайн. сов., чл. Госуд. Совѣта, 1893 г., т. LXXVIII, 227.
- Борилловъ**, тамбовскій губернаторъ 1840 г., т. LXXIX, 168.
- Борильковъ**, ген.-м., † 1828 г., т. LXXX, 646.
- Борсаковъ**, Петръ Александр., писатель и цензоръ, † 1844 г., т. LXXVIII, 186.
- Борсакъ**, А. К., профес. Моск. унив., т. LXXVIII, 612, 613.
- Борфъ**, бар., Андр. Никол., генер., т. LXXVIII, 45, т. LXXX, 256.
- Борфъ**, гр., Модестъ Андр., р. 1880 г., † 1876 г., его соч.: „Смерть графа Сперанскаго. 1839 годъ“, т. LXXX, 317—320, уп. 334.
- Борфъ**, бар., ген.-м. 1860 г., т. LXXVIII, 40, 155, 161, т. LXXIX, 158, 533.
- Бостомаровъ**, Никол. Ив., историкъ, р. 1817 г., † 1885 г., т. LXXIX, 388, 390 — 392, т. LXXX, 467, 478.
- Боскинецъ**, проф., сенат., т. LXXVIII, 281.
- Боскуль**, гр., т. LXXVII, 573.
- Босовичъ**, майоръ 1843 г., т. LXXVIII, 585.
- Боссаковский**, Конст. Фед., шт.-б-п. л.-гв. Преображенск. пол. 1848 г., т. LXXVII, 318, 329—331, 546, 555 — 558, т. LXXVIII, 21, 23, т. LXXX, 256.
- Бостырко**, подполковникъ 1844 г., т. LXXVIII, 608.
- Бостышко**, Вадей, послѣдн. главнокоманд. въ Польшѣ, род. 1746 г., † 1817 г., т. LXXVII, 677, 678.
- Ботальниковъ**, Семень, ценз. 1800 г., т. LXXVII, 248.
- Ботларевская**, Екат. Семен., рожд. Полова, т. LXXVIII, 628—630.
- Ботларевскій**, Александръ Александров., профес. рус. словесн. Варшав. унив., р. 1837 г., † 1881 г., т. LXXVIII, 611 — 631, т. LXXIX, 174, 391.
- Бощебу**, гр., Пав. Евстафьев., ген.-ад., варшав. ген.-губ., р. 1801 г., † 1884 г., т. LXXVII, 43, т. LXXVIII, 148, 584, т. LXXIX, 542.
- Бощебу**, ген.-м., ком 1-й бр. 8-й пѣх. див. 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Бочубей**, вн., Викт. Павлов., мин. вн. дѣлъ съ 1802 г., р. 1768 г., † 1834 г., т. LXXVII, 107, 206, 393, 404, 484, т. LXXIX, 84, 85, т. LXXX, 319, 330.
- Бощелавъ**, Александр. Ив., публицистъ, земскій дѣятель, р. 1807 г., † 1883 г., т. LXXVIII, 163, 164.
- Бояндеръ**, Александръ Самойлов., бывш. директ. Калужск. гимназ., т. LXXVII, 495.
- Браевскій**, Андрей Александр., журналистъ, род. 1810 г., † 1889 г., т. LXXVII, 343, 346, 347, т. LXXIX, 344, 472.
- Бравскій**, шт.-офиц. корп. жанд., 1840 г., т. LXXIX, 159, 162.
- Брамеръ**, докт. 1840 г., т. LXXIX, 335.
- Брамской**, Ив. Никол., художн., р. 1837 г., † 1887 г., т. LXXX, 570, 571, 599, 600, 602, 604, 605, 608.
- Брапоткинъ**, вн., Д., 1660 г., т. LXXX, 289.

- Брасильниковъ**, профес., 1830 г., т. LXXVII, 450, 451.
- Брасисовий**, ген.-ад. 1825 г., т. LXXVII, 436.
- Брасковъ**, Подлекарцъ, педагогъ, 1860 г., т. LXXVII, 121.
- Брасовскій**, Александр. Ив., цензоръ, р. 1776 г. † 1857 г., т. LXXVII, 628, 646.
- Брасовскій**, Аполлин. Каетанов., инж., профес. р. 1818 г. † 1875 г., т. LXXX, 78.
- Брасовскій**, Афанас. Ив., ген.-ад., † 1843 г., т. LXXIX, 200.
- Брасуоскій**, Доминикъ, участн. войск. † 1863 г., т. LXXVII, 371, 375, 376.
- Крафтъ**, профес., наставн. имп. Александра I, т. LXXVIII, 497.
- Брейль**, гр. Киприанъ Антон., генер. р. 1779 г. 1850 г., т. LXXVIII, 153.
- Брейцъ**, гр., авовскій губернат. 1864 г., т. LXXVIII, 465.
- Бриццъ**, генер. 1825 г., т. LXXVII, 420—424, 594.
- Бриднеръ**, пермскій губернат. съ 1818 г., т. LXXX, 335.
- де-Крой**, герцогъ, генер.-фельдм. 1685 г., т. LXXIX, 273, 274.
- Кронштедтъ**, шведск. адмир. 1809 г., т. LXXX, 54—57.
- Бротцовъ**, свящ. 1825 г., т. LXXVII, 139, 475, 477.
- Броунъ**, адмир. 1790 г., т. LXXIX, 220.
- Брузе**, адмир. 1790 г., т. LXXIX, 216.
- Брузенштернъ**, кол. сов., чиновн. дипломат. канцел. главком. Ц.-Польск. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Брузенштернъ**, полк., ком. Ольвиоп. ул. п., т. LXXVIII, 156.
- Брумбесъ**, полк., ком. фельдм. графа Дибича Заб. полка 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Брыловъ**, Дм. Серг., харьков. вице-губернат. 1837 г., т. LXXIX, 549.
- Брыловъ**, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 г., † 1844 г., т. LXXVIII, 57, т. LXXX, 644.
- Брюднеръ**, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, писательница, р. 1766 г., † 1824 г., т. LXXVIII, 505.
- Брюковъ**, ген.-м., 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Будашева**, княг. Екат. Мих., см. Голенищева-Кутузова.
- Будашевъ**, кн., Никол. Данилов., ген.-м. † 1813 г., т. LXXVII, 24, 194.
- Будашевъ**, кн., полк. ком. Ольвиопольск. ул. п., 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Бузьменко**, капит. 1843 г., т. LXXIX, 297.
- Бувольникъ**, Несторъ Вас., писат., „РУССКАЯ СТАРИНА“ 1893 г., т. LXXX. ДЕКАБРЬ.
- р. 1809 г., † 1868 г., т. LXXVIII, 58, 394.
- Булманъ**, В. П., сообщ. „Изъ записокъ Виленскаго старожила. Два эпизода изъ жизни Виленскаго гимназiи въ 1861 году“, т. LXXIX, 61—83.
- Булманъ**, Пантелеймонъ Александр., писатель, т. LXXVIII, 551, 552.
- Булманъ**, Елизавета Борисов., поэтесса, р. 1808 г. † 1825 г., т. LXXVIII, 512, 517.
- Булманъ**, Аристъ Аристов., академикъ, т. LXXVIII, 100, 102, 106, т. LXXX, 647.
- Буприяновъ**, ген.-м., нач. 7-й пѣх. див. 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Булферъ**, Адольфъ, акад. проф. физикъ, † 1865 г., т. LXX, 78, 557.
- Буракинъ**, кн., Александр. Борисов., чрезвычай. послан. при париж. дворѣ, р. 1752 г., † 1818 г., т. LXXVII, 103, 104, т. LXXVIII, 350, 351, 353, 355, 356, 361, 365, 366—370, 371, т. LXXX, 7, 8.
- Буракинъ**, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., вполн. мин. вн. дѣлъ, р. 1759 г., † 1829 г., т. LXXVIII, 366—370, т. LXXX, 329, 330.
- Буракинъ**, кн., Борисъ Ив., дипломатъ, р. 1671 г., † 1727 г. т. LXXX, 239.
- Буркозъ**, ген.-м., предсѣд. полев. аудиториата при дѣйств. арміи 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Бурочинъ**, Андр. Мих., строит. воен. судовъ, ген.-м., † 1842 г., т. LXXVII, 705.
- Бурута**, гр., Дм. Дм., ген. отъ инф. р. 1770 г., † 1838 г., т. LXXVII, 411, 414—420, 426, 429—435, 440, 537, 590, 592, 607, 608, т. LXXVIII, 116—118.
- Бусаковъ**, полковн., инж. пут. сообщ. 1842 г., т. LXXIX, 566, т. LXXX, 81, 82.
- Бусовникова**, супруга виленск. коменд. 1849 г., т. LXXX, 260.
- Бутайсовъ**, гр., Александр. Ив., генер. р. 1884 г., † 1812 г., т. LXXX, 368, 507.
- Бутайсовъ**, гр., Ив. Павл., камерд. Павла I, об.-гофмарш., т. LXXVII, 576, т. LXXVIII, 120.
- Бутайсовъ**, гр., Пав. Ив., гофмейст., сенат., р. 1780 г., † 1840 г., т. LXXVIII, 207.
- Бутыловскій**, докт. 1825 г., т. LXXVII, 418.
- Кутузова-Голенищева**, княг., Екат. Ильинична, рожд. Бибикина, ст.-дама, р. 1754 г., † 1824 г., т. LXXVIII, 191, 216.
- Кутузова-Голенищева**, княж. Екат.

- Мих.**, въ зам. княг. Кудашева, т. LXXVII, 24
- Кутузовъ-Голенищевъ**, кн. Смоленскій, Мих. Илар. фельдмарш., р. 1745 г., † 1813 г., т. LXXVII, 12—15, 22—30, 164, 182, 187, т. LXXVIII, 216—224, т. LXXIX, 58, 176, 180, 193—196, 205, 206, т. LXXX, 220—223, 415 520, 526, 630.
- Кутузовъ-Голенищевъ**, гр., Пав. Васильев., ген.-ад., р. 1773 г., † 1843 г., т. LXXVIII, 632.
- Кутисинскій**, А. А., адъют. намѣстн. ц. Польск., 1864 г., вполн. полков. 1892 г., т. LXXVII, 53, 559, 561, 563.
- Кушелевъ-Везбородово**, гр., Н. А., † 1862 г., т. LXXX, 578—580.
- Кутисаревъ**, экономъ воспитат. дома, 1773 г., т. LXXVII, 483.

Л.

- Лабкицовъ**, Ив. Мих., ген.-м. 1842 г., вполн. ген. отъ инф., т. LXXVIII, 581, т. LXXIX, 112, 117, 300—306, 566, 567.
- Лавровъ**, подполковн. 1797 г., т. LXXX, 393, 394
- Лавровъ**, шт.-кап. 1855 г., т. LXXIX, 528.
- Лавровская**, Елисавет. Андреев., пѣвица, т. LXXVIII, 83.
- Лагарпъ**, Фредерикъ-Сезаръ, воспитатель имп. Александра I, род. 1754 г., † 1838 г., т. LXXVII, 266.
- Лажечниковъ**, Ив. Ив., писатель, р. 1794 г., † 1869 г., т. LXXVIII, 58.
- Лазаревъ**, Мих. Петров., адмир., р. 1788 г., † 1851 г., т. LXXIX, 524.
- Лазаревъ**, пианистъ, 1863 г., т. LXXVII, 377—381.
- Лалаевъ**, Ив. Матвѣев., профес. 1840 г., т. LXXIX, 471, 474, 476.
- Ламанскій**, Владим. Ив., проф. слависты, р. 1833 г., т. LXXX, 216, 217.
- Ламбертъ**, гр. Карлъ Карл., ген. отъ кав., варшав. ген.-губ. 1861 г., р. 1815 г., † 1865 г., т. LXXVIII, 22.
- Ламдорфъ**, гр. Матв. Ив., ген. отъ инф., воспитат. имп. Николая, р. 1745 г., † 1828 г., т. LXXX, 372—394.
- Ланге**, г.-жа, т. LXXVII, 304—308.
- Лангелъ**, тн. сов., эстлянд. гражд. губернат. 1805 г., т. LXXVII, 484.
- Лангеръ**, цензоръ 1839 г., т. LXXX, 326.
- Ланжеронъ**, гр., Александр. Оед., ген. отъ инф. новорос. ген. губ., р. 1763 г., † 1831 г., т. LXXVII, 528, т. LXXVIII, 181, т. LXXIX, 357.

- Ланской**, гр. Александр. Дм., ген.-ад., † 1784 г., т. LXXVIII, 11, 18.
- Ланской**, виленск. губернат. 1803 г., т. LXXVII, 484.
- Ланской**, ген.-м., ком. Конно-гвард. полка 1848 г., т. LXXVII, 316.
- Ласск**, Борисъ (Морицъ) Петров., ген. отъ инф., р. 1737 г., † 1820 г., т. LXXIX, 255, 258.
- Ласон**, гр., Петръ Петров., фельдмарш. р. 1878 † 1751 г. т. LXXX, 292.
- Латышевъ**, Серг., вупецъ 1819 г., т. LXXVII, 702, 705.
- фонъ-деръ-Лауницъ**, ком. Одесск. ул. п., полк. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Лашинская**, Діотима, поэтесса, 1864 г., т. LXXVII, 66.
- Лашинскій**, варшав. губернат. 1863 г., т. LXXVII, 66.
- Лебедевъ**, Н. П., полковн., сообщ.: „Возраженія севастополя полковника Лебедева на записки генерала В. И. Девъ“, т. LXXVII, 156—160, упом. т. LXXIX, 544.
- Лебедевъ**, П. С., сообщ.: „Дневникъ русскаго солдата, выгатаго въ плѣнъ при Бомарзундѣ въ 1854 году“, т. LXXX, 185—212.
- Лебедевъ**, Оед. Васильев., священ. 1870 г., т. LXXVII 151.
- Левенштернъ**, ген. 1829 г., т. LXXIX, 358.
- Левинскій**, варшавск. комендантъ 1825 г., т. LXXVII, 438.
- Левшинъ**, Александр., протоіер. Успен. собора 1770 г., т. LXXX, 449.
- Левшинъ**, Алексѣй Иракліев., тн. сов., † 1879 г., т. LXXVIII, 99.
- Левшинъ**, генер., варшавск. об.-полцимейст. 1864 г., т. LXXVII, 382.
- Леонидъ**, еписк. ковенск. 1849 г., т. LXXX 266.
- Леоновъ**, Н., сообщ. „Замѣтку къ возраженіямъ полк. Лебедева на зап. В. И. Дена“, т. LXXIX, 544.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 г., † 1841 г., т. LXXVII, 621, т. LXXVIII, 59 606, т. LXXX, 657—663.
- Лермонтовъ**, ген.-м. 1836 г., т. LXXVII, 2.
- Лесли**, фельдмарш. 1812 г., т. LXXVII, 120.
- фонъ-Лешернъ**, ком. Волыиск. ул. п., полков. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Лжедмитрій**, т. LXXX, 465—486.
- Ливенъ**, кн., Карлъ Андреев., мин. нар. просв. съ 1828 г., † 1845 г., т. LXXVIII, 92.
- Ливенъ**, кн., Христофоръ Андреев., послан. въ Лонд. съ 1812—1834 г.,

р. 1777 г., † 1838 г., т. LXXVII, 386, 393, 404, т. LXXIX, 412.
Ливель, полковн 1742 г., т. LXXIX, 613.
Ливенцова, актриса 1826 г., т. LXXVIII, 208.
Лидерс, Александр. Никол., ген.-ад. 1841 г., т. LXVIII, 154, 161, 162, т. LXXIX, 119—121. 294—297, 317, 516. 537, 542—544.
Лидерс, инж. ген.-м. 1844 г., вполн. начальн телеграфовъ, т. LXXIX, 401.
фонъ-деръ-Линде, издатель зап. Маса, т. LXXX, 479—486
де-Линь, принцъ, Карл., фельдм., р. 1735 г. † 1814 г. т. LXXIX, 253, 258, т. LXXX, 286—298.
Липинъ, директ. деп. жел. дорогъ, т. LXXIX, 486, 487, т. LXXX, 78.
Липихъ, механикъ 1812 г., т. LXXVII, 178, 179, 182. 186.
Липранди, Пав. Петров., ген. отъ инф., р. 1796 г. † 1864 г. т. LXXVII, 156—158, 332, т. LXXVIII, 156, т. LXXIX, 515, 516, 528, 531
Лисаневичъ, Дм. Тихонов., ген.-лейт., р. 1778 г., † 1825 г., т. LXXIX, 96.
Лисоцкий, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Литке, гр. Фед. Петр., адмир., р. 1797 г., † 1882 г., т. LXXVIII, 96, 103.
Литровъ, астрономъ профес. 1820 г., т. LXXVIII, 329.
Лихачевъ, Ив. Фед., агентъ морск. вѣд. въ Лондонѣ т. LXXIX. 469, 471, 473, 474, 477.
Лобановъ, М. Е., переводч. драм. соч. Расина и др. р. 1787 г., † 1846 г., т. LXXVIII, 640, 641.
Лобановъ-Ростовскій, вв. Дм. Ив., ген., р. 1758 г., † 1838 г., т. LXXVIII, 13.
Лобачевскій, Никол. Ив., профес., рект. Казанск. унив., р. 1793 г., т. LXXX, 224.
Лобно, ген. 1829 г., т. LXXIX 359.
Ловичъ, княг., Иоанна (Жанета) Антоновна, супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., т. LXXVII, 433, 435, т. LXXVIII, 515.
Ломоносовъ, Мих. Васил., акад., писатель, р. 1711 г., † 1765 г., т. LXXVII, 221, т. LXXX, 134, 135, 323.
Лонгиновъ, Мих. Никол., писат., † 1875 г., т. LXXX, 117, 119. 122.
Лонгиновъ, Петръ Ив., т. LXXVIII, 61, 63, 65.
Лопухинъ, вв., Петръ Васил., ген.-прокур., р. 1753 г., † 1827 г., т. LXXX, 330.

Лористонъ, фр. послан. въ Спб., 1812 г., т. LXXVII, 4.
Лостуевъ, лордъ, послан. въ Спб., 1871—1879 г.г., т. LXXX, 418.
Лохтинъ, ст. сов. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Лопшаревъ, генер. 1829 г., т. LXXIX, 196, 199, 358.
Луановъ, ком. Сѣвск. пол., полковн. 1891 г. т. LXXVIII, 156.
Любимовъ, профес. Моск. унив. 1860 г., т. LXXVIII, 612.
Лашенко, майоръ 1844 г., т. LXXVIII, 608.
Лядковскій, участн. польск. возст. 1863 г., докторъ. т. LXXVII. 371—377, т. LXXVIII, 402.
Львовъ, Алексѣй Фед., композ., директ. придв. капел., р. 1799 г., т. LXXVIII, 83, т. LXXX, 305, 308, 315.
Львовъ, Леонидъ Фед., меломанъ, т. LXXX. 312.
Львовъ, С. Л., 1770 г., т. LXXX. 415.
Лядовы, артисты, т. LXXX, 305, 308, 313, 315.
Лыковъ, вв., Мих. Ив., 1690 г., т. LXXX, 438.
Лысенко, генер. 1835 г. т. LXXX, 640.
Ляпуновъ, полковн. директ. иляхетск. борн. 1758 г., т. LXXX, 645, 646.

M.

Магницкій, Мих. Леонт., попеч. Каз. унив. съ 1819—1826 г.г., р. 1787 г., † 1844 г. т. LXXVIII, 91, 93, 323—344, т. LXXX, 328—334.
Мажаровъ, Васил. Петров., предвод. дворян. Уфимск. губери. 1826 г., т. LXXVIII, 128.
Майковъ, Апол. Александр., писатель директ. спб. театр. съ 1821—1825 г., т. LXXVII, 634, 635, 637, 640, 648, 655, т. LXXVIII, 185, 201.
Майковъ, Леонидъ Никол., академ., писатель, помощн. директ. спб. публ. библи., сообщ.: „Два письма К. Н. Батюшкова“, т. LXXVII 525—528; „Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову“, т. LXXVIII, 403—408 уном. т. LXXVII, 212, 220, т. LXXVIII, 52.
Магарій, второи архіеп. тобольскій, т. LXXX, 162, 164.
Магарій, митроп. москов. съ 1542—1563 г., т. LXXX. 656.
Макаровъ, М. Н. писат., т. LXXVIII, 395.
Максимовичъ, чиновн. 1860 г., т. LXXVIII, 532.

*

- Максимъ**, Ив. Алексѣев., актеръ. р. 1791 г., † 1828 г., т. LXXVII, 640, т. LXXVIII, 191.
- Мамоновъ**, гр., Александр. Матвѣев., ген.-ад., † 1803 г., т. LXXVII, 162, т. LXXVIII, 11, т. LXXIX, 13, 15, т. LXXX, 288, 289, 298.
- Мандерштернъ**, ген.-лейт. нач. 1-й пѣх. див., 1831 г., т. LXXVIII, 154.
- Мандтъ**, лейбъ-мед. 1844 г., т. LXXVII, 300, 301, 559.
- Марачинскій**, оф. л. гв. Литов. полка 1825 г., т. LXXVII, 405, 410, 431, 436.
- Марія Николаевна**, вел. княгиня, въ супруж. герцог. Лейхтенбергская, род. 1819 г., † 1876 г., т. LXXVII, 543.
- Марія Федоровна**, императрица, род. 1759 г., † 1828 г., т. LXXVII, 304, 485, 486, 487, 589, т. LXXVIII, 14, 515, т. LXXIX, 42, 43, 240, 579.
- Маршовъ**, гр. Аркад. Ив., тайн. сов. род. 1747 г., † 1824 г., т. LXXVIII, 442.
- Маршовъ**, г.-м., 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Мартеусъ**, Ф. Ф., профес., т. LXXX, 1—34.
- Мартовъ**, педагог. 1860 г., т. LXXVII, 121.
- Мартынова**, Наталья Соломоновна, т. LXXX, 662, 663.
- Мартыновъ**, г.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Мартьяновъ**, Николай Соломоновичъ, майоръ, 1741 г. т. LXXX, 657—663.
- Мартьяновъ**, т. LXXX, 657.
- Мартьянцевъ**, г.-м., т. LXXVIII, 155.
- Марченко**, ст. секрет. 1817 г., т. LXXIX, 204.
- Маршаллъ фонъ-Виберштейнъ**, бар., ботаникъ, главн. инспект. шелко-водства, † 1826 г., т. LXXVIII, 93.
- Маслоевъ**, почетн. опекунъ 1800 г., т. LXXVII, 486.
- Масовъ**, Исаакъ, р. 1587 г., авт. записокъ о Московин, т. LXXX, 465, 479—486.
- Масовъ**, медикъ 1788 г., т. LXXVIII, 221.
- Матвѣевъ**, гр., Андрей Артамонов., русск. посланникъ въ Гагъ 1709 г., т. LXXX, 6, 7.
- Матюшкина**, графиня, 1793 г., т. LXXVIII, 449.
- Медемъ**, ген.-пор. 1775 г., т. LXXVIII, 244.
- Мевенцовъ**, Николай Влад., главноуправл. III отд. и корп. жандарм., †, т. LXXVII, 538, т. LXXVIII, 21—23, 45, т. LXXIX, 522.
- Мейеръ**, Елис. Александр., рожденн. баронес. Раль, т. LXXX, 305.
- Мейеръ**, Карлъ, пианистъ 1824 г., т. LXXX, 302, 303.
- Мейндеръ**, ком. Нижегород. полка, 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Мелкоскино**, Петръ Ив., ген.-поруч. ген. отъ артил., † 1797 г., т. LXXIX, 412, т. LXXX, 645.
- Меллеръ-Закомельскій**, бар., Егоръ Ив., ген.-ад., т. LXXIX, 302, 304, 305, 568.
- Мельгунова**, Александра, т. LXXX, 545.
- Мельниговъ**, Павелъ Петр., проф. механ., впослед. мнн. пут. сообщ., т. LXXX, 78, 557, 558, 568.
- Меншиковъ**, кн., Александръ Данил., генералиссим. род. 1673 г., † 1729 г., т. LXXVII, 702, т. LXXIX, 409, 411, т. LXXX, 652.
- Меншиковъ**, кн., Александръ Серг., морск. мнн., род. 1787 г., † 1869 г., т. LXXVII, 156—160, т. LXXIX, 200, 515—544.
- Мердеръ**, П. К., адъют. вел. князя Александра Николаевича, т. LXXX, 267, 268.
- Мерлинъ**, ген.-м. 1797 г., т. LXXX, 389, 390.
- Местмахеръ**, бар., тайн. сов., 1797 г., т. LXXX, 384.
- Мезъ**, арт.-скрипачъ 1842 г., т. LXXX, 300.
- Метлинъ**, контръ-адмиралъ 1855 г., т. LXXIX, 527.
- Мехелинъ**, проф., сен., т. LXXVIII, 273—322.
- Мещерскій**, кн., Платонъ Степ., чл. малорос. коллег. съ 1769—1774 г., род. 1713 г., † 1799 г., т. LXXX, 454.
- Миклашевичева**, Варвара Семенов., артистка, род. 1768 г., † 1846 г., т. LXXVIII, 182, 185, 188, 201.
- Миклашеговскій**, полковникъ 1840 г., т. LXXIX, 295.
- Микулинъ**, команд. Преображенск. полка 1838 г., т. LXXVII, 314, 333, 544, 545, 556, т. LXXVIII, 48, 49.
- Миллеръ**, Всеволодъ, пис., ученый 1892 г., т. LXXVII, 211.
- Миллеръ**, Орестъ Фед., проф., † 1839 г., т. LXXVII, 211.
- Милорадовичъ**, графъ, Мих. Андр., ген.-отъ-инфант., † 14 дек. 1825 г., т. LXXVII, 180, 627, 637, 648, 655, т. LXXVIII, 183, 194, 195, 197, т. LXXIX, 194, 365, т. LXXX, 521—525.
- Милославскій**, Д. И., бояринъ 1660 г., т. LXXX, 239.
- Милославскій**, Илья Даниловичъ, бояринъ 1680 г., т. LXXX, 229, 238.
- Милотинъ**, Николай Алексѣев. ст.-секрет., чл. Госуд. Сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXXVII, 37—42, 76, 77, 341—356, 560—570, т. LXXVIII, 95, 230.
- Минихъ**, гр., Эрнстъ, д. тайн. сов.,

род. 1707 г., † 1788 г., т. LXXVIII, 6.
Минишевский, редакт. „Варшавскаго Дневника“, изд. на польск. языке 1862 г., т. LXXVII, 340, 341.
Минишицъ, г-жа, т. LXXVII, 369.
Минишицъ, А. Ѳ., ген.-лейт., начал. штаба варшавск. воен. окр. 1874 г., т. LXXVII, 54, 70, 369.
Миякина, Настасья, домоправит.—ца Аракчеева, т. LXXIX, 408, 409, 411.
Мирюничъ, М. Ѳ., ген.-л. бывш. пом. нач. гл. шт. т. LXXVII, 357.
Мирюничъ, Ѳед. Яковл. ген.-инф., вилен. ген. губ., т. LXXVIII, 43, т. LXXX, 260.
Мироновъ, Ив. Сем., уфимск. губер., 1826 г., т. LXXVIII, 128.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, род. 1832 г., т. LXXVII, 157, 300.
Михаилъ Павловичъ, вел. князь, р. 1798 г., † 1849 г., т. LXXVII, 329—334, 338, 339, 530, 534, 550, 551, 557, т. LXXVIII, 48, 180, 516 т. LXXX, 16, 255, 259, 260, 274—276.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, LXXX, 5.
Михайловская-Данилевская, Анна Павл., рожд. Чемоданова, т. LXXIX, 175.
Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ив., ген.-лейт., военный историкъ, † 1848 г., т. LXXVII, 111, 253—256, т. LXXVIII, 265, 422, т. LXXIX, 175—208, 356—387, т. LXXX, 220, 617.
Михайловскій - Данилевскій, Леонидъ Александр., т. LXXVII, 254.
Мичуринъ, оф. л. гв. Литовск. полка 1825 г., т. LXXVII, 408, 409, 418.
Мишо-де Воротуръ, гр., Александръ Францовичъ, ген.-ад., р. 1771 г. † 1841 г., т. LXXX, 220—223.
Минишевъ, Георгій, воевода Сендомирскій, 1591 г., т. LXXX, 471.
Минишевъ, Марина, т. LXXX, 471.
Модеракъ, Пермскій губернат 1810 г., т. LXXX, 335.
Модестовъ, Андр. Дм., священ. 1820 г., т. LXXVII, 138, 139, 475—477.
Модестъ, архіеп. волынск. 1893 г., т. LXXX, 214.
Морджевская, польская актриса 1864 г., т. LXXVII, 66.
Моллеръ, Александр. Ѳед., ген.-лейт., команд. 1-й гвард. дивиз. 1842—1856 г., т. LXXVII, 323—328, 338, 533, 538, 544, т. LXXVIII, 156, т. LXXIX, 535.
Молодцовъ, офиц. 1856 г., т. LXXVII, 317, т. LXXIX, 45.
Молчановъ, П. С., ст. секрет. 1770 г., т. LXXX, 417.
Молчановъ, инж. полковн. 1890 г., т. LXXIX, 405.
Монтрезоръ, адъют. Кутузова 1813 г.,

т. LXXVIII, 218.
Мордовцевъ, Данилъ Лукичъ, писатель, т. LXXIX, 388.
Морозовъ, рус. послан. въ Стокгольмъ 1788 г., т. LXXIX, 22, 205, 215.
Морозовъ, бояринъ 1648 г., т. LXXX, 431—433.
Морозовъ, П. О., издат. соч. Пушкина, т. LXXVII, 223, 224.
Морошеничъ, Ѳ. Л., профессор, т. LXXVIII, 395.
Мочаловъ, артистъ, т. LXXIX, 472, 473.
Мошинъ, преподават. химіи 1855 г., т. LXXVIII, 621, 625, 627.
Муилъ, бар., команд. Преображенск. полка 1839 г., т. LXXVII, 314, 556, т. LXXVIII, 49.
Муравьева, Екат. Ѳед., супруга Мих. Никитича М—а, т. LXXVIII, 52.
Муравьевъ, гр. Мих. Никол., ген. отъ инф. чл. Гос. Сов., р. 1796 г., † 1866 г., т. LXXVIII, 567, 568, т. LXXVIII, 531, т. LXXIX, 77—83.
Муравьевъ - Амурскій, гр., Никол. Никол., ген.-ад., чл. Госуд. Сов., † 1881 г., т. LXXVIII, 221.
Муравьевъ - Апостолаъ, Сергій Ив., декабристъ, р. 1796 † 1826 г., т. LXXVII, 609—611, т. LXXVIII, 403—408, т. LXXIX, 181.
Муравьевъ, тайн. сов. 1807 г., т. LXXIX, 85, 86.
Мусинъ-Пушкинъ, Алексій Петров., команд. л. гв. Преображен. полка 1856—1858 г., т. LXXVII, 545—555, т. LXXVIII, 45, т. LXXX, 254.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Валент. Плат., главноком. финлянд. арм. 1788 г., † 1807 г. т. LXXVIII, 16.
Мусоргскій, М. П., композиторъ, т. LXXVIII, 82.
Мустафинъ, В., сообщ. „Государево „слово и дѣло“ и кадетъ Земцовъ“, т. LXXX, 644—646.
Музановъ, Илья Дм., почетный опекунъ, ген. отъ инф., † 1893 г., т. LXXVII, 309, 573.
Мюльгаузенъ, Тереза, т. LXXVII, 623.
Мюнхтеръ, гр., 1812 г., т. LXXVII, 401.

Н.

Набоковъ, ген.-ад., команд. гренадер. корп. 1831 г., т. LXXVIII, 153.
Назрововъ, уфимск. губернат. 1835 г., т. LXXIX, 152, 153.
Навроцкий, экономъ Воспитат. дома 1763 г., т. LXXVII, 483.
Нагиба, Максимъ Андреев, гвардеецъ, участн. переворота 25 нояб. 1741 г., т. LXXVIII, 213—215.

- Надеждинъ, Дм. Акимов, взятный медикъ 1870 г., т. LXXVII, 142, 151.
- Надеждинъ, Никол. Ив., профес., т. LXXX, 158, 587—589.
- Надеждинъ, Пав. Акимов., т. LXXVII, 142, 151.
- Назимовъ, Андрей Андреев., оф. л.-гв. Преображ. полка 1849 г. т. LXXX, 256.
- Назимовъ, Влад. Ив., виленск. ген.-губ. 1861 г., т. LXXVIII, 27, 28, 46, т. LXXIX, 61—78, 83.
- Наполеонъ I императоръ, т. LXXVIII, 409—432, т. LXXX, 497—520, 615—628.
- Нарышкина, Елена Александр., гофмейстерина 1762 г., т. LXXX, 488.
- Нарышкина, Марія Антон., рожд. княг. Четвертинская, т. LXXVIII, 141—143.
- Нарышкина, Ольга Станислав., рожд. гр-ня Потоцкая, т. LXXVIII, 131, 133.
- Нарышкина, Н. Ф. см. Ростопчина.
- Нарышкинъ, Александръ Львов., главн. директ. театровъ съ 1799—1814 г., род. 1760 г., † 1826 г., т. LXXVII, 651, т. LXXVIII, 118, 123, 137, т. LXXIX, 173.
- Нарышкинъ, Д. В., таврич. губернк., т. LXXVII, 172.
- Нарышкинъ, Дм. Львов., об.-егерм. † 1838 г., т. LXXVIII, 123, 126, 140—142.
- Нарышкинъ, Ив. Кирил., р. 1659 г., † 1682 г. т. LXXX, 440.
- Нарышкинъ, Кирилъ Александр., чл. Госуд. Сов., † 1838 г., т. LXXVIII, 111, 122, 141, 142.
- Нарышкинъ, гр. Левъ Александр., об.-штабмейст., р. 1733 г. † 1799 г., т. LXXIX, 10, т. LXXX, 439.
- Нарышкинъ, Левъ Александр., ген.-м. 1825 г., т. LXXVII, 412, 435, 583, т. LXXVIII, 110—146, т. LXXIX, 171.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил., бояринъ 1689 г., т. LXXX, 438, 440.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил., помѣщ. 1840 г., т. LXXIX, 162, 163.
- Нарышкинъ, Эммануилъ Дм., помѣщ. 1840 г., т. LXXIX, 162—164, 166, 169, 171, 173.
- Нассау-Зигенъ, принцъ, Карлъ-Генрихъ, адмиралъ, р. 1743 г. † 1805 г., т. LXXX, 283.
- Натадія Кирилловна, царица, томъ LXXX, 440.
- Наумова, Анна Александр., помѣщ. 1820 г., т. LXXIX, 461—468.
- Нахимовъ, Пав. Степ., адмир. р. 1803 г., † 1855 г., т. LXXIX, 504, 505, 525, 534—536.
- Неваховичъ, писат., т. LXXVIII, 42.
- Невѣровскій, генер. 1812 г., т. LXXX, 358—361.
- Нейе, рект. Дерптск. унив. 1836 г., т. LXXIX, 404.
- Нейгардтъ, Александръ Ив., ген. отъ инф., р. 1784 г. † 1845 г., т. LXXVII, 489, т. LXXVIII, 154, 583, 589, 599, т. LXXIX, 103, 105, 112, 116, 119, 120, 294, 297.
- Нейгардтъ, бывш. оф. л.-гв. Преобр. полка, нынѣ управл. дѣлами канцеляріи прошеній, т. LXXVIII, 46.
- Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821 г. † 1877 г., т. LXXIX, 497—502, т. LXXX, 544.
- Некстариѣ, третій архіеп. тобольскій. т. LXXX, 164, 165.
- Неклядова, Евдокія Ив., въ зам. Катенина, т. LXXVIII, 196, 197.
- Неоміусъ, сенат., ген.-лейт., 1892 г., т. LXXVIII, 485.
- Непѣй, Осипъ Ив., вологодск. намѣстн. 1556 г., т. LXXX, 3.
- Несселроде, гр., Карлъ Васил., канцл., р. 1780 г. † 1862 г. т. LXXVII, 112, 114, 115, 207, 390, 391, 399, 488, 489, 490, 543, т. LXXIX, 393—399; т. LXXX, 617, 626.
- Несселроде, гр., ген.-м., начальникъ III окр. корп. жандарм. 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Нестеровъ, Петръ Петров., ген., дѣйствовавшій на Кавказѣ 1856 г., т. LXXVIII, 603—607, т. LXXIX, 89, 301.
- Никитскій, Александръ Ив., профес., т. LXXX, 429, 430.
- Николай I, императоръ, род. 1796 г. † 1855 г., т. LXXVII, 54, 169, 299—301, 314, 316, 329, 333, 489—493, 530, 535, 544, 545, 551, 555, 565, 608, 611—613, т. LXXVIII, 17, 23, 31, 37, 44, 47, 50, 121, 182, 216, 218, 223, 224, 259, 266—315, 432, 459, 474, 516, 569, т. LXXIX, 46—60, 157, 199, 204, 393—399, 400—408, 410, 465, 494, 538, 539, 546, т. LXXX, 220—223, 274; 275, 278, 315, 317—320, 323, 394, 419—422, 429, 540, 646, 655.
- Николай Александровичъ, великій князь, цесаревичъ, † 1865 г., томъ LXXVII, 559.
- Николай Николаевичъ, вел. князь, р. 1831 г., † 1891 г., т. LXXVII, 157.
- Николевскій, профессоръ 1820 г., томъ LXXVIII, 324.
- Нилонъ, патріархъ 1657 г., т. LXXX, 170, 424—426.
- Ниловъ, Корнилій Андреев., помѣщ. 1840 г., т. LXXIX, 151.
- Ничинъ, Дм. Васил., команд. Муромск. пол. 1856 г., т. LXXX, 639, 640.

Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., ст. секрет., р. 1762 г., † 1838 г., т. LXXVIII, 265, 323, 344, 347, томъ LXXX, 318.

Норвергъ, ком. Александрійск. гус. п., 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Нордентамъ, Ив. Ив., нач. штаба Кавказ. корп. 1843 г., т. LXXVIII, 578, 584, 589, т. LXXIX, 115, 301, 566.

Нордманъ, Ф. Д., вице адмиралъ, т. LXXVIII, 218, 220.

Носовъ, полк., об.-квартир. 2-гопѣх. корп. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Носовъ, генер. 1855 г., т. LXXX, 641.

Носталь, гр., ген.-ад., ген.-лейтен. 1831 г., т. LXXVII, 154.

О.

Ободовскій, педаг. - писатель, томъ LXXVIII, 105.

Оболенскій, кн. Александр. Васил., фл.-ад. 1845 г., т. LXXVII, 156.

Оболенскій, кн. Александр. Петров., калужск. гражд. губернаторъ, томъ LXXVII, 495.

Оболенскій, кн., Д. Д., т. LXXX, 657, 662, 663.

Оболенскій, кн., Ник. Никол., ген.-лейт. 1890 г., т. LXXVIII, 45.

Оболенскій, кн., издатель зап. Массы 1866 г., т. LXXX, 479—486.

Ободьянновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур., 1800 г. † 1841 г., т. LXXVII, 248, 576, т. LXXX, 330.

Обручевъ, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 155, т. LXXIX, 372.

Обручевъ, ген.-лейт., нач. 3 гренад. дивиз. 1831 г. т. LXXVIII, 154.

Обрьшовъ, Алексѣй Мих., мин.-резид. въ Константиноп. съ 1751—1768 г., р. 1720 г., † 1787 г., т. LXXX, 460.

Обрьшовъ, Мих. Алексѣев., сенат. 1806 г., т. LXXVIII, 378.

Обрьшовъ, Никол. Вас., московск. ген.-губ. 1812 г., т. LXXVII, 175, 178, 187.

Овалдеръ, ген.-лейт. 1849 г. т. LXXVII, 413, 435, т. LXXVIII, 40.

Огаревъ, Никол. Платонов., писатель, поэтъ, р. 1815 г., † 1877 г., томъ LXXVIII, 331, 399, т. LXXX, 560.

Огинская, княгиня, Марія, т. LXXIX, 82.

Огинская, княгиня, Эмилиа, т. LXXIX, 82.

Огинскій, гр., 1812 г., т. LXXVII, 389.

Оглоблинъ, Н., сообщ. „Дѣло о самовольномъ приѣздѣ въ Москву то-

большаго архіепископа Симеона, въ 1661 году“, т. т. LXXX, 162—184.

Оглоблинъ, капельмейст. Финлянд. полка 1858 г., т. LXXX, 314.

Огородниковъ, Евл. Кир., чл. статистич. комит. мин. вн. дѣлъ, томъ LXXIX, 347.

Огородниковъ, С. Ф., сообщ.: „Письмо митрополита Филарета по поводу восшествия на престолъ императора Александра II“, т. LXXVII, 494. „Пребываніе императора Александра I въ Архангельскѣ“, 701—706.

Одоевскій, кн. Алсд. Ив., поэтъ, декабр., † 1839 г., т. LXXX, 309, 310.

Одоевскій, кн., Влад. Фед., писатель, † 1875 г., т. LXXX, 118.

Озаровскій, гр., ген.-ад. 1817 г., т. LXXIX, 204.

Озеровъ, А. П., сообщ.: „За чайнымъ столомъ. Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I“, т. LXXVIII, 490—530.

Озуневъ, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 155.

Оленинъ, Алексѣй Никол., дир. публ. библ., предид. имп. акад. худож., съ 1818 г., † 1843 г., т. LXXVII, 2, 526, 527.

Олсуфьевъ, А. Д. 1762 г., т. LXXX, 451.

Олсуфьевъ, Васил. Дм., об.-гофмейст. 1844 г., т. LXXVII, 304, 305, 310, 311.

Ольга Николаевна, вел. княг. королева Виртембергская, р. 1822 г., т. LXXVII, 299, 569.

Ольденбургскій, принцъ, Августъ, т. LXXVII, 397, 398, 404.

Ольденбургскій, принцъ Георгъ, супругъ в. кн. Екатерины Павловны, т. LXXVII, 393, 404.

Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгиевичъ, т. LXXVII, 253, 303, 304, 305, 308, 309, 310.

Ольшевскій, Мелетій Яковл., сообщ.: „Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ“, т. LXXVIII, 573—610, т. LXXIX, 89—124, 287 319, 563—589.

Орда, Адамъ Петров., ген.-лейт., сообщ.: „Письмо севастопольца“, т. LXXX, 609—614.

Ординъ, писатель 1889 г., т. LXXVIII, 255—322, 474.

Орлова - Денжцова, графиня Марія Алексѣевна, рожд. граф. Васильева, т. LXXVII, 578.

Орловскій, Борисъ Ив., художникъ, † 1837 г., т. LXXVIII, 217, томъ LXXIX, 403.

Орловъ - Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., р. 1737 г. † 1809 г., т. LXXVIII, 221.

Орловъ, гр., впол. кн., Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., р. 1788 г., † 1861 г., т. LXXVII, 489, т. LXXIX, 57, 204—206, т. LXXX, 420.

Орловъ, кн., Григ. Григорьев., род. 1734 г. † 1783 г., т. LXXVII, 512, т. LXXVIII, 3, 18, т. LXXX, 120, 451, 461.

Орловъ, Мих. Ѳедор., ген.-м., род. 1788 г., † 1842 г., т. LXXVII, 251, 252.

Орловъ-Давыдовъ, гр., генер. 1812 г., т. LXXVII, 26.

Орловъ-Денисовъ, гр., Василий Васильев., ген. отъ кав., род. 1775 г., † 1844 г., т. LXXVII, 578, т. LXXIX, 180.

Орловъ-Денисовъ, гр., ген.-м. 1853 г., т. LXXVIII, 224.

Орловъ, поруч. 1812 г., т. LXXX, 505.

Осоловскій, графъ, т. LXXVII, 600.

Остенъ-Сажень, гр. Дм. Ероф., ген.-ад., начал. Севастоп. гарниз., род. 1790 г. † 1881 г., т. LXXVII, 491, т. LXXIX, 181, 356, 532.

Остерманъ, гр., Андрей Ив., кабин.-мин., р. 1686 † 1747 г., т. LXXX, 434, 435.

Остерманъ, гр., Ив. Андр., госуд. канц., р. 1725 г., † 1811 г., т. LXXVIII, 14, т. LXXIX, 213, 215, 221, 222, т. LXXX, 26, 33, 415.

Остерманъ-Толстой, гр., ген. 1812 г., т. LXXIX, 43, 50, LXXX, 366, 504.

Остолоповъ, Никол., Ѳед., писатель и журналистъ, р. 1782 г., † 1833 г., т. LXXVIII, 207.

Островскій, Александр. Никол., писатель, р. 1823 г., † 1886 г., т. LXXVIII, 82.

Остроградскій, Мих. Васил., математикъ, р. 1801 г. † 1861 г., томъ LXXX, 78—87, 395, 407—412, 553, 557.

Оффенбергъ, бар., ген.-лейт., 1831 г., т. LXXVIII, 154.

Очкинъ, над. сов., чинов. особ. пор. при нам. п. Польск. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

II.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXXVII, 163, 168, 246—248, 261, 486, 502, 575, 577, 678, т. LXXVIII, 216, 221, 331, 332, 454, т. LXXIX, 43, 54—56, 246, 262, 263, 408, 409, 411, т. LXXX, 35, 329, 372—394, 413, 496.

Павель, прус., старообрядецъ 1865 г., впол. правосл. архиманд., т. LXXVII, 569, 570.

Павлицевъ, Левъ Никол., сообщ. за-

мѣтку: „По поводу ст. Д. Г. Анучина: Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ“, т. LXXVII, 707—710.

Павлицевъ, Никол. Ив., тайн.-сов., гл. редакт. „Варш. Дневника“ 1864 г., т. LXXVII, 341—359, 707—710.

Павловъ, Никол. Филип., писатель 1860 г., т. LXXVIII, 562.

Павловъ, тит. сов. 1789 г., т. LXXVIII, 242.

Павловъ, полк., ком. Томск. егер. п. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Павскій Лигаридъ, митроп Газскій., т. LXXX, 424—427.

Палея (фонъ-дербъ) гр., Петръ Алексѣев., курлянд., впол. спб. воен. губернат., р. 1745, † 1826 г., т. LXXX, 387, 390.

Палея (фонъ-дербъ) гр., Петръ Петр., ген.-ад., ген. отъ кав., р. 1778, † 1864 г., т. LXXIX, 200.

Пальминъ, проф. Казан. унив. 1820 г., т. LXXVIII, 325, 327, 337.

Панаева, Авд. Яковл., рожд. Брянская, по втор. мужу Головачева, писат.-ца, т. LXXIX, 343, 345, 500, т. LXXX, 543.

Панаевъ, Валеріанъ Александр., его воспоминанія, т. LXXIX, 320—355, 461—502, т. LXXX, 63—89, 395—412, 595—568, упом. 212.

Панаевъ, Владим. Ив., р. 1792, † 1859 г., его воспоминанія, т. LXXVII, 299—312, т. LXXVIII, 323—344, упом. 432, 462, 470—477, 490.

Панаевъ, Ив. Андреев., туринскій воевода, т. LXXIX, 334.

Панаевъ, Ив. Ив., писат., т. LXXIX, 332—335, 343—346, 352, 469, 472—502, т. LXXX, 539—541, 544.

Панаевъ, Ипполитъ Александр., т. LXXIX, 475, 477, 484, т. LXXX, 80, 397.

Панаевъ, Людоръ Алксд., т. LXXIX, 346, 468.

Панаевъ, Никол. Ив., т. LXXIX, 335, 346, 349, 350.

Панаевъ, Петръ Ив., т. LXXIX, 350.

Панинъ, гр. А. Н., попечит. Харьк. учебн. окр. 1834 г., т. LXXVIII, 381.

Панинъ, гр., Викт. Никит., министръ юстиц., чл. Госуд. Сов., р. 1801 г., † 1874 г., т. LXXVII, 52, т. LXXVIII, 14.

Панинъ, гр., Никита Ив., воспитат. в. кн. Павла Петр., р. 1718, † 1783 г., т. LXXX, 120, 134.

Панинъ, гр. Н. И., мнн. юстиц. 1800 г., LXXIX, 263, т. LXXX, 10, 11, 15, 19—23.

Панкратьевъ, ген.-ад., варшавск., воен. губернат. 1835 г., т. LXXVII, 565, т. LXXVIII, 154.

Пантелеевъ, лугскій уѣздн. предвод. двор. 1849 г., т. LXXX, 256.

Панютинъ, Всеволодъ Оед., ген.-лейт. 1890 г., т. LXXVIII, 45, 155.

Папа-Христо, адмир., 1828 г., томъ LXXX, 394.

Паскевичъ, Ив. Оед., гр. Эриванскій, кн. Варшавскій, ген.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXXVII, 35, 46, 64, 243, 565, т. LXXVIII, 43, 147—169, 221, т. LXXIX, 356, 542, 543, т. LXXX, 646.

Пассекъ, Вадимъ Васильев., писатель, р. 1808 г., † 1842 г., т. LXXVIII, 377—402, LXXIX, 545—562.

Пассекъ, Василій Богдановичъ, томъ LXXVIII, 378.

Пассекъ, Василій Васильев., томъ LXXVIII, 377, 378.

Пассекъ, Диомидъ Васильев., ген.-м., р. 1807 г., † 1845 г., т. LXXVIII, 392, 587, 588, т. LXXIX, 297, 298, 318.

Пассекъ, Петръ Богданов., моголев. губернат. 1780 г., т. LXXX, 415.

Пассекъ, Татьяна Петров., рожд. Кучина, писательница, р. 1810 г., † 1889 г., LXXVIII, 377, 380, 382, 385, 392—394, 400, 401, т. LXXIX, 546—562.

Патранинъ, Данил. Андреев., полков. атаманъ казач. войска, 1824 г., т. LXXX, 418.

Патонъ, ген.-м., 1844 г., в.посл. сенат., т. LXXVIII, 157, т. LXXIX, 307—309.

Пензулаевъ, штабъ-ротм. милициѣ, 1844 г., т. LXXIX, 309, 310.

Пенжеревскій, Никол. Александр., ген.-лейт., † 1852 г., т. LXXVII, 318, 422, 426, 439, 538, 552—556, т. LXXVIII, 26, 42, 154.

Перевлѣвскій, педагогъ-писатель, т. LXXVIII, 61.

Перовскій, гр., Василій Алексѣев., оренб. ген.-губ., т. LXXVII, 2.

Перовъ, художн., т. LXXX, 570, 571, 598—607.

Пероттъ, нижен. 1836 г., т. LXXX, 78.

Перфильева, В. А., супруга архан. губернат., 1819 г., т. LXXVII, 704.

Пестель, Ив. Борисов., почтъ-директ. 1790 г., т. LXXVII, 190.

Пестель, таврич. губернаторъ, 1854 г., т. LXXVII, 159.

Петрашевскій, Мнх. Вас., † 7 декабря 1867 г., LXXVIII, 43.

Петровъ, Ив. Матв., писатель, издат. альманаховъ, т. LXXVIII, 382, т. LXXIX, 550, 554, 555, 558.

Петровъ, Ос. Ае., ар.-пѣвецъ, томъ LXXX, 313.

Петръ Михайловичъ, вел. князь, т. LXXVII, 299, 300.

Петръ I, императоръ, р. 1672 г., † 1725 г., т. LXXVII, 209, 210, 701, 704, т. LXXVIII, 46, 456, т. LXXIX, 9, 113, 140, 284, 409, т. LXXX, 2, 3, 6, 7, 8, 280, 282, 433, 434, 438, 441, 538, 651—655, 657.

Петръ II, императоръ, † 1730 г., т. LXXX, 280, 281.

Петръ III, импер., р. 1728 г., † 1762 г., т. LXXIX, 615, 618, т. LXXX, 23, 24.

Пещуровъ, сенат. 1840 г., т. LXXIX, 160, 162.

Пирлингъ, о. Павелъ, сообщ.: „Депеша Виллардо кардин. Флери отъ 30-го янв. 1730 г.“, т. LXXX, 280—282, „Чилли и Масса, современники Лже-дмитрія, критическ. этюдъ“, 465—486, упом. LXXVII, 152—155.

Пироговъ, Ник. Иванов., профес., р. 1810 † 1881 г., т. LXXX, 106.

Писемскій, Алексѣй Θεофиластов., р. 1820 г., † 1881 г., т. LXXVII, 634.

Плановскій, инж. технологъ 1885 г., т. LXXIX, 405.

Платовъ, гр., Матв. Иван., наказн. атам. войска Донскаго, 1799 г., т. LXXVII, 13, 26, 119, т. LXXVIII, 222—224, т. LXXX, 353.

Платонова, Ю. Ф., пѣвица, † 1892 г., т. LXXVIII, 83.

Платоновъ, ст.-секрет. по дѣламъ цар. Польскаго 1865 г., т. LXXVII, 52, 564.

Платоновъ, полковн. 1829 г., томъ LXXIX, 187.

Платовъ (Петръ Левшинъ) митроп. московскій, р. 1737 г., † 1812 г., томъ LXXX, 371.

Платонъ, митропол. кievск., †, томъ LXXX, 429.

Плаутинъ, генер.-м., 1831 г., томъ LXXVIII, 155.

Плетневъ, Петръ Александр., академ., рект. Слб. унив., писатель, р. 1798 г., † 1865 г., томъ LXXVII, 630, томъ LXXVIII, 203, 551, 552, 564, — 556.

Плещеевъ, бояринъ 1648 г., т. LXXX, 431, 432.

Плещеевъ, полк., 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Платеръ, графъ, т. LXXX, 213.

Побѣдоносцевъ, К. П., об.-прокур. св. Синода, чл. Госуд. Сов., томъ LXXX, 663, 664.

Погодинъ, Мнх. Петров., академикъ, тайн. сов., р. 1800 г., † 1875 г., т. LXXVIII, 387, 388, 395, т. LXXX, 592, 630, 644, 649.

Погодинъ, и. д. ген.-интенд., 1831 г., т. LXXVIII, 155, 159.

- Подгаецкій**, Венедиктъ Дм., старш. врачъ 103 пѣх. Петрозавод. полка, 1839 г., † 1891 г., его ст.: „Изъ медицинскаго быта въ прошлую турецкую войну. 1877—1878 г.г.“, т. LXXX, 90—112.
- Попровскій**, Васил. Арефьев., педаг. 1830 г., т. LXXVII, 467.
- Полевой**, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. LXXVII, 630, т. LXXVIII, 59, 394, т. LXXX, 326.
- Полетина**, секретарь императрицы Маріи Феодоровны 1800 г., томъ LXXVII, 486.
- Полешко**, ген.-лейтен., 1831 г., томъ LXXVIII, 154.
- Полыновъ**, Владим. Петров., полков. 1855 г., т. LXXX, 611
- Полозовъ**, Данил. Петров., ген.-лейт., начальн. жандарм. округа 1848 г. т. LXXVII, 338, т. LXXX, 275.
- Полозовъ**, офиц. Преображ. полка 1848 г., т. LXXVII, 338.
- Полонскій**, Александръ Викентьев., инж.-полковн. 1840 г., проф. матем., т. LXXIX, 470, 483—489, т. LXXX, 70, 78, 539.
- Полонскій**, Леонидъ Александр., писатель, т. LXXIX, 484.
- Полтвинъ**, Никол. Петров., генер. 1841 г., т. LXXIX, 103, 104, 302, 305, 307.
- Полтвинъ**, Мих. Петров., генер. 1841 г., т. LXXIX, 301, 307.
- Полтораковъ**, Н. И., ген.-аудиторъ 1864 г., т. LXXVII, 371, 372.
- Полторацкій**, В. А., т. LXXX, 413.
- Полухинъ**, ген.-лейт., членъ полев. аудиторіата 1831 г., т. LXXVIII, 154.
- Полыноскій**, о. Алексѣй Сидоровичъ протоіер. смотрит. Рязанск. духовн. училища 1874 г., т. LXXVII, 121, 122, 131.
- Поморскій**, Андрей Петров., авторъ и переводч. драм. пьесъ, 1825 г., т. LXXVIII, 198, 200.
- Понятовскій**, Станиславъ, кор. польскій 1792—1796 г., LXXVII, 680—688, т. LXXX, 118, 119, 284.
- Поповъ**, Александръ Никол., проф., † 1877 г., его ст.: „Славянская заря 1812 г.“, т. LXXVII, 87—120, „Баронъ Штейнъ въ Россіи въ 1812 г.“, 383—404. „Вопросъ Польск.“, 1806—1809 г.“, 667—695, томъ LXXVIII, 345—376, „Отъ Смоленска до прѣзда Бутузова въ армию“, т. LXXX, 341—371, 497—527, упом. т. LXXIX, 484, 485.
- Поповъ**, Евгений, протоіер. Лондонск. православн. церкви 1854 г., томъ LXXX, 185—212.
- Поповъ**, Мих. Максимовичъ, его ст.: „Южная армія и Крымская армія при князѣ Меншиковѣ, т. LXXIX, 515—537; „Собраніе истинныхъ свѣдѣній въ Бухарестѣ, во время плѣна Николаевскаго купца Петра Нненфорова съ 17 іюля 1854 г. по 17 марта 1855 г., 538—544; „А. П. Ермоловъ въ ополченіи“, т. LXXX, 629—633.
- Поповъ**, Нилъ, проф., т. LXXVIII, 612.
- Поповъ**, Н. Л., пермскій купецъ, 1811 г., т. LXXX, 336, 338.
- Посельцовъ**, Петръ Васильев., свящ., кандид. Москов. духов. акад. 1820 г., т. LXXX, 158.
- Постельсъ**, инж.-генер., т. LXXIX, 294.
- Потемкинъ-Тавричскій**, кн., Григ. Александр., генер.-фельдмарш., р. 1736 г., † 1791 г., т. LXXVII, 162, 271, т. LXXVIII, 12, 16, 18, 221, 244, 248 251, 433, 440, 442, 451, т. LXXIX, 7, 10—19, т. LXXX, 20, 21, 126—130, 283—299, 323, 463.
- Потоцкій** гр., ген. 1809 г., т. LXXVII, 684.
- Пожиконевъ**, Ив. Фед., помѣщ. 1840 г., т. LXXIX, 162, 163.
- Полшманъ**, Семенъ Антонов., перв. директ. училища правовѣдѣнія, т. LXXVII, 618.
- Прасовья** Іоанновна, вел. княжна 1730 г., т. LXXX, 281.
- Пржедловъ**, Васил. Ив., тайн. сов., полевой воен.-медицинск. инспект. 1877 г., т. LXXX, 95, 96, 107, 106, 110.
- Протасова**, Екат. Петров., въ зам. гр-ня Ростовчина, т. LXXVII, 172.
- Протасовъ**, А. С., 1769 г., т. LXXX, 415.
- Прямынинъ**, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Пташницкій**, С. Л., т. LXXVIII, 404.
- Пугачевъ**, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LXXVIII, 18, т. LXXIX, 402.
- Пушкарь**, полковн. 1654 г., т. LXXX, 226.
- Пушкина**, Ан. Львовна, т. LXXVIII, 408.
- Пушкинъ**, Александр. Серг., писат., р. 1798 г., † 1837 г., т. LXXVII, 200, 221—240, 333, 341, 629—635, 640, т. LXXVIII, 23, 115, 182, 185, 203. 563 т. LXXX, 118, 316.
- Пушкинъ**, Вас. Львов., т. LXXVIII, 408.
- Пушкинъ**, Сергій Львовичъ, том. LXXVIII, 57.
- Пушкинъ**, оф. л.-гв. Преображ. полка 1849 г., т. LXXX, 266.
- Пуцкинъ**, Никол. Никол., кап. л.-гв.

- Литов. пол. 1835 г., т. LXXVII, 405—437, 579, 580, 584, 586, 589, 592, 601, 613, 614, т. LXXVIII, 113, 116.
Пушкинъ, ген.-м., 1831 г., т. LXXVIII, 155.
Пфуль, генер. 1812 г., т. LXXVII, 94, 107, 116, 117, т. LXXIX, 51
Пыпинъ, Александр. Никол., профес., писатель и ученый. т. LXXVIII, 385, 617.

Р.

- Радзивиллъ**, кн. ген.-ад. 1860 г., т. LXXVIII, 533.
Радищевъ, Алексд. Никол., писат., р. 1749, † 1802 г., т. LXXX, 23.
Радовицъ, Иосифъ, собиратель автографовъ, т. LXXVII, 221, 224.
Раевскій, Никол. Никол., ген.-отъ-кавал. р. 1771 г. † 1839 г., т. LXXVIII, 403, т. LXXIX, 566, т. LXXX, 359—362, 512.
Раевскій, генер. 1841 г., т. LXXVIII, 579.
Рауменовая, гр-ня, рожд. фонъ-Тунъ, т. LXXIX, 253.
Раумовскій, гр., Алекс. Григ., фельдм., р. 1709, † 1771 г., т. LXXX, 495, 496.
Раумовскій, гр., Кирил. Григ., ген.-фельдм., р. 1724, † 1803 г., т. LXXIX, 23, 24, т. LXXX, 495.
Раумовскій, гр., 1826 г., т. LXXVIII, 120, 121.
Раль, баронесса, Аделаида Александр. въ зам. Сенковская, т. LXXX, 301, 302, 305.
Раль, бар., Александръ Алексд. придворн. банкиръ 1802 г., † 1833 г., т. LXXX, 301.
Раль, барон., Елисавет. Никол., рожд. Мольво, т. LXXX, 301.
Раль, баронесса, Марія Фед., см. Жуковская.
Раль, баронесса, Юлія Александр., т. LXXX, 305.
Раль, бар., Фед. Александр., наданрат. нотной конторы 1841 г., р. 1802, † 1848 г., т. LXXX, 300—315.
Рамавъ, бар., ген., помощн. главнокоманд. войск. Варш. окр. 1862 г., т. LXXVII, 61, т. LXXVIII, 45.
Рапкъ, ген. 1812 г., т. LXXVII, 200.
Раухъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 45.
Реадъ, ген.-м., 1831 г., т. LXXVIII, 155.
Рейндеръ, Конст. Григорьев., ген.-лейт., т. LXXVII, 556, т. LXXVIII, 45.
Рейндеръ, Александр. Алексеев., оф. л. гв. Преобр. п. 1848 г., т. LXXVIII, 23, 45.
Рейндеръ, мин. статсъ-секрет. вел. кн. Финляндск. при Николаѣ I, т. LXXVIII, 267.
Ревелотъ, симфероп. уѣздн. предвод. дворян. 1860 г., т. LXXVIII, 545.
Рейбницъ, ген.-лейт., нач. 12 пѣх. див. 1831 г., т. LXXVII, 533, т. LXXVIII, 154, 161.
Рейтеръ, оф. л.-гв. Преображ. пол. 1848 г., т. LXXVIII, 23.
Рейнинъ, кн., Николай Васпл., ген.-аншефъ, фельдмаршалъ, р. 1734 г., † 1801 г., т. LXXVIII, 16, т. LXXX, 389.
Рехенбергъ, бар., генеральн. консулъ въ Варшавѣ 1865 г., т. LXXVII, 560, 563, 564.
Ржевскій, ген.-поруч. 1788 г., т. LXXVIII, 13.
Ржевуская, гр-ня, рожд. княжна Дашкова, т. LXXVII, 242.
Ржевускій, гр., генер. 1855 г., т. LXXVII, 241—243.
Рибольеръ, гр., 1829 г., т. LXXVII, 489.
Ригельманъ, инженер-ген.-поруч., т. LXXVIII, 396.
Ридигеръ, ген.-ад., команд. 3-го пѣх. корп. 1831 г., т. LXXVIII, 153, т. LXXX, 267.
Римскій-Корсаковъ, Н. А., композиторъ, т. LXXX, 314.
Риктеръ, ген.-м. 1825 г., т. LXXVII, 408, 415, 592.
Роджерсонъ, лейбъ-мед. Екатерины II, т. LXXVIII, 3.
Родоскій, Степ. Егоров., священ. 1870 г., т. LXXVII, 133, 136, 137, 149, 452, 453, 461, т. LXXVIII, 68, 69, 76—78.
Рожденскій, ген.-отъ-кавал., 1825 г., т. LXXVII, 609.
Розе, ген.-м., 1848 г., т. LXXVIII, 39.
Розенбахъ, Никол. Антонов., генер., т. LXXVIII, 45.
Розень, бар., Григ. Владим., ген.-отъ инф., р. 1781 г., † 1841 г., т. LXXVII, 333, 334.
Рославскій, писатель, т. LXXVIII, 392, 395.
Ростиславовъ, Дм. Ив., профес. Слб. духовн. акад., † 1877 г., его записки, т. LXXVII, 121—151, 448—480, 657—666, т. LXXVIII, 61—80, т. LXXIX, 590—609, т. LXXX, 144—161.
Ростиславовъ, Никол. Ив., т. LXXVII, 146.
Ростовцевъ, гр., Іаковъ Ив., ген.-ад., р. 1803 г., † 1860 г., т. LXXVIII, 615.
Ростоцкина, гр-ня, Евдокія Петров-

на, рожден. Сушкова, писательн.,
† 1858 г., т. LXXX. 631.

Ростопчина, гр-ня, Ек. П., см Протасова.

Ростопчина, гр-ня, Елисавета Фед., т. LXXVII, 170, 171.

Ростопчина, гр-ня, Наталиа Фед., въ зам. Нарышкина, т. LXXVII, 172.

Ростопчина, гр-ня, Софіа Фед., въ зам. гр-ня Сегурь, т. LXXVII, 172.

Ростопчинъ, гр., Андр. Фед. р. 1813, † 1892 г., т. LXXVII, 165, 172.

Ростопчинъ, Василий Фед., маюръ, т. LXXVII, 168.

Ростопчинъ, гр., Серг. Фед., адъют. Барклая-де-Толли, р. 1796, † 1836 г., т. LXXVII, 172.

Ростопчинъ, гр., Федоръ Васильев., ген.-отъ-инф., московск. главноком. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. LXXVII, 15, 16, 29, 31, 109, 161—208, т. LXXX, 522, 523.

Ротъ, ген. 1828 г., т. LXXVII, 609, 610, 614, т. LXXIX, 200, 357.

Ртищевъ, Фед. Мих., окольнич. 1650 г., т. LXXX, 226, 238.

Рубецъ, ком. Брянск. пол., полковн. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Рудинскій, Ив. Петров., священ. 1820 г., т. LXXVII, 659.

Рудневъ, кап.-лейт. команд. 14 флот. экипажа 1819 г., т. LXXVII, 703.

Румянцевъ, гр., Никол. Петров., госуд. канцл., р. 1754, † 1826 г., т. LXXVII, 90—114, 392, 399, 507, 525—527, 680—694, т. LXXVIII, 90, 91, 345, 349—375, т. LXXIX, 412—413, т. LXXX, 14, 510.

Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдмарш., род 1725 г., † 1769 г., т. LXXVIII, 217, 220, т. LXXIX, 8, 9, 10, 199, т. LXXX, 323, 450, 451, 452, 456, 463, 464.

Румянцевъ, гр., Серг. Петров., т. LXXVIII, 221.

Румячъ, Дм. Павл., попечит. Спб. учебн. окр., т. LXXIX, 612, т. LXXX, 321—327.

Рылъевъ, Александр. Мих., генер., т. LXXVIII, 45, т. LXXX, 256.

Рылъевъ, Кондр. Фед., декабр., писатель, р. 1795 г., † 13 июля 1826 г., т. LXXVIII, 54.

Рѣдкинъ, Петръ Григ., проф., р. 1808 г., † 1891 г., т. LXXVIII, 395.

Рѣпиновскій, Григ. Косым., сенаторъ, т. LXXVIII, 571.

Рѣшнъ, художн., т. LXXX. 604.

Рюминъ, откупщ. 1814 г., т. LXXVII, 204, 206.

С.

Сабанъевъ, генер. 1818 г. т. LXXIX, 195.

Саблуковъ, почетн. опекунъ 1803 г. т. LXXVII, 484.

Сабуровъ, Ив. Васил., помѣщ. 1826 г., т. LXXVIII, 121, 122.

Савошкин, ген.-лейт. 1825, г. т. LXXVII, 580.

Савенъ, гр., Дм. Ерошеев., см. Остенъ-Савенъ.

Салогубъ, полковн. 1848 г. т. LXXVII, 553, т. LXXVIII 28.

Салтыкова, гр-ня Прасковья Юрьевна, т. LXXIX, 613.

Салтыковъ, гр., Ив. Петров., москов. главнокоманд. въ 1797—1804 г., род. 1730 г., † 1805 г., т. LXXVIII. 16, т. LXXIX, 149.

Салтыковъ гр., Никол., Ив., фельдм., р. 1736. † 1816 г., т. LXXVII, 98, 99, 111, 195, т. LXXIX, 15, 214.

Салтыковъ, гр. Петръ Семенов., 1746 г., т. LXXVII, 291, т. LXXIX, 613.

Сальваторъ, докт. 1812 г., т. LXXVII, 175.

Самаринъ, Юрій Фед., писатель, род. 1819 г. † 1876 г., т. LXXVII, 77, 341, т. LXXVIII, 231.

Самойлова, гр-ня, рожд. гр-ня Литта, т. LXXVIII, 31, 32.

Самойловичъ, Дан., врачъ 1770 г., т. LXXX, 449.

Самойлова-Мичуряина, Вѣра Васил., артистка, т. LXXX, 567.

Самойлова, Надежда Васил., артист. т. LXXX, 553, 567.

Самойловъ, гр., Александр. Никол., ген.-прокур. и госуд. казнач., † 1812 г., т. LXXX, 415.

Самойловъ, Васил. Васил., артистъ, † 1887 г., т. LXXX, 562, 563, 567.

Самойловъ, Васи. Мих., артистъ, р. 1782 г., † 1839 г., т. LXXVIII, 182.

Самойловъ, Серг. Васильев., горный инженер. 1840 г., т. LXXX, 558—568.

Самойловъ, директ. гимназ. въ Симферополѣ 1845 г., т. LXXVII, 618.

Самсоновъ, Гавр. Петр., генер., т. LXXVII, 553, т. LXXVIII, 45.

де-Сантленъ, Яковъ Ив., нач. тайной полиц. въ Спб. 1840 г., т. LXXVIII, 395.

Сангушко, княгиня, т. LXXVII, 519.

Сангушко, князь, т. LXXVII, 596, 597, т. LXXVIII, 107—109.

Сандунова, Елнс. Семен., рожд. Уранова, актриса, р. 1773 г., † 1826 г., т. LXXVIII, 203, 210.

Салъга, князь, т. LXXVIII, 355.

Саранцовъ, майоръ, вилен. полиційм., 1861 г., т. LXXIX, 83.

Сажновскій, полков. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Свиньинъ, Пав. Ив., издат. „Отеч. Записокъ“, † 1839 г., т. LXXX, 584, 585—587, 595.

Севастьяновъ, инж. инж. ген.-м., профес. 1836 г. т. LXXX, 65, 77, 396—398.

Сегюръ, гр.-ня, С. Θ, см. Ростопчина,

Сегюръ, гр., фр. посолъ въ Россіи, т. LXXVII, 172, т. LXXIX, 11, т. LXXX, 284—296.

Сегюръ, гр., Евгеній, т. LXXVII, 172.

Селгвановъ, Александр. Фед., сообщ. „Дѣло о подложной просьбѣ объ увольненіи отъ службы пензенскаго губернатора Филиппа Лаврентьевича Вигеля 1807—1809 г.“, т. LXXIX, 84—88.

Селифонтовъ, Н. Н., сенат., ст.-секр., т. LXXVIII, 571.

Сельванъ, ком. Якутск. п. полк., 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Семевскій, Мих. Ив., тайн. сов., ред.-издат. „Рус. Стар.“, † 1892 г., т. LXXVII, 634, т. LXXVIII, 228—231, 270.

Семенова, Екат. Семен., траг. актр., р. 1786 г., † 1849 г., т. LXXVII, 627—656, т. LXXVIII, 179—212.

Семенова, Нимфодора Семен., драм. актриса и пѣвица, р. 1789 г., † 1876 г., т. LXXVIII, 197.

Семеновъ, Александр. Фед., докт. 1877 г., т. LXXX, 95—112.

Семеновъ, Петръ Петров., вице-през. имп. рус. геогр. общ., р. 1827 г., т. LXXVIII, 103, 229.

Семичевъ, инж. пут. сообщ. 1840 г., т. LXXX, 558, 562.

Семичевъ, полковн. 1829 г., т. LXXIX, 368.

Семьянинъ, генер., нач. штаба южн. арміи 1854 г., т. LXXVII, 159 т. LXXIX, 534.

Сенковская, Аделаида Александр., см. Раль.

Сенковский (бар. Брамбеусъ), Осипъ Иван., проф. Спб. унив., писатель, род. 1800 г., † 1858 г., т. LXXVII, 254, 255, т. LXXX, 302, 305, 314, 315.

Сенъ-При, гр., нач. гл. штаба 2-й арміи 1812 г., т. LXXX, 343, 349, 350, 514.

Сенявинъ, И. Г., т. LXXX, 589.

Серафимъ, митроп. слб-ій, 1826 г., т. LXXVIII, 92, 331.

Сергіи Александровичъ, великій князь, т. LXXVIII, 570, 571.

Сергіи (Соколовъ) еписк., т. LXXX, 429.

Середонинъ, С. М., профес. археол. инст. 1893 г., т. LXXVIII, 570.

Сеславинъ, Александр. Никит., партизанъ, р. 1790 † 1858 г., т. LXXVII, 26, 27.

Сверзь, Ефимъ Христ., ген.-поруч. 1771 г., т. LXXX, 454—456.

Сверзь, гр., ген.-м 1809 г., т. LXXVII 684, 685, т. LXXVIII, 154.

Сверзь, бар. об.-гофмарш. 1766 г., LXXVII, 486, т. LXXX, 121.

Сивотель, полк. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Симоонъ, тобольскій архіеп. 1661 г., т. LXXX, 162—184.

Симишинъ, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 155.

Симолонъ, послан. въ Парижъ 1789 г., т. LXXVIII, 242, LXXIX, 149.

Синельниковъ, т. LXXIX, 335—340.

Синицынъ, надворн. сов. 1844 г., т. LXXIX, 400.

Сипягинъ, ген.-ад., тифлис. воен. губ., † 1829 г., т. LXXIX, 356.

Славронская, гр.-ня, т. LXXX, 415.

Славронскій, гр., 1787 г., т. LXXX, 286, 287.

Сварятинъ, художн.-любит. 1832 г., т. LXXX, 588.

Свобелевъ, ген. 1831 г., т. LXXVIII, 154.

Своропадскій, герцогъ, 1709 г., т. LXXX, 652, 653.

Свябинъ, Аван. Григорьев., подполк. 1840 г., т. LXXIX, 163.

Смуратовъ, Пав. Петров., оф. Преобр. полка 1822 г., т. LXXVII, 639.

Славинскій, М. Е., т. LXXVIII, 84.

Слескинцова, Агаѣя Артемьевна, см. Васильева.

Слескинцовъ, Васил. Артемьев., т. LXXVII, 574.

Слескинцовъ, Фед. Алексѣев., т. LXXVII, 574.

Смирдинъ, Александр. Филип., издатель, т. LXXVII, 253—256, т. LXXVIII, 55.

Смирновъ, шт.-кап. 1840 г., т. LXXIX, 109.

Смирновъ, врачъ 1860 г., т. LXXIX, 587—589.

Смышляевъ, Д. Е., 1811 г., т. LXXX, 338.

Снарскій, Н. Ф., офиц. 1850 г., т. LXXVIII, 620.

Снегиревъ, И. М., археологъ, т. LXXX, 439.

Снелъманъ, сенат. 1863 г., т. LXXVIII, 460.

Собою, инженер. 1836 г., т. LXXX, 78.

Соболевскій, А. И., профес. археол. инст. 1893 г., т. LXXVIII, 570.

- Оболенскій**, инженер. пут. сообщ. 1836 г., т. LXXX, 78.
- Оболенъ**, 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Оймоновъ**, ген.-лейт. † 1855 г., т. LXXVII, 157, т. LXXVIII, 157, т. LXXIX, 515, 517, 530.
- Солдатенковъ**, К. Т., владѣт. картин. галлер. въ Москвѣ, т. LXXX, 594, 597, 598.
- Солнцева**, профес. 1819 г., рект. Каванск. унив. т. LXXVIII, 334.
- Соловьевъ**, Серг. Мих. академ., проф., историкъ, род. 1820 г., † 1879 г., т. LXXVIII, 614, 617, т. LXXX, 647.
- Соловьевъ**, Яковъ Александр., членъ редакц. комис. по составу. Полож. о крест., сенат., † 1876 г., т. LXXVII, 707.
- Сосницкая**, Елена Яковл., рожд. Воробьева, актриса, р. 1800 г., † 1855 г., т. LXXVIII, 208.
- Сосницкій**, Ив. Ив., актеръ, р. 1794 г., † 1871 г., т. LXXVII, 642, 650, 653, т. LXXVIII, 184, 185, 208.
- Сотниковъ**, полковникъ 1831 г., т. LXXVIII, 157.
- Соцъ**, Васи. Ив., старш. пензоръ комитета иностр. цenz. † 1841 г., т. LXXVII, 644.
- Спасошій**, Игнатій Аванасьев., 1830 г., т. LXXVII, 460.
- Сперанскій**, гр., Мих. Мих., р. 1772 г., † 1839 г., т. LXXVII, 23, 29, 107, т. LXXVIII, 261, 262, 265, 321, т. LXXIX, 548, т. LXXX, 317—340, 626.
- Спиридовъ**, адмир. 1805 г., т. LXXVII, 484.
- Спрегпортенъ**, Георгій Магнусъ, шведскій генер. 1787 г., т. LXXVIII, 263, 267, 320—322, 472, т. LXXIX, 3—40, 264.
- Срезневская**, Е. И., т. LXXIX, 545.
- Срезневскій**, Всев. Изм., сообщ.: „Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому 1837—1839 г.“, т. LXXVIII, 377—402, т. LXXIX, 545—562, „Григорій Фелоровичъ Квитка-Основьяненко“, т. LXXIX, 388—392.
- Срезневскій**, Исмаиль Ив., ак., проф., р. 1812 г., † 1880 г., т. LXXVIII, 329, 334, 337—402, т. LXXIX, 388—392, 545—562.
- Стабровский**, А. В., сообщ.: „Воспоминанія муромца объ оборонѣ Севастополя“, т. LXXX, 638—642.
- Стабровский**, Осипъ, шт.-кап. 1855 г., т. LXXX, 641.
- Станиславъ** Понятовскій, кор., см. Понятовскій.
- Станюковичъ**, полков. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
- Старынкевичъ**, тайн. сов., дирек. канц. ст.-секрет. ц. Польск. 1864 г., т. LXXVII, 346.
- Старчевскій**, издат. „Сынъ Отеч.“, т. LXXIX, 486.
- Старчанковъ**, ген.-м. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
- Сташовъ**, Вл. Вас., сообщ.: „Помощникъ Глинки“. т. LXXX, 300—315, „Павелъ Михайловичъ Третьяковъ и его картинная галлерей“, 569—608, упом. т. LXXVII, 211, 616, 617, 620.
- Сташовъ**, архитект. 1834 г., т. LXXIX, 403.
- Сташова**, г.-жа, т. LXXX, 542, 544, 545.
- Стевенъ**, Х. Х., главн. инспект. шелководства 1827 г., т. LXXVIII, 93.
- Стедигъ**, шведск.-послан. въ Спб. 1803 г., т. LXXIX, 238 240, 265.
- Стеценко**, Василий Александровичъ, лейтен. 1854, нинѣ (1893 г.) адм. членъ адмиралт. совѣта, т. LXXVII, 160.
- Стороженко**, ген.-м., вице-презид. г. Варшавы 1831 г., т. LXXVIII, 155.
- Страхова**, Клеопатра Григ., т. LXXIX, 340—343.
- Страховъ**, Александр. Васи., помѣщ. 1839 г., т. LXXIX, 321—339.
- Строгановъ**, гр., Александр. Серг., презид. акад. худож., р. 1734 г., † 1811 г., т. LXXX, 138.
- Строгановъ**, гр., Серг. Григорьев., попеч. Моск. унив. р. 1794, † 1832 г., т. LXXVIII, 401.
- Строгановъ**, гр., харьков. ген.-губерн. 1838 г., т. LXXVIII, 389.
- Струве**, В. Я., астрономъ, † 1864 г., т. LXXVIII, 96.
- Стришневъ**, бояринъ 1670 г., т. LXXX, 426.
- Суворовъ-Рымовскій**, кн. Италийскій, Александр. Васи., генералис. р. 1729, † 1800 г., т. LXXVII, 30, 167, 684, 696 700, т. LXXVIII, 217—224, 251, 448, т. LXXIX, 18, 199, 257, 543, 617, т. LXXX, 299, 323, 346, 415, 416, 630.
- Суворовъ**, Васи. Ив., губернат. 1761 г., т. LXXIX, 617.
- Сулешовъ**, кн., Юрій Яншевичъ, воевода Тобольскій т. LXXX, 164.
- Сулима**, ген.-лейт., ген.-губ. зап. Сибири 1831 г., т. LXXVIII, 154.
- Сумароковъ**, Александръ Петров., писат., директ. имп. театр., р. 1717 г., † 1777 г., т. LXXVII, 291, т. LXXX, 120, 133—135.
- Сумароковъ**, П. П., писатель, т. LXXVIII, 59.
- Сумароковъ**, гр., ген. командиръ гвардейск. корп. 1860 г., т. LXXVII, 34—36, т. LXXX, 257.

Суровцевъ, Никол. Ив., помѣщ. 1826 г., т. LXXVIII, 113, 114.
Сухожанецъ, ген.-м., нач. 4-й артил. див. 1831 г., т. LXXVIII, 156.
Сухожанецъ, прапорщ. 1848 г., т. LXXVII, 317.
Сухтеленъ, гр., ген. 1812 г. т. LXXVII, 96.
Строва, Валентина Семеновна, т. LXXVII, 616.
Строва, Соф. Ник., см. дю-Туръ
Стровъ, Александр. Николаев., композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. LXXVII, 616—624, т. LXXVIII, 81—87, т. LXXX, 300, 311—313.
Сюнкербергъ, Г. О., сообщ.: „Встрѣча съ Суворовымъ въ 1799 г. Изъ записокъ барона Г. М. Армфельдта“. т. LXXVII, 696—700. „Изъ историческихъ записокъ Юанна-Альберта Эренстрема“, т. LXXIX, 1—40, 209—250, т. LXXX, 243—252.

Т.

Таганцевъ, профес., т. LXXVIII, 295, 311.
Талейранъ, Карлъ-Маврикій, кн. Беневентскій, дипломатъ † 1838 г., т. LXXX, 615—628.
Талызинъ, Степ Александр., оф. л-гв. Преображ. полка 1848 г., т. LXXVIII, 42.
Талызинъ, оренбург. губернат., т. LXXIX, 157—162.
Танъевъ, ст.-секрет. 1839 г., т. LXXX, 319.
Танфильскій, кап. 1825 г., т. LXXVII, 442—446, 585.
Тарахановъ, Ив. Никит., подполковн. 1825 г., т. LXXVII, 444—446, 593, 598, 603, т. LXXVIII, 107.
Тарасовъ, Степ. Алексѣев., 1842 г., т. LXXVIII, 400
Татищевъ, С. С., писатель, т. LXXVIII, 376.
Таубе, бар., Ант. Максим., полковн. 1826 г., т. LXXVIII, 120.
Тевкиновъ, чиновн. 1807 г., т. LXXIX, 84—88.
Телешева, Е. А., артистка, 1824 г., т. LXXVIII, 196.
Тенкшевъ, князь, полковн. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
Теребеневъ, М., художн., т. LXXX, 315.
Тимашевъ, Капитонъ Космичъ подполковн. 1835 г., т. LXXX, 154, 155, 156, т. LXXX, 275.
Тимофеевъ, ген.-лейт., 1831 г., т. LXXVIII, 154.

Тимротъ, оф. л-гв. Преображ. полка † 1848 г., т. LXXVIII, 23, 31.
Тихонравовъ, Никита Саввичъ, тайн. сов., профес., академ. 1890 г., т. LXXVIII, 612, 613.
Тихонъ (Малининъ), еписк. воронежскій съ 1775—1788 г., † 1793 г., т. LXXX, 642.
Тихонъ, послѣдн. еписк. суздальск. и юрьевскій, † 1786 г., т. LXXIX, 615—619.
Тихобойнъ, архит. 1783 г., строитель больш. театра въ Спб., т. LXXX, 122.
Толмачевъ, Яковъ Васил., проф. Сиб. ун-в., т. LXXVII, 495, 496
Толстой, Григ. Мих., т. LXXX, 543, 544, 547.
Толстой, гр., Дм. Андр., презид. ак. наукъ, мн-ръ вн. дѣлъ, писатель, р. 1823 г., † 1889 г., т. LXXVII, 573, т. LXXVIII, 569, 572.
Толстой, И. Н., сообщ.: „Моровая язва. Указъ и рескрипты императрицы Екатерины II, т. LXXX, 449—464.
Толстой, Мих. Никол., ген.-лейт., т. LXXVII, 338, т. LXXVIII, 45.
Толстой, Никол. Матвѣев., генералъ 1849 г., т. LXXVII, 338, т. LXXX, 274, 277.
Толстой, Павелъ Львовичъ, т. LXXX, 543.
Толстой, гр. Петръ Александр., посолъ въ Парижъ 1807 г., ген. отъ инф., предсѣд. деп. военныхъ дѣлъ Госуд. Сов., р. 1769 г., † 1844 г., т. LXXVII, 680.
Толстой, гр., Фод. Петров., скульпт., медальеръ, р. 1783 г., † 1873 г., т. LXXVIII, 491, 523
Толстой, Феофилъ Матвѣев. (псевдон. Ростиславъ), писатель, муз. критикъ, † т. LXXVIII, 82.
Толченовъ, актеръ 1822 г., т. LXXVII, 640
Толь, гр., Карлъ Фодор., ген.-ад., р. 1777 † 1842 г., LXXVII, 253, 489, 584, 585, т. LXXVIII, 153, 632, 633, т. LXXIX, 357, 372, 373, т. LXXX, 361, 363, 368, 524, 526.
Толыга, подпор. 1840 г., т. LXXIX, 109.
Толычева, г. жа, т. LXXVII, 2.
Томатисъ, гр-ня, въ зам. Чекина, т. LXXVII, 492.
Тормасовъ, гр. Александр. Петров., ген. отъ кавал., † 1819 г. т. LXXVII, 91, 93, 106, 116, 401, т. LXXX, 347, 350, 355, 356, 371, 500, 506, 512, 522—525.
фонъ Торнау, баронесса, А. Е., см. Дибичъ, гр-ня.

Торнау, бар., ген.-майоръ 1831 г., т. LXXVIII, 156.

Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Ив, инженер., ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXXVIII, 531—550, т. LXXIX, 519, 524, 528, 535, т. LXXX, 109, 420, 611.

Траскивъ, Александръ Семен., фл.-ад. 1845 г., т. LXXVIII, 577, 578, 582, 584.

Траханіотовъ, Петръ Тихон., бояринъ 1648 г., т. LXXX, 433.

Треповъ, Фед. Фед. ген. отъ инфант., спб. градонач. 1860 г. т. LXXVII, 70, 79, 82.

Третьяковъ, Мих. Назар. † 1850 г., т. LXXX, 593.

Третьяковъ, Пав. Михайл., собиратель картинъ, р. 1832 г., т. LXXX, 569—608.

Третьяковъ, Серг. Мих., † 1892 г., т. LXXX, 572—608.

Трофимовичъ, ниж. полковн., проф. 1836 г., т. LXXX, 398, 399.

Троцкий, ст.-секрет., т. LXXX, 330.

Трубачевъ, В. П. т. LXXVII, 345.

Трубецкой, кн., Алексѣй Никитичъ, бояринъ 1661 г., т. LXXX, 184.

Трубецкой, кн., Никита Юрьевичъ, ген.-фельдмарш. 1762 г., т. LXXX, 496.

Трубецкой, кн., Сергѣй Алекс., быв. оф. л.-гв. Преображ. полка, вполн. оберъ-гофмарш., т. LXXVIII, 46, т. LXXX, 256.

Труворовъ, Аскалонъ Никол., сообщ.: „Коронація импер. Екатерины II“, т. LXXX, 487—496, упом. т. LXXVIII, 568—572.

Трусовъ, генер. 1812 г., т. LXXX, 526.

Туманскій, ст. сов., цензоръ 1800 г., т. LXXVII, 248.

Тургеневъ, Александръ Ив, писатель, † 1845 г., т. LXXVII, 525.

Тургеневъ, Александръ Михайл., р. 1772 г., † 1863 г., т. LXXVII, 249—253.

Турчаниновъ, прапорщ. лейбъ-уланъ, † 1848 г., т. LXXVII, 337.

д-о Туръ, Софія Никол., рожд. Сѣрова, т. LXXVII, 616—624

Тутолминъ, Ив. Акинфѣев., сенат., директ. воспитат. дома 1815 г., т. LXXVII, 30.

Тутчевъ, ген.-м. коменд. г. Варшавы, 1831 г., т. LXXVIII, 155.

Тухолва, генер., предсѣд. слѣдств. комис. 1863 г., т. LXXVII, 70.

Тучковъ, Мих. Павл., ген.-лейт., т. LXXVIII, 45.

Тучковъ, Никол. Павлов., ген.-лейт., т. LXXVIII, 45.

Тучковъ, ген. 1812 г., т. LXXX, 367, 368, 501—505.

Тюфалинъ, кн., Петръ Ив., главн. директ. имп. театр. съ 1819—1821 гг., р. 1769 г., † 1845 г., LXXVII, 634.

У.

Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. нар. просв., † 1855 г., т. LXXVIII, 94, 99.

Унгебауръ, Александръ Андр., команд. 50-го егерскаго полка 1825 г., т. LXXVII, 445, 581, 593, 598, 605, 607, 611—615, т. LXXVIII, 107.

Урусова, княж., Варвара Серг., см. Васильева.

Урусовъ, кн., адъют. гр. Кисилева 1829 г., т. LXXIX, 204.

Усларъ, ген.-м. 1860 г., т. LXXIX, 90.

Устряловъ, Никол. Герас., академ. проф., † 1870 г., т. LXXVIII, 614, т. LXXIX, 399.

Ушаковъ, бывш. оф. л.-гв. Преображ. полка 1848 г., вполн. генер., сенат., т. LXXVII, 317, т. LXXVIII, 46, 157, т. LXXIX, 157, 516, т. LXXX, 256.

Ф.

Фабръ, управл. казен. виноградниками 1787 г., т. LXXX, 297, 298.

Федоренко, ген.-м. 1831 г. т. LXXVIII, 155.

Федя, ком. Днѣпровск. п., полков. 1831 г., т. LXXVIII, 157.

Фези, генер. 1842 г., т. LXXVIII, 155, 580, т. LXXIX, 295.

Феноменовъ, профес. акушерства въ Казан. унив. 1891 г., т. LXXX, 105.

Фигнеръ, Александръ Самойл., партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXXVII, 26.

Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митроп. Московскій, р. 1782 г., † 1867 г., т. LXXVII, 121, 494.

Филипповъ, генер. 1850 г., т. LXXIX, 566.

Финдейзенъ, Н. Ф. сообщ. „Новые материалы для биографіи Алекс. Ник. Сѣрова. Письма 1845—1849 гг.“, т. LXXVII, 616—624. „Stabat Mater. А. Н. Сѣрова“, т. LXXVIII, 81—87.

Флери, кардиналъ 1730 г., т. LXXX, 280—282.

Фомъ, генер. 1811 г., т. LXXX, 243.

Фонтоуъ, т. LXXVII, 88, 489.

Фотинскій, О. А., препод. духовн. жен. учил. въ Житомирѣ 1893 г., т. LXXX, 215.

- Фредериксъ**, варшав. об. полицейм. 1864 г., т. LXXVII, 70.
- Фредериксъ**, бар., ген.-майоръ свиты 1831 г. т. LXXVIII, 155.
- Фрейтагъ**, Робертъ Карлов., ген.-м. 1843 г., т. LXXVIII, 588, 599—610, т. LXXIX, 89, 301, 315, 318, 319, 567, 568.
- Фридрихъ-Вильгельмъ**, принцъ Гесенъ-Кассельскій, супр. вел. княг., Алекс. Никол., т. LXXVII, 299—302.
- Фридрихъ**, бывш. оф. л.-гв. Преоб. вполѣдст. посланникъ въ Бельгiи т. LXXVIII, 46.
- Фроловъ - Вагровъ**, д. тайн. сов., т. LXXX, 320.
- Фроловъ**, Ив. Мих., надв., сов. 1826 г., т. LXXVIII, 113, 114, 121.
- Фроловъ**, Никол. Петров., капит. 1848 г., т. LXXVII, 531, 532.
- Фроловъ**, полковникъ 1831 г., т. LXXVIII, 157.
- Фурманъ**, тайн. сов., главн. директ. правит. комис. финансовъ 1831 г., т. LXXVIII, 153.
- Фуругельмъ**, Оттонъ, ген.-лейт., т. LXXVIII, 293.
- Фуссъ**, акад., членъ гл. правлен. уч. 1822 г., т. LXXVIII, 344.

Х.

- Харитоновъ**, ген. 1825 г., т. LXXVII, 444, 593, 605, 607, 612, 614.
- Ханьковъ**, вице-адмир. 1794 г., т. LXXX, 33, 35.
- Хатовъ**, Алекс. Ильичъ, писат., переводч. воен.-истор. соч., р. 1780 г., † 1846 г., т. LXXVIII, 632, 633.
- Хатовъ**, А. И. сообщ. поправку къ ст. „Изъ записокъ стараго преображенца“, т. LXXVIII, 50.
- Хвостовъ**, гр., Дм. Ив., писатель, р. 1753 г., † 1835 г., т. LXXVII, 648, 649.
- Хвощинскій**, Пав. Кесарев., ген.-лейтен., род. 1790 г., † 1852 г., т. LXXVIII, 205.
- Хилковъ**, кн., Ив. Андр. воевода тобольск. 1663 г., т. LXXX, 167—184.
- Хирьяковъ**, уфимск. губ. 1826 г., т. LXXVIII, 118.
- Хлудовъ**, Г. И., собират. картинъ, т. LXXX, 597, 599.
- Хлѣбниковъ**, генер., т. LXXX, 583.
- Хлѣбниковъ**, регентъ Конногвард. полка, 1858 г., т. LXXX, 313, 314.
- Хмельницкій**, Никол. Ив., драмат. писатель, р. 1791 г., † 1845 г., т. LXXVII, 642, т. LXXVIII, 194, 209, 210.
- Ходкевичъ**, графиня, рожд. Щеневская, т. LXXVII, 604.

- Ходкевичъ**, гр., Александръ, польск. вельможа 1825 г., т. LXXVII, 599, 600, 604.
- Хомутова**, А. Г., т. LXXVIII, 59.
- Хомутовъ**, С. Г., т. LXXVII, 2.
- Хомутовъ**, ген.-ад. 1856 г. т. LXXIX, 507.
- Хомяковъ**, Алексѣй. Степ., писат., † 1860 г., т. LXXVIII, 60.
- Храповицкій**, Александръ Васильев., ст.-секрет., † 1801 г., т. LXXVIII, 435, т. LXXX, 132.
- Храповицкій**, Матвѣй Евграфовичъ, ген.-ад. съ 1816 г., с.-пб. воен.-ген.-губерн., р. 1784 г., † 1847 г., т. LXXVII, 305 — 307.
- Христъ**, офиц. 1825 г., т. LXXVII, 442, 445.
- Хрулевъ**, Степ. Алекс., ген.-лейт. 1855 г., т. LXXX, 640.
- Хруцовъ**, ген.-ад., т. LXXVII, 635, т. LXXVIII, 181, т. LXXX, 638.

Ц.

- Центурione**, Пав., генуэзецъ, путешествен. въ Моск. 1519 г., т. LXXVII, 153.
- Цедероскій**, севаст. поруч. польск. войскъ 1797 г., т. LXXX, 389.
- Цицановъ**, кн., т. LXXIX, 579.
- Цуриковъ**, П. Н., сообщ. изъ бумагъ А. Н. Попова. „Славян. заря“, т. LXXVII, 87—120. „Бар. Штейнъ“, 383—404. „Вопросъ польскій“, 667—695, г., LXXVIII, 345 — 376, „Отъ Смоленска до прѣзда Кутузова въ армию“, т. LXXX, 341—371, 497—527.

Ч.

- Чаадаевъ**, ген., 1831 г., т. LXXVIII, 154.
- Чаплевскій**, инспект. воен. оркестр. въ С.-Пб. 1857 г., т. LXXX, 313.
- Чаплицъ**, полк. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
- Чаплыгинъ**, ком. Селенгин. п. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
- Чарторижскій**, кн., Адамъ, мн-ръ иностр. дѣлъ 1806 г., р. 1770 г., † 1861 г., т. LXXVII, 668, 670, 672—676, 680, т. LXXVIII, 265, 347 — 349, 357—369, 497.
- Чебаевскій**, Евг. Гаврил., т. LXXX, 443, 444.
- Чевкина**, см. Томатисъ, гр.-на.
- Чевкинъ**, Констант. Владим., ген.-ад., чл. Госуд. Сов., р. 1803 г., † 1875 г., т. LXXVII, 488—493.
- Чеммаревъ**, полк. 1848 г., т. LXXVII, 541.

Челищевъ, Влад. Егоров., ген.-лейт., т. LXXVIII, 45.
Челищевъ, Никол. Ег., капит. лейб-гвар. Преображ. полка 1849 г., т. LXXX, 246, 263.
Ченодеръ, Ричардъ, капит., т. LXXX, 3.
Черевкинъ, полк. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
Черкасскій, кн. Влад. Александр., чл. редакц. комис., † 1878 г., т. LXXVII, 41, 42, 77, 341—353, 569, 570, 573, 707.
Чересовъ, Псковск. губерн. 1849 г., LXXX, 256.
Черинцевъ, Дм. Ив., ген.-лейт. † 1870-хъ г.г., т. LXXVII, 82.
Чернышевъ, кн. Александр. Ив., ген.-ад., воен. мин., р. 1786г., † 1852 г., т. LXXVII, 3, 4, 180, 390—392, 488—491, 535, 692, т. LXXVIII, 153, 161, 582, LXXX, 14, 223.
Чертковъ, камерг. 1770 г., т. LXXX, 417.
Честилинъ, Гавриилъ Ив., директ. канцеляр. намѣстн. ц. Польскаго 1865 г., сенат. 1893 г., т. LXXVII, 82, т. LXXVIII, 176.
Четыркинъ, чинов. 1831г., т. LXXVIII, 157.
Чижовъ, акад., 1836 г., т. LXXX, 78, 395.
Чидлж, Александръ, пѣвчій при капел. кор. польск. съ 1594—1615 г., авт. „Исторіи Московія“, т. LXXX, 465—479.
Чирковъ, фл.-ад. 1864 г., т. LXXVII, 368, 369.
Чистяковъ, Мих. Борисов., педагогъ-писатель, т. LXXX, 146.
Чихачевъ, Пл. Ал., т. LXXVIII, 96.
Чихачевъ, спб. полиціймейст. 1822 г., т. LXXVII, 627.
Чихачовъ, Вас. Яковл., адмир., р. 1721 г., † 1809 г., т. LXXIX, 217—220.
Чихачовъ, Пав. Васил., адм., морск. мин., р. 1765 г., † 1849 г., т. LXXVII, 2, 87—94, 401—403, т. LXXX, 342, 355, 356.
Чудиковъ, А. Н., издатель „Пантеона русской литературы“ 1888 г., т. LXXVII, 213.

III.

Шабельскій, ген.-лейт. 1831 г., т. LXXVIII, 154.
Шавловскій, Фел., началн. стрѣлецк. приказа 1630 г., LXXVIII, 569.
Шалашиковъ, генер. 1829 г., т. LXXIX, 358.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана,

† 1871 г., т. LXXVIII, 578—610, т. LXXIX, 91—101, 116—124, 289—307, 315—319, 563—589.
Шамшевъ, И., т. LXXVII, 2.
Шапошниковъ, прапорщ. 1825 г., т. LXXVII, 445, 612.
Шатовъ, полков., ком. спб. ул. п. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
Шаховской, кн., Александр. Алсдр., писатель драматургъ, р. 1777 г., † 1846 г., т. LXXVII, 625—627, 635, 637, 640, 642, 651—654, т. LXXVIII, 184—199, 205, 212.
Шаховской, кн. А. И., писатель, т. LXXVIII, 60.
Шаховской, кн. ген.-отъ инф., предсѣд. главн. аудиторіата, 1831 г., т. LXXVIII, 154.
Шварценбергъ, гр., генер. 1812 г., LXXVII, 94.
Шварцъ, полковн., команд. л.-гв. Семен. полка 1820 г., т. LXXVII, 609.
Швенцонъ, Александр. Петров., кап. л.-гв. Преображ. полка, т. LXXVII, 556, 557, т. LXXVIII, 34—36, т. LXXX, 256, 257, 268—270.
Шеняревъ, С. М., т. LXXVIII, 613.
Шеняревъ, Степ. Петр., профес., р. 1806 г., LXXVIII, 395, 559, т. LXXX, 592.
Шелеховъ, Дм. Потапов., драм. писат., р. 1792 г., † 1854 г., т. LXXVII, 652.
Шеллеръ, Александр. Ив., переводчикъ театр. пьесъ 1824 г., томъ LXXVIII, 189.
Шенрокъ, Влад. Ив., сообщ.: „Письма Ишимова и Извединовой по поводу сочиненія Гоголя“, т. LXXVIII, 551—567.
Шенделевъ, Агѣй, полковн. 1660 г., LXXX, 239.
Шереметевъ, генер. 1709 г., т. LXXX, 652.
Шеринваль, Карлъ Анд., генер., т. LXXVII, 538, 552—554, т. LXXVIII, 45.
Шеринваль, Фридрихъ, гельсингфорс. ген.-губернат. 1811 г., т. LXXX, 243, 244.
Шестакова, Людмила Ив., рожд. Глинка, т. LXXX, 314.
Шетардъ маркизъ, фр. послан. въ Россію, т. LXXX, 435—437.
Шидловская, Марья Васильев., пѣвица-любительница 1857 г., томъ LXXX, 312.
Шидловскій, см. Васильевъ-Шидловскій, графъ.
Шильдеръ, Ник. Карлов., ген. лейт., сообщ.: „Переписка императора Александра Павловича съ гр. Ѳ. В. Ростовчинимъ, 1812—1814 г.г., т.

- LXXVII, 173—208; „Къ исторіи царствованія императора Павла Петровича: 1) именной указъ, данный сенату о пропускѣ иностранцевъ въ Россію для торговли, 2) Разсужденіе цензуры по поводу пьесы „Der gedliche Starost“, 3) П. X. Оболяниновъ—Ө. М. Брискорну“, 246—248; „Изъ переписки А. М. Тургенева съ В. А. Жуковскимъ“, 249—253; „Неизданныя письма Д. В. Давыдова—А. И. Михайловскому-Данилевскому“, 253—256; „Записки А. И. Михайловскаго Данилевскаго 1829 г.“, т. LXXIX, 175—207, 356—387; „Къ портрету А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, 208; „Письмо графа Н. П. Румянцова императору Александру 3 января 1813 г.“, 412—413; „Ив. Алекс. Голицевъ. По поводу истекшаго 30-лѣтія его учено-литературной и художеств. дѣят. 1861—1891 г.“, 610—611; „А. В. Никитенко и кн. Алекс. Никол. Голицынъ въ 1824 г.“, 612; „Графъ А. Ф. Мишо де Боретуръ и императоръ Александръ“, т. LXXX, 220—223; „Мысли Д. П. Рунича при погребеніи гр. Сперанскаго“, 321—327; „Талейранъ и императоръ Александръ“, 615—628; упом. томъ LXXVIII, 228, 531.
- Шильдеръ**, Карлъ Андреев., ген.-ад., р. 1785 г., † 1854 г., т. LXXIX, 542.
- Шкижловъ**, Александръ Петров., помѣщ. 1830 г., т. LXXVIII, 568.
- Шкижловъ**, Пав. Алексѣев., зять К. Н. Батюшкова, т. LXXVIII, 52.
- Шкизовъ**, Мих. Ив., ген. м. 1770 г., т. LXXX, 449—464.
- Ширяскій-Шихматовъ**, кн., Платонъ Александр., мин. нар. просв., р. 1790 г., † 1853 г., т. LXXVIII, 92.
- Ширяскій-Шихматовъ**, кн., почит. Виленск. учебн. окр. 1861 г., т. LXXIX, 65, 70.
- Ширяевъ**, Н. Л., сообщ.: „О памятникахъ князю Кутузову-Смоленскому и его сподвижникамъ“, томъ LXXVIII, 216—224. „Памятникъ турецкой войны 1828—1829 г.г.“, т. LXXIX, 403—408; „Аракчеевское помѣстье“, 408—412; „Ахалцыхскій памятникъ“, т. LXXX, 646.
- Шихшовъ**, Александръ Семенов., адм., мин. нар. просв., р. 1763 г., † 1841 г., т. LXXVII, 100, 112—118, т. LXXVIII, 91, 92.
- Шлагель**, Ив. Богданов., лейбъ-мед., 1839 г., т. LXXVIII, 490.
- Шиберъ**, чиновн. дипломатич. канцелярн наместн. ц. Польск. 1863 г., т. LXXVII, 52.
- Шляпкинъ**, И. А., сообщ.: „Берлинскіе матеріалы для исторіи новой русской литературы, т. LXXVII, 221—240, т. LXXVIII, 51—60.
- Шмигтъ**, Александр., майоръ 1813 г., т. LXXVII, 190, 200.
- Шмигтъ**, Антонъ Ив., врачъ 1877 г., т. LXXX, 105—107.
- Шиббертъ**, Дитрихъ, посолъ магистра прус. ордена Альбрехта Бранденбургск. въ Москвѣ 1519 г., томъ LXXVII, 152.
- Шпёреръ**, старш. докторъ Маринск. больницы въ Слб., 1848 г., томъ LXXVII, 337.
- Штегманъ**, ген.-лейт. 1831 г., томъ LXXVIII, 154, т. LXXIX, 196.
- Штейнфельдъ**, финляндск. ген.-губерн. 1811 г., т. LXXVIII, 289, 290, 304.
- Штейнъ**, бар., министр прусск. короля 1812 г., т. LXXVII, 104, 107, 109, 110, 383—404.
- Штемпель**, Никол. Никол., т. LXXIX, 166, 167, 169, 173.
- Штернъ**, началн. рукописн. отдѣленія Берлинск. королевск. библ. 1891 г., т. LXXVII, 221.
- Штофельнъ**, Христоф. Фел., ген.-поруч. † 1770 г., т. LXXX, 450, 451.
- Штофрегенъ**, лейбъ-мед. 1825 г., т. LXXX, 114.
- Штапельбергъ**, бар., 1787 г., томъ LXXX, 287, 288, 295.
- Штапельбергъ**, д. ст. сов., нач. тамож. въ Радзивиля. 1826 г., т. LXXVII, 598.
- Штапельбергъ**, бар., полковн. 1809 г., т. LXXVII, 684.
- Штрандманъ**, полковн. л.-гв. Уланск. полка 1825 г., т. LXXVII, 439, 440, т. LXXVIII, 154.
- Штутцера**, кушечъ 1819 г., т. LXXVII, 705.
- Шуазель**, гр-ня, 1833 г., т. LXXVIII, 131, 133.
- Шубертъ**, Ө. Ө., ген., началн. воен.-топогр. депо, т. LXXX, 305, 315.
- Шубертъ**, арт.-виолончел. 1842 г., т. LXXX, 301.
- Шубертъ**, Софія Александр., рожд. баронес. Раль, т. LXXX, 305.
- Шуваковъ**, гр., Ив. Ив., об.-камергеръ, р. 1727 г., † 1797 г., т. LXXVIII, 449.
- Шуваковъ**, гр., рус. комиссаръ во Франціи 1814 г., т. LXXVIII, 410, 411, 431.
- Шульгинъ**, Виталий, писат.-педагогъ, т. LXXVIII, 613.
- Шульгинъ**, Дм. Ив., слб. ген.-губернат. 1848 г., т. LXXVII, 550, т. LXXVIII, 154.

- Шульгинъ**, Никол. Дм., полковн. 1848 г., т. LXXVII, 550—553, т. LXXX, 266, 267.
Шульцъ, П. А., т. LXXVIII, 229, 231.
Шумахеръ, Александр. Данилов, д. тайн. сов., сенаторъ, р. 1820 г., т. LXXVIII, 228.
Шумский, полковн. 1841 г., т. LXXIX, 105, 107—110.

Щ.

- Щаповъ**, Аванасій Прокофьев, профес., писатель 1860 г., т. LXXVII, 210.
Щебальский, Петръ Карлов, писатель, т. LXXVII, 346—354, 709, 710.
Щеголевъ, прапорщ. 1855 г., т. LXXIX, 507.
Щедринъ, архитекторъ 1848 г., т. LXXVIII, 223.
Щеневская, см. Ходкевичъ, графиня.
Щепкинъ, артистъ, т. LXXIX, 472, 473.
Щербатова, княг., А. А., 1735 г., т. LXXX, 437.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., исторіогр., сенат. р. 1733 г., † 1790 г., LXXVIII, 615.
Щукинъ, П. И., коммерсантъ 1893 г., т. LXXX, 218.

Э.

- Эгеръ**, Марія Франц., въ зам. Казасси, инспектриса воспитанницъ театр. школы, † 1827 г., т. LXXVII, 655.
Эйлеръ, профес. 1790 г., LXXX, 663, 664.
Эксаментовскій, варшавск. плац-майоръ 1825 г., т. LXXVII, 439.
Энгельманъ, оф. л.-гв. Литовск. пол. 1825 г., т. LXXVII, 405, 436.
Энгельмейеръ, Ив. Ив., т. LXXVIII, 52—53.
фонъ-Эмме, Варягагенъ, т. LXXVII, 221.
Эрбахъ, графиня, т. LXXIX, 46.
Эренотремъ, Иоаннъ-Альбертъ, д. ст. сов., р. 1762 г., † 1847 г., его записки, т. LXXIX, 1—40, 209—267, 417—460, т. LXXX, 38—62, 243—252.
Эссенъ, гр., Петръ Кирил., спб. воен. ген.-губерн., р. 1772 г., † 1844 г., т. LXXX, 804.

- Эссенъ**, бар., дивизион. генералъ 1848 г., т. LXXVII, 316, т. LXXIX, 439, 447, 448, 453.

Ю.

- Юефовичъ**, главноуправл. красн. креста 1877 г., т. LXXX, 111.
Юсуповъ, кн., Борисъ Григ., тн. сов. 1758 г., т. LXXX, 645, 646.
Юсуповъ, кн., главн. директ. театровъ 1798 г., LXXVII, 486.

Я.

- Языковъ**, Никол. Мих., писатель т., LXXVII, 255, т. LXXVIII, 115.
Языковъ, П. А., инж. пут. сообщ., профес. 1836 г., т. LXXX, 78, 399, 557.
Яковъ, Л. Г., профессоръ 1815 г., т. LXXVIII, 89.
Яковичъ, профессоръ 1820 г., т. LXXVIII, 335.
Якубовская, Станислава, т. LXXIX, 82.
Яновичъ, ст. сов., директ. главноком. въ ц. Польск. 1831 г., т. LXXVIII, 157.
Яновскій, Н. М., чиновн. почтов. вѣд. 1814 г., т. LXXVIII, 89.
Яносъ, проф., статистикъ, † 1893 г., т. LXXVIII, 99.
Янушевскій, инж.-подполков., профес. 1836 г., т. LXXX, 78, 407.
Ястрембовскій, инженер. 1836 г., т. LXXX, 78, 557.

Ф.

- Федоровъ**, Борисъ Мих., писат., р. 1799 г., † 1875 г., т. LXXVIII, 212, т. LXXIX, 492.
Федоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г., † 1682 г., т. LXXX, 528, 538.
Федоръ Ивановичъ, царь, т. LXXX, 4.
Федотовъ, Пав. Анд., худ. и поэтъ, р. 1815 г., † 1852 г., т. LXXX, 595, 598, 601, 606.
Феоктистовъ, Евген. Мих., начальн. гл. управл. по дѣл. печати 1893 г., т. LXXVII, 347.
Феоктистовъ, профес., 1855 года, т. LXXVIII, 612.
Феофилактъ, Русановъ, еписк. рязанск. 1809 г., экзархъ Грузіи 1817 г., т. LXXVII, 23, т. LXXIX, 599, 601.

при великомъ князѣ Московскомъ Василіѣ Димитріевичѣ и отцѣ его Димитріѣ Донскомъ.

Привѣтствую Макарія (Булгакова, впоследствии митрополита московскаго и колумненскаго), выступившаго въ 1843 г. на ученое поприще своимъ трудомъ *Исторія Кіевской академіи*, Погодинъ принималъ сердечное участіе въ судьбѣ другаго нашего церковнаго историка, преосвященнаго Филарета, въ то время епископа рязскаго и митавскаго; сочувственно относится къ первымъ трудамъ Н. И. Костомарова (XXXI гл.). Въ 1844 году переселился изъ Москвы въ Петербургъ почтенный ученый П. С. Биларскій, сошелся и подружился съ А. А. Куникомъ, въ устройствѣ судьбы котораго Погодинъ принималъ живѣйшее участіе (XXXII).

Въ слѣдующихъ главахъ (XXXIII—XLIV) говорится о дѣятельности Михаила Петровича въ званіи секретаря Общества исторіи и древностей российскихъ, о рѣчахъ Н. Ф. Павлова и С. П. Шевырева, о выходѣ Погодина въ отставку (1844 г.), объ открытіяхъ въ приобретенныхъ отъ Штелина бумагахъ, и о представленіи государю собранія писемъ особъ императорской фамилии. Глава XLV-я посвящена В. В. Григорьеву, въ слѣдующей говорится о вступленіи А. Θ. Бычкова въ должность хранителя рукописей Публичной бібліотеки, въ XLVII-й—о рожденіи и воспитаніи С. М. Соловьева.

1844-й годъ ознаменовался тяжелыми утратами и въ русской литературѣ и наукѣ: 27-го марта скончался, въ Парижѣ, князь Д. В. Голицынъ, 4-го іюня—академикъ Ф. П. Кругъ, а 29-го іюня, въ Неаполѣ, —Е. А. Баратынскій; 9-го ноября, въ Петербургѣ, «переселился въ вѣчность» И. А. Крыловъ. О жизни и дѣятельности этихъ лицъ говорится въ XLVIII—LI главахъ. Въ послѣдующихъ—авторъ говоритъ о диспутахъ К. Д. Кавелина (Погодинъ въ послѣдній разъ присутствуетъ въ качествѣ официального оппонента), Ю. Θ. Самарина; о направленіи «Москвитянина» и переходѣ его къ П. В. Кирѣенскому, о житѣ Самарина въ Петербургѣ, о Д. А. Валувѣ, князѣ В. А. Черкасскомъ и Θ. В. Чижовѣ (LI—LX).

Въ началѣ 1844 года Грановскій снова читаетъ свои публичныя лекціи 22-го апрѣля блистательно ихъ заканчиваетъ. Попытка примиренія западниковъ съ славянофилами (обѣдъ Грановскому) не удалась (и бой,—по словамъ Герцена, —«закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ»), не удалась и попытка московскихъ западниковъ издавать журналъ «Московское Обзорѣніе» (LXI—LXII).

Изъ LXIII-й главы мы узнаемъ о пребываніи С. С. Уварова въ Портьѣ и про-

исходившихъ тамъ чтеніяхъ: И. И. Давыдова—о психологіи и связи ея съ физиологіей, И. Т. Спасскаго—о физиологіи, Д. М. Черевощикова—о собственномъ движеніи солнечной системы, и С. П. Шевырева—о Петрѣ Великомъ и Ломоносовѣ; въ этой же главѣ приведена переписка М. П. Погодина съ И. И. Давыдовымъ по поводу напечатанія Погодинымъ статьи Давыдова «Село Портьѣ въ 1844 г.»—съ исключеніями.

«Во второй половинѣ 1844 г., послѣ публичныхъ лекцій Грановскаго, С. П. Шевыревъ имѣлъ дерзновеніе открыть въ Москвѣ публичный курсъ объ Исторіи русской словесности, преимущественно древней»—такъ начинается Н. П. Барсуковъ LXIV-ю главу. По свидѣтельству Погодина, «избранное московское общество неугомонно собиралось слушать Шевырева. Дворъ университета былъ заставленъ каретами. Лекціи производили большое впечатлѣніе». Успѣхъ Шевырева произвелъ радостное впечатлѣніе на его друзей и славянофиловъ, и причинилъ досаду и озлобленіе въ лагерѣ западниковъ, которые принимали мѣры, чтобы уронить чтенія Шевырева. Язковъ привѣтствовалъ его стихотвореніемъ: «Въ твоихъ бесѣдахъ»...

Въ слѣдующей главѣ говорится о житѣ-бытѣ Язкова въ Москвѣ, его занятіяхъ литературою и стихотвореніяхъ противъ западниковъ («вы, людъ заносчивый и дерзкій»...).

Въ концѣ 1844 года Погодина постигаетъ великое несчастье: 6-го ноября скончалась его супруга, Елизавета Васильевна. Своимъ горемъ Михаилъ Петровичъ дѣлится съ старымъ другомъ М. А. Максимовичемъ, и переноситъ ниспосланное ему испытаніе съ мужествомъ истиннаго христіанина. О душевномъ состояніи Погодина можно судить изъ приведенныхъ отрывковъ его дневника (476—479 стр.)—отъ 29-го ноября по 31-е декабря 1844 г. Въ томъ же году, но нѣсколько ранѣе, 11-го августа скончалась великая княгиня Александра Николаевна. Прочитавъ письмо Жуковского А. Я. Булгакову о кончинѣ ея, Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «прочелъ письмо Жуковского въ „Современникѣ“ и сладко плакалъ». Постигшее Погодина несчастье возбудило къ нему всеобщее сочувствіе. Онъ получилъ массу сочувственныхъ писемъ, между прочимъ, отъ преосвященнаго Анатолія, Н. А. Загряжскаго, Н. В. Гоголя, который къ своему письму приложилъ страничку изъ Іоанна Златоуста; письмомъ В. В. Григорьева, съ разсужденіемъ о суетѣ земной, авторъ заканчиваетъ седьмую книгу повѣствованія о жизни и трудахъ М. П. Погодина.

Н. Н-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Поли-
цейскаго моста, книжный магазинъ **А. Э. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій
Мелье и К^о). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магази-
нахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамон-**
това (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка,
автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1870 г.,	третье изд. (4 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (23 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (21 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (33 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (3 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.

